

*110-летию со дня рождения
одного из величайших экономистов XX века
Николая Дмитриевича Кондратьева
посвящается*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД Н.Д. КОНДРАТЬЕВА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ПИТИРИМА СОРОКИНА – НИКОЛАЯ КОНДРАТЬЕВА
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Н. Д. Кондратьев

**БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ
КОНЬЮНКТУРЫ
И ТЕОРИЯ
ПРЕДВИДЕНИЯ**

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Москва · ЭКОНОМИКА · 2002

УДК 338.1.0
ББК 65.011
К64

*Печатается по постановлению Ученых советов
Международного фонда Н.Д. Кондратьева и
Международного института Питирима Сорокина-Николая Кондратьева*

Редакционная коллегия:

академик РАН **Л.И. Абалкин** (председатель),
д.э.н., академик РАЕН **Ю.В. Яковец** (зам.председателя),
член-корр. РАН **Р.Г. Яновский**,
д.э.н. **Н.А. Макашева**,
к.и.п. **Е.А. Тюрина**,
к.э.н., член-корр. РАЕН **В.М. Бондаренко** (ученый секретарь)

Составитель

д.э.н., академик РАЕН **Ю.В. Яковец**

ISBN 5-282-02181-1

© Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2002
© Абалкин Л.И., введение, 2002,
© Яковец Ю.В., послесловие, составление, 2002
© Макашева Н.А., послесловие, 2002
© Бабаскина И.А., именной указатель, 2002
© Оформление, оригинал-макет
ЗАО "Издательство "Экономика", 2002

ВВЕДЕНИЕ

Николай Дмитриевич Кондратьев — один из выдающихся представителей российской школы экономической мысли конца XIX и начала XX вв. С его именем связаны капитальные исследования в области теории конъюнктуры, закономерностей и показателей ее динамики, обосновании длинных волн экономической конъюнктуры. Он опубликовал ряд серьезных работ по вопросам прогнозирования и перспективного планирования, по аграрным проблемам и статистике.

Однако жизнь жестоко обошлась с судьбой ученого. После разгрома российской экономической школы в 1929 г. труды Н.Д. Кондратьева почти на полвека были изъяты из научной жизни страны. Его имя упоминалось лишь в связи с критикой якобы присущих ему ошибок. И хотя приговор смертной казни был отменен в 1962 г., решение по “делу” Трудовой крестьянской партии было принято спустя лишь 25 лет — в 1987 г. Восстановление памяти о Николае Дмитриевиче стало результатом начавшейся в стране перестройки.

В 1992 г. в связи с празднованием 100-летия со дня рождения Н.Д. Кондратьева был создан Международный фонд его имени. К этому времени на основании постановления бюро Отделения экономики АН СССР о создании Комиссии по научному наследию великого ученого была проделана большая работа по изданию его трудов. В течение 1989–1991 гг. были изданы книги “Проблемы экономической динамики”, “Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции” и “Основные проблемы экономической статики и динамики”.

За десять лет работы Международного фонда Н.Д. Кондратьева регулярно проводятся Кондратьевские чтения, переведены и изданы многие его труды, а также работы по анализу его вклада в развитие отечественной и мировой науки. Регулярно, раз в три года известным ученым России и других стран вручаются золотая, серебряная и бронзовая медали имени Кондратьева за вклад в развитие общественных наук.

Н.Д. Кондратьев не был ученым-одиночкой. Он жил, работал и творил вместе с теми, кто составил честь и славу российской школы экономической мысли. Одновременно с изданием его трудов проводится огромная работа по восстановлению памяти о выдающихся отечественных ученых-экономистах. В

серии работ, осуществляемых по программе “Экономическое наследие”, вышли многочисленные издания трудов его учителя — М.И. Туган-Барановского, работы С.Н. Булгакова, А.А. Богданова, П.Б. Струве, Л.Н. Юровского, А.В. Чаянова. Широкое внимание привлечено и к изучению деятельности Конъюнктурного института, который создал в 1920 г. и возглавлял до 1928 г. Н.Д. Кондратьев. Общественная атмосфера тех лет, творческое взаимодействие ученых-исследователей, сочетание теоретического анализа с обобщением огромного эмпирического материала были одним из главных факторов формирования интеллектуальной элиты российской экономической мысли.

К настоящему времени много сделано по изучению научного наследия Н.Д. Кондратьева. Однако эта работа вряд ли может считаться законченной, поскольку многие нити и связи соединяют высказанные им идеи с тем, что делается сегодня по дальнейшему стимулированию экономического роста России, подъему ее научного, духовного и нравственного потенциала.

В предлагаемой вниманию читателей книге собраны работы автора по большим циклам конъюнктуры и теории предвидения. Среди них находится изданная в 1922 г. в Вологде и ставшая библиографической редкостью книга “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны”. Ее переиздание позволяет уточнить время создания теории длинных волн в экономической динамике. Сегодня ясно, что он сделал это существенно раньше, чем это было принято считать.

Большие циклы конъюнктуры были и остаются до сих пор предметом широкой дискуссии между учеными. И это вполне понятно, если рассматривать их не как некую заданную догму, а как реальный объект научного анализа. Было бы ошибочно считать, что Н.Д. Кондратьев предугадал ход событий с момента создания своей теории до наших дней. Такого предвидения не было ни у А. Смита, ни у К. Маркса, ни у Д. Кейнса. Великие ученые не нуждаются в присвоении им образа пророка.

Переиздание трудов Н.Д. Кондратьева к 110-летию со дня рождения — хороший подарок для исследователей его наследия и для тех, кто искренне увлечен удивительно яркой и многоцветной историей современной экономической мысли.

Л. Абалкин, академик, директор
Института экономики Российской академии наук,
президент Международного фонда
Н.Д. Кондратьева

Часть 1

БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ КОНЪЮНКТУРЫ

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИКИ, ДИНАМИКИ И КОНЬЮНКТУРЫ*

1. Термин *конъюнктура* принадлежит в настоящее время к числу наиболее популярных и употребляется очень часто. Однако необходимо признать, что понятие, обозначаемое этим термином, до сих пор сколько-нибудь точно не определено. Такое положение с термином “конъюнктура” ненормально. Необходимо или установить, что не существует понятия, которое можно обозначать этим термином, и тогда исключить последний из научного употребления, или установить, что такое понятие существует, и тогда достаточно ясно определить его. Мы полагаем, что понятие, которое следует обозначать термином “конъюнктура”, существует, и в данной работе делаем попытку определить это понятие.

Однако, как будет ясно из дальнейшего, понятие конъюнктуры представляет из себя видовое понятие по отношению к более общему, родовому понятию *экономической динамики*. Поэтому определение понятия конъюнктуры предполагает уже определение понятия *экономической динамики*. Но понятие *экономической динамики* в свою очередь можно установить лишь в связи с понятием *экономической статики*. В силу сказанного в целом задача настоящей работы сводится к попытке установить три понятия: *экономической статики*, *динамики* и *конъюнктуры*.

2. Конкретная социально-экономическая действительность, как она дана нам в опыте, изменчива, многообразна и сложна. Эти свойства *экономической действительности* являются основными причинами трудности научного познания ее. И если тем не менее научное познание этой действительности все же возможно и обнаруживает известные успехи, то лишь потому, что наука аналитически разлагает конкретную действительность на более простые и однородные элементы и лишь затем дает их синтез. Всякая научная теория неизбежно связана с указанным упрощением конкретной действительности. То же самое мы

* Доклад в Институте экономики факультета общественных наук I МГУ. Впервые опубликован в журнале “Социалистическое хозяйство”. Кн. 2. 1924. С. 349–372. Публикуется по тексту книги: Н.Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. 1989. С. 48–76. (Прим. сост.)

должны, конечно, сказать и относительно статической и динамической теории экономической действительности.

Ниже мы займемся более подробной и точной характеристикой этих двух видов теоретического подхода к изучению экономической действительности. Пока же дадим самое общее и предварительное представление о них.

Под *статической* мы понимаем теорию, которая рассматривает экономические явления по существу, вне категории изменения их во времени. Наоборот, под *динамической* мы понимаем ту теорию, которая изучает экономические явления в процессе их изменения во времени. В соответствии с этим для статической точки зрения на экономическую действительность особенно характерной является концепция равновесия взаимно связанных между собою элементов этой действительности. Наоборот, для динамической точки зрения наиболее характерной будет концепция процесса изменений экономических элементов и их связей.

3. Руководясь такими предварительными понятиями экономической статики и динамики, мы можем теперь показать, что, с одной стороны, современная экономическая наука имеет по преимуществу статический характер, с другой стороны, она все более приходит к осознанию необходимости развития динамической теории. Краткая характеристика основных направлений экономической науки даст необходимое и достаточное подтверждение выставленному тезису.

Остановимся прежде всего на *физиократах*. Школа физиократов полагала, что существует неизменный естественный порядок явлений мира, как физического, так и социального (L'ordre naturel), и она стремилась найти те постоянные связи и зависимости между элементами социально-экономической действительности, которые свойственны этому естественному порядку. Идея естественного порядка, занимающая такое видное место в учении физиократов, как известно, имела глубокие исторические корни и восходит к стоикам древнего мира. Идея эта имеет явно выраженный статический характер. Правда, физиократы утверждали, что наряду с естественным порядком существует позитивный порядок общественно-экономической жизни (L'ordre positif). Но они рассматривали этот позитивный порядок лишь как ненормальное отклонение от естественного порядка. В центре внимания их учения стоит все же статическая концепция естественного порядка с его элементами и их связями.

Перейдем к *классической школе*. Достаточно присмотреться к учению этой школы, чтобы прежде всего увидеть, что и она не чужда идеи естественного порядка. Правда, мы не находим у нее столь целостного и ясного представления об этом порядке, как у физиократов, но тем не менее и классическая школа сравнительно мало внимания уделяет повседневным меняющимся явлениям экономической действительности. За пеленой их она стремится найти более устойчивые элементы и соотношения их. В центре своего внимания она ставит учение не о конкретной рыночной цене, а о ценности, о естественной цене, о естественном уровне заработной платы, прибыли, ренты и т.п. Этот явный отзвук идеи естественного порядка придает и учению классической школы преимущественно характер статической теории.

Действительно, как подходит классическая школа к исследованию тех основных элементов, о которых мы упоминали? Возьмем за образец построения Д. Рикардо. Он исходит из предпосылки свободы конкуренции и свободы передвижения труда и капитала из одной области народного хозяйства в другую. Он знает, что конкретная цена, действительный уровень заработной платы и прибыли изменчивы. Но его не интересует *процесс* изменения их, *процесс* передвижения капитала и труда. Он убежден, что уровень цен, прибыли, заработной платы и т.д. имеет тенденцию к естественному уровню. Он не исследует *самого процесса* проявления этих тенденций, а исследует народное хозяйство как бы в предположении, что эти тенденции уже завершились и элементы экономической действительности находятся в состоянии естественного уровня и равновесия. Иначе говоря, для его системы является характерной именно концепция равновесия основных элементов.

Вот почему можно считать систему Рикардо в существе статической. Утверждая это, мы не отрицаем, что в учении классической школы и, в частности в учении Рикардо, имеются элементы и динамической теории. Сюда нужно отнести учение о народонаселении Мальтуса, учение Рикардо о влиянии возрастания народонаселения и богатства на уровень ренты, прибыли и т.п. Но тем не менее основной тон классической экономики остается, несомненно, тоном статической экономики.

Обратимся к школе *предельной полезности*. Все основные построения ее носят явно выраженный статический характер. Выдвинув идею предельной полезности, школа утверждает, что цены благ первого порядка будут соответствовать предельным

полезностям их, а цены благ высшего порядка будут определяться ценами благ первого порядка. Она утверждает, что средства производства распределяются по отраслям в соответствии с принципом равенства предельных полезностей тех продуктов, которые производятся в разных отраслях при помощи этих средств производства. Достаточно принять во внимание эти основные положения школы, чтобы видеть, что она обращается преимущественно в плоскости исследования равновесия элементов экономической действительности и совершенно не исследует динамических процессов изменения этих элементов.

Статический характер построения, лежащий в основе учений *австрийской* школы предельной полезности, еще более наглядно выявляется в учениях математического направления теоретической экономики. Математическое направление, руководствуясь по существу теми же идеями, что и австрийская школа, но пользуясь математическим методом изложения, еще более отчетливо и совершенно открыто показало, что оно исследует явления в условиях статического равновесия экономической действительности и почти не исследует динамических процессов этой действительности. Работы У. Джевонса, Л. Вальраса, В. Парето и др. служат ясным подтверждением этого положения. То же по существу надо сказать и о том новейшем направлении теоретической экономики, которое известно под именем *англо-американского* направления и опирается на маргинальный принцип в широком смысле. Работы Дж.Б. Кларка, А. Маршалла, К. Викселя и др. с ясностью свидетельствуют в пользу этого мнения.

Необходимо заметить, что авторы математического и англо-американского направлений не только исследуют по преимуществу явления статического равновесия, но они и методологически осознают статический характер своих исследований. Они сознательно исследуют экономическую действительность со статической точки зрения, с точки зрения равновесия элементов этой действительности, зная, что наряду с этой точкой зрения существует и другая, динамическая точка зрения.

В ряду учений современной экономики гораздо больше внимания уделено проблемам динамики *исторической* школой. Однако историческая школа по самому существу своему не могла дать и не дает теории динамики, замкнувшись по преимуществу в сферу описательного исторического изучения явлений хозяйственной жизни.

Весьма большое место отведено проблемам динамики также и в школе К. Маркса. Его учение о законе концентрации капи-

тала и производства, о тенденции нормы прибыли к понижению, учение об относительном обнищании рабочего класса, о процессе расширенного воспроизводства, о кризисах и др. носят явно выраженный динамический характер. Однако и в школе К. Маркса теория динамики не получила систематического завершения.

Предыдущий беглый обзор позволяет утверждать, что современная теоретическая экономика действительно имеет по преимуществу, хотя и не исключительно, статический характер. Правда, отдельные проблемы динамики, главным образом в связи с проблемой кризисов в экономике второй половины XIX в. и в начале XX в., разрабатывались довольно интенсивно. Достаточно указать на работы К. Жюглара, М.И. Туган-Барановского, А. Шпитгофа, Л. Поле, Ж. Лескюра, А. Афталиона, У. Митчеля и др. Но это были все же отдельные проблемы, и разработка их стоит как бы особняком от общего развития системы экономической теории.

4. Однако, констатируя преимущественно статический характер современной экономической теории, вместе с тем мы должны отметить, что чем дальше, тем определеннее проявляется у экономистов неудовлетворенность одной статической концепцией, тем яснее осознается ими различие между статикой и динамикой и тем единодушнее признается необходимость и возможность динамической теории. Действительно, уже у классиков мы обнаруживали присутствие элементов динамической теории. И если у основоположников классической школы мы не находим сознательного разграничения статики и динамики, то у Милля, давшего синтез построений классической школы, мы находим уже сознательное противопоставление статики и динамики и отдельное рассмотрение той и другой¹. Но и у Милля нет достаточно ясного и полного разграничения экономической статики и динамики.

Позднее, с 70-х гг. прошлого века, проблема статики и динамики начинает выдвигаться все настойчивее и настойчивее. Прежде всего у К. Маркса, а затем и у экономистов других школ. Работая преимущественно над построением статической теории, последовательно останавливаются на проблеме разграничения статики и динамики Джевонс и Вальрас, Кларк, Парето и др. За последнее время еще более настойчиво эту проблему

¹ Милль Дж.С. Основы политической экономии. Т. 3. М.: Прогресс, 1981. — Ред.

ставят Й. Шумпетер, А. Амонн, Г. Кассель, у нас Л.Н. Юровский. Делаются попытки не только показать недостаточность одной статической концепции, но положить начала самой теории динамики, как у Шумпетера и Касселя. В самое последнее время такие экономисты, как П. Струве, идут так далеко, что склонны совершенно отказать от статической концепции как “научной картины экономического мира”¹.

В чем лежат причины этого усиливающегося тяготения экономической мысли от статики к динамике или наряду со статикой и к динамике?

Причины этого нужно видеть прежде всего в природе самой экономической действительности. Она, как мы уже говорили, изменчива и текуча. В силу этого статическая теория, как бы она ни была совершенна, бессильна дать достаточное удовлетворение познавательному интересу к экономической действительности и достаточно полно объяснить явления этой действительности. Статическая концепция проще. Поэтому понятно, почему прежде всего именно она получила развитие. Но когда она достигла известного развития, стали яснее границы и пределы статического исследования. Вместе с тем выяснилась необходимость динамической концепции, которая могла бы восполнить концепцию статическую. Причины этого нужно видеть также в том, что по мере роста культуры и техники темп и значение изменений экономической жизни возрастают. За последнее же десятилетие изменчивость и превратность условий экономической жизни приобрели совершенно исключительную стремительность. Тем самым до последней степени обострилась и практическая потребность ориентироваться в ходе изменений экономической действительности. Потребность эта не могла не передаться и экономической науке и не могла не обострить в ней интерес и к вопросам динамики. Действительно, уже до войны возникает ряд специальных научных институтов, имеющих своей задачей исследование экономической динамики и конъюнктур. За последнее время число таких учреждений значительно возросло. Из существующих в настоящее время укажем на обсерваторию Бебсона, на институт Кальвера, на специальную комиссию при французском министерстве труда, на институт при Кильском университете, на Гарвардский институт, Брюссельский, Женев-

¹ Струве П. Научная картина экономического мира и понятие равновесия // Экономический вестник. Берлин. 1923. № 1. С. 5–26. — *Ред.*

ский институты труда, Римский сельскохозяйственный институт, у нас в России — на Конъюнктурный институт.

5. Итак, потребность выяснения природы и построения экономической динамики в отличие от статики бесспорна и осознана. Но как теоретически провести разграничение между статикой и динамикой? Выше мы наметили предварительное понятие о статике и динамике. Попытаемся теперь в связи с предыдущим беглым обзором построений современной экономики провести это разграничение несколько полнее и глубже и притом по возможности учесть уже высказанные по этому вопросу взгляды авторов. Прежде всего поставим вопрос: можно ли противопоставлять статику явлений их динамике или можно противопоставлять лишь статическую и динамическую точки зрения на явления?

Экономическая действительность динамична по самому своему существу. Мир хозяйственных явлений, говорили мы, текуч и изменчив. Явления хозяйственной жизни могут иногда быть более или менее устойчивыми и как бы приближаться к статическому состоянию. Но, строго говоря, они никогда не бывают в таком состоянии, как нет абсолютного покоя в мире физическом. Отсюда — в действительности существует, в сущности, только динамика явлений. Эта точка зрения является наиболее распространенной, если не общепризнанной. Ее в одинаковой мере принимают и Вальрас, и Дживонс, и Кларк, и Парето, и Шумпетер, и Юровский. И ее следует признать единственно верной. Но если это так, то очевидно, что нельзя серьезно говорить о статических явлениях и нельзя противопоставлять статику явлений их динамике. Если и можно что противопоставлять друг другу, то не статику и динамику явлений, а статическую точку зрения на явления и динамическую, или статику и динамику как теории. В целях исследования экономической действительности к ней можно методологически подходить со статической точки зрения, т.е. рассматривать ее как бы в условиях неизменного статического состояния и искать закономерные связи между ее элементами. Открытие этих связей, несомненно, дает весьма многое для понимания действительности, в особенности если принять во внимание высказанное выше замечание, что при всей изменчивости экономической жизни ее элементы, не находясь никогда в статическом состоянии, все же обнаруживают известную устойчивость. Однако статическая теория *бессильна* *выяснить изменение уровня* экономических элементов, а также механизм и направление их изменения. Вот

почему наряду с ней к экономической жизни можно и должно подходить и с динамической точки зрения, т.е. мыслить ее в условиях процесса изменений.

Выставленный тезис о противополжении статики и динамики ясен, и, как мы сказали, он почти общепризнан. Однако, нам кажется, из него не делается надлежащих выводов, и он не проводится с полной ясностью через построения отдельных авторов. Некоторые из них, как, например, Шумпетер, Парето, Юровский и др., принимая по существу статику как условный методологический прием исследования экономической действительности, в то же время высказывают суждения, которые легко могут дать повод думать, что они считают статические явления за реальность и противоплагают статику явлений их динамике. Некоторые из них, как, например, в первых своих работах Шумпетер, далее Парето и др., утверждают, что статика явлений есть фотография экономической действительности в определенный момент. Но о каком и сколь длительном моменте можно в данном случае говорить? Самая неопределенность понятия момента делает неопределенным и такое понятие о статике. Те же авторы, как Парето, Юровский, указывают далее, что в действительности те или иные экономические явления иногда приближаются к статическому состоянию. Как на пример указывается на единый курс фондовой биржи и на другие явления. Эти указания, как ясно из предыдущего, сами по себе верны, но их необходимо толковать весьма осторожно. Сами эти авторы признают, что устойчивость цены бумаг и других явлений всегда относительна и что она все же подвержена более или менее быстрой, заметной изменчивости. Явления эти только *напоминают* картину статического состояния их. Но для того чтобы действительно рассматривать цену и другие явления как явления статические, необходимо было бы совершенно отвлечься от их изменений, которые могут последовать или уже последовали, и, таким образом, перейти в методологических целях от действительности, как она дана, к мыслимому подлинно статическому состоянию ее. Мы считаем необходимым последовательно проводить выставленное выше положение, что можно говорить и противоплагать не статику и динамику явлений, а статическую и динамическую точки зрения на них.

Чем же отличается первая точка зрения от второй? Статическая точка зрения, как мы уже говорили в начале, исследует явления экономической действительности *вне процесса их изменений* и берет действительность как бы в застывшем состоянии

равновесия элементов. Правда, для того чтобы подойти к выяснению этого состояния равновесия неизменяющихся элементов и их связей, статическая точка зрения может *методологически оперировать* с колебаниями, вариациями элементов. Но она может оперировать этими вариациями не для того, чтобы исследовать реально происходящие динамические процессы и их закономерности по существу, а лишь для того, чтобы показать, что эти вариации и колебания элементов при взятых исходных предпосылках неизбежно ведут к состоянию равновесия, которое фактически только и исследуется. Так поступает Рикардо, когда он, например, заявляет, что норма прибыли стремится к равновесию, а уровень рыночных цен неизбежно колеблется около естественного уровня их, и фактически подвергает исследованию народное хозяйство уже при условии равенства нормы прибыли и соответствия цен их естественному уровню. Так поступает австрийская школа, когда она объясняет механизм ценообразования и представляет, что в конечном счете игры спроса и предложения на рынке установится цена равновесия, которая только и подвергается исследованию. Таким образом, здесь нет исследования процессов изменения, как таковых. Изменения и вариации элементов привлекаются здесь в чисто служебных целях для уяснения понятия равновесия, привлекаются в методологических целях.

Наоборот, динамическая точка зрения рассматривает экономические явления *в процессе изменения экономических элементов и их соотношений* и ищет закономерности в ходе самих изменений. Динамическая теория может и неизбежно будет при этом пользоваться выводами статической теории, представлением о неизменяющемся, постоянном уровне экономических элементов и их равновесии. Но эти представления будут для нее методологически служебными, как для статической точки зрения являются служебными понятия об изменении и вариации элементов.

Отсюда, если для статики основной категорией анализа объекта служит категория неизменяемости, тождественности и в связи с этим концепции статического равновесия и *standard'a* элементов, то для динамики основной категорией будет категория изменения, различия и в связи с этим концепции процесса изменения элементов и их связи. Динамика может пользоваться и концепцией динамического равновесия, т.е. концепцией равновесия изменяющихся элементов.

6. Изложенное понимание статики и динамики далеко не общепринято. Некоторые авторы характеризуют статическую и динамическую точки зрения тем, что первая будто бы рассматривает явления в состоянии *покоя*, а вторая в состоянии *движения*. Мы считаем, что категории покоя и движения не могут быть, строго говоря, применены для характеристики экономической статики и динамики. Верно, что всякое движение есть изменение. Но не верно, что всякое изменение есть движение. Понятие изменения шире, чем понятие движения. Движение является тем изменением, которое связано не только с категорией времени, но и пространства. В отношении экономических явлений в данном случае можно говорить лишь об изменениях, которые связаны со временем. Между тем характеристика статики и динамики категориями покоя и движения влечет за собою с экономической точки зрения ряд ошибочных построений. Рассмотрим одно из наиболее важных.

Некоторые авторы, например Юровский, особенно отчетливо различают статическое состояние хозяйства и стационарное хозяйство. Первое, по их мнению, характеризуется полным покоем, а второе находится в состоянии движения, но установившегося движения. Первое они относят к сфере проблем статики, второе — к области проблем динамики. Такое разграничение нам представляется научно нецелесообразным по следующим соображениям.

Что, собственно, нового представляет из себя стационарное хозяйство в отличие от статического его состояния? В случае стационарного хозяйства объем производства, организация и техника производства, количество и качество потребностей, количество, распределение и состав капиталов и т.д. остаются экономически неизменными. Поэтому если мы возьмем для примера фактически данное народное хозяйство в течение года, то оно не будет стационарным уже по одному тому, что здесь имеют место сезонные виды производства, сезонные колебания цен и т.д. Хозяйство в течение года было бы стационарным лишь при неизменности, непрерывности и устойчивости всех его элементов. Если теперь мысленно мы представим себе такое хозяйство, то будет верно, что оно не знает покоя, потому что процесс хозяйствования, процесс производства, обмена, потребления и др. — все же здесь течет, совершается. В связи с этим в *вещном отношении* здесь, несомненно, происходит процесс изменений. Сегодня перерабатывается одна партия хлопка, завтра другая, третья и т.д. Но какое значение имеет это вещное изменение для

экономического исследования? Разве последнее занимается тем, какие именно партии хлопка перерабатываются и какие партии хлеба потребляются? Его интересует не вещный состав хозяйства, а объем и организация производства, характер потребления и спроса, цены и т.д. Но как раз все эти элементы именно с экономической точки зрения в стационарном хозяйстве согласно условию предполагаются неизменными. В таком случае, какие же новые выводы может дать теория стационарного хозяйства по сравнению с теорией статического хозяйства? Нам кажется, ровно никаких. Нам кажется, что с экономической точки зрения теории статического и стационарного хозяйства неизбежно совпадают. Понятие стационарного хозяйства в отличие от статического есть поэтому плод смешения экономической и технической точек зрения. И вполне прав Кларк, когда он дает образ хозяйства, которое критикуемыми авторами было сочтено стационарным, но которое самим Кларком обозначается как статическое. Вот почему мы вместе с Кларком склонны приравнять теорию стационарного хозяйства к теории чисто статического хозяйства. Таким образом, мы должны отвергнуть попытки характеристики, статики и динамики категориями движения и покоя.

Другие авторы, как Шумпетер в своей последней крупной работе "Теория хозяйственного развития", дают также ошибочное разграничение статики и динамики. Он усматривает место для динамики только там, где есть творческая предпринимательская деятельность, дающая новые комбинации элементов экономической действительности, а место для статики там, где наблюдается господство традиции. Ошибочность такого разграничения состоит прежде всего в том, что здесь Шумпетер противопоставляет собственно не статическую и динамическую точки зрения, а уже статику и динамику явлений, в отличие от того, что он делал в своих первых работах. Ошибочность его, далее, состоит в том, что Шумпетер слишком узко определяет сферу приложения динамической точки зрения. По существу для него динамическая точка зрения приложима только там, где имеются некоторые виды *качественных* изменений в экономической действительности, а именно виды, связанные с инициативой предпринимателей. Но не ясно, почему же мы не можем говорить о динамике там, где наблюдается процесс *количественных* изменений. Наконец, точка зрения Шумпетера теоретически не плодотворна, ибо, связывая сферу динамики с творческой предпринимательской деятельностью, она тем самым заведомо лишает

нас возможности строить теорию динамики. Возможность теории дана лишь там, где есть в каком-либо отношении, в отношении состояния или изменения явлений, их единообразие. Между тем определение Шумпетера как раз исключает это единообразие в области динамики.

7. Разграничив статическую и динамическую точки зрения и выяснив отношение нашего разграничения к другим попыткам, нам необходимо для последующего определения понятия конъюнктуры охарактеризовать виды динамических процессов.

Мы делим их прежде всего на процессы качественных и количественных изменений. В тех случаях, когда элементы экономической жизни или их связи подвергаются изменениям, не исчерпываемым изменением их числа, объема и вообще не сводимым к количественным изменениям, мы говорим о наличии качественных изменений. Сюда относятся, например, изменения в технике производства, в организации хозяйства, в составе и характере общественных потребностей и т.д. Возможно, что в конечном счете все качественные изменения могут быть сведены к изменениям количественным. Но пока мы не в состоянии этого сделать, нет основания отказываться от предложенного разграничения качественных и количественных изменений.

Наряду с этим разграничением нам представляется научно целесообразным установить по другому основанию разграничение динамических процессов на эволюционные (иначе неповторимые, или необратимые) и волнообразные (повторимые, или обратимые)¹. Под *эволюционными*, или необратимыми, процессами мы понимаем те изменения, которые при отсутствии резких сторонних пертурбационных воздействий протекают в определенном и в одном и том же направлении. Как на пример их можно указать на постоянную тенденцию роста населения, увеличение общего объема производства и др.

Заметим, что, называя некоторые динамические процессы эволюционными, неповторимыми или необратимыми, а другие обратимыми, мы совершенно не имеем здесь в виду известного противопоставления идиографической и номографической точек зрения. Все наши построения находятся в плоскости общей теории и не имеют ничего общего с идиографией. Идиографическая точка зрения исключает возможность установления закономерностей. Но когда мы говорим об эволюционном, или

¹ Хотя, как мы увидим ниже, о существовании обратимых процессов можно говорить лишь в относительном смысле.

неповторимом, процессе, то мы не отрицаем возможности установления общей закономерности этого процесса. Процесс этот неповторяем лишь в том смысле, что он, имея определенное направление, не может иметь двух или более звеньев, стоящих на одном и том же уровне или находящихся в одном и том же состоянии. Но это не значит, что не может быть найдена формула, выражающая закон перехода его от одного звена к другому. Примером такой формулы могла бы служить известная формула разветвляющегося ряда $1, 2, 4, 8, \dots, 2^n$ или какая-либо другая. Это не значит также, что процесс этот, сам по себе неповторимый в данном месте и времени, не может с номографической точки зрения повториться в другом месте или в другое время.

Под волнообразными (повторимыми, или обратимыми) процессами мы понимаем те процессы изменений, которые в каждый данный момент имеют свое направление и, следовательно, постоянно меняют его, при которых явление, находясь в данный момент в данном состоянии и затем меняя его, рано или поздно может вновь вернуться к исходному состоянию. Примером таких процессов могут служить процессы изменения товарных цен, процента на капитал, процента безработных и т.д. Действительно, указанные элементы экономической жизни могут изменяться в различных направлениях. Если рассматривать их изменения как *непрерывные*, то процесс этих изменений можно изобразить в виде кривой, направление которой в различные моменты будет различно. Рассматривая такую кривую, легко видеть, что, отправляясь от точки, стоящей на определенной высоте, через некоторое время она может пройти через точку, стоящую на той же высоте. Правда, это будет не та же точка в строгом смысле слова: вторая точка, стоящая на том же уровне, что и первая, будет, однако, отвечать другому моменту времени и, конечно, другой комбинации общих экономических условий в производстве, распределении, спросе, предложении и т.д. Для того чтобы вторая точка в полном смысле совпала с первой, необходимо было бы, чтобы все процессы изменений экономической действительности были обратимы, чтобы они все могли так же развиваться вперед, как и разветвляться назад, — иначе говоря, чтобы к ним была неприменима категория времени. Совершенно очевидно, что такой абсолютной обратимости в экономической жизни нет, что в ней есть по крайней мере некоторые заведомо необратимые процессы. И поскольку все процессы ее взаимно связаны между собой, поскольку мы будем брать каждый отдельный процесс по связи с другими, и в том числе необратимыми, постольку в каждый новый момент времени мы будем

иметь в том или ином отношении новую комбинацию условий, постольку мы должны были бы признать, что все процессы экономической жизни необратимы. Но в таком случае мы должны были бы на тех же основаниях признать, что необратимы и все процессы изменений природы. Однако предыдущие замечания позволяют отвергнуть лишь мысль об абсолютной и всеобщей обратимости. Действительно, как бы то ни было, мы не можем отрицать существенного различия между теми процессами, при которых явления без вмешательства пертурбационных факторов, хотя бы и в другой момент времени и при иных общих условиях, могут оказаться на прежнем уровне, и теми процессами, при которых явления не могут оказаться на том же уровне.

Если первую серию процессов мы возьмем как таковую, отвлекаясь от второй серии процессов, то первая серия их может быть названа обратимыми процессами. Говоря об отвлечении от второй серии, мы, конечно, не утверждаем, что в действительности те и другие процессы протекают раздельно и независимо. Мы признаем лишь их принципиальное различие и говорим о разделении в порядке научного анализа. Чтобы подчеркнуть эту мысль, было бы правильно поэтому говорить не об абсолютно, а об относительно обратимых процессах в экономической жизни.

Итак, в относительном смысле мы можем говорить об обратимых процессах изменений элементов экономической жизни.

8. Идеи необратимых и обратимых процессов, так же как и идеи статики и динамики, принадлежат, в сущности говоря, естествознанию в узком смысле слова, физике¹ и химии²; идеи эти имеют в них очень большое значение.

Возникает вопрос: правомерно ли перенесение этих идей в экономику, и переносятся ли здесь только термины или и самые понятия? На первый вопрос при вдумчивом отношении едва ли можно дать иной ответ, кроме положительного³. Перенесение

¹ Хвольсон О. Курс физики. В 5-ти томах. Т. III. 3-е изд. Гл. VII. Термодинамика. С. 384. и след.; Plank M. Physikalische Rundblicke. Leipzig, 1922. S. 1-21, 40-43, 125-126.

² Ср.: Оствальд В. Принципы химии. Пер. с нем. А. Генерозова, Н. Ряховского. М., 1910. С. 38, 156-158.

³ И если некоторые авторы, как, например, Н. Осинский (ср. его статью, направленную против нас: *Мировое хозяйство и кризисы // Социалистическое хозяйство*. 1923. № 6-8), в пылу полемики категорически отрицают это, то во всяком случае без серьезных оснований. Вся критика Н. Осинского в этой части основана на каком-то сплошном недоразумении, непонимании вопроса и терминологических придираках. К сожалению, мы не можем останавливаться на критике Осинского здесь, тем более что статья его еще не окончена.

той или иной идеи из одной науки в другую не может оспариваться, если оно научно плодотворно. Раз оно плодотворно, значит, оно и правомерно, так как никакого иного критерия для решения этого вопроса нет и быть не может. Факты такого перенесения имеются, и они подтверждают высказанную мысль. И притом особенно многочисленны случаи перенесения идей из области общественной жизни и обществоведения в область естественных наук. Вспомним об идеях и терминах: закон, сила, принцип экономии, ценность и др. Мы знаем, что эти заимствования, если не всегда, то в большинстве случаев, были научно плодотворны. Поэтому едва ли кто будет возражать против их правомерности. И если в экономике мы еще со времен Милля пошли на заимствование идей статики и динамики, то непонятно, почему нельзя было бы расширить и сферу применения идей обратимых и необратимых процессов.

Обращаемся ко второму вопросу. Чтобы правильно ответить на него, необходимо помнить, что заимствование терминов из других наук почти всегда сопровождается большей или меньшей модификацией понятий: или их расширением, или уточнением, или радикальным изменением. В данном случае мы переносим не только термины, но и понятия, расширяя их, но не лишая обычного общего смысла. Действительно, согласно сказанному выше мы также не можем говорить об абсолютно обратимых процессах в природе, как и в экономической жизни. Там и здесь речь идет лишь об относительно обратимых процессах. Далее, там и здесь обратимый процесс в чистом виде, хоть бы и в относительном смысле, фактически дан лишь в большей или в меньшей степени приближения¹. Там и здесь, наконец, с идеей необратимых и обратимых процессов связано представление о возможности или невозможности повторения раз бывшего состояния тел, элементов или их системы. И все различие в том и другом случае принципиально сводится лишь к тому, что в физике и химии мы имеем дело с состоянием одного и того же субъекта в вещном смысле, чего нет в экономике. Если мы говорим, что качание маятника — процесс обратимый, то речь идет в каждом случае об одном и том же в вещном смысле маятнике, хотя, строго говоря, это и не совсем точно. Такого тождества вещного субстрата, о состоянии которого идет речь, нет в экономике. Если мы говорим, что изменение цен есть процесс относительно обратимый, то мы утверждаем только, что

¹ Ср.: Хвольсон. О. Цит. соч. С. 389.

уровень цен, равный в известный момент А, через известный промежуток времени может оказаться тем же или приблизительно тем же. Мы знаем, что во второй момент по этой цене покупаются экономически те же, но вещно иные товары, что эта цена выплачивается персонально иным лицам, и т.д. Однако это отсутствие тождества вещного субстрата, о состоянии которого идет речь, не может служить достаточным аргументом против применимости понятий обратимых и необратимых процессов в экономике. Если здесь нет тождества вещных субстратов, то есть тождество экономических явлений цены, процента и т.д. И так же, как различие физических и химических наук не мешает распространять понятие обратимых и необратимых процессов на обе изучаемые ими категории явлений, различие объекта физико-химических и экономических наук не может служить препятствием для расширения этого понятия до применения его к явлениям социально-экономическим. Иначе говоря, понятие обратимых и необратимых процессов в экономике мы можем рассматривать как частный случай более общего понятия о них.

9. Мы рассмотрели основные виды динамических процессов. Возьмем теперь экономическую действительность товарно-капиталистического общества и ее элементы и посмотрим, каким из указанных процессов изменений какие ее элементы подвержены? Почти все экономические элементы, взятые в отдельности, а следовательно, и в целом, подвержены как качественным, так и количественным изменениям. Но в то время как для одних элементов, например для организации хозяйства, техники производства, потребностей и др., качественные изменения будут иметь столь же большое значение, как и количественные изменения, для других элементов, как цена, учетный процент, рента и т.д., основное значение будут иметь количественные изменения. Значение качественных изменений здесь выступает преимущественно лишь тогда, когда меняется сама природа этих элементов, например когда цена из вольной становится установленной или из рыночной — монопольной.

Выясняя далее отношение экономических элементов и их совокупности к необратимым и обратимым процессам, необходимо иметь в виду следующее. Взятая в целом экономическая действительность представляет из себя как бы целый поток непрерывных и многообразных качественных и количественных изменений. Так как в ней имеются хотя бы некоторые элементы, описывающие кривую необратимого процесса изменений, то и в целом процесс экономического развития представляется процессом необратимым. Мы можем утверждать, что процесс развития

всякого данного народного хозяйства, протекая во времени, никогда не бывает более одного раза на одном и том же уровне, или на одной и той же стадии. Народнохозяйственный процесс в целом представляется необратимым процессом перехода с одной ступени или стадии на другую. Поэтому и проблема изменений народного хозяйства в целом есть прежде всего проблема ступеней его развития.

Но раз в целом народнохозяйственный процесс развития есть процесс необратимый, то, значит, непрерывно и необратимо меняются общие народнохозяйственные условия для хода изменений и каждого отдельного элемента народного хозяйства. Поэтому, как мы и говорили, в абсолютном смысле ни один элемент народного хозяйства, рассматриваемый по связи со всей совокупностью хозяйственных условий, не может обнаруживать обратимого процесса.

Однако нетрудно видеть и понять, что характер изменений отдельных элементов, как таковых, или элементарные процессы изменений экономической среды настолько различны, что представляется научно целесообразным разбить элементы во всяком случае на две группы. Если рассматриваемые по связи со всей совокупностью народнохозяйственных условий в абсолютном смысле все элементы проходят необратимый процесс, то рассматриваемые аналитически в отдельности, они не могут быть все отнесены к числу способных лишь к необратимым изменениям. Если отвлечься от мысли о необратимости народнохозяйственного процесса в целом, то легко видеть, что целая группа экономических элементов, прежде всего ценностных, как, например, товарные цены, процент на капитал, заработная плата и др., и натуральных, как процент безработных, количество банкротств и т.д., обнаруживают волнообразные, обратимые процессы изменений.

Изменения других элементов, как количества населения, размеров производства, объема товарооборота, запасов капиталов, уровня потребностей, уровня техники и др., имеют сложное строение, они во всяком случае состоят из двух компонентов. Первый компонент — это их общий рост и развитие, второй — скорость или темп этого роста и развития. При ближайшем рассмотрении имеющегося фактического материала оказывается, что тенденция общего роста и развития их представляет из себя — по крайней мере в доступный нашему анализу период времени — необратимый процесс, который может оборваться или сделать зигзаг лишь под влиянием пертурбационных факторов и катаклизмов космического или социального характера.

Наоборот, темп этого роста и развития описывает волнообразную кривую и является сам по себе процессом обратимым.

Это различие природы изменений отдельных элементов хозяйственной жизни бесспорно и вместе с тем оно настолько существенно, что только при учете его можно понять характер динамики экономической жизни. Действительно, наличие элементов, подверженных необратимым тенденциям, вполне объясняет, почему народнохозяйственный процесс в целом необратим, неповторим и дает картину непрерывной эволюции. С другой стороны, констатирование элементов и их компонентов, подверженных волнообразным, обратимым изменениям, дает возможность понять колебания, которым подвержено народное хозяйство в целом в процессе его эволюции. Народнохозяйственный процесс эволюции в конкретном виде, конечно, един. Но отказаться от предложенного разграничения элементарных процессов изменения и классификации элементов в связи с их отношением к этим процессам значило бы отказаться от научного анализа конкретной действительности и от ее понимания. Наука тем и отличается от обыденного не критического и конкретного познания, что она, разлагая сложную действительность на более простые составные части, находит закономерные связи и правильности течения явлений, недоступные для обыденного мышления. Мы сознаем сложность конкретной изменяющейся экономической действительности. Но, желая глубже понять ее, мы можем сделать предметом изучения в теории динамики специально обратимые или необратимые процессы или те и другие вместе, но без смешения их. Несомненно, что при изучении и объяснении обратимых процессов мы должны учитывать наличие и свойства процессов необратимых, и наоборот. Но это несколько не колеблет необходимости их разграничения. Исследуя превращение различных видов энергии, физик должен иметь в виду второй закон термодинамики. Но из существования закона энтропии вовсе не вытекает, что не существует проблемы превращения энергии.

10. Мы не имеем в виду заниматься здесь изучением необратимых процессов, как таковых. Однако заметим, что изучение их представляет из себя весьма интересную и плодотворную задачу. Оно будет изучением эволюции народного хозяйства в целом и отдельных его элементов с одной стадии на другую. Оно будет изучением изменения организации хозяйства, его качественного развития и количественного роста. Такое изучение может вестись как при помощи конкретного описательного ме-

тогда, так и при помощи абстрактного метода. Примером такого абстрактного исследования необратимых процессов нужно признать, например, построение хозяйства с расширяющимся воспроизводством, какое мы находим в схемах К. Маркса, Туган-Барановского, или равномерно развивающегося хозяйства у Касселя.

11. Наше преимущественное внимание в данной работе привлекают обратимые процессы, так как только по связи с ними мы можем определить понятие конъюнктуры. Как мы уже указывали, термин “конъюнктура” пользуется в настоящее время широким распространением. Он широко употребляется в германской экономической литературе, но встречается и в английской, и в американской.

Переходя к определению понятия конъюнктуры, интересно прежде всего кратко остановиться на имеющихся главнейших попытках определения его. Впервые термин “конъюнктура”¹ а был брошен, по-видимому, Ф. Лассалем в его полемической работе против Ф. Шульце-Делича. Говоря об общественных взаимоотношениях, сближая их с мифической цепью Орфея, о которой пели древние последователи Орфея, Лассаль комментирует далее, как преломляется понимание этих общественных взаимоотношений у людей современного меркантильного мира. “Эта связь взаимоотношений, эта цепь, связывающая воедино все существующие неизвестные обстоятельства, — пишет он, — называется в нашем меркантильном мире конъюнктура (Konjunktur — сочетание обстоятельств)”². Таким образом, понятие конъюнктуры отождествляется здесь с представлением о связной совокупности всех существующих неизвестных общественных обстоятельств, окружающих человека меркантильного мира. Лассаль довольно удачно схватил в своей формуле некоторые черты понятия конъюнктуры. Однако он придал ему совершенно растяжимое и негодное для научного употребления определение. Он придал ему слишком широкий и неопределенный смысл.

Так же широко и неудовлетворительно определено оно и у А. Шеффле. Он отождествляет конъюнктуру с совокупностью непредвидимых и независимых внешних воздействий, которым подвергается действующий субъект в каждый данный момент.

¹Röpke W. Die Konjunktur. Ein systematischer Versuch als Beitrag zur Morphologie der Verkehrswirtschaft. Jena: Fischer, 1922. S. 1.

²Лассаль Ф. Капитал и труд. Спб., 1906. С. 31–32.

Не можем мы признать удовлетворительным и то представление о конъюнктуре, которое дает А. Вагнер. Он понимает под конъюнктурой совокупность технических, экономических, социальных и правовых условий, которые в народном хозяйстве, основанном на разделении труда и частной собственности в отношении вещных средств производства, определяют собою производство благ для обмена, определяют их спрос и предложение, а вследствие этого и их ценность, в особенности меновую ценность и цену, и при этом определяют их, как правило, совершенно независимо от воли и усилий хозяйствующего субъекта и независимо от индивидуальных издержек, требующихся для создания каждого конкретного блага. Достаточно привести это длинное и неуклюжее определение, чтобы видеть, что оно непригодно для научного употребления в силу крайней расплывчатости, неясности и широты.

Гораздо более удовлетворительным нам представляется понимание конъюнктуры В. Зомбартом. В работе, посвященной классификации хозяйственных кризисов, Зомбарт пришел к выводу, что кризис, как таковой, не может быть предметом особой теории¹. Теория кризисов, по его мнению, должна замениться более общей теорией — теорией конъюнктуры. Под конъюнктурой же он понимает ту форму движения капиталистической экономической действительности, которая выражается в смене состояния экспансии и упадка. Однако несмотря на значительный шаг вперед, который делает Зомбарт, его определение все же нельзя принять. Во-первых, потому, что понятия экспансии и упадка сами по себе неопределенны и не могут служить признаком понятия конъюнктуры. Во-вторых, потому, что понятие конъюнктуры у Зомбарта охватывает лишь частный случай явлений конъюнктуры, а именно: случай промышленно-капиталистического цикла. Между тем принципиально такое сужение понятия, как будет ясно ниже, обосновать нельзя.

В самое последнее время В. Репке в специальной работе² определил конъюнктуру как отношение спроса и предложения на рынке, которое подвержено постоянным изменениям и трудно поддается учету и воздействию. Это представление о конъюнктуре гораздо более узко и определено, чем все предшествующие. Однако едва ли и оно удовлетворительно с научной точки

¹Sombart W. Versuch einer Systematik der Wirtschaftskrisen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen — Leipzig. 1904. N 1. S. 1—21.

²Röpke W. Op. cit. S. 9.

зрения. В самом деле, что значит изменчивые соотношения спроса и предложения? Это будет просто другое выражение изменчивости цены. В таком случае понятие о конъюнктуре вполне сводится к понятию об изменении цены. Но если это так, то мы не видим никакого основания для введения нового понятия конъюнктуры, когда существует другое, уже установившееся и удовлетворительное понятие цены и ее изменения¹. Это во-первых. Во-вторых, не ясно, почему автор ограничивает сферу конъюнктурных явлений только соотношением спроса и предложения. Такое ограничение совершенно не соответствует данным учения о конъюнктуре, как оно сложилось в науке фактически. Между тем изучение конъюнктуры в некоторых частях получило значительное развитие, и не считаться с ним нельзя.

Мы не имеем в виду дать исчерпывающий обзор попыток определить понятие конъюнктуры. И в заключение отметим еще лишь одну, явно скороспелую попытку разрешить вопрос о понятии конъюнктуры. Н. Осинский в двух статьях дает два определения конъюнктуры, в более широком и в более узком смысле. В первом смысле он утверждает, что “конъюнктура есть повседневная пульсация капиталистического организма”. Говоря о ней во втором смысле, он определяет ее как “колебание, пульсацию внешней оболочки капиталистического аппарата”². Мы полагаем, что в данном случае перед нами пример, как вообще не следует определять понятия в науке. Действительно, что, собственно, поясняют обывательские термины “пульсация” и “внешняя оболочка”? Ровно ничего. Н. Осинский понимает под “оболочкой” сферу рынка. Но эти выражения “оболочка” и “пульсация” не более чем метафора. Оба они совершенно негодны как определяющие термины. Почему бы в таком случае нам не удовлетвориться в определении капитала, например, выражением: капитал — это курица, несущая золотые яйца, а в определении металлических денег — выражением “золотой телец” и т.п. Определение Н. Осинского напоминает выражение Зомбар-

¹ Заметим, что в работе М.А. Буятыча “Экономические кризисы. Опыт морфологии и теории периодических экономических кризисов и теории конъюнктуры” (М., 1915) мы находим открытое отождествление понятия конъюнктуры с понятием общего движения цен. Ясно, что по существу автор тем самым упраздняет понятие конъюнктуры.

² Осинский Н. Мировое хозяйство и кризисы // Социалистическое хозяйство. 1923. № 6-8; Мировое хозяйство в оценке наших экономистов // Красная повесть. 1923. Кн. II. С. 192-193.

та, но стоит неизмеримо ниже его по своей научной ясности и годности.

Итак, предыдущий обзор приводит нас к заключению, что пока у нас нет удовлетворительного определения понятия конъюнктуры. Поэтому приходится еще раз повторить: или мы должны вложить в это понятие достаточно определенное содержание, или должны отказаться от этого термина и признать его обывательским. Мы полагаем, что понятие конъюнктуры может быть наполнено определенным содержанием и потому должно быть сохранено в экономической науке.

12. Подходя к его выяснению, необходимо иметь в виду, что речь идет о народном хозяйстве, построенном на началах рыночного обмена. В этих условиях рынок с его системой цен выступает в качестве центрального узла, связывающего между собою отдельные хозяйствующие единицы. Рынок определяет успех и неуспех хозяйственной деятельности этих единиц. Легко далее видеть, что бывают периоды в экономической жизни, которые оказываются благоприятными для развития предпринимательской и вообще хозяйственной деятельности. Выбрасываемые на рынок товары находят сбыт на основе повышающихся цен. В эти периоды хозяйственная деятельность получает особое напряжение. Напряжение это выражается в расширении производства и усилении торгового оборота, в укреплении положения отдельных предприятий и т.д. Усиление напряжения хозяйственной жизни можно наблюдать как на отдельных хозяйствах, так и на всем народном хозяйстве.

Бывают, наоборот, периоды, когда хозяйственная деятельность встречает объективные препятствия для своего развития. Сбыт товаров затрудняется, доходы понижаются, напряжение хозяйственно-предпринимательской деятельности ослабевает. Это ослабление напряжения опять-таки легко обнаруживается как в жизни единичных хозяйств, так и во всем народном хозяйстве. Короче говоря, бывают периоды, когда "стечение обстоятельств" благоприятно для развития хозяйственной жизни и наоборот, когда оно бывает неблагоприятно. Это указание на смену более или менее благоприятного "истечения обстоятельств" приводит нас вплотную к понятию конъюнктуры. Мы склонны видеть экономическое содержание понятия конъюнктуры не в чем ином, как в той совокупности обстоятельств, которая обнаруживается благодаря рынку, от которой зависит и в которой выражается подъем или упадок напряжения частно- и народнохозяйственной жизни. Так же как понятие конstellации в астрономии и других науках указывает на

стечение объективно данных условий, так и понятие конъюнктуры указывает на стечение обстоятельств, от которых зависит и в которых проявляется успех хозяйственной деятельности. И весь вопрос заключается в том, чтобы возможно точно указать, о каких обстоятельствах идет здесь речь, и как определить благоприятность и неблагоприятность их стечения.

Мы говорили выше, что в благоприятный период хозяйственной жизни наблюдается повышение цен, расширение производства, расширение товарных оборотов, повышение доходов и т.д. Наоборот, в неблагоприятный период наблюдается как раз обратное изменение этих элементов. Эти положения вполне основаны на данных и выводах современного эмпирического учения о ходе изменений хозяйственной жизни. Указанное согласованное колебание изменений экономических элементов не является случайностью. По всем данным нашего современного экономического знания они обуславливаются тесной связью соответствия этих элементов. Многочисленными работами по теории кризисов установлено, что между колебательными изменениями отдельных элементов существует тесная прямая или обратная связь. Когда наблюдается повышательная тенденция одних элементов, то обязательно наблюдается повышательная или понижательная тенденция других. Эта закономерная связь изменения элементов осуществляется благодаря рынку. При этом отмеченную обратную связь элементов легко методологически превратить в прямую.

Исходя из сказанного, мы можем утверждать, что объективно смена благоприятного и неблагоприятного стечения обстоятельств есть в то же время неизбежно и колебательное изменение совокупности элементов хозяйственной жизни. Это колебательное изменение элементов представляет из себя лишь иную *объективную форму* выражения смены благоприятных и неблагоприятных условий хозяйственной жизни и деятельности. Но выше мы видели, что это колебательное изменение их есть, с другой стороны, не что иное, как проявление обратимых динамических процессов изменения этих элементов. Таким образом, в поисках определения понятия конъюнктуры мы наталкиваемся на естественную связь его с обратимыми процессами.

Для более ясного выражения сказанного возьмем два момента времени. В каждом из них возьмем все те элементы народнохозяйственной жизни, которые являются конститутивными и потому характерными для хода этой жизни, причем мы можем брать элементы как в их количественной, так и в качественной характеристике. Возьмем элементы последующего момента в

отношении или в сравнении их с положением тех же элементов в предшествующий момент. Ясно, что это отношение или сравнение выразит нам *направление* изменения элементов и их совокупности за интересующий нас промежуток времени. Путем простых выкладок мы можем придать всем отношениям и сравнениям однозначное выражение, т.е. обратные показатели превратить в прямые. Если направление в итоге будет характеризоваться как повышательное, мы можем экономически утверждать, что наблюдается улучшение стечения обстоятельств. Наоборот, если это отношение или сравнение будет указывать на понижающее направление изменения элементов, в таком случае мы можем говорить об ухудшающемся стечении обстоятельств. Отсюда видно, что в каждый данный момент отношение состояния элементов экономической жизни к их состоянию в предшествующий момент будет совершенно объективно и точно характеризовать стечение обстоятельств, благоприятных или неблагоприятных для хозяйственной жизни.

Изложенное можно иллюстрировать следующей схемой¹.

Элементы	I момент	II момент	Отношение или сравнение I и II моментов
1. Количественно выраженные:			
Средний уровень цен	80	90	112
Учетный процент	4	5	125
Торговый оборот	900	1000	111
Прирост производства чугуна	100	114	114
Прирост производства хлопчатобумажных тканей	50	60	120
% безработных	6	5	120*
И т.д.			
2. Качественно выраженные:			
Положение на товарном рынке	Вялое	Оживленное	Улучшение
Положение на фондовой бирже	Спокойное	Повышательное	Улучшение
И т.д.			

*Показатель обращенный.

¹ Цифры взяты совершенно условно. Мы даем элементы как в количественном, так и в качественном выражении, чтобы подчеркнуть, что конъюнктура характеризуется как количественными, так и качественными признаками. Практически в большинстве случаев общее представление о состоянии конъюнктуры можно получить и на основе одной количественной характеристики.

Учитывая направление изменения отдельных показателей и их совокупности и принимая во внимание экономический смысл каждого изменения, из приведенной схемы легко заключить, что наблюдается улучшение условий хозяйственной жизни и деятельности.

Фактически при анализе подобных схем мы можем, конечно, столкнуться с более сложными случаями — со случаями, когда, например, одни показатели будут говорить о значительном улучшении, а другие — об очень слабом и т.д. Однако было бы ошибкой думать, что такие случаи будут свидетельствовать о невозможности сделать какое-либо умозаключение о направлении изменения условий хозяйственной жизни. Они говорят лишь о том, что при анализе данных мы должны обращать внимание не только на знак изменения показателей, но и на степень и солидарность их изменения. Каждому сочетанию всех этих признаков происходящего процесса будут отвечать определенное состояние условий хозяйственной жизни и характеристика их. В целях упрощения анализа данных мы не видели бы принципиальных препятствий при соответствующих методологических предосторожностях для сведения количественных показателей в единый показатель конъюнктуры. Действительно, если при отсутствии внешних исключительных пертурбационных воздействий мы можем исходить из идеи взаимной и однозначной связи изменений элементов, то мы должны считать изменения их за соизмеримые. В таком случае в каждый данный момент они могут быть сведены к их средней величине. Однако не будем входить здесь в разбор вопроса о таком показателе по существу. Заметим лишь, что положительное или отрицательное решение вопроса о возможности построения его не колеблет значения предлагаемых положений.

Теперь мы можем дать общее определение конъюнктуры. *Под экономической конъюнктурой каждого данного момента мы понимаем направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом.* Совершенно ясно, что для каждого момента будет более или менее своя конъюнктура. Если мы возьмем последовательный ряд таких моментов, сравнивая каждый последующий с предыдущим или каждый последующий с одним исходным предыдущим, то получим ряд отношений для каждого элемента, или, иначе, получим систему кривых. Совокупность этих кривых в их взаимной связи и будет характеризовать собою кривую хода конъюнктуры.

Таким образом, понятие конъюнктуры построено нами в связи с колебательным изменением элементов хозяйства и их совокупности. Ясно поэтому, что *кривая* конъюнктуры будет кривой обратимых процессов и совпадает с ней. Поэтому исследование *кривой* конъюнктуры есть исследование процессов в их взаимной связи. Итак, мы получаем для понятия конъюнктуры и процесса ее изменения, или для ее кривой, определенное содержание и объективно точное выражение.

Нам могут лишь поставить вопрос: какие же и сколько элементов мы имеем в виду учитывать, когда говорим о конъюнктуре? Строго говоря, речь должна идти о всех элементах экономической действительности, которые являются объектом экономической науки и которые так или иначе подвержены обратимым процессам. Но фактически некоторые элементы в их изменении настолько близки, что нет никакой необходимости брать их все, — достаточно взять лишь наиболее репрезентативные или конструктивные элементы. Какие именно, — это вопрос не существа понятия конъюнктуры, а вопрос метода и практики ее исследования.

13. Данное выше понятие конъюнктуры мы можем считать общим. Далее следует установить видовые понятия ее. Наиболее существенно отметить здесь следующее. Мы можем говорить о конъюнктуре мирового хозяйства, данного народного хозяйства или его района. Далее, мы можем говорить или о народнохозяйственной конъюнктуре в целом, или о конъюнктуре специально той или иной отрасли хозяйственной жизни. Последнее подразделение требует пояснений. В том случае, когда речь идет о конъюнктуре народного хозяйства в целом, мы обязаны, строго говоря, иметь в виду направление изменения конститутивных элементов экономической действительности по всем различным отраслям ее. В том случае, когда речь идет о конъюнктуре специальной отрасли народного хозяйства, мы должны подвергнуть исследованию направление изменения элементов именно этой отрасли. Когда мы говорим о специальной конъюнктуре, то мы можем в свою очередь различать специальную конъюнктуру двоякого вида. Назовем условно первый вид ее простой, а второй — дифференциальной конъюнктурой. Под *простой специальной конъюнктурой* мы понимаем направление и степень изменения совокупности конститутивных элементов данной отрасли в данный момент по сравнению с предшествующими моментами. Так, мы можем констатировать, что все или большинство элементов, характерных, например, для угольной промышленности, обнаруживают повышательное направление из-

менений. В этом случае мы можем говорить о повышательной конъюнктуре угольной промышленности. Таким образом, формула простой специальной конъюнктуры совершенно аналогична формуле общего понятия конъюнктуры. Все различие сводится к различию сферы или области, к которой относится понятие в первом и во втором случае. Соответственно, конечно, меняется и состав элементов, изменение которых выражает конъюнктуру.

Несколько сложнее понятие специальной дифференциальной конъюнктуры. Повышательная (или понижательная) простая специальная конъюнктура может наблюдаться одновременно не только в угольной, но и в текстильной, и в металлургической промышленности, и в других отраслях. Однако степень и напряжение повышательных или понижательных тенденций конъюнктуры в этих различных отраслях хозяйства могут быть различны. Цены, производство, торговый оборот и т.д. угольной промышленности могут, например, повышаться или понижаться в меньшей степени, чем те же элементы в текстильной, металлургической и других отраслях промышленности. И если напряжение повышательной или понижательной конъюнктуры угольной промышленности мы сопоставим с напряжением повышательной или понижательной конъюнктуры в других отраслях, то мы получим представление о специальной конъюнктуре угольной промышленности по сравнению или в отличие от конъюнктуры других отраслей. Мы получим, иначе говоря, представление о дифференциальной конъюнктуре. Таким образом, под *дифференциальной конъюнктурой мы понимаем простую конъюнктуру данной отрасли, но взятую в отношении или по сравнению с конъюнктурой других отраслей, с которыми в данном случае возможно и целесообразно сопоставление*. Схема дифференциальной конъюнктуры для угольной промышленности будет, примерно, такова:

Элементы ¹	Простая конъюнктура угольной промышленности (отношение показателей II момента к I моменту)	Дифференциальная конъюнктура угольной промышленности (отношение показателей простой конъюнктуры угольной промышленности к показателям простой конъюнктуры металлургической промышленности)
Цены угля	120	95
Продукция	110	90
Торговый оборот	115	98
% безработных и т.д	116 ²	97

¹Для упрощения мы берем здесь лишь количественно-выражательные элементы.

²Показатель обращенный.

Мы определили дифференциальную конъюнктуру угольной промышленности в отношении к конъюнктуре металлургической промышленности. И это сопоставление показало, что, хотя простая конъюнктура угольной промышленности повышается, но она повышается в меньшей степени, чем конъюнктура металлургической промышленности. Иначе говоря, конъюнктура первой падает относительно второй. Ясно, что конъюнктуру угольной промышленности мы могли бы таким же образом сопоставить и с конъюнктурой химической, текстильной и других отраслей промышленности. Мы могли бы ее сопоставить так или иначе и с общей народнохозяйственной конъюнктурой. И если понятие простой специальной конъюнктуры угольной промышленности выражает стечение благоприятных обстоятельств существования и развития угольной промышленности как таковой, то понятие дифференциальной конъюнктуры выражает относительное положение этой отрасли среди других, оно указывает, в каких отраслях имеется наиболее благоприятное стечение обстоятельств и какие отрасли в силу этого будут служить более сильными центрами притяжения капитала и труда, какие отрасли будут центрами накопления экономической мощи и богатства.

Легко видеть, что научное значение этого понятия огромно. Без определенной системы, без достаточного методического сознания, но в сущности этим понятием постоянно пользуются. Им пользуются, когда сопоставляют между собой рост цен, продукции, торговых оборотов, доходов и т.д. различных отраслей хозяйства. Правда, при этом технически это сравнение делается в большинстве случаев проще, чем сделали в схеме мы: часто не берутся показатели в системе, не определяется предварительно простая конъюнктура отраслей, не берется соотношение конъюнктур. В большинстве случаев просто сопоставляется темп изменения того или иного показателя одной отрасли с изменением показателя другой. Но ясно, что все относится к области техники метода. Логически же и экономически во всех этих случаях мы имеем дело с неосознанным употреблением понятия дифференциальной конъюнктуры.

14. В предшествующем изложении понятие конъюнктуры с экономической точки зрения определено достаточно полно. Намечены и основные черты метода, подхода к выяснению конъюнктуры. Однако мы сознаем, что нами не выяснены многие методологические трудности и детали, какие могут встретиться при пользовании установленными понятиями. Между тем они могут быть весьма велики. Они могут быть особенно велики в

том случае, если изменения отдельных элементов хозяйственной жизни подвергаются пертурбационным воздействиям. Это часто наблюдается в период расстройств тех или иных отраслей народного хозяйства или всего народнохозяйственного организма в целом. Однако такие пертурбационные воздействия вносят лишь осложнения в самый процесс исследования конъюнктур, заставляют критически относиться к изменениям отдельных элементов и подвергать их предварительному анализу, прежде чем по их изменению судить об изменении конъюнктуры. Так, например, в случаях расстройства денежного обращения и резких процессов обесценения валюты изменение товарных цен от одного момента к другому лишается того показательного значения, какое оно имеет при нормальных условиях денежного обращения.

В таком случае этот элемент, т.е. товарная цена в бумажной валюте, или должна быть исключена из совокупности элементов, по изменению которых мы судим о состоянии конъюнктуры, или этот показатель должен быть взят с исключением влияния обесценивающейся валюты. То же следует сказать и о других элементах, подвергшихся пертурбационным воздействиям. Поэтому ясно, что случаи пертурбационного воздействия на различные элементы экономической жизни вносят лишь осложнение в метод изучения, не разрушая самого метода.

15. Уяснив понятие конъюнктуры и ее основных видов, остановимся совсем коротко на вопросе о задачах изучения конъюнктуры. Эти задачи мы можем свести к трем основным. Первая задача состоит в описании и установлении фактического состояния и изменения конъюнктуры. Работы, преследующие эту задачу, как известно, имеются в большом количестве. И поскольку они существуют, они говорят о том, что в действительности мы имеем дело или с иррегулярными колебаниями конъюнктуры, или с регулярными. Регулярные колебания конъюнктуры в свою очередь могут быть или сезонными, или циклическими. При этом мы считаем необходимым различать малые циклы (подъем, кризис, депрессия), захватывающие около 7–11 лет, и большие циклы, захватывающие от 40 до 50 лет.

Экономисты сосредоточили преимущественное внимание на изучении малых циклов конъюнктуры и отчасти на сезонных колебаниях. С развитой выше точки зрения мы не видим принципиально никаких оснований для того, чтобы ограничивать задачу изучения конъюнктуры только двумя упомянутыми видами колебания ее. Необходимо подвергнуть тщательному ана-

лизу также и большие циклы. Мы не говорим, что большие циклы имеют ту же природу, что и малые циклы. Мы утверждаем лишь, что и эти колебания конъюнктуры должны быть изучаемы.

Вторая задача изучения конъюнктуры сводится к объяснению ее хода и к построению теории конъюнктуры. Необходимо иметь в виду, что при объяснении конъюнктуры исследователю, несомненно, придется в должной степени учесть значение и роль необратимых эволюционных процессов. Не следует забывать, что реально мы имеем единый динамический процесс народно-хозяйственной жизни, и лишь в процессе научного анализа мы можем разложить его на необратимые тенденции и обратимые колебательные процессы. Но сказанное не означает, что эти обратимые процессы не могут быть объектами специального изучения.

Наконец, третья задача в изучении конъюнктуры сводится к постановке и решению проблемы прогноза ее изменения. Разрешение проблемы прогноза совершенно очевидно предполагает уже решение двух предыдущих задач и возможно только на основе такого решения.

16. В заключение скажем несколько слов о самом методе изучения конъюнктуры. При описании движения конъюнктуры мы неизбежно должны пользоваться конкретно-эмпирическим методом, и в частности статистическим. Но при объяснении движения конъюнктуры, при построении теории их мы отводим наряду с конкретно-эмпирическим методом значительное место и методу абстрактному. В частности, для построения теории конъюнктуры имеет огромное значение метод абстрактного построения схемы равномерно эволюционирующего хозяйства. Действительно, допустим, что хозяйство непрерывно, необратимо, равномерно и, следовательно, без потрясений развивается. Построим абстрактную схему такого хозяйства. Попытки построения схемы равномерно и необратимо развивающегося хозяйства мы находим у К. Маркса, Туган-Барановского, Гильфердинга, Касселя и др. Построив такую схему, мы будем иметь хозяйство, находящееся в динамическом равновесии. Оно будет необратимо эволюционировать без всяких колебательных или обратимых конъюнктурных динамических процессов. Мы можем вскрыть далее условия такого динамического равновесия. Но мы знаем, что в действительности необратимый процесс развития народного хозяйства сопровождается обратимыми конъюнктурными колебаниями. Очевидно, потому, что условия

динамического равновесия в действительности нарушаются. И если мы строим теорию конъюнктурных колебаний, то ясно, что абстрактно построенная схема народного хозяйства в условиях динамического равновесия дает нам весьма многое для того, чтобы вскрыть механизм и причины конъюнктурных колебаний, механизм и причины отклонений от линии равномерной эволюции хозяйства, для того, чтобы таким путем построить абстрактную теорию конъюнктур. Путем эмпирического исследования динамического процесса и хода конъюнктур мы можем далее проверить эту абстрактную теорию. Мы полагали бы, что такая эмпирическая проверка для исследователя обязательна. Сказанным, с одной стороны, определяются возможное место и роль абстрактного метода в построении теории конъюнктур, с другой — достаточно подчеркивается необходимая тесная связь между изучением необратимых эволюционных и обратимых конъюнктурных динамических процессов.

* * *

Мы хорошо сознаем, что сказанное о задачах и методах изучения конъюнктуры слишком обще и носит эскизный характер. Еще более мы сознаем, что в нашей работе нет исследования динамики и, в частности, конъюнктуры по существу. Но все это и не входило в задачи данной работы.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЕГО КОНЪЮНКТУРЫ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа посвящена изучению важнейших показателей состояния мирового хозяйства и его конъюнктур за пережитый военный и переживаемый послевоенный период.

Едва ли можно сомневаться в глубоком и общем интересе избранного предмета изучения. Интерес этот одновременно имеет и теоретический и практический характер.

С теоретической точки зрения избранный предмет представляет огромный интерес для исследователя в силу необыкновенной сложности явлений, богатства небывалых и на первый взгляд причудливых сочетаний элементов социально-экономической действительности. Открывающуюся здесь "картину" исследователю приходится наблюдать не часто. Вот почему, естественно, она привлекает его к себе.

С практической точки зрения взятый предмет имеет глубокий интерес, бесспорно, потому, что пережитый и переживаемый период мировых социально-экономических катаклизмов является периодом, определяющим судьбы целых народов. И поскольку людям свойственно пытливо всматриваться в горизонты грядущего, изучение указанного исключительного исторического периода привлекает внимание к себе, как к отправному этапу и определяющему фактору этого грядущего.

Для нас в настоящей работе основное и руководящее значение имеет, впрочем, первая теоретическая точка зрения. Менее всего мы занимаемся, точнее, вовсе не занимаемся построением каких-либо практических выводов.

При бесспорном интересе, исследование мирового хозяйства периода войны и после нее представляет и огромные, можно сказать, исключительные трудности. Трудности эти коренятся в отмеченной необыкновенной сложности и грандиозности явле-

*Монография Н.Д. Кондратьева "Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны". Вологда: Обл. отделение Государственного издательства, 1922. 258, III с. С 1922 г. книга не переиздавалась. Публикуется по тексту первоначального издания. (Прим. сост.)

ний с одной стороны; в близости и современности их нам, иначе говоря, в отсутствии исторической перспективы, с другой; и, наконец, с третьей — в крайнем недостатке и скудости точных и полных материалов у нас в России. Трудно вообразить, какие невероятные усилия требуются со стороны изучающего, чтобы по обрывкам, и к тому же малодоступных, материалов восстановить и понять движение и ход явлений... и тем не менее, заканчивая работу, не имеешь, нельзя иметь твердой уверенности, что в ней учтено все или по крайней мере все основное в объекте исследования, т.е. в экономике мирового хозяйства последнего периода. Во всяком случае мы принимаем свои построения *cum grano salis* и готовы их пересмотреть всякий раз, если нам будут указаны или встретятся данные о значительных фактах и явлениях, нами не учтенных или учтенных недостаточно.

Эту оговорку мы просили бы читателя иметь в виду.

Но с другой стороны, именно оторванность России от остальных стран и наша общая малая осведомленность о развитии мирового хозяйства последнего времени делает особенно настоятельной нужду в синтетических работах, подобных настоящей. Это обстоятельство увеличивает смелость предложить ее читателю, несмотря на все ее недостатки.

Впрочем, наша работа, посвященная изучению мирового хозяйства и его конъюнктур, не является в русской литературе первой в этой области. У нас уже появились работы Финна-Енотаевского, проф. М.И. Боголепова, С.А. Фалькнера, Варга, проф. С.А. Первушина, Э.С. Каценеленбаума, Л.Б. Кафенгауза и др. Появился также небольшой сборник статистических материалов об экономическом положении важнейших иностранных государств под редакцией проф. Л.Н. Юровского. Эти работы различной полноты, общности и достоинства нами изучены, использованы и приняты во внимание в их выводах. Они весьма облегчили, конечно, наш труд.

Однако, мы не думаем, чтобы предлагаемая книжка являлась простым повторением или суммированием уже появившихся. Во-первых, нами привлечены и использованы различные новые материалы. Во-вторых, мы стремились при уяснении состояния и конъюнктур мирового хозяйства принять во внимание все важнейшие факторы и силы его, в частности, в отличие от большинства предшественников, мы уделили очень большое внимание не только индустрии, но и сельскому хозяйству. В-третьих, мы рассматриваем пережитый период в развитии

мирового хозяйства в его целом, а не в какой-либо отдельный момент. Наконец, в своих выводах мы далеко не во всем согласны со своими предшественниками.

Что касается метода, примененного в работе, то он является методом конкретно-эмпирическим. В соответствии с характером предмета, его исключительной сложностью, эпизодичностью материала мы стремились, по возможности, менее конструировать и отвлеченно рассуждать, и более изображать и притом, в меру возможности, изображать при помощи статистических данных. Тем самым мы, конечно, проигрываем в краткости и легкости изложения. Но задача объективного анализа, изображения и уяснения действительности нами была выдвинута на первый план сознательно. Давая как можно более фактического материала, указывая его источники, мы тем самым хотели бы сохранить у читателя свободу в отношении к нашим выводам и предоставить ему большую возможность критически отнестись к ним. Но при таком методе, не желая делать работу слишком громоздкой, учитывая также состояние источников и материалов, мы не могли исследовать состояние и конъюнктуры мирового хозяйства во всех подробностях с исчерпывающей полнотой. Мы сознательно ограничились анализом лишь важнейших показателей и факторов состояния мирового хозяйства и его конъюнктур.

Самое изучение этих показателей и факторов ведется нами по следующему плану. Сначала мы исследуем состояние и конъюнктуры мирового хозяйства во время войны, сравнительно с довоенным. Далее, мы подвергаем изучению послевоенный период 1919–1920 гг. Затем, исследуем отдельно период перелома и понижения конъюнктуры или мировой экономической кризис, т.е. период главным образом с весны 1920 г. до середины 1921 г. Наконец, отдельно мы рассматриваем период ликвидации кризиса с лета 1921 г., причем стремимся свой анализ хронологически довести, поскольку позволяют данные, до апреля 1922 г. Иногда в некоторых частях работы точного хронологического разграничения изучаемых явлений согласно изложенного плана нам провести не удастся. Это особенно относится к явлениям сельского хозяйства. Но мы не видим в этом особого упущения.

Настоящая работа была начата в связи с изучением конъюнктур русского и мирового хозяйства, организованным в Конъюнктурном Институте при Петровской сельскохозяйственной академии. Отдельными частями она докладывалась в различных

научных и научно-практических заседаниях, частично излагаемых автором также в публичных лекциях. Работа была окончена еще осенью 1921 г. Но затем она по крайней и ничем не оправдываемой небрежности была потеряна издателем. По сохранившимся черновикам она была вновь восстановлена. В связи с истекшим временем ее пришлось дополнить и расширить. И теперь она издается уже новым издателем.

Считаю приятным долгом выразить свою признательность профессорам В.Я. Железнову, С.А. Первушину, Э.С. Каценеленбауму, С.Н. Прокоповичу, П.А. Вихляеву, Н.Н. Шапошникову, Л.Н. Юровскому, Л.Н. Литошенко и др. за их указания в личных беседах и в научных собраниях, а также за предоставление различных материалов. Особую благодарность выражаю своей ближайшей помощнице и сотруднице по Конъюнктурному Институту — Л.М. Ковальской и своему ближайшему другу в жизни — жене за их постоянную и исключительно внимательную помощь в работе.

Автор

Москва, 1 мая 1922 г.

ВВЕДЕНИЕ

С абстрактной точки зрения народное и мировое хозяйство представляет собою непрерывный динамический процесс взаимоотношений и связей системы элементов.

Методологически возможны и законны две точки зрения на него: статическая и динамическая. Хотя и можно утверждать, что *in natura rerum* статике, собственно, нет, тем не менее в порядке первоначального упрощения в целях последующего и все большего усложнения научных построений, мы можем подходить к хозяйственным явлениям по статической точки зрения и исследовать взаимозависимости и взаимоотношения элементов системы, предполагая, что условия существования этой системы в общем остаются теми же.

Но если возможна и законна теория экономической статике, то тем более законна и необходима теория экономической динамики, которая позволяет нам ближе подойти к уяснению природы хозяйственных явлений и вскрыть их закономерное течение.

Одной из самых сложных частей теории экономической динамики является теория конъюнктур, т.е. теория экономических циклов различных типов, каковы, как позволяет думать современное состояние теории динамики, существуют. Раз существует различных типов циклическое колебание экономической жизни и ее элементов, раз между этими элементами, как элементами системы, существует и может быть найдена закономерная связь, то теоретически может и должна быть найдена закономерность и в динамике этих элементов, могут быть и частью уже найдены и показатели состояния или моментов динамики конъюнктур. Это положение является исходным для теории конъюнктур. Совершенно ясно, что отпавляясь от него, теория конъюнктур теснейшим образом соприкасается с проблемой экономического прогноза.

Проблемы экономической динамики привлекают к себе все большее и большее внимание теоретиков. Труды Курно, Жевонса, Вальраса, Парето, Кларка, Маршалла, Шумпетера и др. сделано уже многое как для более точного разграничения динамической точки зрения от статической, так и по установлению некоторых общих положений теории экономической динамики. Работы Жюгляра, Туган-Барановского, Шпитгофа, Поле, Эйленбурга, Лескюра, Афталиона, Бунятяна, Митчеля и др. подошли на основе эмпирических данных вплотную к проблеме экономических циклов и многое здесь осветили.

Но несмотря на все это, теория динамики даже в основных ее контурах еще далека от сколько-нибудь завершенного состояния. В этой области все еще стоит целый ряд основных спорных и невыясненных вопросов.

Не ясна еще сама постановка экономических проблем под углом зрения динамики и та сфера вопросов, которая может и должна быть изучаема именно под таким углом зрения¹. Не решен вопрос, какие же именно элементы системы экономической жизни должна иметь в виду теория динамики и какие из них она могла бы брать как показатели состояния и моментов конъюнктур. Всматриваясь в совокупность этих элементов, их можно было бы подразделить на натуралистические, как например количество благ, населения и др. и ценностные или валеристические, как цены, уровень заработных плат, норма прибыли и т.п. Современная теория динамики оперирует и с первыми и со вторыми. Но вопрос о натурализме и валеризме, о соотношении натуралистических и валеристических элементов и показателей и их принципиальном значении, нам кажется, еще даже и не поставлен во всей ясности и полноте, хотя с ним сталкиваются и к нему подходят все более и более². Спорным остается вопрос и о типах циклов конъюнктур и их природе. Наконец, для всей экономической теории и в особенности для теории динамики стоит настоятельный и неотложный вопрос о применении метода точного количественного учета. Существует и целый ряд иных весьма важных частью поставленных, частью еще не поставленных проблем.

Постановка и решение всех этих проблем потребует больших усилий абстрактно-теоретической мысли. Но, нам кажется, решение их не может быть успешным и плодотворным без одновременной эмпирической разработки их. С этой точки зрения представляет особую научную ценность освещение тех моментов и периодов фактической динамики хозяйственной жизни, где изменения экономических элементов особенно рельефны, сочетания их совсем не обычны, где мы имеем перед собой как бы стихийный эксперимент.

В этом отношении огромный интерес представляет период мировой войны и после нее.

Действительно, все важнейшие элементы системы экономической жизни — число и состав населения, потребности, техника

¹ Ср. Schumpeter — Das wesen und der Hauptinhalt der Theoretischen Nationalökonomie, 1908. Л.Н. Юровский, Очерки по теории цены. Саратов, 1919 г.

² Ср. Петр Струве — Хозяйство и цена. Ч. II, вып. I. М., 1916 г. Гл. 1.

и организация хозяйства, запасы капиталов, наличное количество благ, их распределение, цены и др. за время войны подверглись самым резким и порой причудливым изменениям; комбинации их на первый взгляд представляются часто непонятными и неестественными. Одним словом, мы имеем перед собой как бы грандиозный стихийный социально-экономический эксперимент.

Сказанным определяется основная задача и характер предлагаемого этюда. В нем мы не имеем в виду дать детальное и всестороннее описание состояния мирового хозяйства за время и после войны. Основная задача наша лежит в другой плоскости. Опираясь на достигнутые результаты теории динамики и в частности теории конъюнктур, мы хотели бы остановиться лишь на том круге явлений мирового хозяйства последнего периода, которые наиболее характерны и показательны в отношении динамики конъюнктур; мы хотели бы посмотреть на характер их взаимоотношений за взятый период и попытаться уяснить, в какой мере эти взаимоотношения и комбинации взятых экономических элементов укладываются в рамки современной теории динамики. Тем самым, нам кажется, можно было бы способствовать дальнейшей постановке некоторых основных очередных задач теории динамики и конъюнктур. Наряду с этой основной задачей даваемая ниже характеристика изменений мирового хозяйства хотя бы и схематическая и суммарная может иметь, конечно, и некоторый самостоятельный интерес.

В зависимости от своего характера наша работа естественно распадается на следующие составные части:

1. Состояние и конъюнктуры мирового хозяйства во время войны 1914–1918 гг. Периоду перед войной мы не посвящаем особого раздела работы. Однако, рассматривая военный период, мы всюду проводим сравнение его с довоенным. Такое сопоставление, конечно, необходимо, так как только на фоне “нормального” периода можно рельефнее оттенить особенности и своеобразие последующего периода.

2. Состояние и конъюнктуры мирового хозяйства послевоенного периода 1918–1920 гг. до перелома и начала понижительной конъюнктуры, т.е. главным образом до весны 1920 г.

3. Период падения конъюнктур и мировой экономической кризис 1920–1921 гг.

4. Период выхода из кризиса, т.е. период с половины 1921 г.

Ввиду своеобразных экономических условий России и не имея возможности слишком увеличивать объем работы, в последующем изложении мы сознательно совершенно не касаемся состояния конъюнктур русского народного хозяйства.

Глава I

СОСТОЯНИЕ И КОНЪЮНКТУРЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1914–1918 гг.

1. Влияние войны на хозяйство, в особенности войны мирового характера, не может не быть весьма значительным. Влияние это в то же время весьма сложно. Нам кажется при изучении его необходимо иметь в виду следующие замечания. Можно говорить о непосредственном влиянии войны, как вооруженных действий армий, на народное хозяйство. Это влияние выражается в разрушении и уничтожении того или иного имущества, тех или иных имеющих для народного хозяйства значение сил и средств, в прямых препятствиях ведению хозяйственной деятельности. Однако основное значение имеет косвенное влияние войны, которое выражается в изменении условий жизни и развития народного хозяйства в силу факта войны¹.

При учете влияния войны и анализе конъюнктур в дальнейшем необходимо наряду с этим иметь в виду строгое разграничение народнохозяйственной и частнохозяйственной точки зрения. Богатство, капитал, доход с той и другой точки зрения далеко не совпадают. Не входя в глубину этого вопроса², отметим, что упадок народного хозяйства под влиянием войны вовсе не означает упадка всех входящих в него единичных хозяйств или их групп. И это легко понять. Когда мы говорим о богатстве, капитале, доходе с народнохозяйственной точки зрения, мы имеем в виду, собственно, преимущественно реальные хозяйственные блага, стоим на точке зрения производительных сил и производительной мощи страны. Когда мы говорим о богатстве, капитале и доходе с частно-хозяйственной точки зрения, для нас имеет значение не только различные реальные блага, но и блага символические, различные кредитные документы и т.п.; мы учитываем различные колебания ценностных показателей, вы-

¹ Ср. Эли Гекшер. Экономика мировой войны. Петроград, 1917 г., стр. 8 и сл.

² См. об этом хотя бы А. Marshall, *Principles of Economics*, London, 1890, book II. См. Otto Efferz — *Arbeit und Boden*. Berlin, 1889. Ч. 1 и 2.

ражающих процесс перераспределения экономических ценностей между единичными хозяйствами и их группами.

Отсюда, влияние войны с народнохозяйственной точки зрения, если не вполне совершенно, то ближе и точнее всего может быть выражено в натуралистических терминах. Можно, конечно, перевести их и на язык ценностных терминов. Но при этом нужно было бы, прибегая к неизбежным сопоставлениям с нормальным временем, устранить колебание цен и денежной единицы¹.

Поэтому в существе концепция осталась бы натуралистической. Наоборот, для учета положения единичных хозяйств пришлось бы принять во внимание не только и может быть не столько изменения в натуралистических условиях, но и, главным образом, колебания валеристических показателей конъюнктуры.

В общем и целом народное хозяйство под влиянием войны может, скажем, деградировать. Однако судьбы различных единичных хозяйств при этом могут быть весьма различны, ибо создавшаяся натуралистическо-валеристическая конъюнктура будет в различной мере неблагоприятна для отдельных групп их.

Некоторые из них в связи с возникновением военно-потребительского рынка становятся особенно необходимыми и в силу этого особенно рентабельными. Валеристические показатели (цены, заработная плата, прибыль) в отношении этих групп на фоне общего подъема их поднимаются наиболее сильно. Они становятся тем самым в относительно экономически-привилегированное положение, становятся центром притяжения и рабочей силы и капиталов. И на фоне общего падения производительности народного хозяйства *in natura* они могут не показать такого падения, могут обнаружить даже тенденцию роста.

Поэтому, натуралистический упадок сил народного хозяйства, как целого, во время войны может идти и действительно идет

¹ Ср., например "Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России" под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918 г., стр. 54-56. Правда, общее повышение или понижение цен с народнохозяйственной т. зр. может быть можно было бы рассматривать, как показатель колебания предельной полезности благ для всего народного хозяйства, если при этом исключить колебание ценности денег. Но это спорно и требует специального исследования. Не входя здесь в существо этого спорного вопроса, мы поэтому и говорим в тексте о натуралистической концепции учета острожно указав, что она лишь ближе и точнее выражает изменение народного хозяйства как целого.

главным образом за счет одних отраслей, в то время как другие обнаруживают значительно меньший упадок, все его не обнаруживают или даже дают возрастание. Соответственно, повышение ценностных показателей военного времени используется, как повышающаяся конъюнктура, преимущественно последними¹.

Наконец, необходимо иметь в виду, что влияние войны на народное хозяйство отдельных стран будет различно. Изучение фактов показывает, что для степени и характера влияния мировой войны решающее значение имели следующие моменты: а) прежде всего близость страны к театру войны и степень связанности народнохозяйственной жизни страны с ходом войны; в этом отношении народно-хозяйственная жизнь нейтральной Дании или Голландии оказывается гораздо более затронутой и потрясенной войной, чем воевавших Японии и Соединенных Штатов. В виду сказанного необходимо прежде всего выделить в особую группу страны внеевропейские, как наименее затронутые и потрясенные войной. Причем, как показывают факты, не имеет особого значения деление этих стран на воевавшие и нейтральные. Наоборот, для стран европейских имел огромное значение факт их участия или неучастия в войне. Расположенные все поблизости к основному театру военных действий и глубоко затронутые войной, тем не менее они не все были затронуты ею в равной мере. Сильнее затронуты и потрясены, как правило, конечно, воевавшие страны. б) вторым важным моментом приходится признать тип и строение народного хозяйства данной страны, т.е. является ли страна аграрной, индустриальной или аграрно-индустриальной, и соответственно степень его зависимости от связи с мировым рынком; в) наконец, для воевавших стран имеет значение благоприятность или наоборот неблагоприятность хода самой войны. В этом отношении они распадаются на страны побежденные, которые в течение всей войны были к тому же сильно блокированы, и страны победительницы, блокированность которых была меньшей.

В итоге, следовательно, можно дать следующую группировку стран, каковой мы и будем пользоваться ниже².

¹ О связи некоторых отраслей народного хозяйства с военным рынком см. некоторые данные в публицистических работах М.П. Павловича — Великие железнодорожные и морские пути будущего. Санкт-Петербург, 1918 г.; Его же — Милитаризм и маринизм и война 1914—1918 гг.

² Конечно, классификация эта во многих отношениях условна.

I. Группа: Европейские воевавшие страны:

а) Пораженные:	Индустриальные — Германия
	Индустриально-аграрные — Австро-Венгрия
	Аграрные — Болгария
б) Победители:	Индустриальные — Бельгия, Англия
	Индустриально-аграрные — Франция, Италия
	Аграрные — Румыния, Сербия, Греция.

II. Группа: Европейские нейтральные страны:

Аграрно-индустриальные: Дания, Голландия, Швеция, Норвегия, Швейцария, Испания.

III. Группа: Заокеанские страны:

- 1) Индустриально-аграрные — Соединенные Штаты Америки, Япония.
- 2) Аграрные — Канада, Новая Зеландия, Австралия, Индия, Аргентина, Бразилия, Уругвай.

Обратимся теперь к рассмотрению фактического положения мирового хозяйства во время войны.

2. Как прямое, так и косвенное влияние войны было весьма глубоко прежде всего на основные факторы производства: на труд, капитал и землю. Мы не можем, к сожалению, точно определить размеры этих влияний. Ограничимся, поэтому, лишь некоторыми общими указаниями.

Влияние войны на труд выразилось не только в том, что значительная масса людей лучшего рабочего возраста была мобилизована, но и во многих других отношениях. Прежде всего среднее качество и, соответственно, производительность оставшегося в работе труда должна была по мере призывов в армию, в связи с изменением состава населения, понижаться. Наряду с этим влиянием, совпадающим во времени с войной, нужно иметь в виду и влияния, которые должны сказываться лишь с течением времени. Сюда относятся повышение заболеваемости и смертности и падение рождаемости населения.

По вычислениям Döring'a призывы по мобилизации круглым счетом составляли¹:

¹ См. С. Döring, — Великая война и естественное движение населения. Напечатано в Вестнике Статистики № 5-8 за 1920 г., стр. 28-30.

Страны	Количество всех призванных, в млн. человек	В % к количеству мужского населения 1913 г.
Франция	7	36
Германия	11	35
Австро-Венгрия	9	35
Англия (без колоний)	5,75	25

По данным Tardieu общая сумма мобилизованных во всех странах во время войны достигала 70 млн. человек¹.

Движение рождаемости и смертности характеризуется следующими данными по странам².

Годы	Германия (Пруссия, Бавария и Саксония)		Австро-Венгрия	
	в тыс.	в %	Рождения в тыс.	в %
1913	1.503,8	100,0	1,680	100,0
1915	1.151,0	76,5	1,160	69,0
1916	851,5	56,6	795	47,3
1917	767,9	51,1	745	44,3
1918	776,0	51,6	715	42,6

Годы	Франция по 77 департ.		Соединенное Королевство	
	в тыс.	в %	Рождения в тыс.	в %
1913	604,8	100,0	1.105,5	100,0
1915	387,3	64,0	1.024,4	92,7
1916	315,1	52,1	986,9	89,3
1917	343,3	56,7	852,2	77,1
1918	361,5	59,8	848,9	76,8

Смертность (не включая потерь на войне)

Годы	Германия (Пруссия, Бавария и Саксония)	
	в тыс.	в %
1913	809,6	100,0
1915	1.145,8	141,5
1916	1.030,0	127,2
1917	1.090,0	134,6
1918	1.272,0	157,1

¹ См. А. Финн-Епотаевский. — Современное положение мирового хозяйства. Петербург, 1920 г., стр. 1.

² Döring, op. cit. 31–42, а также "Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств". Изд. Ц. Ст. Управления.

Смертность (не включая потерь на войне)

Годы	Франция по 77 департам.		Соединенное Королевство	
	в тыс.	в %	Рождения в тыс.	в %
1913	587,4	100,0	652,7	100,0
1915	655,1	111,5	720,0	110,3
1916	607,7	103,4	650,2	99,6
1917	613,1	104,4	641,2	98,2
1918	788,6	134,2	769,0	117,8

Отсюда ясно, что рождаемость в странах сильно сократилась, а смертность повысилась.

Общие итоги потерь в составе населения от понижения рождаемости, повышения смертности и гибели на войне Döring'ом определяются в следующих величинах¹.

Страны	Понижение рождений	Повышение смертности	Итого	
			В том числе павших на войне	в млн. человек
Германия	3,6	2,7	2,0	6,3
Австро-Венгрия	3,8	2,0	1,5	5,8
Франция	1,5	1,65	1,4	3,15
Англия	0,85	1,0	0,8	1,85
Итого	9,75	7,35	5,7	17,1

Вся же Европа по данным Döring'a потеряла за время войны более 35 млн. человек².

Как видно из приведенных данных, потери в населении чрезвычайно значительны. Для уяснения влияния войны на труд, как фактор народнохозяйственной жизни, теперь на основе предыдущего важно уяснить, каково же было за время войны движение общего количества населения и соответственно запасы труда.

Некоторый ответ на вопрос дает следующая суммарная табличка³.

¹ Op. cit. стр. 41.

² См. Финн-Енотаевский, op. cit., стр. 2.

³ Ibid. Стр. 42. Данные приблизительны, так как здесь нет достаточных данных об эмиграции и иммиграции. В особенности нужно отметить, что не учтена эмиграция из Соединенного Королевства. Более детальные, а также более поздние данные см. в "Сборнике статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств". Изд. Центр. Стат. Управления, Москва, 1922.

Численность населения:

Страны	К концу 1913 г.	К серед. 1919 г.	в % к 1913 г.
	в млн. человек		
Германия	67,4	65,5	97,2
Австро-Венгрия	52,7	49,8	94,5
Франция	39,7	36,8	92,7
Соединенное Королевство	46,0	46,5	101,1

Отсюда видно, что Германия, Австро-Венгрия и Франция дает убыль населения. Соединенное Королевство дает весьма слабый прирост. Если же принять во внимание, что за время 1914–1919 гг. из Соединенного Королевства эмигрировало 512,3 тыс. человек¹, то прирост этот исчезнет совершенно. В отношении всей Европы Döring дает следующие цифры о движении населения²:

В конце 1913 г. Европа насчитывала 401 млн. человек, к середине 1919 г. при нормальных условиях движения населения она имела бы 424,5 млн. человек; фактически же она имела 389 млн., т.е. всего 97% населения 1913 г.

Для всего последующего изложения представляет огромный интерес сопоставить с движением населения в указанных Европейских странах движение его в Соединенных Штатах Северной Америки и нейтральных странах Европы. Прежде приведем параллельно годовые данные о количестве населения по Соединенным Штатам и по Англии с Уэльсом.

Годы	Англия и Уэльс ³		Северо-Американские Соединенные Штаты ⁴	
			Рождения	
	в тыс. человек	в %	в тыс. человек	в %
1913	36.919,3	100,0	97.028,5	100,0
1914	36.960,7	100,1	98.646,5	101,7
1915	35.358,9	98,5	100.264,5	103,3
1916	34.500,0	93,4	101.882,5	105,0
1917	33.711,0	91,3	103.500,5	105,6
1918	33.494,7	90,7	105.118,5	108,3

Эта таблица весьма характерна и важна. В Соединенных Штатах прирост населения идет очень быстро. В Англии с

¹См. Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств. Изд. ЦСУ, стр. 10.

²См. Финн-Еногаевский. Op. cit., стр. 2.

³По данным Statesman's year book за 1918 г. и 1920 г. Население взято, не считая армию, флот и находящихся за границей.

⁴По данным Statistical abstract of Un. St. за 1918 г.

Уэльсом население уменьшается, прироста нет. В предыдущей таблице по Соединенному Королевству мы не видели убыли населения. Разногласие таблиц объясняется следующими причинами. В первой таблице учтены также Ирландия и Шотландия; кроме того, первая таблица берет население к середине 1919 г., когда некоторая масса его уже вернулась с фронта, а вторая берет его до окончания войны.

Как бы то ни было в Англии и Уэльсе, а тем более в других воевавших странах Европы, прироста населения нет.

Это ясно из приведенных выше данных относительно убыли населения, а также из последней таблицы. Но положение это можно подтвердить еще и следующими прямыми данными об естественном приросте населения.

Естественный ежегодный прирост (+) или убыль (–) населения, в тыс. человек¹.

Годы	Соединенное Королевство	Франция	Бельгия	Италия	Германия
1913	+449,9	+41,9	+168,1	+458,5	+833,8
1917	–	–269,82 ²	+136,3	+8,9 ³	–268,65
1918	+79,6	–389,62 ²	–83,1	–509,0 ⁴	–420,2 ⁵

Отсюда видно, что в Соединенном Королевстве естественный прирост становится в 1918 г. весьма незначительным, во всех других воевавших странах он с ходом войны исчезает и заменяется убылью населения, особенно в Италии, Германии и Франции. Если даже учесть, что Соединенное Королевство и другие страны дали относительно большее количество людей в армию, что присоединение мобилизованных (находящихся в живых) к общей массе населения несколько изменило бы картину, тем не менее существо явления как ясно из предыдущего осталось бы, изменилось бы лишь количественное его выражение. Во всяком случае за все время войны Соединенные Штаты в отношении населения, в отношении основного фактора хозяйства — труда — были потрясены значительно менее. Этот вывод можно смело распространить на целый ряд стран, которые были столь же слабо затронуты войной, как и Америка, например на Японию, Канаду, Австралию и др.

¹ По данным, приведенным в сборнике статистических сведений об экономическом положении важнейших иностранных государств, изд. ЦСУ.

² По 77 департаментам.

³ По 8100 коммунам из 8344.

⁴ По 8076 коммунам из 8344.

⁵ Без Эльзас-Лотарингии

Действительно, с 1913 г. до 1920 г. население выросло¹ в Японии с 53,7 млн. человек до 56,0 млн., в Австралии с 6,55 до 7,12, в Аргентине с 7,47 до 8,53.

Обращаясь теперь к нейтральным странам Европы, мы должны сказать, что естественный прирост населения в них, как правило, не прекратился, но он замедлился весьма заметным образом. Подтверждением могут служить следующие данные:

Естественный прирост (+) или убыль (-) населения в тыс. человек.

Годы	Голландия	Швеция	Швейцария
1913	+97,7	+53,0	+38,1
1917	+85,8	+43,3	+18,7
1918	+74,8	+13,5	-2,4

Констатированному факту различия в движении населения по странам и их группам мы придаем огромное значение для уяснения различия в жизни и движении экономических конъюнктур этих стран. *В этом факте лежит одно из основных натуральных оснований различной производительной мощи народного хозяйства отдельных стран со всеми проистекающими отсюда последствиями.* И этот факт необходимо все время иметь в виду при дальнейшем анализе.

Итак, потрясение труда, как фактора производства, по ряду более или менее серьезно затронутых войной европейских стран, представляется значительным². Оно или очень незначительно или совершенно незаметно по странам, слабо затронутым войной и нейтральным европейским.

3. Нужно думать, что потрясения эти велики и в отношении капитала. Сюда относятся отвлечение от производительного труда и гибель миллионов голов живого инвентаря, прежде всего лошадей. Далее нужно отметить отвлечение уже существующих капиталов в виде орудий и средств производства (машин, зданий, парового транспорта) от служения непосредственно хозяйственным нуждам для служения чисто военным целям. Нужно указать, также, на последовавшее под влиянием этого и под влиянием потрясений труда сокращение или задержку воспроизводства капиталов. Наконец, имело место непосредственное разрушение капиталов на театре военных действий³.

¹ По данным Сборн. ЦСУ.

² Ср. Эли Гекшер *op. cit.*, стр. 12 и след. С.Н. Прокопович. *Война и народное хозяйство*. М., 1918, стр. 150 и след.

³ Ср. Гекшер. *op. cit.*

Мы не имеем возможности дать прямых исчислений для потрясений в области капитала. Однако некоторое представление о них в этой области будет дано косвенно через анализ состояния сельского хозяйства и промышленности, а также размеров их продукции.

Все указанные потрясения капитала суть потрясения *in natura*. С народнохозяйственной точки зрения только об этих влияниях на капитал следует и говорить. Понижение ценности капитала в силу падения его доходности имеет значение преимущественно лишь с той или иной частно-хозяйственной точки зрения.

4. Что касается влияния на третий фактор — на землю, то здесь приходится иметь в виду главным образом непосредственные опустошения, порчу почв и вообще создание условий, делающих невозможным или затруднительным использование земли. В этом отношении особенно пострадали Франция, Бельгия, Галиция, Польша, Россия, Восточная Пруссия, одним словом территории, на которых происходили военные действия¹.

Учитывая изложенное о влиянии войны на факторы производства, мы могли бы сказать: в общем и целом производительные силы мирового хозяйства в целом за время войны *in natura* имеют тенденцию к замедленному росту, если не к сокращению, по сравнению с нормальным временем. Эта тенденция по странам может проявляться так: в одних странах они определенно сокращаются, в других или стационарны или даже развиваются.

5. Обратимся теперь к рассмотрению фактического положения отдельных отраслей мирового хозяйства. Начнем обзор со скотоводства. Динамика этой отрасли тесно примыкает к предыдущему изложению и, между прочим, косвенно покажет нам изменения капитала в виде живого инвентаря, о котором мы

¹ Разрушение капитала и территорий, например, в 10 северных департаментах Франции были чрезвычайно велики. Президент комитета разрушенных областей — А. Tardieu определяет их приблизительно так. Число коммун, полностью или частью разрушенных — 3720. Число домов, разрушенных совершенно — 319.269, частью — 313.675. Разрушено железнодорожной сети — 5.534 километра, каналов — 1596 километров, дорог — 39.000 километров, мостов, насыпей и т.п. — 4785 километров, разорено пашни 3,2 млн. гектаров; заведений и мастерских — 11.500. Было уведено скота около 2 млн. голов. Потоплено было французских судов вместимостью около 900 тыс. тонн.

К этому надо прибавить, что разрушенные области производили 94% шерстяных продуктов, 90 льняных, 90 руды, 83% литейного железа, 70 сахара, 60 хлопчатобумажных продуктов, 55 угля, 45% электрической энергии. (См. Фини-Енотаевский. *Op. cit.* стр. 48).

не приводим данных выше, когда говорили о влиянии войны на капитал.

Рассмотрим следующую таблицу о движении скотоводства:

Страны	Годы	Количество голов скота в тыс. голов				
		Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свины	
Германия ¹	1913	—	20.994	5.521	25.659	
	1914	4.435	21.829	5.471	25.341	
	1915	3.342	20.317	5.073	17.287	
	1916	3.304	20.874	4.979	17.002	
	1917	3.324	20.094	4.954	11.052	
	1918	3.426	18.579	5.476	10.911	
			В относительных к 1913 г.			
	1913	—	100,0	100,0	100,0	
	1914	100,0	103,9	99,1	98,8	
	1915	75,3	96,8	91,9	67,4	
	1916	74,5	99,7	90,2	66,2	
	1917	74,9	95,7	89,7	43,1	
	1918	77,2	88,5	99,2	42,5	
Франция ²			В тыс. голов			
	1913	3.222	14.788	16.131	7.036	
	1914	2.205	12.668	14.038	5.926	
	1915	2.209	12.520	12.262	4.910	
	1916	2.226	12.342	10.845	4.362	
	1917	2.303	12.242	9.882	4.165	
	1918	2.239	12.251	9.061	4.377	
			в относительных к 1913 г.			
	1913	100,0	100,0	100,0	100,0	
	1914	68,4	85,6	87,0	84,2	
	1915	68,6	84,7	76,0	69,8	
	1916	69,1	83,6	67,2	61,9	
	1917	71,5	82,7	61,3	59,0	
1918	69,8	82,8	56,2	62,2		
Англия ³			В тыс. голов			
	1913	1.874	11.937	27.629	3.306	
	1914	1.851	12.184	27.964	3.953	
	1915	1.712	12.171	28.276	3.795	
	1916	1.834	12.451	28.850	3.616	
	1917	1.879	12.382	27.867	3.008	
	1918	1.916	12.311	27.062	2.809	

¹По данным Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich за 1919 г. Исключая милитаризованных лошадей.

²По данным Сборника статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств.

³По данным The Statesman's year-book за 1915 и 1920 гг.

в относительных к 1913 г.					
	1913	100,0	100,0	100,0	100,0
	1914	98,8	102,0	101,2	119,6
	1915	91,4	101,1	102,3	114,8
	1916	97,9	104,3	104,8	109,4
	1917	100,3	103,8	100,8	90,0
	1918	102,2	103,1	97,9	84,9
в тыс. голов					
Северо-	1913	20.567	56.527	51.482	61.178
Американс-	1914	20.962	56.592	49.719	58.933
кие Соеди-	1915	21.195	58.329	49.956	64.618
ненные	1916	21.159	61.920	48.625	67.766
Штаты ¹	1917	21.210	64.583	47.616	67.503
	1918	21.555	67.422	48.603	70.978
в относительных к 1913 г.					
	1913	100,0	100,0	100,0	100,0
	1914	101,9	100,1	96,7	96,3
	1915	103,0	103,2	97,2	105,8
	1916	102,8	109,9	96,4	110,8
	1917	102,9	113,1	94,4	110,3
	1918	104,8	119,2	96,4	114,4
в тыс. голов					
Дания ²	1914	568	2.463	515	2.497
	1915	526	2.416	513	1.919
	1916	515	2.290	—	1.983
	1917	572	2.458	480	1.651
	1918	545	2.124	470	621
в относительных					
	1914	100,0	100,0	100,0	100,0
	1915	92,6	98,9	99,6	76,9
	1916	90,7	92,9	—	79,4
	1917	100,7	99,8	93,2	66,1
	1918	95,9	86,2	90,1	24,9

Из таблицы ясно, что в Германии сильному сокращению подверглись коневодство³, крупнорогатое скотоводство, но осо-

¹По данным Сборника статистико-экономических сведений за 1915 г. Изд. Отдела Сел. Экон. и Statistical abstract of the United St. за 1918 г.

²По данным Сборника статистическо-экономических сведений за 1915 г. и Zentralblatt der Preussischen Landwirtschafts Kammer.

³Между прочим по Германии можно установить приблизительную цифру милитаризованных лошадей из следующих данных. В 1912 г. лошадей было 4.523 тыс., в 1914 г. (без призыв. в армию) 3.435. Следовательно в армию было призвано в 1914 г. свыше 1.088 тыс. лошадей.

бенно свиноводство. Овцеводство сокращается до 1917 г., но в 1918 г. дает сильный прирост.

Во Франции сократились все отрасли скотоводства. Особенно значительно сокращение овцеводства и свиноводства. Необходимо отметить, что за исключением свиноводства сокращение всех других отраслей скотоводства Франции более значительно, чем скотоводство Германии.

В Англии скотоводство количественно более устойчиво. Слабое сокращение дает лишь овцеводство, более сильное свиноводство.

В Соединенных Штатах все отрасли скотоводства, за исключением овцеводства, дают сильный прирост.

Картина по Дании в значительной мере напоминает Германию. Особенно сильному разгрому подверглось здесь свиноводство.

Итак, наиболее чувствительными отраслями скотоводства оказались свиноводство, т.е. одна из наиболее интенсивных отраслей скотоводства, и овцеводство. В общем и целом, разрушительное влияние войны сильнее сказалось в Европейских странах интенсивного животноводства, глубоко затронутых войной или хотя бы и нейтральных, но блокированных, раз эти страны базировали животноводство на привозных интенсивных кормах, как, например, Дания. В прочих странах скотоводство было относительно слабо затронуто войной, или вовсе не затронуто и даже укрепилось. К числу последних нужно отнести Соединенные Штаты Северной Америки, как уже и отмечалось. То же самое можно было бы наблюдать в отношении и таких заокеанских стран, как Австралия, Канада, Аргентина¹.

Из сказанного видно, что капитал народного хозяйства в виде живого инвентаря подвергся более или менее значительному потрясению в глубоко затронутых войною воевавших странах Европы и частью в нейтральных странах ее.

6. Остановимся теперь на производстве сельскохозяйственных продуктов, и в первую очередь рассмотрим его в Германии, которая отнесена нами к странам первой группы, т.е. сильно затронутых войной и вышедших из нее с поражением.

Движение посевных площадей главнейших культур и сборов с них характеризуется в ней следующими данными².

¹ Ср. Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств. Изд. Ц. Ст. Упр. стр. 24–25.

² Составл. по данным Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich за 1919 г. территория Германии взята без Эльзас-Лотарингии.

Годы	Рожь	Пшеница	Яровой ячмень	Овес	Итого 4 зерн.	Картофель
В тыс. гектаров						
1913	6.358,7	1.837,0	1.604,9	4.325,3	14.125,9	3.321,5
1914	6.242,8	1.861,2	1.534,5	4.275,7	13.914,2	3.293,9
1915	6.364,6	1.882,1	1.573,1	4.504,1	14.323,9	3.483,8
1916	5.964,1	1.598,7	1.488,72	3.544,6	12.596,1	2.744,6
1917	5.524,0	1.446,1	1.427,5	3.490,6	11.888,2	2.503,5
1918	5.746,5	1.435,4	1.365,1	3.266,1	11.813,1	2.727,5
В относительных к 1913 г.						
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	98,2	101,3	95,6	98,9	98,5	99,1
1915	100,1	102,5	98,0	104,1	101,4	104,9
1916	93,8	87,0	92,8	81,9	89,2	82,6
1917	86,9	78,8	88,9	80,7	84,2	75,4
1918	90,4	78,1	85,0	75,5	83,6	82,1
Сбор в тыс. т						
1913	12.129,5	4.417,9	3.564,6	9.504,0	29.616,0	52.854,7
1914	10.349,5	3.789,7	3.049,6	8.846,9	26.035,8	44.696,4
1915	9.094,3	3.705,9	2.415,7	5.890,1	21.106,0	52.885,2
1916	8.902,8	2.999,4	2.745,1 ¹	6.928,3	21.575,6	24.691,2
1917	6.977,2	2.226,0	1.821,2	3.628,2	14.652,6	34.410,9
1918	8.009,1	2.458,4	2.064,6	4.680,7	17.212,8	29.469,7
Сбор в относительных к 1913 г.						
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	85,3	85,8	85,6	93,1	87,9	84,6
1915	75,0	83,9	67,7	61,9	71,3	100,1
1916	73,4	67,9	77,3	72,9	72,7	46,7
1917	57,5	50,4	51,1	38,2	49,5	65,1
1918	66,0	55,6	57,9	49,2	58,1	55,7

Отсюда видно, что общая посевная площадь Германии до 1918 г. сокращается почти неуклонно. Наиболее быстро сокращение идет в отношении овса, пшеницы и картофеля. Ячмень и особенно рожь устойчивее.

Падение сборов дает значительно большую величину, чем посевы: сокращение сборов доходит в 1917 г. до 50%. Более сильное сокращение сборов, чем посевов, нужно отнести за счет падения урожайности за военные годы.

Действительно, факт падения урожайности с гектара в Германии подтверждается следующими цифрами².

¹Яровой и озимый вместе.

²По данным *Annuaire international de statistique agricole 1917 et. 1918. Rome 1920.*

Урожай с гектара в квинталах.

В среднем за годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Картофель
1909–13	18,2	21,4	20,7	19,7	137,0
1914–18	14,5	18,1	16,3	15,6	124,2

7. Обратимся теперь к производству хлебных продуктов во Франции. Представление о его изменении дает следующая таблица¹:

Посевная площадь в тыс. акр.

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Итого 4 зерн.	Картофель
1913	2.956	16.163	1.889	9.877	30.885	3.792
1914	2.670	15.158	1.831	9.099	28.758	3.659
1915	2.311	13.565	1.574	8.065	25.515	3.221
1916	2.276	12.850	1.547	7.813	24.486	3.321
1917	1.865	10.745	1.718	7.425	21.753	3.465
1918	1.424	11.662	1.402	6.880	21.368	2.948

В относительных к 1913 г.

1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	90,3	93,8	96,9	92,1	93,1	96,5
1915	78,2	83,9	83,3	81,7	82,6	84,9
1916	76,9	79,5	81,9	79,1	79,3	87,6
1917	63,1	66,5	90,9	75,2	70,4	91,4
1918	48,2	72,1	74,2	69,6	69,2	77,7

Сбор в тыс. метрич. тошн

1913	1.355	8.783	1.094	5.434	16.667	12.984
1914	1.140	7.870	1.006	4.671	14.687	14.017
1915	847	6.063	693	3.467	11.070	9.399
1916	912	5.841	858	4.128	11.739	8.781
1917	626	3.663	811	3.110	8.210	6.217
1918	735	6.144	598	2.562	10.039	7.763

Сбор в относительных к 1913 году

1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	84,1	89,6	91,9	85,9	88,1	107,9
1915	62,5	69,0	63,3	63,8	66,4	72,5
1916	67,2	66,5	78,4	70,6	70,4	61,5
1917	40,6	40,2	70,4	50,7	49,3	47,9
1918	50,4	61,0	50,5	40,7	60,2	51,0

Сокращение посевных площадей во Франции еще более значительно, чем в Германии. В значительной мере это, конечно, зависит от того, что северные территории Франции были заняты

¹ По данным Сборника стат. экон. сведений за 1915 г., Statistisches Jahrbuch за 1915 г. и Statesman's year-book за 1920 г.

и разорены германцами и не вошли в подсчет. Во Франции, однако, наименее устойчивой культурой оказывается рожь.

Сбор во Франции также падает быстрее посевов, хотя и не в такой степени, как в Германии. Особенно сильно падение сборов картофеля, овса и ячменя.

Более сильное сокращение сборов, чем посевов, во Франции объясняется, как и в Германии, понижением урожайности. Это понижение доказывается следующими данными¹.

Урожайность на 1 гектар в квинталах.

В среднем за	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Картофель
1909-13	10,4	13,2	13,9	13,0	85,0
1914-18	9,7	11,0	12,1	17,4	68,0

Урожайность за годы войны в среднем стоит ниже довоенной по всем культурам, кроме овса.

8. Переходит к Англии, которая была затронута войной, хотя и сильно, но уже значительно слабее, чем Германия и Франция.

Посевная площадь в тыс. акров²

Годы	Пшеница	Ячмень	Овес	Итого 3 зернов.	Картофель
1913	1.790	1.930	3.962	7.682	1.173
1914	1.903	1.871	3.874	7.648	1.196
1915	2.330	1.523	4.155	8.008	1.201
1916	2.051	1.652	4.147	7.850	1.144
1917	2.107	1.796	4.764	8.663	1.365
1918	2.793	1.839	5.604	10.236	1.505
В относительных к 1913 г.					
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	106,3	96,9	97,8	99,6	101,9
1915	130,2	78,9	104,9	104,1	102,3
1916	114,6	85,6	104,7	102,2	97,5
1917	123,1	93,1	120,2	112,8	116,4
1918	156,0	95,3	141,5	133,5	128,3
Сбор в тыс. кварталеров					
1913	7.087	8.204	20.660	35.951	7.605
1914	7.566	8.800	21.168	37.534	7.605
1915	8.874	5.873	23.087	37.834	7.670
1916	7.472	6.612	21.334	35.418	5.469
1917	8.041	7.185	26.021	41.247	8.604
1918	11.643	7.760	31.196	50.599	9.223

¹ По данным *Annuaire International de statistique agricole* 1917 et 1918. Rome 1920.

² По *Staesman's year-book* за 1915 и 1920 г.

Сбор в относительных к 1913 г.

1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	106,7	107,2	102,5	104,4	100,0
1915	125,2	71,6	111,7	105,2	100,8
1916	105,4	80,6	103,3	98,5	71,9
1917	113,4	87,6	125,9	114,7	126,3
1918	164,3	94,6	151,0	140,7	121,3

Отсюда ясно, что в Англии мы находим существенно иную картину, чем в предыдущих странах. В общем посевная площадь в Англии увеличилась и весьма сильно. Увеличение идет за счет пшеницы, овса и картофеля. Ячмень дает незначительное падение.

Те же тенденции с некоторыми колебаниями обнаруживает и сбор.

Это увеличение сельскохозяйственной полевой продукции в Англии стоит, несомненно, в зависимости от затруднений импорта сельскохозяйственных продуктов и от относительно высоких цен на них.

Интересно отметить, что в Англии не наблюдается и того падения урожайности, которое было констатировано в отношении Германии и Франции. Урожайность в Англии по одним культурам понизилась весьма слабо, по другим не изменилась или даже повысилась. Сказанное подтверждается следующими данными об урожайности в квинталах на гектар¹.

В среднем за	Пшеница	Ячмень	Овес	Картофель
1909–13 гг.	21,3	19,0	18,3	146,8
1914–18 гг.	21,2	18,3	18,8	149,3

9. Посмотрим, далее, как изменяется сельскохозяйственная продукция в Северо-Американских Соединенных Штатах, которых война коснулась своими разрушительными влияниями весьма слабо².

Посевная площадь в тыс. акров

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Итого
1913	50.184	2.557	7.499	38.399	105.820	204.459
1914	53.541	2.541	7.565	38.442	103.435	205.524
1915	60.469	3.129	7.148	40.996	106.197	217.939

¹ По данным Римского сельскохозяйственного института. См. *Annuaire International de statistique agricole*. 1917–18.

² По данным *Statistical abstract of the Un. St.* за 1918 г.

1916	52.316	3.213	7.757	41.527	105.296	210.109
1917	45.089	4.317	8.933	43.533	116.730	218.602
1918	59.110	6.185	9.679	44.400	107.494	226.868

В относительных к 1913 г.

1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	106,7	99,4	100,9	100,1	97,7	100,5
1915	120,5	122,3	95,3	106,8	100,3	106,6
1916	104,2	125,6	103,4	108,1	99,5	102,7
1917	88,9	168,8	119,1	113,4	110,3	106,9
1918	117,8	241,9	129,1	115,6	101,5	110,9

Сбор в тыс. бушелей

1913	763.380	41.381	178.189	1.121.768	2.446.988	4.551.706
1914	891.017	42.779	194.955	1.141.060	2.672.804	4.942.615
1915	1.025.801	54.050	228.851	1.549.030	2.994.793	5.852.525
1916	636.318	48.862	182.309	1.251.837	2.566.927	4.686.253
1917	636.655	42.933	211.759	1.592.740	3.065.233	5.549.320
1918	917.100	89.103	256.375	1.538.359	2.582.814	5.383.751

В относительных к 1913 г.

1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	116,6	103,4	109,4	101,7	109,2	108,6
1915	134,4	130,6	128,4	138,1	122,4	128,5
1916	83,3	118,1	102,3	111,6	104,9	102,9
1917	83,4	103,7	118,8	142,0	125,3	121,9
1918	120,1	215,3	143,9	137,1	105,5	118,3

Посевы и сбор хлебов в Северо-Американских Соединенных Штатах значительно возросли. Особенно значительное возрастание дают рожь, ячмень, пшеница, овес. Этот вывод относится ко всем взятым культурам. Только кукуруза более или менее стационарна.

Урожайность в Соединенных Штатах, точно также, скорей повысилась, чем упала. Подтверждением тому служат следующие данные¹.

Урожайность в квинталах на гектар.

В среднем за	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Картофель
1909-13 гг.	9,8	9,8	12,9	10,9	16,3	65,2
1914-18 гг.	10,1	7,8	14,2	12,1	16,2	65,0

10. В общем картину возрастания дает и другая Заокеанская страна — Австралия².

¹ По данным Римского сельскохозяйственного института. Op. cit.

² См. Statist за ноябрь и декабрь 1919 г.

Площадь посевов

Годы	Пшеница		Овес		Кукуруза		Итого	
	в млн. акров	в %	в млн. акров	в %	в млн. акров	в %	в млн. акров	в %
1913-14	9,3	100,0	0,86	100,0	0,3	100,0	10,46	100,0
1914-15	9,7	104,3	0,77	89,5	0,3	100,0	10,77	102,9
1915-16	12,5	134,4	0,72	83,7	0,3	100,0	13,52	129,2
1916-17	11,5	123,7	0,84	97,6	0,4	133,3	12,74	121,8
1917-18	9,8	105,4	0,62	72,1	0,3	100,0	10,72	102,5

Сбор хлебов

Годы	в млн. бушелей		в %		в млн. бушелей		в %	
	в млн. бушелей	в %	в млн. бушелей	в %	в млн. бушелей	в %	в млн. бушелей	в %
1913-14	103,3	100,0	15,2	100,0	9,2	100,0	127,7	100,0
1914-15	24,9	24,1	4,3	28,3	8,5	92,4	37,7	29,5
1915-16	179,1	173,3	16,5	108,5	6,8	73,9	202,4	158,5
1916-17	152,4	147,5	14,0	92,1	8,5	92,4	174,9	136,9
1917-18	114,7	111,0	10,4	68,4	8,8	95,6	133,9	104,9

Наиболее важная культура пшеницы до 1917-18 г. дает весьма сильное возрастание, в 1917-18 г. она дает падение, но уровень посевов и сборов все же остается выше, чем в 1913-14 г. Общая посевная площадь и сбор к 1916-17 г. также сильно возросли, обнаруживая, однако, в 1917-18 г. упадок. Мало влиятельная культура овса до 1917-18 г. дает возрастание, в 1917-18 г., наоборот, упадок. Посевы кукурузы в общем стационарны.

11. Из заокеанских стран представляет далее огромный интерес остановиться на продукции Канады. Следующие цифры рисуют нам картину движения ее хлебной продукции¹.

Посевная площадь в тыс. гектаров

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Итого зерн.	Картофель
1913	4.457	48	653	4222	112	9.492	192
1914	4.166	45	605	4072	103	8.991	192
1915	5.939	45	691	4623	102	11.400	194
1916	6.220	60	730	4450	70	11.530	191
1917	5.971	86	968	5388	95	12.508	266
1918	7.023	225	1.276	5985	102	14.611	277

в относительных к 1913 г.

1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	93,5	93,7	92,5	96,4	91,9	93,7	100,0
1915	133,3	93,7	105,8	109,5	91,0	120,1	101,0

¹ По данным *Annuaire international, de statist. agricole.* за 1917-18 гг.

1916	139,6	125,0	111,8	105,4	62,5	121,4	99,5
1917	133,9	179,2	148,2	127,6	84,8	131,7	138,6
1918	157,5	468,7	195,4	141,7	91,0	153,9	149,5

Сбор в тыс. квинтал

1913	63.064	584	10.520	62.408	42.604	179.180	21.376
1914	43.894	512	7.881	48.283	35.368	135.938	23.316
1915	116.143	608	13.215	80.763	36.496	247.225	17.038
1916	71.518	731	9.312	63.263	15.957	160.781	17.227
1917	63.615	980	11.987	62.152	19.718	158.452	21.743
1918	51.459	2.160	16.827	65.746	36.105	172.297	28.404

в относительных к 1913 г.

1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	69,6	87,7	74,9	77,3	83,0	75,9	109,1
1915	184,2	104,1	125,6	129,4	85,7	132,4	79,7
1916	113,4	125,2	88,5	101,4	37,4	89,4	80,5
1917	100,9	167,8	113,9	99,5	46,3	88,4	101,7
1918	81,6	369,9	159,9	105,3	84,8	96,2	132,8

Отсюда ясно, что посевные площади Канады значительно расширились, в особенности площади пшеницы, ржи, ячменя и картофеля. Несколько сократилась площадь кукурузы. Общий сбор Канады дает колеблющуюся кривую, очевидно, в зависимости от колебания урожайности столь характерного для страны экстенсивного хозяйства, и в сумме для зерновых не дает прироста. Значительный прирост дают рожь, ячмень и картофель. В отношении сбора выдающимся годом является 1915 г., главным образом благодаря исключительно хорошему урожаю.

Вообще же урожайность хлебов и картофеля за время войны в Канаде несколько понизилась. Исключение представляет рожь. Сказанное подтверждается следующими данными¹.

Сбор в квинталах с гектара

В среднем за	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Картофель
1909—13 гг.	13,3	11,2	15,3	13,9	35,2	107,9
1914—18 гг.	11,9	11,6	14,1	13,2	29,8	95,3

12. Остановимся теперь кратко на сельскохозяйственной продукции некоторых нейтральных европейских стран. Возьмем Голландию и Швецию. Суммарные цифры по этим странам дают следующую картину.

¹ По данным *Annuaire international de statistique agricole* 1917 et. 1918.

Г о л л а н д и я

Посевные площади в тыс. гектаров¹

Года	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Итого зерн.	Картофель
1913	228	57	27	141	453	70
1916	199	54	24	139	416	171
1918	191	60	24	159	434	178
в относительных к 1913 г.						
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1916	87,3	94,7	88,9	98,7	91,8	244,3
1918	83,8	105,3	88,9	112,8	95,8	254,3
Сбор в тыс. квинталов						
1913	4.227	1.383	679	3.065	9.354	2.503
1916	2.914	1.282	516	2.906	7.618	2.408
1918	3.258	1.454	572	3.080	8.364	2.985
в относительных к 1913 г.						
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1916	68,9	92,7	76,0	94,8	81,4	96,2
1918	77,1	105,1	84,2	100,5	89,4	119,3

Ш в е ц и я

Посевная площадь в тыс. гектаров²

1913	371	117	182	789	1.459	152
1916	369	129	167	776	1.441	148
1918	384	154	185	733	1.456	169
в относительных к 1913 г.						
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1916	99,5	110,3	91,8	98,3	98,8	97,4
1918	103,5	131,6	101,6	92,9	99,8	111,2
Сбор в тыс. квинталов						
1913	5.845	2.586	3.687	14.014	26.132	19.691
1916	5.419	2.460	2.983	12.384	23.246	14.973
1918	5.028	2.450	2.541	8.401	18.420	19.358
в относительных к 1913 г.						
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1916	92,7	95,1	80,9	88,4	89,0	76,0
1918	86,0	94,7	68,9	59,9	70,5	98,3

Из рассмотрения приведенной таблицы можно заключить, что в нейтральных европейских странах эволюция производства основных хлебов не обнаруживает единой тенденции. Посевные

¹ По данным *Annuaire international de statistique agricole 1917 et. 1918.*

² По данным Сборн. статист. свед. о соврем. экономич. положении важнейших иностранных государств. Изд. ЦСУ.

площади некоторых культур, как пшеница, и особенно картофель, расширились. Посевные площади ржи и ячменя сократились в Голландии и несколько расширились в Швеции. Движение сбора аналогично движению площадей. Однако, сбор или не возрастает или возрастает медленнее, чем посевные площади, в случае роста последних; и он падает быстрее площадей в случае их падения. Такое соотношение посевных площадей и сборов объясняется понижением урожайности и в этих странах.

В общем и среднем посевные площади нейтральных стран, взятые в сумме, почти стационарны. Сбор понижается в силу падения урожайности.

13. До сих пор мы анализировали хлебную продукцию отдельных стран различных групп. Чтобы придти теперь к общим выводам и чтобы получить более полную картину изменения в мировой хлебной продукции за время войны, возьмем следующую итоговую таблицу, в которой учтены почти все важнейшие страны мира и приводится сравнение хлебной продукции перед войной за 1913 г. и в конце войны за 1918 г.

Мировая продукция хлебов перед войной и в конце ее¹.

Посевные площади в тыс. гектаров							
группа стран: воевавшие страны Европы ² .							
Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Кукуруза	Итого зерн.	Картофель
1913	9.843	18.968	4.251	11.473	4.982	49.517	5.911
1918	7.386	14.211	3.373	9.312	4.129	38.411	5.163
1918							
в % к							
1913	75,0	74,5	79,3	81,2	82,9	77,6	87,3
II группа стран: нейтральные страны Европы ³ .							
1913	1660	4175	2075	2044	447	10383	170
1918	1574	4509	2208	2054	473	10818	830
1918							
в % к							
1913	94,8	108,0	107,4	100,5	105,8	104,2	123,9

¹ Составлено по данным *Annuaire internationale*. 1917 и 1918 г. и Сборника ЦСУ, упом. выше.

В некоторых немногих случаях, когда за 1918 г. не имелось по той или иной стране данных о площадях и сборах, брались данные за 1917 г. или 1919 г.

² В первую группу вошли следующие страны: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, Франция, Болгария, Румыния.

³ Во вторую группу вошли: Голландия, Дания, Испания, Норвегия, Швейцария и Швеция.

III группа стран: заокеанские страны¹.

1913	1083	50881	5844	21285	48326	127418	1676
1918	2728	59401	7283	25183	48343	142938	2001
1918							
в % к							
1913	251,9	116,9	124,6	118,3	100,0	112,2	120,0

IV группа: все страны

1913	12586	74024	12152	34802	53754	187318	8257
1918	11688	78121	12864	36559	52945	192167	7995
1918							
в % к							
1913	92,9	105,5	105,9	105,0	98,5	102,6	96,8

Сбор в тыс. квинталов

I группа стран

1913	172099	262115	73759	198314	74279	780566	798521
1918	96167	177057	45654	129663	30650	479191	485440
1918							
в % к							
1913	55,9	67,5	61,9	65,4	41,3	61,0	60,8

II группа стран

1913	22179	37495	26128	31784	6386	123973	90576
1918	19979	44789	28859	25036	6132	124796	103496
1918							
в % к							
1913	90,1	119,5	110,5	78,8	96,0	100,7	114,3

III группа стран

1913	11095	457984	66702	234549	713833	1484164	111604
1918	24793	522060	92602	301079	723944	1664479	137297
1918							
в % к							
1913	223,5	114,0	138,8	128,4	101,4	112,1	123,0

IV группа: все страны

1913	205373	757594	166590	464648	794498	2388703	1000701
1918	140940	743906	167115	455778	760726	2268465	726232
1918							
в % к							
1913	68,6	98,2	100,3	98,1	95,7	95,0	72,6

¹ В третью группу вошли: Австралия, Аргентина, Алжир, Тунис, Южная Африка, Индия, Канада, Соединенные Штаты Северной Америки, Уругвай, Чили и Египет.

Из приведенной таблицы о полевой продукции мы позволим себе сделать следующие общие выводы:

а) Посевные площади и производство хлебов Европейских стран, глубоко затронутых и потрясенных войной, в общем сокращается весьма значительно. Площади сокращаются по отдельным культурам от 13 до 25%. Сбор по культурам от 33 до 59%.

б) Посевные площади нейтральных европейских стран обнаруживают почти стационарное состояние, скорее с тенденцией к повышению, которая для всех зерновых выражается в 4,2%, а для картофеля в 23,4%. Сбор, в силу падения урожайности, дает стационарное состояние для зерновых в сумме и прирост для картофеля в 14,3%.

в) Посевные площади и производство заокеанских стран расширились. По культурам расширение площадей выражается от 0,0 до 150%; увеличение сбора от 1,4 до 123,5%.

г) Так как европейские страны, одинаково пораженные и победившие, воевавшие и нейтральные относятся к числу ввозящих хлебные продукты, так как доля их участия в мировой хлебной продукции составляла несколько более половины, то в масштабах мирового хозяйства уменьшение посевных площадей и сборов хлеба европейских стран за время войны почти компенсируется расширением продукции заокеанских стран. В отношении площадей по культурам для всех стран в целом мы имеем максимальное падение в 7,1% (для ржи), максимальный подъем 5,9% (для ячменя). В сумме для площадей зерновых наблюдается подъем в 2,6%. В отношении сбора благодаря понижению урожайности картина несколько иная. Здесь имеется в мировом масштабе по культурам колебание от упадка в 31,4% (рожь) до подъема в 0,3% (ячмень). В сумме для зерновых имеется упадок в 5%, для картофеля в 17,4%. Следовательно, в отношении основной зерновой хлебной продукции в мировом масштабе (без России) мы имеем в конце войны почти те же размеры ее, что и перед войной.

д) Из предыдущего с очевидностью вытекает, однако, что за время войны произошло значительное перераспределение производительных сил и производительной мощи мирового сельского хозяйства за счет одних стран в пользу других. Чтобы сделать более ясным и наглядным это перемещение, хотя бы в отношении важнейшей сельскохозяйственной продукции — зерновой, приведем в заключение следующие данные. Принимая мировую продукцию важнейших хлебов за 100, мы получаем следующую

долю участия в этой продукции для отдельных стран и частей света перед войной и за время войны¹.

Страны и части света	Пшеница		Рожь		Ячмень		Овес	
	Годы							
	1909-13	1914-18	1909-13	1914-18	1909-13	1914-18	1909-13	1914-18
Важнейшие страны Европы:								
Германия	3,4	2,6	25,1	22,8	8,2	6,5	13,2	9,6
Австрия	1,4	0,7	6,2	4,8	4,1	2,6	3,7	2,3
Дания	0,1	0,1	1,0	0,8	1,3	1,3	1,2	1,8
Испания	2,9	3,1	1,6	1,8	4,0	4,8	0,7	0,7
Франция	7,1	4,9	2,7	2,2	2,6	2,1	7,9	5,7
Англия	1,3	1,6	0,0	0,0	3,5	3,4	4,6	5,5
Италия	4,1	3,8	0,3	0,3	0,5	0,5	0,8	0,7
Голландия	0,1	0,1	0,9	0,9	0,2	0,2	0,4	0,5
Румыния	1,9	1,3	0,3	0,1	1,3	1,2	0,6	0,5
Вся Европа	43,6	35,5	95,3	92,1	57,8	51,3	60,9	50,2
Важные страны Америки:								
Канада	4,4	5,8	0,1	0,2	2,4	3,2	8,3	10,2
Соединенные Штаты	15,2	18,7	2,0	4,0	9,7	12,4	25,1	32,7
Аргентина	3,3	3,7	0,1	0,1	0,2	0,3	1,2	1,3
Вся Америка	23,9	28,2	2,2	4,3	13,1	16,9	34,7	44,4
Важные страны Азии:								
Китай	13,1	13,4	—	—	9,1	9,8	0,0	0,0
Индия	7,8	8,1	—	—	—	—	—	—
Япония	0,5	0,6	—	—	5,2	5,8	0,1	0,1
Вся Азия	28,1	30,4	2,5	3,5	23,7	26,1	3,0	4,3
Вся Африка	2,2	2,3	0,0	0,0	5,1	5,4	0,4	0,4
Вся Океания	2,2	2,6	0,0	0,0	0,3	0,2	2,3	2,2

Из этой таблицы очень хорошо видны утраты Европы и отдельных стран ее и возвышение Америки, отчасти Азии.

14. От обзора сельского хозяйства в собственном смысле слова обратимся к промышленности, связанной с сельским хо-

¹ По данным *Annuaire Internationale de statistique agricole* 1917 et. 1918, стр. 172 и сл. В таблице учтена в составе мировой продукции и продукция России. Средние по пятилетиям для некоторых стран выведены на основании не полных пяти лет.

зайством, перерабатывающей продукты сельского хозяйства. Остановимся прежде всего на сахарной промышленности.

Производство свекловичного и тростникового сахара характеризуется следующими данными¹.

Годы	Свекловичный сахар			Тростниковый сахар				Итого	
	Европа	Аме- рика	Всего	Аме- рика	Азия	Африка	Авст- ралия		
в млн. тонн									
1913-14	8,18	0,66	8,83	4,98	4,06	0,47	0,35	9,86	18,70
1914-15	7,58	0,66	8,24	5,02	4,19	0,52	0,35	10,08	8,32
1915-16	5,19	0,80	5,99	5,21	4,34	0,52	0,24	10,31	16,30
1916-17	4,55	0,75	5,30	5,60	4,83	0,52	0,29	11,25	16,55
1917-18	4,29	0,69	4,98	5,66	5,70	0,53	0,40	12,29	17,28
1918-19	3,29	0,90	4,19	6,38	4,73	0,58	0,29	11,98	16,17
в относительных величинах									
1913-14	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914-15	92,7	100,0	93,3	100,8	103,2	110,6	100,0	101,2	98,0
1915-16	63,4	121,2	67,8	104,6	106,9	110,6	68,6	104,6	87,2
1916-17	55,6	113,5	60,0	112,5	118,9	110,7	82,9	113,1	88,5
1917-18	52,4	104,6	56,4	113,7	140,4	112,8	114,3	124,6	92,8
1918-19	40,2	136,4	47,4	128,1	95,0	123,4	82,9	121,5	86,5

Из приведенных данных рисуется весьма интересная картина конъюнктур сахарного рынка. Свекловичный сахар, поставляемый преимущественно Европой, дает резкое и неуклонное падение. Продукция его в Америке возрастает. Но продукция его там весьма незначительна и ее возрастание не компенсирует упадок Европейской продукции. Вот почему и общий размер производства свекловичного сахара падает.

Этот упадок, несомненно, стоит в связи с упадком земледелия на континенте Европы в особенности по отношению к таким интенсивным культурам, как сахарная свекла. Действительно, важнейшей страной Европы по производству и переработке сахарной свеклы в Западной Европе была Германия. Между тем

¹ По данным Магдебург. Статист. Бюро и торгового дома Willot and Gray в Нью-Йорке. См. "Народное хозяйство" за 1915 г. и Бюллетень Берлинского представительства от 18 января 1921 г. Тростн. сахар и общ. итог без Испании.

Значительное количество статистических материалов о мировой сахарной промышленности читатель может найти в "Вестнике сахарной промышленности" Державне Видовничество. Київ, 1921 г. 1-3.

Цифры, приведенные там, базированы в значительной мере как на первоисточнике на данных торг. дома Willot and Gray и в существе почти совпадают с приводимыми ниже. Из "Вестника" в таблице нами заимствованы данные о 1916-1917 и 1917-1918 гг.

количество посевов и сбор свеклы в ней за время войны резко упали¹.

	Годы				
	1913-14	1914-15	1915-16	1916-17	1917-18
Количество переработанной свеклы, в млн. тонн	16,94	15,96	9,62	9,57	9,23
Посевная площадь, с которой была собрана эта свекла в тыс. гектаров	532,8	546,7	364,3	400,3	384,6
Сбор на 1 гектар	318	293	264	239	240

Из предыдущей таблицы, далее, видно, что, напротив, продукция тростникового сахара неуклонно и быстро возрастает, особенно в Америке. Таким образом за время войны тростниковый сахар постепенно замещает сахар свекловичный.

Однако, мы должны констатировать, что общая мировая продукция сахара сильно сократилась, сократилась, приблизительно, на 13,5%.

15. Посмотрим теперь, в каком состоянии находилось производство хлопка и хлопчатобумажная промышленность. Изменение посевных площадей под хлопком в Соединенных Штатах Америки, Египте и Индии рисуется следующими цифрами:

Годы	Соединенные Штаты ²		Египет ³		Ост-Индия ⁴	
	в тыс. акров	в %	в тыс. гект.	в %	в тыс. гект.	в %
1913-14	37.458	100,0	724	100,0	10.125	100,0
1914-15	36.833	98,3	737	101,7	9.968	98,4
1915-16	31.412	83,9	498	68,8	7.181	70,9
1916-17	34.983	93,4	695	96,0	8.800	86,9
1917-18	33.841	90,3	705	97,4	10.193	100,6
1918-19	36.007	96,1	553	76,3	8.514	84,1

Отсюда ясно, что посевы хлопка в общем подверглись сильному сокращению. Некоторый подъем их дает 1918 г. в Соединенных Штатах.

О сборе хлопка данные различных источников не вполне совпадают. Однако, после тщательной проверки и сопоставления их, мы пришли к убеждению, что эти несовпадения имеют лишь частичное, хотя иногда и существенное значение, что они обусловлены отчасти растяжимостью и приблизительностью

¹ Statistisches Jahrbuch за 1919 г.

² По данным Statesman's year-book за 1920 г. и "Нар. Хоз." Изд. Минфин за 1915 г.

³ По данным Римского с-х. института. См. Annuaire internationale 1917 et 1918 гг.

⁴ По данным Annuaire internationale 1917 et 1918 гг.

единицы измерения урожая хлопка, какой является балл¹ или кипа. Во всяком случае эти несовпадения не меняют общего направления динамики сборов хлопка. Представление о динамике их дает следующая таблица:

Годы	Соединенные Штаты ²	Ост-Индия ²	Египет ³	Прочие страны ⁴	Мировой сбор
в тысячах баллов по 500 английских фунтов					
1913-14	14.677	4.048	1.455	4.682	25.733
1914-15	15.135	4.182	1.248	4.195	25.380
1915-16	11.192	2.987	1.092	4.598	21.213
1916-17	11.450	1.826	0.946	4.054	20.312
1917-18	11.302	3.197	1.020	3.867	19.418
1918-19	12.041	3.180	0.964 ⁵	3.916 ⁶	20.101
в относительных величинах:					
1913-14	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914-15	109,9	103,3	85,8	89,6	98,6
1915-16	76,3	73,7	75,0	98,2	82,4
1916-17	78,0	45,1	65,0	86,6	78,9
1917-18	77,0	79,1	70,1	82,6	75,5
1918-19	82,0	78,5	66,2	83,6	78,1

Из приведенных данных с несомненностью вытекает, что сборы хлопка за время войны сильно сократились. Причины этого понижения сборов сводятся к следующим факторам. Прежде всего нужно отметить, что после рекордных урожаев 1913-14 и 1914-15 г. мир вступил в полосу пониженных сборов хлопка в силу естественно-климатических условий.

Далее падение хлопковой культуры было обусловлено констатированным выше сокращением хлопковых плантаций, и, наконец, понижением качества их обработки и в частности

¹ Балл американского хлопка обычно равен около 230 кг, или около 500 английских фунтов, ост-индского 180 кг или около 400 фунт., египетск. — 340 кг, или 750 фунтов, прочих стран — 135 кг., или 300 фунтов. См. Statistisches Jahrbuch за 1919 г. Internation. ubsicht, стр. 15.

² По данным Statesman's year-book за 1915 et 1920 г.

³ По данным Римского с-х института. См. Annuaire за 1917 и 1918 г.

⁴ По данным Statistisches Jahrbuch 1919. International ubsicht, стр. 15.

⁵ По данным проф. J.A. Todd. См. The Economist от 18 февраля 1922 г. стр. 308. В этом же номере Economist'a приведены данные проф. Todd'a по важнейшим странам и о мировом сборе за годы с 1915 г. по 1921 г. включительно. Приведенные данные частично не совпадают с приводимыми в тексте. Однако и они рисуют в общем ту же тенденцию, что и в тексте. Поэтому мы не нашли необходимым менять цифры нашей таблицы целиком, хотя она и была составлена на основании более ранних публикаций.

⁶ Взята цифра по данным проф. Толда. См. предыд. примечание.

ухудшением в удобрении¹, что вело за собой понижение урожайности. Действительно, урожайность хлопка до войны и во время войны в квинталах на гектар выражается такими цифрами²:

В среднем за:	Соединенные Штаты	Египет	Ост-Индия
1909–13 гг.	2,0	4,5	0,9
1914–18 гг.	1,9	3,8	0,9

Падение урожайности в среднем за военные годы цифры не показывают только по Индии.

Первоначальным толчком к движению в сторону сокращения хлопковых плантаций и ухудшению их обработки явилось, по-видимому, понижение расценок хлопка, которое было в начале войны, главным образом, в силу замешательства на мировом рынке, расстройств прежних торговых путей и выпадения некоторых весьма сильных рынков, как Германия, Австрия. В силу этих обстоятельств спрос на хлопок упал, напряженный же военный спрос не успел сказаться³. Когда же влияние военного спроса с 1915 г. стало возрастать и возросло до небывалых размеров, хлопковая культура, как культура интенсивная, уже не могла подняться до прежнего уровня в силу натуральных факторов и прежде всего в силу отвлечения из сельского хозяйства рабочих рук.

Как бы то ни было, продукция хлопка сократилась. В силу этого было весьма сильно нарушено обычное соотношение элементов хлопкового рынка.

Нормальное мировое потребление хлопка, год за годом увеличивавшееся, характеризуется следующими цифрами⁴:

Годы	Потребление в тыс. балл.
1909	16.667
1910	17.031
1911	17.819
1912	19.831
1913	20.400
1909–13	18.349,6

¹ См. "Народное Хозяйство" за 1915 г., стр. 127. Изд. Минфин.

² По данным Annual Report Рискского института за 1917 и 1918 г.

³ См. "Народное хозяйство" за 1915 г. и статью "Хлопчатобумажная промышленность после заключения мира" в Экономическом бюллетене берлинского представительства от 24 декабря 1920 г.

⁴ По данным International cotton statistics изд. International Federation of Master Cotton Spinners and Manufacturers, Associations. March 1921, Manchester.

Сопоставляя эти данные с мировым сбором хлопка во время войны мы видим, что в мировом масштабе счетный баланс производства и потребления вполне сводится, что, следовательно, о мировом хлопковом голоде в собственном смысле слова говорить нельзя. Однако, при анализе рынка таким простым счетным балансом удовлетвориться нельзя: он говорит слишком мало.

Если общее производство хлопка и превышает еще потребление его, то размер этого превышения за время войны должен был постепенно, как в силу понижения сбора, о чем была речь выше, так и в силу увеличения потребления понижаться.

Действительно, в связи с все возрастающим спросом на одежду для армии и на взывчатые вещества потребление хлопка быстро возросло.

В 1914–15 г. оно исчислялось в 18.735 тыс. баллов¹.

в 1915–16	19.573 ²
в 1916–17	21.000 ³

Падение сборов при растущем потреблении должно было отразиться на размерах запасов хлопка в смысле их уменьшения уже в первые годы войны.

К концу 1914–15 г. запасы видим и другие исчисления в 8.363 тыс. баллов.

В 1915–16 6.040

Это во-первых. Во-вторых, при уяснении баланса производства-потребления необходимо принять во внимание совершенно различное положение отдельных стран в отношении снабжения хлопком. Для уяснения этого различия многое дает следующая таблица:

Потребление хлопка по видам его за 1912–13 г. в % к общей сумме его потребления по странам:

Страны	Виды хлопка			Бразильский, русский, турецкий и проч.
	Сев. Америк.	Ост-Индск.	Египетск.	
Северные Штаты Америки	96,0	—	3,5	0,5
Соединенное Королевство	85,8	1,2	9,2	3,8
Германия	79,7	11,1	6,4	2,8
Япония	26,8	62,5	1,0	9,7
Британская Индия	4,4	95,6	—	—
Прочие страны без России	72,2	14,1	4,6	9,1

¹ "Народное хозяйство" в 1915 г., стр. 127.

²"Народное хозяйство" в 1916 г., вып. 1, изд. Инст. Эконом. Исслед. при Нар. Комисс. Фин. Петрогр. 1919, стр. 42.

³"Народное хозяйство" в 1915 г., стр. 127.

Отсюда прекрасно видно, что Соединенные Штаты и Британская Индия во время войны могли находиться и находились в весьма благоприятных условиях хлопкового снабжения благодаря базированию их хлопчатобумажной промышленности на собственном сырье. В относительно благоприятных условиях находилась и Япония, которая, базируя свое снабжение на Индийском хлопке, находилась в сравнительной близости от источника сырья и не испытывала сколько-нибудь заметного влияния блокады.

В чрезвычайно тяжелом положении оказалась Германия, почти всецело зависящая от Америки и отрезанная от источников снабжения. Промышленность ее безусловно должна была сильно сжаться.

Но и Соединенное Королевство и значительная часть прочих, главным образом Европейских, стран, завися в сильнейшей мере от Америки, должны были испытывать значительные затруднения в снабжении своей промышленности сырьем. Помимо влияния блокады и вообще расстройств мировой торговли, исходным уясняющим моментом является здесь положение самого Американского рынка, как основного.

Обращаясь к Америке, мы видим, что за время войны Соединенные Штаты весьма сильно развивают внутреннее потребление хлопка и соответственно все менее его экспортируют, в особенности в связи с падением сборов. Это хорошо видно из нижеследующих данных.

Потребление хлопка в Северо-Американских Соединенных Штатах

Годы ¹	Всего	В том числе своего	Потребление своего хлопка в % к продукции	Экспорт своего хлопка в тыс. балл.
			В тыс. баллах	
1913-14	5.499	5.196	35,4	8.125
1914-15	5.598	5.301	32,9	9.522
1915-16	5.614	5.296	47,3	8.807
1916-17	6.415	5.928	52,4	6.168
1917-18	6.808	6.375	56,4	6.176
1918-19	6.580	6.297	52,3	4.641

Сокращение мировой продукции хлопка, увеличение внутреннего потребления его в Америке и падение экспорта его отсюда — вот те обстоятельства, которые позволяют прийти к заключению, что передовые текстильно-индустриальные стра-

¹ По данным Statistical abstract of Un. S. за 1919 г.

ны, как Англия, должны были испытывать действительно подобие хлопкового голода. Лучшим подтверждением этого служит факт сжатия английской хлопчатобумажной промышленности, если судить о нем по размерам потребления хлопка в Англии¹.

В 1912–13 г. было потреблено 2074 млн. фунт.

В 1914–16 г. 1854

В 1917–19 г. 1623

Таковы основные черты в состоянии хлопковой продукции военного времени, в соотношении производства и потребления хлопка и в положении основных рынков его. Эти черты достаточно хорошо уясняют нам натуральные элементы и факторы конъюнктур мирового хлопкового рынка, на базе которых нам легко будет впоследствии понять ценностные показатели этих конъюнктур. Но прежде чем перейти к ценностным показателям конъюнктур мирового хозяйства, нам необходимо еще рассмотреть натуральные элементы рынков различных иных товаров. По связи с хлопком остановимся на льняном рынке.

16. По мере развития войны положение льняного рынка становится все более напряженным. Он приходит к состоянию все большего оскудения. Причинами этого являются с одной стороны, сильнейшая зависимость мирового льняного рынка от России и постепенное выпадение России — этого главного поставщика льна — из орбиты мирового хозяйства, с другой стороны, бессилие прочих стран расширить продукцию льна в такой мере, чтобы сколько-нибудь значительно покрыть потребности мирового льняного рынка. Как известно, посевная площадь под льном на волокно в России перед войной составляла до 80–85% мировой посевной площади, а сбор волокна от 70 до 75% мирового сбора². На $\frac{3}{4}$ мировой рынок льняного волокна снабжался Россией. Во время войны, однако, постепенно сокращается русское льноводство, а главное резко падает русский экспорт льна и с 1918 г. даже почти прекращается.

Движение русского экспорта льна характеризуется следующими цифрами³.

¹ См. Statesman's year-book за 1920 г.

² См. Annuaire International 1917–1918 гг. Изд. римского с-х института, См. А.А. Рыбников "Промышленное льноводство, условия и формы его развития", ст. в "Сборнике лекций", читан. на курсах по льняному делу. М., 1915.

³ По данным сборника статистико-экономических сведений. Изд. Отдела Сельской Экономии Министерства Земледелия за 1915 г. и работы С.Н. Прокоповича, "Война и народное хозяйство", стр. 48.

Годы	В тыс. пуд.
В среднем за 1909–13	14.094
1914	12.485
1915	3.804
1916	6.321
1-я половина 1917	1.182
1918 ¹ около	1.150

Это резкое и колоссальное сокращение русского экспорта льна одновременно никем не компенсировалось. Достаточно посмотреть на продукцию льна в двух главнейших странах, чтобы убедиться в этом. Приведем следующие данные о посевных площадях и сборе льна в этих странах².

В среднем за	Австрия	Франция	Великобритания	Италия	Япония	Итого
Посевная площадь в тыс. гектаров						
1909–13 гг.	39	25	22	8,9	4,2	99,8
1914–18 гг.	21	11	39	8,5	18,8	97,3
Сбор волокна в тысячах кипиталов						
1909–13 гг.	241	184	107	29	136	697
1914–18 гг.	138	62	129	24	331	686

Отсюда ясно, что за время войны посевные площади и сбор льняного волокна важнейших стран в сумме даже сократились. Некоторое возрастание их дают лишь Великобритания и Япония. Но этот прирост, во-первых, в масштабах довоенного рынка ничтожен, во-вторых, он не компенсирует упадка продукции других стран.

При таком положении русского экспорта и движении продукции прочих стран естественно, что в основных потребляющих лен странах, как Англия, Франция, Бельгия, должен был создаться сильнейший льняной голод.

Отсюда понятно, что и льняная промышленность этих стран должна была испытывать значительные затруднения. Однако, промышленность таких стран, как Бельгия и Франция пострадали в гораздо более сильной степени не от льняного голода, а от войны, как таковой. Достаточно указать, что льняная промышленность Бельгии за все время войны благодаря оккупации совершенно бездействовала, не будучи разрушена³.

¹См. Маслов С.Л. Льняная кооперация. М., 1918, стр. 47.

²По данным *Annuaire International*. Римского института. По Австрии цифры 1914–18 гг. выведена за неполное пятилетие.

³См. Лазаркевич Н.А. Льняное дело в Западной Европе. Изд. центр. т-ва льноводов. Лондон. 1921. Стр. 225.

Что касается Франции, то из 577.350 веретен, бывших до войны, 483.701 оказалось в полосе оккупации и бездействовало. 56.856 были парализованы в силу близости к фронту. Таким образом осталось в действии всего 36.793 веретена. Благодаря переводу части веретен из района, близкого к фронту вглубь страны и благодаря постановке новых, число их было довольно скоро доведено до 65 тыс., или до 11,5% довоенного числа. Но при таком количестве веретен Франция уже испытывала сырьевой голод. Мы видели, как упала ее собственная продукция волокна. В то же время резко сократился и импорт волокна в нее. В 1913 г. он составлял 112,9 тыс. тонн, в 1914 г. — 75 тыс., в 1915 г. — 2 тыс., в 1917 г. — 7 тыс. тонн¹.

Англия находилась в лучшем положении, чем Франция. Находясь на больших мировых морских путях, она получала сырье из других стран и из России в первую очередь. Вот почему в первые годы войны она не сокращает числа веретен, а даже расширяет его, перерабатывая, как туземное, так и привозное сырье. Но с упадком русского экспорта льна положение английской льняной промышленности становится критическим. В 1918 г. потребление льна в ней упало до 53% нормального². Потребление льняного сырья в Англии составляло³:

В 1911—13	237 млн. фунтов
1914—16	225
1917—19	121

Особое положение занимает Германия, изолированная от других стран. По количеству веретен в льняной промышленности она занимала пятое место, имея 300 тыс. веретен. Она перерабатывала около 56,5 тыс. тонн волокна. При посевной площади в 16,7 тыс. гектаров (1913 г.) она имела собственного сырья всего около 4,7 тыс. тонн. Отсюда ясно, что ее положение во время войны должно было стать особенно критическим. Однако, благодаря ряду энергичных мер, Германии удалось сильно развить собственную продукцию льна. Посевы ее в 1916 г. составляли уже 22 тыс. гектаров, в 1917 г. — 35 тыс., в 1918 г. — 50 тыс. Иначе говоря, они утроились против довоенных. Соответственно, возросла и продукция волокна. Этим

¹ См. *Ibid.*, стр. 217 и Вестник объединенного коопер. организ. в Лондоне. 1920. № 11.

² См. Лазаркевич Н.А., *Op. cit.*, стр. 216.

³ По данным *Statesman's year-book* за 1920.

Германии удалось несколько смягчить, хотя далеко не уничтожить, льняной голод¹.

Таким образом все важнейшие страны по мере сокращения экспорта льна из России в течение войны все более испытывают льняной голод.

17. Война изменила и положение шерстяного мирового рынка. Она прежде всего чрезвычайно обострила потребность в шерсти. Между тем в связи с сокращением шерстяного овцеводства продукции шерсти, хотя и не особенно резко, сократилась, что видно из нижеследующей таблицы:

Мировое производство шерсти	Перед войной ² В тыс. тонн	В 1918 г. ³
Всего	1.292	1.254
в том числе:		
Австралии	400	331
Южной Америке	210	210
Северной Америке	150	142
Африке	90	93
Соединенном Королевстве	60	56
Франции	37	29
Германии	12	11

Из этой таблицы видны не только размеры сокращения продукции шерсти, но также ясно, что главнейшими производящими странами являются страны колониальные, большею частью связанные с Англией. Перед войной поэтому более половины сырья мирового шерстяного рынка находилось под контролем Англии. Как главная потребительница шерсти, и учитывая военный спрос, Англия широко использовала свое полумонопольное положение в деле распределения шерстяного сырья. Английское правительство добилось от Австралии и Новой Зеландии запрета вывоза шерсти не только во враждебные, но и в нейтральные и даже в союзные страны. В 1916 г. оно реквизирировало запасы шерсти в этих колониях. Таких мероприятий Англии не удалось провести однако в Южной Африке. Этими мероприятиями Англия, улучшив свое положение, несомненно

¹ См. Лазаркевич Н.А., *op. cit.* 190 и стр. 229-230.

² По данным Кергеша. См. Бюллетень Берлинского представительства от 18 января 1921 г., стр. 4.

³ По данным Ассоциации Шерстяных мануфактуристов Соединенных Штатов. См. Вестник Объединенного Комитета кооперативной организации в Лондоне. 1920 г. № 10. Стр. 28. См. Лазаркевич, *op. cit.*, 190 и см. 229-230.

обострила недостаток сырья в большинстве других стран, которые были лишены самостоятельной широкой продукции шерсти. Недостаток тоннажа и небывалое вздорожание фрахтов еще более способствовали недостаточному предложению шерсти.

Под влиянием всей совокупности последних обстоятельств, однако, даже и сама Англия, которая из всех потребляющих стран находилась в наилучших условиях, испытывает со второй половины войны стеснения в снабжении своей промышленности привозным шерстяным сырьем.

Импорт шерсти в нее с 1916 г. резко падает. И Англии приходится еще более сильно понизить экспорт шерсти, чтобы удовлетворить собственное потребление.

Годы	Ввоз шерсти в Англию	Вывоз из Англии	Ввоз превышает вывоз
	В тыс. тонн по 300 англ. фунтов ¹		
1913	2.426	929	1.497
1914	2.159	894	1.265
1915	2.807	372	2.435
1916	1.876	137	1.740
1917	1.890	88	1.808
1918	1.253	62	1.191

Благодаря охарактеризованному общему положению Англии на шерстяном мировом рынке и ее энергичным мерам, в частности, благодаря сильному сокращению экспорта шерсти объем шерстяной промышленности ее, если судить о ней по размерам потребления сырья за время войны, даже вырос.

Это видно из следующих данных о фактическом потреблении шерсти.

В 1911–13 г. было потреблено 761 млн. фунтов шерсти.

1914–16 гг. 815

1917–19 гг. 835

В столь же благоприятном положении, как и Англия, была, быть может, еще только одна крупная ввозящая страна — это Соединенные Штаты Америки, хотя и по другим причинам, Соединенные Штаты, обладая широким собственным производством шерсти, в то же время благодаря общему благоприятному экономическому положению в отношении тоннажа и покупательной силы могли также и усиливать свой ввоз шерсти. Но

¹См. Шерстяная промышленность после заключения мира. Бюллет. Берл. предст. от 16 января 1921 г.

положение других крупных потребляющих стран было уже затруднительно.

Сказанное отчасти иллюстрируется следующей сравнительной таблицей¹:

Годы	Потребление шерсти в тыс. кип.		
	Англия	Прочие страны Европы	Америка
1913	1.043	1.670	54
1914	968	1.689	169
1915	1.923	312	551
1916	1.385	273	720

Отсюда ясно, что шерстяная промышленность расширилась лишь в Англии и особенно в Америке. Промышленность Европейских стран упала в 6–7 раз.

Итак, благоприятным шерстяной рынок оказывается лишь для стран, обладающих или чрезвычайным влиянием на него, как Англия, или располагающих, с одной стороны, значительным собственным производством шерсти, с другой — большой экономической мощью и транспортными возможностями, как Америка. Все другие потребляющие страны должны были испытывать острый серьезный сырьевой голод и сокращать промышленность.

18. Мы несколько подробнее задержались на выяснении рынка текстильных продуктов и состояния текстильной промышленности, так как именно этот рынок будет играть весьма важную роль в послевоенном переломе мировой конъюнктуры и мировом кризисе 1920–21 гг. Общий вывод, к которому мы приходим, следующий.

Резкое возрастание спроса, понижение продукции, расстройство тоннажа и торговых связей приводят основные индустриальные потребляющие страны к хлопковому и льняному кризису и сжатию соответствующих отраслей промышленности. В отношении шерсти этой участи из крупных индустриально-потребляющих стран избегают Англия и Америка.

Таким образом Америка и в этой области представляет картину расцвета.

У нас нет достаточных данных, чтобы судить о развитии текстильной промышленности Японии. Но по общему положению представляется весьма вероятным, что развитие это шло аналогично американскому и столь же быстрым темпом, как и до войны, если не быстрее.

¹ См. Народное хозяйство в 1916 г., вып. 1. Стр. 45.

Во всяком случае для Японии показательны следующие данные¹.

Годы	Число веретен в хлопчатобумажной промышленности	Число станков в хлопчатобумажной промышленности	Переработка хлопка в тыс. кип.
1910	1.897	10.357	881
1914	2.204	20.634	1.357
1915	2.657	25.443	1.554

19. Обратимся теперь к положению производства в области тяжелой индустрии и к ее конъюнктурам за время войны. Остановимся прежде всего на каменно-угольной промышленности. В целях наглядности и более точного уяснения движения производства в данной отрасли промышленности, приведем следующую суммарную таблицу добычи угля².

Годы	Германия ³	Франция	Италия	Англия	Северо-Американские Соединенные Штаты	Канада	Итого
В тыс. метров тонн в среднем за месяц							
1913	14.383	3.404	58	24.344	43.100	1.135	86.424
1914	12.331	2.294	65	22.500	38.833	1.031	77.054
1915	11.340	1.628	79	21.445	40.201	1.003	75.696
1916	12.281	1.776	109	21.714	44.623	1.095	81.598
1917	12.822	2.410	144	21.047	49.259	1.062	86.744
1918	12.301	2.188	181	19.289	51.778	1.133	86.870
В относительных к 1913 г.							
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	85,7	67,4	112,1	92,4	90,1	90,9	90,1
1915	78,9	47,8	136,2	88,1	93,3	88,4	87,6
1916	85,3	52,2	187,9	89,2	103,5	96,5	94,4
1917	89,1	70,8	248,3	86,5	114,3	93,6	100,4
1918	85,5	64,3	312,1	79,2	120,1	99,8	100,5

В приведенной таблице взяты все основные страны в области угольной промышленности. Приведенные цифры достаточно хорошо отражают состояние этой отрасли тяжелой индустрии в мировом хозяйстве. Проанализируем же таблицу.

¹ См. "Народное хозяйство" в 1915 году, стр. 134–135.

² Таблица составлена по изданию Supreme Economic Council: Monthly Bulletin of statistics/Vol. II. № 1.

³ Для Германии по Рурскому, Верхне и Нижне-Силезскому, Саксонскому и Ахемскому бассейнам. Взята добыча каменного угля.

Производство угля подверглось весьма значительному упадку во Франции, Германии и Англии. Наиболее серьезно сокращение во Франции, достигающее в 1915 г. — 52,2%, а к концу войны 35,7% и обусловленное в значительной мере разрушением северных департаментов страны. В Канаде за первые годы войны производство угля сокращается, но с 1916 г. начинается его рост и оно достигает довоенного уровня. Непрерывно возрастает производство в Италии, но оно по своим абсолютным размерам существенного значения не имеет. Центром внимания, естественно, являются Соединенные Штаты. Их производство упало в 1914 и 1915 гг. Возможно, что этот упадок явился реакцией на замешательство, внесенное в мировой рынок войной. Однако с 1916 г., когда в европейских странах угольная промышленность продолжает переживать *in natura* полосу упадка, продукция угля в Соединенных Штатах начинает быстро расти и в 1918 г. далеко, на 20,1%, превосходит довоенный уровень. Обращаясь теперь к общему итогу продукции угля по странам, мы видим, что производство его падает до 1915 г., а затем поднимается, достигая довоенного уровня в полной мере.

По другим данным мы получим аналогичную описанной картину производства угля по главнейшим странам и во всем мире. Так, по данным “Союза угольных предприятий в Англии” можно привести следующие цифры¹:

Годовое производство каменного и бурого угля в 1000 тонн.

Годы	Германия	Великобритания	Соединенные Штаты	Мировое
1913	305.715	321.922	570.648	1.443.393
1914	270.595	247.699	513.525	1.346.000
1915	258.590	283.561	531.619	1.340.000
1916	234.000	287.118	590.098	1.390.000
1917	247.000	278.290	651.402	1.430.000
1918	241.000	255.024	685.350	1.431.000

Из всего изложенного ясно, что в мировом масштабе едва ли можно говорить об угольном голоде за период войны. Мировая продукция угля за время войны стоит даже в упадочные годы значительно выше, чем за несколько лет до войны. Мировое производство в 1900 г. было всего 846.042 тыс. тонн, в 1910 г. — 1.279.021 тыс. тонн. Можно говорить о напряженном состоянии угольного рынка лишь в странах, ввозивших уголь. И причина

¹ См. Экон. Бюллет. Берл. предст. от 9 октября 1921 г. № 22. Заметим, что данные эти по сравнению с приведенными только что дают, как правило, более высокие цифры.

этого обострения лежит, с одной стороны, в падении их собственного производства, с другой — в расстройстве импорта. Сюда нужно отнести Францию, Бельгию, Испанию, Голландию, Италию, Австро-Венгрию и др.

Для уяснения различия в положении угольного вопроса отдельных стран весьма многое может дать следующая таблица¹.

Страны	Добыча угля	Ввоз угля	Вывоз угля	Вывоз больше (+) меньше (-) вывоза	Разница вывоза- ввоза в % к добыче	Сред. под- ъем (+) или упа- док (-) добычи во время войны в % к до- войнной добыче ²
В млн. пудов в среднем за 1909—11 г.						
Франция	2.348	1.205	101	-1.104	-47,0	-39,5
Германия	12.634	1.113	2.011	+898	+7,1	-15,1
Великобритания	16.532	1	5.315	+5.314	+32,1	-12,9
Соединенные Штаты	26.275	105	958	+880	+3,3	+4,3

Сопоставляя в этой таблице два последних столбца, легко видеть, что Франция, жившая наполовину ввозом угля и понесшая чрезвычайно сильный средний урон собственной производительности несомненно находилась в весьма затруднительном положении и всякие осложнения и задержки ввоза угля должны были вызывать в ней подлинный угольный голод.

Урон продукции в Германии точно также перешел ту границу, на которой, при прекращении ввоза и вывоза, она смогла бы сводить без дефицита угольный баланс. Ее положение, с одной стороны, лучше, чем во Франции, так как дефицит ее продукции меньше, с другой хуже, так как она лишена была возможности подвоза угля. Положение Великобритании достаточно прочно и путем сокращения экспорта она могла легко восстановить равновесие производства и потребления угля.

В Соединенных Штатах, наоборот, должны были возрасти избытки угля. Производительные силы страны и в этой области быстро развиваются далее.

¹ По данным Каменноугольной промышленности России в 1911 г. вып. IV. Изд. Стат. Бюро Совета Съездов горнопром. юга России. Харьков, 1913 г. Приняты во внимание кам. уголь, антрацит, бурый голь, кокс, брикеты — все в переводе на каменный уголь.

² Средний подъем или упадок вычислены на основании выше приведенной основной таблицы за годы 1914—1918.

Соответственно, эти заключения можно было бы распространить и на другие страны в зависимости от их объективного положения во время войны¹.

20. Остановимся теперь на металлургической промышленности. Фактический ход производства рисует следующая таблица².

Годы	Германия	Франция	Италия	Англия	Северо-Американские Соединенные Штаты	Канада	Итого
I. Чугун							
тыс. метрич. тонн в среднем за месяц							
1913	1.074 ³	434	36	869	2.623	85	5.121
1914	843	228	32	756	1.976	59	3.894
1915	698	49	31	739	2.534	69	4.120
1916	772	109	39	755	3.340	88	5.130
1917	729	117	39	790	3.273	89	5.037
1918	765	108	26	768	3.307	90	5.064
в относительных к 1913 г.							
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	78,5	52,5	89,9	87,0	75,3	69,4	76,0
1915	65,0	11,3	86,1	85,0	96,6	81,2	80,5
1916	71,9	25,1	108,3	86,9	127,3	103,5	99,6
1917	67,9	26,9	108,3	90,9	124,8	104,7	96,5
1918	71,2	24,9	72,2	88,4	126,1	105,9	98,9
II. Сталь							
тыс. метрич. тонн в среднем за месяц							
1913	12.763	368	78	649	2.651	88	5.110
1914	1.025	233	76	663	1.991	63	4.051
1915	925	93	84	724	2.723	77	4.626
1916	1.118	149	106	778	3.623	96	5.870
1917	1.163	166	108	830	3.816	132	6.215
1918	1.075	150	83	812	3.766	142	6.018
в относительных к 1913 г.							
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	80,3	63,3	97,4	102,1	75,1	71,6	79,3
1915	72,5	25,3	107,7	111,5	102,7	87,5	90,4
1916	87,6	40,5	135,9	119,9	136,7	109,1	114,9
1917	91,1	45,1	138,4	127,9	143,9	150,0	121,6
1918	84,2	40,8	106,4	125,1	142,1	161,4	117,7

¹ Любопытно, в частности, отметить рост добычи угля в Японии. В 1914 г. добыча каменного угля составляла 22,3 млн. тонн, в 1917 — 26,5 млн. тонн, в 1918 — 28,2 млн. тонн. По данным Американского Геологического института. См. Экономический Бюллетень Берлинского представительства от 3 ноября 1920 г.

² По тем же данным, что и таблица о продукции угля.

³ Без Эльзас-Лотарингии и Люксембурга.

В отношении чугуна сильнейший упадок дает прежде всего Франция, в которой производство его падает в 1915 г. на 88,7%, а к концу войны на 65,1%. Далее следует Германия, Италия, наконец Англия. Возрастание с 1916 г. наблюдается в Соединенных Штатах и Канаде. Причем обе эти страны, особенно первая, превосходят довоенное производство, первая на 26,1%, вторая на 5,9%.

Мировая продукция с 1916 г. держится весьма близко к довоенной норме, оставаясь ниже ее на 1–3%.

В отношении стали на первом месте по степени упадка стоит опять Франция. Значительно меньший упадок обнаруживает Германия. Все прочие страны, в том числе и Англия, начиная с 1915 г. дают сильнейший подъем, далеко превосходя довоенное производство.

Мировая продукция стали с 1916 г. стоит выше довоенной нормы на 14,9–21,6%.

Отсюда следует, что в мировом масштабе опять-таки нельзя говорить о железном голоде, как таковом. Перед нами даже картина сильнейшего подъема, например, стальной промышленности, что стоит, конечно, в теснейшей связи с требованиями военного рынка.

Но отдельные страны, живущие импортом железа из других стран в силу расстройств мировой торговли, с одной стороны, и в силу усиленного потребления железа в самих экспортирующих странах в связи с развитием их национальной металлообрабатывающей промышленности могли и должны были испытывать острую нужду в железе. Сюда относятся кроме воюющих стран и различные нейтральные страны Европы.

Чтобы выявить различие в объективном положении железного рынка отдельных стран, приведем следующую таблицу¹.

¹ По данным "Желези. Промышл. Южной России в 1912 г." Изд. Статист. Бюро Совета Съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1913 г.

Страны	Вып- лавка чугуна	Ввоз ¹	Вывоз ¹	Вывоз больше (+) меньше (-) вывоза	Разница вывоза- ввоза в % к добыче	Сред. по- дъем (+) или упа- док (-) продук- ции чугуна за время войны в % к про- дукции 1913 г. ²
В млн. пудов в среднем за 1911—12 гг.						
Франция	274,2	18,7	36,7	+18,0	+6,6	-7,9
Германия	980,3	53,0	411,3	+408,3	+41,6	-29,1
Великобритания	605,6	1512,0	449,0	+298,0	+49,2	-12,4
Соединенные Штаты	1667,3	22,3	180,0	+157,7	+9,5	+10,0

Отсюда ясно, что наиболее тяжелым и зависящим от условий импорта представляется положение Франции: самые легкие неудачи импорта железа во Францию должны были бы в ней вызывать крайнее обострение железного голода. Положение Германии представляется значительно более устойчивым: упадок выплавки чугуна вынуждал бы ее при условии открытых границ лишь к резкому сокращению экспорта железа и стали, а также изделий из них. Поддержанию железной промышленности Германии на прежнем уровне, а тем более расширению ее, однако, должен был оказать препятствие объективный факт недостаточной национальной добычи руды. Добыча руды в Германии в 1912 г. определялась³ суммой 2059 млн. пудов; вывоз ее — 141 млн. пудов; ввоз — 748 млн. пудов; следовательно, ввоз превышал вывоз на 599 млн. пудов, что составляло 20,1% добычи руды.

Положение Англии рисуется более благоприятно, чем положение Германии. Экспорт ее относительно производства стоял выше, а падение продукции чугуна получилось меньшее. Правда, она в большой зависимости стояла от привоза руды. При ничтожном вывозе руды ввоз ее в Англию в 1911 г. равнялся 409 млн. пуд., что составляло 47,8% национального производства руды. Но Англия располагала и большими возможностями ввоза ее. Все же по причине падения продукции чугуна и в связи

¹В ввозе и вывозе учтены также железо и сталь в переводе на чугун.

²Средний процент подъема — упадка определен на основании данных предыдущей таблицы о производстве чугуна.

³По данным Железн. промышл. Южной России 1912 г. Изд. Статист. Бюро Совета Съезда Горнопромышленников Юга России, Харьков, 1913 г. стр. XXI.

с ростом собственного потребления его на военные цели, Англия должна была неизбежно сократить свой экспорт железа и продуктов его переработки, что и было в действительности.

Так, вывоз чугунных изделий из Англии даже в фунтах стерлингов и несмотря на рост цен дает сильное понижение. В 1913 г. он равен 55,3 млн. ф. ст., в 1917 г. — 48,8 млн. ф. ст., а в 1918 г. уже только 36,8 млн. ф. ст.

Что касается Соединенных Штатов, то в области железной промышленности, как и в других, они шли по пути все больших возможностей или экспорта или развития внутреннего потребления и расширения металлообрабатывающей промышленности, или тем и другим одновременно.

Действительно, наряду с ростом производства, например чугуна, в Соединенных Штатах растет за время войны еще более сильно его потребление. Это видно из следующих данных¹.

Годы	Число доменных печей	Производство чугуна, в тыс. т	Потребление чугуна по 2240 фунтов
1915	310	29.916	23.309
1916	333	39.435	29.747
1917	340	38.647	38.718
1918	359	39.052	38.324

Не приводя фактических данных, чтобы не загромождать изложения, заметим, что с незначительными отклонениями тенденции, констатированные нами по отношению к чугуну и стали, наблюдаются и в области производства цинка, свинца, меди². Медь, в частности, дает возрастание по всем странам, в том числе и по Германии³.

21. В итоге обзора каменноугольной промышленности и основных отраслей металлургической мы приходим к следующим заключениям.

В мировом масштабе все эти отрасли по размерам продукции или стационарны или возрастают.

В отдельных странах движение продукции их различно. Как правило, в европейских странах побежденных и в сильно затронутых войной странах-победительницах она падает. В странах заокеанских, мало затронутых войной, располагающих большими

¹ См. Statistical abstract of the Un. St. за 1918.

² См. Statistisches Jahrbuch für d. Deut. Reich за 1919. Internation. Übersichten, стр. 21.

³ См. Нар. Хоз. за сентябрь 1919 г. № 8-9. По данн. Engineering and Mining Journal.

ми естественными богатствами, она сильно возросла. О европейских нейтральных странах мы не говорим, ввиду относительно малого развития в них рассматриваемых отраслей индустрии.

В масштабах мирового хозяйства, как мы уже сказали, продукция угля и железа против довоенной не понижается и потому едва ли есть основание говорить об угольном или железном *голоде*, как всеобщем явлении. В масштабах мирового хозяйства, учитывая возрастание потребностей в угле и особенно в железе под влиянием войны, можно говорить, как о несомненном явлении, лишь о *напряженном* спросе при недостаточно обильном предложении.

Об угольном же и железном голоде можно говорить лишь в отношении тех стран, которые опирались вместо собственного производства или наряду с ним в значительной мере на импорт угля и железа.

Поэтому кризис угле- и железоснабжения европейских стран периода войны представляется нам прежде всего, как кризис международно-торговых связей, который объясняется расстройством валютных отношений, международно-торгового транспорта, крайним вздорожанием фрахтов и ростом потребления угля и железа в странах экспортирующих в силу развития их отечественной промышленности. Последнее обстоятельство является одновременно фактором и следствием расстройства нормальных международно-экономических связей.

На этом мы закончим анализ состояния производства и обратимся к изучению мировой торговли.

22. Мировая торговля за время войны находилась в весьма тяжелых условиях. Ряд стран был совершенно или почти совершенно изолирован. Но и прочие страны поставлены были перед значительными затруднениями, прежде всего в отношении тоннажа.

Все страны прекрасно отдавали себе отчет, какое огромное значение во время войны призван играть торговый флот, и потому напряженно стремились к его расширению¹.

Но, с одной стороны, значительная часть флота отвлекалась для перевозок воинских грузов. С другой, подводная война сильно повышала коммерческий риск и действовала весьма истребительно на самый торговый флот. К 1 мая 1917 г. было потоплено судов, не считая парусников, вместимостью в 5582 тыс.

¹ См. Нар. Хоз. за сентябрь 1918 г. № 8-9. Стр. 27.

тонн, что составляет 21,1% мирового тоннажа 1914 г.¹. С третьей, и самое судостроение в первые годы войны упало и начало резко подниматься лишь с 1916 г. Действительно, во всех важнейших странах мира в сумме было спущено с верфей новых судов с тоннажем в тыс. тонн².

За 1913 г.	3333
1914 г.	2853
1915 г.	1202
1916 г.	1688
1917 г.	2928
1918 г.	5447

Все это скоро после начала войны создало острый недостаток в тоннаже для торговых целей, увеличило торговый риск и повело к крайнему вздорожанию фрахтов, которое шло непрерывно в течение всей войны. Вздорожание фрахтов видно из последующих данных³.

	К началу войны		Март 1918 г.
Фрахты на зерно:			
Соединенные Штаты — Англия	2 шилл.	7 пен.	50 шилл.
Индия—Англия	17	6	200
Фрахты на уголь:			
Уэльс—Гибралтар	8	6	100
Уэльс-ла-Плата	13	—	55

Само собой разумеется, что указанные явления означают сильное расстройство нормальных мировых экономических связей и должны были тормозить мировую торговлю.

В том же направлении действовало расстройство валютных взаимоотношений, с чем мы познакомимся ниже.

23. Однако и в этих тяжелых условиях мировая торговля продолжала жить. В отношении ее представляются особенно интересными два основных вопроса: первый — об изменениях в объеме торгового оборота *in natura*; второй — об изменениях в направлении торговли.

¹ См. Нар. хоз. за сентябрь 1918 г. № 8–9, стр. 31.

² См. Сборник статистическ. сведен. об экономич. положении важнейших иностранных госуд. Изд. ЦСУ, стр. 28–29.

³ По данным, приведен. Deutsche Allg. Ztg. от 15 июля 1920 г. См. так же А. Султан-Заде. Кризис мирового хозяйства и новая военная гроза. Госуд. изд. 1920 г., стр. 15. См. также некоторые указания в Экономич. Бюллет. Берлинск. представ. от 16 сентября 1920 г. № 3. Заметка: Мировой торговый флот до и после войны.

Ввиду сильного изменения в ценах товаров, объем торговли не может быть достаточно точно и правильно выражен в ценностных единицах. Его можно выразить лишь в натуральных величинах. К сожалению, сколько-нибудь полные данные о торговом обороте в натуральных величинах мы имеем лишь для товаров сельскохозяйственного производства. Приведем следующую таблицу оборотов торговли сельскохозяйственными продуктами по важнейшим странам¹.

Страны:	Годы	Пшеница	Пш. мука	Ячмень	Овес	Итого в переводе на зерно
Страны вывоза:		Вывоз в тыс. квинталов				
Австралия	1909-13	11430	1516	1	7	12.812
	1914-18	9198	2048	53	11	11.095
Аргентина	1909-13	24250	1213	166	6179	31.687
	1914-18	19288	1167	368	5095	25.801
Капада	1909-13	20207	3284	1047	1816	26.026
	1914-18	33494	6579	1415	6117	46.947
Соединенные Штаты	1909-13	14510	9284	1628	1189	25.683
	1914-18	40890	13948	4524	1318	59.285
И т о г о	1909-13	70397	15297	2841	9184	96.208
	1914-18	102870	23742	6307	12530	143.129
Страны ввоза:		Ввоз в тыс. квинталов				
Великобритания	1909-13	52488	7427	10866	9151	79.189
	1914-18	44914	7234	5925	6696	64.046
Голландия	1909-13	18206	1928	7972	5497	33.410
	1914-18	6274	652	1484	927	9272
Франция	1909-13	10389	104	1377	3972	15.832
	1914-18	16969	3840	1697	6982	29.104
Италия	1909-13	15531	18	176	1193	16.918
	1914-18	17113	1429	399	3181	21.974
И т о г о	1909-13	96614	9477	20391	17786	145.347
	1914-18	85270	13155	9500	17786	124.396

Из приведенной таблицы видно, что изменение вывоза-ввоза отдельных хлебов по отдельным странам различно. В одних странах вывоз увеличился, в других сократился; в одних увеличился вывоз таких хлебов, вывоз которых из других сократился. То же можно сказать и относительно ввоза. Но в общем торговый оборот по вывозу и ввозу хлебов сократился весьма незначительно.

¹ По данным *Annuaire internationale de statistique agricole*, 1917 et 1918.

Однако торговый оборот хлебных продуктов является, естественно, наиболее устойчивым. Гораздо менее устойчивым представляется торговый оборот различного рода сырья и изделий. Здесь мы имеем, как правило, сокращение торгового оборота. Так, например, вывоз хлопка с 1909—13 гг. к 1914—18 гг. в тыс. квинталов упал: из Соединенных Штатов с 20.009 до 14.413, из Индии с 4254 до 4110 и из Египта с 3134 до 2445. Ввоз его за то же время упал в Англию с 10.295 до 8886, во Францию с 3110 до 2010, в Голландию с 599 до 361¹.

Вывоз угля из Англии упал с 57 млн. тонн в 1913 г. до 28 млн. тонн в 1919 г.², т.е. несколько более, чем вдвое. Общий объем английского вывоза упал с 91 млн. тонн в 1913 г. до 46,1 млн. тонн в 1919 г., или он сократился на 49,6%. За то же время общий ввоз Англии упал с 54 до 39 млн. тонн, или на 28,4%³.

Таким образом общий объем мировой торговли *in natura*, несомненно, за время войны сократился. То же самое, что мы видели по Англии, можно было бы наблюдать и в других странах, причем в различных странах это сокращение наблюдается в различной мере.

Сделанные выводы можно обосновать еще и другим путем, путем рассмотрения изменений в размере тоннажа торговых судов, прибывших в порты и отбывших отсюда⁴.

Годы	Франция ⁵	Англия ⁵	Голландия ⁵	Соединенные Штаты ⁶	Япония ⁶
Тоннаж судов, прибывших в портов в тыс. тонн					
1913	2.876	4.089	1.429	4.440	2.060
1915	1.996	2.810	532	4.100	1.636
1918	1.654	1.936	114	3.659	1.487
1918 в % к 1913	57,5	47,3	8,0	82,4	72,2
Тоннаж судов, отбывших из портов в тыс. тонн					
1913	2.174	5.652	918	4.483	2.075
1915	827	3.294	302	4.164	1.654
1918	438	1.895	75	3.748	1.524
1918 в % к 1913	20,1	33,5	8,2	83,6	73,4

¹ По данным *Annuaire internationale de statistique agricole*, 1917 et 1918.

² Ср. В. Дитякин. *Мировая торговля в эпоху великого экономического кризиса 1917—21 гг.* Казань, 1921, стр. 9.

³ *Op. cit.*, стр. 5.

⁴ По данн. *Monthly Bulletin of statistics* и *The Statesman's year-book*, 1920.

⁵ С грузом.

⁶ С грузом и балластом.

Отсюда ясно, что движение торговых судов во всех странах упало. Причем, в странах европейских, воевавших сильнее, упал тоннаж отбывающих, следовательно, как правило, экспортируемых судов, в странах заокеанских, наоборот, сильнее сократился тоннаж прибывающих, следовательно, импортируемых судов. В центрально-европейских, по-видимому, сокращения в той и другой группе близки друг к другу. В этих особенностях сокращения тоннажа прибывающих и отбывающих судов, несомненно, сказались изменение в направлении мировой торговли, а именно, относительно более сильный упадок экспортной деятельности стран первой группы, и относительное усиление ее в странах второй группы. К рассмотрению изменений в направлении мировой торговли мы и переходим.

24. Что касается тенденций и сдвигов в направлении мировой торговли, то после всего изложенного в динамике производства различных стран и при учете спроса на товары, под влиянием между прочим и войны, они должны стать весьма понятными. Эволюцию внешней торговли военного времени характеризует следующая таблица¹.

Страны:	Годы					
	1913	1914	1915	1916	1917	1918
	В среднем за месяц					
1. Франция						
Импорт в тыс. ф.ст.	28.071	21.341	36.786	68.801	91.847	74.338
Экспорт в тыс. ф.ст.	22.936	16.229	13.125	20.715	20.042	15.742
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	-5.135	-5.112	-23.671	-48.086	-71.805	-58.596
% отношение экс- порта к импорту	81,7	76,0	35,7	30,1	21,8	21,2
2. Италия						
Импорт в тыс. ф.ст.	12.152	9.744	15.678	27.968	46.634	53.462
Экспорт в тыс. ф.ст.	8.372	7.368	8.445	10.294	11.028	11.149
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	-3.780	-2.376	-7.233	-17.674	-35.606	-42.313
% отношение экс- порта к импорту	68,9	75,6	53,9	36,8	23,6	20,8

¹ По данным Monthly Bulletin of Statistics. Vol. II. № 1. 1920-1921 изд. Supreme Economic Council. О внешней торговле Германии за эти годы, естественно, мы здесь не говорим.

Страны:	Годы					
	1913	1914	1915	1916	1917	1918
	В среднем за месяц					
3. Англия						
Импорт в тыс. ф.ст.	54.931	50.097	62.736	70.912	82.874	107.100
Экспорт в тыс. ф.ст.	43.771	35.893	32.072	42.190	43.923	41.785
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	-11.160	-14.204	-30.664	-28.722	-38.951	-66.315
% отношение экс- порта к импорту	79,7	71,6	51,1	59,5	53,0	39,0
4. Дания						
Импорт в тыс. ф.ст.	3.599	3.323	4.766	5.785	4.709	4.214
Экспорт в тыс. ф.ст.	2.951	3.612	4.532	5.451	4.480	3.289
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	-648	+289	-234	-334	-229	-925
% отношение экс- порта к импорту	82,0	108,7	95,1	94,2	95,1	78,0
5. Северо-Амери- канские Соеди- ненные Штаты						
Импорт в тыс. ф.ст.	30.501	30.325	29.812	40.480	50.149	50.868
Экспорт в тыс. ф.ст.	42.505	35.956	60.646	94.143	107.111	104.998
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	+12.004	+5631	+30.834	+53.663	+56.962	+54.130
% отношение экс- порта к импорту	139,3	118,5	203,4	232,5	213,6	206,4
6. Канада						
Импорт в тыс. ф.ст.	11.304	8.256	7.723	13.145	17.233	15.591
Экспорт в тыс. ф.ст.	2.472	6.497	10.520	18.701	26.505	20.549
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	-8.832	-1.759	+2.797	+5.556	+9.272	+4.958
% отношение экс- порта к импорту	21,9	78,7	136,2	142,3	153,8	131,8
7. Новая Зеландия						
Импорт в тыс. ф.ст.	1.785	1.740	1.690	2.061	1.693	1.966
Экспорт в тыс. ф.ст.	1.754	2.089	2.440	2.644	2.507	2.310
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	-31	+349	+750	+583	+814	+344
% отношение экс- порта к импорту	98,3	120,0	144,4	128,4	148,1	110,7

Страны:	Годы					
	1913	1914	1915	1916	1917	1918
В среднем за месяц						
8. Австралия						
Импорт в тыс. ф.ст.	6.516	6.485	5.297	6.397	6.330	5.054
Экспорт в тыс. ф.ст.	6.231	6.053	4.807	5.337	7.162	6.167
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	-285	-432	-490	-1.060	+832	+1.113
% отношение экс- порта к импорту	95,6	93,3	90,7	83,4	113,1	129,0
9. Британская Индия						
Импорт в тыс. ф.ст.	10.185	8.867	7.127	8.254	8.539	9.182
Экспорт в тыс. ф.ст.	13.402	11.534	10.035	12.588	13.032	13.569
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	+3.217	+2.667	+2.909	+4.334	+4.493	+4.387
% отношение экс- порта к импорту	131,6	130,1	140,8	152,5	152,6	147,7
10. Япония						
Импорт в тыс. ф.ст.	6.173	5.021	4.435	6.331	8.604	13.885
Экспорт в тыс. ф.ст.	5.355	4.992	5.954	9.500	13.479	16.427
Экспорт больше (+) или меньше (-) им- порта	-818	-29	+1.519	+3.169	+4.875	+2.572
% отношение экс- порта к импорту	86,7	99,4	134,2	150,0	156,7	118,6

Приведенная таблица весьма показательна. Все страны делятся определенно на три группы. В первых трех, сильно затронутых войной странах Европы, мы видим неуклонное падение отношения экспорта к импорту. Но это и есть как раз страны, в которых продукция была наиболее потрясена и спрос сильно возрос, страны, которые имели все меньшую возможность вывозить и весьма нуждавшиеся в ввозе. Естественно, что их торговый баланс носит и чем далее, тем более резко выраженный отрицательный характер.

Далее идут заокеанские страны, весьма мало затронутые войной. Их производительные силы или в общем остались на прежнем уровне или даже, выросли. Отсюда в большинстве случаев их торговый баланс носит все более положительный характер, где он был положительным и перед войной, или даже превращается из отрицательного в положительный, где он был отрицательным, например в Канаде, Н. Зеландии, Японии. Во

всех этих странах % отношение экспорта к импорту возрастает¹. Наконец в нейтральных странах Европы, где торговый баланс перед войной имеет отрицательную характеристику, он или превращается в положительный или ослабляет свою отрицательную характеристику (например, Дания) или остается в стационарном положении.

Отсюда вытекает другая тенденция в развитии мировой торговли. Богатейшие страны Европы, когда-то беспредельно владывавшие над мировыми рынками, за время войны, шаг за шагом вытесняются новыми странами-экспортерами, чрезвычайно усилившимися во время войны, и в первую очередь и больше всего Соединенными Штатами и Японией². Приведем некоторые иллюстрации этого положения.

Прежде всего Европейские страны были вытеснены в сильной степени с рынка Соединенных Штатов.

Ввоз из Европы в Америку составлял³.

В 1913 г. —	49,2% всего ввоза туда
1918 г. —	13,9%

Вытесняются они, и прежде всего Англия, как имевшая здесь значительный вес, с рынка Японии. Так ввоз в Японию составлял в млн. иен⁴.

Годы	Из Англии	Из Соединенных Штатов
1913	122,7	122,4
1918	66,1	626,0

Вытесняются они и с собственных колониальных рынков. Например в общем ввозе в Британскую Индию приходилось в процентах на долю⁵:

За годы	Соединенных Штатов	Японии
1913—1914	6,2	6,4
1918—1919	11,7	14,9

¹ Совершенно аналогичную картину видим мы в большинстве нейтральных висееропейских стран, особенно в странах молодых и колониальных, как Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай, Чили, Колумбия, См. Эконом. Положение Южн. Америки в 1919 г. в Бюллет. белни. предст. от 18 января 1921 г. № 16. См. также бюлл. от 19 октября 1920 г. № 7.

² О соперничестве Англии и Соединенных Штатов, см. Я.М. Букшпан. — Англо-американское соперничество и Европейские дела. В сборнике "Международные проблемы". М., 1922. Об усилении Японии см. некоторые данные в работе А. Деманжон. — Экономический упадок Европы. М. 1922. Изд. Берер.

³ По Statistical abstract of the Un. St. за 1918.

⁴ По данн. Wirtschaftliche Nachrichten от 15 апреля 1918.

⁵ См. Economist от 15 января 1921 г.

Итак, перераспределение производственной мощи в мировом хозяйстве сопровождается соответствующим перераспределением и торговой мощи отдельных стран. Военный кризис хозяйства, коснувшийся преимущественно втянутых в войну европейских стран, привел их к резко неблагоприятному торговому балансу и к значительной утрате своего влияния на мировом рынке. Экономически благоприятной оказалась здесь война все для тех же Соединенных Штатов, Японии, Канады и других мало затронутых войной стран.

25. Чтобы пойти теперь в нашем анализе конъюнктур мирового хозяйства дальше и ближе подойти к наиболее чувствительным валеристическим показателям этих конъюнктур — к денежному обращению, ценам, прибылям и т.д., совершенно необходимо прежде остановиться на состоянии государственного хозяйства, которое явилось исключительно мощным фактором динамики мирового хозяйства за время войны.

Война поставила перед всеми воюющими странами весьма трудные хозяйственные задачи. Снабжение грандиозных армий потребовало от государства небывалых по своим размерам расходов. По вычислениям проф. Vogart'a *непосредственные* расходы на войну со стороны всех стран, не считая, следовательно, косвенных в виде упадка производительности, разрушений и т.п., составили 186 млрд. фунтов стерлингов¹. Так и другие цифры весьма близки друг к другу. В среднем на год войны, следовательно, приходится около 10 млрд. фунтов стерлингов прямых расходов всех стран. Насколько значительна эта сумма, видно, хотя бы, из такого сопоставления: национальный доход важнейших европейских стран, вычисленный в близкие к войне годы, составлял в Германии 2,1 млрд. ф.ст., в Англии — 1,7 млн. ф.ст., во Франции около 1 млн. ф.ст.²

Грандиозный размер военных расходов нашел свое отражение прежде всего в строении бюджетов отдельных стран. Приведем данные о доходах и расходах главнейших из них.

Бюджет Германии представляется в следующем виде³:

¹См. Финн-Енотаевский *op. cit.*, стр. 1 и 2.

²См. Гельферих. Развитие народн. хозяйства Германии. М. 1920, стр. 79–80.

³По данным Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich за 1919 г.

Доход в млн. марок				
Годы (конч. 31 марта)	Обыкновенные	Экстраординарн.		Итого дохода
		Весь	В т.ч. от займов	
1914	3.343,9	4.805,5	4.435,3	8.149,4
1915	2.711,5	20.495,1	20.382,0	23.206,5
1916	3.063,4	19.752,0	19.658,9	22.815,4
1917 ¹	4.941,9	45.093,2	45.007,3	50.035,1
1918 ¹	7.332,7	40.726,1	40.618,0	48.058,8

Расход в млн. марок				
Годы (конч. 31 марта)	Обыкновенные	Экстраординарн.		Итого расхода
		Весь	В т.ч. военные	
1914	2.646,3	7.004,3	6.935,7	9.650,6
1915	2.761,9	23.927,1	23.908,9	26.689,0
1916	4.007,9	24.771,7	24.739,3	28.779,6
1917 ¹	4.941,9	45.093,2	45.000,0	50.035,1
1918 ¹	7.332,7	40.726,1	40.000,0	48.058,8

Из этой таблицы ясно видно, что доходы и расходы Империи за время войны растут с чрезвычайной быстротой. Расходы увеличиваются преимущественно за счет экстраординарных и притом почти исключительно военно-экстраординарных расходов.

Доходы увеличиваются точно также преимущественно за счет экстраординарных и среди последних почти исключительно за счет займов. Это значит, что обычные источники доходов очень быстро оказались недостаточными и в целях покрытия военных расходов государство было принуждено в исключительно широких размерах прибегать к займам. Балансируя бюджет, немцы включают в доход и займы. Но и этого источника оказывается недостаточно. И мы видим, что фактически бюджет выполняется с дефицитом и притом размеры дефицита быстро растут. Действительно, если мы исключим займы из состава дохода и сбалансируем по всем годам фактический расход и доход, то получим следующую картину².

Годы	Общий расход	Чистый доход в млрд. марок	Дефицит
1914	9,6	3,7	-5,9
1915	26,7	2,8	-23,9
1916	28,8	3,2	-25,6
1917	52,0	7,8	-44,2
1918	44,0	6,8	-37,2

¹ Данные сметного порядка.

² По данным предыдущей таблицы и статьи Sp. в Вестнике Нар. Ком. Вн. Торг. № 4-5. "Положение германских финансов".

Аналогичную, хотя и менее печальную, картину наблюдаем мы в Англии¹.

Годы (конч. 31 марта)	Сметные	Доходы в тыс. ф.ст.		
		Фактические	Фактический бол. (+) мен. (-) сметных	
1914	194.825	198.242	+3.417	
1917	499.275	573.427	+74.152	
1918	638.600	707.234	+68.634	

Годы	Сметные	Фактические	Расходы в тыс. ф.ст.		Фактический доход бол. (+), мен. (-) факт. расхода в тыс. ф.ст.
			Фактический бол. (+) мен. (-) сметных		
1914	199.011	197.492	-1.519		+750
1917	1.825.380	2.198.112	+372.732		-1.624.685
1918	2.767.631	2.696.221	-71.410		-1.988.987

Отсюда ясно, что фактически и бюджет Англии за время войны сводится со все возрастающим дефицитом.

Возьмем, наконец, доходы-расходы Соединенных Штатов²:

Годы (конч. 30 июня)	Доход	Расход	Доход больше (+) меньше (-) расхода
В тыс. долларов			
1913	724.111	682.771	+41.340
1914	734.673	700.254	+34.419
1915	692.487	776.544	-84.057
1917	1.118.174	1.147.898	-29.724
1918	4.172.635	8.966.532	-4.793.897

Отсюда видно, что и бюджет Соединенных Штатов начиная с 1915 г. сводится с дефицитом, который особенно увеличивается в 1918 г.

Даже в нейтральных странах, вынужденных если не воевать, то быть готовыми к войне и содержать значительные армии, бюджеты становятся менее благоприятными. Так например, по Швейцарии мы наблюдаем рост дефицитов³.

Годы	Доход	Расход	Дефицит
В тыс. франков			
1913	186.509	191.222	-5.353
1916	176.582	193.227	-16.645
1917	185.656	236.534	-50.747

¹ Statesman's year-book за 1920 г.

² Statesman's year-book за 1915 и 1920 г.

³ См. Экон. Бюллет. Берлинск. предст. от 9 февраля 1921 г. № 18.

26. При таком колоссальном росте расходов и дефицитов для отдельных стран создавалась невозможность свести бюджет на основе обложения. Эта невозможность вынуждала государства искать иных источников дохода. Такими источниками явились с одной стороны займы, с другой эмиссия бумажных денег. Широкая практика займов и эмиссий бумажных денег имели чрезвычайное значение для дохода конъюнктур всей народно-хозяйственной жизни, и на этой практике необходимо остановиться.

Из приведенной выше таблицы о Германии уже можно видеть, в какой сильной степени она прибегала к помощи займов. Отсюда становится понятным и рост государственной задолженности Германии во время войны, что иллюстрируется следующими цифрами¹:

1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Общая задолженность в тыс. марок					
5.017.225	5.157.898	12.835.761	56.421.361	79.384.024	102.987.974

Рост национального долга Англии и Соединенных Штатов видны из нижеследующей таблицы:

Годы	Англия (год конч. 31 марта)		Соединенные Штаты ⁴ (год конч. 30 июня)	
	% покрытия расхода во время войны займами ²	Национальный долг в млн. ф.ст. ³	Весь долг в млн. долларов	Чистый долг ⁵
1914	—	707,6	2.653	1.027
1915	59,6	1.165,6	3.058	1.090
1916	77,9	2.196,6	3.609	1.006
1917	73,9	3.919,6	5.718	1.969
1918	73,8	5.921,0	12.244	10.924

Возрастание национального долга можно было бы констатировать и в других странах.

Государственный долг может быть внутренним и внешним. На почве роста последнего должна была создаваться взаимная задолженность стран. Для уяснения экономического положения отдельных стран и степени их действительной задолженности

¹ Statistisches Jahrbuch за 1919.

² По данн. "Белой книги". См. Эконом. жизнь, 1921. № 51.

³ По данн. Statesman's year-book за 1915 г. и Economist'a от 5 мая 1917 года и 15 января 1921 года.

⁴ По данн. Statistical abstract of the Un. St. за 1918 г.

⁵ Tota debt. less cash in Treasury.

необходимо учесть, сколько данной страной было выдано другим странам в долг и сколько получено от них. Платежи по долгам, как известно, составляют главнейшую статью расчетного баланса. Вот почему выяснение взаимной задолженности стран даст нам возможность ближе подойти к расчетному балансу отдельных стран наряду с их торговым балансом, о чем была речь выше. По данным Кэйнса к половине 1919 г. взаимная задолженность воевавших союзных стран, возникшая за время войны, в млн. фунтов стерлингов выражалась так¹.

Страны	Было выдано	Было взято	Выдано больше (+) меньше (-)
Соединенными Штатами	1.900	—	+1.900
Англией	1.740	842	+898
Францией	355	1.058	-708
Италией	—	827	-827
Россией	—	766	-766
Бельгией	—	268	-268
Сербией и Югославией	—	60	-60
Прочими союзниками	—	164	-164

Отсюда ясно, что роль главного кредитора играли Соединенные Штаты, в меньшем объеме Англия и еще менее Франция. Франция, ранее всегда игравшая роль кредитора, за время войны больше получала сама в долг, чем давала. Остальные союзные страны выступают исключительно, как должники. Таким образом, можно утверждать, что Соединенные Штаты, имея положительный торговый, имеют весьма положительный и расчетный баланс. Англия, имея резко выраженный отрицательный торговый баланс, обладает еще положительным расчетным балансом. Прочие союзные страны имеют несомненно отрицательный расчетный баланс.

Характер расчетного баланса стран наряду с их торговым балансом нужно иметь в виду, чтобы ниже лучше уяснить движение их вексельных курсов и степень обесценения валют.

27. Движение вексельных курсов и степень обесценения валют отдельных стран за время войны, к рассмотрению чего

¹ См. Дж. М. Кейнс. Экономические последствия версальского мирного договора. М., 1922 г. Стр. 125; см. также З. Каценеленбаум. Финансовое положение Европы. Вестн. Народн. Комисс. Внешн. Торговли. 1921. № 1. Стр. 15.

нам придется скоро обратиться, коренятся впрочем не только в строении торгового и расчетного балансов стран. Они, как мы увидим, в значительной мере зависят и от состояния денежного обращения. Состояние же денежного обращения большинства стран в период войны характеризуется небывалым ростом бумажно-денежной инфляции. Причины этой инфляции из предыдущего изложения совершенно ясны. Они коренятся в чрезвычайной дефицитности бюджетов стран. Не только обычные налоговые поступления доходов, но и обильные займы внутренние и внешние, как правило, не в состоянии покрыть грандиозных государственных расходов. Все страны, хотя и в различной мере, вынуждены широко использовать эмиссию бумажных денег. Посмотрим, какие размеры приняла эмиссия в главнейших странах и как изменилось строение их денежного обращения.

Возьмем следующую таблицу данных по важнейшим странам.

Годы к концу	Германия ¹					
	Золотой запас	Банкноты в обращении	Билеты судебных касс	Итого бумажных денежных банкнот	Золотое покрытие банкнот	всех бумажных денег
	В млн. марок					
1913	1.209,0	2.593,4	—	2.593,4	46,6	46,6
1914	2.092,8	5.045,9	445,8	5.491,7	41,5	38,1
1915	2.445,2	6.917,9	972,2	7.890,1	35,3	31,0
1916	2.520,5	8.054,6	2.872,9	10.927,5	31,3	23,0
1917	2.406,6	11.467,7	6.264,5	17.732,2	21,0	13,6
1918	2.262,2	22.187,8	10.109,2	32.297,0	10,2	7,0

Годы к концу	Франция ²		
	Золотой запас	Банкноты в обращении	Золотое покрытие
	В млн. франков		
1913	3.525,0	5.697,0	61,9
1914	4.158,5	10.072,7	41,4
1915	5.015,3	13.309,8	37,7
1916	5.075,9	16.678,8	30,4
1917	5.351,5	22.336,8	23,9
1918	5.477,6	30.249,6	18,1

¹ По данным Statistisches Jahrbuch, 1919. Золотой запас Reichsbank'a.

² Ibid. и Народное хозяйство в 1913 г.

Годы к концу	Золотой запас	Банкноты в обращении	Англия ¹		Покрытие	
			Казнач. знаки ² в обращении	Всего бумажных денежных	банкнот	всех бумажных денег
в млн. ф.ст.						
1914	69,5	36,1	38,5	74,6	192,6	93,2
1915	51,5	35,3	103,1	138,4	145,9	37,2
1916	54,3	39,7	150,1	189,8	136,8	28,6
1917	58,3	45,9	212,8	258,7	127,0	22,5
1918	79,1	70,3	323,2	393,5	112,5	20,1

Соединенные Штаты Америки³

Годы	Золотой запас	Банкноты	Золотое покрытие
В млн. долларов			
1914	1.024,7	2.717,6	37,7
1915	1.028,4	3.101,6	33,1
1916	1.101,8	3.546,8	31,1
1917	2.254,0	3.906,4	57,7
1918	2.503,3	3.323,9	75,3

Для характеристики некоторых других стран приведем лишь суммарные сведения⁴:

Страны	Даты	Золотой запас	Бумажные деньги	Золотое покрытие
В тыс. ф.ст.				
Япония	30 мая 1914 г.	22.132	36.227	61,1
	30 ноября 1918 г.	72.051	43.794	164,5
Дания	30 мая 1914 г.	4.258	8.737	48,7
	31 декабря 1918 г.	10.812	25.002	43,2
Швейцария	31 января 1914 г.	6.847	11.037	62,0
	7 января 1919 г.	16.762	36.434	46,0

¹ По данным Statesman's year-book за 1920 г., Statistisches Jahrbuch 1919 и Economist'a от 15 января 1921 г.

² Currency-notes.

³ По данным Statistical abstract 1918 г. и Monthly Bulletin of Statistics. Золотой запас взят по национальным банкам и по федеральному резервному банку. В состав бумажных денег включены федеральные резервные билеты, билеты федерального резервного банка, национальных банков и др. Как известно, в Соединенных Штатах не золото, а государственные фонды служат покрытием банковских билетов. Однако соотношение золота и банковских билетов все же является важным и для Соединенных Штатов. Оно резко изменилось за время войны и мы сочли интересным привести соответствующие данные.

⁴ По данным Economist'a от 17 января 1920 г. См. Народное хозяйство, 1920. № 13-

14. Национ. денежн. единицы переведены в фунты стерлингов по довоенному курсу.

⁵ Золото и серебро вместе.

Страны	Даты	Золотой запас	Бумажные деньги	Золотое покрытие
		В тыс. ф.ст.		
Голландия	30 мая 1914 г.	13.591	26.386	51,5
	11 января 1919 г.	51.535	33.252	173,0
Италия	1 мая 1914 г.	48.875	62.277	78,5
	30 сентября 1918 г.	41.639	342.183	12,2
Австрия	30 мая 1914 г.	52.326	95.417	54,8
	15 декабря 1918 г.	10.057	2.169.177	0,5

Из приведенных выше данных и материалов ясно видно, что наибольшей бумажно-денежной инфляции подверглись, как и нужно было ожидать, страны первой группы, т.е. большинство Европейских воевавших стран, сильно затронутых войной — это Австрия, Германия, Франция, Италия. В Австрии мы имеем не только рост бумажных денег, но и сильнейшее уменьшение золотого запаса. В Италии золотой запас также сократился, но менее сильно.

В остальных странах, особенно в Соединенных Штатах, золотой запас за время войны стоит выше довоенного. Но увеличение количества бумажных денег различно. Оно более в Германии и Франции, менее в Англии, нейтральных, Японии и в Соединенных Штатах. Из анализа степени покрытия ясно, что наиболее устойчивой представляется денежная система Японии, Голландии, Соединенных Штатов, Швейцарии, Дании. Золотое покрытие в Японии, Голландии, Соединенных Штатах и Швейцарии сильно поднялось. В Дании оно не поднялось, но стоит достаточно высоко. В прочих странах оно упало, особенно в Германии и Австрии.

Усиление бумажно-денежной инфляции и падение степени золотого обеспечения находится в связи, по-видимому, не только с ростом эмиссии, но и падением добычи золота. Последнее видно из следующих данных¹.

Годы	Трансвааль	Остальные части Британской Империи	Прочие страны	Мировое производство
		в млн. ф.ст.		
1913	37,4	19,6	57,7	94,7
1914	35,3	19,6	37,4	92,6
1915	38,6	20,1	34,1	96,8
1916	39,5	20,1	33,9	93,5
1917	48,3	17,8	30,9	87,0
1918	35,8	16,5	26,7	79,0

¹ Times № от 28 января 1921 г. Приложения. 1 унция золота приравнена 84 шиллингам $11\frac{3}{4}$ пенса.

28. Рассмотрев, как сложились во время войны и под ее воздействием динамика производства, международная торговля, и дав характеристику государственных финансов в их влиянии на денежное обращение, мы тем самым подготовили почву для уяснения более сложных валеристических факторов и показателей конъюнктуры мирового хозяйства: это состояния денежного рынка в узком смысле слова и рынка капиталов, товарного рынка, и рынка труда.

Обращаясь к анализу товарного рынка, мы остановимся на движении товарных цен, как наиболее объективного, чуткого и точного валеристического показателя конъюнктуры этого рынка.

Движение товарных цен за время войны, как ясно из всего предыдущего, складывается под влиянием следующих основных условий рынка: 1) повышенный военный спрос на товары, размеры которого с течением времени все увеличиваются; 2) товарное оскудение ряда стран и особенно главнейших европейских в силу сокращения производства; 3) понижение ценности денежной единицы в силу бумажной инфляции. Ясно, что эти факторы все вместе и каждый в отдельности являются факторами повышательного движения цен. Ясно также, что повышение цен должно служить показателем с одной стороны вздорожания товаров, с другой — обесценения денег.

В отдельных странах мы должны ожидать различной степени повышения цен, так как в различной полноте и силе по странам даны упомянутые основные факторы движения цен.

Общие индексы движения оптовых цен в отношении к уровню их в 1913 г. по 7 главнейшим странам представляются в следующем виде¹.

Годы	Англия	Франция	Италия	Соединенные Штаты	Япония	Швеция	Канада
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	98,7	102,6	95,1	96,7	95,5	116,0	101,0
1915	123,1	140,9	132,7	107,0	96,7	145,0	110,2
1916	160,5	189,6	199,7	128,4	117,2	185,0	136,0
1917	204,1	262,6	306,3	169,8	148,5	244,0	176,6
1918	224,3	340,9	409,1	203,1	195,9	339,0	205,1

¹ В основу положены: для Англии — данные Economist'a, для Франции Statistique generale de la France, для Италии — данные prof. Ricardo Bachi, для С. Америки — индекс Bradstreet'a, для Японии — индекс Токийского Bank of Japon, для Швеции — индексы газеты Svensk Handelstidning и для Канады — индекс официальной статистики.

Отсюда ясно, что в общем и в целом тенденция общего повышения цен носит международный характер¹. За исключением Франции, Швеции и Канады 1914 г. дает более низкие цены, чем 1913 г. Это понижение цен 1914 г. является отражением, с одной стороны факта перелома конъюнктуры и понижению с лета 1913 г., продолжавшегося короткое время и после начала войны, с другой экономического замешательства, вызванного самой войной. Что касается Франции, Италии и Канады, то здесь наступившее вскоре с началом войны повышение цен по-видимому с избытком компенсировало их наметившееся понижение, и в средних годовичных ценах 1914 г. мы не находим признаков депрессии.

Начиная с 1915 г. цены всех стран идут неуклонно вверх. Наибольшего повышения они достигли, естественно, в странах сильнейшего оскудения и бумажной инфляции, в Италии и Франции, а также в Швеции, благодаря ее сильной хозяйственной зависимости от стран, втянутых в войну. На втором месте стоит Англия и на третьем Канада, Соединенные Штаты и Япония.

Рассмотрим теперь движение цен на главнейшие группы товаров во Франции, Англии и Соединенных Штатах.

Оптовые цены Франции, Англии и Соединенных Штатов в 1918 г. по отношению к 1913 г.

Страны	Растит. пищев. продукт.	Животн. пищев. продукт.	Сахар, кофе, какао	Металлы, минералы	Текстиль. матер.	Ост. различные товары	Все пищевые прод.	Все материалы
Франция ²	298,3	286,4	219,6	283,3	459,8	419,1	280,2	387,8
Англия ³	299,4	211,5	236,1 ⁴	165,8	266,8	244,7	229,1	224,4
Соединенные Штаты ⁵								
Зерновые хлеба			237,6	Уголь и кокс				171,4
Жизненные припасы			157,4	Нефть				330,9
Остальные пищевые продукты			184,5	Корабельное снаряжение				145,8
Фрукты			173,0	Строительные материалы				231,9
Шкура и кожа			168,8	Химич. и аптеч. товары				250,2
Текстильные материалы			227,6	Разные				184,1
Металлы			175,5	Все пищевые				188,1
				Все материалы				207,6

¹Ср. Fr. Eulenburg, Die Preisrevolution seit dem Kriege, Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik III-te Folge 60 b. 1920.

²По Index'am Statist. generale de la France.

³По данным Statist'a or 10 января 1920 г. Мы взяли данные Statist'a, а не Economist'a в виду близости группировок товаров первого с таковыми французской статистики.

⁴Для Англии сахар, кофе и чай.

⁵По данным индекса Bradstreet'a.

Из экономии места мы отказались от анализа годичного движения цен на различные группы товаров по странам. Каждая взятая страна дает, в силу своеобразия ее внутреннего и внешнего положения, в известных отношениях различную картину движения цен по группам товаров.

Во Франции и Соединенных Штатах сильнее вздорожали материалы, чем пищевые продукты; в Англии, наоборот, вздорожание их довольно равномерно с уклоном к более сильному вздорожанию пищевых продуктов. В этом, несомненно, сказались относительно малая обеспеченность собственным сыром Франции и сильный рост спроса на сырье благодаря исключительно быстрому развитию национальной промышленности Соединенных Штатов с одной стороны, с другой, относительное равенство положения Англии в отношении снабжения ее как пищевыми продуктами, так и сыром.

Во Франции и Англии, далее, наиболее вздорожало текстильное сырье, что вполне согласуется с данной выше характеристикой их текстильного рынка. Наоборот, в Соединенных Штатах более всего вздорожала нефть. Сильное вздорожание нефти в Соединенных Штатах произошло, собственно, главным образом в 1918 г., когда относительная к 1913 г. цена ее вдруг поднялась с 210,9 до 380,9. Это объясняется тем, что при колоссальной добыче нефти, добыча ее и импорт за время войны не успевали за внутренним потреблением и страна жила за счет запасов¹.

Наименее вздорожали во Франции сахар, кофе, какао, в Англии металлы и минералы, в Соединенных Штатах корабельное снаряжение и жизненные припасы. Такова в самых общих и кратких чертах характеристика движения цен по группам товаров.

29. В отношении денежного рынка мы точно также остановимся лишь на некоторых важнейших вопросах. Прежде всего исследуем вексельные курсы.

Движение вексельных курсов дано в следующей таблице, где приведен курс валют различных стран в процентном отношении к доллару².

¹ См. подробнее и цифры в статье "Жидкое топливо". Эконом. Бюллетень Берлинск. представительства от 17 декабря 1920 г. № 13.

² По данным Statistisches Jahrbuch за 1919 г. и the Economist, различные помера.

Годы	Берлин 100 мар. = 23,27 долл.	Париж 100 фр. = 19,3 долл.	Лондон 1 ф. = 4,86 долл.	Амстердам 100 гул. = 40,2 долл.	Копен- гаген 3,73 кр. = 1 долл.	Цюрих 100 фр. = 19,3 долл.	Стокгольм 3,73 кр. = 1 долл.
1914	100,5	100,4	99,8	115,4	—	96,6	—
1915	88,5	88,5	97,0	126,1	99,7	98,7	103,1
1916	76,4	88,7	97,6	116,8	101,0	102,1	108,4
1917	76,2 ¹	90,9	97,0	122,8	113,7	118,2	122,7
1918	70,15	93,4	97,6	120,8	100,4	107,5	08,4

Вексельные курсы своим движением отражают в обычное время отношение и степень общей взаимной задолженности отдельных стран. В виду этого при металлической валюте вексельные курсы определяются характером платежного баланса страны и в его составе торговым и расчетным балансом². Торговый и расчетный баланс в каждый данный момент определяется ходом и уровнем внутренней экономической конъюнктуры страны в отношении натуралистических и валеристических показателей ее. Высокая конъюнктура, как правило, совпадает и с благоприятными вексельными курсами³. Однако при нормальных условиях вексельные курсы колеблются в довольно узких пределах, так называемых золотых точек. При бумажно-денежном обращении таких пределов не существует и, помимо платежного баланса, на уровень вексельных курсов оказывает влияние обесценение бумажных денег или размер лажа на золото⁴.

Отсюда понятно, почему в приведенной таблице колебания курсов столь значительны: в основе этого лежит инфляция денежного обращения и обесценение валют⁵.

Из таблицы также видно, что наиболее неблагоприятны курсы для Германии; далее, что валюты Франции и Англии, хотя и в меньшей степени, но обесценились против Американской;

¹ В марте.

² Ср. Мануилов А.А. Учение о деньгах. М., 1918, стр. 83 и сл. Витгерс. Денежный рынок, Одесса, 1914 г., стр. 163-185 и др. работы.

³ Ср. Туган-Барановский. Промышленные периодические кризисы. Изд. 3, passim Лескюр. Общие и периодические промышленные кризисы, 1908.

⁴ Ср. Туган-Барановский М.И. Бумажные деньги и металл. Петроград, 1917 г., гл. V и VI. Мануилов, op. cit.

⁵ Вопрос о вексельных курсах и колебании ценности валют различных стран за время войны и после нее подвергся исследованию в работах различных авторов. Огромное значение для уровня вексельных курсов степени инфляции, степени обесценения бумажных денег на внутреннем рынке было выдвинуло проф. Д. Касселем. См. его — Deutschlands wirtschaftliche Widerstandskraft. Berlin. 1916. Значение того же фактора признает и Лифман. См. его — Die Geldvermehrung im Weltkrieg. Stuttgart. 1918. Гораздо более осторожно и в качестве вторичного фактора признает его и К. Диль. См. его Золото и валюта. Петербург, 1918 г.

наконец, что сама американская валюта упала против валют нейтральных стран, в особенности против валюты Голландии.

Такое состояние взаимной расценки валют в общем и целом отражает различную степень благоприятности экономического положения отдельных стран. Но при этом необходимо иметь в виду следующее. В сущности во время войны валеристические показатели, например цены, указывают во всех странах на повышательную конъюнктуру и особенно в странах глубоко затронутых войной. Натуралистические показатели, наоборот, говорят в последних странах об упадке. Поэтому, как бы ни было благоприятно повышение валеристических показателей этих стран с частно-хозяйственной точки зрения, в народнохозяйственном смысле внутренняя и международная конъюнктура этих стран упала: они меньше производят, меньше вывозят, больше ввозят, больше закупают, их денежная единица сильнее обесценена. Все это и нашло отражение в падении их вексельных курсов.

Германия была наиболее изолирована, экономическое положение ее было наиболее одиноко и потому тяжело, инфляция достигла в ней чрезвычайных размеров и отсюда наибольшее падение ее вексельных курсов. Далее по степени неблагоприятности на мировом рынке следуют союзно-европейские страны и потому падение их вексельных курсов по степени занимает второе место. Правда, из обзора динамики производства, торговли и т.д. мы видели, что во многих отношениях потрясение, например Франции, было даже более значительно, чем Германии. Однако Франция пользовалась финансовой поддержкой союзников, особенно Англии и Америки, она не была так изолирована и потому ее вексельные курсы благоприятнее германских. Положение Северо-Американских Соединенных Штатов, как мы видели, из всех воюющих стран было наиболее благоприятно и потому вексельные курсы их стоят значительно выше, чем в предыдущих странах. Наконец, вексельные курсы нейтральных благоприятны, благоприятнее даже американского в силу того, что эти страны, как не втянутые в войну, естественно используют выгоды своего положения на мировом рынке. Многие из них из должников превращаются в кредиторов, многие исправляют свой торговый баланс из отрицательного на положительный, получают дорогие заказы воюющих стран¹.

С развитой точки зрения однако несколько загадочным представляется относительно слабое падение союзно-европейских

¹ См. Боголепов М.И. Европа после войны. С.-Петербург. 1921.

валот против американской, при весьма сильном падении американской валюты против нейтральных, когда конъюнктура сложилась для Америки во всех отношениях благоприятно.

Объяснение этого явления нужно видеть, во-первых, в строении расчетного и торгового баланса Соединенных Штатов и нейтральных стран, в частности в ограничении Американского экспорта в эти страны, между прочим, из опасения проникновения товаров в Германию¹, во-вторых, в факте тесной военной и финансовой связи Америки с союзными странами, наконец в девизной политике союзно-европейских правительств. Английскому и Французскому правительству было чрезвычайно важно удержать лаж на доллар на низком уровне, так как при низком лаже и подъеме товарных цен были стимулы к импорту иностранных товаров, а в этом воюющие страны были весьма и жизненно заинтересованы. Наоборот, об этом могла гораздо менее заботиться Америка. При таких условиях неблагоприятные для Америки вексельные курсы ничего не говорят о неблагоприятности внутренних и международных конъюнктур для нее.

30. Посмотрим теперь на положение денежного рынка с точки зрения его богатства деньгами в качестве оборотных средств и в качестве капиталов. В этом отношении показательными могли бы служить, как известно, данные об эмиссии ценных бумаг.

Возьмем те данные об эмиссии ценных бумаг по некоторым странам, по которым в нашем распоряжении имеются данные.

Годы	Германия ¹	Голландия ²	Общий выпуск ценн. бумаг ²	Англия		Мирная эмиссия в % к общ.
	Общий выпуск ценн. бум. (акции) в млн. марок	Общий выпуск ценн. бумаг (акции и рента) в млн. гульденов		Исключ. займы Британ. правит. ³	В том числе индустр. предпр. всяк. рода ³	
			в млн. ф.ст.			
1913	635	194,9	196,5	—	—	—
1914	874	128,5	512,5	199,6	59,5	38,9
1915	314	529,7	685,2	82,9	5,2	12,1
1916	360	455,4	585,4	34,7	5,2	5,9
1917	984	463,8	1.318,5	26,4	11,3	2,0
1918	1.043	654,0	1.193,3	65,3	39,6	5,5

¹ См. Диль К. Золото и валюта. С. 54-55.

² По данным Economist'a и работы Ernst'a Kahn'a, — Die Indexzahlen der Frankfurter Zeitung. März-april, 1921. P. 63.

³ По данным The Board of trade journal, october 28, 1920. Нужно заметить, что данные Board of trade journ. представляют сумму эмиссий без займов Британского правительства и они не вполне совпадают с данными Economist'a, показывая несколько большие цифры.

Отсюда ясно, что размеры эмиссий за время войны достигли небывалых размеров во всех взятых странах. Однако, до 1917 г. включительно подавляющая и прогрессивно возрастающая часть капиталов, как показывают английские данные, снимается с рынка правительственными военными займами. В силу этого на долю мирных эмиссий приходится относительно и абсолютно очень незначительная часть.

Едва ли можно сомневаться, что положение английского денежно-капитального рынка является весьма характерным почти для всего мирового хозяйства и во всяком для всех важнейших стран. Положение денежно-капитального рынка характеризуется, следовательно, уменьшением его насыщенности, нарастающим оскудением, недостатком т.н. свободного капитала, ищущего помещения в частных предприятиях. Объяснение этого лежит в том грандиозном спросе на денежный капитал, какой предъявляло государство.

Отсюда легко понять, почему государство с начала войны относится с особым вниманием к эмиссии капитала, ставя ее всюду под свой контроль.

31. Показателем напряженного состояния рынка капиталов является также уровень учетного процента. Движение уровня учетного процента характеризуется следующей таблицей¹:

Годы	Германия	Франция	Италия	Англия	Соединенные Штаты ²	Нидерланды	Швеция
Средний официальный учетный процент							
1914	4,89	4,22	5,42	4,04	2,04	4,43	5,27
1915	5,00	5,00	5,50	5,00	1,83	4,75	5,51
1916	5,00	5,00	5,21	5,47	2,41	4,50	5,24
1917	5,00	5,00	5,08	5,15	3,16	4,50	5,68
1918	5,00	5,00	5,01	5,00	4,92	4,50	6,93

Из таблицы видно, что в большинстве стран учетный процент во время войны достиг весьма высокого уровня и устойчиво держится на нем. Достаточно указать на то, что с 70-х годов Англия не помнит 5%-ной ставки, во Франции она была лишь накануне кризиса 1873 г.

Из таблицы далее ясно, что в ряде стран уже с 1915—16 гг. намечается, правда весьма слабо, тенденция процента к пониже-

¹ По данным Statistisches Jahrbuch за 1919 г.

² Взятые рыночные курсы Geld on call. В 1914 г. взят средн. за 7 мес. январь—июль.

нию¹, в ряде других стран — процент продолжает повышаться или оставаться стационарным. Но в общем он весьма устойчиво держится на высокой норме.

В том, что военный период в общем и целом нужно представлять себе как период напряженного военного спроса на капитал при соответственно недостаточном предложении его, можно убедиться также из движения курсов твердо-доходных бумаг.

Годы ²	3% французская рента в Париже		2 1/2% Англ. консоли в Лондоне	
	Средний курс	Рентабельность	Средний курс	Рентабельность
1914 ³	85,72	3,51%	74,8	3,34%
1915	69,41	4,32%	65,50	3,82%
1916	62,38	4,81%	58,03	4,30%
1917	61,17	4,90%	54,73	4,57%
1918	60,44	4,96%	56,94	4,39%

Мы видим, что курс твердо-процентных бумаг непрерывно и сильно понижается, рентабельность же их, соответственно, повышается. То есть одновременно с повышением учетного процента, мы можем говорить о повышательной тенденции и заемного процента. Это повышение заемного процента, определяясь соотношением спроса-предложения на капитал, выражает собой в то же время повышение частно-хозяйственной доходности помещенного капитала.

32. Все изложенное о движении цен, учетного и заемного процентов позволяет нам придти к следующему выводу: *валеристические показатели обнаруживают за время войны повышательную конъюнктуру*. Иначе говоря, мировой рынок импульсирует частно-хозяйственную предпринимательскую деятельность.

Повышательный характер конъюнктуры в этом смысле и благоприятность рынка для частно-хозяйственной предпринимчивости подтверждается и движением таких показателей, как количество банкротств и образование новых предприятий.

Годы	В Англии ⁴ (за первые 50 недель) банкротств	Годы	В Англии (за первые 50 недель) банкротств	В соединенных Штатах ⁵	
				число банкротств	В % к числу предприятий
1993	6.872	1916	3.142	16.993	0,99
1914	5.261	1917	2.200	13.855	0,80
1915	4.788	1918	1.020	9.982	0,58

¹ Возможно, что под влиянием скопления свободного бумажного денежного капитала. Ср. Вопросы денежного обращения. Петр. 1914, стр. 200—223.

² По данным Statistisches Jahrbuch 1919.

³ С января по июль 1914 г.

⁴ По данным Times'a от 23 сентября 1920 г.

⁵ По данным Statistical abstract of the Un. St., 1918.

Отсюда ясно, что число банкротств падает за весь взятый военный период.

Наоборот, предпринимательство растет. Здесь приведем лишь некоторые имеющиеся интересные данные по Японии¹.

Годы	Возникло новых предпр. с капит. в млн. иен	Капиталы существ. предпр. увеличил. на млн. иен
1914	190,7	161,7
1915	177,4	323,8
1916	611,4	479,3
1917	1.222,1	885,2
1918	2.004,8	1.715,2

33. К тем же выводам должен привести нас и анализ рынка труда. Обращаясь к нему, прежде всего интересно рассмотреть движение безработицы.

Годы	Германия	Великобритания	Нидерланды	Дания	Норвегия	Швеция
На 100 организованных рабочих приходится безработных ²						
1913	2,9	2,1	5,2	7,3	2,0	4,4
1914	7,2	3,3	15,8	9,6	2,6	7,3
1915	3,2	1,1	14,9	7,8	2,8	7,2
1916	2,4	0,4	5,9	4,9	1,1	4,0
1917	1,0	0,6	9,7	9,1	1,2	4,0
1918	1,2	0,8	10,0	—	1,7 ³	4,4

Из приведенной таблицы ясно, что после временного, приходящегося на первые месяцы после начала войны, подъем безработицы (1914 г.) процент безработных резко пошел на убыль. Это особенно определенно проявилось в Германии, Великобритании, Норвегии и Швеции. Минимум приходится в этих странах на 1916–1917 гг. 1918 г. дает слабое повышение процента безработных. Несколько иное движение процента безработных в Нидерландах и Дании, где он начинает повышаться уже с 1917 г.

Показательным для рынка труда является и колебание кривой забастовок, которая характеризуется следующей таблицей⁴.

¹ См. Султан-Заде, *op. cit.*

² См. Statistisches Jahrbuch за 1919 г.

³ За 8 месяцев.

⁴ По данным Statistisches Jahrbuch.

Годы	Германия			Франция		
	Число забастовавших предприятий	Число забастовщиков	% забастовок, успеш. вполне или частично	Число забастовавших предприятий	Число забастовщиков	% забастовок успеш. вполне или частично
В тыс.						
1913	13.586	311,0	59,0	8.479	220,4	51,6
1914	6.046	95,1	55,1	3.654	160,6	51,6
1915	185	12,9	44,5	304	9,4	55,2
1916	437	124,2	65,4	938	41,1	59,8
1917	3.399 ¹	651,5	68,8	—	—	—
1918	7.396 ¹	1.304,2 ¹	66,7 ²	—	—	—

Годы	Великобритания		Нидерланды	
	Число забастовщиков	Число бастующих предприятий	Число забастовщиков	Число бастующих предприятий
В тыс.				
1913	516,0	2.282	30,2	
1914	327,0	1.138	15,6	
1915	452,6	953	15,2	
1916	284,4	1.174	18,1	
1917	860,7	1.719	31,3	
1918	1.086,8	1.706	38,3	

Количество стачек и число забастовщиков резко упало с началом войны и под влиянием ее. Но с 1916–1917 гг. забастовочное движение оживает. Оживление забастовочного движения, как известно, является довольно постоянным спутником повышающейся конъюнктуры. Еще более показательным в этом отношении является успешность стачек. Данные по Германии и Франции показывают, что процент успешных забастовок с 1914–1915 гг. повышается. Исключительно сильный рост стачек в 1918 г. в Германии объясняется значительным числом стачек политического характера. Из общего числа забастовавших предприятий на долю политических стачек в 1918 г. в Германии приходится 6302, из общего числа забастовавших рабочих на долю забастовавших по политическим причинам приходится 925 тыс. человек. Иначе говоря, большая часть стачек в 1918 г. в Германии носит политический характер³.

¹Экономические и политические стачки.

²Процент успешных стачек относится только к экономическим стачкам. Об успехе политических стачек сведений не имеется.

³См. Сборник статистических сведений об экономическом положении важнейших иностранных государств. Изд. ЦСУ, стр. 32–33.

Можно было бы показать, что за время войны упало и число локаутов. Причем, в связи с повышающейся конъюнктурой до 1919 г. число локаутов не увеличивается¹.

34. Предыдущее изложение позволяет нам сделать несколько общих выводов.

Конъюнктуры мирового хозяйства, рассматриваемые с натуралистической точки зрения, представляются совершенно разнородными по различным группам стран. В странах, глубоко затронутых войной, они падают; в странах, мало затронутых войной и нейтральных, они, как правило, повышаются или по меньшей мере стационарны. По значительному количеству отраслей мировой хозяйственной жизни эти упадок и подъем балансируются, по некоторым дают прирост, по некоторым дефицит. Во всяком случае, нет оснований говорить о мировом хозяйственном оскудении в собственном смысле слова. Оскудение чувствуется и наблюдалось лишь в тех странах, которые зависели в сильной степени от импорта. Это оскудение наступает и обостряется здесь как под влиянием падения национальных производительных сил, так и под влиянием расстройств нормальных условий международной торговли.

Конъюнктуры, рассматриваемые с валеристической точки зрения, дают всюду сильное повышение. Это повышение обусловлено, во-первых, сильным военным спросом, местами при недостаточном предложении; во-вторых, инфляцией денежного обращения, понижением ценности денег, выражающемся в росте цен, и обесценением денег, нашедшем отражение в значительном даже на золото и колебаниях вексельных курсов.

Повышательная тенденция конъюнктур является основанием и фактором интенсивной и рентабельной частно-хозяйственной предприимчивости. Спрос на капитал весьма напряжен, что отражается на повышении учетного и заемного процента. Сбыт товаров обеспечен и количество банкротств сильно упало. Собственно понизился процент безработных и повысился процент стачек и в частности успешных стачек.

Эти благоприятные с частно-хозяйственной точки зрения валеристические конъюнктурные условия таким образом в одних странах развертываются на фоне благоприятных и прогрессивных условий натуралистического народнохозяйственного порядка; в других они наблюдаются при падающем народном хозяйстве и естественно носят во многом характер спекулятив-

¹ См. Сборник статистических сведений об экономическом положении важнейших иностранных государств. Изд. ЦСУ, стр. 32-33.

ной и порой азартной борьбы за перераспределение уменьшающегося национального дохода¹.

35. В заключение этой части нашей работы остановимся в двух словах на вопросе о тенденциях в распределении дохода за время войны.

Что касается этих тенденций в масштабах мирового хозяйства между странами, то они ясны сами собой из предыдущего. Ход конъюнктур приводил к обогащению нейтральных стран и особенно слабо затронутых войной заокеанских стран, как Соединенные Штаты, Япония, Канада, Австралия. Он приводил к сильному истощению европейских, особенно континентально-европейских воевавших стран и к падению их покупательных сил. Мы достаточно осветили это положение уже в предшествующем изложении.

Что касается тенденций распределения дохода в рамках национальных единств, то на этом вопросе следует остановиться особо.

По-видимому, период войны, когда все валеристические показатели дают сильнейшее повышение, в общем был периодом прежде всего тенденций нормы прибыли к повышению. В этом отношении будет интересно остановиться хотя бы на следующих отрывочных данных, характеризующих эволюцию прибыли за время войны.

Годы ²	Америкаские национальные банки					
	Число банков	Капитал	Сумма дивидендов	Чистое сбережение	% отношение дивидендов к капиталу	чистого сбережен. к капиталу
1913 к 1 июля	7.404	1.051.721	119.906	160.980	9,06	15,3
1914	7.453	1.063.978	121.147	149.270	11,39	14,0
1915	7.560	1.068.577	113.639	127.053	10,63	11,9
1916	7.579	1.062.209	114.724	157.543	10,76	14,8
1917	7.589	1.081.670	—	194.321	11,61	17,9
1918 к 30 июня	7.691	1.098.264	129.778	212.332	11,81	19,8

Повышательная тенденция доходности капитала, начиная с 1914 г., из этой таблицы совершенно ясна.

Аналогичную картину находим мы и в промышленности.

Так, по данным угольного комиссара парламентской комиссии, доходы предпринимателей в угольной промышленности Англии представляются в следующем виде³:

¹ Ср. Финн-Енотаевский, *op. cit.* стр. 12 и сл.

² По данным Statistical abstract of the Un. St. за 1918.

³ См. Экономич. Бюллетень Берлинск. представ. от 9 апреля 1921 г.

Прибыли и рента предпринимателей

Годы	Общая сумма, млн. ф.ст.	На тонну добытого угля, шилл.	пенсов
1909-13	19,1	1	5 ¹ / ₂
1914	21,5	1	7 ¹ / ₂
1915	27,4	2	2
1916	43,8	3	5
1917	33,7	2	8 ¹ / ₂
1918 (январь-июнь) ¹	26,0	2	4 ¹ / ₂
1918 (июль-сентябрь) ¹	48,0	4	1 ¹ / ₂

Приведем также данные о чистых прибылях английских компаний, обязанных публичной отчетностью².

Годы	Число компаний	Чистая прибыль в тыс. ф.ст.	Прирост против предыдущего года в %
1915	932	67.930	—
1916	"	86.588	28,6
1916 ³	253	21.074	—
1917 ³	"	23.617	12,0

Наконец, по Германии укажем, хотя бы на данные о доходности "Всеобщей Электрической Компании".

Годы	Основн. капитал	Чистый доход	Дивиденды, в %
В млн. марок			
1914-15	115	21,3	11,0
1916-17	184	30,4	12,5

Итак, тенденция к повышению нормы прибыли предыдущими данными выявляется довольно определенно. Однако, нужно заметить, что в различных отраслях промышленно-экономической жизни она обнаруживается весьма неравномерно. Существует ряд отраслей промышленной и торговой жизни, где размеры чистых прибылей, наоборот, имеют тенденцию к сокращению. Например по некоторым "Investement Trust Companies" в Англии мы имеем следующую картину⁴:

¹По расчету на весь год.

²The Economist april 1917. Сюда не входят компании в области горного, железнодорожного, страхового и банковского дела.

³Только за первую четверть года.

⁴См. The Economist, от 30 апреля 1921 г.

Компании	Чистый доход в тыс. ф.ст.		Дивиденды в %	
	1913 г.	1918 г.	1913 г.	1918 г.
Foreign and Colonial	146	96	8	6
Government stock and other securities	69	40	7	5
Metropolitan	63	52	13	12
Omnium	38	37	6 ¹ / ₂	5
Premier	42	38	7	4

Изучение материалов приводит к заключению, что в наиболее благоприятном положении в каждой стране находились крупные предприятия в тех отраслях, рынок спроса на продукты которых был особенно настоятелен и емок.

В общем и целом в этом отношении особенно благоприятное положение занимают отрасли индустрии, тесно связанные с военным рынком. Сюда относится текстильная промышленность, металлургическая, угольная, химическая и др.¹ В различных странах относительная рентабельность этих отраслей, конечно, была различна. В основе этого лежало различие в движении цен, различие степени подъема цен на отдельные товары. На это различие мы уже указывали выше.

Но во всяком случае при таких условиях различия в движении прибылей отдельных отраслей хозяйственной жизни естественно, что довоенное соотношение между отдельными отраслями народнохозяйственной жизни в смысле их объема и мощи должно было с ходом войны изменяться и все более приспособляться к структуре рынка военного времени.

36. Посмотрим теперь, какую тенденцию имела другая важная категория доходов — заработная плата. По Германии мы имеем следующую картину.

Беря изменение заработной платы в горной промышленности и сопоставляя ее с изменением стоимости питания семьи из 4-х человек по данным Кальвера, мы получаем²:

Даты	Средняя номинальная заработная плата в % к данным 1-й четверти 1914 г.	Стоимость питания семьи из 4 человек	Реальная заработная плата
1 четв. 1915 г.	98,9	122,5	80,8
1 четв. 1916 г.	114,0	175,3	65,0
1 четв. 1917 г.	136,2	214,0	63,6
1 четв. 1918 г.	181,0	223,8	80,8

¹ См. отчетные данные, публикуемые в Economist'e и Statist'e за 1914—18 гг.

² По данным Verband der Bergarbeiter Deutschland, Jahrbuch 1920.

Иначе говоря, с самого начала войны номинальная заработная плата отстает от роста стоимости жизни. В силу этого реальная заработная плата падает. Падение ее особенно значительно во второй год войны. В дальнейшем она несколько поднимается, не достигая, однако, довоенного уровня. К тем же выводам приходит в общем в своих расчетах и известный д-р Кучинский¹.

По Англии к началу 1919 г. в %% к довоенному времени мы имеем следующее изменение заработной платы и стоимости жизни².

Даты	Средняя номинальная заработная плата	Стоимость жизни (пища, одежда, жилище и т.д.)	Реальная заработная плата
Перед войной	100	100	100
Январь 1919 г.	206	220	93,6

Таким образом и в Англии реальная заработная плата понизилась, хотя, по-видимому, и менее значительно, чем в Германии.

Весьма интересны, далее, данные Japan Chronicle по Японии³.

Даты	Номинальная заработная плата	Цены	Реальная заработная плата
	в % к данным 1914 г.		
1915 январь	99	102	97,0
1916 январь	104	144	72,2
1917 январь	112	153	72,9
1918 январь	132	215	61,4

Таким образом и по Японии реальная заработная плата за время войны упала и притом весьма значительно.

Обратимся к Соединенным Штатам Северной Америки.

Сопоставляя движение заработной платы по 70 основным профессиям рабочих и движение розничных цен на 22 пищевых продукта, мы получаем следующую картину движения реальной заработной платы в Соединенных Штатах⁴.

¹ См. Смолянский Г. Заработная плата и дороговизна жизни. Статья в сборн. Мировое наступление капитала. С. 97.

² По данным Manchester Guardian Commercial от 20 апреля 1922 г. Der Wiederaufbau in Europa. Erste Nummer. Seite 59. Заработная плата взята по 7 важнейшим профессиям.

³ См. Смолянский, op. cit. С. 95-96.

⁴ По данным Statistical abstract of the Un. St. 1919 г. См. также С.А. Фалькнер. "Мировое движение заработной платы". Статья в материалах по статистике труда. Вып. 11. 1920 г. Изд. Всеросс. Центр. Сов. профсоюзов.

Годы	Индексы недельн. денеж. платы по 70 профессиям	Индексы различных цен на 22 пищевых продукта	Индексы реальной заработной платы
1913	100,0	100	100
1914	101,6	98	104
1915	102,3	100	102
1916	106,7	107	98
1917	111,7	151	74
1918	127,3	158	81

Только в самом начале войны доходы рабочих реально повысились. Затем они непрерывно падают. Этого падения мы не видим лишь в последний год войны.

К сказанному нужно присоединить, что не только в различных странах различно движение реальной заработной платы, но оно различно в одной и той же стране по отраслям промышленности.

Так, например в Северных Американских Соединенных Штатах по некоторым отраслям промышленности мы имеем следующее движение реальной заработной платы за время войны¹.

Годы	Металлическая промышленность	Строительная промышленность	Полиграфическая промышленность (газетное дело)
1913	100	100	100
1914	112,7	103,8	102,9
1915	101,3	102,2	100,9
1916	97,8	95,6	93,1
1917	77,4	72,3	68,9
1918	95,9	75,9	69,6

Хотя за вторую половину войны реальная заработная плата и понизилась по всем взятым отраслям, но степень ее понижения совершенно различна. Наименее понизилась она у металлистов, наиболее у рабочих полиграфической промышленности.

Исходя из всего изложенного о тенденциях в области распределения дохода, мы приходим к таким выводам: в масштабах мирового хозяйства происходит обогащение одних стран при обнищании других. В пределах каждого национального хозяйства капиталистические доходы, по-видимому, имеют определенную тенденцию относительно повышаться, а заработная плата падать. Одновременно прибыли и заработные платы разных отраслей промышленности испытывают весьма различную судьбу.

¹ По тем же данным, которые указаны в примечании 4-м на стр. 74.

Глава II

СОСТОЯНИЕ И КОНЪЮНКТУРЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА ПОСЛЕ ВОЙНЫ ДО МИРОВОГО КРИЗИСА

1. Война фактически прекратилась в конце 1918 г.

Окончание войны с экономической точки зрения было, конечно, грандиозным событием. Те факторы, которые в силу войны взаимодействовали на мировое хозяйство и о которых мы говорили раньше, частью исчезают, частью быстро ослабевают. Начинается демобилизация, приток рабочих сил к хозяйству; исчезает или сильно сжимается военный рынок; открываются постепенно государственные границы и т.д. Начинают ослабевать и отпадать регулирующие мероприятия государства, запреты, нормировки и т.п. стеснения частно-хозяйственной свободы¹.

За длительное время войны мировое и национальные хозяйства, как мы видели, глубоко изменились, приспособились к новой обстановке, созданной войной. Поэтому, так же как в свое время начало войны, ее окончание, вновь видоизменяя условия и обстановку, должно было внести некоторое замешательство и расстройство в мировое хозяйство. Это замешательство и было внесено. Но мировое хозяйство вступило в полосу подлинного экономического кризиса, как мы увидим дальше, не тотчас после прекращения войны. После окончания войны оно испытало лишь некоторую депрессию, которая была кратковременна, затронула заметно валеристические показатели, в частности цены, и лишь некоторые наиболее подвижные натуралистические элементы хозяйства, например, уровень безработицы. Это замешательство в значительной мере подобно тому кратковременному замешательству, которое мы наблюдали в первые месяцы войны. Глубокий же перелом конъюнктур и кризис мировое хозяйство пережило спустя более чем полтора года после окончания войны. В последующем изложении нам и предстоит прежде всего подойти к выяснению хода мировых экономических конъюнктур до кризиса. В ходе этого изложения удастся уяснить, подготовить также почву для уяснения природы и роли этого кризиса.

¹ За недостатком места мы, к сожалению, принуждены обойти молчанием развитие и действие государственно-регулирующей деятельности.

При изложении мы сохраним тот же план, что и в первой части и начнем анализ со скотоводства.

2. Состояние и движение скотоводства в послевоенный период по некоторым важнейшим странам разных групп и типов характеризуется следующими данными:

	Годы	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи	
		В тыс. голов				
Германия ¹	1918 на 1 марта	2.929	16.803	5.476	9.623	
	1919	3.761	17.056	6.083	7.372	
	1920	3.523	16.445	6.242	9.430	
	1920 на 1 июля	3.503	16.996	7.037	11.690	
		в относительных к 1918 г.				
		1919	128,4	101,5	111,1	76,6
	1920	120,3	97,9	114,2	98,0	
	1920 на 1 июля	119,6	101,1	128,5	121,5	
		в тыс. голов				
Франция ²	1918	2.239	12.251	9.061	4.377	
	1919	2.413	12.374	8.991	4.080	
	1920	2.635	13.217	—	4.942	
		в относительных к 1918 г.				
		1919	107,0	101,7	99,3	93,2
		1920	117,8	07,6	—	112,9
		в тыс. голов				
Соединенное Королевство ³	1918	2.213	12.311	27.063	2.809	
	1919	1.915	12.491	25.119	2.925	
	1920	1.885	11.770	23.407	3.113	
		в относительных к 1918 г.				
		1919	86,5	101,5	92,8	104,1
		1920	85,2	95,6	86,5	110,8
		в тыс. голов				
Соединенные Штаты ⁴	1918	21.555	67.422	48.603	70.978	
	1919	21.482	68.560	48.866	74.584	
	1920	21.109	68.132	48.615	72.909	
	1919	99,7	101,7	100,5	105,1	
	1920	97,9	101,1	100,0	102,7	

¹По официальным данным без Эльзас-Лотарингии.

²См. Сборник ЦСУ, стр. 25.

³По данным Statesman's year-book за 1920 г.

⁴По официальным сведениям. См. Бюллетень Берниск. представ. от 19 октября 1920 г.

Годы	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи	
В ТЫС. ГОЛОВ					
Дания ¹	1918 в июле	545	2.124	470	621
	1919	556	2.188	509	716
	1920	563	2.286	504	1.007
в относительных к 1918 г.					
	1919	102,0	103,0	108,3	115,3
	1920	103,3	107,6	107,2	162,1

Из приведенных данных видно, что в Германии с 1919 г. начался прирост лошадей, овец и в очень слабой степени крупнорогатого скота. Свиноводство в 1919 г. продолжает разрушаться. В 1920 г. замечается некоторая убыль лошадей. Крупнорогатое скотоводство деградирует на 2,1%, хотя июльская цифра его дает уже некоторое повышение даже сверх уровня 1918 г. Заметим при этом, что Германия была обязана поставить Антанте между прочим и 800 тыс. голов крупнорогатого скота. По 1 июня 1920 г. она поставила его 84 тыс. голов². Овцеводство в 1920 г. продолжает расти. Но особенно сильный прирост обнаруживает свиноводство. Оно далеко превосходит цифру 1918 г. и этот прирост нельзя объяснить сезоном регистрации.

В общем, после войны скотоводство Германии несомненно обнаруживает тенденцию возрождения. Оно не достигло уровня 1913 г. в отношении крупнорогатого скотоводства и свиноводства. В отношении коневодства и овцеводства, которые сильно возросли, довоенный уровень уже достигнут и даже превзойден.

Тенденцию возрождения еще более наглядно обнаруживает скотоводство Франции по всем отраслям за исключением овцеводства, по которому, впрочем, у нас нет данных за 1920 г. Но оно еще не достигло довоенной нормы.

Скотоводство Англии, давшее за время войны прирост лошадей и крупного скота при упадке овцеводства и свиноводства, теперь обнаруживает упадок коневодства, дальнейший упадок овцеводства и в 1920 г. крупнорогатого скотоводства. Наоборот, свиньи дают сильный прирост и число их приближается к довоенному. Близко к довоенному и количество крупнорогатого скота.

¹См. сборник ЦСУ.

²См. Экономич. Бюллет. Берлинск. предст. 1920 г. № 7.

Скотоводство Соединенных Штатов после войны обнаруживает легкое сокращение лошадей и лишь замедление темпа прироста в других отраслях.

Скотоводство Дании представляет яркую картину возрождения, особенно наиболее сильно пострадавшей отрасли — свиноводства. Скотоводство Дании быстро идет к довоенному уровню.

В итоге, мы можем сказать, что скотоводство в странах, где оно подверглось сильному военному потрясению, как Германия, Франция, Дания, обнаруживает признаки возрождения; в странах, где, как в Англии, оно подверглось меньшему сокращению, судьбы различных отраслей скотоводства различны; в странах заокеанских мы наблюдаем лишь замедление темпа прироста скота. Однако общий мировой количественный уровень скота стоит пока, безусловно, ниже довоенного. Исключением является может быть лишь крупнорогатое скотоводство.

3. Чтобы в заключение дать общую картину положения мирового скотоводства после войны по сравнению с довоенным и тем подкрепить наши последние обобщения, приведем следующую итоговую таблицу.

Состояние мирового скотоводства до и после войны¹

		Крупнорогатый скот	Овцы	Свиньи
		в тыс. голов		
I. Восставшие страны Европы ²	до войны	60.112	69.735	41.309
	после войны	50.607	50.461	19.388
	увеличение (+) или уменьшение (-) в тыс.	-9.505	-19.274	-21.921
	в %	-15,8	-27,6	-53,1
II. Нейтральные страны Европы ³	до войны	13.452	23.347	9.464
	после войны	13.257	26.328	8.674
	увеличение (+) или уменьшение (-) в тыс.	-195	+2.981	-79,0
	в %	-1,4	+12,8	-8,3

¹ См. "Новый мир" № 108 от 1921 г. Данные довоенные относятся по взятым странам к годам, близким к 1913 г.; послевоенные к 1918-1920 гг.

² Сюда вошли: Англия, Франция, Италия, Бельгия, Германия, Австрия, Румыния.

³ Сюда вошли: Испания, Португалия, которая фактически не принимала участия в войне, Швейцария, Голландия, Дания, Норвегия, Швеция.

		Крупнорогатый скот	Овцы	Свины
		в тыс. голов		
III. Заокеанские страны ¹	до войны	272.883	272.075	86.780
	после войны	307.151	280.878	93.489
	увеличение (+) или уменьшение (-) в тыс.	+34.268	+8.803	+6.709
	в %%	+12,6	+3,2	+7,7
IV. Все страны	до войны	346.447	365.157	137.553
	после войны	371.015	357.667	121.551
	увеличение (+) или уменьшение (-) в тыс.	+24.568	-7490	-16.002
	в %%	+7,1	-2,0	-11,6

Таким образом, в мировом масштабе наблюдается прирост лишь крупнорогатого скота. Овцеводство и особенно свиноводство дают убыль. Общий и сильный упадок скотоводства наблюдается в Европейских воевавших странах. Частичный упадок (крупнорогатое скотоводство и свиноводство) и частичный прирост (овцеводство) — в нейтрально-европейских странах. Общий подъем — в заокеанских странах.

4. Охарактеризуем теперь хлебную продукцию. В этих целях приведем прежде следующую общую таблицу:

Страны	Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Итого зерновых	Картофель
Посевная площадь в тыс. гектаров							
Германия ²	1918	1.435	5.746	1.365	3.266	11.812	2.727
	1919	1.299	4.403	1.126	2.993	9.821	2.182
	1920	1.381	4.325	1.198	3.244	10.148	2.460
В относительных данных к 1918 г.							
	1919	90,5	76,6	82,5	91,6	83,1	80,0
	1920	96,2	75,3	87,8	99,3	85,9	90,2

¹ Сюда вошли: Канада, Соединенные Штаты, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Индия, Япония, Южная Африка, Новая Зеландия.

² По данным римского с-х института. См. *Annuaire internationale de statistique agricole. 1917 et 1918 гг.* и *Bulletin de statistique agricole et commerciale* за 1920 и 1921 гг. В 1918 г. Германия взята без Эльзас-Лотарингии, в 1919—1920 гг. в новых границах. Следовательно, данные 1919—1920 гг. относятся к несколько меньшей территории, чем данные 1918 г. Это необходимо иметь в виду при анализе таблицы. О хлебной продукции Германии см. также данные Германского Государственного Статистического Бюро в Бюлетене Берлинского представительства от 20 ноября 1920 г.

Страны	Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Итого зерновых	Картофель
Сбор в тысячах квинталов							
	1918	24.384	80.091	20.646	46.807	171.928	294.697
	1919	21.691	60.994	16.699	44.936	144.320	214.790
	1920	22.550	49.718	17.997	48.701	138.996	282.488
Посевная площадь в тыс. гектаров							
Франция ¹	1918	4.390	702	549	2.688	8.329	1.383
	1919	4.604	772	561	2.855	8.792	1.256
	1920	4.854	809	605	3.264	9.532	1.352
В относительных к 1918 г.							
	1919	104,9	110,0	102,2	106,2	105,5	90,8
	1920	110,6	115,2	110,2	121,4	114,4	97,8
Сбор в тысячах квинталов							
	1918	61.435	7.591	5.982	25.620	100.628	62.170
	1919	49.654	7.299	5.000	24.936	86.889	77.306
	1920	62.706	8.427	7.707	42.228	121.068	103.156
Посевная площадь в тыс. акров							
Соединенное Королевство ²	1918	2.793	—	1.839	5.604	10.236	1.505
	1919	2.371	—	1.870	5.124	9.365	1.220
	1920	1.979	—	2.048	4.628	8.655	1.292
В относительных к 1918 г.							
	1919	84,9	—	101,7	91,4	91,5	81,1
	1920	70,8	—	111,3	82,6	84,5	85,8
Сбор в тыс. квинталов							
	1918	25.350	—	14.101	44.149	81.590	93.703
	1919	18.867	—	13.087	36.081	68.035	64.129
	1920	15.485	—	14.900	32.017	62.402	64.620
Посевная площадь в тыс. гектаров							
Дания ³	1918	60	191	24	159	434	180
	1919	68	201	23	158	450	180
	1920	63	198	23	159	443	170
В относительных к 1918 г.							
	1919	113,3	105,4	95,6	99,4	103,7	100,0
	1920	105,0	103,6	95,6	100,0	102,1	98,4
Сбор в тыс. квинталов							
	1918	1.455	3.258	5.72	3.018	8.303	29.843
	1919	1.568	3.681	5.17	2.999	8.765	28.663
	1920	1.817	3.613	6.20	3.525	9.575	24.849

¹По данным Римского института. За 1919–1920 гг. приняты во внимание и северные департаменты Франции.

²Statesman's year-book за 1920 г. Римского с.-х. инстит., op. cit.

³По данным Римского института, указ. выше.

Страны	Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Итого зерновых	Картофель
Посевная площадь в млн. акров								
Соединенные Штаты ¹	1918	59,18	6,18	9,67	44,40	107,50	226,93	4.209
	1919	73,23	7,42	7,06	42,40	102,07	232,68	3.520
	1920	57,41	5,04	8,08	43,32	104,60	218,45	3.927
В относительных к 1918 г.								
	1919	123,7	120,1	73,0	95,5	94,9	102,3	83,6
	1920	97,1	81,6	83,6	97,6	97,3	96,3	93,3
Сбор в млн. бушелей								
	1918	921	91	256	1.538	2.503	5.309	108.893 ²
	1919	941	88	166	1.248	2.917	5.360	96.827
	1920	790	69	202	1.524	3.232	5.817	117.153

Из приведенных данных по сильно потрясенным войной странам, как Германия и Франция, после войны обнаруживается явственно возрождение полеводства.

В Германии этот процесс возрождения в приведенных цифрах несколько скрывается и уменьшается тем обстоятельством, что в 1919 и 1920 гг. страна взята в меньшем объеме (см. примечание на предыдущей странице), тем не менее и по приведенным цифрам посевная площадь почти всех культур, за исключением ржи, достигнув своего минимума в 1919 г., в 1920 г. расширяется, что является, несомненно, показателем начавшегося возрождения вообще сельского хозяйства страны. Увеличиваются в 1920 г. и сборы хлебов Германии за исключением культуры ржи.

Во Франции посевные площади всех культур дают сильное расширение уже с 1919 г. Этот процесс несколько усиливается в цифрах благодаря включению в подсчет с 1919 г. площадей северных департаментов. Однако этим процесс лишь ускоряется, а не создается. В последнем легко убедиться, сравнив данные 1919 и 1920 гг. Территория страны за оба последние года одинакова, однако 1920 г. дает значительный прирост площадей посева. Сбор хлебов во Франции также быстро возрастает.

Посевная площадь Соединенного Королевства почти по всем культурам сокращается. Но как мы знаем, она сильно возросла на время войны. Этот рост был порождением войны и был ненормальным явлением в эволюции сельского хозяйства Анг-

¹По официальным данным. См. указ. изд. Римского с.-х. института См. Эконом. Бюджет. Берлинск. представит. от 18 января 1921 г. № 16.

²Картофель в тыс. квинталов. См. Сборник ЦСУ, стр. 20-21.

лии. По окончании войны отпали мотивы, которые форсировали посевы, необеспеченной в продовольственном отношении собственным производством Англии. Поэтому сокращение посевов в Англии и тенденция их к довоенному уровню является показателем, что мировой рынок хлебов начинает функционировать все более достаточно планомерно. Однако, посевы Англии пока стоят выше довоенных. Сбор хлебов в Англии соответственно с посевами также понижается.

Из нейтральных Европейских стран мы взяли здесь Голландию. Из приведенной таблицы видно, что ее посевные площади не обнаруживают существенных изменений. Сборы хлебов Голландии имеют тенденцию увеличиваться.

В Соединенных Штатах, которые представляют здесь тип стран, развившихся за время войны, посевные площади, чрезвычайно выросшие в течение войны и продолжавшие весьма сильно возражать даже в 1919 г., в 1920 г. обнаруживают некоторое сокращение. Впрочем, это сокращение происходит исключительно за счет пшеницы и ржи, посевы которых в 1919 г. достигли небывало высоких размеров. Для такого расширения продовольственных культур было основание в нараставшем за время войны напряженном состоянии мировых рынков предметов продовольствия. Теперь этот стимул расширения посевов, очевидно, понижается; понижаются и посевы упомянутых хлебов: в силу вступает конкуренция на мировом хлебном рынке. Остальные культуры в 1920 г. расширяются по сравнению с 1919 г. Однако, общий сбор хлебов в Америке непрерывно растет, что стоит в связи с относительно хорошими урожаями последних лет.

Таким образом, взятые нами страны своей динамикой сельского хозяйства показывают, что каждая страна по-своему находится в полосе ликвидации последствий войны, что на этой динамике сказывается влияние крепнущего мирового хлебного рынка и мировой конкуренции. В каком же состоянии находится мировой хлебный рынок в целом? На этот вопрос не отвечают, а лишь наводят на него, данные по отдельным взятым нами странам.

5. Чтобы представить себе состояние производства хлебов в действительно мировых масштабах, приведем следующие интересные общие данные¹.

¹ По данным Международн. с.-х. института в Риме. В тех случаях, когда не было данных за 1920 г., были взяты данные за 1919 г.

Посевные площади в тыс. гектаров

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Итого
I. Воевавшие страны Европы ¹						
в среднем за						
1909-13	22.361	11.377	6.551	14.533	8.532	63.354
1920	17.453	7.920	5.471	11.615	6.593	39.052
1920 в % к						
1909-13	78,0	69,6	83,5	79,9	77,3	77,4
II. Нейтральные страны Европы						
в среднем за						
1909-13	4.606	1.731	1.907	2.000	460	10.704
1920	4.895	1.541	2.239	2.079	475	11.229
1920 в % к						
1909-13	106,3	89,0	117,4	103,9	103,2	104,9
III. Заокеанские страны						
в среднем за						
1909-13	48.580	954	7.180	25.765	48.469	130.948
1920	56.188	2.305	7.226	25.324	48.781	139.824
1920 в % к						
1909-13	115,7	241,7	100,6	98,3	100,6	106,8
IV. Все страны						
в среднем за						
1909-13	25.182,3	4.687,3	5.212,7	14.099,3	19.153,7	68.335,3
1920	26.178,7	3.922,0	4.978,7	13.066,0	18.618,3	66.701,7
1920 в % к						
1909-13	103,9	83,7	95,5	92,7	97,2	97,6
Сбор в тыс. квинталов						
I группа стран						
в среднем за						
1909-13	300.258	177.522	102.952	218.946	125.976	925.664
1902	187.654	78.083	70.041	154.778	90.774	581.330
1920 в % к						
1909-13	62,5	44,0	68,0	70,7	72,0	62,8
II группа стран						
в среднем за						
1909-13	43.380	23.466	26.429	29.835	6.772	129.882
1920	47.495	20.398	29.158	28.748	7.105	132.904
1920 в % к						
1909-13	109,5	86,9	110,3	96,4	104,9	102,3

¹Без России, Польши и Греции.

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Итого
III группа стран						
в среднем за						
1909–13	440.410	9.441	91.391	235.308	774.230	1.550.780
1920	515.058	20.395	101.685	316.617	916.703	1.870.458
1920 в % к						
1909–13	116,9	216,0	101,3	134,6	118,4	120,6
IV все страны						
в среднем за						
1909–13	261.349,3	70.143,0	73.594,0	161.363,0	302.326,0	868.775,3
1920	250.069,0	39.625,3	66.961,3	166.714,3	338.194,0	861.564,0
1920 в % к						
1909–13	95,7	56,5	91,0	103,3	111,9	99,2

Отсюда видно, что за время войны сократили продукцию хлебов лишь воевавшие страны Европы. Продукция нейтрально-европейских стран незначительно возросла, а продукция внеевропейских стран возросла весьма сильно. В мировых масштабах хлебная продукция в среднем стоит на довоенном уровне. Сократилась продукция лишь ржи, как культуры преимущественно европейской, несколько сократилась продукция ячменя и пшеницы; выросла продукция овса и кукурузы. Сделанный вывод не дает оснований утверждать, что человечество снабжено хлебом теперь лучше или даже в той же мере, что и до войны. Но он позволяет утверждать, что производительные силы мирового сельского хозяйства после военного упадка быстро восстанавливаются. Это положение станет особенно очевидным, если мы примем во внимание следующие дополнительные данные.

Приведенная таблица дала нам весьма интересную картину состояния мирового сельского хозяйства, но она еще не дает достаточного представления о характере военной и послевоенной динамики его, так как сопоставляет 1920 г. просто с довоенной средней за 1909–13 гг. Чтобы восполнить этот пробел, подкрепить и обобщить наши выводы, полученные выше от анализа отдельных стран и всего мирового сельского хозяйства, возьмем еще следующие данные¹.

¹ По данным Международного сельскохозяйственного института в Риме. Взяты страны, о которых есть сравнительные данные за все годы.

Мировое хозяйство хлебов в млн. тонн

С.-х. годы	Пшеницы	Ржи	Ячменя	Овса	Кукурузы ¹	Всего
в среднем за 1914–19	72,7	13,7	18,5	45,8	77,8	228,5
1919–20	69,4	12,2	15,8	40,7	79,7	217,8
1920–21	72,1	10,7	17,9	48,9	88,5	238,1

Отсюда ясно, что начиная с 1919 г. мы имеем несомненный подъем хлебной продукции по сравнению с военным периодом. Продукция 1920–1921 сельскохозяйственного года по всем хлебам превосходит не только продукцию 1919–20 сельскохозяйственного года, но и средн. за 1914–19 гг. Особенный рост дает кукуруза и овес. Медленнее поднимается пшеница и ячмень. Только рожь сокращается в размерах производства.

6. В заключение анализа хлебной продукции следует указать, что, благодаря колоссальному подъему сельского хозяйства во внеевропейских странах, несмотря на выпадение такого серьезного поставщика хлебных продуктов на мировом рынке, как Россия, возможность сведения мирового баланса производства-потребления хлебов представляется почти достигнутой, если уже не достигнутой. Так в 1919–20 гг. избытки *ржи* и *пшеницы* в производящих странах определялись в 20.290 тыс. т, недостатки в странах потребления в 20.200 тыс. т². В 1921 г. европейские государства должны были ввезти около 20 млн. т *пшеницы* и это количество могло быть вполне покрыто ресурсами производящих стран³. Причем, размеры ресурсов пшеницы производящих стран в 1920–21 гг. уже значительно больше, чем в 1919–1920 гг. Римский Сельскохозяйственный институт определяет их в 18,5 млн. т для 1919–20 гг. и в 19,5 млн. т для 1920–21 гг.⁴ Некоторым показателем увеличивающегося расширения мирового предложения хлеба могло бы служить еще и то, что такие крупные производящие страны, как Соединенные Штаты, за последние годы располагают все большими и большими запасами хлеба.

Это обстоятельство чрезвычайно важно для уяснения последующего изложения и потому его необходимо отметить особо. Вот цифры, подтверждающие эту мысль.

¹ Северное полушарие.

² См. Statesman's year-book за 1920.

³ По данным С.Х. Бюро. См. Экономич. жизнь от 21 января 1921 г. "Об остатках от предыдущих урожаев в Соединенных Штатах". См. также Бюллетень Нар. Ком. Ин. Дел № 44, 1920 г., стр. 46.

⁴ См. Deutsch. Allg. Zeit. от 12 ноября 1920 г.

Годы	Запасы на 1 марта:							
	Пшеницы		Ячменя		Овса		Кукурузы	
	тыс. буш.	в % от урожая	тыс. буш.	в % от урожая	тыс. буш.	в % от урожая	тыс. буш.	в % от урожая
1919	128.703	14,0	81.746	31,9	590.251	38,4	885.269	34,2
1920	165.539	17,6	38.010	22,9	422.815	33,9	1.092.095	37,4
1921	207.600	26,4	69.800	34,6	689.600	45,2	1.572.400	48,6

Таким образом, для пшеницы и кукурузы мы имеем непрерывное нарастание запасов, для ячменя и овса с понижением лишь в 1920 г. В 1920–21 гг. значительное возрастание запасов должна дать также Канада, в силу небывалого по размерам урожая там¹.

7. В послевоенный период остановилось, наконец, и падение продукции сахара, наблюдавшееся, как мы помним, во время войны и началось ее расширение. Цифры рисуют следующую картину².

Годы	Свекловичный сахар			Тростниковый сахар				Итого	
	Европа	Аме-рика	Всего	Аме-рика	Азия	Африка	Авст-ралия		Всего
В МЛН. ТОНН									
1918–19	3,29	0,90	4,19	6,38	4,73	0,58	0,29	11,98	16,77
1919–20	2,62	0,67	3,29	6,29	4,87	0,55	0,23	11,95	15,24
1920–21	3,85	0,93	4,78	6,71	5,16	0,56	0,23	12,66	17,44
1920–21 в % к									
1918–19	117,1	103,3	114,1	105,2	109,1	96,6	79,3	105,7	109,4

Максимум упадка добычи сахарного сырья и выработки сахара приходится на 1919–20 гг. После этого начинается их сильный подъем и продукция приближается к довоенной, которая для 1913–14 гг. определялась в 18,70 млн. т. Причем, увеличивается производство как тростникового, так и свекловичного сахара. Главной страной, производящей последний, как мы знаем, является Германия. Посевы сахарной свеклы в ней, упавшие в 1919 г. до 301 тыс. гектаров, в 1920 г. уже поднялись до 453 тыс. гектаров³. Таким образом ясно, что с 1919 г. начинается ослабление того напряженного состояния недопроизводства, которое создалось за время войны на мировом сахарном рынке.

¹ См. Times от 8 ноября 1920 г.

² По оценке Статистич. Бюро Магдебурга и Торг. Дома Willet and Grey в Нью-марке. См. Эконом. Бюллет. Берлинск. представит. от 18 января 1921 г.

³ По данным Государственного статистического бюро.

8. Сбор хлопка в послевоенный период характеризуется следующими данными.

Годы	Соединенные Штаты ¹		Индия ²		Египет ³	
	Посевная площадь в тыс. акр.	Сбор в тыс. бал	Посевная площадь в тыс. акр.	Сбор в тыс. бал	Посевная площадь в тыс. акр.	Сбор в тыс. бал
1918-19	36.008	12.041	21.038	3.180	1.365	960
1919-20	33.344	11.030	23.063	4.676	1.635	1.104
1920-21	35.654	12.987	19.704	2.897	1.894	1.196

По всем трем странам

Годы	Посевная площадь		Сбор	
	в тыс. акров	в % к 1918-19	в тыс. балл.	в % к 1918-19
1918-19	58.411	100,0	16.181	100,0
1919-20	58.042	99,3	16.806	103,9
1920-21	57.252	98,0	17.080	105,5

Отсюда ясно, что продукция хлопка в мировом масштабе по окончании войны возрастает, хотя посевные площади и сократились на 2%. Продукция хлопка по странам изменяется так: в Соединенных Штатах она дает некоторое понижение в 1919-20 гг., но в следующем году она значительно поднимается; в Индии, после колоссального сбора в 1919-20 гг. она сильно упала в 1920-21 гг.; в Египте продукция год за годом увеличивается. Однако, несмотря на увеличение мировой продукции хлопка после войны, она еще не достигла довоенного уровня, который в 1913-14 г. для тех же трех стран равнялся 22.180 тыс. балл.

Однако, наряду с увеличением сбора по окончании войны должны были довольно резко сокращаться прежние напряженные потребности в хлопке и хлопковых изделиях на мировом рынке, благодаря прекращению войны и роспуску армий. В связи с этим мы наблюдаем тенденцию к увеличению запасов хлопка на рынках и к повышению предложения хлопка. Это прежде всего можно проследить на Соединенных Штатах Америки, о преобладающей роли которых на мировом хлопковом рынке мы уже достаточно говорили выше.

¹По данным Statesman's year-book за 1920 г., International Cotton Statistics, March 1921, стр. 8 и Economist'a от 18 декабря 1920 г.

²По данным Economist'a от 15 января 1921 г.

³См. Сборник статистических сведений об экономическом положении важнейших иностранных государств. Изд. ЦСУ.

Наличие хлопка, его распределение и запасы к концу сезона в Соединенных Штатах характеризуются следующими интересными данными¹.

Сельскохозяйственные годы	Наличие хлопка				Распределение хлопка				
	Сезоны с 31 августа по 31 января	Запасы к началу сезона	Сбор	Итого	Считая и импорт	Экспорт в течение сезона	Потребление в течение сезона	Итого	Остается к концу сезона
	в тыс. баллов								
1917-18	2.720	11.248	13.968	14.056	2.689	3.308	5.996	8.059	
1918-19	3.450	11.906	15.356	15.423	2.572	2.951	5.522	9.906	
1919-20	4.287	11.326	15.613	15.921	3.776	3.139	6.915	9.006	
1920-21	3.563	12.987	16.550	16.678	3.021	2.334	5.354	11.324	

Из этой таблицы ясно видно, что каждый послевоенный год начинается все с большей и большей наличностью хлопка. Соответственно, начиная с 1918-19 гг. экспорт поднимается. Внутреннее потребление хлопка, несколько упавшее сейчас же после войны в 1918-19 гг., вновь поднимается в 1919-20 гг. Мы видим также, что остатки к концу сезона в послевоенный период сильно превосходят таковые в военное время. Два последние года и цифры остатков хлопка по ним требуют особых пояснений. 1920-21 гг. — год мирового экономического кризиса, который глубоко затронул и потряс текстильную промышленность (см. ниже III главу). Год перед кризисом — 1919-20 гг., наоборот, — год подъема. Вот почему следующий после него 1920-21 гг. начинается с несколько понизившимся запасом хлопка. Но благодаря повышенному урожаю, благодаря кризису и сокращению внутреннего потребления и экспорта сезон 1920-21 гг. кончается с небывало большими остатками запасов в 11.324 тыс. балл.

Если теперь мы возьмем данные о видимых запасах хлопка в мировом масштабе, то получим с экономической точки зрения еще более яркую картину².

¹ По данным International Cotton Statistics. Изд. International Federation of Master Cotton Spinners and Manufacturers Associations. March, 1921 г. Заметим, что сборы хлопка по данному источнику, хотя и очень незначительно, частично расходятся с приведенными выше.

² См. предыдущее примечание. Стр. 6.

Даты	Видимые запасы хлопка				
	Америк.	Египетск.	Индийск.	Прочего	Всего
	в тыс. баллов				
1 февраля 1918	3.337	488	151	79	4.055
7 февраля 1919	3.743	487	87	132	4.499
8 февраля 1920	4.797	420	168	151	5.537

Отсюда ясно, что снабженность рынка хлопком после войны быстро поднималась и в 1920 г. начинается при весьма крупных видимых запасах хлопка на рынке.

Чтобы еще несколько глубже проникнуть в состояние хлопкового рынка и одновременно осветить положение хлопчатобумажной промышленности, приведем следующие данные, хотя бы по главнейшим странам, о количестве веретен, запасов хлопка на фабриках и переработанного хлопка до войны и в 1920 г.¹

Страны	Даты	Количество веретен в тыс.		Размеры запасов хлопка у прядильщиков, о предприятиях которых получены сведения в тыс. балл.	Количество переработанного хлопка за год, в тыс. бал.
		Всего	О которых получены сведения		
Германия	31 августа 1913 г.	11.186	11.022	284	1.702
	31 июня 1920 г.	9.400	5.231	149	485
Франция	1 марта 1914 г.	7.400	7.240	224	987
	1 февраля 1920 г.	9.400	5.365	95	630
Италия	1 марта 1914 г.	4.600	3.881	180	744
	1 февраля 1920 г.	4.775	4.184	173	671
Бельгия	1 марта 1914 г.	1.518	1.518	73	257
	1 февраля 1920 г.	1.538	1.310	38	235
Великобритания	1 марта 1914 г.	55.971	50.569	465	3.725
	1 февраля 1920 г.	57.332	51.441	455	3.185
Швеция	1 марта 1914 г.	550	380	22	82
	1 февраля 1920 г.	650	453	21	71
Голландия	1 марта 1914 г.	500	500	16	85
	1 февраля 1920 г.	547	542	29	108
Индия	1 марта 1914 г.	6.397	5.132	410	1.698
	1 февраля 1920 г.	6.690	5.147	575	1.695
Канада	1 марта 1914 г.	860	855	48	108
	1 февраля 1920 г.	1.168	935	58	118

¹ См. предыдущее примечание. Стр. 9—29.

Страны	Даты	Количество веретен в тыс.		Размеры запасов хлопка у прядиль- щиков, о предприя- тиях кото- рых полу- чены све- дения в тыс. балл.	Количес- во пере- работан- ного хлопка за год, в тыс. бал.
		Всего	О которых получены сведения		
Япония	1 марта 1914 г.	2.415	2.415	454	1.581
	1 февраля 1920 г.	3.388	3.329	560	2.083
Соединенные Штаты	1 марта 1914 г.	31.520	31.520	1.747	5.598
	1 февраля 1919 г.	34.700	—	1.673	5.780
По всем странам	1 февраля 1920 г.	35.500	34.739	1.988	6.425
	1914 ¹ г. 1920 г.	122.917 130.438	115.032 112.676	3.923 4.141	16.667 15.706

Всматриваясь в эту таблицу, легко заметить, что страны распадаются по положению хлопчатобумажной промышленности на несколько групп. Первая группа, куда относится Германия, и в которой сократилось как число действующих веретен, так и размер запасов и переработки. Вторая группа — это страны, начиная с Франции и кончая Швецией, в которых число веретен возросло, но размер запасов и переработки более или менее сократился. Наконец, в остальных странах, частью нейтрально-европейских, но особенно заокеанских, из них же в первую очередь в Японии и Соединенных Штатах, увеличилось количество веретен (исключение — Индия), размеры запасов и значительно расширилась переработка хлопка.

В мировом масштабе количество веретен увеличилось, запасы сырья у прядильщиков дают большие суммы, чем до войны, размеры переработки хлопка несколько сократились.

Таким образом, из обзора хлопкового рынка и хлопчатобумажной промышленности в послевоенный период, мы можем сделать следующие общие выводы.

При несомненном понижении спроса на хлопок и хлопковые изделия продукция хлопка и его предложение возрастают. Размеры запасов хлопка увеличиваются. В течение 1919 и 1920 гг. обнаруживаются условия, которые рано или поздно должны были смягчить и уничтожить напряженность хлопкового рынка и рынка изделий из хлопка. Наиболее определенно и бесспорно эти условия выявляются в прогрессирующих за время войны

¹Германия — за 1913 г.

странах, особенно в Японии и Соединенных Штатах, текстильная промышленность которых получила значительное развитие. Это и есть именно те страны, в которых, как мы увидим ниже, прежде всего разражается кризис перепроизводства и в первую очередь хлопковой промышленности.

9. Положение и конъюнктуры рынка другого текстильного товара — льна — в послевоенный период не могли измениться в такой же степени, как положение и конъюнктуры хлопкового рынка. Главный поставщик льняного сырья Россия остается в изоляции, вне мирового рынка. Прочие страны — страны преимущественно ввозящие лен — при всем напряжении своего производства льна — не в состоянии покрыть сколько-нибудь полно дефицит в снабжении льняного рынка.

Правда, под влиянием именно этого дефицита, напряженной потребности в льне и высокой рыночной конъюнктуры, производство льна в некоторых важнейших странах расширяется по масштабам их прежней продукции весьма значительно. Ниже следующая таблица иллюстрирует эту мысль¹.

Годы	Бельгия	Франция	Италия	Англия	Голландия	Япония	Итого
Посевная площадь в тыс. гектаров							
1913	26,1	28,6	18,0	24,0	14,6	7,5	119,5
1918	—	11,3	19,5	58,0	5,9	35,2	129,9 ²
1919	19,4	21,2	19,2	38,7	9,8	27,5	135,8
1920	48,9	28,2	18,2	51,5	21,6	(27,5) ²	195,9
Сбор волокна в тыс. квинталов							
1913	179	220	26	128,5	75,3	206,1	834,9
1918	—	68	24	159,5	34,8	111,2	397,5 ³
1919	136	160	24	139,4	51,5	83,0	593,9
1920	348	376	25	(185,4) ⁴	122,1	(83,0) ²	1139,5

Из таблицы видно, что в Бельгии, Англии, Голландии, Японии посевные площади 1920 г. превосходят даже довоенные размеры их; во Франции и Италии они равны довоенным. Сумма посевных площадей льна взятых стран после войны непрерывно повышается. Увеличивается и сбор волокна.

К сказанному нужно присоединить, что и по некоторым другим странам посевы волокнистого льна возросли. Например

¹ По данным римского института. См. также "Сборник" ЦСУ.

² Взятые посевные площади и сборы предыдущего года.

³ Без Бельгии.

⁴ Сбор вычислен, исходя из предположения урожайности, равной предыдущему году.

в Германии с 16,7 тыс. гектаров в 1913 г. они увеличились до 50,0 в 1918 г., до 65,0 в 1919 и до 80,0 тыс. в 1920 г.¹

Указанный рост продукции льна несомненно должен был улучшить несколько положение снабжения сырьем льняной промышленности всех стран. Положение ее должно было в отношении снабжения улучшиться еще и потому, что увеличился импорт льна из Балтийских государств, возникших из провинций, отошедших от России, если не считать, в силу незначительности, импорт из самой России. Действительно импорт льна в важнейшие страны растет так²:

Годы	В Англию	Во Францию
	в тыс. тонн	
1919	11,1	2,6
1920	18,4	9,2

Некоторое улучшение положения в деле снабжения сырьем, а для некоторых стран, как Франция, Бельгия, также самый факт прекращения войны, позволяет странам, льняная промышленность которых сильно упала за время войны, начать ее восстановление. Так во Франции число веретен с 65 тыс. в 1918 г. доводится до 100 тыс. годных к работе, в апреле 1920 г. там уже работало 150 тыс., а в начале 1921 г. — 200 тыс. веретен. В Бельгии восстановление промышленности начинается с лета 1919 г. Пущенное в ход незначительное число веретен начинает быстро расти и доходит до 280,4 тыс. готовых к работе в апреле 1920 г.; в 1921 г. их было уже 300 тыс.³

Однако в странах, как Англия, где промышленность во время войны не подверглась разгрому, прекращение войны вызвало и затруднения, до известной степени обратные затруднения военного времени. С 1920 г. начинают чувствоваться и постепенно нарастать затруднения сбыта в связи с назревающим экономическим кризисом⁴.

Но тем не менее основной чертой льняного рынка и послевоенного периода является недостаток сырья и крайне высокие цены на него. Поэтому, а также в силу нарастающих в 1920 г.

¹ Industrie und Handels-Zeitung от 28 декабря 1920 г., а также Бюллетень Нар. Ком. Вн. Торг. (литографирован) от 30 октября 1920 г. См. также Н.А. Лазаркевич. *op. cit.*, стр. 194.

² См. Лазаркевич Н.А., *op. cit.*, стр. 213 и сл.

³ *Ibid.*, стр. 220 и сл.

⁴ *Ibid.*, стр. 217.

затруднений сбыта, льняная промышленность, в особенности промышленность Англии, не расширяет, а продолжает уменьшать производство. Так, потребление льна в Англии в 1917–1919 гг. составляло 121 млн. фунтов, а в 1920 г. всего 67 млн. фунтов¹. При всем расширении продукции льна за границей выпадение русского льна не заполнено и не замещено. Если даже принять во внимание отход от России прибалтийских провинций, то и тогда мировой рынок еще процентов на 40–50 не дополучает сырья до довоенной нормы. Вот почему расчеты всех стран с развитой льняной промышленностью строятся в будущем в значительной мере и на русский лен.

10. На основании имеющихся данных мы, к сожалению, не можем установить более или менее точно послевоенную продукцию шерсти. По-видимому в общем и целом она во всяком случае не подверглась дальнейшему сокращению против тех размеров, которые были отмечены к концу войны (см. выше). Несомненным является, однако, тот факт, что в 1920 г. мировой рынок располагал небывалыми запасами шерсти, которые составились из невывезенных, в силу изложенных выше причин, старых запасов колониальной шерсти и из нового сбора ее. Так, к концу июня 1920 г., когда закончился срок соглашения о монопольном регулировании вывоза шерсти между английским правительством и фермерами Австралии и Новой Зеландии, запасы старой шерсти определялись здесь в 1300 тыс. тюков, что считается по размерам совершенно необычным явлением. Кроме того, новый сбор шерсти составил около 742 млн. английских фунтов или 2.250 тыс. тюков. В Южной Африке точно также старые запасы определяются примерно в 130 тыс. тюков. В Аргентине старые запасы определяются в 35 тыс. т. Сбор 1919–20 гг. в 155 тыс. т, что вместе, за вычетом вывоза и внутреннего потребления, дает к осени 1920 г. запасов 100 тыс. т или 225–230 тыс. тюков по 440 килограммов². Таким образом несомненно, что послевоенный период проходит под знаком увеличения запасов шерстяного сырья на мировом рынке. Вместе с тем увеличивается, по-видимому, и переработка его. О динамике переработки шерсти

¹ См. The Statesman's year-book. 1921. Стр. 69.

² См. Шерстяная промышленность после мира. Эконом. Бюлет. Берлинск. предств. от 18 января 1921 г.

можно до известной степени, для высокоиндустриальной импортирующей сырье страны, как Англия, судить по размерам превышения ввоза над вывозом сырья. По Англии мы имеем следующие данные об этом превышении¹.

Годы	Ввоз	Вывоз	Количество остающ. в стране
	Тыс. тюков шерсти по 300 англ. фунтов		
1918	1.253	62	1.191
1919	3.158	236	2.922
1920	2.781	241	2.520

Отсюда видно, что количество остающейся в стране шерсти в результате баланса ввоза-вывоза после войны значительно возросло. О динамике переработки шерсти в Англии можно судить также и по прямым цифровым данным. Потребление шерсти в Англии составляло в 1917–1919 гг. — 835 млн. фунтов, а в 1920 г. — 865 млн. фунтов, т.е. потребление увеличилось².

11. В итоге обзора продукции текстильного сырья и его переработки мы можем сказать: текстильный рынок, испытавший на себе огромную экспансию повышения военного спроса, переживший период малой насыщенности сырьем под влиянием упадка продукции, период, характеризовавшийся для некоторых стран, как состояние текстильного голода, после войны представляет в отношении хлопка и шерсти картину повышения продукции и предложения, увеличения запасов при сильном понижении спроса на изделия из них.

Эти явления обнаруживаются в неизмеримо меньшей степени, как мы видели, на льняном рынке, который продолжает испытывать недостаток сырья.

12. От обзора рынков текстильного сырья и текстильной промышленности перейдем к изучению состояния и конъюнктуры тяжелой индустрии. По принятому порядку ознакомимся прежде с добычей угля. Динамику его добычи характеризует следующая таблица³.

¹ См. Ibidem. Данные за 1920 определены на основании 10 месяцев.

² См. The Statesman's year-book 1921. Стр. 69.

³ По данным Monthly Bulletin of Statistics, The Manchester Guardian Commercial, Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, Neue Freie Presse, Геологического института Северо-Американских Соединенных Штатов (см. Эконом. Бюллет. Берлинского представительства, от 2 ноября 1920 г.) и Сборника ЦСУ.

Годы	Германия ¹	Бельгия	Франция	Италия	Англия	Голландия	Соединенные Штаты	Канада	Итого
в тыс. метрич. тонн в среднем за месяц									
1913	14.468	1.911	3.404	58	24.342	156	43.100	1.135	88.574
1918	12.349	1.152	2.188	181	19.286	283	51.778	1.138	88.350
1919	8.974	1.547	1.822	97	19.458	283	41.157	1.035	74.373
1920	10.946	1.868	2.500	129	20.667	328	48.825	1257 ²	86.520

Из приведенной таблицы ясно видно, что по большинству стран и в мировом масштабе годом максимального упадка добычи угля является 1919 г. Наиболее значителен упадок этот в Германии и Соединенных Штатах. Причем, в Германии упадок добычи угля обуславливается преимущественно политическими условиями, а в Соединенных Штатах разразившейся стачкой углекопов³. 1920 г. по всем странам дает сильный подъем добычи угля. Мировая продукция угля в 1920 г. резко превосходит добычу 1919 г. и близка к добыче 1918 г. и к довоенной норме ее.

При этом нужно принять во внимание, что потребление угля, благодаря сокращению в ряде стран металлургии и других отраслей промышленности, после войны сильно понизилось. Степень этого понижения измеряется десятками процентов⁴. Исходя из этого, можно признать, что 1920 г. должен был проходить в общем под знаком перепроизводства угля в таких странах, как Соединенные Штаты. Это не мешает, однако, странам, быстро оправляющимся от войны и следовательно предъявляющим относительно повышенный спрос на уголь, как Англия, испытывать острую потребность в нем⁵. В связи с этим испытывают нужду в угле и ряд импортирующих европейских стран с низкой валютой, как Франция, Италия.

Мы констатировали выше, что мировая добыча угля начинает подниматься с 1919 г. Представляет значительный интерес точнее определить момент перелома в угольной промышленности и ход кривой продукции угля. Это мы и сделаем путем рассмотрения средней добычи угля по месяцам в главнейших странах⁶.

¹ Добыча каменного угля в бассейнах Рурском, Верхне- и Нижне-Силезском, Саксонском, Аахенском.

² Предварительные данные.

³ См. Бюллетень Нар. Ком. Ин. Дел. 1920. № 52. Стр. 42.

⁴ См. Экономическая жизнь от 31 мая 1921 г. Отд.: "Иностранная жизнь".

⁵ Ср. Горн. промышл. Статья в Эконом. Бюлл. Берл. Предст. от 31 января 1921 г.

⁶ По данным Monthly Bulletin.

Даты	Германия	Франция	Англия ¹	Соединенные Штаты
Средняя месячная добыча в тыс. метр. тонн				
1918	12.301	2.188	4.821	51.788
1919 май	<u>8.824</u>	1.733	4.922	40.754
июнь	9.109	<u>8.58</u>	4.315	<u>40.199</u>
июль	9.918	1.430	4.821	45.827
август	8.907	1.782	<u>3.763</u>	46.103
сентябрь	9.962	1.838	4.588	49.669
декабрь	10.458	2.066	4.441	40.406
1920 март	10.146	2.380	4.982	49.031

Отсюда ясно, что начало 1919 г. в угольной промышленности проходит под знаком депрессии. Эту депрессию приходится и нужно рассматривать как реакцию на резкое изменение условий хозяйственной жизни вследствие прекращения войны. В силу неизбежного замешательства, вследствие окончания войны, промышленность начинает возрождаться не тотчас по окончании война, а с запозданием, продолжая таким образом некоторое время свою деградацию, которой она была охвачена во время войны. Перелом наступает в мае-августе 1919 г.

13. Обращаясь к динамике производства чугуна и стали, приведем следующие статистические данные².

Годы	Германия ³	Бельгия	Франция ⁴	Италия	Англия	Соединенные Штаты	Канада	Итого
Производство чугуна в тыс. метрических тонн в среднем за месяц								
1913	1.074	207	434	36	869	2.623	85	5.328
1918	765	(11)	108	26	768	3.308	90	5.076
1919	525	21	201	20	627	2.627	69	4.090
1920	550	94	276	(20)	678	3.084	82	4.784
Производство стали в тыс. метр. тонн в среднем за месяц								
1913	1276	206	368	78	959	2651	83	5.626
1918	1075	(14)	150	83	812	3766	142	6.042
1919	708	28	182	61	669	2936	78	4.662
1920	773	103	245	(61)	767	3430	94	5.463

¹Средняя недельная за месяц.

²По данным Monthly Bulletin of Statistics, The Statist, The Manchester Guardian Commercial, Weltwirtschaftliche Nachrichten, Mining Journal, Stahl und Eisen, 9 Febr. 1922 г. The Iron Trade Review, 5 jan. 1922 г. и сборника ЦСУ. Цифры, заключенные в скобки, означают, что они интерполированы по двум соседним годам, для 1920 г., что они взяты в размере предшествующего 1919 г.

³Без Эльзас-Лотарингии и Люксембурга.

⁴С 1919 г. включая Эльзас-Лотарингию.

Выплавка чугуна в Бельгии и Франции достигает своего minimum'a в 1918 г. В 1919 г. и особенно в 1920 г. она поднимается.

Выплавка чугуна в Германии, Англии, Соединенных Штатах и Канаде достигает minimum'a в 1919 г. В 1920 г. она расширяется и здесь. Мировая выплавка чугуна дает minimum в 1919 г. и значительный подъем в 1920 г.

Динамика продукции стали аналогична динамике производства чугуна. Мировая продукция стали в 1918 г., как мы уже знаем, выше довоенной. В 1920 г. она дает весьма значительный подъем против 1919 г., однако, стоит несколько ниже довоенной нормы.

Для уяснения конъюнктур мирового рынка железа на фоне охарактеризованной продукции его необходимо принять во внимание также, что после прекращения войны спрос на железо, безусловно, несколько сократился и потерял прежнюю напряженность.

Подобно тому, как мы это сделали в отношении угольной промышленности, установим и для металлургической промышленности несколько точнее момент перелома к возрождению. Возьмем выплавку чугуна.

Даты	Германия	Англия	Соединенные Штаты
	в среднем за месяц в тыс. метр. тонн		
1918 г.	765	768	3.307
1919 г. май	<u>525</u>	682	<u>2.142</u>
август	569	<u>530</u>	2.788
декабрь	528	642	2.676
март	—	710	3.431

Отсюда ясно, что только спустя несколько месяцев после окончания войны с весны—лета 1919 г. металлургическая промышленность переходит в стадию подъема. Первые месяцы по окончании войны она продолжает находиться в состоянии деградации, переживая послевоенную депрессию.

14. Из обзора динамики производства в области сельского хозяйства и промышленности мы получаем некоторые общие выводы. Первый послевоенный 1919 г. в общем дает картину продолжающегося упадка, хотя и не во всех, но во многих странах. Однако первые месяцы по окончании войны, начало 1919 г. проходит под знаком депрессии во всех странах. Эта депрессия является следствием перехода от военных условий к мирным. В течение ее происходит, несомненно, процесс первого

приспособления хозяйственной жизни к новым условиям. Депрессия заканчивается весной—летом 1919 г. После нее начинается подъем производства. В 1920 г. сильный подъем обнаруживают все отрасли хозяйства во всех странах. Мировое хозяйство в отношении натуральной продукции в 1920 г. становится или в уровень, или близко, с довоенным периодом. Однако оно дает очень редко продукцию, превосходящую довоенные размеры ее. С 1919 г. и особенно с 1920 г. мировое хозяйство безусловно вступает в полосу интенсивного возрождения. Между прочим этот процесс хорошо иллюстрируется быстротой восстановления разрушенных областей Франции.

Председатель комитета разрушенных областей Гардье приводит следующие данные: восстановлено к весне 1920 г. железных дорог общего значения 99,6%, каналов и речных путей сообщения — 93, шоссе 70; из разрушенных 1757 тыс. гектар пахотной земли выровнено 95%, обработано 79,9%¹. Промышленность восстановлена в 77%².

Исходя из предыдущего анализа теперь мы легко уясним себе серьезные изменения в структуре мировой торговли. Но переходя к торговле, остановимся прежде на условиях ее.

15. Условия мировой торговли с окончанием войны резко изменились и притом к лучшему. Прежде всего недостаток тоннажа быстро сменился его избытком. Факторами такого изменения в положении дел с тоннажем служат прежде всего сокращение, а затем и прекращение воинских перевозок и прекращение подводной истребительной войны.

Далее, необходимо отметить, исключительное усиление судостроительства после войны³. Действительно, было спущено с верфей судов вместимостью свыше 100 т каждое в 1913 г. — 3,3 млн. т, в 1917 г. — 2,9 млн. т, в 1918 г. — 5,4 млн. т, в 1919 г. — 7,1 млн. т, в 1920 г. — 5,9 млн. т⁴. Все эти факторы привели к тому, что мировой торговый флот уже в марте 1919 г. достиг довоенных размеров, а в 1920 г. уже сильно оставил за собой эти размеры. К июлю 1914 г. насчитывалось пароходов, вместимостью свыше 100 т, с общим тоннажем 49.090 тыс. т, а к июлю 1920 г. — 57.301 тыс. т.

¹ См. Deutsche Allgemeine Zeitung от 5 мая 1920 г.

² См. Internat. financial Conference. Proceedings of the conference. Voll. III. P. 19.

³ См. Information от 26 февраля 1920 г. и Экон. жизнь от 9 февраля 1921 г.

⁴ См. Сборник ЦСУ, стр. 28–29.

Весьма интересно их распределение по важнейшим странам для характеристики сравнительной мощи торгового флота отдельных стран¹.

Страны	% участия в мировом торговом флоте	
	30 июня 1914 г.	30 июня 1920 г.
Англия	41,61	33,59
Германия	11,31	0,78
Соединенные Штаты	9,35	26,94
Франция	4,23	5,50
Япония	3,76	5,56
Голландия	3,24	3,28
Италия	3,15	3,93
Австро-Венгрия	2,28	0,00
Швеция	2,24	1,35
Греция	1,81	0,93
Дания	1,20	1,34

Следовательно и в отношении торгового флота за пережитый период войны и после ее чрезвычайно усилились Соединенные Штаты и Япония. Потеряла всю свою былую мощь в силу Версальского договора Германия. Англия занимает по-прежнему первое место. Но процент флота, приходящийся на ее долю, сильно понизился.

Общий рост мирового тоннажа и падение риска повлекли за собой по окончании войны и резкое понижение фрахтов².

Фрахты на зерно	Март 1918 г.		Март 1919 г.	
	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
Соединенные Штаты — Англия	50	0	8	4
Соединенные Штаты — Франция	56	0	10	0
Индия — Англия	275	0	75	0
Фрахты на уголь				
Уэльс — Гибралтар	100	0	36	0
Уэльс — Ла-Плата	55	0	50	0

Понижение фрахтов шло непрерывно и далее. Так, фрахты на пшеницу, маис и рис Нью-Йорк — Ливерпуль в франках за метрическую тонн стоили³:

¹ См. Эконом. Бюллет. берлинск. предст. от 16 сентября 1920 г.

² Более детальные данные о фрахтах см. в Bulletin de statistique agricole et commerciale Римского с.-х. института за 1918, 1919 и 1920 гг.

³ См. Bulletin de statistique agricole за 1920 г. № 6, 9, 10. См. также Мировой торговый флот до и после войны. Эконом. Бюллет. берлинск. предст. от 16 сентября 1920 г. См. также Эконом. жизнь от 6 апреля 1921 г.

28 мая	1920 г.	—	55,03
27 августа	1920 г.	—	52,13
10 декабря	1920 г.	—	43,44

Вместе с тем падали цены на суда. И в конце 1920 — в начале 1921 г. на этой почве разражается даже тяжелый кризис судостроительства¹.

16. Несомненно, прекращение подводной войны, увеличение тоннажа, понижение фрахтов и раскрытие государственных границ должны были явиться факторами расширения мировой торговли. Что по ценности размер ввоза и вывоза действительно возрос — это мы увидим ниже. Но возрастание ценности ввоза-вывоза обуславливается в значительной мере также понижением ценности денег и ростом товарных цен. Поэтому весьма интересно посмотреть на объем торговли натуралистически. Следующие данные отчасти отвечают на этот вопрос. Объем внешней торговли Англии, Франции, Италии и Нидерландов в миллион тонн равнялся²:

Даты	Импорт	Экспорт
1913 г.	40,3	36,9
1919 г. первая четв.	<u>18,2</u>	<u>12,3</u>
1919 г. вторая	<u>21,8</u>	<u>14,3</u>
1919 г. третья	27,0	13,4
1919 г. четвертая	25,8	14,7
1920 г. первая	24,0	15,0

Тенденция расширения торговли даже в этих частью весьма истощенных странах достаточно ясна. На нее указывают также данные о движении торговых судов.

Приведем следующие цифры³:

Годы	Германия ⁴	Франция ⁵	Англия ⁵	Голландия ⁵	Соединенные Штаты ⁶	Япония ⁶
тоннаж судов, прибывших в порты, в тыс. тонн						
1913	14.242	2.876	4.089	1.429	4.440	2.060
1918	—	1.654	1.936	114	3.659	1.487
1919	1.570	1.903	2.464	480	3.892	1.902
1920	4.486	2.399	3.043	725	5.344	2.178

¹ См. Экономическая жизнь от 18 февраля 1921 г. См. *Vossische Zeitung* от 19 июля 1920 г.

² См. Conference financiere internationale. Rapport V Commerce internationale.

³ См. сборник ЦСУ, стр. 50.

⁴ Гамбургская гавань. См. Экон. Бюл. Берлин. представит. от 9 апреля 1921 г. и Эконом. жизнь от 19 февраля 1921 г.

⁵ С грузом.

⁶ С грузом и балластом.

Годы	Германия	Франция	Англия	Голландия	Соединенные Штаты	Япония ⁶
тоннаж судов, отбывших из портов в тыс. тонн						
1913	14.496	2.176	5.652	918	4.483	2.075
1918	—	438	1.895	75	3.748	1.524
1919	1.477	782	2.880	286	4.271	1.927
1920	4.352	1.412	3.049	527	5.652	2.216

Из этой таблицы видно, что по всем странам, начиная с 1919 г., тоннаж судов, прибывающих в порты и уходящих из них, возрастает. В Соединенных Штатах и Японии в 1920 г. он уже превышает довоенный уровень. Приведенная таблица служит неоспоримым доказательством расширения мировой торговли *in natura* после войны.

Наконец, для подтверждения того же тезиса приведем данные о международной торговле Соединенных Штатов и Англии пшеницей — этим основным предметом продовольствия Европы и Америки.

Годы	Соединенные Штаты		Англия	
	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз
в тыс. квинталов				
1914—18	40.890	3.536	347	44.814
1919	40.404	2.153	—	36.294
1920	59.365	9.756	—	55.579

Отсюда также видно, что после сокращения экспортно-импортной деятельности в 1919 г. против средней за 1914—18 гг. деятельность эта необыкновенно расширяется в 1920 г.

Итак, мы можем сказать, что послевоенный период характеризуется тенденцией международной торговли *in natura* к расширению.

17. Что касается теперь направления мировой торговли, то характер ее с очевидностью вытекает из предыдущего изложения. В этом отношении необходимо учесть два обстоятельства. Во-первых, прекращение войны и, соответственно, резкое сокращение потребностей во ввозимых товарах со стороны стран, серьезно ввязанных в войну; во-вторых, факт некоторого большего или меньшего подъема собственной продукции в этих странах. Отсюда за послевоенный период мы наблюдаем любопытную тенденцию, в известном смысле обратную той, какая была во время войны: неблагоприятность торгового баланса стран, глубоко затронутых войной, уменьшается; и, соответ-

венно, уменьшается благоприятность баланса прочих стран. Это положение обосновывается следующими данными¹:

		1918 г.	1919 г.	1920 г.
		в среднем за месяц		
Германия ²	ввоз в млн. марок	—	2.698	5.699
	вывоз в млн. марок	—	838	4.738
	баланс благопр. (+), неблагопр. (-)	—	-1.860	-958
	% отношение экспорта к импорту		31,1	83,2
Франция	ввоз в млн. франков	1.858,4	2.983,25	2.950,42
	вывоз в млн. франков	393,5	9.73,25	1.858,67
	баланс благопр. (+), баланс неблагопр. (-)	-1.464,9	-2.010,00	-1.081,75
	% отношение экспорта к импорту	21,2	32,6	63,3
Италия ³	ввоз в млн. лир	1.337	1.376	1.322
	вывоз в млн. лир	279	432	650
	баланс благопр. (+), неблагопр. (-)	-1.058	-944	-672
	% отношение экспорта к импорту	20,9	31,4	49,2
Англия ⁴	ввоз в тыс. ф.ст.	107.100	122.213	161.395
	вывоз в тыс. ф.ст.	41.785	66.553	111.227
	баланс благопр. (+), неблагопр. (-)	-65.315	-55.660	-50.098
	% отношение экспорта к импорту	39,0	54,5	68,9
Дания ⁵	ввоз в тыс. ф.ст.	4.214	11.080	13.650
	вывоз в тыс. ф.ст.	3.289	3.430	7.291
	баланс благопр. (+), неблагопр. (-)	-925	-7.650	-6.359
	% отношение экспорта к импорту	78,0	31,0	53,4
Голландия ⁶	ввоз в тыс. ф.ст.	4.225	19.623	23.142

¹ По данным главным образом Monthly Bulletin of Statistics, по данным Economist'a (различные номера), Economic Review, Сборника ЦСУ.

² См. Conference international financ. Bruxel. 1920. Proceedings of the conference. Vol. III.

³ См. Вакс Б. Международное положение Италии (Народное хозяйство за январь-февраль 1921 г., стр. 270 и Вестник Нар. Ком. Вн. Торг. № 1(6), 1922.

⁴ По данным Monthly Bulletin и Economist'a.

⁵ По данным Сборника ЦСУ.

⁶ По данным Сборника ЦСУ.

		1918 г.	1919 г.	1920 г.
		в среднем за месяц		
Голландия	вывоз в тыс. ф.ст.	2.647	9.801	11.816
	баланс благопр. (+), не- благопр. (-)	-1.578	-9.822	-11.326
	% отношение экспорта к импорту	62,6	49,9	51,1
Новая Зеландия ¹	ввоз в тыс. ф.ст.	1.966	2.475	3.731 ²
	вывоз в тыс. ф.ст.	2.310	4.322	3.740
	баланс благопр. (+), не- благопр. (-)	+344	+1.847	+9
	% отношение экспорта к импорту	117,5	174,6	100,2
Британская индия ³	ввоз в тыс. ф.ст.	9.182	10.234	17.469
	вывоз в тыс. ф.ст.	15.509	16.100	15.717
	баланс благопр. (+), не- благопр. (-)	+6.327	+5.935	+1.751 90,0
	% отношение экспорта к импорту	168,9	158,9	
Канада ⁴	ввоз в тыс. ф.ст.	15.591	16.119	22.418
	вывоз в тыс. ф. ст.	20.549	20.593	15.409
	баланс благопр. (+), не- благопр. (-)	+4.958	+4.474	+7.009
	% отношение экспорта к импорту	131,8	127,8	68,7
Соединенные Штаты ⁵	ввоз в млн. долл.	3.031	3.904	5.279
	вывоз в млн. долл.	6.048	7.750	8.081
	баланс благопр. (+), не- благопр. (-)	+3.017	+3.846	+2.802
	% отношение экспорта к импорту	199,5	198,5	153,1
Япония ⁶	ввоз в тыс. ф.ст.	13.855	18.080	19.516
	вывоз в тыс. ф. ст.	16.427	17.575	16.299
	баланс благопр. (+), не- благопр. (-)	+2.572	-505	-3.217
	% отношение экспорта к импорту	118,6	97,2	83,5

¹ По данным Monthly Bulletin и Сборника ЦСУ, 1920 г. для Новой Зеландии в среднем по 5 месяцам.

² По данным Monthly Bulletin и Economist'a.

³ По данным Monthly Bulletin и Сборника ЦСУ, 1920 г. для Новой Зеландии в среднем по 5 месяцам.

⁴ По данным Monthly Bulletin. За 1920 г. взяты данные в среднем по 5 месяцам.

⁵ См. Экономический бюллетень от 11 мая 1921 г.

⁶ По данным Monthly Bulletin и Сборника ЦСУ.

Из приведенных данных охарактеризованная выше тенденция вытекает с очевидностью. Мы видим, что торговый баланс Франции, Италии, особенно Англии и даже Германии улучшается. Торговый баланс других стран, нейтральных и заокеанских, наоборот, относительно ухудшается. В Канаде, Японии и Британской Индии баланс становится из положительного даже отрицательным.

18. В области мировой торговли перед потрясенными и ослабленными войной европейскими странами стояла трудная экономическая задача. За время войны они были в значительной мере вытеснены с иностранных индустриальных рынков; они сами стали исключительно и преимущественно емким рынком иностранных товаров. Теперь им предстояла борьба за восстановление потерянного равновесия на этих рынках. И они ее начинают. Текущая иностранная пресса послевоенного периода изобилует сообщениями о фактах борьбы между странами старого и нового мира за индустриальные рынки сбыта и сырья. Европейские страны стремятся укрепить свою связь с колониями, как рынками сбыта и сырья. В этом отношении в особенности лихорадочную деятельность проявляет Англия. Европейские страны пытаются укрепить свое положение также во вновь образовавшихся государствах, как Чехословакия, Польша, Эстония и в наиболее потрясенных прежних государствах. Они скрупают здесь предприятия, добиваются различных преимуществ подобно, например, английской монополии на лен в Литве, ее торговым договорам с Эстонией и Латвией. С другой стороны, стоят страны, которые экономически преуспели за время войны, особенно Америка. В Америке раздаются тревожные ноты по адресу стремлений и некоторых успехов нового мирного завоевания Европой, особенно Англией, чрезвычайно влиятельного положения на мировом рынке.

Неспокойный, ищущий предпринимательский дух капиталистического строя оживает все более и более по мере того, как мы отходим от момента окончания войны. Но в какой мере стремления Европы успешны? Есть ли хотя бы тенденции к такому успеху? Для ответа на этот вопрос представляет глубочайший интерес проследить на нескольких цифрах положение на мировом рынке основного конкурента Европы — Соединенных Штатов и остановиться на борьбе хотя бы двух крупнейших конкурентов мира — Соединенных Штатов и Англии.

Прежде всего после войны произошло существенное изменение в составе экспорта и импорта Соединенных Штатов.

По группам товаров экспорт-импорт Соединенных Штатов в процентном соотношении с общим экспортом-импортом изменился следующим образом¹.

Годы	Необработанные пищевые продукты		Обработанные пищевые продукты		Сырье	
	вывоз	ввоз	вывоз	ввоз	вывоз	ввоз
1914	13,3	13,1	14,9	14,3	23,7	33,4
1918	9,1	11,4	23,2	13,1	15,8	40,3
1919	9,8	14,0	25,3	14,2	20,8	41,9
1920	11,2	10,9	13,8	23,5	23,2	33,2
			Полуфабрикаты		Готовые товары	
			вывоз	ввоз	вывоз	ввоз
1914			16,7	15,4	30,4	22,8
1918			17,4	21,4	34,2	13,4
1919			11,9	15,6	33,1	12,6
1920			11,9	15,2	39,7	16,6

Из приведенной таблицы видно, что за время войны с 1914 по 1918 гг. Америка чрезвычайно развила вывоз обработанных пищевых и готовых товаров, сократив вывоз необработанных пищевых продуктов и сырья. Одновременно в отношении ввоза она увеличила ввоз сырья и полуфабрикатов, сократив ввоз обработанных пищевых и готовых товаров. Америка становится все более мощной перерабатывающей фабрикой. После войны господствует почти обратная тенденция. Сокращается вывоз обработанных пищевых, увеличивается вывоз необработанных пищевых продуктов и сырья; сокращается ввоз сырья и полуфабрикатов, увеличивается ввоз обработанных пищевых продуктов и готовых товаров. Исключением из этой возвратной тенденции является лишь дальнейшее увеличение вывоза готовых товаров. Эта общая возвратная тенденция в отношении внешней торговли Соединенных Штатов Америки не случайна, и стоит в теснейшей связи с ее взаимоотношениями с воюющими странами Европы. Снабжая их за время войны все более своими готовыми изделиями и обработанными продуктами, она притягивает к себе сырье из менее индустриальных колониальных стран. Соответственно, за время войны она процентуально все более вывозит в Европу и ввозит из других внеевропейских стран. После войны в связи с процессом возрождения Европы, в связи с изменением европейского спроса эта тенденция исче-

¹ См. Statistical abstract of the Un. St.

зает. Возьмем следующие цифры о торговле Соединенных Штатов с Европой и др. частями света¹.

Годы	Европа		Северная Америка		Южная Америка	
	ввоз в С.Шт.	вывоз из С.Шт.	ввоз в С.Шт.	вывоз из С.Шт.	ввоз	вывоз
	в % к общему ввозу-вывозу Соединенных Штатов					
1914	43,8	63,4	24,7	22,8	12,8	4,3
1918	10,5	62,7	32,3	21,6	20,2	4,9
1919	19,2	65,5	29,6	16,4	17,6	5,6
1920	23,3	54,3	31,5	23,4	14,4	7,6
Годы	Азия		Австралия		Африка ²	
	ввоз в С.Шт.	вывоз из С.Шт.	ввоз в С.Шт.	вывоз из С.Шт.	ввоз в С.Шт.	вывоз из С.Шт.
	в % к общему ввозу-вывозу Соединенных Штатов					
1917	14,9	4,7	2,7	3,6	1,1	1,2
1918	28,2	7,2	6,2	2,6	2,8	1,0
1919	26,7	8,8	4,0	2,5	2,9	1,2
1920	24,3	9,4	3,7	3,3	2,8	2,0

Отсюда совершенно ясно, что Соединенные Штаты за время войны относительно резко сокращают свой импорт из Европы, увеличив импорт из всех других частей света, особенно из Азии, Австралии и Северной и Южной Америки. Вместе с тем, они не сокращают экспорта в Европу и увеличивают его в Азию.

После войны особенно увеличивается доля импорта в Соединенные Штаты именно из Европы. Импорт из других частей света не увеличивается. Наоборот, экспорт Соединенных Штатов в Европу относительно сокращается, экспорт на внеевропейских рынках относительно возрастает, хотя и незначительно.

Эта таблица подтверждает не только сказанное только что, но одновременно указывает, что за время войны Соединенные Штаты весьма тесно связались с некоторыми из внеевропейских частей света, и связь эта и после войны остается относительно прочной, чем до войны. Сюда относится в особенности Азия и Африка, вес которых в торговле Соединенных Штатов возрос вдвое и более против довоенного.

Но некоторыми своими приобретенными связями Соединенным Штатам уже пришлось поступиться в пользу оправляющих-ся европейских стран и особенно Англии. Действительно, в то

¹ См. примечание предыдущей стр.

² О торговых отношениях Африки см. значительные материалы в издании: British South Africa. Fifteenth Annual Statement of the Trade and Shipping of the Union of South Africa. Southern and Northern Rhodesia and South-West Africa, 1920.

время, как вывоз Соединенных Штатов например в Азию, после войны относительно в своем значении почти не возрастает, в общем вывозе Англии значение вывоза в Азию растет чрезвычайно быстро. В 1913 г. этот вывоз составлял 24,1% всего вывоза Англии, в 1918 г. он упал до 16,7%, а в первую половину 1920 г. возрос уже до 24,0%¹. Этот процесс обратного отвоевывания рынков, хотя и очень постепенного, еще лучше виден из следующих данных².

Годы	Ввоз в Японию в млн. иен		Вывоз в Финляндию в млн. мар.		
	из С.Шт.	из Англии	из С.Шт.	из Англии	из Германии
1919	579,1	79,4	638,8	676,5	157,0
1920	752,3	172,5	794,8	1.000,8	611,2

Отсюда ясно, что как на Японском, так и на Финляндском рынке размеры экспорта Соединенных Штатов возрастают после войны значительно более медленно, чем экспорт Англии, а в Финляндии даже и Германии.

Можно было бы умножать иллюстрации и доказательства. Но основная мысль ясна. По окончании войны с повышением производительных сил европейских потрясенных стран и в меру этого повышения, Соединенные Штаты и, конечно, другие усилившиеся за время войны страны, встречают все большую конкуренцию стран старой европейской культуры и шаг за шагом вынуждены частично отступать. Это впрочем не значит, что роль и вес Соединенных Штатов и подобных стран абсолютно уменьшается: она остается, как правило, пока доминирующей.

Пока еще трудно окончательно высказаться об исходе конкурентной борьбы между Соединенными Штатами и странами старой культуры, в частности Англии. Несомненно, по-видимому, лишь два положения: 1) Соединенные Штаты не удержат всех позиций, которые они заняли во время войны. 2) Но в тех областях экономической жизни, в которых они располагают значительными естественными богатствами и на тех мировых рынках, в отношении которых их положение относительно благоприятно, они сохранят за собой значительно большее влияние, чем имели ранее. Сюда относятся Южная Америка, Африка, Азия. Это видно из приведенных выше цифр о торговых связях Соединенных Штатов с различными частями света. Это можно

¹ См. Эконом. Бюлет. Берл. предст. от 18 января 1921 г.

² По данным Economist'a.

иллюстрировать еще на данных хотя бы экспорта угля, значительными запасами которого располагают Соединенные Штаты.

Вывоз угля до войны из Соединенных Штатов был незначителен. Основное влияние на мировом угольном рынке имела Англия. Картина меняется во время и после войны. Американский уголь прокладывает себе широкий путь на мировые рынки. Он появляется на европейских рынках Франции, Италии, Голландии, Швеции и др. стран. Однако в 1920 г. Англия начинает теснить Соединенные Штаты на европейских угольных рынках.

Это видно из следующих данных об импорте угля.

Годы	В Аргентину		В Бразилию		В Уругвай	
	из Англии	из С.Шт.	из Англии	из С. Шт.	из Англии	из С. Шт.
	в тыс. тонн					
1919	639	483	181	634	185	195
1920	274	1.718	158	955	118	268

Борьба клонится явно в пользу Соединенных Штатов¹.

Ту же картину борьбы за мировые рынки, которую европейским странам приходится теперь вести на западе с Соединенными Штатами, мы могли бы наблюдать на востоке в отношении прежде всего Японии², но мы не будем на ней останавливаться.

Охарактеризованное здесь обострение борьбы за рынки необходимо очень подчеркнуть: оно весьма важно для уяснения сущности и характера кризиса мирового хозяйства, который разразился в 1920 г. Но прежде чем остановиться на характеристике мирового кризиса 1920 г., нам необходимо присоединить к анализу натуралистических элементов мирового хозяйства послевоенного периода анализ его ценностных моментов. Однако динамика ценностных моментов, как мы уже видели, особенно в пережитый военный период, в сильнейшей мере зависит и от состояния государственного хозяйства. В виду этого нам необходимо прежде кратко остановиться на состоянии государственного хозяйства после войны.

19. Подходя к этому вопросу, необходимо иметь в виду, что состояние государственного хозяйства отражает собой состояние народного хозяйства и при том отражает его в хронологическом отношении, если так можно выразиться, с запаздыванием. Улуч-

¹ Ср. Букшпан Я.М. Англо-Американское соперничество и европейские дела. Стат. в сборнике Международные проблемы.

² Ср. Демонгтон. Экономический упадок Европы. Перев. с франц. под ред. проф. Л.Н. Юровского.

шение и развитие народнохозяйственных условий отражается спустя некоторое время улучшениями и на государственном хозяйстве и на государственных финансах. Исходя из этого, мы должны ожидать, что констатированные нами тенденции возрождения в мировом хозяйстве дадут рано или поздно аналогичные тенденции и в государственных финансах. С другой стороны, нет ничего удивительного, что непосредственно послевоенное состояние финансов всех стран весьма тяжелое.

С окончанием войны далеко не кончились расходы государства на нужды, вызванные войной. Оставались расходы по демобилизации, по оказанию поддержки пострадавшим на войне, по оплате процентов государственных военных долгов, восстановлению разрушенных областей и т.д. Последняя категория расходов имела особенное значение для таких стран, как Франция, Бельгия. Расходы по восстановлению составили во Франции только после 31 июня по осень 1920 г. 20 млн. франков¹.

В силу только что указанного, государственные бюджеты еще остаются полувоенными, гипертрофированными. Однако бюджеты большинства даже наиболее потрясенных стран в послевоенный период, на базе начавшегося экономического возрождения, обнаруживают шаг за шагом тенденцию к улучшению. Приведем следующую таблицу²:

Страны	Германия	Бельгия	Франция	Италия	Англия
	марка	франк	франк	лира	фунт стерлингов
Денежные единицы					
В млн.					
Бюджет 1919 или 1919/20 гг.					
Доходы	17.164	2.888	11.480	9.820	1.339
Расходы	62.160	8.775	49.131	32.375	1.666
Баланс	-44.996	-5.886	-37.652	-22.555	-327
Доход в % к расходу	27,6	32,9	23,4	30,3	80,4

¹ См. Brussels Internation. Financial Conference. Proceedings of the Conference. Стр. 19.

² Таблица построена по данным изд. Conference financiere Internationale. Rapport № IV. Finances publiques; The Economist от 31 апреля 1921 г., экон. бюлл. от 11 мая 1921 г., Эконом. жизни и от 5 мая 1921 г. Ст. Э.С. Кацеленбаума в Вестн. Нар. Ком. Вн. торг. № 4-5, 1921 и сборника ЦСУ. Данные за 1919 и 1920 гг. учитывают сметные или фактические доходы-расходы. Данные за 1921 г. в некоторых случаях сметные.

Страны	Германия	Бельгия	Франция	Италия	Англия
	марка	франк	Денежные единицы		фунт стерлингов
			франк	лира	
			в млн.		
Бюджет 1920 или 1920/21 гг.					
Доходы	27.600	3.793	19.900	10.491	1.413
Расходы	102.500	8.866	40.500	24.670	1.184
Баланс	-74.900	-5.073	-20.600	-14.179	+234
Доход в % к расходу	26,9	42,8	49,2	42,5	119,8
Бюджет 1921 или 1921/22 гг.					
Доходы	72.400 ¹	3.119	20.000	—	1.217
Расходы	234.300	3.781	54.000	—	1.040
Баланс	-161.900	-662	-34.000	—	+177
Доход в % к расходу	30,9	82,5	37,2	—	117,0

Страны	Соединенные Штаты	Япония	Голландия	Швеция	Дания
	доллар	иена	Денежные единицы		крона
		гульден	крона	крона	
			в млн.		
Бюджет 1919 или 1919/20 гг.					
Доходы	5.130	1.018	727	770	585
Расходы	18.515	1.581	953	964	561
Баланс	-13.385	-563	-226	-194	+24
Доход в % к расходу	27,7	64,4	76,3	79,9	104,3
Бюджет 1920 или 1920/21 гг.					
Доходы	6.107	1.122	605	696	425
Расходы	6.812	1.564	733	869	335
Баланс	-705	-442	-128	-171	+90
Доход в % к расходу	89,6	71,7	82,5	80,3	127,9
Бюджет 1921 или 1921/22 гг.					
Доходы	4.920	1.562	552	912	318
Расходы	4.068	1.562	894	912	325
Баланс	+852	0	-342	0	-7
Доход в % к расходу	120,9	100,0	61,7	100,0	97,8

Отсюда ясно, что расходы почти всех стран уменьшаются. Исключение Германия и в 1921 г. Франция. Доходы воевавших стран увеличиваются. Доходы нейтральных, наоборот, уменьшаются, хотя и медленнее, чем расходы. Впрочем, по ряду нейтральных, как Голландия и Дания, в 1921 г. при сильном сокращении доходов расходы или не сокращаются или даже

¹Предположительные величины к концу бюджетного года.

увеличиваются. В силу указанных тенденций изменения расходов и доходов, по большинству стран дефицитность бюджетов, оставаясь весьма значительной, тем не менее сильно сокращается. Отношение доходов к расходам, как правило, возрастает. Англия построила свой бюджет 1920–21 гг. и 1921–22 гг., даже с превышением доходов. То же самое наблюдается в 1921–22 гг. в Соединенных Штатах. Положение их бюджета вполне благоприятно.

Благоприятно, в общем, положение Японии и нейтральных. В 1921 г. из них несколько ухудшилось положение Голландии и Дании.

Даже положение Бельгии в 1921–22 гг. дает основание говорить о крупных успехах и улучшениях бюджета, хотя бы речь и шла только о сметных предположениях и хотя бы осуществление их отклонилось от принятого плана. Положение французских финансов за последний год ухудшилось. Относительно весьма тяжело положение Германии. Хотя отношение доходов к расходам в ней и не падает, однако абсолютные суммы дефицита стремительно увеличиваются.

В общем нужно признать, что состояние мировых финансов рассматриваемых статически, за рядом исключений, представляется тяжелым. Оно тяжело не только в силу значительности расходов и дефицитов, но и потому еще, что значительная часть этих расходов идет на непроизводительные нужды по ликвидации последствий войны и особенно на уплату долгов по займам. Но рассматривая финансы динамически, а мы исследуем именно динамику мирового хозяйства, мы констатируем их улучшение.

20. Тем не менее, непосредственно после окончания войны расходы значительной части стран еще так велики, что страны эти не в состоянии покрывать их нормальными налоговыми поступлениями и вынуждены прибегать к займам и эмиссии. Отсюда задолженность государства и инфляция их денежного обращения первое время после войны продолжает возрастать. Для уяснения состояния современной задолженности государств и ее тенденций роста приведем следующую таблицу¹.

¹ Таблица составлена по данным след. изд. Brussel. Internation. Financial Conference Proceedings on the Conference. Vol. III, а также Rapport № IV. Finances publ, и по данным The Economist. Большинство довоенных данных относятся к 31 декабря 1913 г.; по Германии, Англии и Дании к 31 марта 1914 г., по Соединенным Штатам к 30 июня 1913 г.

Страны	Ден. единицы	Долг в 1913 г.		
		внутренний	внешний	весь
В МЛН.				
Германия	марка	5.158	—	5.158
Франция	франк	33.637	—	33.637
Италия	лира	15.070	—	15.070
Англия	ф. ст.	706	—	706
Соединенные Штаты	доллар	—	—	1.028
Канада	доллар	1	285	286
Япония	иена	1.195	1.525	2.720
Британская Индия	рупии	1.457	2.661	4.118
Голландия	гульден	1.162	—	1.162
Дания	крона	87	271	358
Швеция	крона	61	587	648
Аргентина	пезо	536	702	1.238

Страны	Долг на 31 декабря 1919 г.			Долг в 1920 г.
	внутренний	внешний	весь	весь
В МЛН.				
Германия	194.000	3.000	197.000 ¹	239.806 ²
Франция	185.728	33.660	219.388	235.739 ³
Италия	63.928	20.202	84.130	93.929 ⁴
Англия	6.603	1.279	7.882 ¹	7.648 ⁵
Соединенные Штаты	—	—	—	24.225 ⁶
Канада	2.030	497	3.527	—
Япония	2.216	1.311	3.527	—
Британская Индия	—	—	—	6.164 ⁷
Голландия	2.764	—	2.764	—
Дания	518	255	773	925 ⁷
Швеция	1.043	524	1.567	1.990 ⁸
Аргентина	645	626	1.271	—

Отсюда ясно, что задолженность почти всех стран, выросшая за время войны, представляется и в послевоенный период чрезвычайно высокой. Наиболее задолженными странами являются Германия, Франция, Италия, Англия. Чрезвычайно возросла задолженность и Соединенных Штатов, почти исключительно, правда, внутренняя. В первых трех размерах задолженности

¹ На 31 марта 1920 г. по Германии не считая возмещений по мирному договору.

² На 31 августа 1920 г.

³ На 31 июля 1920 г.

⁴ На 30 июня 1920 г.

⁵ На 21 апреля 1921 г.

⁶ На 30 января 1920 г.

⁷ На 31 марта 1920 г.

⁸ На 1 июля 1920 г.

продолжает возрастать и после 1919 г. В Англии рост ее приостановился и началось сокращение¹. Это вполне соответствует и объясняется ее бюджетной устойчивостью. Нужно заметить, что если во время войны Англия широко практиковала для покрытия расходов займы, то сейчас же после войны она переместила центр тяжести доходов на налоговые поступления. По данным Белой Книги еще в 1918–19 гг. Англия покрыла из своих расходов путем займов 1690 млн. ф. ст., а путем налоговых поступлений всего 889 млн. ф. ст. В 1919–20 гг. займами уже только 326 млн., а налоговыми поступлениями 1339 млн.² Правда, упомянутый рост задолженности по ряду стран идет теперь, по-видимому, медленнее и уже относительно на более производительные задачи, чем во время войны, например на восстановление разрушенных областей. Но тем не менее именно рост государственного долга, вызываемый нуждами и издержками государства, в то же время, в связи оплатой процентов по долгам, является в свою очередь фактором бюджетных затруднений; на что мы указывали и выше³.

Из приведенной таблицы ясно, далее, что сильно возросли долги нейтральных и мало затронутых войной стран.

Основной фонд долгов стран — это долги внутренние. Но и внешняя задолженность их значительна, особенно по отношению к Северо-Американским Соединенным Штатам.

Ко второй половине 1919 г. долг Америке составлял 9102 млн. долл. Ко второй половине 1920 г. он возрос до 11.039 млн. долл. Из них на долю Англии приходится 5049 млн. долл., Франции — 3247, Италии — 1656, Бельгии — 414, Японии — 102, Канады — 152 млн. долл. Америка является основным кредитором мира. Главный должник ее — Англия. Но своеобразие создавшегося положения состоит в том, что Англия, являясь крупнейшим должником Соединенных Штатов, в то же время выступает крупнейшим кредитором ряда европейских и внеевропейских стран. На 31 марта 1921 г. сумма ее кредитов исчислялась в 1803,6 тыс. ф.ст., в том числе колониям и доминиям — 144 тыс. ф.ст., Франции — 557 тыс., Италии — 476 тыс., Бельгии — 103⁴ тыс. ф.ст. Сумма кредитов Англии превосходит сумму ее

¹ См. Известия Нар. Ком. Финансов № 18 за 1921 г., стр. 38 и сл.

² См. Эконом. жизнь от 8 марта 1921 г.

³ Ср. Каценеленбаум З.С. Финансовое положение Европы (Вестн. Нар. Ком. Вн. торг. № 1, 1920 г.).

⁴ Ср. Проф. М.И. Боголепов. Европа после войны. С.-Петербург, 1921. Стр. 59–60.

долгов. Из других стран, внешняя задолженность которых менее сумм, отданных в кредит, нужно указать Голландию, Швейцарию.

Таким образом ясно, что если торговый баланс потрясенных войной стран обнаруживает определенную тенденцию к улучшению, то расчетный баланс под влиянием внешней задолженности для большинства их пока имеет тенденцию скорей к ухудшению. В этом отношении исключение представляет Англия. Соответственно и платежный баланс в целом у пострадавших стран должен стоять и пока стоит отрицательный. Это положение необходимо подчеркнуть, так как нам придется сослаться на него ниже. Равно необходимо подчеркнуть и рост задолженности нейтральных и других стран наряду с ухудшением их торгового баланса, отмеченным выше.

Нужно заметить далее, что большинство заключенного долга европейских сильно задолженных стран находится в форме неконсолидированного, в форме краткосрочных обязательств и векселей. Но последняя форма долга всегда в той или иной мере требует переучета из займов в эмиссионных банках. Следовательно, господствующая форма долга в этих странах является и фактором эмиссий. Эмиссии после войны вызываются, как и во время войны также и необходимостью производить различные иные государственные расходы, которые не удается покрыть нормальным путем. Это приводит нас к вопросу о состоянии денежного обращения после войны.

21. Состояние денежного обращения и его послевоенная динамика может быть уяснена из следующей таблицы¹.

Страны	Даты	Золото	Бумажные деньги		Покрытие, в %
			в млн. ф.ст.		
Германия	1918	112,2	1.588,0 ²	7,1	
	1919	54,6	2.428,2	2,3	
	1920	54,0	3.971,8	1,3	
Италия	1918	93,4	470,0 ³	19,9	
	1919	81,8	651,2	12,5	
	1920	83,1	789,2	10,5	

¹ По данным Monthly Bulletin of Statistics.

² Банкноты и свидетельства ссудных касс.

³ Итальянские, сицилийские и неаполитанские банки. Бумажные деньги — банкноты и билеты государственного казначейства.

Страны	Даты	Золото	Бумажные деньги в млн. ф.ст.	Покрытие, в %
Франция	1918	231,8 ¹	1.210,0	19,1
	1919	233,8	1.491,0	15,7
	1920	230,7	1.516,0	15,2
Англия	1918	80,0	393,4 ²	20,4
	1919	91,3	443,4	20,6
	1920	128,2	481,0	26,6
Соединенные Штаты	1918	435,8 ³	683,1 ³	63,8
	1919	429,8	957,0	44,4
	1920	429,0	1.065,1	40,2
Япония	1918	73,0 ¹	117,2	62,3
	1919	97,5	159,2	61,2
	1920	127,7	147,4	86,6
Голландия	1918	58,2 ¹	89,0	65,4
	1919	53,6	86,0	62,3
	1920	54,8	89,3	61,2
Швеция	1918	15,9	45,1	35,3
	1919	15,6	41,6	37,5
	1920	15,7	42,2	37,2
Дания	1918	10,8	25,0	43,2
	1919	12,6	27,1	50,4
	1920	12,6	31,0	42,0

Данная таблица позволяет установить, что положение денежного обращения в ряде стран, как Германия, Италия, Франция остается весьма тяжелым, инфляция огромной. Однако положение резко ухудшается лишь в Германии, где при стационарном состоянии золотого запаса, количество бумажных денег растет исключительно быстро и в Италии, где покрытие также сокращается. Во Франции положение перестает с 1919 г. по крайней мере ухудшаться. Положение прочих стран представляется в общем весьма удовлетворительным, частью хорошим. Золотой запас быстро возрастает в Англии и Японии при сокращении бумажных денег или при очень медленном их росте. Степень покрытия бумажных денег в этих странах возрастает, в Японии она достигла до чрезвычайно высокого уровня, что сообщает ее денежному обращению высокую устойчивость.

¹Золото и серебро.

²Банкноты и расчетные знаки.

³Золото федерального резервного банка. Бумажные деньги — федеральные резервные билеты и прочие бумажные деньги.

По Соединенным Штатам нами взят золотой запас лишь федерального резервного банка и он отнесен ко всем бумажным деньгам. Золотой запас этот, стремительно возраставший до 1918 г., после 1918 г. даже несколько уменьшается. При росте бумажно-денежной массы покрытие должно было сократиться. Однако, положение денежной системы страны остается вполне прочным.

Несколько ухудшилось в отношении уровня покрытия золотом в нейтральных: в Голландии, Дании.

Этот момент ухудшения в положении денежного обращения нейтрально-европейских стран мы подчеркиваем наряду с отмеченными выше признаками изменения их экономического состояния.

В общем и целом нужно признать, что состояние денежного обращения скорее несколько улучшилось против того, каким оно было в конце войны и продолжает улучшаться. Однако за рассматриваемый период улучшение идет медленно. Инфляция денежного обращения остается во всей силе.

22. Переходя далее, подведем некоторые общие итоги предшествующего анализа конъюнктуры мирового хозяйства после войны:

а) Сельское хозяйство и промышленность воевавших и сильно потрясенных европейских стран обнаруживает тенденцию возрождения. Темп развития заокеанских стран, скорее, несколько замедляется. Положение нейтральных европейских стран не обнаруживает существенных изменений. Однако пострадавшие отрасли производства улучшаются и в них.

б) Объем мировой торговли увеличивается во всех странах. В основном направлении ее обнаруживается существенное изменение. Торговый баланс потрясенных стран Европы начинает улучшаться. Наоборот, степень благоприятности торгового баланса всех прочих стран понижается.

с) Государственные финансы большинства стран находятся в тяжелом и расстроенном состоянии. Однако и в них мы обнаруживаем тенденции улучшения. Дефицитность бюджетов стран, потрясенных войной или участвовавших в ней, дефицитность бюджетов вообще тех стран, где дефицитность эта была, уменьшается или даже исчезает. Исключение — Германия (и конечно другие побежденные страны, как Австрия), финансы которой находятся в крайнем расстройстве. В 1921–22 гг. ухудшается бюджетное положение ряда нейтральных европейских стран.

d) Государственная задолженность стран огромна и в большинстве, особенно континентально-европейских, воевавших стран она увеличивается. Основным кредитором мира является Америка. Основным должником ее — Англия. С другой стороны — Англия является крупнейшим кредитором европейских стран и ее колоний.

e) Денежное обращение испытывает дальнейшее ухудшение в Германии. Ухудшение его прекратилось в Италии и Франции. В остальных странах оно более или менее и в относительном смысле (бумажная валюта почти во всех странах!) благоприятно. Относительно понизилась степень золотого обеспечения в нейтральных европейских странах.

23. После предыдущего изложения мы можем перейти к рассмотрению товарного рынка со стороны движения товарных цен. Остановившись на товарных ценах, мы должны прежде заметить, что согласно предыдущему изучению натуралистических и ценностных элементов экономических конъюнктур, цены в послевоенный период в общем и целом находились под влиянием перекрещивающихся и действующих в различном направлении факторов. Факт прекращения войны и резкого сокращения спроса, падения фрахтов и расширения мировой торговли и конкуренции — все это способствовало понижательным тенденциям товарных цен. Наоборот, факт неудовлетворенности за время войны ряда нужд и потребностей населения и вытекающий отсюда, при наличии покупательной силы, спрос, наступившее оживление промышленно-экономической деятельности, продолжающаяся инфляция и понижение ценности денег должны были действовать на цены повышательно. Каково же было фактическое движение цен?

Перед окончанием войны и особенно сейчас же после ее окончания наступила депрессия в движении цен.

Возьмем следующие данные о движении товарных цен в Англии по Index'am Statista¹.

Даты	Растит. пищевые	Животн. пищевые	Сахар, кофе, чай	Пищевые вообще	Минералы
1918 июль	173,0	200,5	124,2	172,8	<u>193,3</u>
август	178,0	200,5	123,4	174,8	191,6
сентябрь	173,8	218,8	124,1	180,0	190,6

¹ См. Statist от 10 января 1920 г. Цены за 1867–77 гг. принимаются Statist'ом за 100.

Даты	Растит. пищевые	Животн. пищевые	Сахар, кофе, чай	Пищевые вообще	Минералы
1918 октябрь	176,2	229,6	125,2	185,1	191,5
ноябрь	178,3	229,6	<u>126,7</u>	<u>186,3</u>	183,9
декабрь	<u>178,3</u>	<u>229,6</u>	126,4	186,2	177,3
1919 январь	173,2	226,3	118,2	181,2	176,0
февраль	173,5	218,8	<u>119,0</u>	178,6	172,6
март	<u>167,1</u>	<u>204,2</u>	127,6	172,6	170,5
апрель	168,8	205,1	122,5	<u>172,4</u>	<u>169,9</u>
май	169,3	207,1	126,5	174,5	195,8

Даты	Текстильные	Различные	Минералы вообще	Общий индекс
1918 июль	219,1	<u>208,4</u>	207,6	192,9
август	<u>233,6</u>	207,8	<u>211,4</u>	195,9
сентябрь	231,9	205,7	209,7	197,1
октябрь	223,5	205,1	207,1	<u>197,8</u>
ноябрь	215,6	203,3	201,8	195,3
декабрь	217,3	209,2	203,1	196,0
1919 январь	206,4	201,4	196,1	192,1
февраль	213,9	<u>196,4</u>	<u>192,3</u>	187,5
март	<u>197,2</u>	205,9	193,6	184,7
апрель	201,2	202,9	193,5	<u>184,6</u>
май	213,2	215,0	209,3	194,6

Мы подчеркнули в каждой группе товаров одной чертой показатель уровня цены за тот месяц, с которого начинается более или менее систематическое понижение цен, а двумя чертами за тот месяц, где оно кончается. Из приведенных данных ясно, что, действительно, в конце 1918 и в начале 1919 г. наблюдается депрессия цен. Она глубже захватила группу материалов, чем группу пищевых. Начало депрессии цен отнюдь не датируется моментом прекращения военных действий, т.е. ноябрем 1918 г. В большинстве случаев она начинается ранее. В двух случаях начало ее совпадает с ноябрем, а в двух следует после ноября. Аналогичную картину с совершенно несущественными отклонениями рисует по Англии и Index Economist'a. Отмеченная депрессия цен, далее, носит отнюдь не местно-английский, а более или менее мировой характер. (См. ниже). Но она оказалась весьма кратковременной и мало интенсивной. К концу весны 1919 г. она уже прекратилась.

Причины ее приходится видеть в обстоятельствах двух родов. То, что начало ее, по крайней мере по некоторым группам товаров, относится к моменту до окончания военных действий, показывает, что в порождении ее сказалось влияние как бы

антиципации близкого окончания войны и сокращения военного спроса. Наряду с этим и позднее оказало воздействие уже самое прекращение войны, самое сокращение спроса, наступившее замешательство, вспышка стачечного движения и частичная реорганизация рыночных отношений. Наступившее замешательство, по-видимому, сказалось не только на ценностных показателях и в частности на ценах. Оно сказалось и на натуралистических показателях конъюнктуры: мы уже знаем из предыдущего, что именно 1919 г. дает наиболее сильное падение промышленного производства и мы увидим еще ниже, что именно конец 1918 и первая половина 1919 г. дает повышенный процент безработицы. Очевидно, что именно на конец 1918 г. — на начало 1919 г. приходится *первоначальная и наиболее неотложная* реорганизация военного строя промышленно-экономической жизни стран на мирный строй.

Как всякая реорганизация и реорганизация военно-хозяйственного режима сопровождается кризисом установившихся экономических отношений и движения системы элементов хозяйственной жизни. Этот кризис или точнее депрессия является, таким образом, реакцией военно-хозяйственного строя на последовавшее изменение условий его существования. В силу изменившихся условий равновесие сложившейся системы элементов хозяйственной жизни было нарушено. Однако этот первый кризис, кризис чисто военно-реорганизационного типа, быстро миновал. Довольно быстро потерянное равновесие элементов хозяйства было вновь приобретено.

Отсюда понятно, что и депрессия цен оказалась кратковременной и скоро сменилась вновь сильно повышательной конъюнктурой цен. Причины этого дальнейшего повышательного движения товарных цен не трудно понять.

Влияние войны было длительным и значительным. За четыре военных года мировая экономическая жизнь глубоко видоизменилась и сжилась с военными условиями и военным рынком. Прекращение военных действий еще не было фактом, мгновенно прекращающим все созданные и во многом устойчивые военные условия. В частности, и напряженный государственно-военный спрос на товары прекращался, несомненно, постепенно¹. Это с одной стороны. С другой, материальное оскудение за время войны по крайней мере в ряде стран было, как мы видели,

¹ Ср. Силин Н.Д. Валютный вопрос перед Генуэзской конференцией. Стр. 88 и сл. В сборнике "Международные проблемы".

значительно. Оно должно было выразиться в недостаточном предложении товаров и в наличии значительных, ждущих удовлетворения, потребностей населения. Наконец, бумажно-денежная инфляция продолжалась. Все это вместе взятое создавало объективные условия для дальнейшего роста цен. И мы видим, что рассмотренная выше депрессия цен к середине 1919 г. изживается и начинается вновь повышательная волна товарных цен, которая длится до весны 1920 г. Эта волна носит ярко выраженный мировой характер, что хорошо видно из следующей таблицы.

Общие индексы цен в % к 1913 г., прин. за 100¹

Даты	Франция	Италия	Англия	Соединенные Штаты	Япония	Канада	Швеция
1918	340,9	409,8	224,3	203,1	195,9	205,1	339
1919 июль	348,6	362,4	239,6	205,1	247,2	216,7	320
октябрь	383,8	390,5	252,4	211,9	266,3	220,8	307
1920 январь	489,3	503,7	288,5	<u>227,2</u>	301,3	248,3	319
февраль	524,6	556,3	303,1	226,4	313,6	253,5	342
март	557,4	619,0	<u>310,2</u>	225,5	<u>321,6</u>	257,6	354
апрель	<u>590,6</u>	<u>679,1</u>	305,7	225,7	300,5	260,6	354
май	553,0	659,0	304,5	216,4	272,1	<u>260,2</u>	361
июнь	494,0	613,9	291,4	210,7	248,0	258,0	366

С методологической точки зрения сравнение движения цен отдельных стран по индексам не представляется вполне бесспорным и безупречным. Различие товарных групп, учитываемых индексами отдельных стран, и различие методов самого построения индексов и др. соображения являются бесспорно, аргументами против возможности такого сравнения. Однако, мы не считаем эти аргументы решающими. Они убеждают нас лишь в том, что при сравнении индексов мы должны обращать внимание не на мелкие детали движения рядов, а на общие тенденции их, что индексы для этой цели являются не вполне совершенным, хотя и единственным пока методом².

¹ Взяты те же индексы, что и в предыдущей главе. О движении цен рассматриваемого периода см. между прочим С.А. Фалькнер. Мировое движение цен. Статья в Вестнике Народного Комиссариата Внешней торговли, 1920 г. № 1.

² См. по вопросу о возможности сопоставления индексов, Wesley Clair Mitchell Business cycles. Memoires of the University of California. Vol. 3. 1913. Стр. 112 и след. См. также Mr. R.H. Hooker. — The Course of Prices of Home and B. Abroad, 1890—1910 в Journal of the Royal Statistical Society. December 1911. О различиях и методах построения индексов различных стран см. E. Hoffman. — Indexziffern im Inland und im Ausland. Karlsruhe, 1921.

Обращаясь теперь к таблице, мы видим, что со второй половины 1919 г. когда была изжита послевоенная депрессия цен до весны-лета 1920 г. на мировом рынке господствует повышательная конъюнктура цен. Она дает перелом к понижению в разных странах в различное время. Наиболее ранний перелом обнаруживают Соединенные Штаты — в январе 1920 г. В Швеции, наоборот, она не изменилась до июня включительно. Моменты перелома, отмеченные нами двумя чертами, указывают в то же время кульминационные высшие пункты общего уровня средних цен за весь военный и последующий период.

Таким образом, бесспорно, что после кратковременной послевоенной депрессии цен среди факторов, определяющих движение товарных цен, возобладали факторы повышения их, и к весне 1920 г. цены достигли кульминационного пункта подъема.

Представляется с научной точки зрения важным отметить, какие же из этих факторов повышения играют преобладающую роль. Подходя к этому вопросу, можно утверждать, что исключительно большую роль в подъеме общего среднего уровня цен играет инфляция денежного обращения¹.

На втором месте стоят общие условия спроса-предложения товаров, напряженность спроса, относительное оскудение рынков и т.д.

Для обоснования этого положения приведем следующую таблицу, заимствованную нами из статьи Эйленбурга², и дающую по странам сопоставление подъема товарных цен и увеличения инфляции к концу 1919 г. в % к 1913 г.

Страны	Общие индексы тов. цен.	Колич. средств обращен. (золото + банкноты)	Золотое покрытие к концу 1919 г.
К концу 1919 г. в % к 1913 г.			
Соединенные Штаты	220	225	40,6
Япония	280	338	75,3
Англия	288	846	35,0
Швеция	317	295	40,8
Франция	425	469	14,8
Италия	457	435	11,0
Германия	(680)	1336	2,2

¹Ср. Cassel G. Memorandum on the "Worlds monetary problems" Financial. Brussel 1920. Paper XIII.

²См. Eulenburg Fr. Die Preisrevolution seit dem Kriege. Jahrbucher für Nationalo: konomie. III Folge. 60 Band. 1920. II p. 335.

Страны расположены в таблице в восходящем порядке степени подъема товарных цен. Второй столбец таблицы показывает степень инфляции денежного обращения. В общем он дает нарастание инфляции. Сопоставление первого и второго ряда с очевидностью убеждает в теснейшей связи между уровнем подъема цен и размерами инфляции.

Параллелизм этот еще нагляднее выступает в следующих данных, где в % к 1913 г. взяты, с одной стороны, индексы товарных цен, с другой, количество выпущенных банкнот по годам¹.

Годы	Соединенные Штаты		Канада		Япония		Швеция		Франция		Италия	
	Цены	Банкноты	Цены	Банкноты	Цены	Банкноты	Цены	Банкноты	Цены	Банкноты	Цены	Банкноты
	в % к 1913 году											
1914	100	101	100	118	91	90	116	131	116	117	101	129
1916	124	124	151	155	131	141	185	190	206	292	234	227
1918	196	157	211	239	214	256	339	360	358	530	437	499
1919	214	172	236	251	289	296	330	329	429	652	457	667

Отсюда с очевидностью ясно, что по мере роста бумажно-денежной инфляции растут и цены. В общем, чем больше в стране инфляция, тем выше уровень цен.

Однако полного параллелизма в рядах цен и эмиссии в этой таблице все же нет. В одних странах цены растут быстрее эмиссии, в других, наоборот, медленнее.

Равно и в первой таблице между первым и вторым рядом нет полного параллелизма. Это значит, что инфляция не является единственным фактором подъема товарных цен.

Действие ее осложняется еще другими факторами. Основными из них, по-видимому, являются два. Первый — это степень насыщенности рынков страны товарами. В зависимости от него прежде всего нужно выделить Соединенные Штаты и Японию, положение которых весьма благоприятно. Далее следует Англия, еще далее Швеция, Франция, Италия, наконец, Германия. Второй фактор — это характер самой инфляции, степень, в какой инфляция эта является бумажно-денежной инфляцией. Характер инфляции рисуется третьим столбцом первой таблицы, дающим процент золотого покрытия. Из него видно, что страны распадаются по меньшей мере на три группы: в Соеди-

¹ См. Brussels international Financial Conference. Table C., p. 99. Paper № III.

ненных Штатах, Японии, Англии и Швеции золотое покрытие значительно, в Италии и Франции оно низко, в Германии ничтожно.

Принимая во внимание теперь степень инфляции, ее характер и насыщенность товарных рынков, мы можем сделать следующие заключения.

а) В странах наименьшей инфляции, относительной насыщенности рынков и высокого золотого обеспечения подъем цен наименьший. Сюда относятся Соединенные Штаты, Канада и Япония.

в) В странах большей инфляции, меньшей насыщенности рынков и высокого золотого обеспечения, как Англия, подъем цен большой, но он и здесь стоит ниже уровня инфляции.

с) В странах такой же инфляции, но еще меньшей насыщенности рынков, хотя и с высоким золотым покрытием, как Швеция, подъем цен еще более значителен.

д) В странах весьма значительной инфляции, столь же малой насыщенности рынков, но с низким золотым покрытием, как Франция, Италия, подъем цен гораздо значительнее, чем в предыдущих странах.

е) В странах с наибольшей инфляцией, с наибольшим товарным оскудением и наименьшим золотым покрытием, подъем цен максимальный. Сюда относится Германия.

Таким образом ясно, что основным фактором исключительного подъема цен является инфляция денежного обращения и соответственно понижение ценности денег. Этот основной фактор, однако, не все и не объясняет всего. Есть другие факторы, лежащие на стороне товаров, т.е. факторы в виде соотношения спроса — предложения самих товаров. Разумеется, однако, что все эти факторы — лишь факторы основные и главнейшие. В действительности действие их осложнялось рядом иных условий, дополнительное выяснение которых было бы необходимо для окончательного истолкования движения цен отдельных стран и особенностей этого движения.

Мы не считаем необходимым заниматься таким выяснением здесь и обратимся к следующему вопросу. Покажем, на какие же группы товаров цены достигли наибольшего подъема в первой половине 1920 г. Следующая таблица дает ответ на этот вопрос для главнейших стран.

Уровень высших цен в 1920 г. в %-ном отношении к ценам 1913 г.¹

	Раст. пищевые продукты	Животн. продукты	Сахар, кофе, какао	Все пищ. прод.	Металл и минералы	Текст. матер.	Остал. товар	Все материалы
Франция								
Месяц выс. цен.	Март	Апрель	Апрель	Апрель	Апрель	Апрель	Май	Апрель
Уровень выс. цен	517	522	447	505	507	953	601	655
	Хлеб и мясо		Остал. пищ. прод.	Текст. мат.		Минер. и метал.	Остал. товар	
Италия								
Месяц высш. цен	Июнь		Июнь	Апрель		Май	Апрель	
Уровень высш. цен	487		508	1064		1089	535	
Англия²								
Месяц высш. цен	Март		Март	Март		Февраль	Март	
Уровень высш. цен	258		257	465		240	290	
	Зерн. хлеба	Жизнен. припасы	Остал. пищ. прод. ³	Фрукты	Шкуры и кожи ³	Текст. матер.	Металлы	
Северо-Американские Соединенные Штаты								
Месяц выс. цен.	Май	Апрель	Октябрь	Январь	Октябрь	Апрель	Март	
Уровень выс. цен	290,3	155,4	196,3	219,6	225,4	282,3	152,3	
	Уголь и кокс	Нефть	Кораб. снаряж.	Строит. материал	Химич. и аптек. товары	Разные		
Месяц высш. цен	Август	Апрель	Март	Июль	Июнь	Январь		
Уровень высш. цен	314,3	300,0	529,2	282,6	204,2	351,3		

¹ Франция по индексу Statistique Generale de la France. Италия по индексам Riccardo Vachi, Англия по индексам Economista, Соединенные Штаты — Bradstreet's.

² Наименование группы те же, что и по Италии.

³ Высший уровень цен был достигнут в октябре 1919 г.

Возражения против сопоставления движения цен различных стран по отдельным группам товаров, разумеется, еще больше, чем при сопоставлении общих индексов. Однако и такие сопоставления в общих чертах мы считаем методологически допустимыми. Конечно, при этом необходимо соблюдать достаточную осторожность и сопоставлять лишь индексы групп достаточно однородных товаров. Впрочем в данном случае мы имеем в виду не столько сопоставление степени вздорожания групп по разным странам, сколько выяснение и описание различий подъема цен по разным группам в каждой стране.

Переходя к анализу приведенной таблицы, необходимо заметить: если общий подъем цен, как мы видели, обусловлен прежде всего инфляцией, то в различии движения цен по группам товаров различных стран находят свое отражение прежде всего условия спроса — предложения данной группы товаров в каждой стране.

Из таблицы видно, что в общем всюду более сильно вздорожали материалы, чем пищевые продукты. И материалы сильнее всего вздорожали в Италии, далее во Франции. Из материалов в европейских странах наиболее поднялись в цене текстильные, в Италии, наоборот, минералы и металл. Подъем текстильных во Франции и Англии, собственно, и обуславливает собой более сильное вздорожание материалов, чем пищевых, так как другие материалы вздорожали в них менее, чем пищевые. Далее следуют во Франции и Англии группы “остальных товаров” и еще далее металлы и минералы. В Италии из материалов на втором месте стоят текстильные и лишь далее смешанные группы остальных. В Америке мы имеем такую последовательность в группе материалов: корабельное снаряжение, разные, уголь и кокс, нефть. Текстильные и металлы занимают, относительно скромное место.

Из пищевых продуктов во Франции сильнее вздорожали животные; в Италии хлеб и мясо, которые объединены в одну группу, вздорожали менее сильно, чем остальные пищевые. В Англии возрастание той и др. группы довольно равномерно. В Америке зерновые продукты поднялись относительно более, чем прочие пищевые.

В отмеченных особенностях движения групповых цен по странам легко было бы видеть отражение национально-хозяйственных условий этих стран, разную степень нужды и обеспечения этих стран различными товарами. И предыдущее изложение о динамике производства дает некоторые материалы для сужде-

ния об этом. Мы не будем специально останавливаться на этом вопросе и перейдем к рассмотрению денежного рынка и в первую очередь вексельных курсов.

24. Движение вексельных курсов после войны отражается следующей таблицей, где дано процентуальное отношение валют к паритету с долларом¹.

Страны	Паритет	Годы									
		1918	1919	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	сентябрь	октябрь
		1920 г.									
Германия	100	70,1	20,9	4,3	5,3	7,3	8,6	10,5	9,6	6,7	5,2
Франция	100	93,4	47,1	37,0	36,1	31,2	34,0	42,5	40,2	35,0	33,0
Италия	100	65,9	62,2	28,1	26,4	23,6	30,7	32,1	27,6	21,5	19,4
Англия	100	97,6	78,7	69,2	78,7	79,1	78,6	81,4	76,5	71,0	71,0
Швейцария	100	107,5	92,1	90,0	88,7	91,7	91,0	94,2	88,2	82,4	80,2
Дания	100	100,4	71,7	56,0	67,7	64,1	62,5	61,3	58,7	51,5	51,2
Голландия	100	120,8	106,8	93,0	91,4	90,9	90,6	88,2	85,2	88,5	75,4
Швеция	100	108,4	80,1	83,1	78,6	79,2	78,3	82,0	78,8	75,3	72,7
Япония ²	100	106,1	103,8	97,8	96,3	99,8	104,3	102,9	103,1	103,3	102,8

Германская марка после окончания войны катастрофически понизилась. Это явление вряд ли требует объяснений: катастрофическое понижение марки вполне отвечало характеру исхода войны и внутреннему экономическому и политическому потрясению страны.

Далее подверглись резкому обесценению валюты Франции и Италии, в меньшей степени и Англии. Это обстоятельство нужно поставить в связь с двумя факторами. Первое — это то, что по окончании войны прежняя тесная союзная связь между европейскими странами Антанты и Соединенными Штатами Америки ослабела, ослабела и заинтересованность Америки в экономическом состоянии союзников; в силу этого фунт и франк лишились той поддержки, которой они пользовались со стороны доллара, и расценки валют Англии и Франции устремились к уровню, соответствующему состоянию платежного баланса этих стран и их реальной экономической мощи. Другой момент — следующий. Во время войны уровень лажа в Англии, Франции и

¹ По данным Monthly Bulletin of Statistics, The Economist, The Statist, Экон. Бюлл. от 19 октября 1920 г. и Сборника ЦСУ. В 1920 г. курсы взяты преимущественно к концу каждого месяца.

² См. Gregory T.E. Foreign exchange before, during, and after the war. 1921. Стр. 119–111. В 1918 и 1919 гг. взяты данные за июнь. Всюду учтены высшие показатели котировок.

вообще в союзных странах, как мы отмечали, стоит низко. Наоборот, цены весьма сильно повышаются. Но низкий лаж при высоких ценах является стимулом для импорта и препятствием для развития экспорта¹. Это было в интересах союзных стран, поскольку они нуждались в снабжении во что бы то ни стало. И своей девизной политикой правительства их несомненно под-держивали лаж на низком уровне. По окончании войны в интересах выправления платежного и, в частности, торгового баланса европейским союзным странам нужно было больше экспортировать и они это делали. Но экспорт мог развиваться только при повышении лажа, ибо повышенный лаж действует, как экспортная премия. В связи с этим союзным странам нужно было изменить направление своей девизной политики.

Наконец из таблицы видно, что курсы нейтральных также упали. Это объясняется констатированной выше тенденцией их торгового и расчетного баланса в неблагоприятную сторону утратой ими после войны благоприятного положения поставщи-ка и исполнителя заказов воюющих стран Европы². Более устойчиво, относительно, состояние Швейцарской и Голланд-ской валют легко объясняется отмеченным выше лучшим состо-янием их расчетного баланса. Устойчиво и положение японской валюты, хотя она и обнаруживает некоторое падение в 1920 г.

Таким образом ясно, что после войны валюты почти всех стран и особенно стран Европы обесцениваются в отношении доллара. Это обстоятельство чрезвычайно важно учесть. Если выше мы отмечали, что Америка была вынуждена уступить старой Европе целый ряд завоеванных ею за время войны позиций на мировом рынке, если торговый баланс ее и ряда других развивающихся стран понижает степень своей благоприятности, то одна из влиятельных причин этого кроется в харак-тере интервалютарных послевоенных отношений. Высока цен-ность американской валюты и падение ценности европейских валют означало, что американские товары стали слишком дороги для Европы, что их конкурентная способность понизилась. Наоборот, низкий курс европейских валют действовал как экс-портная премия.

Для большего осознания и уяснения позиций отдельных стран на мировом рынке в связи с валютными отношениями

¹ Ср. Туган-Барановский М.И. Бумажные деньги и металл. Гл. V и VI.

² См. Проф. Боголенов М.И., *op. cit.*, стр. 51 и сл.

укажем на сильное повышение ценности серебра и серебряных валют востока и особенно сейчас же после войны. По данным Journal of the Royal Statistical Society мы имеем следующую расценку серебра¹.

Годы	Средняя цена за унцию в пенсах	Index numbers отношения ценности золота к серебру, равное 15,5:1 прин. за 100
1873	59 ¹ / ₄	97,4
1913	27,9/16	45,3
1918	47 ¹ / ₂	78,0
1919	57	93,6
1920	61,9/16	101,2

Повышение ценности серебра и серебряных валют поднимало покупательные силы Востока. Восток был рынком сбыта для стран передовой культуры и особенно европейских. И теперь при высокой ценности доллара, при низкой ценности своих валют Европа получила благоприятную возможность использовать возросшую покупательную силу Востока и вновь завоевывать его рынки, на что мы и указывали выше.

Но если относительно низкий курс европейских валют форсировал их экспортную деятельность, то с другой стороны, в интервалютарных взаимоотношениях кроется одно из крупных препятствий для нормализации жизни мирового хозяйства и развития мировой торговли.

Разницы курсов валют благодаря расстройству народных хозяйств и денежного обращения остаются необычайно большими. И эти различия действуют, что ясно из предыдущего, как высокие экспортные премии для одних стран и как высокие ввозные пошлины для других. Это обстоятельство, конечно, противодействует нормальным торговым отношениям, разбивая мировое хозяйство на более или менее замкнутые национально-хозяйственные единства, лишенные возможности целиком стать на позицию взаимности услуг.

Если выше мы отметили влияние интервалютарных взаимоотношений на положение и отношение Европы с Америкой и Востоком, если эти интервалютарные взаимоотношения способствуют укреплению позиции Европы на мировом рынке, то с другой стороны, интервалютарные взаимоотношения внутри самой Европы разбивают ее на целый ряд относительно мелких

¹ См. Journal of the Royal Stat. Society за март 1921 г.

единств, затрудняя их взаимные экономические связи. Действительно, внутри самой Европы валютные отношения находятся в состоянии крайней неурегулированности и дают картину резких колебаний и уступов от паритета. Так, сравнивая валюты отдельных стран с фунтом стерлингов, мы видим, что в одной группе стран фунт имеет значительный лаж, в других не менее значительное дизажио.

Для иллюстрации мысли о том, как разрушительно действует неустойчивость и резкость отклонений вексельных курсов на единство и связность мирового и европейского рынков, приведем следующую интересную таблицу¹.

	Курс до войны	Курс на 31 декабря 1920 г.	Лаж (+) дизажио (-) на 31 декабря 1920 г. в %	Покупательная сила одного фунта стерлингов в данной стране по сравнению с нормальной фунт шиллинг пенс		
I. Страны, в которых фунт имеет лаж						
Франция	25,20	59,70	+136 ³ / ₄	2	7	1
Италия	25,20	101 ¹ / ₄	+302 ³ / ₄	4	0	6
Норвегия	18,13	23,05	+27	1	5	5
Дания	18,13	23,125	+27 ¹ / ₃	1	5	6
Германия	20,41	258,00	+1163 ¹ / ₂	12	12	8
Австрия	24,02	1525	+6249	63	9	9
Испания	25,20	26,48	+5	1	1	0
Бразилия	16 пепс.	9 ¹³ / ₁₆ п.	+63	1	12	8
II. Страны, в которых фунт имеет дизажио						
Соединенные Штаты Америки	4,87	3,54 ¹ / ₂	-27 ¹ / ₄		14	6
Голландия	12,08	11,26	-6 ³ / ₄		18	8
Швеция	18,13	17,66	-2 ¹ / ₂		19	6
Швейцария	25,20	23,16	-8		18	5
Аргентина	47, ³ / ₈ п.	51 ¹ / ₁₆ п.	-6 ³ / ₄		18	8
Япония	2 ш. ⁴ / ₁₆ п.	2 ш. 8 ¹ / ₈ п.	-23 ¹ / ₂		15	4
Индия	1 ш. 4 п.	1 ш. 5 ¹¹ / ₁₆ п.	-9 ¹ / ₂		18	2

Отсюда ясно, что более или менее единого фунта, как определенной экономической единицы и покупательной силы, не существует.

В Австрии фунт обладает такой покупательной силой, какой ранее здесь обладали бы 63 и даже более фунтов. Наоборот, в

¹ Таблица взята из работы проф. Боголепова. — цитг. выше, стр. 55-56.

Соединенных Штатах, Голландии, Японии фунт равен $2/3 - 3/4$ покупательной силы его в нормальное время.

Таким образом, интервалотарные отношения различных стран и после войны остаются глубоко ненормальными. Но если разное отклонение их от паритета является препятствием для развития и объема экономических взаимоотношений отдельных стран, то с другой стороны, мы должны признать, что созданный строй валютных отношений, поскольку он воздействует на строение торгового баланса отдельных стран, он является в перспективе фактором восстановления более или менее довоенных позиций этих стран на мировом рынке.

25. Обращаясь к денежно-капитальному рынку, укажем на то, что после войны рынок этот, естественно, испытал значительное облегчение в силу резкого сокращения требований со стороны государства через его займы. С другой стороны, мирная эмиссия ценных бумаг значительно расширилась. Так по Англии, Германии и Голландии мы имеем следующие данные в сопоставлении с довоенной эмиссией.

Эмиссия ценных бумаг:

Годы	Англия ¹		Германия ²	Голландия ²
	Всего, в млн. ф. ст.	Частная эмиссия	Всего в млн. марок	Всего в млн. гульдеров
1913	195,5	195,5	635	193,9
1918	1193,3	65,3	1.043	654,0
1919	1036,0	211,4	1.654	1.176,3
1920	367,5	330,0	7.520	1.151,4

Из приведенных данных действительно видно увеличение общей и частной эмиссии, хотя абсолютно эмиссионная деятельность в Англии упала. Частная эмиссия в таблице выделена лишь по Англии. Однако, нужно думать, что ее движение аналогично и в других странах, в частности и в Голландии и Германии. Действительно, по другим данным, например, для Германии, мы имеем такой рост частной эмиссии: в 1919 г. она составляла 408 млн. марок, а в 1920 г. — 3499. Таким образом, мы можем думать, что послевоенный период приносит всюду увеличение эмиссии на нужды частно-предпринимательского

¹ По данным Economist'a от 1 января 1921. The Board of Trade Journal от 28 октября 1920 г. и Народное хозяйство в 1913 г.

² Ernst Kahn, op. cit., стр. 63. По Голландии взяты акции и рента. По Германии — акции.

хозяйства. Характерной чертой послевоенной эмиссии является то, что она на 90% предназначается для предприятий внутри страны. Между тем перед войной для этой цели шло всего около 15%.

Хотя мирная эмиссия ценных бумаг номинально и возросла весьма значительно, но условия повышательной конъюнктуры, обширность задач, вставших перед предпринимательской энергией после войны, не понизили, а повысили спрос на капитал. Вот почему учетный процент устойчиво держится в 1919 и 1920 гг., как и во время войны, во всех странах на высоком уровне $4\frac{1}{2}$ -5%.

Одновременно повышается и заемный процент, повышение которого связано с повышением доходности помещаемого капитала. Это хорошо видно на движении курса и уровне рентабельности таких твердо-доходных бумаг как английские $2\frac{1}{2}$ % консоли, курс которых в силу повышения рентабельности непрерывно понижается.

Даты	Курс консолей	Рентабельность
1918 сентябрь 15	$58\frac{5}{8}$	4,26
1919 сентябрь 21	$57\frac{7}{16}$	4,35
1920 сентябрь 15	$46\frac{1}{8}$	5,42

Таким образом последние данные определенно указывают на повышательную волну послевоенных конъюнктур капитального рынка.

26. О том же говорят и иные данные. Прежде всего факт оживления и подъема учредительства. Его мы наблюдаем в Соединенных Штатах, Японии, Англии, Италии и др. странах. Даже в Германии наблюдается та же картина. Так в Германии было.

Годы	Число акционерных обществ	Капитал в млн. марок
1918	5.553	18.902,2
1919	5.609	19.743,3
1920	5.714	21.035,8

Не менее характерным является движение числа банкротств. По Германии и Соединенным Штатам мы имеем следующие данные¹:

¹ По данным The Economic World, Vol. XX от 11 декабря 1920 г. См. С.А. Фалькнер. Послевоенный кризис относительно перепроизводства. Эконом. Жизнь от 11 февраля 1921 г., См. Ernst Kahn, Indexzahlen der Frankfurter-Zeitung. Marz-April, 1921. Стр. 63.

Даты	Германия	Соединенные Штаты	
	Число банкрот.	Число банкрот.	Сумма обязат. обанкр. предприятий в тыс. долл.
1919 январь	90	673	10.736
февраль	104	602	11.489
март	91	620	13.593
апрель	67	543	11.459
май	102	531	11.957
июнь	94	485	9.483
июль	—	452	5.507
август	70	468	5.932
сентябрь	—	473	5.791
октябрь	92	463	5.573
ноябрь	81	551	9.177
декабрь	85	581	8.300
1920 январь	76	569	7.240
февраль	66	492	9.763

Отсюда видно, что число банкротств, хотя и с колебаниями, в течение 1919 г. и в начале 1920 г. продолжает падать. В особенности же сильно понижается сумма обязательств обанкротившихся предприятий по Соединенным Штатам.

Итак, состояние капитального рынка и предпринимательства после войны и до весны 1920 г. характеризуется несомненными чертами подъема и оживления, что вполне соответствует описанным выше тенденциям в области производства, торговли и цен.

27. Состояние рынка труда в свою очередь отражает собой уже охарактеризованные движения конъюнктуры товарного рынка и рынка капиталов. Приведем следующие данные о проценте безработных среди организованных рабочих.

Процент безработных членов профессиональных союзов¹

Даты	Германия	Англия	Голландия	Швеция	Канада
1918 г.	1,3	0,8	10,0	4,4	1,4
1919 г.	3,3	2,4	8,9	5,4	3,6
1920 г. январь	3,4	2,9	10,9	7,6	4,3
февраль	2,9	1,6	8,7	7,5	4,3
март	1,9	1,1	7,9	4,5	3,4
апрель	2,0	0,9	8,2	3,5	2,8

¹ См. Сборник ЦСУ, стр. 30.

Из приведенных данных видно, что низкий процент безработных, который установился в течение войны и к ее концу, повышается в 1919 г. Это повышение обязано той же послевоенной депрессии, которая наблюдалась с конца войны до весны, в некоторых странах до лета 1919 г., о которой мы уже говорили выше и которая явилась результатом первой самой неотложной реорганизации военного строя промышленности и, конечно, не могла не вызвать некоторого замешательства не только в ценах, но и в области производства и на рабочем рынке. С точки зрения движения цен мы рассматривали ее выше. Теперь мы указываем ее отражение на рабочем рынке.

Из таблицы далее видно, что 1920 г. по всем странам вновь дает понижение процента безработных, что связано с повышательным ходом промышленных конъюнктур. Однако процент безработных в воевавших странах, как Германия и Англия, уже не падает до уровня 1918 г. Это, впрочем, понятно и связано, несомненно, с фактом демобилизации армии.

Чтобы проследить полнее из месяца в месяц движение безработицы послевоенного периода, приведем по Англии и Германии более детальные данные.

	1918 г.	Ноябрь	Де- кабрь	Январь	Фев- раль	Март	Апрель	Май	Июнь	
		1918 г.				1919 г.				
Англия ¹	0,7	0,5	1,2	2,4	2,8	2,9	2,8	2,1	1,7	
Германия ¹	1,2	1,8	5,1	6,6	6,0	3,9	5,2	3,9	2,5	
		Июль	Август	Сен- тябрь	Ок- тябрь	Ноябрь	Де- кабрь	Январь	Фев- раль	Март
		1919 г.				1920 г.				
Англия	2,0	2,2	1,6	2,6	2,9	3,2	2,9	1,6	1,1	
Германия	3,1	3,1	2,2	2,6	2,9	2,9	3,4	2,9	1,9	

Отсюда видно, что безработица возрастает с декабря 1918 г., т.е. в период депрессии, которая наметилась перед окончанием войны и последовала после ее окончания. Но высокий процент безработных держится весьма недолго. С весны 1919 г. процент безработных падает и низкий уровень его, правда с колебаниями, держится на протяжении всего периода повышательной конъюнктуры.

28. Мы рассмотрели послевоенную динамику основных элементов мирового хозяйства и показатели его конъюнктур, нату-

¹См. The Economist.

ральные и ценностные. И мы приходим к следующим общим выводам.

а. Несмотря на значительное военное потрясение и тяжелые последствия его, частью не изжитые и в 1920 г., мировое хозяйство с 1919 г. обнаруживает определенные тенденции возрождения. Это особенно наглядно видно на изменениях народного хозяйства большинства воевавших стран.

б. В связи с этим после кратковременной депрессии, связанной с окончанием войны, все основные показатели конъюнктуры, как натуральные, так и ценностные согласно говорят о повышательной тенденции конъюнктуры.

в. Если за время войны ценностные показатели, например цены, учетный процент, показывали на повышающиеся конъюнктуры, то, наоборот, натуральные показатели, например продукция, объем торговли говорили о тенденциях упадка хозяйственной жизни ряда основных стран. Иначе говоря, за время войны конъюнктуры представляются повышательными прежде всего с частно-хозяйственной точки зрения. Теперь, после войны, особенно за 1920 г. натуральные показатели указывают на повышательные тенденции, так же как и ценностные. Иначе говоря, конъюнктуры рисуются благоприятными не только с частно-хозяйственной, но и с народнохозяйственной точки зрения.

Таким образом период, начиная примерно с лета 1919 г. и до половины 1920 г. мы определенно можем рассматривать, как период экономического подъема. В пользу этого тезиса говорят все основные показатели конъюнктуры. Однако на пути этого подъема стоят серьезные препятствия. Одним из важнейших препятствий экономического характера является неустойчивость и совершенно исключительная неупорядоченность денежного обращения, в частности интервалютарных отношений.

29. В заключение изучения послевоенного периода, частью кончая 1920 г. (продукция, торговля и др.), частью до момента перелома конъюнктуры к понижению (цены, безработица) остановимся на вопросе о тенденциях в распределении доходов. Эта проблема, уже затронутая нами в связи с периодом войны, опять интересует нас с одной стороны, в плоскости перераспределения доходов, соответственно и производительных сил между нациями, с другой, в плоскости распределения национального дохода между социальными группами.

Что касается первой стороны вопроса, то из предыдущего изложения ответ на него вытекает сам собой. Бесспорно, что опустошенные войной страны обнаружили за послевоенный период тенденцию возрождения, одни в очень ясных формах,

другие в менее и иногда едва заметных. Однако производственная мощь и международно-экономическое положение отдельных стран после войны представляется весьма различным. Оно глубоко видоизменилось по сравнению с довоенным. Чтобы подойти к выяснению относительной мощи и степени благоприятности экономического положения отдельных стран и уровня их доходов статистически, приведем следующую таблицу, которая в общем, и приблизительно по-видимому, отражает существо вопроса¹.

Страны	До войны	После войны	Послевоенный доход в % к довоенному
Германия	149	103	60,1
Франция	105	265	143,2
Италия	112	130	116,1
Англия	243	445	183,1
Соединенные Штаты	350	700	200,0
Япония	30	82	273,0
Канада	195	351	180,0
Австралия	263	374	142,2
В среднем	191,00	306,25	160,3

Отсюда видно, что Германия, имевшая до войны значительный уровень дохода на душу населения, обнаружила его падение за истекший период. Наиболее сильный прирост дохода дают Япония, Соединенные Штаты, Канада, Англия. Менее сильный Франция.

В общем и целом приведенная таблица подтверждает и резюмирует данное выше изложение относительно продукции, торговли и т.д. Она также в связи с предыдущим изложением позволяет утверждать, что относительно экономическая мощь и покупательная способность заокеанских стран возросла, а в некоторых весьма важных европейских странах, как Франция, Италия, относительно упала. В Германии (несомненно также и в целом ряде других стран, как Австрия, Венгрия, Сербия, Болгария и т.д.) она упала даже абсолютно.

Таким образом, мы можем утверждать, что в результате войны и первого послевоенного периода (до кризиса 1920 г.) производительная мощь, а соответственно и уровень доходов *per capita* и уровень покупательных сил заокеанских стран и лишь некоторых европейских (Англия) относительно возросли. Про-

¹ По данным Statist'a.

изводительная мощь, уровень доходов per capita и соответственно покупательные силы большинства европейских воевавших и в том числе крупнейших стран, как Германия, Италия, Франция и ряд других, относительно упали. В этом перераспределении производительных и покупательных сил в рамках мирового хозяйства лежит, как мы увидим ниже, одно из глубочайших оснований разразившегося в 1920 г. мирового экономического кризиса.

30. В нашем распоряжении не имеется сколько-нибудь полных и точных данных о тенденциях движения доходов в рамках национального хозяйства различных стран. И мы принуждены ограничиться лишь самыми общими и отрывочными сведениями.

Что касается прибылей на капитал, то в общем они обнаруживают в послевоенный период несомненно и сильно повышательную тенденцию. Так, абсолютные размеры прибыли некоторых крупнейших предприятий разных отраслей Соединенных Штатов поднялись в 1919 г. по сравнению с 1914 г. в 20 раз, а высший процент на капитал поднялся с 23,5 до 60%¹.

Прибыли 334 крупных английских компаний представляются в следующем виде²:

Годы	Прибыль в млн. ф. ст.
1918-19	21,7
1919-20	27,6
Увелич. в %	27,1%

По Германии до известной степени показательными являются данные отчета "Всеобщей электрической Компании"³.

Годы	Чистый доход в млн. марок	Дивиденды, в %
1916-17	30,4	12,5
1918-19	27,0	10,0
1919-20	45,7	14,0

В 1918-19 гг. прибыли и процент дивиденда понизились по сравнению с предшествующим годом. Здесь, очевидно, сказались депрессия 1918-1919 гг. и общие социально-политические тяжелые условия Германии. Прибыли и дивиденд 1919-1920 гг., наоборот, резко повысились.

¹ См. New-York American от 16 февраля 1920 г.

² См. The Economist от 8 января 1921 г.

³ См. Экон. Бюллет. от 18 января 1921 г.

Не следует думать, что все отрасли промышленности находились за послевоенный период в одинаковой степени подъема. Различие положения отдельных отраслей хорошо характеризуется следующей таблицей дивидендов в % по Англии для 1100 предприятий¹.

Годы	Текст. пром.	Уголь, сталь и железо	Резина	Керосин	Различн. производ.	Пароходство	Среднее для всех
1919	20,4	14,6	9,1	9,5	11,1	11,1	10,8
1920	16,5	11,4	16,1	33,9	9,9	9,9	14,2

31. По вопросу о движении заработной платы мы точно также не располагаем исчерпывающим материалом. Но некоторые данные все же представляет интерес привести. Причем для сравнимости мы приведем данные, полученные почти в точности теми же методами и на основании тех же источников, что и в предыдущей главе. Цифровые данные будут следующие:

Германия ²		Япония ²			
Даты	Номинальная зарплата горных рабочих в % к 1-й четв. 1914 г.	Реальная заработная плата	Даты	Номинальная средняя заработная плата в % к июлю 1914 г.	Реальная заработная плата
1 четверть 1918 г.	181,0	80,8	январь 1918 г.	132	61,4
1919 г.	277,6	107,7	1919 г.	171	72,1
1920 г.	619,8	105,4	март 1920 г.	273	79,1

Англия ²		Соединенные Штаты Северной Америки ³			
Даты	Номинальная заработная плата в % к 1-й четв. 1914 г.	Реальная заработная плата	Даты	Номинальная заработная плата в % к июлю 1914 г.	Реальная заработная плата
январь 1919 г.	206	93,6	январь 1919 г.	181	96,8
июль 1919 г.	216	10,5	июль 1919 г.	182	94,8
январь 1920 г.	229	99,6	январь 1920 г.	209	97,1
апрель 1920 г.	235	97,5	апрель 1920 г.	219	97,2

¹ The Economist от 16 октября 1920 г. за 9 первых месяцев.

² По тем же данным, что и в предыдущей главе.

³ По официальным данным. Заработная плата в штате Нью-Йорк. При вычислении реальной заработной платы взяты цены предметов продовольствия на всей территории Соединенных Штатов. В силу последнего обстоятельства приводимые данные нужно рассматривать лишь в качестве ориентирующих и указывающих общие тенденции движения реальной заработной платы.

Отсюда видно, что весьма повысилась заработная плата как номинальная, так и реальная по сравнению с периодом войны в Германии. Тенденция к повышению здесь наметилась, как мы видели в предыдущей главе, уже с 1917 г. Но столь быстрый рост заработной платы и особенно реальной заработной платы можно объяснить лишь влиянием революции. Впрочем, уже в 1920 г. в связи с общим тяжелым положением страны и ростом цен замечается вновь, правда слабее, падение реальной заработной платы.

Все другие страны точно также обнаруживают факт подъема заработной платы, но в меньшей степени.

Из приведенных данных можно заключить, что за рассматриваемый период подъема конъюнктуры идет и возрастание уровня заработной платы как номинальной, так и реальной. Конечно, подъем ее среди различных групп рабочего класса неизбежно различен. Поэтому и за рассматриваемый период как в среде доходов имущих классов, так и в среде доходов малоимущих классов происходило также значительное внутреннее перераспределение в силу различной степени благоприятности экономических конъюнктур для различных отраслей промышленности и труда.

32. Заканчивая эти замечания, отметим, что характер формации и распределения доходов за время войны и особенно после нее находился под сильным воздействием внутриорганизационных процессов как на стороне предприятий, так и на стороне рабочих. Мы замечаем усиленную концентрацию капиталов и предприятий, с одной стороны, и рост профессиональных рабочих организаций, с другой¹.

Если процесс концентрации капиталов охарактеризовать статистически точно представляется пока затруднительным, то рост профессиональных организаций рабочих охарактеризовать таким путем можно. Он виден из следующих цифр о числе членов профессиональных союзов в тыс. человек².

Годы	Германия	Англия	Швеция	Канада
1913	1.928	927	54	—
1918	1.248	1.108	105	164
1919	3.343	1.338	122	177
1920	5.247	1.563	130	192

¹ См. Эконом. бюлл. Берлинского представительства. Различные номера. См. Сулган-Заде, *op. cit.* См. В. Громан. Некоторые черты современного положения мирового хозяйства. Стат. в Вестнике Ком. Внешн. Торг. № 1. См. статьи в сборнике *Мировое наступление капитала*. Москва, 1922.

² См. Сборник ЦСУ.

Отсюда видно, что количество членов профессиональных союзов после войны быстро возрастает во всех странах.

Этот организационный процесс, как и процесс концентрации капиталов, являясь следствием экономических конъюнктур, благоприятствовавших крупным и сильным предприятиям и организациям, был с другой стороны и фактором их. Достаточно напомнить сильную зависимость размеров продукции от напряжения стачечного движения, что в свою очередь теснейшим образом связано с уровнем организованности рабочих. Рассматриваемый период, особенно 1919 г., весьма богат промышленными конфликтами. Причем стачки, как правило, имеют наступательный характер и часто принимают политическую окраску, особенно в странах социально-потрясенных, как Германия¹. Однако по недостатку места мы должны отказаться от рассмотрения данной темы, не используя имеющихся материалов и ограничившись простым указанием на факт усиленных процессов концентрации капитала и организации рабочего класса в период повышательных конъюнктур после войны.

33. Мы закончили изучение двух последовательных периодов состояния мирового хозяйства и движения его конъюнктур: военного и послевоенного. Основной чертой первого периода является мировой подъем ценностных показателей конъюнктур и лишь частичный подъем натуралистических показателей их, преимущественно в заокеанских странах. В большинстве же стран старой капиталистической культуры наблюдается упадок народного хозяйства *in natura*. Поэтому первый период проходит в общем и целом под знаком обнищания мира, хотя растущая нужда и поражает в действительности и с особой силой лишь европейский континент.

По окончании войны, частью в силу социально-экономической инерции, частью в силу реакции на изменение условий, наступившего замешательства и необходимости некоторых реорганизаций, наблюдается мировая депрессия как натуральных, так и ценностных показателей конъюнктур мирового хозяйства. Эта первая чисто военно-хозяйственная депрессия заканчивается к весне-лету 1919 г. С этого момента мировое хозяйство вступает во вторую часть послевоенного периода, в полосу подъема. Подъем мирового хозяйства с 1919 г. согласно отмечают как ценностные, так и натуралистические показатели. Вот

¹ См. Сборник ЦСУ.

почему этот период проходит под знаком увеличения материального благополучия. Несмотря на все препятствия, несмотря на все тяжелые последствия войны — подъем длится до весны—лета 1920 г.

В основе этого подъема лежит наличие напряженных и неудовлетворенных хозяйственных и личных потребностей, с одной стороны, и высвобождение хозяйственных сил из-под гнета военных условий, с другой. С окончанием войны хозяйственная инициатива и энергия поспешила использовать открывшиеся возможности. Подъем начался. Но мировое хозяйство за время войны слишком серьезно и глубоко деформировалось. В недрах его произошли значительные процессы перераспределения сил.

В процессе первой послевоенной депрессии это наследие войны не было преодолено, а была произведена лишь самая необходимая и неотложная реорганизация экономических сил. От военного строя мировое хозяйство перешло лишь к полувоенному. Вот почему налицо не было необходимых условий нормального развития, почему в процессе наступившего в 1919—1920 гг. подъема мировое хозяйство очень скоро натолкнулось на глубокие препятствия дальнейшему развитию и от состояния относительного равновесия неизбежно должно было перейти к состоянию острого мирового кризиса. Изучению кризиса мы и посвятим следующую главу.

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1920–1921 ГГ., ЕГО ХАРАКТЕР И ПРИЧИНЫ

1. Предыдущий анализ убеждает нас в том, что за исключением отдельных моментов в течение всей войны и после нее ценностные показатели народнохозяйственных конъюнктур отмечают повышательные тенденции последних. Цены почти непрерывно повышаются, повышается и держится весьма устойчиво учетный процент, повышается заемный процент на капитал, повышается рентабельность твердо-процентных бумаг, норма прибыли и номинальная заработная плата точно также имеют тенденцию к повышению. Чем бы ни объяснялось это повышательное движение ценностных показателей, какую бы роль ни играла при этом растущая инфляция денежного обращения и вызываемое ею обесценение денег, для частного хозяйства рассмотренный период представляется, как период повышения конъюнктур.

В обычное время повышательное движение ценностных показателей сопровождается одновременным и более или менее параллельным движением и натуралистических показателей конъюнктур. Иную картину видим мы в течение войны. Из натуралистических показателей в сущности лишь процент работающих рабочих или, наоборот, процент безработных всюду имеет обычное соотношение с движением ценностных показателей: процент работающих повышается, или, наоборот, процент безработных падает. Такое движение процента работающих или, наоборот, безработных легко понять: оно стоит в связи с отвлечением массового труда от производительной работы, с оскудением рынка труда и напряженностью спроса на труд.

Что касается всех других натуралистических показателей и факторов конъюктур, то в главнейших европейских странах они дают картину понижения. Натуралистически народное хозяйство европейских стран сжимается. Падает продукция сельского хозяйства, производство угля, железа и т.д. Сокращается объем торговли.

Иную картину наблюдали мы в заокеанских странах: здесь почти все натуралистические показатели и факторы конъюнктур повышаются. Взятое в целом народное хозяйство заокеанских стран расширяется.

По окончании войны и особенно с 1920 г. во всех странах, в том числе и в потрясенных странах Европы, в силу начавшегося экономического возрождения, соотношение ценностных и натуралистических показателей становится обычным и соответственным.

В отмеченном соотношении ценностных и натуралистических показателей конъюнктур, в различии этих соотношений по европейским странам, потрясенным войной, и странам заокеанским, в различии этих соотношений по странам Европы за время войны и после нее — одна из своеобразных и характерных черт движения конъюнктур пережитого периода.

Учитывая ее, можно формулировать следующие положения.

В странах, потрясенных войной, за время войны мы имеем повышающуюся конъюнктуру с точки зрения частно-хозяйственной деятельности при сокращении и упадке народного хозяйства и национального дохода *in natura*.

В странах, не потрясенных войной, мы имеем повышающуюся конъюнктуру с точки зрения частно-хозяйственной деятельности при одновременном расширении и развитии народного хозяйства и национального дохода *in natura*.

Последнее наблюдается и в странах Европы после войны.

Таким образом после окончания войны соотношение всех показателей конъюнктур принимает более или менее обычный характер. Конъюнктуры мирового хозяйства, как с ценностной, так и с натуралистической точки зрения в общем за исключением отдельных моментов (см. выше) повышаются.

Повышение конъюнктур продолжается до 1920 г. В 1920 г. в различных странах и в различных отраслях народнохозяйственной жизни в различное время наступает перелом конъюнктур к понижению. Начавшееся понижение конъюнктур очень скоро превращается в подлинный и грандиозный мировой экономический кризис.

Каковы характерные черты понижающихся конъюнктур и последовавшего затем кризиса? В чем причины кризиса и какова его природа? Какое влияние имел мировой кризис на мировое хозяйство и каково современное состояние последнего? Вот те основные вопросы, на которые мы попытаемся дать ответ в дальнейшем изложении.

2. Удобнее всего начать характеристику периода понижательных конъюнктур с рассмотрения товарных цен.

Перелом цен к понижению в 1920 г. носит мировой характер; он наметился в различных странах в различные моменты.

В подтверждение и развитие этого положения рассмотрим следующие данные общих index'ов товарных цен¹.

Дата	Соединенные Штаты ²	Япония ³	Англия ⁴	Франция ⁵	Италия ⁶	Швеция ⁷	Канада ⁸	Голландия ⁸	Германия ⁹
цены 1913 г. приняты за 100									
1920 г. Январь	<u>227,2</u>	301,1	288,5	486,9	503,7	319	248,3	295	1419
Февраль	226,4	313,6	303,9	521,9	556,3	342	253,5	290	1592
Март	225,5	<u>321,6</u>	<u>310,2</u>	554,5	619,0	354	257,6	294	1582
Апрель	225,7	300,5	305,7	<u>587,5</u>	<u>679,1</u>	354	260,6	300	<u>1690</u>
Май	216,4	272,1	304,5	553,0	565,0	361	<u>263,2</u>	301	1452
Июнь	210,7	248,0	291,4	492,7	613,9	<u>366</u>	<u>258,0</u>	302	<u>1473</u>
Июль	205,0	239,0	<u>292,5</u>	<u>495,6</u>	<u>632,0</u>	363	256,0	304	<u>1528</u>
Август	195,7	235,0	287,6	<u>501,3</u>	<u>661,0</u>	<u>365</u>	244,0	296	<u>1561</u>
Сентябрь	184,0	230,7	283,9	525,7	660,5	362	241,0	293	<u>1582</u>
Октябрь	170,2	225,8	266,4	504,0	<u>662,1</u>	346	234,4	289	<u>1646</u>
Ноябрь	147,9	221,4	244,9	460,2	<u>658,0</u>	331	224,6	268	<u>1658</u>
Декабрь	137,5	205,7	220,0	434,3	635,4	299	214,4	240	1603
1921 г. Январь	134,3	201,2	208,6	408,5	624,4	267	207,6	213	1473
Февраль	128,8	195,1	192,2	375,7	613,3	250	199,3	197	1419
Март	123,5	191,0	189,3	359,9	603,3	237	194,1	188	1408
Апрель	117,5	189,9	183,1	347,0	583,9	229	187,2	176	1430
Май	115,3	190,6	182,3	329,4	546,9	218	188,0	<u>182</u>	1387
Июнь	<u>116,5</u>	<u>192,1</u>	178,6	324,9	509,1	218	179,1	<u>183</u>	<u>1463</u>
Июль	<u>120,1</u>	196,5	178,2	<u>330,1</u>	<u>519,9</u>	211	176,1	176	<u>1690</u>
Август	120,3	199,3	178,7	331,3	541,8	198	174,5	180	1777

Нами подчеркнуты одной тонкой чертой месяцы перелома общего индекса цен к понижению. Из таблицы ясно, что начавшись в Соединенных Штатах, депрессия цен распространяется на все страны. В Соединенных Штатах перелом по индексу Bradstreet's датируется январем 1920 г. Но до мая понижение цен остается весьма слабым.

¹ Таблица составлена по данным "Monthly Bulletin of Statistics", различных номеров "The Economist", "The Statist", "Labour Gazette".

² Index Bradstreet's.

³ Index Bank of Japon.

⁴ Index Economista.

⁵ Index Statistique generale de la Franse.

⁶ Index Bachi.

⁷ Index Svensk Handelstidning.

⁸ Официальные индексы.

⁹ Index Francfurter Zeitung.

С мая оно начинает прогрессивно усиливаться. Нужно отметить, что американский индекс Бюро Труда датирует перелом цен именно маем. За Соединенными Штатами следуют Япония и Англия, где понижение цен начинается в марте. Однако необходимо указать, что по индексу Statist'a перелом в Англии датируется апрелем, а по индексу Times'a даже маем. Такое разногласие индексов, не меняющее, впрочем существа картины, объясняется, конечно, различием числа и вида товаров, цены на которые включаются в отдельные индексы.

В апреле наступает перелом цен во Франции, Италии и Германии. В мае — в Канаде. В Швеции понижение цен по приведенному индексу Svensk Handelstidning начинается с июня, а по индексу Скандинавского кредитного обязательства в июле. В Голландии критическим месяцем является июль.

Таким образом, перелом и движение цен к понижению в течение первой половины 1920 г. распространяется на все значительные страны и приобретает мировой характер.

В приведенной таблице двумя чертами мы подчеркиваем те месяцы, в которые цены обнаруживают тенденцию возвратного повышательного движения. Такие возвратные движения имеют не во всех странах. Их нет в Соединенных Штатах, в Японии, в Канаде, в Голландии, т.е. в странах, не пострадавших или пострадавших очень мало за время войны и не оскудевших, в странах с устойчивой валютой. Их очень мало в Англии, Швеции, т.е. в странах, относительно также благополучных и с достаточной устойчивой валютой. Их много во Франции и Италии, т.е. в странах весьма потрясенных и с сильно расстроенной валютой. Что касается Германии, то в ней после довольно сильной депрессии цен в мае 1920 г. наступает длительное возвратно-повышательное движение цен, которое кончается лишь в ноябре 1920 г. Но именно Германия была наиболее потрясена войной и затем условиями мира; именно в Германии денежная система наиболее расстроена из всех стран, взятых в таблице. Из высказанных только что замечаний, как будто можно заключить, что наличие и характер возвратных движений стоит прежде всего в зависимости от степени расстройств и оскудения народного хозяйства страны, а также от действия денежного фактора, т.е. обесценения денег.

Из таблицы далее видно, что падение уровня товарных цен, начавшееся в 1920 г., продолжается весь 1920 г. и первую половину 1921 г. В 1921 г. в мае намечается приостановка падения цен по некоторым из взятых нами стран. Приостановка отмечена нами одной толстой чертой. Она имеет в различных

странах различную устойчивость. Так, с мая—июня 1921 г. приостановка падения цен наблюдается в Соединенных Штатах, Японии и Голландии. Но в Голландии июль дает снова понижение. В дальнейшем мы имеем для нее повышающийся ряд, а именно в июле 176, в августе 180, в сентябре 180. Однако не приведенный в таблице октябрь дает снова понижение до 169. В Англии с июня 1921 г. темп падения цен замедляется, хотя падение и не прекращается. В Италии и Франции приостановка падения цен обнаруживается в июле 1921 г. Но эта тенденция и здесь не вполне устойчива, так как позднее наблюдаются, как мы увидим ниже, рецидивы их падения. В прочих странах до августа 1921 г. включительно цены продолжают понижаться. Отмеченные факты приостановки понижения цен не во всех странах имеют одинаковую силу и одинаковое значение. Однако, пока мы не будем останавливаться подробно на этом вопросе нового перелома в движении цен. *Констатируем пока лишь факт, что в движении цен с мая 1921 г. начинает намечаться тенденция к новому перелому, к приостановке падения, а в некоторых странах и к повышению цен.*

Наконец из таблицы видно, что степень падения цен и приближение их к довоенному уровню в различных странах — различна. Сопоставим степень повышения их в % к 1913 г. за месяцы высшего уровня цен в 1920 г. с достигнутой степенью падения их в 1921 г. за время, отмеченное в таблице.

	Максимальный подъем цен в 1920 г. в % к 1913 г.	Минимальный достигнутый уровень в 1921 г. в % к 1913 г.	Падение цен до августа 1921 г. в % к высшему уров- ню их в 1920 г.
1. Северо-Американские Соединенные Штаты	227,2	115,3	49,3
2. Канада	268,2	174,5	53,7
3. Голландия	304	176	42,1
4. Англия	310,2	178,2	42,6
5. Япония	321,6	189,9	41,0
6. Швеция	366	198	45,9
7. Франция	587,5	324,9	44,7
8. Италия	679,1	503,1	25,0
9. Германия	1.690	1.387	16,7

В таблице страны расположены по степени приближения их цен к довоенному уровню. Отсюда ясно, что Соединенные Штаты, давая наименьший подъем цен, дают в то же время относительно наибольшее падение их. Далее следует группа стран, как Швеция, Англия, Голландия, Япония, Канада, где

повышение цен более значительно, а падение их относительно меньше. Затем следуют страны, как Франция и Италия, где повышение цен было весьма значительно, понижение же значительно во Франции и менее значительно в Италии. В этих странах цены стоят, относительно, значительно выше довоенных.

Наконец идет Германия, где подъем цен был колоссален, а падение относительно незначительно.

Из приведенного анализа не трудно видеть, что особенности как в степени подъема, так и в степени близости уровня цен к довоенному уровню по указанным четырем группам стран стоят в зависимости от глубины потрясения их народного хозяйства и в частности их денежной системы. Как правило, чем меньше эти потрясения, чем более благополучно положение народного хозяйства страны, тем менее подъем товарных цен, тем более значительно происшедшее относительно падение их, приближает этих цены к довоенному уровню их.

3. Исследуем теперь вопрос о характере падения цен по отдельным группам товаров. Падение цен по отдельным группам товаров в различных странах наряду с чертами некоторого сходства, обнаруживает и черты различия. Приведем прежде всего подробные данные о движении цен по группам на основании индексов Бюро Труда по Соединенным Штатам Северной Америки¹.

Даты	Продукты фермы	Пища	Ткани и одежда	Отопительные и осветительные	Металлы и металлические изделия	Подолочный лес и строительные материалы	Химические и аптекарские материалы	Предметы домашнего обихода	Различные
в % отношении к данным 1913 г.									
1920 г. Январь	240	253	350	184	177	268	189	324	227
Февраль	237	244	356	187	189	300	197	329	227
Март	239	246	356	192	192	325	205	329	230
Апрель	246	270	353	213	195	341	212	331	238
Май	244	287	347	235	193	341	215	339	246
Июнь	243	279	335	246	190	337	218	362	247
Июль	236	268	317	252	191	333	217	362	243
Август	222	235	299	268	193	328	216	363	240
Сентябрь	210	223	278	284	192	318	222	371	239
Октябрь	182	204	257	282	184	313	216	371	229

¹ См. The Review of economic statistics. Supplement 1 April, 1922. Statistical Record. Edited by Edmund E. Day. Harvard Economic service.

Даты	Продукты фермы	Пища	Ткани и одежда	Отопительные и осветительные	Металлы и металлические изделия	Подельный лес и строительные материалы	Химические и аптекарские материалы	Предметы домашнего обихода	Различные
в % отношении к данным 1913 г.									
1921 г. Январь	136	162	208	228	152	239	182	283	190
Март	125	150	192	207	139	208	171	275	167
Апрель	115	141	186	199	138	203	168	274	154
Май	117	133	181	194	138	202	166	262	151
Июнь	<u>113</u>	<u>132</u>	180	187	132	202	166	250	150
Июль	115	134	<u>179</u>	184	125	200	163	235	149
Август	118	152	179	<u>182</u>	120	198	161	230	147

Отсюда видно, что падение цен по отдельным группам товаров начинается в Соединенных Штатах в разное время¹. Ранее всего, с марта-апреля, начинают падать цены ткани и одежды, строительных материалов, металлов² и металлических изделий и продуктов фермерского производства, куда входит в текстильное сырье в виде хлопка. Далее в сентябре-октябре дают понижение отопительные и осветительные, химические и аптекарские товары и предметы домашнего обихода³. По продолжительности периода падения, на первом месте — строительные материалы и металлы, падение которых не кончилось еще и до августа 1921 г. (конец падения отмечен нами двумя чертами). Далее следуют одежда и ткани, группа различных товаров, предметы домашнего обихода, продукты фермы и пищевые. На последнем месте стоят отопительные и осветительные.

По степени падения выделяются продукты ферм, пищевые, ткани и одежда. Далее следуют строительные материалы, металлы, отопительные и осветительные и группа различных. Иначе говоря, как правило, сильнее падают наиболее вздорожавшие товары.

Рассмотрим, далее, движение групповых индексов Economist'a по Англии.

¹ Заметим, что по индексам Bradstreet's последовательность несколько иная. См. предыд. главу.

² Основное значение в раннем падении цен на металлы имеют цены на железо, а др. металлов, как медь, цинк, свинец. Цены на железо, как увидим ниже, начинают падать значительно позднее.

³ Заметим, что по индексам Bradstreet's последовательность несколько иная. См. предыд. главу.

Даты	Хлеб и мясо	Остальные пищевые продукты (чай, сахар и пр.)	Текстильные материалы	Минералы	Разные: каучук, нефть, лес и пр.
Данные 1913 года приняты за 100					
1920 г. Январь	241,7	241,4	422,2	232,0	260,2
Февраль	248,5	249,6	461,1	<u>240,0</u>	273,6
Март	<u>257,8</u>	<u>257,5</u>	<u>464,7</u>	238,7	<u>289,7</u>
Апрель	256,1	255,8	459,1	236,0	280,8
Май	253,7	<u>276,3</u>	440,5	<u>248,8</u>	274,4
Июнь	<u>258,3</u>	261,7	400,3	246,9	263,6
Июль	256,2	<u>263,1</u>	<u>405,3</u>	<u>250,6</u>	261,2
Август	245,8	261,1	393,3	249,4	<u>263,4</u>
Сентябрь	<u>257,1</u>	261,1	359,1	<u>251,1</u>	260,8
Октябрь	<u>266,7</u>	253,5	304,8	252,1	245,1
Ноябрь	252,6	244,8	257,9	241,2	226,4
Декабрь	229,7	226,8	200,6	232,9	216,1
1921 г. Январь	221,4	224,5	185,5	216,1	204,9
Февраль	201,2	217,0	162,2	201,5	192,8
Март	207,2	204,8	160,9	192,1	190,7
Апрель	204,4	203,7	161,6	179,3	176,8
Май	204,3	194,4	155,6	<u>184,3</u>	180,5
Июнь	200,9	187,3	152,1	<u>186,2</u>	173,5
Июль	199,2	<u>199,1</u>	149,8	179,3	174,6
Август	190,5	<u>201,6</u>	<u>154,7</u>	176,2	169,5

В приведенной таблице одной чертой подчеркнуты, как и выше, месяцы перелома цен к понижению, двумя чертами — месяца возвратного движения цен.

Анализируя таблицу, видим, что перелом движения цен к понижению по группам товаров наступает в Англии почти одновременно в феврале-марте 1920 г. Однако, дальнейшее движение их весьма различно. Группа основных питательных товаров, зерновых и мясных, дает целый ряд возвратных движений и относительно незначительное понижение. Но именно эта группа дала и относительно наименьшее повышение. То же нужно сказать о группе прочих пищевых продуктов. Группа текстильных материалов дает почти неуклонные и весьма сильные понижения. К августу 1921 г. она достигает уровня наиболее близкого к довоенному. Но именно эта группа дала в 1920 г. и наивысший подъем. Группа минералов, т.е. главным образом угля и металлов до января 1921 г., обнаруживает слабое падение, давая ряд возвратных движений, превосходящих по уровню даже точку перелома, т.е. в сущности не обнаруживая падения. С января 1921 г. начинается подлинное падение цен на минера-

лы, но по степени оно уступает падению цен на текстильные товары; с мая 1921 г. эти цены снова дают возвратные движения и в августе 1921 г. цены минералов стоят относительно довоенного уровня значительно выше, чем в группе текстильных, хотя и ниже, чем в группах пищевых. Нужно заметить, что и максимальный подъем цен товаров группы минералов был относительно наименьшим. Группа “разных”, подъем цен в которой был довольно значителен, дает почти неуклонное и сильное понижение и значительное приближение к довоенному уровню.

Таким образом, мы видим, что сильнее и неуклоннее всего падают цены тех товарных групп данной страны, в которых за время повышательных конъюнктур обнаружился наибольший подъем. В этом смысле можно утверждать, что после перелома цен к понижению они имеют тенденцию приблизиться к довоенному соотношению¹.

Можно ли констатировать ту же тенденцию по другим странам? Не будем приводить детальных данных по этим другим странам и ограничимся здесь более общими данными об отправных моментах перелома к понижению и конечных результатах падения цен, выбирая по странам соответствующие даты начала перелома по группам и беря конечной датой по возможности момент нового перелома общего индекса в 1921 г.

Обратимся к Франции и приведем следующие данные индекса Statistique generale de la France.

Дата	Растительные продукты	Животные продукты	Сахар, кофе, какао	Все пищевые	Металлы и минералы	Текстильные продукты	Прочие товары	Все материалы
в процентах к ценам 1913 г.								
Март 1920 г.	516,3	500,0	439,0	497,3	459,8	884,5	548,2	602,0
Апрель	510,0	522,3	447,0	505,6	506,7	952,7	397,9	655,1
Август 1921 г.	337,2	370,8	352,4	354,8	244,8	321,1	355,6	313,2

Движение цен по группам во Франции представляет ту же самую картину. Перелом цен почти по всем группам падает на апрель 1920 г. Исключение — растительно-пищевые продукты, где перелом наступает в марте, и “группа прочих товаров”, где перелом наступает в мае, в таблице не приведенный. Наименьшее падение дают группы пищевых продуктов. Наибольшее

¹ Ср. Фалькнер “Мировое движение цен”. Вестник Нар. Ком. Вп. Торг № 1 за 1921 г., стр. 33 и сл.

падение дает группа текстильных. Металлы и минералы занимают среднее положение. Возьмем далее Италию.

Даты	Зерно и мясо	Другие пищевые	Текстильные продукты	Минералы и металлы	Прочие товары
	в процентах к ценам 1913 г.				
Апрель 1920 г.	395,3	487,7	<u>1064,6</u>	1076,5	<u>535,2</u>
Май	441,1	498,0	839,8	<u>1088,7</u>	525,3
Июнь	445,1	<u>511,1</u>	742,4	917,2	532,9
Декабрь	480,7	530,9	674,8	928,2	623,0

В Италии перелом цен текстильных товаров и групп прочих приходится на апрель, минералов и металлов на май, зерновых, мяса и прочих пищевых на июнь. Наиболее сильное падение наблюдается в группе текстильных. Пищевые дают целый ряд возвратных движений, не отмеченных в таблице, и к концу 1920 г. обнаруживают даже весьма сильное повышение. В группе минералов и металлов понижение весьма незначительно.

Декабрь 1920 г. далеко не является критическим моментом падения цен в Италии. Таковым моментом является, по-видимому (см. ниже) июнь 1921 г. Мы не довели таблицу до июня только потому, что в нашем распоряжении имеется за 1921 г. лишь новый расширенный индекс проф. Vachi, базирующийся на 76 товарах вместо 38 товаров прежнего индекса. Так как оба индекса непосредственно не сравнимы, то представляется целесообразным привести данные нового индекса самостоятельно. Принимая цены 1920 г. за 100 для июня 1921 г., мы получаем следующие показатели уровня цен по группам¹.

Группы	Индекс цен в июне 1921 г. в % к сред. цен. 1920 г.
Растительно-пищевые товары	97,0
Животно-пищевые	100,5
Химические	63,4
Текстильные	45,8
Минералы и металлы	60,4
Строительные материалы	101,6
Другие растительные товары	95,0
Прочие	90,4

Отсюда видно, что и к июню 1921 г. сильнее всего упали цены текстильных, минералов и металлов, химических товаров. Ос-

¹ См. The Statist от 18 февраля 1922 г.

тальные товары в 1921 г. по сравнению со средней за 1920 г. или понизились весьма незначительно, или не понизились вовсе. Последняя таблица таким образом лишь подтверждает и продолжает предыдущую.

Обращаясь к Германии, на основании индексов Frankfurter Zeitung получаем следующую картину перелома цен по группам¹.

Даты	Продукты питания	Текстильные товары, кожа и т.п. в % к ценам января 1920 г.	Минералы	Разные
На 1 февраля 1920 г.	119	<u>153</u>	<u>145</u>	123
На 1 июня 1920 г.	128	98	110	197
На 1 ноября 1920 г.	<u>165</u>	<u>111</u>	<u>120</u>	<u>199</u>
На 4 июня 1921 г.	127	70	109	196

Отсюда видно, что перелом цен наступает прежде всего в феврале 1920 г. в группе текстильных и минералов. Правда затем он сменяется возвратными движениями, лишь отчасти показанными в таблице. Но все же падение цен по группе текстильных весьма значительно. Далее в июне дает перелом группа разных, дающих затем также возвратные движения. Пищевые продукты обнаруживают падение лишь с ноября 1920 г.

В общем, наиболее значительно падение обнаруживают текстильные и минералы.

Из предыдущего обзора можно сделать следующие обобщающие выводы.

Определенной правильности и последовательности вступления цен различных групп товаров в полосу понижения отметить нельзя. Теория конъюктур полагает, что толчок к понижению цен, как правило, исходит от группы готовых изделий, идущих в непосредственное потребление. Однако она допускает и иную последовательность движения цен². В данном случае мы наблюдаем именно эту иную и по отдельным странам различную последовательность в понижательном движении цен. С известным основанием можно лишь утверждать, что в странах менее пострадавших или вовсе не пострадавших от войны, как Соеди-

¹ См. Ernst Kahn. Die Indexzahlen der Frankfurter Zeitung. Vierte auflage marz-april, 1921. Стр. 17. См. также Вестн. Нар. Ком. Вн. Торг № 4-5. 1921. Стр. 100.

² Ср. А. Аftalion. Les crises periodiques de surdproduction, в особенности, т. II, книга III.

ненные Штаты и др., ранее начинается понижение цен строительных материалов, тканей и одежды, сельскохозяйственных товаров и продуктов питания. В странах, сильно потрясенных войной, как Германия, Италия, наоборот, ранее вступают в полосу понижения цен преимущественно товары промышленного характера. В странах, которые в отношении потрясений и хозяйственной разрухи занимают среднее положение, как Англия, понижение цен на все товары наступает почти одновременно и весьма дружно. Это различие движения групповых цен по странам вытекает из характера и строения общественного спроса. Так, например, в странах, потрясенных войной и недостаточно обеспеченных в продовольственном отношении, спрос на продукты сельскохозяйственного производства пищевого значения естественно должен быть особенно напряженным.

Второй вывод тесно примыкает к первому. По всем странам наиболее резкое падение дают текстильные товары, цены на которые поднялись к 1920 г. исключительно высоко. Группа металлов обнаруживает значительно меньшее понижение. Группы пищевых обнаруживают сильное понижение лишь в странах благополучных. В прочих странах они дают незначительное понижение с рядом возвратных движений. Этот характер понижающего движения цен по группам вполне объясняется законами эластичности потребления различных товаров. Цены на продукты малоэластичного потребления, как пищевые, должны были падать и действительно падают в странах обеспеченных и держатся высоко в странах необеспеченных. Цены на продукты также относительно незначительной, хотя и большей, эластичности, как текстильные, должны были сильно понизиться, как только военный спрос на них упал, а продукция их начала увеличиваться. И это падение тем более заметно и понятно, что ранее цены на эти товары достигли неимоверной высоты.

Третий вывод, который можно сделать из предшествующего анализа, следующий: *лишь осенью и даже к концу 1920 г. падение цен охватывает все более или менее значительные группы товаров.*

4. Из предыдущего изложения мы видим резкие особенности движения цен на пищевые продукты и особенно большую стремительность падения цен на текстильные товары.

В то же время теория признает особенно показательным для движения конъюнктур движение цен на продукты тяжелой индустрии и в частности на железо.

Это побуждает нас для уяснения природы и особенностей развернувшегося в 1920 г. кризиса остановиться отдельно на движении цен основных пищевых продуктов, текстильных товаров и продуктов тяжелой индустрии. Из текстильных мы остановимся, как на важнейшем товаре, на хлопке, а из продуктов тяжелой индустрии на железе и каменном угле.

Обращаясь к ценам пищевых продуктов возьмем для анализа цены основного хлеба — пшеницы по важнейшим рынкам экспортным и импортным.

Даты	Соединенные Штаты ¹ Нью-Йорк № 2 Red Winter центов за 60 ф.	Аргентина ¹ Буэнос-Айрес Barletta бумажн. и песо за квинтал	Англия ² № 1 Northerr. manitoba	
			шилл. и пенс. за квартал шиллинг	пенс
26 июня 1914 г.	84	8,35	37	0
2 января 1920 г.	275	13,90	60	0
26 марта	282	18,10	95	0
14 мая	338	24,50	—	—
28 мая	322	27,60	—	—
25 июня	310	26,50	95	0
24 сентября	251	24,80	94	0
29 октября	239½	27,50	—	—
31 декабря	206¾	—	102	0
28 января 1921 г.	197½	17,45	97	0
25 февраля	195½	16,95	76	1
24 марта	174¾	17,06	96	1
29 апреля	164½	15,95	81	0
27 мая	182½	17,35	86	0
24 июня	161	16,75	84	0
29 июля	142	—	88	9
26 августа	136½	17,70	91	0

Отсюда ясно, что цены на пшеницу в Соединенных Штатах начинают систематически и весьма интенсивно падать со середины мая 1920 г. Некоторая задержка их падения наблюдается весной 1921 г. Однако она по-видимому, носит сезонный характер. С мая 1921 г. цены продолжают падать. В конце августа уровень их стоит в 2½ раза ниже максимального подъема в мае 1920 г. Цены в Аргентине, поднявшиеся несколько менее, чем в Соединенных Штатах, начинают падать с конца мая 1920 г.

¹По данным Bulletin de Statistique agricole et commerciale (Institut International d'Agriculture. Rome), различные номера за 1921 г.

²По данным The Economist от 18 февраля 1922 г., стр. 341.

Падение их менее значительно и менее систематично, чем в Соединенных Штатах. В конце августа они упали несколько более чем в полтора раза, против максимума.

Возрастание цен в Англии продолжается до конца 1920 г. С декабря 1920 г. цены падают и здесь. Однако, падение их относительно очень незначительно и носит прерывистый характер.

Обращаясь теперь к ценам на другую группу пищевых продуктов, а именно продуктов животноводства, нужно признать, что здесь мы не располагаем столь систематическими и полными данными, как о ценах на хлеба. Однако, некоторые данные все же представляют огромный интерес и их необходимо привести.

Прежде всего приведем следующие интересные данные индексов Северо-Американских Соединенных Штатов на мясные продукты¹.

Даты	1919 г.	1920 г.
		Index
Январь	13,46	<u>12,14</u>
Февраль	13,51	<u>12,43</u>
Март	14,06	<u>12,53</u>
Апрель	15,01	<u>12,72</u>
Май	15,34	12,41
Июнь	14,98	12,31
Июль	<u>15,61</u>	<u>12,40</u>
Август	15,56	12,12
Сентябрь	13,44	<u>12,22</u>
Октябрь	12,22	11,67
Ноябрь	11,88	10,34
Декабрь	11,54	8,48
За год	13,59	11,69

Отсюда видно, что более или менее систематическое падение цен на мясо, индекс показывает, начиная еще с июля 1919 г. Однако это падение прерывается сильными возвратными движениями с начала 1920 г. Неуклонным и очень сильным падение становится лишь с сентября 1920 г.

Однако приведенный индекс обрывается слишком рано. Чтобы видеть движение цен на продукты животноводства в Америке за более длительный период и чтобы сопоставить их

¹ По данным year-book, 1920. United States. Department of agriculture, стр. 825.

движение с движением цен на эти продукты в импортирующей стране — Англии, возьмем следующие данные.

Даты	Соединенные Штаты ¹ Чикаго быки отборные за 100 ф.	Англия ²			
		Говядина хорошая		Свинина	
		за 8 фунтов			
	долл.	шиллинг	пенс	шиллинг	пенс
1913 г. ³	7,85	5	0	4	4
1920 г. июль	15,50	9	4	10	6
1920 г. октябрь	14,70	9	5	10	10
1921 г. январь	9,06	9	5	10	0
1921 г. апрель	8,15	9	0	11	0
1921 г. июль	8,10	8	4	9	4
1921 г. октябрь	8,10	7	5	7	10

Из приведенных данных видно, что как в Соединенных Штатах, так и в Англии, мясные продукты вздорожали к июлю 1920 г., приблизительно вдвое, а свинина даже более чем вдвое. Цены на продукты животноводства в Соединенных Штатах, начавшие падать еще в 1919 г., продолжают определенно понижаться до половины 1921 г., и, как можно было бы показать, даже до конца 1921 г. Но уже в половине 1921 г. они весьма близки к довоенному уровню цен. Цены в Англии начинают понижаться значительно позднее, в сущности лишь с конца 1920 г. — с начала 1921 г., и падают они медленнее. Падение их продолжается, как можно было бы видеть, весь 1921 г. и даже далее. Тем не менее уровень их дальше от довоенного, чем в Соединенных Штатах.

Таким образом движение цен на продукты животноводства в общем списывает ту же кривую, что и на растительно-пищевые продукты. Страны большей обеспеченности этими продуктами дают и более раннее и более сильное падение цен. Иначе говоря, исследование конкретных цен на конкретные товары пищевого значения приводит к тем же выводам, что и анализ групповых индексов.

5. Рассмотрим далее конкретные цены текстильных товаров.

Все текстильные товары, за время войны и после нее, до перелома цен вздорожали чрезвычайно. Сравнительное вздоро-

¹По данным Commerce Monthly № 11. 1922.

²По данным Economist'a от 18 февраля 1922.

³Для соединенных Штатов взято начало, а для Англии конец 1913 г.

жание их, а затем падение характеризуется хотя бы следующими данными о движении оптовых цен на важнейших французских и английских рынках.

I. Франция¹

Даты	Лен			
	в франках			
Июль 1914 г.	110	87	56	223
Апрель 1920 г.	2600	805	470	1550
Ноябрь 1920 г.	900	285	250	890
Март 1921 г.	450	220	155	550
в относительных к июлю 1914 г. прин. за 100				
Апрель 1920 г.	2363,6	925,2	839,3	665,2
Ноябрь 1920 г.	818,2	327,6	446,4	382,0
Март 1921 г.	409,1	252,9	276,8	236,1

II. Англия²

Даты	Лен	Хлопок	Шелк	Шерсть
	Рига. Z. K. ф. ст. за тонну	Middling Amerikan пенс за фунт	кантонский пенсов за фунт	австрийская пенсов за фунт
Конец июня 1914 г.	29,5	7,63	156	24,5
марта 1920 г.	362,5	29,01	747	98,0
сентября	382,5	20,90	409	72,0
января 1921 г.	100,0	9,83	312	46,0
марта	90,0	8,02	292	39,0
июня	100,0	7,85	318	36,0
в относительных к ценам июня 1914 г., прин. за 100				
Конец июня 1914 г.	100,0	100,0	100,0	100,0
марта 1920 г.	1228,8	380,2	478,8	400,0
сентября 1920 г.	1296,6	273,9	262,2	293,9
января 1921 г.	339,0	128,8	200,0	187,7
марта 1921 г.	305,1	105,1	187,2	159,2
июня 1921 г.	339,0	103,9	203,8	146,9

Отсюда видно, что наибольшее вздорожание дает во Франции и Англии лен, затем во Франции следует хлопок, в Англии шелк. Шерсть стоит во Франции на четвертом, в Англии на третьем месте. Наиболее понизились цены льна, затем хлопка. Менее упали цены шелка и наконец шерсти. Ближе всего к довоенным, во Франции в марте, в Англии в июне 1921 г. стояли цены хлопка и шерсти. Дальше всего цены льна.

¹ См. Проф. М.И. Боголенов. Европа после войны. Стр. 29.

² Ekonomist от 18 февраля 1922 г.

Обратимся теперь специально к более детальному анализу цен хлопка по важнейшим странам¹.

Даты	Соединенные Штаты Нью-Йорк upland Middling cents par livre	Англия Ливерпуль upland Middling deniers par livre	Франция Гавр upl. Middling francs par 50 kgs.	Египет Александрия Nubari f. g. f. talaris par kantar.
12 июня 1914 г.	13,94	7,87	91,50	18,31
17 октября 1919 г.	34,75	22,17	406	51,00
26 марта 1920 г.	41,50	28,88	775	131,50
23 апреля	41,65	26,18	927	130,50
21 мая	41,00	26,18	760	107,50
18 июня	39,25	26,64	597	103,50
9 июля	40,55	25,12	615	91,00
20 августа	33,50	24,82	610	92,00
17 августа	31,00	21,68	556	82,00
22 октября	21,00	15,73	381	51,50
19 ноября	17,55	12,41	335	41,50
10 декабря	16,25	11,42	305	34,50
28 января 1921 г.	14,75	9,04	279	32,75
18 февраля	13,40	8,27	225	25,00
24 марта	12,35	8,05	237	32,75
29 апреля	12,35	7,34	194	18,25
20 мая	12,65	7,42	175	16,50
24 июня	11,05	7,00	162	—
12 августа	13,25	8,46	217	—

Из приведенной таблицы видно, что начиная с марта-апреля 1920 г. цены на хлопок во всех взятых странах непрерывно падают. До августа-сентября 1920 г. падение цен на хлопок идет относительно медленно, с августа-сентября оно идет чрезвычайно быстро. В мае 1921 г. цены на хлопок на основных рынках стоят уже ниже довоенного уровня их. Падение хлопковых цен достигает максимума в июне 1921 г. С этого момента замечается тенденция их к некоторому повышению.

Посмотрим, как идет движение цен на хлопковое сырье, по сравнению с ценами на полуфабрикат и готовую ткань. Приведем следующие данные по Англии².

¹ По данным Bulletin de statistique agricole et commerciale за 1919, 1920 и 1921 г. Edition de Institut international d'agriculture Rome.

² По данным различных номеров The Times Trade Supplement и Economist'a от 18 февраля 1922 г. См. также Э. Каценленбаум. — Текстильный рынок в Вестнике Нар. Ком. Вн. Тор. № 2.

Даты	Хлопок	Пряжа	Ткань из пряжи	
	американский Middl. за англ. фунт пенс	№ 32 Twist за англ. фунт пенс	№ 39, 16-15 за 8½ фунт. шиллинг	пенс
1920 г. 5 марта	<u>30,15</u>	<u>62,5</u>	44	6
1 апреля	28,76	61,5	44	6
7 мая	27,88	60,0	46	0
1 июля	26,62	54,5	42	6
2 сентября	22,46	50,5	36	0
1 октября	20,90	47,0	32	0
5 ноября	16,80	37,0	28	0
23 ноября	13,43	33,0	26	0
1921 г. конец января	9,83	23,0	21	0
конец февраля	8,33	19,0	19	0
конец марта	8,02	17,7	18	6
конец апреля	8,28	18,2	18	6
конец мая	8,25	18,0	17	0
конец июня	<u>7,85</u>	<u>17,2</u>	<u>16</u>	6
конец июля	8,34	17,5	16	9

Отсюда видим, что цены на сырье и пряжу начинают падать ранее, чем на ткань. Причем, цены на сырье падают быстрее, чем цены на пряжу, и цены на пряжу сильнее цен на ткань¹.

Это обстоятельство чрезвычайно интересно в движении конъюнктур. Оно показывает, что перелом конъюнктур поразил в первую очередь сферу сырья и полуфабриката, а не готовых изделий. Вместе с тем несомненно облегчая положение текстильной ткацкой промышленности, оно резко ухудшает положение прядильной промышленности и особенно хлопководства.

Аналогичное, хотя и более сложное движение цен находим мы в Германии².

Даты	Хлопок	Пряжа за	Ткань за
	за 1 кг в марках	1 кг № 36	1 м 92 см 36/42
1 января 1920 г.	53,5	94,0	9,00
1 марта	65,0	172,5	18,0
30 июля	44,0	74,5	9,75
30 октября	49,0	87,5	11,50

¹ Ср. Neue Züricher Zeitung от 9 декабря 1920 г.

² См. Эконом. Бюлл. Берлин. Предст. от 17 декабря 1920 г., от 17 июня и 22 июля 1921 г., а также Ernst Kahn., цитиров. работа, Die Indexzahlen der Frankfurter Zeitung. Стр. 22-23.

Даты	Хлопок за 1 кг в марках	Пряжа за 1 кг № 36	Ткань за 1 м 92 см 36/42
27 ноября 1920 г.	34,5	87,5	11,50
4 декабря	33,0	77,5	10,50
15 января 1921 г.	28,0	67,5	8,75
12 февраля	20,7	56,5	7,50
12 марта	18,7	53,5	7,20
9 апреля	17,2	49,0	6,75
14 мая	20,5	46,5	6,45
4 июня	17,8	46,5	6,45
2 июля	21,1	49,5	6,65

Из таблицы видно прежде всего, что по март 1920 г. в Германии продолжается резкое вздорожание текстильных товаров. Затем началось падение текстильных цен.

Однако, упав к июлю, цены на хлопок, пряжу и ткань вновь поднялись к октябрю и только затем началось их непрерывное падение. Это падение весьма значительно для хлопка и более умеренно для пряжи. Падение продолжается вплоть до мая-июля 1921 г., когда намечается некоторая задержка его. Цены ткани падают лишь с ноября 1920 г. Их падение до января 1921 г. значительно меньшее, чем пряжи; только с января они начинают понижаться значительно, хотя все же менее, чем цены хлопка и пряжи.

Итак, мы констатируем более резкое понижение цен на текстильное сырье, чем на полуфабрикат и на полуфабрикат более, чем на ткань.

6. Для характеристики движения конъюнктур, как мы уже отмечали, экономическая теория признает особенно показательным движение цен на продукты тяжелой индустрии, как железо и уголь. Остановимся на этих ценах.

Движение их в рассматриваемый нами период понижения цен представляет ту особенность, что цены эти держатся устойчиво, обнаруживая скорее тенденцию к повышению, почти до конца 1920 г. и вовлекаются в общее понижательное движение, таким образом, с большим запозданием, с конца 1920 г. — с начала 1921 г.

Для характеристики движения цен на железо приведем следующие данные¹.

¹ См. Wirtschaft und Statistik 1921. № 10.

Даты	Соединенные Штаты ¹ Чугун литейн. Phil 2; доллар за тонну = 2240 фунт.	Англия ² Чугун литейный III шиллингов за тонну = 2240 фунт.	Франция ² Чугун литейный III	Германия ² Чугун литейный III
1914 г. в среднем	14,74	51/6	81	71,25
1920 г. январь	48,00	175	375	1324
февраль	52,50	175	413	1625
март	60,00	175	525	1665
апрель	60,00	200	525	1775
май	60,00	200	625	<u>1790</u>
июнь	60,00	217/6	625	1740
июль	65,00	217/6	625	<u>1740</u>
август	<u>65,00</u>	217/6	625	1659
сентябрь	60,00	225	625	1659
октябрь	55,00	225	<u>625</u>	1659
ноябрь	<u>55,00</u>	225	475	1659
декабрь	43,50	225	<u>475</u>	1659
1921 г. январь	43,50	<u>225</u>	375	1659
февраль	43,50	195	355	1659
март	38,50	150	334	1659
апрель	38,00	120	270	1509
май	37,00	130	260	1484
июнь	37,00	130	225	1484
июль	33,00	135	231	1484
август	30,00	140	220	1484

Отсюда видно, что перелом цен на железо в Соединенных Штатах происходит с августа 1920 г. Перелом цен в Англии начинается с января 1921 г. Впрочем, необходимо иметь в виду, во-первых, что не для всех сортов железа перелом этот приходится здесь именно на январь 1921 г. Для некоторых сортов, например для стальных болванок, заготовок, черной листовой стали и др., перелом этот наметился еще в августе-сентябре 1920 г. и даже ранее³. Действительно, например, стальные болванки, непрерывно повышаясь в цене, достигают к 3 июня 530 шилл. за тонну, а с 5 августа уже падают до 460. Черная листовая сталь 5 августа дает 890 шилл., а 9 сентября уже

¹О ценах на железо в Соединенных Штатах см. также Weltwirtschaftliche Nachrichten, № 290, 1921 и журнал Stahl und Eisen, № 33, 1921.

²В ценах на железо в Англии, Франции и Германии см. также различные номера журнала Stahl und Eisen.

³Ср. Кафенгауз Л. Металлургическая промышленность в 1920 г. Вестн. Нар. Ком. Внешн. Торговли № 2. Стр. 106-107.

810 шилл.¹. Во-вторых, нужно иметь в виду, что с сентября 1920 г. цены на железо включают в себя повышенный железнодорожный тариф, что при стационарности номинальных цен (см. таблицу) в сентябре—декабре 1920 г. равносильно понижению реальных цен. Следовательно, понижение цен на железо в Англии нужно отнести, собственно, к августу—сентябрю 1920 г. Но весьма сильным и резким оно становится лишь с января 1921 г.

Падение цен во Франции начинается с октября 1920 г., в Германии же первое понижение падает на июнь 1920 г.; второе и более значительное на август 1920 г. Новое и еще более значительное падение цен начинается с апреля 1921 г.²

7. Обратимся, наконец, к ценам на каменный уголь. Данные о них говорят следующее³:

Даты	Германия мар. за тонну в 1000 кг	Франция франк за тонну	Англия шилл. за тонну в 1016 кг	Соединенные Штаты доллар за тонну в 1000 кг
1913 г. в среднем	14,25	31	12,05	1,30
1920 г. январь	117,70	250	34,58	2,76
апрель	230,90	230	36,61	4,18
июль	238,00	210	39,59	11,81
август	238,00	210	39,59	11,81
сентябрь	238,00	210	39,59	10,58
октябрь	238,00	205	40,00	<u>10,58</u>
ноябрь	238,00	213	40,00	5,24
декабрь	238,00	<u>225</u>	<u>40,00</u>	3,03
1921 г. январь	238,00	190	34,54	2,37
февраль	238,00	80	32,78	<u>2,76</u>
март	238,00	<u>97</u>	32,09	<u>3,03</u>
апрель	273,10	81	32,09	<u>3,31</u>
май	273,10	86	32,09	2,20

Из приведенных данных видно, что только по Германии цены на уголь не обнаруживают кризис, не падают в течение всего 1920 г. и взятой половины 1921 г. В прочих странах они обнаруживают определенную тенденцию падения. Во Франции к 1920 г. они поднялись значительно сильнее, чем в Англии и

¹ Ср. Кафенгауз Л. Металлургическая промышленность в 1920 г. Вестн. Нар. Ком. Внешн. Торговли № 2. Стр. 107.

² В таблице момент первого понижения цен отмечен одной чертой, момент усиления падения цен — двумя чертами.

³ По данным Stahl und Eisen, September, 1921. № 35.

Соединенных Штатах. С января 1920 г. по октябрь они несколько понижаются. Но это понижение необходимо рассматривать скорее как местный эпизод. Он является результатом, с одной стороны, улучшившихся условий снабжения Франции углем, с другой, реакции на неимоверное повышение цен угля до 1920 г. С ноября 1920 г. цены угля идут снова вверх и лишь с января 1921 г. начинают стремительно падать. Именно это падение цен во Франции является показателем того всеобщего и глубокого понижения цен, которое мы характеризуем. С января 1921 г. падают цены и в Англии. Цены в Соединенных Штатах начинают падать ранее, с сентября 1920 г. Но в общем депрессия угольного рынка выражена значительно менее рельефно, чем рынка железного. Наиболее значительна она в Соединенных Штатах. Ее вовсе нет в Германии. Основную причину таких различий нужно видеть в различной степени насыщенности национальных угольных рынков. Начало депрессии угольного рынка наступает несколько позднее, а кончается ранее, чем депрессия железного рынка. Уже весной 1921 г. появляются признаки прекращения падения цен: цены начинают или повышаться, или колебаться около одного уровня.

Из предыдущего ясно, что цены на продукты тяжелой индустрии, в частности каменноугольной и железодобывательной, вовлекаются в понижательное движение относительно поздно. Устойчивость повышательного движения и конъюнктур на эти продукты коренится в общих условиях мирового хозяйства после войны. Если с роспуском армий резко упал спрос на продукты текстильной промышленности, то этого не могло быть в отношении тяжелой индустрии. По окончании войны перед всеми потрясенными странами встали огромные задачи по ликвидации разрушений и восстановлению основных капиталов хозяйства, транспорта, инвентаря и т.д. Эти задачи создавали спрос, а спрос создавал емкий рынок прежде всего для металлургической промышленности, которая в свою очередь стимулировала спрос на уголь: мы видели, что рынок последнего все время находится даже в большем напряжении, чем железный рынок. Вот почему повышательные конъюнктуры на продукты тяжелой индустрии держатся относительно долгое время устойчиво¹.

¹ См. Кафенгауз Л. Металлургическая промышленность в 1920 г. цитир. статья. См. ст. С.А. Фалькнера. Пути развития мирового кризиса. Вестн. Нар. Ком. Вн. Торговли № 1(6), 1922 г.

8. Подведем итоги произведенному анализу движения цен:

а) В 1920 г. товарные цены, достигнув высшего предела своего подъема, обнаруживают перелом к понижению. Этот перелом, начавшись в Соединенных Штатах еще с января 1920 г. в течение весны—лета 1920 г. распространяется почти на все страны мира. б) Степень понижения цен в отдельных странах различна. в) Время, последовательность и степень падения цен *по группам товаров* в отдельных странах точно также различны. г) Но почти во всех странах, особенно в импортирующих и потрясенных войной, пищевые продукты падают относительно менее сильно и менее последовательно. е) Почти во всех странах наиболее сильное и относительно раннее падение обнаруживает группа текстильных товаров. Цены некоторых текстильных, как хлопок, уже весной 1921 г. достигли довоенного уровня. Цены на текстильное сырье падают более сильно, чем на полуфабрикат, и на полуфабрикат более, чем на фабрикат. Падение цен на текстильные товары, начавшееся по различным странам весной—летом 1920 г., затем особенно усиливается осенью 1920 г. ф) Как показывают данные по Соединенным Штатам довольно раннее и сильное падение обнаруживают строительные материалы. г) Цены на продукты железной индустрии держатся устойчиво до осени 1920 г. Осенью с сентября обнаруживается их тенденция к понижению. Наиболее явственно она сказывается в Соединенных Штатах. Весьма сильным и в то же время всеобщим падение их становится с января 1921 г. h) Аналогично движение цен и на продукты каменноугольной промышленности. Однако, депрессия цен на уголь наступает несколько позднее, чем на железо и она сравнительно слабо выражена в большинстве европейских стран. В Германии мы даже не находим ее. i) Факт вовлечения в полосу понижения цен на продукты тяжелой индустрии с осени 1920 г. — начала 1921 г. должен был повести за собой особенно резкое падение общего и среднего уровня товарных цен, во-первых, осенью 1920 г., во-вторых, и с начала 1921 г.

9. Мы довольно подробно рассмотрели цены. Цены очень важный показатель состояния конъюнктуры, но не единственный. По одним ценам еще невозможно достаточно точно судить о состоянии и движении конъюнктуры в целом. Нам необходимо поэтому обратиться к другим важнейшим показателям движения их.

Из валеристических показателей наряду с ценами и товарным рынком наше внимание привлекает прежде всего денежный

рынок и биржа — эти чувствительнейшие ценностные показатели конъюнктуры капиталистического хозяйства.

Подъем конъюнктур с весны 1919 г., который непрерывно тянется по весну 1920 г., должен был породить и, как мы видели, породил и подъем предпринимательства. Это должно было повысить спрос на капитал, и притом в связи с послевоенными условиями и задачами восстановления народного хозяйства, главным образом внутренний спрос.

Напряженность этого спроса на капитал, как мы уже отмечали, проявилась между прочим и в том, что крайне резко сократился экспорт капиталов. Начиная с весны 1919 г. предложение на рынке капиталов, как будто, обнаруживает тенденцию увеличения. Но, во-первых, учитывая пониженную ценность денег, нужно признать, что реально эмиссия ценных бумаг возрастает не так сильно, как говорит о том номинальная ценность выпущенных бумаг, а, во-вторых, с лета 1920 г. эмиссия даже начинает сильно понижаться.

Так эмиссия ценных бумаг в Англии по месяцам составляла в млн. тыс. ф. ст.¹.

Даты	Всего выпущено ценных бумаг	В том числе цен- ностей частных предприя- тий	Даты	Всего выпущено ценных бумаг	В том числе цен- ностей частных предприя- тий
	в тыс. ф. ст.			в тыс. ф. ст.	
июнь 1919 г.	29.676	15.170	январь 1921 г.	21.375	9.620
декабрь	58.611	36.041	февраль	14.180	2.566
январь 1920 г.	62.960	39.651	март	28.602	15.556
февраль	95.440	38.606	апрель	18.998	9.688
март	79.828	55.964	май	19.060	12.719
апрель	31.080	17.882	июнь	33.369	13.199
май	40.008	28.057	июль	15.174	6.907
июнь	39.622	29.804	август	10.343	1.753
июль	23.393	18.266			
август	7.204	4.461			
сентябрь	20.882	14.286			
октябрь	27.922	17.746			
ноябрь	38.789	27.472			
декабрь	14.070	7.877			

¹ См. Мировое хозяйство за время с 1913 г. по 1921 г. Статистический Ежегодник Изд. Всеросс. Центра Союза потреб. об-в. М., 1922 (К сожалению это весьма ценное издание материалов мы получили лишь при просмотре корректуры своей работы). Ср. также Statist от 4 марта 1922 г.

Отсюда ясно, что начиная с весны 1920 г. эмиссия ценных бумаг как общая, так и особенно частных предприятий обнаруживает несомненную тенденцию уменьшения, хотя и с колебаниями.

Аналогичную картину наблюдаем мы и в отношении эмиссии ценностей в других странах. Это хорошо видно из нижеследующих данных¹.

Даты	Соединенные Штаты, млн. долл. ²	Франция, млн. франк.	Италия, млн. лир ³	Голландия, млн. гульд.	Дания, млн. крон	Британская Индия, млн. рупий
В среднем за месяц 1920 г.	259	4.654	413	94	3,4	122
Январь 1921 г.	257	1.010	571	52	1,3	76
Февраль 1921 г.	299	1.879	227	30	2,5	92
Март 1921 г.	139	1.651	274	55	2,4	27
Апрель 1921 г.	391	2.773	444	19	9,0	73
Май 1921 г.	178	2.493	400	34	0,0	32
Июнь 1921 г.	179	—	162	49	0,4	237
Июль 1921 г.	170	2.345	94	106	0,2	27
Август 1921 г.	139	1.025	68	17	0,5	45
В среднем за месяц в январе—августе 1921 г.	219	1882,3	280	45,2	2,04	75,8

Из приведенной таблицы ясно видно, что эмиссия капиталов из месяца в месяц резко колеблется. Но тем не менее очевидна понижающаяся тенденция эмиссий в 1921 г. Средняя месячная эмиссия 1920 г. стоит выше средней месячной эмиссии за полугодие 1921 г. и притом в 1921 г. эмиссия первых месяцев как правило выше эмиссии последующих месяцев. Как показали, однако, данные по Англии, сокращение эмиссии капиталов наметилось еще с весны—лета 1920 г.

10. Растущее повышение спроса на капитал при первых признаках понижения его предложения, наметившегося еще с весны 1920 г., естественно, повело к новому подъему и без того необычно высоких ставок учетного процента, этого нового важного показателя состояния конъюнктур. Возьмем следующие данные.

¹ См. сводную таблицу в Вести. Нар. Ком. Внешн. Торговли № 1(6) 1922. Стр. 77.

² Данные Journal of commerce.

³ Данные Rivista Bancaria.

Страны ¹	Предшествующая ставка	Момент изменения	Новая ставка
	%	1920 г.	%
Англия	5	14 апреля	7
Франция	5	8 апреля	6
Бельгия	4	28 апреля	5½БУ 3=1.3=
Дания	5	16 апреля	
Норвегия	6	25 апреля	
Италия	5	12 мая	
Соединенные Штаты	6	1 июня	
Швеция	7	16 сентября	

Отсюда видно, что начиная с весны 1920 г. по всем странам прокатывается волна повышения ставок учетного процента. Это повышение ставок означало вместе с тем и величайшее напряжение кредита.

Напряжение кредита и как символ этого — повышение учетных ставок — это обычный признак приближающегося перелома конъюнктур и надвигающегося кризиса².

Напряжение кредита органически связано с повышательными тенденциями конъюнктур. Повышение конъюнктур, промышленный подъем, подъем предпринимательства рано или поздно приводят к исчерпанию предложения к напряжению и затруднениям на рынке капиталов и повышению учетного процента.

Эта тенденция усиливается в это время еще движением товарных цен. Идущее в период подъема все далее и далее повышение товарных цен рано или поздно приводит к затруднениям в сбыте. Затруднение в сбыте по высоким ценам, нежелание по мотивам хозяйственного расчета перейти к реализации товаров по пониженным ценам и в то же время необходимость производства срочных платежей толкает предпринимателей и посредников к усиленному использованию кредита, что в свою очередь толкает ставки учета к повышению³. Вот почему мы обычно наблюдаем, что максимальное повышение уровня товарных цен и повышение учетного процента перед кризисом более или менее совпадает во времени.

¹ По данным The Economist.

² Ср. Туган-Барановский М.И. Периодич. промышл. кризисы. 3-е изд. *passim* в частности, стр. 297 и сл.

³ См. Cl. Juglar. Des crises commerciales et de leur retour periodique. Paris. 1889, стр. 19 и сл.

То же видим мы и весной—летом 1920 г.

Итак, с одной стороны — усиленный спрос на денежный капитал, с другой, прокатившееся широкой волной повышение учетных ставок; с одной стороны, крайне высокий уровень цен и обострение спроса на оборотные средства, с другой — крайняя дороговизна кредита, исчерпанность денежного рынка. Все это создает объективные препятствия для прежнего успешного ведения предпринимательства.

11. Указанное напряжение кредита означало при данном спросе недостаточный и ослабленный приток капитала на фондовую биржу. Это должно было понизить спрос на биржевые бумаги, т.е. вызвать биржевой кризис, или по меньшей мере биржевую депрессию. Биржевой кризис и биржевая депрессия очень часто являются предвестниками общего экономического кризиса. По-видимому, так было и в 1920 г. Незадолго до начала общего кризиса наблюдается биржевая депрессия.

Факты вполне подтверждают эту мысль.

Возьмем индекс общей стоимости ценных бумаг на бирже:

Даты	Англия ¹	Даты	Германия ²	
	378 цен. бум.		Акции	Займы
Конец декабря 1919 г.	2.634	1 сентября 1919 г.	5.424	963
Конец января 1920 г.	2.670	2 января 1920 г.	7.792	975
Конец февраля 1920 г.	<u>2.654</u>	1 февраля 1920 г.	10.820	1.173
Конец марта 1920 г.	<u>2.580</u>	1 марта 1920 г.	12.311	1.411
Конец апреля 1920 г.	<u>2.433</u>	15 апреля 1920 г.	<u>11.005</u>	<u>1.169</u>
Конец мая 1920 г.	<u>2.433</u>	3 мая 1920 г.	<u>10.557</u>	<u>1.112</u>
Конец июня 1920 г.	<u>2.374</u>	1 июня 1920 г.	<u>8.533</u>	<u>1.024</u>
Конец июля 1920 г.	2.395	1 июля 1920 г.	9.211	1.030
Конец августа 1920 г.	2.389	7 августа 1920 г.	11.488	1.052
Конец сентября 1920 г.	2.426	11 сентября 1920 г.	12.139	1.238
Конец октября 1920 г.	2.439	9 октября 1920 г.	12.589	1.221
Конец ноября 1920 г.	2.405	27 ноября 1920 г.	14.360	1.304
Конец декабря 1920 г.	2.320	18 декабря 1920 г.	14.179	1.272
Конец января 1921 г.	2.336	5 марта 1921 г.	12.286	1.152
Конец марта 1921 г.	2.289	2 апреля 1921 г.	13.009	1.143
Конец апреля 1921 г.	2.285	8 мая 1921 г.	12.914	1.175
Конец мая 1921 г.	2.308	28 мая 1921 г.	13.346	1.166
Конец июня 1921 г.	2.291			
Конец июля 1921 г.	2.345			

¹По данным Bankefs Magazine.

²По данным Frankf. Zeitung (различные номера) и цитир. работы Ernst'a Kahn'a Die Indexzahlen der Frankfurter Zeitung, стр. 33. Индексы составл. по 10 акциям и 25 облигациям.

Отсюда ясно, что Англия несколько раньше, Германия, в соответствии с более поздним наступлением в ней перелома конъюнктур к понижению, позднее переживает биржевой кризис или биржевую депрессию, которые выразились в весьма сильном понижении ценности биржевых бумаг (соответствующие месяцы в таблице подчеркнуты). Причем этой биржевой депрессии, судя по курсу биржевых бумаг, предшествовала, особенно в Германии, достаточно сильная биржевая спекулятивная игра¹. Летом 1920 г. острота биржевой депрессии уже кончилась. Ценные бумаги пошли в общем вверх. Подъему их, особенно в Германии, несомненно сильно способствует также понижение ценности денег под влиянием инфляции.

Этим, а также тем, что экономический кризис в Англии оказался значительно глубже и серьезнее, чем в Германии, нужно объяснить, почему индекс по Англии дает меньший подъем: там он в течение всего 1920 г. после депрессии на бирже не поднимается до уровня января–февраля 1920 г. Биржа остается в состоянии относительного угнетения. Аналогичную кривую пережила, очевидно, и Нью-Йоркская биржа².

12. Из предыдущего анализа мы видим, что все рассмотренные ценностные показатели состояния народнохозяйственных конъюнктур — товарные цены, эмиссия ценных бумаг, высота учетного процента и ценность биржевых бумаг, в точном согласии между собой указывают на перелом этих конъюнктур к понижению весной–летом 1920 г. Причем, взаимная связь и последовательность движения этих показателей в основных чертах также, которую можно было наблюдать в соответствующие периоды развития вообще кризисов капиталистического народного хозяйства.

Однако, перелом ценностных показателей к понижению еще не есть кризис во всем объеме. Нам необходимо теперь продолжить анализ и посмотреть на другие важнейшие элементы народного хозяйства, посмотреть, в частности, обнаруживают ли перелом конъюнктур к понижению натуралистические показатели их и если да, то с какого времени и в каких масштабах.

13. Остановимся прежде всего на внешней торговле. Понижение товарных цен и вздорожание кредита означало, несомненно,

¹ См. Финн-Енотаевский, *op. cit.*, стр. 22 и сл.

² Там же. Стр. 24–25.

затруднения в сбыте товаров. Объем торговли и в частности внешней, должен был сократиться. Посмотрим, так ли это.

Собственно, при неустойчивости цен и колебании вексельных курсов следовало бы анализировать движение торговли в натуралистических терминах или по меньшей мере, наряду с ценностным выражением ее объема, необходимо было бы дать в той или иной мере и натуралистическую характеристику его.

Бедя анализ в духе последнего замечания, возьмем прежде данные о размерах оборотов внешней торговли в ценностном выражении¹.

Даты	Англия, в млн. ф. ст.		Франция, в млн. франк.		Соединенные Штаты, в млн. долл.		Япония ² относительно к январю 1920 г. ²	Голландия ² относительно к январю 1920 г. ²
	абсолютная величина	в % к 1 января 1920 г.	абсолютная величина	в % к 1 января 1920 г.	абсолютная величина	в % к 1 января 1920 г.		
Март 1920 г.	307,3	97,8	4.8700,0	156,3	<u>1.328,2</u>	<u>112,1</u>	<u>136,0</u>	65,3
Апрель 1920 г.	293,8	93,5	4.662,0	149,6	1.172,2	98,9	133,7	77,3
Май	305,9	97,4	3.196,0	102,6	1.154,4	97,4	127,8	119,6
Июнь	307,0	97,7	3.909,8	125,5	1.171,4	98,9	104,1	<u>188,8</u>
Июль	<u>318,6</u>	<u>101,4</u>	нет данных		1.182,3	99,8	79,4	125,5
Август	281,6	89,6	4.622,0	148,3	1.091,3	92,1	77,1	101,5
Сентябрь	283,5	90,2	4.248,9	136,3	960,7	81,1	70,0	123,2
Октябрь	278,3	88,6	<u>4.380,0</u>	<u>140,6</u>	<u>1.079,6</u>	<u>91,1</u>	<u>62,8</u>	123,8
Ноябрь	<u>276,8</u>	<u>88,1</u>	4.050,0	130,0	991,2	83,6	55,4	109,0
Декабрь	252,1	80,2	4.097,5	131,5	976,0	82,4	49,6	<u>116,2</u>
Январь 1921 г.	219,4	69,8	3.865,0	124,4	863,6	72,9	46,7	84,2
Февраль	173,2	55,1	3.513,0	112,7	704,0	59,4	51,2	74,3
Март	169,4	53,9	3.419,0	109,7	636,0	53,7	60,0	81,9
Апрель	158,4	50,4	3.711,0	119,1	595,0	50,2	66,5	77,7
Май	146,6	46,7	3.202,0	102,8	538,0	45,4	66,8	66,1
Июнь	133,4	42,5	3.474,0	111,5	538,0	45,4	66,1	78,0
Июль	133,2	42,4	3.021,0	96,9	500,0	42,2	54,4	69,8

Из таблицы видно, что даже выраженные в ценностных единицах обороты внешней торговли взятых стран сокращаются. То же можно было бы констатировать и по другим странам³.

¹ Данные для таблицы заимствованы из сводки проф. С.А. Первущина, приложенной к его статье "Конъюнктура современного мирового хозяйства" (Вестник статистики № 5-8. 1921), Сборника ЦСУ, упоминавшегося неоднократно выше, и Economic Review от 13 января 1922.

² Для сокращения объема таблицы по Японии и Голландии мы даем лишь относительные данные. Исходные величины оборотов за январь 1920 г., принятые за 100, равны в тыс. ф. ст. для Японии 38.616, для Голландии — 32.679.

³ См. Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г. Изд. Центр. Союза потреб. обществ.

Сокращение оборотов раньше всего начинается в Соединенных Штатах — с января 1920 г. Во Франции сокращение также начинается с января, но затем обороты вновь расширяются к августу и лишь после августа систематически падают. В Англии сокращение начинается с июля.

Во всех странах сокращение идет особенно заметно с осени с октября—ноября 1920 г. В таблице это отмечается двумя чертами.

Спрашивается, не происходит ли отмеченное сокращение оборотов торговли из простого факта падения цен? Несомненно, этот фактор имеет в данном случае огромное значение. В частности, несомненно, что именно благодаря более слабому падению цен во Франции обороты ее торговли сокращаются весьма незначительно. Но тем не менее сокращение оборотов обязано не только понижению цен, а также и сжатию торговых оборотов *in natura*.

Чтобы сделать это положение бесспорным, необходимо привести данные о размерах торговли *in natura*.

14. Сокращение торговых оборотов *in natura* в различных странах можно видеть хотя бы из следующих данных о движении импорта по весу¹.

Даты	Франция	Англия	Голландия	Бразилия
		импорт в 1000 метрических тонн		
1920 г. ср. за месяц	4245	3714	1151	271
1920 г. Август	4201	<u>4251</u>	1071	259
Сентябрь	4241	4118	1367	291
Октябрь	4511	3997	<u>1535</u>	326
Ноябрь	4510	3541	1112	<u>362</u>
Декабрь	<u>5763</u>	3654	1271	324
1921 г. Январь	3702	3296	1107	268
Февраль	2579	2491	1027	237
Март	2827	2570	<u>1347</u>	205
Апрель	2652	2542	1441	191
Май	2250	<u>2801</u>	1482	<u>237</u>
Июнь	2046	4125	1546	220
Июль	<u>2164</u>	3984	1268	224

Из приведенных данных видно, что *in natura* мировая торговля в 1920–21 гг. подвергается точно также значительному сокращению. Начало сокращения торговли по последней табли-

¹ По данным Bulletin Mensuel de statistique № 9. См. Вестник Нар. Ком. Вн. Торговли № 4–5. 1921.

це падает с некоторым запозданием, приблизительно на те же моменты, что и по предыдущей таблице: во Франции на конце 1920 г., в Англии на конец лета 1920 г., в Голландии и Бразилии на осень 1920 г. Интересно отметить, что по предыдущей таблице обороты Англии сократились значительно сильнее, чем обороты Франции. Наоборот, по последней таблице сокращение импорта Франции, несколько значительнее, чем Англии. Это объясняется, во-первых, тем, что предыдущая таблица учитывает импорт и экспорт вместе, между тем экспорт Франции, в связи отчасти с ее низкой валютой, если и сократился, то очень незначительно; во-вторых, относительно меньшим понижением цен во Франции.

15. Посмотрим, проявилась ли депрессия и если да, то как на соотношении импорта-экспорта отдельных стран и тем самым на торговом балансе. Для этого приведем следующие данные, выражающие процентное отношение экспорта к импорту¹.

Месяцы	Франция		Англия		Япония		Соединенные Штаты	
	Годы							
	1920	1921	1920	1921	1920	1921	1920	1921
Январь	40,5	94,9	67,1	86,6	86,4	71,3	153,9	326,4
Февраль	55,4	117,1	58,1	76,7	64,5	63,9	139,2	237,3
Март	46,8	96,7	69,3	78,8	58,6	68,1	158,2	157,9
Апрель	51,5	108,6	72,6	73,4	73,1	82,5	188,9	135,1
Май	50,7	105,3	81,6	54,5	65,3	69,9	176,0	163,2
Июнь	69,9	101,5	77,4	47,0	83,4	71,7	114,2	184,7
Июль	—	107,0	94,4	60,4	98,5	89,2	121,7	188,5
Август	85,7		82,1		143,7		112,9	
Сентябрь	81,9		84,3		132,7		168,3	
Октябрь	89,9		83,9		124,8		226,1	
Ноябрь	70,5		91,0		96,8		214,2	
Декабрь	56,3		74,3		83,3		273,6	

Из таблицы видно, что отношение экспорта к импорту меняется зигзагообразно. Но тем не менее в этом изменении проявляются и некоторые общие тенденции.

В странах, сильно потрясенных войной и с низким курсом валюты, отношение экспорта к импорту увеличивается, торговый баланс улучшается и в 1921 г. в некоторых из них, например, во Франции, становится даже положительным. Очевидно,

¹ Вычислено по данным The Economic Review, January 13, 1922 и Сборника ЦСУ.

что во Франции импорт сжимается в течение депрессии сильнее экспорта.

Изменение отношения в Англии и Японии, в которых депрессия и кризис проявились весьма резко, более или менее сходно. До октября—ноября 1920 г., т.е. до времени, когда депрессия экономической жизни стала особенно глубокой, отношение увеличивается. Затем оно падает. Очевидно, что в период наибольшего размаха депрессии сжимает здесь в большей степени экспорт, чем импорт. Иначе говоря, эти страны не находят достаточного внешнего рынка.

В Соединенных Штатах, где депрессия торговли наступила ранее других стран и где торговый баланс носит особенно ярко выраженный положительный характер, наоборот, до сентября отношение падает, т.е. резко сжимается экспорт, в августе он почти равен импорту. Далее с сентября по январь 1921 г. отношение экспорта к импорту резко повышается, частью в силу уменьшения импорта, частью в силу увеличения экспорта. С января 1921 г. оно падает, повышаясь несколько в июне—июле.

Изложенное позволяет утверждать, что в странах, наименее потрясенных войной, но и более затронутых экономической депрессией и кризисом, депрессия поражает во внешней торговле прежде всего экспорт. Так случилось с Соединенными Штатами. И в то время, как с весны 1920 г. экспорт Соединенных Штатов уже подвергся резкому сжатию, этого мы не наблюдаем пока еще в странах, подобных Англии и Японии. С середины лета депрессия перекидывается на эти страны и здесь мы видим в свою очередь резкое понижение отношения экспорта к импорту. В то же время, за счет несомненно усиленного экспорта итогов урожая, повышается отношение экспорта к импорту в Соединенных Штатах. В странах, сильно потрясенных войной, как Франция, депрессия внешней торговли глубже поражает импорт и тем способствует выправлению торгового баланса.

16. Указание, сделанное выше на то, что подъем отношения экспорта к импорту осенью 1920 г. в Соединенных Штатах обязан усилению экспорта продуктов урожая верно лишь в том случае, если разразившаяся депрессия внешней торговли вообще слабо поражает основную массу продуктов сельского хозяйства, а именно, продукты питания, и главной тяжестью ложится на сырье, идущее на фабрики, и готовые изделия. Факты вполне подтверждают это предположение, что видно хотя бы из следующих данных по Англии за первую треть 1921 и 1920 г.

Товары	Ввоз		Вывоз	
	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.
	в млн. ф. ст.			
Сырье	305,9	96,8	57,2	22,3
Готовые изделия	140,8	99,2	321,9	246,9
Пищевые продукты	249,4	200,5	17,0	13,6
Животные продукты	0,1	0,1	1,3	1,4

Наиболее сильной депрессии подверглась торговля именно сырьем. Далее следуют готовые фабричные изделия. Гораздо меньший ущерб понесли пищевые и животные продукты как в отношении экспорта, так и в отношении импорта. То же самое, в общем, можно было бы обнаружить и по другим странам.

Таким образом, высказанное предположение о сравнительно малой депрессии торговли сельскохозяйственными продуктами питания, как будто, подтверждается. Но чтобы сделать его более наглядным и чтобы тщательнее исследовать проявление сжатия внешней торговли, нам необходимо, очевидно, остановиться на торговле отдельными важнейшими товарами.

17. Прежде всего покажем, что сокращение торговли, по-видимому, действительно существенно не коснулось сельскохозяйственных продуктов питания. Так, экспорт и импорт пшеницы и пшеничной муки по важнейшим странам выражается следующими величинами¹.

	1919–1920 г.	1920–1921 г.
	в тыс. квинталов	
Экспорт из главных стран ² за август–март	117.719,5	123.963,8
Импорт в главные страны ³ за август–март	66.249,0	65.575,7

Отсюда ясно, что главнейшие страны за период август–март 1920–1921 гг. сильно увеличили экспорт пшеницы и пшеничной муки, по сравнению с соответствующим периодом 1919–20 гг. Три главнейшие страны импорта не увеличили, но и не уменьшили своего импорта за то же время. Конечно, положение экспорта-импорта различных сельскохозяйственных продуктов питания в различных странах и за взятый нами период неодинаково. Но общая картина изображается приведенными цифрами о пшенице и пшеничной муке достаточно хорошо. Имея ввиду

¹ По данным Bulletin de Statistique agricole за 1921 г.

² Взятые страны: Канада, Соединенные Штаты, Британская Индия, Аргентина, Австралия.

³ Взятые страны: Франция, Англия, Италия.

ее, можно утверждать, что во всяком случае торговля сельскохозяйственными продуктами питания не подверглась заметному сокращению. И следовательно депрессия здесь коснулась не общего объема торговли, а лишь цен сбыта и может быть соотношения отдельных товаров сбыта.

18. Остановимся далее кратко на торговле продуктами угольной и железной промышленности.

В той и другой отрасли депрессия нашла самое сильное выражение.

Так, в области торговли углем мы видим следующую картину экспорта¹.

	1920 г.	1921 г.
	в млн. тонн	
Соединенные Штаты; всего за январь—октябрь	32,8	22,6
Англия; всего за январь—октябрь	20,3	16,8
Англия; кроме того уголь, проданный на корабли	11,7	8,3
Бельгия; всего за январь—август	1,5	6,2
Германия; всего за май—ноябрь	3,2	3,7

Отсюда ясно, что экспорт Соединенных Штатов и Англии резко сокращается. Этого мы не наблюдаем в Бельгии и Германии. Здесь экспорт даже увеличивается. Но Бельгия и Германия, как страны в сильной степени потрясенные войной, находятся в состоянии трудного процесса послевоенного восстановления и в констатированном увеличении их экспорта угля нашел свое отражение, прежде всего именно факт восстановления угольной промышленности ненормально сжатой, например, в Бельгии войной. С другой стороны, здесь нашло отражение и другое обстоятельство, которое нам приходилось уже и придется отмечать далее, а именно, что характеризуемая депрессия и кризис вообще коснулись их относительно слабо, в особенности Германии. В рассматриваемой же отрасли торговли, очевидно, мы не наблюдаем депрессии в этих странах совершенно.

19. Рассмотрим затем данные об экспорте из Англии и Соединенных Штатов железа в различных главнейших видах его².

¹ См. статью Sp. "Угольный рынок" в Вестнике Нар. Ком. Внешней торговли № 1(6), 1922 г.

² По данным Iron and Steel.

Виды материалов	Англия		Соединенные Штаты	
	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.
	За 7 перв. месяцев		За 12 месяцев	
	в тыс. тонн			
Чугун	424,3	87,9	245,4	125,6
Полосы и брусья железные	35,5	17,9	36,5	38,7
стальные	220,2	60,3	583,4	469,0
Рельсы	1,9	4,2	553,9	541,5

Из приведенных данных достаточно ясно, что и в области экспорта железа и железных изделий по двум главнейшим странам наблюдается резкое сокращение во всех важнейших частях экспорта этих товаров.

20. Обратимся, наконец к более подробному рассмотрению торговли текстильными товарами и в частности хлопчатобумажными.

Возьмем прежде всего торговлю хлопком по главнейшим странам¹.

Страны	1919-1920 гг.	1920-1921 гг.
	Экспорт хлопка в тыс. квинталов	
Соединенные Штаты за сентябрь-август	14.572,4	14.308,5
Британская Индия за ноябрь-август	4.262,6	3.648,7
Египет за октябрь-август	2.411,9	1.489,8
	Импорт хлопка в тыс. квинталов	
Англия за сентябрь-август	9.918,7	5.259,8
Франция за сентябрь-февраль	2.318,3	1.748,8
Италия за сентябрь-июнь	1.770,8	1.512,8
Япония за сентябрь-август	5.688,4	3.421,1

Отсюда ясно колоссальное сокращение как экспорта, так и импорта хлопка, приходящееся на 1920-1921 сельскохозяйственный год по сравнению с предшествующим 1919-1920 сельскохозяйственным годом. Наиболее сильное сокращение экспорта приходится на Индию и Египет. Сильнейшее сокращение импорта наблюдается в Англии и Японии.

Если мы обратимся теперь к экспорту хлопчатобумажных тканей, то по Англии получим следующую картину²:

¹ По данным Bulletin de Statistique agricole за 1921 г. См. также Весник Нар. Ком. Внешн. торговли № 4-5, 1922.

² См. приложение к упом. статье С.А. Первушина.

Даты	Экспорт ткани в млн. кв. ярдов		Даты	Экспорт ткани в млн. кв. ярдов	
	в абсо- лютной величине	в % к январю 1920 г.		в абсо- лютной величине	в % к январю 1920 г.
Март 1920 г.	397,1	95,8	Ноябрь 1920 г.	282,0	68,0
Апрель 1920 г.	423,6	102,2	Декабрь 1920 г.	263,0	63,4
Май 1920 г.	<u>443,2</u>	<u>106,9</u>	Январь 1921 г.	249,2	60,1
Июнь 1920 г.	405,8	97,9	Февраль 1921 г.	244,7	59,0
Июль 1920 г.	395,2	95,3	Март 1921 г.	231,9	55,9
Август 1920 г.	366,5	88,4	Апрель 1921 г.	186,7	45,0
Сентябрь 1920 г.	<u>382,1</u>	<u>92,1</u>	Май 1921 г.	145,6	35,1
Октябрь 1920 г.	304,2	73,4	Июнь 1921 г.	<u>152,6</u>	<u>36,8</u>

Из таблицы видно, что экспорт хлопчатобумажных тканей в Англии даже начинается сокращаться с мая 1920 г. С сентября его сокращение становится особенно значительным. Сокращение продолжается до июня 1921 г. Очень важно на основании этого отметить, что в то время, как общие обороты английской внешней торговли начинают падать с июля 1920 г. (см. выше), экспорт тканей падает уже с мая. Это лишний раз указывает, что текстильная промышленность была вовлечена в кризис одной из первых.

21. Депрессия торговли, затруднения в сбыте, естественно, в странах значительной экономической мощи, в странах, мало или вовсе не истощенных войной, должны были привести к относительному переполнению товарных рынков. Переполнение же рынков выражается в росте товарных запасов. Рост товарных запасов мы уже отмечали выше в отношении 1920 г. Рассмотрим здесь этот вопрос несколько подробнее хотя бы для хлопка, т.е. для отрасли сбыта, которая весьма серьезно была затронута экономической депрессией и кризисом в 1920–1921 г.

Возьмем данные о запасах хлопка по Соединенным Штатам и сопоставим их для ясности с экспортом хлопка из данной страны¹.

Годы	Экспорт за период с 1 августа по 17 марта в тыс. баллов			Запасы на 17 марта в тыс. баллов		
	В Британии	На континенте	Всего	В портах	Внутри	Всего
1919–20 г.	2459	1740	4199	1325	1166	2491
1920–21 г.	1219	2062	3271	1390	1804	3194

¹ По данным The Manchester Guardian, March 23, 1922 г.

Эта табличка весьма показательна. Общий размер экспорта в связи с депрессией 1920—1921 г. падает. Наоборот, под влиянием падения экспорта, а также хорошего урожая, общие размеры запасов сырья растут. Но падение экспорта идет исключительно за счет сильно пораженной кризисом страны — Британии. Наоборот, экспорт на континент слабее затронутый депрессией, даже увеличивается.

Обращаясь к цифрам о запасах, мы должны отметить, что рост их идет преимущественно за счет запасов внутри страны. Для того, чтобы вскрыть точнее характер этих запасов, приведем еще следующие цифры о запасах хлопка в Соединенных Штатах на 1 января¹.

Годы	На фабриках	На складах	В прочих местах	Итого
			в тыс. баллов	
1920	1.952	3.758	3.295	9.006
1921	1.273	5.645	4.405	11.323

Отсюда видно не только общее возрастание запасов к январю 1921 г., но и особенно сильное возрастание их “на складах”, с одной стороны, и “в прочих местах”, с другой. “В прочих местах” это в сущности на руках у производителей хлопка. Запасы на фабриках даже сокращаются. Причем, запасы хлопка на прядильных фабриках сократились не только в Соединенных Штатах. Это более или менее общая тенденция для всех крупных индустриально-текстильных стран, что видно из следующих данных².

На 1 февраля	Соединенные Штаты	Британия	Франция	Бельгия	Италия	Индия	Канада	Япония
				в тыс. баллов				
1920	1988	456	95	38	173	575	58	560
1921	1257	318	114	71	170	498	37	641

Отсюда ясно, что более или менее крупное исключение из правила представляет лишь Япония. Прочие исключения, как Франция, Бельгия, Канада не являются крупными. Кроме того, возрастание запасов на фабриках Франции и Бельгии в связи с процессом восстановления их разрушенной промышленности — вполне понятно. Вообще же в крупнейших странах фабрики поспешили сократить заготовки сырья и сократить его запасы.

¹ См. International Cotton Statistics. Изд. Internation. Federation of Master Cotton Spinners and Manufacturers, Associations. March 10-th, 1921.

² См. Указанн. изд. Internation. Cotton Statistics.

Здесь сказалась депрессия самой текстильной промышленности, ее сжатие и стремление сбросить возможно большую часть неизбежных хозяйственных потерь на плечи торговых кругов и производителей. Из данного выше анализа цен мы уже видели, что в действительности так и было.

Отсюда ясно, что депрессия сбыта хлопка должна была серьезно затронуть не только торговую среду, но и производителя сырья. Доходная хлопковая культура в силу охарактеризованного выше наиболее резкого падения цен именно на сырье и в силу затруднений в сбыту стала для него культурой, продукт которой он не знал как благоприятно реализовать. Из прессы известно, что положение в частности для американских хлопководов создалось весьма серьезное. И еще летом 1921 г. английский *Economist* сообщал, что в 1921–22 сельскохозяйственному году можно ожидать в Америке сокращения посевов хлопка приблизительно на 30%.

Приведем в заключение еще данные о видимых запасах американского, английского, индийского и прочего хлопка, находящегося в складах и в пути¹.

Даты	Амери- канский	Египетский	Ост- Индийский в тыс. баллов	Прочий	Итого
Февраль 7 1919 г.	3743	487	87	132	4449
6 1920 г.	4798	420	168	152	5537
5 1921 г.	4688	303	186	317	5494

Хотя в 1921 г. мы и не находим прироста видимых запасов против 1920 г., но нет и сколько-нибудь значительного сокращения их. Но совершенно ясно, что запасы 1920 и 1921 гг. значительно выше запасов 1919 г. Исключение — запасы Египетского хлопка, что стоит в связи с низким урожаем его там.

Описанные затруднения на рынках хлопка можно признать более или менее характерными, прежде всего для большинства текстильных товаров. Но с теми или иными изменениями их можно констатировать и в других отраслях сбыта². Правда, быть может, в кризисе 1920–1921 гг. ни одна отрасль народного хозяйства не была так потрясена и не находилась в столь драматическом положении, как хлопководство и хлопчатобумажная промышленность. Поэтому, быть может, ни в одной

¹ См. указан. изд. *International Cotton Statistics*, стр. 7.

² См. В. Громан. Некоторые черты современного положения мирового хозяйства. Вестник Нар. Ком. Внешней торговли № 1, 1921 г.

отрасли мы не нашли бы столь ярких проявлений кризиса. Но все же их можно найти. Их можно было бы до известной степени найти даже в отношении сбыта хлебных продуктов в некоторых странах, например, в таких странах, как Соединенные Штаты, Канада. Хотя торговля сельскохозяйственными продуктами питания и не подверглась сильному сокращению, но на почве хорошего урожая в 1921 г., на почве восстановления потрясенного сельского хозяйства различных стран Европы, на почве стремительного падения цен и в области хлебной торговли, как мы отмечали в предшествующей главе, идет рост хлебных запасов, что еще более форсирует падение хлебных цен. В прессе были сведения о стихийном недовольстве американских производителей пшеницы падением цен, об их отчаянии и нежелании сбывать хлеб по низким ценам, об их уклонении платить в срок взятые из банков ссуды и о крахах многих банков¹.

Однако, не будем загромождать изложение новыми иллюстрациями и фактами. Мы достаточно подробно рассмотрели изменения в мировой торговле и могли убедиться, что движение торговли с лета 1920 г. вступает в полосу сжимания, депрессии, кризиса. Депрессия эта особенно усиливается с осени 1920 г. Сильнее всего депрессия торговли сказывается на странах наибольшей экономической мощи, как Соединенные Штаты, Япония, Англия; во Франции она проявляется слабее. В Бельгии, Германии ее проявление еще менее заметно.

Но депрессия цен и затруднения сбыта не могли не отразиться на самом производстве. Априори можно ожидать, что производство должно было сократиться. Сокращалось ли оно и если да, то главным образом в каких отраслях и размерах? Вот вопрос, который нам необходимо теперь исследовать.

22. Подходя к изучению влияния кризиса на производство необходимо иметь в виду различие самых типов производства². Теоретически следует при этом различать производство: а) предметов, служащих в процессе хозяйственной жизни основным капиталом (здания, медицины, транспортные средства, поскольку они служат промышленным и торговым задачам и т.п.), б) предметов непосредственного потребления и с) предметов, служащих в процессе хозяйственной жизни оборотным капиталом (различное сырье, полуфабрикаты и т.п.), причем, производство оборотного капитала служит в конечном счете необхо-

¹ См. Громан В. Некоторые черты современного положения мирового хозяйства. Вестник Нар. Ком. Внешней торговли № 1, 1921 г. Стр. 81 и сл.

² Ср. Pohle L. und Cassel G. Lehrbuch der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Zweite abteilung, Theoretische Socialökonomik von G. Cassel, 472 и сл.

димым звеном преимущественно или для производства основного капитала (например, металлургическая промышленность) или преимущественно для производства предметов потребления (например, мукомольная, сахарная промышленность).

В силу этого производство оборотного капитала может быть теснее связано или с производством основного капитала или с производством предметов потребления.

Эти различия приходится иметь в виду потому, что влияние кризиса на различные типы производства далеко не одинаково. Предпринимающиеся исследования капиталистических кризисов показывают, что кризис влияет сильнее всего на производство основного капитала и значительно слабее на производство предметов потребления.

Его влияние на производство оборотного капитала тем сильнее, чем теснее последнее связано с производством основного капитала, а не предметов потребления, и наоборот.

Однако, если указанные подразделения и можно установить теоретически довольно точно, то приложение их к реально существующим отраслям производства наталкивается при изучении на значительные трудности. Очень редко та или иная отрасль производства производит резко выраженные предметы одной из трех установленных категорий. В большинстве случаев мы имеем дело со смешанными случаями. Поэтому, при конкретном изучении и уяснении влияния кризиса установленные разграничения необходимо иметь в виду, лишь как руководящую точку зрения. Необходимо иметь в виду, что чем в большей степени данная отрасль производства или ее ступень будет производством предметов непосредственного потребления, или чем теснее она будет связана с производством последних, тем вероятнее, что влияние кризиса на нее будет меньшим, и наоборот.

Наряду с установленными разграничениями, необходимо также иметь в виду подразделение всего производства на сельскохозяйственное и промышленное. В силу технических особенностей и зависимости от климатических, почвенных и др. вегетационных условий, сельскохозяйственное производство в целом подвержено меньшим влияниям экономических потрясений во время кризиса. Однако, не все отрасли занимают в этом отношении равное положение. Сельскохозяйственное производство предметов питания будет подвержено минимальным влияниям. Сельскохозяйственное производство высоко рыночного сырья подвержено уже большим влияниям.

В соответствии с изложенным, чтобы дать возможно более всестороннюю картину влияния кризиса на производство, мы рассмотрим состояние следующих отраслей его:

а) сельскохозяйственное производство зерна и картофеля, как производство преимущественно предметов потребления и как производство, находящееся под сильнейшим влиянием природных условий;

б) сельскохозяйственное производство сахарной свеклы, как производство сырья исключительно для предметов личного потребления;

в) сельскохозяйственное производство хлопка, как производство высоко-рыночного сырья, идущего в значительной мере, через ряд промежуточных ступеней, на предметы личного потребления, а частью для хозяйственно-технических нужд;

г) текстильное производство, как производство полуфабриката и фабриката, идущих главным образом на предметы личного, а частью хозяйственно-технического потребления;

д) производство угля, служащего, с одной стороны предметом личного потребления, а с другой, средством производства и притом средством производства, как основного капитала, так и предметов непосредственного потребления;

е) железа и стали, как производства сырья и полуфабриката преимущественно для основного капитала;

ж) строительную промышленность, как производство основного капитала по преимуществу.

Не трудно видеть, что данный ряд отраслей производства, с теми или иными изъятиями, должен быть и рядом нарастающей глубины влияния на них кризиса.

23. Периоды экономических кризисов, как мы уже отметили, обычно не находят сколько-нибудь яркого отражения и проявления в области сельскохозяйственного производства вообще и предметов потребления в особенности. В сущности, за некоторыми исключениями, на которые мы укажем ниже, и кризис 1920–21 года не вызвал заметного сокращения сельскохозяйственного производства. Быть может этот тезис не требовал бы и доказательств. Но тем не менее мы считаем необходимым привести имеющиеся цифровые данные о состоянии сельского хозяйства в 1921 г. сравнительно с 1920 г. И не только и даже не столько для доказательства высказанного положения, но вместе с тем и для уяснения состояния сельского хозяйства самого по себе, что важно и для последующего уяснения общего состояния мирового хозяйства и его перспектив. Приведем следующую таблицу¹.

¹ По данным Bulletin de Statistique agricole, decembre 1921. Изд. Междунар. с.-хоз. института в Риме.

Прирост (+) или убыль (-) в 1921/22 г.	-	+130,5	-	-	-	-	-	-	-
Британская	1920	12.119,8	-	-	-	-	-	-	12.119,8
Индия	1921	10.409,2	-	-	-	-	-	-	10.409,2
Прирост (+) или убыль (-) в 1921 г.		-1710,6	-	-	-	-	-	-	1710,6
Алжир	1920	1071,4	-	988,9	232,1	9,1	2301,5	17,2	17,2
	1921	1139,6	-	1014,7	225,7	9,6	2389,6	18,7	18,7
Прирост (+) или убыль (-) в 1921 г.		+68,2	-	+25,8	-6,4	+0,5	+88,1	+1,5	+1,5
Итого во всех странах, по которым имеются сведения	1920	67.705,9	10.142,6	12.443,3	36.102,6	45.613,4	172.007,8	6191,3	6191,3
	1921	68.482,0	10.466,2	12.162,8	37.031,2	47.299,9	175.442,1	6405,8	6405,8
Прирост (+) или убыль (-) в 1921 г.		+1776,1	+323,6	-280,5	+928,6	+1686,5	+3434,3	+314,5	+314,5
Итоговая посевная площадь 1921 г. в % к 1920 г.		101,1	103,2	97,7	102,6	103,7	101,9	103,5	103,5
Сбор в 1000 quintales									
По всем странам, по которым есть сведения	1920	653.276,5	113.333,5	152.392,9	463.430,3	868.106,7	2.052.539,0	631.402,1	631.402,1
	1921	685.987,9	137.494,5	148.587,5	389.411,7	848.954,3	2.210.435,9	577.897,2	577.897,2
Прирост (+) или убыль (-) в 1921 г.		+32.711,4	+24.161,0	+3805,4	-76.018,6	-19.252,4	+157.896,0	-54.504,9	-54.504,9
Прирост (+) или убыль (-) в % к 1920 г.		105,0	121,3	97,5	83,7	97,8	107,7	91,5	91,5

¹ Не только по тем, которые помещены в таблице; пшеница по 28 важнейшим странам, рожь по 18 странам, ячмень по 24 странам, овес по 22 странам, кукуруза по 13 странам, картофель по 20 странам.

Обратимся к анализу приведенных данных.

В отношении площадей пшеницы все европейские страны, а также Канада, Австралия и Алжир дают в 1921 г. прирост. Наоборот, Соединенные Штаты и особенно Британская Индия дают значительную убыль. Но в итоге получается приращение площадей на 1776,1 тыс. гектаров, или на 1,1%.

В отношении ржи из всех взятых стран дают убыль только Германия и особенно Соединенные Штаты, где за время войны культура ржи, как мы знаем, чрезвычайно возросла. В итоге получается прирост площадей на 323,6 тыс. гектаров или на 3,2%.

В отношении ячменя дают убыль Германия, Канада, особенно же Соединенные Штаты. В итоге получается убыль на 280,5 тыс. гектаров, или на 2,3%.

В отношении овса убыль дают Германия, Франция, Голландия, особенно Канада и незначительную — Алжир. Значительный прирост наблюдается в Соединенных Штатах. В итоге мы имеем прирост на 928,6 тыс. гектаров, или на 0,6%.

В отношении кукурузы, благодаря огромному приросту площадей Соединенных Штатов в итоге получается значительный прирост на 1686,5 тыс. гектаров, или на 3,7%.

По пяти зерновым получается прирост площадей на 3434,3 тыс. гектаров, или на 1,9% за счет, как ясно из предыдущего, прироста площадей пшеницы, ржи, кукурузы и овса.

Отсюда ясно, что в общем мировая посевная площадь зерновых скорее увеличилась, чем уменьшилась против площадей 1920 г.

В отношении картофеля наблюдается прирост по всем взятым странам за исключением Италии и Канады. Особенно значителен прирост площадей Германии и Соединенных Штатов. В итоге имеется прирост на 314,5 тыс. гектаров, или 3,5%.

Из таблицы, с другой стороны, видно прежде всего, дальнейшее увеличение посевных площадей под хлебами и картофелем вообще в европейских странах. Единственная европейская страна, которая сокращает площади зерновых — это Германия. Но она компенсирует утрату увеличением площадей под трудоинтенсивной культурой картофеля. Далее, заметно некоторое увеличение площадей из заокеанских стран в Канаде, Австралии и Алжире главным образом за счет пшеницы. Затем обнаруживается сильное увеличение площадей Соединенных Штатов преимущественно за счет кукурузы и овса при некотором сокраще-

нии площадей пшеницы, ржи и ячменя. Наконец обнаруживается сильнейший упадок площадей пшеницы в Британской Индии.

В какой мере происшедшее изменение в посевных площадях обязано охарактеризованной выше депрессии рынка и цен? На этот вопрос трудно дать определенный ответ. Продолжающийся прирост посевов в Европе и упадок площадей пшеницы, ржи, ячменя в Соединенных Штатах и пшеницы в Индии, как будто бы говорит за то, что кризис и депрессия сбыта и цен оказали влияние: площади сократились в странах экспорта, в странах обладавших избытками и запасами хлебов. Но тогда не ясно, почему не сократились площади Канады и Австралии, почему в Канаде сократились только площади овса и картофеля, и почему, наоборот, в Соединенных Штатах выросли именно площади овса и картофеля, а также кукурузы.

Ввиду этого будет осторожнее и правильнее формулировать ответ на поставленный вопрос так. Если депрессия сбыта и цен и оказала влияние, то она явилась лишь одним из сложной совокупности факторов, определивших размеры площадей. Если влияние ее далее и сказалось, то оно оказалось в странах избытков, как Соединенные Штаты, Канада, Британская Индия. Причем, влияние депрессии, если оно и было, то по-видимому, сказалось здесь не столько в смысле абсолютного упадка площадей, сколько в смысле перераспределения их и изменения пропорции культур.

Действительно, в общем размеры мировых посевов зерновых и картофеля в 1921 сельскохозяйственном году не подверглись существенным изменениям. Произошло лишь перераспределение посевов между культурами в каждой стране и между странами. Причем, заокеанские страны пока не утрачивают занятых ими прочных позиций в общей продукции зерновых.

Обращаясь теперь к сбору хлебов, мы видим, что в итоге по всем странам, по которым имеются сведения, сбор 1921 г. значительно выше и благоприятнее сбора 1920 г. в отношении пяти зерновых вместе. По отдельным хлебам он выше для пшеницы и ржи, ниже для ячменя, овса, кукурузы и картофеля. Несмотря на повышение площадей овса, кукурузы и картофеля, мы имеем сокращение их сбора. Это сокращение идет преимущественно за счет недобора в Соединенных Штатах, где урожай 1921 г. для овса, кукурузы и картофеля ниже урожая 1920 г., и Германии, где урожай картофеля в 1921 г. составляет лишь 94,9% урожая 1920 г.

Очевидно, что в движении сбора этих хлебов значительная роль падает на изменение урожайности с единицы площади. 1921 г. является неурожайным в отношении овса, кукурузы и картофеля, являясь вполне благоприятным для пшеницы, ржи и ячменя.

24. Не находим мы потрясения в период развития кризиса и в области производства сахарного сырья.

Наоборот, в 1921 г. мы наблюдаем процесс дальнейшего восстановления площадей под сахарной свеклой и при том особенно в Европе. Это видно из следующей таблицы¹.

Страны	Посевная площадь свеклы в 1000 гектаров			Сбор в тыс. квинталов		
	1920 г.	1921 г.	1921 г. в % к 1920 г.	1920 г.	1921 г.	1921 г. в % к 1920 г.
Германия	327,0	389,7	119,3	79.640,2	75.528,8	94,8
Бельгия	53,1	57,5	108,4	14.383,5	16.528,8	108,0
Франция	89,6	101,4	118,2	—	—	—
Испания	71,4	54,2	75,9	12.266,0	14.318,4	116,7
Голландия	65,5	70,5	105,9	19.055,5	23.414,6	122,9
Соединенные Штаты	353,0	356,9	101,1	77.529,8	67.857,4	87,5
По всем стра- нам, о кото- рых имеются сведения ²	883,3	1.057,5	106,5	232.043,9	231.242,7	99,7

Наиболее интенсивный прирост площадей дает Германия. Упадок из европейских стран обнаруживает Испания. Общие площади под свеклой возросли на 6,8%. Сбор свеклы, очевидно в зависимости от урожайности, несколько понизился правда всего на 0,3%.

25. Наоборот, когда мы обращаемся к тем отраслям сельского хозяйства, которые, поставляя высоко-рыночной сырье, теснейшим образом связаны с крупной промышленностью, на рынке продуктов которых нами была констатирована особенно глубокая депрессия, как, например, хлопководство, то здесь мы обнаруживаем чрезвычайно сильное потрясение производства.

¹ Bulletin de statistique agricole et commerciale. Decembre 1921. Rome.

² В итог вошли, кроме означенных стран, без Франции, следующие страны: Австрия, Болгария, Финляндия, Эльзас-Лотарингия, Италия, Швеция, Канада.

Иллюстрируем и покажем это на следующих данных¹.

Даты	Соединенные Штаты	Британия Индия	Египет	Итого
посевная площадь хлопка в 1000 гектаров				
1920	14.990,0	7.396,3	767,9	23.155,1
1921	10.732,0	6.516,6	542,7	17.791,3
1921 в % к 1920 г.	71,5	88,1	70,7	76,8
Сбор хлопка в 1000 квинталов по 1000 килограммов				
1920	29.139,3	6.451,9	2.711,4	38.302,6
1921	18.082,5	8.128,4	1.482,6	23.964,0
1921 в % к 1920 г.	62,1	125,9	61,3	72,3

Отсюда ясно, насколько резко сократились площади под хлопком в 1921 г. И здесь роль депрессии на рынке хлопка уже не подлежит сомнению. Еще сильнее сократился сбор хлопка. Очевидно, что известную роль в этом сыграли и неблагоприятные климатические условия, понизившие урожайность. Увеличился сбор, по предварительным данным, лишь в Индии.

26. Если лишь в некоторых отраслях сельского хозяйства нам удалось выявить депрессию производства в связи с общей экономической депрессией цен, сбыта и т.д., то гораздо более рельефно понижение конъюнктур и связанное с ним сокращение производства проявляется в области промышленности. Мы остановимся на важнейших отраслях ее и в первую очередь на наиболее рано и наиболее сильно пострадавшей от кризиса — на текстильной, в особенности, на хлопчатобумажной промышленности.

Сокращение производства хлопчатобумажной промышленности можно достаточно хорошо охарактеризовать прежде всего данными о потреблении хлопка. Приведем данные о потреблении хлопка в Соединенных Штатах, Японии и Англии².

Даты	Соединенные Штаты	Япония	Англия
потребление в тыс. баллов			
С августа 1919 по февраль 1920 г.	3.139	1.015	1.262
С февраля 1920 по август 1920 г.	<u>3.286</u>	<u>1.069</u>	<u>1.923</u>
С августа 1920 по февраль 1921 г.	2.334	901	1.197

¹ По данным Bulletin de statistique agricole et commerciale Римского с.-х. института за декабрь 1921 г. См. также Economist от 11 марта 1922.

² Исчисл. по данным упомин. International Cotton statistics, далее Manchester Guardian от 9 июня 1921 г. и The Statesmans' year-book за 1921 г. При исчислении принято во внимание различие веса балла отдельных сортов хлопка.

Отсюда видно, что до первой половины 1920 г. потребление хлопка по всем трем странам возрастает. Начиная с этого периода оно резко сокращается. Очевидно, что в 1920 г. в первой половине и особенно во второй наступает депрессия и сокращение текстильной промышленности.

Сокращение текстильной промышленности именно 1920 г. можно обнаружить и по другим признакам. Так, по Японии мы имеем следующие характерные и всесторонние цифры для хлопчатобумажной промышленности за 1920 г.¹.

	в 1 половину	во 2 половину
Среднее количество веретен в действии в тыс.	3.343,0	3040,5
Среднее количество рабочих мужчин	34.600	33.831
женщин	112.902	106.661
Число рабочих дней	160,2	155,8
Среднее число рабочих часов в сутки	21,23	19,31
Потребление угля в млн. англ. фунт.	881,5	644,8
Производство пряжи в млн. англ. фунт.	402,1	341,8
Чистая прибыль в млн. иен	102,5	39,1
Дивиденд в млн. иен	59,5	86,2
Дивиденд в %	48,4	26,5

Приведенные цифры весьма наглядно иллюстрируют силу депрессии в Японской хлопчатобумажной промышленности.

Сокращается количество действующих веретен и число рабочих, сокращается число рабочих дней и количество рабочих часов, падает потребление угля и выработка пряжи. Резко понижается и рентабельность промышленности. Одним словом, на лицо все признаки острого кризиса.

Чтобы проследить депрессию текстильного производства во времени более систематично и точнее определить момент его перелома, приведем данные о ежемесячной переработке хлопка и шерсти, а также о % бездействующих станков и веретен в текстильной промышленности Соединенных Штатов².

¹ См. Экономический бюллетень Берлинск. Представит. от 22 июня 1921 года № 28, стр. 86.

² По данным The Review of economic statistic Supplement № 1ю April 1922. Statistica Record: 1921 Monthly data. Edited by Edmund E. Day. Harvard Economic service. А также по данным Мировое хозяйство, изд. Всеросс. центр Союза потреб. об-в.

Даты	Переработка хлопка		Число прядильных веретен в работе		Переработка шерсти в млн. фунтов	% бездейст. станков в шерстяной промышленности		% безд. прядильных веретен шерст.
	в тыс. кип	в % к январю 1920 г.	в тыс. шт.	в % к январю 1920 г.		ткацких (Wide looms)	чесальных Sets of cards.	
1920 г.								
Январь	592	100,0	34.739	100,0	63,1	14,5	8,8	9,1
Февраль	516	87,2	34.669	99,8	55,2	12,2	7,6	7,1
Март	<u>576</u>	<u>97,3</u>	<u>34.668</u>	<u>99,8</u>	<u>58,3</u>	14,9	<u>9,8</u>	<u>10,3</u>
Апрель	567	95,8	34.347	98,9	57,9	<u>13,1</u>	9,6	9,5
Май	541	91,4	34.066	98,6	50,6	15,2	10,6	11,5
Июнь	551	93,8	34.504	99,3	40,7	26,8	21,1	23,1
Июль	526	88,3	34.667	99,8	32,4	42,5	38,0	42,0
Август	488	82,4	34.472	99,2	32,8	49,5	39,6	45,5
Сентябрь	458	77,4	34.041	97,8	30,9	51,8	39,6	44,6
Октябрь	400	67,7	33.670	96,9	33,7	49,0	38,3	43,2
Ноябрь	332	56,1	31.654	91,1	24,2	46,9	39,5	42,8
Декабрь	<u>295</u>	<u>49,8</u>	<u>29.879</u>	<u>86,0</u>	<u>20,0</u>	51,2	50,3	51,7
1921 г.								
Январь	366	61,9	31.509	90,7	26,3	<u>57,0</u>	<u>58,1</u>	<u>59,4</u>
Февраль	396	66,9	32.459	93,5	31,4	<u>53,9</u>	<u>56,5</u>	<u>58,9</u>

Из приведенных данных ясно видно, что как в хлопчатобумажной, так и в шерстеобрабатывающей промышленности перелом производства к сокращению обнаруживается в марте—апреле 1920 г. Сокращается переработка хлопка и шерсти и число действующих в хлопчатобумажной промышленности веретен. Увеличивается процент бездействующих станков и веретен в шерстеобрабатывающей промышленности. Наступивший кризис затем резко усиливается с июля—августа 1920 г. и достигает кульминационного пункта в декабре 1920 г. — январе 1921 г. С этого момента кризис текстильного производства в Соединенных Штатах начинает идти на убыль. Таким образом он длится 9—10 месяцев. То же самое с теми или иными отклонениями можно было бы наблюдать и в других странах, захваченных кризисом.

27. Обращаясь к тяжелой индустрии и прежде всего к каменноугольной промышленности, мы обнаруживаем ту же картину сокращения производства, хотя и не по всем странам. Это видно из следующих данных.

Производство угля в тыс. метр. тонн¹

Даты	Германия ²		Франция ³		Бельгия		Англия ⁴		Соединенные Штаты ⁵	
	в абс.	в % к январю 1920 г.	в абс.	в % к январю 1920 г.	в абс.	в % к январю 1920 г.	в абс.	в % к январю 1920 г.	в абс.	в % к январю 1920 г.
1920										
январь	10.400	100,0	2.200	100,0	1.870	100,0	4.780	100,0	48.669	100,0
февраль	10.225	98,3	1.973	89,7	1.684	90,0	4.862	101,7	40.180	62,5
март	10.150	97,6	1.540	70,0	2.006	107,3	4.892	102,3	46.880	96,2
апрель	10.011	96,2	1.817	82,6	1.901	101,6	4.291	89,8	37.939	77,9
май	10.224	98,4	1.956	88,9	1.737	92,9	4.426	92,6	38.990	80,8
июнь	11.008	109,1	2.301	104,5	1.887	100,9	4.741	92,2	45.110	92,6
июль	11.509	111,3	2.358	107,2	1.911	101,2	4.585	95,9	45.009	92,4
август	10.788	103,8	2.371	107,9	1.856	99,2	4.242	88,7	48.910	100,4
сентябрь	11.550	111,5	2.402	109,2	1.909	102,1	4.721	98,8	49.172	101,0
октябрь	11.870	114,2	2.436	110,8	1.967	105,2	2.808	58,7	52.144	107,8
ноябрь	11.814	113,9	4.374	198,9	1.634	87,4	3.980	83,3	51.457	105,7
декабрь	11.926	115,4	2.444	111,1	2.052	109,7	5.057	105,8	452.123	107,5
1921 г.										
январь	12.009	116,3	2.428	110,4	2.041	109,1	4.361	91,2	40.270	82,7
февраль	12.009	116,3	2.204	100,2	1.778	94,5	4.342	90,8	30.851	63,4
март	11.460	110,2	2.320	105,5	1.800	96,2	4.109	86,0	30.382	62,4
апрель	8.985	86,4	2.316	105,3	1.712	91,5	—	Стачка	27.553	56,5
май	7.797	74,9	2.162	98,3	1.512	85,1	—	углекопов	33.330	68,8
июнь	8.690	83,5	2.408	109,5	1.700	94,6	—	—	32.896	67,6

Анализируя цены на уголь, мы отмечали, что глубокой депрессии их в Германии, собственно, не было. Не видим мы здесь и резко выраженной депрессии в области добычи угля. Однако, депрессия добычи в Германии все же наблюдается с января по июнь 1921 г. Особенно резкое падение добычи в мае, объясняется, впрочем, конкретно волнениями в Верхней Силезии⁶.

Во Франции за весь 1920 г. мы наблюдаем резкое колебание добычи угля. Норма добычи падает до 70,0% в марте 1920 г. и вновь поднимается до 104,5% в июне и повышение идет до ноября, с декабря же начинается вновь падение. В этих колебаниях отразилась вся беспокойная и полная волнений социально-политическая обстановка Европы 1920 г. Только с декабря

¹ По данным Monthly Bulletin of statistics. Vol. II. № 1, Economic Review за январь и февраль 1922 г., The Review of economics. Supplement 1. april 1922. Мировое хозяйство изд. Ц. Союза потреб. об-в и упомянутой статьи С.А. Перушина. Данные отдельных источников частично не совпадают. Но общая картина динамики освещается ими одинаково.

² Добыча каменного угля в Рурском бассейне, Верхней и Нижней Силезии, в Саксонии и Ахенском округе.

³ С Лотарингией.

⁴ Недельная средняя каждого месяца.

⁵ Битуминозный уголь.

⁶ См. Вестник Народного Ком. Внешней торговли. № 4-5 за 1921 г., стр. 91.

1920 г. норма добычи резко и систематически падает. И так как именно этот период падения совпадает с депрессией на рынке угля (см. выше), то его правильнее всего и рассматривать, как выражение кризиса производства угольной промышленности. Однако, из сказанного ясно, что кризис угольной промышленности во Франции не нашел яркого выражения. Это обусловлено тем напряжением угольного рынка Франции, которое наблюдалось во время войны и первое время после нее. Французский угольный кризис далее весьма непродолжителен. Уже июнь 1921 г. дает новый подъем добычи.

В Бельгии кризис угольной промышленности выражен более резко и приходится на декабрь 1920 г. — май 1921 г.

В Англии с января по декабрь 1920 г. добыча колеблется весьма разнообразно. Но в декабре 1920 г. она достигает максимума и затем непрерывно падает. В апреле-июне 1921 г. она почти прекращается в силу стачки углекопов. Итак, кризис производства в Англии наступает точно также с декабря 1920 г. и он выражен весьма заметно. В сущности и сама стачка углекопов органически и причинно связана с экономическим кризисом страны.

С декабря же 1920 г. кризис наступил и в Соединенных Штатах. Здесь добыча, упавши весьма заметно в феврале и особенно апреле 1920 года, затем непрерывно повышается, достигает максимума в декабре 1920 г. и после этого вступает в полосу сильнейшего упадка, максимум которого приходится на апрель 1921 г.

Начало упадка в таблице всюду отмечено одной чертой, а конец — двумя.

Итак, мы видим, что по всем взятым странам начало кризиса добычи угля приходится с большей или меньшей определенностью на декабрь 1920 г. — январь 1921 г., а максимум его приходится на апрель-май 1921 г. Он длится, следовательно, 5-6 месяцев и по своей продолжительности несомненно уступает кризису текстильной промышленности. Наиболее сильно он выражен в Соединенных Штатах и Англии.

Из предыдущего ясно, что кризис нашел относительно слабое отражение в угольной промышленности. Это является следствием причин двух рядов. С одной стороны, следствием сильного упадка угольной промышленности за время войны и вытекающего отсюда напряжения угольного рынка. С другой стороны, следствием того, что уголь лишь до известной степени связан с производством основного капитала. Он служит предметом непосредственного потребления (отопление жилищ, транспорта, об-

служивающего личные потребности и т.д.), он служит также средством производства предметов личного потребления (употребление угля в производстве готовых предметов личного потребления). В отношении связи с личным потреблением угольное производство превосходит даже текстильную промышленность и во всяком случае те отрасли ее, которые вырабатывают полуфабрикат (пряжа и т.п.) или предметы хозяйственно технического потребления (канаты, веревки, брезенты и т.п.).

Поэтому нет ничего удивительного, что текстильная промышленность потрясена кризисом не менее, а даже более, чем угольная.

28. Перейдем теперь к металлургической промышленности и приведем прежде данные о выплавке чугуна.

Даты	Выплавка чугуна в тыс. метр. тонн ¹							
	Бельгия		Франция		Англия		Соединенные Штаты	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
1920 г.								
январь	41	100,0	195	100,0	665	100,0	3.015	100,0
февраль	54	131,7	205	105,1	645	97,0	2.979	98,8
март	66	161,0	198	101,5	699	105,1	3.376	112,0
апрель	76	185,4	179	91,8	671	100,9	2.740	90,9
май	82	224,4	224	114,9	739	111,1	2.986	99,0
июнь	101	246,3	271	139,0	725	109,2	3.043	100,9
июль	111	270,4	300	153,8	751	112,9	3.067	101,7
август	115	280,5	321	164,6	<u>752</u>	<u>113,1</u>	3.147	104,4
сентябрь	106	258,5	348	178,4	741	111,4	3.129	103,8
октябрь	125	304,9	<u>371</u>	<u>190,3</u>	733	110,2	<u>3.292</u>	<u>109,2</u>
ноябрь	118	287,8	356	182,6	401	60,6	2.935	97,3
декабрь	<u>127</u>	<u>309,8</u>	349	179,0	682	102,6	3.704	122,9
1921 г.								
январь	112	273,2	293	150,3	643	96,7	2.400	79,6
февраль	105	256,1	292	149,7	464	69,8	1.937	64,2
март	106	258,5	300	153,8	385	57,9	1.595	52,9
апрель	96	234,1	292	149,7	60	9,0	1.193	39,6
май	76	185,4	283	145,1	14	2,1	1.221	40,5
июнь	68	165,8	285	146,2	1	<u>0,2</u>	1.065	33,8
июль	45	109,8	267	136,9	10	1,5	<u>865</u>	<u>28,6</u>
август	44	107,3	255	130,8	94	14,1	954	31,6
сентябрь	<u>40</u>	<u>97,6</u>	<u>244</u>	125,1	158	23,8	986	32,7

¹ По данным Monthly Bulletin of statistics; Economic Review (различные номера); The Review of economic statistics и др. источников.

Из приведенных данных ясно, что с осени 1920 г. депрессия захватывает и металлургическую промышленность взятых стран, сначала с августа 1920 г. — Англию, затем с октября — Соединенные Штаты и Францию, далее с декабря — Бельгию. В Англии и Соединенных Штатах сокращение выплавки чугуна особенно усиливается с января 1921 г. Но это, как мы знаем, и есть отправной момент особенно резкого понижения цен на железо. Из таблицы ясно также, что депрессия в сфере чугуноделательной промышленности достигает максимума в июне—сентябре 1921 г. Следовательно кризис продолжается здесь 9—10 месяцев. В то же время кризис в этой отрасли промышленности выявлен значительно сильнее, чем в области каменноугольной промышленности. Наиболее глубоко он поразил Соединенные Штаты и Англию. В Англии с марта 1921 г. выплавка чугуна катастрофически падает, сходя почти на нет, под влиянием стачки углекопов, возникновение которой, однако, в свою очередь связано с фактом кризиса.

Аналогичные явления и сдвиги наблюдаются и в области производства стали. Рассмотрим следующую таблицу.

Производство стали в тыс. метр. тонн¹

Даты	Бельгия		Франция		Англия		Соединенные Штаты	
	абс.	в % к январю 1920 г.	абс.	в % к январю 1920 г.	абс.	в % к январю 1920 г.	абс.	в % к январю 1920 г.
1920 г.								
Январь	57	100,0	195	100,0	754	100,0	3582	100,0
Февраль	72	126,3	194	99,5	798	105,8	3458	96,5
Март	79	138,6	188	96,4	840	111,4	3982	111,2
Апрель	100	175,4	186	95,4	794	105,3	3185	88,9
Май	99	173,9	172	83,1	846	112,2	3480	97,2
Июнь	113	198,2	244	125,1	845	112,1	3597	100,4
Июль	119	208,8	255	130,7	790	104,8	3383	94,4
Август	123	215,8	277	242,0	709	94,0	3621	101,1
Сентябрь	111	194,7	300	153,8	<u>885</u>	<u>117,4</u>	3620	101,1
Октябрь	122	214,0	<u>324</u>	<u>166,2</u>	554	73,5	<u>3640</u>	101,6
Ноябрь	120	210,5	314	161,1	505	67,0	3185	88,9
Декабрь	<u>121</u>	<u>212,0</u>	312	160,0	747	99,1	2825	78,9

¹ По данным Monthly Bulletin of statistics и сборника Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г. Изд. Ц. С. Потр. Об-в.

Даты	Бельгия		Франция		Англия		Соединенные Штаты	
	абс.	в % к январю 1920 г.	абс.	в % к январю 1920 г.	абс.	в % к январю 1920 г.	абс.	в % к январю 1920 г.
1921 г.								
Январь	121	212,3	268	137,4	493	65,4	2659	74,2
Февраль	100	175,4	264	135,4	483	64,1	2111	58,9
Март	98	171,9	251	128,7	359	47,6	1896	52,9
Апрель	110	193,0	268	137,4	68	9,0	1467	40,1
Май	64	112,3	264	135,4	6	0,8	1504	44,7
Июнь	55	96,5	251	128,7	<u>2</u>	<u>0,3</u>	1210	<u>33,8</u>
Июль	<u>27</u>	<u>47,4</u>	257	131,2	117	15,5	<u>969</u>	<u>27,2</u>
Август	28	49,1	<u>244</u>	<u>125,1</u>	434	57,6	1373	38,3

Кризис стальной промышленности развивается почти совершенно также, как и кризис промышленности по выплавке чугуна. Он начинается с сентября 1920 г. в Англии, с октября в Соединенных Штатах и Франции, с декабря в Бельгии. Высшего предела он достигает в июне-августе 1921 г. Иначе говоря, он длится 9-10 месяцев. Он глубже всего поразил Соединенные Штаты и Англию.

29. Согласно намеченного плана, мы должны остановиться на производстве основного капитала, т.е. мы должны были бы рассмотреть производство машин, зданий и транспортных средств. Однако, имеющиеся материалы заставляют весьма ограничить задачу. Во-первых, в нашем распоряжении имеются некоторые данные лишь по Соединенным Штатам Северной Америки; во-вторых, имеются лишь данные о движении строительной промышленности. Данные эти следующие: о контрактах на постройки (о площадях под постройки и о ценности сделок по этим контрактам), о ценности разрешенных к постройке зданий (данные Bradstreet'a), о количестве проданных или произведенных важнейших строительных материалов. Отсюда видно, что данные эти частью прямого, частью косвенного характера. Наконец, необходимо учесть, что не все постройки предназначаются служить основным капиталом; некоторая часть их предназначается, конечно, для удовлетворения непосредственных нужд в жилище. Но и при всех этих оговорках имеющийся материал в общем достаточно хорошо характеризует состояние производства основного капитала в строительной промышленности.

Приведем имеющиеся данные¹

Даты	Новые постройки ² Заключенные контракты		Ценность разре- шенных построек в млн. ³ долл. ³	Производство строитель- ных материалов	
	площади в млн. кв. футов	ценность млн. долл.		стр. сталь продан. 1000 бол. т.	кирпичи 1.000.000 шт.
1920 г.					
Январь	42,0	226,1	126,1	134,6	<u>18,27</u>
Февраль	34,9	200,8	111,1	<u>171,1</u>	14,61
Март	<u>54,5</u>	302,1	151,8	150,4	18,05
Апрель	51,0	<u>305,0</u>	<u>185,9</u>	122,2	15,29
Май	41,3	246,9	129,3	110,5	15,13
Июнь	37,0	260,1	128,3	90,4	13,71
Июль	27,7	204,5	118,0	90,5	12,42
Август	28,2	202,7	115,9	72,2	13,60
Сентябрь	25,8	178,2	96,8	77,7	12,34
Октябрь	25,5	177,8	94,0	45,6	15,46
Ноябрь	18,8	129,0	74,1	49,2	16,36
Декабрь	<u>13,9</u>	<u>100,1</u>	79,5	47,0	13,65
1921 г.					
Январь	15,4	111,6	<u>59,0</u>	32,1	11,66
Февраль	16,8	100,7	<u>82,6</u>	<u>25,6</u>	9,99

Отсюда ясно, что в строительной промышленности кризис нашел чрезвычайно сильное отражение. По времени возникновения он проявляется здесь почти одновременно и даже частично ранее, чем в текстильной промышленности, начиная с марта и даже с января-февраля 1920 г. Он продолжается, смотря по отрасли, 10-16 месяцев, т.е. является весьма длительным и в этом отношении несколько не уступает длительности кризиса металлургической индустрии.

30. Из сделанного обзора ясно видно, что и по продолжительности и по степени интенсивности кризис текстильной, металлургической и строительной промышленности сходны и превосходя кризис угольной промышленности. Но в то же время видно, что хронологически кризис текстильной, строительной и металлургической промышленности не совпадают между собой вполне, а совпадают лишь частично, частично же примыкают один к другому. Кризис текстильной и строительной промышленности, начинаясь с апреля 1920 г., и даже ранее, тянется

¹ См. Harvard Economic Service. The Review of econom. statist. Supplement 1. Pp. 99.

² F. W. Dodge.

³ Данные Bradsterce's по 163 городам.

примерно, до января 1921 г. Кризис же металлургической промышленности, начинаясь с октября–декабря 1920 г., тянется до июня–августа 1921 г. Это обстоятельство чрезвычайно интересно для рассматриваемого мирового кризиса и служит одним из основных факторов общего затяжного характера его.

Чтобы излишне не усложнять изложения, не будем рассматривать еще новых отраслей производства и перейдем к анализу других натуралистических показателей конъюнктуры.

31. Сокращение промышленного производства осуществляется различными путями: уменьшением числа рабочих часов, сокращением количества рабочих или даже закрытием предприятий. Отсюда ясно, что сокращение производства органически связано с возрастанием безработицы.

Посмотрим же на фактическое положение мирового рынка труда. Оно освещается следующим таблице.

Даты	Германия ¹	Бельгия ²	Англия ³	Швеция ¹	Дания ⁴	Канада ¹
	Процент безработных среди организованных рабочих					
1920 г.						
Март	1,9	—	1,1	4,5	6,7	3,4
Апрель	1,9	—	0,9	3,5	3,5	2,8
Май	<u>2,7</u>	—	1,1	2,9	2,8	2,9
Июнь	3,9	—	1,2	3,4	2,1	2,5
Июль	<u>6,0</u>	—	1,4	2,8	2,1	2,6
Август	5,9	—	1,6	<u>3,0</u>	<u>2,4</u>	<u>4,0</u>
Сентябрь	4,5	—	2,2	2,9	2,8	3,3
Октябрь	4,2	7,2	<u>5,3</u> ⁵	4,3	3,6	6,0
Ноябрь	3,9	6,4	<u>3,7</u> ⁵	7,0	<u>6,1</u>	<u>10,0</u>
Декабрь	4,1	<u>17,4</u>	6,1	<u>15,8</u>	15,1	13,4
1921 г.						
Январь	4,4	19,3	6,9	20,2	19,7	13,1
Февраль	4,7	22,7	8,5	20,8	23,2	16,1
Март	3,6	31,5	10,0	24,6	23,6	16,5
Апрель	<u>3,9</u>	31,2	17,65	24,2	21,7	16,3
Май	<u>3,7</u>	32,3	22,25	25,3	18,6	15,5
Июнь	3,0	22,9	23,45	27,9	16,8	13,1
Июль	2,6	21,4	16,7	27,8	16,7	9,1

¹ По данным "Сборника стат. сведений" изд. ЦСУ и сборника Мировое хозяйство изд. Ц.С.П. О-в.

² См. сборник Мировое хозяйство. Данные относятся к участникам касс безработных и охватывают не только совершенно, но и частично безработных.

³ По данным Economist'a. Различные номера.

⁴ Данные взяты из указанного Сборника Мировое хозяйство.

⁵ Без бастующих углекопов.

Одной чертой мы подчеркнули месяцы, с которых начинается регулярное возрастание безработицы. Двумя чертами месяцы, с которых начинается катастрофическое возрастание безработицы. Тремя чертами — даты максимума безработицы.

Из таблицы видно, что возрастание безработицы в Германии начинается с мая 1920 г.; % безработных быстро повышается, достигая максимума в июле 1920 г. С июля он начинает несколько понижаться, оставаясь, впрочем, значительно выше весеннего.

С декабря он вновь несколько повышается и систематически падает лишь с апреля 1921 года. Однако германский рынок труда мало показателен. Движение процента безработных в Германии значительно отличается от движения его в других странах.

В то время, как в этих странах идет непрерывное нарастание безработицы до половины 1921 г., в Германии максимум падает на июль 1920 г. Нерегулярность движения процента безработных здесь и отличие этого движения в 1920 г. от движения в других странах в значительной степени обязано политическим осложнениям, которыми так богата была жизнь Германии летом 1920 г.

Другая причина особого движения безработицы Германии лежит в том, что германский кризис отличается вообще относительно слабо выраженными формами. Германия, как страна жестоко истощенная и обязанная платить громадную контрибуцию, самым ходом вещей вынуждалась к напряженной работе, что она и делает. Некоторое новое повышение безработицы в ней в декабре 1920 г. по апрель 1921 г. объясняется, отмеченными выше, наступлением кризиса в тяжелой индустрии.

В Англии процент безработных начинает регулярно подниматься с мая 1920 г. Но до октября он стоит все же относительно низко. С октября он поднимается катастрофически и в июне 1921 г. достигает невиданного уровня в 23,4%. Это означало, что свыше 1500 тыс. человек организованных рабочих было без работы.

В Швеции, где перелом в движении цен мы констатировали позднее, подъем безработицы начинается лишь с октября, а затем делает невероятный скачок вверх с декабря 1920 г., достигая в мае 1921 г. — 25,3%. Для Швеции это означало, что без работы оказалось свыше 150 тыс. организованных рабочих.

В Дании первый подъем падает на август, новый и весьма сильный на ноябрь 1920 г. Максимум безработицы приходится

на март 1921 г. Те же даты и того же характера движение безработицы наблюдаем мы и в Канаде.

В Соединенных Штатах систематической регистрации безработных нет. Но по имеющимся сведениям безработица достигла там чудовищных размеров. Гувер оценивает число безработных осенью 1921 г. в 3500 тыс. человек, а министр труда Девис в августе 1921 г. определял это число даже в 5735 тыс. человек. Которая из этих цифр точна — сказать трудно. Большинство авторов считает более вероятной первую цифру. Но и она достаточно внушительна.

Что касается безработицы Франции, то о ней можно судить лишь по числу безработных, получающих государственное пособие из фондов на безработицу. Это число 8 января 1921 г. составляло 33.363 человека, к 25 февраля оно достигло 61.315 человек, 16 апреля 84.309. Затем оно систематически понижается и 29 июля составляет лишь 39.938 человек¹.

Из сделанного обзора мирового рынка труда мы видим, что кризис этого рынка начинается с мая-августа 1920 г., чрезвычайно усиливается в октябре-декабре 1920 г. и достигает максимума в марте-июне 1921 г. Таким образом, наибольшая его длительность в общей сложности около 10-12 месяцев. Сопоставляя только что сказанное с изложенным выше о кризисе промышленного производства, не трудно видеть, что начало кризиса рынка труда совпадает с некоторым запозданием на месяц — на два с началом кризиса в текстильной промышленности. Его максимум совпадает с периодом максимума кризиса тяжелой и особенно металлургической промышленности.

Таким образом, возрастание безработицы носит мировой характер. Начиная возрастать с весны-лета 1920 г., смотря по стране, с осени 1920 г. она во всех странах усиливается и к концу весны 1921 г. приобретает грандиозные размеры и максимальное напряжение.

32. Резкое сокращение производства и рост безработицы, которые были освещены только что, падение цен и затруднения в сбыте, о чем была речь выше — все это достаточно убедительно говорит за то, что со времени перелома конъюнктур весной-летом 1920 г. положение торговых и промышленных предприятий, как и всегда в период падающих конъюнктур, систематически ухудшается, становится менее устойчивым. Ярким выра-

¹ См. Фалькнер. Перелом в развитии кризиса.

зителем этой неустойчивости в положении капиталистических предприятий и новым показателем состояния конъюнктуры является движение количества банкротств, рост которых служит одним из самых верных и чувствительных показателей падающих конъюнктур.

И вот, анализируя данные, мы прежде всего должны констатировать, что количество и размер банкротств в 1920 г. непрерывно возрастает. Так, данные по Германии и Соединенным Штатам говорят следующее:

Даты	Германия ¹ Число банкротств	Соединенные Штаты ²	
		Число банкротств	Сумма обязательств обанкротившихся предприятий в тыс. долл.
3-я четверть 1919 г.	209	1393	20.231
4-я	258	<u>1595</u>	<u>24.350</u>
1-я четверть 1920 г.	207	1627	29.702
2-я	<u>240</u>	1728	57.041
3-я	422	2031	79.834
4-я	455	3498	128.544

В Германии количество банкротств начинает расти со второй четверти 1920 г. или точнее, как показывают месячные данные, — с апреля 1920 г., а в Соединенных Штатах начало роста их относится даже к 4-й четверти 1919 г. Третья четверть 1919 г. дает в них 1393 банкротства с 20.231 тыс. долларов обязательств обанкротившихся предприятий, а 4-я четверть 1919 г. — 1595 банкротств с 24.350 тыс. долларов обязательств. Ранний рост банкротств в Соединенных Штатах вполне отвечает и наиболее раннему наступлению заминки в конъюнктурах ее экономической жизни. Ранее наступление перелома конъюнктур в Соединенных Штатах мы неоднократно отмечали выше.

Однако, особенно сильный рост банкротств и в Германии, и в Соединенных Штатах, наблюдается со второй половины 1920 г., когда начал развиваться подлинный кризис.

Движение банкротств по большому количеству стран и за более длительный период говорит о том же и характеризуется следующей таблицей.

¹Ernst Kahn. Die Indexzahlen der Frankfurter Zeitung. März-April, 1921, стр. 63.

²См. Сборн. Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г., стр. 247.

Число банкротств по странам¹

Даты	Германия	Голландия	Швейцария	Швеция	Норвегия	Соединенные Штаты	Канада
В среднем за месяц 1919 г.	83	91	29	175	16	460	52
1920 г.	109	127	36	196	32	716	81
За январь 1921 г.	195	130	46	301	71	1998	228
За февраль	236	192	58	381	56	1435	172
За март	308	208	64	390	74	<u>1500</u>	<u>171</u>
За апрель	267	160	59	444	93	1410	143
За май	300	175	50	454	75	1338	164
За июнь	<u>323</u>	<u>211</u>	<u>61</u>	<u>483</u>	<u>116</u>	1329	—
За июль	301	182	59	413	96	1483	151
За август	290	176	50	353	105	1629	190
За сентябрь	256	244	52	493	101	1539	213

Из приведенной таблицы с ясностью видно, что число банкротств в 1920 г. нарастает против 1919 г. и в 1921 г. против 1920 г., несмотря на месячные колебания, порой весьма резкие. Наиболее интенсивный рост их наблюдается в Соединенных Штатах, Канаде, Швеции и Германии.

Из таблицы видно также, что наиболее сильное развитие банкротства приходится на первую—вторую четверть 1921 г. или точнее на март—июнь месяцы, т.е. на время максимального напряжения кризиса. Эти месяцы максимума банкротств отмечены двумя чертами. С июня намечается перелом банкротства к понижению бесспорно в Германии, Голландии, Швейцарии, Швеции и Норвегии. Однако, сентябрь 1921 г. в этих странах дает новую вспышку банкротств, превосходящую по некоторым из них даже отмеченный момент перелома. Тем не менее общая тенденция банкротств к падению остается. Существование той же тенденции по существу нужно признать с марта 1921 г. и в Канаде, и Соединенных Штатах, хотя июль и сентябрь дают и здесь эпизодические повышения и нарушают регулярность движения числа их. Но это лишь нарушение наметившейся тенденции затихания банкротств. Действительно, хотя число банкротств в Соединенных Штатах за июль—сентябрь 1921 г. вновь и поднялось, сумма обязательств обанкротившихся предприятий падает здесь непрерывно, начиная со второй четверти 1921 г. В

¹ См. Вестн. Нар. Ком. внешней торговли № 1(6), 1922, стр. 77. Нужно отметить для точности, что использованные данные последней и предыдущей таблицы в деталях не совпадают. Однако это не меняет общей картины явления.

первую четверть она составляла 180.399 тыс. долл., во 2-ю 130.273 тыс. долл. и в 3-ю 122.699 тыс. долл. Иначе говоря, экономический размах и значение банкротств падает.

Таким образом и анализ движения банкротств рисует ту же кривую общего движения конъюнктур: в 1920 г. в одних странах ранее (Соединенные Штаты), в других позднее конъюнктуры падают, банкротства растут, развивается кризис; кризис достигает максимума развития в конце весны — летом 1921 г. С этого времени и банкротства идут на убыль.

33. Чтобы закончить описание и характеристику кризиса 1920—1921 гг. необходимо хотя бы кратко остановиться еще на изучении изменений в движении различных категорий доходов.

Теоретически и априори можно ожидать, что вместе с развитием и углублением кризиса уровень доходов большинства общественных групп понижается. Статистическое выявление характера движения доходов, как известно, представляется задачей весьма трудной. Однако, некоторые данные и по этому вопросу все же привести можно. Так, останавливаясь на характеристике движения прибыли, можно было бы воспользоваться отчетными данными акционерных компаний хотя бы по Англии. Сопоставляя данные отчетов за 1920 и 1921 г., мы получаем следующую картину¹:

Даты	Число компаний, к которым относятся данные отчетов	Общая сумма прибыли после уплаты процентов на занят. капитал		Прирост (+) или падение (-) в 1921 г. в процентах
		в 1920 г.	в 1921 г.	
в фунтах стерлингов				
1-я четверть	412	41.915.998	43.387.538	+3,5
2-я	355	44.173.294	40.467.496	-8,4
3-я	232	24.157.772	13.912.771	-42,4
4-я	311	30.272.382	14.268.278	-52,9
За год	1310	140.519.446	112.036.083	-20,1

Чтобы быть точным в сравнениях, необходимо, конечно, в виду меняющегося от четверти к четверти количества компаний, по которым есть отчеты, делать сопоставления лишь в горизонтальном направлении по соответствующим четвертям 1920 и 1921 гг.

Беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться в чрезвычайно резком падении прибылей по четвертям 1921 г. Если уже

¹ По данным Economist'a от 15 апреля 1922.

1920 г. является годом начала развития кризиса, то в 1921 г. кризис достиг своего апогея. Соответственно прибыли 1921 г. сильно понижаются даже против прибылей 1920 г. Степень понижения усиливается вплоть до 4-й четверти 1921 г., что видно из последнего столбца таблицы. В целом 1921 г. дает понижение прибылей против 1920 г. на 20,1%.

Чтобы осветить теперь последовательно-хронологический процесс падения прибылей, приведем еще следующие данные о проценте прибыли на капитал по тем же компаниям, обязанным публичной отчетностью¹.

Годы	Дивиденд на капитал, в %
1918	11,1
1919	10,7
1920	12,6
1921	10,2

Из приведенной таблички очень хорошо видно, что норма процента сильно поднялась в период повышения конъюнктур от 1919 г. и 1920 г. и еще более сильно упала в период кризиса 1920–1921 гг.

Необходимо отметить, что степень падения норм прибыли в различных отраслях промышленности весьма различна. Наиболее сильно это падение в металлургической промышленности, текстильной, в промышленности по производству моторов, резины и др.²

Аналогичную картину можно было бы обнаружить и в других странах³. Однако мы не будем здесь увеличивать количество фактических данных.

34. Остановимся далее на некоторых данных о движении заработной платы.

Изучение экономических кризисов прошлого показывает, что номинальная заработная плата в эпохи кризисов подчиняется общей понижательной тенденции конъюнктур и падает. При этом, падение ее начинается всегда несколько позднее, чем падение оптовых цен. Мы увидим ниже, что так было и в период кризиса 1920–1921 гг.

¹ См. *Economist.*, 18 февраля, стр. 292.

² *Ibidem.* См. также *Economist* от 13 мая 1922, стр. 894–895.

³ См. *Economist*, май 13, 1922; в частности для Соединенных Штатов, стр. 902.

Однако, нас интересует движение не только номинальной, но и реальной заработной платы. Движение реальной заработной платы зависит, с одной стороны, от изменения номинальной заработной платы, с другой — от изменения стоимости жизни и следовательно в значительной мере розничных цен на предметы личного широкого потребления. Если номинальная заработная плата по сравнению с оптовыми ценами начинает падать с опозданием, то и розничные цены точно также запаздывают в своем падении и отстают от оптовых. Это отставание в падении розничных цен действует, конечно, не благоприятно на реальную заработную плату. Однако, отставание в падении розничных цен всегда меньше, чем отставание в падении заработной платы. В силу этого в первый период кризиса реальная заработная плата имеет тенденцию скорей к повышению. Это позволяет утверждать, что в первое время кризиса доходы удержавшихся в работе слоев рабочих скорей повышаются. Но если принять во внимание пролетариат, как целый класс, если учесть в связи с этим его потери во время кризиса в силу наступающей массовой безработицы, если принять во внимание, что наступающее с запазданием падение заработной платы по инерции и продолжится долее, чем падение цен, то придется отвергнуть предложение, что в период кризисов общий уровень дохода рабочего класса повышается.

Обратимся к имеющимся фактам.

По Соединенным Штатам движение номинальной и реальной заработной платы достаточно хорошо характеризуется следующими индексами, составленными на основании официальных данных.

Месяцы	Недельн. номин. зарплата в штате Нью-Йорка	Цены предметов продовольствия в Соединенных Штатах	Реальная заработная плата
		в % к данным июня 1914 г.	
В среднем 1919 г.	185	188	98,4
Январь 1920 г.	209	203	102,9
Февраль	209	202	103,4
Март	219	202	108,4
Апрель	219	213	102,8
Май	224	218	102,8
Июнь	226	221	102,3
Июль	224	221	101,3
Август	226	209	108,1
Сентябрь	226	205	110,2
Октябрь	228	206	110,7

Месяцы	Недельн. номин. зарплата в штате Нью-Йорка	Цены предметов продовольствия в Соединенных Штатах в % к данным июня 1914 г.	Реальная заработная плата
Ноябрь	226	195	115,9
Декабрь	223	180	123,9
Январь 1921	217	174	124,7
Март	211	160	131,2
Февраль	212	158	134,1
Апрель	206	152	135,5

Отсюда видно, что номинальная заработная плата начинает падать лишь с октября 1920 г. Мы знаем, что падение оптовых цен и развитие кризиса в Соединенных Штатах началось в январе-марте 1920 г.

Что касается выводов, относительно изменения реальной заработной платы, то на основании приведенных данных их нужно делать с осторожностью. Т.к. сопоставление заработной платы и цен в таблице производится по различным территориям, т.к. приведены цены только на предметы продовольствия, а не на все предметы широкого потребления, то в приведенных данных следует и можно обращать внимание преимущественно лишь на *тенденцию движения реальной заработной платы*, а не на ее уровень. Подходя теперь к сопоставлению ряда цен и ряда заработных плат, мы видим, что цены предметов продовольствия в свою очередь повышаются до июля 1920 г. Соответственно до этого времени реальная заработная плата не обнаруживает тенденции роста. С июля 1920 г. цены быстро падают, номинальная же заработная плата продолжает расти. Далее с октября она падает, но падает медленнее цен. В апреле в процентах к высшему уровню заработная плата упала всего на 9,7%, а цены на 31,2%. В силу всего этого с июля 1920 г. реальная заработная плата вплоть до начала ликвидации кризиса в Соединенных Штатах имеет повышательную тенденцию.

Выше мы отметили, что номинальная заработная плата в 1920-21 гг. понизилась. Понижение заработной платы коснулось всех отраслей промышленности. Но так как это понижение в различных отраслях и профессиях обнаружилось в различной степени, то и реальное положение рабочих различных профессий должно было измениться весьма различно. Различие в движении номинальной заработной платы хорошо иллюстрируется следующими данными¹.

¹ См. *Wirtschaft und Statistik* от 25 сентября 1921 г.

Профессия	Недельная заработная плата в долл. в июнь 1920 г.	Недельная заработная плата в долл. в июнь 1921 г.	Понижение против июня 1920 г. в %
Каменщики	30,45	26,04	-14,48
Металлисты	31,92	27,79	-12,94
Деревообдел.	28,16	24,85	-11,75
Кожевники	26,90	25,22	-6,25
Химики	27,91	26,61	-4,66
Рабочие бумажной промышленности	32,33	26,47	-18,13
Печатники	29,66	30,33	+2,21

Таким образом только в области печатного дела заработная плата в 1920–21 гг. повысилась. Во всех других отраслях она упала и притом сильнее всего в области бумажной промышленности, каменно-строительного дела и металлургической промышленности.

По Японии движение заработной платы характеризуется следующими данными¹:

Даты	Средние цены в % к уровню июля 1914 г.	Средняя заработная плата
В среднем за 1919 г.	237	171
Декабрь	317	250
Март 1920 г.	345	273
Июнь	270	293

Отсюда ясно, что и в Японии, когда кризис в 1920 г. уже начался и цены падали, номинальная заработная плата до июня 1920 г. растет. Конечно за этот начальный период кризиса должна была увеличиваться и реальная заработная плата.

Однако в последующие месяцы и в Японии номинальная заработная плата резко упала, правда, в различных профессиях в различной мере. Это видно из следующей таблицы, относящейся к г. Июкогама².

Профессия	Ставки дневной заработной платы в иенах май 1920 г.	Ставки дневной заработной платы в иенах май 1921 г.	Падение в %
Плотники	2,95	2,80	-5,1
Каменщики	3,50	3,00	-14,3
Наборщики	2,58	2,70	+4,6
Портные	2,55	2,30	-9,8
Сапожники	2,80	2,70	-3,6
Кузнецы	3,30	2,50	-24,2

¹ По данным Japan Chronicle.

² По данным Labour Gazette.

Характерно, что и в Японии, как и в Соединенных Штатах, заработная плата рабочих печатного дела не упала. Таким образом, характер движения номинальной заработной платы и цен, а следовательно и реальной заработной платы в Японии аналогичен движению их в Соединенных Штатах.

В Англии индексы, выражающие стоимость жизни (построенные на данных о ценах пищи, одежды, жилища, отопления, освещения и др.), повышаются вплоть до октября 1920 г., когда в % к июлю 1914 г., они показывают 276. После ноября начинается неуклонное падение этих индексов.

Между тем заработная плата до начала 1921 г. продолжает повышаться. В силу этого с развитием кризиса, особенно с момента падения стоимости жизни и здесь реальная заработная плата имеет тенденцию повышаться.

Однако в дальнейшем с момента начала ликвидации кризиса, когда цены и стоимость жизни замедляют свой темп падения, а номинальная заработная плата по инерции продолжает падать, понижается и реальная заработная плата. Сказанное весьма наглядно иллюстрируется следующей таблицей¹.

Даты	Индекс стоимости жизни ²	Индекс средней номинальной заработной платы ³	Индекс реальной заработной платы
		в процентах к июлю 1914 г.	
1920 г.			
Январь	230	229	99,6
Июль	255	264	103,5
Сентябрь	264	270	102,3
Октябрь	276	270	97,8
Ноябрь	269	274	101,9
Декабрь	265	276	104,1
1921 г.			
Январь	251	277	110,4
Май	219	(269)	122,9
Июнь	219	(264)	121,5
Август	220	243	110,5
Декабрь	192	223	116,1
Февраль 1922 г.	186	214	115,1

¹ См. Statist от 8 октября 1921 г. и Labour Gazette, различные номера. См. также и особенно Manchester Guardian Commercial спец. изд. под общей редакцией Keynes'a. Специальное издание под названием Der Wiederaufbau in Europa от 20 апреля 1922 г.

² Числа показателя к началу месяца отнесены к предыдущему месяцу.

³ Заработная плата по важнейшим профессиям: каменщиков, механиков, печатников, доковых рабочих, железнодорожников, текстильщиков.

Таким образом временное повышение реальной заработной платы вместе с ликвидацией кризиса благодаря продолжающемуся быстрому темпу падения номинальной заработной платы сменяется тенденцией к понижению.

Неуклонность и сила понижения номинальной заработной платы в 1921 г. хорошо иллюстрируется следующими цифрами.

Даты	Повышение заработной платы		Понижение заработной платы		Суммарное уменьшение заработной платы по-высх. повыш. на числ. ф. ст.
	Число рабочих, которых оно коснулось	Суммарное изменение недел. зарпла-ты, в ф. ст.	Число рабочих, которых оно коснулось	Сумма измен. недел. зарплаты в ф. ст.	
1921 г.					
Январь	692.000	54.200	1.459.000	167.800	-113.600
Февраль	70.000	8700	1.556.000	449.700	-441.000
Март	11.400	2850	352.000	60.200	-67.350
Апрель	18.500	2700	1.147.000	271.000	-268.300
Май	235.000	55.200	1.335.000	407.500	-352.300
Июнь	13.800	3400	1.060.000	422.800	-419.400
Июль	4500	600	3.619.000	1.070.600	-1.070.000
Август	87.000	7000	3.071.000	696.500	-689.500
Сентябрь	363.000	25.300	1.677.000	206.000	-180.700
Октябрь	408.000	86.400	1.735.000	521.300	-434.900
Ноябрь	—	—	3.454.000	1.163.000	—

Отсюда прекрасно видно, что понижение заработной платы в течение 1921 г. особенно до августа захватывает все большие массы рабочих и выражается все более крупными суммарными величинами. Наоборот до августа 1921 г. повышение заработных плат касается все меньших масс рабочих и выражается в общем все меньшими суммарными величинами. Видно также, что инерция понижательной волны заработных плат продолжается далеко за пределы тех месяцев, т.е. май, июнь, июль, когда кризис достиг высшего своего напряжения.

Глубже всего понижение заработной платы коснулось в Англии тяжелой индустрии и текстильной промышленности. Economist приводит следующие данные, которые подтверждают вы-
ставленное положение¹.

¹ Economist от 21 января 1922 г.

Отрасли промышленности	Количество рабочих, которых коснулось понижение зарплат в 1921 г., в тыс.	Общая сумма понижения недельной зарплат в тыс. ф. ст.	Понижение зарплат на 1 рабочего	
			шиллинг	пенс
Горн. и горнозаводская промышленность	1.290	2.558	40	00
Обработка железа и стали	240	475	39	7
Машинная и судостроительная промышленность	1.730	1.054	12	2
Строительная промышленность и т.п.	450	304	13	6
Текстильная	1.010	651	12	11
Транспорт	910	388	8	6

Приведем, наконец, несколько данных д-ра Кучинского по Германии.

Даты	Недельный прожиточный минимум семьи из мужа, жены и 2 детей, в марках		Недельная заработная плата, в марках		Реальная заработная плата
	абсол.	в %%	абсол.	в %%	
Август 1913 г. — Июль 1914 г.	29	100,0	около 35	100,0	100,0
Август 1919 г.	130 ¹	448,3	" 100	285,7	63,7
Февраль 1920 г.	254	875,9	" 170	485,8	55,5
Ноябрь 1920 г.	316	1089,6	" 240	685,6	62,4
Декабрь 1921 г.	557	1920,8	" 462 ³	1320,0	68,6

Отсюда ясно, что даже в Германии, где кризис проявился слабо и цены не падали в такой степени, как в других странах, реальная заработная плата, так резко упавшая к началу 1920 г., в течение 1920 и 1921 гг. несколько повышается.

Таким образом краткий обзор фактов приводит нас именно к тем заключениям, с которых мы начали анализ фактов.

В странах, где кризис выражен резко, номинальная заработная плата в первое время кризиса продолжает повышаться. А так как стоимость жизни, во-первых, начинает падать раньше и, во-вторых, она падает более быстро, чем заработная плата, когда последняя начинает падать, то реальная заработная плата во время кризиса несколько повышается.

¹Около 130.

²Среднее по Берлину.

Однако, номинальная заработная плата, начав падать, по инерции продолжает падать дольше, чем падает стоимость жизни. Это обуславливает последующее понижение реальной заработной платы. В силу этого, нельзя сказать, чтобы в конечном итоге уровень доходов рабочих заметно повысился.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в силу роста безработицы доля национального дохода, приходящаяся промышленному пролетариату, как классу, за время кризиса, безусловно должна падать.

Как бы то ни было, кризис выбрасывает одну часть рабочих на улицу, а другой — дает временное повышение реальной заработной платы. То и другое обстоятельство должно ослаблять наступательную силу рабочего движения, уменьшать количество стачек, особенно наступательных, увеличивать относительное число оборонительных стачек и увеличивать число локаутов.

Факты подтверждают это и тем самым подтверждают и предыдущие положения. Так даже по Англии, столь богатой стачечным движением за последние годы, мы имеем следующие цифры¹.

Годы	Число стачек	Число бастовавших рабочих, в тыс.
1918	1300	1142
1919	1413	2575
1920	1715	1937
1921	800	1794

Стаечное движение, достигшее высшего напряжения в 1919—1920 гг., в 1921 г. резко упало.

35. Мы не можем сколько-нибудь детально выяснить, как отразился кризис на уровне доходов групп населения, ведущих сельское хозяйство. Однако, представляется не безынтересным привести некоторые имеющиеся данные по Соединенным Штатам, где падение цен на сельскохозяйственные продукты и влияние кризиса на сельское хозяйство было особенно ощутительно. Данные эти касаются, с одной стороны, изменения общей ценности продуктов производства фермеров, с другой, покупательной силы сбора с одного акра земли².

¹ См стат. Д-ко в Сборнике "Мировое наступление капитала", издание Профинтерна, Москва, 1922, стр. 76.

² Таблица построена по данным Year-book of the Department of Agriculture of Unit. States. 1920, стр. 806 и 818.

	1919 г.	1920 г.
	в % к 1914 г.	
Ценность общего сбора продуктов полеводства	262	182
Ценность скота и продуктов скотоводства	237	230
Итого	252	201
Покупательная сила сбора с 1 акра земли (в зависимости от цен на продукты, покупаемые и продаваемые фермерами)	111	67

Отсюда ясно, что даже признавая всю неточность исчислений, тенденцию доходов фермеров к резкому понижению в 1920 г., когда наметилось глубокое понижение цен на сельскохозяйственные товары в Соединенных Штатах, приходится признать бесспорной.

Этими краткими замечаниями мы и ограничимся в анализе влияния кризиса на движение уровня различных доходов.

36. Мы рассмотрели динамику целого ряда наиболее существенных элементов хозяйственной жизни, служащих показателями состояния ее конъюнктур. И теперь можно подвести итоги анализа фактов.

а) Все показатели свидетельствуют, что в 1920 г. произошел глубокий перелом конъюнктур мирового хозяйства к понижению.

б) Перелом конъюнктур начинается с затруднений сбыта и падения цен. Цены падают с начала 1920 г. в Соединенных Штатах; весной 1920 г. понижательная волна в движении цен захватывает целый ряд крупных стран, как Англия, Япония, Франция, Италия, Голландия и др. В течение лета понижательная волна охватывает все страны мира, находящиеся в орбите мирового хозяйства. Однако, степень падения цен в различных странах весьма различна. Она сильнее, как правило, в странах менее или вовсе не потрясенных войной и слабее в разоренных странах.

с) Понижательное движение цен характеризуется также разной степенью падения и разным временем начала падения в отношении отдельных групп товаров. В первое время перелома конъюнктур наиболее резкому понижению подвергаются цены текстильных, в частности хлопчатобумажных товаров, а среди них особенно интенсивно падают цены самого хлопка, опускаясь весной 1921 г. ниже довоенного уровня. Далее в то же примерно время, по крайней мере в заокеанских странах, падают весьма сильно цены строительных материалов. Наоборот, цены продуктов тяжелой индустрии начинают понижаться значительно позд-

нее, на железо с осени, особенно же сильно с декабря 1920 г. С декабря—января начинают падать и цены на уголь. Цены на сельскохозяйственные продукты питания падают ранее всего, а именно, с мая, в Соединенных Штатах; в прочих же странах они начинают падать позднее — летом 1920 г. и зимой 1920—21 г.

d) Момент высшего напряжения цен и начала их падения — весна 1920 г. характеризуется также затруднениями на рынке капиталов: кредит дорожает, что отражается в волне повышений учетных ставок, эмиссия ценных бумаг падает весьма низко. Крайнее напряжение кредита и ослабление эмиссии ценностей весной 1920 г. сопровождается биржевой депрессией.

e) Начиная с весны, особенно же с осени 1920 г. падает объем внешней торговли различных стран. Его падение можно констатировать как в ценностных, так и в натуральных единицах. Он интенсивнее всего сказывается в экономически мощных странах, как Соединенные Штаты, Англия, Япония. Здесь он поражает в более сильной степени экспорт, чем импорт, и прежде всего по времени отражается на экспорте сырья и продуктов легкой индустрии, например хлопчатобумажной. В прочих странах, потрясенных войной, как Франция, депрессия сильнее поражает импорт, чем экспорт.

f) Сокращение экспорта не наблюдается или почти не наблюдается в мировой торговле сельскохозяйственными продуктами питания. Наоборот, оно весьма значительно в области экспорта-импорта хлопка, железа, угля и других видов промышленного сырья и готовых изделий.

g) В связи с затруднениями торговли и, в частности, внешней торговли и в связи с падением цен стоит рост товарных запасов, особенно в странах экспорта. Это хорошо видно на примере хлопка и отчасти хлебных и др. сельскохозяйственных продуктов. Росту запасов указанных и др. сельскохозяйственных продуктов в значительной степени способствует также относительно хороший урожай 1920 г.

h) Наряду с указанными элементами общей экономической депрессии мы наблюдаем и падение продукции.

j) В области сельскохозяйственной продукции, как о неоспоримом показателе общей экономической депрессии, можно говорить, собственно, прежде всего о сокращении производства хлопка, которое за один год выразилось в весьма значительных размерах.

i) Точно также значительно и сокращение промышленного производства. Ранее всего оно обнаруживается в текстильной

промышленности, а именно в конце войны — в начале лета 1920 г. в таких странах, как Соединенные Штаты, Англия, Япония. В сфере тяжелой индустрии оно проявляется с конца лета, с осени 1920 г. и особенно с начала 1921 г.

к) Другой стороной процесса сокращения производства в промышленности служит рост безработицы. Начиная медленно нарастать с лета 1920 г., она чрезвычайно резко поднимается осенью 1920 г. и продолжает расти, достигая огромных размеров, до июня—июля 1921 г.

л) Далее, понижение экономических конъюнктур и создавшееся на этой почве малоустойчивое положение предприятий выражается и в росте банкротств, число которых становится особенно значительно в 1921 г.

м) Наконец в 1920 г. и особенно в 1921 г., мы наблюдаем характерные изменения в уровне доходов различных категорий прибыли и доходы сельского хозяйства резко понижаются. Уровень реальной заработной платы в силу рассмотренных особенностей движения номинальной заработной платы и стоимости жизни в течение кризиса скорей несколько повышается. Это повышение в силу тех же причин является, однако, переходящим и временным.

37. Таковы общие итоги. Мы видим, что с весны 1920 г. ценностные и натуральные показатели с полной последовательностью и строгой закономерностью говорят о переломе и о понижении экономических конъюнктур. После всего предыдущего анализа едва ли можно утверждать, что все описанное сочетание и взаимодействие важнейших элементов мировой конъюнктуры случайно. Перед нами разворачивается огромное и в высшей степени сложное социально-экономическое явление, развивающееся неуклонно и с глубокой внутренней логикой. Депрессия постепенно охватила все основные стороны жизни и функционирования народных хозяйств и мирового хозяйства в целом. Все силы хозяйства переживают полосу интенсивного перелома в сторону понижения напряженности и эффективности хозяйственной деятельности. Такие периоды перелома в хозяйственной жизни экономическая теория обозначает понятием кризиса.

Выше мы пользовались при рассмотрении отдельных элементов хозяйственной жизни понятиями, как кризиса, так и депрессии более или менее безразлично. Но теперь, когда перед нами развернулось все явление в его целом и во всем масштабе, мы вправе выдвинуть для его обозначения именно понятие кризиса.

В самой общей своей форме существо экономического кризиса сводится к тому, что *народное хозяйство отдельных стран и мировое хозяйство в целом, как подвижная система элементов, теряет равновесие и переживает острый, болезненный процесс перехода к состоянию нового подвижного равновесия.*

С экономической точки зрения кризис является всегда лишь острым и болезненным процессом ликвидации создавшихся в строе народного хозяйства несоответствий, нарушающих равновесие его элементов, процессом установления нового равновесия в этих элементах взамен нарушенного прежнего. В сущности говоря, какого-то застывшего и статического равновесия в народном хозяйстве, как явлению по природе своей динамическом, нет никогда. Можно говорить лишь о подвижном равновесии его, т.е. о таком равновесии его, когда элементы народнохозяйственной системы постоянно более или менее варьируют и колеблются. Но если колебания и отклонения их происходят в известных, количественно трудно определимых, но для каждой данной совокупности условий вполне определенных границах, система элементов взаимоприспосаблиется без резких потрясений. Тогда мы говорим, что народное хозяйство находится в состоянии подвижного равновесия. Наоборот, когда колебания и отклонения элементов выходят за эти границы, наступает процесс кризиса, процесс болезненного установления новой системы подвижного равновесия.

Так было и в 1920–21 г. Причем *не трудно видеть, что по своему основному содержанию и по общей схеме развития кризис 1920–21 г. является кризисом капиталистического народного и мирового хозяйства* и бесспорно по природе своей стоит в одном ряду с общими периодическими промышленными кризисами перепроизводства, которыми так богата экономическая история передовых стран в XIX и начале XX в.¹

¹ Интересно отметить, что после войны появилось между прочим немало работ, говорящих о кризисе мирового хозяйства. Из иностранных, в частности, нам известны, например, работы Paisha — *The World Crisis*, Andre, — *La Crise économique en Angleterre (1919–1920) Paris*. Но написанные еще до того, как разразился текущий и подлинный капиталистический кризис, они собственно говорят о кризисе совершенно иного порядка. Они говорят о кризисе производительности, о понижении производительных способностей труда (привычка “лени”), о расстройстве финансов и т.д. Одним словом — о кризисе в смысле тяжести военных разоруж. Об этом весьма определенно говорили и Гувер, и Кейнс и др. Читая подобные работы, проникаешься скорей настроением, что мир вступил в полосу длительного материального и даже духовного оскудения. Может быть такие характеристики и имели некоторое значение и основание для первого времени после войны. Но едва ли есть нужда доказывать теперь, что впоследствии действительность оказалось иной.

Конечно, нет никаких оснований утверждать, что кризис 1920–1921 г. *совершенно тождественен* с каким-либо из своих предшественников. Уже одно то, что ему предшествовала грандиозная война, говорит, что изучаемый кризис обладает целым рядом особенностей. Но тождества искать нельзя и в отношении любых из кризисов прошлого. Все они обладают целым рядом конкретных особенностей в силу особенностей среды и условий, в которых они возникают и развиваются¹. Можно говорить лишь *об однородности их природы, о подобии общей схемы их развития и общих причин*, их вызывающих. И в данном случае мы говорим только об этом, не отрицая конкретных особенностей кризиса 1920–21 г.

Итак, перед нами капиталистический кризис перепроизводства, возникающий в определенных конкретно-исторических условиях.

Выше мы достаточно подробно рассмотрели *основные элементы, из которых складывается этот кризис*. Теперь, прежде чем перейти к его объяснению, отметим прежде его важнейшие характерные черты и особенности, как *целого* явления.

а) Прежде всего кризис 1920–21 гг. является кризисом послевоенного капиталистического хозяйства.

в) Далее, из всего предыдущего изложения ясно, что в развитии кризиса выделяются три этапа или момента: весна 1920 г., когда начинается депрессия некоторых элементов хозяйственной жизни отдельных важнейших стран мира (Соединенные Штаты, Англия, Япония), осень 1920 г., когда депрессия этих элементов резко усиливается, осложняется депрессией целого ряда иных элементов и перебрасывается на ряд новых стран (Франция, Италия, Голландия, Швеция и т.д.), конец 1920 г. — начало 1921 г., когда депрессия охватывает большинство элементов мирового хозяйства, большинство стран и принимает особенно глубокий и острый характер.

Из русских работ весьма близко к упомянутым стоит работа Финн-Енотаевского, — Мировое хозяйство. Правда, он упоминает и пытается проводить мысль, что мировое хозяйство вступило в полосу кризиса относительного перепроизводства. Но необходимо признать, что эта мысль совершенно не вытекает из его книги. Основанная почти исключительно на весьма отрывочных и неполных данных до и за 1920 г., она всюду констатирует лишь крайне сильное материальное оскудение и не дает никаких оснований для суждения о кризисе перепроизводства, не вскрывает его оснований. Кроме того, более или менее верные для своего времени положения о материальном оскудении — эти положения автора — утратили почти всякую почву теперь. Поэтому и его общие выводы представляются нам более, чем спорными.

¹Ср. М. Вирт. История торговых кризисов; Туган-Барановский — Периодические промышленные кризисы, 3, изд. т. 1. Bouniatian — Studien zur Theorie und Geschichte der Wietschaftskrisen. 1908 и др. работы о кризисах.

с) В этом процессе развития кризиса трудно сказать, где и когда кончается начальная депрессия и когда она превращается в подлинный кризис. Некоторые авторы полагают, что депрессия превратилась в кризис осенью в сентябре—ноябре 1920 г.¹

Это верно, если иметь в виду, что падение конъюнктур осенью стало и более интенсивным и более всеобщим. Но в конце 1920 г. — начале 1921 г. оно стало в целом еще более интенсивным и общим. Почему в таком случае не считать, что кризис, как кризис, развернулся именно в начале 1921 г.? Нам кажется, что различие между кризисом и вообще перелом конъюнктур к понижению или депрессией скорей количественного, чем качественного характера. Современная теория экономической динамики считает кризис обычным, но не необходимым моментом в смене конъюнктур из повышательных к понижательным². Может быть общий перелом конъюнктур к понижению относительно спокойный.

За последние десятилетия перед войной, особенно в Англии, такие переломы, как известно, потеряли былую остроту, лишились тех элементов паники, катастрофичности в движении конъюнктур, какими были так богаты переломы первой половины XIX столетия³. В сущности и в кризисе 1920—1921 г. мы не имеем этих ярких моментов паники, стремительности, катастрофичности. Падение конъюнктуры было грандиозно, но оно развивалось довольно плавно и относительно медленно. В силу сказанного, если перелом конъюнктур 1920—21 г. по его размерам и глубине мы принимаем за кризис, то правильнее рассматривать его, в отношении времени, как *нечто целое*. В таком случае осеннее и январское углубление в падении конъюнктур нужно считать лишь за проявление дальнейшего развития возникшего ранее кризиса.

d) Дальнейшей существенной чертой кризиса является его исключительный территориально-широкий, подлинно-мировой характер. Кризисом затронуты почти все страны, входящие в мировую экономическую связь. Особенно следует подчеркнуть, что в кризис вовлечены даже и такие страны, как Канада, Австралия.

¹ Ср. Фалькнер, статьи "Послевоенные конъюнктуры мирового хозяйства" в Экономической жизни, № 113 и 114 за 1920 г.

² См. W. Lexis. Les crises économiques (Bulletin de l'Institut International de Statistique, t. XVIII, p. 173 etc). См. Aftalion Les crises periodiques de Surproduction. T. I.

³ Ср., например, яркие описания их в 1-м Социальном письме Родбертуса.

е) Однако, интенсивность кризиса по странам различна. Предыдущее изложение позволяет утверждать, что наиболее интенсивно кризис поразил Англию. Мы не решились бы утверждать что-либо категорически о степени его интенсивности в Японии. Но, по-видимому, и там он достаточно глубок. Весьма интенсивный характер носит, далее, он в Соединенных Штатах. Затем следуют нейтральные европейские страны, затем Италия, Франция, Бельгия. Из крупных европейских стран слабо затронута кризисом Германия. Одним словом, кризис сильнее поражает экономически мощные и мало или вовсе не истощенные страны. Из них он глубже всего поражает, естественно, страны наиболее индустриальные, с глубоко развитой системой внешней торговли и находящиеся поэтому в сложной зависимости от внешних рынков, как Англия. Поэтому, Соединенные Штаты, несмотря на исключительное “экономическое полнокровие”, как страна полуиндустриальная, с преобладающим значением внутреннего рынка, вопреки ожиданиям, поражены кризисом не сильнее Англии.

Положение о различной степени интенсивности кризиса можно довольно хорошо иллюстрировать следующими данными общеconjнктурных индексов по трем важнейшим странам.

Движение общеconjнктурных индексов¹

Даты	Соединенные Штаты ²	Англия ³	Франция ⁴
	Данные января 1920 г. приняты за 100		
1920 г.			
январь	100,0	100,0	100,0
март	99,2	108,1	112,2
август	94,4	96,4	124,2

¹ См. цитир. выше статью проф. С.А. Первушина: Конъюнктуры современного мирового хозяйства.

² Общий conjнктурный индекс по Соединенным Штатам составлен на основании 7 показателей или индивидуальных индексов: цен, добычи угля, производства чугуна, производства стали, переработки хлопка и оборотов внешней торговли. При этом индексам добычи угля, производства чугуна и стали всем вместе придан вес равный единице или каждому из них вес в $\frac{1}{3}$.

³ Общий conjнктурный индекс по Англии составлен по тому же методу, что и по Соединенным Штатам, на основании 8 индивидуальных индексов: общего уровня цен, добычи угля, производства чугуна и стали, экспорта хлопчатобумажной ткани, оборотов внешней торговли и % работающих членов тред-юнионов.

⁴ Общий conjнктурный индекс по тому же методу составлен на основе 4 индивидуальных индексов: общего уровня цен, добычи угля, выплавки чугуна и оборотов внешней торговли.

Даты	Соединенные Штаты	Англия	Франция
Данные января 1920 г. приняты за 100			
1921 г.			
январь	72,1	78,8	110,2
май	54,0	38,0	10,4
июнь	52,2	36,8	101,7
июль	47,4	47,0	95,3
август	53,0	57,9	98,1

Заметим прежде, что общий конъюнктурный индекс, безусловно, скрадывает и маскирует движение индивидуальных индексов. Если кризисом поражены лишь некоторые и меньшинство отраслей народного хозяйства, учитываемых этим индексом, в то время как другие отрасли находятся еще в состоянии подъема, то общий индекс не обнаружит и не покажет начала кризиса. То же самое верно и в отношении начала ликвидации кризиса. В силу этого по самому существу своему общий конъюнктурный индекс будет всегда как начало кризиса, так и начало его ликвидации показывать с некоторым опозданием. Эта черта его может усилиться еще подбором учитываемых индивидуальных индексов. Если, например, индексы в отношении текстильной промышленности сами по себе дают наиболее раннее указание на кризис, но они весьма слабо учтены или вовсе не учтены общим индексом, то последний покажет наступление кризиса с особенно значительным запозданием. Последнее мы имеем в приведенной таблице в отношении Франции.

В силу сказанного мы считаем общий конъюнктурный индекс мало чутким методом распознавания *начала и конца кризиса*. Но он представляется весьма удобным *методом характеристики интенсивности кризиса в стране*.

Конечно, для точного сравнения интенсивности кризиса в различных странах методом общего индекса требовалось бы построение его по каждой стране на основе, в общем, одних и тех же индивидуальных индексов. Этого мы не имеем в приведенных данных. Но с этой оговоркой и в целях грубого сравнения мы можем воспользоваться и этими данными: в общем они отражают глубину кризиса по странам.

Из приведенных же индексов мы видим, что наиболее остро и глубоко кризис выражен в Англии, затем в Соединенных Штатах и, наконец, во Франции.

f) Следующей характерной чертой кризиса нужно признать его исключительно большую продолжительность. От момента зарождения, т.е. с весны 1920 г. до появления первых признаков

его ликвидации, т.е. до мая–июня 1921 г. проходит более года. История едва ли знает кризис, как кризис такой длительности. Мы уже отмечали, что такая продолжительность кризиса органически связана с весьма недружным, а, наоборот, последовательным вступлением в полосу кризиса важнейших отраслей народного хозяйства.

г) Обращаясь к этой последовательности, мы должны отметить, что первыми вступают в полосу кризиса отрасли промышленности и торговли, имеющие дело с предметами потребления, в частности и конкретно — текстильная и особенно хлопчатобумажная промышленность. И лишь в то время, когда кризис текстильной промышленности достиг апогея, начинают медленно вовлекаться в кризис отрасли тяжелой индустрии, т.е. осенью 1920 г. Когда кризис текстильной промышленности в начале 1921 г. уже ослабевает, кризис тяжелой индустрии, наоборот, приобретает особую остроту. Такое недружное развитие кризиса и соответственно его продолжительность проистекает, как мы видели, из отмеченных выше особенностей в условиях послевоенного железно-угольного рынка, создававших в связи с задачами восстановления разрушенного войной народного хозяйства необходимые предпосылки для повышательных конъюнктур этого рынка на продолжительное время.

В силу только что изложенного первый период кризиса можно в значительной мере назвать кризисом промышленности (соответственно и торговли), имеющей дело с производством предметов главным образом личного потребления, в особенности текстильной, в частности — хлопчатобумажной. Второй период кризиса можно обозначить, как период кризиса тяжелой индустрии.

h) Наконец, необходимо отметить, что мировой кризис 1920–21 г. возникает и развивается в условиях бумажной валюты, господствующей почти во всех странах. Это обстоятельство, нам кажется, весьма важно иметь в виду для уяснения форм, в которых протекает кризис. Существование именно бумажной валюты должно было смягчать моменты массовой паники, часто присущие кризисам.

Действительно, в периоды обычных кризисов почти всегда наблюдается уменьшение золотого запаса банков¹.

¹ Ср. Туган-Барановский. Периодические промышленные кризисы, изд. 3-е; Жан Лескюр “Общие и периодические кризисы”, *Passim*: Juglar Des crises commerciales et de leur retour periodique, *passim*.

Уменьшение золотого запаса вызывается различными причинами: неблагоприятностью торгового баланса, расширением учетных операций и массовым истребованием вкладов золотом. И как раз это массовое истребование вкладов носит, обычно, панический характер.

Побуждаемая падением цен, затруднением в кредите и вообще симптомами депрессии и кризиса публика перестает верить в устойчивость банков и устремляется брать свои вклады. Убыль золотого резерва побуждает банки принимать иногда героические меры против дальнейшего отлива золота. Но часто эти меры лишь усиливают панику среди публики и ускоряют прекращение размена и даже банкротство банков. В условиях бумажной валюты все эти явления неизбежно принимают смягченный характер. Отсутствие размена на золото устраняет стимул к истребованию золота, исключает возможность объявления банком о прекращении размена на золото. Все это безусловно должно смягчать панический характер поведения публики. Истребование вкладов, расширение учета, конечно, имеют место и при этих условиях, но они не могут носить тех лихорадочных черт, какие присущи им в обычное время.

Вот почему, а также, конечно, в силу различных мер банковской политики в течение кризиса 1920–21 г. золотая наличность банков вопреки обыкновению не уменьшается, а или остается неизменной, или даже увеличивается. Это видно из нижеследующей таблицы¹.

Даты	Германия, млн. мар	Франция, млн. фр.	Англия, млн. ф. ст.	Соединен- ные Штаты, млн. долл.	Япония, млн. иен
Конец 1913 г.	1170,0	3517,0	35	792,6 ²	224
1919 г.	1090,3	5577,9	91,3	1914,6 ³	814,5
1920 г.	1092,0	5500,0	128,3	2059,0	1.247
Январь 1921 г.	1092,0	5502,0	128,3	2106,0	1.269
Апрель	1091,0	5515,0	128,4	2318,0	1.281
Июль	1092,0	5521,0	128,0	2531,0	1.276

Только во Франции за 1919–20 г. размер золотого запаса несколько падает. Но и здесь и в других странах за весь

¹ Monthly Bulletin of Statistics, № 9. См. Вестн. Н.К.Вп. Т. № 4–5, стр. 95 и разд. номера Economist'a.

²Июнь 1914 г.

³Май 1920 г.

период кризиса золотой запас или стационарен (Германия) или возрастает.

38. Таковы важнейшие характерные черты кризиса 1920–21 г.

Какими же причинами вызван этот кризис? Вот вопрос, к рассмотрению которого нам следует, наконец, перейти после общей характеристики кризиса. Вопрос этот является, конечно, значительно более трудным, чем предыдущий вопрос о характерных чертах кризиса.

Вопрос о причинах, вызвавших кризис, методологически можно поставить двояко. Можно искать те конкретные условия, которые породили данный конкретный кризис. Это будет *относительно идиографической* постановкой проблемы и исканием своего рода индивидуальных каузальных зависимостей. Но можно стремиться абстрагироваться от этих конкретных условий, о тех признаках и черт их, которые и делают эти условия индивидуальными и конкретными. Можно, иначе говоря, подводить эти условия под общие понятия. Это будет *относительно естественнонаучная или номографическая* постановка проблемы¹. Возможность второй постановки обосновывается следующим положением. Хотя перед нами и конкретный исторически данный кризис, хотя он и обусловлен совершенно конкретными факторами, но он имеет в тех или иных существенных чертах родство, подобие, сходство с другими бывшими капиталистическими кризисами. Соответственно и условия, порождающие эти кризисы, могут иметь в каждом отдельном случае различные конкретные выражения, но в основных чертах они будут подобны или сходны. Найти эти подобные или сходные факторы и значит отвлечься от конкретных индивидуальных черт и причин каждого кризиса, и значит подвести их под более общие понятия.

С точки зрения познавательного интереса целесообразно подойти к вопросу как с первой, так и со второй точки зрения. Причем, из предыдущих кратких замечаний ясно, что сначала правильнее рассмотреть вопрос с первой точки зрения, а затем путем генерализации или обобщения подойти к нему и со второй точки зрения.

¹ По вопросу об идиографической и номографической точке зрения см. Риккерт "Границы естественнонаучного образования понятий", 1903; Его же "Науки о природе и науки о культуре", перевод С. Гессена со 2-го нем. издания; S. Hesser. Individuelle Kausalitat; А. А. Чурилов "Очерки по теории статистики" изд. 2 и др. работы.

В чем же основные конкретные причины кризиса 1920–21 года?

Прежде всего необходимо выставить одно отрицательное положение, — где не следует искать причин кризиса. Рассматриваемый кризис, как мы отмечали, есть капиталистический кризис относительного перепроизводства. Но это положение не следует понимать в том смысле, что мы имеем дело с перепроизводством в натуралистическом и следовательно абсолютном смысле, что кризис обуславливается и вызывается избытком производства в смысле натурального “избытка”. Несмотря на огромный подъем производительности заокеанских стран с 1914 г., конечно, нельзя говорить, что даже в них экономических благ производится так много, что они с избытком покрывают наличные потребности населения. В сущности, удовлетворение потребностей в целом не имеет границ. Во всяком случае о таких границах мы не можем говорить, как о чем-то реально имеющем место когда-либо в прошлом или в настоящем. Тем не менее можно говорить в рассматриваемую эпоху о насыщении потребностей в масштабе мирового хозяйства. Европейские страны в большинстве своем за время войны реально обнищали. И в целом после войны мир стал не богаче, а скорей беднее.

О перепроизводстве поэтому приходится и можно говорить не в натуралистическом, и следовательно не в абсолютном, а в относительном смысле.

Если мы имеем народное хозяйство в виде системы взаимодействующих частных хозяйств, то как правило, при таких условиях, момент потребления отделен от момента производства рыночными отношениями. Экономическое благо выступает перед нами как товар. Прежде чем попасть к потребителю от производителя, оно проходит через рынок. Производитель должен найти рынок сбыта, а потребитель рынок приобретения. Но каждый производитель и потребитель действуют в своих собственных частно-хозяйственных интересах без какого-либо единого для всех согласованного плана. Единственным регулятором, устанавливающим то или иное соответствие между действиями массы производителей и массы потребителей, между производством и потреблением, устанавливающим между ними состояние некоторого подвижного равновесия, является в этих условиях рынок.

Под вышеупомянутым относительным перепроизводством или что тоже относительным недопотреблением, мы и понимаем такое состояние народного хозяйства, когда произведенные и

выброшенные на рынок товары с частно-хозяйственной точки зрения не находят достаточного рентабельного сбыта, обеспечивающего их дальнейшее воспроизводство по меньшей мере в прежних размерах.

Но если так, то очевидно, что *факторы кризиса необходимо искать не в натуральных размерах производства и натуральных размерах потребностей, а в условиях соотношения предложения и спроса экономических ценностей, каковы бы эти ценности ни были. Иначе говоря, объяснение кризиса нельзя дать без привлечения ценностных явлений и категорий.*

Только что сказанным дается общее направление в установлении причин кризиса. Причины кризиса необходимо искать в той совокупности факторов, которые своим совместным действием резко нарушили прежнее подвижное равновесие предложения-спроса и притом нарушили в том смысле, что предложение товаров при имевшемся распределении производительных сил и доходов относительно превысило эффективный спрос экономических ценностей. Какие же эти факторы и явления? Все предыдущее изложение позволяет нам указать главнейшие из них.

а) Прежде всего нужно отметить происшедшее с 1914 г. колоссальное перераспределение производительной мощи в масштабах мирового хозяйства. С одной стороны, мы имеем небывалое увеличение производительной мощи заокеанских стран, в особенности Соединенных Штатов, Японии, далее Канады, Аргентины и др., с другой, в общем по сравнению с довоенным уровнем упадок ее в центральных европейских странах, как Франция, Бельгия, Италия, Германия, Австрия, а также в меньшей степени в Англии. Между этими двумя полюсами стоят нейтрально-европейские страны, положение которых в этом отношении существенно не изменилось. Такое перераспределение производительной мощи вело в странах первой группы, с одной стороны, к все большему насыщению внутренних рынков сбыта, с другой, к обострению нужды во внешних рынках сбыта. Последнее нашло отражение в констатированном выше росте экспорта этих стран, в их стремлении проникнуть и в проникновении их на новые мировые рынки. В странах же второй группы это обусловило, как мы видели, с одной стороны, относительное оскудение внутренних рынков, и с другой, рост их импорта извне.

б) Однако емкость рынков потрясенных стран Европы была значительна, можно сказать безгранична лишь во время войны,

когда эти страны были вынуждены ввозить товары во чтобы то ни стало, и в то же время могли это делать, пользуясь финансовой поддержкой стран первой группы и прежде всего Соединенных Штатов. По окончании войны то и другое обстоятельство отпало вовсе или резко ослабело. Поэтому констатируя отмеченное перераспределение производительной мощи, в то же время необходимо констатировать и другое условие — это понижение покупательной способности главнейших стран Европы, вскрывшееся по окончании войны со всей силой. Это понижение их покупательной способности органически связано, является обратной стороной падения их производительной мощи. Производя относительно меньшее количество реальных ценностей, они могли и меньше покупать. При этом нужно подчеркнуть, что речь идет о понижении покупательной способности потрясенных войной европейских стран не только в том смысле, что понизился *лично-массовой потребительный* эффективный спрос европейских масс населения. Это верно, что в силу общего массового относительного обнищания он понизился, и европейские массы, обладая значительными недостаточно-насыщенными потребностями, не обладали достаточным уровнем доходов, а потому и эффективной покупательной силой для их удовлетворения. Но вместе с тем речь идет и о понижении спроса европейских стран для удовлетворения *хозяйственных нужд*. Действительно, падение производительной мощи, падение промышленности европейских стран означало вместе с тем, что они могли относительно меньше покупать также и орудий и средств производства¹.

с) Комбинация этих двух отмеченных условий приводила в мировых масштабах к тому, что первая группа стран нуждалась в расширении экспорта, но не могла расширять его в нужной мере, так как покупательная способность воевавших и частью нейтральных стран Европы относительно сильно сократились, несмотря на наличие большого числа неудовлетворенных потребностей. Между тем именно основные европейские страны являются и являлись главным рынком сбыта для стран первой категории.

¹ В своих статьях, весьма интересных и много способствовавших освещению мировых послевоенных конъюнктур, С.А. Фалькнер, нам кажется, ошибочно и односторонне выдвигает лишь падение покупательной способности "широких масс". Ср. его "Перелом в развитии мирового промышленного кризиса", Москва, 1922. Стр. 12.

d) Действие этих условий усиливается еще констатированными выше тенденциями пострадавших от войны стран к возрождению. Правда, возрождение Англии, Франции и т.д. приводило, несомненно, к повышению их среднего благосостояния и покупательной способности. Однако, при наличных условиях это должно было создавать не расширение европейского рынка для заокеанских стран, а наоборот даже сужение его. В силу колоссальной своей задолженности и крайне отрицательного торгового баланса они, пользуясь возрождением своего хозяйства, начинают удовлетворять свой спрос все в большей мере силами национального производства. Наряду с этим они сознательно стремятся к все большему относительному сокращению импорта и в то же время к расширению своего экспорта, т.е. выступают вновь все более сильными конкурентами стран первой группы на мировом рынке. В этом отношении особенно далеко идет Англия, что мы и видели выше. Англия, которая менее других воевавших стран Европы была разорена и умела скорее других восстановить свои производительные силы, с течением времени становилась в отношении европейских стран в то же положение, какое заокеанские страны занимали по отношению к ней. И потому к ней *mutatis mutandis* приложимы все предыдущие тезисы.

e) Последнее отмеченное условие усиливается и обостряется далее неблагоприятным для стран второй и частью третьей группы вексельным курсом, который, тормозя импорт, стимулирует экспорт этих стран.

О движении и колебаниях вексельных курсов до 1920 г. включительно мы достаточно говорили выше. И мы видели, что курс доллара стоит значительно выше курса валют всех основных европейских стран в том числе и Англии. С другой стороны, что курс фунта стоит значительно выше валют важнейших стран европейского континента. Но известно, что низкий вексельный курс действует как экспортная премия, а высокий, как ввозные пошлины. Ясно, что движение вексельных курсов еще более понижало емкость внешнего рынка для всех мощных экономических стран с высокой валютой, т.е. в особенности для Соединенных Штатов, Японии, далее Англии и др.

Изменилось ли это положение в течение кризиса? Ответ дает следующая таблица.

Движение вексельных курсов в Нью-Йорке¹

Даты	Лондон долл. за ф. ст.	Париж центов за франк	Италия центов за лиру	Берлин центов за марку	Амстер- дам центов за гульден	Токио центов за иену
Паритет	4,87	19,30	19,30	23,80	40,195	49,85
8 января 1920 г.	3,75	8,93	15,72	2,00	37,50	49,85
13 января 1921 г.	3,74	6,04	3,47	1,46	33,10	47,60
3 февраля 1921 г.	3,84	7,03	3,63	1,60	34,03	48,35
10 марта 1921 г.	3,90	7,16	3,68	1,58	34,35	48,10
9 мая 1921 г.	4,0	8,76	5,57	1,65	36,04	48,15
2 июня 1921 г.	3,87	8,26	5,23	1,54	34,30	47,85
7 июля 1921 г.	3,71	7,96	4,82	1,33	32,65	47,90
4 августа 1921 г.	3,59	7,75	4,31	1,23	30,55	48,35

Отсюда видно, что в течение 1920 г. курс всех валют, включая даже и японскую, обесценился в отношении доллара. В особенности упали марка, лира, франк и гульден.

В течение 1921 г. до мая идет слабое повышение ценности фунта, франка, марки, гульдена, иены. С мая наступает полоса нового понижения валют против доллара. В общем, обесцененность валют остается весьма значительной и в течение первой половины 1921 г. Следовательно, установленные выше положения о влиянии вексельных курсов остаются в силе. Из таблицы ясно также, что фунт стерлингов стоит значительно выше, чем валюты Франции, Италии, Германии. Следовательно и Англия подпадает в отношении экспорта под неблагоприятное действие относительно высокого уровня вексельных курсов.

Указанная роль соотношения вексельных курсов в отношениях с восточными странами серебряной валюты обострялась особенно под влиянием исключительно резкого падения ценности серебра и серебряной валюты против 1919 г. и начала 1920 г.

Сказанное видно из следующих немногих цифр.

Даты	Средняя цена за унцию в пенсах ²
1913 г.	27 ⁹ / ₁₆
1919 г. апрель 11	48 ¹⁵ / ₁₆
1920 г. апрель 9	69 ⁷ / ₈
март	66,5
июль 28	57
декабрь 28	42
1921 г. апрель 8	33 ³ / ₈

¹ По данным Economist'a за различные месяцы.

² По данным Economist'a.

Соответственно, вексельные курсы на страны с серебряной валютой изменяются в Лондоне так¹:

Валюты	Паритет	Курс в декабре 1919 г.	23 декабря 1920 г.	В июле 1921 г.
Индийская рупия	1 шил. 4 пен.	2 шил. 4½ пен.	1 ш. 5 п.	1 ш. 3½ п.
Китайская таэль	2 ш. 8½ п.	7 ш. 10 п.	3 ш. — п.	3 ш. 8¼ п.

Сильный подъем ценности серебра и курса серебряных валют в 1919 г. и первой половине 1920 г. чрезвычайно повысил покупательную силу восточных стран. Наоборот, резкое обесценивание серебра и падение курса серебряных валют со второй половины 1920 г. уронил покупательную способность восточных стран серебряной валюты. Тем самым Англия, Япония, Соединенные Штаты лишились весьма значительной доли емкости рынка восточных стран². Это также не могло не способствовать развитию и обострению кризиса относительного перепроизводства.

f) Покупательная сила массового населения и соответственно емкость рынков товаров массового характера была понижена особенно в европейских странах также благодаря чрезвычайно возросшим налогам. Невероятное увеличение налогов на душу населения можно видеть хотя бы из нижеследующих данных³.

Страны	К концу бюджетного года		Обложение на голову в денежных единицах каждой страны			В переводе на ф. ст.					
						по паритету			по курсу дня		
						L.	S.	d.	L.	S.	d.
Соединенное Королевство	31.3	1914	3	10	10						
	31.3	1920	21	6	4						
	31.3	1921	22	0	6						
Dollars											
Соединенные Штаты	30.6	1914				1	8	0	1	14	0
	30.6	1919				7	15	8	9	9	7
	30.6	1920				10	3	0	12	7	0
Francs											
Франция	31.12	1913				1	8	0	1	14	0
	31.12	1919				7	15	8	9	9	7
	31.12	1920 ⁴				10	3	0	12	7	0

¹ По данным Economist'a.

² Ср. Проф. М.И. Боголепов: Европа после войны, стр. 51 и сл.

³ См. The Statesman year-book. 1921. Introductory, p. XXIII.

⁴ Предварительные данные.

Страны	К концу бюджетного года		Обложение на голову в денежных единицах каждой страны			В переводе на ф. ст.								
						по паритету			по курсу дня					
						L.	S.	d.	L.	S.	d.	L.	S.	d.
			Lires											
Италия	30.6	1914	33.9			1	6	4	0	10	4			
	30.6	1919	134.3			5	6	6	2	2	0			
			Marks											
Германия	31.3	1914	31.3			1	10	8	0	4	4			
	31.3	1921 ¹	444.2 ²			21	15	8	3	1	0			

Отсюда ясно, что обложение во всех странах сильно увеличилось.

Особенно значительно увеличение его в Германии, далее в Англии. За Англией следуют Соединенные Штаты и Франция.

г) Наряду с изложенным расстройство международного кредита мешает потрясенным странам преодолеть хотя бы частично слабость своих покупательных сил.

h) Далее, необходимо указать, что сжатие рынка сбыта увеличивается тяжелыми условиями репарационной системы, в которые была поставлена Германия³. Вынужденная платить грандиозные суммы, Германия сжала свой внутренний рынок для иностранных товаров до минимума и, наоборот, напрягает все усилия к продукции и экспорту своих товаров, чтобы иметь возможность выполнения обязательств. Но тем самым она лишь увеличивает конкуренцию товаров на мировом рынке.

и) Наконец, мировой рынок сбыта и особенно промышленных товаров сильно сузился благодаря тому, что восточная часть Европы и прежде всего Россия, а также долгое время часть Малой Азии (Персия, Турция) находятся вне нормальных связей мирового хозяйства.

Итак, увеличение производительной мощи на одном полюсе мирового хозяйства и падение ее на другом, соответственно, увеличение продажной и покупательной способности на первом и падение на втором, характер интервалютарных отношений,

¹Estimated.

²Включая 37,50 марок, равных ежегодному сбережению для уплаты процента по государственному долгам.

³См. Кейнс. The economic consequences of the war. См. также Э. С. Каценеленбаум "Финансовое положение Европы", Вестник Н.К.В. торг. № 1(6), 1922.

рост налогов, упадок международного кредита, условия Версальского мира, изоляция России и отчасти стран Малой Азии — вот те конкретные условия, которые способствовали кризису относительного перепроизводства.

Но это именно те *конкретные* условия, которые способствовали возникновению кризиса 1920–21 г. Однако, их не трудно обобщить. Не трудно видеть, что и падение валют большинства воевавших европейских стран и части нейтральных, и сильный рост налогов, и недостаток кредита, и условия Версальского мира, и выпадение из оборота мирового хозяйства России и некоторых других стран — все эти факторы вместе являются лишь факторами, усиливающими общее понижение покупательной способности большинства стран Европы (см. выше пункт б). Но если это так, то в итоге и в обобщении, следовательно, мы имеем: возрастание производительной мощи и предложения на одном полюсе мирового хозяйства и падение производительной мощи и покупательной способности на другом — в странах Европы и частью Азии; причем, указанное понижение покупательной способности частью обуславливается падением производительной мощи последних стран, частью иными факторами, указанными выше; иначе говоря, мы имеем диспропорциональности и несоответствия в распределении производительной мощи и покупательной способности. Отсюда *мы можем сказать, что кризис относительного перепроизводства 1920–21 г. номографически является прежде всего следствием создавшихся под влиянием различных конкретных условий диспропорциональностей в распределении производительной мощи и покупательной способности в рамках мирового хозяйства.*

Однако указанные диспропорциональности, являясь необходимыми, не являются достаточными условиями возникновения и развития кризиса. Они учитывают лишь диспропорциональности в масштабах мирового хозяйства и объясняют, почему кризис ранее всего начался и носил наиболее серьезный характер в заокеанских странах, как Соединенные Штаты, Япония, а также в быстро восстановившей свои силы Англии, и менее серьезный и глубокий характер в остальных странах. Но чтобы понять кризис полностью, чтобы понять, почему он все же захватил и потрясенные страны Европы, и почему в мало потрясенной Англии он носит даже более острый характер, чем

в Соединенных Штатах, наряду с указанными мировыми диспропорциональностями необходимо учесть также условия и строение национальных народных хозяйств. Переходя к этим условиям необходимо отметить следующее.

а) В рамках национальных хозяйств, подобно тому, как и в масштабах мирового хозяйства, имеется прежде всего своя диспропорциональность в распределении производства. Чем более страна была вовлечена в войну или в поставки на военный рынок, тем более в ней расширились или относительно менее упали, а потому, тем более, относительно гипертрофированы в ней те отрасли промышленности, которые связаны с военным рынком, как например, текстильная индустрия, металлургическая, угольная, химическая, кораблестроительная и др.

Ввиду сказанного, эти страны вышли из войны в состоянии диспропорционального распределения их внутренней производительной мощности. Но такое диспропорциональное распределение производительной мощности одновременно означает и диспропорциональность покупательной силы. При наличии той и другой диспропорциональности национальное народное хозяйство, как единство, неизбежно сталкивается с затруднениями в реализации и размещении товаров на своем рынке. И чем острее это затруднение, тем настойчивее ищет оно внешний рынок.

Вот почему мы видим, что европейские страны, как Англия, Бельгия, после войны стремятся повысить и резко повышают экспорт угля, железа, текстильных товаров. Они усиленно борются за внешний рынок. И борьба эта еще обостряется общим процессом начавшегося возрождения их народного хозяйства. Нетрудно видеть, что эти внутренние несоответствия и диспропорциональности тем самым подчеркивают диспропорциональности в рамках всего мирового хозяйства.

Прекращение войны для одних относительно гипертрофированных или точнее лучше сохранившихся отраслей промышленности, как текстильная, сократило внутренние рынки чрезвычайно резко. И мы знаем, что в этих отраслях кризис относительного перепроизводства начался ранее всего. Рынок других отраслей, как металлургии, угольной промышленности и др. не сжался столь стремительно. Чисто военный спрос заменился здесь в значительной мере спросом гражданским, вызванным войной и связанным с задачей восстановления военных разру-

шений. И мы знаем, что именно эти отрасли долее других не выявляют своего относительно-гипертрофированного состояния и долее других не вступают в полосу кризиса.

б) Наряду с указанными внутренними национально-хозяйственными диспропорциональностями производительной мощи и покупательной способности отдельных отраслей промышленности, необходимо указать, что упала в различных странах в различной мере и покупательная способность массового населения и, следовательно, сократился потребительный спрос. Он упал или в силу увеличения налогового бремени (Соединенные Штаты и т.п.) или в силу увеличения налогового бремени и общего обнищания и понижения уровня доходов (Англия, особенно Франция, Италия) или в силу этих двух причин и кроме того военных контрибуций (Германия). Это падение покупательной способности, имея значение, как уже отмечалось, в отношении всего мирового хозяйства, проявляет свое действие и внутри каждого национального хозяйства. Оно должно было форсировать и еще более обострить критическое положение отраслей промышленности, работающих на удовлетворение массового спроса, например той же текстильной промышленности, которая, таким образом, оказалась вдвойне в неблагоприятном положении.

В степени падения массовой покупательной способности мы должны видеть одну из причин разной остроты кризиса в отдельных странах. Именно здесь нужно видеть одну из причин, почему кризис Англии был по существу даже более острым, чем в Соединенных Штатах. Англия, находясь под воздействием диспропорциональностей мирового хозяйства, под воздействием диспропорциональностей внутреннего производства находилась и под влиянием сильнейшего упадка внутреннего массового спроса. К тому же она является страной индустриально-торговой и при том индустриально-текстильной.

Соединенные Штаты, наоборот, были менее потрясены войной, и как страна с сильным развитием сельского хозяйства, они не испытали такого резкого падения спроса на товары промышленного производства.

В связи с последним уместно указать на значение привходящего момента, с которым по времени совпал кризис 1920–21 г. — это благоприятный урожай 1919–20 г. в странах Нового Света

и, в частности, в Соединенных Штатах. Это обстоятельство должно было иметь двоякое действие. С одной стороны, оно в национально-хозяйственном отношении должно было несколько повысить емкость внутреннего рынка индустриальных товаров этих стран. С другой, в международном отношении это должно было еще более подчеркнуть диспропорциональности стран первой и прочих групп в отношении производительной мощи и покупательной способности. Отсюда становится еще более понятным, почему промышленный кризис в Англии был даже более глубок, чем в Соединенных Штатах и почему так сильно, наоборот, пострадали американские хлопководы.

Таким образом, и в недрах национально-хозяйственных единств были конкретные факторы возникновения кризиса относительного перепроизводства.

Сюда относятся: несоответственное и неравномерное развитие производительной мощи различных отраслей промышленности, падение покупательной способности, вытекающее из относительного упадка отдельных отраслей хозяйства (упадок хозяйственного спроса) и обнищания массового населения (упадок массового потребительного спроса), связанного с военным потрясением, налогами и т.п.

Обобщая эти конкретные внутренние национально-хозяйственные условия возникновения кризиса относительного перепроизводства, мы можем сказать, что и они сводятся в общем к диспропорциональности и несоответствию производительной мощи и покупательной способности.

Не трудно понять, что эти национально-хозяйственные причины возникновения и развития кризиса относительного перепроизводства могут быть изолированы от причин, лежащих в условиях мирового хозяйства, как целого, лишь чисто условно. Фактически они находятся в самой тесной связи и взаимодействии, усиливая действие друг друга. С другой стороны, экономическая природа тех и других по существу одна и та же.

Таким образом, отметив выше идиографические причины кризиса, мы можем теперь дать и общую номографическую формулировку причин кризиса. *Причины эти лежат в создавшихся несоответствиях и диспропорциональном распределении производительной мощи и покупательных способностей, иначе*

*говоря, в несоответствии и диспропорциональном распределении предложения и эффективного спроса всех видов*¹.

Таковы причины кризиса. Но если так, то становится еще более очевидным положение, выдвинутое выше, что самый процесс кризиса, действительно, есть болезненный процесс ликвидации создавшихся под влиянием определенных условий несоответствий и диспропорциональностей производства и распре-

¹ Отметим, что в литературе уже высказаны интересные мнения о причинах и условиях кризиса. Г. Кунов в статье *Weltwirtschaftliche Krisis (Neue Zeit* от 5 февраля 1921 г.) видит причины его в перепроизводстве стран Нового Света и особенно Соединенных Штатов. Из предыдущего ясно, однако, что причины кризиса кроются не здесь, точнее, не только здесь, что о таком перепроизводстве можно говорить лишь постольку, поскольку существует недостаточный спрос на внутреннем американском и внешнем рынке, что перепроизводство это явление относительное и вытекает из общей диспропорциональности распределения предложения и спроса. С.А. Фалькнер в своих статьях "Послевоенный кризис относительного перепроизводства" (*Экономическая жизнь за 1921 год* № 17, 25, 28 и 30) и в брошюре "Перелом в развитии мирового кризиса" (стр. 10–13), давая весьма интересные характеристики кризиса, основную причину его видит в падении покупательной способности массового населения европейских стран и в выпадении некоторых из них из мирового хозяйства. Однако, и эти факторы не дают всего объяснения. Во-первых, покупательная способность масс есть лишь одна составная часть общего спроса на рынке. Во-вторых, покупательные способности и вообще рынок сбыта будет недостаточен лишь в том случае, если нет соответствия в распределении предложения и спроса. Доводя объяснения С.А. Фалькнера до логического конца, мы должны были бы прийти к теории, в общности и недопотреблении масс, выходящей из причины кризисов. Однако, эта теория является чрезвычайно спорной, если не опровергнутой. Е. Варга в брошюре "Кризис мирового капитализма" (стр. 25–28) видит причины кризиса в относительном перепроизводстве одних стран, таких как Соединенные Штаты, Япония и Англия, имеющем место благодаря абсолютному недопроизводству в прочих странах, и устранению с мирового рынка России, т.е. в конечном счете, он видит причины кризиса в абсолютном недопроизводстве стран Западной и Восточной Европы. Едва ли правильно относительное перепроизводство противопоставлять абсолютному недопроизводству. Одно из двух, или можно говорить об абсолютном недопроизводстве, и тогда необходимо говорить и об абсолютном перепроизводстве, или наоборот. Это, во-первых. Во-вторых, в своих объяснениях он учитывает лишь факторы мирового порядка. А это, как мы видели, недостаточно для понимания кризиса. С.А. Первушин в статье "Конъюнктура современного мирового хозяйства" указывает пять условий кризиса:

1) Диспропорциональность отраслей производства. 2) Падение потребления и покупательной способности. 3) Расстройство валютарных отношений и отсутствие кредита. 4) Увеличение налогов. 5) Система возмещения убытков по Версальскому миру. Это одно из наиболее полных объяснений кризиса. Однако оно представляет собой лишь одну часть объяснения — указание идиографических конкретных условий его. И в этом перечне условий, во-первых, не все учтено, например не отмечено устранение целых стран из мирового хозяйства; во-вторых, по нашему мнению, включены неправильно некоторые факторы, например, потребление; потребление если и понизилось, то в силу понижения покупательной способности, а потому его нельзя ставить наряду с последним фактором, как фактор самостоятельный. Кроме того, представлялось бы теоретически необходимым обобщить эти конкретные условия, а не ограничиться их перечнем. Последнее мы и пытались сделать в тексте.

деления, предложения и спроса, процесс перехода от одного подвижного равновесия народного и мирового хозяйства, для дальнейшего существования которого нет необходимых и достаточных условий, к другому. Таким образом, после анализа факторов кризиса мы вновь подходим к определению его сущности и притом именно в том смысле, в каком дали его выше, приступая к анализу.

С точки зрения данного объяснения становятся понятными те характерные черты кризиса, как целого явления, которые были отмечены выше. Кризис носит ярко выраженный мировой характер, говорили мы. Теперь ясно почему это так: в сущности и порожден он в значительной степени диспропорциональностями мирового порядка. Понятна также степень глубины его по странам, внутренняя последовательность развития и др. черты.

Неясным быть может остается лишь время возникновения кризиса. Почему кризис не начался сейчас же после войны и почему обнаружившаяся сейчас же после конца войны депрессия не оказалась подлинным кризисом?

Однако и на этот вопрос ответ в сущности можно найти из предыдущего изложения. Голый факт окончания войны еще не уничтожил всех военных условий и главное не сжимал катастрофически исключительного по емкости военно-государственного рынка. Отпала нужда делать снаряды, пушки и т.п., но появилась столь же неотложная и грандиозная нужда восстановления разрушений, ремонта транспорта и т.п. И промышленность, обслуживавшая чисто военный рынок, в особенности тяжелая, не потеряла рынка, неизвестно даже, насколько рынок ее сократился. Столь же быстро, как после легкого замешательства она реорганизовалась в начале войны, после такого же кратковременного замешательства после окончания войны она использовала послевоенный емкий рынок. Это во-первых. Во-вторых, 1919 г., как мы знаем, в отношении продукции был годом продолжающегося упадка. В-третьих, 1919 г. — это год, когда за политическими осложнениями мировая конкуренция еще не успела выявиться и определиться со всей силой. В 1919 г. слово кризис пестрило в печати. Но тогда еще говорили о кризисе в совершенно ином смысле слова, говорили о кризисе оскудения и недопроизводства. (Ср. замечания, сделанные выше). Кризис же относительного перепроизводства мог проявиться лишь тогда, когда мировые экономические связи окрепли, когда первые раны войны были залечены и началось возрождение хозяйственной жизни потрясенных войной стран. Когда мировая

конкуренция начала все более вступать в свои права, тогда вскрылось влияние созданных за истекшее время войны несоответствий и диспропорциональностей. Тогда обнаружилось затруднения сбыта и размещения товаров на базе достигнутого высокого уровня цен. И они начали понижательную волну. Вместе с тем началось вообще понижательное движение конъюнктур.

В этом отношении и вообще по своему характеру, но не по размерам и пространственно-временным чертам, изучаемый кризис весьма напоминает послевоенный кризис 1815 г., который точно также наступил спустя некоторое, примерно, в то же время после окончания войны и порожден был в значительной мере аналогичными условиями¹.

Предыдущий анализ кризиса показывает, что с номографической точки зрения он по своей природе, внутренней механике и причинам является бесспорно капиталистическим кризисом относительного перепроизводства. То обстоятельство, что он возникает после грандиозной войны, не меняет его природы, а лишь придает ему с идиографической точки зрения ряд особых индивидуальных черт. Иначе говоря, мы отрицаем взгляд, что перед нами какой-то особый, исключительный, неукладывающийся в категории экономической теории кризис. Конечно, особенно велики его размеры, грандиозна широта, длительность, особенны те конкретные условия, при которых он возникает. Но существо его развития и течения в основных чертах родственно вообще кризису относительного перепроизводства.

Это положение чрезвычайно важно. От принятия или отклонения его зависит понимание перспектив дальнейшего развития мировой хозяйственной жизни. Наш анализ привел нас к определенному заключению. Мы не имеем достаточно убедительных аргументов, чтобы признать это заключение неверным.

¹ См. Took and Neumarch "Die Geschichte und Bestimmung der Preise" Band i Dresden 1858. Гл. VI. См. Вирт. История торговых кризисов в Европе и Америке. СПб, 1877, стр. 65 и сл.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЪЮНКТУРЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Предыдущую главу мы посвятили характеристике и объяснению грандиозного мирового экономического кризиса, который разразился в 1920–21 гг. Поставим и рассмотрим теперь следующий вопрос: продолжает ли кризис углубляться и усиливаться, или, наоборот, он вступил в полосу ликвидации? Короче, каковы современные конъюнктуры мирового хозяйства?

Анализируя кризис, мы доводим анализ в отношении времени, как правило, до июня–августа 1921 г. Мы поступили так не случайно. Внимательное изучение имеющихся материалов приводит к заключению, что именно с июня–августа 1921 г. в движении мировых экономических конъюнктур намечается определенно новый перелом: развитие и углубление кризиса в общем и целом прекращается, появляются симптомы начала его ликвидации.

В чем эти симптомы, и в какой мере они позволяют поддерживать выставленное утверждение о вступлении мирового хозяйства в полосу ликвидации кризиса? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к характеристике важнейших показателей мировых конъюнктур последнего времени.

2. Прежде всего остановимся на одном из самых чувствительных показателей конъюнктур, на движении учетного процента. Теория конъюнктур и кризисов показывает¹, что перед самым кризисом рынок капиталов и кредит достигают максимального напряжения. Кредит становится чрезмерно дорогим, ставки дисконта резко поднимаются. Следующий, затем кризис, вызывая паралич одной отрасли хозяйства за другой, изменяет сошедшееся напряженное соотношение спроса на денежный капитал и его предложения в сторону пониженного спроса. С другой стороны, наличие в капиталистическом обществе значительных категорий доходов, не связанных или мало связанных с торго-

¹ Ср. М.И. Туган-Барановский. "Периодич. промышленные кризисы". Изд. 3 passim, в частности, стр. 285 и сл. — Ср. Joseph Esslen. — *Konjunktur und Geldmarkt 1902–1908* Stuttgart und Berlin, 1909. Главы V и VI. А. Aftalion, *Les crises periodiques de surproduction t.l. ob.VII.*

во-промышленной деятельностью и следовательно не подверженных или почти не подверженных резким периодическим потрясениям, обуславливает своим существованием, на фоне паралича торгово-промышленной деятельности и понижения спроса на капитал, постепенное насыщение и пополнение денежного и капитального рынка. Сокращение спроса при возрастании предложения рано или поздно приводит к удешевлению денег и капитала. Вот почему, спустя известное время после начала кризиса мы всегда наблюдаем понижение дисконта. Правда, понижающийся дисконт продолжает стоять низко и тогда, когда кризис, как таковой, кончился, но когда экономическая жизнь находится еще некоторое время в состоянии вялости и застоя. Дисконт вступает в новую полосу повышения лишь тогда, когда начинается вновь период оживления и подъема.

Отсюда ясно, что понижение дисконта, не являясь показателем скорого подъема, безусловно является показателем окончания или скорого окончания кризиса, показателем перехода или скорого перехода народного хозяйства из состояния кризиса к состоянию его изживания и депрессии. Вместе с тем понижение дисконта служит предвестником будущего подъема конъюнктур.

Как же изменяется дисконт в течение кризиса 1920–21 г.? Ответ на этот вопрос мы находим в следующей таблице¹.

Города	Дис- конт	С како- го времени	Дис- конт	С како- го времени	Дис- конт	С како- го времени	Дис- конт	С како- го времени	Дис- конт	С како- го времени
Лондон	7	15/IV-20 г.	6½	28/IV-21	5½	21/VI-21	5	3/XI-21	4½	16/II-22
Нью-Йорк	7	1/IV-20 г.	6½	9/V-21	5½	20/VII-21	5	21/IX-21	4½	2/XI-21
Париж	6	8/IV-20 г.	5½	20/VII-21	5½	20/VII-21	5½	20/VII-21	5	11/III-22
Стокгольм	7½	16/IX-20 г.	6½	4/V-21	6½	4/V-21	6	5/VII-21	5	10/III-22
Копенгаген	7	16/IV-20 г.	6½	19/V-21	6	5/VII-21	5½	5/IX-21	5	25/IV-22
Берлин	5	23/XII-14 г.	5	23/XII-14	5	23/XII-14	5	23/XII-14	5	24/XII-14

Отсюда ясно видно, что высшего напряжения дисконт достигает в 1920 г. В ряде стран и в том числе важнейших, как Англия, Соединенные Штаты, Франция, Дания этот максимум приходится на весну—лето 1920 г., в других, как Швеция — на начало осени. Иначе говоря, максимум приходится по странам именно на период начала кризиса. Высокий учетный процент держится на одном уровне до апреля—мая 1921 г., т.е. почти год, когда кризис углублялся и приобретал все большие размеры. Но с апреля—мая 1921 г. начинается систематическое понижение дисконта. Из взятых стран, лишь Германия не обнаруживает по-

¹ Составлена по данным Economist'a. Различные номера.

нижения ставки, которая держится в ней на одном уровне с первого года войны. Но это не нарушает общей тенденции. Падение дисконта в Соединенных Штатах и Дании по-видимому уже приостановилось с осени 1921 г. В Англии, Франции, Швеции оно еще продолжается и в 1922 г. В частности в Англии и ставка в 4½% не удержалась 13 апреля 1922 г. дисконт был понижен до 4%. 15-го июня до 3½%, а в самое последнее время до 3%¹. Иначе говоря, ставка дисконта дошла до довоенного уровня.

Опираясь на приведенные выше положения и данные о фактическом движении дисконта, можно полагать, что уже с весны 1921 г. *в состоявши конъюнктур намечается перелом. Денежный и капиталый рынок начинает постепенно терять прежнее напряжение*, и в этом нельзя не видеть показателя приближающегося вступления мирового хозяйства в стадию ликвидации кризиса. Причем из таблицы ясно, что движение дисконта в некоторых странах, как Соединенные Штаты, своей устойчивостью с осени 1921 г. говорит даже о том, что эти страны приближаются к моменту перехода от состояния угнетения экономической деятельности, совершенно неизбежной после кризиса, к состоянию нового подъема ее.

3. Но если дисконт упал, то он упал, как ясно из предыдущего, с одной стороны, под влиянием сократившегося спроса на денежный капитал по причинам кризиса, с другой, под влиянием возрастающего предложения по причинам наличия источников регулярного накопления капиталов. Наблюдается ли в действительности увеличение этого предложения? Этого можно ожидать теоретически. Посмотрим однако на факты. Наиболее подробными данными мы располагаем по Англии. Возьмем для нее следующие данные.

Эмиссия капиталов в Англии²

Даты	Ценные бумаги правительствен- ных и муниципаль- ных предприятий	Ценные бумаги частных предприятий	Итого
		в млн. ф. ст.	
1920 г. в среднем за месяц	15,3	24,8	40,1
1921 г. январь	11,8	9,6	21,4

¹ См. Экономический бюллетень конъюнктурного института, № 3, 1922 г.

² По данным Statist'а. March 4, 1922. стр. 322. См. также Экономический бюллетень конъюнктурного института, № 3, 1922.

Даты	Ценные бумаги правительствен- ных и муниципаль- ных предприятий	Ценные бумаги частных предприятий	Итого
1921 г. февраль	11,6	2,6	14,2
март	13,0	15,6	28,6
апрель	9,3	9,8	19,1
май	6,3	12,7	19,0
июнь	22,2	13,2	35,4
июль	6,3	6,9	13,2
август	8,6	1,7	10,3
сентябрь	39,1	7,6	46,7
октябрь	35,2	5,7	40,9
ноябрь	66,9	4,5	71,4
декабрь	69,5	2,8	72,3
1922 г. январь	144,8	12,8	157,6
февраль	57,6	13,0	70,6
март	25,4	18,6	44,0
апрель	94,5	6,0	100,5
май	24,8	27,0	51,8
июнь	24,9	4,4	29,3
За четверть 1920 г.	45,9	74,4	120,3
За 1 четверть 1921 г.	36,4	27,8	65,2
За 2 четверть 1921 г.	37,8	35,7	76,5
За 3 четверть 1921 г.	54,0	16,2	76,2
За 4 четверть 1921 г.	171,6	13,0	184,6
За 1 четверть 1922 г.	227,8	44,4	272,2
За 2 четверть 1922 г.	144,2	37,4	181,6

Анализируя приведенные данные, нельзя не отметить весьма резких колебаний рядов. Но тем не менее общие тенденции эмиссии капиталов из них ясны. Ясно, что общая сумма эмиссий в течение первой половины 1921 г. по сравнению с размерами ее в 1920 г. понижается. При помесечном анализе видно, что эмиссия достигает минимума в июле–августе 1921 г., а затем сильно поднимается. При почетвертном анализе минимум эмиссии падает на первую четверть 1921 г. и подъем начинается со 2-й четверти, правда с колебаниями, так как 3-я четверть дает несколько меньшую сумму эмиссий, чем 2-я. Это объясняется резкими помесечными колебаниями эмиссии. Соответственно сказанному и падение дисконта весной 1921 г. нужно приписать преимущественно понижению спроса на денежный капитал. Лишь с лета–осени 1921 г. на его понижательное движение, очевидно, давит и растущее предложение капиталов.

Из приведенных данных видно также, что к 1921 г. особенно сильно сократилась частная эмиссия. Это и понятно, ибо именно частно-хозяйственная жизнь наиболее пострадала от кризиса. Минимум частной эмиссии приходится также на август. Далее она, хотя и с колебаниями, поднимается. Особенно усиливается она с начала 1922 г.

В интересах большей убедительности развитого выше положения об увеличении во второй половине 1921 г. эмиссии капиталов, отметим, что такое увеличение наблюдается не только в Англии, но и в других важнейших странах. Это видно из следующих данных об эмиссии капиталов¹.

Даты	Германия, млн. марок	Франция ² , млн. франков	Голландия, млн. гульденов	Швейцария ³ , млн. франков	Соединенные Штаты, млн. долларов	Британская Индия, млн. рупий
В среднем за месяц, всего 1920 г.	781	4.654	94	68	259	122
1-й четв. 1921 г.	2.315	<u>1.513</u>	46	93	232	65
2-й четв. 1921 г.	1.838	2.635	<u>34</u>	89	249	116
3-й четв. 1921 г.	<u>1.834</u>	1.719	45	<u>23</u>	<u>172</u>	<u>24</u>
4-й четв. 1921 г.	3.009	1.876	45	51	236	44
весь 1921 г.	2.249	1.860	42	63	220	63

Отсюда видно, в большинстве стран эмиссия капиталов в 1921 г. стоит ниже, чем в 1920 г. Исключение Германия. Но это исключение проистекает, вероятно, из сильного падения марки. Далее, во всех странах в 1921 г. намечается перелом эмиссии в сторону повышения. В большинстве стран *minimum* эмиссии падает на третью четверть года, во Франции на 1-ю и в Голландии на 2-ю. Хотя эмиссия капиталов и колеблется довольно резко, но несомненно приведенные данные дают в общем те же выводы, что и данные по Англии.

Анализ эмиссии капиталов приводит нас к выводу: если начало падения дисконта предвещало близость наступления конца кризиса, то усиление эмиссии капитала со второй и третьей четверти 1921 г. положительно свидетельствует о наступившем переломе в сторону ликвидации кризиса и в свою очередь служит симптомом более или менее скорого последующего перелома конъюнктуры в смысле нового подъема их.

¹ См. Вестн. Нар. Ком. внешн. торговли № 2(7), 1922, стр. 58.

² Вторая четверть без июня, четвертая — лишь по данным за ноябрь.

³ Четвертая четверть без декабря.

4. Обратимся теперь к движению товарных цен.

Движение общих индексов товарных цен по странам представляется в следующем виде¹:

Даты	Соединенные Штаты ²	Япония ³	Англия ⁴	Франция ⁵	Италия ⁶	Германия ⁷	Дания ⁸	Швеция ⁹	Голландия ¹⁰	Канада ¹⁰
в процентном отношении к ценам 1913 г.										
1921 г.										
март	123	191,0	189	360	603	1408	270	237	183	194,2
апрель	117	<u>189,9</u>	183	347	584	1430	257	229	176	187,2
май	<u>115</u>	190,6	182	329	547	<u>1387</u>	254	218	182	183,0
июнь	116	192,1	179	<u>325</u>	<u>509</u>	1463	253	218	183	179,1
июль	120	196,5	178	330	520	1690	254	211	176	176,1
август	120	199,3	179	331	542	1777	224	198	180	174,5
сентябрь	121	206,9	183	<u>344</u>	580	1993	202	182	180	171,7
октябрь	123	219,2	170	331	<u>599</u>	2687	186	175	169	169,2
ноябрь	123	214,3	166	332	595	3269	188	174	165	167,7
декабрь	124	209,5	162	326	594	3452	178	172	165	170,3
1922 г.										
январь	124	206,1	159	314	577	3955	<u>177</u>	170	<u>161</u>	168,0
февраль	126	204,0	<u>158</u>	<u>306</u>	563	4888	182	166	162	169,4
март	125	200,8	160	307	534	5899	178	164	161	166,5

Из приведенной таблицы можно установить три основные типа движения цен по группам стран. 1) В Соединенных Штатах с мая 1921 г., в Японии с апреля, в Германии также с мая падение цен прекращается. Понижительное движение их сменяется повышательным. Правда в первых двух странах повышение цен идет с колебаниями. Но в своих эпизодических понижениях цены уже далеко не падают до уровня исходного минимума. 2) Цены Англии, Дании, Швеции, Голландии и Канады продолжают понижаться. Только в конце 1921 г. в начале 1922 г. появляются признаки их стабилизации и даже повышения. 3) Наконец цены Франции и Италии описывают своеобразную кривую. Они падают до июня 1921 г. С июня повышаются во

¹ Составлена по тем же данным, что и таблица общих индексов в предыдущей главе, а также по данным Statist'a и Economist'a, различные № за 1922 г., Wirtschaft und Statistik, № 10, 1921 и The Review of economic Statistics. Supplement I. Harwards Economic service.

² Index Bradstreet's.

³ Ind. Японского банка.

⁴ Ind. Economist'a.

⁵ Ind. Statist. gener. de la France.

⁶ Ind. Bachi.

⁷ Ind. Frankfurt Zeit.

⁸ Index Finanstidende.

⁹ Svensk Handelstidning.

¹⁰ Официальный.

Франции до сентября, в Италии — до октября. После сентября-октября начинается новое понижение цен. Причем во Франции в начале 1922 г. появляются признаки приостановки падения цен.

Несмотря на различие указанных трех типов движения цен, мы склонны утверждать, что в основе мирового движения товарных цен с весны-лета 1921 г. проявляется более глубокая и общая тенденция приостановки падения цен и даже некоторого повышения их. Иначе говоря, мы утверждаем, что с весны-лета 1921 г. наметился новый перелом движения цен.

Однако высказанному положению как будто противоречит характер движения цен в Англии и Швеции, Голландии и Канаде, где они продолжают понижаться, обнаруживая лишь самые первые признаки стабилизации, во Франции и Италии, где они после сентября-октября начали вновь падать, и даже в Соединенных Штатах и Японии, где они или повышаются с колебаниями и очень мало, или даже совсем не повышаются, а лишь прекратили падение. И тем не менее выставленный тезис остается верным. В таком случае, чему же приписать только что отмеченные, как будто, противоречия?

5. Объяснения нужно искать прежде всего в условиях денежного обращения. *Конец 1920 г., первая и в особенности вторая половина 1921 г. проходят под знаком дефляции бумажно-денежного обращения.* В одних странах процесс дефляции выражен сильнее, в других слабее. Но он наблюдается почти во всех странах.

Обратимся к следующим фактам денежного обращения¹.

Даты	Соединенные Штаты			Япония			Англия		
	Бум. деньги ² млн. долларов	Золото	% пок- рытия	Бум. деньги	Золото	% пок- рытия	Бум. деньги ³ млн. ф. ст.	Золото	% пок- рытия
Конец 1920 г.	3.349	2.059	61,5	1.438	1.247	86,7	481,4	128	26,6
1921 г.									
Январь	3.105	2.106	67,8	1.217	1.267	104,1	470,3	128	27,2
Февраль	3.073	2.140	69,6	1.118	1.276	114,1	463,8	128	27,6
Март	2.934	2.211	75,4	1.106	1.279	115,6	472,4	128	27,1
Апрель	2.782	2.318	83,3	1.147	1.281	111,7	467,9	128	27,3
Май	2.783	2.409	86,6	1.160	1.281	110,0	462,5	128	27,7
Июнь	2.681	2.462	91,1	1.173	1.276	108,9	453,0	128	28,2
Июль	2.599	2.531	97,4	1.143	1.276	111,7	454,0	128	28,2
Август	2.527	2.641	104,5	1.127	1.275	113,1	447,6	128	28,6

¹ По данным различных номеров Economist'a.

² Взяты Federal Reserve Notes in actual circulation.

³ Взяты bank-notes and currency notes.

Даты	Соединенные Штаты			Япония			Англия		
	Бум. деньги	Золото	% пок-рытия	Бум. деньги ¹	Золото	% пок-рытия	Бум. деньги	Золото	% пок-рытия
	млн. долларов			млн. иен			млн. ф. ст.		
1921 г.									
Сентябрь	2.517	2.656	105,5	1.148	1.275	111,0	440,4	128	29,1
Октябрь	2.482	2.732	110,1	1.141	1.267	111,0	436,9	128	29,3
Ноябрь	2.420	2.816	116,4	1.156	1.263	109,2	438,1	128	29,2
Декабрь	2.366	2.849	120,4	1.232	1.265	102,7	449,7	128	28,5
1922 г.									
Январь	2.405	2.875	119,5	1.281	1.246	97,2	444,6	128	28,8
Февраль	2.178	2.911	133,7	1.108	1.227	110,7	425,5	128	30,1
Март	2.196	2.951	134,4	1.098	1.224	111,5	421,0	128	30,4
Даты	Франция			Германия			Голландия		
	Бум. деньги	Золото	% пок-рытия	Бум. деньги ¹	Золото	% пок-рытия	Бум. деньги	Золото	% пок-рытия
	млн. франков			млн. марок			млн. гульденов		
1920 г. январь	37.902	5.766	15,2	68.805	1.092	1,6	1.070	649	60,7
1921 г.									
Январь	38.205	5.770	14,8	66.621	1.092	1,6	1.074	658	61,2
Февраль	38.146	5.767	15,1	67.427	1.092	1,6	1.031	657	63,6
Март	38.435	5.768	15,0	69.417	1.092	1,6	1.025	638	62,2
Апрель	38.211	5.786	15,1	70.840	1.091	1,5	1.047	620	58,7
Май	38.392	5.791	15,1	71.839	1.092	1,5	1.054	619	58,7
Июнь	37.422	5.794	15,5	75.321	1.092	1,4	994	618	62,2
Июль	36.941	5.796	15,7	77.391	1.092	1,4	1.019	617	60,5
Август	37.025	5.799	15,7	80.073	1.024	1,3	1.005	617	61,3
Сентябрь	37.024	5.799	15,7	80.727	1.040	1,3	1.021	716	60,3
Октябрь	37.792	5.800	15,3	87.461	1.039	1,2	1.040	615	59,1
Ноябрь	37.376	5.802	15,5	92.609	1.008	1,1	1.054	615	58,3
Декабрь	36.666	5.803	15,8	102.789	1.005	1,0	1.084	614	56,6
1922 г.									
Январь	37.421	5.804	15,5	113.139	1.007	0,9	1.057	613	58,0
Февраль	36.606	5.805	15,9	116.606	1.008	0,9	987	606	61,4
Март	36.258	5.806	16,0	120.026	1.011	0,8	1.004	606	60,4

Анализируя эту таблицу, мы видим, что только в Германии бумажно-денежная масса растет. В Соединенных Штатах, Японии, Англии, Франции она уменьшается. То же можно наблюдать и в Италии, данные по которой для краткости не приводим. В Голландии она более или менее стационарна. Золотой запас быстрым темпом увеличивается в Соединенных Штатах. В Японии он растет до лета 1922 г., а затем медленно уменьшается. В Англии золотой запас стационарен. Во Франции постепенно растет. В Германии и Голландии уменьшается.

Обращаясь теперь к проценту покрытия, легко видеть, что он выше всего в Соединенных Штатах и Японии. Причем, в Соединенных Штатах он непрерывно возрастает и с ноября 1921 г. превышает процент по Японии. В Японии, достигнув

¹Банкноты.

чрезвычайно высокого уровня в июле 1921 г., он держится более или менее стационарно, давая колебания по отдельным месяцам. Процент покрытия в Англии неуклонно повышается. Во Франции его повышение бесспорно, но крайне медленно, в Голландии он скорей стационарен, и в Германии падает.

Итак, по важнейшим странам бумажно-денежная масса уменьшается, а покрытие растет хотя и различным темпом. Иначе говоря, наблюдается процесс дефляции денежного обращения на внутреннем рынке *почти во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах. Его следствием должно было явиться большее или меньшее повышение ценности денег на внутреннем рынке.*

Но ценность денег на внутреннем рынке и соответственно средний уровень товарных цен в конце концов органически связаны и обуславливают ценность их на внешнем рынке¹. И если верно выставленное нами положение о повышении ценности денег на внутреннем рынке, то мы должны ожидать, что и вексельные курсы соответствующих стран должны улучшиться. Посмотрим, так ли это в действительности. Возьмем вексельные курсы на Нью-Йоркской бирже, ибо доллар является в настоящее время наиболее устойчивой валютой.

Мы отметили уже, что и ценность доллара в 1921 г. должна была повыситься. И если мы обнаружим теперь улучшение вексельных курсов других стран в отношении доллара, то должны будем тем более признать повышение ценности денег этих стран. Данные о вексельных курсах говорят следующее².

Даты	Лондон, доллар за фунт	Париж, цент за франк	Италия, цент за лиру	Герма- ния, цент за марку	Шве- ция, цент за крону	Амстер- дам, цент за гульден	Токио, цент за иену
Паритет	4,87	19,30	19,30	28,83	28,80	40,195	49,85
8 января 1920 г.	3,75	8,93	15,72	2,00	21,10	37,50	49,85
30 декабря 1920 г.	3,54	5,93	3,48	1,38	19,98	31,45	47,20
13 января 1921 г.	3,74	6,04	3,47	1,46	21,45	33,10	47,60
6 октября 1921 г.	3,78	7,23	4,01	0,82	22,74	32,30	47,50
3 ноября 1921 г.	3,95	7,40	4,08	0,48	22,95	34,65	47,95
2 декабря 1921 г.	4,07	7,36	4,37	0,55	23,80	35,70	38,00
5 января 1922 г.	4,19	7,96	4,28	0,50	24,72	36,60	47,55
2 февраля 1922 г.	4,31	8,33	4,66	0,49	25,48	37,00	47,35
2 марта 1922 г.	4,43	9,12	5,32	0,41	26,41	38,30	47,10

¹ Ср. цит. выше G. Cassel. Theoretische Social-ekonomik.

² См. Вестник Н. К. Внesh. торг. № 1(6), 1922, стр. 76, а также Бюллетень Торгового Представительства в Германии № 6, 1922, см. также данные в The Review of economic Statistics, Supplement I. Harvard's economic service. April, 1922, p. 32.

Отсюда ясно, что фунт, крона и гульден, относительно менее обеспеченные, достигнув максимального падения в 1920 г., в течение всего 1921 г. и начала 1922 г. дают сильный подъем. Сильно обесцененные франк и лира точно также с 1921 г. повышаются в расценке. Но все же они бесконечно далеки от паритета. Марка продолжает обесцениваться. Иена, несколько упавши в течение 1920 г., в 1921–22 гг. повышается, при этом она колеблется и дает ряд возвратных понижительных движений, особенно за последние три месяца.

В общем же замечается бесспорное улучшение вексельных курсов всех важнейших стран.

Последнее весьма интересное и важное положение можно сделать еще более наглядным, если взять курсы валют в процентном отношении к золотому паритету с долларом. Картина получается следующая¹:

Даты	Лондон, ф. ст.	Париж, франк	Брюссель, франк	Италия, лира	Голландия, гульден	Швеция, крона	Дания, крона
	в % к паритету с долларом						
2 июля 1921 г.	77,0	41,6	41,4	25,5	82,1	82,7	63,1
30 июля	<u>73,5</u>	39,9	38,7	21,9	77,0	<u>76,3</u>	<u>56,7</u>
6 августа	73,7	39,9	39,4	22,0	<u>76,1</u>	76,3	57,1
24 сентября	76,6	36,8	36,5	21,6	78,8	81,5	66,3
22 октября	80,8	37,7	37,0	<u>20,4</u>	85,2	86,5	71,7
26 ноября	82,1	<u>36,5</u>	<u>35,0</u>	21,2	88,4	87,5	68,9
24 декабря	86,3	41,4	39,7	23,4	91,3	93,0	76,1
28 января 1922 г.	86,9	42,1	40,4	22,8	91,1	93,4	74,9
25 февраля	90,4	47,1	44,8	26,1	94,9	99,2	78,0
25 марта	90,1	46,8	43,8	26,4	94,1	97,7	79,3

Приведенная таблица построена так, что указаны моменты минимум'а всех взятых валют за период кризиса. Эти моменты отмечены чертой. Они приходятся на конец июля в отношении фунта, шведской и датской кроны, на начало августа в отношении гульдена, на конец октября в отношении лиры и на конец ноября в отношении франка. После отмеченных моментов наблюдается бесспорное и довольно значительное повышение взятых валют в отношении доллара. Особенно резко проявляет это повышение фунт, гульден и крона.

¹ См. Manchester Guardian Commercial. Der Wiederaufbau in Europa. Erste Nummer. 20 apr. 1922. Seite 17. См. в этом издании по вопросу о валюте целый ряд интересных статей и ценных данных.

Приведенные факты из области денежного обращения позволяют сделать следующие выводы. Денежное обращение Соединенных Штатов и Японии можно считать вполне устойчивым. В денежном обращении Англии, Швеции, Голландии и некоторых других нейтральных — наблюдается изменение в сторону уменьшения бумажной инфляции, улучшения вексельных курсов и следовательно повышения ценности денежной единицы. Этот процесс наблюдается и во Франции и Италии, хотя выявлен здесь значительно слабее. Ценность марки продолжает падать.

Итак, в большинстве стран денежная единица повысилась в ценности, в одних сильнее, в других менее сильно. Но повышение ценности денежной единицы должно было действовать на товарные цены понижательно. Изменение действительного уровня цен и должно было определиться в результате столкновения факторов, имеющих на стороне товаров и на стороне денег.

Здесь лежит одно из объяснений констатированного выше странного явления в несоответствии мирового движения товарных цен¹. Понижательное действие денежного фактора, в зависимости от его силы, должно было или ослаблять начавшийся подъем товарных цен, как в Японии и особенно в Соединенных Штатах, или держать цены на одном уровне, или даже понижать цены, как в Канаде, Голландии, Англии, Швеции, с осени 1921 г. во Франции и Италии. Сильное повышательное движение цен в Италии и Франции с июня объясняется повышательным действием факторов на стороне товаров, каковое при крайне медленном в общем улучшении валюты этих стран не парализуется в это летнее время понижательным действием денежного фактора. Повышательное движение цен в Германии обуславливается и внутренними условиями рынка и дальнейшим падением марки.

Изложенное позволяет заметить, что отмеченное выше несоответствие в движении цен по странам в значительной мере устраняется. И мы можем утверждать, что с конца весны — начала лета 1921 г. действительно наметился перелом в движении конъюнктуры цен в сторону повышения. Если он слабо или иногда вовсе не выявлен положительно, то здесь сказывается

¹ Понижательное действие дефляции денежного обращения на цены отмечено проф. Касселем. См. статью в *Economic Review* от 10 февраля 1922 г. *International price level*, стр. 269–270. Однако Кассель, по-видимому, переоценивает роль дефляции и ошибочно игнорирует факторы, лежащие на стороне товарного рынка. По этому поводу см. там же (стр. 270–271) изложение критики Касселя D-r'ом В. Dietck'ом.

прежде всего действие факторов со стороны денег. Оставайся денежная единица неизменной, мы наблюдали бы подъем цен значительно более ясно.

Последнюю мысль можно подтвердить некоторыми фактическими расчетами. Чтобы уяснить то значение изменения ценности денежной единицы, на которое мы обращали внимание выше, выразим индексы товарных цен каждой страны в золоте. В этих целях, установив размер лажа на доллар для валюты каждой страны и определив, во сколько раз обесценилась валюта каждой страны против золота (доллара), разделим по соответствующим месяцам общие индексы товарных цен каждой страны, выраженные в туземных валютах, на степени их обесцениения. Таким путем мы получим уровень товарных цен в золоте. Итог получается следующий¹.

Даты	Соединенные Штаты (Index Bureau of Labour)	Англия (Index Statist'a)	Франция (Ind. Stat. gener. de la France)	Германия (Ind. Stat. Reichamts)
В переводе на золото и в % к 1913 г.				
1921 г.				
январь	178	176,2	188,4	93,4
февраль	167	170,8	115,2	94,0
март	162	167,6	119,0	89,4
апрель	154	161,2	138,7	87,3
май	151	156,0	149,5	88,6
июнь	<u>148</u>	142,3	131,9	82,5
июль	148	138,8	123,0	77,5
август	152	136,7	120,7	95,7
сентябрь	152	134,6	127,2	83,1
октябрь	150	<u>129,5</u>	<u>122,7</u>	71,1
ноябрь	149	131,4	126,7	<u>57,4</u>
декабрь	149	134,3	136,5	78,8
1922 г.				
январь	148	135,5	131,0	80,6
февраль	151	140,3	145,0	82,5

Из этой таблицы прежде всего видно, что золотые цены и в Англии и во Франции прекращают падение с октября 1921 г., в Германии с ноября. Иначе говоря, констатированное выше продолжение падения английских и французских цен в туземных валютах оказывается действительно прежде всего следствием дефляции денежного обращения. Из таблицы видно также, между прочим, что наиболее дорого страной в настоящее время

¹ См. Wirtschaft und statistik 1 апреля 1922 г., № 7, стр. 233 и сл.

является Америка. Золотые цены Германии даже ниже довоенных.

Предыдущим достаточно выяснена роль денежного фактора в отношении общего движения товарных цен. Вместе с тем нужно подчеркнуть и признать, что это действие денежного фактора лишь маскирует и осложняет явление действительного движения товарных цен, не уничтожая наметившегося факта перелома конъюнктуры их от понижения к стабилизации и даже к повышению.

6. Другой причиной, маскирующей подъем товарных цен, замедляющей рост их в одних странах и скрывающей его в других, нужно признать влияние осеннего сезона на цены сельскохозяйственных товаров. Момент перелома в кризисе и ценах в значительной мере и близко совпал с периодом реализации урожая. И если мы обратимся к товарным ценам по группам товаров, то увидим, что именно цены сельскохозяйственных товаров падают осенью 1921 г. и своим падением оказывают сдерживающее или даже понижательное влияние на общие индексы.

Приведем фактические данные по некоторым странам:
Индексы товарных цен по группам в Англии¹.

Даты	Хлеб и мясо	Другое продовольствие (чай, сахар и пр.)	Текстильные продукты	Минералы	Различные
в % к ценам за 1913 г.					
1921 г.					
Май	204,3	194,4	155,6	184,3	180,5
Июнь	200,9	187,3	152,1	186,2	173,5
Июль	199,2	199,1	149,8	179,3	174,6
Август	190,5	201,6	<u>154,7</u>	176,2	169,5
Сентябрь	<u>191,5</u>	193,6	196,6	166,6	174,2
Октябрь	163,5	192,8	182,9	156,1	162,8
Ноябрь	162,1	189,1	174,5	148,3	159,9
Декабрь	157,6	178,9	172,8	145,9	157,8
1922 г.					
Январь	155,2	184,2	166,6	139,7	156,9
Февраль	162,1	180,3	162,1	133,3	159,8
Март	167,6	193,3	162,2	133,9	151,2
Апрель	172,5	187,8	157,8	135,8	150,9

¹ Таблица построена по данным Economist'a от 18 февраля, от 22 апреля и 6 мая 1922 г.

Отсюда ясно видно, что именно первая группа хлебных и мясных сельскохозяйственных товаров дает наиболее сильное падение и падение это начинается в особенности с сентября 1921 г., когда выяснилась благоприятная картина мирового урожая 1921–22 г. Падение хлебных и мясных цен продолжается до 1922 г. С февраля 1922 г. они идут уже вверх. Характерно, что как раз с сентября группа текстильных дает резкий подъем. Группа текстильных единственная, по которой, несмотря на новую тенденцию цен к понижению осенью–зимой 1921 г., цены стоят значительно выше весенних. Подъем цен на текстильные товары стоит бесспорно в зависимости с одной стороны, от выяснившегося неурожая хлопка (см. выше), с другой — от быстрого темпа ликвидации кризиса именно в сфере текстильной промышленности. Интересно отметить непрерывное понижение цен по группе минералов. Правда, начиная с сентября падение это замедляется. С февраля 1922 г. цены по этой группе стабилизируются и даже обнаруживают тенденцию роста.

Если мы теперь обратимся к движению цен по группам товаров во Франции, то увидим следующую картину.

Даты	Продукты питания			Продукты промышленности				
	Растительная пища	Животная пища	Сахар, кофе, какао	Все пищевые	Металл и минералы	Текстильные продукты	Прочие	Все материалы
в % к 1913 г.								
1921 г.								
Май	345,6	378,9	316,5	355,0	266,3	282,3	354,8	309,7
Июнь	<u>368,0</u>	349,6	337,5	356,1	261,2	278,5	340,6	300,7
Июль	363,7	352,7	393,0	<u>365,9</u>	253,4	289,7	342,8	302,2
Август	336,7	370,8	352,4	354,8	244,8	321,1	355,6	313,2
Сентябрь	311,3	<u>372,7</u>	388,7	351,6	253,3	388,2	370,5	338,9
Октябрь	305,3	344,6	399,6	322,4	261,8	390,5	364,5	339,2
Ноябрь	305,7	331,2	324,0	320,4	277,2	387,7	361,8	341,7
Декабрь	302,5	324,3	30,1	312,0	269,3	374,8	364,5	337,6
1922 г.								
Март	285,3	340,9	325,7	316,3	241,8	326,3	328,5	301,1
Апрель	310,3	362,0	366,7	334,1	244,2	319,4	323,6	298,1

Анализируя приведенную таблицу, легко видеть, что все обнаруженное выше падение среднего уровня цен во Франции объясняется преимущественно падением их по группам сельскохозяйственных товаров растительных и животных. По группам минералов и текстильных, а также по смешанной группе, падения цен не наблюдается. Наоборот, текстильные обнаруживают даже резко повышательную тенденцию. Таковую же тенденцию,

хотя и менее определенно выраженную, дают и товары смешанной группы.

Приведенных данных достаточно, чтобы видеть, что по странам, по которым не наблюдается подъема цен, а наоборот наблюдается продолжающееся падение их, падение это вызывается в значительной мере влиянием сезонно-осеннего понижения цен сельскохозяйственных товаров, производство которых в 1921–22 г. оказалось удовлетворительным. Наоборот цены не сельскохозяйственных товаров, а также те из сельскохозяйственных, которые, как текстильные, в особенности хлопок, дали плохой урожай, обнаруживают или ничтожное понижение или даже повышение.

Итак, процесс начавшейся дефляции с одной стороны, и влияние сезонного фактора на некоторые группы сельскохозяйственных товаров — вот те привходящие моменты, которые видоизменяют, сдерживают или даже скрывают общую тенденцию повышения товарных цен.

7. Чтобы закончить анализ движения товарных цен, остановимся еще на изменениях конкретных цен некоторых важнейших товаров. Для краткости ограничимся ценами североамериканского и английского рынков.

Движение конкретных цен на американском рынке (в долларах) характеризуется следующими данными¹.

Даты	Пшеница № 2 Red Winter Чикаго за бушель	Быки молодые отборные Чикаго за 100 фунт.	Хлопок Middling Upland. Spat New York за фунт	Ткань набивная 27-Inch. 64 x 60 за ярд	Чугун Basic Vellej furnace за бол. тонн	Сталь billett, open hearth Питтс- бург за бол. тонн	Уголь Bitumi- nous, run of mine Питтс- бург за м. тонн
1921 г.							
Апрель	1,248	8,15	0,123	0,045	22,88	37	2,75
Май	<u>1,545</u>	8,45	0,125	0,042	22,00	37	2,75
Июнь	1,400	7,95	0,122	0,042	20,75	37	2,35
Июль	1,315	8,10	0,127	0,042	19,38	33	2,50
Август	1,255	<u>8,80</u>	0,130	0,047	18,20	30	2,50
Сентябрь	1,278	8,35	0,197	0,060	19,13	30	2,25
Октябрь	1,226	8,10	0,196	0,065	19,19	30	2,25
Ноябрь	1,150	7,30	0,170	0,60	19,00	30	2,25
Декабрь	1,140	7,20	0,180	0,057	18,63	29	2,20

¹ По данным Harvard's economic service. The Review of economic statistics. Supplement 1. April, 1922, pp. 36–37. См. также данные о ценах на американских рынках в Commerce Monthly, № 11, 1922.

Даты	Пшеница № 2 Red Winter Чикаго за бушель	Быки молодые отборные Чикаго за 100 фунт.	Хлопок Middling Upland. Spat New York за фунт	Ткань набивная 27-inch. 64 × 60 за ярд	Чугун Basic Vellej furnace за бол. тонну	Сталь billett, open hearth Питтс- бург за бол. тонн	Уголь Bitumi- nous, run of mine Питтс- бург за м. тонн
1922 г.							
Январь	1,174	7,00	0,183	0,059	18,15	28	2,00
Февраль	1,380	7,45	0,182	0,055	17,75	28	2,00
Март	1,312	8,15	0,182	0,060	17,94	28	2,00

Отсюда видно, что и на американском рынке проявляется сезонное понижение цен на хлеба и отчасти на скот. Цены на пшеницу понижаются с мая, цены на скот с августа. С начала 1922 г. те и другие повышаются. В то время, как цены на пшеницу с мая месяца идут вниз, цены на хлопок, наоборот, с июня повышаются. Повышение это особенно рельефно обнаруживается с сентября. С конца 1921 г. хлопковые цены стабилизируются. Аналогично хлопковым изменяются и цены на ткань. Угольный и железный рынок до конца 1921 г. стоит под знаком понижительных тенденций. Лишь с начала 1922 г. здесь наступает стабилизация цен. Таким образом, если мы, анализируя общие индексы цен, нашли, что американские индексы уже с мая—июня обнаруживают перелом цен от понижения к стабилизации и даже к слабому повышению, то это происходит, очевидно и прежде всего в значительной мере за счет цен текстильных товаров и некоторых других, как кожа, каучук, некоторые второстепенные металлы.

Обратимся к английскому рынку¹ (см. табл. с. 299).

На английском рынке в общих чертах открывается та же картина. Резкое падение с осени цен на хлебные и мясные продукты, сильный подъем на текстильные, в частности и особенно на хлопчатобумажные товары, последующее некоторое их понижение, не достигающее, однако, летнего минимума, и стабилизация в 1922 г. Наряду с этим мы наблюдаем продолжающееся до конца 1921 г. падение цен на железо и стабилизацию их с конца 1921 г.

Цены на уголь понижаются до 1922 г. С начала 1922 г. они несколько повышаются.

¹ По данным Economist'a от 18 февраля и 15 апреля 1922 г., а также и Wirtschaft und Statistik, № 8, 1922. См. также Еженедельник "Внешняя торговля" изд. Н. К. В. Т. № 1.

Даты	Пшеница № 1 Northern Manitoba	Говядина Mean of Midding and Prime	Хлопок Middling American	Хлопча- тобу- мажная пряжа 32,5 Twist	Хлопчатобумажная ткань 39 дюйм. Schirtings	Чугун Cleveland G. M. B. № 3	Сталь- ные Middles brough	Уголь Best sleant. Нью-хестль
конец апреля 1921 г.	81	9	8,28	18,25	18	120	15	42
мая	86	8	8,25	18,00	17	130	15	42
июня	84	8	7,85	17,25	16	135	15	42
июля	88	8	8,34	17,50	16	135	14	42
августа	91	8	9,68	17,25	16	135	14	40
сентября	82	7	15,71	23,00	21	120	14	38
октября	58	7	12,55	21,50	20	120	10½	34
ноября	54	7	12,18	19,50	19	110	10	30
декабря	55	7	11,81	18,50	18	100	9½	30
конец января 1922 г.	57	7	10,07	17,25	17	90	9½	28
февраля	56	6	10,56	17,50	16	90	9½	30
марта	57	7	10,73	17,75	16	87	9½	32
апреля	58	—	10,46	17,75	17	90	9½	33

8. Сделаем некоторые общие выводы из анализа цен.

а) Общие индексы товарных цен с мая–июня 1921 г. по ряду стран обнаруживают или тенденцию к подъему, или приостановку планомерного падения. По другим странам падение продолжается, хотя безусловно замедленным темпом.

б) Анализ, однако, показывает, что с мая–июня намечается не случайная и частичная, а общая тенденция товарных цен к подъему или по меньшей мере к стабилизации. И если эта тенденция не всегда достаточно рельефна, то лишь потому, что она маскируется и тормозится рядом привходящих факторов.

в) В числе этих факторов мы отмечаем прежде всего начавшийся сильный процесс дефляции денежного обращения и соответственно повышения ценности денежных единиц.

г) Далее, анализ движения цен по группам товаров и по отдельным товарам показал, что наблюдающаяся медленность и неустойчивость подъема цен, а в некоторых странах даже продолжающееся падение общих индексов до некоторой степени обусловлены осенним сезоном и связанным с ним понижением цен на некоторые сельскохозяйственные товары.

д) Отмеченная же хотя и не яркая общая тенденция товарных цен к повышению или стабилизации идет за счет цен на кожу и другие товары, но прежде всего за счет группы текстильных товаров, цены на которые, как мы знаем, и падать начали одни из первых и наиболее резким темпом.

Несомненное повышение цен на текстильные, особенно на хлопок, хотя и сопровождаемое возвратными движениями, объясняется, с одной стороны, наступающим оживлением этого рынка, с другой, урожаем 1921 г.

е) Падение цен на угольном и особенно на железном рынке продолжается. Но самые последние месяцы позволяют и здесь констатировать наступление по крайней мере стабилизации цен.

9. Рассмотрев достаточно внимательно движение товарных цен, мы видим, что со второй половины 1921 г. и затем еще более с 1922 г. рыночные конъюнктуры обнаруживают в отдельных странах в различной степени симптомы приостановки понижения и наступающего улучшения.

Если это верно, то мы должны ожидать одновременного расширения торгового оборота. Чтобы исследовать, так ли это в действительности, рассмотрим изменения в размерах оборотов по внешней торговле некоторых наиболее показательных и достаточно разнородных стран. Обороты внешней торговли (экс-

+ импорт) по пяти взятым нами странам характеризуются следующими данными¹.

Даты	Германия, в млн. марок		Франция, в млн. франков		Англия, в млн. ф. ст.		Соединенные Штаты, в млн. долл.		Швеция, в млн. крон	
	абсол. величина	в % к маю 1921 г.	абсол. вели- чина	в % к янва- рю 1920 г.	абсол. вели- чина	в % к янва- рю 1920 г.	абсол. вели- чина	в % к янва- рю 1920 г.	абсол. вели- чина	в % к ср. за месяц 1920 г.
1921 г.										
Май	<u>10.034,0</u>	<u>100,0</u>	3.203	102,8	146,6	46,7	538,0	45,4	177,0	37,5
Июнь	11.812,2	117,7	3.474	111,5	133,4	42,5	538,0	45,4	161,8	34,2
Июль	13.746,8	137,0	3.021	<u>96,9</u>	<u>133,2</u>	<u>42,4</u>	500,0	42,2	192,1	40,7
Август	16.045,8	159,9	3.457	110,9	149,9	47,7	569,0	48,0	215,9	45,7
Сентябрь	18.134,3	180,7	4.000	128,4	150,9	48,0	<u>426,0</u>	<u>36,0</u>	231,3	48,9
Октябрь	23.495,9	234,1	3.982	127,8	158,0	50,3	446,0	37,6	20,5	40,2
Ноябрь	24.169,2	240,8	4.082	131,0	163,0	51,9	506,8	42,8	197,8	41,9
Декабрь	28.169,5	280,7	5.336	171,2	153,9	49,8	530,1	44,8	220,2	46,6
1922 г.										
Январь	27.034,3	269,4	3.127 ²	100,4	148,1	47,1	496,0	41,9	137,6	29,1
Февраль	26.482,9	263,9	3.700 ²	118,7	138,0	44,0	468,0	39,5	86,8	18,4
Март	44.149,0	439,9	3.809 ²	122,2	162,7	51,8	498,0	42,1	180,2	38,7

Из приведенных данных видно, что размеры импорта-экспорта Германии хотя и с колебаниями обнаруживают уже с мая 1921 г. определенную тенденцию увеличения. Впрочем, некоторая доля этого увеличения падает, несомненно, на рост товарных цен Германии. В остальных странах минимум торговых оборотов падает на июнь-июль 1921 г. С июля-августа они увеличиваются, правда очень медленно и с резкими колебаниями в сторону падения. Особенно резкое падение наблюдается в январе-феврале 1922 г. во Франции и Швеции. Однако общая тенденция расширения оборотов все же остается. Из таблицы заметно, что расширение оборотов внешней торговли идет более интенсивно в Германии и Франции, чем в Англии, и в Англии более интенсивно, чем в Соединенных Штатах. Это обстоятельство объясняется двумя факторами. Во-первых, уровнем курса валют, во-вторых, степенью связи страны с внешним рынком. Рост оборотов внешней торговли тормозится высоким курсом валюты. В том же направлении действует и меньшая относитель-

¹ Данные взяты из Wirtschaft und Statistik различные номера за 1921-1922 гг. Economic Review, различные номера за 1922 г., Сборника Мировое хозяйство, цитир. выше, Сборника ЦСУ, Вестника Н. К. Вн. торг. № 2(7), 1922 г.

² Импорт — по декларированной ценности. Экспорт — по таможенным ставкам 1919 г.

ная зависимость страны от связей с внешним рынком. То и другое мы встречаем именно в Соединенных Штатах.

10. Однако, анализируя приведенные цифры, необходимо иметь в виду, что отмеченное выше падение цен в Англии и других странах, а с сентября и во Франции безусловно маскирует истинное движение оборотов внешней торговли в сторону уменьшения их. Наоборот, подъем цен в Германии маскирует подлинное изменение оборотов в сторону преувеличения их. В виду этого, представляется необходимым привести некоторые данные о внешней торговле *in natura*. В этом отношении весьма показательными являются, бесспорно прежде всего, следующие данные об экспорте-импорте товаров в весовых единицах частью по тем же, частью по другим странам.

Даты	Германия ¹		Франция ²		Англия ²		Голландия ⁴	
	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз
	в 1000 дв. цент.		в млн. мет. тонн		в млн. тонн		в млн. мет. тонн	
Май 1921 г.	15.340	11.452	2,25	1,17	2,89	0,50	1,46	0,53
Август	21.109	18.277	2,59	1,04	3,39	3,77	1,65	0,50
Ноябрь	25.346	19.080	5,16	1,52	3,34	4,55	1,57	0,63
Март 1922 г.	26.446	21.526	4,43	1,57	3,08 ³	5,24 ³	1,57 ³	0,53 ³

Отсюда видно, что и по весу экспорт-импорт важнейших стран во второй половине 1921 г. и в начале 1922 г. возрастает.

Ввиду крайней разнородности импортируемых и экспортируемых товаров и совершенно различного экономического значения их, чтобы точнее выяснить физический объем внешней торговли, необходимо остановиться на экспорте-импорте отдельных важнейших товаров. В этих целях остановимся несколько подробнее хотя бы на Соединенных Штатах и Англии.

11. Обращаясь к импорту-экспорту отдельных товаров по Соединенным Штатам Северной Америки, приведем следующие цифровые данные⁴.

¹См. *Wirtschaft und Statistik* различные номера за 1921 и 1922 г.

²См. цит. выше *Manchester Guardian Commercial*. *Erste Num. Wiederaufban in Europa*. *Erste Number*, а также второй номер от 18 мая (*Reconstruction in Europa*).

³За декабрь 1921 г.

⁴См. *Вести. Нар. Ком. Внешн. Торговли* № 2 (7), 1922, стр. 57.

По данным *Harvard's Econom. Service*. *The Review of Economic Statistics*. Цит. выше.

Даты	Импорт			Экспорт			
	Кофе	Сахар в млн. фунтов	Шерсть	Хлопок млн. ф.	Хлопчато- бумажные ткани млн. ярд.	Уголь би- туминозн. млн. тонн	Железо и сталь млн. ф.
1921 г.							
Май	123,2	654,9	14,74	<u>248,3</u>	<u>39,77</u>	2,50	58,7
Июнь	76,8	377,8	6,95	251,5	48,40	3,31	40,5
Июль	83,7	277,3	9,40	271,5	49,67	2,65	<u>29,2</u>
Август	94,9	570,8	15,87	254,7	56,38	1,70	52,8
Сентябрь	<u>63,6</u>	<u>316,0</u>	14,59	267,3	62,29	1,21	59,6
Октябрь	78,2	362,0	<u>9,02</u>	452,0	64,49	1,31	81,4
Ноябрь	125,0	463,0	10,95	333,6	53,42	1,08	102,6
Декабрь	152,8	395,0	12,52	327,3	39,84	0,77	95,7
1922 г.							
Январь	119,4	705,3	22,15	243,1	31,04	0,64	103,1
Февраль	106,8	1004,1	27,83	173,3	32,71	0,81	70,8

Из приведенной таблицы не трудно видеть, что размеры импорта взятых товаров с августа—сентября хотя и с колебаниями начинают определенно возрастать. Что касается экспорта, то здесь положение отдельных товаров неодинаково. Экспорт хлопка и тканей с весны начинает сильно расширяться. Это стоит в безусловной связи с улучшением конъюнктур текстильного рынка и началом выхода промышленности из полосы кризиса. Однако с октября начинается падение экспорта и хлопка и тканей. Это падение, однако, объясняется не ухудшением рыночных конъюнктур, а выяспившимся низким урожаем хлопка в 1921 г. Экспорт угля продолжает падать до февраля 1922 г. и падение его несомненно связано с констатированным продолжением падения рыночных конъюнктур вплоть до 1922 г. и обостряющейся конкуренцией на мировом угольном рынке (см. гл. 3). Иначе говоря, экспортная деятельность Штатов по углю в течение всего 1921 г. еще не дала признаков выхода из критического состояния. Наоборот, экспорт железа и стали с середины лета повышается, хотя и с резкими колебаниями.

Таким образом, анализ физического объема экспорта-импорта отдельных товаров позволяет утверждать, что хотя и не все еще и не в одинаковой мере отдельные отрасли внешней торговли Соединенных Штатов обнаруживают признаки расширения. В отношении таких отраслей, как торговля хлопком и тканями, сокращение объема торговли с половины осени 1921 г. объясняется не ухудшением рыночных конъюнктур, а низким сбором хлопка.

Для Англии представляются характерными прежде всего следующие данные¹.

Даты	Хлопчато- бумажная пряжа, в тыс. ф.	Хлопчато- бумажные ткани, в тыс. кв. ярдов	Торговля железом		Экспорт угля, в тыс. тонн
			ввоз, в тыс. т	вывоз, в тыс. т	
1921 г.					
Май	<u>8.554</u>	<u>145.604</u>	89,3	101,2	14,1 ²
Июнь	8.737	152.639	<u>88,1</u>	<u>66,3</u>	<u>7,51</u>
Июль	8.971	177.530	109,1	67,0	816,3
Август	15.286	212.403	149,2	79,2	3.103,2
Сентябрь	15.695	265.380	221,3	138,2	3.406,1
Октябрь	18.664	342.411	189,5	161,7	3.406,0
Ноябрь	20.619	363.633	184,1	202,1	3.593,8
Декабрь	—	331.400	132,5	211,3	4.309,2
1922 г.					
Январь	14.806	339.117	100,2	261,1	4.238,8
Февраль	14.913	251.955	77,3	228,4	4.294,7
Март	18.750	303.857	70,2	311,6	5.499,5

Рост экспорта, как ясно из таблицы, бесспорный. Он начинается уже с июня-июля, но особенно интенсивным становится с августа-сентября 1921 г.

Некоторое понижение дает лишь в 1922 г. импорт железа всех видов. Но при сильном росте экспорта его — это явление вполне нормальное и понятное.

Следующие данные иллюстрируют расширение внешней торговли Англии в отношении большого количества товаров и большого промежутка времени.

Экспорт из Англии³.

Товары	Январь	Январь	Январь	Январь
	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
	в млн. тонн			
Уголь	6,07	3,36	1,70	4,23
Железо и сталь	4,37	257	232	261
Прочие металлы	14 ¹ / ₄	16 ¹ / ₄	8 ³ / ₄	12 ¹ / ₃

¹ По данным: Cotton Gazette, различные номера 1921 и 1922 г., Iron and Coal Trades Review, различные номера за 1921-1922 г.

² Стачка углекопов.

³ См. Economist от 18 февраля 1922 г., а также источ., по которым составлена предыдущая таблица.

Товары	Январь 1913 г.	Январь 1920 г.	Январь 1921 г.	Январь 1922 г.
	в млн. кв. ярдов			
Хлопчатобумажные изделия	649	415	249	339
Хлопчатобумажная пряжа	19	16½	7,2	14,8
Джутовые изделия	15,7	15,6	5,1	8,6
Льняные изделия	20,8	14,5	2,3	7,8
Шерстяные ткани	11,6	18,5	9,8	8,9
Круг. шерсть	8,1	5,9	4,0	5,7

Отсюда ясно, что почти по всем важнейшим предметам вывоза от января 1921 г. к январю 1922 г. заметно значительное увеличение. Из приведенных товаров ничтожное исключение дает шерстяная ткань. По целому ряду товаров, экспорт января 1922 г. имеет тенденцию приближаться к экспорту января 1920 г., а иногда, как экспорт угля, даже января 1913 г. Аналогичные тенденции расширения торговли можно было бы обнаружить и по другим странам.

12. Чтобы лучше обосновать выставленный тезис о намечающихся тенденциях расширения торгового оборота, приведем еще некоторые цифровые данные о движении судов торгового флота и товарном грузообороте железных дорог.

Данные эти следующие:

Дата	Соединенные Штаты ¹		Товарн. грузооборот ж.д. в 10.000 тонн	Англия ²		Франция	
	Товарн. грузооборот жел. дор. в тыс. вагонов ³	Чист. тоннах очищенных судов в тыс. тонн		Тоннаж судов в 10.000 тонн ⁴	вошедш. в брит. порты	вышедш. из брит. портов	Тов. грузооб. ж.д. в тыс. вагон. (сред. за день)
1921 г.							
Январь	683,7	4.646	493	293	262	33,4	2,18
Март	698,6	4.494	496	286	294	33,9	2,06
Май	756,8	5.024	351	308	166	34,0	1,96
Июль	755,5	5.875	380	337	281	34,3	2,23
Сентябрь	826,4	5.995	485	340	410	39,5	2,59
Ноябрь	760,8	5.001	482	313	394	43,2	2,64
1922 г.							
Январь	702,2	3.986	444	291	392	—	2,40
Март	825,4	4.025 ⁴	—	324	481	42,1 ⁵	—

¹ По данным Harvard's Econ. Service. The Review of econ. statist. Suppl. 1. April. 1922.

² Manchester Guardian Commercial. May 18, 1922. Reconstruction in Europe. Взята графа общего грузооборота.

³ Недельн. средн. за месяц.

⁴ С грузом.

⁵ За февраль.

Отсюда видно, что в течение 1921 г. и начала 1922 г. оборот судов торгового флота, а также грузооборот железных дорог возрастает. Это положение приложимо ко всем трем взятым странам. Правда, цифры обнаруживают значительные колебания. В частности, тоннаж очищенных судов в Соединенных Штатах в январе-марте даже значительно понизился, но грузооборот ж.д. значительно расширился. Упомянутые колебания явление обычное и не разрушают общей тенденции расширения торгового оборота. Мы можем привести в доказательство существования этой тенденции еще и иные данные.

13. Торговый товарный оборот является лишь органической частью общего экономического оборота. Если верно, что товарный оборот имеет тенденции со второй половины 1921 г. расширяться, то одновременно мы должны ожидать расширения и других частей и видов экономического оборота, в частности, кредитного. Довольно хорошим показателем объема кредитного оборота и вместе с тем вообще состояния экономических конъюнктур служат размеры операций расчетных палат. Данные об этих операциях по Соединенным Штатам и Англии таковы:

Обороты расчетных палат

Дата	Соединенные Штаты ¹ , Нью-Йорк в билл. долл.	Англия ² , Лондон	
		Городск. в млн. ф. ст.	Провинция
1921 г.			
Август	14,56	1570	205
Сентябрь	15,08	1690	200
Октябрь	16,03	1760	228
Ноябрь	16,82	1910	223
Декабрь	18,48	1750	209
1922 г.			
Январь	17,30	2120	240
Февраль	15,34	2100	220
Март	18,72	2180	221

Отсюда ясно видно, что обороты расчетных палат за вторую половину 1921 г. и за первую четверть 1922 г. определенно расширяются, хотя и с колебаниями из месяца в месяц. Факт расширения кредитного оборота служит лишним доводом в

¹По данным цитир. The Review of economic statistics.

²По данным спецалы. изд. Manchester Guardian под ред. Кейнса — Reconstr. in Europe от 18 мая 1922 г.

пользу выставленного выше тезиса о расширении торгового оборота.

14. И однако, несмотря на констатированный подъем торговли вообще и внешней торговли в частности, последняя расширяется, как мы уже отмечали, весьма медленно. Является ли это показателем, что мировой кризис не находится в стадии ликвидации? Нам кажется, нет. При данных условиях расширение мировой торговли и не может идти более быстрым темпом, ибо условия торговли все же остаются крайне неблагоприятными. Чрезвычайно сильным тормозом ее до сих пор служит глубокая разница в курсе валют и неустойчивость самих курсов.

Далее, развитие мировой торговли бесспорно тормозится новым фактором — послевоенным протекционизмом различных видов¹. Усиление протекционизма мы наблюдаем в Соединенных Штатах, Франции. Резко выраженные формы его мы встречаем даже в Англии. Усиление протекционизма является следствием начавшейся послевоенной мировой конкуренции и стремления отдельных стран создать защиту для отраслей своей национальной промышленности, зародившихся или развившихся в период военной относительной изоляции, отраслей, мало приспособленных в каждой данной стране к открытой мировой конкуренции. Возможно, что эти вспышки протекционизма имеют временный характер. Но протекционизм пока что факт и он бесспорно тормозит развитие мировой торговли.

Эти и подобные осложняющие факторы могут сделать процесс ликвидации кризиса особенно затяжным. Они не могут, однако, ни уничтожить, ни даже скрыть основной тенденции конъюнктур мирового хозяйства к подъему. И мир практических хозяйственных и государственных деятелей уже отмечает, что тяжелое время кризиса пережито, что впереди появились проблески улучшения конъюнктур².

Если таковы изменения в сфере торговли, то какие изменения намечаются в области производства?

15. Оставляя без рассмотрения сельскохозяйственное производство за 1921–22 г., согласно плана, принятого в предыдущей главе, остановимся прежде всего на текстильной промышленности.

¹ См. Букшоп Я.М., *Англо-Американское соперничество и европейские дела*. Сборник "Международные проблемы", стр. 42 и сл.

² Ср. речи Mc. Kenna и Mr. Baldwin'a. См. *The Economist* от 14 мая 1922 г.

Обращаясь к текстильной промышленности, приведем имеющиеся помесячные данные по Соединенным Штатам Северной Америки¹.

Месяцы	Переработка хлопка (без липтера), в тыс. балов	Переработка шерсти, в млн. фунт.	Процент час. бездействия станков		Процент. час. безд. пряд. шерст веретен
			ткацких (wide looms)	чесальных (sets of cards)	
1921 г.					
Январь	366	26,3	66,7	66,1	68,4
Февраль	395	31,4	60,0	64,3	64,5
Март	438	40,8	45,3	50,6	50,5
Апрель	409	46,3	38,3	35,8	34,1
Май	441	50,1	26,6	25,0	22,9
Июнь	462	52,4	19,9	19,8	18,6
Июль	410	46,4	17,5	17,9	18,2
Август	467	51,2	20,8	20,6	20,0
Сентябрь	485	54,6	23,3	21,1	21,2
Октябрь	495	59,8	25,8	21,0	20,9
Ноябрь	527	58,3	24,9	18,0	18,3
Декабрь	512	55,0	28,7	21,2	21,9
1922 г.					
Январь	527	54,6	32,9	27,1	25,6
Февраль	473	55,9	35,2	24,6	25,4
Март	518	—	34,1	15,6	18,4

Отсюда ясно, что перелом размеров производства в сторону расширения в текстильной промышленности Соединенных Штатов наметился еще в начале 1921 года. Уже с начала 1921 г. текстильная промышленность вступила в полосу ликвидации кризиса.

По английской текстильной промышленности не существует таких подробных статистических данных. Однако по имеющимся данным можно определенно полагать, что и она с весны 1921 г. вступила в полосу ликвидации кризиса и расширения производства. В этом отношении прежде всего показательными являются предельные нормы количества рабочих часов, устанавливаемые организацией английских промышленников Lancashire Master Spinner Association. В октябре 1920 г. постановлением этой ассоциации нормальная неделя для всех фабрик, работающих на египетском хлопке, была сокращена с 48 часов до 35. В ноябре 1920 г. аналогичный вопрос был поставлен относительно

¹ См. Harvard's Economic Service. The Review, цит. выше Supplement 1 April, 1922, p. 7. Данные о работе станков на первое число каждого месяца.

фабрик, работающих на американском хлопке, но не получил тогда категорического и обязательного решения, ввиду не оказавшегося требуемого положением большинства в 80%. Однако в декабре 1920 г. вопрос был решен положительно и нормы рабочих часов были сокращены с 48 даже до 24 часов в неделю.

В этих решениях, конечно, нашло отражение, с некоторым запозданием, развитие и углубление кризиса текстильной промышленности. Указанные решения остаются в силе до июля 1921 г., когда голосованием ассоциации промышленников было решено отменить ограничения числа рабочих часов совсем для фабрик, работающих на египетском хлопке, и поднять с 24 до 35 часов для фабрик, работающих на американском хлопке. К октябрю 1921 г. положение на рынке текстильных материалов улучшилось уже настолько, что ткацкие и прядильные фабрики начинают вводить сверхурочные работы¹.

Из сказанного ясно, что к июлю 1921 г. английская текстильная промышленность уже определенно вышла на путь ликвидации кризиса, но так как решения ассоциации промышленников несомненно отражали с запозданием факт улучшения положения на рынке, то самый перелом датируется более ранним моментом, по-видимому, маем 1921 г. Количественным показателем этого служит констатированное выше расширение экспорта из Англии хлопчатобумажной пряжи и ткани, начинающееся именно с мая.

Из прочих стран остановимся на Германии. Для нее в высшей степени показательными являются следующие данные статистики труда, по отметкам для 237 типических предприятий текстильной промышленности с 127.000 рабочих, о занятости рабочих текстильщиков с процентным подразделением этих отметок².

Даты	Хорошая и очень хорошая занятость	Удовлетворительная занятость в процентах	Плохая и очень плохая занятость
1921 г.			
июнь	35	44	21
июль	48	35	17
август	61	30	7
сентябрь	72	22	4
октябрь	71	24	5
ноябрь	80	17	3

¹ См. проф. С.А. Фалькнер. Перелом в развитии мирового промышленного кризиса, стр. 26-28.

² Ibid, стр. 30.

Из этих данных ясно, что и Германская текстильная промышленность находится в полосе улучшения положения и развития производства.

Чтобы показать, что констатированный подъем текстильной промышленности носит не местный и случайный, а мировой характер, приведем еще данные по большинству стран о потреблении хлопка за сезон с 1 августа 1921 г. по 31 января 1922 г. по сравнению с сезоном с 1 августа 1920 г. по 31 января 1921 года¹.

Страны	С 1 августа 1920 г. по 31 января 1921 г.	С 1 августа 1921 г. по 31 января 1922 г.	Увеличение (+) или уменьшение (-)
потребление хлопка в тыс. балл.			
Великобритания	1.197	1.247	+50
Франция	316	326	+10
Германия	393	535	+142
Италия	394	336	-58
Чехословакия	95	158	+63
Испания	181	136	-45
Бельгия	114	121	+7
Швейцария	42	42	0
Швеция	33	33	0
Голландия	53	56	+3
Дания	8	10	+2
Норвегия	4	3	-1
Индия	935	946	+11
Япония	901	1.020	+119
Соединенные Штаты	2.320	3.003	+683
Канада	71	69	-2
Мексика	18	20	+2
Итого по взятым странам	7.075	8.161	+1.086

Из приведенной таблицы ясно видно, что по большинству стран и по всем основным странам наблюдается расширение и подъем хлопчатобумажной промышленности. Особенно рельефно подъем выражен в Соединенных Штатах, Японии, Германии, Англии. Значительный упадок пока дает Италия и Испания.

¹ По данным International Cotton Statistics. Ed. International Federation of Master Cotton Spinners and Manufacturers, Associations. March 10-th 1921, а также по данным того же источника, опубликованного в Manchester Guardian от 16 марта 1922.

Чтобы точнее и лучше проследить эволюцию потребления хлопка, возьмем это потребление хотя и в более суммарном виде, но по трем последовательным сезонам¹.

Даты	Англия		Вся Европа		Соединенные Штаты		Япония		Всего	
	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.
Потребление хлопка в тыс. кип										
С 1 августа 1920 г. по 1 февраля 1921 г.	1.197	100,0	3.417	100,0	2.320	100,0	901	100,0	6.638	100,0
С 1 февраля 1921 г. по 1 августа 1921 г.	630	53,1	2.157	63,2	2.540	109,5	971	107,1	6.669	85,3
С 1 августа 1921 г. по 1 февраля 1922 г.	1.247	103,5	3.498	102,8	3.003	128,3	1.020	117,2	7.521	114,6

Из приведенных данных ясно, что кризис хлопчатобумажной промышленности, достигнув максимума в первой половине 1921 г., затем сменяется некоторым расширением промышленности. Ясно также, что кризис ранее всего вступил в полосу ликвидации в Соединенных Штатах и Японии. В них уже за февраль—август 1921 г. потребление хлопка стоит выше, чем за предшествующее полугодие. Это вполне согласуется с приведенными выше данными о состоянии текстильной промышленности в Соединенных Штатах. Кризис в Европе и особенно в Англии в отношении текстильной промышленности был глубже и вступил в стадию ликвидации позднее. Здесь лишь за сезон август 1921 г. — январь 1922 г. мы имеем заметное повышение потребления хлопка. Это не мешает, однако, тому, что при месячном рассмотрении мы констатировали начало улучшения дел этой отрасли промышленности в более ранние месяцы.

Наконец, приведем еще данные о том, сколько недель в общей сложности бездействовала текстильная промышленность, если принять во внимание все случаи бездействия предприятий и отнести их ко всей промышленности по странам².

Даты	Германия	Франция	Англия
С 1 августа 1920 г. по 1 февраля 1921 г.	7,50	2,30	6,04
С 1 февраля по 1 августа 1921 г.	5,48	6,92	12,92
С 1 августа 1921 г. по 1 февраля 1922 г.	3,20	2,87	6,03

¹ См. цит. Manchester Guardian от 16 марта 1922 г.

² Ibidem. См. прим. 1-е и 2-е на стр. 232.

Эта таблица с новой стороны указывает нам на бесспорность процесса ликвидации кризиса текстильной промышленности. Причем из европейских стран, ранее всего этот процесс проявляется в Германии, что вполне согласуется с нашими замечаниями по адресу этой страны, сделанными выше.

16. Наблюдается ли такой же перелом в областях тяжелой индустрии и в частности в угольной? Добыча каменного угля по важнейшим странам характеризуется следующими данными¹.

Даты	Соединенные Штаты		Великобритания ²		Франция ³		Бельгия		Германия ⁴	
	тыс. мал. тонн	абсол.	тыс. больш. тонн	абс.	тыс. метр. тонн	абсол.	тыс. метр. тонн	абс.	тыс. метр. тонн	абсол.
	в % к январю 1920 г.		в % к январю 1920 г.		в % к январю 1920 г.		в % к январю 1920 г.		в % к январю 1920 г.	
1921 г.										
Март	30.392	62,4	4109	86,0	2.320	105,5	1800	88,2	11.460	110,2
Апрель	27.553	56,6	Забастовка		2.316	105,2	1712	83,9	11.910	115,3
Май	33.330	68,5	углекопов		2.162	98,2	1512	74,1	8.710	84,2
Июнь	32.896	67,6			2.408	109,5	1700	83,3	10.290	98,9
Июль	30.390	62,4	3804	79,6	2.328	105,9	1776	87,0	10.810	104,0
Август	35.243	72,4	4147	86,8	2.450	111,4	1840	90,1	11.730	112,7
Сентябрь	35.105	72,1	4013	84,0	2.489	113,1	1876	91,9	11.610	111,9
Октябрь	43.741	89,8	4242	87,7	2.589	117,7	1906	93,4	11.710	112,6
Ноябрь	35.955	73,8	4469	93,5	2.505	113,8	1818	89,1	11.708	112,6
Декабрь	30.975	63,6	4500	94,1	2.631	119,6	1969	96,5	11.923	114,6
1922 г.										
Январь	37.600	77,2	4452	92,9	2.596	118,0	1872	91,7	12.166	117,0
Февраль	40.950	84,1	4926	104,1	2.432	110,6	1760	86,2	11.456	110,1
Март	50.190	103,1	4925	103,0	—	—	1968	96,4	13.418	129,0

Из приведенной таблицы ясно видно, что в апреле-мае 1921 г. по всем странам добыча угля достигает минимума. Далее наступает перелом ее в сторону повышения. Правда, повышение идет с колебаниями. Но все же оно является несомненным фактом. И мы можем уверенно говорить о переломе в конъюнктурах угольной промышленности к повышению, начиная с мая-июня 1921 г. Было бы ошибкой полагать, что здесь в этом начавшемся увеличении продукции сказывается влияние сезона. Если бы действительно здесь сказывалось простое влияние сезона, тогда

¹ По данным The Review of economic statistics. Supplement 1 April, 1922; Wirtschaft und Statistik № 8-10, 1922. Специальное издание Manchester Guardian под редакцией Keynes'a — Wiederaufbau in Europa от 20 апреля и 18 мая 1922; Stahl und Eisen 15 Juni 1922, Economic Review, March 3 and 10, 1922; Мировое хозяйство, изд. Всерос. Центр. Союза Потреб. Об-ва.

² Средняя недельная добыча за месяц.

³ С Эльзас-Лотарингией.

⁴ В новых границах.

и в 1920 г. за соответствующие месяцы мы наблюдали бы аналогичное движение продукции. Однако этого мы не видели. Если теперь принять во внимание, что месячная добыча угля в довоенное время в 1913 г. была в Соединенных Штатах 43.800 тонн, в Великобритании 5620 тыс. тонн, во Франции 3404 тыс. тонн, в Бельгии 1911 тыс. тонн, в Германии 14.468 тыс. тонн, то можно утверждать, что в настоящее время добыча Соединенных Штатов и Бельгии стоит выше или в уровень с довоенной. Добыча Англии, Франции и Германии продолжает стоять ниже довоенной нормы.

17. Возьмем далее металлургическую промышленность. Состояние ее охарактеризуется следующими данными.

Даты	Соединенные Штаты		Великобритания		Франция		Бельгия	
	абсол.	в % к январю 1920 г.	абсол.	в % к январю 1920 г.	абсол.	в % к январю 1920 г.	абсол.	в % к январю 1920 г.
I. Производство чугуна в тыс. метрических тонн ¹								
1921 г.								
Июнь	1065	33,8	1 ²	0,2	285	146,2	68	165,8
Июль	865	28,6	<u>10²</u>	<u>1,5</u>	267	136,9	45	109,3
Август	<u>954</u>	<u>31,6</u>	94	14,1	255	130,8	44	107,3
Сентябрь	986	32,7	158	23,8	244	125,1	40	97,6
Октябрь	1247	41,1	235	35,3	<u>256</u>	<u>131,3</u>	<u>46</u>	<u>112,2</u>
Ноябрь	1415	46,9	272	40,9	295	151,3	61	148,8
Декабрь	1649	54,7	275	41,4	301	154,4	74	180,5
1921 г.								
Январь	1649	54,7	288	43,3	312	160,0	94	229,3
Февраль	1630	54,1	301	45,3	323	165,6	92	224,4
Март	2035	67,5	390	58,6	385	197,4	118	280,9
II. Производство стали в тыс. метрических тонн ¹								
1922 г.								
Июнь	1210	33,8	2 ²	0,3	251	128,7	55	96,5
Июль	969	27,5	<u>117²</u>	<u>15,5</u>	257	131,2	27	47,4
Август	<u>1373</u>	<u>38,3</u>	434	57,6	244	125,1	<u>28</u>	49,1
Сентябрь	1395	38,9	429	56,9	<u>245</u>	<u>125,6</u>	34	59,6
Октябрь	1906	53,2	405	53,7	260	132,8	42	73,7
Ноябрь	1970	55,0	443	58,8	277	142,1	47	62,5
Декабрь	1695	47,3	381	50,5	302	154,9	64	112,3
1922 г.								
Январь	1892	52,8	327	43,4	315	161,7	76	133,3
Февраль	2069	57,8	415	55,0	317	162,6	79	138,6
Март	<u>2816</u>	<u>78,6</u>	549	72,8	367	188,2	99	173,7

¹По тем же данным, что таблица о добыче угля.

²Период забастовки углекопов.

Приведенные данные показывают, что в Англии с июля, в Соединенных Штатах с августа, во Франции и Бельгии с августа—октября, металлургическая промышленность переходит из состояния кризиса к состоянию оживления и обнаруживает признаки расширения. Моменты начала подъема нами обозначены одной чертой. Правда, подъем не представляет собой непрерывно восходящей кривой. Кривая эта имеет свои упадки. Но подъем никогда не бывает непрерывным и в периоды исхода из обычных кризисов. Тем более он не может быть непрерывным в данном случае исключительно тяжелого потрясения и неблагоприятных условий.

Для большей наглядности характеристики движения производства чугуна и стали и подтверждения высказанных положений приведем еще более суммарные данные по четвертям 1921 г.¹

Четверти 1921 г.	Соединенные Штаты		Англия		Франция		Бельгия		Люксембург	
	Чугун	Сталь	Чугун	Сталь	Чугун	Сталь	Чугун	Сталь	Чугун	Сталь
	в тыс. тонн.									
Первая	6.047	6.666	1.516	1.357	885	783	323	319	206	205
Вторая	3.532	4.204	76	77	860	746	241	229	235	177
Третья	2.850	3.761	267	996	766	691	130	90	233	191
Четвертая	4.373	5.676	794	1249	852	839	182	154	296	236

Из приведенных данных ясно, что улучшение положения металлургической промышленности уже за четвертую четверть 1921 г. совершенно бесспорно.

В соответствии с начавшимся выходом металлургической промышленности из состояния кризиса, оживают вновь доменные печи. Число действующих доменных печей с лета—осени 1921 г. непрерывно увеличивается, что видно из нижеследующих цифр, относящихся к различным странам².

Даты	Соединенные Штаты	Англия	Бельгия
	Число действующих доменных печей		
1921 г.			
Июль	62	15	13
Октябрь	95	82	11

¹ См. *Wirtschaft und Statistik* № 7, 1922, стр. 212—213.

² Данные взяты из *Wirtschaft und Statistik* № 7—9, 1922, а также из статьи С.А. Первушина. — Конъюнктура мирового хозяйства в первую четверть 1922 г., любезно предоставленной нам автором в корректуре (статья печатается в Вестнике статистики).

Даты	Число действующих доменных печей		
	Соединенные Штаты	Англия	Бельгия
1922 г.	127	90	
Январь	139	101	17
Февраль	155	107	18
Март			22

В апреле число действующих печей в Соединенных Штатах достигло уже 162¹.

18. Нам остается коснуться вкратце строительной промышленности, как промышленности, представляющей собой непосредственное производство основного капитала. В предыдущей главе мы уже характеризовали имеющиеся по этому вопросу материалы и сделали все необходимые оговорки. Приведем же имеющиеся данные о состоянии строительной промышленности по Северо-Американским Соединенным Штатам².

Дата	Новые постройки. Заключенные договоры		Производство строительных материалов		
	Площадь в млн. кв. футов	Ценность в млн. долларов	Ценность разрешенных построек в млн. долл.	Строительная сталь (про- дан.) в тыс. больш. тонн	Кирпичи (Silica) в млн. штук
1920 г.					
Декабрь	<u>13,9</u>	<u>100,1</u>	70,5	47,0	13,65
1921 г.					
Январь	15,4	111,6	<u>59,0</u>	32,1	11,66
Февраль	16,8	100,7	82,6	<u>25,6</u>	9,99
Март	26,7	164,1	122,4	52,4	9,58
Апрель	34,5	220,9	147,1	55,9	3,58
Май	35,7	242,1	140,8	50,8	2,62
Июнь	35,7	227,7	145,9	66,9	4,15
Июль	31,7	212,5	149,5	60,2	<u>1,99</u>
Август	35,2	220,7	158,9	59,3	4,12
Сентябрь	41,7	246,2	153,0	86,0	4,97
Октябрь	40,4	222,5	170,0	97,8	4,89
Ноябрь	37,8	192,3	145,2	99,8	4,57
Декабрь	35,3	198,5	139,2	71,5	4,75
1922 г.					
Январь	30,3	166,3	140,5	72,1	6,58
Февраль	30,1	177,5	135,5	78,7	6,12
Март	52,0	293,6	234,3	139,3	—

¹ См. Wirtschaft und Statistik № 10, 1922.

² Источники и примечания см. в аналогичной таблице предыдущей главы.

Данные об изменении объема строительного дела по тем же графам мы приводили уже в предыдущей главе. Последнюю таблицу мы начинаем с того момента, на который по таблице предшествующей главы падает максимум развития кризиса.

Этот максимум, отмеченный одной чертой, приходится на декабрь 1920 — январь 1921 г. (Только данные о производстве кирпича датируют его июлем 1921 г.), начиная с этого момента максимум'a, как показывает настоящая таблица, размеры строительной промышленности расширяются. До ноября 1921 г. Это расширение идет довольно регулярно и быстро. С ноября намечается некоторая задержка роста строительной промышленности и даже частичное сокращение ее. Лишь в марте 1922 г. она дает новое сильное расширение.

Таким образом, тенденция ликвидации кризиса в строительном деле за 1921 г. и начало 1922 г. бесспорный факт. Легкая депрессия с ноября 1921 г. не разрушает этого факта, а лишь показывает, что выход из состояния кризиса происходит при чрезвычайно тяжелых и малоустойчивых условиях. Кроме того, здесь возможно также неблагоприятное влияние сезона. Но главное, тяжесть общих экономических условий. Несмотря на все наметившееся улучшение дел промышленности, в марте 1922 г. она еще, в общем, не достигла уровня, на каком стояла перед кризисом в 1920 г. Депрессивное и угнетенное состояние строительной промышленности после кризиса оказывается весьма длительным. Некоторые отрасли строительного дела, как например, строительство морского транспорта вплоть до марта 1922 г., даже продолжают деградировать¹. Правда, строительство торгового флота находится в специфически тяжелых условиях на почве исключительно сильного перепроизводства судов за время войны и в первое время после нее. Но сказываются, конечно, здесь и общие тяжелые условия, созданные мировым экономическим кризисом.

Таким образом на основании всего предыдущего обзора промышленности мы можем утверждать, *что по крайней мере со второй половины 1921 г. общей тенденцией, проявляющейся в жизни мировой промышленности, является тенденция выхода из состояния кризиса и ликвидации его последствий.* Но предыдущее изложение убеждает нас также и в том, что мировая промышленность еще далеко не находится в состоянии подъема.

¹ См. данные в Manchester Guardian Commercial от 18 мая. Reconstruction in Europe. Статья D-r L. Isserlis. Shipping Statistic.

Она продолжает переживать, как необходимое наследие кризиса, в общем полюсе угнетения и лишь стремится выйти из последней.

19. Тенденция ликвидации кризиса и некоторого улучшения в положении промышленности должна сказываться соответствующими улучшениями и на мировом рынке труда. Посмотрим, так ли это. Следующая таблица дает некоторые основания для суждения по этому вопросу.

% безработных среди организованных рабочих¹.

Даты	Англия	Германия	Бельгия	Дания	Швеция	Канада
1921 г.						
Май	22,2 ²	3,7	32,4	18,6	25,3	15,5
Июнь	23,1 ²	3,0	22,9	18,8	27,9	13,1
Июль	16,7	2,5	21,4	16,7	27,8	9,1
Август	16,3	2,2	21,7	17,7	27,4	8,7
Сентябрь	14,8	1,3	17,7	16,6	27,3	8,5
Октябрь	15,6	1,2	13,6	18,3	27,1	7,9
Ноябрь	15,9	1,4	13,9	20,8	28,8	11,1
Декабрь	16,5	1,6	11,4	25,2	33,2	15,1
1922 г.						
Январь	16,8	3,3	11,2	33,1	34,8	13,9
Февраль	16,7	2,7	10,1	27,9	32,3	10,6
Март	15,8	1,1	—	24,0	31,3	—

Из приведенных данных вырисовывается весьма интересная общая картина динамики рынка труда. В одной группе стран процент безработных падает уже с лета 1921 г. Сюда относятся Англия, Бельгия, Канада. Сюда же относятся Франция и Соединенные Штаты Северной Америки, по которым нет возможности дать процент безработных. Правда, во всех этих странах процент безработных падает с колебаниями, особенно в Канаде, и уровень его еще весьма высок. Но общая тенденция его к понижению совершенно ясна. Соответственно уменьшается и абсолютное число безработных. Так по Англии в момент высшего напряжения кризиса оно доходило до 2,5 млн. человек. В декабре 1921 г. оно упало уже до 1886 тыс. человек³.

¹ По данным различных номеров Economist'a и Reichsarbeitsblatt от 31 мая 1922 г.

² Не считая бастующих углекопов.

³ По данным Англ. Министерства труда. См. ст. С.А. Первушина "Конъюнктура мирового хозяйства в первой четверти 1922 г."

В другой группе стран, преимущественно в мелких нейтрально-европейских, как Дания, Швеция, процент безработных продолжает повышаться до начала 1922 г. и достигает невиданных норм. Позднее вступившие в кризис страны эти под давлением мировой конкуренции медленнее и выходят из него. Однако с 1922 г. и в них процент безработных идет на убыль.

Особняком стоит Германия. Процент безработных в ней относительно ничтожен. В сентябре–ноябре 1921 г. он не превышает процента нормального времени, когда промышленность работает с успехом. Во всяком случае Германия является страной с наименьшей безработицей¹.

Сделанный анализ позволяет утверждать, что хотя положение мирового рынка труда продолжает быть чрезвычайно тяжелым, признаки изменения этого положения в сторону уменьшения безработицы налицо. Постепенно процесс падения безработицы охватывает все страны.

20. Выше мы достаточно подробно, на основании имеющихся материалов, остановились на состоянии конъюнктур мирового хозяйства. За последний период 1921–1922 гг. мы проанализировали целый ряд валеристических и натуралистических показателей состояния конъюнктур и мы убедились, что *все они обнаруживают новый перелом в ходе конъюнктур: понижающиеся конъюнктуры сменяются стационарными и в большинстве случаев — повышающимися. Это значит, что мировое хозяйство вступило в полосу ликвидации кризиса.*

Одной из первых выходит из состояния кризиса текстильная промышленность. Перелом в ней падает на начало и весну 1921 г. Далее следует угольная, а за ней, металлургическая промышленность. Начало ликвидации кризиса в строительной промышленности относится к самым ранним месяцам 1921 г. Но сама ликвидация протекает здесь весьма медленно и неуверенно.

Нужно признать, что и вообще ликвидация кризиса идет медленно. Мировая социально-экономическая жизнь далеко еще не улеглась в обычные русла течения и далека от нормального довоенного напряжения.

Выведенная из нормальных берегов грандиозной войной, рядом политических осложнений и потрясений, а также гигантским кризисом, она еще бурлит, ища новых нормальных путей

¹ См. Семенов Е. Общее промышленное положение Германии в октябре. Ст. в Вестн. Н. Ком. Вн. торговли № 4–5, 1921 г. См. там же статью Л. Берга. Положение на мировом рынке труда.

движения, отливаясь в новую систему равновесия составляющих ее элементов. Этот период формирования новой системы равновесия крайне тяжело отражается на судьбах, положении и поведении отдельных лиц и социальных групп, создавая атмосферу неуверенности и беспокойства, выдвигая неожиданные преграды и затруднения в жизни. Вот почему до сих пор почти во всех странах мы встречаем так много волнений, бедствий, блужданий людей, выбитых из обычной колеи профессиональной работы в поисках новых условий применения своего труда, почему наблюдаем с такой остротой несоответственное применение интеллигентных сил на поприще чисто физического или чисто технического труда¹. Но все эти явления неизбежные в эпохи социально-экономических потрясений, подобных пережитому кризису. Явления эти представляют следствие и отголосок их. Они являются симптомами происшедших и происходящих потрясений. Но поскольку в сфере основных элементов социально-экономической жизни мы констатируем перелом и выход из состояния кризиса, мы должны ожидать постепенного сокращения и симптомов потрясения и кризиса.

21. Мировой кризис вступил в полосу ликвидации. Но это не значит, что он сменился немедленно состоянием напряженного подъема. После кризисов и в прошлом следовал известный период депрессивного и угнетенного состояния экономической жизни.

Этот период тем более неизбежен после данного кризиса. И всего вероятнее, что он будет относительно длительным. В сущности такое состояние угнетения уже длится около 12 месяцев.

Есть целый ряд факторов, которые делают депрессивное состояние в данном случае относительно затяжным. Это прежде всего состояние денежного обращения, неустойчивость и разница в валютных курсах, расстроенное состояние мирового кредита, волна протекционизма, продолжающаяся изоляция России, система возмещений, практикуемая в отношении Германии. Все эти факторы в большей или меньшей мере были и перед кризисом. В совокупности с иными более глубокими факторами и несоответствиями в мировом хозяйстве (см. выше), они способствовали развитию кризиса. Но именно то обстоятельство, что при наличии этих факторов кризис все же вступил в полосу

¹ См. Протопопов Д. Д. "Мировое хозяйство". Статья в Экономисте, № 1, Петроград, 1922 г.

ликвидации, с несомненностью убеждает, что эти факторы были не основными факторами кризиса, а дополнительными к основным, осложняющими и углубляющими последние.

В данный же период эти дополнительные факторы выступают в роли препятствий быстрой ликвидации кризиса. Но поскольку всякий кризис, как мы говорили, является болезненной реакцией на вскрывшиеся в системе элементов народного и мирового хозяйства несоответствия спроса и предложения, поскольку кризис является болезненной формой формирования нового подвижного равновесия этих элементов взамен утратившего жизнеспособность прежнего, постольку он всегда приводит к ликвидации породивших его упомянутых основных несоответствий.

Ликвидация же наиболее острых несоответствий и диспропорциональностей в рамках мирового и национальных хозяйств путем кризиса, приведение в относительное подвижное равновесие отдельных отраслей хозяйственной жизни и других ее элементов приводит к относительному равновесию и на рынке в самом широком смысле этого слова, точнее, приводит к относительному равновесию емкости отдельных рынков. А так как в условиях денежно-товарного и в частности капиталистического хозяйства каждая отрасль хозяйственной деятельности не только нуждается в рынке сбыта, но и сама является рынком сбыта, то создание относительного соответствия в емкости отдельных рынков является и условием возможности дальнейшего развития и подъема хозяйственной жизни.

Вот почему перечисленные выше факторы, тормозящие подъем, являются не более чем факторами, отдаляющими наступление подъема. Они не могут предотвратить его: сопротивление их рано или поздно будет преодолено прежде всего внутренними силами самого экономического режима. Благодаря кризису, благодаря приведению в относительное соответствие уровня цен с покупательной способностью масс, предложения капиталов со спросом на них, производительной мощи отдельных отраслей хозяйственной жизни с размерами их спроса на товары других отраслей, существующий режим в значительной степени и на некоторое время освобождается от дисгармоний и несоответствий, порождающих кризис.

Наряду с этим нужно отметить действие дополнительных факторов наступления и ускорения наступления экономического подъема. Мы видим их в продолжающемся возрождении сельского хозяйства и в благоприятном мировом урожае 1921–22 г. (см. выше). Восстановление сельского хозяйства Европы и

благоприятный урожай несомненно увеличивает покупательную способность сельского населения вообще и Европы в частности. Тем самым увеличивается емкость рынка для продуктов индустрии и создаются факторы ее подъема.

И тем не менее, мы не можем, конечно, сколько-нибудь точно фиксировать момент окончания угнетенного состояния мирового хозяйства и определить степень и напряжение его грядущего подъема. Можно сказать лишь, что установление прочного политического мира, расширение сферы мирового хозяйственного оборота и вовлечение в него выключенных стран, восстановление международного кредита и смягчение последствий Версальского договора могут значительно ускорить и усилить подъем конъюнктур мирового хозяйства.

22. Пережитый и изживаемый мировой экономический кризис на фоне военного истощения представляется особенно тяжелым. Но как бы он ни был тяжел, какими бы особыми индивидуальными чертами он ни обладал, он является лишь одним, хотя и сложным, звеном в ходе послевоенных конъюнктур. Мы рассмотрели с достаточной подробностью военные конъюнктуры. Это рассмотрение позволило нам дать затем систематический анализ конъюнктур послевоенного периода. Изучение движения конъюнктур послевоенного периода привело нас к характеристике и объяснению мирового кризиса.

Однако как самый период кризиса, так и весь рассмотренный период с начала войны и до начала ликвидации кризиса с точки зрения широких перспектив времени, является, хотя и важным и сложным, но только отрезком динамики мирового хозяйства. Это с одной стороны. С другой, хотя изучая кризис мы и оттеняли его своеобразные черты, но мы не могли не видеть, что в основных своих чертах он имеет родство вообще с капиталистическими кризисами относительного перепроизводства. Но если так, если верно как первое, так и второе положение, то ясно, что для окончательного и более глубокого понимания кризиса и его значения, представляется необходимым в заключение поставить его еще в связь с динамикой и тенденциями конъюнктур в перспективах более широкого времени, включающего в себе не только период кризиса, но и весь период с начала войны до ликвидации кризиса. Только выполнив эту задачу мы сможем яснее представить себе и возможные экономические перспективы мирового хозяйства.

Глава V

КРИЗИС 1920–1921 гг. В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ДВИЖЕНИЯ КОНЪЮНКТУР

1. Динамика экономических конъюнктур ритмична. Период высоких конъюнктур сменяется более или менее резко периодом понижения конъюнктур. Приходится различать два главных типа циклов таких колебаний: большой цикл, обнимающий собой около пятидесяти лет, и малый промышленно-капиталистический цикл, обнимающий обычно период в 8–11 лет¹.

Опираясь на имеющиеся данные², можно дать следующую схему конъюнктурных волн *больших циклов*. С 1789 г. начинается подъем конъюнктур. Он достигает максимума в 1809 г., т.е. через 20 лет. С 1809 г. наблюдается общее падение конъюнктур вплоть до 1849 г., т.е. 30 лет. Таким образом заканчивается большой цикл и весь он длится около 50 лет. С 1849 г. начинается новая повышательная волна, достигающая максимума в 1873 г., т.е. через 24 года. После глубокого кризиса 1873 г. начинается падение конъюнктур, продолжающееся до 1896 г., т.е. 23 года. Таким образом заканчивается второй большой цикл и весь он имеет продолжительность около 47 лет.

Перед войной с половины девяностых годов, точнее с 1896 г., мировое хозяйство вступило в новый блестящий период повышательных конъюнктур большого цикла. Оно вступило в период сильного повышения цен, быстрого роста продукции, в особенности в области тяжелой индустрии, расширения транспортных средств, в частности, торгового флота, и торговли, увеличения размеров эмиссии ценных бумаг, повышения уровня доходов и т.д.³. Этот блестящий подъем глубже всего отразился на состо-

¹ В анализ характера, причин и взаимоотношений того и другого цикла в данном этюде мы входить не можем.

² См. Jevons, *Investigations in the Currency and Finances*, 1884. Toon und Neymarch, *Ceschichte des Preises: Jean Lescure, Hausses et baisses generales des prix (Revue deconomie politique, № 4, 1910)*. Souerbeck, *Prices of commodities and the precious metals*. (Ежегодно в *Journal of the Royal Statistical Society*); Aftalion, *Les crises periodiques de surproduction t.t. I et II*.

³ См. А. Аftalion, *op. cit.*; J. Lescure, *op. cit.*; Его же “Общие и периодические промышленные кризисы”. С.-Петербург, 1908; Fr. Eulenburg. — *Die Preissteigerung des letzten Jahrzehnts*, 1912 г. В. Мукосеев. *Повышение товарных цен*. С.-Петербург, 1914.

янии народного хозяйства Германии, Северо-Американских Соединенных Штатов, отчасти России и Японии¹.

Новая повышательная волна большого цикла, начавшись с 1896 г., продолжалась до войны. Теперь мы знаем, что она продолжалась и во время и после войны. Если считать ее повышение до кризиса 1920 г., то ее продолжительность изменится 24 годами.

Итак, война началась и протекала на фоне повышающихся мировых экономических конъюнктур большого цикла.

На период большого цикла, обычно, приходится несколько малых циклов, в течение которых в свою очередь конъюнктура переходит от состояния подъема к состоянию депрессии; причем переход этот совершается обычно в резкой и острой форме кризиса или иногда более спокойно без кризиса².

Мы не будем указывать все малые циклы XIX и XX столетия. Характеристику их читатель найдет в указанной в примечаниях литературе. Отметим лишь малые циклы, падающие на последнюю повышательную волну большого цикла.

На время повышательного периода большого предвоенного цикла приходится два законченных малых цикла и один незаконченный. Первый цикл приходится на период с 1896 по 1903 г. с кризисом в большинстве важнейших стран Европы в 1900 г. Второй — на период с 1903 по 1910 г. с кризисом в 1907 г.

С 1910 г. перед самой войной начался повышательный период нового малого цикла. И теперь есть все основания утверждать, что в 1913 г. появились совершенно определенные признаки нового экономического кризиса или депрессии этого малого цикла. Но в этот момент началась война.

Такова самая общая схема динамики экономической жизни и цикличности ее конъюнктур. В связи с этим задача, которую мы преследуем настоящей главой формулируется так: мы должны уяснить место мирового кризиса 1920–21 г. в системе малых и больших циклов движения экономических конъюнктур.

2. Из сказанного видно, что война началась, с одной стороны, когда повышательная волна большого цикла достигла чрезвы-

¹ См. Гельферих. Развитие народного хозяйства Германии с 1883–1913 гг. М., 1920. Мукосеев, Экономические причины войны (в сборнике: Вопросы мировой войны, Петроград, 1915).

² Что кризис, являясь обычным, не является необходимым звеном движения конъюнктуры малого цикла, см. W. Lexis. Les crises économiques (Bulletin de l'Institut International de Statistique, t. XVIII, p. 173 etc.); Aftalion, op. cit. t. I.

чайно высокого подъема, с другой, когда повышательная волна малого цикла, достигнув кульминационной точки, стала обнаруживать признаки надвинувшегося кризиса или по крайней мере депрессии.

Для уяснения природы мирового кризиса 1920–21 г., его значения и места в общей системе движения конъюнктур, представляется необходимым вникнуть в характер движения их перед войной. В этих целях рассмотрим прежде некоторые фактические данные. Не останавливаясь на всех или даже многих показателях состояния предвоенных народнохозяйственных конъюнктур, возьмем движение хотя бы некоторых из них: движение учетного процента, цен на железо, производство железа и безработицу. По Германии, Англии и Франции мы имеем следующую картину движения учетного процента¹.

Годы	Берлин		Лондон		Париж	
	Факт. ряд	Идеальный ряд	Факт. ряд	Идеальный ряд	Факт. ряд	Идеальный ряд
	Рыночный учетный процент по кратковременным займам					
1896	3,04	3,09	1,52	2,57	1,83	2,28
1897	3,09	3,15	1,87	2,63	1,96	2,32
1898	<u>3,55</u>	3,21	2,65	2,69	2,12	2,36
1899	<u>4,45</u>	3,27	<u>3,29</u>	2,75	<u>2,96</u>	2,40
1900	<u>4,41</u>	3,33	<u>3,70</u>	2,81	<u>3,17</u>	2,44
1901	3,06	3,38	<u>3,20</u>	2,87	2,48	2,48
1902	<u>2,19</u>	3,44	2,49	2,91	2,43	2,52

¹ Фактические данные взяты из книги Helferich'a-Celd und Banken, Leipzig 1916 г., стр. 614. Идеальный ряд вычислен так. Весь фактический ряд был разделен на 2 равные по числу годов части; для каждой части выведена средняя арифметическая; определена путем вычитания разницы между первой и второй средней; разность эта была разделена на число лет, отделяющих середину первой части ряда, приходящейся на 1900 г. от середины второй части ряда, приходящейся на 1909 г. Частное принято за коэффициент годового возрастания дисконта, если бы нарастание совершалось плавно; далее, беря среднюю первой части ряда, приходящуюся на средний год этой части, т.е. на 1900 г. и, прибавляя последовательно коэффициент возрастания, мы получаем величину членов идеального ряда для 1901, 1902 и т.д. Путем вычитания из первой средней годового возрастания, мы получаем аналогично идеальный ряд для 1899, 1898 и т.д. годов. Подобный прием вычислений и сопоставления фактического ряда с идеальным был употреблен Emil'em Brezigar'ом в его "Vorboten einer Wirtschaftskrisis in Deutschland, Berlin, 1913. В виду того, что мы вели вычисления идеального ряда лишь с двумя десятичными знаками, в одном случае это вынудило нас к увеличению коэффициента возрастания на 0,01, чтобы полученный член идеального ряда совпал с приходящейся на этот год средней. Это по Франции при переходе от 1908 к 1909 г.

Годы	Берлин		Лондон		Париж	
	Факт. ряд	Идеальный ряд	Факт. ряд	Идеальный ряд	Факт. ряд	Идеальный ряд
Рыночный учетный процент по кратковременным займам						
1903	<u>3,01</u>	3,50	3,40	2,97	<u>2,78</u>	2,56
1904	<u>3,14</u>	3,56	2,70	3,03	2,19	2,60
1905	<u>2,85</u>	3,62	2,66	3,09	2,10	2,64
1906	<u>4,04</u>	3,68	<u>4,05</u>	3,15	<u>3,72</u>	2,68
1907	<u>5,12</u>	3,74	<u>4,53</u>	3,21	<u>3,40</u>	2,72
1908	<u>3,52</u>	3,80	2,31	3,27	2,25	2,76
1909	2,87	3,86	2,31	3,33	1,79	2,81
1910	3,54	3,92	3,18	3,39	2,44	2,85
1911	3,54	3,98	2,94	3,45	2,61	2,89
1912	<u>4,22</u>	4,04	<u>3,64</u>	3,51	<u>3,16</u>	2,93
1913	<u>4,98</u>	4,10	<u>4,39</u>	3,57	<u>3,84</u>	2,97
В среднем за 1896–1904 гг.	3,33		2,81		2,88	
В среднем за 1905–1913 гг.	3,85		3,33		2,81	

Из приведенных данных прежде всего хорошо видна общая повышательная тенденция большого цикла с 1896 г. Далее, из них, особенно из сопоставления фактического и идеального рядов, видны малые циклы. При чем ясно, что за год–два перед моментом кризиса фактический ряд с большой правильностью дает не только *абсолютное повышение*, но и *превышение над идеальным рядом*. С этой точки зрения становится ясным, что в 1913 г. конъюнктура мирового хозяйства стояла или в начале или накануне кризиса третьего малого цикла взятого большого периода.

3. Аналогичную картину увидим мы, если возьмем цены на железо, как наиболее показательные из цен для характеристики хода конъюнктуры.

Годы	Англия ¹		Германия ²	
	цены шотландского чугуна в шилл. за тонну		цены литейн. Бреславльского чугуна в марках за тонну (1000 кг)	
	фактич.	идеальн. ³	фактич.	идеальн. ³
1896	46,83	51,97	57,5	64,13
1897	45,33	52,48	61,7	64,62

¹По данным, опубликованным Sauerbrek'ом и продолжен. Statist'ом См. Journal of the Royal statistical society за 1905 и 1917 гг.

²По данным Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reiches 1915 и 1918 г. Erstes Heft.

³См. примечание в параграфе 2 настоящей главы к таблице о движении учетного процента.

Годы	Англия		Германия	
	цены шотландского чугуна в шилл. за тонну		цены литейн. Бреславльского чугуна в марках за тонну (1000 кг)	
	фактич.	идеальн.	фактич.	идеальн.
1898	47,17	52,99	61,6	65,11
1899	<u>63,75</u>	53,50	<u>75,5</u>	65,60
1900	<u>69,33</u>	53,81	<u>90,7</u>	66,09
1901	53,75	54,32	66,5	66,58
1902	54,50	54,83	61,3	67,07
1903	52,25	55,34	60,5	67,56
1904	51,42	55,85	59,5	68,05
1905	53,50	56,36	59,8	68,54
1906	<u>58,75</u>	56,87	<u>69,6</u>	69,03
1907	<u>63,50</u>	57,38	<u>77,6</u>	69,52
1908	56,00	57,89	<u>71,1</u>	70,01
1909	55,08	58,40	64,2	70,50
1910	56,08	58,91	66,2	70,99
1911	53,42	59,42	64,8	71,48
1912	<u>64,17</u>	59,93	<u>75,9</u>	71,97
1913	<u>65,50</u>	60,44	<u>85,1</u>	72,46
В среднем за 1896–1904 гг.	53,81		66,09	
В среднем за 1905–1913 гг.	58,44		70,48	

В этой таблице мы находим те же правильности, что и в предшествовавшей. Поэтому нет нужды останавливаться на ее детальном анализе.

4. Обратимся к производству железа:

Годы	Англия		Соединенные Штаты Северной Америки		Германия	
	фактич.	идеальн.	фактич.	идеальн.	фактич.	идеальн.
	Производство чугуна в сотнях тыс. of long tons ¹					
1896	<u>87</u>	83,4	86	90,0	<u>63</u>	54,4
1897	<u>88</u>	84,4	97	102,4	<u>68</u>	61,0
1898	<u>86</u>	85,4	<u>118</u>	114,8	<u>72</u>	67,6
1899	<u>94</u>	86,4	<u>136</u>	127,2	<u>80</u>	74,2
1900	<u>90</u>	87,4	138	139,6	<u>84</u>	80,8
1901	79	88,4	<u>159</u>	152,1	78	87,4
1902	87	89,5	<u>178</u>	164,5	84	94,0
1903	89	90,5	<u>180</u>	176,9	99	100,6
1904	87	91,5	165	189,3	99	107,2
1905	<u>96</u>	92,5	<u>230</u>	201,7	107	113,8

¹По данным Mitchell'a "Busineis cycles". Memoirs of the University of California vol. 3. p. 233 и The Statesmen's year-boock за 1915 г.

Годы	Англия		Соединенные Штаты Северной Америки		Германия	
	фактич.	идеальн.	фактич.	идеальн.	фактич.	идеальн.
	Производство чугуна в сотнях тыс. of long tons					
1906	<u>101</u>	93,5	<u>253</u>	214,1	<u>121</u>	120,4
1907	<u>101</u>	94,5	<u>258</u>	226,5	<u>127</u>	127,0
1908	91	95,5	159	238,9	116	133,6
1909	95	96,5	<u>258</u>	251,3	124	140,2
1910	<u>100</u>	97,6	<u>273</u>	263,7	146	146,8
1911	95	98,6	233	276,1	<u>155</u>	153,4
1912	87	99,6	<u>293</u>	288,5	<u>175</u>	160,0
1913	<u>103</u>	100,6	<u>305</u>	300,9	<u>190</u>	166,6
В среднем за						
1896–1904 гг.	87,4		139,6		80,8	
1905–1913 гг.	96,5		251,3		140,2	

Только что приведенная таблица достаточно хорошо показывает, как тенденцию общего подъема производства чугуна в рамках большого цикла, так и особо сильные подъемы его перед кризисами или вообще переломами конъюнктуры к понижению в пределах малых циклов. Примерно за 3, иногда более года перед этим переломом фактический ряд продукции правильно поднимается *выше идеального*. Однако приведенная таблица обнаруживает две особенности, на которые следует указать. Во-первых, она обнаруживает некоторую непоследовательность продукции, как показателя конъюнктуры: так, фактический ряд Англии поднялся выше идеального уже в 1910 г. Но затем вновь упал ниже его и держится на этом уровне вплоть до 1913 г., когда снова превышает идеальный ряд. Это заставляет нас по меньшей мере полагать, что продукция чугуна не может сама по себе служить точным показателем конъюнктуры, а лишь по совокупности с другими показателями. Беря же ее по совокупности с другими показателями, как цены, учетный процент, мы видим, что в 1913 г. мировые хозяйственные конъюнктуры приблизились к моменту перелома и кризиса. Вторая особенность приведенной таблицы это Соединенные Штаты, по которым соотношение фактического и идеального ряда существенно иное, чем в других странах. Так, еще в 1903 г., когда Европа уже перенесла кризис, соотношение рядов для Соединенных Штатов показывает близость конца подъема. Затем, после понижения фактического ряда в 1904 г., с 1905 г. он вновь поднимается над идеальным. Однако означенные особенности не являются игрой цифр, а изображают собой реальную действительность. Исследователями уже давно было отмечено, что,

начиная с половины 90-х годов Соединенные Штаты находились в полосе как бы сплошного подъема, что они миновали кризис 900-х годов, пережили лишь депрессию и притом пережили ее не с 1900 г., а позднее, с 1903 г., что депрессия эта была кратковременной. Затем, пережив кризис 1907 г., они очень скоро вступили снова на путь подъема¹.

Отсюда ясно, что и в Соединенных Штатах ритм движения конъюнктур сохраняется. Здесь лишь депрессии и кризисы иногда запаздывают, и имеют относительно кратковременный характер.

Таким образом и приведенная таблица указывает на приближение мировых конъюнктур перед началом войны к перелому.

Было бы легко показать, что отмеченные правильности движения производства чугуна сохраняются и в том случае, когда мы берем производство его не абсолютно, а на голову населения². Было бы легко, далее, показать, что аналогичная правильность сохраняется и для потребления железа, как в абсолютных величинах, так и в особенности на душу и особенно при сравнении фактического ряда с теоретическим³.

5. Не будем останавливаться на других признаках — показателях конъюнктуры. Предыдущее изложение достаточно ясно, чтобы сделать некоторые общие выводы и выводы относительно стадии динамического процесса хозяйственных явлений, который предшествовал войне.

Взятые нами признаки — показатели конъюнктуры вне всякого сомнения находятся между собой в определенной закономерной связи.

Их динамика в пределах повышательной волны взятого большого цикла обнаруживает цикличность малой продолжительности.

Что касается стадии движения конъюнктур, в которой и началась война, то учитывая движения основных показателей, мы можем теперь уже на основании факторов утверждать, что *мировая война действительно началась в момент, когда мировое хозяйство и хозяйство важнейших стран находилось в полосе подъема большого цикла*, с другой стороны, что война

¹ См. Лескюр. Общие и периодические промышленные кризисы. С П.-Б. 1903, стр. 240 и сл., 317 и сл. М.И. Туган-Барановский. Периодические промышленные кризисы, 3-е изд., стр. 168 и сл. Митчел, op. cit., стр. 63 и сл.

² См. Mitchell, op. cit., ch. 5.

³ См. Brezigar, op. cit., pp. 23 и сл.

началась в момент, когда мировое хозяйство находилось в полосе начинающегося кризиса или депрессии, когда были налицо все основные предвестники перелома в пределах малого цикла.

6. Чтобы конкретизировать и сделать более убедительной, ясной и точной последнюю мысль предыдущего тезиса, посмотрим кратко на некоторые показатели конъюнктур в *ближайшие месяцы перед войной* и непосредственно вслед за началом ее.

Возьмем прежде всего движение цен на основные и наиболее показательные для состояния конъюнктур товары¹.

Годы и месяцы	Железо (Глазго), в руб. за 1 пуд		Чугун (Глазго) Клевеланд	Каменный уголь (С. Петербург) Кардифский	Хлопчатобумажная пряжа Манчестер № 32 Twist, в руб. за пуд
	полосовое	листовое			
1911 г.	1,04	1,31	36,2	26,7	14,37
1912 г.	1,23	1,44	44,7	31,0	13,85
1913 г.					
Январь	1,28	1,52	50,0	33,3	14,50
Февраль	1,28	1,52	47,3	33,5	14,43
Март	1,28	1,52	49,6	33,5	14,55
Апрель	<u>1,22</u>	1,52	51,5	<u>32,7</u>	14,48
Май	1,20	1,52	<u>49,5</u>	29,5	14,77
Июнь	1,20	1,52	42,1	30,5	14,28
Июль	1,20	1,52	42,0	31,4	14,12
Август	1,20	1,52	42,1	29,4	14,48
Сентябрь	1,20	<u>1,37</u>	41,2	29,4	15,37
Октябрь	1,09	1,37	39,1	31,0	15,41
Ноябрь	1,09	1,26	37,6	31,0	<u>14,94</u>
Декабрь	1,09	1,26	37,6	31,0	14,54
1914 г. —					
I половина	1,04	1,23	38,8	31,0	14,37
1914 г. —					
II половина	<u>1,11</u>	<u>1,26</u>	<u>39,2</u>	<u>52,5</u>	12,05

Из таблицы видно, что растущие цены достигают своего максимума к концу первой половины 1913 г., как железо, чугун, каменный уголь, или в начале второй половины 1913 г., как хлопчатобумажная пряжа. В течение 1913 г. наступает их перелом и падение, обозначенные в таблице одной чертой. Этот перелом наступает ранее для железа, чугуна и угля в апреле-мас

¹ Таблица составлена по "Своду товарных цен" за 1913 и 1914 гг.

1913 г. (только для полосового железа в сентябре), позднее для хлопчатобумажных изделий — в октябре. Начавшееся понижение цен для разных товаров идет с различной силой и последовательностью. Например, для каменного угля мы наблюдаем некоторые рецидивы повышения цен, хотя последние и не поднимаются уже до высоты первых месяцев 1913 г.

После начала войны во втором полугодии 1914 г. мы наблюдаем, однако, новое изменение в движении цен: цены на железо, чугун и уголь начинают подниматься, что обозначено в таблице двумя чертами. При этом мы не приводим помесячных данных о движении цен в 1914 г. Но рассмотрение этих данных показало бы, что повышение цен начинается с августа 1914 г. Цены на хлопчатобумажную пряжу, наоборот, усилено падают. Иначе говоря, война изменила нормальное течение и развитие начавшейся депрессии цен, оказывая на различные товары различное влияние.

7. К тем же выводам приводит и анализ рынка труда.

Процент безработных среди членов профессиональных союзов был по месяцам таков¹:

Время	Англия	Германия	Бельгия	Швеция
1913 г.				
Январь	2,2	3,2	1,5	8,4
Февраль	2,0	2,9	1,5	8,9
Март	1,9	2,3	1,3	7,1
Апрель	<u>1,7</u>	<u>2,3</u>	- ²	5,7
Май	1,9	2,5	2,4	4,0
Июнь	1,9	2,7	<u>1,6</u>	2,6
Июль	1,9	2,9	<u>1,9</u>	2,7
Август	2,0	2,8	2,4	2,5
Сентябрь	2,3	2,7	2,6	2,3
Октябрь	2,2	2,8	2,3	<u>2,2</u>
Ноябрь	2,0	3,1	2,1	2,6
Декабрь	2,6	4,8	2,5	4,4
1914 г. I половина	2,3	3,2	—	6,7
II половина	4,3	11,2	—	6,7
1915 г. I половина	1,3	3,9	—	11,3
II половина	0,8	2,6	—	4,3

Из приведенных цифр ясно, что с конца первой половины 1913 г. в главнейших индустриальных странах, как Англия,

¹ См. Народное хозяйство в 1913, 1914 и 1915 гг.

² Всеобщая стачка.

Германия и Бельгия, процент безработных обнаруживает тенденцию роста. Но это и есть именно тот момент, к которому уже определенно наметилась понижательная тенденция цен и общая депрессия. Во второстепенных странах, как Швеция, начало роста безработицы, как и обычно запаздывает.

Начавшаяся война резко обострила безработицу. Такое влияние войны нужно поставить в связь с тем, что она *потребовала некоторой перестройки и перераспределения промышленных сил, каковая не могла обойтись без замики в ходе производства и на рынке труда*. Что это так, можно убедиться из последующих цифр, по которым процент безработных во всех странах, в одних ранее, со второй половины 1914 г. в Англии и Германии, в других, — как в Швеции, позднее, с первой половины 1915 г., резко понижается. Это означает, что промышленность уже приспособилась к новым военным условиям и получила возможность работать более или менее нормально.

8. Обратимся далее к движению рыночного учетного процента¹.

Даты	Англия	Германия	Франция
В среднем за 1912 г.	3,64	4,22	3,16
1913 г.			
Январь	4,56	4,50	<u>4,00</u>
Февраль	<u>4,87</u>	<u>5,00</u>	<u>4,00</u>
Март	<u>4,87</u>	<u>6,00</u>	3,87
Апрель	4,00	4,50	4,00
Май	3,56	5,50	4,00
Июнь	4,25	5,37	3,75
Июль	4,12	4,50	3,75
Август	3,81	5,00	3,75
Сентябрь	3,87	5,37	3,75
Октябрь	4,87	4,85	3,75
Ноябрь	4,94	4,50	3,88
Декабрь	4,81	4,50	3,63
1914 г.			
Январь	3,35	3,11	3,56
Февраль	2,13	3,06	2,92

¹ См. Народное хозяйство. Изд. Министерства финансов за 1913 и 1914 гг. Для Германии, начиная с августа 1914 г., данные взяты из книги В. Штейна — Финансы Германии и Австро-Венгрии за два года войны. Петрогр., 1917, стр. 116. Причем нами были выведены средние по указанным в последней работе минимумам и максимумам ставок.

Даты	Англия	Германия	Франция
1914 г.			
Март	2,16	3,37	2,75
Апрель	2,10	3,38	2,74
Май	2,79	2,60	2,75
Июнь	2,41	2,86	2,75
Июль	2,57	2,48	2,79
Август	<u>5,20</u>	5,37	
Сентябрь	<u>3,53</u>	<u>5,62</u>	данные
Октябрь	<u>3,25</u>	<u>5,62</u>	не опубликованы
Ноябрь	<u>2,99</u>	4,81	
Декабрь	<u>2,83</u>	<u>4,75</u>	
За весь 1913 г.	4,39	4,98	3,84
За весь 1914 г.	2,94	3,66	3,37

Учетный процент, особенно частный, представляет собой весьма чуткий показатель конъюнктур. Но именно в силу своей чуткости он реагирует не только на чисто экономические, но и политические условия. 1913 г. был полон международно-политических тревог. Он проходил под знаком военных событий на Балканах и опасений за возможность новых крупных военно-политических столкновений. Все это, конечно, маскирует влияние чисто экономических факторов и вносит в движение процента элемент иррегулярности. Но тем не менее ясно, что в начале 1913 г. учетный процент достигает величайшего напряжения. Его максимум в первую половину 1913 г. приходится на январь-март. Причем максимум 1913 г. имеет исторический характер. Учетный процент редко достигал такой высоты в прошлом. С другой стороны, мы знаем, что дисконт обычно достигает высшего напряжения именно накануне перелома конъюнктур к понижению. И мы видели, что депрессия на рынке товаров и труда началась как раз около апреля 1913 г.

С апреля месяца, когда начинает развиваться депрессия, дисконт понижается. Правда, он понижается не планомерно, давая рецидивы повышения. Но это отголосок политических и иных пертурбационных факторов.

Общая же тенденция дисконта, как показателя состояния конъюнктур к понижению бесспорна. Она чрезвычайно интенсивна и продолжается до мая 1914 г.

Далее понижательное движение его прекращается, хотя мы не видим и сколько-нибудь значительного подъема его. Эта понижательная тенденция учетного процента, низкий абсолютный уровень ставки, на которой он держится до войны, являются

характерным признаком наступившей достаточно сильной экономической депрессии. Однако дисконт обычно падает, когда перелом конъюнктуры уже совершился, а не перед ним. Следовательно перелом конъюнктуры к понижению нужно отнести к более ранним месяцам 1913 г., в чем мы и убедились выше из анализа других показателей конъюнктуры.

Наступившая война резко изменила картину. В июле 1914 г. ставки учетного процента делают скачок вверх. Это особенно хорошо видно на нормах официального учетного процента¹.

Английским банком учетные ставки были повышены 17 июля 1914 г. с 3 по 4%; 18-го — с 4 до 8%; 19-го — с 8 до 10%; 24-го они были понижены с 10 до 6%, а позднее и еще более значительно. Аналогичную картину дают и другие страны. Итак, война вначале резко повысила учетные ставки. Однако ясно, что такое повышение диктовалось исключительно политическими условиями, неясностью перспектив, наступившим замешательством в нормальной работе денежного рынка, а не экономическими факторами. Вот почему, когда ход событий несколько определился, ставки быстро и значительно упали, хотя и не дошли до предвоенного уровня.

9. Прежде чем перейти к общим выводам, приведем еще свидетельство весьма чуткого показателя состояния конъюнктуры из области денежно-капиталистического рынка — это данные о движении курсовой стоимости биржевых бумаг².

Дата	Англия Курс 387 бумаг в млн. ф. ст. к концу месяца	Германия Индекс Frankfurt Zeitung для стоимости главных бумаг на Берлинской бирже
1913 г.		
Январь	<u>3.539</u>	<u>100,76</u>
Февраль	3.491	100,25
Март	3.463	99,72
Апрель	3.497	99,52
Май	3.485	99,31
Июнь	3.397	98,01
Июль	3.386	98,33
Август	3.417	98,71
Сентябрь	3.436	98,82
Октябрь	3.379	98,33
Ноябрь	3.364	98,69
Декабрь	3.341	98,66

¹ См. Народное хозяйство в 1914 г., стр. 420—421.

² См. Народное хозяйство в 1913 г., стр. 535.

Курс биржевых ценностей, обычно, падает за некоторое время до перелома конъюнктур к понижению. И в данном случае мы наблюдаем падение его с начала 1913 г. как в Англии, так и в Германии. Между тем депрессия согласно вышеизложенному наступила около апреля–мая 1913 г.

10. Таким образом, основные показатели состояния конъюнктур, рассмотренные на фоне закономерности изменения их во времени, как при широком погодном, так и при помесечном анализе, единодушно говорят о том, что весной 1913 г. явственно наметилась общая экономическая депрессия — началось общее понижение конъюнктур. Перелом конъюнктур к понижению в 1913 г. не имеет резко выраженных черт экономического кризиса. Новейшее время вообще характеризовалось тенденцией смягчения кризисов: переломы конъюнктур к понижению все чаще протекают в более спокойных формах депрессии¹.

Но будет ли перед нами перелом конъюнктур в форме острого кризиса или более мягкой — депрессии, факт перелома остается. Остается по существу его природа — и основные условия — возникновения и развития.

Вот почему мы можем утверждать, *что война началась в тот момент, когда шло развитие общеэкономической депрессии в рамках малого цикла конъюнктур.*

Очевидно, что в недрах мирового хозяйства перед войной выявились и обнаружили влияние те несоответствия спроса-предложения, те несоответствия уровня цен и покупательной силы масс, те несоответствия в распределении производительной мощи по отдельным отраслям промышленности, которые и порождают кризисы перепроизводства или депрессии.

Война задержала развитие и углубление депрессии.

Породив своеобразный исключительной емкости военный рынок, война “сняла” вскрывшиеся противоречия рынка и изменила направление движения конъюнктур. Общая экономическая депрессия сменяется своеобразным движением конъюнктур военного периода, которая характеризуется непрерывным и повсеместным повышением ценностных показателей при повышении натуралистических показателей в одних странах и падении их в других (см. выше гл. I).

¹ См. Туган-Барановский М.И., *op. cit.*, стр. 160 и сл.; Эд. Бернштейн “Социальные проблемы”, Москва, 1901, стр. 116 и сл., Лескюр “Общие и периодические кризисы”, стр. 240 и сл., 494 и сл.

11. Все это краткое отступление в область прошлого движения экономических конъюнктур позволяет подойти к мировому кризису 1920–21 г., и наблюдающейся сейчас мировой депрессии с новых сторон, позволяет подойти к последнему кризису в перспективе общего движения конъюнктур за более значительное время, чем просто период с начала войны.

Изменив направление динамики мировых экономических конъюнктур, “сняв” обнаружившиеся противоречия мирового и национальных рынков, война, как мы видели, к моменту ее окончания глубоко деформировала мировое хозяйство.

Мировое хозяйство за время войны приспособилось к условиям военного рынка, достигло нового состояния подвижного равновесия в этих условиях.

Но когда война кончилась и отпали условия военного рынка, лишилось почвы и равновесие мирового хозяйства военного периода. В недрах мирового хозяйства с невероятной остротой вскрылись противоречия и несоответствия спроса-предложения, которые и вылились в форму бурного кризиса, в болезненный процесс искания и создания равновесия в новых условиях.

Конечно, было бы неправильно рассматривать кризис 1920–21 г., как продолжение и резкое углубление прерванного войной процесса депрессии 1913–1914 г.

Кризис 1920–21 г. и депрессия 1913–14 г. отделены событиями грандиозных размеров и значения — войной. Кризис и депрессия возникли в совершенно различных конкретных условиях.

Но как бы ни были различны эти конкретные условия, как бы ни отличались размеры и глубина депрессии 1913–1914 г. и кризиса 1920–21 г., природа их с *помографической* точки зрения одна и та же. В том и другом случае мы имеем перед собой перелом конъюнктур на почве относительного перепроизводства, на почве несоответствия, создавшихся на рынке. Уничтоженные войной диспропорциональности и несоответствия сменились иными, более глубокими и значительными диспропорциональностями и несоответствиями, созданными в свою очередь самой войной.

Война помешала развернуться депрессии, которая наметилась в 1913 г., и падающие конъюнктуры превратила в своеобразные повышающиеся конъюнктуры. Кризис 1920–21 г., являясь кризисом относительного перепроизводства, положил конец восходящей волне малого цикла, для которого война послужила исходной точкой и началом его нисходящей волны.

Но если все это так, то с точки зрения общего движения народнохозяйственных конъюнктур кризис 1920–21 г. представляется своеобразным, грандиозным, но лишь моментом этого общего движения конъюнктур. Не с него возникло циклическое движение конъюнктур и нет никаких оснований полагать, что им оно кончается. Этим мы вместе с тем говорим, что *caeteris paribus*, если условия этого грандиозного кризиса возникли, если кризис явился необходимой реакцией на эти условия, то в то же самое время, как всякий иной кризис относительного перепроизводства, кризис 1920–21 г. является и формой ликвидации этих условий, формой бесполезной, длительной, но по своим конечным результатам безусловно верной.

Капиталистический кризис относительного перепроизводства является всегда болезненным и тяжелым, но обычным и в этом смысле нормальным спутником капиталистического режима. Он является неизбежной данью страданиям, которую платит общество за то положительное, что имеет в себе кипучий, предпринимательский дух капитализма, реакцией против аномальных сдвигов, наростов и несоответствий во взаимоотношении элементов хозяйства и условий их развития. Кризис 1920–21 г. явился реакцией глубоко деформированного мирового хозяйства на изменение условий его существования и развития.

Caeteris paribus, повторяем, он должен привести к устранению или сильному смягчению тех несоответствий в системе элементов мирового хозяйства, которые были указаны выше, и при которых подвижное равновесие мирового хозяйства стало невозможно.

Таким образом, рассматривая кризис 1920–21 г. с помографической точки зрения на общее движение мировых конъюнктур в перспективах длительного времени, мы можем включить его, как определенное звено в цепь этого движения, как звено закономерно обусловленное — предшествующим состоянием конъюнктур и в свою очередь закономерно обуславливающее последующие звенья этой цепи.

Таковы выводы, которые мы можем сделать, оставаясь в плоскости теории малых капиталистических циклов.

12. Но если мы посмотрим теперь на кризис 1920–21 г. под углом зрения больших циклов движения конъюнктур, то представятся весьма вероятными следующие положения.

Грандиозный кризис 1920–21 г., как мы видели и отмечали, разразился, когда повышательная волна последнего большого цикла достигла высочайших пределов. Со времени начала этой мировой повышательной волны, т.е. с 1896 г. до последнего кризиса прошло 24 года. Если верно, что в настоящее время кризис вступил в полосу ликвидации, если верно, что мировое хозяйство стоит накануне более или менее близкого нового подъема малого капиталистического цикла, то имеет ли шансы на дальнейшее продолжение повышательная волна большого цикла.

Нам кажется это маловероятным. Нам представляется гораздо более вероятным, что 1920 г. является годом перелома и в движении конъюнктур большого цикла, годом смены повышательной волны большого цикла — понижательной.

Иначе говоря, в этом общем смысле 1920 г. подобен 1873 и 1896 гг. Мы не можем входить в подробное обоснование этого положения и высказываем его только как вероятное.

Но аргументы в пользу его мы видим не только в простом признании и вере в существование строго-закономерной ритмичности движения конъюнктур больших циклов, но и в целом ряде иных фактических данных.

В свое время, в 70-х годах прошлого столетия, с одной стороны, усиленное предложение товаров, вызванное техническим прогрессом промышленности, развитием сельского хозяйства Северо-Американских Штатов и действием парового транспорта, который быстро развивался в предшествовавший период еще с 50-х годов, с другой — уменьшение добычи драгоценных металлов и соответственно повышение ценности денежной единицы обусловили длительную депрессивную волну большого цикла с 1873 г. по 1896 г.¹ Аналогичных явлений мы можем ожидать и теперь.

За время повышательной волны с 1896 г., как раз технический прогресс и строительство парового транспорта сделали новые, громадные успехи. Война бесспорно и как хорошо известно во многих отношениях форсировала технический прогресс и развитие транспорта, в частности морского, в исключительных размерах. Так мировой торговый флот увеличился с июня 1914 г. по июнь 1921 г. с 42,5 млн. тонн, до 54,2 млн. тонн

¹ См. Hector Denis La Depression economique et sociale et l'histoire des prix Bruxelles 1895; De-Touille La theorie quantitative et les prix. (L economiste fransals, 2 мая 1896 г.). Lescure Hausses et baisses generales des prix.

или на 27,5%. За время войны, как иногда, на арену мирового хозяйства и рынка выдвинулись новые страны, новые конкуренты: Соединенные Штаты, Япония, Канада, Аргентина, Индия, Австралия, Новая Зеландия и др. Правда, война нанесла тяжелое материальное потрясение ряду европейских стран. Но известно, что военные раны залечиваются быстро, и мы видели, что это так, и в данном случае мы стоим в начале длительного периода вообще относительно более сильного предложения товаров, подобно тому, как и в 70-х годах.

С другой стороны, весьма знаменательно движение продукции золота. Добыча золота быстро поднимается с половины девяностых годов. Она достигает максимума в 1915 г. и затем начинает непрерывно падать.

Сказанное видно из следующих данных.

Годы	Мировое производство золота ¹	
	ценность в млн. долл.	количество 1000 кг
В среднем за 1891–95 гг.	163,0	245,2
1896–1900 гг.	257,3	387,1
1905 г.	380,3	572,2
1910 г.	455,2	685,0
1913 г.	459,9	692,0
1914 г.	439,1	660,7
1915 г.	<u>468,7</u>	<u>707,9</u>
1916 г.	454,2	683,4
1917 г.	419,4	637,4
1918 г.	383,6	568,2
1919 г.	365,2	549,4
1920 г.	348,8	542,4
1921 г.	330,1	—
1922 г. ²	311,0	—

Есть все основания ожидать, что продукция золота вступала в полосу длительной депрессии, что является в высшей степени знаменательным фактором наступающей эпохи³.

Joseph Kitchin приводит следующий интересный расчет для производства золота в прошлом и будущем⁴.

¹См. *Wirtschaft und Statistik*, № 2, 1922 г. и см. *Manchester Guardian Commercial*, цит. выше, от 20 апреля 1922 г. со специальным отделом *Wiederaufbau in Europa*, стр. 49–50.

²Предположительные данные.

³См. цит. *Manchest. Guardian*. статья Josepha Kitchin'a, стр. 49–50.

⁴*Ibid.*

Годы	Общая наличность добытого золота, в млн. ф. ст.	Средн. годичн. процент прироста за последующий взят. период
1810	160	0,1%
1847	207	5,6%
1868	531	0,5%
1891	733	4,1%
1918	1.916	0,7%
1930	2.277	—

Не трудно видеть, что взятые даты и периоды почти совпадают с моментами перелома и периодами понижательных и повышательных волн больших циклов. Ясно также, что периоды повышательных волн совпадают с периодами высокого среднего годовичного прироста золота и наоборот. В таком случае, мы вступаем в полосу относительно низкого годовичного процента прироста золота, что явится фактором понижательных конъюнктур большого цикла.

Наряду с указанным мы стоим в начале длительного процесса восстановления мирового денежного обращения и в силу этого повышения ценности денежной единицы. Это в свою очередь является фактором понижательной волны цен и вообще конъюктур большого цикла и опять таки подобно тому, как было в 70-х годах прошлого века.

Таким образом, вступление мирового хозяйства в понижательную фазу большого цикла нам представляется весьма вероятным. Это не значит, что в новой понижательной фазе не будет своих подъемов, своих кризисов и депрессий в смысле малых капиталистических циклов. Они были в аналогичных фазах больших циклов конъюктур прошлого. Они, конечно, будут и в период понижательной фазы данного большого цикла. Но общий тон движения конъюктур, всего вероятнее, будет сохранять понижательные тенденции. Вот почему подъемы малых циклов наступающего периода будут лишены той интенсивности, какой они обладают в период повышательной волны большого цикла. Наоборот, кризисы наступающего периода обещают быть относительно более резкими, а депрессии малых циклов более длительными.

И не здесь ли, не в наступающей ли общей понижательной волне большого цикла мы должны видеть основную причину, наряду с отмеченными выше различными частными факторами-причинами, почему кризис 1920—21 г. и депрессивное состояние мирового хозяйства после него так длительны? Наши замечания о характере движения цен во второй половине 1921 г. и в начале

1922 г., высказанные в предыдущей главе, делают эту мысль весьма правдоподобной.

Но если вероятно, что наступающая эпоха движения конъюнктур подобна той, которая наступила после кризиса 1873 г. и длилась до 1896 г., то она по всем данным будет во многом и отличаться от нее. Эпоха 1873—1896 гг. характеризуется особенно резко выраженным кризисом перепроизводства и падения цен на рынке сельскохозяйственных и особенно зерновых товаров. Это было связано с исключительно мощной конкуренцией Северо-Американских Соединенных Штатов¹. Эту эпоху обозначают эпохой острого кризиса европейского сельского и особенно зернового хозяйства.

Нам представляется, что наступающий период понижения мировых конъюнктур, если он будет, то будет периодом более сильного относительного перепроизводства и падения цен индустриальных товаров. Основания для этого утверждения весьма понятны. Их нужно видеть прежде всего в исключительном по своей скорости процессе индустриализации заокеанских стран — Соединенных Штатов, Индии, даже Канады, и других, что не может не обострить конкуренции на мировом рынке индустриальных товаров. С другой стороны, их нужно видеть в небывалом упадке русского сельского хозяйства, в росте внутреннего рынка сельскохозяйственных товаров в заокеанских странах — производительницах этих товаров, в общем истощении почв и понижении производительности земли за время войны.

Таким образом, если верны эти выставленные и кратко мотивированные положения, то кризис 1920 г., рассматриваемый под углом зрения широких и общих перспектив движения мировых конъюнктур во времени, представляется не только определенным звеном малого капиталистического цикла, но и чрезвычайно знаменательным этапом в смене конъюнктурных волн большого цикла. Он является исходным моментом для новой и своеобразной эпохи экономического развития и социальных отношений.

¹ Ср. Мукосеев В.А. Повышение товарных цен, стр. 30 и сл.

БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ*

1

Тема моего доклада — вопрос о больших циклах конъюнктуры. С самого начала я должен указать, во-первых, на то, что мое исследование относится только к условиям капиталистического общества. Следовательно, я не распространяю свои выводы на какие-либо другие системы хозяйства. Во-вторых, на то, что в условиях капиталистической системы хозяйства динамика этого хозяйства вовсе не исчерпывается ни теми колебательными процессами, о которых я буду говорить, ни теми колебательными процессами, о которых существует уже обширная литература, т.е. торгово-промышленными циклами, сезонными колебаниями и т.д.¹ Я знаю, что динамика этого хозяйства проявляется также в процессах эволюционного характера. Кажется, в прошлом году здесь же в институте мне пришлось делать доклад на тему “Понятие экономической статики, динамики и конъюнктуры”. Тогда уже я пытался провести разграничение между процессами развития, обладающими известным направлением, и процессами колебательного конъюнктурного характера, не обнаруживающими какого-либо определенного направления.

В-третьих, я должен также оговорить, что в данном докладе я вовсе не рассматриваю вопрос о соотношении между указанными двумя типами процессов. Это не значит, будто я думаю, что процессы развития идут сами по себе, а колебательные процессы сами по себе, что они даны в действительности раздельно и независимо. Моя мысль иная. Процесс реальной дина-

* Доклад Н. Д. Кондратьева в феврале 1926 г. в Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Вместе с докладом основного оппонента, Д. И. Опарина, и изложением выступлений по докладам опубликован в книге: Н. Д. Кондратьев. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики. М.: 1928. Публикуется по тексту книги: Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 172–226 (Прим. сост.).

¹ В последующем тексте я не делаю, за исключением самых необходимых случаев, ссылок на литературные и иные источники. Читатель может найти эти ссылки в моей статье “Большие циклы конъюнктуры”, напечатанной в сборнике “Вопросы конъюнктуры” (М., 1925. Т. I. Вып. 1. С. 28–79).

мики один. Но он не прямолинеен, он не представляет из себя простой восходящей линии. Наоборот, он совершается неравномерно, толчками, колебаниями. Только в порядке исследования и анализа мы можем, идя по пути, обычному для науки (если она задается аналитической задачей), сосредоточить свое внимание или на процессах общего развития, на стадиях и формах этого развития, или, наоборот, на колебательных процессах. Став на этот методологический путь, в дальнейшем мы можем, уже не оговариваясь всякий раз о существовании эволюционных тенденций, исследовать колебательные процессы. Именно так я и поступаю в своем докладе. Я думаю, что эти оговорки в достаточной мере избавят меня от недоразумений в дальнейшем. Обращаюсь к процессам конъюнктурного характера.

2

Я уже указал, что эти процессы различны. До сих пор экономическая мысль, главным образом с начала XIX в., обращала внимание, и довольно пристальное, преимущественно на один тип таких процессов — на процессы колебательного характера, длительностью примерно в 7–11 лет, известные под именем “промышленно-капиталистических циклов”.

К вопросу об этих волнообразно-циклических колебаниях в динамике капиталистического народного хозяйства экономическая мысль пришла, отправляясь от изучения кризисов. Капиталистические кризисы с их разрушительным воздействием на хозяйство были слишком ярким явлением действительности, чтобы не привлечь к себе довольно рано внимание экономистов. Уже первые экономисты классической школы, а несколько позднее такие авторы, как Сисмонди, натолкнулись на явление экономических кризисов. Но это было время, когда капиталистические страны еще только вступали в полосу повторяющихся кризисов. Вот почему ни классики, ни Сисмонди не могли дать не только удовлетворительного объяснения, но даже достаточно точного описания кризисов.

Однако, начиная с конца 20-х гг. прошлого века, кризисы с редкой для социально-экономических явлений регулярностью, примерно через 7–11 лет, следуют один за другим и потрясают народное хозяйство. Естественно, что внимание к ним со стороны экономической мысли усиливается. В то же время она получает в распоряжение все более обширный фактический материал. И в 50–60-х гг. прошлого века в трудах Маркса,

Родбертуса и Жюгляра устанавливаются два положения, чрезвычайно важные для понимания природы кризисов: во-первых, что они периодичны, во-вторых, что они органически присущи капиталистическому строю.

В дальнейшем в специальных работах авторов различных направлений, как Туган-Барановский и Гильфердинг, Поле и Шпитгоф, Лескюр, Афталион, Митчель и др., кризисы подверглись подробному изучению и описанию.

Но чем дальше шло изучение повторяющихся капиталистических кризисов, тем более становилось очевидным, что кризис представляет собой лишь одну фазу целого капиталистического цикла, что целый цикл, как правило, складывается из трех основных фаз — подъем — кризис — депрессия и что понять кризисы можно лишь в результате изучения всех фаз цикла.

Этому нараставшему убеждению, по-видимому, впервые дал определенное выражение Зомбарт. В начале 900-х гг. он заявил, что теория кризисов должна превратиться в более общую теорию, в теорию конъюнктуры и ее колебаний в целом. Дальнейшее развитие теории пошло именно в этом направлении.

Таким образом, отправляясь от проблемы кризисов, экономическая мысль шаг за шагом пришла к теории циклов конъюнктуры. Проблема кризисов и ее значение от этого, конечно, не потеряли своей актуальности. Но она рассматривается в связи с проблемой хода циклов конъюнктуры в целом.

Однако эти 7–11-летние циклы, по-видимому, не являются единственным типом циклов конъюнктуры. В действительности динамика капиталистического хозяйства сложнее.

За последнее время ряд ученых указывает на то, что существуют более короткие, но несезонные колебания конъюнктуры. Я имею в виду, например, работы Кичина, который, не отрицая существования цикличности в 7–11 лет, указывает на существование более коротких периодов колебаний конъюнктуры, примерно в 3–3,5 года.

Указание на колебания конъюнктуры длительностью примерно в 3,5 года встречается и у других авторов, например у Лакомба. Далее, американские статистики и экономисты, объединяющиеся, в частности, около Гарвардского бюро, хотя они и отказываются от идеи строгой периодичности колебаний конъюнктуры, все же отмечают, что в Америке капиталистический цикл развертывается примерно в течение 3,5 года. Эти исследуемые ими циклы более или менее соответствуют тому, что в Европе исследовалось под именем 7–11-летнего цикла. Таким

образом, указания на существование более коротких циклов имеют, как мне кажется, двойственный характер. С одной стороны, этот короткий цикл выдвигается как особый тип колебаний конъюнктуры. С другой стороны, он выдвигается как тот же тип промышленно-торгового цикла, который был известен ранее, только более сжатый во времени. Я не имею в виду входить здесь в обсуждение вопроса о существовании этих коротких или малых циклов и об их природе. В своем докладе я имею в виду особый третий тип циклических колебаний, а именно — большие циклы.

3

Уже некоторое время тому назад при изучении динамики капиталистического общества я натолкнулся на явления, которые было трудно объяснить, не допустив существования длительных и очень глубоких и значительных по своему влиянию колебательных процессов в народнохозяйственной динамике.

Натолкнувшись на такие явления, уже в 1922 г. я высказал мысли о существовании больших циклов конъюнктуры в работе "Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны". Однако эта мысль была основана тогда лишь на некоторых довольно отрывочных данных.

Вопрос о больших циклах совершенно не разработан в литературе. Необходимо, однако, отметить, что мысль о существовании больших волн в динамике капиталистического хозяйства не является абсолютно новой.

Отдельные авторы, как Лескюр, Афталион, Мур, Шпитгоф, Лейтон, Кассель, Каутский и др., все же подходили к этому предмету, правда, в довольно отрывочной и случайной форме. Мнения их по вопросу о существовании больших циклов различны.

Одни из них, по-видимому, склонны признать вероятность существования больших циклов. Другие констатируют существование длительных периодов повышения и понижения конъюнктуры, но не дают определенного ответа на вопрос о цикличности в смене этих периодов. Третьи, отмечая большие периоды подъемов и понижений конъюнктуры, определенно отрицают их цикличность, рассматривая их как результат случайных факторов и сдвигов в хозяйственной жизни.

Но в общем мне неизвестно ни одного автора, который бы исследовал вопрос о больших циклах достаточно тщательно и

специально, ни одного автора, который бы признавал существование этих циклов вполне определенно и ясно.

У нас высказанная мною в 1922 г. мысль о существовании больших циклов конъюнктуры встретила в литературе скорее отрицательное отношение. Так, Л.Д. Троцкий в статье “О кривой капиталистического развития”, не отрицая наличия больших волн конъюнктуры, отказался признать их закономерный и циклический характер и рассматривает их как следствие приходящих и в этом смысле случайных обстоятельств экономического и политического характера. Тем не менее он признал необходимым проверить эмпирически указанные мной периоды больших колебаний конъюнктуры. Больше того, его предшествующая работа “Новая экономическая политика России и перспективы мировой революции” давала основание думать, что он признает существование больших циклов. Определенно отрицательное отношение к идее больших циклов высказал Н. Осинский. Наоборот, их существование, по-видимому, признает В.Е. Мотылев.

Продолженные мною более детальные специальные работы по вопросу о больших циклах укрепили меня в мысли об их существовании. Ниже я имею в виду изложить основные результаты этих работ.

4

Исследование вопроса о больших циклах чрезвычайно затруднительно. Во-первых, потому, что оно по самому существу вопроса предполагает очень продолжительный период наблюдения динамики экономических конъюнктур. Между тем при всем желании пойти дальше в глубь истории по состоянию данных, а также по мотивам однородности и сравнимости изучаемых явлений мы не можем пойти слишком далеко, дальше конца XVIII в., т.е. до начала широкого развития промышленного капитализма. Во-вторых, потому, что с конца XVIII до середины XIX в. мы не имеем достаточно полных, непрерывных и удовлетворительных данных о динамике конъюнктуры.

Тем не менее я сделал попытку свести и обработать имеющиеся данные как статистического, так и описательного характера по Германии, Франции, Англии и САСШ за возможно более продолжительный период, но все более за период, однородный в отношении основных принципов организации хозяйства, а именно: за период с начала развития промышленного капитализ-

ма, т.е. после промышленной революции. Так как до середины XIX в. наиболее систематический статистический материал имеется по Англии и Франции, то в основу доклада я положу данные именно по этим странам. Данные по другим странам, в частности по САСШ, я привлекаю лишь в некоторых отдельных случаях.

Прежде чем перейти к рассмотрению фактических колебаний конъюнктуры, укажу на метод обработки данных, который был применен при изучении отдельных экономических элементов. Я знаю, что все элементы капиталистического хозяйства органически связаны между собой. Поэтому если бы я изучал законы развития капиталистического общества в их целом, то, разумеется, я должен был бы иметь в виду синтетическую точку зрения. Однако ввиду сложности и новизны проблемы я должен *на данной стадии работы* отказаться от этой задачи и повести изложение путем анализа отдельных важнейших элементов капиталистического хозяйства.

Все подвергнутые изучению элементы экономической действительности по характеру своей динамики распадаются прежде всего на две группы. Элементы первой группы характеризуются тем, что наряду с колебательными процессами их динамика не обнаруживает какой-либо общей тенденции роста или падения (Secular trend) или эта тенденция их почти не заметна, по крайней мере за рассматриваемый период. Сюда относятся некоторые чисто ценностные элементы, например товарные цены. При обработке статистических данных о динамике элементов этой группы для выявления больших циклов я пользуюсь элементарными приемами анализа.

Элементы второй группы, каковых большинство, характеризуются тем, что в своей динамике они, будучи органически связаны с общим увеличением объема и размаха экономической жизни общества, наряду с колебательными процессами обнаруживают также тенденции определенного направления, как правило тенденции роста. К элементам этой группы относятся: а) некоторые элементы чисто ценностного характера, например процент на капитал, заработная плата, вклады в банки и т.д., б) элементы смешанного характера, т.е. слагающиеся под влиянием изменения как ценностных, так и натуральных факторов, например объем внешней торговли в ценностном выражении, наконец, в) элементы чисто натурального характера, например данные о продукции различных отраслей промышленности и о потреблении различных товаров. Статистические данные, относящиеся к динамике элементов этой второй группы, взятые в

необработанном виде, не вскрывают циклов с достаточной ясностью. Причем они не вскрывают ясно иногда не только больших, но в случаях с чисто натуральными элементами и каких-либо других циклов. И для того чтобы выяснить наличие или отсутствие больших циклов, здесь было необходимо применить более сложные приемы обработки статистических рядов.

Прежде всего годовые величины этих рядов там, где это допускалось природой изучаемого явления, были разделены на количество населения страны. Это было сделано по двум соображениям: 1) делением ежегодных величин ряда на количество населения, прежде всего имелось в виду подойти к определению кривых, выражающих *реальный* рост хозяйства; 2) так как на протяжении времени территории стран, например Франции, менялись, то, деля первоначальные ряды данных на количество населения, мы делаем величины этого ряда до и после изменения территории, несомненно, более сравнимыми.

Ряды, полученные в результате деления первоначальных данных на количество населения, тем не менее представляют собой все же сложные величины. Они слагаются во всяком случае из двух основных компонентов: а) из общей тенденции (Secular trend) с ее скоростью и б) из ускорения этой основной тенденции. Общая тенденция обрабатываемых рядов развивается равномерно или неравномерно; но во всяком случае по самому существу своему она лишена цикличности. Я исключаю ее из рядов данных, деленных на население. В целях такого исключения по каждому эмпирическому ряду данных в соответствии с методами математической статистики я строю теоретическую кривую, которая достаточно точно отражала бы общее направление основной тенденции эмпирического ряда.

Конечно, за такой большой период, как 100 и более лет, нелегко найти эту теоретическую кривую. Поэтому на данный вопрос в работе обращалось большое внимание. Я избегал кривых очень высокого порядка, беря, за некоторыми исключениями, самое большее кривую второго порядка. Тем не менее пришлось несколько раз применить и параболу третьего порядка.

Далее, я всячески стремился избежать произвола при этой работе. И в этом огромную услугу оказали мне Н.С. Четвериков и О.Е. Пряхина. Непосредственно статистическую работу вела О.Е. Пряхина при консультации Н.С. Четверикова. Должен сказать, что оба они были достаточно критически настроены к работе и были всегда весьма щепетильны в отношении тщательности выбора кривой при выравнивании. Я думаю, что это

разделение труда в работе служит, несомненно, большой гарантией против субъективизма.

Еще одно замечание о природе теоретической кривой. Является ли она чисто статистическим построением или ей соответствуют какие-либо тенденции реального экономического развития? Это очень большой вопрос, и я не могу сейчас входить в его детальное освещение. Формулирую в качестве ответа следующий общий тезис.

Я полагаю, что принципиально теоретической кривой могут соответствовать реальные общеэволюционные тенденции развития хозяйства. Однако мы не можем сказать, что найденные нами теоретические кривые в точности отражают их. Пока мы не располагаем методом определения, насколько точно теоретическая кривая отражает реальные эволюционно-экономические тенденции. Мы в состоянии лишь сказать, достаточно ли хорошо найденная теоретическая кривая отражает тенденцию эмпирического ряда, который нам дан. Во всяком случае вопрос о природе теоретической кривой подлежит дальнейшей разработке. Не останавливаясь на нем, перехожу дальше.

Найдя теоретический ряд, я определяю, далее, для каждого года отклонение от него эмпирического ряда. Очевидно, что ежегодные колебания этого отклонения могут быть изображены в виде кривой, идущей горизонтально. Эта кривая и будет рисовать изменения в ускорении изменения данного ряда. Если общая тенденция изучаемых рядов, во всяком случае за данный период развития капитализма, имеет определенное направление, как правило направление подъема, и не дает циклов, то изменение темпа этого подъема или его ускорение, характеризующее найденными отклонениями, представляет собой колеблющуюся величину и будет отображать собой смену экономических конъюнктур.

Отсюда ясно, что дальнейшая задача сводилась к тому, чтобы определить: имеются ли большие циклы в полученном ряду отклонений эмпирического ряда от теоретического.

Необходимо, однако, иметь в виду, что если в этом ряду большие циклы и имеются, то в нем имеются не одни эти циклы. Этот ряд должен отображать собой не только большие циклы, но и циклы средние и малые, если они есть, и случайные колебания. Чтобы выявить большие циклы в чистом виде, я делаю последний шаг в обработке данных и подвергаю полученные ряды отклонений выравниванию по методу подвижной средней. При этом чтобы в процессе выравнивания сгладить и

тем исключить влияние средних циклов, продолжительность которых равна в среднем приблизительно 9 годам, я беру подвижную среднюю за 9 лет. При помощи ее я, однако, удаляю одновременно влияние не только средних циклов, но и циклов малых, если таковые есть, а также и случайных колебаний. Но это и было для меня необходимо.

5

Таковы в кратком и общем освещении методы, примененные при обработке данных. Обратимся теперь к результатам и остановимся в первую очередь на изменении *среднего уровня товарных цен*. Средний уровень товарных цен измеряется при помощи Index numbers. По Франции индекс цен имеется лишь с конца 50-х гг., по Англии и САСШ он имеется с конца XVIII в.¹ (см. диаграмму № 1).

¹ Табличные приложения см. в конце.

Данные по Франции взяты: Annuaire Statistique [Vol. 38. 1922: Resume retrospectif; Divers pays. P., 1923; Ibid. Vol. 40. 1924: Resume retrospectif; Divers pays. P., 1925]. С 1914 г. индекс пересчитан на золото по курсу доллара. По Англии с 1782 по 1865 г. имеется индекс Джевонса и с 1779 по 1850 г. новый индекс, исчисленный Зильберлингом и опубликованный: [Review of economic statistics. Vol. V. Oct. 1923. Suppl. 2]. С 1846 г. имеется индекс Зауэрбека, продолжаемый в настоящее время: Statist [см., например, 1924. Vol. 104]. Считая, что индекс Зильберлинга основан на более полных данных о ценах индивидуальных товаров, чем индекс Джевонса, мы взяли для периода 1780–1846 гг. именно этот индекс. С 1846 г. взят индекс Зауэрбека. При этом указанные индексы были приведены к одному уровню и сомкнуты на основе их соотношения за период 1846–1850 гг., когда они налагают один на другой. Полученная кривая затем была приведена к основанию за 1901–1910 гг. За период бумажного обращения в Англии 1801–1820 гг. и с 1914 г. индексы исчислены в золоте. Данные по Англии из работы Зильберлинга [Silberling N.G. British financial experience 1790–1830 // Review of economic statistics. 1919. N 4. Oct.]; Annuaire Statistique за 1922 г. и Journal of the Royal Statistical Society [1886. Vol. 49].

По Соединенным Штатам взяты и сомкнуты: с 1791 по 1801 г. индекс Роэlsa [Roelse H. V. Wholesale prices in the United States, 1791–1801 // Quarterly publications of the American Statistical Association. 1917. Vol. 15. N 120. P. 840–846]; с 1801 по 1825 г. индекс Гансена [Hansen A. H. Wholesale prices for the United States, 1801–1840 // Quarterly publications of the American Statistical Association. 1915. Vol. 14. N 112. P. 804–812]; с 1825 по 1839 г. индекс Юргенса [Jurgens C. H. Movement of wholesale prices in New York City, 1825–1863 // Quarterly publications of the American Statistical Association. 1911. Vol. 12. N 94. P. 544–557]; с 1840 по 1890 г. индекс Фалкнера [Report by Mr. Aldrich from the Committee on finance, March 3, 1893, on wholesale prices, wages, and transportation. Wash., 1893]; с 1890 г. индекс Bureau of Labour Statistics [Monthly labour review. 1925. Vol. 20. N 2. P. 23]. Индексы приведены к базе 1901–1910 гг. За период бумажного обращения 1862–1878 гг. они были перечислены на золото. Все данные по САСШ взяты из "Annuaire Statistique" за 1922 и за 1924 гг.

Индексы товарных цен
1901-1910 г. = 100

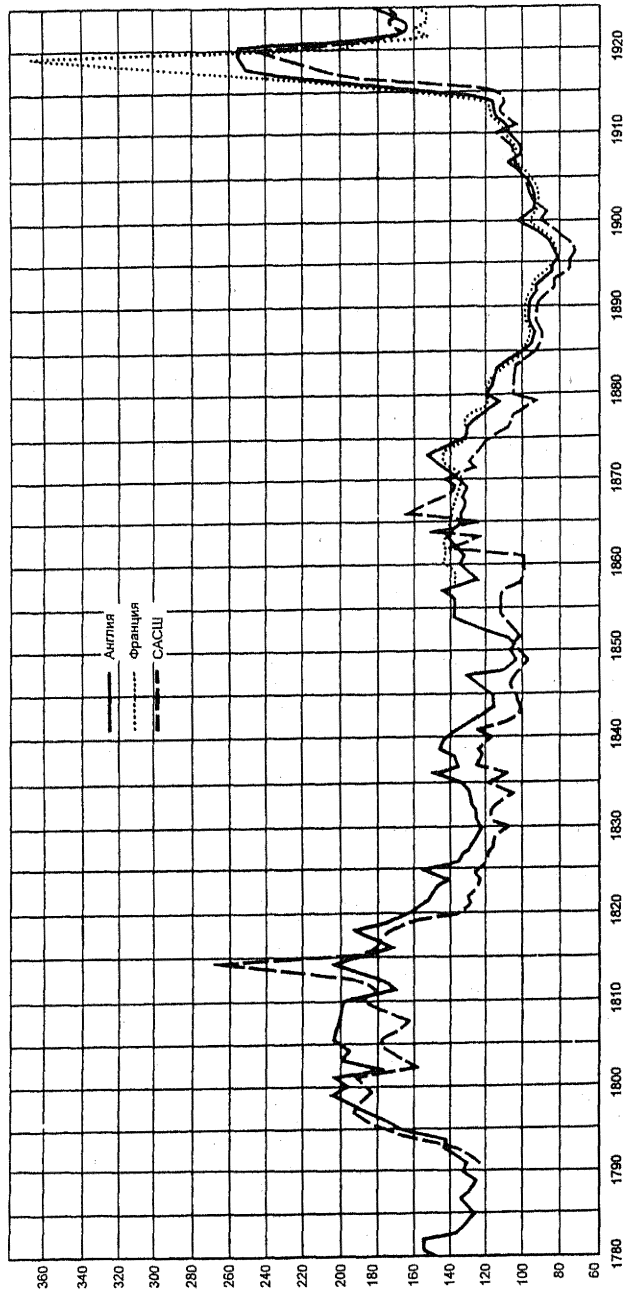

Диаграмма № 1

Индексы, нанесенные на диаграмму, не подвергались выравниванию и другой обработке. Тем не менее достаточно посмотреть на приведенную диаграмму, чтобы видеть, что, несмотря на все отклонения и неправильности движения, средний уровень товарных цен описывает ряд больших циклов.

Повышательная волна первого цикла охватывает период с 1789 по 1814 г., т.е. 25 лет¹. Понижательная волна первого цикла начинается с 1814 г. и кончается в 1849 г., т.е. длится 35 лет. Весь цикл движения цен завершается в 60 лет.

Повышательная волна второго цикла начинается с 1849 г. и кончается в 1873 г., т.е. длится 24 года. По САСШ максимум подъема цен приходится, правда, на 1866 г., однако этот подъем объясняется гражданской войной, и отмеченное несовпадение даты перелома цен в САСШ, с одной стороны, и в Англии и Франции — с другой, не нарушает общей картины развития цикла. Понижательная волна второго цикла начинается в 1873 г. и кончается в 1896 г., т.е. длится 23 года. Весь второй цикл завершается в течение 47 лет.

Повышательная волна третьего цикла начинается в 1896 г. и кончается в 1920 г., т.е. длится 24 года. Понижательная волна третьего цикла, по всем данным, начинается в 1920 г.

Таким образом, в движении среднего уровня цен мы констатируем с конца 80-х гг. XVIII в. наличие двух с половиной больших циклов. Продолжительность их не вполне совпадает и колеблется между 47 и 60 годами. Наиболее длительным является первый цикл.

6

Перехожу к проценту на капитал. О движении процента на капитал удобнее всего судить по данным о динамике: а) учетного процента и б) курсов твердоходных фондовых бумаг. Так как курс твердоходных бумаг менее подвержен случайным колебаниям и лучше отражает влияние длительно действующих факторов, то я воспользуюсь здесь лишь данными о курсе государственных фондовых бумаг, а именно: о курсе француз-

¹ Отметим, что по Англии имеется несколько вершин кривой индекса, лежащих почти на той же высоте. Вершины эти приходятся на 1799, 1805, 1810 и 1814 гг.; но так как именно после 1814 г. наблюдается определенная тенденция понижения цен, то ее я и беру как момент перелома. См. Silberling N.G. Op. cit. P. 231.

ской ренты¹ и английской консоли² (см. диаграммы № 2 и 3). Эти диаграммы построены следующим образом. Курсы ренты и консоли за рассматриваемый период обнаруживают вековую тенденцию. В движении курса ренты она исключена при помощи прямой, и на диаграмму нанесены как эмпирические отклонения от прямой, так и отклонения, сглаженные по методу 9-летней подвижной средней. В движении курса консоли вековая тенденция исключена при помощи параболы третьего порядка, и на диаграмму нанесены как эмпирические отклонения, так и отклонения, сглаженные по тому же методу.

Природа курса твердодоходных бумаг, как известно, такова, что он поднимается в период падения и падает в период подъема конъюнктуры и процента на капитал. Отсюда ясно, что если в колебаниях процента большие циклы существуют, то движение курса бумаг должно быть обратным движению товарных цен. Это мы и наблюдаем на диаграмме. Из приведенной диаграммы ясно видно наличие больших циклов в движении курса, а следовательно, и процента на капитал. На диаграмму нанесены данные лишь после наполеоновских войн, т.е. приблизительно с момента, когда первый большой цикл товарных цен достиг своего максимума. На диаграмме поэтому не показан период восходящей волны первого цикла. Однако по имеющимся данным можно полагать, что эта волна имела место и в курсах государственных фондовых бумаг.

Действительно, курс английской консоли с 1792 по 1813 г. обнаруживает определенную понижающую тенденцию. В 1792 г. он стоит на уровне 90.04, а в 1813 г. — 58.81. И хотя курс консоли наиболее резко падает в 1797 и 1798 гг., тем не менее это падение эпизодично и общая понижающая тенденция курса с 1792 по 1813 г. выступает с полной отчетливостью.

Принимая во внимание сказанное, можно утверждать, что период с начала 90-х гг. XVIII в. до 1813 г. является периодом восходящей волны процента на капитал, что стоит в полной

¹ До 1825 г. взят курс 5% ренты, с 1825 г. — 3% ренты. Чтобы сомкнуть ряды данных о той и другой ренте, мы перевели их предварительно в относительные величины, взяв за базис для каждой период 1825–1830 гг., и затем сомкнули полученные индексы. Далее, для сравнимости с кривой цен сомкнутый ряд относительных величин курса ренты был перечислен к базе за 1901–1910 гг. Первоначальные данные взяты из "Annuaire Statistique" за 1922 г.

² По данным: Page W. Commerce and industry // Statistical tables. Vol. II. L., 1919. P. 224–225 и "Annuaire Statistique" за 1922 г. Данные приведены в относительных величинах. Базисом взяты данные за период 1901–1910 гг.

Курс ренты (Франция)
1901-1910 = 100

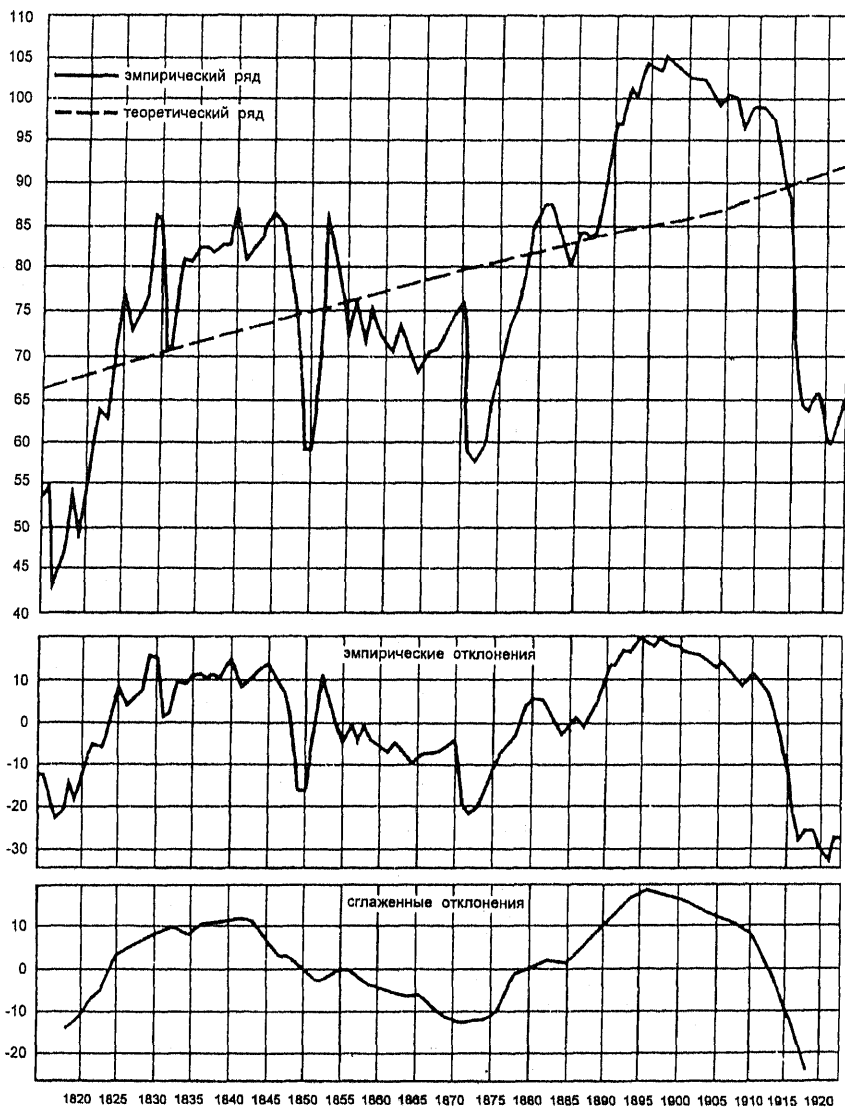

Диаграмма № 2

Курс консоли (Англия)

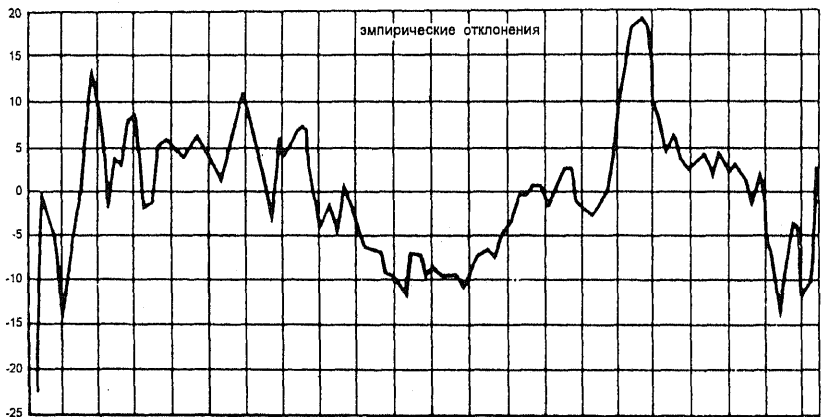
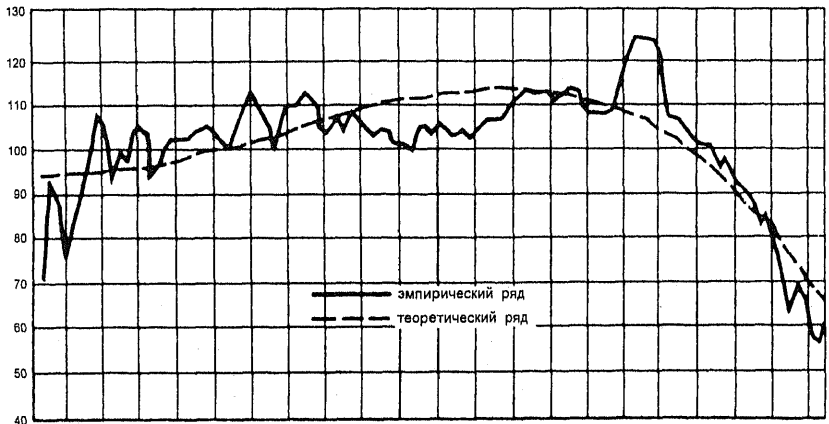

Диаграмма № 3

аналогии с повышательной волной товарных цен за тот же период.

Начиная с 1813 г.¹, наблюдается повышательная волна курсов или понижательная волна процента, которая достигает предела к половине 40-х гг. По несглаженным данным максимум для консоли падает на 1844 г., а для ренты на 1845 г.

Так заканчивается первый большой цикл движения процента на капитал.

Понижательная волна курса или повышательная волна процента второго цикла идет от 1844–45 гг. до начала 70-х гг. до 1870–1874 гг.² С этого времени до 1897 г. курс бумаг вновь повышается, следовательно, процент падает.

Так заканчивается второй большой цикл. С 1897 г. вновь идет падение курса бумаг и повышение процента до 1921 г. Таким образом, наличие больших циклов в движении процента на капитал выступает с полной ясностью. Периоды этих циклов весьма близко совпадают с соответствующими периодами движения товарных цен.

7

Перехожу к *номинальной заработной плате*. Я взял для исследования недельную заработную плату рабочих хлопчатобумажной промышленности с 1806 г.³ и сельскохозяйственных рабочих с 1789 г.⁴ по Англии. Так как данные о заработной плате сельскохозяйственных рабочих до 50-х гг. в сводке проф. А.Л. Боули имеются лишь в относительных величинах с базой на 1892 г., то и другие данные о заработной плате по Англии были переведены в форму индекса с базой на 1892 г. Все данные исчислены в золотой валюте (см. диаграммы № 4, 5).

¹ На диаграмме начальные годы исчезли в силу сглаживания по методу 9-летней подвижной средней.

² По первоначальным несглаженным данным минимальный курс консоли падает, собственно, на 1866 г., однако основная понижательная тенденция его сохраняется до 1874 г. Резкое падение курса в 1866 г. стоит в связи с повышением процента перед денежным кризисом 1866 г. и в связи с австро-прусской войной.

³ С 1806 по 1906 г. данные взяты из: Wood G.H. The History of Wages in the cotton trade. L., 1910. P. 127–128. С 1906 г. данные продолжены на основании "Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom".

⁴ С 1789 по 1896 г. данные: Bowley A.L. The statistics of Wages in the United Kingdom during the last hundred years. Part IV. Agricultural Wages // Journal of the Royal Statistical Society. 1899. Vol. 62. Sept. P. 555, 556. С 1896 г. данные продолжены по работе: Page W. Op. cit. Данные относятся к Англии и Уэльсу.

Годовая заработная плата сельскохозяйственных рабочих (Англия)
1892 г. = 100

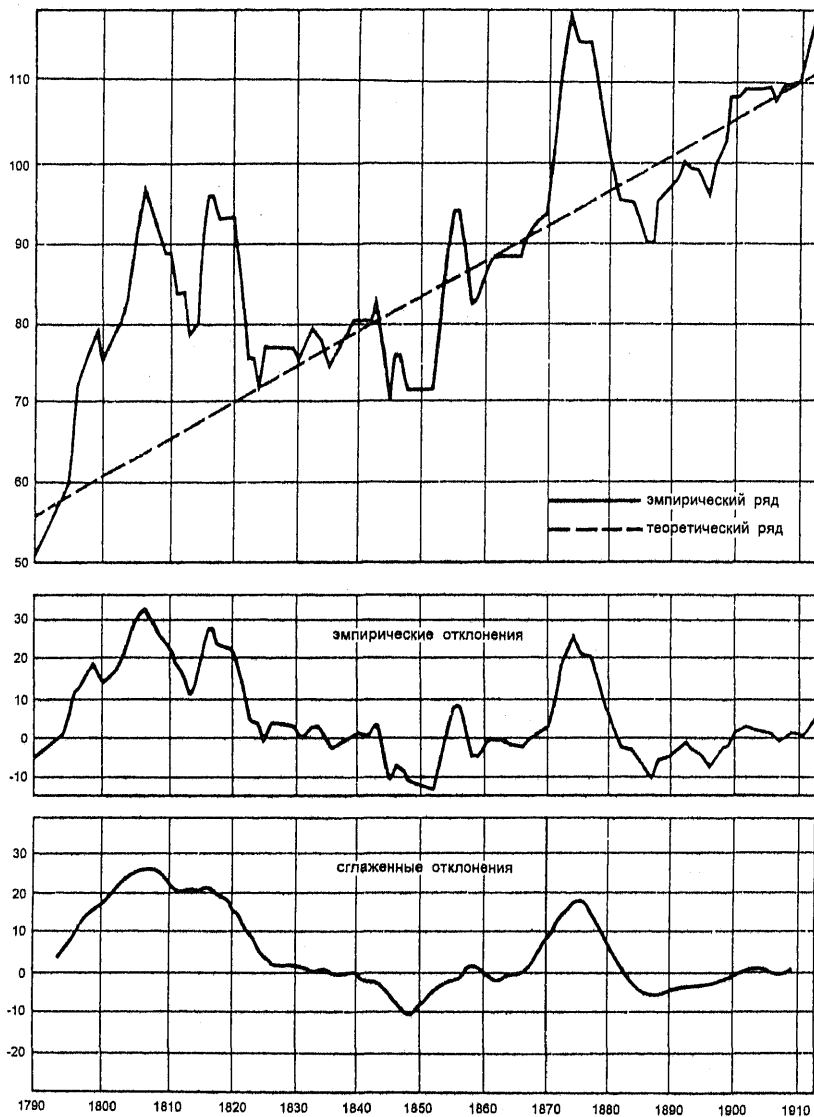

Диаграмма № 4

**Недельная заработная плата рабочих
в хлопчатобумажной промышленности (Англия)
1892 г. = 100**

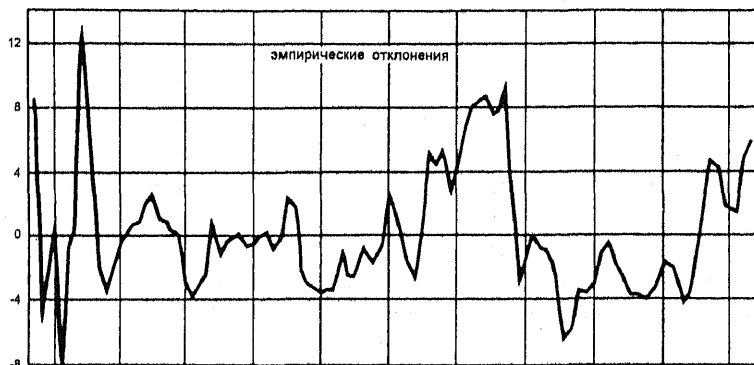
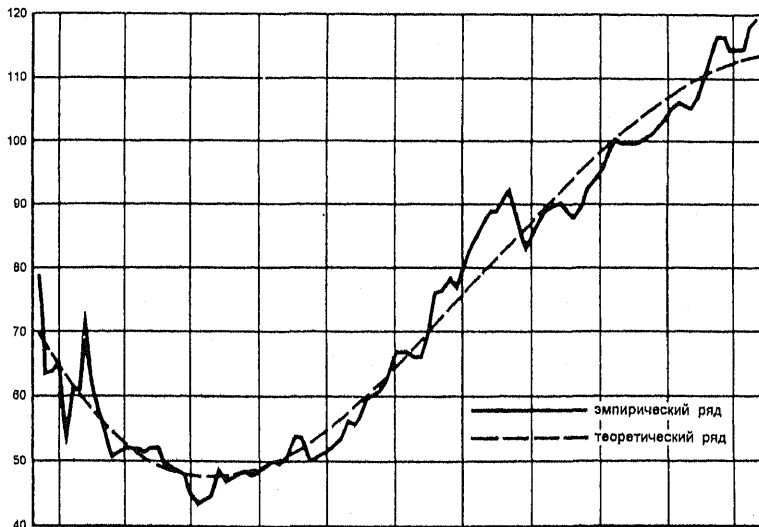

Диаграмма № 5

На диаграммы нанесены эмпирические ряды, вековые тенденции, эмпирические отклонения от теоретического ряда и те же отклонения, сглаженные по методу 9-летней подвижной средней. Из диаграммы видно, что с 90-х гг. XVIII в. [темп движения] заработной платы повышается и достигает максимума в период 1805–1817 гг.: причем по всем имеющимся данным вероятный действительный максимум его падает около периода 1812–1817 гг. Достигнув максимума, темп движения заработной платы понижается до конца 40-х — начала 50-х гг. XIX в. Здесь кончается первый большой цикл ее.

С конца 40-х — начала 50-х гг. наблюдается ускоренный рост заработной платы до 1873–1876 гг. Затем следует вновь ослабление темпа ее роста до 1888–1895 гг. Здесь кончается второй цикл.

Затем вновь обнаруживается ускорение роста заработной платы, продолжающееся, по имеющимся данным, до 1920–1921 гг.

Таким образом, несмотря на всю скудость материалов о заработной плате, в ее движении наблюдается несомненное существование больших циклов, причем их периоды достаточно близко совпадают с периодами циклов в товарных ценах и проценте на капитал.

8

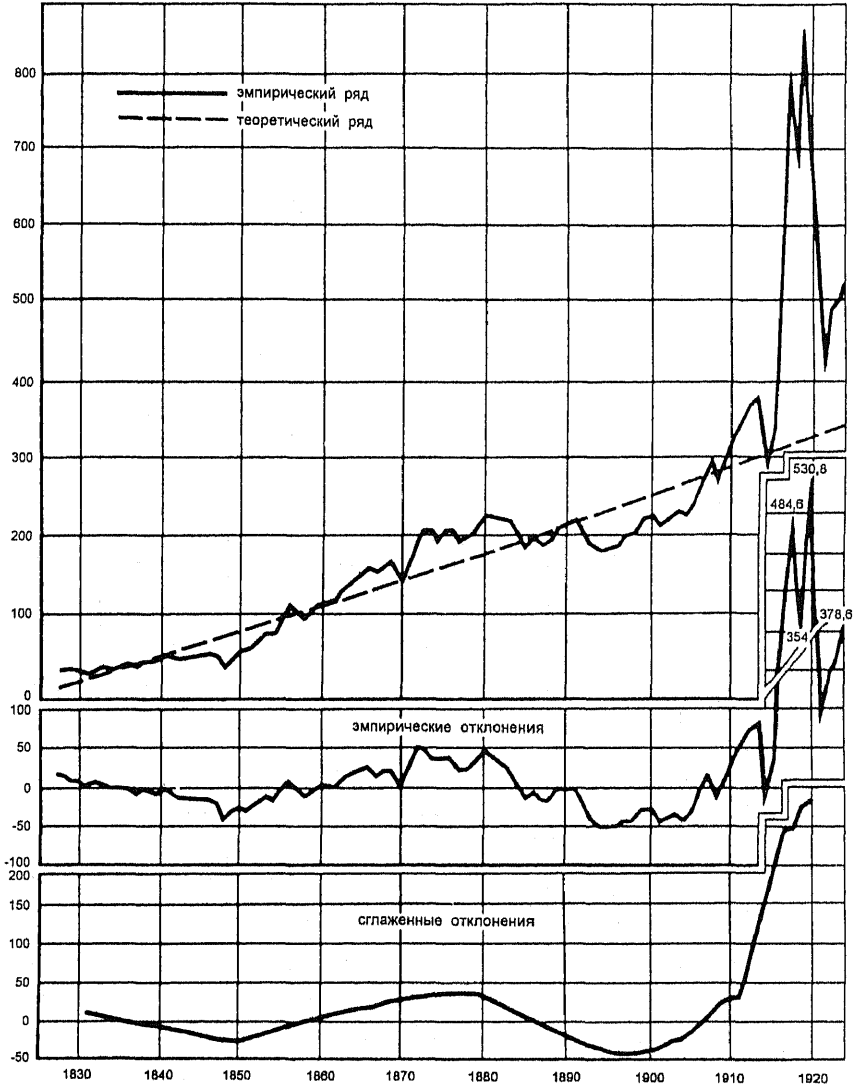
Возьмем *обороты внешней торговли*. Для изучения больших циклов в области торговли мы берем сумму экспорта и импорта без реэкспорта по Англии¹ и Франции². Первоначальные данные были разделены на количество населения. Вековое движение полученных рядов было исключено. Анализу подвергнуты отклонения от теоретических кривых. Первоначальные данные, теоретический уровень их, эмпирические отклонения от него и отклонения, сглаженные по методу 9-летней подвижной средней, нанесены на диаграммы № 6 и 7.

Из этих диаграмм мы не можем судить о характере движения кривой с конца XVIII в., т.е. о повышательной волне первого изучаемого большого цикла, так как приводимые данные начинаются лишь с начала XIX в.

¹ По данным, приведенным: Page W. Op. cit.; Bouniatian M. Geschichte der Handelskrisen in England und Zusammenhang mit der Entwicklung des englischen Wirtschaftslebens 1640–1840. Munchen, 1908. S. 308, 309.

² По данным "Annuaire Statistique".

Оборот внешней торговли (Франция)
на 1000 душ населения в 1000 франков

Диagramма № 6

Оборот внешней торговли (Англия)
на 1000 душ населения в 1000 фунтов стерлингов

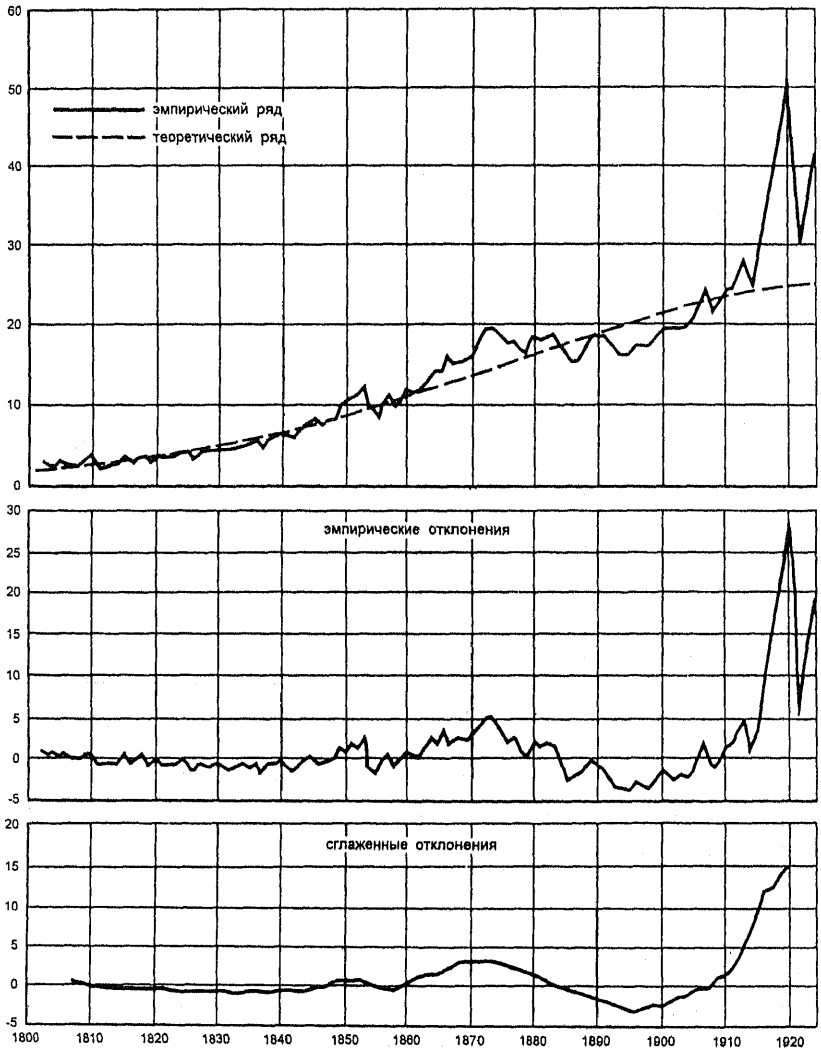

Диаграмма № 7

Но понижающая волна первого цикла на диаграммах выявлена вполне отчетливо. К сожалению, по той причине, что данные начинаются лишь с начала XIX в. в силу свойств применяемого метода¹, мы не можем точно судить о начальном моменте перелома кривой к понижению. По несглаженной кривой для Англии можно думать, что этот перелом приходится, по-видимому, на период 1810–1815 гг.

Конец понижающей и начало повышающей волны по Франции приходится по несглаженной кривой на 1848 г. По Англии этот конец выявлен менее рельефно. По несглаженной кривой здесь имеют место три минимума: один в 1837 г., другой в 1842 г. и третий в 1855 г. Между вторым и третьим из них, преимущественно с 1849 г., лежит период повышения кривой до 1853 г. Оно обязано, по-видимому, воздействию главным образом двух причин — отмене хлебных пошлин (1849 г.) и европейской революции на континенте. Равным образом резкое понижение кривой в 1853–1855 гг. связано с Крымской войной, в которой участвовала и Англия. Как бы то ни было, момент перелома этой понижающей волны в темпе развития внешней торговли Англии выявляется не вполне отчетливо.

Но во всяком случае из диаграмм ясно, что по Англии с конца 30-х или с начала 50-х гг., а по Франции с конца 40-х гг. в темпе роста внешней торговли идет повышающая волна, которая заканчивается по несглаженным данным в 1872–1873 гг. С этого момента в той и другой стране обнаруживается вторая понижающая волна, которая кончается в 1894–1896 гг. По ее окончании наблюдается новая повышающая волна до мировой войны.

Таким образом, и данные о внешней торговле достаточно убедительно обнаруживают два больших цикла, причем периоды этих циклов (за изъятием отмеченной особенности по Англии в 30–50-х гг. XIX в.) близко соответствуют периодам циклов, обнаруженных на других данных.

9

Перехожу теперь к анализу *добычи и потребления угля, а также производства чугуна и свинца*. До сих пор мы рассматривали динамику или чисто ценностных (цены, процент на

¹ Меньшая точность показаний кривой на ее концах.

капитал, заработная плата), или смешанных показателей (торговля). Однако работа была бы лишена значительной доли убедительности, если бы я ограничился рассмотрением указанных элементов. Необходимо проанализировать динамику чисто натуральных элементов.

Для анализа я беру добычу угля в Англии¹ и потребление его во Франции², а также производство чугуна и свинца в Англии³. При обработке первоначальные данные были разделены на количество населения. Вековое движение из полученных рядов было исключено.

Для анализа взяты отклонения от теоретических кривых, сглаженные по методу 9-летней подвижной средней. Все данные нанесены на диаграммы № 8 и 9.

К сожалению, непрерывные данные о продукции взятых товаров и о потреблении угля имеются лишь за период с 30-х гг. и даже с 50-х гг. XIX в. Поэтому они позволяют выявить не более чем полтора-два больших цикла. Но, обращаясь к диаграммам, мы видим, что все же большие циклы выявлены ими с полной отчетливостью.

До конца 40-х гг. наблюдается замедление в темпе роста потребления угля. С конца 40-х гг. темп этот повышается и достигает максимума по сглаженной кривой (на диаграмме) в 1865 г., а по несглаженной в 1873 г. В 1873 г. по несглаженной кривой дает максимум и добыча угля в Англии. Далее следует понижательная волна, заканчивающаяся в период 1890–1894 гг. Затем вновь наблюдается длительный подъем. Таким образом, на данных о динамике темпа добычи и потребления угля мы отчетливо наблюдаем почти два больших цикла. Периоды их вполне корреспондируют периодам таких же циклов в динамике других элементов, рассмотренных выше.

Равным образом достаточно отчетливо даны полтора больших цикла на диаграммах № 10 и 11, где нанесены кривые темпа производства чугуна и свинца в Англии, их уровень, эмпирические и сглаженные отклонения от уровня.

¹ По данным: Page W. Op. cit.

² По данным: *Annuaire Statistique*. Vol. 28. 1908; *Ibid*. Vol. 38. 1922.

³ *British and Foreign trade and Industry: Statistical tables and charts relating to British and foreign trade and industry (1854–1908)*. L., 1909; *Statistical Abstract of the United States: 1923*. N 45th. Wash., 1923.

Добыча угля (Англия)
в тоннах на 1000 душ населения

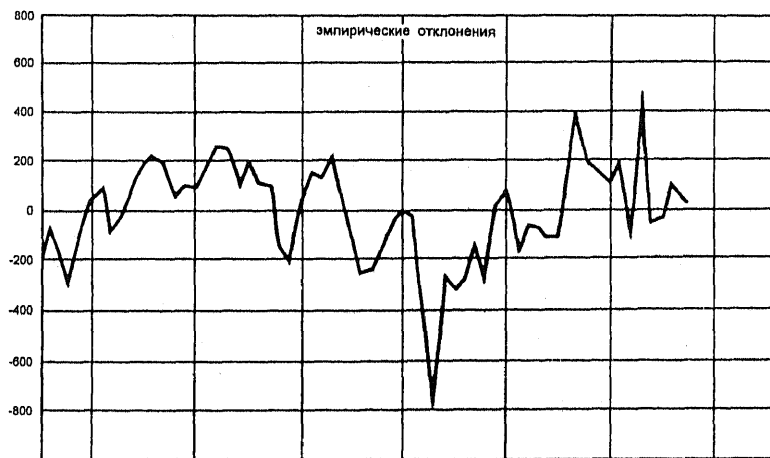
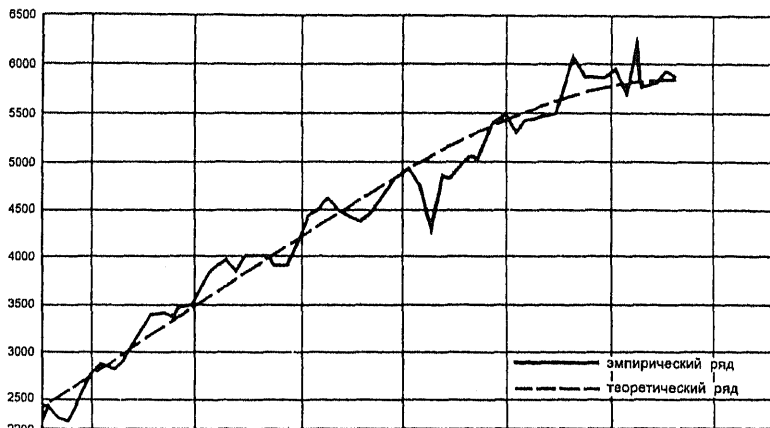
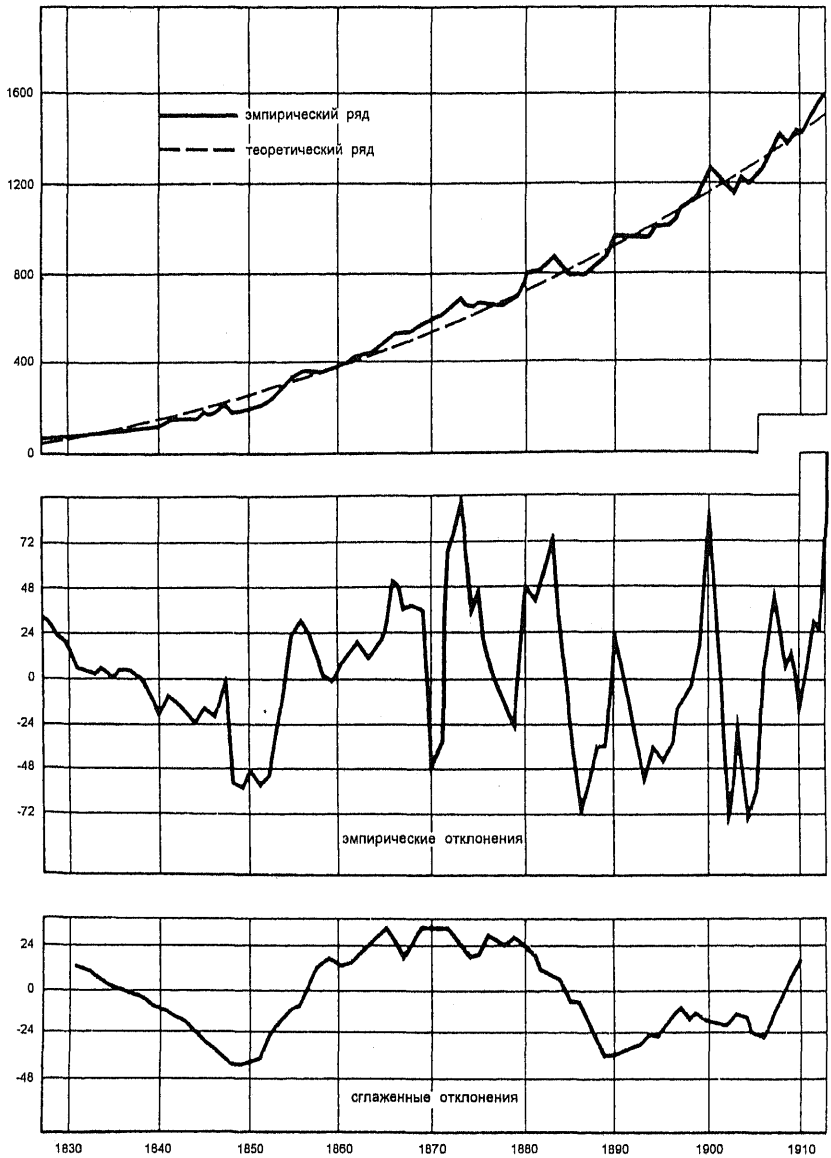

Диаграмма № 8

Потребление минерального топлива (Франция)
на 1000 душ населения

Диграмма № 9

Производство свинца (Англия)
в тоннах на 1000 душ населения

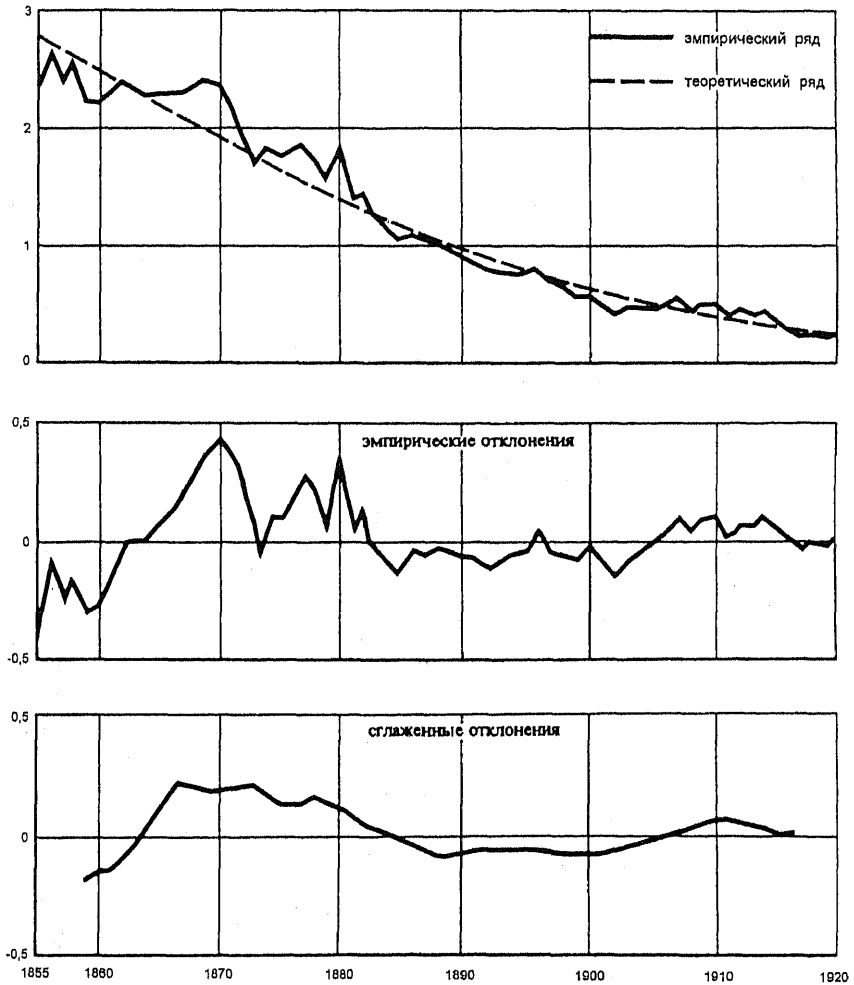

Диаграмма № 10

Производство чугуна (Англия)
в тоннах на 1000 душ населения

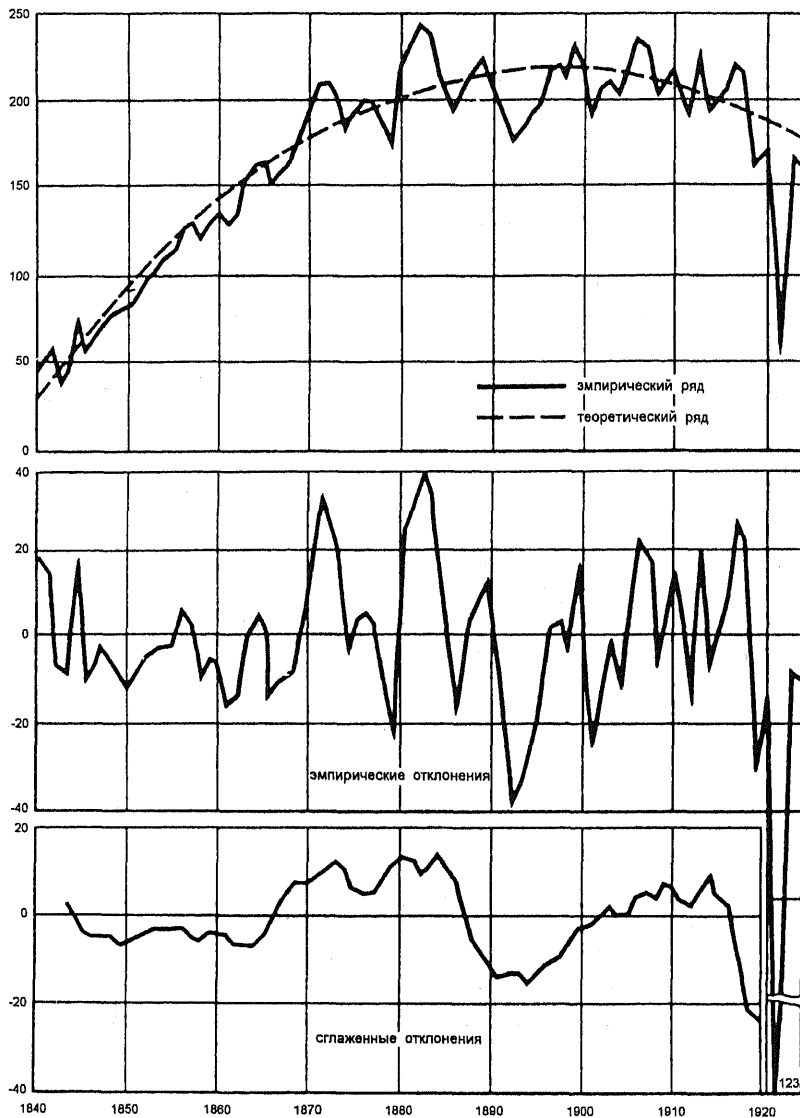

Диаграмма № 11

На этом в целях краткости я закончу систематический анализ больших циклов в динамике отдельных элементов. Отмечу, однако, что нами были изучены и некоторые другие данные. При этом ряд из них равным образом обнаруживает наличие больших циклов приблизительно по тем же периодам, какие были найдены в разобранных выше данных, хотя некоторые из них и не обнаруживают их с такой отчетливостью, как данные, рассмотренные выше.

Так, из ценностных элементов эти циклы обнаружили портфель Французского банка и вклады в сберегательные кассы Франции. Из элементов смешанного, ценностно-натурального характера эти циклы обнаружили взятые отдельно французский и английский импорт и экспорт. В динамике показателей натурального характера эти циклы констатированы для добычи угля в САСШ, Германии и для мировой, для производства чугуна — мирового и в САСШ, для производства свинца и стали в САСШ, для количества веретен хлопчатобумажной промышленности в САСШ, для посевных площадей хлопка в САСШ и овса во Франции.

Наоборот, больших циклов нам совершенно не удалось обнаружить в динамике потребления хлопка во Франции, в производстве шерсти и сахара в САСШ и в динамике некоторых других элементов.

11

Из предыдущего изложения можно сделать следующие выводы.

1. Динамика изученных элементов обнаруживает большие циклы.

2. В отношении тех элементов, динамика которых за рассмотренный период не обнаруживает определенной или резко выраженной тенденции роста или падения (*Secular trend*), как, например, цены, эти циклы проявляются в волнообразной смене их уровня. В отношении же тех элементов, динамика которых такую тенденцию обнаруживает, циклы эти проявляются в волнообразной смене темпа развития этой тенденции.

3. Большие циклы отдельных изученных элементов более или менее совпадают во времени, хотя и не вполне. Это наглядно

видно из сводной табл. 1, где нанесены результаты изучения не только рассмотренных выше элементов, но и некоторые другие¹.

I.	1. Повышательная волна первого цикла — с конца 80-х — начала 90-х гг. XVIII в. до периода 1810–1817 гг.2. Понижательная волна первого цикла — с периода 1810–1817 гг. до периода 1844–1851 гг.
II.	1. Повышательная волна второго цикла — с периода 1844–1855 гг. до периода 1870–1875 гг.2. Понижательная волна второго цикла — с периода 1870–1875 гг. до периода 1890–1896 гг.
III.	1. Повышательная волна третьего цикла — с периода 1891–1896 гг. до периода 1914–1920 гг.2. Вероятная понижательная волна третьего цикла — с периода 1914–1920 гг.

Просмотр таблицы убеждает, что в циклах динамики приведенных элементов по отдельным странам, несмотря на всю трудность обработки этих данных, существует весьма близкое соответствие во времени. Отклонений от наиболее общего правила расположения циклов очень немного. И было бы, конечно, более удивительно и странно отсутствие этих исключений, чем их наличие.

4. Считая пока невозможным определить совершенно точно годы перелома в развитии больших циклов и учитывая неточность определения моментов таких переломов (на 5–7 лет), проистекающую из самого метода анализа данных, можно все же наметить следующие наиболее вероятные границы больших циклов.

5. Конечно, факт существования больших циклов в динамике изученных элементов еще не говорит с необходимостью о том, что такие циклы существуют и в динамике всех других здесь не рассмотренных элементов. Решение вопросов о том, какие из них обнаруживают эту цикличность, является задачей дальнейшего специального исследования. В своем исследовании, как отмечено выше, я обнаружил и такие элементы, в динамике

¹ Максимумы и минимумы указаны в таблице по несглаженному ряду. Однако вопрос о методе определения максимумов и минимумов заслуживал бы специального анализа. Но мы оставляем его пока открытым. В силу этого годы переломов, указанные в нижеприводимой таблице, мы считаем лишь наиболее вероятными и близкими к действительным.

Т а б л и ц а 1

Страны и элементы	Первый цикл		Второй цикл		Третий цикл		
	начало подъема	начало падения	начало подъема	начало падения	начало подъема	начало падения	
Франция							
1	Цены	—	—	—	1873	1896	1920
2	Процент на капитал	—	1816 ¹	1844	1872	1894	1921
3	Портфель Банка	—	1810 ¹	1851	1873	1902	1914
4	Вклады в сберегательные кассы ²	—	—	1844	1874	1892	—
5	Заработная плата рабочих каменноугольной пром-ти	—	—	1849	1874	1895	—
6	Ввоз	—	—	1848	1880	1896	1920
7	Вывоз	—	—	1848	1872	1894	1914
8	Общий оборот внешней торговли	—	—	1848	1872	1896	1920
9	Потребление угля	—	—	1849	1873	1896	1914
10	Посевная площадь овса ²	—	—	1850 ¹	1875	1892	1915
Англия							
1	Цены	1789	1814	1849	1873	1896	1920
2	Процент на капитал	1790	1816	1844	1874	1897	1920
3	Заработная плата сельскохозяйственных рабочих	—	1812	—	—	—	—
4	Заработная плата текстильных рабочих	1790	1817	1844	1875	1889	1921
5	Оборот внешней торговли	—	1810 ¹	1850	1874	1890	1921
6	Добыча угля	—	1810 ¹	1842 ³	1873	1894	1920
7	Производство чугуна	—	—	1850 ¹	1873	1893	1914
8	Производство свинца	—	—	—	1871 ⁴	1891	1918
САСШ							
1	Цены	1790	1814	1849	1866	1896	1920
2	Производство чугуна	—	—	—	1875—1880	1900	1920
3	Добыча каменного угля	—	—	—	1873	1896	1918
4	Площадь под хлопком	—	—	—	1874—1881	1892—1895	1914
Германия							
1	Добыча угля	—	—	—	1873	1895	1915
Мировое⁶							
1	Производство чугуна	—	—	—	1872 ⁵	1894	1918
2	Добыча угля	—	—	—	1873	1896	1914

¹ Даты приблизительные.² Циклы обратные.³ Другие минимумы в 1837 и 1855 гг.⁴ Другой максимум в 1881 г.⁵ Другой максимум в 1882 г.⁶ При обработке мировых данных деление на количество населения не производилось.

которых больших циклов нет. Однако признание существования больших циклов вовсе не предполагает, что они абсолютно всеобщы и обнаруживаются в динамике всех элементов.

6. Установленные выше большие циклы важнейших элементов экономической жизни имеют международный характер, причем в отношении европейских капиталистических стран периоды этих циклов близко совпадают. На основании приведенных данных можно утверждать, что последнее положение имеет силу и для САСШ. Однако это не мешает думать, что в динамике развития капитализма этой страны, и в частности в периодах колебания ее динамики, имеются и свои особенности.

12

Предыдущие выводы получены на основании анализа статистических кривых, отображающих динамику отдельных элементов хозяйственно-капиталистической жизни. Мы хорошо сознаем, что рассмотрения только этих кривых недостаточно для того, чтобы вполне установить существование больших циклов. Чтобы сделать выводы из анализа кривых более убедительными, чтобы не стать при этом анализе жертвой какого-либо дефекта статистического метода, особенно за наиболее ранний период, необходимо также изучить развитие капитализма в его конкретных чертах и не только на основании цифр, но и на основании описательных данных. В меру возможности мы такую работу произвели, и она лишь укрепила наши выводы, изложенные выше. Однако в данном докладе я не могу входить в изложение этих дополнительных данных историко-описательного характера.

Не входя в изложение упомянутого дополнительного материала, мы считаем тем не менее необходимым отметить в развитии больших циклов *четыре эмпирические правильности*, которые можно установить при более или менее внимательном изучении конкретного хода развития экономической жизни и которые мы считаем чрезвычайно важными не только для характеристики больших циклов, но и для их понимания.

Первая эмпирическая правильность сводится к следующему. Перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале ее наблюдаются значительные изменения в основных условиях хозяйственной жизни общества. Эти изменения обычно выражаются (в той или иной комбинации) в глубоких изменениях техники производства и обмена (которым

в свою очередь предшествуют значительные технические изобретения и открытия), в изменении условий денежного обращения, в усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни и т.д.

Несомненно, что указанные изменения в той или иной степени совершаются непрерывно и их можно наблюдать на протяжении всей истории капитализма. Но, по-видимому, они протекают неравномерно и наиболее интенсивно выражены именно перед началом повышательных волн больших циклов и в начале их.

Так, обращаясь к первому циклу, нужно отметить, что повышательная волна его начинается в разгар промышленной революции и глубоких изменений в производственных отношениях, прежде всего Англии, в меньшей степени Франции и др. стран. Промышленная революция охватила почти все основные отрасли промышленности — прядильную и ткацкую, химическую и металлургическую и др. Она сказалась также и на технике путей сообщения.

Но промышленной революции предшествует и ей сопутствует ряд значительных технических изобретений, более многочисленных и важных, чем в обычное время. Этот период охватывает время приблизительно с 1764 по 1795 г. Многие из этих изобретений являются новыми. Некоторые из них являются значительным усовершенствованием более ранних.

В вопросе о технических изобретениях необходимо различать момент их появления и момент приложения их на практике. Если период значительных изобретений начинается с середины 60-х гг. XVIII в., то преимущественно после 70-х гг., в 80-х гг. и позже эти технические изобретения находят широкое практическое применение и производят действительную промышленную революцию.

До сих пор мы говорили об изменениях исключительно в сфере техники и условий производства.

Однако начало повышательной волны первого цикла сопровождается не только глубокими изменениями в условиях техники. С 90-х гг. XVIII в. наблюдается первый значительный шаг к выступлению САСШ на мировом рынке, следовательно, наблюдается значительное расширение его орбиты.

Началу повышательной волны второго большого цикла равным образом предшествует ряд крупнейших технических изобретений. Среди них можно указать: значительное усовершенствование паровоза (1824 г.), изобретение турбины (1824—1827), начало использования портландского цемента (1824),

начало добычи чилийской селитры (1830), конструирование жнейки (1831), построение первого автомобиля (1831), открытие индукции (Фарадей, 1832), открытие гальванопластики (Якоби, 1833), изобретение электрической лодки (1834), изобретение электромагнитного телеграфа (1832), телеграфа Морзе (1837), постройка первого колесного парохода (1836), изобретение обжигательных печей, действующих генераторным газом (1838), изобретение парового насоса (1840), парового молота (1842), изобретение ротационного пресса (1846), введение процесса бурения с постоянным током воды высокого давления (1846), изобретение швейной машины (1847), устройство кабеля (1848).

Многие указанные усовершенствования техники и новые технические изобретения с соответствующим запозданием были широко использованы промышленностью. После появления необходимых экономических условий они повели к формированию новых отраслей промышленности. В различных существующих отраслях они привели к улучшению методов производства. Особенно глубокую революцию они произвели в области средств сообщения. Как известно, в САСШ, Англии и Франции с 30–40-х гг. XIX в. мы наблюдаем бурный рост железнодорожного и водного транспорта.

Таким образом, и перед началом повышательной волны второго большого цикла мы наблюдаем полосу значительных изменений в области техники производства и транспорта.

Но эти изменения сопровождаются еще двумя крупными явлениями.

Во-первых, — и это стоит, несомненно, в связи с развитием морского транспорта, — с конца 30-х гг. намечается второй после конца XVIII в. этап в усилении роли САСШ на мировом рынке.

Во-вторых, с конца 40-х — начала 50-х гг. после открытия золотых россыпей в Калифорнии и Австралии (1847–1851) значительно возрастает добыча золота.

Таковы важнейшие изменения в условиях хозяйственной жизни перед началом повышательной волны второго цикла и в начале ее.

Повышательной волне третьего большого цикла равным образом предшествуют крупнейшие изменения в условиях хозяйственной жизни, и прежде всего в области техники.

В связи с бурным прогрессом естествознания с 70-х гг. XIX в. наблюдается полоса значительных изобретений в области техни-

ки, особенно в области электротехники. Среди технических изобретений можно указать как главнейшие: динамомашину постоянного тока Грамма (1870), вакуум-насос Шпренгеля (1875), машину для получения аммиака (1875), сверлильный станок (1875), газовый мотор (1876), электропередачу с постоянным током (1877), электрический телефон (1877), Томасов метод производства стали (1878), воздушный тормоз Вестингауза (1879), электрический локомотив Сименса (1878), открытие азотисто-водородной кислоты (1880), электрическую железную дорогу (1880), электрическую сварку и ковку (1881–1889), электрический трамвай (1881), трансформаторы (1882), бездымный порох (1884), первый удачный дирижабль Ренара и Кредса (1884), бензиновые двигатели (1885), электрический подъемник (1887), электропередачу переменного тока (1891), электроплавку (1892), беспроводный телеграф (1892), мотор Дизеля (1893), аэропланы (1895), сдвоенную паровую машину (1898 г.).

Эти успехи техники 70–90-х гг. прошлого века скоро нашли широкое применение в промышленной практике. Особенно глубокий переворот, своего рода новая промышленная революция, наблюдается в области химической и электрической промышленности. Применение электричества с 90-х гг. пошло быстрыми шагами вперед и привело к перевороту в моторной технике, в области силовых и рабочих машин, в области техники освещения и связи. И как широкое применение пара в первой половине XIX в. совпало с началом общего повышения темпа хозяйственной жизни, так широкое применение электричества и химических знаний совпало с началом нового периода повышения темпа хозяйственного развития.

Однако начало повышательной волны 3-го большого цикла совпадает не только с указанными успехами естествознания и техники производства, а также еще с тремя крупными изменениями в условиях развития хозяйственной жизни.

Здесь относится, во-первых, увеличение добычи золота с середины 80-х и особенно с 90-х гг.

Во-вторых, установление в 70-х–90-х гг. золотого денежного обращения в целом ряде стран (Германия, Швеция, Норвегия, Нидерланды, Россия, Австро-Венгрия, Япония, САСШ).

Наконец, в-третьих, широкое вовлечение в мировые экономические отношения стран молодой культуры (Австралия, Аргентина, Чили, Канада и др.).

Таким образом, из приведенных выше данных можно заключить о существовании следующей эмпирической правильности. *В течение примерно двух десятилетий перед началом повышательной волны большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений. Перед началом и в самом начале повышательной волны наблюдается широкое применение этих изобретений в сфере промышленной практики, связанное с реорганизацией производственных отношений. Начало больших циклов обычно совпадает с расширением орбиты мировых экономических связей. Началу двух последних циклов предшествуют, наконец, серьезные изменения в добыче драгоценных металлов и в денежном обращении.*

Констатируя эту правильность, мы, однако, во-первых, подчеркиваем ее эмпирический характер: как таковая, она лишена точности и, несомненно, допускает исключения. Во-вторых, выдвигая ее, мы абсолютно не склонны думать, что здесь дано какое-либо объяснение причин больших циклов. Пока мы занимаемся вопросом не о причинах, а о характеристике хода больших циклов.

13

Обратимся ко второй эмпирической правильности. Эта правильность, по нашему мнению, сводится к следующему. Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн. Для краткости подтвердим эту мысль следующим простым перечнем исторических событий, который, однако, не претендует на исчерпывающую полноту¹.

I. Период повышательной волны первого большого цикла:

1) Провозглашение независимости САСШ и установление их конституции — 1783–1789 гг.; 2) французская революция 1789–1804 гг.; 3) первая военная коалиция против Франции и первый период наступательных войн Французской республики — 1793–1797 гг.; 4) война Франции с Англией (с 1793 по 1797 г. Англия участвует в коалиции) — 1793–1802 гг.; 5) вторая коалиция против Франции и второй период ее наступательных войн — 1798–1802 гг.; 6) военно-политические революции и реформы в

¹ Периоды циклов взяты в соответствии с периодами больших волн цен (см. выше).

Голландии, Италии, Швейцарии, Германии, Испании, Португалии и других странах под прямым воздействием Франции — 1794–1812 гг.; 7) война России с Турцией — 1806–1812 гг.; 8) второй раздел Польши — 1793 г.; 9) третий раздел Польши — 1795 г.; 10) третья коалиция против Франции — 1805 г.; 11) четвертая коалиция против Франции — 1806–1807 гг.; 12) континентальная блокада — 1807–1814 гг.; 13) восстания и войны в Испании и Италии с 1808 г.; 14) пятая коалиция против Франции — 1809–1810 гг.; 15) поход на Россию и отступление — 1812–1813 гг.; 16) испанская конституция — 1812 г.; 17) шестая коалиция против Франции и крушение империи Наполеона — 1813–1814 гг.; 18) временное возвышение Наполеона и окончательное поражение его в 1815 г.

II. Период понижительной волны первого большого цикла:

1) революционное возбуждение в Испании и провозглашение конституции 1812 г. — в 1820 г.; 2) революционное возбуждение в Италии (Карбонары) и подавление его реакционной коалицией европейских держав — 1820–1823 гг.; 3) война с Турцией 1828–1829 гг. в связи с борьбой за независимость Греции; 4) Июльская революция во Франции в 1830 г. и ее рецидивы в последующие годы (Париж, Лион) — 1830–1834 гг.; 5) движение чартистов в Англии — 1838–1848 гг.

III. Период повышательной волны второго большого цикла:

1) Февральская революция во Франции 1848 г.; 2) революционное движение в Италии и вмешательство иностранных сил — 1848–1849 гг.; 3) революционное движение в Германии — 1848–1849 гг.; 4) революционное движение в Австрии и Венгрии и подавление его в последней иностранным вмешательством — 1848–1849 гг.; 5) бонапартистский переворот во Франции 1851 г.; 6) Крымская война 1853–1856 гг.; 7) образование Румынии — 1859 г.; 8) война Австрии с Италией и Францией — 1858–1859 гг.; 9) национальное движение в Италии за ее объединение — 1859–1870 гг.; 10) национальное движение в Германии за ее объединение — 1862–1870 гг.; 11) гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки — 1861–1865 гг.; 12) восстание Герцеговины — 1861 г.; 13) война Пруссии и Австрии против Дании — 1864 г.; 14) война Австрии и южно-германских государств с Пруссией и Италией — 1866 г.; 15) освобождение Сербии — 1867 г.; 16) франко-прусская война 1870–1871 гг.; 17) революция в Париже, Парижская коммуна и ее подавление — 1870–1871 гг.; 18) образование Германской империи — 1870–1871 гг.

IV. Период понижательной волны второго большого цикла:

1) восстание Герцеговины против Турции — 1875 г.; 2) русско-турецкая война при вмешательстве Австрии — 1877–1878 гг.; 3) начало раздела Африки между европейскими империалистическими странами (Франция, Германия, Италия, Англия), сопровождающееся столкновениями с туземцами, — 1870–1890 гг.; 4) образование объединенной Болгарии — 1885 г.

V. Период повышательной волны третьего большого цикла:

1) столкновение Японии и Китая — 1895 г.; 2) война Турции с Грецией из-за Крита — 1897 г.; 3) испано-американская война 1898 г.; 4) англо-бурская война 1899–1902 гг.; 5) военная экспедиция великих держав в Китай — 1900 г.; 6) объявление Федерации Австралийской республики — 1901 г.; 7) русско-японская война — 1904–1905 гг.; 8) русская революция 1905 г.; 9) турецкая революция 1908 г.; 10) аннексия Боснии и Герцеговины — 1908 г.; 11) военная экспедиция Франции в Марокко и мароккский конфликт между Францией и Германией — 1907–1909 гг.; 12) военное столкновение Италии с Турцией из-за Триполи — 1911–1912 гг.; 13) первая Балканская война 1912–1913 г.; 14) вторая Балканская война 1913 г.; 15) новый переворот в Турции — 1913 г.; 16) китайская революция с 1911 г.; 17) мировая война 1914–1918 гг.; 18) русская революция в феврале 1917 г.; 19) Октябрьская революция в России, гражданская война и иностранная интервенция — 1917–1921 гг.; 20) революция в Германии — 1918–1919 гг.; 21) революция в Австро-Венгрии — 1918–1919 гг.; 22) переустройство карты Европы по Версальскому миру — 1918 г.

Из приведенного перечня видно, что на периоды повышательных волн больших циклов приходится наибольшее количество важнейших социальных потрясений, как революционных, так и военных. Но констатируя эту эмпирическую правильность, мы опять не устанавливаем какой-либо причинной зависимости явлений и не имеем в виду объяснения больших циклов.

14

Третья эмпирическая правильность, которая может быть констатирована в ходе больших циклов, заключается в том, что понижательные волны этих циклов сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства.

Факт сельскохозяйственной депрессии после наполеоновских войн, т.е. в период понижательной волны первого большого

цикла, исследован очень мало. Однако эта депрессия, несомненно, имела место. Во всяком случае в Англии она проявилась совершенно рельефно.

Сельскохозяйственная депрессия эта выразилась прежде всего в том, что абсолютный уровень цен сельскохозяйственных товаров резко понизился. Так, например, цена пшеницы, составлявшая за период 1796–1816 гг. в среднем 84 шилл. 4 пенса за квартал, несмотря на повышение защитительных ввозных пошлин, в среднем за период 1816–1845 гг. равнялась только 61 шилл. 2 пенсам за квартал. Аналогичное и даже более сильное падение наблюдается в ценах шерсти, льна, сахара и табака.

Но так как в этот период падали цены и промышленных товаров, то указанное понижение абсолютного уровня цен сельскохозяйственных товаров могло бы и не обозначать столь глубокой депрессии сельского хозяйства, если бы падение это не было более значительно, чем падение промышленных цен. Однако в действительности положение сельского хозяйства осложнялось именно тем, что цены важнейших сельскохозяйственных товаров падали относительно значительно, и, следовательно, покупательная сила этих товаров понижалась.

Несмотря на то что период с 1815 по 1849 г. был периодом повышения ввозных хлебных пошлин, тем не менее покупательная сила пшеницы, повышавшаяся до половины 10-х годов (точнее — до 1817 г.) и стоявшая в 1816–1820 гг. на уровне 116,2, затем, хотя и с колебаниями, понижается. Покупательная же сила шерсти и льна, где не было влияния протекционизма, падает чрезвычайно [см. табл. 2].

Т а б л и ц а 2

Движение цен в процентах к общему индексу

Годы	Пшеница	Шерсть	Лен
1816–1820	116,2	116,7	92,6
1821–1825	106,2	94,5	93,4
1826–1830	117,7	80,4	83,2
1831–1835	97,7	79,7	106,6
1836–1840	102,4	67,8	82,1

Факт существования сельскохозяйственной депрессии после наполеоновских войн доказывается также тенденциями измене-

ния земельной ренты. По исчислениям Томсона¹ рента на акр с начала XVIII в. повышалась в Англии до 1818 г.; в 1818 г. она равнялась 19 шилл. 4 пенсам на акр; в дальнейшем рента, хотя и с колебаниями, понижается до 1840 г.; в 1839 г. она составляла уже 18 шилл. 5 пенсов.

Наконец, реальность этой сельскохозяйственной депрессии подчеркивается тем фактом, что в это время английский парламент избирает ряд специальных комиссий по определению состояния сельского хозяйства и выработке мер против депрессии его. Эти комиссии работали в 1820, 1821, 1822, 1833 и 1836 гг. Комиссии собрали богатейшие материалы, рисуящие причины, формы и глубину сельскохозяйственной депрессии.

Но если сельскохозяйственная депрессия, приходящаяся на понижательный период первого цикла, мало исследована, то депрессия, приходящаяся на понижательный период второго большого цикла (с 70-х гг. прошлого века), исследована довольно подробно. Эта депрессия охватила почти все основные европейские страны и совершенно явственно сказалась в Северо-Американских Соединенных Штатах.

Факт этой депрессии выявляется также в падении как абсолютного уровня цен сельскохозяйственных товаров, преимущественно продуктов полеводства, так и в относительном падении их покупательной силы. По Англии это падение характеризуется следующими цифрами (см. табл. [3]).

Т а б л и ц а 3

Годы	Пшеница		Лен		Шерсть	
	Индекс	В процентах к общему индексу	Индекс	В процентах к общему индексу	Индекс	В процентах к общему индексу
1869-1877	108	105	97	101	113	104
1878-1886	83	93	64	90	89	108
1887-1895	68	79	57	91	70	99

Факт рассматриваемой депрессии проявился также и в падении земельной ренты. По указанному выше исследованию Том-

¹ Thomson R.J. An inquiry into the Rent of Agricultural Land in England and Wales during nineteenth Century // Journal of the Royal Statistical Society. 1907. Vol. LXX.

сона земельная рента с 28 шилл. 10 пенсов на акр в 1872–1874 гг. понизилась до 22 шилл. 10 пенсов к 1890–1892 гг.

Наконец, симптомом сельскохозяйственной депрессии и в данном случае является факт избрания в Англии специальных парламентских комиссий по выяснению причин депрессии и мер борьбы против нее. Первая комиссия (Richmond Commission) работала с 1879 по 1882 г. В 1893 г. была образована вторая комиссия по изучению сельскохозяйственной депрессии. В докладах, протоколах и других материалах этих комиссий собран подробнейший материал, выясняющий конкретные формы и условия возникновения и развития сельскохозяйственной депрессии.

Заканчивая данный раздел доклада, заметим, что после кризиса 1920 г., когда по всем данным капиталистический мир вступил в период понижательной волны третьего большого цикла, вновь обнаружилось признаки длящейся сельскохозяйственной депрессии. Она имеет место в европейских странах, но острее всего дает себя знать на этот раз в САСШ. Любопытно отметить, что развитие сельскохозяйственной депрессии застало и американцев, подобно в свое время англичанам, прибегнуть к образованию специальных комиссий по сельскохозяйственной депрессии. Первая комиссия была образована парламентом в 1921 г., вторая комиссия — в конце 1924 г.

15

Четвертая наблюдаемая правильность сводится к следующему. Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии. Средние циклы поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов. Но если это так, то ясно, что характер фазы большого цикла, на которую приходятся данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Действительно, если мы возьмем средние циклы, падающие на понижательный период большого цикла, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут ослабляться, а все понижательные тенденции их будут усиливаться общей понижательной волной большого цикла. Если, наоборот, мы возьмем средние циклы, падающие на повышательный период большого цикла, то будем наблюдать обратную картину. Отсюда — средние

циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов. Средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами.

Факты вполне подтверждают выставленные положения. По данным Шпитгофа мы имеем следующую картину¹ (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Периоды	Число лет подъема	Число лет депрессии
Понижательная волна большого цикла с 1822 по 1843 г.	9	12
Понижательная волна большого цикла с 1843 по 1874 г.	21	10
Понижательная волна большого цикла с 1874 по 1895 г.	6	15
Понижательная волна большого цикла с 1895 по 1912 г.	15	4

Отсюда легко видеть, что в период понижательных волн большого цикла закономерно преобладают годы депрессий, а в период повышательных волн большого цикла — годы подъемов. Известно, что после кризиса 1920 г. наблюдается длительное депрессивное состояние мирового хозяйства и подъемы конъюнктуры имеют неустойчивый характер. Это явление получает новое освещение, если признать существование закономерности больших циклов и допустить, что с 1920 г. мир вступил в понижательную волну третьего большого цикла.

16

Можно ли на основании всего предыдущего изложения считать, что существование больших циклов в динамике капиталистического хозяйства доказано? Данные, которые мы могли привести для решения этого вопроса, охватывают в некоторых

¹ См. Spiethoff A. Krisen//Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. 6, Jena, 1925. S. 8–91. Периоды циклов, которые берет Шпитгоф, не вполне совпадают с нашими. В частности, первая понижательная волна взята им не в полном объеме. Но все же периоды Шпитгофа весьма близки к нашим, и мы считаем возможным удовлетвориться его характеристикой.

случаях до 140 лет. На этот период приходится всего два с половиной закончившихся цикла. Очевидно, что если доступный нашему изучению отрезок времени и достаточен, чтобы решить вопрос о существовании больших волн конъюнктуры, то он не достаточен, чтобы с *полной категоричностью* признать и цикличность этих волн. Однако мы считаем имеющиеся данные достаточными, чтобы признать *большую вероятность* этой цикличности.

Основанием для такого утверждения являются не только рассмотренные выше фактические материалы, но и неубедительность возражений против признания цикличности больших волн в капиталистической динамике. Остановимся на этих возражениях.

Указывают, что большие волны конъюнктуры лишены той правильности, какую обнаруживают средние или промышленно-капиталистические циклы, связанные с кризисами. Однако это не так. Если, говоря о правильности, иметь в виду правильность повторения их во времени, то нужно признать, что большие волны до сих пор обнаруживались с меньшей правильностью, чем средние волны. Строгой периодичности в социально-экономических явлениях вообще нет. Нет ее и в средних волнах. Продолжительность средней волны колеблется, по крайней мере, от 7 до 11 лет, т.е. амплитуда колебания доходит в них до 57%. Продолжительность наблюдавшихся больших волн колеблется от 48 до 60 лет, т.е. дает амплитуду всего в 25%.

Если, говоря о правильности, иметь в виду солидарность и одновременность колебания различных элементов экономической жизни, то равным образом нужно признать, что у больших волн она имеется в той же степени, как и у средних волн.

Если, наконец, говоря о правильности, иметь в виду, что средние циклы проявляются в международном масштабе, то и в этом отношении большие волны не отличаются от средних циклов.

Таким образом, ясно, что в больших волнах имеет место не меньшая правильность, чем в средних волнах. И если последние мы согласны признать циклическими, то нет оснований не считать циклическими и большие волны.

Указывают, далее, иногда, что в то время как средние циклы вызываются внутренними причинами динамики капиталистического хозяйства, большие волны динамики вызываются случайными, привходящими условиями и событиями, например: 1) изменениями техники, 2) войнами и революциями, 3) вовлечением

новых территорий в орбиту мирового хозяйства и 4) колебаниями в добыче золота.

Эти соображения весьма существенны. Но тем не менее и они не состоятельны. Слабость их состоит в том, что они повертывают причинную связь и принимают следствие за причину, или видят случайность там, где имеет место закономерность. Мы сознательно остановились выше на установлении некоторых эмпирических правильностей в ходе больших циклов. Эти правильности помогут теперь критически разобраться в приведенных возражениях. Остановимся на них по пунктам.

1. Изменения в области техники, бесспорно, оказывают мощественное влияние на ход капиталистической динамики. Но никто не доказал, что эти изменения техники случайны и привходящи.

Изменения в области техники производства предполагают, как уже отмечалось выше, два условия: 1) наличие соответствующих научно-технических открытий и изобретений и 2) хозяйственные возможности применения этих открытий и изобретений на практике. Было бы, конечно, ошибкой отрицать в научно-технических открытиях и изобретениях элемент творчества. Но с научной точки зрения было бы еще большей ошибкой думать, что направление и интенсивность этих открытий и изобретений совершенно случайны. Неизмеримо вероятнее предположить, что направление и интенсивность научно-технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники¹.

Однако чтобы имело место действительное изменение техники производства, наличия научно-технических изобретений еще недостаточно. Научно-технические изобретения могут быть, но могут оставаться недейственными, пока не появятся необходимые экономические условия для их применения. Пример тому — факт научно-технических изобретений в XVII в. и в начале XVIII в., нашедших широкое применение лишь в эпоху промышленной революции конца XVIII в. Но если так, то очевидно, что

¹ Одним из лучших и бесспорных доводов в пользу того, что научные и научно-технические открытия и изобретения не случайны, а теснейшим образом связаны с запросами практики, в частности хозяйственной практики, служат многочисленные факты одновременного и независимого появления одних и тех же изобретений и открытий в различных местах. См. список таких случаев: Ogburn W.F. *Social Change with Respect to Culture and Original Nature*. N.Y., 1924.

исчезают основания думать о случайном и привходящем характере изменений техники. Мы видели, что самое развитие техники включено в ритмический процесс развития больших циклов.

2. Войны и революции равным образом не могут не иметь весьма глубокого влияния на ход хозяйственного развития. Но войны и революции не падают с неба и не рождаются по произволу отдельных лиц. Они возникают на почве реальных, и прежде всего экономических, условий. Если думать, что войны и революции являются привходящими толчками, порождающими большие волны экономической динамики, то в силу каких обстоятельств они сами располагаются последовательными пятнами по определенным периодам и как раз по периодам восходящих волн больших циклов, что было отмечено выше? Представляется гораздо более правдоподобным допустить, что самые войны возникают на почве повышения темпа и напряжения хозяйственной жизни, обострения экономической борьбы за рынки и сырье. Но такое напряжение хозяйственной жизни свойственно в особенности периодам повышающейся конъюнктуры. Представляется более правдоподобным также допустить, что и социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых хозяйственных сил.

Таким образом, и войны, и социальные потрясения включаются в ритмический процесс развития больших циклов и оказываются не исходными силами этого развития, а формой его проявления. Но раз возникнув, они, конечно, в свою очередь оказывают могущественное, иногда пертурбирующее влияние на темп и направление экономической динамики.

3. Что касается вовлечения новых территорий, то нам кажется совершенно очевидным, что это обстоятельство не может служить привходящим фактором, удовлетворительно объясняющим возникновение больших волн в динамике хозяйственного развития. Соединенные Штаты Северной Америки были известны относительно очень давно. Однако в орбиту мирового хозяйства они начинают вовлекаться особенно усиленно почему-то лишь с половины XIX в. Точно так же Аргентина и Канада, Австралия и Новая Зеландия были открыты не в конце XIX в. Однако в орбиту мирового хозяйства они вовлекаются особенно усиленно лишь с 90-х гг. прошлого века. Совершенно ясно, что при капитализме вовлечение в оборот новых территорий исторически происходит именно в периоды обострения нужды стран старой культуры в новых рынках сбыта и сырья. Совершенно ясно также, что пределы этого вовлечения определяются в меру указанной нужды. Но если так, то очевидно, что не при вхож-

дение новых стран является толчком для повышения конъюнктуры и начала больших волн ее, а, наоборот, повышение конъюнктуры, усиливая темп хозяйственной динамики капиталистических стран, приводит к необходимости и возможности использования новых стран, новых рынков сбыта и сырья.

4. Остается рассмотреть, можно ли считать привходящим случайным обстоятельством, обуславливающим наличие больших волн конъюнктуры, открытие новых россыпей золота, увеличение его добычи и в связи с этим увеличение количества денег.

Допустим, что увеличение добычи золота в конечном счете влияет на повышение цен и конъюнктуру. Но это ни в какой степени не обязывает признать верность тезиса, что изменения в добыче золота имеют привходящий случайный характер и, следовательно, такой же характер имеют порождаемые ими волны цен и конъюнктуры. Именно этот тезис мы считаем не только не доказанным, но и неверным.

В основе его лежит уверенность, во-первых, в том, что открытия золотых россыпей и усовершенствования техники добычи золота случайны, во-вторых, в том, что всякое открытие новых россыпей и всякие изобретения в технике золотопромышленности влекут за собой увеличение добычи золота.

Как бы ни был велик элемент творчества в технических изобретениях в области золотопромышленности и роль случая в открытии новых россыпей, все же и технические изобретения и открытие новых россыпей, как и всякие технические открытия, не являются вполне случайными. На это мы уже указывали выше и укажем еще ниже специально. Еще менее случайным — и это самое главное — является колебание в самой добыче золота. Колебания добычи золота вовсе не являются простой функцией технических изобретений в золотопромышленности и открытий новых россыпей. Наоборот, напряженность исканий в области улучшения техники золотопромышленности, практическое применение усовершенствований в ней, а также интенсивность искания нового золота и рост его добычи прежде всего зависят от иных, более общих причин. Зависимость же добычи золота от технических изобретений и открытий новых россыпей также имеет место, но она имеет производный характер и далеко не объясняет хода фактической добычи золота.

Хотя золото и является общепризнанным воплощением ценности, хотя оно поэтому и является предметом общего вожделения, но оно — все же товар. И как всякий товар, оно получается с издержками производства. Но если это так, то очевидно, что

добыча золота, хотя бы и на вновь открытых россыпях, может серьезно возрастая лишь при условии доходности этой добычи, при условии благоприятного соотношения ценности самого золота и высоты издержек по его добыче, т.е. в конечном счете высоты цен других товаров.

При неблагоприятном соотношении ценности золота и цен других товаров могут забрасываться и далеко не исчерпанные богатые рудники. Наоборот, при благоприятном соотношении их будут привлекаться к эксплуатации даже и относительно бедные россыпи и рудники.

Когда же имеет место наиболее благоприятное для добычи золота соотношение его ценности и цен других товаров? Мы знаем, что к концу понижательной волны большого цикла товарные цены достигают наиболее низкого уровня. Это значит, что к этому времени золото получает наиболее высокую покупательную силу и добыча его становится наиболее доходной. Наоборот, к концу повышательной волны большого цикла товарные цены достигают максимума, следовательно, золото имеет наиболее низкую покупательную силу и добыча золота становится наименее доходной.

Но если так, то ясно, что чем далее развивается понижательная волна большого цикла, тем более настоятельными должны становиться стимулы к увеличению добычи золота. В силу этого теоретически можно предполагать, что, вообще говоря, добыча золота наиболее значительно должна возрастая, начиная с периода, когда понижательная волна достигает низших точек, и наоборот. Наиболее ясно эта зависимость должна, конечно, проявляться в золотопромышленности, организованной на капиталистических началах. Но последняя и занимает доминирующее положение. Однако, хотя и с меньшей строгостью, указанная зависимость проявляется, несомненно, и в кустарной добыче золота.

Несомненно, такой простой зависимости в действительности нет. Она осложняется и как раз главным образом воздействием изменений в технике золотопромышленности и открытиями новых россыпей. Однако самые усовершенствования техники и открытия россыпей, нам кажется, должны располагаться во времени также более или менее закономерно в зависимости от той же указанной основной причины, что и добыча золота. Действительно, усовершенствования техники золотодобычания и открытия новых россыпей со своей стороны являются факторами понижения издержек производства золота, факторами, влияющими на соотношение этих издержек с ценностью золота,

и, следовательно, факторами размеров его добычи. Но если так, то ясно, что именно в период, когда ценность золота в отношении к издержкам становится менее благоприятной, напряженность потребности в технических усовершенствованиях золотопромышленности и в нахождении более богатых россыпей должна резко повыситься и дать толчок инициативе исканий в этих областях. Проходит, конечно, время, когда эта осознанная острая потребность приводит к тем или иным положительным результатам.

Поэтому в действительности наиболее вероятным представляется положение, что наивысшее количество открытий новых россыпей и технических изобретений в золотопромышленности падает на период, когда максимум большого цикла уже пройден, т.е. примерно на середину понижительной волны. Имеющиеся факты подтверждают это предположение. Если взять период после 70-х гг. XIX в., то можно видеть, что новые россыпи были открыты: на Аляске — в 1881 г., в Трансваале — в 1884, в Индии — в 1884, в Западной Австралии — в 1887, в Колорадо — в 1890, в Мексике — в 1894, в Клондайке — в 1896 г. Технические изобретения в золотопромышленности, и в частности наиболее важные из них за этот период — изобретения в области способов обработки руды, как известно, приходится также на 80-е гг. XIX в.

Нахождение новых россыпей и технические изобретения, раз они имеют место, должны, конечно, оказать влияние на добычу золота. Они могут вызвать начало роста добычи золота несколько ранее, чем будет достигнут предел понижительной волны большого цикла. Они также могут усилить размах добычи золота, когда указанный предел будет достигнут. Все это и наблюдается в действительности. В частности, после упадка в 70-х гг. XIX в. систематический, хотя и незначительный, рост добычи золота начинается уже с 1883 г.

Но каковы бы ни были эти пертурбирующие влияния открытий и изобретений, все же основной подъем в добыче золота начинается только после наступления периода наиболее высокой покупательной силы его; причем, как и нужно ожидать, он идет не только за счет новых россыпей, но в значительной мере и за счет старых месторождений. Это видно из следующих данных¹ [см. табл. 5]:

¹ Berridge W.A. The world's gold supply // Review of Economic Statistics. 1920. Vol. 2. № 7. P. 182.

Т а б л и ц а 5

Год	Мировая	Транс-вааль	САСШ	Австралия	Россия	Канада	Мексика	Индия
в тыс. унции								
1890	5 749	440	1589	1588	1135	65	37	97
1895	9615	2017	2255	2356	1388	101	290	230
1899	14 838	3638	3437	4461	1072	1029	411	412

Из предыдущего, нам кажется, позволительно заключить, что если увеличение добычи золота и может быть предпосылкой роста товарных цен и повышения конъюнктуры, то в свою очередь сама добыча золота подчинена ритму больших циклов конъюнктуры и, следовательно, не может рассматриваться как приводящий случайный фактор ее.

17

Таким образом, возражения против закономерного характера больших волн конъюнктуры нам представляются неубедительными.

Учитывая это и принимая во внимание те положительные доводы, которые были развиты выше, мы и приходим к следующему выводу: *по имеющимся данным можно полагать, что существование больших циклов конъюнктуры весьма вероятно.*

Вместе с тем на основе предыдущего изложения, нам кажется, мы вправе сказать, что если большие циклы существуют, то они являются весьма важным и существенным фактом экономической динамики, фактом, отражения которого встречаются во всех основных отраслях социально-экономической жизни.

Но если большие циклы существуют и если их нельзя объяснить случайными причинами, то чем же можно их объяснить? Иначе говоря, возникает вопрос о теории больших циклов. Я совершенно не претендую на то, чтобы сейчас же дать такую и вполне законченную теорию. Я не уверен, что мне уже удалось найти удовлетворительное объяснение их. Всякому ясно, что проблема объяснения больших циклов на данной ступени знаний представляется необычайно трудной. Если мы не располагаем вполне разработанными методами простого обнаружения циклов, то, конечно, еще труднее дать их объяснение. То, что я имею в виду кратко изложить ниже, представляет из себя только первую попытку, первую гипотезу объяснения этих циклов. И

я заранее должен сказать, что за все критические замечания, направленные против этой гипотезы, буду благодарен.

Мы знаем, что система элементов капиталистического хозяйства никогда не находится в состоянии идеального равновесия. Но то обстоятельство, что динамика этой системы, как отмечалось выше, подвержена волнообразным колебаниям, что эти волны то поднимаются вверх, то опускаются вниз, свидетельствует о том, что эта система имеет тенденцию к равновесию, что ее волнообразные колебания происходят в каждый данный период около какого-то уровня равновесия. Иначе говоря, взаимоотношение между колеблющимся конкретным количественным выражением всех отдельных элементов капиталистической системы хозяйства и их уровнем при условии ее равновесия аналогично тому, которое согласно общему мнению существует между рыночной ценой и ценой производства (или нормальной, естественной ценой), между индивидуальной и средней нормой прибыли и т.д.

С такой точки зрения волнообразные колебания или колебания конъюнктуры капиталистического хозяйства представляют из себя процессы то нарастающего, то ослабевающего нарушения равновесия капиталистической системы, то усиливающегося, то ослабевающего отклонения ее от уровня равновесия.

Но как мы представляем себе этот уровень равновесия и какие виды нарушения его возможны?

Капиталистическое хозяйство переживает не только волнообразные колебательные процессы. Оно вместе с тем непрерывно эволюционирует, меняется. В этом эволюционном процессе меняется и самый уровень его равновесия. Иначе говоря, уровень равновесия, к которому тяготеет система элементов капиталистического хозяйства, представляет из себя уровень подвижного равновесия, и, следовательно, для каждого данного момента существует свой уровень равновесия. Это — с одной стороны.

С другой стороны, как превосходно показал Альфред Маршалл, говоря об экономическом равновесии и его природе, необходимо выделять различные виды его в зависимости от *длительности периода времени*, который мы должны иметь в виду для того, чтобы понять явление равновесия.

Если мы имеем в виду настолько короткий период времени, что в течение его производство, а следовательно, и предложение товаров не могут существенно измениться, расшириться или сократиться, то спрос и предложение их можно рассматривать как величины данные и определенные. При этих условиях на

рынке между спросом и предложением установится равновесие, которому будет соответствовать определенный уровень и соотношение рыночных цен. Назовем условно это равновесие на рынке равновесием первого порядка.

Однако совершенно ясно, что этот установившийся уровень цен равновесия (спроса — предложения) может отклоняться от уровня цен производства. В таком случае он будет благоприятен для одних и неблагоприятен для других отраслей хозяйства. И он будет стимулировать расширение производства и потребления в первых и сокращение их во вторых. В течение известного периода времени такое изменение в производстве и потреблении неизбежно произойдет. И если мы возьмем период, достаточный для того, чтобы произошло изменение в размерах производства на базе имеющегося запаса основных капитальных благ, но не для того, чтобы произошли изменения в самом имеющемся запасе основных капитальных благ (основные и крупнейшие строительные сооружения, крупнейшие мелиорации, кадры квалифицированного труда и т.п.), вовлеченных в производство, то, конечно, в течение этого периода произойдет соответствующее изменение и в соотношении спроса-предложения. Между спросом и предложением в конечном счете установится новое равновесие, которому будут отвечать определенный уровень и соотношение рыночных цен. Но эти цены равновесия будут выражать уже не только равновесие спроса-предложения, но и равновесие рыночных цен с ценами производства, и равновесие в размерах производства-потребления в различных отраслях хозяйства, опирающегося, однако, на ту же массу основных вовлеченных в производственный процесс капитальных благ. Назовем это равновесие равновесием второго порядка.

Однако запас основных капитальных благ в свою очередь может меняться. И если иметь в виду достаточно длительный период, то он, конечно, меняется. Следствием этого изменения является изменение размеров производства-потребления по отраслям, изменение цен производства, изменение спроса-предложения и рыночных цен. В конечном счете в рамках этого длительного периода вновь установятся равновесие спроса и предложения и соответствующий ему уровень и соотношение рыночных цен. Но это будет равновесие не только спроса-предложения, не только размеров производства на основе данного уровня производительных сил, но и равновесие в распределении изменившегося запаса основных капитальных благ. Назовем это равновесие равновесием третьего порядка.

Конечно, приведенная схема только схема, и, как таковая, она упрощает действительность. В действительности мы не можем так просто изолировать экономические процессы по периодам различной длительности.

Однако для нас важно в данном случае выяснить самый принцип анализа и передать основную мысль в понимании равновесия. Кроме того, как бы ни была упрощена приведенная схема, тем не менее за ней имеется определенное материальное содержание, которое и позволяет перекинуть мост между схемой и вопросом о происхождении больших циклов.

В самом деле, мы должны констатировать факт, что имеющиеся в капиталистическом обществе различные товары и блага выполняют свои хозяйственные функции весьма различное время по длительности. Равным образом они требуют и весьма различного времени и средств для их создания. Одни из них функционируют без существенных трансформаций весьма короткое время. Как правило, они требуют сравнительно короткого времени и относительно небольших единовременных затрат и для своего производства. Сюда относятся значительные массы потребительских благ, многие виды сырья и других средств производства. Другие из них функционируют более длительное время, требуют более длительного времени и более значительных затрат для их производства. Сюда относится большая часть орудий производства. Третьи — основные капитальные блага функционируют десятки лет, требуют весьма значительного времени и огромных затрат на их производство. Сюда относятся такие капитальные блага, как крупнейшие постройки, сооружения значительных железнодорожных линий, проложение каналов, крупные мелиоративные сооружения и т.д. Сюда по существу нужно отнести и подготовку кадров квалифицированной рабочей силы.

Конечно, между этими группами товаров и благ нельзя установить точных и неподвижных границ. Это несомненно. Но столь же несомненно и то, что такие группы, хотя бы и с растяжимыми границами, существуют. И если К. Маркс утверждал, что материальной основой периодически повторяющихся в каждое десятилетие кризисов или средних циклов являются материальное изнашивание, смена и расширение массы орудий производства в виде машин, служащих в среднем в течение 10 лет, то можно полагать, что материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных

затрат для своего производства. *Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего и являются большие волны конъюнктуры.* Период усиленного строительства этих основных капитальных благ является периодом подъема, периодом отклонения реального уровня экономических элементов вверх от существующего уровня равновесия (3-го порядка согласно приведенной схеме), является периодом длительного повышения конъюнктуры, хотя бы и прерываемого колебаниями более кратковременными. Период затишья в их строительстве является, наоборот, периодом движения реального уровня экономических элементов к уровню равновесия и ниже его. Подчеркнем, однако, еще раз, что в процессе развития цикла самый уровень равновесия, изменяясь, переходит на иную, как правило, на более высокую ступень.

Таким образом, большие циклы конъюнктуры представляют из себя процессы отклонений реального уровня элементов капиталистической системы от уровня равновесия (3-го и, может быть, более высокого порядка) этой системы, процессы, в течение которых сам уровень равновесия меняется.

Преыдушие замечания, не давая еще объяснения больших циклов, тем не менее дают основания для того, чтобы построить теоретическую модель развития фаз этих циклов. Если эта модель достаточно полно и хорошо отобразит особенности развития больших циклов, как они были описаны выше эмпирически, то это даст возможность достаточно хорошо понять и объяснить эти циклы. Попытаемся же построить эту модель.

Из преыдущих предварительных замечаний ясно, что повышательная волна большого цикла связана с обновлением и расширением основных капитальных благ, с радикальными изменениями и перегруппировкой основных производительных сил общества. Но этот процесс предполагает огромные затраты капитала. И для того чтобы они могли осуществиться, очевидно, необходимо, чтобы этот капитал был. Это в свою очередь возможно лишь при наличии определенных предпосылок. Первая из них состоит в том, что накопление капитала достигло значительных размеров. Это накопление может иметь частью натуральную форму, частью денежную в самом широком смысле слова. Однако как бы не было значительно уже достигнутое накопление, мы никогда не имеем образования таких огромных фондов капитала, расходование которого затем могло бы продолжаться в течение десятилетия и больше. Вот почему возможность крупных и длительных вложений капитала предполагает

вторую предпосылку, состоящую в том, чтобы процесс накопления продолжался и притом таким темпом, чтобы его кривая шла выше, чем кривая текущего инвестирования. Но упомянутое накопление может идти в различных слоях капиталистического общества. И если бы накапливающийся капитал находился в распыленном и рассеянном состоянии, то это делало бы невозможным крупные затраты и радикальные реконструкции в хозяйстве. Поэтому третьей предпосылкой таких реконструкций является концентрация капитала в распоряжении мощных предпринимательских центров. Этой концентрации способствуют система кредита и фондовая биржа. Тот и другой институт аккумулирует и концентрирует накапливающийся и накопленный капитал и делает его чрезвычайно подвижным. Наконец, последним условием, являющимся по существу оборотной стороной предыдущих предпосылок, является относительно малая степень связанности капитала, обилие “свободного” капитала, и, следовательно, дешевизна его.

Возьмем теперь в качестве исходного момента положение, что в действительности в данный период указанные условия имеются налицо. Каким образом создаются эти условия, пока не будем выяснять: это выяснится позднее. Но раз эти условия имеют место, раз концентрирующийся в достаточных массах относительно свободный и дешевый капитал имеется налицо, то рано или поздно наступает момент, когда значительное инвестирование его в крупные сооружения, вызывающие радикальные изменения условий производства, становится достаточно рентабельным. Начинается полоса для каждого данного исторического периода относительно грандиозного нового строительства, когда находят свое широкое применение накопившиеся технические изобретения, когда создаются новые производительные силы. Это отражается на всей системе хозяйственной жизни. Начинается общая повышательная волна конъюнктуры. Повышательное движение конъюнктуры и рост производительных сил обуславливают обострение борьбы за новые рынки, в частности за рынки сырья. Это вызывает расширение орбиты мирового рынка и вовлечение в оборот новых стран и районов, с одной стороны, обострение международно-политических отношений, увеличение поводов к военным столкновениям и самые военные столкновения — с другой. В то же время бурный рост новых производительных сил, повышая активность заинтересованных в нем классов и групп внутри, создает предпосылки для обострения борьбы против устаревших и тормозящих развитие социально-

экономических отношений, создает предпосылки для внутренних крупных переверотов. Вот почему, как мы видели, в действительности период длительного повышения конъюнктуры связан с радикальными изменениями в области производства, с полусой частых войн и революционных потрясений.

Но если природа длительно-повышательной волны такова, то ясно, что во внутренних условиях ее развития лежат и основания, почему она не может продолжаться непрерывно и почему по истечении известного периода неизбежно наступает ее перелом и начинается понижательная волна. Действительно, инвестирование капитала в крупные и дорогие сооружения повышает спрос на капитал. Кривая этого спроса по своему уровню чем дальше, тем более начинает приближаться к уровню кривой накопления и затем превышать последний. Это порождает тенденцию к вздорожанию капитала и к повышению процента на него. В дальнейшем эта тенденция еще более усиливается. Причина этого лежит в развитии внешневоенных и внутренне-социальных потрясений. Эти потрясения, раз они возникают, с одной стороны, увеличивают непроизводительное потребление (войны), вызывают прямые разрушения и ослабляют темп накопления, с другой — повышают спрос на капитал. Очевидно, что эти дополнительные причины ведут к все более обостряющемуся недостатку капитала и его вздорожанию. Но если это так, то тем самым создаются необходимые предпосылки для общего перелома кривой конъюнктуры к понижению. Так как повышательная волна ее возникает на основе высокого напряжения накопления и долгосрочных помещений капитала в фундаментальные и дорогостоящие сооружения, то проходит весьма значительный период прежде, чем эта повышательная инерция преодолевается и начинается понижательная волна. Но тем не менее она начинается с неизбежностью. Прежний темп инвестирования в капитальные сооружения падает. Активность всей хозяйственной жизни сокращается, цены понижаются.

Депрессивное состояние хозяйственной жизни толкает к исканию путей удешевления производства, к исканию новых технических изобретений, способствующих этому удешевлению. И мы видели, что именно в течение этого периода, т.е. в течение длительно-понижательной волны конъюнктуры, технические открытия и изобретения особенно многочисленны. Приостанавливается и рост процента на капитал. Но этого мало. Создаются предпосылки для его понижения. Это понижение вызывается, во-первых, тем, что отпадают прежние причины превышения

спроса на капитал над его предложением, так как сокращаются размеры инвестиций и ослабевают причины, сдерживавшие накопление. Оно вызывается, во-вторых, тем, что появляются причины, которые способствуют усиленной аккумуляции капитала в руках банковских и торгово-промышленных предприятий. Эта аккумуляция идет, во-первых, за счет тех слоев и групп населения, которые имеют фиксированные доходы и выигрывают на понижательной тенденции цен. Она идет также за счет сельского хозяйства.

Дело в том, что понижательно-депрессивная волна, охватывая все народное хозяйство, охватывает его неравномерно. Как правило, она сильнее выражена в сельском хозяйстве, по крайней мере в известные части периода после перелома. Промышленность обладает меньшей косностью и меньшей инертностью, чем сельское хозяйство. Вместе с тем организация промышленности имеет более сложную и хрупкую природу, чем организация сельского хозяйства. Поэтому, во-первых, промышленность быстрее приспосабливается к новым условиям после перелома конъюнктуры. Во-вторых, она подвергается большим потрясениям под влиянием военно-революционных столкновений в конце повышательной волны. Наоборот, сельское хозяйство реагирует на произошедшую смену конъюнктуры медленнее, и оно в меньшей степени подвергается разрушительным социальным и военным потрясениям. В силу этого, по крайней мере в первый период большой понижательной волны, сельское хозяйство испытывает более глубокую депрессию, сельскохозяйственные товары сильнее падают в цене, и их покупательная сила относительно понижается. Несомненно, это служит благоприятным условием для относительного усиления процессов накопления и аккумуляции капитала в руках промышленности, торговли и банков.

Таким образом, по мере развития понижательной тенденции все сильнее и сильнее начинают действовать факторы, усиливающие его накопление и аккумуляцию. Кривая темпа накопления все значительнее превосходит кривую его инвестирования. Капитал дешевеет. Тем самым вновь создаются условия, благоприятные для подъема. Они усиливаются обычно притоком нового золота. Действительно, по мере снижения общего уровня цен, как указывалось выше, добыча золота становится все более рентабельной, и к моменту наибольшего падения цен она начинает расти. Под влиянием растущего притока нового золота мощь давления накапливающегося дешевого капитала значительно

возрастает и, наконец, преодолев препятствия, вызывает новую длительно-повышательную волну.

Таким образом, мы подошли вновь к тому пункту, от которого отправлялись при построении модели цикла. Если там мы взяли как данное факт накопления и продолжающегося накапливаться дешевого капитала, то теперь мы видим, что сам этот факт закономерно обуславливается предшествующими фазами большого цикла.

Для того чтобы доказать, действительно ли такова последовательность усиленного и ослабленного накопления свободного капитала, как это показано выше, нужно было бы проанализировать эмпирические данные об эмиссии новых капиталов. К сожалению, таких данных за достаточно продолжительный период нет. Но в данном случае показательными до известной степени являются данные о движении вкладов в сберегательные кассы. По Франции колебание этих вкладов рисуется диаграммой № 12.

Данные, нанесенные на эту диаграмму, подвергались обработке по тому же методу, что и приведенные выше.

Диаграмма вскрывает удивительную закономерность. Из нее видно, что в движении вкладов большие циклы существуют, но они имеют обратный характер по сравнению с циклами в ценах, проценте на капитал и т.д. Периоды повышательных волн больших циклов, установленных выше, соответствуют периодам понижающейся волны в движении вкладов, и наоборот. Иначе говоря, действительно, к тому времени, когда понижающаяся волна больших циклов достигает низшего предела, к этому времени накопление свободного капитала достигает высшего напряжения. И наоборот.

Из предыдущего видно, что построенная модель больших циклов в достаточной степени схватывает процесс проявления большого цикла, как этот процесс был констатирован выше эмпирически. Построенная модель показывает, что динамика больших циклов обладает внутренней закономерностью. Поэтому, строго говоря, мы не можем то или другое звено этого цикла считать за причину всего цикла. Мы можем лишь сказать, что ритм больших циклов есть отражение ритма в процессе расширения основных капитальных благ общества. Но этот процесс расширения ритмичен не потому, что ему метафизически присуща ритмичность, а потому, что он, будучи связан с процессом накопления и инвестирования капитала и протекая в конкретных условиях капиталистического общества, в силу проанализи-

Частные сберегательные кассы (Франция)
долг вкладчикам на 31/XII каждого года, млн. франков

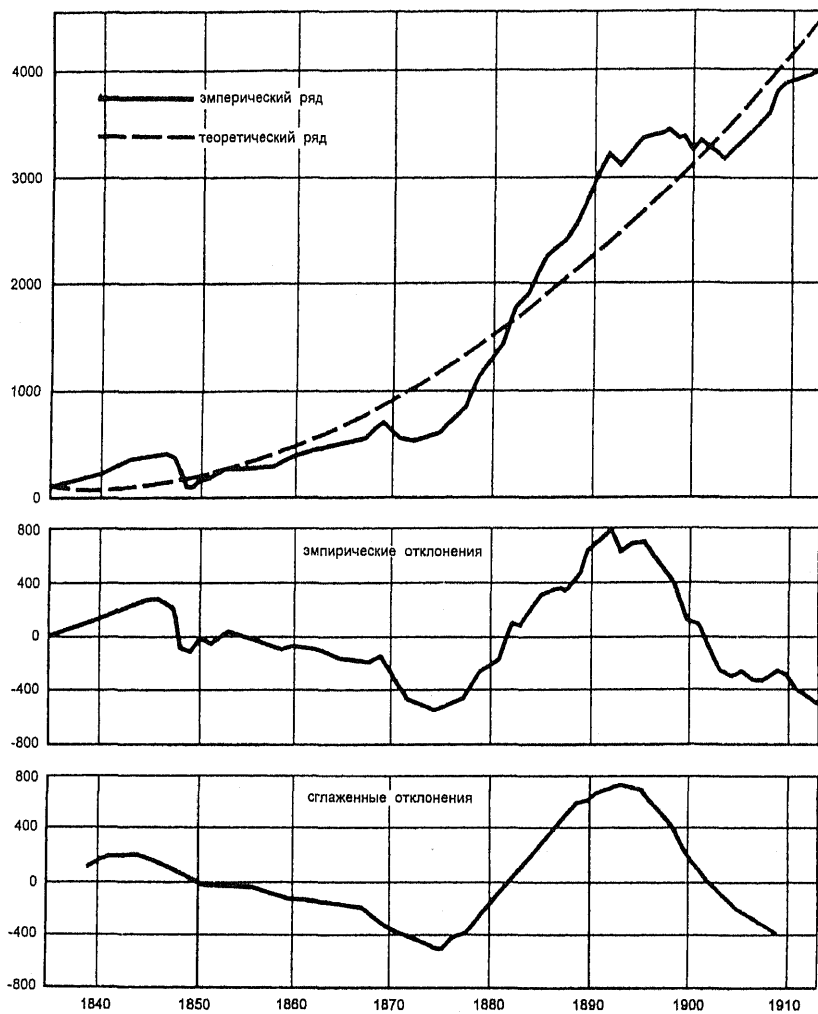

Диаграмма № 12

зированной выше сцепления его элементов не может протекать непрерывно одним и тем же темпом.

Нам кажется в итоге, что изложенная гипотеза как первая попытка дает достаточно полное и удовлетворительное объяснение больших циклов.

В заключение считаю необходимым сделать две оговорки. Во-первых, согласно изложенной гипотезе каждая последующая фаза цикла есть следствие кумулятивно накапливающихся условий в течение предыдущего времени, и каждый новый цикл при сохранении принципов капиталистической организации хозяйства столь же закономерно следует за другим, как одна фаза одного и того же цикла за другой. Но при этом необходимо помнить, что каждый новый цикл протекает в новых конкретно-исторических условиях, на новом уровне развития производительных сил и потому вовсе не является простым повторением предыдущего цикла.

Во-вторых, при построении модели развития больших циклов мы игнорировали факт существования средних циклов и других колебаний конъюнктуры, которые значительно осложняют ход больших циклов. Для полного объяснения хода конъюнктуры было бы необходимо дать анализ и этих средних циклов, и других колебаний. Однако это не входит в задачу моего доклада.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА Н. Д. КОНДРАТЬЕВА “БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ”

1. Современная экономическая теория знает лишь циклы продолжительностью в 7–11 лет. Однако в действительности наряду с этими циклами, по-видимому, существуют также иные циклы экономической динамики продолжительностью около 48–55 лет. Мы называем их большими экономическими циклами.

2. Чтобы установить, существуют ли эти большие циклы, мы изучили статистические данные по Англии: о ценах, проценте на капитал, заработной плате сельскохозяйственных и текстильных рабочих, о внешней торговле и производстве угля, чугуна и свинца и др.; по Франции: о ценах, проценте на капитал, внешней торговле, потреблении угля, о посевных площадях овса, о портфеле Французского банка, о вкладах в сберегательные кассы, потреблении хлопка, кофе, сахара и др.; по Германии: о производстве угля и чугуна; по САСШ: о ценах, производстве угля, чугуна и стали, о количестве веретен хлопчатобу-

мажной промышленности, о посевных площадях хлопка и др. Кроме того, были изучены данные о мировом производстве угля и чугуна.

Данные эти были взяты по возможности за более продолжительный период. Однако систематические статистические данные лишь о некоторых из указанных выше явлений имеются с конца XVIII в. Другие данные начинаются лишь с начала и даже с половины XIX в.

3. Перечисленные данные были подвергнуты исследованию при помощи методов математической статистики. Там, где это было по смыслу возможно, данные были прежде всего разделены на количество населения. Далее, для всех них были найдены теоретические кривые вековых тенденций (*Secular trend*). Затем были найдены отклонения эмпирического ряда от ряда теоретического. Найденные отклонения были сглажены при помощи 9-летней подвижной средней, благодаря чему были исключены как случайные колебания их, так и колебания циклические краткой и средней продолжительности. Сглаженные отклонения и были подвергнуты анализу в целях установления факта существования больших циклов.

Описанный метод был применен ко всем перечисленным выше данным, за исключением индексов товарных цен, каковые не требовали указанной сложной обработки.

4. Основные результаты изучения сводятся к следующему. Большинство взятых данных обнаруживают наличие циклических волн продолжительностью в 48–55 лет. Причем периоды колебаний отдельных данных совпадают между собой весьма близко. Расхождение точек перелома по отдельным кривым лишь в единичных случаях превосходит 5 лет. Если считать с конца XVIII в., то периоды больших циклов оказались приблизительно следующие:

I.		1. Повышательная волна: с конца 80-х — начала 90-х гг. XVIII в. до 1810–1817 гг.
		2. Понижательная волна: с 1810–1817 до 1844–1851 гг.
II.		1. Повышательная волна: с 1844–1851 до 1870–1875 гг.
		2. Понижательная волна: с 1870–1875 до 1890–1896 гг.
III.		1. Повышательная волна: с 1890–1896 до 1914–1920 гг.
		2. Вероятная понижательная волна: с 1914–1920 гг.

Наличия больших циклов из изученных данных не обнаружили главным образом данные о потреблении, например, пшеницы, кофе, сахара, хлопка по Франции. Их не удалось обнаружить также на данных о посевных площадях пшеницы во Франции и в производстве шерсти и сахара по САСШ.

5. Изучение данных, далее, позволило установить четыре важные эмпирические правильности в развитии больших экономических циклов:

а) перед началом и в начале повышательной волны каждого большого цикла наблюдаются глубокие изменения в условиях экономической жизни общества. Эти изменения выражаются в значительных изменениях техники (чему предшествуют в свою очередь значительные технические открытия и изобретения), в вовлечении в мировые экономические связи новых стран, в изменении добычи золота и денежного обращения;

б) на периоды повышательной волны каждого большого цикла приходится наибольшее количество социальных потрясений (войн и революций);

в) периоды понижательной волны каждого большого цикла сопровождаются длительной и особенно резко выявленной депрессией сельского хозяйства;

г) в период повышательной волны больших циклов средние капиталистические циклы характеризуются краткостью депрессий и интенсивностью подъемов; в период понижательной волны больших циклов наблюдается обратная картина.

6. Хотя изученный период, охватывающий максимально до 140 лет, и недостаточен для окончательных выводов, тем не менее существование больших циклов представляется, по меньшей мере, весьма вероятным.

7. Обнаруженные большие волны конъюнктуры не могут быть объяснены случайными, привходящими причинами. Объяснения их, по-видимому, необходимо искать в особенностях, присущих капиталистической системе хозяйства.

8. Построение такого объяснения, однако, встречает значительные затруднения. В качестве первой гипотезы для их объяснения может быть предложена следующая концепция.

Длительность функционирования различных созданных хозяйственных благ и производительных сил различна. Равным образом для их создания требуются различное время и различные средства. Как правило, наиболее длительный период функционирования имеют основные виды производительных сил. Они же требуют и наибольшего времени, и наибольших аккумулярованных капиталов для их создания.

Отсюда необходимость для экономики понятия о различных видах равновесия применительно к различным периодам времени (ср. равновесие краткого и длительного периодов у Маршалла).

Большие циклы можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода. Основная причина их лежит в механизме накопления, аккумуляции и рассеяния капитала, достаточного для создания новых основных производительных сил. Однако действие этой основной причины усиливается действием вторичных факторов.

В соответствии с изложенным развитие большого цикла получает следующее освещение.

Начало подъема совпадает с моментом, когда накопление и аккумуляция капитала достигают такого напряжения, при котором становится возможным рентабельное инвестирование капитала в целях создания основных производительных сил и радикального переоборудования техники.

Начавшееся повышение темпа хозяйственной жизни, осложняющееся промышленно-капиталистическими циклами средней длительности, вызывает обострение социальной борьбы, борьбы за рынок и внешние конфликты.

В этом процессе темп накопления капитала ослабевает и усиливается процесс рассеяния свободного капитала. Усиление действия этих факторов вызывает перелом темпа экономического развития и его замедление. Так как действие указанных факторов сильнее в промышленности, то перелом совпадает обычно с началом длительной сельскохозяйственной депрессии.

Понижение темпа хозяйственной жизни обуславливает, с одной стороны, усиление поисков в области усовершенствования техники, с другой — восстановление процесса аккумуляции капитала в руках промышленно-финансовых и других групп в значительной мере за счет сельского хозяйства.

Все это создает предпосылки для нового подъема большого цикла, и он повторяется вновь, хотя и на новой ступени развития производительных сил.

ДИНАМИКА ЦЕН ПРОМЫШЛЕННЫХ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОВ*

І. Предварительные замечания

В настоящей работе подвергнуты изучению материалы, характеризующие динамику уровня и соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Уровень и соотношения этих цен в каждый данный период в значительной мере характеризуют положение двух важнейших отраслей общественного производства — промышленности и сельского хозяйства. Достаточно этого указания, чтобы признать, что вопрос о динамике цен промышленных и сельскохозяйственных товаров имеет значительный и притом не только теоретический, но и практический интерес. Интерес этот особенно обострился после войны и мирового экономического кризиса 1920/21 г., когда во всех важнейших странах мира обнаружилось глубокое обесценение сельскохозяйственных товаров и когда вопрос о соотношении цен промышленных и сельскохозяйственных товаров стал одним из основных вопросов равновесия народного хозяйства отдельных стран и всего мирового хозяйства².

*Последняя опубликованная при жизни Н.Д. Кондратьева статья по вопросам больших циклов конъюнктуры. Вышла в свет в сборнике "Вопросы конъюнктуры" (М.: Финиздат НКФ СССР, 1928. Т. 4, вып. 1. С. 1—85). Публикуется по тексту книги: Н.Д. Кондратьев. Особое мнение. Кн. 2. М.: Наука, 1993. С. 222—329. Приложения к статье не приводятся. (Прим. сост.)

¹Настоящая работа в статистической части выполнена совместно с О.Е. Пряхой, которой автор приносит свою глубокую признательность. Очень многим автор обязан помощи и ценным указаниям со товарищей по Конъюнктурному институту: Н.С. Четверикову, Я.П. Герчуку, М.В. Игнатьеву, А.Л. Вайнштейну, Е.Е. Слуцкому, В.Э. Ширику, Т.И. Райнову и др.

С особой благодарностью автор должен отметить содействие путем предоставления материалов и литературными указаниями prof. W.M. Persons (Harvard University), prof. A.H. Hansen (University of Minnesota) и Dr. O.C. Stine (Department of Agriculture, Washington).

В статистической части работы принимала участие Н.И. Макашева. Диаграммы выполнены Г.Н. Холодковским.

²Литература о современном кризисе сельского хозяйства и о ценах на с.-х. товары чрезвычайно разрослась. Среди этой литературы см., в частности: L'agriculture et la crise économique Internationale. Mémoire communiqué par M. Jules Gantier. Dr. Andreas Herines et M.H.A.F. Lindsay (Sociétés des Nations. Conference Economique

Современное состояние цен сельскохозяйственных и промышленных товаров не является специальным предметом изучения данной работы. Она имеет в виду прежде всего на основе фактических данных за достаточно длительный период времени установить некоторые общие закономерности в динамике цен этих товаров. Но установление таких закономерностей проливает несомненно свет и на современное состояние рынка сельскохозяйственных и промышленных товаров. Однако динамика цен сельскохозяйственных и промышленных товаров исследуется здесь не только как самостоятельный экономический вопрос огромной теоретической и практической важности. В данной работе вопрос о динамике уровня и соотношения цен сельскохозяйственных и промышленных товаров рассматривается также под углом зрения постановки общей теоретической проблемы — относительной динамики конъюнктуры.

Это заставляет нас прежде, чем обратиться к изучению конкретных данных о движении цен сельскохозяйственных и промышленных товаров, остановиться кратко на выяснении понятий относительной динамики и конъюнктуры.

II. К вопросу о понятии относительной динамики и конъюнктуры

1. Исследование экономической динамики охватывает по меньшей мере две группы проблем: а) проблемы основных тенденций экономического развития в пределах данной системы

Internationale. Genève, 1927); Institut International d'Agriculture. Les questions agricoles au point de vue international. Rome. P. 511 et suiv. (Материалы к той же Женевской конференции); The agriculture crisis and its causes (Report of the joint commission of agricultural inquiry. Washington, 1922. Pt 1); National industrial conference board. The agricultural problem in the Un. States. N.Y., 1926; Warren G.F., Pearson F.A. The agricultural situation. N.Y.-L., 1924; Nourse E.G. American Agriculture and the European market, 1924; Enfield R.R. The agricultural crisis, 1924; prof. Sering M. Die Agrarkrisen und Agrarzölle, 1925; idem. International Price Movements and the Conditions of Agriculture in Non-tropical Countries, 1927; Осинский Я. Мировой кризис с.х. М., 1923; он же. Очерки мирового с.-х. рынка. М., 1925; Кондратьев Н.Д. К вопросу о тенденциях и современной фазе развития мирового сельского хозяйства и с.-х. рынка // Основные вопросы плана развития с.-х. М., 1928; Игнатъев М.В. К вопросу о расхождении цен промышленных и с.-х. товаров за границей // Экон. бюлл. Конъюнкт. ин-та, 1924. № 7; Крестьянские индексы. Сб. М., изд. Конъюнкт. ин-та, 1927.

Меньшее значение соотношению цен сельскохозяйственных и промышленных товаров в объяснении послевоенного кризиса сельского хозяйства придает prof. V. von Dietze (Die Bedeutung der Preisverhältnisse für die Lage der deutschen Landwirtschaft // Berichte über Landwirtschaft. Berlin, 1926. Bd IV. H. 2).

строения народного хозяйства и б) проблемы тех колебаний, которые обнаруживаются в процессе этого развития и обычно подводятся под понятие экономической конъюнктуры¹.

Вопросы экономической динамики, особенно за последнее время, привлекают к себе все большее внимание исследователей. Нетрудно, однако, убедиться, что в центре их внимания стоят по преимуществу вопросы не общих тенденций развития, а вопросы конъюнктуры. Каковы же наиболее характерные черты направления работ по изучению проблем конъюнктуры?

2. Одним из важнейших принципов организации современного общества и народного хозяйства служит принцип разделения труда, специализации народнохозяйственных функций и выделения их в отдельные отрасли или сферы хозяйственной жизни². Специализации народнохозяйственных функций соответствует большая или меньшая специализация и тех единичных хозяйств — предприятий, которыми эти функции выполняются³.

Специализация народнохозяйственных функций и специализация хозяйств-предприятий, хотя последняя в новейшее время до известной степени и ограничивается комбинационно-монополистическими тенденциями⁴, достигают в современном обществе чрезвычайного напряжения. Но при всем напряжении процесса специализации между отдельными отраслями народного хозяйства и соответственно между единичными предприятиями сохраняется тесная органическая связь, в силу которой народное хозяйство выступает как своеобразное целое. В условиях частнохозяйственного строя связь эта поддерживается через рынок во всех его видах. В условиях планового хозяйства в основе она опирается на систему государственного регулирования и планирования.

¹ См.: Vogel E.H. 193 Die Theorie des Volkswirtschaftlichen Entwicklungsprocesses und Krisenproblem. 1917. Teil II; Amonn A. Grundzüge der Volkswohlfstandslehre. Jena, 1926. Dritter Abschnitt; Kondratieff N.D. The static and dynamic view of economics // Quarterly journal of economics. 1925. N 4; он же. К вопросу о понятиях экономической статистики, динамики и конъюнктуры // Соц. хоз-во. 1924. № 4.

² Ср.: Durkheim E. De la Division du Travail Social. Paris, 1912. Passim; Simmel G. Über soziale Differenzierung, 1905. Passim; Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Ch. I-II; Marx K. Das Kapital. Ed I. S. 11-12; Schmoller G. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre, 1923. Erster Theil. S. 348-396; Sombart W. Der Moderne Kapitalismus, V-te Auflage, в особенности Ed II. Hauptabschnitt 1-5.

³ Ср.: Sombart W. Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus, 1927. Zweiter Halbband. S. 776-796.

⁴ Ср.: Sombart W. Op. cit. S. 796ff.; Marshall J. Industry and trade. London, 1923. Ch. III-XIII.

При изучении проблем конъюнктуры предметом исследования является или общая конъюнктура народного хозяйства, или специально конъюнктура той или другой отрасли его¹.

Когда ставятся и разрабатываются проблемы общей конъюнктуры, то речь идет о поведении и изменениях всех или по крайней мере большинства основных дифференцировавшихся, но связанных между собой отраслей хозяйственной деятельности, как производство, торговля, транспорт, кредит, и вместе с тем об изменениях в состоянии всех основных связанных между собой видов рынка — товарного, денежно-капитального и рынка рабочей силы².

При этом современное изучение конъюнктуры, анализируя показатели состояния и динамики различных отраслей хозяйственной деятельности и различных сфер рынка с теми или иными отклонениями, стремится дать ответ на следующие основные вопросы: 1) наблюдаются ли циклы в динамике изучаемых показателей и какие именно, 2) насколько эти циклы синхронны, 3) в какой мере и как они связаны между собой и, наконец, 4) чем обусловлены циклические колебания конъюнктуры и кризисы народного хозяйства³?

Отсюда ясно, что *современная теория конъюнктуры сосредоточивает свое внимание на проблеме общего ритма народно-хозяйственной деятельности, на проблеме общих подъемов, кризисов и упадков народного хозяйства в процессе его развития*⁴

¹ Ср.: Röpke W. Die Konjunktur. Jena, 1922. S. 17; Mühlenfels A. Spezielle und allgemeine Konjunktur // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1924. S. 606 и сл.

² Ср.: Mitchell W. Business cycles // Memoires of the University of California. 1913. Vol. 3. Pt II; Aftalion A. Des crises périodiques de surproduction. Paris, 1913. Vol. I, II.

³ См., напр., работы нового времени: Persons W.M. Indices of General Business Conditions // The Review of economic statistics January-April 1919; Mitchell F.V. Op. cit.; idem. Business cycles // The Problem and its Setting. N.Y., 1927. (Последняя книга представляет из себя радикально переработанный первый труд проф. Митчелля); Spiethoff A. Kriesen // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Изд. 4; Aftalion A. Op. cit.; Pigou A.C. Industrial fluctuations. London, 1927; Cassel G. Theoretische Sozialökonomie. Leipzig, 1921. I; Schumpeter I. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. L., 1926; Vogel E.H. Op. cit.; Röpke W. Op. cit.; Robertson D.N. A study of industrial fluctuations. London, 1915; Проф. Первушин С. Хозяйственная конъюнктура. М., 1925.

⁴ Ср.: Aftalion A. Le rythme de la vie économique // Revue de Métaphysique et de Morale. 1921. N 2. P. 247–278; Schumpeter L Die Wellenbewegung des Wirtschaftslebens // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd 39.

Правда, выше уже отмечалось, что иногда предметом исследования теории конъюнктуры служит конъюнктура той или другой специальной отрасли или сферы народного хозяйства. Но ясно, что понять колебания специальной отрасли или сферы народного хозяйства вне связи ее с другими отраслями его невозможно. В силу этого, даже и в тех случаях, когда речь идет о специальной конъюнктуре, если задача не ограничивается простым описанием фактов, по существу исследуется та же проблема ритма общей конъюнктуры, но лишь сквозь призму данной специальной отрасли или сферы народного хозяйства¹.

Концентрация внимания на проблеме возникновения и хода общих колебаний конъюнктуры является поэтому основной характерной чертой современного направления теории конъюнктуры.

3. Реальность существования общих колебаний конъюнктуры, находящих свое отражение в поведении всех или большинства основных отраслей и сфер народного хозяйства, не подлежит никакому сомнению. Эти колебания эмпирически твердо установлены и описаны с большой полнотой². В силу этого не может быть сомнений и в том огромном значении, какое имеет изучение проблемы общих колебаний конъюнктуры. Но исчерпываются ли задачи теории конъюнктуры изучением только этой проблемы?

Основанием для общности и достаточной синхронности колебаний различных показателей состояния народного хозяйства служит тесная взаимная и солидарная связь отдельных отраслей и сфер народного хозяйства. Одна отрасль производства прямо или косвенно, в большей или меньшей степени служит рынком сбыта для другой и наоборот. И если наступают изменения, например оживление в одной отрасли производства, то одновременно или с небольшим запозданием оно наступает и в других. Оживление в сфере производства не может не сопровождаться соответствующими изменениями в торговле, в транспорте, на

¹ См., напр.: Esslen J. Konjunktur und Geldmarkt 1902–1904. Stuttgart u. Berlin, 1909; Krebs P. Konjunktur und Eisenbahn-Güterverkehr. Berlin, 1926. См. также исследование, проведенное Verein f. Sozialpolitik под названием "Die Störungen im Deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 u. сл." и охватившее все основные области народного хозяйства (Schriften d. V. f. Sozialp. Bd CV-CXII).

² См. напр.: Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. Изд. 3. СПб., 1914; Aftalion A. Op. cit.; Lescure J. Des crises générales et périodiques de surproduction. Paris, 1924.

рынке труда, в сфере денежного и кредитного обращения и наоборот.

Указанная выше солидарная связь различных отраслей и сфер народного хозяйства делает общность их изменений достаточно понятной. Однако эти общие колебания и изменения в состоянии различных отраслей и сфер народного хозяйства лишены *строгого соответствия*. Несоответствие изменений в их положении внешне возникает: 1) или в силу того, что эти изменения не вполне совпадают во времени, 2) или в силу того, что они имеют различный размах, 3) или в силу комбинации первого и второго условий.

Но что бы ни служило основой отсутствия полного соответствия изменений в положении различных отраслей и сфер народного хозяйства, самый факт некоторого несоответствия этих изменений не может быть оспорен¹. Действительно, если бы (за изъятием чисто случайных отступлений) изменения в положении различных отраслей и сфер народного хозяйства происходили, но были бы строго соответственны, тогда народное хозяйство находилось бы всегда в состоянии динамического равновесия. Это было бы изменяющееся народное хозяйство, но изменяющееся плавно, без потрясений. В таком случае оно более или менее воспроизводило бы идеальный случай развития в соответствии со схемами расширенного воспроизводства Маркса² или приближалось бы к идеальному типу плавно и равномерно развивающегося народного хозяйства Касселя³.

Но не касаясь здесь специально вопроса о том, может ли народное хозяйство существовать и развиваться без колебаний конъюнктуры⁴, мы констатируем, что в действительности колебания его конъюнктуры происходят. Это значит, что *полного*

¹ Ср.: Vogel E.H. Op. cit. Teil II. Kap. 3.

² Ср.: Marx K. Das Kapital. Bd II. Kap. 21.

³ Ср.: Cassel G. Op. cit. S. 27 ff. Кассель имеет в виду народное хозяйство, развивающееся равномерно. С точки зрения положения, развиваемого в тексте, основное значение имеет плавность, а не равномерность развития. Вместе с тем принципиально безразлично, идет ли речь о развивающемся или о падающем народном хозяйстве.

⁴ По этому вопросу см.: Lederer E. Konjunktur und Krisen//Grundriss der Socialökonomik. Abteilung IV. S. 405 и сл.; Veblen T. The theory of business enterprise. N.Y., 1923. Ch. VII; Fisher J. Stabilising the Dollar. N.Y., 1920. Passim; Keynes J.M. A tract on Monetary Reform, 1923. Ch. I and IV; Hahn. Die konjunkturelle Wirtschaft//Wirtschaftsdienst. H. 16, April 17, 1925; Langelütcke. Zur Frage der konjunkturlosen Wirtschaft//Ibid. 1925, August 14. Heft 33.

соответствия в изменении различных отраслей и элементов народного хозяйства нет.

4. Таким образом, если мы наблюдаем колебания общей конъюнктуры, если они находят свое выражение в изменениях состояния отдельных отраслей и сфер народного хозяйства, то это одновременно значит, что указанные изменения их неизбежно различны. Это значит, что в процессе хозяйственного развития меняется не только общая конъюнктура, но и сравнительное или относительное положение различных отраслей и сфер народного хозяйства.

Отсюда мы приходим к понятию относительной конъюнктуры. Если под конъюнктурой мы понимаем колебания различных отраслей и элементов народного хозяйства около изменяющегося уровня их, соответствующего состоянию динамического равновесия народного хозяйства, то под относительной конъюнктурой мы понимаем колебания в состоянии данных отраслей и сфер народного хозяйства по сравнению с состоянием других отраслей и сфер его.

Но является ли проблема относительной конъюнктуры самостоятельной и реальной научной проблемой? Отвечая на этот вопрос, могут сказать: поскольку относительная конъюнктура представляет из себя процесс изменения сравнительного экономического положения различных отраслей и сфер народного хозяйства, поскольку изменение сравнительного положения этих отраслей и сфер народного хозяйства определяется характером изменения каждой из них, постольку проблема относительной конъюнктуры не имеет самостоятельного значения и представляет из себя мнимую проблему; достаточно знать состояние отдельных отраслей и сфер народного хозяйства, чтобы представление об их сравнительном состоянии получить уже в порядке простых аналитических и счетных операций.

Если бы изменение отдельных отраслей и сфер народного хозяйства было независимо друг от друга, если бы для самого процесса их изменения относительное положение их было безразлично, имело бы чисто пассивное значение, тогда изложенный ответ на вопрос можно было бы принять. Однако в действительности относительная конъюнктура выступает в качестве активного фактора хозяйственной динамики.

5. Выше мы пришли к заключению, что теоретически колебания общей конъюнктуры можно понять, лишь допустив известную солидарность связи различных отраслей и сфер народ-

ного хозяйства и в то же время отсутствие строгого соответствия в их изменении. Но это несоответствие их изменений и значит, что меняется их относительное положение, меняется их относительная конъюнктура. Иначе говоря, *существование колебаний общей конъюнктуры предполагает существование колебаний относительной конъюнктуры различных отраслей и сфер народного хозяйства*. Но если это так, то очевидно, что относительная конъюнктура есть реальный факт, имеющий определенное и активное значение в процессе хозяйственного развития. Понять такое значение относительной конъюнктуры нетрудно.

Между различными отраслями и сферами народного хозяйства существует солидарная связь, но одновременно также и известный антагонизм. При наличии этого антагонизма относительная конъюнктура неизбежно приобретает значение активного звена хозяйственного развития. Не вдаваясь в детали, ограничимся при доказательстве этого тезиса следующими замечаниями.

а) Производство в каждой отрасли его требует тех или иных затрат реального капитала. Фонд реального капитала, которым располагает общество и который может быть помещен в производство, с течением времени меняется. Однако в каждый данный момент он представляет из себя определенную и притом ограниченную величину, выступающую в качестве основного лимита размеров производства¹.

Но если размеры общественного производства определяются фондом капитала, который при данном положении товарного рынка может быть использован в производственных целях, то сравнительный размер производства в отдельных отраслях определяется той долей этого фонда, которая может быть направлена именно в эти отрасли.

При таких условиях и при условии большей или меньшей свободы передвижения капитала вопрос о том, какая часть его находит применение в данной отрасли производства, *определяется прежде всего относительной конъюнктурой этой отрасли*. Действительно, допустим, что цены продуктов данной отрасли достигают по сравнению с ценами на другие продукты относительно более благоприятного уровня. Это может произойти или в случае более значительного подъема цен на данные товары при повышении цен других товаров, или в случае подъема их

¹ Ср.: Mill J.S. Principles of political economy. Ch. V, § 1.

при стабильности и даже падении цен на другие товары, или в случае менее значительного падения их при понижении цен других товаров, или в случае более значительного понижения издержек производства в данной отрасли при тех же ценах, или, наконец, в случае менее значительного повышения издержек их при тех же ценах. Одним словом, исходный толчок здесь может лежать в различных условиях. Но где бы он ни лежал, раз цены продуктов данной отрасли достигли относительно более благоприятного уровня, эта отрасль оказывается более доходной, в нее начинает притекать относительно большее количество капитала и ее продукция абсолютно и относительно расширяется. Иначе говоря, относительно высокая конъюнктура данной отрасли, обнаружившись первоначально в силу тех или иных причин в соотношении цен, оказывает затем активное воздействие на ход изменений в соотношении всех показателей этой отрасли с соответствующими показателями других отраслей и в результате превращается в относительно высокую конъюнктуру данной отрасли, выражающуюся в повышенном уровне уже всех ее показателей. При обратном изменении соотношения цен получились бы и обратные результаты.

Таким образом, на фоне известного антагонизма отдельных отраслей производства активно регулирующая роль относительной конъюнктуры выясняется вполне отчетливо.

Признание именно такой активной роли относительной конъюнктуры лежит в основе всего учения классиков о равенстве норм прибыли по отраслям производства и о взаимоотношении естественной и рыночной цены. Именно в механизме изменения относительного уровня рыночных цен и в действии этого изменения на передвижение капиталов и на размеры производства они видели основание, почему рыночные цены колеблются всегда около уровня естественных цен и почему норма прибыли в различных отраслях производства имеет тенденцию к равенству¹. От классиков это учение перешло в той или иной форме и к последующим школам экономистов. Правда, классики не употребляли термина относительная конъюнктура, но это не меняет существа дела. Правда, анализируя народное хозяйство в условиях равновесия, т.е. при предположении, что рыночные цены совпадают с естественными и что нормы прибыли по отраслям равны, они рассматривали колебания относительной конъюнк-

¹ Ср.: Ricardo D. On the principles of political economy and taxation, Ch. IV-VI.

туры (в указанном выше смысле) как чисто случайное явление. Однако последнее утверждение классиков не только не самоочевидно, а в значительной мере и прямо ошибочно. Если можно и должно допустить существование случайных колебаний относительной конъюнктуры, то не меньше оснований и для того, чтобы допустить существование также и закономерных колебаний ее. Поскольку, как было отмечено выше, существует тесная связь колебаний общей конъюнктуры с колебаниями конъюнктуры относительной и поскольку колебания общей конъюнктуры закономерны, постольку этот тезис имеет все необходимые основания.

в) Различные отрасли торговли являются более или менее прямым продолжением соответствующих отраслей производства. Поэтому все изложенное выше в пункте "а" *mutatis mutandis* приложимо и к вопросу об относительной конъюнктуре различных отраслей торговли.

с) Равным образом, в общем опираясь на те же основания, можно показать применимость и значение понятия относительной конъюнктуры в сфере взаимоотношений производства, с одной стороны, и торговли — с другой.

д) Но понятие относительной конъюнктуры приложимо не только к различным отраслям товарного производства и оборота, а и к различным сферам денежно-кредитного оборота. В современном народном хозяйстве кредит и соответственно денежно-капитальный рынок имеют совершенно исключительное значение¹. Количество ссудного капитала, который предлагается на этом рынке, с течением времени меняется. Но так же как и в случае с реальным капиталом, в каждый данный момент, при данном состоянии товарного рынка оно определено. Ссудный капитал может иметь различное приложение. Он может идти в твердоходные или в дивидендные бумаги, на длительные или более короткие сроки и т. д.² В связи с этим между различными сферами спроса на ссудный капитал имеет место также своего рода борьба и антагонизм. И вопрос о том, куда и в каких размерах направляется ссудный капитал, решается в зависимости от степени относительной благоприятности условий его приложения в различных областях. Иначе говоря, вопрос решается

¹ Ср.: Beckerath H. *Kapitalmarkt und Geldmarkt*. Jena, 1916. S. 3–69.

² Там же; см.: Капенеленбаум Э. С. *Учение о деньгах и кредите*, 1922. Ч. II, с. 44 и сл.; Spiethoff A. *Die äussere Ordnung des Kapital und Geldmarktes* // Schmoller's Jahrbuch. 1909. Bd 33. S. 444 и сл.

состоянием относительной конъюнктуры рынка твердоходных и дивидендных ценных бумаг, рынка долгосрочных и краткосрочных помещений капитала и в конечном счете товарного и фондового рынка¹.

Таким образом, мы видим, что во всех основных областях хозяйственной жизни, всюду, где между ними имеет место не только солидарная, но и та или иная антагонистическая связь, явление относительной конъюнктуры выступает с полной отчетливостью и притом в качестве одного из решающих активных условий для процесса хозяйственного развития.

6. Но если это так, то вполне естественно, что хотя понятие относительной конъюнктуры открыто и не вошло в научный обиход, однако самое явление, обозначаемое этим понятием, должно было найти то или иное отражение в экономической теории. Действительность вполне подтверждает это положение.

Уже выше мы отмечали, что учение о соотношении рыночной и естественной (или нормальной) цены, а также о тенденции нормы прибыли к равенству формулируется классиками и последующими экономистами на основе явлений относительной конъюнктуры.

Однако наиболее часто к явлениям относительной конъюнктуры обращаются различные учения об экономических циклах и кризисах. Можно определенно сказать, что почти все теории, так или иначе связывающие циклы и кризисы с возникновением диспропорций в развитии различных отраслей и элементов народного хозяйства, логически неизбежно приводят к явлениям относительной конъюнктуры.

Это можно сказать прежде всего о тех теориях, которые в той или иной форме связывают существование экономических циклов с диспропорциональным развитием различных отраслей производства. Сюда, например, относится теория *Туган-Барановского*, согласно которой кризисы при капиталистической системе народного хозяйства возникают на той основе, что пропорциональность развития различных отраслей производства под давлением внутренних сил этой системы нарушается². Сюда же нужно отнести теорию *Маркса* и его школы. Согласно этой теории, хотя *важнейшая предпосылка* кризисов и лежит в

¹ Ср.: Karsten K.G. The Harvard Business Indexes — a new interpretation // Journal of the American Statistical Association, December 1926; Beckerath H. Op. cit. S. 96 и сл.

² Ср.: Туган-Барановский М.Я. Указ. соч. С. 222 и сл.

противоречии между постоянной тенденцией капиталистического производства к экспансии и ограниченными возможностями при этой системе хозяйства для роста потребления, однако основной непосредственной причиной кризисов является диспропорционально большое развитие производства средств производства¹.

Равным образом теория перекапитализации, развития Бунятяном, связывает возникновение кризисов с диспропорциональным ростом производства капитальных благ во время промышленного расцвета².

Теория циклов Афталиона базируется на особенностях капиталистической техники производства и прежде всего на длительности времени, необходимого для производства основного капитала. Однако органическим звеном и этой теории является тезис, что в период подъема наблюдается диспропорционально сильный рост тех отраслей, которые производят средства производства, и соответственно диспропорционально сильный рост цен на сырые материалы³. Признание последнего тезиса находим мы и у Косселя⁴. *Шпитгоф* в своем объяснении перелома конъюнктуры к понижению равным образом основное значение придает перепроизводству благ высшего порядка, т.е. средств производства⁵.

Чтобы не увеличивать количества примеров, упомянем из числа теорий, связывающих циклы конъюнктуры с диспропорциональным развитием различных отраслей производства, еще лишь теорию Зомбарта. Зомбарт видит основную причину перелома конъюнктуры к понижению в диспропорции между ростом производства благ неорганического происхождения (благ длительного пользования и средств производства) и благ органического, т.е. по существу сельскохозяйственного происхождения⁶.

¹ Ср.: Marx K. Das Kapital. Bd II. Kap. XX–XXI; Bd III. Kap. VI, XIV, XV; idem. Theorien über den Mehrwert. 5-te Auflage. Berlin, 1923. Theil 2. S. 262 и сл.; Hilferding R. Das Finanzkapital, 1909. Kap. XVI–XVII.

² Бунятын М.А. Экономические кризисы. М., 1915. С. 184 и сл.

³ Ср.: Aftalion A.A. Op. cit. T. II. Ch. II–VII; T. I. Ch. I–XV; idem. The Theory of Economic cycles based on the capitalistic technic of production // The Review of economic statistics. 1927. Vol. IX. N 4.

⁴ Ср.: Cassel G. Op. cit. P. 472 и сл.

⁵ Ср.: Spiethoff A. Op. cit. P. 70 и сл.

⁶ Ср.: Sombart W. Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus. München-Leipzig, 1927. Zweiter Halbband, S. 563 и сл.; idem. Die Störungen im Deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 и сл. // Schr. d. V. f. Sozialpol. Bd 113. S. 131 и сл.

Таким образом, основные теории, связывающие приостановку повышательной волны цикла и кризис с условиями производства, действительно оперируют с явлением дифференциальной или относительной конъюнктуры различных отраслей производства. Однако с явлением относительной конъюнктуры имеют дело не только эти теории общей конъюнктуры, но и многие другие.

Здесь прежде всего необходимо отметить те теории, которые связывают экономические циклы и кризисы с дифференциальным движением различных видов цен. Такова среди новейших теория Ледерера. Согласно этой теории во время подъема цены сырья растут наиболее значительно. Менее значительно растут цены готовых изделий, еще менее — цены рабочей силы (заработная плата), вознаграждение государственных служащих и цены за пользование капиталом, отданным в ссуду (процент). Выражаясь в терминах относительной конъюнктуры, можно сказать, что в период подъема относительная конъюнктура различных сфер товарного рынка, рынка труда и капитала изменяется. В результате происходит значительное перераспределение доходов, ведущее при росте производства к относительному уменьшению покупательной силы общества. Это и создает предпосылки для кризиса и депрессии¹.

Наконец, можно указать на те теории экономических циклов, которые связывают их специально с дифференциальным движением товарных цен и процента, т.е. в наших терминах с относительной конъюнктурой товарного рынка и рынка денежно-капитального. Среди этих теорий следует отметить, например, теорию *Я. Фишера*, развивавшуюся им до последнего времени².

Наряду с общими теориями экономических циклов понятием относительной конъюнктуры фактически иногда пользуются и специальные исследования отдельных вопросов конъюнктуры, в частности вопроса о динамике соотношения цен и о влиянии его на динамику производства.

¹ См.: Lederer E. Op. cit. P. 387 и сл. Сюда же нужно по существу отнести формулированную в менее развитой форме теорию R.E. May (Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen. 1902).

² См.: Fischer I. The purchasing power of money. 1922. Ch. IV и XI, § 15; idem. The business cycle largely a dance of the dollar // J. of American Statistical Association. Vol. XVIII. В самое последнее время Фишер пришел к отрицанию существования экономических циклов (Our unstable dollar and the so-called Business Cycle // Ibidem (Vol. XX).

Так, например, сравнительная устойчивость животноводства при явной деградации зернового хозяйства в Западной Европе во время длительной депрессии сельского хозяйства после 70-х годов связывается с относительно более благоприятным уровнем цен на животноводческие продукты¹. Равным образом особенно тяжелое положение сельского хозяйства после кризиса 1920 г., в частности в Соединенных Штатах, связывается с относительным падением цен сельскохозяйственных товаров по сравнению с ценами промышленных товаров, с заработной платой, железнодорожными тарифами и т. д.² Можно указать далее ряд работ, в которых колебания состояния отдельных отраслей производства и уровня цен на их продукты ставятся в зависимость от сравнительного положения других отраслей производства и относительного уровня цен на продукты этих отраслей (например, кукуруза и свиноводство, состояние зернокомовой продукции (урожаи и неурожаи) и состояние скотоводства, льняная и хлопчатобумажная промышленность и др.)³.

7. Из предыдущего видно, что фактически экономическая наука в различных случаях пользуется понятием относительной конъюнктуры. Однако она не формулирует этого понятия и не исследует проблемы относительной конъюнктуры последовательно и систематически подобно тому, как исследует проблему общей конъюнктуры. Между тем очевидно, что эта проблема имеет огромное значение, и есть все основания думать, что систематическое изучение ее может дать ряд плодотворных теоретических выводов, в частности углубить разработку вопросов общей конъюнктуры. Общую задачу систематического изучения относительной конъюнктуры можно свести к следующим частным задачам: 1) установление фактического хода относительной конъюнктуры в тех областях народного хозяйства, где это понятие может найти приложение; 2) выявление закономерности движения относительной конъюнктуры; 3) объяснение ее

¹ См.: Sering M. Die Agrarkrisen und Agrarzölle // International Price Movements. P. 2-7.

² Ср.: Warren G.F., Pearson F.A, The agricultural situation. Passim.

³ Ср., напр.: Engberg R.C. Industrial prosperity and the farmer. N.Y., 1927, в особенности гл. VIII; Sarle Ch.F. Forecasting the Price of Hogs // The American econ. review. Vol. XV, N 3. Supplement N 2, September, 1925; Wallace H.A. Forecasting corn and hog prices // The Problem of business forecasting. 1924; Череванин Ф.А. // Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет 1883-1923 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927. Ч. I; Афталион А. Борьба хлопка и льна. М., 1909.

хода; 4) определение влияния колебаний ее на ход динамических процессов в различных областях народного хозяйства и 5) в частности, установление связи между колебаниями общей (а также специальной) и относительной конъюнктуры.

8. Самое понятие относительной конъюнктуры, сформулированное выше, в значительной мере определяет приемы ее изучения.

Так как понятие относительной конъюнктуры предполагает сопоставление изменений *в состоянии* различных отраслей и сфер народного хозяйства, то очевидно, что для такого сопоставления необходимо иметь сравнимые однозначные показатели их состояния на протяжении изучаемого периода. В зависимости от того, далее, о состоянии каких отраслей и сфер народного хозяйства идет речь, эти показатели и их число могут быть различны. Если, например, речь идет об относительной конъюнктуре различных отраслей производства, такими показателями могут служить: 1) показатели доходности этих отраслей; 2) цены на предметы их производства; 3) размеры производства; 4) в некоторых случаях (промышленность) количество занятых рабочих; 5) процент безработных; 6) количество банкротств и др. Если речь идет о состоянии различных отраслей торговли, то такими показателями могут служить цены сбыта и закупки, размеры сбыта, доходность, банкротства и т.д. Если, далее, речь идет о состоянии рынков товарного и денежно-капитального, то такими показателями могут служить уровень цен, с одной стороны, и уровень процента — с другой, доходность производственно-торговых и кредитных предприятий, количество банкротств среди тех и других предприятий и т.д.

Отсюда видно, что при выяснении изменений относительной конъюнктуры взятых отраслей народного хозяйства мы имеем возможность, как правило, пользоваться сравнением нескольких пар сопоставимых показателей. Но из того, что говорилось выше о регулирующем воздействии соотношения цен на передвижение капитала и размеры производства, ясно, что все показатели каждой данной отрасли органически связаны между собой. При этих условиях сопоставление каждой пары показателей анализируемых отраслей теоретически должно рисовать изменение относительной конъюнктуры последних в общем однозначно. В эмпирической действительности такой строгой связи между отдельными показателями каждой данной отрасли, конечно, нет. Следовательно, и однозначность выводов из сопоставления соответствующих пар показателей различных отрас-

лей народного хозяйства не может быть совершенно строгой и точной. Эту оговорку необходимо иметь в виду. Но она не подрывает общей правильности предыдущего положения.

При изучении относительной конъюнктуры двух или более взятых отраслей можно идти путем прямого сопоставления соответствующих пар их показателей. Для такого сопоставления достаточно было бы просто выписать ряды этих пар показателей параллельно и затем сравнивать их изменения. Однако этот простейший прием малоудобен, и при большом числе показателей при помощи его определенный вывод об изменении относительной конъюнктуры интересующих нас отраслей народного хозяйства получить было бы трудно.

Гораздо удобнее было бы перевести ряды показателей изучаемых отраслей в индексную форму на основе одного и того же базисного периода, определить отношение показателей одной отрасли к соответствующим показателям другой и затем уже строить выводы на основе полученных рядов отношений. Этот прием можно иллюстрировать следующей условной схемой, построенной применительно к двум отраслям производства.

Отношение показателей первой отрасли к соответствующим показателям второй отрасли (исходный период принят за базу):

Показатели	Даты					
	100	101	102	102	103	105
Доходность	100	101	102	102	103	105
Цены	100	102	103	103	104	106
Продукция	100	100	101	102	103	104
Количество занятых рабочих и т.д.	100	100	100	101	101	102

Отсюда видно, что хотя соотношение отдельных пар показателей двух взятых отраслей меняется и не строго соответственно, но оно меняется достаточно определенно и однозначно. Из схемы ясно видно, что относительная конъюнктура первой отрасли повышается, а второй — падает.

Однако к тем же выводам можно было бы прийти при помощи и третьего приема. Можно было бы определить отношение показателей той или другой отрасли, переведенных предварительно в индексную форму, не друг к другу, а к какому-либо третьему ряду соответствующих показателей, например индексы цен товаров данных отраслей к индексу общего уровня цен, индекс продукции данных отраслей к общему индексу продукции и т.д. По полученным новым рядам отношений равным образом можно было бы довольно ясно судить об относительной

конъюнктуре интересующих нас отраслей. Последний прием имеет преимущества особенно в тех случаях, когда ставится задача выяснить относительную конъюнктуру данной отрасли производства (торговли и т.д.) не столько по сравнению с конъюнктурой другой отрасли, сколько по сравнению с общим состоянием производства (или соответственно торговли и т.д.).

9. Но какой бы путь при изучении относительной конъюнктуры мы ни избрали, во всяком случае необходимо принять во внимание следующее. В предыдущем изложении ради ясности и простоты мы все время говорили только о понятии относительной конъюнктуры, т.е. о колебаниях в сравнительном экономическом положении различных отраслей и сфер народного хозяйства. Однако сравнительное положение их может обнаружить не только *колебания*, но одновременно также и определенную тенденцию изменения в том или ином направлении. Эту тенденцию изменения мы уже не можем подвести под понятие относительной конъюнктуры. *Тенденцию изменения сравнительного положения изучаемых отраслей или сфер народного хозяйства, идущую в том или другом направлении, можно обозначить как относительную тенденцию их развития. Явления относительной конъюнктуры и относительных тенденций развития в совокупности составляют область явлений относительной динамики народного хозяйства.* Основания, значение, задачи и приемы изучения относительных тенденций развития остаются, *mutatis mutandis*, те же, которые были указаны выше в связи с понятием относительной конъюнктуры. Поэтому мы не будем повторяться. Подчеркнем лишь, что, сопоставляя тем или другим способом соответствующие пары показателей изучаемых отраслей народного хозяйства, в полученных после этого сопоставления рядах мы не должны смешивать процессы колебаний относительной конъюнктуры и тенденции относительного развития. В этих целях, получив ряды соотношений между соответствующими парами показателей, мы должны на основе этих рядов прежде всего определить тенденции относительного развития и по возможности исключить их. Лишь после этого можно утверждать, что полученные ряды соотношений (за изъятием случайных колебаний) отражают колебания относительной конъюнктуры.

10. Ограничимся в постановке проблемы относительной конъюнктуры и динамики изложенным. Систематическое исследование этой проблемы не входит в нашу задачу. Задачей дальнейшего изложения служит исследование динамики цен

сельскохозяйственных и промышленных товаров. Однако, как было уже указано выше, нами исследуется здесь и динамика соотношения этих цен. Иначе говоря, изучение динамики цен ведется нами также и под углом зрения проблемы относительной динамики и конъюнктуры. В этом смысле предлагаемая работа является конкретным опытом исследования проблемы относительной динамики и конъюнктуры в определенной области.

III. Динамика и колебание абсолютного уровня цен сельскохозяйственных и промышленных товаров

1. *Предварительные замечания.* Исследование динамики цен сельскохозяйственных и промышленных товаров и в связи с этим относительной динамики и конъюнктуры сельского хозяйства и промышленности выполнено нами по данным Англии и Соединенных Штатов Северной Америки с конца XVIII в.

Беря данные по двум, и притом именно по двум этим странам, мы руководились следующими соображениями. Во-первых, совершенно очевидно, что изучение данных только по одной стране было бы недостаточно. Выводы, полученные в результате изучения материалов одной страны, могли бы оказаться нетипичными, и их было бы рискованно положить в основу каких-либо обобщений. Изучение материалов, по крайней мере по двум странам, при удачном выборе последних уже в значительной мере устраняет эту опасность. Разумеется, было бы надежнее взять данные по большему количеству стран. Однако при изучении данных за столь длительный период значительным препятствием для этого помимо чрезвычайно большого усложнения работы являются также и состояние фактических данных. Во-вторых” динамика и конъюнктура сельского хозяйства и промышленности в странах сельскохозяйственного импорта, с одной стороны, и сельскохозяйственного экспорта — с другой, в некоторых отношениях различны. Поэтому представлялось целесообразным взять при исследовании тот и другой тип стран. В-третьих, выбор было целесообразно остановить на странах, достаточно мощных и влиятельных, так как рынок таких стран ближе отражает общие условия мирового рынка. Всем трем указанным требованиям в совокупности лучше всего удовлетворяют Англия и Соединенные Штаты. При этом выбор, в частности, Англии диктуется еще и тем соображением, что она относительно в наименьшей степени испытала воздействие протекционизма.

2. *Материалы и метод их обработки.* Укажем, далее, использованные материалы и примененные методы обработки данных о ценах.

В основу отбора материалов о ценах были положены следующие правила: 1) среди изучаемых цен должны быть представлены по возможности все основные группы товаров, производимых или перерабатываемых в данной стране и достаточно характерных для нее. В связи с этим группа колониальных товаров как мало показательных в исследование не вошла; 2) чтобы избежать случайности выводов, количество товаров, включенных в разработку, должно быть достаточно велико; 3) так как задача исследования относительной конъюнктуры сельского хозяйства и промышленности требует сопоставления цен тех же сельскохозяйственных и промышленных товаров за весь изучаемый период, то в разработку должны быть взяты по возможности лишь те товары, данные о ценах на которые имеются за весь этот период.

По Англии изучению были подвергнуты цены за период с 1786 по 1924 г. включительно. Причем в соответствии с указанными правилами отбора материалов и по состоянию данных, находившихся в нашем распоряжении, оказалось возможным включить в разработку цены следующих 25 товаров: 1) ржи, 2) пшеницы, 3) овса, 4) ячменя, 5) гороха, 6) бобов, 7) риса, 8) масла коровьего, 9) мяса, 10) шерсти, 11) хлопка, 12) шелка, 13) льна, 14) пеньки, 15) табака, 16) льняного масла, 17) пальмового масла, 18) оливкового масла, 19) хлопчатобумажной пряжи, 20) железа, 21) меди, 22) олова, 23) цинка, 24) каменного угля и 25) лесных материалов.

Взятое количество товаров достаточно значительно. Расширить список их еще больше оказалось невозможным, главным образом по соображениям обеспечения непрерывности рядов. Беря приведенные товары, мы допустили нарушение этого правила в минимальном числе случаев, а именно цены по углю введены в исчисление с 1805 г. и цены пряжи — с 1814 г. Все данные о ценах были взяты в золотом исчислении¹.

¹ Источники, из которых были взяты данные о ценах по Англии: Tooke T. History of prices and of the state of the circulation from 1793 to 1837. London, 1838. Vol. 11; idem. Thoughts and details on the high and low prices, 1823. Pt. I; Mulhall. The dictionary of statistics. London, 1903; idem. History of prices since the year 1850. London, 1885; Jevons W. The Variation of prices and the value of the currency since 1782. (см.: idem. Investigations in currency and finance. London, 1909); McCulloch D. A statistical account of the British Empire. Voll. II, Part III, Ch. IV; Journal of the Royal Statistical Society за различные годы; Report on wholesale and retail prices. London, 1903; Statistical abstract of the United Kingdom за различные годы.

На основании первоначальных данных о ценах были построены индексы для каждого товара. В качестве основания для индексов были взяты среднеарифметические цены за 1901–1910 гг. Индивидуальные индексы при помощи среднегеометрической были сведены затем в индексы групповые. Причем товары внутри каждой группы не взвешивались. Были построены следующие групповые индексы:

I группа	— зерновые хлеба, в которую вошли товары, перечисленные выше под №	1–6
II группа	— животноводческие предметы потребления	8–9
III группа	— промышленно-техническое сырье	10–15
IV группа	— растительные масла	16–18
V группа	— текстильные изделия	19
VI группа	— металлы	20–23
VII группа	— минеральное топливо	24
VIII группа	— лесные материалы	25

*Индекс цен риса из групповой разработки был исключен.

Далее, из частных групповых индексов (I–III) был построен общий групповой индекс цен сельскохозяйственных товаров, а из частных групповых индексов (IV–VIII) — индекс цен промышленных товаров. Эти два индекса строились также без взвешивания по методу среднегеометрической. Наконец, тем же методом из индекса цен всех сельскохозяйственных и всех промышленных товаров был построен общий индекс цен, причем индексы цен сельскохозяйственных и промышленных товаров были взяты с равными весами.

По С.-А.С.Ш. были подвергнуты изучению за период с 1801 по 1921 г. цены следующих 19 товаров: 1) пшеницы, 2) овса, 3) кукурузы, 4) говядины, 5) свинины, 6) масла коровьего, 7) шерсти, 8) шкур, 9) хлопка, 10) муки пшеничной, 11) сахара, 12) ткани хлопчатобумажной, 13) чугуна, 14) свинца, 15) олова, 16) меди, 17) угля, 18) керосина и 19) лесных материалов¹.

¹ И использованные источники данных о ценах по С.-А.С.Ш. таковы: Приложение к ст.: Hansen A.H. Wholesale prices in the U. St. 1801–1840 // Bulletin of the Un. St. Bureau of Labour Statistics. N 367; Report by Mr. Aldrich from the Committee on Finance, published in Senate Documents N 1394; Bulletin of the Un. St. Bureau of Labour Statistics (различные номера, в частности № 415); Statistical abstract of the Un. St. (различные годы); Department of Agriculture. Agriculture Yearbook (различные годы); American State papers. Commerce and Navigation. Class IV. Vol. II, VII; Boyle J.E. Chicago Wheat prices. (Большая часть данных после 1840 г. была предоставлена автору Dr. O.C. Stine (Department of agriculture. Washington) и prof. A.H. Hansen (University of Minnesota)).

Метод обработки данных по С.-А.С.Ш. был тот же, что и по Англии. Причем были построены следующие частные групповые индексы:

I группа	— зерновые хлеба, в которую вошли товары под №	1—3
II группа	— животноводческие предметы питания	4—6
III группа	— промышленно-техническое сырье	7—9
IV группа	— продукты пищевой промышленности	10—11
V группа	— текстильные изделия	12
VI группа	— металлы	13—16
VII группа	— минеральное топливо	17—18
VIII группа	— лесные минералы	19

В общий групповой индекс цен сельскохозяйственных товаров были включены группы I—III, а в индекс промышленных товаров — группы IV—VIII.

Из сказанного ясно, что построенные нами индексы цен для Англии и С.-А.С.Ш. хотя и не вполне однородны, но все же достаточно близки.

3. *Общие тенденции изменения уровня цен.* Как уже указывалось выше, одной из основных задач нашего анализа цен сельскохозяйственных и промышленных товаров является изучение их относительной динамики. Но для того чтобы сделать этот анализ более ясным, остановимся предварительно на характеристике движения абсолютного уровня построенных индексов цен. Причем, характеризуя движение этих индексов, мы сосредоточим внимание, во-первых, на их основных тенденциях, во-вторых, на характере тех колебаний, которые они обнаруживают.

Общий характер движения среднего уровня цен, а также цен промышленных и сельскохозяйственных товаров в Англии является следующей диаграммой (диаграмма 1).

Из диаграммы видно, что с начала XIX в. до мировой войны как общий индекс, так равно и индексы цен сельскохозяйственных и промышленных товаров обнаруживают в общем понижающую тенденцию. Причем понижающая тенденция индекса промышленных товаров выражена сильнее, чем индекса сельскохозяйственных товаров. Во время мировой войны все индексы вновь поднялись до исходного уровня и даже выше его. Но с 1918/19 гг. они резко падают и в настоящее время держатся на уровне более низком, чем в начале XIX в.

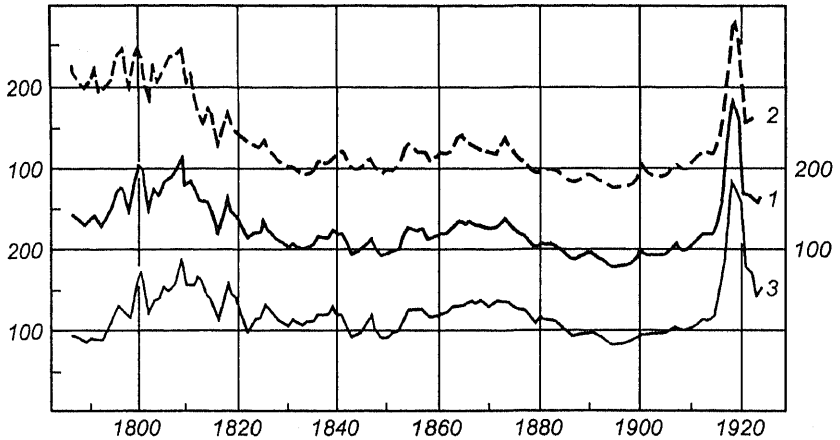

Диаграмма 1. Индексы цен

1 — общий; 2 — промышл[енных] товаров; 3 — с[ельско]хоз[яйственных] товаров

Движение общего индекса цен по С.-А.С.Ш. обнаруживает частью те же общие тенденции, но имеет и существенное отличие. Это видно из диаграммы 2.

Диаграмма обнаруживает, что общий индекс, а также индекс промышленных товаров до начала мировой войны дают, как и английские индексы, определенно выраженную понижающую тенденцию. Наоборот, *в отличие от Англии, индекс сельскохозяйственных товаров в С.-Л.С.Ш. обнаруживает хотя и слабо выраженную, но повышающую тенденцию*¹.

Посмотрим теперь, каковы *основные длительные тенденции индексов цен по отдельным частным группам товаров в Англии*. По отдельным группам сельскохозяйственных товаров они характеризуются диаграммой 3.

Из диаграммы видно, что основные длительные тенденции цен отдельных групп сельскохозяйственных товаров различны. Группа животноводственных продуктов потребления обнаружи-

¹ К тем же заключениям о характере движения цен по Соединенным Штатам приводят и другие имеющиеся индексы. См. общий индекс, приведенный в "European Currency and Finance" (Commission of gold and silver inquiry Un. St. Senate. Washington, 1925. P. 436). См. также индекс сельскохозяйственных цен, построенный А.Н. Hansen и приведенный в его работе "The effect of price fluctuations on agriculture" (The Journal of political economy. April 1925).

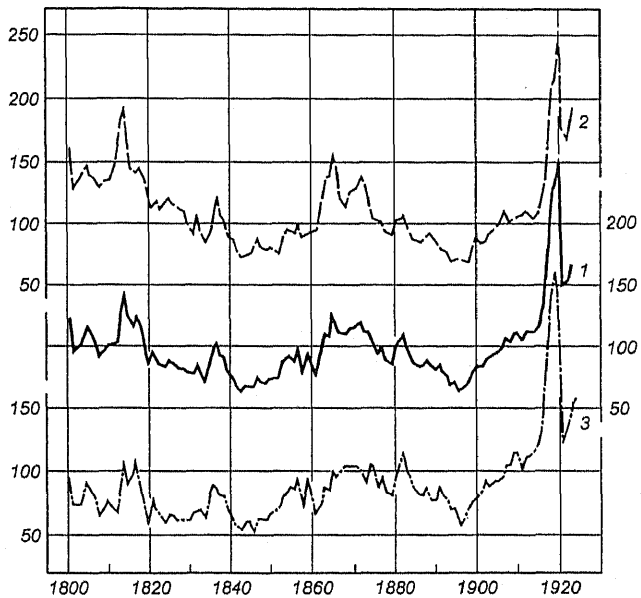

Диаграмма 2. С.А.С.Ш. Индексы цен

1 -- общий; 2 -- промышл[енных] товаров; 3 -- с[ельско]хоз[яйственных] товаров]

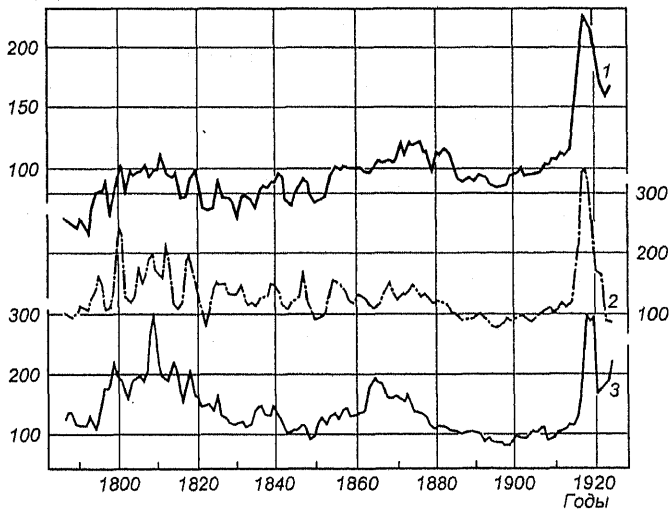

Диаграмма 3. Индексы с[ельско]хоз[яйственных] товаров по группам

1 -- продукты животноводства; 2 -- хлеба; 3 -- техническое сырье

вает определенно выраженную повышательную тенденцию. Наоборот, группа хлебных продуктов, а также группа технического сырья до мировой войны дает понижительную тенденцию. Эта тенденция очень слабо выражена в ценах первой и более резко в ценах второй группы. Причем необходимо заметить, что во второй группе понижительную тенденцию обнаруживают цены всех входящих в нее товаров, в том числе и цены животноводческого сырья, как шерсть и шелк.

Динамика индексов цен по различным группам промышленных товаров дана в диаграмме 4.

Анализируя диаграмму, мы видим прежде всего, что группа текстильных изделий и металлов обнаруживает отчетливую, хотя и неравномерную понижительную тенденцию. Эта тенденция гораздо менее резко выражена в группе растительных масел и лесных материалов. Что касается угля, то его цены дают очень значительное падение до 50-х годов XIX в., но затем держатся в общем устойчиво, обнаруживая даже некоторую тенденцию к повышению, особенно заметную с 80-х годов. Таковы основные длительные тенденции цен по различным группам товаров.

Основные тенденции групповых индексов С.-А.С.Ш. частью те же, частью иные, чем в Англии. Групповые индексы промышленных товаров (продукты пищевой и текстильной промышленности, металлы, минеральное топливо) обнаруживают здесь общую понижительную тенденцию. Наоборот, в отличие от них группа лесных материалов дает повышательную тенденцию. Из сельскохозяйственных товаров так же, как и в Англии, животноводческие продукты потребления обнаруживают здесь резко повышательную тенденцию. Группа зерновых хлебов в отличие от Англии дает хотя и слабо выраженную, но повышательную тенденцию. Цены групп технического сырья в целом за рассматриваемый период почти стационарны. Таким образом, по С.-А.С.Ш. среди сельскохозяйственных товаров, по крайней мере две группы обнаруживают повышательную тенденцию при стационарности цен третьей группы. В силу этого и общий индекс сельскохозяйственных товаров здесь хотя и медленно, но повышается. Ради краткости групповых данных по С.-А.С.Ш. приводить не будем.

4. *Причины изменения уровня цен.* Таковы факты, касающиеся основных тенденций движения общего уровня цен, уровня цен сельскохозяйственных и промышленных товаров. Эти факты совершенно отчетливо выдвигают по меньшей мере следующие три важнейшие проблемы: а) почему общий уровень

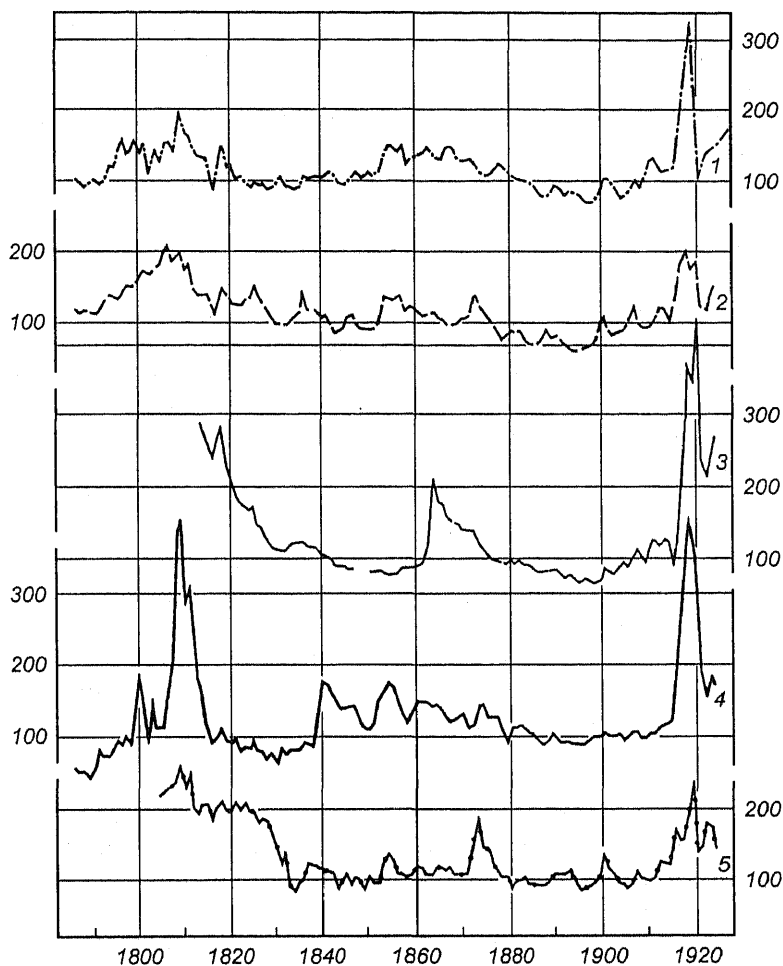

Диаграмма 4. Индексы промышлен[енных] товаров по группам

- 1 — растительн[ое] масло; 2 — металлы; 3 — пряжа;
4 — лесные материалы; 5 — уголь

цен, уровень цен промышленных (по Англии и С.-А.С.Ш.) и сельскохозяйственных товаров (по Англии) обнаруживает длительную понижательную тенденцию? б) почему из всех товаров наиболее определенную повышательную тенденцию как по Англии, так и по С.-А.С.Ш. обнаруживают животноводческие про-

дукты потребления? в) почему уровень цен сельскохозяйственных товаров по С.-А.С.Ш. понижающейся тенденции не обнаруживается?

а) Понижение общего уровня цен означает одновременно повышение покупательной силы золота. Но понижается ли общий уровень цен потому, что повышается покупательная сила золота в силу условий, лежащих на стороне золота, или, наоборот, покупательная сила золота повышается потому, что падают цены в силу условий, лежащих на стороне производства и спроса-предложения товаров? *Если иметь в виду не колебания, а длительные основные тенденции цен* рассматриваемого периода, то на этот вопрос следует дать ответ, по-видимому, во втором смысле. Гипотеза, объясняющая общую понижающую тенденцию цен повышением покупательной силы золота, представляется маловероятной по ряду соображений.

Самостоятельная вековая повышательная тенденция покупательной силы золота могла бы иметь место, если исключить временные отклонения или в силу нарастающего недостатка золота, или в силу нарастающей дороговизны его добычи.

Когда говорят о недостатке или избытке золота, то исходят из идеи уравнения обмена и, следовательно, имеют в виду относительный недостаток или избыток золота, т.е. недостаток или избыток его при данном состоянии кредита, товарного оборота и скорости обращения денег. В соответствии с этим нельзя отрицать, что в отдельные периоды наличное количество золота могло быть относительно недостаточным или, наоборот, избыточным¹. Это обстоятельство следует в той или иной форме учесть при объяснении колебания цен. Но нет никаких оснований утверждать, что недостаток золота в указанном смысле с начала XIX столетия имел общую тенденцию нарастать. Если бы это было так, тогда, действительно, общий уровень цен падал бы в силу причин, лежащих на стороне денег, или во всяком случае и в силу этих причин. Но так как различные и весьма важные процессы хозяйственной жизни, связанные с денежными расчетами, требуют различного и часто длительного времени, то понижение цен в силу повышения покупательной силы золота

¹ Ср.: Fisher I. The purchasing power of money, 1922. P. 234 и сл.; Sombart W. Der moderne Kapitalismus. 1922. Bd I. Kap. 31; Denis H. La depression économique et sociale et l'histoire des prix. Bruxelles, 1895. P. 179 etc.; Cassel G. Theoretische Sozialökonomie. S. 404 и сл.; Layton W.T. An introduction to the study of prices. London, 1922. Passim.

на протяжении почти всей эпохи промышленного капитализма должно было бы вносить в эти процессы значительные затруднения и тормозить развитие народного хозяйства. Если это верно, если верно также, что исторически, на основе технического прогресса и улучшения организации предприятий, устранялись весьма значительные препятствия для развития народного хозяйства, то *теоретически весьма трудно допустить*, что не могло быть найдено путей для устранения тех препятствий его развитию, которые возникали на почве нарастающего денежного голода. Но если это допущение маловероятно теоретически, то оно не доказано и эмпирически. Правда, эмпирическое доказательство или опровержение тезиса о нарастающем недостатке золота сопряжено с исключительными трудностями и, строго говоря, пока едва ли возможно. Однако фактические данные по этому вопросу все же не лишены некоторого иллюстрационно-показательного значения.

Можно считать бесспорным, что с начала XIX в. международная торговля возрастала *во всяком случае* не менее быстро, чем внутренняя торговля отдельных стран. Если теперь сопоставить имеющиеся данные об эволюции мировой торговли с изменением мировых запасов золота, то мы получим следующую картину:

Годы	Международная торговля в млн. долл.*	Мировой запас золота в тыс. кг**	Международная торговля в %	Мировой запас золота в % к 1800 г.
1800	766	2707	100,0	100,0
1850	3970	3592	518,3	132,7
1900	21 618	13 281	2 822,2	490,7
1910	37 426	18 679	4 885,9	690,0

*Ср. Лесей Г. Основы мирового хозяйства. М., 1925. С. 26. Взяты годы, ближайšie к десятилетию. Данные были разделены на средний индекс цен из английского и американского индексов, выраженных в золоте при базе за 1901–1910 гг. Иначе говоря, в таблице дан физический объем торговли при неизменном общем уровне цен за 1901–1910 гг. Разумеется, эти данные приблизительные (см. Neumann-Spallart und Juraschek, *Ubersichten der Weltwirtschaft (1885–1889)*. S. 730 и сл.).

**Первоначальные данные взяты из цитированной книги Cassel G. (S. 582) и пересчитаны в килограммы.

Отсюда ясно, что размеры товарооборота возрастают значительно быстрее, чем количество золота. Это как будто говорит в пользу нарастающей нужды в золоте. Однако приведенная таблица не учитывает изменения в скорости обращения денег и

роста безденежных расчетов при помощи кредитных документов. Мы не можем дать числовое выражение изменению скорости обращения денег. Но теоретически в связи с улучшением средств сообщения, ростом населения, развитием кредита и т. д. нужно принять, что и скорость обращения денег возростала.

Что касается безденежных расчетов, опирающихся главным образом на депозиты, то в каждый данный момент *при данных условиях организации кредита* их размер находится в более или менее определенном отношении к количеству золота¹. Но так как условия и организация кредита исторически меняются, то меняется и отношение количества депозитов к количеству денег и золота. При этом оно меняется в определенном направлении, а именно возрастает. Так, например, по нашим расчетам², отношение количества всех депозитов к количеству денег в обращении в С.-А.С.Ш. с 2,8 в 1875 г. увеличилось до 3,1 в 1895 г. и до 5,9 в 1915 г. По вычислениям И. Фишера, отношение частных депозитов к количеству денег в обращении (за исключением денег, находящихся в банках) повысилось с 3,1 в 1896 г. до 4,1 в 1909 г.³

Ту же самую картину роста этого отношения можно найти и в других странах. Допуская теперь, что развитие торговли С.-А.С.Ш. во второй половине XIX в. шло не менее быстрым темпом, чем в других странах, и учитывая рост не только денег в обращении, но и депозитов, мы получим для этой страны следующую картину относительного изменения объема торговли и средств обращения⁴.

Годы	Количество денег в обращении	Количество депозитов	Количество денег и депозитов	Внешняя торговля* по ценам 1875-1879 гг.
		в % к средним за 1875-1879 гг.		
1895	205,9	243,0	232,5	175,5
1905	331,6	560,5	496,8	268,3
1915	417,9	944,9	798,2	415,5

*Необходимо заметить, что развитие внешней торговли С.-А.С.Ш. за рассматриваемый период идет тем же темпом, что и внутренней торговли.

¹ См.: Fisher T. Op. cit. P. 48 и сл.; Cassel G. Op. cit. S. 355 и сл.

² По данным: Statistical Abstract of the Un. States. 1923 г.

³ См.: Fisher I. Op. cit. P. 280 и сл.

⁴ По данным: Statist. Abstract за 1923 г.

Отсюда ясно видно, что при росте количества денег в обращении приблизительно тем же темпом, как и внешней торговли, рост всех средств обращения благодаря стремительному развитию депозитов идет уже значительно более быстрым темпом, чем рост торгового оборота. При этом здесь еще не учтено возрастание скорости обращения денег и депозитов, которое в силу указанных выше причин в известной мере несомненно имело место.

К аналогичным выводам можно прийти на основании данных по Англии. Здесь с 1875–1879 гг. по 1913 г. количество денег в обращении увеличилось на 2,9%, количество депозитов — на 301,5, количество денег и депозитов — на 265,2, а объем внешней торговли по ценам 1875–1879 гг. — на 197,4%¹.

Полученные выводы с теми или иными оговорками можно распространить и на более ранние десятилетия XIX в.

Таким образом, статистические данные показывают, что если количество золота как такового с начала XIX в. и возрастает медленнее, чем товарный оборот, то рост количества средств обращения, опирающихся на этот запас золота, во всяком случае не обнаруживает отставания от роста товарооборота. При этих условиях тезис о нарастающем недостатке золота в указанном выше смысле остается недоказанным.

Новейшую и очень интересную попытку Касселя² доказать, что общий уровень цен (и его длительные колебания) с начала XIX в. следуют за изменением относительного количества золота равным образом нельзя “признать убедительной”. Относительное количество золота, по Касселю, представляет из себя отношение фактического количества золота к нормальному. Кассель констатирует, что в 1850 и в 1910 гг. индекс английских цен стоит на одном и том же уровне. Это дает ему основание полагать, что в том и другом году количество золота удовлетворяло потребности народного хозяйства в одинаковой степени и было нормальным. Сопоставляя количество золота в 1850 и в 1910 гг., Кассель находит, что за это время оно увеличилось в 5,2 раза, что соответствует ежегодному приросту его на 2,8%. Если бы, допускает он далее, количество золота в действительности ежегодно возрастало на 2,8%, то никто не мог бы припи-

¹ По данным “Annuaire statistique”. Paris, 1922; Layton W.P. Op. cit.; Statist. abstract of the Un. Kingdom за различные годы. Количество депозитов взято в % к средним за 1877–1879 гг.

² См.: Cassel G. Op. cit. S. 416 и сл.

сать изменение уровня цен изменениям в количестве золота. Мы имели бы кривую нормального и плавного роста количества золота, которую он по той же формуле продолжает назад до 1800 г. Но в действительности фактическое количество золота возросло иначе. И если взять отношение фактического количества к нормальному (относительное количество золота) и сопоставить это отношение с уровнем цен, то между ними обнаруживается чрезвычайно близкое совпадение. Это совпадение на первый взгляд производит впечатление, что основной тезис Касселя о влиянии относительного количества золота на уровень цен находит полное эмпирическое подтверждение. Однако при внимательном анализе вопрос оказывается сложнее.

Наиболее слабым местом всего доказательства Касселя является его понятие и метод определения нормального количества золота¹. Прежде всего совершенно неубедительно и неясно предположение Касселя, что нормальное количество золота должно возрастать равномерно. Это было бы так лишь при условии, если бы и все народное хозяйство возросло равномерно. В таком случае принцип равномерности роста оказывается основной необходимой предпосылкой равновесия народного хозяйства и цен. Однако равномерность роста представляет из себя лишь частный случай динамического равновесия народного хозяйства. Теоретически с таким же правом можно представить ускоряющийся, замедляющийся или иной темп развития, при котором народное хозяйство будет находиться в динамическом равновесии и количество золота будет нейтральным в отношении общего уровня цен.

Но если представляется спорным общий принцип равномерности изменения нормального количества золота, то еще более спорным оказывается конкретное количественное выражение его роста в 2,8% ежегодно. Этот коэффициент роста целиком зависит от выбора тех годов, когда индекс цен стоит на одном и том же уровне. Кассель взял 1850 и 1910 гг. Но это не единственные два года, когда индекс стоит на том же уровне. С неменьшим правом можно взять, например, годы 1820 и 1873, когда индекс в Англии стоял соответственно на уровне 153 и 154, или годы 1845 и 1878, когда индекс стоял на уровне 119 и 119².

¹ Ср.: Mildschuh W. Kreditinflation und Geldtheorie (Archiv f. Sozialw. und Sozialpol. Bd 52. S. 95 и сл.).

² Ср.: Annuaire statistique. Paris, 1922. P. 340–341.

Но в таком случае совершенно меняется коэффициент ежегодного роста так называемого нормального количества золота. В частности, если взять 1820 и 1873 гг., то он оказывается всего 1,9%, если же взять 1845 и 1878 гг., то он оказывается 3%.

В связи с этим меняется и соотношение фактического и нормального количества золота или относительное количество его. И, что самое главное, между новой кривой относительного количества золота и уровнем цен не оказывается необходимого соответствия¹. Таким образом, есть основание думать, что поразительное совпадение между кривой относительного количества золота и уровнем цен, получившееся у Касселя, представляет из себя по преимуществу результат *счастливого* выбора дат, когда цены стояли на одном и том же уровне.

Но если бы даже это было и не так, то все же в построении Касселя, как и в построении других авторов, стоящих на той же точке зрения, остается недоказанным, что изменение относительного количества золота является *причиной* изменения цен² и что не количество золота с теми или иными отклонениями следует за движением цен, а наоборот. Исходя из соображений, изложенных выше, мы и считаем возможным утверждать, что понижательную тенденцию общего уровня цен нельзя поставить в зависимость от нарастающего относительного недостатка золота.

Что касается теперь стоимости добычи золота, то при наличии фактов последовательного открытия новых богатейших месторождений золота и при наличии общего технического прогресса и падения издержек производства (см. ниже) равным образом нельзя утверждать, что с начала XIX в. общая тенденция ее была повышательной.

Помимо развитых выше соображений о роли золота в динамике цен необходимо указать, что объяснять понижательную тенденцию цен повышательной тенденцией покупательной силы золота значит как бы противопоставлять золото, размеры и стоимость его добычи общему процессу развития производства и товарного обращения. В действительности же размеры и стоимость добычи золота, как и всякого другого товара, находятся

¹ Ср.: Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры. М.: Экон. жизнь, 1928. С. 179 и сл.

² Ср.: Amonn A. Cassels System der theoretischen Nationalökonomie // Archiv f. Sozialw. und Sozialpol. Bd 51. S. 327 и сл.

в теснейшей зависимости от общих условий развития народного хозяйства.

Обратимся теперь от критических замечаний к положительным построениям. *Решающее значение для динамики абсолютного уровня цен с начала XIX в. имел прогресс техники (в широком смысле слова, т.е. включая сюда усовершенствование орудий производства, средств сообщения, организации предприятий и т.д.) и связанный главным образом с ним рост производительности труда. Этот рост техники производительности труда обусловил уменьшение издержек производства, которое в условиях напряженной внутренней международной конкуренции явилось важнейшей и ближайшей причиной описанной выше длительно понижательной тенденции цен.*

Может показаться, что это положение содержит в себе внутренний порочный круг. Согласно выставленному положению *ближайшей непосредственной* причиной понижения цен является падение издержек производства. Но так как издержки производства в *денежном выражении* являются функцией цен, то, объясняя снижение цен через снижение издержек, мы как будто объясняем снижение цен через снижение цен¹. Однако это не так. Издержки производства являются функцией не только цен, но и технических условий производства. В связи с этим можно и целесообразно различать издержки производства в *денежном выражении* и издержки в *реально-физическом* выражении, которые в конечном счете могут быть сведены к затратам труда².

Формулированное выше основное положение о причинах понижения цен имеет в виду издержки в реально-физическом выражении и снижение их под влиянием изменения технических и организационных условий³, находящихся свое конечное интегральное выражение в росте производительности труда.

Тезис о повышении производительности труда и падении реальных издержек производства с начала XIX в. может быть аргументирован и на основании некоторых статистических данных. В целях такой аргументации мы построили специальные индексы производительности промышленного и сельскохозяйственного труда.

¹ Ср.: Eulenburg F. Die Preisbildung in der modernen Wirtschaft // Grundriss der Sozialökonomik. Abteilung IV. Teil I. S. 286 и сл.

² Ср.: Aftalion A. Op. cit. T. I. P. 213–214; Taussig F. Principles of economics. N.Y., 1923. Vol. II. P. 153–155.

³ Ср.: Cassel G. Op. cit. S. 133 и сл.

Для Англии такие индексы по состоянию данных оказалось возможным построить, начиная со второй четверти XIX столетия. Для построения индекса производительности труда было необходимо прежде всего построить индекс физического объема сельскохозяйственного и промышленного производства, базой которых были взяты среднеарифметические данные за 1901–1910 гг.¹ Для сельского хозяйства нами был построен индекс физического объема производства по 4 группам. *Первая группа* — продукция хлебов. В эту группу вошло производство пшеницы, ячменя, овса, гороха и бобов. Индекс был построен для следующих дат: 1830, 1846, 1866, 1876, 1884 гг. и затем для каждого года вплоть до 1924 г. *Вторая группа* — продукция животноводства. За отсутствием данных о непосредственной продукции животноводства (молоко, шерсть, кожа, яйца и т.д.) мы вынуждены были ограничиться здесь построением индексов по данным о количестве голов крупного рогатого скота, овец и свиней². Индексы были построены для следующих дат: 1812, 1831, 1855, 1867 гг. и затем для каждого года до 1924 г.

Отсюда ясно, что до 1884 г. по первой и до 1867 г. по второй группам мы имеем лишь отдельные точки индексов. Соединяя в каждом ряду эти точки, мы получили непрерывные ряды индексов.

Третья группа — продукция интенсивных культур. Сюда вошла продукция картофеля, репы, брюквы и свеклы. По состоянию данных этот индекс оказалось возможно построить только с 1884 г. погодно. *Четвертая группа* — продукция сена. Этот индекс можно было построить с 1887 г.

По данным групповых индексов был построен невзвешенный общий индекс физического объема сельскохозяйственного производства. Причем, как ясно из предыдущего, мы могли построить этот индекс со второй четверти XIX в. по 1884 г. только по двум группам — по группе зерновой продукции и продукции

¹ Индексы физического объема производства были построены на основании следующих источников: Mulhali. The dictionary of statistics. London, 1903; Page W. Commerce and Industry. London, 1919. Vol. II; Porter. Progress of Nation. London, 1851; Statistical Tables and Charts relating to British and Foreign Trade and Industry. London, 1909; Statistical abstract for the Un. Kingdom за различные годы; Statesman's Yearbook 1926; Annuaire international de statistique agricole. Rome. 1925–26; The mineral Industry // Ed. by Roush. 1923–1925.

² Так как натуральная продукция каждой единицы скота с течением времени возрастала, то, беря вместо индекса продукции индекс числа голов скота, мы несколько снижаем темп роста индекса физического объема продукции животноводства.

животноводства. С 1884 г. общий индекс мог быть построен по трем, а с 1887 г. по четырем группам. Однако, пользуясь соотношением полного индекса с индексами из II и III групп за период 1884–1893 гг., мы сомкнули их в один непрерывный ряд индекса физического объема производства. (Динамику общего и групповых индексов физического объема сельскохозяйственного производства см. в приложении III.)

Для промышленности были построены индексы физического объема производства также по четырем группам.

Первая группа — продукция текстильной промышленности. В эту группу вошла продукция хлопчатобумажной промышленности, учтенная по количеству потребленного хлопка, продукция шерстяной промышленности, учтенная по исчисленным данным о потреблении шерсти, и производство льняной промышленности, учтенное по количеству потребленного льна. Групповой индекс объема производства текстильной промышленности был построен с 1801 г., причем отдельные отрасли вошли в него с весами, определенными по чистой продукции в среднем за 1821–1887 гг. Вторая группа — металлическая промышленность. Индекс был построен и сомкнут по данным о продукции чугуна для следующих точек: 1800, 1810, 1818, 1820, 1823, 1825, 1827, 1828, 1830, 1833, 1835, 1839, 1845, 1847, 1850, 1852, 1854 гг. и далее погодно. Третья группа — продукция горной промышленности. Групповой индекс, взвешенный по ценности производства за период с 1801–1888 гг., был построен на основании учета продукции каменного угля, железной руды, меди, свинца, цинка и олова. Четвертая группа — продукция деревообрабатывающей промышленности, учтенная по количеству ввезенного дерева (не считая идущего на производство мебели). Индекс группы был построен с 1803 г.

Из указанных групповых индексов промышленной продукции был построен общий индекс физического объема промышленного производства. Причем отдельные групповые индексы вошли с равными весами и общий индекс исчислялся при помощи средней геометрической¹.

Наконец, из индексов сельскохозяйственного и промышленного производства, взятых с равными весами, при помощи средней геометрической был образован общий невзвешенный индекс физического объема производства.

¹ По всем индексам промышленного производства за 1922–1924 гг. не учтено производство образовавшегося свободного государства Ирландии.

Построив индексы физического объема сельскохозяйственного и промышленного производства, мы затем построили индексы количества самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, в соответствующих отраслях промышленности, а также во всей промышленности. Индексы занятой рабочей силы по состоянию данных можно было построить лишь для тех годов, когда имели место цензы, т.е. через каждые 10 лет. Базой для этих индексов были взяты средние за 1901 и 1910 гг.¹ (см. приложение IV).

Построив таким образом индексы физического объема производства и занятой рабочей силы и деля первые на вторые, мы получили *индексы динамики производительности труда* в сельском хозяйстве, в промышленности и общий.

Движение важнейших индексов производительности труда нанесено на диаграмме 5.

При анализе этой диаграммы необходимо строго учесть следующие соображения. Приведенные индексы производительности труда ничего не говорят *относительно абсолютного уровня производительности труда* в той или другой отрасли народного хозяйства. Они указывают только на динамику производительности труда. Пересечение индексов в период 1904–1910 гг. объясняется исключительно тем, что за базу всех индексов взяты средние данные за 1900–1910 гг. Учитывая эти замечания, на основе диаграммы мы получаем следующий основной вывод: *производительность труда в течение анализируемого периода как в сельском хозяйстве, так и в промышленности значительно повысилась*. Она повышалась, хотя и различным темпом, почти непрерывно. Исключение составляет период с 30-го по 40-й год для сельского хозяйства, когда наблюдается некоторое, очень слабое, снижение производительности сельскохозяйственного труда, и с 80-х годов для промышленности, когда обнаружилось заметное снижение производительности промышленного труда. К последнему вопросу мы вернемся еще ниже. Пока же заметим, что если исключить военный период, то снижение производительности промышленного труда окажется незначительным и оно не меняет общего вывода о росте производительности труда в XIX в. Приведенные индексы охватывают период с 30-х годов прошлого столетия. Но поскольку в основе повышения производительности труда лежит главным образом развитие

¹ Количество рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве и промышленности, было определено на основании цитированных выше источников: Mulhall (The dictionary...), Page, а также на основании "Abstract of labour statistics" за различные годы.

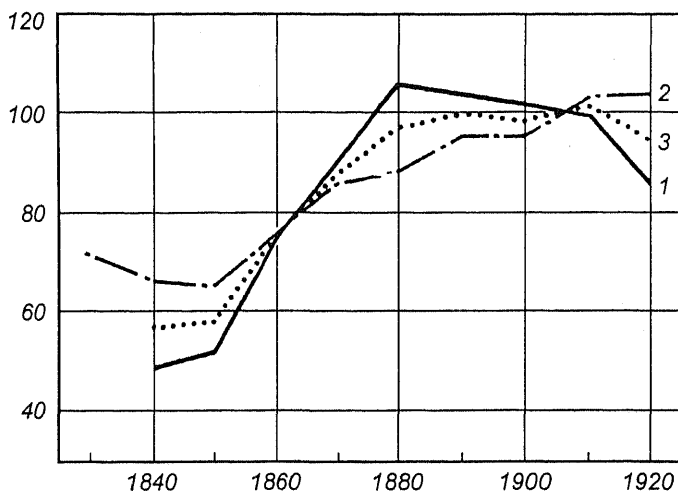

Диаграмма 5. Индексы производительности труда

1 — промышленности; 2 — сельск[ого] хозяйства; 3 — общий

техники, поскольку с конца XVIII в. Англия вступила в полосу промышленной революции и быстрого технического прогресса, постольку есть все основания предполагать, что повышение производительности труда имело место и в первые десятилетия XIX в. Доказательством этого может отчасти служить приведенная выше диаграмма 6 о производительности труда добывающей промышленности. О том же говорят и литературные источники¹.

Разумеется, исчисленные нами индексы физического объема производства и производительности труда по состоянию данных не могут претендовать на строгую точность. Однако для обоснования выставленных положений о росте производительности труда они достаточно убедительны. И это тем более, что важнейшие выводы, полученные для Англии, находят подтверждение в соответствующих материалах и по Соединенным Штатам.

Для С.-А.С.Ш. мы взяли исчисление W. King по национальному доходу от промышленности и сельского хозяйства². Разделив данные о национальном доходе в ценностном выражении на

¹ Ср.: Knowlton L.C.A. The industrial and commercial revolution in Great Britain during nineteenth century. London, 1922. P. 15 ff.; Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Bd II. Kap. 36, 66 и 67; Шульце-Геверниц Г. Крупное производство. 1897. Гл. II.

² Ср.: King W. The wealth and income of the people of the Un. States. N.Y., 1923; idem. The national totals (см. Leven M. Income in the various States. N.Y., 1925).

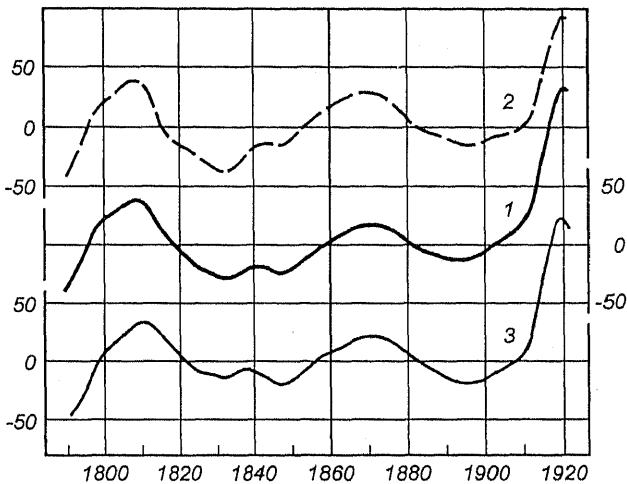

Диаграмма 6. Большие циклы индексов цен

1 — общий; 2 — промышлен[енных] товаров; 3 — с[ельско]хоз[яйственных] товаров

общий индекс товарных цен (1901–1910 гг. = 100), средний из трех лет (год ценза, предшествующий ему и следующий за ним), мы освободили эти данные от влияния колебания цен и тем придали им как бы физическое выражение. Полученные данные о национальном доходе были затем превращены в индексную форму при средней из данных за 1900 и 1910 гг. Наряду с этим были исчислены индексы количества занятой рабочей силы в сельском хозяйстве и в промышленности¹. Разделив, наконец, первые индексы на индексы занятой рабочей силы, мы получили индексы динамики производительности сельскохозяйственного и промышленного труда в Соединенных Штатах. Придав этим индексам равные веса при помощи средней геометрической, мы вычислили общий индекс производительности труда.

Отсюда ясно, что за исключением периода, находившегося под влиянием опустошительной гражданской войны 1861–1865 гг., производительность труда обнаруживает рост. Этот вывод в основном подтверждается также и нашими вычислениями, про-

¹ По данным King и "Census of occupation" за 1920 г. Так как данные Kingа о числе занятых лиц за 1850–1860 гг. не учитывают негров, что ведет к преувеличению производительности труда за эти годы в сельском хозяйстве, то нами введена в них поправка на недоучет негров. Поправка эта введена на основании коэффициентов, установленных по ценам позднейших лет. Данные о производительности без поправки в нижеследующей таблице приведены в скобках.

Индексы динамики производительности труда в С.-А.С.Ш.

Годы	Общий	Сельское хозяйство	Промышленность
	(за основание приняты средние за 1900 и 1910 гг.)		
1850	46,7 (65,6)	50,2	43,2
1860	57,2 (68,6)	53,8	61,2
1870	51,7	46,2	58,1
1880	50,3	38,9	64,9
1890	73,2	60,2	88,9
1900	92,5	84,0	101,9
1910	106,4	114,6	98,6
1920	101,3	100,3	102,1

изведенными тем же методом, какой был применен выше в отношении английских материалов. Подтверждается он и другими имеющимися исчислениями¹. Если учесть далее, что с начала XIX в. С.-А.С.Ш. вступили в полосу промышленной революции, то есть все основания полагать, что рост производительности труда наблюдался в них не только во второй половине XIX в., которая охвачена приведенными данными, но и в первой.

Таким образом, данные по С.-А. С.Ш. вполне подтверждают общие выводы о росте производительности труда, полученные из анализа данных по Англии.

Но поскольку в основе повышения производительности труда лежит прогресс в технике и организации, поскольку технический прогресс имел место и в других странах, во всяком случае в странах, втянутых в мировой товарооборот, постольку рост производительности труда с начала XIX в. можно рассматривать как процесс мирового порядка².

Отмеченный процесс повышения производительности труда является показателем тенденции общего снижения реальных издержек производства. На первый взгляд это положе-

¹ См.: Productivity of Labour // Monthly labour review. 1927, October. P. 25-32; Productivity of labour in eleven Industries // Ibid. 1927, January. P. 35-49; Jamba A. Productivity of a New-England cotton mill, 1833 to 1925 // Ibid. 1925, October. P. 21-32; Young E.C. The movement of farm population // Published by the Cornell University agricult. Experim. station. Ithaka, 1928. P. 7-10.

² Ср.: Gottl-Ottlilienfeld F. von Wirtschaft und Technik // Grundriss der Sozialökonomik. Abt. II. S. 47 и сл.; Neudeck G. Geschichte der Technik, 1923. S. 177 и сл.; Sombart W. Op. cit.; idem. Die Deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert. Berlin, 1903. S. 153-19; Schmoller G. Op. cit. Teil I. S. 214 и сл.; Ballod K. Die Produktivität der Landwirtschaft // Schriften d. Vereins f. Sozialpol. Bd 132. S. 428 и сл.; Bybark J. Die Steigerung der Produktivität der deutschen Landwirtschaft im neunzehnten Jahrhundert. Berlin, 1905 (passim); Aftalion A. Des Crises... T. I. P. 216; Simiani F. Les salaires des ouvriers des mines de charbon en France. Paris. 1907. Tableau A.

ние может показаться спорным. Затраты труда не исчерпывают общей суммы затрат: наряду с ними существуют затраты капитала. В связи с этим может показаться, что рост производительности труда сам по себе еще ничего не говорит о тенденции реальных издержек к снижению. Последние могли с избытком возрасти за счет затрат капитала в силу: 1) повышающейся реальной дороговизны его; 2) менее эффективного применения его и, наконец, 3) в силу процесса капиталоинтенсификации производства. Однако эти соображения не опровергают положения о падении издержек, выставленного выше.

Первое из указанных оснований роста издержек за счет затрат капитала могло бы иметь значение лишь в том случае, если бы расчет роста производительности труда относился к какой-либо отдельной отрасли производства. Но если расчет относится ко всему производству и ко всем основным отраслям его, в том числе и к отраслям, производящим капитальные блага, то оно теряет свою силу. Второе основание роста издержек имело бы силу лишь при предпосылке деградирующей техники и организации производства. Однако очевидно, что для рассматриваемого периода должна быть принята как общее правило прямо обратная предпосылка. Что касается третьего основания, т.е. процесса капиталоинтенсификации производства, то процесс этот несомненно имел место. Но исторически, наряду с качественным улучшением техники и организации производства, капиталоинтенсификация служила одним из основных факторов именно повышения производительности труда и снижения издержек производства¹. Следовательно, сама по себе капиталоинтенсификация производства не могла служить общим основанием для повышения издержек. Доказательством последнего положения могут служить и приведенные выше расчеты о производительности труда по С.-А.С.Ш. Народное хозяйство С.-А.С.Ш. несомненно переживало быстрый процесс капиталоинтенсификации. Но приведенные расчеты построены на основе данных о динамике *чистого* народнохозяйственного дохода. Иначе говоря, в них возрастающие издержки затрат капитала приняты во внимание и исключены из валовой продукции. И если приведенные данные в терминах чистого дохода говорят о росте производительности труда, то очевидно, что процесс капиталоинтенсификации не мог быть общим основани-

¹ Ср.: Increased productivity in various industries, 1899 to 1925 // Monthly labour review. October 1927. P. 28-32; Jamba A. Op. cit. P. 28-32; Kammerer O. Über den Einfluss des technischen Fortschrittes auf die Produktivität // Schriften des V. f. Sozialpol. Bd 132. S. 371-425.

ем для роста издержек. Этот процесс мог и может служить основанием для роста издержек лишь в тех случаях и отраслях хозяйства, когда и где он протекает при той же или деградирующей технике и заходит дальше, чем это допускается принципом оптимального сочетания факторов производства.

Таким образом, мы приходим к выводу, что обнаруженный выше процесс роста производительности труда может быть принят в качестве достаточно убедительного симптоматического показателя общего снижения средних издержек производства. Причем для точности необходимо подчеркнуть, что одновременно в силу технического прогресса происходило падение издержек и транспорта¹.

Но если это так, что при условии достаточно напряженной конкуренции на рынке падение реальных издержек в течение времени должно было неизбежно привести к падению издержек в денежном обращении и к падению цен. Действительно, допустим, что при данном положении рынка и при данном уровне цен в той или иной отрасли производства реальные издержки понижаются. Это значит, что соответственно понижаются издержки производства и в денежном выражении. Рыночные цены на продукты этого производства под влиянием спроса могут в течение того или иного периода не следовать за снизившимися издержками в денежном выражении. Однако в условиях достаточно напряженной конкуренции такое понижение не может быть длительным. Если рыночные цены не снизятся более или менее соответственно с денежными издержками, то данная отрасль производства окажется относительно более доходной, ее размеры расширятся, предложение ее товаров увеличится и в конечном итоге цены ее товаров упадут². Если снижение реальных издержек производства в данной отрасли производства повторится, то в основном повторится и его эффект, т.е. рыночные цены в конечном итоге снизятся снова. Если снижение реальных издержек шаг за шагом охватывает и другие отрасли производства, то должны снизиться цены и на продукты этих отраслей производства.

Таким образом, с динамической точки зрения в условиях достаточно напряженной конкуренции молекулярный процесс снижения реальных издержек должен привести к падению ры-

¹ Ср.: Mulhall. Op. cit. P. 300-301; Sombart W. Das Wirtschaftsleben... Hibb. I. S. 278 и сл.

² Ср.: Marshall A. Principles of economics. L. 1910. Book V, ch. III, V, VIII-XII; Taussig F. Op. cit. Vol. I, ch. 12, 13, 14; Simson Kemper. A statistical analysis of the relation between cost and price // Quart. journal of econom. 1920. Vol. 35. P. 264-289.

ночных цен. Это не произойдет лишь в том случае, если одновременно с падением реальных издержек в такой же или еще в большей степени возрастают доходы населения и его спрос. Как временное явление в силу тех или других причин это, конечно, может иметь место. Но так как в пределах достаточно длительного времени спрос находится в соответствии с предложением, так как доходы населения находятся в прямой зависимости от состояния производства, так как эпоха промышленного капитализма как общее правило характеризуется острой конкуренцией со стороны продавцов, то указанное явление превышения спроса, толкающее рыночные цены при снижении издержек производства вверх, может быть лишь временным исключением.

Исходя из предыдущего, мы и можем утверждать, что основная причина общей понижательной тенденции цен с начала XIX в. до мировой войны заключается в росте техники, соответственно в повышении производительности труда и в понижении реальных издержек производства транспорта. Наоборот, очевидно, что одной из важнейших (хотя и далеко не единственной) причин роста товарных цен во время войны было повышение реальных издержек производства.

Разумеется, выставленное общее положение нельзя понимать прямолинейно и думать, что общее движение цен в каждой стране и в каждой отрасли производства было обусловлено динамикой издержек производства именно в этой стране и в этой отрасли. Применяя сделанный общий вывод, необходимо учитывать всю сложную систему взаимоотношений конкуренции в рамках мирового хозяйства. При этих условиях может оказаться, что на динамику цен некоторых продуктов решающее влияние оказали при падении стоимости транспорта условия производства не в ней самой, а в других странах. Это имеет, в частности, особенно большое значение для понимания динамики сельскохозяйственных цен в Англии (см. ниже). Но эта оговорка ни в малейшей степени не колеблет выставленного общего положения.

б) Однако выше при анализе общего направления движения цен мы констатировали, что как по Англии, так и по Соединенным Штатам понижательной тенденции не обнаруживают цены животноводческих предметов потребления. Это отклонение от общей понижательной тенденции (единственное для Англии) требует объяснения.

Причину повышательной тенденции цен указанной группы товаров мы видим, с одной стороны, в воздействии со стороны

спроса на эти продукты, с другой — в специфических условиях динамики их производства.

С начала XIX столетия наблюдается значительный рост реального богатства и дохода населения как в Англии, так и в других странах¹. Рост богатства и дохода сопровождается повышением уровня жизни населения. Причем повышение уровня жизни идет за счет не только высших, но и низших классов, в частности за счет рабочего класса. Об этом свидетельствуют тенденции реальной заработной платы к повышению, рост вкладов в сберегательные кассы и другие показатели².

Повышение благосостояния населения важнейших стран в XIX в. обусловило изменение структуры его потребления, а следовательно, и спроса на различные товары: оно вызвало, особенно в импортирующих европейских странах, падение относительного значения потребления предметов наиболее первой необходимости, прежде всего хлеба, и одновременно повышение удельного веса потребления более дорогих продуктов, удовлетворяющих потребности более эластичные и более высокого порядка³. В отношении к продуктам сельского хозяйства это означало в особенности быстрый рост потребления продуктов животноводства и соответственно более напряженный спрос на эти продукты. Подтвердить это положение непрерывными статистическими данными за длительное время, по состоянию статистики потребления, очень трудно. Но все же положение это можно иллюстрировать следующими данными по Англии⁴:

¹ Cp. Mulhall. *Industries and wealth of nations*. London. 1896; Stamp J.G. *British incomes and property*. London, 1916; Bowley A.L. *Changes in average wages in the Un. Kingdom between 1860 and 1891*//*Journal of the royal stat. society*. June, 1895; King W. *Op. cit.*; Schmoller G. *Grundriss der Allgemein-//Volkswirtschaftslehre*, 1923; Zweiter Teil. S. 146; Helfferich K. *Deutschlands Volkwohlstand*. Berlin, 1914; Lavergne J., Henry L.P. *La richesse de la France*. Paris, 1908.

² Cp. Bowley A.L. *Op. cit.*; idem. *Wages in France, U.S.A. and Great-Britain 1840–1891*//*Economic Journal*, 1898; Wood G.H. *Course of average wages, 1790–1860*//*Ibid*, 1899; idem. *Real wages and the standart of comfort 1850*//*Journal of the royal stat. society*. 1909. Vol. LXXII; Mulhall. *The dictionary of stat.* P. 579 и сл.; Porter. *Progress of the nation* (revised by Hirst, ch. IX); Tyszka C. *Löhne und Lebenskosten in Westeuropa im 19. Jahrhundert*, 1914. *Passim.*; Notz E. *Die säkulare Entwicklung der Kaufkraft des Geldes*. Jena, 1925. S. 242 и сл.

³ Marshall A. *Op. cit.*, ch. IV–V; Brentano L. *Versuch einer Theorie der Bedürfnisse*//*Konkrete Grundbedingungen der Volkswirtschaft*, 1924. S. 106 и сл.; Oldenberg K. *Die Konsumtion*//*Grundriss der Sozialökonomik*, 1923. 11 Abteilung. S. 220 и сл.; Майо-Смит. *Статистика и экономия*. М., 1902. С. 16 и сл.; Notz E. *Op. cit.* S. 256 и сл.

⁴ По данным “*Statistical abstract for the Un. Kingdom*” за различные годы.

Потребление импортированных продуктов на душу

Продукты	1840 г.	1870 г.	1913 г.	1913 г. в % к 1840 г.
Пшеница и пшеничная мука в перекрутке на зерно (фунты)	42,5	122,9	298,2	701,6
Сахар всякий	15,2	47,2	93,1	612,5
Бекон и ветчина	0,01	2,0	13,7	1370,0
Масло коровье	1,05	4,1	9,9	942,9
Яйца(штуки)	3,63	13,9	56,2	1548,2

Отсюда очевидно, что наиболее интенсивно растет потребление импортируемых продуктов животноводства. На втором месте стоят такие продукты, как сахар и пшеница. Конечно, потребление импортируемых продуктов не покрывает всего потребления и потому динамика потребления импортированных продуктов не дает точной характеристики динамики всего потребления. Но если учесть, что продукция зерновых хлебов в Англии уменьшается, а продукция животноводства растет¹, то при этих условиях станет очевидным, что приведенная таблица не преувеличивает, а скорее преуменьшает сдвиг состава потребления в сторону относительного увеличения в нем роли животноводческих продуктов. Следовательно, положение о более быстром росте потребления продуктов животноводства сохраняет всю свою силу. Этот вывод в основном, особенно со второй половины XIX в., приложим и к другим западноевропейским странам².

Если учесть, что одновременно шло не только повышение норм потребления, но увеличивалось и количество населения, то станет ясно, что в начале XIX в. имело место значительное расширение спроса на животноводческие продукты потребления.

Напряженный рост спроса на продукты животноводства предполагал и рост производства их. Развитие их производства могло идти или на основе экстенсивного пастбищного или на основе интенсивного животноводства. Но в силу улучшения

¹ См. в приложении III индексы физического объема производства зерновых и животноводческих продуктов в Англии. См. также Report of the Committee on Stabilisation of Agricultural Prices, London. P. 92-93.

² См.: Oldenberg K. Op. cit. S. 214 ff.; Esslen J. Die Fleischversorgung des Deutschen Reichs. Stuttgart, 1912. S. 242 и сл.; Lexis W. Konsumtion // Schönberg's Handbuch der Polit. Ökonomie, 4. Aufl. Vol. I. S. 801 и сл.; Neumann-Spallart. Übersichten der Weltwirtschaft. 1885-1889. S. 226 и сл.

путей сообщения и экспансии зерновой продукции экстенсивное скотоводство, во-первых, все более и более передвигается в отдаленные от мировых рынков районы и страны; во-вторых, если оно и растет, то медленнее, чем население, или даже абсолютно деградирует¹. Совершенно ясно, что передвижение экстенсивно-скотоводческой продукции в более отдаленные районы, удорожая стоимость доставки, в значительной мере парализовало влияние технического прогресса на издержки производства и транспорта продуктов этих отраслей, а следовательно, и на цены их. Отставание же производства от роста населения при росте норм потребления животноводческой продукции давало прямое основание для повышения цен.

Что касается снабжения рынка за счет развития интенсивного животноводства, то рост последнего уже опирается на относительно высокий и повышающийся уровень цен продуктов животноводства².

Таким образом, описанные условия потребления и спроса, производства и предложения животноводческих продуктов делают понятной повышательную тенденцию цен на эти продукты.

в) Другое уклонение от общей понижительной тенденции цен, которое было отмечено выше и которое требует объяснения, состоит в росте цен не только животноводческих, но и большинства других сельскохозяйственных товаров в С.-А.С.Ш. В основе повышательного движения цен почти всех сельскохозяйственных товаров С.Ш. в свою очередь лежит, с одной стороны, значительный рост спроса, с другой — специфические изменения в условиях сельскохозяйственного производства этой страны.

Интенсивный рост спроса на продукты американского сельского хозяйства шел как со стороны мирового, так и внутреннего рынка. Когда С.Ш. в конце XVIII и в начале XIX в. впервые выступили на мировом рынке, уровень цен на сельскохозяйственные продукты стоял в них значительно ниже уровня цен европейских рынков, и в частности английского. Этот разрыв цен объяснялся крайней дороговизной транспорта как внутрен-

¹ Ср.: Spann O. Theorie der Preisverschiebung. Wien. 1913. S. 10 ff.; Wilken F. Volkswirtschaftliche Theorie der landwirtschaftlichen Preissteigerungen in Deutschland von 1895-1913. 1925. Abschnitt III; Sheets E.W., Baker O.E., Gibbons C.E., Stine O.C. Wilcox R.H. Our Beef Supply//Un. St. Dep. of Agric. Yearbook. 1921. P. 226-321; Spencer D.A., Hall M.S., March C.D. и др. The shepp industry//Un. St. Dep. of Acric. Yearbook. 1923. P. 228-310.

² Ср.: Aeroboe F. Allgemeine Landwirtschaftliche Betriebslehre. 1923. S. 243 и сл.

него, так и морского¹. С 30-х годов XIX в. и в особенности позднее издержки транспорта начинают резко снижаться. Так, стоимость перевозки бушеля пшеницы от Чикаго до Нью-Йорка по внутренней водной системе понизилась с 24,8 цента в 1860 г. до 5,7 цента в 1913 г., а по железным дорогам — с 33,3 цента в 1870 г. до 9,6 цента в 1913 г.² Фрахты на квартал пшеницы от Нью-Йорка до Ливерпуля упали с 4 шилл. 7½ пенс. в 1869 г. до 7½ пенс. в 1902 г.³ Это колоссальное “экономическое приближение” С.Ш. к европейскому рынку имело два существенных последствия⁴. Для сельского хозяйства С.Ш. как страны экстенсивного хозяйства, низких цен и низкой земельной ренты это открыло огромные возможности сбыта и дало толчок к повышению их цен на сельскохозяйственные товары. Для европейских стран, и в том числе для Англии, как стран более интенсивного хозяйства, относительно высоких цен и высокой ренты это означало значительное увеличение предложения сельскохозяйственных товаров и, как правило, явилось одним из ближайших звеньев в цепи воздействия падения реальных издержек производства и транспорта (см. выше) на понижение цен большинства сельскохозяйственных товаров. Причем резкий характер усиления заокеанской конкуренции послужил впоследствии с 70-х годов даже одним из факторов длительного кризиса европейского сельского хозяйства⁵.

Однако увеличение спроса, а следовательно, и повышательные тенденции цен на сельскохозяйственные товары в С.Ш. имели и другой источник. Этот источник заключался в быстром процессе индустриализации страны и соответственно в быстром росте ее вземледельческого населения⁶.

¹ Ср.: Lippinkott Op. cit. P. 227 и сл., 223 и сл., 254 и сл.

² См.: Statistical Abstract of the Un. St. 1922. P. 696.

³ См. Report of the Commission on Stabilisation of Agricult. Prices. P. 102.

⁴ Ср. теоретический анализ значения роста спроса и технического прогресса, в частности прогресса транспорта, для изменения цен с.-х. товаров у Т. Brinkmann'a (Die ökonomik des landwirtschaftlichen Betriebes//Grundriss der Sozialökonomik, VII Abt. S. 47 и сл.).

⁵ Ср.: Sering M. Die Landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas in Gegenwart und Zukunft. Leipzig., 1887. S. 541 и сл., 590 и сл.; Парвус А.Л. Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис, 1898. С. 127 и сл.

⁶ Ср. нашу работу “Индустриализация Соединенных Штатов Северной Америки” (в ближайшее время появится в словаре “Гранат”, последнее издание).

Рост спроса и тенденции цен к повышению стимулировали экспансию сельскохозяйственного производства в С.Ш., вызывая постоянное передвижение экстенсивно-скотоводческой, а за ней и экстенсивно-зерновой продукции страны на запад. Наоборот, восточные штаты страны должны были вступить на путь постепенной интенсификации сельского хозяйства¹. Указанное передвижение земледелия и скотоводства все дальше на запад в известной степени парализовало значение падения издержек транспорта, а следовательно, и вообще издержек производства. При этом условии и при условии описанного роста спроса повышательное движение большинства американских цен на сельскохозяйственные товары становится вполне понятным и естественным.

Выше было указано, что из всех сельскохозяйственных товаров в С.Ш. только цены по группе технического сырья не повышаются, а держатся стабильно. На основе предыдущего анализа это явление равным образом легко объяснить. Среди товаров этой группы важнейшее значение имеет хлопок. Но именно производства хлопка географически держится в С.Ш. устойчиво в одних и тех же районах. Что касается цен на другой важный товар этой группы — на шерсть, то он находится под сильным воздействием конкуренции шерсти, импортируемой в С.Ш. Но как бы то ни было, уровень цен большинства сельскохозяйственных товаров С.Ш. повышается.

В результате общего повышательного движения американских цен сельскохозяйственных товаров при понижительной тенденции их в Англии мы наблюдаем знаменательное сближение уровня их в той и другой стране, что видно из следующих данных (табл. 1).

Отсюда совершенно ясно, что мировой рынок, повышая американские цены, мог оказывать мощное стимулирующее воздействие на развитие американского сельского хозяйства. Но с ходом времени положение изменяется. К концу XIX в. американские цены подходят весьма близко к уровню английских цен. Это обстоятельство имеет несомненно чрезвычайно большое значение для последующего развития американского сельского хозяйства. Однако здесь мы не можем входить в рассмотрение данной проблемы.

5. *Большие циклы колебания уровня цен.* Если присмотреться к приведенным выше диаграммам движения цен, то легко

¹ Ср.: Sering M. Op. cit. P. 562 и сл.

Таблица 5

**Движение цен на важнейшие продукты сельского хозяйства
в Англии и Соединенных Штатах**

Годы	Пшеница			Мясо*			Хлопок		
	Аме- рика	Англия	Амери- канс- кие це- ны в % к англ- ийс- ким	Аме- рика	Англия	Амери- канс- кие це- ны в % к англ- ийс- ким	Аме- рика	Англия	Амери- канс- кие це- ны в % к англ- ийс- ким
	в центах за 1 бушель			в долл. за 100 фунтов			в центах за 1 фунт		
1801-1810	78,25	251,70	31,1	1,92	10,46	18,4	15,66	30,88	59,7
1811-1820	96,15	255,96	37,6	1,81	10,19	17,8	17,22	29,82	57,7
1821-1830	58,23	200,08	29,1	1,42	8,61	16,5	10,16	15,89	63,9
1831-1840	74,18	173,22	42,8	1,86	8,94	20,8	10,02	15,57	64,4
1841-1850	59,97	161,79	37,1	2,49	8,94	27,9	6,69	10,54	63,5
1851-1860	84,12	166,17	50,6	3,23	9,98	32,4	8,76	12,47	70,2
1861-1870	94,02	155,31	60,5	3,22	11,19	28,8	25,02	31,33	79,9
1871-1880	102,40	155,34	65,5	4,45	12,96	34,3	11,25	15,30	73,5
1881-1890	91,31	108,74	84,0	4,80	11,04	43,5	8,71	11,87	73,4
1891-1900	72,88	85,90	84,8	4,67	9,61	48,6	7,74	8,47	91,4
1901-1910	95,94	91,13	105,3	5,65	10,98	51,5	11,10	12,14	91,4
1911-1920	164,78	156,83	105,1	10,39	18,49	56,2	19,44	23,30	83,4

*Исключительно резкое различие английских и американских цен на мясо объясняется отчасти различием взятых сортов мяса.

видеть, что динамика их обнаруживает не только определенные тенденции, но и волнообразные колебания различной длительности. Покончив с анализом основных тенденций цен, обратимся теперь к рассмотрению волнообразных колебаний их и остановимся прежде всего на длительных колебаниях. Эти длительные колебания цен отчетливо видны уже из приведенных выше диаграмм. Но для того чтобы выявить их более определенно, мы подвергли индексы следующей обработке. По методу наименьших квадратов был определен плавный уровень (secular trend) индексов цен. Далее, были взяты отклонения эмпирического ряда от уровня и сглажены сначала при помощи 9-летней, а затем повторно при помощи 5-летней подвижной средней. Кривые, полученные в результате сглаживания, нанесены на диаграммы.

На следующей диаграмме 6 нанесены кривые, полученные в результате описанного выравнивания и рисующие длительные колебания общего индекса, а также индексов сельскохозяйственных и промышленных товаров по Англии.

Из диаграммы 6 видно, что все индексы обнаруживают 2½ больших цикла колебаний.

Индекс сельскохозяйственных товаров с конца XVIII в. дает повышательную волну, которая обрывается по несглаженному ряду в 1809 г. (по сглаженному — в 1810 г.)¹ и сменяется понижательной волной, продолжающейся до 1848 г. Здесь оканчивается первый большой цикл цен сельскохозяйственных товаров. С 1848 г. начинается вторая повышательная волна, которая идет до 1872 г. (1870) и затем сменяется понижательной волной, оканчивающейся в 1894 г. (1895). Здесь кончается второй большой цикл цен сельскохозяйственных товаров. С 1894 г. начинается третья повышательная волна, продолжающаяся до 1918 г., когда она сменяется понижением цен.

Обращаясь к индексу промышленных цен, мы видим, что он также с конца XVIII в. дает повышательную волну, продолжающуюся до 1809 г. (1808). С 1809 г. развертывается понижательная волна индекса. Причем по несглаженному ряду (см. диаграмму 1) эта понижательная волна продолжается до 1849 г., давая другой минимум также в 1834 г. При сглаживании произошло перемещение минимума и основным оказался минимум 1834 г. Если считать основной минимум по несглаженному ряду, то очевидно, что в конце 40-х годов кончается первый большой цикл движения цен промышленных товаров. Далее начинается вторая повышательная волна их до 1873 г. (1868), сменяющаяся затем понижательной волной. Последняя обрывается в 1895 г. Здесь оканчивается второй большой цикл промышленных цен. С 1895 г. наблюдается третья повышательная волна их, идущая до 1919 г. и сменяющаяся здесь новым значительным понижением цен.

Таким образом, ясно, что индекс промышленных цен описывает почти совершенно те же $2\frac{1}{2}$ большие волны, что и индекс сельскохозяйственных цен. При этом условии понятно, что те же волны находим мы и в общем индексе. Причем характер их ближе напоминает движение цен промышленных товаров².

Наличие больших циклов в движении цен можно констатировать и для Соединенных Штатов. К этому заключению при-

¹ Далее всюду без скобок приводятся даты переломов по несглаженному, а в скобках — по сглаженному ряду.

² Отметим, что по индексу Silberling'a максимум первой волны цен приходится на 1814 г. (см. нашу статью о больших циклах конъюнктуры в "Вопросах конъюнктуры". М., 1925. Т. I. Вып. 1. С. 28-79). По данным, приведенным в настоящей работе, этот максимум приходится на 1809 г. Указанное расхождение объясняется различием в составе товаров, вошедших в индексы.

водит анализ имеющихся американских индексов¹. К этому же заключению приводит и анализ построенных нами индексов для Соединенных Штатов (см. диаграмму 2). Периоды больших циклов этих американских индексов по невыровненному ряду таковы.

Циклы		Общий индекс	Индекс с.-х. товаров	Индекс пром. товаров
		Начальные даты полуволи		
Первый цикл	1. Начало повыш. волны*	1791	1791	1791
	2. Начало пониж. волны	1814	1817	1814
Второй цикл	1. Начало повыш. волны	1843	1843	1843
	2. Начало пониж. волны	1865	1874	1865
Третий цикл	1. Начало повыш. волны	1896	1896	1898
	2. Начало пониж. волны	1920	1919	1920

*Построенные нами индексы начинаются с 1801 г. Начало повышательной волны здесь отмечается в соответствии с индексами, указанными в предыдущем примечании.

Отсюда ясно, что большие циклы американских цен достаточно близки к циклам английских цен, хотя и не вполне совпадают с ними. В частности, первая понижательная волна их здесь обрывается несколько раньше, чем в Англии. Большие циклы в С.Ш. наблюдаются как в сельскохозяйственных, так и в промышленных ценах. Заметим, однако, что первая повышательная волна цен сельхозтоваров выявлена в С.Ш. чрезвычайно слабо. Амплитуда колебаний сельскохозяйственных и промышленных цен здесь, как и в Англии, различна.

Обращаясь к вопросу о больших циклах в индексах цен отдельных групп сельхозтоваров, приведем диаграмму 7 по Англии.

Из этой диаграммы ясно, что цены по всем трем основным группам сельскохозяйственных товаров обнаруживают большие циклы. Их амплитуда в различных группах различна, но периоды развития весьма близки. Причем эти периоды весьма близки и к тем периодам, которые были установлены выше для общего индекса, а также для индекса всех сельскохозяйственных товаров.

Индексы цен различных групп промышленных товаров, как видно из приведенной выше диаграммы, равным образом обнаруживают наличие больших волн. С наибольшей отчетливостью

¹ См. общий индекс по С.-А. С.Ш., приведенный в "Annuaire Statistique", 1924. P. 340-347. Анализ общего индекса см. в нашей статье "Большие циклы конъюнктуры" (Вопросы конъюнктуры. М., 1925. Т. I. Вып. 1.). Индекс с.-х. товаров см. в статье А. Hansen'a (The effect of price fluctuations on agriculture), цитированной выше.

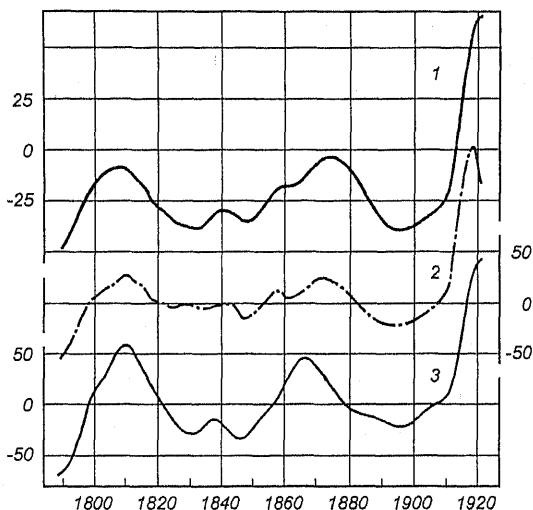

Диаграмма 7. Большие циклы индексов с[ельско]хоз[яйственных] товаров
 1 — продукты животноводства; 2 — хлеба; 3 — техническое сырье

эти волны выражены в индексах металлов и растительных масел. Менее правильны эти волны в ценах угля и пряжи. Амплитуда больших волн в этих групповых индексах различна. Периоды волн не совпадают точно. Но все же они близки друг к другу. Большие волны имеют место и в индексе лесных материалов. Однако здесь максимум второй волны приходится не на конец 60-х и начало 70-х годов, а на начало 50-х годов.

Таким образом, не только в динамике общего индекса, но и в динамике отдельных групповых индексов мы обнаруживаем наличие больших циклов, хотя они здесь и менее правильны.

Большие волны или циклы движения цен с большей или меньшей определенностью уже отмечались различными авторами¹. При этом одни авторы, констатируя большие волны движения цен, не останавливаются на объяснении этих волн². Другие

¹ Ср. указание на этих авторов в нашей работе "Большие циклы экономической конъюнктуры", цит. выше (Вопросы конъюнктуры. Т. I. С. 30 и сл.).

² См.: Aftalion A. Op. cit. Т. I. P. 5 и сл.; Moore G. Genereting economic cycles. N.Y., 1923. Ch. III-IV; Spiethoff A. Op. cit.; Parvus A. Handelskrisis u. Gewerkschaften; idem. Die Kapitalische Produktion und das Proletariat; De Wolf S. Prosperitats und Depressionsperioden//Der Lebendige Marxismus. Jena, 1924. S. 13-43; Gelderen J.v. Sprinflut. Betrachtungen liber industrielle Entwicklung und Preisbewegung//De Miemeve Tijds. 1913. Цит по: de Wolf S.; Sombart W. Das Wirtschaftsleben... Zweiter Hibb. S. 564.

авторы склонны рассматривать их как результат воздействия более или менее случайных и эпизодических причин, например войн и революций, колебания добычи золота и др.¹ Третьи связывают их с изменениями не только в добыче золота, но вообще в состоянии денежного обращения и кредита². Четвертые — с колебанием процента, находящимся в свою очередь в зависимости от смены социально-экономических условий накопления капитала³. Пятые рассматривают их как частичное проявление длительных колебаний в состоянии всего народного хозяйства и объясняют эти длительные колебания изменениями в соотношении предложения и спроса⁴ или в соотношении предложения и спроса и в размерах добычи золота⁵.

На основании специального исследования больших циклов конъюнктуры⁶ мы пришли к выводу, что большие волны в движении цен представляют из себя только одну составную часть общих длительных колебаний в динамике народного хозяйства и что эти длительные колебания вообще и колебания цен в частности не могут быть объяснены влиянием внешних, эпизодических причин, в том числе и влиянием добычи золота.

Это не значит, что влияние этих причин, и в частности изменений в добыче золота, совершенно безразлично для колебания цен и больших циклов их движений. Это значит лишь, что так называемые эпизодические внешние причины в основе сами включены в общий процесс социально-экономической динамики и потому не могут рассматриваться как причины боль-

¹ Ср.: Каутский К. Золото, деньги и дороговизна. Пр.: Изд. "Книга", 1918. С. 32–38. Cassel G. Op. cit. S. 404 и сл.; March L. Mouvement des prix et des salaires pendant la guerre. P. 29–35; De Pietri-Tonelli A. Traité d'économie rationnelle. Paris, 1927. P. 610–616.

² Ср.: Layton W. Op. cit. Ch. ch. IV–VIII; Bresciani-Turroni C. Movimenti di lunga durata dello sconto e del prezzi // *Giornale degli economisti e rivista di statistica*. 1917. Vol. V, N 1; Mildschuh W. Kreditinflation und Geldtheorie // *Archiv f. Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik*. Bd. 51–52; Röpke W. Kredit und Konjunktur // *Jahrbuch. f. Nationalökon. und Statistik*. 1926, Marz-April.

³ Ср.: Wicksell K. Geldzins und Güterpreise. 1898. S. 73, 150 и сл.

⁴ Ср.: Lescure J. Hausses et baisses générales des prix // *Revue d'Econ. Politique*. 1910. N 4.

⁵ Lenoir M. Etudes sur la formation et mouvement des prix. 1913. P. 148–160; Hooker R.H. The course of prices of Home and Abroad // *J. of the Royal Stat. Society*. December 1911. Vol. LXXV. P. 1–36.

⁶ См. цит. нашу статью о больших циклах. См. также: Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры. М., Экон. жизнь, 1928 г. (наш доклад о больших циклах конъюнктуры и заключительное слово после прений).

ших циклов, приводящие совершенно извне и порождающие эти циклы¹.

С нашей точки зрения, объяснение больших циклов, и в частности больших циклов движения цен, необходимо искать в характере механизма и внутренней закономерности общего процесса социально-экономического развития. Не входя здесь в подробности изложения, ограничимся лишь самыми общими выводами по вопросу о механизме длительных колебаний конъюнктуры и цен².

Теоретически всякие волны конъюнктуры можно рассматривать как отклонения элементов народного хозяйства от того состояния их, в котором они находились бы, если бы народное хозяйство, развиваясь, сохраняло динамическое равновесие. Но говоря о равновесии народного хозяйства, необходимо различать отдельные типы его³. Можно говорить о равновесии рынка (и о ценах равновесия) на основе данного спроса и данного, и притом неизменного, предложения. Это будет *равновесие краткого периода*, в течение которого размеры предложения товаров не меняются. Можно говорить о равновесии (и о ценах равновесия) *применительно к более длительному периоду*, в течение которого меняется не только спрос, но и предложение; однако последнее меняется на основе в общем того же фонда основных капитальных благ (факторов производства). Можно, наконец, говорить о равновесии (и о ценах равновесия) *применительно к еще более длительному периоду*, в течение которого меняется не только спрос, не только текущий запас и предложение товаров, но и количество упомянутых основных капитальных благ.

Эти блага (крупнейшие строительные сооружения, мелиорации, кадры квалифицированного труда и т.д.) обладают способностью длительного служения. Однако и создание их равным образом требует длительного времени, которое не укладывается в рамки обычного торгово-промышленного цикла.

Расширение фонда этих капитальных благ совершается неравномерно. Существование больших волн конъюнктуры и связано с механизмом расширения фондов именно этих благ.

¹ См. только что цитированные наши работы. Вопросу о влиянии добычи золота на ход экономической динамики автор намерен в ближайшее время посвятить специальную работу.

² Подробнее см. упомянутый доклад наш о больших циклах. С. 56 и сл.

³ Ср.: Marshall A. Op. cit. P. 363–380; idem. Elements of economics of industry. London, 1903. P. 190 и сл.

Причем период усиленного строительства их совпадает с повышательной волной, а период затишья этого строительства — с понижательной волной большого цикла. Создание основных капитальных благ требует затраты огромных капиталов, и притом на относительно длительный срок. Поэтому наступление периода усиленного строительства их, т.е. периода длительно-повышательной волны, предполагает ряд предпосылок. Эти предпосылки таковы: 1) высокая интенсивность сбережений, 2) относительное обилие предложения и дешевизна ссудного капитала, 3) аккумуляция его в распоряжении мощных финансовых и предпринимательских центров, 4) низкий уровень товарных цен, который стимулирует сбережения и долгосрочные помещения капитала. Наличие этих условий рано или поздно вызывает усиленное строительство упомянутых основных капитальных благ и тем самым длительно-повышательную волну конъюнктуры.

Низкий уровень цен, который имеет место в начале этой волны, обуславливая относительно высокую покупательную силу золота, делает вместе с тем золотопромышленность рентабельной и стимулирует расширение добычи золота. Расширение добычи золота, раз оно находит место, в свою очередь способствует начавшемуся подъему конъюнктуры. В этом же направлении действует неизбежно возникающее в этих условиях расширение кредита.

Длительно-повышательная волна конъюнктуры характеризуется подъемом цен, расширением производства и товарооборота и обострением конкуренции. Этот рост производительных сил и обострение конкуренции обуславливают вовлечение в орбиту мирового рынка новых стран и более интенсивное использование старых, обостряя вместе с тем борьбу за внешние рынки и создавая предпосылки для внешнеполитических конфликтов (войны). Равным образом он обостряет борьбу новых и старых социальных сил внутри и создает предпосылки для внутренних социальных конфликтов.

С ходом повышательной волны постепенно назревает относительный недостаток капитала и дороговизна его. С другой стороны, внешнеполитические и внутренние конфликты, вызывая расширение непроизводительного потребления и даже прямые хозяйственные разрушения, обостряют эту тенденцию. Наконец, прогрессирующее повышение товарных цен и, следовательно, падение покупательной силы золота тормозит дальнейший рост его добычи и также ослабляет возможность

дальнейшего повышения конъюнктуры. Все эти тенденции, усиливаясь, обрывают наконец повышательную волну.

Начинается длительно-понижательная волна, т.е. волна падения цен, падения процента, ослабления темпа роста производства и торговли. Эта длительно-депрессивная волна обычно характеризуется относительным замиранием внешнеполитических и внутренних социальных взаимоотношений и повышением интенсивности сбережений, особенно в тех социальных группах, доход которых под влиянием падения товарных цен относительно повышается¹.

Но если все это так, то очевидно, что развитие понижательной волны постепенно приводит к образованию предпосылок нового длительного подъема.

Подъем этот, разумеется, не является необходимостью. Органические изменения самой системы народного хозяйства могут вообще деформировать характер экономической динамики. Но если таких изменений не произошло, то за понижательной волной последует подъем. Новый цикл не повторяет предыдущего в точности, так как народное хозяйство в конце первого цикла находится уже в новой фазе своего развития. Однако общий механизм нового цикла в основном остается прежним.

В действительности развертывание больших циклов, и в частности циклов цен, идет сложнее и прежде всего оно осложняется одновременным проявлением циклических колебаний более коротких периодов. К этим колебаниям мы и переходим.

6. *Малые циклы колебания уровня цен.* Анализируя больше циклы цен, мы брали отклонения эмпирического ряда от плавного уровня, выравненные при помощи 9-летней и 5-летней подвижной средней. Тем самым мы исключили из этих отклонений более мелкие колебания индексов. Между тем эти колебания существуют. Чтобы выявить их, нанесем на диаграммы расхождения эмпирического ряда отклонений индексов (от плавного уровня) с кривой найденных нами больших циклов. Причем для того чтобы исключить чисто случайные колебания, выровняем эти расхождения при помощи 3-летней подвижной средней. Нанесем на диаграмму 8 упомянутые расхождения общего ин-

¹ Ср.: Layton W. Op. cit. P. 9 и сл.; Wicksell K. Op. cit. S. 150 и сл.

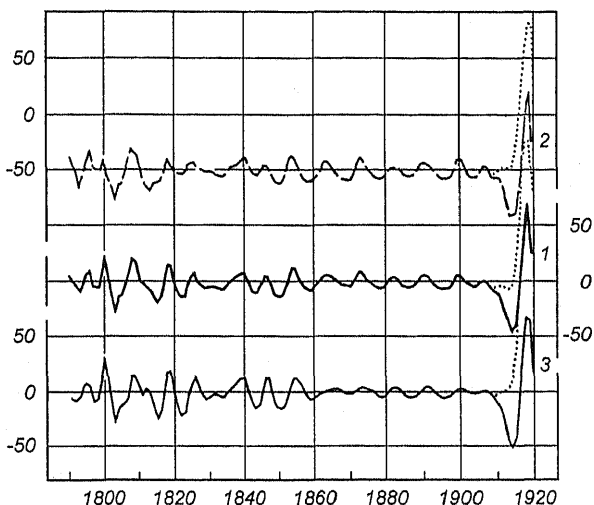

Диаграмма 8. Малые циклы индексов цен

1 — общий; 2 — промышлен[енных] товаров; 3 — с[ельско]хоз[яйственных] товаров

декса, а также индекса всех промышленных и всех сельскохозяйственных товаров по Англии¹.

Из приведенной диаграммы видно, что как общий индекс, так и индексы цен промышленных и сельскохозяйственных товаров обнаруживают циклы продолжительностью в 6–11 лет. В дальнейшем мы называем эти циклы малыми циклами².

¹ Так как эпоха мировой войны вызвала чрезвычайно значительный подъем товарных цен, то при определении кривой больших циклов путем сглаживания отклонений эмпирического ряда от плавного уровня по методу 9- и 5-летней подвижной средней кривая эта в годы непосредственно перед войной была неизбежно несколько искусственно приподнята. В силу этого при выявлении кратких циклов путем определения расхождений между первоначальным рядом отклонений и кривой больших циклов, начиная с годов непосредственно перед началом войны, были искусственно созданы глубокие волны вниз. Чтобы внести необходимую поправку, мы определили кривую больших циклов в период войны, также срезав военный взлет цен, и затем нашли линию малых циклов путем сопоставления эмпирического ряда отклонений с новой кривой больших циклов. Исправленные волны малых циклов за указанный период нанесены на диаграмме пунктиром.

² Это не совсем точно. Ввиду того что различными авторами отмечается существование еще более коротких циклов (3–3 1/2 года), то циклы, рассматриваемые в тексте, следовало бы назвать средними. Так мы и поступали в своей работе о больших циклах (Вопросы конъюнктуры. Т. I, вып. 1). Но так как в данной работе указанных кратких циклов мы не рассматриваем, термин "средние" циклы был бы малоудобен.

Как известно, цены являются одним из основных показателей состояния конъюнктуры. И те циклы в их колебании, которые были только что отмечены, служат отражением малых циклов торгово-промышленной конъюнктуры, повторяющихся особенно регулярно с 20-х годов XIX столетия. Насколько велико соответствие в циклах торгово-промышленной конъюнктуры и цен, можно видеть из следующей таблицы по Англии (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Годы кризисов общей конъюнктуры и годы перелома цен*

Годы кризисов	Годы максимального подъема цен в течение промышленного цикла					
	По данным об отклонении от линии больших циклов			По данным о движении индексов без предварительного выравнивания их		
	Общий индекс	Индекс пром-товаров	Индекс с.-х. товаров	Общий индекс	Индекс пром-товаров	Индекс с.-х. товаров
1	2	3	4	5	6	7
1796	+	+	+	+	+	+
1803	+	+	-	+	+	-
1810	+	+	+	+	+	+
1815	+	+	-	-	-	-
1819	+	+	+	+	+	+
1825*	+	+	+	+	+	+
1828	-	+	-	-	-	-
1836*	+	+	+	+	+	+
1839	+	-	+	+	-	+
1847*	+	+	+	+	+	+
1854	+	+	+	+	+	+
1857*	-	-	-	+	+	+
1864	+	+	-	+	+	-
1866*	+	-	+	+	+	+
1873*	+	+	-	+	+	+
1883*	+	+	+	+	+	+
1890*	+	+	+	+	+	+
1900*	+	+	+	+	+	+
1907*	+	+	+	+	+	+
1913	+	+	+	+	+	+
1920*	-	+	-	-	+	-

*Годы кризисов определены на основании следующих работ: Thorp W.L. Business Annals. National Bureau of Economic Research. N.Y., 1926. P. 150-180; dr. Bouniatian M. Geschichte der Handelskrisen in England. München, 1908. Kap. IV-XII; Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. Изд. 3. СПб: 1914 Гл. I-VIII. Характеристика движения цен взята по данным исчисленных нами индексов.

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Общее количество учтенных случаев	21	21	21	21	21	21
В том числе количество случаев совпадения дат кризисов и перелома цен	18	18	14	18	18	16
несовпадения	3	3	7	3	3	5
Количество случаев совпадения, когда перелом цен приходится на год кризиса	12	12	9	13	12	10
на год, предшествующий кризису	5	6	4	4	5	5
на год, следующий за кризисом	1	0	1	1	1	1
Количество вершин цен, исчезающих при сглаживании при помощи 3-летней подвижной средней	4	4	3	—	—	—

Приведенная таблица построена на следующих основаниях. Были отобраны годы кризисов. Годы эти отбирались по совокупности показателей конъюнктуры. Отобранные годы можно считать годами исторически установленных кризисов. Причем кризис здесь понимается в широком смысле слова. К числу кризисов отнесены не только классические общие кризисы, но и достаточно известные денежно-кредитные кризисы (например, кризисы 1839 и 1864 гг.), а также менее острые переломы конъюнктуры от подъема к депрессии. Годы классических кризисов и депрессий отмечены в таблице звездочкой. В первых трех графах таблицы использованы данные о расхождении эмпирических отклонений индексов цен от уровня с линией больших циклов их колебаний. Причем так как сглаживание расхождений по 3 годам иногда устраняет и передвигает не только случайные вершины, но и вершины, вызванные органическими причинами, то при определении вершин были использованы несглаженные ряды расхождений. Этим объясняется, почему между вершинами, указанными в таблице, и вершинами,

показанными на диаграмме 8, где нанесены данные сглаженных расхождений, нет полного соответствия. Все случаи, когда перелом в ценах к понижению совпадает с переломом общей конъюнктуры, в таблице отмечены знаком +. Так как мы пользовались среднегодовыми данными о ценах и так как не всегда можно установить точно период года, когда начался кризис, то за совпадение перелома цен и общей конъюнктуры считались все те случаи, когда цены обнаруживают падение в год кризиса, в течение предыдущего или последующего года. Все другие случаи считались случаями отсутствия совпадения и обозначены знаком -. Для того чтобы проконтролировать выводы, полученные на основании данных о расхождении эмпирического ряда отклонений с кривой больших циклов, в последних трех графах таблицы мы использовали на тех же основаниях данные об индексах, взятых без предварительной обработки и сглаживания.

Обращаясь к приведенной таблице по существу, мы видим, что в подавляющем большинстве случаев годы кризисов и максимального подъема цен совпадают. Исключения встречаются в отношении цен сельскохозяйственных товаров чаще, чем в отношении цен промышленных товаров. При совпадении преобладают случаи, когда перелом цен и кризис приходится на тот же год. Реже перелом цен, особенно промышленных товаров наступает в предыдущем году.

Формулированные только что выводы соответствуют как данным о расхождении эмпирических отклонений с линией больших циклов так и данным о колебании индексов, взятых без предварительной обработки.

Обратимся теперь к малым циклам в движении цен по отдельным группам промышленных и сельскохозяйственных товаров по Англии. Не приводя для краткости диаграмм, рисующих эти циклы, ограничимся анализом следующей сводной таблицы, построенной в общем на тех же основаниях, что и предыдущая (табл. 3).

Приведенная таблица чрезвычайно показательна. Из нее видно, что относительно наибольшее число случаев совпадения переломов цен с годами кризисов дают группы промышленных товаров. Из сельскохозяйственных товаров по количеству совпадений наравне с промышленными товарами стоит только техническое сырье. Наоборот, группы хлебных и животноводческих продуктов хотя и дают большое число совпадений, но все же оно

значительно ниже, чем у технического сырья и промышленных товаров. Анализируя далее специально случаи совпадения, мы видим, что во всех группах товаров преобладают совпадения год в год. Однако такие случаи совпадения относительно наиболее часты в первых четырех группах промышленных товаров и в группе технического сырья. В группах лесных материалов, хлебных продуктов и технического сырья относительно велико также число случаев, когда перелом цен приходится на год, предшествующий кризису. Отметим, что в группе животноводческих продуктов очень многочисленны случаи, когда перелом цен следует за кризисом с запозданием на год. В итоге можно утверждать, что хотя степень синхронности переломов в ценах и в общей конъюнктуре у различных товарных групп различна, но она все же достаточно высока.

Т а б л и ц а 3

Годы кризисов	Годы максимального подъема цен в течение малого цикла по данным о расхождении эмпирических отклонений индексов с линией их больших циклов							
	Промышленные товары					Сельскохозяйственные товары		
	Металлы	Уголь	Пряжа	Растительное масло	Лесные материалы	Хлеба	Продукты животноводства	Техническое сырье
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1796	+			+	+	+	-	+
1803	-			+	+	-	+	+
1810	+	+		-	+	+	+	+
1815	+	+		+	-	-	+	+
1819	+	+	+	+	+	+	+	+
1825	+	+	+	+	+	+	+	+
1828	-	+	+	+	+	+	+	-
1836	+	+	+	+	+	-	+	+
1839	-	-	+	+	+	+	-	+
1847	+	+	+	+	+	+	+	+
1854	+	+	+	+	+	+	+	+
1857	+	-	+	+	-	-	-	+
1864	+	+	+	-	+	-	+	+
1866	-	+	-	+	-	-	-	-
1873	+	+	+	+	+	-	+	+
1883	+	+	+	+	+	+	+	+
1890	+	+	+	+	+	+	-	+
1900	+	+	+	+	+	-	-	+
1907	+	+	+	+	+	+	+	+
1913	+	+	+	-	+	+	+	+
1920	+	+	+	+	-	-	-	-

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Общее количество учтенных случаев	21	19	17	21	21	21	21	21
В том числе количество случаев совпадения	17	17	16	18	17	12	14	18
несовпадения	4	2	1	3	4	9	7	3
Количество случаев совпадения, когда перелом цен приходится на год кризиса	11	10	11	11	7	5	6	11
на год, предшествующий кризису	5	4	5	5	7	5	1	1
на год, следующий за кризисом	1	3	0	2	3	2	7	0

Для ясности дальнейшего изложения необходимо, однако, подчеркнуть, что из предыдущего анализа нельзя сделать вывод о существовании строгой синхронности колебания цен по отдельным группам. Относительно большое число (хотя и не во всех группах) совпадений моментов перелома цен и кризисов получается лишь при “либеральном” толковании самого случая совпадения, в частности при условии, что за совпадение считаются и те случаи, когда цены дают перелом в год, предшествующий кризису или следующий за ним. Если же синхронность понимать более строго (год в год) и сопоставить циклы отдельных групповых индексов не с циклами общей конъюнктуры, а между собой, то картина получится другая.

Синхронность колебания цен тем выше, чем более близки между собой длины волн этих колебаний. Если взять циклы цен, которые остаются после сглаживания отклонений (от линии больших циклов) при помощи 3-летней подвижной средней,

измерить длину их волн от максимума до максимума (беря даты максимума для каждого выявленного сглаживанием цикла по несглаженному ряду) и вычислить коэффициенты корреляции между найденными длинами волн по некоторым отдельным групповым индексам, то получится следующая картина¹:

Сопоставленные ряды	Коэффициенты корреляции
1. Индекс промышленных и сел.-хоз. товаров	0,925
2. Индекс металлов и технического сырья	0,478
3. Индекс металлов и угля	-0,140
4. Индекс металлов и хлебных	+0,093
5. Индекс хлебных и животноводческих	+0,679

Отсюда ясно, что бесспорная и более или менее строгая синхронность обнаруживается лишь при сопоставлении общего сельскохозяйственного и общего промышленного индекса, в меньшей степени — группы и животноводческих товаров. В других случаях коэффициент корреляции незначителен или даже имеет отрицательный знак.

Но если в колебаниях отдельных групповых индексов нет строгой синхронности, то, с другой стороны, амплитуда этих колебаний равным образом весьма различна. Измеряя амплитуды колебания отдельных циклов по сглаженным рядам и определяя между этими амплитудами коэффициент корреляции, мы получили следующие результаты.

Сопоставленные ряды	Коэффициенты корреляции
1. Индекс сел.-хоз. и промышленных товаров	-0,005
2. Индекс металлов и технического сырья	0,072
3. Индекс металлов и угля	0,365
4. Индекс металлов и хлебных	+0,050
5. Индекс хлебных и животноводческих	+0,009

Не увеличивая числа примеров, можно заключить, что между амплитудами колебаний различных групповых индексов нет заметного соответствия.

На этом мы закончим разбор вопроса о малых, точнее средних, циклах колебания цен. В анализ общих причин этих циклов входить не будем. Поскольку выше показано, что эти циклы цен находятся в достаточном, хотя и не строгом соответствии с колебаниями общей конъюнктуры в рамках торгово-промышленного цикла, постольку и причины разобранных циклических

¹ Заметим, однако, что в силу сравнительно небольшого числа случаев сопоставления полученные коэффициенты корреляции не могут быть строго показательными.

колебаний цен по существу те же, которыми вызываются торгово-промышленные циклы общей конъюнктуры.

В рассмотрении других, более кратких, а также случайных колебаний цен, в частности колебаний, вызываемых урожаями, равным образом здесь входить не будем.

IV. Динамика относительного уровня цен и его колебания

1. *Предварительные замечания.* Предыдущее исследование динамики абсолютного уровня цен дает достаточные основы, чтобы подойти к последнему вопросу нашей работы — к вопросу о динамике относительного уровня цен и его колебаниях.

Выше, изучая общие тенденции движения абсолютного уровня цен, мы отметили, что у большинства индексов эти тенденции одинаковы, однако угол наклона движения цен, как правило, различен. В некоторых же случаях различно и само направление тенденций. Изучая, далее, большие и малые циклы абсолютного уровня цен, мы убедились в том, что хотя между колебаниями цен различных товарных групп существует известная синхронность, однако она не имеет строгого характера. Наряду с этим выяснилось, что амплитуда колебаний отдельных индексов различна.

Но если все это так, то отсюда ясно, что в процессе развития общих тенденций движения цен и в ходе их циклических колебаний соотношение между ценами различных товарных групп должно неизбежно меняться. С изменением соотношения цен должна меняться и относительная конъюнктура промышленного и сельскохозяйственного производства.

Таким образом, мы приходим к вопросу о динамике соотношения цен и соответственно к проблеме относительной динамики и конъюнктуры промышленного и сельскохозяйственного производства, поскольку об этом можно судить на основании данных о ценах. При этом необходимо отметить, что, хотя относительный уровень цен и является одним из важнейших показателей относительной динамики и конъюнктуры, тем не менее он не характеризует их с исчерпывающей полнотой и точностью.

2. Обращаясь к проблеме относительного уровня цен, сделаем предварительно несколько замечаний о методе ее исследования. Чтобы определить относительный уровень цен различных товарных групп, мы исчисляем для каждого года отношение

индексов цен этих товарных групп к общему индексу цен по формуле:

$$X_n = \frac{i_n}{I_n}$$

где i_n — значение того или иного частного индекса в данный n -й год при данном базисном периоде; I_n — значение общего индекса за тот же n -й год и при том же базисном периоде, а X_n — то же значение частного индекса, но выраженное в отношении к значению общего индекса.

Очевидно, что ряд индекса цен каждой группы товаров, перечисленный по приведенной формуле, будет отражать *динамику покупательной силы этой товарной группы* в отношении ко всем другим товарам, входящим в общий индекс¹. Действи-

¹Строго говоря, для вычисления покупательной силы той или иной группы товаров индекс этой группы нужно было бы относить не к общему индексу, включая в него и данную группу товаров, а к общему индексу товаров, исключая товары данной группы. Однако для целей настоящей работы к такому уточнению можно и не прибегать. Если мы имеем две группы товаров и значение их индексов обозначим соответственно через "а" и "b", то общий индекс (при равенстве весов обеих групп и при исчислении индекса на основе средней геометрической) будет равен \sqrt{ab} . Покупательная сила первой группы при нашем методе исчисления будет равна $\frac{a}{\sqrt{ab}}$. Истинное же значение покупательной силы первой товарной группы будет $\frac{a}{b}$.

Очевидно, что для получения из величины $\frac{a}{\sqrt{ab}}$ истинного значения покупательной силы первой группы товаров нужно эту величину умножить на частное от деления на $\frac{a}{b}$ на $\frac{a}{\sqrt{ab}}$, т.е. на величину $\frac{\sqrt{a}}{\sqrt{b}}$. Иначе говоря, $\frac{a}{\sqrt{ab}} \cdot \frac{\sqrt{a}}{\sqrt{b}} = \frac{a}{b}$. Так как в этом равенстве множитель $\frac{\sqrt{a}}{\sqrt{b}}$ будет всегда меняться в том же направлении, что и

истинная величина покупательной силы (т.е. $\frac{a}{b}$), но всегда будет меньше этого истинного значения, то очевидно, что второй множитель $\frac{a}{\sqrt{ab}}$ (т.е. формула покупательной силы, применения в тексте) точно так же будет меняться в том же направлении. (Изложенные соображения в основе полностью приложимы и к тем случаям, когда речь идет не о двух, а о большем числе товарных групп).

Отсюда ясно, что применяемый нами в тексте метод определения покупательной силы неизбежно даст ту же форму кривой ее, какая должна получиться по формуле истинного значения. Примененный метод может лишь несколько уменьшить амплитуду колебания покупательной силы, что большого значения не имеет. Однако он обладает тем преимуществом, что освобождает от огромного количества счетных работ: пользуясь строгой формулой покупательной силы, пришлось бы исчислять ровно столько же особых общих индексов, сколько взято товарных групп, покупательная сила которых определяется. При длительности периода анализа это до крайности осложнило бы работу, не давая никаких преимуществ по существу.

тельно, в каждый период времени цены данных товаров отражают уровень их меновой ценности и уровень ценности денег. Теоретически влияние ценности денег в равной мере сказывается на ценах всех товаров и, следовательно, входит множителем как в числитель, так и в знаменатель формулы, приведенной выше. Отсюда очевидно, что получаемый в результате пересчета по этой формуле новый ряд значений каждого частного индекса будет отражать динамику соотношений меновых ценностей данной группы товаров и всех других товаров, входящих в общий индекс, но будет свободен от действия изменений ценности денег.

Фактически, разумеется, действие колебания ценности денег оказывает воздействие на цены различных товаров не вполне одновременно и в каждый данный период в несколько различной степени. Однако при исследовании достаточно длительных периодов это обстоятельство существенного значения не имеет и не может исказить основных тенденций изменения покупательной силы различных товарных групп.

Найденные новые ряды относительных индексов цен или покупательной силы товаров, выраженные в терминах общего индекса цен, мы и подвергаем далее обработке.

Причем, как и при изучении абсолютного уровня цен, мы отдельно рассматриваем: 1) основные тенденции изменения рядов относительного уровня цен, 2) длительные и 3) кратковременные колебания их.

3. *Общие тенденции покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров.* Возьмем прежде всего относительный уровень индексов цен всех сельскохозяйственных и всех промышленных товаров по Англии и нанесем его на следующую диаграмму 9.

Анализируя эту диаграмму, необходимо иметь в виду следующие замечания. Так как при построении общего индекса группы сельскохозяйственных и промышленных товаров были взяты с равными весами, то в силу этого относительные индексы той и другой группы идут вполне симметрично. Поэтому можно было бы, собственно, при анализе воспользоваться только одной из этих кривых. Мы приводим обе кривые для большей наглядности. Далее, так как базой для построенных нами индексов служат средние арифметические за период 1901–1910 гг., то в этом периоде приведенные эмпирические кривые покупательной силы должны были бы пересечься. На приведенной диаграмме они не пересекаются лишь потому, что во избежание переплете-

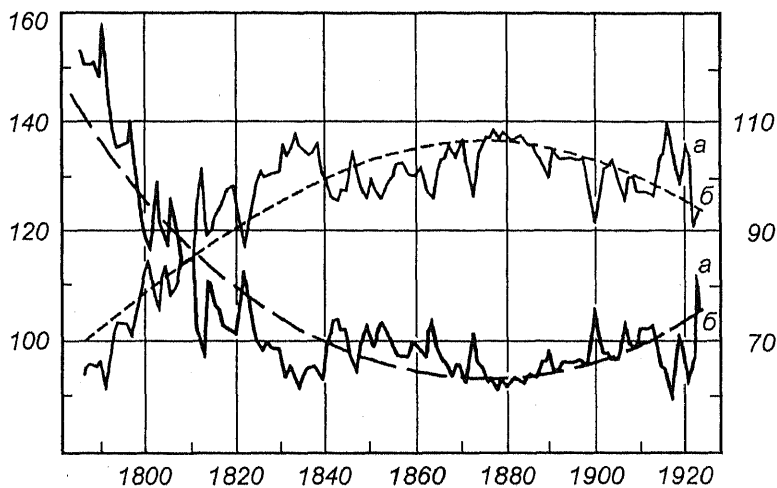

Диаграмма 9. Покупательная сила с[ельско]хоз[яйственных] и промышл[енных] товаров

А — эмпирический ряд; Б — выравн[енный] ряд

ния кривых они нанесены, хотя и в том же масштабе, но каждая со своим основанием. Отсюда понятно, что и пересечение кривых, приходящееся по диаграмме на 1807–1811 гг., приходится на этот период совершенно случайно.

Для того чтобы было легче установить общую тенденцию изменения покупательной силы той и другой группы товаров, на диаграмме нанесены плавные уровни кривых. Приведенная диаграмма рисует чрезвычайно ясную картину. Из нее видно, что покупательная сила сельскохозяйственных товаров с начала взятого периода с известными колебаниями, которые мы исследуем позднее, возрастает. Темп ее возрастания с 40-х годов заметно ослабевает, а с 80-х годов намечается даже снижение ее. Кривая покупательной силы промышленных товаров, естественно, имеет прямо противоположное направление.

Выше, анализируя абсолютные уровни сельскохозяйственных и промышленных цен, мы видели, что индекс тех и других падал в различной степени.

Теперь мы видим, что в силу этого относительный уровень их менялся в совершенно различном направлении. Исторически соотношение покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров на английском рынке имеет форму полуза-

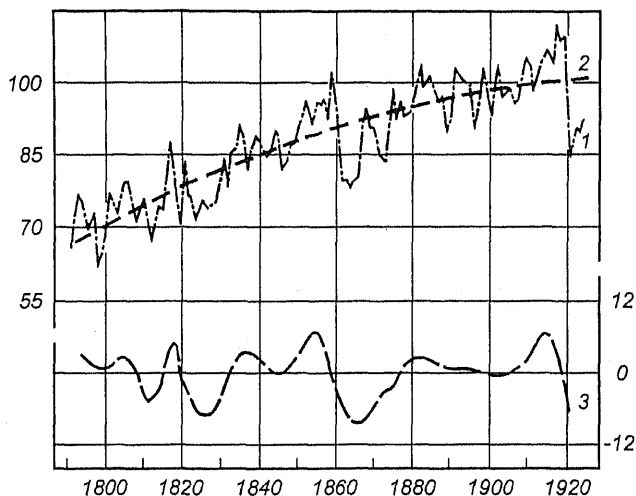

Диаграмма 10. С.А.С.Ш. Покупательная сила сельскохозяйственных товаров

1 — эмпирический ряд; 2 — выравненный [ряд]; 3 — большие циклы

крытых ножниц, лезвия которых имеют дугообразную форму. Это особенно рельефно видно из диаграммы 14, которая помещена ниже и в которой плавный уровень той и другой кривой нанесен около одного основания.

В основе ту же, но в деталях, и притом довольно существенных, несколько иную картину находим мы в С.-А.С.Ш., что видно из следующей диаграммы, где нанесена покупательная сила сельскохозяйственных товаров (диаграмма 10).

Из верхней части диаграммы ясно, что в Соединенных Штатах покупательная сила сельскохозяйственных товаров, если отвлекаться от временных колебаний ее, обнаруживает тенденцию роста. Эта тенденция постепенно замедляется. С 80-х годов до начала войны она уже почти не растет, но в отличие от положения в Англии и не падает. Исторически соотношение сельскохозяйственных и промышленных цен в С.Ш. имеет форму раскрытых ножниц почти с прямыми лезвиями. Это вполне соответствует выводам, сделанным выше относительно движения абсолютного уровня американских цен.

Остановившись теперь на движении покупательной силы частных товарных групп, приведем по Англии нижеследующие диаграммы (диаграммы 11, 12 и 13).

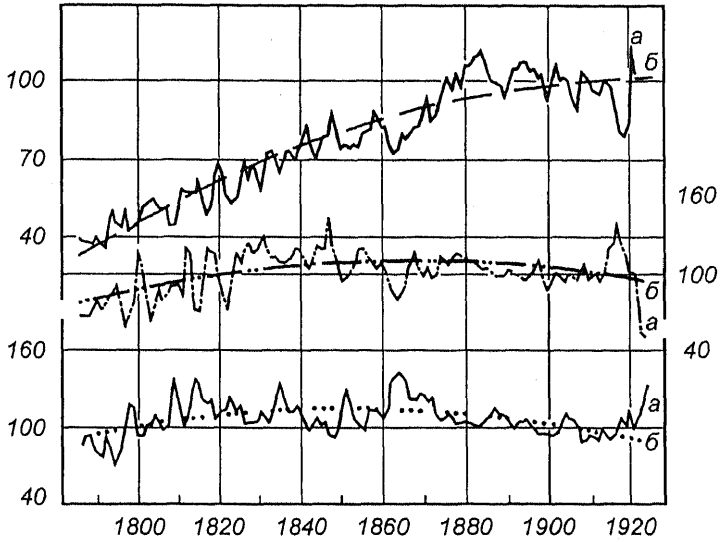

Диаграмма 11. Покупательная сила с[ельско]хоз[яйственных] товаров по группам
 а — эмпирич[еский] ряд; б — выравн[енный] [ряд]

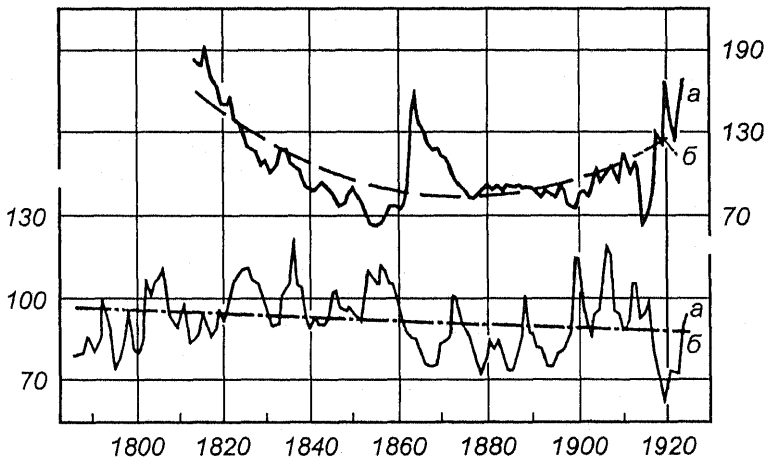

Диаграмма 12. Покупательная сила промышл[енных] товаров по группам
 а — эмпирич[еский] ряд; б — выравн[енный] ряд

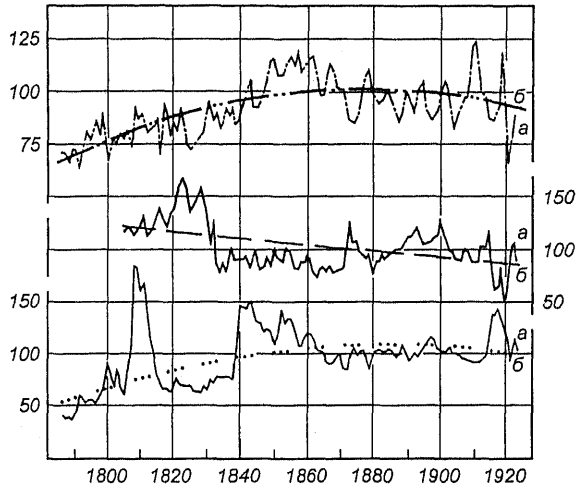

Диаграмма 13. Покупательная сила промышлен[ных] товаров по группам
а — эмпирич[еский] ряд; б — выровн[енный] ряд]

На основании этих диаграмм, отвлекаясь пока от колебаний покупательной силы, можно констатировать следующее. Покупательная сила животноводческих продуктов потребления значительно возрастает. Однако темп этого роста замедляется, и с 80-х годов эмпирическая кривая их покупательной силы дает даже слабopонижательную тенденцию. Покупательная сила хлебов возрастает до 50-х годов, а затем постепенно начинает снижаться. Покупательная сила технического сырья возрастает до 60-х годов и затем также дает медленную понижающую тенденцию. Из этих данных о движении покупательной силы по отдельным группам сельскохозяйственных товаров становится понятным, за счет чего наметилось общее понижающее движение покупательной силы всех сельскохозяйственных товаров с 80-х годов по Англии. Оно обязано понижающей тенденции покупательной силы хлебных товаров и технического сырья с 50–60-х годов, а также перелому в движении ее с 80-х годов по группе животноводческих продуктов.

Покупательная сила текстильных изделий резко снижается до 60-х годов, затем держится до начала войны почти на том же общем уровне. Покупательная сила металлов обнаруживает непрерывное понижающее движение. Понижающую тенденцию обнаруживает и уголь. Покупательная сила растительных

масел и лесных материалов повышается в первой группе до 60-х годов, а во второй — до середины 40-х годов; после этого она медленно понижается.

4. *Причины общих изменений покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров.* Предыдущий анализ общих тенденций изменения покупательной силы различных товарных групп выдвигает ряд проблем. Не останавливаясь здесь на некоторых вопросах частного характера, можно наметить следующие важнейшие проблемы, которые требуют освещения: а) почему покупательная сила всех сельскохозяйственных товаров по Англии повышается, а затем с 80-х годов дает тенденцию к понижению, б) почему покупательная сила сельскохозяйственных товаров по С.-А.С.Ш. повышается, а не дает определенного перелома к понижению, хотя и замедляется в росте, в) почему наиболее резко выраженную повышательную тенденцию обнаруживает группа животноводческих товаров, г) почему наиболее резко понижательную тенденцию дают промышленные группы текстильных изделий, металлов и угля.

а. Тенденция относительного уровня цен сельскохозяйственных товаров к повышению уже неоднократно отмечалась в литературе, начиная с работ классической школы и кончая современными авторами¹.

Большинство этих авторов причину его повышения видит в действии закона убывающей производительности и доходности последующих затрат в сельском хозяйстве. Однако это объяснение в такой форме следует признать неправильным по следующим соображениям.

Во-первых, объяснение повышательной тенденции относительного уровня цен сельскохозяйственных товаров действием указанного закона предполагает или неправильную формулировку его, или такие выводы из него, которые из закона не вытекают. В точной формулировке закон этот утверждает, что *при прочих равных условиях (техника, количество земли, состав почвы и т.д.) за известным пределом производительность и доходность последующих затрат понижается*². Иначе

¹ Ср.: Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. Ch. II; Aeroboe F. Op. cit. S. 243 и сл.

² См.: Esslen J. Das Gesetz des Abnehmenden Bodenertrages (Archiv f. Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik, 1910. Bd XXX. S. 335 и сл.); Mill J. Op. cit. P. 108-111; Marshall A. Op. cit. P. 150 и сл.; Taussig F. Op. cit. Vol. II. P. 65 и сл.; Aeroboe F. Op. cit. S. 690; David E. Sozialismus und Landwirtschaft. 1922. S. 367 и сл.

говоря, закон этот верен при статических условиях сельскохозяйственного производства. Поэтому, объясняя тенденцию относительного уровня цен сельскохозяйственных товаров во времени к повышению ссылкой на рассматриваемый закон, нужно было бы дать ему совершенно иную формулировку. Нужно было бы исключить из нее указание на “прочие равные условия”. Но такая формулировка была бы неверна. Она имела бы в виду по существу другой закон, который нужно было бы раньше доказать. Если же сохранить достаточно точную формулировку закона, тогда он а priori не дает оснований утверждать, что во времени всегда наблюдается понижение производительности и доходности последующих затрат в сельском хозяйстве. Происходит такое падение или нет, этого вопроса сам по себе закон не решает. Ответ на этот вопрос может быть дан лишь на основе специального изучения условий сельскохозяйственного производства и эффективности затрат на него. Но если это так и если иметь в виду период с начала XIX в., то на основании такого исследования выше мы показали, что, как общее правило, в течение этого периода имело место падение издержек производства в сельском хозяйстве.

Во-вторых, если согласиться, что в основе повышательной тенденции покупательной силы сельскохозяйственных товаров действительно лежит закон падающей производительности последующих затрат, то становится непонятным, почему с 80-х годов по Англии эта тенденция покупательной силы сельскохозяйственных товаров сменилась на понижательную.

В-третьих, при таком объяснении становится малопонятной понижательная тенденция абсолютного уровня цен сельскохозяйственных товаров, которая была рассмотрена выше.

Если оставаться на почве фактов, то без всякого противоречия с теорией и в полном соответствии с предыдущим анализом динамики абсолютного уровня цен повышательную тенденцию покупательной силы сельскохозяйственных товаров (или понижательную — промышленных товаров) можно объяснить следующим образом. Хотя в XIX–XX вв. производительность труда в сельском хозяйстве в общем и повышается, а издержки его производства понижаются, но этот процесс в сельском хозяйстве идет медленнее, чем в промышленности. *Отставание тенденции издержек сельскохозяйственного производства к понижению от такой же тенденции в промышленности и является*

основной причиной общего роста покупательной силы сельскохозяйственных товаров в течение изучаемого периода времени. Причины этого отставания легко понять в связи с такими особенностями процессов сельскохозяйственного производства, как их органический характер, в связи с этим меньшая доступность их для механизации, большая зависимость от пространства и т.д.¹ Поскольку, далее, при данной технике и других равных условиях сельское хозяйство подчинено действию закона падающей производительности и доходности исследующих затрат, поскольку значительные технические усовершенствования производства не появляются непрерывно, постольку на известных этапах развития в сельском хозяйстве может возникать тенденция к росту издержек производства, постольку влияние технического прогресса на издержки сельскохозяйственного производства в сторону их снижения несомненно ослабляется и действием упомянутого закона. Только в этом опосредствованном смысле можно признать и его влияние на динамику покупательной силы сельскохозяйственных товаров².

Выдвинутый выше основной тезис об отставании роста производительности сельскохозяйственного труда и падении издержек сельскохозяйственного производства опирается на известные фактические данные. Выше мы уже привели индексы динамики производительности труда по Англии и С.-А.С.Ш. Если теперь мы возьмем по Англии индексы производительности сельскохозяйственного и промышленного труда в отношении к общему индексу производительности труда и сопоставим полученные индексы относительной производительности труда с кривыми покупательной силы сельскохозяйственных промышленных товаров, то получим следующую весьма показательную диаграмму 14.

В верхней части диаграммы относительные индексы производительности труда сопоставлены с индексами покупательной силы, механически выравненными по 9 годам. Отсюда мы видим ярко выраженную закономерность: *изменение покупательной силы сельскохозяйственных товаров (или промышленных) идет в обратном направлении с изменением относительного*

¹ Ср.: David E. Op. cit. S. 38 и сл.

² Ср.: Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 1918. С. 482-483.

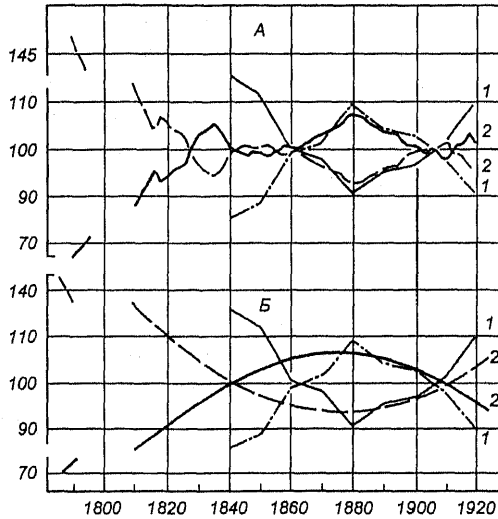

Диаграмма 14. Покупательная сила товаров и относительная производительность труда

1 — производительность труда; 2 — покупательная сила товаров
 А — покупательная сила товар[а] — механич[ески] выравненный ряд; производит[ельность] труда — эмпирич[еский] ряд; Б — покуп[ательная] сила товар[а] — ряд, выравненный по способу наименьших квадр[атов]; производительность труда — эмпирич[еский] ряд

уровня производительности сельскохозяйственного (или, соответственно, промышленного) труда. До 80-х годов относительная производительность сельскохозяйственного труда падает и, соответственно, до этого периода покупательная сила сельскохозяйственных товаров повышается, а промышленных — падает. С 80-х годов относительная производительность сельскохозяйственного труда, наоборот, растет и, соответственно, покупательная сила сельскохозяйственных товаров падает, а промышленных — растет.

Кривые покупательной силы, помещенные в верхней части диаграммы, хотя они и выравнены механически по 9 годам, все же отражают не только общую тенденцию, но и различные колебания покупательной силы. (Ср. переплетение кривых покупательной силы в период 1825–1860 гг.) Поэтому в нижней части диаграммы мы даем сопоставление плавных рядов покупательной силы (уже показанных ранее на диаграмме 9) и

эмпирических рядов относительных индексов производительности труда¹. Отсюда сделанный выше общий вывод о связи относительной производительности труда и покупательной силы выступает еще более наглядно.

Таким образом, мы получаем объяснение повышения покупательной силы сельскохозяйственных товаров до 80-х годов и, наоборот ее понижения в последующее время.

Но изложенное объяснение неизбежно возбуждает по крайней мере два вопроса, на которые необходимо дать ответ раньше, чем двинуться дальше.

Первый вопрос таков. Мы сопоставили движение покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров на английском рынке с движением относительной производительности сельскохозяйственного и промышленного труда по Англии же. Но совершенно очевидно, что если английская динамика производительности промышленного труда и может иметь более или менее определенное значение для английского рынка и цен, то этого нельзя сказать относительно производительности труда в английском сельском хозяйстве, так как удельный вес его в снабжении внутреннего рынка шаг за шагом падал и уже с 70-х годов имеет совершенно подчиненное значение. Допустим, что это так. Но что отсюда следует?

Уже выше мы говорили, что тезис о связи производительности труда (или издержек производства)² и цен нельзя понимать прямолинейно, применительно к какой-либо одной стране, но

¹ Сопоставление плавных и эмпирических рядов, разумеется, не вполне правильно. Но в данном случае это не имеет значения. Во-первых, потому, что нижняя часть диаграммы по существу ничего не меняет по сравнению с основной верхней частью ее. Во-вторых, потому, что индексы производительности труда получены (см. выше) путем деления индексов продукции на индексы занятой рабочей силы; между тем произведенное специальное исследование показало, что продукция и число рабочих обладают меньшей колеблемостью, чем цены, и что вместе с тем в колебаниях продукции и числа занятых рабочих существует значительный параллелизм. В силу этих причин индекс производительности труда по существу обладает относительно большей плавностью, чем индекс цен и покупательной силы. Это как бы приближает его по характеру к кривой плавного уровня и при наличии сделанных оговорок позволяет сопоставить его с плавным уровнем покупательной силы товаров. Так как индексы производительности исчислены нами по десятилетиям, то мы не могли подвергнуть их для большей строгости этого сопоставления выравниванию.

² При этом мы все время исходим из положения, установленного выше (см. выше), что динамика производительности труда, поскольку речь идет не об отдельной отрасли, а обо всем народном хозяйстве, может служить достаточным показателем тенденций движения реальных издержек производства.

что необходимо учитывать условия международной конкуренции. Допустим поэтому на минуту, что те решающие предельные затраты, с которыми соотносятся (в рамках достаточно длительного периода) рыночные цены сельскохозяйственных товаров, нужно искать не в английском сельском хозяйстве, а в сельском хозяйстве какой-либо экспортирующей страны, например С.Ш., и что они в данное время равны C . Пусть издержки доставки товаров (взятые в целом, т.е. включая процент, прибыль) из С. Штатов в Англию составляют M . В таком случае можно утверждать, что предельные издержки сельскохозяйственного производства в Англии теоретически будут равны $C + M$. Сельскохозяйственное производство здесь с большими предельными издержками под давлением конкуренции неизбежно видоизменится так, что понизит эти предельные издержки до указанной нормы, а производство с более низкими издержками расширится до того, что доведет их до нормы. Если, далее, при этих условиях так или иначе изменяются предельные издержки в сельском хозяйстве С.Ш., то при прочих равных условиях неизбежно должно произойти соответствующее изменение и в предельных издержках сельскохозяйственного производства Англии. Отсюда следует, что *теоретически в условиях конкуренции предельные издержки сельскохозяйственного производства экспортирующих и импортирующих стран должны находиться в достаточно строгом соответствии и потому изменяться параллельно*. Отклонения от этого правила, которые теоретически можно здесь допустить, измеряются размером изменений в стоимости доставки продуктов из экспортирующей страны, а также размером изменения пошлин, если они есть. Например, если транспорт дешевеет, то предельные издержки английского сельского хозяйства могут быть относительно несколько выше, чем это было ранее по формуле $C + M$. Выставленное положение о параллелизме изменения издержек по странам в основе применимо и к динамике издержек промышленного производства экспортирующих и импортирующих стран. Конечно, в реальной действительности могут быть очень значительные отклонения от этого правила. *Но в тенденции за длительное время оно должно выявиться и на эмпирических данных*.

С.-А.С.Ш. являются страной, которая действительно в значительной мере снабжала Англию сельскохозяйственными товарами. С другой стороны, эти страны были связаны достаточно тесно и на почве торговли промышленными товарами. Но если

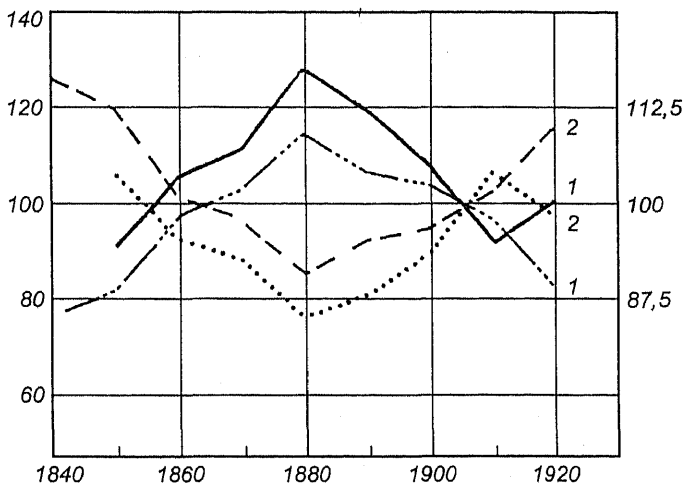

Диаграмма 15. Англия и С.А.С.Ш. относительная производительность труда
 а — промышленность; б — сельское хозяйство (масштаб справа)

это так и если верно изложенное выше о параллелизме изменения издержек производства экспортирующих и импортирующих стран, то данные о динамике относительной производительности сельскохозяйственного и промышленного труда по Англии должны быть достаточно близкими к соответствующим данным по С.Ш. Действительность вполне подтверждает это предположение, что видно из диаграммы 15 по С.Ш., в основу которой положены данные, приведенные выше (см. диаграмму 15).

Мы видим, что динамика относительной производительности труда в Англии и С.-А.С.Ш. почти тождественна.

Таким образом, связь между движением относительной производительности труда (а следовательно, и издержек производства) и покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров можно считать установленной.

Второй вопрос, который возникает в данной связи: почему с 80-х годов произошло значительное изменение в направлении динамики относительной производительности сельскохозяйственного и промышленного труда? Этот вопрос настолько серьезен, что мы не в состоянии осветить его сколько-нибудь обстоятельно здесь. Ограничимся лишь краткими замечаниями.

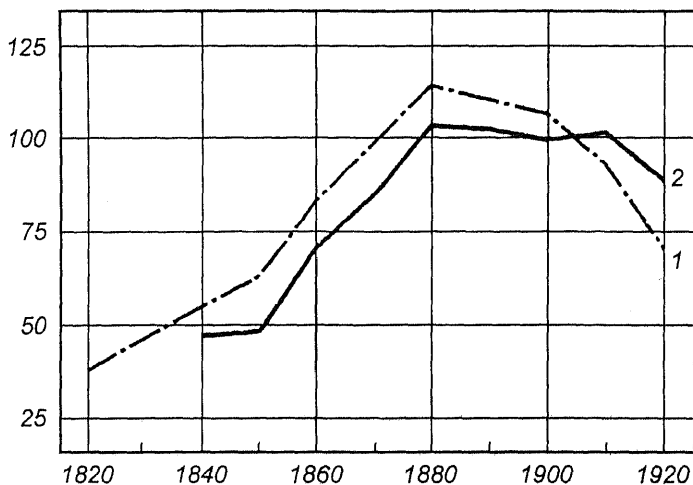

Диаграмма 16. Индексы производительности труда в промышленности
1 – добывающ[ая] промышл[енность]; 2 – обрабатыв[ающая] промышленность]

Приведенная выше диаграмма 5 показывает, что упомянутое изменение в Англии произошло в *результате наметившегося с 80-х годов, хотя и слабого, снижения производительности труда в промышленности в то время, как производительность труда в сельском хозяйстве продолжала возрастать.*

Из диаграммы 16 по Англии мы видим, далее, что снижение производительности труда наблюдается здесь в обрабатывающей, но особенно в добывающей промышленности ее, в составе которой основное значение имеет угольная и добывающая промышленность. Наоборот, в С.-А.С.Ш. имеет место в общем рост производительности труда как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Однако с 90-х и особенно с 1900 г. рост производительности промышленного труда замедляется, а от 1900 к 1910 г. даже снижается и здесь, в то время как производительность сельскохозяйственного труда, если исключить военный период, продолжает интенсивно возрастать.

Причем в С.Ш. рост производительности труда в *добывающей* промышленности несколько замедляет свой рост от 80-х к 90-м годам, но затем непрерывно и значительно возрастает. Ослабление роста производительности после 90-х годов и затем

даже некоторое снижение ее (1900–1910 гг.) наблюдается здесь лишь в обрабатывающей промышленности¹.

Эти выводы о динамике производительности промышленного труда по С.Ш. представляются на первый взгляд не только неожиданными, но и маловероятными. Ввиду этого нами было произведено с 80-х годов проверочное исчисление. Причем так как наибольшие сомнения вызывают данные о производительности промышленного труда, то именно эти данные были взяты не по King'у, как это было сделано выше (с. 251), а по возможности по другим источникам. Результат получился следующий (табл. 4)².

Отсюда ясно, что, хотя детали движения производительности промышленного труда оказываются здесь несколько иными, чем по данным Кинга, хотя, в частности, производительность труда в обрабатывающей промышленности по приведенным данным и не дает после 1900 г. снижения, тем не менее производительность труда всей промышленности растет за рассмотренный период относительно медленнее, чем производительность сельскохозяйственного труда. Иначе говоря, общий вывод получается тот же, что и по данным Кинга.

¹ Ср.: King W. Op. cit. P. 144–145, 149–151. Что сделанные нами выводы относительно падения производительности труда в добывающей промышленности Англии при росте производительности труда добывающей промышленности С. Штатов не случайны, подтверждается и другими данными. В "Report of the Royal Commission on the Coal Industry" (London, 1926. Vol. I. P. 127) приведена таблица о добыче угля на одного рабочего. Из этой таблицы можно видеть, что производительность труда в С. Штатах возрастает; наоборот, в европейских странах (Бельгия, Франция, Германия и особенно Англия) с 80-х годов она понижается.

² Производительность сельскохозяйственного труда взята по данным King's. Эти данные берутся потому, что они наиболее полны. Производительность труда в обрабатывающей промышленности за 1890–1920 гг. определена по данным: "National Industrial Conference Board, A Graphic Analysis of the Census of Manufactures 1849 to 1919". N.Y., 1923. И только данные за 1880 г. исчислены здесь ценным методом на основе данных King'a. Но его данные по обрабатывающей промышленности за это десятилетие не вызывают сомнений в сторону преуменьшения темпа роста. Производительность труда в горной промышленности взята на основании индекса физического объема, исчисленного E. Day'ем (см. его "An index of the physical volume of production. Reprinted from the Review of Economic Statistics". 1920, September; 1921, January. P. 23) и данных "Census of occupation" за 1910 и 1920 гг. Число занятых лиц для 1880 г. было исчислено на основе данных: Jones M.Z. Trend of occupations in the population // Monthly labour review. 1925. May. При вычислении индекса производительности по всей промышленности для горной и обрабатывающей промышленности приняты те веса, которые дает Day (см. его цит. работу, с. 64). При вычислении общего индекса производительности веса для сельского хозяйства и всей промышленности приняты равными.

Таблица 4

Индексы динамики производительности труда в С.-А.С.Ш.
(средние за 1900 и 1910 гг. = 100)

Годы	Общий	Промышленность			Сельское хозяйство	Отношение к общему индексу	
		вся	обрабатывающая	горная		вся промышленность	сельское хозяйство
1880	46,6	55,7	56,4	50,2	38,9	119,5	83,6
1890	67,2	75,0	79,6	49,6	60,2	111,6	89,6
1900	89,3	94,8	93,6	103,7	84,0	106,2	94,1
1910	109,8	105,1	106,4	96,3	114,6	95,7	104,4
1920	107,5	115,2	115,3	114,5	100,3	107,2	93,3

а) Причины описанной выше динамики относительной производительности труда как в Англии, так и в С.-А.С.Ш. лежат частью на стороне сельского хозяйства, но главным образом на стороне условий развития промышленности. Однако в той или другой стране они не вполне идентичны. Не входя в детальное исследование вопроса, можно указать следующие наиболее вероятные и важные причины отмеченного относительного замедления в росте производительности промышленного труда.

Первая причина — это *нарастающее истощение наиболее богатых и доступных для относительно легкой эксплуатации рудников, в особенности угольных*. Это положение относится к Англии¹ и вскрывает основную причину, почему здесь производительность труда сильнее всего понизилась именно в горнодобывающей промышленности. Хотя вопрос о близком абсолютном истощении ископаемых богатств, и прежде всего угля, для Англии и решается несомненно в отрицательном смысле², однако это не устраняет вопроса об относительном истощении их, о большей или меньшей степени использования наиболее богатых и доступных рудников. На основании имеющихся данных можно признать весьма вероятным, что в этом отношении положение Англии одно из наименее благоприятных и что при

¹ Как видно из упомянутых данных "Report of the royal commission on the coal industry", оно имеет отношение и к некоторым другим европейским странам.

² Ср.: Meisner M. Die Versorgung der Weltwirtschaft mit Bergwerkserzeugnissen. I Theil. Kohlen, Erdöl und Salze. 1923. S. 67 ff.; Frech F. Die Kohlenvorräte der Welt, 1917. Passim. В частности, S. 170 ff.; Eckel E.C. Coal, Iron and War. N.Y., 1920. Pt II; Jevons H.St. The British Coal Trade. London. 1920. Ch. XXVII-XXVIII.

данных технических условиях ее горнодобывающая, и по крайней мере угольная промышленность, за последние десятилетия обнаружила падающую производительность труда¹. Косвенным подтверждением правильности этого вывода для Англии является факт нарастающих затруднений в ее угольной промышленности, а также факт роста производительности труда в горной промышленности С.-А.С.Ш., где это относительное исчерпание рудников еще не обнаруживается, в особенности при наличии более совершенной техники.

Вторая причина относительного замедления роста производительности труда в промышленности, по-видимому, заключается в быстро развивающемся как в Англии, так и в С.Ш. обезлюдении сельского хозяйства при стремительном росте числа промышленных рабочих. Как известно, уровень жизни индустриальных рабочих значительно выше, чем сельского населения. При наличии других привлекающих сторон городской жизни сельское население передовых стран быстро передвигается в города (табл. 5).

Так как индекс динамики производительности труда в каждой отрасли является функцией не только роста объема производства, но и числа занятых в ней лиц, то указанное быстрое передвижение самодельного населения в индустрию несомненно должно относительно ослаблять темп роста производительности индустриального труда. Это, однако, не значит, что производительность промышленного труда по абсолютному уровню становится ниже производительности труда в сельском хозяйстве.

Обе указанные причины, нарастая, могли в конце концов изменить направление динамики соотношения производительности сельскохозяйственного и промышленного труда. Но это еще не позволяет понять, почему такое изменение происходит в обеих странах более или менее одновременно, а именно около 80-х годов. Возможно, что в этом отношении известную роль сыграла третья причина — некоторое изменение в положении

¹ На возможность этого еще в 1865 г. с тревогой указывал W.St. Jevons. См. его *The Coal Question*. 3 ed. London. 1906. В особенности гл. III, IV, XII, XIV. Относительное исчерпание наиболее легко доступных рудников в известной мере не отрицает и его сын H.St. Jevons (см. его цит. *British Coal Trade*. Ch. XXVI–XXVII, в частности р.р. 756–71), хотя он и смотрит на вопрос более оптимистично. Реальность относительного исчерпания угольных рудников вполне подтверждается и докладом последней Комиссии по вопросу о положении угольной промышленности. См. цит. выше доклад этой комиссии, с. 116–117; 122–129 и др.

Количество занятого самостоятельного населения*

Годы	Англия				С.-А.С.Ш.			
	Итого в промышленности и сельском хозяйстве	В промышленности	В сельском хозяйстве	Занято в сельском хозяйстве в % к итогу	Итого в промышленности и сельском хозяйстве	В промышленности	В сельском хозяйстве	Занято в сельском хозяйстве в % к итогу
1850	8,892	5,378	3,519	39,6	4,141	991	3,150	76,1
1860	9,124	5,975	3,149	34,5	5,654	1,412	4,242	75,0
1870	9,237	6,429	2,808	30,4	8,166	2,217	5,949	72,9
1880	9,448	6,874	2,574	27,2	10,743	3,029	7,714	71,8
1890	10,269	7,848	2,421	23,6	13,647	5,081	8,566	62,8
1900	11,444	9,182	2,262	19,8	16,701	6,319	10,382	62,2
1910	12,609	10,347	2,262	17,9	20,059	8,670	11,389	56,8
1920	13,736	11,661	2,075	15,1	20,244	10,383	9,851	48,7

*По данным, указанным выше.

рабочего класса, особенно в Англии. Известно, что именно с 70–80-х годов рабочие союзы в Англии чрезвычайно укрепились и получили общее легальное признание¹. К концу 70-х годов здесь получает широкое развитие и общую формулировку законодательство о защите труда². Именно на 70–80-е годы приходится, далее, наиболее значительное сокращение рабочего времени, относящееся к широкому кругу отраслей промышленного производства³. Причем сокращение рабочего времени продолжалось и в последующие десятилетия⁴. Равным образом и в С.-А.С.Ш. в 80-е и последующие годы рабочее движение получает значительное развитие. Одновременно наблюдается там и заметное сокращение рабочего дня⁵.

¹ Ср. Ностиц Г. Рабочий класс Англии в девятнадцатом столетии. М., 1902. С. 243 и сл.

² Ср. Hutchins B.L., Harrison A. A History of Factory Legislation, 1907, passim; Ностиц Г. Указ. соч. С. 327 и сл.

³ Ср. Ностиц Г. Указ. соч. С. 460 и сл.

⁴ Ср.: Kuczynski R. Arbeitslohn und Arbeitszeit in Europa und Amerika. 1870–1909. Berlin, 1913. S. 27–368.

⁵ Ср. Adams T.S., Sunner H.L. Labor problems. N.Y. P. 215–224 и 515–518.

Укрепление рабочих союзов, улучшение условий труда и сокращение рабочего времени представляет несомненно весьма большое завоевание рабочего класса. Как показывают специальные исследования, это завоевание, и в частности сокращение рабочего времени, может не привести к понижению производительности труда и даже повысит ее, если оно происходит при условии соответствующей интенсификации работы, улучшения в технике и в организации предприятий¹. Но когда сокращение рабочего дня более или менее одновременно и быстро охватывает большое количество отраслей производства, этих условий может налицо и не оказаться или не оказаться в надлежащей степени². Вполне возможно предполагать, что именно с 80-х годов в связи с ростом мощи рабочего движения наблюдающееся сокращение рабочего дня одновременно сопровождалось некоторым ослаблением степени технической эксплуатации рабочих. Интенсификация труда могла отставать от темпа понижения рабочего времени. Это должно было повлечь относительное увеличение числа занятых рабочих (ср. выше замечания о быстром обезлюдении сельского хозяйства), и, следовательно, способствовать некоторому замедлению роста производительности индустриального труда из расчета на одного рабочего.

Наконец *в-четвертых*, нужно указать на особые причины, которые, наоборот, ускоряли темп роста производительности сельскохозяйственного труда. Эти причины, сказавшиеся особенно сильно как раз с 70-х годов, и до сих пор лежат в значительном техническом прогрессе сельского хозяйства и (специально для С.-А.С.Ш.) в быстром передвижении населения на Запад, в связи с чем стоит значительное развитие экстенсивного сельского хозяйства С.Ш. на свежих почвах Запада страны³.

Рассмотрев первый вопрос из тех, которые возникли при анализе общих тенденций движения покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров, на других вопросах мы можем остановиться уже совершенно кратко, так как

¹ Ср. Hoffmann O. Arbeitsdauer und Gewerbliche Produktion Deutschlands nach dem Weltkriege, 1922. Kap. II-V; Fromont L.G. Une Expérience Industrielle de Reduction de la Journée de Travail, 1906. Passim.

² Ср.: Hoffman O. Op. cit.; Freese. Die Konstitutionelle Fabrik. Jena, 1919. S. 31.

³ Ср.: Rossiter W.S. Increase of Population in the Un. St. 1910-1920. Census monographs I. 1922. P. 37-61; Lippincott Op. cit. P. 307-311. См. также: Abstract of the eleventh census, 1890. Washington, 1899. P. 3.

ответ на них легко получить из всего предыдущего анализа. В частности, совершенно очевидно, что причины, в силу которых покупательная сила сельскохозяйственных товаров в С.-А.С.Ш. не дает в отличие от Англии с 80-х годов снижения, а дает лишь замедление роста, остаются теми же, которые были указаны выше и которые обусловили общую повышательную тенденцию абсолютного уровня американских цен на сельскохозяйственные товары при падении промышленных цен.

В связи с этим заметим, что если производительность сельскохозяйственного труда в С.Ш. относительно индустриального с 80-х годов повышалась, а покупательная сила сельскохозяйственных товаров продолжала возрастать, то отсюда очевидно, что в общем (за исключением известных периодов) американское сельское хозяйство имело весьма благоприятные условия для своего развития, в частности для капиталоинтенсификации и высокого темпа роста сельскохозяйственной продукции. Это и наблюдалось в действительности.

с) Равным образом причины особенно быстрого роста темпа покупательной силы животноводческих предметов потребления как в С.Ш., так и в Англии коренятся в тех условиях, которые вызвали, с одной стороны, падение абсолютного уровня общего уровня цен, с другой — рост абсолютного уровня цен и животноводческих продуктов. Эти причины были рассмотрены выше.

d) Наконец нетрудно понять, почему из всех промышленных товаров наиболее значительное снижение покупательной силы дают металлы, текстильные изделия и уголь.

Во-первых, эти отрасли индустрии обладают достаточно высоким техническим строением капитала и потому наиболее доступны для технического прогресса, во-вторых, промышленная революция и технический прогресс коснулись ранее всего именно этих отраслей¹. В-третьих, они, за исключением текстильной промышленности, находятся в наименьшей связи с сельским хозяйством и, следовательно, не испытывали влияния более медленного снижения (до 80-х годов) издержек производства в сельском хозяйстве. В силу указанных условий продукты производства этих отраслей обнаружили падение абсолютного уровня цен, большее, чем это имело место в отношении всех товаров. Отсюда понижение покупательной силы указанных товарных групп.

¹ Ср.: Knowles L. Op. cit. P. 47–79.

Из предыдущего изложения и замечаний об относительном исчерпании наиболее богатых копей, казалось бы, можно было ожидать примерно с 70–80-х годов повышательной тенденции в ценах и покупательной силе угля. Некоторые повышательные тенденции цен угля в действительности и имеют место, что отмечалось выше. Но эти тенденции несомненно в известной мере сдерживались стремительным ростом производства нефти, как раз с 70-х годов¹. Частично замещая уголь, нефть при сильном падении цен на нее² давила на рынок и задерживала рост цен и покупательной силы угля.

4. *Большие циклы покупательной силы товаров.* В предыдущих параграфах мы рассмотрели общие длительные тенденции относительного уровня цен или покупательной силы товаров. Но в действительности эти тенденции развиваются не плавно, а с различными колебаниями и отклонениями от основного направления. Согласно положениям, развитым выше, эти колебания покупательной силы товаров мы можем рассматривать как смену относительной конъюнктуры различных отраслей производства.

Всматриваясь в диаграммы 9–13, приведенные выше, мы видим, что покупательная сила различных товарных групп обнаруживает ряд длительных колебаний. Сосредоточим внимание прежде всего на этом типе колебаний ее.

В целях лучшего выявления длительных колебаний покупательной силы товаров пойдем тем же путем, каким мы уже шли при изучении длительных колебаний абсолютного уровня цен. Возьмем отклонения эмпирического ряда покупательной силы от плавного уровня, выровняем их при помощи подвижной 9-й и повторно 5-летней средней и результаты нанесем на диаграмму. На диаграмме 17 нанесены длительные колебания покупательной силы всех сельскохозяйственных и всех промышленных товаров по Англии.

Диаграмма раскрывает чрезвычайно интересную картину. С конца 80-х годов XVIII в. покупательная сила сельскохозяйственных товаров значительно повышается и достигает своего максимума по несглаженному ряду отклонений в 1813 г. (по сглаженному — в 1815 г.). Далее она падает. Причем по несглаженному ряду падение это весьма значительно. С некоторыми колебаниями оно продолжается до 1822 г. С 1822 до 1834 г.

¹ Ср.: Meisner M. Op. cit. S. 80 и сл.

² Ср.: Statist. Abstract, of the Un. St. 1923. P. 700.

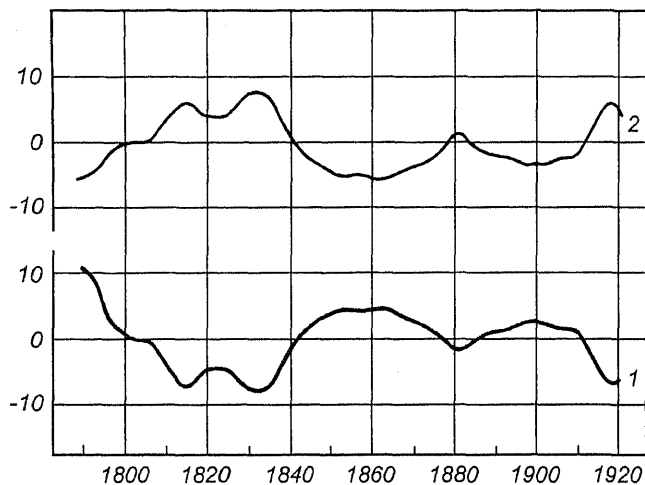

Диаграмма 17. Большие циклы покупательной силы товаров
1 -- промышл[енные] товар[ы]; 2 -- с[ельско]хоз[яйственные] товары]

наблюдается рецидив повышения покупательной силы сельскохозяйственных товаров. Это повышение в силу сглаживания первоначального ряда отклонений при помощи 9- и 5-летней подвижной средней, во-первых, ослабило в приведенной диаграмме интенсивность падения покупательной силы с 1813 г., во-вторых, повело к образованию второго максимума в 1834 г., причем последний максимум по несглаженному ряду отклонений ниже, а по сглаженному (на диаграмме) даже выше, чем максимум 1813 г.

Однако анализ первоначальных данных обнаруживает, что указанный рецидив повышения покупательной силы сельскохозяйственных товаров в 1822–1834 гг. обязан почти исключительно мероприятиям таможенной и налоговой политики правительства, вызвавшим, с одной стороны, задержку падения хлебных цен, с другой — резкое падение цен угля¹.

Под влиянием указанных условий в период 1822–1834 гг. покупательная сила всех сельскохозяйственных товаров (за счет

¹ С конца XVIII в. Англия усиливает обложение ввозимого хлеба. Но пошлины на хлеб достигали значительной тяжести лишь при определенном уровне цен ввозимого хлеба. Это видно из следующей табл. 6 (по данным Customs Tariff of the Un. Kingdom from 1800 to 1897. London, 1897. P. 237, 257).

повышательного уровня хлебных и падения угольных цен) повысилась, а покупательная сила индустриальных товаров, наоборот, упала. Если учесть указанное воздействие мероприятий правительства, то станет ясно, что по существу основное падение покупательной силы сельскохозяйственных товаров началось уже с 1813 г. Оно продолжалось до начала 50-х годов. Здесь кончается первый большой цикл движения покупательной силы сельскохозяйственных товаров. С 50-х годов мы наблюдаем новую длительную повышательную волну их покупательной силы. Эта волна по несглаженному ряду отклонений достигает максимума к 1878 г. и затем сменяется новой понижательной

Т а б л и ц а 6

Год начала действия тарифа	При ввозной цене не ниже	Пошлина была			Пошлина была			Уровень хлебных цен в Англии	
		За один квартал пшеницы							
		шилл.	шилл.	п.	шилл.	шилл.	п.		
1774	48	0	6	44	22	0	54	3	
1787	48	0	6	48	24	3	42	5	
1791	54	0	6	50	24	3	48	7	
1804	66	0	7½	63	30	3¾	62	3	
1813	66	0	9½	63	39	7	109	9	

Отсюда ясно, что возрастали как минимальная цена, при которой обложение вступало в силу, так и самые пошлины. Ясно также, что в тех случаях, когда цена ввозимого хлеба равна указанной минимальной цене, обложение достигает значительных размеров. Однако это был период роста хлебных цен в Англии, что видно из последнего столбца таблицы. При этих условиях пошлины не имели существенного влияния на цены (ср.: Ernie. English Farming past. and present. 1922. P. 270–271).

С 1813 г. хлебные цены в Англии резко упали. С 109 ш. 9 п. в 1813 г. цена квартала пшеницы упала до 65 ш. 7 п. в 1815 г. В связи с этим в 1815 г. проводится закон, в силу которого ввоз хлеба в Англию допускается без пошлины, но лишь при условии, если английские цены стоят (для пшеницы) не ниже 80 ш. за квартал (при ввозе из других стран, при ввозе из британских колоний — не ниже 67 ш.). Если же английские цены стоят ниже указанного уровня, то ввоз хлеба запрещается. Акт 1815 г. явился высшим проявлением протекционизма. В последующие годы (с 1822 г.) хотя условия ввоза хлеба в Англию и были смягчены, но оставались весьма тяжелыми. Ввоз хлеба до 1828 г. фактически допускался лишь при условии, когда английские цены стояли не ниже определенного и довольно высокого уровня. При разрешении ввоза пошлины оставались весьма высокими. Это видно из следующей табл. 7 (по тому же источнику, что и первая таблица. Заметим, что до 1828 г. существовали еще дополнительные пошлины, не указанные в табл. 7).

волной до 1900 г.¹ Здесь кончается второй длительный цикл движения покупательной силы сельскохозяйственных товаров. С 1900 г. начинается новая повышательная волна ее, которая обрывается по несглаженному ряду в 1916 г. и сменяется понижательной тенденцией.

Таким образом, анализ данных достаточно отчетливо выявляет два с половиной больших цикла колебаний покупательной силы сельскохозяйственных товаров. Легко понять, далее, и это видно из диаграммы, что покупательная сила промышленных товаров описывает те же 2 1/2 больших цикла, но циклы эти обратны циклам покупательной силы сельскохозяйственных товаров.

Т а б л и ц а 7

Год начала действия нового тарифа	При ввозной цене не ниже		Пошлина была			Уровень хлебных цен в Англии		
	За один квартал пшеницы							
	шилл.	шилл.	п.	шилл.	шилл.	п.	шилл.	п.
1815	85	1	0	80	12	0	65	7
1822	85	1	0	70	12	0	44	7
1828	73	1	0	66	20	8	60	5
1842	73	1	0	51	20	0	57	3

Отсюда ясно, что с 1822 г. протекционизм хотя и смягчается, но остается весьма высоким. Высокие охранительные пошлины в этот период сдерживали падение хлебных цен, что и видно из таблицы (см. также: Ernie. Op. cit. P. 271–273). Что касается теперь угля, то до 1821 г. существовал весьма высокий налог на него, взимавшийся при перевозке угля из районов производства. Этот налог с 1821 г. был понижен почти вдвое (с 7 ш. 6 п. до 4 ш. за тонну), а затем и совершенно отменен. В связи с этим, а также в связи с понижением фрахтов биржевые цены на уголь в Лондоне весьма резко понизились: с 30 ш. 7 п. за тонну в 1820 г. они упали до 20 ш. 3 п. в 1835 г. (Ср.: Porter. Op. cit. P. 216. См. также: Report on Wholesale and Retail Prices. P. 11).

¹ Сравнительно низкий максимум покупательной силы сельскохозяйственных товаров в 70-х годах является результатом трудности и в известной степени неизбежной условности определения плавного уровня за столь продолжительный период. Однако это не опровергает самого факта существования большой волны в период с 50-х до 1900-х годов. Эта волна видна простым глазом и на невыравненном ряде (см. диаграмму 9). Кроме того, заметим, что при выравнивании не всего ряда, а начиная с 10-х годов XIX в. подъем 70-х годов выявился гораздо более отчетливо. Из экономии места соответствующую диаграмму здесь не приводим.

Однако на основании предыдущего анализа можно сделать не только тот вывод, что в движении покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров существуют длительные волны или циклы, а также и два другие весьма существенные вывода.

Второй вывод можно формулировать так: *найденные циклы покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров по времени весьма близко совпадают с рассмотренными выше большими циклами абсолютного уровня цен.*

Наконец, третий вывод можно свести к следующему положению: *повышательной волне общей экономической конъюнктуры и абсолютного уровня цен в общем достаточно близко, хотя и не вполне точно соответствует период, когда покупательная сила сельскохозяйственных товаров повышается, в промышленных товарах — падает; наоборот, понижательной волне экономической конъюнктуры и абсолютного уровня цен соответствует период, когда покупательная сила сельскохозяйственных товаров понижается, а промышленных товаров — возрастает.*

Колебание покупательной силы товаров по отдельным группам товаров подвержено значительно большему числу случайных воздействий. Поэтому естественно, что оно обнаруживает меньшую правильность, чем колебание покупательной силы всех сельскохозяйственных или всех промышленных товаров. Однако если отказаться от невыполнимого требования строгой правильности в движении эмпирических рядов, то нужно признать, что известную тенденцию к закономерности мы находим в колебании покупательной силы и отдельных товарных групп. Причем положение различных товарных групп в этом отношении различно. Возьмем следующую диаграмму 18.

Отсюда видно, что среди сельскохозяйственных товаров наиболее правильные и резко выраженные большие волны, и притом в общем соответствующие (с некоторым упреждением, однако, во времени) волнам покупательной силы всех сельскохозяйственных товаров, дает группа технического сырья. Такое же направление имеют большие волны покупательной силы хлеба, но они менее правильны, особенно в первой половине XIX в., и запаздывают против волн технического сырья. Наименее определены и наименее правильны большие волны покупательной силы продуктов животноводства. В первой половине XIX в. их трудно обнаружить. Со второй половины века они имеют место и развертываются равным образом с большим запозданием против колебаний покупательной силы технического сырья.

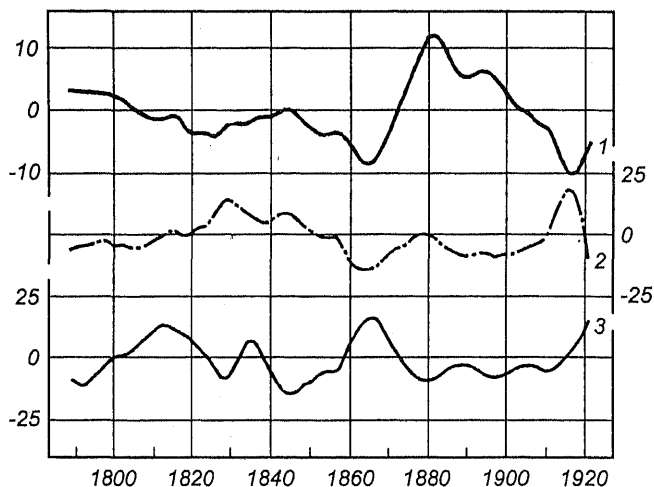

Диаграмма 18. Большие циклы покупательной силы сельскохозяйственных товаров

1 — продукты животноводства; 2 — хлеба; 3 — техническое сырье

Среди промышленных товаров (см. диаграмму 19) большие волны, и притом определенно обратные покупательной силе сельскохозяйственных товаров, дают растительные масла, металлы (последние за исключение периода с 1786 до 1805 г.) и отчасти уголь; значительно менее правильные волны дает группа лесных материалов, и опять особенно в первой половине века, когда максимум ее первой волны совпадает с максимумом большего цикла абсолютного уровня цен. В дальнейшем волны покупательной силы лесных материалов в общем обратны волнам покупательной силы сельскохозяйственных товаров. Таким образом, хотя большие волны покупательной силы по группам товаров и менее правильны, чем волны покупательной силы всех сельскохозяйственных и всех промышленных товаров, но они все же имеют место.

Причем колебания покупательной силы различных групп сельскохозяйственных товаров в общем с теми или иными отклонениями имеют то же направление, что и волны абсолютного уровня цен; колебания же покупательной силы различных групп индустриальных товаров имеют обратное направление.

Установленные большие волны колебаний покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров, с одной

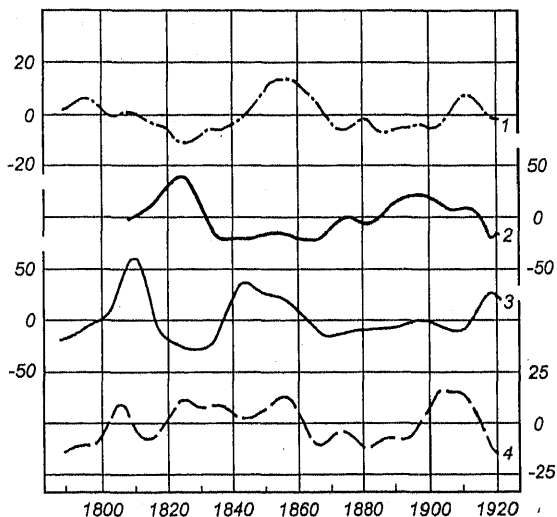

Диаграмма 19. Большие циклы покупательн[ой] силы пром[ышленных] товаров

1 — растительное масло; 2 — уголь; 3 — лесные материалы; 4 — металлы

стороны, коренятся в тех условиях, которыми объясняются вообще большие циклы хозяйственной конъюнктуры, с другой — являются в свою очередь одним из существенных звеньев механизма проявления этих циклов.

Выше мы пытались вскрыть механизм проявления больших циклов. Спрашивается, как они выражаются в поведении промышленности и сельского хозяйства, и в частности в движении покупательной силы промышленных и сельскохозяйственных товаров? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принять во внимание некоторые особенности, характерные для сельского хозяйства в отличие от промышленности. В данном случае существенное значение имеют следующие его особенности: 1) сельскохозяйственное производство менее эластично и не может столь быстро расширять и сокращать свой объем, как промышленность¹; 2) потребление значительной части сельскохозяйственных товаров (большая часть продуктов питания) менее эластично и подвержено относительно незначительным колебаниям под влиянием изменения цен; 3) сельскохозяйствен-

¹ Warren C., Pearson F. Op. cit. P. 22 ect.; Belshaw H. The profit cycle in agriculture // Economic Journal, 1926. March. P. 29–32.

ные производители, как правило, менее организованы и потому менее способны отстаивать свои интересы на рынке. При этих условиях и при отсутствии привходящих обстоятельств большие циклы конъюнктуры сопровождаются именно той закономерностью колебания покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров во времени, которая была обнаружена выше.

Действительно, во время повышательной волны большого цикла спрос на все товары, хотя и в различной степени, возрастает. Возрастает спрос и на продукты сельского хозяйства: на сырье — в связи с расширением промышленного производства, на продукты питания — в связи с ростом индустриального населения и его доходов. Так как промышленность способна к более быстрой экспансии производства, чем сельское хозяйство¹, то спрос на сельскохозяйственные товары растет относительно быстрее, чем их предложение. Все это, а также относительно низкая эластичность потребления большинства сельскохозяйственных товаров вызывают рост цен на сельскохозяйственные товары, в первую очередь на сельскохозяйственное сырье, и притом более быстрый, чем рост цен промышленных товаров. Отсюда повышение покупательной силы сельскохозяйственных товаров, и в первую очередь сельскохозяйственного сырья во время восходящей волны большого цикла. Отсюда относительно более благоприятная для сельского хозяйства конъюнктура в течение этого периода и прилив относительно больших средств в руки сельского населения, что в известной степени ограничивает возможности продолжения длительной волны подъема в индустрии.

Иную картину наблюдаем мы в период понижательной волны большого цикла. В этот период спрос на все товары сокращается. Так как промышленность быстрее приспосабливается к обстановке, быстрее понижает темп роста продукции (или даже частично сокращает его), чем сельское хозяйство, то спрос на сельхозтовары падает более интенсивно, чем их предложение, которое по инерции продолжает некоторое время оставаться несоответственно повышенным. Это вызывает падение цен сель-

¹ Ср. соображения Зомбарта о соотношении темпов роста производства продуктов органического и неорганического происхождения в связи с колебаниями конъюнктуры (*Die Störungen im deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900// Schriften d. V. f. Sozialp. Bd 113. S. 131 и сл.*); *Idem. Das Wirtschaftsleben... 2-ter Halbb. S. 578 и сл.*

скохозяйственных товаров, и притом более интенсивное, чем цен промышленных товаров. Указанная тенденция усиливается еще тремя основными условиями. Так как понижительная волна большого цикла начинается обычно после крупных военных потрясений, от которых всегда сильнее страдает промышленность, то в силу этого диспропорция между ростом сельскохозяйственного и промышленного производства, особенно в первое время понижительной волны, резко обостряется. Второй фактор состоит в том, что при малой эластичности потребления сельскохозяйственных товаров начавшееся понижение цен на них не может существенно расширить потребление этих товаров и тем создать противодействие дальнейшему падению цен и покупательной силы. Третий фактор состоит в том, что промышленность, как более организованная сфера народного хозяйства, оказывает большое влияние на процесс ценообразования и в известной мере перелажает тяжесть депрессии на сельское хозяйство.

Все указанные условия вызывают в той или иной последовательности падение покупательной силы сельскохозяйственных товаров. Это обстоятельство является одной из причин тех длительных затруднений, которое сельское хозяйство испытывает в период понижительной волны большого цикла¹. Затруднения эти тем значительнее, что в это время обнаруживают свое действие и другие неблагоприятные для сельского хозяйства причины: потери его на почве ипотечной задолженности в связи с повышением ценности денег, относительно высокий уровень налогов, железнодорожных тарифов и т.д., которые в своем понижении отстают от падения индекса сельскохозяйственных цен².

В силу всех этих обстоятельств понижительная волна большого цикла сопровождается известным отливом средств из сельского хозяйства в индустрию, торговлю и банки, что способствует аккумуляции этих средств здесь. Поскольку инициатива длительного повышения конъюнктуры обычно исходит от индустрии и банков, указанная аккумуляция средств за счет сельского хозяйства является одним из условий, подготовляющих предпосылки ликвидации общей длительно-понижительной волны и начала нового повышения конъюнктуры.

¹ Ср.: Warren G., Pearson F. Op. cit. P. 237 etc.; Hansen A. Op. cit. P. 205 etc.

² Ср.: Warren G., Pearson F. Op. cit. Ch. V-VII; Hansen A. Op. cit. P. 209 etc.

Таким образом, мы видим, что констатированная выше весьма своеобразная и на первый взгляд загадочная закономерность смены уровня покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров в течение хода больших циклов получает свое объяснение. Мы видим также, что эта смена относительной конъюнктуры сельского хозяйства и промышленности является в свою очередь одним из факторов закономерного колебания общей конъюнктуры по большим периодам.

5. Однако установленная закономерность длительных колебаний относительной конъюнктуры сельского хозяйства и промышленности в столь ясной форме обнаруживается на данных Англии, которая является страной сельскохозяйственного импорта и связана прочными связями с мировым рынком; но она не столь ясна на данных С.Ш. Здесь мы наблюдаем более сложную картину колебания покупательной силы сельскохозяйственных (и соответственно промышленных) товаров, что видно из нижней части диаграммы 10 (см. выше).

На первый взгляд может показаться, что колебания покупательной силы сельскохозяйственных товаров в С.Ш. стоят в полном противоречии с установленной выше закономерностью ее колебаний в Англии. Однако в действительности приведенные данные по С.Ш. можно понять лишь на основе установленной выше закономерности по Англии, но с учетом приходящих особых условий развития С.-А.С.Ш.

Уже выше, характеризуя большие волны абсолютного уровня цен, мы отметили, что первый большой цикл не нашел достаточного выражения в ценах сельскохозяйственных товаров С.Ш.: здесь нет резкого повышения цен сельскохозяйственных товаров в период большой повышательной волны. Так как, наоборот, в ценах промышленных товаров эта волна выражена достаточно рельефно, то в итоге мы не имеем ясно выявленного первого цикла и в покупательной силе сельскохозяйственных (и соответственно промышленных) товаров. Причины указанных особенностей движения цен и покупательной силы в С.-А.С.Ш. за этот период сводятся к следующему. Во-первых, в конце XVIII в. и в начале XIX в. С.Ш. еще только вступали в полосу самостоятельного развития, в полосу промышленной революции, роста индустрии и установления мировых экономических связей. При этих условиях в соответствии с развитой выше концепцией больших циклов здесь не могло быть ясно выраженных длительных волн общей конъюнктуры, не могло быть и значительного разрыва в покупательной силе сельскохозяйственных и про-

мышленных товаров в силу внутренней экспансии народного хозяйства. Во-вторых, так как С.Ш. была страной сельскохозяйственного экспорта и промышленного импорта, то те военно-политические осложнения, которые имели место в период повышательной волны большого цикла (т.е. до падения Наполеона) в Европе и между Америкой и Европой, способствуя вздорожанию индустриальных товаров в С.Ш., задерживали рост их сельскохозяйственного экспорта, а следовательно, и рост их цен на сельскохозяйственные товары. Отсюда отсутствие ясно выраженной первой повышательной волны покупательной силы сельскохозяйственных товаров в С.Ш.

Наоборот, понижительная волна первого цикла в покупательной силе сельскохозяйственных товаров С.Ш. (с 1817 г.) выражена достаточно определенно. Однако она кончается очень рано, и уже с 30-го года (по несглаженному ряду) здесь начинается повышательная волна. Столько раннее начало повышательной волны покупательной силы сельскохозяйственных товаров в С.Ш. объясняется тем, что именно с этого периода под влиянием улучшения средств сообщения и других причин возрастает сельскохозяйственный экспорт С.Ш. и начинают действовать те силы, которые, как было выяснено выше, обусловили общую повышательную тенденцию абсолютного уровня цен сельскохозяйственных товаров в этой стране в отличие от Англии и которые при значительном падении промышленных цен должны были вызвать повышение покупательной силы сельскохозяйственных товаров. Таким образом, в силу особых условий мы имеем в С.-А.С.Ш. длительно-повышательную волну покупательной силы сельскохозяйственных товаров уже с 30-х годов. Но эта волна, начавшись рано, и обрывается рано: по несглаженному ряду с самого начала 60-х годов. Это обязано целиком опять особым условиям развития С.Ш., а именно факту наступления в начале 60-х годов гражданской войны, которая вызвала упадок всей хозяйственной жизни страны и покупательной силы сельскохозяйственных товаров. Падение покупательной силы сельскохозяйственных товаров было значительно. Однако на фоне действия факторов, вызывавших общие повышательные тенденции абсолютного уровня цен этих товаров, оно было относительно непродолжительным. С половины 60-х годов под влиянием общей волны хозяйственного подъема и действия только что упомянутых факторов повышения абсолютного уровня цен сельскохозяйственных товаров покупательная сила этих товаров дает новую повышательную волну, вершина которой

уже почти точно совпадает с вершиной ее в Англии. Наступившее затем понижение ее (в силу противодействия тех же повышательных факторов) выражено слабо. Однако форма движения кривой покупательной силы сельскохозяйственных товаров в С.Ш., начиная с 60-х годов, уже почти в точности воспроизводит кривую покупательной силы сельскохозяйственных товаров в Англии.

Таким образом, в итоге мы приходим к следующему выводу. Как и в Англии, в С.-А.С.Ш. покупательная сила сельскохозяйственных товаров обнаруживает длительные волны. До 60-х годов волны эти по сравнению с английскими своеобразны, что объясняется особенностями условий развития С.Ш., и прежде всего особенностями динамики абсолютного уровня их цен на сельскохозяйственные товары. Если исключить период до 15-х годов XIX в., когда промышленный капитализм делал здесь лишь самые первые шаги, то мы констатируем, что так же, как и в Англии, покупательная сила сельскохозяйственных товаров здесь возрастает в период повышательной и падает в период понижательной волны общей конъюнктуры. Периоды падения покупательной силы сельскохозяйственных товаров, если это падение следует за военными потрясениями, весьма глубоки. Но в силу влияния факторов, вызывавших устойчивую общую повышательную тенденцию абсолютного уровня цен сельскохозяйственных товаров, эти периоды падения их покупательной силы обычно непродолжительны. Чем дальше, тем ближе подходил уровень американских цен на сельскохозяйственные товары к мировому уровню их, тем слабее становилось пертурбирующее влияние повышательных факторов на абсолютный уровень американских цен сельскохозяйственных товаров, тем более кривая покупательной силы сельскохозяйственных товаров в С.Ш. уподоблялась английской. В силу всего сказанного нужно признать, что, несмотря на все своеобразие динамики покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров в С.Ш., динамика эта достаточно понятна и она в основе подтверждает закономерности, установленные выше для Англии, хотя и вскрывает их в несколько иной временной последовательности.

б. *Малые циклы покупательной силы товаров.* Однако покупательная сила товаров так же, как и абсолютный уровень цен, обнаруживает не только длительные, но и более короткие циклические и случайные колебания.

Если мы возьмем расхождения эмпирического ряда отклонений покупательной силы (от плавного уровня) с кривой больших циклов, выравненные по 3 годам, то получим общую картину хода упомянутых малых циклов. Общий ход этих циклов по Англии виден из следующей диаграммы (диаграмма 20).

Приведенная диаграмма убеждает в том, что покупательная сила сельскохозяйственных и промышленных товаров подчинена ритму более или менее правильных малых циклов. В связи с самим методом вычисления покупательной силы всех сельскохозяйственных и всех промышленных товаров их циклы обратны друг другу. Но в каком отношении эти циклы стоят к обычным циклам торгово-промышленной конъюнктуры? Ответ на этот вопрос дает нижеследующая таблица по Англии (табл. 8).

Приведенная таблица построена на тех же основаниях, что и таблица сопоставления колебаний абсолютного уровня цен.

Из таблицы видно, что связь между точками максимума покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров и датами кризисов менее значительна, чем в колебаниях абсолютного уровня цен. Но она все же значительна. При этом из нее выясняется следующая довольно устойчивая тенденция. *Годы максимального подъема общей конъюнктуры и общего уровня цен в течение торгово-промышленного цикла обычно сопровождаются периодом максимального повышения покупательной силы промышленных товаров и, очевидно, максимального падения покупательной силы сельскохозяйственных товаров. При этом довольно часты случаи, когда высшая точка подъема покупательной силы промышленных товаров приходится на год ранее максимального подъема конъюнктуры. Наибольшее число исключений из формулированного правила приходится на первую половину XIX в., точнее, на период 1819–1857 гг. Наоборот, начиная с 60-х годов установленное правило уже не обнаруживает исключений.*

Формулированное общее правило можно иллюстрировать также следующей диаграммой 21, где сопоставлены малые циклы покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров и циклы общего индекса цен, сглаженные по 3 годам.

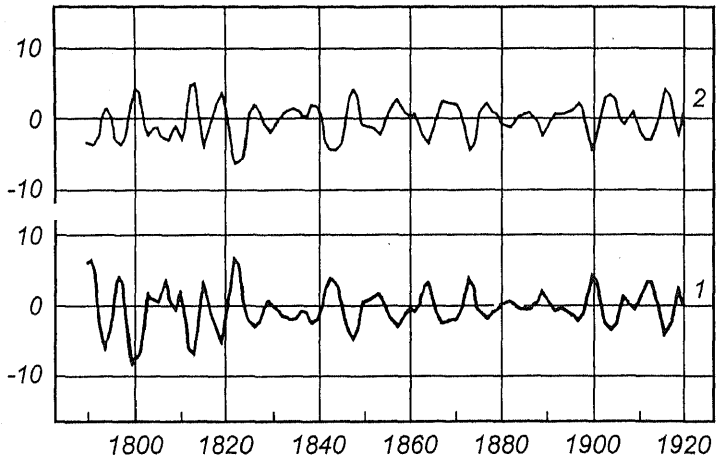

Диаграмма 20. Малые циклы покупательной силы товаров
 1 — промышл[енные] товар[ы]; 2 — с[ельско]хоз[яйственные] товары

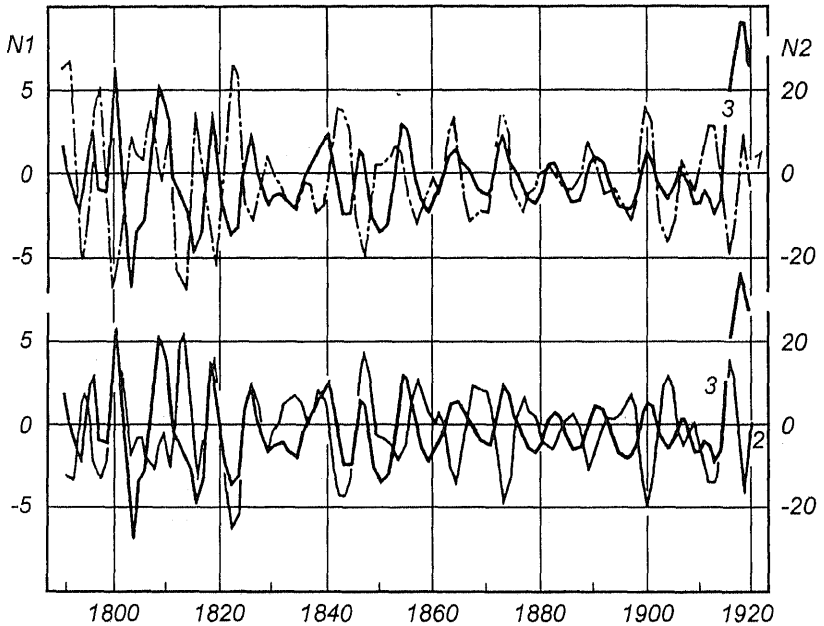

Диаграмма 21. Циклы общего уровня цен и покуп[ательной] силы товаров
 1 — покуп[ательная] сила пром[ышленных] товаров; 2 — покупательная сила с[ельско]хоз[яйственных] товаров; 3 — общий индекс (масштаб № 2)

Сопоставление колебаний общей конъюнктуры, общего уровня цен и покупательной силы товаров¹

Годы кризиса	Годы максимума по данным об отклонениях от линии больших циклов			Годы максимума по данным о движении индексов, взятых без выравнивания		
	Общего уровня цен	Покупательной силы		Общего уровня цен	Покупательной силы	
		пром. тов.	с.-х. тов.		пром. тов.	с.-х. тов.
1796	+	+	-	+	+	-
1803	+	+	-	+	+	-
1810	+	+	-	+	+	+
1815	+	+	-	-	+	-
1819	+	-	+	+	-	+
1825*	+	-	+	+	-	+
1828	-	-	-	-	-	-
1836*	+	+	-	+	+	-
1839	+	-	+	+	-	+
1847*	+	-	+	+	-	+
1854	+	+	-	+	+	-
1857*	-	-	+	+	-	+
1864	+	+	-	+	+	-
1866*	+	-	-	+	-	-
1873*	+	+	-	+	+	-
1883*	+	+	-	+	+	-
1890*	+	+	-	+	+	+
1900*	+	+	-	+	+	-
1907*	+	+	-	+	+	-
1913	+	+	-	+	+	-
1920*	-	+	-	-	+	+
Общее количество случаев сопоставления	21	21	21	21	21	21
В том числе количество случаев совпадения	18	14	5	18	14	8
несовпадения	3	7	16	3	7	13
Количество случаев, когда перелом к падению приходится на год кризиса	12	8	2	13	7	2
на последний год	1	2	3	0	3	5
на предыдущий год	5	4	1	5	4	1

¹ Таблица построена на основании тех же источников, что и аналогичная таблица выше, а также на основании исчисленных нами индексов покупательной силы товаров. Годы классических кризисов отмечены знаком*.

Из диаграммы отчетливо видно, что циклы покупательной силы промышленных товаров в общем соответствуют циклам общего уровня цен и, следовательно, общей конъюнктуры, а циклы покупательной силы сельскохозяйственных товаров имеют обратное направление. Причем ясно также, что это правило обнаруживается точнее со второй половины XIX в. Последнее обстоятельство, по-видимому, нужно связать с фактом превращения Англии с этого времени в чисто индустриальную страну.

Однако установленная правильность относится к покупательной силе всех сельскохозяйственных и всех промышленных товаров. Посмотрим, как ведет себя покупательная сила отдельных товарных групп. Ответ на этот вопрос дает следующая таблица по Англии, построенная в общем на тех же основаниях, что и предыдущая (табл. 9).

Приведенная таблица в основном прежде всего подтверждает вывод, полученный из предыдущей таблицы: *в пределах малых циклов период максимального подъема общей конъюнктуры, как правило, является периодом максимального повышения покупательной силы различных групп промышленных товаров или, наоборот, периодом низкого уровня покупательной силы сельскохозяйственных товаров*¹. Из промышленных товаров эта закономерность яснее всего наблюдается на группе металлов и растительных масел, далее на угле и текстильных изделиях. Наоборот, лесные материалы представляют из себя явное исключение. Из сельскохозяйственных товаров в период высокой конъюнктуры дают пониженный уровень покупательной силы хлеба и животноводческие предметы потребления. Наоборот, группа технического сырья в этом отношении приближается к промышленным товарам.

Если теперь остановиться специально на случаях совпадения высокой конъюнктуры и высокой покупательной силы, то легко видеть, что перелом покупательной силы приходится на год, предшествующий кризису, относительно чаще всего в группе металлов, пряжи и технического сырья. Перелом приходится на год, следующий за кризисом, относительно чаще всего в группе продуктов животноводства, лесных материалов, хлебных продуктов и угля. Перелом покупательной силы к падению и кризисы совпадают год в год относительно чаще всего в группе пряжи, технического сырья, растительных масел и угля.

¹ См.: Ковальская Л.М. Покупательная сила пшеницы // Вопросы конъюнктуры. 1927 Т. III. С. 128 и сл.

**Годы перелома покупательной силы товаров к понижению
по данным об отклонениях ее от линии больших циклов**

Годы кризисов	Промышленные товары					Сельскохозяйственные товары		
	Метал- лы	Уголь	Пряжа	Раститель- ные масла	Лес- ные мате- риалы	Хлеба	Продук- ты жи- вотно- водства	Техни- ческое сырье
1796	-			+	-	+	-	-
1803	+			+	+	-	+	+
1810	+	+		+	+	+	+	+
1815	+	+		+	-	-	+	+
1819	+	-	-	+	-	-	+	+
1825*	+	-	+	-	+	+	-	+
1828	-	+	+	+	-	+	+	-
1836*	+	+	+	+	-	-	+	+
1839	+	+	-	-	+	+	-	+
1847*	+	+	-	+	+	+	+	+
1854	+	+	-	+	+	+	-	-
1857*	+	-	+	-	-	-	+	+
1864	+	+	+	+	+	-	+	+
1868*	-	+	-	+	-	-	-	-
1873*	+	+	-	-	+	+	-	+
1883*	+	+	+	+	+	+	+	-
1890*	+	+	+	+	+	+	-	-
1900*	+	+	+	+	-	-	-	-
1907*	+	+	+	+	-	-	-	-
1913	+	-	+	+	-	-	-	+
1920*	-	+	+	+	-	-	-	+
Общее количест- во случаев сопо- ставления	21	19	17	21	21	21	21	21
В том числе ко- личество случаев совпадения	17	15	11	17	10	10	10	13
несовпадения	4	4	6	4	11	11	11	9
Количество слу- чаев, когда пере- лом к падению приходится								
на год кризиса	6	6	7	8	2	3	2	6
на последний год	2	6	0	5	6	4	8	1
на предыдущий год	9	3	4	4	2	3	0	6

Беря полученный вывод о соотношении колебаний покупательной силы различных товаров и колебаний общей конъюнктуры, мы видим, что соотношение это в пределах малых и больших циклов глубоко различно. Если в пределах большого цикла, как было показано выше, период повышательной волны является и периодом повышения покупательной силы сельскохозяйственных товаров, то, наоборот, в пределах малого цикла период высокой конъюнктуры является периодом пониженной покупательной силы сельскохозяйственных товаров.

Причина столь своеобразного положения покупательной силы сельскохозяйственных товаров в пределах малого цикла лежит в особенностях этого цикла и в особенностях сельского хозяйства. Краткий цикл конъюнктуры является прежде всего торгово-промышленным циклом. Глубоко захватывая сферу индустрии, торговли и кредита, он сравнительно слабо затрагивает сельское хозяйство. Сельскохозяйственное производство, подверженное относительно медленным изменениям и в сильной степени зависящее от внеэкономических факторов, не обнаруживает сдвигов или не обнаруживает сдвигов, достаточно резких и заметных, в течение краткого периода торгово-промышленного цикла¹. Факты показывают, что оно реагирует на эти краткие колебания конъюнктуры лишь в случаях особенно резких и глубоких потрясений ее. Таким был, например, кризис 1920/21 г. в отношении сельского хозяйства С.-А.С.Ш., отчасти и Канады и некоторых других стран². Но если это так, то цены и покупательная сила сельскохозяйственных товаров в течение малого цикла колеблются преимущественно в зависимости от изменения спроса, связанного с изменением *торгово-промышленной* конъюнктуры. И так как в течение повышательной волны этого цикла спрос сильнее всего концентрируется именно на индустриальных изделиях, особенно на средствах производства, то отсюда ясно, что цены индустриальных товаров растут в это время быстрее цен сельскохозяйственных товаров и покупательная сила последних падает. Правда, средства производства индустрия получает и от сельского хозяйства в виде технического сырья. Но из последней таблицы мы видим, что из всех

¹ Ср.: Belshaw H. Op. cit.; см.: Engberg R. Op. cit. Passim.

² Ср.: Warren G., Pearson F. Op. cit. Passim.; Sering M. International price movements... P. 15 и сл.; Enfield R. Op. cit. Ch. III; Nourse E. Op. cit. Ch. III; Nation. Industr. Conf. Board//The agricultural problem in the Un. St. Passim.; Осипский Н. Мировой кризис сельского хозяйства. М., 1923.

групп сельскохозйственных товаров именно группа технического сырьа испытывает в общем те же колебания покупательной силы, что и промышленные товары. Таким образом, это особое положение группы технического сырьа среди других сельскохозйственных товаров служит подтверждением изложенной точки зрения на причины обратного соотношения между колебаниями покупательной силы сельскохозйственных товаров и общей конъюнктуры в течение малого цикла.

Уже выше было отмечено, что покупательная сила, являясь весьма существенным показателем относительной конъюнктуры, не характеризует ее полностью. И если покупательная сила сельскохозйственных товаров во время депрессии торгово-промышленного цикла относительно повышается, то это несомненно говорит о сравнительно более благоприятном положении в течение этого периода сельского хозяйства, чем промышленности. Но это не значит, что в это время положение сельского хозяйства характеризуется признаками расцвета. Не нужно забывать, что в течение периода малого цикла абсолютный уровень цен сельскохозйственных товаров, как правило, падает. И так как он падает быстрее, чем заработная плата, так как налоги, тарифы, арендная плата и ряд других расходных статей сельского хозяйства не понижается или понижается весьма незначительно, то существует достаточное число причин, в силу которых тяжесть неблагоприятной общей конъюнктуры испытывает все же и сельское хозяйство, хотя бы и не в такой степени, как индустрия¹.

V. Современное состояние конъюнктуры сельского хозяйства и промышленности

Конъюнктура мирового хозяйства (индустрии и особенно сельского хозяйства) после 1920 г. вот уже целый ряд лет в общем характеризуется скорее как депрессивная². Предыдущий анализ динамики цен, если он верен, проливает свет на некоторые основные причины этой длительной депрессии мирового и в особенности сельского хозяйства.

¹ Ср.: Belshaw H. Op. cit. P. 32 и сл.

² Ср. литературу, указашную в прим. 2* на с. 401—402.

В 1920/21 г. мировое хозяйство пережило острый и глубокий экономический кризис, который отразился и на сельском хозяйстве.

Но этого мало. После кризиса мировое хозяйство вступило в полосу понижения абсолютного уровня как промышленных, так и сельскохозяйственных цен. Есть все основания полагать, что полоса эта не является скоропреходящей, что она представляет из себя понижительную волну большого цикла. Каждый истекший год укрепляет правильность этого положения все больше и больше. Длительная волна понижения абсолютного уровня цен депрессирует развитие индустрии. Но в связи с переобременением сельского хозяйства капиталистических стран ипотечной задолженностью она не менее сильно ухудшает и положение сельского хозяйства.

Однако с точки зрения сельского хозяйства трудность положения этим не исчерпывается. Выше мы показали, что период длительно-понижительной волны большого цикла является вместе с тем и периодом низкой покупательной силы сельскохозяйственных товаров. Именно такое положение в общем наблюдается после 1920 г., и это в свою очередь ухудшает состояние сельского хозяйства¹.

Таким образом, неблагоприятная конъюнктура современного мирового хозяйства вообще и сельского хозяйства в особенности представляет из себя результат сочетания *причин, которые вызвали не только экономический кризис 1920 г., но и обусловили как длительное падение абсолютного уровня цен, так и длительное понижение покупательной силы сельскохозяйственных товаров.* Эти причины в общей форме освещены выше. Анализ конкретной формы выражения и связи этих причин специально в обстановке нашего времени не входит в задачу данной работы.

Но если все сказанное верно, то отсюда можно сделать вывод, что источники депрессивного состояния мирового и в частности сельского хозяйства в основе еще далеко не изжиты². *Конъюнктура мирового рынка может в отдельные периоды улучшаться. Но при прочих равных условиях еще многие годы она останется в общем на пониженном уровне.* Это положение имеет силу в особенности применительно к сельскому хозяйству.

¹ Ср. литературу, указанную в прим. 2* на с. 401–402.

² Ср доклад: Nourse E.G. The Outlook for Agriculture и речи по поводу этого доклада Warren'a Stine'a и др. (J. of farm economics, 1927); Warren G., Pearson F. Op. cit. Ch. XXV; Sering M. Op. cit. P. 36–74.

МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА*

1. Задачи работы заключались в том, чтобы определить законы основных тенденций (или тренда) динамики народного хозяйства и формулировать их строго математически. Решение этой задачи вводит по существу совершенно новый раздел в систему теоретической социальной экономики, так как она интересовалась до сих пор лишь такими динамическими проблемами, как проблема циклических колебаний и кризисов.

2. Для решения задачи я выделил основные элементы, характеризующие состояние народного хозяйства и допускающие прямо или косвенно количественное выражение. Эти элементы, а также их обозначения буквами или математическими символами следующие:

1) Национальный капитал	— K
2) Количество самодеятельного населения	— A
3) Производство средств производства	— P_1
4) Производство предметов потребления	— P_2
5) Общие размеры производства	— P
6) Народный доход	— E
7) Заработная плата	— l
8) Процент на капитал	— i
9) Сумма земельной ренты	— R
10) Размеры накопления капитала	— S

Итого 10 основных величин. И для того чтобы определить их и закон их изменения, необходимо установить систему из 10 независимых уравнений и решить ее или определить некоторые из них отдельно, а для оставшихся построить соответствующую систему уравнений. Я иду вторым путем.

3. Я констатирую, что среди этих величин имеются величины, которые в процессе динамики **кумуляруются**, накапливаются и в каждый данный момент образуют известный **фонд**. Такими

*Модель изложена в письме от 5 сентября 1934 г., пересланном из Суздальского политизолятора. В письме от 21 июля 1934 г. Н.Д. Кондратьев высоко оценивал полученный результат, считая его в полном смысле слова открытием. Публикуется по тексту книги: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 412–414 (Прим. сост.).

величинами являются, во-первых, количество самодеятельного населения, во-вторых, национальный капитал. Сюда же нужно отнести уровень техники, который хотя и не является сам экономической величиной, но допускает косвенное измерение и оказывает количественно измеримое влияние на элементы хозяйственной жизни. Прочие экономические элементы имеют характер не фонда, а "потока", не подчиняются принципу кумуляции. Общий ход динамики (тренд) этих элементов (как и всей социально экономической жизни) отражает собой (в смысле фундаментальной связи) ход динамики кумулятивных элементов. Ход динамики последних я прежде всего и анализирую.

4. Мне удалось показать, что закон их изменения выражается дифференциальным уравнением вида:

$$\frac{dy}{dt} = ky(L - y),$$

где k есть коэффициент пропорциональности.

Интеграл этого уравнения, т.е. $\int \frac{dy}{y(L - y)} = \int kdt + c$

приводит к формуле искомого закона в виде конечного или обычного уравнения вида¹:

$$y = \frac{L}{1 + C e^{-at}}, \quad (1)$$

где L , C и a — параметры, определяемые эмпирически.

Это уравнение графически характеризуется кривой вида 1 (рис. 1), а скорость ее прироста кривой 2 (рис. 2).

Рис.1.

Рис.2.

Найденная формула (1) при подстановке соответствующих параметров выражает закон тренда двух кумулятивных вели-

¹ $a = ak -$ (Прим. ред.).

чин — и капитала, и населения, а также ход измерения уровня техники.

5. Далее, опираясь на выводы теоретической экономики, я строю дифференциальное уравнение в частных производных, которое связывает сумму капитала (**К**), населения (**А**) и размеры дохода (**Е**). Это уравнение таково

$$E = \frac{\partial E}{\partial K} K + \frac{\partial E}{\partial A} A.$$

Интегрируя его, я получил выражение дохода **Е** через **А** и **К** в виде простой формулы (2)

$$E = m\sqrt{AK}^1, \quad (2)$$

где **m** можно трактовать как уровень техники в его количественном влиянии на хозяйство. И так как закон изменения **m**, **А** и **К** дан формулой (1), то, следовательно, формула (2) дает закон изменения дохода **Е**. Таким образом, определены три искомые величины, не считая уровня техники.

6. Далее я строю уравнения, которые связывают еще не определенные искомые величины с уже определенными.

1. $S = \frac{dK}{dt}$ (уравнение, определяющее ход накопления).
2. $i = \frac{\partial E}{\partial K}$ (уравнение, определяющее ход динамики процента).
3. $l = \frac{\partial E}{\partial A}$ (уравнение, заработной платы).
4. $P_1 = C + S$ (уравнение, производства средств производства).
5. $P_2 = E - S$ (уравнение, определяющее ход средств потребления).
6. $P = P_1 + P_2$ (уравнение, определяющее ход общих размеров производства).
7. $R = iV$ (уравнение, суммы ренты, причем **V** есть ценность земли).

¹Это выражение вытекает из предыдущего при предположении:
 $(\partial E / \partial K) (K / E) = (\partial E / \partial A) (A / E) = \text{const}$ — (Прим. ред).

Таким образом определены все 10 искомым величин.

7. Смысл построенных и решенных уравнений состоит в том:

1) что взятые в общей форме они характеризуют общую тенденцию или общий закон изменения всех основных элементов хозяйственной жизни;

2) что после определения соответствующих параметров на основании конкретных данных конкретной страны, они позволяют определить закон тренда динамики хозяйства именно этой страны;

3) что в силу этого они позволяют установить, какую фазу развития проходит данная страна, находится ли она в стадии раннего подъема, расцвета или общего заката и стабилизации;

4) что они, соответственно, позволяют ставить общий прогноз на ход развития страны, разумеется, при предположении, что с ней не произойдет каких-либо катастроф;

5) наконец, значение найденных формул огромно для исследования не только тренда, но и различных циклов в ходе развития народного хозяйства.

8. Необходимо учесть, что не все из сказанного мною достаточно, увы, проверено и что изложение дано необычайно кратко и далеко не аргументировано. Но лично я в восторге от результатов.

Часть 2

**ТЕОРИЯ
ПРЕДВИДЕНИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ
ПЕРСПЕКТИВНОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ**

ПРОБЛЕМА ПРЕДВИДЕНИЯ*

1

Стремление человека приподнять завесу грядущего и предвидеть ход событий имеет такую же длинную историю, как и его попытки понять окружающий мир. Очевидно, что в основе интереса к прогнозу лежат достаточно сильные жизненные мотивы. Эти мотивы имеют двоякий характер: теоретический и практический. Однако удельный вес их, как это будет показано ниже, различен.

В 1682 г. Галлей наблюдал прохождение одной кометы, получившей позднее его имя, и определил ее орбиту. В 1705 г. он издал “Очерк кометной астрономии”, в котором вычислил не менее 24 кометных орбит. При этом Галлей был поражен сходством между орбитами комет, наблюдавшихся в 1531, 1607 и 1682 гг., и приблизительным равенством промежутков времени (75–76 лет), через которые они появлялись. Галлей допустил, что это была одна и та же комета, и, зная законы ее орбиты, предсказал вероятное новое появление ее около 1758 г., т.е. через 76 лет¹. В конце 1758 г. Клеро объявил, что прохождение кометы через перигелий² можно ожидать, с вероятностью ошибки на месяц, около 13 апреля 1759 г. Весь ученый астрономический мир ожидал, оправдаются ли эти предсказания Галлея и Клеро. В день Рождества 1758 г. комета была замечена Георгом Паличем, и она прошла через перигелий ровно за месяц и один день до срока, предсказанного Клеро³. Таким образом, прогноз Галлея и Клеро подтвердился блестяще и тем самым оправдал как гипотезу Галлея о тождестве наблюдавшейся кометы, так и

*Статья впервые опубликована в журнале конъюнктурного института “Вопросы конъюнктуры”/Под ред. Н.Д. Кондратьева. М.: Финиздат НКФ пер., 1926. Вып. 1. Т. 2. С. 1–42. Здесь публикуется по книге: Н.Д. Кондратьев. Избранные сочинения. М.: “Экономика”, 1993. С. 116–165 (Прим. сост.).

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность всем сотоварицам по работе в Конъюнктурном институте, в особенности Т.И. Райнову, Н.С. Четверикову и Е.Е. Слуцкому, обмен мыслями с которыми оказал ему незаменимую помощь при составлении настоящей статьи.

¹См. Берри А. Краткая история астрономии. М., 1904. С. 353–354.

²Точка орбиты, ближайшая к Солнцу.

³См. Берри А. Указ. соч. С. 412–413.

то, что законы орбиты этой кометы им были определены достаточно верно.

Этот классический случай удачного прогноза с исключительной наглядностью вскрывает теоретическое значение предвидения, значение его для развития науки: *совершенно ясно, что прогноз выступает в качестве метода проверки научных теорий и гипотез.*

Но как бы ни было велико это теоретическое значение прогноза, какой бы самодовлеющий характер это значение ни приобретало порой, *с точки зрения генезиса и удельного веса оно является производным. С точки зрения генезиса основное значение прогноза, как и всякого знания, лежит в том, что оно отвечает настоятельным запросам нашего практического действия в процессе жизненной и социальной борьбы*¹.

“Философы, — писал К. Маркс в одиннадцатом тезисе о Людвиге Фейербахе, — лишь объясняли мир так или иначе. Но дело заключается в том, чтобы *изменить его*”². В этих немногих словах с исключительной определенностью подчеркнута основное значение задачи практического действия. Но всюду, где ставится вопрос о действии, т.е. о том, чтобы так или иначе изменять окружающий мир, тем самым ставится и вопрос о знании и прогнозе. Всякое стремление изменять окружающий мир неизбежно связано с представлением о том, в каком направлении следует его изменять и можно ли изменить его в этом направлении. Мы можем сознавать эти вопросы отчетливо или смутно, мы можем давать верный или неверный ответ на них. Но самая постановка этих вопросов, какая бы она ни была, и ответ на них заключают в себе явное или скрытое разрешение проблемы прогноза, ясное или смутное предвидение хода событий.

В процессе жизненной и социальной борьбы вопрос об изменении окружающего мира, о его приспособлении или о приспособлении к нему мы ставим перед собой всюду, где сталкиваемся с явлениями, в той или иной степени поддающимися нашему воздействию. Но с особенной настойчивостью этот вопрос вы-

¹ Ср. Simmel G. *Soziologie*. Leipzig, 1908. S. 1. Ср. Мах Э. *Познание и заблуждение* / Пер. Г. Котляра. С. 9. Ср. Каутский К. *Социальные инстинкты в дарвинизме и марксизме* // *Дарвинизм и марксизм*. 2-е изд., 1925. С. 153.

² См. Энгельс Ф. *Людвиг Фейербах. С приложениями*: I. К. Маркс. *О французском материализме XVIII в.* II. К. Маркс. *О Фейербахе* / Пер. Г.В. Плеханова, 1906. С. 93 (курсив Маркса).

двигается перед нами именно в социально-экономической жизни.

Мы хорошо знаем, что процесс социально-экономической жизни в основе имеет стихийный характер и что ход истории шел не по указке науки и знания. Но тем не менее “в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенные цели”¹. И если они ставят себе цели воздействия на природу, то еще настойчивее они ставят цели воздействия на саму социально-экономическую среду. Больше того, задачи воздействия на природу в конечном счете имеют производный характер и вытекают из целей изменения и улучшения все той же социально-экономической жизни. Эти цели могут быть великими или малыми, высокими или низкими. Но выдвигается ли проект социальной реформы, предлагается ли та или иная мера экономической политики, строится ли тот или иной план регулирования народного хозяйства, проводится ли задача организации частного предприятия и т.д., всюду ставится вопрос об активном вмешательстве в ход событий окружающей социально-экономической среды и вопрос о предвидении хода последующих событий. *Вот почему в социально-экономической жизни проблема прогноза имеет особенно глубокое практическое значение.*

Но еще никогда в истории она не приобретала столь большого и актуального значения, как в наше время у нас. Мы являемся свидетелями эпохи, когда на очередь практического осуществления в грандиозном масштабе поставлена задача овладения стихийными силами социально-экономической жизни и подчинения ее сознательному, планомерному руководству со стороны государства. Эта задача предполагает не только знание, видение упомянутых сил, но и предвидение их действия. Только на основе этого знания и предвидения возможно построение реального плана и перспектив сознательного организационно-регулирующего действия. Совершенно очевидно, что проблема планового руководства социально-экономической жизнью органически связана с проблемой предвидения. План, конечно, — не только предвидение стихийно разворачивающихся событий. План одновременно есть и программа сознательных действий. Но план без всякого предвидения — ничто.

¹ См. Энгельс Ф. Указ. соч. С. 66.

Если огромное значение прогноза очевидно, то проблема прогноза здесь еще только начинается. Она складывается по крайней мере из следующих основных вопросов: 1) в чем состоит сущность прогноза; 2) на какие предпосылки он опирается; 3) чем и как определяются пределы его возможности, в частности и в особенности в социально-экономической жизни и 4) каковы основные типы и формы прогноза.

Из самой постановки вопроса ясно, что в данной статье мы не занимаемся предсказанием тех или иных событий, а имеем в виду анализ проблемы прогноза с общей систематической точки зрения применительно к условиям социально-экономической жизни. Конечно, вопросы прогноза, как и все научные проблемы, находят свое фактическое разрешение прежде всего в *лаборатории социального научного исследования и в опытах предвидения, по существу*. Поэтому и рассмотрение вопроса с общепhilosophической точки зрения может быть плодотворным лишь в том случае, если оно ориентировано на данных таких специальных исследований¹. Это обязывает нас вести общий анализ проблемы прогноза с учетом опыта фактического предвидения. Но это несколько не делает такой анализ излишним. Наоборот, едва ли можно спорить с тем, что дальнейшее развитие и уточнение опыта предвидения и применение его при решении практических задач требуют систематического освещения проблемы.

В настоящее время практические попытки прогноза в социально-экономической жизни, в частности в области хода конъюнктуры, получили широкое распространение². Тем более настоятельной представляется потребность общего рассмотрения проблемы прогноза.

2

В чем же состоит сущность прогноза и какое место занимает он в системе нашего знания? Приведенный выше классический пример с предсказанием появления кометы Галлея облегчает ответ на этот вопрос.

¹Ср. Вундт В. Система философии, 1902. С. 8, 9.

²См. Les barometres, économiques // Rapport presente au Comité économique de la Société des Nations. Geneve, 1924; см. также Lacombe Ed. La prévision en matiere des crises économiques. P., 1926. Ch. V-X.

Допустим, что из коллективного опыта мы знаем события a , b , c , ..., n и связи между ними. Причем событие здесь понимается в самом широком смысле. Допустим, далее, что на основании изучения этих событий мы с достаточным основанием заключаем о предстоящем выходе события или событий x , y , z ... *Такое обоснованное заключение от событий, уже данных в опыте, к возможному выходу событий, которые нам еще не даны и не наступили, мы называем прогнозом.* Отсюда ясно, что для прогноза существенны три элемента: 1) переход от событий, данных в опыте, к событиям, которые еще не даны в нем; 2) переход к событиям, которые не даны не только потому, что они нам неизвестны, но и потому, что они еще не совершились; 3) переход не произвольный, а научно обоснованный, опирающийся на установленную достаточную для суждения вероятность выхода события или событий. Легко видеть, что именно эти элементы мы находим и в приведенном примере предвидения Галлея-Клеро.

Сказанное о существовании прогноза дает возможность достаточно точно отграничить его от других видов знания и вместе с тем указать то место, которое он логически должен занять в общей системе нашего научного знания.

Психологически мы обычно отдаем себе полный отчет в том, что удачный прогноз означает высшее торжество знания. Но поскольку прогноз предполагает переход от событий, которые нам даны, к событиям, которые еще не даны и даже не наступили, под влиянием сложности и многообразия этих событий мы, естественно, склонны относиться к нему с крайним недоверием. Для этого, как мы увидим ниже, имеются некоторые объективные основания. Однако в составе нашего научного знания имеются обширные области, которые по своей природе стоят весьма близко к прогнозу. И если мы ценим их, если мы считаем их составной частью *научного* знания, то принципиально мы должны отвести подобающее место и прогнозу.

Действительно, мы никогда не знаем во всех деталях хода событий прошлого. При изучении их мы исходим из посылки, что эти события протекали каким-то одним определенным образом. Но из каких основных составных элементов складывается наше знание об этих событиях?

Очень часто полагают, что наше знание о явлениях окружающего мира складывается из двух основных элементов: из описания явлений и объяснения их. В связи с этим часто различают науки

описательные и объяснительные¹. Некоторые идут еще дальше и думают, что по существу все наше знание сводится к описанию явлений и, следовательно, все науки в конечном счете имеют описательный характер². О названиях можно не спорить. Однако в действительности описание понимается здесь слишком широко. Под именем описания здесь объединяются по крайней мере две разнородные категории знания.

Описание событий всегда есть фиксация их признаков, которыми они уподобляются другим событиям или отличаются от них³. Описание в *чистом виде* и в узком смысле поэтому предполагает, что само описываемое событие не проблематично и дано нашему непосредственному или посредственному опыту. В этом смысле мы описываем расстилающееся над нами звездное небо, различные виды растений и т.д. В этом смысле мы описываем и те или иные события прошлого, в частности исторические события. Но в случае описания событий прошлого, очевидно, необходимо, чтобы эти события нашли достаточное *выражение* в источниках, чтобы источники эти непосредственно изображали событие, были бы, так сказать, *остатками интересующих нас событий прошлого*⁴.

Однако легко показать, что в действительности содержание многих наук исторического характера, называемых часто описательными, описанием в только что изложенном узком смысле не исчерпывается. Весьма часто интересующие события прошлого в указанном смысле нам не даны и проблематичны. Весьма часто мы не знаем, имели они место в прошлом или нет и если имели, то в каком виде. *Непосредственных, изображающих* источников или остатков интересующих нас событий в нашем распоряжении

¹ См. Клейнпетер Г. Теория познания современного естествознания. Спб.: Шиповник, 1910. С. 126, 127. См. также Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий/Пер. А. Ведена. С. 116, 117.

² См. Мах Э. Анализ ощущений. 2-е изд. М., 1903. С. 272, 273; Он же. Основные идеи моей естественно-научной теории познания // Новые идеи в философии. № 2. См. Петцольд. Проблема мира с точки зрения позитивизма. Спб.: Шиповник. 1909. С. 203, 207.

³ Ср. Милль Дж. Ст. Система логики/Пер. В.И. Ивановского, 2-е изд. С. 586, 587.

⁴ Ср. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. II. Спб., 1913. С. 380, 381. Не принимая общей неокантианской идеалистической концепции автора, мы полагаем, что в указанной книге дано превосходное изложение учения об исторических источниках, которое, как указывает и сам автор, может быть согласовано с реалистической теоретико-познавательной точкой зрения. Ср. С. 386, 387.

нет. В таком случае, строго говоря, мы не можем просто описать эти события. Мы должны прежде по имеющимся косвенным данным или по источникам, *лишь косвенно обозначающим событие*¹, установить, имело оно место или нет и если да, то в каком виде. Конечно, в действительности событие это, наверное, или было, или нет, и если оно было, оно характеризовалось определенными признаками. Но нам это неизвестно. Для познания его мы должны ранее умозаключить от одних, данных нам событий *a, b, c ... n* и т.д., к другим интересующим нас событиям *x, y, z ...* и т.д., которые нам не даны и вопрос о реальности которых мы решаем.

Вступая на путь такого заключения, мы интерпретируем и синтезируем имеющиеся косвенные данные *a, b, c ... n* и т.д. Интерпретируя же и синтезируя их, мы неизбежно опираемся на уже ранее установленные в данной области знания типологические обобщения, причинные связи, закономерности, общие понятия и т.д.² Только опираясь на них, мы умозаключаем о том, были события *y, z* и т.д. или нет и если были, то в каком виде. Таким приемом в самых широких границах пользуются история культуры,³ палеонтология, историческая зоология и ботаника, геология и др. науки. И такой прием, строго говоря, мы не можем назвать описанием. Его можно назвать *воспроизведением* или *конструированием* событий прошлого. Основное и принципиальное отличие этого приема от описания в узком смысле состоит в том, что здесь мы допускаем переход от данных событий к событиям искомым. Все построения, которые мы получаем таким приемом, имеют поэтому всегда характер лишь вероятных и потому гипотетичны.

Однако нетрудно видеть, что именно то, *что отличает воспроизведение или конструирование от простого описания, сближает его с прогнозом*, так как и в случае прогноза мы совершаем переход от событий данных к событиям неизвестным.

¹ См. Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 381, 382. См. Bemheim. Lehrbuch der historischen Methode, 1908. С. 252, 253; Он же. Введение в историческую науку. М., 1918. С. 65, 66.

² См. Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 407–515. См. Bemheim. Lehrbuch der historischen Methode (соотв. главы); Он же. Введение... С. 115, 116.

Это хорошо сознавал уже Кант, когда, классифицируя науки, утверждал, что конкретно-описательные науки опираются на науки абстрактные. См. его вторую вступительную лекцию в "Cours de philosophic positive" (Т 1. Р., 1892. Р. 57, 58). См. также Вундт. Указ. соч. С. 16.

³ Ср., например, Taylor A. Primitive culture. Vol 1. P. 15–23 и др.

Но между ними существует и различие. Основное отличие конструирования от прогноза сводится к тому, что в первом случае речь идет о событиях, которые уже имели (или не имели) место в прошлом, а во втором — о событиях, которые еще только наступят (или не наступят) в будущем. Различие это, несомненно, существенно. Не говоря уже о том, что события будущего имеют совершенно иное влияние на мотивы нашего поведения, проблема прогноза как проблема предвосхищения будущего представляется неизмеримо более сложной и трудной, чем проблема конструирования. В случае конструирования между исследователем и событием прошлого всегда существует как бы непрерывная нить промежуточных пережитых событий. Поэтому исследователь прошлого может пользоваться как косвенными данными эпохи, к которой относится изучаемое событие, так и данными промежуточного времени, если это ему нужно, для уяснения событий интересующего его периода. В случае прогноза между исследователем и предсказываемым событием все еще существует разрыв, который еще ничем не заполнен и который исследователю нужно преодолеть, умозаклучая от данных ему событий к событиям будущего. Но как бы ни было велико это различие воспроизведения и прогноза, ясно, что между ними существует логическое родство. *Воспроизведение есть своего рода ретроспективный прогноз.*

Таким образом, в составе нашего знания обширное место занимают элементы, которые логически весьма близки к прогнозу. Это имеет огромное значение, так как по крайней мере в принципиальном отношении устраняет долю оснований для того недоверия, которое мы питаем к прогнозу, и ставит его на определенное место в системе нашего знания в каждый данный момент. И если мы видели, что проблема прогноза по сравнению с проблемой конструирования прошлого обладает своими специфическими трудностями, то одновременно мы не должны забывать другую основную ее особенность, рисующую ее в ином свете. События прошлого невозвратны. И единственный путь пополнить и уточнить наше знание о них лежит в нахождении новых источников и усовершенствовании методов их использования. Наоборот, в случае прогноза, самый ход времени и событий рано или поздно покажет, был ли этот прогноз верным или ошибочным. Отсюда в прогнозе мы имеем знание, которое всегда является как бы рабочей гипотезой, без которой мы, однако, не можем обойтись в практике.

Если предыдущее изложение сближает прогноз с теми областями знания, где имеет место переход от событий данных к событиям неизвестным и не данным, то та отмеченная выше при определении прогноза третья черта, которая существенна для него, а именно — обоснованность перехода от данного к предполагаемому, проводит принципиальную грань между ним и квазипредвидением будущего, которое условно можно обозначить как пророчество. Пророчество мы рассматриваем как предвидение событий, вытекающее не из изучения действительности и связей между явлениями, а из особой сверхъестественной силы пронизательности человека. Поскольку пророчество предполагает эту сверхъестественную одаренность прорицателя, оно является чудом. Так как с научной точки зрения чудо невозможно, то по существу невозможно и пророчество¹. Все, что здесь возможно и что на первый взгляд приближается к пророчеству, — это случайное угадывание грядущих событий. Но если даже имеет место такое угадывание событий, оно возможно лишь на основе некоторого знания действительности, хотя бы и несистематизированного. Когда мы говорим о прогнозе, основанном на данных знаниях, то здесь не имеется в виду никакого чуда. Здесь имеется в виду предсказание событий, которое основывается на систематическом изучении действительности и потому возможно в той мере, в какой это изучение позволяет умозаключить от того, что существует, к тому, что наступит². Это приводит нас к анализу предпосылок прогноза.

3

Нетрудно видеть, что все предыдущее изложение исходит из мысли, что предвидение в каких-то пределах возможно. Но если оно и возможно, то оно опирается на определенные предпосылки.

¹Мы знаем, что исторически существовали люди, известные под именем пророков. Но их огромное социальное значение вытекало не из пророчества в указанном выше смысле, которое невозможно, а из того, что они на основе определенных объективных социальных условий были суровыми обличителями общественной морали своего времени и проводниками определенных социально-религиозных идеалов. Ср. Comill. *Der israelische Profetismus*, 1906. См. Булгаков С.Н. *История эконоимических учений*. 2-е изд. Вып. 1. М., 1911. С. 19.

²Ср. Бухарин Н.И. *Исторический материализм*. М., 1922. С. 47, 48. См. Grimanelli P. *La prévision en sociologie* // *Revue Internationale de sociologie*. 1911. № 12. An. 19. P. 862-863.

К чему же сводятся эти предпосылки? Поскольку прогноз состоит в обоснованном умозаключении от данных событий к событиям неизвестным и еще не наступившим, он возможен лишь в том случае, если между событиями действительности существует необходимая причинная связь¹.

Если бы между событиями не существовало необходимой связи, прогноз был бы невозможен, так как в этом случае мы не имели бы никаких оснований от данных нам событий *a, b, c ... n* заключать о возможном возникновении событий *x, y, z*. Но вместе с тем стало бы невозможным и вообще знание о мире, в том числе и о мире социально-экономических явлений. Хотя, как будет видно ниже, наше фактическое знание и не сводится исключительно к установлению причинных связей между событиями, тем не менее оно или *опирается* на предпосылку этой связи, или *стремится* к ее установлению.

В то же время знание и развитие науки на основе признания причинной связи суть неоспоримый факт. И этот факт является лучшим аргументом в пользу того, что необходимая причинная связь между событиями существует и что, во всяком случае, мы имеем основание исходить из посылки существования этой связи². Строгую причинную зависимость явлений исследователь выражает формулой: *при прочих равных условиях всюду, где есть А, есть и В; причем А может слагаться из а, b, с и т.д., а В — из x, y, z и т.д.; за А может следовать только В, и В может последовать только за А*³. Этой формулировкой в конечном счете исключается как множественность причин, так и множественность следствий⁴. Причинная связь имеет всеобщий характер: нет явления, которое не имело бы своей причины или своих причин. Тем самым отрицается существование случайных явлений, если под ними понимать, как это иногда делается, явления, возникающие в силу действия абсолюта — свободной воли, или воли, действующей без необходимости.

¹Вопрос о том, обязательно ли связь между событиями нужно квалифицировать как причинно-необходимую и не может ли она быть иной (ср. Штаммлер Р. Хозяйство и право. Т. II/Пер. под ред. И.А. Давыдова, 1907. С. 3, 4, 114), мы не подвергаем здесь критическому разбору.

²Ср. Мейерсон Э. Тожждественность и действительность. СПб.: Шиповник, 1912. С. 13, 14; Пуанкаре А. Случайность/Наука и метод. 1915. С. 75.

³Ср. Зигварт Хр. Логика/Пер. И.А. Давыдова. 3-е изд., 1909. Т. II. Вып. 2. С. 76, 77.

⁴Ср. Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Ed. 4-me. P. 153–158. См. Ваш. Logic. Vol. II. P. 17 и сл.; Лосский Н.О. Логика. Ч. I. 1922. С. 180 и сл.

По вопросу о свободе воли философы спорили и продолжают спорить. Но одно совершенно бесспорно: там, где мы допускаем действие свободной воли, не остается места для научного исследования и научного прогноза¹.

Итак, возможность прогноза опирается на предпосылку существования всеобщей причинной связи событий. Но достаточно ли этой предпосылки? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо несколько пристальнее всмотреться в характер причинной обусловленности событий.

Приведенная выше формула причинной связи, утверждая, что при прочих равных условиях за A все еще будет следовать B , совершенно не утверждает, что эти прочие условия остаются неизменными и что, следовательно, за A действительно все еще появляется именно B и только B . В действительности именно равенства этих прочих условий в строгом и точном смысле слова нет.

Все явления космоса в конечном счете более или менее близко связаны между собой. В противовес мнению Курно и др.² нужно признать, что независимых причинных рядов, независимых серий событий в действительности не существует. Не имея возможности подробного анализа этого вопроса, заметим, что, допуская причинную связь событий, нельзя достаточно последовательно обосновать идею независимых причинных рядов. Следовательно, нельзя и исходить из их существования. Отсюда допустить, что прочие условия остаются неизменными, — это значит допустить, что в два различных момента времени общая констелляция мировых событий в точности повторяет одна другую. Вероятность этого бесконечно мала и не может служить основанием для научных построений. Поэтому в действительности, если однажды при данных условиях мы имеем событие A , то во всякий другой момент мы всегда имеем уже не просто событие A , а обязательно в каждом отдельном случае или $A + A^1$, или $A - A^1$, где A^1 обозначает совокупность изменений в окружающих условиях, связанных с A . Соответственно если в первом случае в качестве следствия A мы будем иметь B , то во всех других случаях мы будем иметь уже не просто B , а

¹Мейерсон Э. Указ. соч. С. 13 и сл.

²Ср. Cournot A. Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caractères de la critique philosophique. P., 1851. Vol. 1. P. 50 и сл.

обязательно или $B + X^1$, или $B - X^1$, где X^1 обозначает осложнения в следствиях в силу указанных осложнений в причинах.

Это не значит, что было неверно первое положение о причинной связи между A и B . Это значит лишь, что подверглись изменению условия, в которых рассматривается связь между A и B . Так как установить это изменение условий в точности, как правило, невозможно, то очень часто *этот пробел в познании* переносят на самую действительность и утверждают, что существует множественность причин и следствий¹.

В действительности причинная связь между явлениями всякий раз имеет строгий характер. Но ввиду неизбежно привходящих изменений в прочих условиях она всякий раз индивидуальна и в точности не повторима². Это значит, что всякое единичное событие — говорим ли мы о крупном или элементарном событии — индивидуально. Индивидуальный характер явлений природы выражен менее резко, чем явлений культуры. Это дает возможность науке ближе и точнее подходить к установлению причинной связи явлений природы, чем явлений культуры. Но все же в отношении типичности между явлениями природы и культуры имеет место различие лишь количественного, а не качественного порядка³.

Но если всякое единичное событие, строго говоря, индивидуально обусловлено и в той или иной степени своеобразно, если бы этим исчерпывалась характеристика действительности, то какое следствие простекало бы отсюда для возможности прогноза?

При этих условиях прогноз был бы возможен лишь в том случае, если бы мы обладали *полным знанием* действия всех причин и расположения элементов действительности в какой-либо конкретный момент времени, если бы, иначе говоря, мы обладали способностями всемогущего разума, о котором более ста лет тому назад писал Лаплас: "Разум, который для некоторого данного мгновения знал бы все действующие в природе

¹См. об этом: Чупров А.А. Очерки по теории статистики. 2-е изд. Спб., 1910. С. 144 и сл.

²Ср. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. С. 352 и сл. См. Hessen S. Individuelle Kausalität, 1909. Passim.

³Ср. Чупров А.А. Очерки. С. 97 и сл.; Кистяковский Б. Понятие случайного и закономерного в природе и социальном мире // Социальные науки и право. М., 1911. С. 6 и сл. Поэтому говорить о типичных и нетипичных явлениях, как делает, например, А.А. Кауфман и др. (см. Кауфман А.А. Введение в теоретическую статистику. Изд. ЦСУ, 1923. С. 21 и сл.), можно лишь в относительном смысле.

силы и взаимное расположение всех составляющих ее тел, если бы при этом он был достаточно мощным, дабы подвергнуть эти данные вычислению, охватил бы в одной формуле движение величайших светил небесных и движение мельчайших атомов: ничто не было бы для него недостоверно, будущее, как и прошлое, было бы открыто его взору"¹.

Поскольку описанный Лапласом гипотетический всемогущий разум по предположению знал бы действие всех действующих причин, поскольку, далее, согласно предположению этот разум обладал бы способностью всем действующим причинам дать количественное выражение и охватить их действие единой формулой, поскольку, зная исходное расположение всех тел, мог бы действительно воспроизвести все события прошлого, предсказать все события будущего и, следовательно, читать книгу бытия во времени².

Не будем говорить о том, существовали ли бы какие-либо границы к познанию и предвидению даже для этого всемогущего разума³. Но несомненно, что формула хода событий мира, которую имел бы всемогущий разум, была бы бесконечно сложна и была бы сильна лишь для мыслимого идеально-предельного случая, идеально мощного разума. Однако познающий разум человека фактически отделен дистанцией огромного размера от всемогущего разума, о котором писал Лаплас.

Мы не знаем действия не только всех причин, но даже и сколько-нибудь значительного числа их. Очень немногие из них мы можем выражать количественно. Мы не в состоянии охватить их действие единой формулой. Но если это так, то при наличии одной предпосылки причинной связи явлений мы были бы лишены не только идеальной, но и всякой возможности предвидения будущего. Действительно, если всякое событие индивидуально, то в таком случае всякое событие будущего представляет из себя нечто новое. Чтобы провидеть его в будущем, было бы необходимо мысленно построить весь ряд событий, который ведет к интересующему нас событию. Поскольку мы не обладаем знанием всех причинных зависимостей, мы были бы не в состоянии сделать это, а следовательно, не в состоянии были бы и

¹См. Laplace. *Théorie analytique des probabilités* (OЕuvre... P., 1847. Т. VII. P. VII.

²Ср. Зигварт Хр. Указ. соч. Т. II. Вып. 2. С. 215 и сл. Ср. Пуанкаре А. *Наука и метод*. С. 75-77.

³Ср. по этому поводу замечания Э. дю Буа-Реймонта в кн. "О границах познания природы" (М., 1900).

предвидеть. Больше того, при этих условиях все наше знание вообще свелось бы к знанию и причинному объяснению лишь некоторых конкретных фактов. Такое знание не только было бы недостаточным для прогноза, но было бы в значительной мере, если не вполне, бесполезным и бездейственным вообще.

4

Итак, совершенно ясно, что при ограниченности наших познавательных способностей одной предпосылки причинной зависимости для возможности прогноза недостаточно. И если тем не менее прогноз, как мы видели, возможен, он возможен лишь при условии, что существует не только причинная связь явлений, но одновременно и закономерность их хода. *Под закономерностью мы понимаем единообразие хода событий*¹.

Между понятием причинной связи и закономерности многие ставят знак равенства². Однако с этим согласиться нельзя. Несомненно, в приведенной выше формуле причинной связи, что при прочих равных условиях за A всегда следует B , *потенциально* как бы содержится указание на возможность единообразия и закономерности хода событий. Если бы прочие условия оставались неизменными или если бы они повторялись, то за A действительно закономерно следовало бы B ³. Однако сама идея и формула причинной связи, как отмечалось уже выше, вовсе не утверждают *действительного* существования единообразия хода и повторения событий. Эта формула указывает лишь на *необходимость* связи событий.

Понятие закономерности, как мы увидим, точно так же, в каком-то, правда, несколько ином смысле, предполагает неизменность прочих условий⁴. Но то новое, что оно содержит в себе в отличие от понятия причинной связи, состоит именно в том, что *понятие закономерности положительно опирается на дей-*

¹Ср. Милль Дж. Ст. Система логики. С. 284 и сл.; Wundt W. Logik. В. III, 1921. S. 127–128; Пуанкаре А. Ценность науки. М., 1905. С. 175 и сл.; Eulenburg Fr. Naturgesetze und SozialeGesetze // Archiv für sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1910. В. 31. S. 728–730; Pareto V. Traité de sociologie générale. P., 1917. V. 1. P. 28, 43 и др.; Кондратьев Н. Основные учения о законах развития общественной жизни // Новые идеи в экономике. № 5. Спб., 1914.

²См. об этом: Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. С. 351 и сл.

³Ср. Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie, 1923. S. 96 и сл.

⁴Ср. Пуанкаре А. Ценность науки. С. 174 и сл.

ствительное существование единообразия, повторяемости в окружающем мире.

Легко понять, что ближайшим образом именно существование закономерности в ходе событий открывает новые и широкие перспективы для их познания и предвидения. Именно закономерность позволяет нам по одним событиям предсказывать появление других¹. Однако как раз в идее закономерности лежат значительные трудности, в которых необходимо дать себе точный отчет. Если верно, что конкретно мы всегда имеем дело с индивидуальными причинными связями, с индивидуальными и неповторимыми в точности событиями, то в каком смысле можно говорить о закономерности, т.е. о единообразии, т.е. о повторяемости событий? На первый взгляд кажется, что перед нами неустрашимое противоречие. Однако это не так.

Допустим, что мы имеем событие A , характеризующееся признаками $a, b, c, d \dots n$. В силу процесса непрерывного изменения тех или иных окружающих условий вероятность того, что это A в точности еще-либо и когда-либо повторится, ничтожно мала. Мы будем иметь в различных случаях либо $a, b, c, d \dots n$, либо $a^1, b, c, d \dots n$, либо $a, b^1, c, d \dots n$ и т.д. Иначе говоря, событие, строго говоря, будет каждый раз индивидуально. Однако, как ясно из схем, оно будет *не абсолютно* индивидуально. Всякий раз в нем сохраняется какое-то центральное ядро признаков, которые являются общими для него и которые и позволяют нам утверждать, что мы имеем дело в *общем* с тем событием, что в основных чертах оно повторяется.

Так, если мы изучаем процесс ценообразования при товарно-капиталистическом строе в Англии, Германии, Соединенных Штатах или в различные моменты времени в одной Англии, то всякий раз этот процесс будет иметь свои отличительные черты. Но всякий раз в нем можно обнаружить и общие, повторяющиеся черты. То же самое имеет место, когда мы изучаем различные массы кислорода, различные виды животных и т.д.

Иначе говоря, если от индивидуального события абстрагировать особенные изменяющиеся черты, то остальные черты останутся перед нами в различных случаях выхода этого события как общие². Причем эти общие черты их являются столь же реальными, как и черты индивидуальные³. Именно на этой

¹ Ср. Grimanelli P. Op. cit. P. 862.

² Ср. Eulenburg Fr. Op. cit. P. 739 и сл.

³ Ср. Лосский Н.О. Логика. Ч. 1. С. 94 и сл.

реальной структурной особенности событий основана возможность классификации их на роды и виды, возможность образования видовых и общих родовых понятий. Именно эта их особенность является внешним выражением единообразия и закономерности событий¹.

Однако теория абстрагирования сама по себе только констатирует факт существования общего ядра событий. Но не выясняя его характера, она не может в достаточной мере выяснить и природу закономерности. Уже по одному этому, помимо других соображений, разбором которых мы не можем заняться здесь², было бы трудно удовлетвориться теорией абстрагирования. Какое же в таком случае истолкование закономерности можно принять?

Когда мы говорим о единичном событии (вещи или явлении), то необходимо помнить, что самое понятие единичного события глубоко относительно. Каждое единичное событие (вещь или явление) никогда не дано как таковое. В действительности оно, с одной стороны, представляет из себя связную своеобразную совокупность составляющих его элементов, с другой — входит как элемент в связные совокупности более объемлющего характера. Иначе говоря, оно выступает одновременно и как целое, и как часть более широкого целого³.

Опираясь на эту идею, строение конкретного мира можно представить себе в виде последовательно усложняющихся сфер событий: каждая следующая сфера или ее отрезок представляет из себя своеобразное целое, своеобразную совокупность большого числа элементов, каковыми являются события (вещи, явления) нижестоящих предшествующих сфер.

Так, атомы являются своеобразной совокупностью большого числа корпускул, материя — совокупностью атомов⁴, организм — своеобразной совокупностью клеток⁵, общество — реальной

¹ Ср. Бутру Э. О случайности законов природы. М., 1900. Гл. III.

² Ср. об этом Кассирер Э. Познание и действительность. Спб.: Шиповник, 1912. С. 12 и сл.

³ Ср. Бухарин Н. Теория исторического материализма. С. 88 и сл.; Лосский Н. Материя в системе органического мировоззрения. М., 1918. С. 3 и сл.

⁴ Резерфорд Э. Электрическая природа материи (напечатана в виде приложения к книге: Свеберг Т.Е. Материя. М., ГИЗ). См. также Френкель Л.И. Строение материи. 1913.

⁵ Ehrenberg. Theoretische Biologie. Berlin, 1923. S. 10 и сл.

совокупностью людей¹. Отсюда ясно, что понятия элементарности и совокупности-целого соотносительны. Вместе с тем необходимо особенно подчеркнуть, что каждая данная совокупность не является простой суммой составляющих ее элементов и не может быть понята из свойств отдельных элементов как таковых. Каждая совокупность представляет из себя нечто новое, своеобразное, которое лишь в конечном счете могло бы быть сведено к более элементарным явлениям.

Таким образом, каждая совокупность или ее отрезок является результатом сочетания и связи большого числа составляющих элементов. И если мы имеем перед собой совокупность того или иного порядка, если мы берем тот или другой элемент ее в отдельности, то его действия будут, конечно, как и все события, причинно обусловлены и необходимы. Но в отношении к событиям, наблюдаемым в самой совокупности, они будут относительно случайны. Мы рассматриваем их в качестве относительно случайных либо потому, что нам неизвестны все причины, которыми обусловлены элементарные события, либо потому, что нам неизвестны законы сочетания их в совокупность².

Иную картину представляют из себя эти единичные события, взятые и рассматриваемые в их совокупности. Существует мнение, что результат взаимодействия относительно случайных событий будет также случайным. Однако это не так³. Если в урне находятся 1 белый и 1 красный шар и мы вынимаем их один за другим, бросая их обратно после отметки цвета появившегося шара, то каждое отдельное появление шара будет пред-

¹Ср. Бухарин Н. Указ. соч. С. 90 и сл.; Durkheim E. Les règles. P. XIV и сл.; Simmel G. Soziologie. S. 5 и сл.

²Ср. Борель Э. Случай. М., 1923. С. 5 и сл.; Васильев А.В. Теория вероятностей. Этому пониманию случая, которое видит основание его в конечном счете в ограниченности знания, противопоставляется другое, которое видит случай в объективном факте пересечения двух или более независимых причинных рядов (ср. Windelband. Die Lehren vom Zufall, 1870. Ср. также Rümelin G. Über den Zufall. Kanzlerreden, 1907. S. 492 и сл.). Однако мы не можем признать правильным такое противопоставление. Два или более причинных рядов представляются нам независимыми лишь потому, что мы не знаем их зависимости. Поэтому, отвергая идею онтологически независимых рядов (см. выше), мы считаем, что случай и в так называемом объективном смысле имеет основанием ограниченность нашего знания, в частности ограниченность его в отношении законов сочетания единичных событий (второй вид основания для относительно случайного по нашей концепции).

³Ср. Экспер Ф. О законах в естественных и гуманитарных науках/Пер. В.О. Хвольсона, 1914.

определено индивидуально, но останется для нас относительно случайным. Однако мы знаем, что при большом числе появлений шара при отсутствии определенных преимущественных условий для выхода одного из них или при равновозможности их выхода частота появлений красного и белого шаров окажется вполне закономерным результатом: она будет весьма близка к теоретической вероятности выхода того и другого. В данном случае она будет весьма близка к $1/2$ общего числа появлений шаров. Этот закономерный результат и выражает собой сущность так называемого закона большого числа¹.

Но то, что проявляется в случае с урнами, проявляется в действительности, в природе и обществе, всюду, где мы имеем дело с большим числом индивидуально-детерминированных относительно случайных событий. Конечно, в действительности события сложнее. В действительности нет столь строгих условий равновозможности единичных событий, как это наблюдается в играх или экспериментальных проверках закона большого числа². Но все же общие результаты сочетания большого числа единичных событий и здесь оказываются закономерными.

Так, единичный случай самоубийства или преступности в сфере социальных явлений представляется относительно случайным. Однако изучение самоубийства и преступности как социального, массового явления обнаруживает удивительные закономерности³. То же самое мы имеем в области биологии, например в вопросах наследственности и изменчивости⁴. Аналогичные результаты дают и другие области знания, например кристаллография, астрономия и, наконец, физика⁵. Кинетическая теория газов, главным образом работы знаменитого физика Больцмана, показала, что законы состояния газов можно пред-

¹Ср. Чупров А.А. Указ. соч. С. 224 и сл.; см. Лахтин Л.К. Курс теории вероятностей, 1924. С. 97 и сл.

²Ср. Choisenard P. Les probabilités en science d'observation. P., 1923. Ch. 111.

³См. Дюркгейм Э. Самоубийство / Пер. под ред. В.А. Базарова, 1912. С. 178 и сл.; Майр Г. Закономерность в общественной жизни. М., 1899. С. 425 и сл.

⁴Ср. Филипченко Ю.А. Изменчивость и методы ее изучения. М.: ГИЗ, 1923. *passim*. Ср. Завадовский М.М. Статистический метод в изучении наследственности // Статистический метод в научном исследовании. М.: Изд. Ком. Академии. С. 113-129; Серебровский А.С. Статистический метод в биологии // Статистический метод в научном исследовании. С. 130-165.

⁵Ср. статьи Г. Вульфа, В. Костицына, А. Тимирязева, С. Богуславского в сборнике "Статистический метод в научном исследовании".

ставлять как результат взаимодействия бесконечно большого числа отдельных молекул газа¹.

За последнее время сделаны попытки широко обобщить значение связи большого числа относительно случайных событий и истолковать его как общее основание для закономерности явлений природы и общества².

Если принять эту концепцию, то, с одной стороны, сравнительно легко разрешаются те трудности, которые связаны с идеей закономерности, с другой стороны, сама закономерность получает своеобразное и яркое освещение, имеющее огромное значение для возможности и пределов предвидения.

Закономерность событий есть результат взаимодействия большого числа элементарных явлений, рассматриваемых как реальная совокупность.

Закономерность явлений в совокупности вытекает из того, что при наличии большого числа элементарных событий, составляющих данную совокупность, индивидуальные причины этих событий взаимно нейтрализуются, в силу чего выявляется действие наиболее общих и устойчивых причин. Действие этих общих причин и обуславливает среднее закономерное течение событий в данной совокупности³. Отсюда то устойчивое ядро, которое мы обнаруживаем в одном и том же событии в меняющихся условиях, о чем говорилось выше. Отсюда возможность абстрагирования от особенных привходящих признаков данного события.

Для того чтобы закономерность и единообразие событий действительно существовали, согласно развиваемому взгляду не требуется, чтобы было налицо повторение и полное тождество всех прочих условий. Достаточно, чтобы было налицо большое

¹См. Boltzmann. Vorlesungen über Gastheorie; В.В.І. 1895. II. 1898; Он же. Ueber die Unentbehrlichkeit der Atomistik in der Naturwissenschaft//Populäre Schriften. 1925. S. 141; Он же. Ueber statistische Mechanik//Ibid. S. 345 и сл. Блох Е. Кинетическая теория газов. М.: ГИЗ, 1925. С. 72 и сл.

²Наиболее решительно это сделано Ф. Экспером. См. Экспер Ф. О законах в естественных и гуманитарных науках. См. также Романовский Е. Статистическое мировоззрение//Вестник статистики. Кн. X. 1922. С. 5–28. Менее решительно в дуалистической форме это сделано Э. Борелем (см. Борель Э. Случай), М. Планком в статье "Динамическая и статистическая закономерность (см. Планк М. Физические очерки.); см. также Умов Н.А. Эволюция физических наук и ее идейное значение//Собр. сочинений. Т. III. С. 500 и сл.

³См. Борткевич В.И. О статистической закономерности//Вестник права. 1903. Октябрь. С. 144 и сл.

число элементарных явлений и чтобы основные условия течения этих явлений оставались лишь более или менее устойчивыми¹.

И обратно. Если в корне меняются упомянутые основные условия, то и линия хода событий в данной совокупности, оставаясь закономерной для каждой данной стадии изменения основных условий, на каждой этой стадии будет своеобразна, будет своя. *В этом смысле, принципиально говоря, всякая закономерность относительна и имеет исторический характер. Однако практически это положение имеет значение лишь для тех областей мира, которые наиболее изменчивы, и прежде всего для общества*².

Сказанное выше об основаниях существования закономерности приводит к следующим важным выводам относительно ее свойств. Допустим, что мы имеем несколько однородных совокупностей, например несколько обществ или стран с однородным социально-экономическим укладом. В каждой взятой совокупности как таковой в силу описанного механизма события будут иметь закономерный характер. Этот закономерный ход событий *объективно будет необходим*, так как он будет следствием действия общих причин. Но так как мы не знаем всей суммы обстоятельств, обусловивших этот ход событий, то с познавательной точки зрения мы можем *характеризовать его для каждой совокупности как вероятный*. Однако вероятностная характеристика закономерности не исчерпывается этими чисто познавательными основаниями, а имеет и объективные основания. Если мы сопоставим *лицу необходимого закономерного хода событий в различных* взятых однородных совокупностях или в одной и той же совокупности, но *в различные моменты времени*, то эти линии никогда в точности не совпадут между собой. Однако при большом числе единичных событий и при отсутствии радикально-пертурбирующих условий будут существовать *объективные основания для вероятности*, что эти линии окажутся достаточно близкими между собой и что их можно в среднем рассматривать в качестве фактического проявления той же закономерности. *В этом смысле закономерность можно характеризовать как линию необходимого и в то же время в среднем наиболее вероятного хода событий совокуп-*

¹ Ср. Романовский Е. Указ. соч. С. 9.

² Ср. Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе, / Пер. Д.Б. Рязанова, 1919. С. 16 и сл.; Marx K. Das Kapital. Hamburg, 1872. S.4 и сл., 654 и сл.; Pafeto V. Op. cit. S. 44-45.

ности. Сказанное имеет силу не только для общественных совокупностей, но и для различных масс того же газа, для различных однородных организмов и т.д.

Такая характеристика закономерности не значит, что закономерности нет в действительности, что закономерность есть только категория нашего рассудка. Все предыдущее изложение говорит против этого и показывает, что законы — это русло, по которому течет поток фактов; факты прорыли его, хотя они же ему и следуют¹.

Это значит лишь, что в действительности нет точной, математически тождественной закономерности. Закономерность, которая наблюдается в различных случаях однородной совокупности или совокупностей, лишь приблизительно остается одной и той же. Строго говоря, это относится решительно ко всем областям действительности, не исключая и физических явлений². Однако между различными областями действительности в этом отношении существует огромная количественная разница. Там, где число элементарных явлений, слагающих данные совокупности, бесконечно велико и общие условия их существования мало изменчивы, фактические отклонения закономерности в отдельных случаях таких совокупностей будут бесконечно малы. Таковы физико-химические явления. Наоборот, там, где этого нет, закономерности будут иметь менее устойчивый характер. Таковы явления социально-экономической жизни³.

Однако мы хорошо знаем, что наука, в частности естествознание, формулирует строгие, математически точные законы. Это действительно так. Но по изложенным основаниям в природе нет ни одного явления, которое вполне подходило бы под эти законы. От этого, конечно, они не теряют своего значения, так как позволяют нам понимать мир. Однако необходимо помнить, и это важно, в частности, для предвидения, что в действительности они осуществляются всегда лишь с известным приближением⁴.

¹ Бутру Э. Указ. соч. Р. 55.

² Ср. Дюгем Э. Физическая теория и ее строение. Спб.: Образование, 1910. С. 205 и сл.; Пуанкаре А. Цепность науки. С. 174 и сл.

³ Ср. Экснер Ф. Op. cit. Р. 6 и сл. Ср. Пуанкаре А. Наука и метод. С. 7 и сл. Ср. Планк М. Указ. соч. Р. 70 и сл.

⁴ Ср. Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. 1. Прологомена к чистой логике. Спб.: Образование, 1909. С. 222 и сл.

На языке математической статистики эту мысль можно было бы выразить так: фактическая закономерность стоит в таком же отношении к идеальной, в каком частоты стоят к теоретической вероятности выхода событий.

Если в предыдущем изложении сделана попытка вскрыть общую природу закономерности, то для более точного выяснения возможностей предвидения необходимо далее установить две различные категории закономерности. Мы имеем в виду закономерности статическую и динамическую. *Статическая закономерность сводится к единообразию в строении того или иного целого, или к единообразию консенсуса его элементов.* Таковы законы равновесия в физике и химии¹, таковы законы строения кристаллов и организмов, таковы законы связи элементов социально-экономической жизни, например законы связи различных социальных институтов², законы равновесия рынка³ и т. д. Наоборот, *динамическая закономерность состоит в единообразии последовательности изменения явлений и их связи во времени.*

Мы знаем, что эмпирически данная нам действительность по самому существу своему динамична, изменчива. Поэтому мы никогда не можем найти в ней статического состояния в чистом виде. Однако при всей своей изменчивости элементы действительности сохраняют между собою в зависимости от общих условий определенные закономерные связи. И если мы методологически отвлечемся от динамических процессов, то можем установить статические закономерности⁴. Они будут выражать те связи между элементами, которым последние подчиняются в течение процесса их непрерывной динамики. В этом смысле статика представляет из себя момент динамики, и формула статической закономерности будет формулой закономерности динамической, если в последней выключить элемент времени или приравнять его к нулю.

¹Ср. Пуансо Л. Начала статики, 1920. С. 4 и сл. Гебель В.Я. Основной курс теоретической механики. М., 1922. Ч. 1. С. 6–8, 60 и сл.

²Compte A. Cours de philosophie positive. P., 1893. Vol. 4. P. 253 и сл., 430 и сл. Ср. Уорд Л. Очерки социологии. М., 1901. С. 138 и сл.; Xenopol A.D. La théorie de l'histoire. P., 1908. P. 332 и сл.

³Ср. Marshall A. Principles of economics. L., 1910. Кн. V. Гл. 2, 3, 5, 15. См. Clark I.B. Essentials of economic theory. N.Y., 1924. P. 195–203.

⁴См. Кондратьев Н.Д. К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры // Социалистическое хозяйство. 1924. Кн. 2.

Значение статических закономерностей для возможности прогноза очевидно. Действительно, допустим, что мы знаем закон связи событий A и B . Допустим далее, что *тем или иным* путем мы установили, что через некоторое время A превратится в A^1 . Тогда на основании упомянутого закона связи мы могли бы предвидеть превращение B в B^1 .

В этом примере мы допустили, что тем или иным путем нам стало известно о предстоящем изменении A в A^1 . Но как можем мы узнать это? Как можем мы в этом смысле преодолеть время, отделяющее нас от момента превращения A в A^1 ? Статические закономерности *сами по себе* не могут ничего сказать нам о предстоящем изменении A и его направлении, а следовательно, одни они не в состоянии служить и основанием для предвидения, выраженного в определенной форме. Мы можем узнать об изменении A и о направлении этого изменения лишь на основе динамической закономерности явлений, состоящей в единообразии изменения событий во времени.

Это единообразие изменения событий в различных областях действительности может иметь различную природу. Оно может быть движением тел, например в сфере физических явлений, их ростом или развитием, например в сфере органической и социально-экономической жизни. Но о каком бы виде изменений ни шла речь, динамическая закономерность может иметь две формы. Она может выражать или единообразие изменения явлений (событий) A, B, C в соответствии с изменениями других явлений X, Y, Z , или она может выражать единообразие изменения данных явлений K, L, M самих по себе, т.е. единообразие внутренней динамики данного ряда или рядов¹. Примером второй формы динамической закономерности может служить развитие ряда по формуле 2^n , где n принимает последовательно значения 1, 2, 3... x^2 . Примерами этой же формы динамической закономерности могут служить такие тенденции, как тенденции повышения органического состава капитала, его концентрации, тенденция нормы прибыли к понижению и др.

Преыдуший анализ закономерностей приводит нас к новым итогам в отношении проблемы предвидения. Выше мы пытались установить, что без существования закономерности хода собы-

¹ Ср. Зигварт. Логика. Т. II. Вып. I. С. 222 и сл.; Вып. II. С. 36 и сл.

² Ср. Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. Вып. I. 1910. С. 151 и сл.

тий даже при наличии причинных связей их предвидение событий было бы для нас невозможно. Но само собой очевидно, что возможность предвидения предполагает не просто объективное существование закономерностей. Она предполагает, что мы открыли и знаем эти закономерности. Допустим теперь, как мы это сделали выше в отношении причинных связей, что мы знаем все эти закономерности, не зная, однако, исчерпывающим образом всех причинных связей. Тогда наши возможности предвидения были бы почти безграничны. Однако в одном отношении они были бы все же ограничены. По самому существу закономерности, как это показано выше, она имеет в виду среднюю, наиболее вероятную линию течения событий данных совокупностей. Следовательно, отдельные конкретные события данной совокупности будут все еще в той или иной мере отклоняться от нее. Поэтому, даже зная закономерности, мы не могли бы предвидеть конкретных событий *во всех их деталях*¹. Мы могли бы предвидеть лишь средние типичные события. Однако в соответствии с природой закономерности в некоторых областях естествознания, имеющих дело с максимально устойчивыми закономерностями, практически предсказание могло бы достаточно близко совпадать с конкретными событиями. Но этого не могло бы, как правило, быть в социально-экономических науках. Факты предвидения при современном, а не идеальном значении вполне подтверждают этот тезис. Мы знаем, что даже в области точных наук предвидение удается, как правило, всегда с некоторыми отклонениями от действительности. Таковы предсказания в области астрономии, в области таких явлений, как приливы и пр.² Еще неизмеримо большие ошибки были бы в сфере биологии и особенно социально-экономической. Однако при условии знания всех закономерностей, даже и при их вероятностной природе, мы могли бы довольно точно определить степень вероятной ошибки предвидения, особенно в естествознании. Это, конечно, значительно повышало бы ценность нашего прогноза. Но во всяком случае на основе знания всех закономерностей предвидение с практической точки зрения было бы идеальным.

¹Ср. Планк М. Указ. соч. Р. 70; Гессен С.О. Предисловие к книге Риккерта "Науки о природе и науки о культуре". СПб.: Образование, 1911. С. 7-9; Denis H. Sur la prévision en Sociologie // Revue Internationale de sociologie. An. 18. № 1. Т. 18. 1910. Р. 1 и сл.

²Ср. Дарвин Дж. Гов. Приливы и родственные им явления в солнечной системе. М.: ГИЗ, 1923. С. 184 и сл.

Однако на самом деле мы далеки от этого идеала.

Уже из предыдущего изложения ясно, что необходимой предпосылкой предвидения является не только существование причинной связи явлений и закономерности их хода, но и существование третьей предпосылки, а именно знания этих связей и закономерностей, а также, разумеется, знания констелляции событий в какой-то исходный момент. Мы убедились, что при условии идеальной реализации точного знания всех причинных связей ограничивающие пределы прогноза исчезают. Но сделав такое допущение, мы сейчас же отметили его нереальность ввиду ограниченности нашего знания причинных связей. Тогда мы увидели, что возможности предвидения почти исчезают. Введение второй предпосылки, а именно закономерности хода событий, вновь существенно изменило положение дела, открыв новые горизонты для предвидения. Проанализировав природу закономерности и допустив, что нам идеально известны эти закономерности, мы убедились, что хотя возможности предвидения и не становятся безграничными, но все же с практической точки зрения они становятся почти безграничными. Однако допущение знания всех закономерностей исторически столь же нереально, как и допущение знания действия всех причин.

Отсюда совершенно ясно, что для получения более близких к действительности выводов о границах предвидения, в частности социально-экономического предвидения, мы должны теперь пристальнее всмотреться в характер третьей предпосылки прогноза, т.е. нашего знания причинных связей и закономерностей.

Поскольку первая и вторая предпосылки имеют объективный характер, постольку, если так можно выразиться, они всегда даны. Наоборот, интересующая нас третья предпосылка имеет переменный характер. В каждую историческую эпоху она дана лишь в той или другой, но ограниченной мере в соответствии с уровнем развития самой науки. Третья предпосылка всегда находится как бы в минимуме, и потому степень возможности прогноза в каждое данное время выступает прежде всего в качестве функции от уровня развития нашего знания. Что знание прогрессирует и совершенствуется, это является неоспоримым фактом. Но столь же неоспоримым является и тот факт, что знание никогда не представляет из себя предельно завершеного идеального целого в различных отношениях.

Во-первых, хотя в каждый данный момент имеется определенная констелляция событий, но мы никогда не знаем ее полностью. Во-вторых, как указывалось уже выше, хотя явления мира причинно и обусловлены, тем не менее мы никогда не знаем всех причинных связей. В-третьих, хотя явления мира и представляются закономерными, тем не менее мы никогда не располагаем знанием всех этих закономерностей, в особенности закономерностей динамического порядка. Во всех трех отношениях в силу сложности самой социальной действительности мы обладаем наименьшим запасом знаний именно в социально-экономических науках.

Наше знание ограничено, таким образом, прежде всего количественно, по объему. Но этого мало. Оно ограничено и качественно. Некоторые зависимости явлений, установленные наукой, можно считать строгими причинными зависимостями. Однако многие устанавливаемые наукой связи лишены этой строгости. Их можно было бы поэтому назвать эмпирическими.

То же самое имеет место и в отношении законов. Вскрывая закономерность хода событий, наука формулирует законы. Но необходимо различать два типа научных законов: законы каузальные и законы эмпирические. Всякий закон указывает на единообразие или в связи, или в последовательности явлений. Всякий закон стремится формулировать действие каких-то общих причин. Однако в одних случаях эти общие причины могут быть действительно вскрыты, хотя сама формула закона может и не содержать непосредственно указаний на эти причины¹. В других случаях закон не только не указывает на причины, обуславливающие формулируемую им закономерность, но он причинно и не истолкован. Это будут законы эмпирические².

Между строгой и эмпирической причинной зависимостью, между каузальным и эмпирическим законом существует глубокое различие. В то время как строгая причинная зависимость указывает на зависимость необходимую, эмпирическая зависимость лишена этой черты. В то время как каузальный закон для данных общих условий обладает общезначимостью, эмпирический закон лишен этой общезначимости.

¹ Ср. Eulenburg F. Op. cit. S. 738–739.

² Ср. Wundt W. Op. cit. B. III, S. 124 и сл., 138 и сл., 650 и сл.; Mille. Op. cit. P. 469 и сл.; Зигварт. Указ. соч. Т. II. Вып. 2. С. 86 и сл., 234 и сл.; Eulenburg F. Op. cit. S. 728 и сл.; Кондратьев Н. Основные учения о законах развития общественной жизни. С. 1 и сл.

Наряду с этим необходимо иметь в виду, что как каузальные, так и эмпирические законы в одних случаях получают точное количественное выражение, в других они лишены этой формы и получают характер приблизительных, суммарных формул. Именно таковы, как общее правило, законы в социально-экономических науках, где мы до сих пор не можем найти путей для точного измерения событий.

Совершенно очевидно, что степень количественного и качественного ограничения нашего знания имеет определяющее значение в отношении пределов возможности прогноза. Чем больше круг нашего знания о причинных связях и закономерности явлений, чем более строгий характер носят устанавливаемые нами связи этих явлений, чем большее число установленных закономерностей поддается причинному объяснению и количественному выражению, тем шире наши возможности предвидения, тем точнее это предвидение. И наоборот.

Принципиально в любой области знания могут быть сформулированы строгие причинные связи и точные каузальные законы. Однако *фактически* и *количественно* в этом отношении между различными науками существует глубокое различие, которое кладет довольно резкую грань и между возможностями прогноза в различных областях знания. Это различие и эта грань обуславливаются различием природы изучаемого отдельными науками объекта и вытекающими отсюда особенностями употребляемых ими методов. Краткий анализ этих методов покажет, почему социально-экономические науки находятся здесь в относительно наименее благоприятном положении.

Как известно, основной метод нашего познания окружающего мира — это метод индуктивного исследования¹. Однако точные причинные связи и законы мы можем вскрыть при помощи этого метода лишь в том случае, если соблюдены необходимые предпосылки строгости установки самой индукции.

Благодаря отмеченной выше устойчивости среды, а также возможности изоляции и эксперимента в наиболее полном виде эти предпосылки даны в области физико-химических наук².

¹ Ср. Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М., 1903; Зигварт. Указ. соч. Т. I. Вып. 2. С. 1.

² Ср. Eulenburg F. Op. cit. В. XXXI. S. 739 и сл.

Однако даже и здесь мы не можем обеспечить идеальных предпосылок индукции¹.

Отсюда можно утверждать, что вообще этих предпосылок в идеальном виде нет ни в одной отрасли знания. Поэтому во всех отраслях наше фактическое знание, полученное при помощи индукции, в сущности лишено абсолютной точности и имеет в свою очередь лишь вероятный характер. Но если в области математического естествознания наши индуктивные выводы достаточно приближаются к точным и практически могут приниматься за точные, то в других областях знания, в частности в социально-экономических науках, этого нет. Мы не можем сказать, что здесь совершенно нет условий для индукции². Однако пределы возможности ее здесь весьма ограничены. Вот почему социально-экономические науки широко пользуются иными методами познания.

Одним из таких методов является дедуктивный метод. Этим методом, конечно, пользуются и другие науки, в том числе и естествознание. Однако здесь он имеет явно вспомогательное значение.

Дедуктивный метод при отсутствии логических ошибок приводит к строгим выводам. В этом его сила. Однако он обладает такими чертами, которые делают его как таковой далеко не достаточным. Во-первых, верность дедуктивных выводов предполагает правильность исходных посылок. Но именно эти посылки уже не могут быть получены путем дедукции: они должны быть получены путем изучения реальной действительности³. Это делает дедуктивный метод как метод познания действительности зависимым. Во-вторых, дедуктивный метод не может дать ничего нового по сравнению с тем, что аналитически заложено в исходные предпосылки, на которые он опирается. Это ограничивает познавательную роль дедуктивного метода в смысле получения при его помощи новых зависимостей и законов. В-третьих, так как посылки, от которых отправляется дедукция, всегда носят общий характер и охватывают действительность лишь в некоторых самых общих разрезах, то и выводы, полученные при ее помощи, неизбежно имеют общий характер и не в состоянии охватить действительность достаточно полно. Это

¹Ср. Чупров А.А. Указ. соч. Очерк II.

²Ср. Durkheim E. Les règles de la méthode. P. 153 и сл.

³Ср. Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 164 и сл.

ограничивает значение дедуктивного метода как основы для уяснения действительности и предвидения событий, особенно в социальных науках, где эти выводы лишены количественной формы.

Преыдушие замечания не уменьшают значения дедуктивного метода. Но совершенно ясно, что этот метод не дает возможности достаточно полно охватить действительность и делать точные и детальные предсказания.

Весьма ограниченные возможности применения индуктивного метода в строгом смысле и недостаточность дедуктивного метода заставляют социально-экономические науки широко пользоваться приемами, которые по своей общей природе имеют индуктивный характер, но в то же время имеют и совершенно своеобразные черты, которые отличают их от классической индукции.

Сюда относится, например, историко-сравнительный метод. По своей логической сущности историко-сравнительный метод имеет связь с методом индуктивного умозаключения по принципу сходства, различия или сопутствующих изменений. Однако об установке индукции в точном смысле слова здесь говорить нельзя. И хотя этот метод оказал, несомненно, очень большие услуги развитию социально-экономических наук¹, но очевидно, что сам по себе он может привести к установлению лишь эмпирических связей и эмпирических законов, не допускающих количественного выражения, не могущих служить основанием для точного предвидения².

Другой метод, который по своей общей природе является своеобразно индуктивным и к которому особенно социально-экономические науки прибегают все чаще и чаще, — это метод статистический. Статистический метод исходит из положения, что единичные события относительно случайны. Опираясь, далее, на положение, что при большом числе равновозможных единичных событий частные причины нейтрализуются, выступает действие общих причин и обнаруживается закономерность в ходе событий, он берет в качестве предмета анализа совокупности. Так как при большом числе единичных событий эмпири-

¹ Ср. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880.

² Ср. работы экономистов исторической школы: Knies K. Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. Braunschweig, 1853. См. Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве, ее предмет и метод. М., 1897. С. 58 и сл.

ческие частоты выхода событий весьма близко совпадают с их теоретической вероятностью, доступной определению на основе теории вероятностей, то в наиболее совершенной форме статистический метод выступает как метод статистико-математический¹.

Нетрудно видеть, что в своих исходных основаниях статистический метод как бы воспроизводит действительную онтологическую модель строения мира и закономерности событий, как она была охарактеризована выше. В этом нужно видеть основную причину все растущего успеха статистического метода и его применения в самых различных отраслях знания: в астрономии, физике, химии, биологии, но больше всего в социально-экономических науках².

Однако, схватывая в своих исходных принципиальных положениях наиболее адекватную онтологическую модель хода событий, статистический метод все же не гарантирует, что при своем *применении* он всегда воспроизводит действительный ход этих событий и вскрывает совершенно точно их связи и закономерности. Статистический метод есть все же только метод нашего познания, встречающий при своем применении ряд трудностей, которые лишают его возможности выявить строго и точно связи и закономерности действительности. Эти трудности лежат не только в сложности действительности, но и в качестве материала, в невозможности иметь то количество единичных наблюдений, которое необходимо, и, наконец, в наших субъективных ошибках.

Отсюда хотя статистический метод и позволяет нам вскрывать статические и динамические связи и закономерности между различными событиями данной совокупности, хотя математическая статистика и выражает эти связи даже количественно при помощи коэффициентов корреляции, дисперсии и т.д., однако на основе только статистического метода мы никогда не можем сказать, что вскрытые нами связи являются действительно причинными связями, что найденные нами закономерности являются действительно строгими каузальными законами явлений³.

¹ Ср. Чуиров А.А., Указ. соч. С. 221 и сл.; Czuber Em. Die statistischen Forschungsmethoden. Wien, 1921. S. 3 и др.; Bowley A.L. Elements of statistics. L., 1920. Part II, passim.

² Ср. Чуиров А.А. Закон больших чисел // Вестник статистики. 1914. Кн. 1 и 2. Ср. Bowley A.L. Op. cit. Part 1. P. 4 и сл.

³ Ср. Зигварт. Указ. соч. Т. II. Вып. 2. С. 244 и сл.; Wundt W. Op. cit. В. III. S. 137–138, 493–512.

Находимые при помощи статистического метода связи и правильности и их математическое выражение сплошь и рядом могут оказаться мнимыми, ложными. Статистический метод даже и в математической форме лишь более или менее совершенно систематизирует тот эмпирический материал, который мы имеем, помогая вскрыть эмпирические связи и закономерности. Но всегда необходимы иные дополнительные приемы, чтобы определить, что перед нами действительные причинные связи и закономерности. Так как другие приемы, такие, как индукция и дедукция, проще и доступнее в областях естествознания, так как здесь устойчивее и проще сами закономерности, так как, наконец, самые данные для статистической обработки здесь могут быть более полны, то и статистический метод в этих областях приводит нас к более точным и строгим выводам, чем в общественном ведении.

Анализ третьей предпосылки предвидения приводит нас к следующему выводу. Как в силу количественной ограниченности, так и в силу качественного несовершенства нашего знания мы всюду лишены возможности *абсолютно точного прогноза*; однако в различных областях действительности фактические возможности предвидения весьма различны. В этом отношении можно наметить два крайних полюса возможностей. Область наибольших возможностей прогноза — это область тех отраслей естествознания, где мы, как в физике, химии, астрономии, располагаем достаточно большим числом установленных и выраженных в количественной форме причинных связей и закономерностей. Согласно предыдущему изложению и здесь мы не располагаем возможностями абсолютно точного предвидения событий во всей их полноте. Однако на основе большого числа количественно выраженных связей и законов здесь имеется возможность достаточно точного предвидения не только общих тенденций в ходе событий, *по времени, места и интенсивности* их проявления с определением вероятной ошибки прогноза. С практической точки зрения эти возможности прогноза представляются высокосоввершенными. Именно они дают нам основания сообразовать здесь свои действия с ходом космических событий, таких, как приливы, затмения, процессы химических реакций и т.д., именно они дают нам основания для точных расчетов при различных технических сооружениях и действиях.

Другой крайний полюс возможностей предвидения лежит в тех областях, в которых мы опираемся на такие науки, как

метеорология¹, социально-экономические дисциплины, психологические науки и т.п., где не только весьма ограничено число установленных причинных связей и закономерностей, но где они в большинстве случаев имеют приблизительный эмпирический характер и пока не поддаются точному количественному выражению. Поэтому здесь мы не только не в состоянии точно предвидеть грядущие события во всей их полноте, но или вовсе не в состоянии фиксировать время, место, а также интенсивность проявления событий и должны удовлетворяться предсказанием общих тенденций их хода, или можем фиксировать время, место и интенсивность событий лишь весьма приблизительно, часто не имея возможности определить степень вероятной ошибки прогноза.

Между этими полярными областями располагаются в известной градации все другие области действительности, где нам приходится прибегать к прогнозу.

6

Однако предыдущий анализ третьей предпосылки предвидения вскрыл перед нами пределы его возможности лишь в самой общей форме.

Опираясь на полученные выводы, продолжим теперь этот анализ и посмотрим, как преломляется ограничительное влияние третьей предпосылки прогноза при различных специальных условиях. При этом мы остановимся не на всех возможных условиях, а лишь на тех, которые имеют *наибольшее значение* в практике предвидения, особенно в социально-экономической жизни.

Степень недостаточности нашего знания, или роль третьей предпосылки прогноза, выступает с большей или меньшей силой, во-первых, в зависимости *от характера тех задач, которые мы ставим предвидению, или, иначе, от степени тех претензий*, которые мы предъявляем к прогнозу, во-вторых, в зависимости *от особенностей природы событий той области действительности, в сфере которой мы применяем прогноз.*

Если сосредоточить внимание на первом случае, то можно формулировать следующее положение: *чем более сложную задачу ставим мы предвидению, тем менее точным и достоверным оно может быть.* При этом основное значение для услож-

¹ Ср. Клоссовский А.В. Основы метеорологии. Одесса, 1918. С. 273–280.

нения или, наоборот, для упрощения задачи прогноза имеют два условия: насколько конкретным, исчерпывающим хотим мы сделать свой прогноз и насколько отдаленным во времени является то событие или события, которые мы предсказываем.

Что касается первого условия, то, как правило, чем в более конкретном и индивидуализированном виде хотим мы предсказывать событие или события, тем менее возможным и точным, хотя одновременно и тем более богатым по содержанию, становится наш прогноз.

Примерная схема убывания точности прогноза при этом такова. Допустим, что мы предсказываем наступление промышленно-торгового кризиса в условиях капиталистической системы хозяйства, но не указываем точно ни времени, ни места его наступления, ни тех конкретных его особенностей, которыми он будет сопровождаться. На основании имеющегося знания законов и особенностей капиталистической системы организации хозяйства мы можем считать это предсказание достаточно точным и почти достоверным. Правда, оно сохраняет условный характер, но лишь в одном отношении, а именно в том, что оно опирается на следующую предпосылку: система капиталистической организации хозяйства продолжает сохраняться без радикальных изменений в течение времени, достаточного для проявления капиталистического цикла. Однако нетрудно видеть, что, обладая почти достоверностью, это предвидение чрезвычайно обще по содержанию и потому малопродуктивно. Оно не говорит нам ничего, кроме того, что капиталистическая система хозяйства не может существовать без кризисов. Допустим теперь, что мы предсказываем наступление кризиса в определенном месте, не указывая, однако, определенно его времени и тех конкретных особенностей, которые он будет иметь. Степень точности нашего предсказания при этих условиях, несомненно, понизится. Вероятность, что наш прогноз окажется точным, упадет. Но очевидно, что если бы он оказался верным, то он оказался бы и более содержательным и практически более актуальным. Допустим далее, что мы предсказываем наступление промышленно-торгового кризиса и указываем не только место, но и время его наступления. Степень точности нашего предсказания понизится еще более. Но если бы это предсказание было верным, то оно оказалось бы еще более содержательным и еще более актуальным практически. Допустим, наконец, что мы предсказываем наступление кризиса и указываем не только время и место его наступления, но также и те важнейшие конкретные черты его

развития, которыми он будет сопровождаться. При этих условиях степень точности нашего прогноза и степень вероятности его осуществления достигают наименьшего предела. Наоборот, если бы этот прогноз оказался верным, то он оказался бы и наиболее содержательным. Таким образом, зависимость точности нашего прогноза от характера задания ему совершенно бесспорна. На основании предыдущего анализа нетрудно установить и причину существования этой зависимости. Эта зависимость объясняется, с одной стороны, общей природой закономерностей, с другой — и главным образом, природой третьей предпосылки прогноза, т.е. природой нашего знания. Для того чтобы в точности и безошибочно предсказывать события в их конкретной полноте, нужно было бы обладать всеведением разума Лапласа. Но этого нет в действительности. Ясно, что чем конкретнее и сложнее предсказываемое нами событие, тем большая часть необходимых для прогноза причинных зависимостей и законов остается для нас неизвестной, тем менее точным и достоверным становится это предсказание. Символически эта мысль может быть выражена так: если событие, которое мы беремся предсказывать, характеризуется признаками a , b , c , d , e и т.д., если наличная сумма знания позволяет нам судить лишь об элементах a , b , c этого события, то ясно, что между подлежащим, т.е. предсказываемым событием, и сказуемым, т.е. совокупностью суждений, которые мы можем установить о будущем этого события на основе нашего знания, образуется несоответствие. Первое оказывается более богатым по содержанию, чем второе. Отсюда, решаясь на предсказание события более сложного, чем то позволяет сделать сумма нашего знания, наша мысль делает некоторый неправомерный скачок, результатом чего и является понижение степени точности и достоверности нашего предсказания.

Что касается теперь второго условия, или роли отдаленности времени, на которое мы строим прогноз, то она огромна. *Чем отдаленнее от нас во времени предсказываемое событие, тем, как правило, менее возможным и достоверным становится предвидение.* Очевидно, предсказания на отдаленное время были бы достаточно достоверны лишь в том случае, если бы при прочих равных условиях мы обладали достаточным знанием подлинных каузальных динамических законов и если бы мы могли количественно выражать их. Между тем именно достаточным знанием этих законов мы не располагаем. Кроме того, очень многие динамические законы имеют характер эмпирических, не

поддающихся количественному выражению законов. Но если это так, то отсюда следует, что чем на более длительное время строим мы прогноз, тем менее данных за то, что мы учли все необходимые динамические закономерности, от которых зависит наступление или ненаступление интересующих нас событий, тем менее уверенности, что известные нам эмпирические закономерности, которые по крайней мере частично положены нами в основу прогноза, с течением времени будут по-прежнему удовлетворительно выражать действительность. Так как в общественно-экономических науках знание каузальных динамических¹ и др. законов особенно ограничено, так как здесь роль эмпирических закономерностей в составе нашего знания особенно велика, то именно здесь прогноз на длительные сроки представляется наиболее трудным, именно здесь, решаясь на него, мы сплошь и рядом допускаем упомянутый выше незакономерный прыжок мысли.

Но если при несовершенстве нашего знания степень точности нашего предвидения меняется в зависимости от сложности поставленной предвидению задачи и отдаленности предсказываемого события во времени, то она может меняться, как отмечалось уже выше, также и в зависимости *от объективных особенностей той области действительности, в сфере которой мы строим прогноз.*

В силу тех же причин, что и в разобранным первом случае, *чем сложнее объективно та область, в которой мы строили прогноз, тем при прочих равных условиях относительно менее точным и достоверным он может быть*². С этой точки зрения равным образом и как правило, прогноз в сфере социально-экономического бытия и в сфере метеорологических явлений и т.п. будет менее точен, чем в сфере более простых физико-химических и астрономических явлений. Однако в пределах как первой, так и второй сферы в свою очередь существуют многочисленные градации событий по их сложности, а следовательно, и по трудности и точности их прогноза.

¹ Некоторые авторы полагают, что таких законов социально-экономической жизни вообще нет, а потому их невозможно и открыть. Ср. Xenopol A.D. Op. cit. P. 332 и сл. Однако это мнение несостоятельно. Оно основано на смешении динамической социологии и истории. Из того, что история в строгом смысле имеет в виду однократный процесс развития и не может установить исторических законов, не следует, что не существует динамических законов и они не могут быть установлены обобщающими социальными науками.

² Ср. Grimanelli P. Op. cit. P. 866 и сл.

Условия, усложняющие ту или иную область действительности, весьма многообразны. Не имея в виду подвергать их рассмотрению во всей полноте, остановимся лишь на двух важнейших условиях, которые, особенно в социально-экономической жизни, имеют основное практическое значение.

Первое условие заключается, если так можно выразиться, в степени автономности интересующей нас области событий. Выше, анализируя природу закономерности, мы отметили, что в различных областях действительности она имеет различную степень устойчивости, в частности, что она тем менее устойчива, чем более изменчивы основные условия существования данной сферы явлений. Отсюда следует, что чем более та или иная сфера явлений подвержена воздействию не только внутренних, но и сторонних, гетерогенных факторов изменчивости, тем менее устойчивый и постоянный характер имеют ее закономерности, тем труднее и менее достоверным становится прогноз относительно ее событий.

При наличии таких многообразных условий изменчивости, чтобы обладать возможностью более или менее точного прогноза, мы должны были бы знать не только имманентные законы изменения явлений той сферы, которая нас специально интересует, но одновременно знать причины и законы воздействия на нее со стороны гетерогенных факторов. Но если часто мы не обладаем знанием действия этих факторов даже в области точного естествознания, если поэтому даже в сфере точного естествознания прогноз оказывается лишь вероятным, то в области социально-экономических наук (а также в некоторых менее совершенных областях естественных наук) мы обладаем этими знаниями в гораздо меньшей степени. Как уже отмечено выше, мир социальных явлений отличается от мира природы помимо всего другого тем, что он более изменчив. Он подвергается изменениям под влиянием не только внутренних условий, но и всей совокупности окружающих биологических и космических факторов, законов воздействия которых на социальную жизнь мы в точности не знаем. Этот мир оказывается как бы менее автономным в своем существовании и развитии, чем природа. Для доказательства этой мысли нет надобности указывать на различные космические пертурбации и стихийные факторы, действие которых глубоко потрясает собою социальную жизнь и часто разрушает возможность всякого прогноза. Достаточно указать на такие явления, как климатические условия, которые чрезвычайно изменчивы, но которые, воздействуя, на-

пример, на урожай, глубоко вторгаются в ход социально-экономической жизни и меняют условия ее развития. Совершенно ясно, что если бы даже мы обладали достаточно полным и точным знанием закономерности хода самих социально-экономических явлений, если бы даже на основании этого знания мы могли строить более или менее обоснованное предвидение хода этих социально-экономических явлений, то все же вторжение гетерогенных космических и биологических факторов может внести глубокие изменения в ход событий и превратить наш верный прогноз в неверный и ошибочный.

Второе условие, значение которого в данной связи необходимо учесть и которое характерно преимущественно для социально-экономической жизни, *лежит в роли вмешательства самого человека в стихийный ход событий, или, иначе, в роли рационального фактора*. Поскольку мы обращаемся в сфере явлений природы, с этим фактором нам приходится иметь дело сравнительно редко. Наоборот, в сфере явлений социально-экономической жизни мы постоянно имеем дело с ним. Но если это так, что очевидно, существует глубокое различие между положением астронома, физика, метеоролога, с одной стороны, и социолога, экономиста и т.д. — с другой, когда они предсказывают ход событий. Первые заняты предсказанием событий, которые протекают по законам, не зависящим от действий человека. Наоборот, вторые должны предвидеть события, закономерность которых осуществляется, преломляясь через массовое сознание людей. Это утверждение не значит, что рациональный фактор несводим к обуславливающим его причинам и, не подчиняясь никаким закономерностям, действует совершенно произвольно. Уже выше мы отметили, что идею абсолютной свободы воли признать нельзя. И тем не менее нельзя отрицать, что рациональный фактор может осложнять возможность прогноза. Какое же влияние оказывает действие этого фактора на возможность научного прогноза в области социально-экономической жизни? Чтобы ответить на этот трудный вопрос, представляется необходимым различить два случая, которые обычно объединяются под одним именем сознательного вмешательства человека в ход событий. Первый случай можно назвать в строгом смысле случаем рационального вмешательства человека. Второй случай можно назвать просто случаем вмешательства человека. Если вмешательство человека или человеческих масс основано на точном учете условий действительности, если оно само уже руководится достаточно точным прогнозом хода социальных

событий, такое вмешательство мы называем рациональным вмешательством в строгом смысле. Ясно, что такое вмешательство само по себе не вносит никаких осложнений в проблему прогноза. Раз оно основано на точной антиципации хода событий, действие его принципиально может быть в свою очередь точно учтено. Такое вмешательство выступает как проявление человеческой свободы, если под ней понимать человеческие действия, основанные на знании закономерности самой действительности и, следовательно, опирающиеся на осознанную необходимость¹. Действие такого фактора выступает в качестве показателя роста власти человека над окружающим миром и рационализации жизни. Однако достаточно вдуматься в предпосылки такого действия, сформулированные выше, достаточно учесть, что оно уже предполагает возможность достаточного прогноза, чтобы понять, что такое вмешательство возможно далеко не всегда и в чистом виде мыслимо лишь в пределе развития человеческого общества. В действительности в большинстве случаев вмешательство если не в полной, то в значительной мере основано не на точном знании законов и не на точном прогнозе событий, а на совершенно других мотивах, основано на давлении массовых интересов, осознанных или нет. Такое вмешательство, хотя оно и исходит от человека, обладающего сознанием и волей, очевидно, не может рассматриваться вместе с первым типом вмешательства. С практической точки зрения, с точки зрения существования и развития общества такое вмешательство может быть вполне целесообразным. Однако с точки зрения интересующей нас проблемы прогноза такое вмешательство выступает в качестве нового, сложного и часто глубоко пертурбирующего фактора, который влетает в цепь стихийного хода событий.

Но если это так, если учесть всю трудность учета и предвидения действия этого своеобразного фактора, то ясно, что его вмешательство ослабляет нашу возможность предвидения вообще. Так, если на основании достаточно внимательного изучения мы строим, допустим, прогноз в отношении развития той или другой отрасли хозяйства, то радикальное и непредвиденное изменение государственной таможенной, тарифной, кредитной и др. политики может существенно отклонить действительность будущего от наших предсказаний.

¹ Ср. Де Роберти Е.В. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 177 и сл.

Опираясь на предыдущий анализ, можно попытаться установить главные типы прогноза, с которыми нам фактически приходится сталкиваться, и определить сравнительную степень их точности. В основу выделения основных типов прогноза мы берем особенности самих предсказываемых событий, а для дальнейшей детализации этого деления — особенности применяемых в различных случаях методов прогноза.

По существу устанавливаемые ниже типы предвидения имеют значение для всех областей действительности. Однако мы рассматриваем их преимущественно в связи с опытами социально-экономического предвидения.

1. Первый тип предвидения, который необходимо выделить, это предвидение событий, которые по существу или по крайней мере при данном состоянии знания представляются событиями иррегулярными, т.е. протекающими без всякой определенной правильности.

Обладая такими общими чертами, событие как предмет предсказания здесь все же в различных случаях может быть весьма различно: в одних случаях речь идет о предсказании наступления или ненаступления определенного явления, например войны, стачки, голода и т.п., хотя бы с приблизительной локализацией его во времени и пространстве; в других случаях возникновение явления, а также время его выхода не вызывают сомнений и событием для предсказания является его интенсивность, например конкретные размеры урожая, размер промышленного производства, уровень цен, эффект предпринятых мер экономической политики и т.д.

Совершенно очевидно, что этот тип предвидения практически имеет огромное и весьма актуальное значение. Но в то же время легко видеть, что именно этот тип предвидения с познавательной точки зрения связан и с наибольшими трудностями. Однако трудности и соответственно степень точности прогноза этого типа довольно различны в зависимости от метода, который здесь применяется и применение которого в свою очередь в значительной мере зависит от особенностей предсказываемых событий. Можно отметить применение двух основных методов, в зависимости от чего и сам первый тип прогноза выступает в виде двух разновидностей.

Первый метод можно назвать методом прямого прогноза. Этот метод состоит в том, что, анализируя развертывающийся ряд или ряды событий и исходя из тенденций их внутреннего

развития, мы предсказываем необходимость выхода интересующего нас события. Этот метод по большей части применяется тогда, когда речь идет о предсказании возникновения или не возникновения событий. Но иногда он применяется и в случае, когда наступление события не вызывает сомнения и речь идет об определении его интенсивности. И именно этот метод прогноза является наиболее трудным и наименее точным¹.

Действительно, выше мы показали, что предвидение с локализацией предсказываемых событий во времени и пространстве с указанием их интенсивности предполагает не только закономерность этих событий, но и знание этих закономерностей и возможность в той или иной мере дать количественное выражение им. Именно этих предпосылок нет в данном случае или полностью, или в значительной мере. По самому заданию предсказываемые события здесь представляются иррегулярными, не укладывающимися в ту или другую формулу закона, подверженными влиянию иррегулярных, осложняющих условий. Очевидно, что при данном типе предвидения мы имеем, как правило, дело с таким случаем, когда согласно предыдущему изложению, с одной стороны, требования к прогнозу превосходят возможности для него знания, когда, с другой стороны, сами предсказываемые события как события иррегулярные подвержены воздействию осложняющих гетерогенных или иных факторов.

Самое большее, что может дать имеющееся знание социально-экономических закономерностей при иррегулярности самого предсказываемого события, — это установление тенденций, благоприятствующих или, наоборот, не благоприятствующих возникновению события. Но оно не может дать оснований для локализации его во времени и пространстве.

Едва ли эти положения нуждаются в дальнейшем развитии и доказательствах. Предвидение разбираемого типа представляется обычно настолько трудным, что к нему прибегают не часто и в очень ограниченных областях. Однако к нему все же прибегают и его оправдывают². И опыт показывает, что такой прогноз чаще всего оказывается ошибочным. Мы знаем, что большинство попыток предсказания войн, революций и т.д. *на более или менее определенно фиксированное время оказывались неудачными.*

¹Ср. Denis H. Op. cit. P. 2 и сл.

²Ср. Littré E. Conservation, Révolution et Positivismе. P., 1879. P. 286 и сл., а также сделанные им почти тридцать лет спустя после выхода первого издания книги примечания (см. P. 289) о предвидении.

На основе этого метода оказываются слишком трудными и те случаи предвидения, когда наступление самого явления не вызывает сомнений и событием для предвидения служит его интенсивность. Чтобы не умножать числа иллюстраций, ограничимся одной современной, но весьма симптоматичной и актуальной иллюстрацией.

Летом 1925 г. Госплан опубликовал “Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год”. Задача этой работы состояла в том, “чтобы дать на предстоящий год основные контуры важнейших народнохозяйственных элементов, установить их взаимную связь и обрисовать то состояние народнохозяйственного целого, которое, по всей вероятности, будет достигнуто в грядущем году¹. Отсюда ясно, что в предложенных контрольных цифрах, вне всякого сомнения, был элемент прогноза. Так как при этом вероятное состояние народного хозяйства предсказывалось на конкретный и, следовательно, неповторимый 1925/26 г. и рисовалось в определенных величинах, перед нами прогноз первого типа. Так как прогноз этот строился на основе различных приемов анализа внутренних тенденций изменения народного хозяйства СССР, то перед нами прогноз, построенный прямым методом. Насколько оказался он верным? Мы не будем, отвечая на вопрос, рассматривать контрольные цифры в целом. Ограничимся одним фактом: для иллюстрации этого достаточно. “Контрольные цифры” дали особенно смелый и детальный прогноз движения цен. Они предполагали, что за 1925/26 г. оптовый индекс цен сельскохозяйственных товаров снизится на 8%, промышленных — на 9 и общий индекс — на 8,3%².

Мало того, они наметили вероятное помесечное движение цен в 1925/26 г. 1925/26 г. еще не кончился, и мы не можем судить о точности предсказания за год. Но о точности предсказания движения цен за истекшие месяцы мы уже можем судить. Данные таковы³ (см. табл. на с. 550).

Отсюда ясно, что прогноз цен оказался ошибочным не только в отношении конкретного уровня их, но даже и в отношении их общей тенденции. Причем степень расхождения предсказания и фактического уровня индексов шаг за шагом нарастает.

¹ См. Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год. М.-Л.: Плановое хозяйство, 1925. С. 7 (курсив наш).

² Там же. С. 21.

³ Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год. С. 22.

Индексы оптовых цен Госплана (1913 г. = 1.000)

	1925 г.						1926 г.	
	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
<i>Индекс сельскохозяйственных товаров</i>								
Предположение	1.851	1.764	1.576	1.524	1.502	1.489	1.568	1.609
Фактический	1.775	1.566	1.563	1.566	1.603	1.665	1.768	1.854
Процент отклонения предположений от фактического	+4,3	+12,6	+0,8	-2,7	-6,3	-10,6	-11,3	-13,2
<i>Индекс промышленных товаров</i>								
Предположение	1.883	1.837	1.809	1.778	1.768	1.763	1.751	1.744
Фактический	1.900	1.910	1.937	1.960	1.971	1.979	1.989	1.997
Процент отклонения предположений от фактического	-0,9	-3,8	-6,6	-9,3	-10,3	-10,9	-12,0	-12,7
<i>Общий индекс</i>								
Предположение	1.867	1.800	1.689	1.646	1.629	1.620	1.657	1.675
Фактический	1.837	1.730	1.740	1.753	1.778	1.816	1.875	1.924
Процент отклонения предположений от фактического	+1,6	+4,0	-2,9	-6,1	-8,4	-10,8	-11,6	-12,9

Могут указать, что построенный прогноз движения цен, как и других элементов, предполагал определенную систему экономических мероприятий, необходимых для осуществления тенденций и плановых заданий, лежащих в основе перспективного народнохозяйственного баланса¹. Могут сказать, что прогноз оказался ошибочным лишь в силу того, что предположенная система мероприятий не проводилась или не проводилась достаточно настойчиво. Во всяком случае, более чем спорно, так ли это и оказался ли бы прогноз верным при условии осуществления предположенных мероприятий. Но допустим, что это так. Что отсюда вытекает? Очевидно только то, что при построении прогноза поведение рационального фактора, роль вмешательства государства учесть оказалось невозможным. Но на влияние этого фактора мы как раз и указывали выше как на причину трудности прогноза первого типа. Подчеркнем, что мы разбирали приведенный случай ошибочного прогноза не для критики "Контрольных цифр" как таковых. Мы разобрали его потому, что этот случай весьма симптоматичен и актуален в наших условиях.

¹ Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год. С. 7.

Поскольку у нас идет строительство планового хозяйства, поскольку это строительство предполагает разработку перспективных планов, постольку в наших условиях практика прогноза неизбежно получает очень широкое распространение. Очень часто прогноз этот имеет характер прогноза разбираемого первого типа. В известных пределах это неизбежно. Жизнь не удовлетворяется общими неопределенными характеристиками перспектив и требует определенности. Но переход к этой определенности, локализация перспектив во времени и пространстве и количественная характеристика их как раз и превращают предвидение если не всецело, то в значительной мере в предвидение первого типа. Однако весьма часто это предвидение достигает у нас исключительной, даже чрезмерной смелости. Для успеха строительства планового хозяйства, конечно, не безразлично, верен этот прогноз или нет. Из предыдущего вытекает, что прогноз первого типа на основе прямого метода сопряжен с чрезвычайными трудностями и является наименее точным типом предвидения. Это требует величайшей осторожности как в его построении, так и в практическом использовании.

Однако первый тип предвидения, иногда строится на основе другого метода, метода косвенного прогноза. Допустим, что интересующее нас явление иррегулярно, но в его наступлении сомнения нет. И проблема сводится к определению его интенсивности (уровня, размеров и т.п.). Если на основании опыта прошлого установлена достаточно тесная связь этой интенсивности с какими-либо обычно предшествующими событиями и их интенсивностью, тогда мы можем по состоянию этих предшествующих событий или симптомов умозаключить о вероятной интенсивности интересующего нас явления. Таково, например, предсказание уровня урожайности и сбора различных культур по данным о состоянии погоды или по видам на урожай, запасов, по уровню цен на другие товары и т.п.¹ При этом методе нам почти совершенно не приходится апеллировать к внутренним законам развития интересующего нас явления, и точность прогноза определяется степенью точности и строгости связи между интенсивностью предсказываемого явления и симптомами, а

¹ Cp. Moore H.L. Forecasting the yield and price of cotton. N.Y., 1917. P. 52 и сл.; Sarle Ch.F. Forecasting the price of hogs // American Economic Review. Vol. XV. N 3. Supplement N 2. September. 1925; The problems of business forecasting. Ed. by W.M. Persons, W.T. Foster, M.I. Hettinger. N.Y., 1925 (статьи: H.C. Taylor, H.A. Wallace, I.B. Kincer etc).

также устойчивостью этой связи. Опыт показывает, что такое предсказание может быть достаточно точным¹. Однако этот метод терпит ряд ограничений. Во-первых, он имеет силу лишь на сравнительно очень короткие сроки, как правило, не превосходящие год; во-вторых, он приложим к ограниченному кругу явлений, а именно тех, для которых можно установить связь с предшествующими симптомами; в-третьих, в самом методе нет гарантий, что связи, на которые он опирается, не изменились и что, следовательно, возможность прогноза не утратилась.

II. *Второй тип предвидения состоит в предвидении событий, которые в своем ходе обнаруживают более или менее правильную повторяемость, или цикличность.* В данном случае мы не интересуемся иррегулярными чертами явления и в качестве события для предвидения берем лишь ту или другую фазу цикла его изменений, стремясь локализовать ее во времени и пространстве.

Этот тип предвидения в настоящее время нашел наиболее широкое распространение. Он находит свое применение в социально-экономической жизни всюду, где есть цикличность в ходе явлений. К такому предвидению прибегают как в отношении к колебаниям отдельных циклических элементов хозяйственной жизни, например цен, так и в отношении к колебаниям общего состояния экономической конъюнктуры. При этом нас могут интересовать как сезонные колебания ее, так и колебания конъюнктуры, связанные с ходом промышленно-торговых циклов. Наиболее широкое применение практика этого предвидения нашла в последней области, в особенности в отношении кризисов². Здесь же получила свое значительное развитие и методика его. В настоящее время статистико-экономическая мысль усиленно работает над этой методикой, стремясь построить своего рода экономический барометр, сигнализирующий о предстоящих сменах конъюнктуры³. При этом предвидение циклически повторяющихся событий может опираться также на один из двух

¹ Ср. Moore H.L. Forecasting the yield and price of cotton. N.Y., 1917. P. 52 и сл.; Sarle Ch.F. Forecasting the price of hogs // American Economic Review. Vol. XV. N 3. Supplement N 2. September. 1925; The problems of business forecasting. Ed. by W.M. Persons, W.T. Foster, M.I. Hettinger. N.Y., 1925 (статьи: H.C. Taylor, H.A. Wallace, I.B. Kincer etc).

² Ср. Lacombe Ed. La prevision en matiere de crises economiques. P., 1926. Ch. V-X; Les barometres economiques.

³ См. Lacombe Ed. Op. cit., а также Les barometres economiques; Bachi R. Metodi di previsioni economica. Roma, 1913.

упомянутых выше методов, в зависимости от которых стоит степень его точности. Мы не можем в данной связи входить в детали этих методов применительно к циклическим явлениям. Остановимся лишь на самых существенных чертах их.

Первый метод — это метод прямого предвидения путем построения “кривой предвидения”. Примерами его могут служить барометры Бэбсона¹, Беннера² и отчасти Брукмайра³ в Соединенных Штатах. Сущность барометра Бэбсона такова. Берутся 12 серий статистических данных, из которых почти каждая является комбинацией нескольких элементарных рядов и которые в совокупности характеризуют динамику всех основных сфер хозяйственной жизни. Из этих серий исключаются сезонные колебания. Полученные данные переводятся в форму индексов с базой на 1903/04 г. и после довольно упрощенного взвешивания сводятся в общий индекс. Индекс наносится на диаграмму. Через полученную кривую его проводится линия, характеризующая направление “нормального развития” страны. Причем исходя из теории, что действие всюду равно противодействию, эта линия нормального развития проводится так, чтобы площади фигур, образуемых благодаря ее пересечению с кривой индекса и расположенных под ней, на протяжении достаточно длительного времени были равны площадям фигур, расположенных над ней (см. чертеж № 1). В итоге получается кривая общего индекса, которая вьется около линии нормального развития и своим ходом отражает основные фазы циклов конъюнктуры. Отлично, но по идее близко построение барометра Беннера.

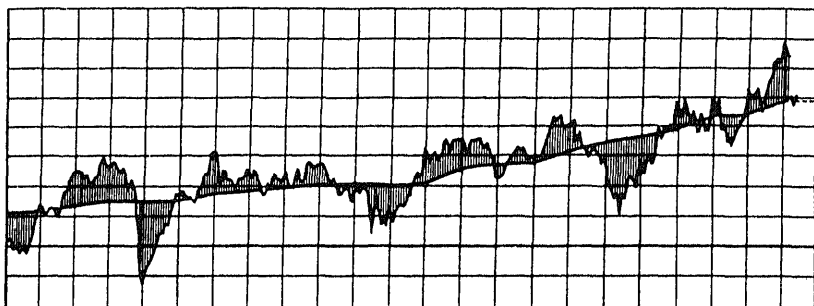
Очевидно, что при таком построении барометра, когда ход конъюнктуры характеризуется одной кривой, предвидение возможно лишь в том случае, если установлен точный или хотя бы эмпирический закон движения этой кривой, отражающий ход цикла. По Бэбсону, этот закон сводится к правилу, что действие равно противодействию и что, следовательно, данной интенсив-

¹ См. Babson R.W. Business barometers used in the management of business and investment of money: A text book on applied economics for merchants, bankers and investors. Wellesley Hills, Mass., 1923.

² Bennets prophecies of future ups and downs in prices: What year to make money on pigiron, hogs, corn and provisions. Cincinnati, 1895; Brookmire I.H. Methods of business forecasting based on fundamental statistics // American Economic Review. Vol. III. № 1. 1913. P. 43–58.

³ Ср. Brookmire. Op. cit. См, также цит. выше раб. Лакомба и “Les barometres economiques”.

Экономический барометр Бэбсона
(Влияние инфляции с начала войны исключено)

Чертеж № 1

ности или длительности подъема соответствует необходимая интенсивность или длительность понижения конъюнктуры. Поэтому при пользовании его барометром необходимо обращать внимание на размеры и форму упомянутых положительных и отрицательных площадей и, привлекая в качестве дополнительного материала некоторые данные, характеризующие конкретную экономическую ситуацию, строить прогноз о вероятном ходе кривой на ближайшее будущее. По Беннеру, упомянутый закон сводится к периодичности хода конъюнктуры, в частности цен.

Барометр Бэбсона, построенный на произвольной и механической гипотезе равенства действия и противодействия, по общему мнению, представляет из себя наименее совершенную младенческую форму его построения¹. Столь же мало совершенен и более прост барометр Беннера. И можно уверенно сказать, что всякий барометр, представленный одной кривой, пока нам не известен действительный закон развития этой кривой, в сущности бессилён разрешить сколько-нибудь удовлетворительно проблему предвидения. Между тем установление динамических законов развития ряда, как отмечалось выше, представляет из себя труднейшую проблему.

Другой метод, на основе которого строится предвидение второго типа, является косвенным методом предвидения. Он

¹ Cp. Ginestet P. Les indices du mouvement general des affaires // Publications de l'Institut de Documentations Economiques et Sociales. P., 1925. P. 243 etc.

опирается не на закон развития какого-либо одного ряда, а на закон связи во времени нескольких циклических рядов и по ходу одного или нескольких доступных наблюдению рядов умозаключает о ходе других. По логическому существу этот метод, следовательно, весьма близок к методу предвидения иррегулярных явлений по их симптомам. Однако в том и другом случае приложения косвенного метода имеются и существенные отличия, и притом в самой природе явлений. Так как в данном случае речь идет о циклических рядах, это, говоря принципиально, облегчает предвидение и несколько расширяет его границы во времени. Расширяются ли возможности предвидения фактически — это зависит от того, насколько удачно выбраны нами связанные между собою ряды и насколько точно установлена их связь. В этом отношении с различным успехом делались различные попытки.

Делались попытки установить связь хода конъюнктуры и кризисов с внеэкономическими, в частности космическими, причинами и предвидеть ход конъюнктуры, исходя из ритма этих космических причин¹. Такова попытка Джевонса связать кризисы с периодическим повторением приблизительно через 10,45 года такого положения Земли относительно Солнца, когда видно наибольшее количество солнечных пятен². Такова попытка Мура связать экономические циклы с 8-летним периодизмом в положении Земли относительно Венеры, когда расстояние между ними оказывается наименьшим³. Если бы эти теории были верными, то в силу большой правильности упомянутых космических явлений мы получили бы возможность очень точного предвидения смены фаз циклов на очень большое время вперед. Однако в действительности это не так, и в социально-экономических явлениях нет такой правильности. Период между кризисами колеблется приблизительно от 7 до 11 лет. Отсюда ясно, что прогноз кризисов на базе теории Джевонса или Мура не может претендовать на точность.

Несомненно, более удачными оказываются те попытки предвидения, которые основываются на установлении взаимной связи социально-экономических циклических рядов в их разви-

¹ Ср. Lacombe. Op. cit. P. 102 и сл.

² Ср. Jevons St.W. The solar period and the price of corn; Он же. The periodicity of commercial crises and its physical explanation; Он же. Commercial crises and sunspots // Jevons S.W. Investigations in currency and finance. L., 1884.

³ Ср. Moor H.L. Economic cycles: their law and cause. N.Y., 1914; Он же. Generating economic cycles. N.Y., 1923.

тии во времени. Попытки в этом направлении делались уже давно. Так, исходя из своей теории кризисов, признавая взаимную связь элементарных циклических рядов, признавая, далее, особенно симптоматическим для хода конъюнктуры движение цен на железо¹, Туган-Барановский пытался по положению конъюнктуры рынка железа и др. симптомам предсказывать ход общей конъюнктуры. И ему, по-видимому, не менее чем за год удалось предсказать близость русского кризиса 1899 г., германского кризиса 1901 г., американского 1907 г. На 1914–1916 гг. он предсказывал наступление нового кризиса².

Принципиально на этот же путь предсказания кризисов по социально-экономическим симптомам встала и специальная комиссия по изучению кризисов при французском министерстве труда. Комиссия выдвинула целую систему показателей конъюнктуры, считая, что некоторые из этих показателей могут предвещать кризис³. Конкретные предсказания, однако, не входили в задачу комиссии.

Если Туган-Барановский делал свои предсказания довольно элементарным путем, не пытаясь установить методов более точного определения фазы самого рынка железа и общей конъюнктуры, если попытки значительного уточнения метода мы не находим и у французской комиссии, то, опираясь отчасти на теорию Туган-Барановского, Брезигар попытался уже применить этот метод прогноза более точно. Беря эмпирические данные о продукции чугуна, о ценах на железо, о состоянии денежного рынка и др., он находит плавный уровень этих кривых. Так как накануне кризисов за год-два начинается особенно сильный рост продукции железа и цен на него и рост процента на капитал, то в это время соответствующие эмпирические кривые резко превышают плавный уровень. По признаку превышения эмпирическими кривыми плавного уровня Брезигар определял фазу конъюнктуры и отсюда пытался предсказать кризисы, например кризис около 1913–1914 гг.⁴ Мы знаем, что признаки этого кризиса в конце 1913 г. действительно обнаружили, но кризис не развернулся в силу наступившей войны.

¹См. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. Спб., 1914. С. 289 и сл.

²См. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. X–XI.

³См. Georges-Cahen M., Laurent E. Rapport sur les indices des crises économiques // Commission des crises économique (1908–1911). P., 1911.

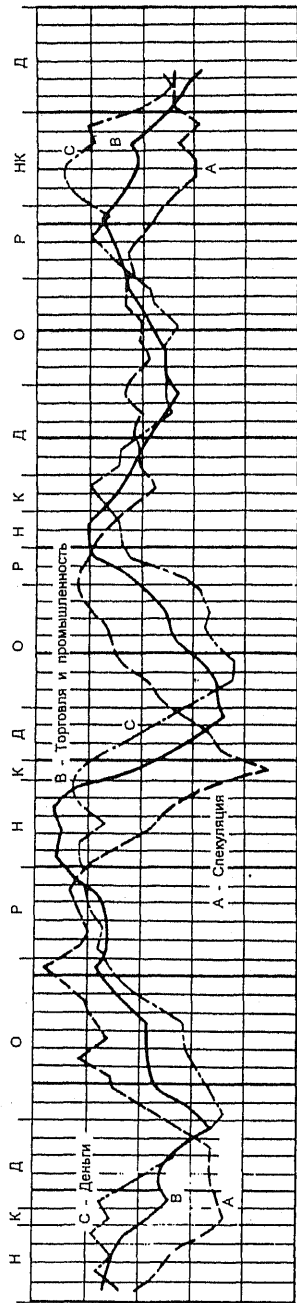
⁴См. Brezigar E. Vorboten einer Wirtschaftskrise Deutschlands. Berlin, 1913. Passim.

Однако наиболее совершенную попытку разрешения проблемы предвидения фаз цикла представляет из себя, несомненно, позднейшая попытка Гарвардского экономического бюро при ближайшем руководстве проф. Персона¹. Гарвардское бюро тщательно проделало исключительно большую работу в целях практического разрешения проблемы предвидения фаз цикла. Не останавливаясь на деталях этой работы, отметим ее сущность². Для периода 1902–1914 гг., а затем и для периода с 1919 г. были взяты многочисленные помесечные статистические ряды, охватывающие экономическую динамику Соединенных Штатов со всех важнейших сторон. Из этих рядов были исключены вековое движение (как правило) и сезонные колебания (всегда). Затем были тщательно определены при помощи как метода наложения, так и приемов математической статистики степень связи полученных кривых и соотношение во времени между фазами их циклического колебания. На основании этой работы были отобраны наиболее чувствительные ряды, которые были сведены в три сложные кривые: кривую спекуляции (*A*), отражающую положение дел на бирже ценных бумаг, кривую деловых обстоятельств (*B*), отражающую положение на товарном рынке, и кривую (*C*), отражающую положение на денежном рынке (см. диаграммы № 2 и 3). В относительном движении этих трех кривых была обнаружена следующая правильность: перелом в циклическом движении кривой *A* на несколько месяцев (6–9) упреждает перелом движения в том же направлении кривой *B*, а перелом движения последней на несколько (2–8) месяцев упреждает перелом движения в том же направлении кривой *C*. Иначе говоря, между однозначными фазами этих трех кривых существует определенная временная последовательность. Гарвардское бюро не устанавливает никакого закона внутреннего развития той или иной кривой. Оно не пользуется ни предпосылкой строгой периодичности их движения, ни прин-

¹ На первой попытке Персона мы здесь не останавливаемся. См. его "Construction of a business barometer based on annual data (American Economic Review, December, 1916). См. разбор этой попытки у Ю. Павловского в статье "Хозяйственное предвидение как проблема статистики" (Russian Economist. L., 1923).

² См. Persons W.M. An Index of General Business Conditions//Review of economic statistics. 1919; The Harvard Index of General Business Conditions. Harv. University Committee on Economic Research, 1923. Монуар М. Эконом. показат. Гарвард. Унив. (Весн. Статист. Кн. XVII). О работах Персона и Гарвардского бюро см. подробную статью С.П. Боброва в настоящем сборнике. См. также "К вопросу об экономическом барометре" (Плановое хозяйство. 1926. № 1).

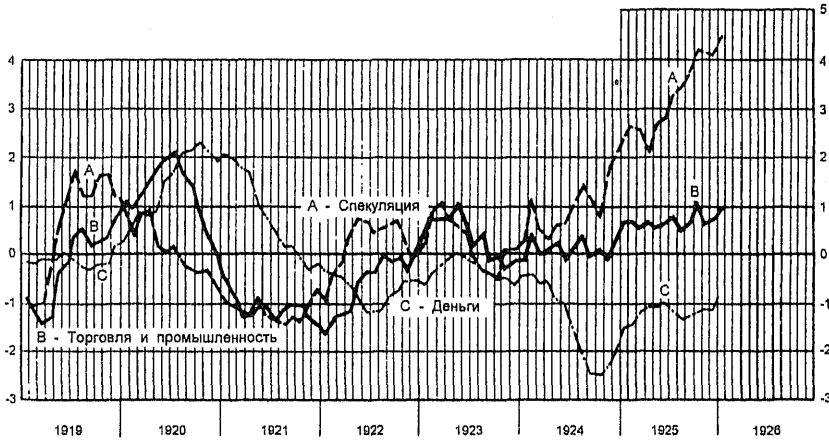
Экономический барометр Гарвардского бюро для периода 1903—1914 гг.

Чертеж № 2

К — кризис; Д — депрессия; О — оживление; Р — расцвет

Экономический барометр Гарвардского бюро для периода после войны

Чертеж № 3

ципом равенства действия и противодействия¹. Равным образом оно не реализует случайных колебаний кривых. Оно опирается на факт цикличности кривых и предлагает обращать внимание исключительно на основное направление движения кривых в данный момент, на направление их движения в предшествующий период и на размах их колебаний. Отсюда ясно, что в основу предвидения гарвардский барометр кладет констатированную правильность, во-первых, в цикличности кривых, во-вторых, в запаздывании однозначных фаз цикла этих кривых.

Насколько удовлетворительно предсказывает гарвардский барометр, видно отчасти из того, что он задним числом достаточно точно сигнализирует (по ходу кривой А) о близости кризиса 1903 г., кризиса 1907 г., кризиса 1913 г., а также из того, что Гарвардское бюро, опираясь на свою систему барометрических кривых и одновременный анализ других вспомогательных данных, предсказало кризис 1920 г. и достаточно точно отмечало важнейшие фазы американской конъюнктуры после этого кризиса².

¹ The Harvard Index of General Business Conditions.

² См. Обзоры Гарв. бюро, печатающиеся регулярно в "Review of economic statistics", а также систематически издаваемые бюро "Weekly Letters".

Опыт Гарвардского бюро вызвал волну подражаний. С теми или иными модификациями под его влиянием, а частью независимо аналогичные барометры построены для Англии, Германии, Франции, Италии, Швеции, Канады¹.

Преимущества только что описанного метода построения прогноза второго типа очевидны так же, как и серьезность и тщательность работы Гарвардского бюро. Однако столь же очевидны и условия, ограничивающие значение барометра такого типа. Во-первых, даже в лучшем случае такой барометр имеет силу лишь для предсказания ближайшей фазы цикла не более чем за 9–12 месяцев. Во-вторых, он не в состоянии точно указать, когда наступит перелом в кривой *B*, если наступил перелом в кривой *A*, и в кривой *C*, если наступил перелом в кривой *B*. Он указывает лишь приблизительные границы времени таких переломов. В-третьих, так как он опирается на чисто статистическую, т.е. эмпирическую, закономерность связи в движении кривых, то при отсутствии более или менее исчерпывающего экономического каузального объяснения этой связи мы не в состоянии определить, насколько эта связь постоянна². При таких условиях мы очень легко можем не доучесть таких изменений в самой действительности, которые изменяют эту связь и сделают показания барометра ошибочными. Наконец, и в связи с этим этот барометр без всяких изменений в нем неприменим к условиям, где сильна роль регулирующего начала, например у нас.

III. Разобранными двумя типами предвидения вопрос не исчерпывается. Если при обоих этих типах событием для предвидения является то или иное иррегулярное или регулярное, но конкретное явление, взятое в той или иной степени полноты, с локализацией его во времени и пространстве или с определением интенсивности его проявления, то *третий тип предвидения состоит в предвидении развития тех или иных общих тенденций, например тенденции хозяйственного роста или упадка той или другой страны, той или другой отрасли хозяйства, общих тенденций движения цен, движения различных категорий дохода, тенденций в изменении организационной структуры*

¹ См. Barometer for Economic Conditions in the U.K., compiled by London School of Economics (Manchester Guardian Commercials. Reconstruction in Europe. Iss. III). См. ежемесячные публикации "London and Cambridge Economic Service".

² Ср. Beveridge W.H. Business cycles and their Study // London and Cambridge Economic Service Monthly Bulletin. 1925. Vol. 3. P. 1–7.

ры хозяйства, тенденций назревания революционных движений, международных осложнений и т. д. В случае прогноза этого типа мы не предсказываем какого-либо конкретного события (простого или сложного), локализованного в пространстве и времени и наделенного определенной интенсивностью. Здесь мы заранее знаем, что конкретные события будут отклоняться от предположений. Нас интересует здесь общий закономерный уклон разворачивающегося ряда или рядов этих событий. Выражаясь статистическим языком, нас интересует направление изменения плавного уровня ряда или рядов, с которыми не совпадают и около которого колеблются отдельные конкретные события.

Этот тип предвидения, не локализуя предсказываемых тенденций в определенном времени, тем не менее по самому существу рассчитан на более или менее длительное время, достаточное, чтобы за чередой сменяющихся событий успели выявиться эти общие тенденции. Он лишен достаточной конкретности и благодаря проистекающей отсюда бедности содержания часто не может удовлетворять очень настоятельных запросов практики. Но это не значит, что он вообще лишен практического значения: знание общих тенденций развития несомненно служит одним из необходимых оснований успеха наших практических действий. К этому типу предвидения обращаются довольно часто. Причем и здесь оно строится в сущности или прямым, или косвенным методом. В первом случае предвидение будущих тенденций ряда или рядов основывается на установленной закономерности развития этих рядов как таковых. Во втором случае прогноз опирается на констатирование факта определенных тенденций других рядов, связанных с первым и могущих служить если не причиной, то симптомом развития соответствующих тенденций в этих первых интересующих нас рядах. Однако в силу того, что в данном случае речь идет лишь относительно общих тенденций, выявляющихся в течение более или менее длительного времени, указанное различие методов не оказывает здесь столь заметного влияния на точность предвидения. Успех предвидения третьего типа гораздо ближе зависит от количества и характера установленных динамических закономерностей и устойчивости общих условий их проявления. Если налицо имеется достаточное количество каузально истолкованных или даже эмпирических законов, в частности законов развития, то они могут при внимательном анализе условий их проявления служить основа-

нием для достаточно верного предвидения тех или иных общих тенденций.

Вот почему мы знаем целый ряд исторических примеров в общем удачного прогноза этого типа. Однако имеют место и обратные случаи, и они не менее многочисленны¹. Отметим для иллюстрации несколько исторических примеров.

К числу примеров несомненно удачного прогноза нужно отнести то представление о перспективах развития капитализма, которое вытекало из теории развития Маркса и намечало нарастание общих тенденций концентрации капиталистического производства, повышения органического строения капитала и др.

Далее. В 80-х и 90-х годах прошлого века в русской социально-экономической литературе шел спор о возможности развития капитализма в России. Из двух основных споривших лагерей марксисты предсказывали рост капитализма², а народники, опираясь на ошибочную теорию рынков Сисмонди, отрицали это³. Жизнь показала, что прогноз первых был верен, а вторых — ошибочен.

В иной обстановке до известной степени аналогичный спор о вероятных тенденциях хозяйственного развития в середине прошлого века имел место в Германии. Фр. Лист, в 30-х и 40-х годах ратовавший за экономическое объединение германских государств и за переход Германии к системе покровительственных тарифов, предсказывал, что при этой системе политики можно ожидать блестящего развития германской промышленности и всего ее народного хозяйства⁴. В противовес Листу Фр. Энгельс, который еще только начинал свою научно-литературную деятельность и не был марксистом, в 1845 г. в Эльберфельде произнес речь, в которой рисовал иную перспективу. Допуская, что под влиянием протекционизма промышленность подымается, он полагал, что этот подъем продолжится лишь до того времени, пока он не исчерпает емкости внутреннего рынка.

¹ Ср. Denis H. Op. cit. S. 1–11.

² Ср. Ильин В. Развитие капитализма в России, 1908. Гл. I. Ср. Струве П. Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России. Вып. I. Спб., 1894. Особенно гл. VI. Ср. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. Спб., 1907. Ч. II. Гл. I, IV–V.

³ Ср. В.В. Судьбы капитализма в России. Спб., 1882. Он же. Очерки теоретической экономии. Спб., 1895. Ср. Николай-Он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. Спб., 1893, *passim*, особенно гл. XV, XXV и XXVII.

⁴ Ср. Лист Фр. Национальная система политической экономии/Пер. под ред. К.В. Трубникова. Спб., 1891, *passim*, в частности с. 443 и сл.

“Дальше, — говорил Энгельс, — она не сможет расширяться, ибо, не будучи в силах без таможенной охраны отстаивать за собой внутренний рынок, она еще менее будет способна бороться с иностранной конкуренцией на рынках нейтральных”. Жизнь показала, что в данном случае прогноз Листа был верен, а Энгельс, подобно нашим народникам, ошибался.

Отметим еще некоторые примеры. Известный французский общественный деятель 1848 г. Ледрю-Роллен, находясь в изгнании в Англии, в специальной работе, вышедшей в 1850 г., предсказывал ближайший экономический упадок Англии¹. Не менее известный экономист Бруно Гильдебранд в работе, появившейся в 1848 г.², предсказывал, что еще в течение XIX столетия в ходе развития Англии проявится тенденция возврата части пролетариата, бросившего землю, снова к земледелию, в силу чего городское и сельское население Англии вновь сравняются и роль сельского хозяйства повысится. Мы знаем, что тот и другой прогноз оказались ошибочными.

Сначала в речи в 1898 г., а затем в 1899 г. в специальной работе Вильям Крукс предсказал нарастание угрозы надвигающегося дефицита в мировом снабжении пшеницей (примерно к 1931 г.), если более или менее радикально не изменится система земледелия³. Крукс рассматривал свое заявление как предостережение, но оно опиралось на предвидение. Можно уверенно сказать, что и этот прогноз оказался ошибочным.

Наоборот, верным оказался прогноз американского экономиста Брукс-Адамса, который в 1901 г. выставил положение, что экономический центр мира переместился из Европы в Соединенные Штаты, и, опираясь на своеобразную теорию, предсказывал тенденцию дальнейшего быстрого роста удельного веса Соединенных Штатов в мировом хозяйстве, а также рост экономической зависимости всех народов от этой Новой Державы. “Весь мир, — писал *Брукс-Адамс*, — будет платить им дань”⁴.

Можно не умножать числа примеров⁵. Приведенные выше достаточно иллюстрируют сущность третьего типа предвидения.

¹См. Lendru-Rollin A.A. De la décadence de l'Angleterre. V. 1-4. P., 1850.

²См. Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего/Пер. М.П. Щепкина. Спб., 1860. С. 193 и сл.

³Ср. Крукс В. Хлебный вопрос. М., 1909.

⁴Ср. Брукс-Адамс. Новая Держава. М., 1909.

⁵Многочисленные примеры предвидения этого типа можно найти у Кондорсэ, Конта, Мальтуса, Рикардо, Родбертуса и др. См. также примеры: Braga T. Previsions sociologiques//Revue international de sociologie. XIX. 1919. P. 549-563.

Приведенные случаи показывают, что третий тип предвидения действительно имеет в виду в качестве события для предсказания развитие той или иной общей тенденции. Конечно, и это предсказание может быть более или менее конкретным. Но ясно, что чем более конкретным оно становится, тем сильнее приближается оно к первому типу прогноза.

Хотя случаи неудачного прогноза третьего типа и многочисленны, тем не менее очевидно, что вполне возможен и верный прогноз тенденций. Это положение имеет весьма большое значение для построения наших перспективных планов. В этих планах предвидение общих тенденций развития неизбежно занимает очень видное место. Правда, вынужденные в силу запросов практики конкретизировать эти тенденции, количественно выражать их и локализовать во времени, мы приближаем второй тип предвидения к первому, чем значительно понижаем его достоверность. Однако даже и при малой достоверности конкретного выражения предсказываемых общих тенденций верное предсказание самых тенденций не теряет своего значения.

Заканчивая вопрос о типах предвидения, отметим еще следующее. Прогноз любого из разобранных типов может различаться по форме выражения. Он выражается или в безусловной форме, или в условной. Во втором случае он имеет такой вид: событие или события A, B, C наступят (или не наступят), если произойдет (или не произойдет) событие (или события) X, Y, Z . Устойчивая форма прогноза, конечно, всегда снимает известную долю ответственности с того, кто решается на предвидение. Однако по своей логической сущности условный прогноз не заключает в себе ничего нового по сравнению с прогнозом в безусловной форме. Больше того. Условный прогноз все еще представляет из себя как бы не законченную, не развившуюся форму прогноза безусловного. В самом деле, если мы предсказываем событие A, B, C , но обуславливаем его наступлением события X, Y, Z , не решая вопроса, наступит ли это событие X, Y, Z , то это значит, что мы не высказываем определенного прогноза и относительно события A, B, C . И в тот момент, когда мы выскажем определенное мнение относительно события X, Y, Z , наш прогноз относительно события A, B, C превращается в безусловный. Таким образом, условный прогноз есть скорее более осторожная форма выражения прогноза, чем новый вид прогноза по существу. Отсюда ясно, что вопрос о выборе той или иной формы выражения прогноза есть вопрос конкретного

факта, вопрос соотношения трудности данного случая предвидения, с одной стороны, и наличного запаса нашего знания и совершенства имеющихся у нас методов его построения — с другой.

В своем изложении мы стремились дать ответы на те общие и основные вопросы, к которым сводится проблема предвидения. Установив значение предвидения, мы попытались вскрыть его логическую сущность. Выяснив сущность предвидения, мы определили его место в системе нашего знания. При этом обнаруживалось, что значительные области нашего знания о прошлом по своей структуре имеют внутреннее родство с прогнозом. Далее, мы проанализировали те объективные и познавательные предпосылки, на которые опирается предвидение. Отметив практически определяющее значение для возможностей прогноза познавательных предпосылок, мы пытались выяснить, в какой мере эти предпосылки имеют место при современном уровне знания и современных методах исследования, а также те особые условия, которые сужают или расширяют возможности прогноза. В ходе всего этого анализа мы стремились определить пределы возможного предвидения. Пределы эти оказались ограниченными и в то же время различными в различных областях знания. Они шире в областях, опирающихся на данные точного естествознания. Здесь часто имеются возможности предвидения событий с достаточно точной локализацией их во времени, пространстве и с указанием их интенсивности. Одновременно здесь имеются возможности определения степени вероятной ошибки. Они значительно уже в таких отраслях естествознания, как метеорология и т.п.

Предвидение возможно и в социально-экономических науках, однако границы его также значительно уже и степень достоверности его значительно ниже, чем в области точного естествознания. Здесь имеются возможности предвидения событий лишь с приблизительной локализацией их во времени и в пространстве, с приблизительной характеристикой их интенсивности, лишь на весьма близкое время вперед и очень часто без возможности определить степень вероятной ошибки. На более или менее длительное время здесь мы можем предвидеть лишь общие тенденции развития.

Отсюда мы пришли к необходимости выделения трех основных типов предвидения и их разновидностей. Анализ типов предвидения позволяет подчеркнуть, что для практики построения прогноза особенно в социально-экономической жизни, в

интересах возможного освобождения от иллюзий и разочарований чрезвычайно важно в каждом случае отдавать себе точный отчет, о каком виде предвидения идет речь, что он может дать и чего дать не может, какие задачи в области прогноза данного типа разрешимы и какие нет, какую формулу выражения ему можно придать и какую придать нельзя.

Предвидение в социально-экономической жизни возможно, хотя пределы его весьма ограничены. Однако все предыдущее изложение достаточно ясно говорит за то, что пределы эти не представляются чем-то застывшим: они расширяются по мере роста научного знания. И если верно, что предвидение имеет столь важное социально-практическое значение, если верно, что в силу самого хода общественного развития, с небывалой остротой выдвигающего проблему организованного управления стихийными силами жизни предвидение становится все более необходимым условием такого управления, то вместе с тем все более настоятельной становится и задача максимального расширения его возможных пределов "Science, d'où prévoyance; prévoyance, d'où action" — эта знаменитая формула Конта, провозглашенная им сто лет тому назад, сохраняет всю свою силу теперь, как никогда.

Печатается по: Вопросы конъюнктуры. Т. 2. Вып. 1. М., 1926. С. 1-42.

ПЛАН И ПРЕДВИДЕНИЕ*

(К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ СОСТАВЛЕНИЯ
ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПЛАНОВ РАЗВИТИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА В ЧАСТНОСТИ)

1

Наше время проходит под знаком внедрения планового начала в ход хозяйственной жизни страны. Лозунг построения хозяйства на плановых началах является одним из важнейших лозунгов наших дней. Он дал сильный толчок к построению планов развития народного хозяйства в целом и по отдельным его отраслям. Вот уже несколько лет после революции в стране идет интенсивная работа над построением планов. Ежегодно строятся операционные планы на год, строятся перспективные планы на 3–5 и более лет. Сейчас строится генеральный план на 10–15 лет. Работа над различными планами идет в губерниях, идет в областях, идет в республиках, идет по ведомствам и в госпланах. Пишутся и печатаются объемистые тома планов развития народного хозяйства и различных отраслей его по союзу, республикам и районам. Так, например, напечатанный перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края содержит 792 с., план развития сельского хозяйства Томской губернии — 718, сельского хозяйства Северного Кавказа — 1877 с. Вышедшие “Пятилетние гипотезы” только по 26 отраслям промышленности дают свыше 3000 стр. Можно без преувеличения сказать, что многие сотни работников заняты “творчеством” планов.

Само собою ясно, что такое увлечение построением планов еще совершенно не гарантирует *осуществления* планового начала в действительной хозяйственной жизни. Это массовое увлечение построением планов не гарантирует даже и того, что составляемые планы доброкачественны или достаточно доброкачественны, что в этой области работы положение благополучно, что планы действительно помогают в работе по регулированию хозяйственной жизни или помогают в той мере, в какой это было

*Статья впервые опубликована в журнале “Пути сельского хозяйства”, 1927. № 2. С. 1–33. Здесь публикуется по тексту книги: Н.Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 91–134 (Прим. сост.).

бы необходимо. Практика составления планов порождает в этом отношении немало сомнений. Достаточно отметить, что в различных органах, ведомствах и республиках планы составляются на различные несогласованные сроки и различными методами; что планы развития одной и той же отрасли (например, сельского хозяйства) составляются одновременно в различных ведомствах и причем на различные сроки, различными приемами, давая различные выводы; что планы составляются и почти немедленно пересматриваются, часто не получая даже должного утверждения, и т.д. Конечно, нельзя забывать, что дело составления планов — дело новое. В таком деле ошибки неизбежны, особенно в первое время. Но все же современное состояние работы над планами, призванной помочь преодолению и реорганизации стихийно хозяйственных процессов жизни на новых рациональных началах, производит то неотразимое впечатление, что нас захлестывает своего рода “стихия самой плановой работы”, что некоторая и, возможно, значительная часть плановой работы страны проходит без достаточного и, может быть, без всякого эффекта. *Совершенно бесспорно поэтому, что сама плановая работа требует планового упорядочения.*

Она требует упорядочения организационного. Не в меньшей, если не в большей степени она требует усовершенствования со стороны самих методов построения планов.

В данной статье мы совершенно или почти совершенно не касаемся организационных вопросов. В ней мы хотели бы, учитывая уже накопившийся опыт предыдущего времени, остановиться на вопросах методов построения планов. При этом мы не имеем в виду весь цикл вопросов методологии построения планов, а лишь некоторые из них. Мы подходим к вопросу о методах построения планов с той стороны, которая до сих пор оставалась почти совершенно в тени. Как будет показано ниже, *планы будущего развития хозяйства имеют теснейшую связь с предвидением этого будущего.* Но если это так, то очевидно, что методы построения планов должны быть в достаточной мере согласованы с возможностями такого предвидения. Мы и рассматриваем из вопросов методологии построения планов преимущественно те, решение которых связано с проблемой возможностей предвидения и пределов этих возможностей. Но именно эти вопросы, на наш взгляд, являются основными вопросами построения планов и направления всей плановой работы по надлежащему руслу. Для ясности и простоты мы ведем рассуждение применительно к построению перспективных планов. Но по существу наши положения имеют более широкое значение и *mutatis mutandis*, приложимы ко всем планам вообще.

Когда мы говорим о планомерном развитии народного хозяйства, то понимаем под этим такое развитие его, которое соответствует *определённым задачам*, поставленным руководящими органами экономической политики. Планомерное развитие народного хозяйства мы противопоставляем поэтому стихийному, лишенному целевого руководства развитию его. Строго говоря, в истории нет и не было такого народного хозяйства, развитие которого совершалось бы без всякого воздействия со стороны органов экономической политики. Если взять народное хозяйство товарно-капиталистического строя, то и его развитие совершается при воздействии системы экономической политики, преследующей те или иные цели. Однако это не значит, что роль планового начала у нас и в капиталистических странах одна и та же. Она различна и притом не только количественно, но и качественно. Воздействие государства на ход хозяйственной жизни при частнокапиталистическом строе ограничивается относительно узкими сферами хозяйства и, как правило, имеет косвенный характер. Государство воздействует на народное хозяйство через таможенную и тарифную политику, через законодательство о союзах предпринимателей, о продолжительности рабочего дня и т.д. Системой таких мероприятий государство стремится поставить ограничения или, наоборот, способствовать развитию тех или иных отраслей хозяйства, тех или иных форм его организации и т.п. Но при этом государство, обычно за небольшими исключениями (в некоторых странах железные дороги и другие предприятия), не является непосредственным руководителем хозяйства; оно предоставляет самому хозяйствующему населению учесть существующие условия, в том числе и условия, создаваемые упомянутой системой мероприятий, и, приспособляясь к этим условиям, автономно руководить своими частными хозяйственными предприятиями.

Иную картину наблюдаем мы у нас. Государство сосредоточило в своих руках почти всю промышленность и транспорт, почти всю кредитную систему и значительную часть торговли. При таких условиях в отношении этих областей хозяйственной жизни (сектор государственного хозяйства) роль государства сводится не только к косвенному воздействию на них при помощи тех или иных мероприятий, но и к непосредственному руководству ими. Наше государство выступает не только в роли силы, воздействующей на них со стороны, но в основе и в роли

их хозяина и руководителя. Мы говорим — в основе и вот почему. После установления нэпа государственные предприятия существуют на хозяйственном расчете и связаны как между собой, так и с частными предприятиями через рынок. Государство предоставило своим предприятиям известную долю хозяйственно-оперативной автономии. Но все же в конечном счете основные нити руководства работой государственных предприятий объединены в руках центральных органов экономической политики. При этих условиях естественно, что в указанных отраслях наши хозяйственные планы являются не только планами воздействия, но в значительной мере и планами руководства этими областями хозяйства.

Выставленное положение целиком верно в отношении почти всей промышленности, транспорта, кредита, значительной части торговли. В несколько меньшей степени оно имеет силу в отношении к общественно-кооперативным предприятиям. Но оно существенно и в отношении к сельскому хозяйству, а также в отношении к существующим частным, промышленным, торговым и кредитным предприятиям. Здесь государство уже выступает не в роли непосредственного хозяина-руководителя, а лишь в роли регулирующей и воздействующей силы. Поэтому здесь и планы являются прежде всего планами воздействия, а не планами непосредственного руководства.

Отсюда, если положение государства у нас в отношении планирования сектора государственного хозяйства, можно сказать, *принципиально иное* по сравнению с положением, которое государство занимает в капиталистических странах, то, наоборот, в отношении планирования сельского хозяйства и частных торгово-промышленных и других предприятий положение государства у нас уже гораздо более близко с положением его в капиталистических странах. Более близко, но все же не тождественно. И в отношении планирования сельского хозяйства и других областей частного хозяйства положение государства у нас, несмотря на сходство с положением его в капиталистических странах, все же существенно отлично. Различие это лежит в том, что, имея в своих руках землю, преобладающую часть промышленности, транспорта, кредитной системы и значительную часть торговой сети, государство в наших условиях располагает значительно большими возможностями воздействия на сферу частного хозяйства, чем это есть в капиталистических странах.

Таким образом, хотя исторически и не существует такого народного хозяйства, которое развивалось бы вне всякого воздействия со стороны государства, тем не менее условия и характер этого воздействия у нас и в капиталистических странах обладают глубокими отличиями. И если мы рассматриваем систему частнокапиталистического хозяйства как систему децентрализованную, построенную на принципах конкуренции (правда, всегда в той или иной мере ограниченной государством или частными монополистическими организациями), как систему, при которой рынок с его стихийными законами играет роль основного регулятора, то систему нашего хозяйства мы уже не можем характеризовать теми же чертами. С точки зрения строения она представляется более сложной. С одной стороны, она построена на основе децентрализации и на принципе конкуренции (сельское хозяйство, частная торговля и т.д.), с другой — она построена в основе на началах централизации и на принципе сознательного руководства со стороны органов государственной политики. Отсюда борьба двух начал в системе нашего хозяйства: стихийного и планового. Стихийное начало имеет свои корни в сфере конкурентно-рыночных отношений сектора частных хозяйств. Стихийное начало, далее, частью привносится в наше хозяйство, а частью усиливается в нем также тем, что мы находимся в окружении мирового рынка. Плановое начало базируется на основе централизации в руках государства значительной части орудий и средств промышленного производства, транспорта и т.д.

В силу того, что то и другое начало в нашем хозяйстве дано в достаточно резко выявленной форме, ни то, ни другое в отдельности не дано у нас в чистом виде. Поскольку у нас существует рынок, поскольку и предприятия государственного сектора одной стороной своей жизни втянуты в рыночные отношения и вынуждены считаться с рынком как с фактом, стихийное начало вторгается и в орбиту сектора хозяйства, находящегося под непосредственным руководством государства. Поскольку, наоборот, государство непосредственно руководит значительной областью хозяйственной жизни и благодаря этому располагает возможностями мощного воздействия на сферу частного хозяйства и на рынок, стихийное начало под влиянием этого воздействия дано у нас неизбежно в трансформированном виде.

Из предыдущего с достаточной определенностью вытекает, что планирование, планомерное руководство хозяйством или

планомерное воздействие на него в наших условиях, по самому существу, нашего социально-экономического режима есть его необходимое условие. Этим достаточно определяется его исключительно большое значение у нас. В таком случае ясно, что приобретает особо важное значение у нас и построение планов. Если более или менее крупный частный предприниматель, картель, трест и т.д. всегда имеет известный план ведения своего предприятия, если известный план воздействия на хозяйство имеет капиталистическое государство, то в наших условиях, как ясно из предыдущего, построение плана является одной из важнейших предпосылок управления хозяйством. Но если планы в наших условиях столь необходимы, то, очевидно, столь же необходимо и то, чтобы эти планы были *удовлетворительными и реальными планами, планами, на которые было бы возможно опираться в руководстве народным хозяйством.*

3

Что же такое план и из каких элементов он складывается? Очевидно, что логически план прежде всего содержит в себе ту систему *перспектив*, реализация которых имеется в виду органами регулирования хозяйства. Сюда относятся, например (в зависимости от того, с какой областью хозяйства мы имеем дело), перспективы в отношении роста продукции различных отраслей промышленности, перспективы повышения производительности труда, развития различных культур сельского хозяйства, изменения организационных типов сельского хозяйства, роста его товарности, кооперирования и т.д. Построение тех или иных перспектив является необходимым элементом всякого плана, будь то план развития промышленности или план развития сельского хозяйства. Всякий план содержит в себе ту или иную систему хозяйственных перспектив.

Но какие перспективы можно выдвинуть в тот или иной момент при построении плана и чем могут руководствоваться государственные органы, выдвигая те или иные перспективы? При построении перспектив возможны два пути, но приемлем из них только один. Первый путь — построение перспектив в зависимости исключительно от наших более или менее отдаленных социально-экономических целей. Этот путь неприемлем для построения планов. *Сам по себе* он не в состоянии привести к такой системе перспектив, которые *реально осуществимы* в течение интересующего нас в плане отрезка времени, которые

могут быть, следовательно, руководящими указаниями реально-го плана. Наши отдаленные цели и устремления могут быть принципиально правильными. Однако, как таковые, они не укладываются в рамки того относительно короткого отрезка времени, на который составляется план. Но “человечество ставит себе только осуществимые задачи”. И если мы строим *реальные планы*, то мы должны строить и осуществимые перспективы. Отсюда совершенно очевидно, что при построении перспектив в плане мы не можем руководиться только отдаленными общими целями. Совершенно очевидно, что мы должны иметь *объективный критерий*, руководясь которым было бы возможно сказать, *что из наших отдаленных задач и в какой форме может быть реализовано в ближайший отрезок времени*. Откуда же может быть взят этот критерий? Этот критерий мы можем почерпнуть только из анализа действительности, то есть из анализа положения хозяйства и возможностей его стихийного развития, с одной стороны, и из анализа имеющихся у нас объективных средств воздействия на этот стихийный ход развития в смысле направления его по желательному руслу — с другой.

Таким образом, те реальные перспективы, которые мы выдвигаем в планах, могут быть найдены и должны строиться на основе учета не только наших отдаленных целей, но и на основе анализа хода объективной действительности с учетом возможного влияния на него со стороны наших мероприятий. Следовательно, эти перспективы в принципе являются не простым выражением стихийно необходимого хода событий, но и не простым выражением только наших пожеланий и наших усилий. *Они являются выражением желательных результатов хозяйственного строительства в рамках возможного.*

Конечно, при построении перспектив *желательные, целевые элементы в рамках возможного должны найти полное выражение. Но все же только в рамках возможного* и не больше, ибо все, что оказалось сверх этой границы, оказалось бы в конце концов и нереальным, и ненужным, вредным для практики планирования. Так, когда мы строим перспективный план развития сельского хозяйства или промышленности, мы, конечно, должны нарисовать максимально возможные перспективы повышения производительности сельскохозяйственного труда, повышения товарности сельского хозяйства, роста его индустриализации, снижения себестоимости промышленной продукции и т.д. С чисто целевой точки зрения чем шире эти перспективы,

тем лучше. Но было бы величайшим самозаблуждением строить эти перспективы вне связи с границами достижимых результатов. Действительность все равно заставит ценой, быть может, тяжелой расплаты за ошибки свести перспективы к рамкам реально достижимого. И мы должны ставить в плане именно эти реальные перспективы, хотя бы они субъективно нас и не удовлетворяли.

Это и есть второй, единственно приемлемый путь построения перспектив в плане. Только этот путь и может привести к построению реальных задач и, следовательно, реального плана.

Отсюда ясно, что построение тех или иных перспектив, *если план хочет быть реальным планом*, — а только о таком плане и стоит серьезно говорить, — может быть осуществлено лишь в случае, если на основе изучения объективного положения народного хозяйства и тенденций его развития (под влиянием стихийных и рациональных условий) будет установлено, какие наши задачи могут быть реализованы в течение интересующего нас времени. Это положение верно как в отношении построения планов развития сельского хозяйства, так и в отношении построения планов развития промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства. Его мы хотели бы подчеркнуть потому, что существует, на наш взгляд, чрезмерно категоричное и в этой своей категоричности ошибочное мнение, будто значение анализа объективной действительности для построения планов сельского хозяйства, с одной стороны, и промышленности (а также других отраслей сектора государственного хозяйства) — с другой, принципиально иное. Утверждают, что построение перспективных планов сельского хозяйства должно опираться на *генетический* метод, то есть на принцип простой экстраполяции стихийных тенденций этой действительности на будущее. Вместе с тем утверждают, что построение перспектив развития промышленности должно опираться на *телеологический* метод, то есть на метод, когда перспективы развития промышленности выдвигаются в качестве независимой целевой установки и когда значение анализа тенденций действительности отводится на второй план, если не теряет своего значения вовсе¹. Нам кажется, что это мнение в такой категорической форме ошибочно. Невер-

¹ Термины генетический и телеологический методы в отношении планов сельского хозяйства и промышленности в литературе употреблены В.А. Базаровым (Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. М., 1924). Однако его мнение по существу интересующего нас вопроса не вполне ясно и, по-видимому, не столь категорично. Мы имеем в виду в тексте критикуемую концепцию в более чистом виде.

но, что перспективы развития сельского хозяйства в плане должны быть простой экстраполяцией фактических тенденций. Тогда, собственно, плана в отношении сельского хозяйства вовсе не будет. По существу и к плану сельского хозяйства предъявляется требование, чтобы он строил перспективы с учетом возможных и желательных изменений в сельском хозяйстве под влиянием наших мероприятий. Именно так и строятся эти планы в действительности. И если они чем-либо грешат, то иногда как раз обратным: излишним преобладанием недостаточно обоснованных телеологических моментов. С другой стороны, не только при построении планов сельского хозяйства, но и при построении планов промышленности мы не можем обойтись без учета положений и тенденций развития объективной действительности. Выше мы отметили, что в отличие от сектора частного хозяйства промышленность, транспорт и т.д. находятся под непосредственным руководством государства. Но, как мы видели, это не значит, что сектор государственного хозяйства стоит вне связи со стихийными тенденциями сектора частного хозяйства. Это не значит, что в отношении сектора государственного хозяйства государство всемогуще. При этих условиях, конечно, можно построить те или иные перспективы развития промышленности без учета объективной обстановки. Можно нарисовать очень заманчивые перспективы. Но где гарантии, что эти перспективы будут осуществлены? Где гарантия, что мы на самом деле, в действительности найдем средства для их осуществления? Где гарантия, что наши планы окажутся не простыми воздушными замками, а действительно реальными планами? Совершенно очевидно, что они окажутся реальными планами лишь в том случае, если перспективы развития промышленности будут построены также с учетом объективной действительности, если они будут построены с учетом тенденций рынка, возможностей снабжения промышленности сырьем, рабочей силой, оборотными средствами, техническим оборудованием и т.д.

Иначе говоря, учет объективной обстановки *принципиально* столь же необходим при построении планов промышленности, как и при построении планов развития сельского хозяйства. И генетический и телеологический методы должны быть, очевидно, использованы как при построении одних, так и при построении других. Различие же между первыми и вторыми планами обуславливается вовсе не тем, что в одном случае мы пользуемся генетическим методом, а в другом — телеологическим методом. Различие это лежит в ином, а именно в пределах возможного влияния государства на промышленность и на сельское хозяй-

ство. Как ясно из предыдущего, пределы такого влияния в том и другом случае различны. Раз промышленностью государство непосредственно руководит, а на сельское хозяйство оно лишь воздействует, то отсюда степень влияния государства на промышленность значительно больше и качественно шире, чем на сельское хозяйство. Отсюда естественно, что при построении планов развития промышленности мы можем ставить себе и такие задачи, как, например, закрытие тех или иных предприятий или, наоборот, организация новых предприятий, каких мы не можем ставить по существу в области сельского хозяйства. Но это вовсе не значит, что задачи и перспективы в области развития промышленности мы можем строить по произволу, просто потому, что мы так хотим, без учета объективной возможности, то есть без апелляции к генетическому методу.

Таким образом, построение перспектив как в плане развития сельского хозяйства, так и в плане развития промышленности неизбежно опирается как на телеологический метод, так и на метод генетический. И различие в употреблении того и другого при построении этих планов, если оно существует, не качественного, а количественного характера.

Выше мы показали, что построение перспектив является необходимым элементом плана. Из последующего анализа существа перспектив выяснилось, что построение их предполагает наличие *двух других элементов плана*. Первым таким элементом является анализ объективной хозяйственной действительности и тенденций ее стихийного развития. Второй — построение системы мероприятий и средств воздействия государства на ход этого стихийного развития в целях направления его по максимально желательному руслу. Таковы три логически основные и необходимые элементы построения плана. Выделяя их, мы, конечно, не утверждаем, что при фактическом построении плана, тем более при его литературной обработке, его необходимо разбить на соответствующие три части с вытекающими отсюда наименованиями их и т.д. Нас интересует здесь не программа составления плана, не фактическое расположение в нем материала, а его логическая структура.

4

Если теперь мы внимательно присмотримся к существу выделенных трех элементов плана, то легко убедимся в том, что построение каждого из них имеет теснейшую связь с *проблемой*

предвидения хода социально-экономических явлений действительности.

В этом нетрудно убедиться. В самом деле, если для формулировки перспектив в плане необходим анализ хозяйственной действительности и ее стихийного хода, то каких результатов ожидаем мы от этого анализа? Удовлетворит ли нас такой анализ, если он ограничится изучением хозяйственной действительности прошлого, даст описание ее, вскроет тенденции ее в прошлом и, может быть, объяснит их? Ясно, что нет. Если мы строим план, если мы строим перспективы на будущее и если мы ищем обоснование этих перспектив (в указанном выше смысле) в условиях действительности, то мы не можем ограничиться при анализе действительности только изучением прошлого. Само по себе это прошлое еще не может служить достаточным аргументом ни за, ни против тех или иных перспектив. Чтобы сделать определенные выводы за или против выдвигаемых перспектив из анализа действительности, мы, очевидно, должны в результате этого анализа сделать выводы *о вероятных тенденциях хозяйства на будущее в рамках интересующего нас периода*. Мы должны определить, в каком направлении пойдет это развитие, к каким результатам оно может привести само по себе стихийно, вне нашего сознательного воздействия на хозяйственную действительность. Но если это так, то что значит в результате анализа прошлого сделать выводы относительно вероятного будущего? *Это значит предвидеть его*. И если в некоторых фактически построенных перспективных планах не осознается вовсе или не осознается достаточно отчетливо, что на основе анализа действительности мы должны прийти к *предвидению* вероятного хода ее в будущем, то логически это означает, что в таких случаях выдвигаемые такими планами перспективы строятся без достаточных объективных оснований. Это значит, что в этих планах перспективы недостаточно согласованы с возможностями их осуществления, поскольку осуществление определяется тенденциями стихийного хода действительности. И если тем не менее перспективы эти в таких условиях окажутся иногда отвечающими ходу действительности, то они могут оказаться таковыми не благодаря их обоснованию, а разве только по счастливой случайности, на которую, конечно, мы не можем ориентироваться.

Итак, обоснование перспектив на данных объективной действительности и тенденций ее стихийного хода предполагает разрешение проблемы предвидения. Но, как было отмечено

выше, перспективы плана обосновываются не только на основе анализа стихийного хода хозяйственной действительности, а и на основе выяснения той системы средств и мер воздействия на этот ход, при помощи которой мы могли бы в максимальной степени направлять его по желательному руслу. Что же предполагает разрешение этой задачи? Оно предполагает не только выяснение, какими средствами воздействия на ход хозяйственного развития мы располагаем сейчас, в момент построения плана, но и какими средствами мы будем располагать на протяжении интересующего времени, на которое строится план. Оно вместе с тем предполагает выяснение *эффекта*, какой дадут проектируемые нами мероприятия в смысле их влияния на ход действительности в будущем. Но если это так, то очевидно, что как выяснение вопроса о возможных средствах нашего воздействия в будущем, так и о возможном влиянии наших мероприятий на ход развития действительности опирается в свою очередь на *предвидение*. Совершенно ясно, что, если мы не можем предвидеть, какими средствами воздействия мы будем располагать в течение интересующего нас отрезка будущего, если мы не в состоянии предвидеть, какой эффект даст наше воздействие на действительность, то мы не можем и сказать, насколько в наших силах видоизменить направление развития действительности в желательном смысле, не можем обосновать и перспектив плана.

Итак, обоснование перспектив может быть найдено на путях анализа действительности и доступных нам средств воздействия на нее. Причем здесь предполагается не только анализ нашего прошлого и настоящего хозяйственного положения, но и разрешение (в каких-то пределах, удовлетворяющих требования практики) проблемы предвидения как в отношении вероятного хода стихийного развития хозяйства, так и в отношении эффекта нашего сознательного воздействия на него. Только при разрешении этой проблемы мы могли бы считать перспективы плана обоснованными.

Изложенное бросает дополнительный и новый свет на характер самих перспектив, которые выдвигаются планом. Являются ли при таких условиях перспективы, выдвигаемые планом, *директивами*, указаниями на то, чего мы хотим достичь? Да, они являются директивами, потому что, как было выяснено выше, они строятся в расчете на проведение определенной системы наших мероприятий. Следовательно, выдвигая те, а не иные перспективы, мы тем самым даем или, точнее, принимаем

на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий. Но являются ли перспективы только директивами? Из всего предыдущего изложения ясно, что нет. Эти перспективы построены или, точнее, должны быть построены *одновременно на основе известного предвидения тенденций стихийного хода событий и на основе предвидения* определенного эффекта наших мероприятий, то есть на основе предвидения, что эти мероприятия в общем могут быть выполнены, что, будучи выполнены, они дадут намеченный результат и что, следовательно, вложенная в перспективы директива будет осуществлена. И если кто-либо не согласится с этим выводом, то мы вправе спросить его: какое же иное толкование можно дать понятию плановых перспектив?

Таким образом ясно, что *перспективы плана являются не только директивой, но одновременно и предвидением*. Но если это так, то в итоге оказывается, что построение всех основных элементов плана, весь план, начиная с анализа хозяйственной действительности и ее вероятного хода, переходя к системе мероприятий и кончая системой самих перспектив, представляется как бы пронизанными стоящей перед нами на каждом основном этапе работы над планом необходимостью практического разрешения проблемы предвидения. И можно твердо сказать: *план — не только предвидение: он одновременно и программа действий; но план без всякого предвидения — ничто.*

5

Всем известна знаменитая формула Конта: знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять. В этой формуле превосходно выражена та мысль, что управлять, а следовательно, и планировать нельзя без известного предвидения. Вместе с тем в ней выражена и та мысль, что предвидеть можно только на основании знания. Предвидение, если оно не превращается в простое и необоснованное пророчество, всегда опирается на знание. И если мы пришли к выводу, что при построении планов предвидение играет столь значительную роль, то естественно дать себе отчет, какие же возможности предвидения дает нам современное знание. Совершенно ясно, что тот или иной ответ на этот вопрос имеет глубочайшее значение для выяснения пределов, форм и методов построения перспективных планов.

Мы можем знать непосредственно лишь то, что было или что есть. И если мы пытаемся выйти за пределы прошлого и настоя-

щего, если мы хотим заглянуть в будущее, то есть предвидеть, то мы неизбежно опираемся на знание *связей и закономерностей* в ходе действительности, которые были подмечены при изучении прошлого. Предвидение всегда опирается на знание связей и закономерностей в ходе явлений действительности. Причем для возможности предвидения особенно большое значение имеет знание динамических закономерностей, то есть закономерностей, которые наблюдаются в ходе событий во времени. Разрешая проблему предвидения, то есть заключая от настоящего к будущему, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью знать динамические закономерности явлений и не можем обойтись знанием только статических закономерностей их, так как только динамические закономерности могут указать путь и формы перехода событий из стадии настоящего к той или иной стадии будущего, только динамические закономерности как бы связывают настоящее и будущее. И очевидно, что чем большее количество связей и закономерностей научно установлено, тем большие возможности мы имеем для предвидения.

Но связи и закономерности, устанавливаемые наукой, устанавливаются ею в различной форме. Они могут иметь точную количественную форму или не иметь ее и выражаться в более или менее общей, суммарной форме. В первом случае они дают нам возможность утверждать, что совокупность данных явлений влечет за собой совокупность других явлений, и в то же время установить количественную характеристику взаимоотношений тех и других. Во втором случае они последней возможности не дают.

Они могут быть, далее, строгими каузальными связями и закономерностями и, наоборот, они могут иметь характер простых подмеченных эмпирических правильностей. Разница между строгими каузальными связями и эмпирическими правильностями состоит в том, что первые при наличии определенных условий обязательны, вторые такой обязательностью не обладают и допускают различные исключения. Совершенно очевидно, что чем большее количество установленных связей и закономерностей каузально обоснованы и количественно выражены, тем большим и тем более точным знанием действительности мы располагаем, тем большие возможности предвидения находятся в наших руках, тем в более точной форме мы можем выражать это предвидение. И, действительно, мы обладаем наибольшими возможностями предвидения именно в тех областях, где наука располагает достаточным количеством установ-

ленных точных и каузально истолкованных связей и закономерностей. Такова область точного естествознания, как физика, химия, астрономия и т.п. Но уже в таких областях естествознания, как метеорология, где нам приходится иметь дело с явлениями весьма сложными, мы не располагаем достаточным числом установленных связей и закономерностей, допускающих точную количественную формулировку. И здесь наши возможности предвидения чрезвычайно суживаются.

В области общественно-экономической жизни мы имеем дело с явлениями, также неизмеримо более сложными, чем в сфере точного естествознания. Здесь мы располагаем еще меньшим количеством установленных связей и закономерностей, и они поддаются еще в меньшей степени точному количественному выражению. Совершенно очевидно, что здесь мы обладаем и значительно меньшими возможностями предвидения.

Однако возможности нашего предвидения в каждом случае зависят не только от наличного запаса знаний. *При том же запасе знаний* — и это имеет основное значение для методов построения наших планов — они зависят, *во-первых*, от того, как и насколько сложно ставится задача предвидения, *во-вторых*, от общих особенностей той области явлений, в отношении которой она ставится, *в-третьих*, от особенностей специально того явления которое мы хотим предвидеть.

Если остановиться на *первом* условии, то необходимо отметить следующее. Чем с большими деталями хотим мы предвидеть события и чем более отдаленные от нас события хотим мы предвидеть, тем большее количество установленных связей и закономерностей мы должны иметь, чтобы учесть все обстоятельства, от сочетания которых зависит интересующее нас событие. Очевидно, что именно в этом случае достаточного запаса знаний у нас может чаще всего не оказаться, что именно в этих случаях мы легче всего можем перейти объективные пределы имеющихся у нас возможностей научного предвидения и превратить предвидение в произвольное пророчество.

Если остановиться теперь на *втором* условии, на значении общих особенностей сферы явлений, в которой мы строим предвидение, то необходимо иметь в виду следующее. Есть области, явления которых обладают чрезвычайной сложностью и относительно малой устойчивостью. К числу последних, как было уже отмечено выше, принадлежит и сфера социально-экономических явлений, причем в различных частях и в различной степени. *Во-первых*, явления этой области находятся под воз-

действием не только многообразных внутренних социально-экономических условий, но и под влиянием окружающей космической среды. Очевидно, чтобы предвидеть более или менее точно события социально-экономической жизни, мы должны знать связи и закономерности не только самих социально-экономических событий, но и пертурбирующие воздействия на них со стороны внешней среды. Во-вторых, и это особенно важно для построения перспективных планов, явления этой области находятся под воздействием не только стихийных социально-экономических условий, но и рациональных факторов, в виде воздействия органов государственной власти и т.д. Чтобы предвидеть социально-экономические явления достаточно точно, мы должны достаточно точно предвидеть направление и эффект и таких воздействий. Совершенно ясно, что предвидение событий в столь сложной среде предъясвляет неизмеримо большие требования к развитию нашего знания связей и закономерностей хода событий, чем в сфере более простых явлений. И очевидно, что опять скорей всего именно здесь необходимого запаса такого знания у нас может не оказаться.

Остановимся теперь на третьем условии предвидения, на значении особенностей специально тех явлений, которые мы хотим предвидеть. В зависимости от особенностей этих явлений можно установить и различные типы предвидения, которые имеют различное значение, представляют различные трудности и дают различные результаты. *Возможны три основных типа предвидения явлений социально-экономической действительности.*

Первый тип предвидения — это предвидение таких событий, которые представляются, по крайней мере при данном состоянии знания, событиями иррегулярными. Примером таких событий могут служить: конкретные размеры урожая или промышленного производства на определенную дату, конкретные размеры экспорта, конкретный уровень цен в определенный момент времени и т.д. Поскольку эти события являются однократными, конкретными, сами по себе они не могут быть включены в ту или иную формулу закона или ряда законов. Для того чтобы предвидеть их точно, нам нужно было бы располагать почти идеальным знанием хозяйственного положения в исходный момент и почти всей совокупности закономерностей хода относящихся сюда окружающих событий. Только тогда мы могли бы предсказать интересующие нас события как результат перекрещивания этих закономерностей. Такой тип вполне конкретного

предвидения, если бы он был точным, представлял бы наибольшее практическое значение. Он давал бы наиболее точную ориентировку в возможном ходе событий. Но именно потому, что мы не располагаем этим почти идеальным запасом знания, такой тип предвидения, строго говоря, представляется и наиболее трудным. И на практике, особенно когда он делается на более или менее отдаленный срок, в большинстве случаев он оказывается ошибочным. Очень часто он оказывается ошибочным или грубо приблизительным и в перспективе даже весьма короткого времени. Чтобы подтвердить последнюю мысль на примере, укажем на попытку прогноза именно такого типа в первом издании “контрольных цифр” Госплана.

В них Госплан пытался предсказать конкретный уровень цен в течение 1925–1926 гг. по месяцам и в целом за год. Действительность не только не оправдала предсказаний Госплана, но, наоборот, избрала даже совершенно другое направление в движении цен. Так, Госплан предполагал, что в целом за 1925–1926 гг. средний уровень оптовых цен понизится на 8,3%. В действительности он повысился на 2,7%. Контрольные цифры предполагали, что при этом оптовый индекс сельскохозяйственных цен упадет за год на 8%, а промышленных цен — на 9%. В действительности первый повысился на 0,7%, а второй — на 4,7%. В тех же контрольных цифрах Госплан пытался предвидеть конкретное изменение вкладов и текущих счетов в банках, размеров денежного обращения, экспорта и т. д. и тоже ошибся: Госплан предполагал, что вклады и текущие счета кредитной системы в среднем за 1925–1926 гг. возрастут на 114%, в действительности они возросли всего на 40,5%. По контрольным цифрам среднегодовая денежная масса должна была увеличиться на 71%, в действительности она выросла на 17,5%. Экспорт должен был вырасти в ценностно-червонном выражении на 138%, а он вырос на 16%. Могут сказать, что предположения контрольных цифр были рассчитаны на определенную систему мероприятий экономической политики, которые не были осуществлены. Но, во-первых, неизвестно, оправдалось бы сделанное предвидение даже и при осуществлении этой системы мероприятий. Во-вторых, — и принципиально это самое главное — раз известная система мероприятий предполагалась, а потом не осуществилась, значит, предположения по поводу ее были нереальны, значит, прогноз вероятного направления мероприятий был ошибочен. Значит, и в целом прогноз в той форме, как он был сделан, оказался не под силу. Но именно это мы и хотели доказать.

Второй тип предвидения имеет место тогда, когда речь идет о предвидении наступления того или иного более или менее регулярно повторяющегося события. Примером такого предвидения могут служить предсказания наступления капиталистических экономических кризисов, явлений, связанных с сезонными колебаниями конъюнктуры, и т.д. Предсказания такого рода также весьма трудны. Но поскольку здесь идет речь о предсказании событий не в конкретно-количественном выражении, а лишь в форме утверждения вероятного наступления или ненаступления в известный период времени события, возникающего более или менее закономерно и периодически, постольку предвидение такого типа оказывается в известных пределах доступным и при прочих равных условиях, как правило, более доступным, чем предвидение первого типа. В настоящее время методика предсказания второго типа подверглась значительной разработке. И часто, хотя далеко не всегда, мы можем по наличию тех или других симптомов за некоторое, правда непродолжительное, время предвидеть более или менее точно наступление таких событий.

Наконец, *третий* тип предвидения заключается в предвидении лишь общего развития тех или иных социально-экономических тенденций. Этот тип предвидения не локализирует предсказываемых событий точно во времени и не характеризует их в точной количественной форме. В отношении количественной характеристики, где это допускает природа интересующих событий, он может давать лишь приблизительные количественные границы развития тенденций. Примерами такого рода предвидения могут служить предсказания роста или, наоборот, упадка тех или иных отраслей хозяйства, предсказания общего повышательного или, наоборот, понижательного движения цен и т.д. Этот тип предвидения, особенно когда речь идет о предвидении в рамках значительного отрезка времени, по-видимому, наиболее доступен нам при современном уровне социально-экономического знания. И практика знает наряду со случаями неудачного предсказывания такого типа также и многие случаи успешного прогноза.

Заканчивая настоящий раздел статьи, заметим, что к какому бы типу предвидения мы ни прибегали, форма выражения нашего предвидения может быть двоякой: *категорической* или *условной*. В первом случае формула предвидения такова: *на основании таких-то данных мы считаем вероятным выход события X*. Во втором случае она такова: *на основании таких-*

то данных мы считаем, что если наступят события *A*, *B*, *B* и т.д., то наступит и событие *X*. Отсюда ясно — форма выражения предвидения в первом и втором случае различна. Можно было бы сказать, что в случае условной формы предвидения мы поступаем более осторожно, но и решаем проблему лишь наполовину. Действительно, в этом случае мы считаем наступление события *X* вероятным, если наступят события *A*, *B*, *B* и т.д. Но так как мы не решаемся сказать что-либо определенное о наступлении событий *A*, *B*, *B*, то, в сущности, мы ничего *определенного не говорим и о событии X*. Отсюда очевидно, что условная форма выражения предвидения является как бы недоразвитой формой. На практике, прибегая к предвидению, мы, конечно, почти всегда постулируем те или иные условия, не входя в их анализ или потому, что некоторые из них очевидны, или потому, что анализ их недоступен.

Однако число таких условий не может быть слишком большим и в числе этих условий не может быть условий явно спорных. В противном случае предвидение утрачивает уже всякое значение. Хотя формы выражения предвидения, строго говоря, могут быть различны, но ясно, что принципиальные основания предвидения всегда остаются те же. Поэтому ко всем формам его одинаково приложимо то, что было изложено выше.

Преыдущее рассмотрение возможностей социально-экономического предвидения показывает, что возможности эти заключены в довольно узкие пределы. Очевидно, что, решаясь на то или иное предвидение при построении планов, если мы хотим остаться в своих построениях на объективно-научной почве, мы должны всякий раз отдать себе достаточно точный отчет в том, где проходят границы этих пределов.

6

Спрашивается теперь, отдается ли действительно достаточный отчет в этих границах при построении наших планов? Соразмеряются ли перспективные построения в смысле их сложности и детальности с имеющимися объективно научными возможностями предвидения? Соразмеряются ли с этими возможностями сроки, на которые мы хотим проникнуть в будущее? Учитываются ли в достаточной мере специфические особенности интересующих нас явлений в отношении большей или меньшей возможности предвидеть их будущее изменение? Отдается ли достаточный отчет в формах и типах предвидения, к которым

мы в различных случаях перспективных построений прибегаем? Учитываются ли достаточно строго возможности осуществления мероприятий, предполагаемых перспективами, а также эффект этих мероприятий? В связи со всем этим — достаточно ли обосновываются наши перспективные построения?

Нужно откровенно сказать, что очень часто, если не в большинстве случаев, на многие из этих вопросов пришлось бы ответить отрицательно.

При построении наших планов очень часто предвидению ставят столь сложные задачи, разрешить которые при данном уровне знания мы не в состоянии. Очень часто расчет ведется на такие отдаленные сроки, сквозь которые наш анализ не в состоянии пробиться. Особенность различных явлений, их степень изменчивости и в связи с этим возможности нашего предвидения относительно их хода учитываются в большинстве случаев недостаточно. Одновременно и несмотря на все это, при прогнозе и построениях на будущее мы *обычно* избираем самый трудный путь — путь однозначного количественно-конкретного выражения перспектив на определенное время, то есть первый путь предвидения. Строго говоря, при построении планов нам приходится иметь дело со всеми тремя типами предвидения. Мы имеем в них дело с предвидением *третьего* типа, когда утверждаем в планах вероятность тенденций роста или упадка различных отраслей хозяйства, повышения или понижения цен, развития или понижения товарности хозяйства, роста производительности труда и т.д., иногда с примерными количественными выражениями их. Нам не приходится иметь дело с предвидением наступления повторяющихся экономических кризисов капиталистического типа ввиду того, что наше хозяйство не знает таких кризисов. Но мы все же прибегаем к предвидению *второго* типа, когда учитываем в планах периодические колебания хозяйственной жизни под влиянием сезонных условий. Наконец, мы имеем дело с предвидением *первого* типа, когда на определенный период времени предсказываем в точной количественной форме рост производства, повышение или понижение цен, рост товарности и товарооборота, приток вкладов и т.д. В большей, или меньшей степени, повторяем, нам приходится иметь дело со всеми типами предвидения. Но вместе с тем нельзя не отметить, что наши планы *как правило*, совершенно не отдают себе отчета в относительной трудности этих различных типов предвидения и наши планы недостаточно критически стремятся строить предвидение преимущественно по первому типу. В этом отношении

у нас часто наблюдается чрезвычайная смелость. Смелость эта выражается в том, что на большой, иногда необычайно большой срок вперед формулируют в точной количественной форме как перспективы, так и систему мероприятий. Причем их формулируют в чрезвычайно дробной и детальной форме. Указывают не только, каких размеров достигнет, скажем, производство той или иной крупной отрасли хозяйства, но и производство по отдельным даже мелким культурам. Указывают, каких размеров оно достигнет в пределах отдельных районов, губерний и т.д. В точной количественной форме указывают, каковы будут товарные избытки различных отраслей хозяйства, каковы будут размеры экспорта, каковы будут уровень цен, потребление, национальный доход, прибыли и задолженность предприятий и т.д. Иначе говоря, мы идем в планах, как правило, по наиболее трудному и сложному пути предвидения.

При этом проектируется на длительный срок, также в дробно-количественной форме, и система необходимых мероприятий. При этом достаточного анализа, что эту систему мероприятий можно осуществить, что, будучи осуществлена, эта система даст именно ожидаемый результат, — в большинстве случаев нет.

Если теперь принять во внимание это недостаточно критическое отношение ко всем указанным проблемам предвидения и построения перспектив и поставить вопрос, имеются ли в таком случае серьезные основания для предлагаемого предвидения и выдвигаемых планом перспектив в каждом отдельном случае, то нужно прямо сказать, что в большинстве случаев таких оснований не окажется.

Для иллюстрации только что изложенного остановимся кратко на двух конкретных примерах. В качестве первого примера возьмем перспективные построения Сибкрайзему правления по отношению к сельскому хозяйству Сибири.

Сибкрайзему правление разработало и в 1926 г. опубликовало под общим заглавием “Сельское хозяйство Сибирского края” два больших тома. В первом томе — “Материалы к перспективному плану” — оно дало довольно ценную систематизацию статистико-экономических материалов по сельскому хозяйству края. Во втором томе — “Перспективный план” — оно попыталось обрисовать перспективы развития сельского хозяйства края. Что же мы находим в этом втором томе? Сибкрайзему правление исходит как из основной задачи из задачи радикального изменения системы сельского хозяйства края и перехода

его от залежной и парозалежной системы к системе травопольной со всеми вытекающими отсюда последствиями в смысле реорганизации животноводства. Оно полагает, что проектируемое коренное изменение может быть осуществлено в период *“примерно в течение 25-летнего периода”*. Отправляясь от этого положения, оно, далее, строит схемы или модели организации травопольного осуществляющегося примерно через 25 лет хозяйства, типичного для каждого из 8 районов края. При этом для каждого такого типа будущего хозяйства дается *в точной количественной форме* характеристика организации полеводства и луговодства с указанием возможных урожаев, организации животноводства с указанием кормовых норм и продуктивности скота, организации удобрения, рабочей силы, основного и оборотного капитала, организации транспорта, размеров валовой продукции (по условным ценам), товарности хозяйства, расходов и доходности его и т.д. На основе расчетов относительно этих типов — моделей хозяйства по тем же примерно рубрикам дается далее сводный баланс по всей массе хозяйств края.

В заключение дается характеристика системы проектируемых мероприятий в области организации земельной территории, переработки сельскохозяйственного сырья, кооперирования и сельскохозяйственного кредита в области агрикультурных мероприятий и сельскохозяйственного образования.

Нет никакого сомнения, что Сибкрайземуправлением проделана огромная работа. Но что дают его перспективные построения? Если его организационно-балансовые построения в крайне дробной количественной форме как в отношении типичного хозяйства будущего по каждому району, так и по всему краю в целом рассматриваются как желательно возможный и при условии осуществления намеченных мероприятий вероятный баланс и организационный тип сельского хозяйства Сибири примерно через 25 лет, то этот баланс лишен всякой реальности. Он построен на основе условных цен, на основе условных норм, на основе принятых, но не мотивированных урожаев и т.д. Как форма предвидения перспектив на столь отдаленный срок он не дает ничего. Ни анализ положения сельского хозяйства в прошлом, ни характеристика системы намеченных мероприятий ни в какой степени не доказывают и не обосновывают, что намеченная реорганизация хозяйства будет осуществлена, что в итоге ее осуществления получится примерно именно запроектированная продукция и товарность хозяйства, что продукция эта, если она будет иметь место, найдет рынок внутренний и мировой, что

доходность хозяйства будет примерно та, которая указана, и т.д. Можно сказать, что в плане даже нет подхода к обоснованному ответу на эти вопросы.

Если же построения плана рассматривать просто как метод доказательства необходимости и целесообразности перехода к травополью, то совершенно ясно, что, во-первых, для этого были не нужны столь обширные и головоломные исчисления об организации хозяйства и его балансе, во-вторых, эти исчисления сами по себе не убеждают в необходимости и возможности повсеместного перехода Сибирского края к травопольной системе. Путь обоснования этого лежал бы в плоскости более глубокого анализа фактической эволюции сельского хозяйства Сибири, в анализе общих перспектив рынка, промышленности по переработке, путей сообщения и т.д. Но именно этого в достаточной степени не дано в работе Сибкрайземуправления и именно эти соображения привели, например, Земплан НКЗ РСФСР к выводу, что намеченная планом задача всеобщего перехода сибирского сельского хозяйства к травополью нереальна.

Таким образом, ясно, что, несмотря на концентрацию ценных фактических материалов, несмотря на огромную работу управления, значительная часть этой работы не оправдывается. И она не оправдывает себя именно в тех частях, где в отношении построения перспектив и предвидения будущего был принят неправильный и непосильный метод как в отношении сроков, так и в отношении детальности расчетов и форм предвосхищения будущего. Земуправление поступило бы правильнее, если бы, поставив и обосновав общую задачу о реорганизации сельского хозяйства на основе травопольной системы, показало бы путем углубленного анализа, каковы реальные пределы, возможности и методы такой реорганизации в более близком будущем.

Другой пример возьмем из области более общих плановых построений. Мы имеем в виду опыт С.Г. Струмилина, опубликованный им под названием "Перспективная ориентировка Госплана"¹.

С.Г. Струмилин строит ориентировку в однозначно-количественной форме, но на более короткий 5-летний срок. При этом он прекрасно понимает, что при построении ее речь идет в той или иной степени именно о предвидении². Правда, он говорит,

¹ Плановое хозяйство. 1926. № 4. С. 31-58; № 5. С. 30-58.

² Там же. № 4. С. 32.

что предлагаемая пятилетняя ориентировка представляет из себя систематическую сводку не только наших предвидений, но и предубеждений¹. Однако предсказания эти или директивы, как мы показали выше, не могут быть произвольными. Реальные предубеждения могут быть выдвинуты на основе не только наших отдаленных руководящих задач, но и на основе понимания тенденций действительности, а также понимания пределов эффекта наших усилий, то есть опять-таки на известном предвидении. Итак, С.Г. Струмилин прекрасно понимает, что при построении перспективной ориентировки приходится разрешать проблему предвидения. Как же он ставит задачи своей работы?

“Своей задачей, — пишет С.Г. Струмилин, — мы считаем дать на первый раз лишь общую перспективную ориентировку, то есть лишь наиболее суммарные “контрольные” цифры темпов развертывания всего народного хозяйства в целом, руководствуясь которыми специальные плановые органы получили бы возможность более уверенно развернуть перспективные планы отдельных районов или отраслей хозяйства без риска, что эти планы не смогут быть увязаны затем между собой в общем перспективном балансе всего хозяйства страны”².

Что же мы находим в этой “суммарной ориентировке”? Здесь мы находим цифровой расчет на пятилетие (до 1929–1930 гг. включительно)³: 1) по промышленности негодно: изменения основных ее капиталов, капитальных вложений, продукции, прибылей, себестоимости, числа рабочих, производительности труда, номинальной заработной платы; 2) по сельскому хозяйству в итоге за 5 лет: изменение посевных площадей по группам культур, количества скота в переводе на крупный, валовой продукции сельского хозяйства по основным отраслям в довоенных ценах, товарной части его продукции по тем же отраслям в довоенных ценах, экспорта, вложений (погодно) по линии совхозов, ирригационных и мелиоративных работ; 3) по транспорту погодно: изменение имущества железных дорог, капитальных вложений, эксплуатационного дохода и расхода, амортизации, прибылей, направления и объема восстановительных работ, погрузки (в 5 вариантах), персонала, заработной платы, производительности труда; 4) по жилищному строительству

¹ Плановое хозяйство. 1926. № 4. С. 32.

² Там же. С. 31–32.

³ При перечне мы исключаем некоторые детали.

погодно: изменение государственного и муниципального основного капитала в жилищах, капитальных вложений, амортизации, прибыли, изменение примерно тех же элементов по коммунальному строительству и по электростроительству; 5) *по товарообороту* погодно: изменение оборота сельскохозяйственных, промышленных и всех товаров в червонной валюте, изменение имущества госпромышленности, ее оборота, ее оборотных средств (с подразделением их на материалы и полуфабрикаты, готовые изделия, денежные средства), ее задолженности, числа оборотов оборотных средств, изменение примерно тех же элементов в отношении транспорта и торговых предприятий (с подразделением последних по некоторым вопросам на государственные, кооперативные и частные); 6) *по кредитным ресурсам и резервам* погодно: изменение в государственной кредитной системе оборотных фондов (с подразделением их на валютные и товарные), операционных фондов по пассиву (с подразделением их на эмиссионные средства и на средства собственные) и изменение прибылей; 7) *по накоплению в государственном хозяйстве* погодно: изменение накопления (прибыль + амортизация) в общей сумме и с подразделением по отраслям хозяйства (накопление в промышленности, на транспорте, в сфере жилищного строительства, в банках, в торговле, в коммунальных предприятиях и электрификации); 8) *по бюджету* погодно: изменение поступления неналоговых и налоговых доходов (с подразделением их по основным рубрикам), изменение чрезвычайных доходов и общей суммы доходов, изменение расходов по важнейшим подразделениям и в целом.

Из приведенного перечня видно, что так называемая “суммарная ориентировка” по существу охватывает все основные элементы народного хозяйства и притом иногда с довольно дробным подразделением.

По существу мы имеем перед собой до известной степени опыт построения перспективных балансов всего народного хозяйства на ближайшие пять лет. Можно, конечно, в детализации их построения пойти еще дальше и говорить, например, не о всей промышленности, а об отдельных ее отраслях, не о всей банковской системе, а об отдельных ее частях, крупных банках и т.д. Но позволительно поставить вопрос: имеются ли объективные основания для построения перспектив вообще в той форме, как это сделано? В приведенном построении по существу (с теми или иными оговорками, которые встречаются изредка в тексте, но из которых, однако, не делается никаких ограничи-

вающих выводов на деле) на одну доску поставлены предсказания в отношении натуральных элементов продукции, с одной стороны, и движения прибыли, оборачиваемости товаров, эмиссии и т.д. — с другой. Эти элементы по существу своему весьма различны.

Между тем относительно всех их без всяких ограничений ведется расчет на будущее. Но лежат ли за этими расчетами какие-либо основания и какие именно? С.Г. Струмилин об этом ничего не говорит. Он попросту сообщает, какие будут обороты, прибыли и т.д. в течение ближайших пяти лет. Но ведь позволительно, законно и даже необходимо было бы разобраться в обоснованности этого расчета.

Так, С.Г. Струмилин исчисляет будущие прибыли промышленных предприятий. Но зависят эти прибыли в сфере промышленности от динамики соотношения цен на промышленные и другие товары? Едва ли кто ответит на этот вопрос отрицательно. Что же описанное построение дает в смысле прогноза на движение цен? Все, что мы находим по этому поводу, это девять строчек, в которых говорится, что прогнозы в области динамики цен на несколько лет вперед чрезвычайно проблематичны, что автор считает существующий уровень хлебных цен по сравнению с ценами промтоваров еще недостаточно высоким и ожидает их дальнейшего повышения примерно на 10%, что, наоборот, уровень цен сельскохозяйственного сырья он считает целесообразным снизить процентов на 5–20, но что в общем нужно стремиться к стабилизации существующего среднего уровня сельскохозяйственных цен¹. Вот и все. Не будем говорить о том, что, можно сказать, не успела еще высохнуть типографская краска на страницах журнала, как в отношении цен на сельскохозяйственное сырье жизнь уже поставила вопрос в совершенно иную, обратную, чем думал автор, плоскость, показав, что по сравнению с ценами промтоваров низки не столько хлебные цены, сколько цены именно на сельскохозяйственное сырье, и что снижать их нет никакой возможности.

Не будем говорить и о том, что вместе с тем жизнь показала, что и хлебные цены в потребляющих районах слишком высоки, и поставила вопрос об их снижении. Укажем на то, что девять строчек С.Г. Струмилины о ценах совершенно неопределенны. Они ничего не говорят о динамике общего уровня цен, они

¹ Плановое хозяйство. 1926. № 4. С. 42.

ничего не говорят о динамике соотношения цен сельскохозяйственных и промышленных товаров. Они ничего не говорят о динамике соотношения отпускных и розничных цен. Мы даже совершенно не знаем, из какого же уровня и соотношения цен исходил автор при своих построениях, которые, как уже было указано, предполагают тот или иной уровень цен и то или иное соотношение между ними.

Какое значение имеет отсутствие ответов на эти вопросы? Мы полагаем, что оно имеет первостепенное значение для доброкачественности всего построения. Действительно, при одном соотношении отпускных, оптовых и розничных цен прибыли промышленности, государственной торговли и кооперации будут одни, а при других — совершенно иные. Так как С.Г. Струмилин не знает, какое будет это соотношение цен, то он должен был бы чистосердечно признать, что ему неизвестны и прибыли различных отраслей промышленности, торговли и кооперации. Но если ему неизвестны эти прибыли, то он, в сущности, ничего не сможет сказать определенного и об их накоплении. Между тем в приведенном перечне перспективных построений автора было указано, что и в отношении накопления он исчисляет определенные цифры. Если же он не может сказать что-либо определенное о накоплении, то не может он сказать то, что сказал и о вложениях средств, а следовательно, и об объеме реконструкции в различных отраслях государственного хозяйства.

С другой стороны, при одном уровне и соотношении цен потребление товаров и оборот их будет один, а при других — другой. Так как С.Г. Струмилин об уровне цен и их соотношении ничего сказать не может, то по существу он не может сколько-нибудь определенно на пять лет вперед сказать и о размерах товарооборота в ценностном выражении, ничего определенного он не может сказать и о размерах государственных доходов, скажем, от акцизов, от обложения торговых оборотов и т.д. Следовательно, лишается оснований и его построение о движении государственного бюджета, особенно в отношении его мелких подразделений.

Далее, раз лишаются определенности построения С.Г. Струмилина по отношению к товарному обороту, раз он ничего не может сказать относительно общего уровня цен, то по существу он ничего не может сказать и относительно динамики эмиссии. Но он говорит об этом. Тем хуже для него, потому что то, что он говорит, лишено всякого основания. Он, например, предполагает,

что эмиссия в 1925–1926 гг. (заметим, что работа С.Г. Струмилина появилась уже в половине 1925–1926 гг.) составит 470 млн. руб., что в 1926–1927 гг. она составит 475, что в каждый следующий год она будет равна 470 млн. руб. Мы не знаем, какова она будет в точном цифровом выражении после 1926–1927 гг. Но мы вполне определенно знаем, что за 1925–1926 гг. от 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. она составила не 470 млн. руб., как предполагал С.Г. Струмилин, а всего 200,3 млн. руб. Допуская далее, что у нас не будет инфляции денежного обращения и резкого падения покупательной силы валюты (мы думаем, что такую перспективу имеет в виду и С.Г. Струмилин), мы можем уверенно сказать, что и за 1926–1927 гг. эмиссия возрастет не на 470 млн. руб., а не более чем приблизительно на 140 млн. руб. Отсюда хорошо видно, насколько основательны предположения С.Г. Струмилина в сфере денежно-кредитного обращения, хорошо видно, насколько основательны они даже не на пять лет вперед, а хотя бы на 1925–1926 гг., о котором С.Г. Струмилин строил предположения, когда половина этого года уже истекла.

Далее, если С.Г. Струмилин ничего не может определенного сказать о размерах накопления и объеме технических реконструкций, то он ничего определенного не может в сущности сказать и о движении производительности промышленного труда, так как производительность труда у нас в настоящее время и в ближайшем будущем в сильнейшей степени зависит именно от технической реорганизации промышленности. Не будучи же в состоянии ничего количественно определенного сказать о движении производительности труда, не будучи в состоянии правильно предвидеть движение цен на сырье, он не имел никаких серьезных оснований рисовать в количественном выражении и кривую движения себестоимости промышленной продукции.

Не будем усложнять разбор построения С.Г. Струмилина другими доводами. Сказанного достаточно. Большинство расчетов С.Г. Струмилина при всей их кажущейся внушительности построены на самом настоящем и зыбучем песке. И если бы даже, вопреки ожиданиям, его расчеты оказались близкими к действительности, то это было бы простой случайностью, а не результатом обоснованного прогноза.

Совершенно ясно, что с этой стороны задача построения перспектив здесь была поставлена недостаточно критически. Здесь не было соблюдено чувство меры в том, что мы можем и

чего не можем предусмотреть в будущем. Поэтому позволительно усомниться и в основательности цитированных выше слов С.Г. Струмилина, будто он дает такие контрольные цифры, “руководствуясь которыми специальные плановые органы получили бы возможность более уверенно развернуть перспективные планы отдельных районов или отраслей хозяйства без риска, что эти планы не смогут быть увязаны затем между собой в общем перспективном балансе всего хозяйства страны”¹.

О какой увязке идет здесь речь? Если речь идет об арифметической увязке, то, конечно, плановые органы смогут при желании многому научиться из работы С.Г. Струмилина. Но если речь идет о реально экономической увязке, то мы бы от столь решительного положительного суждения предпочли решительно воздержаться.

Рассмотрение двух взятых примеров, — а число их могло бы быть при желании очень и очень увеличено, — подтверждает правильность тех утверждений и сомнений, с которых мы начали настоящий раздел статьи. Наши претензии рисовать в точном количественном выражении будущее движение различных элементов хозяйства без достаточного учета природы этих элементов, без достаточного внимания к срокам предвидения и к экономическому обоснованию перспектив сплошь и рядом абсолютно превосходят наши объективные возможности и приводят к совершенно иллюзорным, необоснованным и ошибочным построениям.

К сожалению, за последнее время многим кажется, что наши неудачи в области построения планов и предвидения объясняются не тем, что мы покушаемся на их построения с негодными средствами, не тем, что мы находимся *под гипнозом цифр и арифметики*, а тем, что мы еще недостаточно полно охватываем в количественных выражениях все элементы народного хозяйства, недостаточно увязываем все их между собой, недостаточно пользуемся балансовым методом построения плановых перспектив.

Указывают, что нельзя брать отдельные элементы и отрасли хозяйства или их отдельные группы и строить прогноз и перспективы относительно их. Нужно брать все эти элементы в их взаимной связи, нужно брать народное хозяйство в целом и подходить к нему с расчлененным балансовым методом. Тогда мы, полагают, легче сможем с достаточной точностью нарисо-

¹ Плановое хозяйство. 1926. № 4. С. 31–32.

вать возможные перспективы изменения как всего хозяйства, так и каждого его элемента в связи с другими элементами. Думают, что спасение лежит в балансовом методе. Мы согласны с тем, что необходимо рассматривать каждый хозяйственный феномен в той или иной связи его с другими феноменами. Иначе и быть не может. Но мы не согласны с тем, что балансовый метод гарантирует нам достаточно точный прогноз и, следовательно, подведет достаточный фундамент под наше детализированное, количественное выражение перспектив наших планов на длительные сроки. С.Г. Струмилин пользовался как будто тоже методом балансовым или методом, очень близким к нему. Однако это ему не особенно помогло. Да и по существу, что дает нам балансовый метод? Балансовый метод позволяет нам *приблизительно установить фактический баланс народного хозяйства* в тот или иной момент прошлого. Выражаясь символически, он дает нам возможность установить в количественном выражении и в их взаимной связи элементы народного хозяйства A, B, C, \dots, X , как они существуют фактически в тот или иной прошедший период времени. Но, установив эти элементы и их связь между собой в этот прошлый период, можем ли мы, опираясь на установленный баланс народного хозяйства, перейти к будущему времени и определить эти элементы в их взаимной связи в будущем, то есть построить вероятный баланс будущего? Допустим, что мы ищем количественное выражение в более или менее отдаленном будущем для элемента X . Конечно если бы все другие элементы народного хозяйства, то есть $A, B, C \dots$ и т.д., а также их связь между собою и с элементом X на будущее время были нам известны, то мы, пользуясь балансовым методом, могли бы точно установить элемент X на это будущее время. Но в том-то и дело, что этих элементов A, B, C и т.д. и их связи между собою и с элементом X на будущее время мы не знаем. А раз мы их не знаем, то, в сущности говоря, балансовый метод не в состоянии дать нам что-либо для количественного выражения элемента X на это будущее время. Это рассуждение можно применить к любому элементу народного хозяйства, а не только к элементу X . В таком случае ясно, что сам по себе балансовый метод нисколько не увеличивает наших возможностей прогноза как для любого элемента, так и для всего народного хозяйства. Для того чтобы эту возможность иметь, мы должны были бы знать законы изменения во времени для элементов A, B, C и т.д. Мы должны были бы также знать законы изменения связи между этими элементами. Только тогда мы могли бы,

отправляясь от существующего баланса народного хозяйства, построить вероятный баланс его на будущее время и вместе с тем определить количественное выражение любого элемента народного хозяйства на это будущее время. Но именно знанием этих законов изменения элементов и связи их мы в достаточной степени не обладаем.

Таким образом, выставленное выше положение об отсутствии достаточных оснований под очень многими расчетами наших планов, об отсутствии соответствия между тем, что мы можем говорить о будущем, и тем, что мы действительно о нем говорим, остается в полной силе. И балансовый метод при его неосторожном применении к прогнозу на будущее означает еще большую детализацию наших построений, еще больший фетишизм цифр и переоценку наших возможностей.

Было бы, однако, абсолютно неправильно заключить, что изложенные критические соображения направлены против построения планов вообще и против всяких количественных расчетов при построении плановых перспектив. Они направлены лишь против ошибок при построении планов, как мы понимаем эти ошибки.

Они направлены не против планов, а против плохих планов, И из них вытекает ряд выводов методологического, а частью педагогического характера в отношении построения планов.

7

Прежде чем перейти к выводам, для большей ясности их остановимся еще на одном важном вопросе. Против изложенной выше характеристики существующего у нас безотчетного увлечения механическим детальным цифровым расчетом перспектив и против критики этого увлечения могут указать и обычно указывают, что она идет все же слишком далеко. В качестве аргумента в пользу такого утверждения указывают, что к цифровым расчетам будущего прибегают даже частные предприятия, тресты и синдикаты, когда начинают крупное строительство, к ним прибегает капиталистическое государство, когда приступает к крупным сооружениям, например к сооружению железных дорог, портов, электрических станций и т.д., или когда намечает линии экономической политики. Но если это так, то тем более к таким расчетам должно прибегать наше государство, строящее все хозяйство на плановых началах.

Да, частные предприятия и капиталистическое государство в упомянутых случаях прибегают к известным расчетам на будущее. Но нужно отдать себе отчет, к каким расчетам они прибегают и в какой форме их делают, чтобы сослаться на этот аргумент. Рассмотрим отдельно, с одной стороны, пример предвидения и расчетов на будущее при производстве крупных сооружений, с другой — пример предвидения при выяснении линий экономической политики в условиях частного капитализма. В качестве примера расчетов первого типа разберем случай с постройкой железных дорог.

При решении вопроса о возможности и целесообразности постройки дороги делаются предварительные изыскания. Производится статистико-экономическое изучение положения и развития хозяйства и грузооборота района строительства дороги за прошлое. Изучение это производится в целях выяснения, можно ли ожидать, что грузооборот в этом районе по его условиям окажется достаточно устойчивым и массовым. При этом стараются определить: на какой по меньшей мере вероятный грузооборот в количественном выражении можно рассчитывать в будущем при средненормальных условиях, каковы при таких условиях будут примерно расходы и доходы дороги и окажется ли она рентабельной. Но при этом вовсе нет речи о точном количественном выражении будущего годового движения всех элементов хозяйства района, грузооборота, прибылей дороги и т.д.

Все указанные расчеты ведутся под углом зрения и в целях выяснения одного — рентабельна дорога или нет и потому следует ее (с экономической точки зрения) строить или нет.

Интересно посмотреть, каков эффект таких расчетов? В работе А.Н. Антошина сделано сопоставление таких расчетов с действительностью по ряду дорог¹. Возьмем для примера основные данные, относящиеся к дороге Киев — Полтава, открытой 2 декабря 1901 г. (см. табл. 1).

Отсюда прежде всего ясно, что по типу построения предположения здесь (как и по другим дорогам) не приурочены к какому-либо определенному году и не рассчитаны в динамической форме на ряд определенных лет. Предположения эти построены в среднем в расчете на данные нормальные условия без

¹ Антошин А.Н. Исчисление грузооборота и доходности вновь проектируемых железных дорог и действительные результаты по некоторым из них. Сиб.: С.-Петербург. политехнический ин-т им. Петра Великого, 1913.

Т а б л и ц а 1

	Предположе- ния	Фактические данные за 1903 г.	Предположе- ния в % к фактичес- ким данным
Грузооборот:			
тыс. пуд.	39 091	64 766	60,4
млн. пудо-верст	8 834	14 204	62,7
Выручка по товарному и пассажирскому движению, тыс. руб.	2 103	3 220	65,1
Весь валовой доход, тыс. руб.	2 219	3 313	67,0
Расходы эксплуатации, тыс. руб.			
зависящие от движения	530	1 277	41,5
не зависящие от движения	820	1 007	81,4
Итого расходов	1 350	2 284	59,1
Чистый доход	869	1 029	84,5

претензии предвидеть динамику самих этих условий и динамику искомых величин. По существу же приведенное сопоставление, далее, показывает, что предположения, несмотря на ограниченность их претензий, все же очень резко отклоняются от действительности. В качестве фактических данных автором взяты данные 1903 г., исходя из соображений, что этот год является годом более или менее нормальным и не отмечен теми или иными пертурбационными событиями¹. Впрочем, в работе имеются некоторые материалы для сопоставления предположений с фактами действительности и по другим годам. Итог этого сопоставления получается тот же и обнаруживает резкое отклонение предположений от действительности.

Если взять теперь для сопоставления не только приведенные общие величины грузооборота, а данные по грузообороту более дробного порядка, то получится следующая картина (см. табл. 2).

Отсюда видно, что предположения о перевозке отдельных товаров и их групп отклоняются от действительности, за исключением некоторых случаев, как правило, еще более значительно, чем предположения по всему грузообороту. В общем, те же выводы получаются и при рассмотрении данных по другим дорогам.

¹ Антошин А.Н. Цит. соч. С. 26.

Т а б л и ц а 2

Категории грузов	Предположительная и фактическая перевозка грузов		
	Предположительная	Фактическая в 1903 г.	Предположительная в % к фактической
I. Грузы отправления — всего, тыс. пуд.	7410	9066	81,7
В том числе:			
хлеб и мука	6100	5528	110,3
отруби	—	114	—
масличные семена	200	—	—
свекловица	—	1628	—
живой скот, тыс. шт.	5,5	13,4	41,0
доски, бревна, шпалы и т.п.	—	147	—
II. Грузы местного движения, тыс. пуд.	750	3124	24,0
III. Грузы прибытия — всего, тыс. пуд.	5000	5855	85,4
В том числе:			
камень строительный алебастр	1500	890	168,5
и известь	350	204	171,6
мел и цемент	—	104	—
каменный уголь	950	2062	46,1
соль	510	289	176,5
сахар	100	76	131,6
лесные материалы	1000	916	109,2
керосин	70	141	49,6
мануфактура	40	21	190,5

Таким образом, несмотря на скромность претензий предвидения при проектировании дорог, предвидение это чрезвычайно уклоняется от действительности. Но если учесть, что при построении его имелось в сущности в виду не столько предугадать динамику действительности, сколько предугадать — обеспечены ли известный минимум грузооборота, при котором проектируемая дорога может экономически оправдать себя, то это далекое от точности предвидение, не отвечая первому требованию, можно думать, более или менее удовлетворило второму более скромному требованию. В силу этого оно выполняло свою практическую функцию, давало известные основания для решения вопроса — строить или не строить дорогу. Интересно отметить, что из шести рассмотренных А.Н. Антошиным дорог в пяти случаях предположения ниже и, как правило, значительно ниже действительных величин. Это подтверждает ту мысль, что при построении приведенных и подобных предположений было стремление не столько детально предвидеть факты действитель-

ности, — сколько предвидеть одно — возможна ли рентабельная работа дороги. Именно в связи с этим можно понять, почему расчеты на будущее ведутся здесь весьма осторожно с известной гарантией от преувеличений, с тенденцией выяснить, гарантирует ли действительность именно известный минимум перевозок выручки, чтобы решиться на постройку дороги.

Итак, приступая к крупным сооружениям, капиталистические государства прибегают к расчетам на будущее. Но эти расчеты неизмеримо скромнее, чем расчеты, практикуемые в наших планах. Эти расчеты проникнуты стремлением удовлетворить действительную *узкую практическую потребность* в деле строительства и совершенно не задаются целью дать годовую динамику на длительный период всего комплекса элементов хозяйства соответствующей полосы.

Разобранный случай расчетов на будущее при крупных сооружениях в условиях частнокапиталистического режима можно считать типичным. Это не значит, что при этом режиме не было случаев более сложных расчетов. Но все эти случаи будут усложнением в степени, а не в типе построений.

Рассмотрим теперь другой тип предвидения отдаленного будущего, тип, который иногда встречается в частнокапиталистических странах при выяснении линий экономической политики. Возьмем в качестве примера построения группы экономистов из министерства сельского хозяйства **САСШ**¹.

В своей работе авторы заглядывают в отдаленное будущее сельского хозяйства САСШ, перспектив их сельскохозяйственной продукции, и снабжения страны сельскохозяйственными продуктами. Ход построений их таков.

Учитывая коэффициент прироста народонаселения САСШ за последнее время (с учетом значения иммиграции) и экстраполируя по этим коэффициентам количество населения на будущее, они получают, что к 1950 г. население страны определится цифрой около 150 млн. человек. Если бы потребление населения, а также производительность акра посевной площади, пастбищ и леса остались к этому времени прежними, если бы страна не вывозила и не ввозила сельскохозяйственные продукты, то для снабжения этого населения продуктами питания и лесным материалом потребовалось бы следующее количество земли (млн. акров):

¹ Gray L.C. at all. The utilization of our lands for crops, pasture and forests//Us Dept. of agriculture. Agriculture yearbook. 1923. Wash., 1924. P. 415-506.

Пашня	431
Незасушливые пастбища	336
Полузасушливые пастбища	587
Лесные пастбища	237
Лес	<u>1 465</u>
Итого	3 056
Двойной учет земель, пригодных для пастбищ	237
Итого за вычетом двойного учета потребной земли и произрастания лесов	2 819

Общая площадь САСШ в настоящее время составляет 1903 млн. акров, то есть значительно меньше, чем указанное потребное количество земли. Из этих 1903 млн. акров под пашней, пастбищами и лесом находится 1666 млн. акров, остальные 237 млн. акров падают на неудобную и другие земли, не находящиеся в сельскохозяйственном пользовании. Причем из этих 237 млн. акров около 103 млн. акров могло бы быть использовано в сельском и лесном хозяйстве. Таким образом, в сельскохозяйственном и лесном использовании всего может быть около 1769 млн. акров.

Находящаяся уже в сельскохозяйственном использовании земля распределяется в настоящее время по угольям так (млн. акров):

Пашня	365
Пастбища незасушливых районов	231
Пастбища засушливых и полузасушливых районов	587
Лес	<u>483</u>
Итого	1666

Из сказанного ясно, что при существующей продуктивности земли, при существующих нормах потребления и экспорта к 1950 г. САСШ были бы совершенно не в состоянии обеспечить себя основными предметами питания и лесными продуктами.

Авторы при этом показывают, что земли, физически способной стать пашней, в САСШ имеется около 973 млн. акров, то есть значительно больше, чем требуется к 1950 г. Но вся эта земля могла бы стать пашней лишь при условии, с одной стороны, производства очень значительных и дорогих мелиораций, с другой — при условии крайнего сокращения пастбищной и лесной земли, что было бы совершенно недопустимо.

Таким образом, в перспективе как будто вырисовывается угроза недостатка земли в САСШ, а именно: сокращение количества обрабатываемой земли на душу сельскохозяйственного населения, сокращение земли под пастбищами, рост цен на землю. Далее они анализируют природу надвигающегося (при прочих равных условиях) недостатка земли и те факторы, которые порождают и обостряют его. Они показывают, что это явление недостатка земли глубоко относительно и связано с низкой производительностью земли в САСШ (пахотной, пастбищной и лесной) по сравнению, например, с европейскими странами, с экспансией продукции для экспорта, с хищническим использованием лесных богатств, с чрезвычайно высокими нормами потребления, особенно животноводческих продуктов.

Исходя из этого чрезвычайно интересного анализа, авторы приходят к заключению, что разрешение проблемы снабжения САСШ продуктами сельского и лесного хозяйства при возрастании населения лежит по линии не только вовлечения неиспользованных земель в процесс использования, поскольку это можно сделать сравнительно без больших затрат, но и повышения производительности земли, частичного понижения и видоизменения норм потребления (при условии, что они останутся вполне достаточными), перераспределения земельных угодий и сокращения сельскохозяйственного экспорта.

На основании этих заключений они строят следующие варианты необходимой к 1950 г. земли и распределения ее по угодьям в зависимости от изменения производительности земли и норм потребления (см. табл. 3).

В заключение авторы анализируют реальные возможности в области повышения производительности земли, видоизменения и сокращения потребления и сокращения экспорта в течение ближайших десятилетий. Признавая, что повышение производительности и понижение потребления произойдет, но в меньшей степени, чем это было принято при предыдущем расчете, принимая, что экспорт не прекратится, а лишь резко, не менее чем вдвое, сократится, они приходят к следующему заключению о наиболее вероятном количестве необходимой земли и ее распределении при возросшем населении к 1950 г. (см. табл. 4).

Отсюда ясно, что при реализации принятого вероятного изменения производительности земли, сокращении норм потребления и экспорта САСШ могли бы обеспечить снабжение возросшего населения.

Таблица 3

Угодья	I вариант: производительность земли и нормы потребления не изменяются	II вариант: нормы потребления сохраняются, но производительность земли достигает европейского уровня	III вариант: производительность земли остается прежней, но нормы потребления сокращаются до европейского (примерно до германского довоенного) уровня
	млн. акров		
Пашня	431	270	394
Незасушливые пастбища	336	121	215
Полузасушливые пастбища	587	587	587
Лесные пастбища	237	237	237
Лес	1465	636	169
Итого	3056	1851	1602
Итого, исключая двойной счет лесных пастбищ и леса	2819	1614	1433

Таблица 4

Угодья	Существующее положение	Вероятное и желательное положение
	млн. акров	
Пашня	365	403
Незасушливые пастбища	231	233
Полузасушливые пастбища	587	587
Лес	483	496
Вновь вовлекаемая земля из состава неиспользуемых 103 млн. акров	—	53
Итого	1666	1719

Несомненно, что в этой кратко изложенной здесь работе трактуется чрезвычайно важная проблема развития сельского хозяйства САСШ в длительной перспективе. Нельзя сказать, чтобы работа эта не давала ориентации для направления практической экономической политики страны в области сельского хозяйства. Авторы, как мы видим, прибегают и к предвидению. Но предвидение это ограничено у них по существу лишь вопросами о движении народонаселения, вероятного повышения производительности земли, видоизменения потребления и сокращения сельскохозяйственного экспорта. Предвидение это сделано

в суммарной форме. И хотя оно выражено в этих частях количественно, но ясно, что центр тяжести его лежит не в цифровом расчете, а в указании основных тенденций развития сельского хозяйства и желательного направления мероприятий политики. Количественное выражение возможного прироста производительности земли и видоизменения потребления имеет значение лишь для общей ориентации в масштабах предстоящей работы.

Таковы примеры количественных расчетов на будущее в условиях частного капитализма. Ясно, что они имеют неизмеримо менее сложный характер, чем наши плановые построения. Они менее детальны, в меньшей степени выражаются в точных цифрах и относительно большее внимание уделяют экономическому анализу сущности проблем. Мы отдаем себе полный отчет в том, что наше государство, руководящее значительным сектором всего народного хозяйства и ставящее своей задачей глубокое воздействие на остальной сектор его, стоит перед более сложными проблемами, чем частный предприниматель или капиталистическое государство. Оно нуждается поэтому и в более объемлющих и широких перспективных построениях. Но из этого не вытекает, что оно на практике нуждается в детальных цифровых расчетах динамики всего комплекса элементов народного хозяйства на длительный срок вперед. Из этого не вытекает, что оно нуждается в таких расчетах даже и в том случае, если эти расчеты заведомо не обоснованы. Из этого вытекает лишь, что при построении наших планов мы должны учесть своеобразие и большую сложность запросов государства и должны удовлетворить эти практические запросы государства, в полной мере используя наши возможности, но не впадая в самообман и потому не превосходя их.

8

Перейдем к выводам, вытекающим из всего изложенного выше.

Первый и наиболее общий наш вывод таков. Один из основных дефектов построения наших планов состоит в том, что слишком многие части этих планов и их предположения относительно будущего не только не обоснованы, но при данном состоянии знания не могут быть обоснованными, далеко выходя за пределы возможностей нашего проникновения в вероятное будущее, и потому являются произвольными.

Если мы хотим иметь серьезно обоснованные планы, на которые можно опираться в практической работе, необходимо решительно отказаться от введения в них элементов и положений совершенно произвольного характера. Необходимо в качестве основного правила принять, что в планы вводятся лишь те проблемы и элементы, относительно которых мы имеем объективные основания высказывать те или иные суждения практически достаточной вероятности и притом в такой форме, которая отвечает нашим возможностям учета будущего. Против этого могут сказать, что если строить планы в соответствии с уровнем нашего знания и границами возможного предвидения, тогда придется отказаться от очень многих плановых построений, тогда планы станут менее полными и конкретными. Да, возможно и даже несомненно, что планы в части предположений на будущее станут значительно беднее и скромнее. Но мы не видим в этом ровно никакого ущерба. Одно из двух: или мы хотим иметь серьезные и реальные планы и в таком случае должны говорить в них лишь то, на что мы имеем известные научные основания; или мы будем продолжать заниматься всевозможными “смелыми” расчетами и выкладками на будущее без достаточных оснований и тогда мы должны заранее примириться, что эти расчеты произвольны, что такие планы лишены реальности. Но какая цель и цена таких планов? В лучшем случае они останутся безвредными, потому что они мертвы для практики. В худшем — они будут вредными, потому что могут ввести практику в жестокие ошибки. Странно, действительно, думать, что можно помочь практике путем построения произвольных концепций.

Второй вывод, являющийся развитием и конкретизацией первого, таков. Так как наиболее спорными и наиболее произвольными в наших планах являются точные и детализированные количественные расчеты перспектив на длительное будущее, так как эти расчеты заняли в наших планах по существу центральное место, отнимают, по-видимому, максимум сил и способны легче всего ввести в заблуждение, то необходимо решительно пересмотреть значение, ограничить и видоизменить применение этого приема построения планов, категорически отказавшись от фетишизма цифр. В развитие этого положения в соответствии с требованием научной доброкачественности плановых построений нам кажется необходимым выдвинуть следующие правила.

Во-первых, необходимо отказаться от количественного выражения тех элементов, предвидеть изменения которых в количе-

ственной форме, по крайней мере на данной стадии нашего знания, мы вообще не можем. В таких случаях необходимо ограничиться указанием тенденций соответствующих явлений.

Во-вторых, в тех случаях, когда явление допускает количественное выражение и доступно некоторому количественному предвидению, но лишь на короткий срок, необходимо отказаться от количественного выражения его перспектив на длительные сроки вперед, ограничиваясь на эти длительные сроки также лишь характеристикой общих тенденций его.

В-третьих, когда явление допускает известное количественное предвидение на относительно длительный срок, но лишь при условии отказа от дробления его на мелкие составные части, следует при проектировании перспектив на длительное будущее ограничиться рассмотрением явления в суммарном виде (например, в случае определения эволюции посевной площади всех зерновых хлебов или каждой даже мелкой зерновой культуры, в случае определения эволюции общей суммы бюджетных доходов или доходов по отдельным даже мелким статьям).

Таким образом, *мы не высказываемся категорически против количественного выражения перспектив в перспективных планах*. Мы высказываемся лишь за то, чтобы эти количественные выражения давались в том объеме и в той форме, на которые у нас в каждом данном случае имеются достаточно серьезные и практически удовлетворительные научные основания. Но несомненно, что в связи с предыдущими положениями значительная часть количественных расчетов из планов должна быть вообще исключена. Многие расчеты должны быть исключены из перспективных планов, составляемых по установившейся практике на пять и более лет, и должны найти место исключительно в оперативных планах, где мы имеем дело с коротким годичным сроком, где мы практически имеем наибольшую нужду в определенной количественной характеристике перспектив и где, несомненно, имеется больше возможностей для такой характеристики. В связи с этим мы сознательно идем на отказ от количественного определения сколько-нибудь дробного баланса народного хозяйства на длительный срок вперед.

Мы хорошо знаем, что эти выводы встретят горячие возражения. Многие думают, что цифровые выражения плановых перспектив, и в том числе перспектив на длительное будущее, являются центральной частью, так сказать, душой наших планов. Думают, что планы без обильных, порой красивых и импонирующих таблиц, в которых подсчитаны на длительное

будущее и сборы с десятины по каждой культуре, и продукция щетины, и сбор конского волоса, и цены на отдельные товары, и емкость рынка каждого товара на пятилетие вперед и т.д., не имеют значения и не удовлетворяют требования практики в наших условиях, где планирование хозяйства является центральной руководящей идеей экономической политики.

Что идея планирования является такой руководящей идеей — это мы хорошо знаем. Что планирование имеет у нас исключительно большое и ответственное значение — это мы тоже учитываем. С указания на это мы начали свою статью. Но именно исходя из этих идей, мы возражаем не против планирования, а против плохих и иллюзорных планов, на основе которых практически нельзя строить планирование. Да, практика планирования нуждается в возможно более определенных и детальных количественных исчислениях перспектив. Но она нуждается не в произвольных исчислениях, а в исчислениях достаточно серьезных, — это во-первых. Во-вторых, когда действительно практика нуждается в хороших и достаточно подробных количественных расчетах? В таких расчетах практика нуждается преимущественно в процессе текущего планирования, то есть практика нуждается в них преимущественно тогда, когда имеет дело с оперативными планами. Но именно учитывая это, а также учитывая наши возможности предвидения, мы и утверждаем ниже, что наибольшее число количественных детальных расчетов должно найти место в оперативных планах. Нуждается ли, однако, практика планирования в детальных всеобъемлющих количественных расчетах, когда речь идет о длительных перспективах на пятилетие и более? Нуждается ли практика планирования действительно в том, чтобы в перспективных планах было подсчитано, какие будут цены на отдельные культуры через 5–10 лет, какова будет тогда урожайность этих культур с десятины, каков будет тогда же приток вкладов в банки и т.д. и т.д.? Конечно, было бы лучше знать все эти явления в их будущем количественном выражении. И конечно, если бы мы могли научно обоснованно сказать об этом, мы бы должны были это сделать. Но если мы сделать этого не можем, если мы можем лишь подменить такой научно обоснованный прогноз субъективными, идущими часто от темперамента предположениями, то какое значение они могут иметь для практики? Практика не только может, но и должна обойтись и обходится без них. При этих условиях в отношении длительных перспектив, как правило, практика прежде и больше всего нуждается не в таких

субъективных количественных расчетах, не в точной цифровой характеристике будущего баланса народного хозяйства вообще, а в том, чтобы иметь серьезную и действительно обоснованную экономическую ориентацию в *общих и основных линиях развития народного хозяйства*. Она нуждается в ответах на такие вопросы, как: можно ли рассчитывать на высокую конъюнктуру сельскохозяйственного рынка и на рост сельскохозяйственного экспорта или для этого имеются серьезные препятствия? Какая система мер требуется для устранения этих препятствий? Имеются ли предпосылки для интенсификации сельского хозяйства и в каком направлении она может идти? Каковы вероятные тенденции в состоянии перенаселения известных районов и т.д.? И характерно, что наши планы, как правило, расщепляющие волос на четыре части по линии старательного использования арифмометра и по части исчислений, — какова будет арифметическая продукция свинины через 5–10 лет в такой-то губернии, сколько пудов пшеницы тогда мы вывезем и т.д., — в сущности, почти совершенно не дают ответа на поставленные выше и подобные основные вопросы. Планы заполняют внимание по большей части ненужным цифровым избытком, совершенно не освещая основных проблем в перспективах нашего развития.

На это могут возразить. Хорошо, не будем заниматься в перспективных планах такими детальными цифровыми выкладками и ограничим внимание на перспективах основных линий развития. Но как можно определить эти перспективы без детальных расчетов? Как можно ответить на вопрос, скажем, о перспективах внедрения интенсивных культур в сельское хозяйство, если не рассчитать, насколько вырастут общие посевные площади, насколько вырастут интенсивные и зерновые культуры, насколько вырастет промышленное потребление технического сырья и т.д. И раз вы встали на этот путь расчетов, вы логически приходите к необходимости вообще точных и подробных количественных расчетов на будущее. На это необходимо ответить. Да, если бы мы были в состоянии построить такое точное числовое предвидение, было бы лучше его сделать. Но так как, на что указывалось уже выше, мы этого сделать не можем, то это простой самообман, будто мы разрешаем проблему, когда изображаем движение всех элементов в мелко-количественной форме. Это простой и вредный самогипноз, будто статистик, часто мало что понимающий в экономике, но умеющий хорошо считать, умеющий определить темп роста любого

элемента за прошлое время, разрешает поставленную проблему о перспективах интенсификации: когда он, исходя из произвольных коэффициентов, рисует эти перспективы всеми цветами цифр: абсолютных, относительных и т.д. Это простой самогипноз и фетишизм цифр не только по существу, но хотя бы еще и по фактическому состоянию наших статистических данных. Действительно, мы, в сущности, не знаем, велики ли у нас фактически посевные площади интенсивных и других культур, мы не знаем, каково у нас фактическое количество скота, мы не знаем, ошибаемся ли мы в этих фактических цифровых данных на 5% или на 25%, и тем не менее строим детальные годовые цифровые расчеты на длительное будущее, строим их с точностью до десятых процента, убеждая себя и других, что вскрываем реальные перспективы интенсификации и т.д. Но если такие детальные цифровые увлечения этой и других проблем не разрешают, то они и не нужны.

Разрешение проблемы, нужное для практической ориентации в будущем, лежит не в этих цифровых упражнениях, а в углубленном экономическом анализе (в том числе и при помощи статистического метода) условий внутреннего и мирового рынков, условий, определяющих уровень и соотношение цен, условий, определяющих вероятную тенденцию изменений рынка, реорганизации сельского хозяйства и т.д. Если при этом анализе выяснится возможность дать приблизительное цифровое выражение этих тенденций (с указанием возможных пределов ошибки), — против такого цифрового выражения нет смысла возражать. Но при этом условии центр тяжести построения перспектив с цифровой частью перемещается именно в сферу углубленного экономического анализа проблемы. Именно такой анализ (поразительное дело!), как правило, совершенно отсутствует в наших планах. У нас, как правило, поступают проще и смелее. Начинают с построения в цифровом и детальном выражении перспектив, потом в краткой тезисной форме иногда указывают, какие условия нужно было бы изучить как условия, от которых перспективы зависят. Самого изучения этих условий, правда, не проводят, но тем не менее сосредоточивают все внимание на том, чтобы убедить и себя и других, что перспективы обоснованы. В итоге и получается, что план сводится к часто бессодержательному набору мертвых статистических таблиц и кратких пояснений к ним. Не этим ли, однако, объясняется, что наши планы так мало читаются, что к ним относятся как к “ненастоящей” научно-практической работе? Не этим ли объясняется, что их

начинают пересматривать ранее, чем успели кончить их построение?

Третий вывод таков. Так как доступное нам количественное предвидение будущего, поскольку мы к нему прибегаем, всегда лишь приблизительно, то во избежание ошибок на практике следует давать не однозначно точное цифровое выражение предположений, а всегда с указанием приблизительной вероятной ошибки его. Это правило необходимо потому, что по существу мы никогда не имеем достаточных оснований формулировать наше предвидение в конкретно однозначной форме.

В связи с этим стоит *четвертый* вывод, относящийся уже к пониманию планов. Раз многие явления мы не можем выразить количественно, раз количественное выражение перспектив, где мы к нему прибегаем, не может быть однозначным, составляемые планы не могут пониматься как строго точная, так сказать, “казенная” директива. Они должны пониматься как основная указующая директива, требующая от практики максимальной творческой гибкости в смысле учета конкретных условий работы и получения наибольших результатов. В соответствии с этим в тех областях, где желательны максимальные достижения, где по существу желательно превышение плановых предположений на практике, практика должна рассматривать планы как планы минимальные и должна проявить творческую инициативу в достижении наибольших результатов. Таково, например, положение в области продукции, заготовок, экспорта и т.д. Наоборот, в тех отраслях, где существо наибольших достижений состоит как раз в экономии против плана, практика должна рассматривать план как максимальный. Таковы, например, все планы, связанные с расходом материальных и денежных средств и т.п.

Пятый вывод, который вытекает из всего предыдущего изложения, таков. Наши операционные и перспективные планы практически почти не отличаются друг от друга по существу. Они отличаются чисто внешне и главным образом тем, что одни строятся на год, другие на несколько или на много лет. Но по содержанию и характеру построения они очень мало отличны друг от друга. В настоящее время выдвинута задача построения особого генерального плана на 15 лет. Но по намеченному содержанию его — это в сущности также просто перспективный план только не на 3 или 5 лет, а на 15. В нем намечаются те же рубрики, те же расчеты и т.д. Мы думаем, что необходимо провести более глубокую грань между различными планами.

Операционные планы должны остаться планами, в которых дается наиболее конкретная и в максимально возможной степени (в соответствии со вторым выводом, изложенным выше) количественная характеристика перспектив и мероприятий. Перспективные планы, наоборот, должны быть максимально освобождены (в указанном во втором выводе смысле) от конкретных и детальных цифровых расчетов на будущее. В них должны найти место углубленное экономическое освещение основных вероятных и желательных тенденций развития народного хозяйства или различных его отраслей, а также направления наших мероприятий. Цифровые характеристики этих тенденций должны даваться в них лишь там, где это действительно необходимо и возможно. При этом, конечно, должны быть учтены особенности и настоятельность практических запросов к таким количественным расчетам и возможности этих расчетов в различных областях хозяйства. В связи с этим такие расчеты могут получить большой удельный вес, скажем, в промышленности и на транспорте, меньший в сельском хозяйстве, минимальный в сфере денежного обращения и кредита.

Наряду с этим нужно признать, что перед государством имеются особо трудные проблемы направления строительства, проблемы, которые связаны с крупными капитальными вложениями и которые имеют глубоко революционное значение для развития народного хозяйства. Таковы, например, вопросы крупных железнодорожных сооружений, сооружений крупнейших электростанций, портов и т.д. Решение этих проблем в целом не укладывается полностью ни в сроки перспективных планов, ни тем более планов операционных. Поэтому они не могут получить достаточного освещения в этих общих операционных и перспективных планах.

Такие проблемы планового строительства требуют дополнительной и специальной разработки со всеми необходимыми обоснованиями и расчетами возможности и целесообразности намечаемого крупного строительства и притом разработки не только в целом, но и в каждом конкретном случае особо.

Шестой вывод, который мы хотели бы сделать из предыдущего изложения, сводится к следующему. Поскольку мы считаем, что центр тяжести перспективных планов лежит не в детальных цифровых расчетах, а как раз в определении и обосновании важнейших вероятных и желательных тенденций развития народного хозяйства и линии мероприятий, постольку при построении перспективных планов должно быть обращено неизмеримо

большее внимание на углубленное экономическое изучение действительности, чем это делается и делалось до сих пор. Это положение после всего сказанного само по себе очевидно. Если мы и можем получить какую-либо возможность серьезно понять основные тенденции развития в будущем и наши возможности воздействия на них, то только на основе такого изучения. Если мы и можем придать своему предвидению и перспективам, хотя бы в отношении наиболее устойчивых и основных элементов, приблизительное количественное выражение, то только на основании изучения действительности и наших возможностей воздействия на нее. Такое изучение должно охватывать все основные условия, под влиянием которых слагается развитие нашего народного хозяйства в целом, если речь идет о построении общего плана, и тех или иных отраслей его, если речь идет о построении специальных планов. Должно быть изучено влияние как условий мирового хозяйства, как влияние внутренних условий и внутреннего рынка, так и влияние регулирующего воздействия мероприятий государства. Так как задачей этого изучения является выяснение закономерных тенденций развития нашего хозяйства или различных его отраслей, так как эти закономерности в различных районах различны, то такое изучение должно быть в необходимой степени порайонно расчлененным. Это положение имеет особенно большое значение при построении планов развития сельского хозяйства. Изучение тенденций развития сельского хозяйства должно при этом учесть не только районную разнородность сельского хозяйства, но и его социально-экономическую дифференциацию. Только на основе такого изучения можно прийти к достаточно обоснованным обобщениям и выводам относительно перспектив будущего и относительно системы необходимых мероприятий.

Из предыдущего вытекает и дальнейший *седьмой*, если угодно, педагогический вывод. Составление перспективных планов при такой постановке должно быть делом лиц высокой квалификации и специальной научной и научно-практической подготовки. Оно, как и всякая работа, требующая специальной подготовки, не может быть делом всякого. Перспективных планов развития сельского хозяйства, промышленности и т. д. не может быть на данный период много. Должен быть один хороший план развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. д. В связи с этим мы считаем нецелесообразным делать обязанностью различных местных организаций составление перспективных планов. Поскольку для построения перспективных

планов требуется конкретное выяснение условий развития тех или иных районов, опыт местных работников должен быть широко использован путем совместного решения с ними специально местных проблем. Но было бы ненужной тратой сил заставлять местных агрономов, местных инженеров и других работников всех губерний и областей писать трактаты о влиянии мирового и национального рынков и т.д. на развитие их края. На основе широкого использования местного опыта дело составления перспективных планов должно быть сосредоточено в конце концов в центре. Причем в тех целях, чтобы построение планов не было оторвано от практической работы и от запросов практики, построение их должно быть непосредственно связано с практически регулирующими органами. Роль Госпланов лежит в согласовании методов построения планов и выводов, полученных в результате разработки таких планов по различным отраслям хозяйства. Наоборот, поскольку оперативные планы, призванные, опираясь на перспективный план, конкретизировать перспективы и систему мероприятий применительно к условиям данного года, данного района или данной отрасли, работа над ними требует безусловного участия непосредственных работников мест.

Итак, плановое руководство народным хозяйством у нас является одной из основных задач. Но плановое руководство хозяйством требует и хороших планов. Наша практика составления планов очень часто понимает свои задачи и возможности неправильно. Именно поэтому она полна увлечений, именно поэтому она напрасно растрчивает слишком много сил, именно поэтому она слишком оторвана от практики экономической политики и ставит ее перед неожиданностями. Мы не хотим сказать, что эти положения можно отнести к практике построения планов во всех случаях. Но таково правило. Именно поэтому практике составления планов необходимо строго учесть свой опыт и подняться на иную, более высокую ступень.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПО РАЗРАБОТКЕ ПЛАНА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА*

I

Общее понятие о плане

1. Сельское хозяйство России находится в состоянии крайнего упадка, углубленного в текущем году голодом на юго-востоке, поэтому задача возрождения сельского хозяйства представляется одной из основных задач ближайшего времени.

Выполнение ее, безусловно, требует возможно большей планомерности и согласованности всех мероприятий Комиссариата земледелия и его местных органов. Планомерность и согласованность мероприятий, целесообразная сама по себе, в данный момент диктуется еще необходимостью, вытекающей из крайней ограниченности материальных и иных средств, которыми располагают государство вообще и НКЗ, в частности. Отсюда возникает потребность в плане деятельности по восстановлению и развитию сельского хозяйства России.

2. Необходимо прежде всего уяснить смысл, какой вкладывается в понятие о плане деятельности по восстановлению сельского хозяйства в России. НКЗ исходит из того положения, что производственная и иная хозяйственная деятельность непосредственно осуществляется миллионами отдельных крестьянских хозяйств. Хозяйства эти руководятся в первую очередь своими частными интересами. Руководясь ими, они приспособляются к окружающей естественной и общественно-хозяйственной обстановке. Деятельность этих хозяйств протекает более или менее стихийно. И когда говорится о плане восстановления и развития сельского хозяйства то имеется в виду в широком смысле слова план деятельности самого НКЗ и всех его органов, направленной на сельское хозяйство в целях развития его производительных сил.

*Проект инструкции, разработанный Н.Д. Кондратьевым, доложенный на пленарном заседании Земплана 29 мая 1922 г. и на коллегии Наркомзема РСФСР 2 июня 1922 г. и утвержденный коллегией Наркомзема 12 июня 1922 г. Впервые опубликован в избранных произведениях Н.Д. Кондратьева "Особое мнение". Книга 1. М.: Наука, 1993. С. 174-181. Здесь публикуется по данному изданию (Прим. сост.).

Если верно, что отдельные сельские и, в частности, крестьянские хозяйства живут и развиваются, приспособляясь к окружающей естественной экономической среде, то органы государства и, в частности, органы Комиссариата земледелия своими мероприятиями в области агрономической помощи, землеустройства, мелиорации, организации кредита, снабжения семенами, орудиями производств и т.д. могут в той или иной степени менять эту обстановку жизни и развития массы единичных хозяйств. И меняя ее в том или ином направлении, они тем самым воздействуют на сельское хозяйство, меняют в той или иной мере и само направление развития сельского хозяйства. Тем самым они регулируют его развитие и вносят в фактическое стихийное развитие сельского хозяйства элементы планомерности.

Отсюда под планом восстановления и развития сельского хозяйства понимается план мероприятий и деятельности НКЗ и всех его местных органов, направленный на развитие сельского хозяйства. Если мы хотим, чтобы развитие сельского хозяйства имело возможно более рациональное направление и давало возможно большие народнохозяйственные результаты, то мы должны внести возможно наибольшую согласованность и планомерность в самые мероприятия и деятельность НКЗ и его органов, направленные на изменение условий существования и развития сельского хозяйства.

При этом мероприятия и деятельность НКЗ понимаются широко. В состав их включаются не только административно-организационные, финансовые и технические мероприятия, но и разработка и проведение законодательных мер по вопросам сельского хозяйства.

3. Таково понимание плана деятельности по восстановлению и развитию сельского хозяйства. При этом речь может идти, с одной стороны, о генеральном или общем плане, с другой стороны, — о текущем или годовом плане восстановления и развития сельского хозяйства. Отсюда возникает необходимость выяснить основные положения и правила Понимания и построения того и другого.

II

Генеральный или общий план восстановления и развития сельского хозяйства.

Правила и порядок его составления

4. Когда говорится о составлении генерального или общего плана восстановления и развития сельского хозяйства, то имеется в виду следующее:

текущая деятельность органов НКЗ в продолжение данного сельскохозяйственного года может быть построена более или менее планомерно и согласованно.

Но для успеха и плодотворности воздействия ее на сельское хозяйство этого еще недостаточно. Необходимо, чтобы текущая деятельность НКЗ и его органов каждого данного с[ельско]х[озяйственного] года была согласована с общими перспективами и общими задачами развития сельского хозяйства за более длительный период. Иначе говоря, проводя те или другие конкретные мероприятия в области сельскохозяйственного законодательства, агрономической помощи, землеустройства и т.д., необходимо отдавать себе отчет не только в том, в каком взаимном отношении находятся все эти мероприятия в течение данного с[ельско]х[озяйственного] года; необходимо наряду с этим отдавать себе ясный отчет и в том, в каком отношении все эти мероприятия текущего года находятся с аналогичными же мероприятиями последующих лет. Необходимо представлять себе, в каком общем направлении и к каким общим перспективам мероприятия ряда лет ведут сельское хозяйство. Отсюда ясно, что необходимо иметь план деятельности, рассчитанный на целый ряд лет, план, который достаточно ясно говорил бы, в каком общем направлении мы имеем ввиду воздействовать на сельское хозяйство и регулировать его развитие, и каким образом для достижения этой цели мы должны строить общую систему мероприятий в области сельскохозяйственного законодательства, агрономической помощи, землеустройства, мелиорации, животноводства, сельскохозяйственного кредита, кооперации, таможенно-тарифной политики и, вообще, во всех областях деятельности, с которыми приходится так или иначе иметь дело НКЗ. Такой план деятельности и есть генеральный или общий план восстановления и развития сельского хозяйства.

5. В развитие этого понятия о генеральном плане с самого начала необходимо, однако, сказать и уяснить следующее. Раз мы должны построить план деятельности, рассчитанный на ряд лет осуществления в будущем, то мы вступаем в область большой неопределенности и многих неизвестных условий и факторов. Мы не можем заранее предвидеть и определить, как сложатся фактически все условия развития сельского хозяйства.

Мы не можем ясно предвидеть, в каких, например, отношениях русское сельское хозяйство будет стоять с мировым рынком, в каком положении будет находиться железнодорожный транспорт и денежная система, как благоприятно сложатся метеорологические условия и т.п. Вот почему при построении

генерального плана необходимо наперед отказаться от задачи дать не только определенную, но и вполне конкретную картину сельского хозяйства, каким мы бы хотели его видеть, а также вполне конкретную картину мероприятий, к которым мы должны были бы прибегнуть для осуществления задачи развития производительных сил сельского хозяйства. Речь может идти лишь о выяснении общих перспектив, в направлении которых мы хотим вести развитие сельского хозяйства, и о построении лишь общих линий направления регулирующей деятельности НКЗ и его органов для достижения упомянутых задач.

6. Таково понимание генерального плана. Обратимся к выяснению правил его составления. Спрашивается прежде всего, от чего нужно отталкиваться при построении этого генерального плана? Отправным моментом при построении генерального плана необходимо признать факт и характер *естественно-исторической* эволюции сельского хозяйства каждого данного района.

Несомненный факт, что сельское хозяйство каждого данного района под влиянием внешних условий и условий, лежащих в нем самом, изменяется. Эти изменения выражаются в смене малоинтенсивных систем хозяйства более интенсивными и смене одного направления хозяйства на другое, например, зернового направления на скотоводческое, в смене техники обработки земли и т.д. В этом процессе естественных изменений сельского хозяйства всегда можно для каждого района указать наиболее прогрессивные и положительные тенденции, ведущие к большему народнохозяйственному результату. Несомненный факт также, что сельское хозяйство изменяется в общем медленно. Еще медленнее оно совершенствуется, так как прогрессивным тенденциям каждого данного района противодействуют различные неблагоприятные условия. Нужны годы, десятилетия, чтобы явственно обозначились положительные результаты естественной эволюции сельского хозяйства. Задачей планомерной деятельности органов НКЗ и является ускорить и облегчить процесс усовершенствования сельского хозяйства и развитие его производительных сил. Перспективы и путь этой деятельности и должен осветить генеральный план. Отсюда очевидно, что при построении генерального плана в каждом данном районе необходимо, во-первых, исследовать и понять естественно-исторические тенденции развития сельского хозяйства, во-вторых, необходимо выяснить, какие из этих тенденций развития являются тенденциями положительными и какие регрессивными, какие из этих тенденций подлежат в силу этого с нашей стороны укреплению и какие противодействию. При всем этом исследо-

вании и выяснении представляется необходимым серьезно почитаться с теми воздействиями, какие оказали на сельское хозяйство района война, революция и неурожай 1921 г. Война, революция и неурожай могли изменить прежние тенденции развития сельского хозяйства и могли породить новые. Необходимо тщательно уяснить, какие из этих воздействий являются глубокими и коренными, какие временными и преходящими, какие из них заслуживают поощрения и какие противодействия.

7. Уяснив тенденции развития сельского хозяйства района и произведя среди них отбор более положительных, необходимо перейти к последующему этапу построения плана. А именно, следует подойти к выяснению общих контуров будущего желательного состояния сельского хозяйства данного района. Следует, иначе говоря, подойти к намечению в общих чертах организационных типов хозяйств, наиболее отвечающих естественно-историческим и экономическим условиям существования и прогрессивного развития его в каждом данном районе. Такие организационные типы будут, конечно, носить в отношении к настоящему до известной степени идеальный характер, но кроме того, они должны и будут иметь действительные основания уже и в настоящем; они будут иметь такое основание тем в большей мере, чем лучше и точнее будут построены связи и в соответствии с теми положительными тенденциями естественного развития сельского хозяйства, о которых говорилось выше. Такие организационные типы хозяйства призваны к должны служить теми руководящими указующими маяками, по которым будет ориентироваться деятельность НКЗ и его органов при осуществлении плана возрождения и развития сельского хозяйства.

8. Обращаясь к выяснению третьего этапа построения генерального плана, наряду и параллельно с выполнением двух охарактеризованных элементов его, необходимо: 1) вести разработку и построение третьего основного элемента генерального плана и, 2) подвергнуть тщательному исследованию вопрос о средствах и направлении регулирующей деятельности, при помощи которой можно было бы, опираясь на естественные прогрессивные тенденции развития сельского хозяйства, способствовать его возрождению и развитию в желательном направлении. Здесь следует подвергнуть рассмотрению вопрос о системе мероприятий, рассчитанных на принятие ряда мер во всех областях деятельности НКЗ и его органов: в области разработки законодательных мероприятий, в области развития полеводства, животноводства, лесоводства, землеустройства, мелиорации, сельскохозяйственного кредита, железнодорожной тарифной

политики, налоговой политики и т.д. в соответствии с характером района. В результате разработки всех этих вопросов должно получиться построение перспективных систем деятельности во всех этих областях, причем все эти системы должны быть согласованы между собой. При построении генерального плана следует сообразоваться более или менее с фактическими возможностями осуществления всех мероприятий в ближайшее время.

9. При всем построении генерального плана необходимо принять, что основными движущими силами возрождения сельского хозяйства являются подъем и организация самой массы сельскохозяйственного населения, что пути развития производительных сил сельского хозяйства лежат в общем в плоскости поднятия интенсивности его систем и развития его товарности. Вот почему при построении генерального плана должно быть уделено соответствующее внимание развитию сельскохозяйственной кооперации, подъему рыночных и интенсивных культур и отраслей сельского хозяйства и развитию более совершенных и устойчивых систем хозяйств.

10. Обращаясь, наконец, к вопросу о порядке составления генерального плана, надо признать, что наиболее нормальным и желательным представляется следующий порядок разработки плана: каждый губземотдел производит разработку генерального плана применительно к своей губернии с учетом всех ее особенностей. На областных совещаниях или конференциях производится согласование и сводка основных положений и принципов погубернских планов в порайонном масштабе. Погубернские планы, а также порайонные сводки их со всеми материалами направляются в Плановую комиссию НКЗ. Центр ведет разработку генерального плана в общем государственном масштабе. По получении местных сводок в центре производится общая сводка их, затем работа центра и мест согласуется между собой и в результате центром вырабатывается общий генеральный план в общегосударственном и районном масштабах. Выработанный план утверждается и рассылается для руководства на места.

Разработка генерального плана — задача длительная. По самому существу и смыслу понимания генерального плана ясно, что его можно строить лишь шаг за шагом, углубляя, уточняя, частично изменяя первоначальную схему в зависимости от новых данных условий. Задача построения плана не отделима от задачи его усовершенствования, его углубления и уточнения. Только при таком условии выдвигаемый план будет не мертвым, а живым и творческим делом. С этой точки зрения каждый год

работы построения генерального плана является не концом этой работы, а лишь определенным этапом ее.

Но раз так, то в сущности нельзя поставить определенного срока окончания работы по составлению генерального плана. Нельзя ни от центральных, ни от местных органов потребовать законченного плана к определенному и при этом близкому сроку. С другой стороны, план этот как руководящая нить для текущих мероприятий совершенно необходим.

Если принять выраженную выше мысль о длительности задачи разработки генерального плана и сделать из нее все логические выводы, то из этого затруднения легко найти выход. Выход этот сводится к некоторым изменениям и конкретизации указанного в начале данного пункта общего порядка разработки генерального плана, а именно:

а) Губземотделы в данном году обязуются разработать лишь самые основные положения генерального плана. Они не должны углубляться в детали и не должны ставить задачу дать всесторонне разработанный план. Наоборот, в соответствии с особенностями губернии они выделяют важнейшие стороны и вопросы плана и в соответствии с наличными материалами, опытом и силами, руководясь указанными выше правилами, разрабатывают эти стороны плана, не стремясь дать исчерпывающее освещение их. Такая первоначальная черновая разработка основных положений генерального плана должна быть закончена к сентябрю 1922 г.

б) Далее в течение сентября разработанные в погубернском масштабе основные положения генерального плана на областных совещаниях, конференциях согласуются в порайонных масштабах.

в) К октябрю как погубернские, так и порайонные сводки пересылаются в центр.

г) До октября центр ведет разработку основных положений генерального плана в государственном масштабе.

д) По получении местных материалов в центре они согласуются между собой и с общими положениями общегосударственного плана. В результате вырабатывается общая схема основных положений генерального плана в общегосударственном и порайонных масштабах, она и рассылается на места. Указанными конкретными положениями о порядке разработки генерального плана руководятся, как управления НКЗ, так и его местные органы. Вместе с тем необходимо указать, что в результате такого порядка имеется в виду получить именно общую схему, как бы черновой суммарный набросок генерального плана. Но

ясно, что в соответствии со всем вышеизложенным на этом работа не заканчивается. Этим она лишь начинается.

После выработки основных положений генерального плана работа по его составлению не приостанавливается, а наоборот, развивается и углубляется с тем, чтобы к будущему с[ельско]х[озяйственному] году уже было дано второе более углубленное детализированное построение генерального плана.

III

Текущий или годичный план восстановления и развития сельского хозяйства

11. Наряду с генеральным планом разрабатывается текущий или годичный план. Под текущим или годичным планом понимается план мероприятий и деятельности НКЗ и его органов по восстановлению и развитию сельского хозяйства. План этот должен быть согласован, с одной стороны, с общими задачами и путями восстановления с[ельского] хозяйства, с другой, — с условиями и возможностями данного года в каждом районе. Отсюда ясно, что построение текущего плана уже предполагает наличие генерального плана. Но окончательное построение генерального плана, как отмечалось выше, задача гораздо более сложная и по существу своему длительная. Вот почему представляется необходимым и целесообразным, во-первых, приступить к разработке того и другого одновременно, во-вторых, согласовать текущий план с упомянутыми основными положениями генерального плана.

12. Содержание текущего годового плана. План должен содержать в себе: а) принципиальную часть, б) конкретные задания, в) обоснование этих заданий и г) предположения о финансировании мероприятий по осуществлению плана.

Эти разделы плана в интересах правильности общей сводки материала по всему Наркомзему строго соблюдаются всеми управлениями и местными органами Наркомзема.

При этом принципиальная часть намечается общее направление мероприятий по восстановлению и развитию сельского хозяйства, согласованное с основными положениями генерального плана и с новым курсом экономической политики.

Раздел конкретных заданий содержит в себе исчерпывающий перечень мероприятий, намеченных в плане, а также объем и стоимость работ, выраженную в довоенных ценах.

В третьем разделе должно содержаться обоснование конкретных заданий по возможности на цифровых материалах.

В четвертом разделе должны быть даны предположения о финансировании проектируемых по плану мероприятий. Эти предположения должны быть согласованы со стоимостью работ. И в них должны быть указаны предполагаемые источники финансирования каждой группы мероприятий (средства центра, местные, другие источники).

При этом план должен во всяком случае заключать в себе следующие группы работ:

- а) по расширению посевной площади, охране и поднятию урожайности;
- б) по животноводству и ветеринарии;
- в) по землеустройству и мелиорации;
- г) по лесному хозяйству;
- д) по особым мероприятиям, организационным и культурно-просветительным;
- е) по особым мероприятиям для восстановления сельского хозяйства юго-востока (для соответствующих районов). [...].

14. Наряду с разработкой и определением содержания плана необходимо указание разработки методов осуществления плана.

Разработка методов осуществления плана должна заключаться в подразделении, классификации всех проектируемых плановых работ, во-первых, по неотложности и, во-вторых, по типу их осуществления.

15. В отношении неотложности, настоятельности работ представляется необходимым все работы планировать по трем центрам: большому, среднему и малому. Это подразделение на концентры представляется необходимым, чтобы иметь возможность впоследствии расширять или сжимать объем работ в зависимости от конкретных условий не случайно, а планомерно, причем в малый концентр должны входить работы безусловно необходимые и неотложные. В средний — должны входить все работы малого концентра, а также работы следующей очередности по своей необходимости и важности. В большой концентр должны входить все проектируемые на данный год работы.

16. По типу осуществления все работы делятся на массовые и прочие. При разработке плана в общем перечне работ по указанным выше группам мероприятий должны быть указаны как те, так и другие, однако с обязательным обозначением типа работы. Но кроме того, все мероприятия массового характера,

как таковые, затем выделяются особо, в особую группу, перечисляются и характеризуются.

17. При разработке плана должна быть указана календарность работ по типу календарности прошлогоднего плана первоочередных массовых работ, а именно представляется необходимым в виде приложения к плану дать общий указатель, какие именно работы выполняются в каждый месяц года.

18. Так как некоторые части, проектируемые в плане работ, может быть и будут выполнены, с одной стороны, государственными учреждениями и предприятиями НКЗ, находящимися на хозяйственном расчете, с другой — сельскохозяйственной кооперацией, то при построении плана, разрабатывая его содержание, методы и последовательность осуществления работ, необходимо по возможности выяснить и указать, какие же части проектируемых работ неизбежно падут на непосредственные органы НКЗ. В этих целях представляется необходимым, во-первых, выяснить план деятельности государственных учреждений и предприятий, находящихся на государственном хозяйственном расчете, во-вторых, хотя бы примерно, выяснить и учесть предположения о с[ельско]х[озяйственных] кооперативных союзах, об их работе на будущее, отнюдь, конечно, не нарушая их прав и не вторгаясь в сферу их компетенции.

В соответствии с изменением плана и предположений тех и других учреждений и организаций должны быть указаны проистекающие отсюда изменения в работе органов НКЗ в смысле ее сокращения, направления в другое русло, а также должны быть указаны возможные сокращения сметных расходов.

19. Обращаясь к самому порядку и срокам разработки текущего плана, необходимо отметить, что самый порядок составления текущего плана предлагается следующий: губземотделы, руководясь настоящей инструкцией, разрабатывают план в погубернском масштабе к 1 октября. В течение октября на областных совещаниях производится согласование планов в порайонных масштабах. К 1 ноября погубернские и порайонные сводки со всеми необходимыми материалами направляются в центр — Плановую комиссию НКЗ. В то же самое время до ноября ведется разработка текущего плана в центре в государственном масштабе. По получении местных сводок делается общая сводка их, и они согласуются с планом, выработанным в центре. В результате составляется общий план в государственном и порайонном масштабах, каковой согласуется на Всероссийской конференции и препровождается на места для руководства.

ОСНОВЫ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО И ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА¹

**Доклад от Народного комиссариата
земледелия РСФСР на пленарном заседании
Президиума Госплана СССР***

4 июля 1925 г.

Цюрупа. Мы заслушаем сегодня доклад НКЗема, а в следующую субботу — заключение сельскохозяйственной секции.

Кондратьев. Работа НКЗема над составлением перспективного плана по указаниям президиума Госплана и коллегии НКЗема началась с осени 1923 г. Я хотел бы в первую очередь указать на объем проделанной работы. Работа нами велась одновременно как над методологией построения плана, так и над содержанием его. В то же время работа велась как над общими основами содержания плана, так и над конкретным развитием их. В результате работа привела к формулировке вводной части, в которую вошло изложение самых общих положений плана. Эти общие положения были доложены нами с/х секции Госплана в прошлом году 9 июля. Около октября месяца появилось и печатное изложение этого доклада Госплану. Работа привела, далее, к построению специальных конкретных частей плана. Материалы по частным специальным планам появились в печати несколько позднее, чем вводная часть, но в настоящее время большинство из них уже тоже вышли из печати. А именно: план по землеустройству и мелиорации, план по ветеринарии, план по лесному хозяйству, в корректуре имеется и план по сельскому хозяйству. В неотпечатанном виде остались разработанные НКЗемом в развитие общего плана по управлению с. х-вом планы по отдельным отраслям его: льноводство, свиноводство, коневодство, овцеводство и т.д. Но эти планы НКЗемом разработаны. Таким образом, завершился полный цикл работы над планом. Деля доклад, я нахожусь, однако, в тяжелом положении, потому

¹ По исправленной стенограмме.

* Доклад от Наркомзема РСФСР на пленарном заседании Госплана СССР 4 июля 1925 г. впервые опубликован в журнале "Пути сельского хозяйства". 1925. № 4. С. 186–214. Здесь публикуется по книге: Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. С. 375–413. (Прим. сост.)

что члены президиума не располагают печатным материалом по управлению с. х-вом, т.е. как раз по одному из центральных в основных управлениях НКЗема.

Указывая на объем проделанной работы, я тем самым хотел бы определить и предмет сегодняшнего доклада совершенно точно, ибо выяснение предмета может устранить очень много лишних недоразумений. Как я уже сказал, в прошлом году, 9 июля, мы доложили на сельхоз. секции Госплана общие основы перспективного плана, которые и напечатаны нами в 5-м выпуске трудов Земплана. Секция вполне одобрила предпосылки нашего прошлогоднего доклада. Вместе с тем она нашла необходимым детально проработать затронутые в нем вопросы уже в связи с планами отдельных управлений. Планы отдельных управлений с осени прошлого года начали поступать от НКЗема в сельхоз. секцию. В общей сложности нами было внесено свыше 14 специальных докладов. И вот теперь, когда секция завершила очень подробный разбор этих планов, мы возвращаемся уже не в секции, а в президиуме Госплана к общим основам плана. Но совершенно ясно, что по духу приведенного постановления секции мы возвращаемся к общим основам плана уже не в том простом виде, как они были доложены в прошлом году секции, а возвращаемся к ним в связи с планами отдельных управлений, так как, повторяю, эти планы были развитием и конкретным воплощением общих основ.

Я не имею в виду и не могу охватить в своем докладе содержания перспективного плана полностью и во всей конкретности. Я имею в виду осветить основы плана, как они нашли отражение во всей системе построений НКЗема. Следовательно, я беру систему плана НКЗема в целом, как она отразилась во всех перечисленных работах, а не только в 5-м выпуске, который был первым, вводным, написанным по окончании всей работы, и который поэтому по неизбежности был схематичным, на что в нем и указано неоднократно.

* * *

После этих замечаний о предмете доклада я позволю себе кратко указать на тот метод, которым мы пользовались при построении плана. Можно было идти двумя путями. Можно было идти путем телеологического построения плана. Построив себе заранее определенную задачу в области развития сельского хозяйства, можно было поставить вопрос, как ее осуществить, какая система мероприятий для этого необходима. Этот путь в

чистом виде нам казался невозможным, ибо с. х-во телеологическому воздействию, нам казалось, подлежит не в такой степени, чтобы можно было на основе этого метода строить весь план. Поэтому мы пошли по другому пути. Нам казалось, что нужно строить план, опираясь на генетический метод. Нам казалось, что нужно выяснить прежде всего особенности и направление эволюции с. х-ва, для того чтобы уяснить себе, что можно сделать в области его развития, чтобы поставить себе таким образом выполнимые задачи в смысле реконструкции с. х-ва. Опираясь на этот метод как основной, мы не отказались и от постановки определенных целей в реконструкции с. х-ва, не отказались от телеологического метода в полной мере, но мы ставили эти цели на основе исследования тенденций эволюции самого с. х-ва. Должен прямо сказать, что примененный нами метод, по преимуществу генетического характера, быстро показал нам, что мы не можем поставить себе задачи в пять лет, на каковой срок план рассчитан, произвести полную реконструкцию сельского х-ва, в пять лет осуществить все задачи, которые перед нами стоят в области с. х-ва. Такой цели мы себе не ставим. Исследуя эволюционные тенденции сельского хозяйства и конкретные условия его развития, мы старались выяснить пределы того революционного воздействия, которое государственная власть может внести в него в течение этого периода. Резюмирую: наш метод при построении плана был в основе генетическим, но не только генетическим. В необходимых пределах мы пользовались и телеологическим методом.

* * *

Перехожу к схеме плана. Схема построения нашего плана очень проста, и она проведена во всех работах. Она складывается из следующих основных моментов: 1) исследование тенденций развития сельского хозяйства как довоенного, военного, так и революционного периода; 2) их оценка с точки зрения определенного экономического критерия, с точки зрения идеи развития производительных сил, т.е. оценка их значения в смысле прогрессивности или регрессивности для развития сельского хозяйства; 3) установление тех задач, которые мы можем в данных условиях себе поставить в смысле улучшения и реконструкции сельского х-ва; 4) формулировка тех предпосылок общеэкономического характера, которые нужно реализовать, чтобы поставленные задачи осуществить; 5) разработка системы меро-

приятый самого НКЗема как необходимого условия для осуществления поставленных задач. Описанная схема построения нами была применена как к сельскому хозяйству, так и к лесному.

* * *

Этими замечаниями вводного характера я позволю себе ограничиться и перейду к изложению плана развития сельского хозяйства по содержанию. Причем мне кажется, что я мог бы не останавливаться подробно на первой части плана, т.е. на изложении самих тенденций развития сельского хозяйства: сколько-нибудь обстоятельное изложение их заняло бы слишком много времени. Укажу лишь на следующее. Мы довольно подробно исследовали эти эволюционные тенденции с. х-ва в периоды: довоенный, дореволюционный, военного коммунизма и новой экономической политики. За первый период в качестве важнейших были констатированы тенденции не только количественного роста натуральной с.-хоз. продукции и повышения производительности с.-хоз. труда, но и роста ценности этой продукции в связи с повышением рыночных конъюнктур. Были отмечены, далее, тенденции более быстрого роста животноводческой продукции и продукции технических культур, чем продукции зерновых хлебов. Были отмечены тенденции повышения товарности сельского хозяйства и накопления материальных ценностей в деревне. Мы констатировали, далее, процесс оттеснения крупного капиталистического, помещичьего хозяйства хозяйством крестьянским. Если в 1877 г. по 46 губерниям в пользовании крестьян находилось 129,9 млн. десятин земли всех категорий, то в 1911 г. по 47 губерниям в их пользовании было уже 201,7 млн. десятин. По данным переписи 1916 г., по 47 европейским губерниям на долю крестьянских посевов приходилось 89,2% всех посевов. Крестьянам принадлежало 93,9% всех рабочих лошадей, 94,2% крупного рогатого скота, 94,3% всех свиней. В рыночном обороте хлеба на долю крестьянского хлеба приходилось около 78,4%. Вместе с тем было констатировано, что рост крестьянского хозяйства сопровождался процессом дифференциации этого хозяйства и расслоения его на зажиточные, частью полукапиталистические слои и на слои пауперизированных маломощных хозяйств. Так, например, мы констатировали, что по 44 европейским губерниям с 1899 (1901 г.) до 1912 г. группа безлошадных среди крестьянских хозяйств возросла с 34,6 до 36,5%. Иначе говоря, более 1/3 дворов были

безлошадными, и процент этих хозяйств возрастал. В то же время мы отметили, что для роста производительных сил этих групп крестьянского хозяйства имелись неодинаковые условия. Например, когда мы взяли такое явление, как применение искусственных удобрений, то оказалось, что по некоторым губерниям среди группы сеющих до 5 дес. применение искусственных удобрений наблюдалось в 8% хозяйств, в то время как среди группы сеющих от 15 до 25 дес. этот процент достигал 48%.

Конечно, отмеченными сдвигами в недрах сельского хозяйства мы не исчерпали всех тенденций его развития. Но основные из них нами были, несомненно, учтены. Чтобы избежать академичности при построении плана, НКЗем не считал необходимым входить в анализ причин указанных основных тенденций развития сельского хозяйства. Наоборот, он считал практически важным остановиться на вопросе о расценке этих тенденций, на вопросе о том, что означали эти тенденции сельского хозяйства, насколько они выражали собой процесс роста производительных сил и какие причины тормозили этот рост. Он считал это важным, надеясь на пути точного анализа получить указания на линии своей работы в интересах ускорения развития производительности сельского хозяйства в будущем. В этом отношении мы пришли в результате анализа к таким выводам. Констатированные тенденции в общем можно рассматривать как формы проявления роста производительных сил сельского хозяйства. Несомненно, процесс роста производительных сил сельского хозяйства перед войной наблюдался. Но тем не менее успехи нашего сельского хозяйства все же были относительно незначительными.

При подтверждении этого тезиса мы пользуемся сравнительным методом. Приведем данные о национальном доходе от сельского хозяйства на душу с.-хоз. населения в некоторых странах. В то время как у нас перед войной этот доход выражался в 50 руб., в Германии он был около 155, в Англии — 190, в США — 260. Это сравнение, конечно, условно и лишено абсолютной точности. Но тем не менее оно все же позволяет сказать, что относительный уровень развития производительных сил сельского хозяйства у нас был очень невысок. Почему же темп и результаты развития нашего сельского хозяйства были относительно низки? Этот вопрос встал перед нами, как только мы констатировали указанное явление. Отвечая на вопрос, отмечу основные причины, которые тормозили развитие сельского хозяйства. Одной из основных причин, которая тор-

мозила темп развития нашего сельского хозяйства, можно считать низкий уровень капиталонасыщения в нашем народном и сельском хозяйстве. Я понимаю здесь под капиталом орудия и средства производства. Низкий уровень капиталонасыщения народного хозяйства выражался в низком снабжении народного хозяйства железными дорогами, в низком уровне индустриального развития страны и т.д. Что касается сельского хозяйства, то здесь мы имеем сравнительные данные прямого порядка, как бы ни были они условны и приблизительны. В то время как, например, в с. х-ве США на душу с.-хоз. населения приходилось капитала около 780 руб., у нас его было 180 руб. Конечно, по отдельным группам крестьянских хозяйств уровень обеспечения капиталом был различен. Из приведенных данных можно заключить, что у нас было относительно гораздо более значительное насыщение с. х-ва трудом, чем капиталом. Это было одной из основных причин медленного темпа развития производительных сил нашего сельского хозяйства. Это было причиной низкой техники нашего сельского хозяйства и низкой производительности с.-хоз. труда. При относительном перенасыщении трудом и низкой производительности его наше сельское хозяйство, естественно, находилось, особенно в некоторых районах, в состоянии перенаселения. Поэтому оборотной стороной слабого капиталонасыщения и относительно высокого насыщения трудом при низкой его производительности является состояние перенаселенности нашего сельского хозяйства. Но медленное развитие капиталонасыщения было не единственной причиной, которая тормозила развитие техники и производительных сил с. х-ва. Другую из основных причин мы усматриваем в самом типе организации нашего с. х-ва, в крайней распыленности его и в подавляющем преобладании чрезмерно мелких хозяйств. Я уже говорил, что мелких, безлошадных крестьянских хозяйств у нас насчитывалось до 36%. Факт распыленности хозяйств мешал им достаточно хорошо использовать даже тот капитал, который у них имелся. Например, если мы возьмем нагрузку лошади, то именно в группах мелких хозяйств с посевом до 4 дес. эта нагрузка достигала всего 2,7 дес. на лошадь, в то время как нагрузка в группах с посевом от 4 до 10 дес. доводилась до 4,5 дес., а в высших группах хозяйств — даже до 6 дес. Далее, одной из причин медленного развития сельского хозяйства была определенная и резкая диспропорция в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства, которая выражалась, можно сказать, в гипертрофии зернового направления хозяйств. Это приводило к

отрицательным результатам, к истощению почвы и неустойчивости хозяйства, что особенно проявлялось в Поволжье. Едва ли есть необходимость подтверждать приведенное положение данными.

Однако и самый низкий темп накопления капитала, и нерациональность в организации хозяйства, и одностороннее направление в его развитии были бы немыслимы, если бы крестьянское хозяйство находилось в иных социально-политических условиях. Социально-политические условия, существовавшие до революции, самым прямым образом мешали хозяйству преодолеть затруднения в развитии его производительных сил. Старые социально-политические условия, полные пережитков полуфеодального строя, прежде всего тормозили развитие самостоятельности населения. В то же время политика старого режима была проникнута классовым духом и приводила к конфискации значительных средств крестьянского населения, что не могло не тормозить развития его хозяйства. Это проявлялось, в частности, в налоговой политике. По тем данным, которые мы имеем, ясно, что значительная доля материальных средств крестьянского населения конфисковывалась при помощи налогов. Размеры этой конфискации достигали в среднем 17,6% условно чистого дохода крестьянских хозяйств. Это проявлялось, далее, в земельной политике, поскольку она обуславливала для крестьянства необходимость широкой аренды помещичьей земли и при помощи высоких арендных цен также приводила к конфискации части дохода крестьянского хозяйства. Это проявлялось, наконец, в направлении внешней торговой политики, которая, как известно, перед войной была проникнута духом высокого промышленного протекционизма. Все это достаточно объясняет низкий уровень самостоятельности крестьянских масс и делает более понятным медленный процесс самого накопления капитала и рационализации хозяйства, а в конечном счете медленный процесс общего развития производительных сил сельского хозяйства. И все это необходимо иметь в виду, чтобы понять, какие изменения в положении сельского хозяйства принесла революция и какие новые задачи стоят перед нами теперь.

* * *

После революции в положении сельского хозяйства произошли значительные изменения. Эти изменения сводятся к изменениям двоякого характера. С одной стороны, мы наблюдаем

устранение ряда препятствий для развития сельского хозяйства; с другой стороны, под влиянием революционного потрясения сельское хозяйство переживает период временного упадка. Благодаря революции были устранены прежние социально-политические препятствия для развития сельского хозяйства, были разрушены пережитки феодально-крепостнического строя, о которых упоминалось. Крестьянские массы были раскрепощены от власти этого режима и получили в свое пользование помещичью землю.

Но в процессе революции деревня переживает одновременно и глубокие внутренние трансформации. Благодаря массовому притоку городского населения в деревню и широкой волне земельных переделов крестьянское хозяйство подвергается дальнейшему измельчанию и в то же время нивелировке. Резко сокращаются низшие пауперизированные слои деревни, и в то же время почти исчезают высшие группы хозяйств. В ходе этой революционной трансформации, а также под влиянием гражданской войны и общего хозяйственного потрясения страны крестьянское хозяйство переживает период временного упадка. Сокращаются посевные площади и скотоводство, относительно вытесняются ценные рыночные культуры, и падает товарность хозяйства.

Процесс мельчания, нивелировки крестьянского хозяйства и упадка производительных сил его продолжается до первых результатов влияния новой экономической политики, до 1922 г. С этого времени начинается новый период в жизни деревни.

Процесс-упадка производительных сил деревни прекращается, и проявляется целый ряд положительных тенденций, которые имели место до войны, таких, как рост продукции, рост ее товарности и т.д. Приостанавливается и процесс быстрого мельчания и нивелировки хозяйств. Вновь обнаруживается тенденция к дифференциации деревни, и значение этой тенденции возрастает. Так, например, по данным о 9 потребляющих губерниях, хозяйств без рогатого скота было 32,0% в 1920 г., 33,3% — в 1922 г. и 33,4% — в 1924 г. Хозяйств с наемным трудом было 1,4% в 1920 г., 1,3% — в 1922 г. и 2,4% — в 1924 г.

* * *

Итак, новая экономическая политика привела к началу восстановительного процесса в сельском хозяйстве. Однако и в настоящее время сельское хозяйство во многих отношениях

находится в специфическом положении, которое мы должны осознать при построении плана. Это специфическое положение в основных чертах сводится к следующему. Степень относительной перенасыщенности сельского хозяйства трудом и недостаточной насыщенности его капиталом, что наблюдалось до войны, за время войны и революции не только не ослабела, но даже повысилась. Это можно видеть по количеству рабочего населения на единицу удобной площади. Соответствующие данные приведены нами на с. 24 5-го выпуска трудов Земплана. Рассматривая относящиеся к вопросу данные, можно видеть, что на единицу удобной земли по всем районам, и особенно по Северо-Западному и Западному, плотность населения, и в частности рабочего, растет. Наоборот, если мы возьмем данные об обеспечении сельского хозяйства основными видами капитала, такими, как рабочий скот, мертвый инвентарь и т.д., то мы будем иметь обратную картину. И если до войны степень насыщенности сельского хозяйства основным капиталом по сравнению с насыщенностью его трудом нам казалась низкой, то сейчас это противоречие в развитии сельского хозяйства усилилось. Если до войны деревня стояла перед фактом перенаселения, то сейчас, хотя перенаселенность деревни и была смягчена благодаря переходу в руки крестьян помещичьей земли, тем не менее она, особенно по некоторым районам, растет. И если это противоречие было основным в развитии сельского хозяйства до войны, то значение его стало еще большим после военно-революционного перелома. Этот диагноз современного положения сельского хозяйства едва ли может быть спорным. Теперь, после 3-го съезда Советов, весной 1925 г., когда была принята резолюция по докладу Л.Б.Каменева, он может считаться бесспорным, ибо это противоречие в упомянутой резолюции весьма ярко подчеркнуто. В п. 11 постановления к докладу Л.Б.Каменева совершенно определенно говорится, что основным противоречием в развитии сельского хозяйства является тот факт, что оно слишком слабо снабжено основными орудиями и средствами производства. Это положение, характеризующее современное положение сельского хозяйства, было и является для нас отправным при построении всех основных мероприятий по развитию сельского хозяйства.

Другая характерная черта современного положения сельского хозяйства, которая должна быть учтена при построении плана, состоит в факте, степени и тенденциях дифференциации деревни. Мы уже отмечали, что если в эпоху военного комму-

низма, до новой экономической политики, шел процесс нивелировки деревни, то после введения новой экономической политики там наблюдается процесс дифференциации. Проблема дифференциации деревни приобретает огромное значение для построения плана мероприятий. К сожалению, нужно сказать, что достаточно данных для того, чтобы можно было поставить эту проблему при построении плана во всей широте, мы не имели, как не имел этих данных в то время и никто другой. На это мы прямо указываем в тексте 5-го выпуска трудов Земплана.

Процесс дифференциации — такова вторая, в высшей степени важная черта современного положения сельского хозяйства, как это положение определилось после и в результате действия новой экономической политики.

* * *

Теперь от анализа и расценки тенденций развития сельского хозяйства в прошлом и положения его в настоящее время мы переходим к постановке тех руководящих задач, которые должны и могут быть выдвинуты нами в области развития сельского хозяйства. *Основной задачей развития сельского хозяйства мы считаем развитие его производительных сил.* Но мы понимаем превосходно, что провозгласить этот лозунг в таком простом и общем виде — это значит ничего не сказать. Поэтому мы старались вложить определенное содержание в этот лозунг развития производительных сил.

Какое же содержание можно вложить в этот лозунг сейчас? Это содержание должно быть определено в соответствии с современной конкретной обстановкой, с особенностями положения самого сельского хозяйства, с особенностями положения его в системе народного хозяйства и с особенностями того социально-политического режима, который создан революцией. Особенности и характерные черты положения, в котором находится сельское хозяйство сейчас, были уже намечены выше. Поэтому здесь достаточно лишь указать на них. Эти особенности заключаются в том, что пережитки феодально-крепостнического режима разрушены и что крестьянское хозяйство оказывается единственной базой в области развития и прогресса сельского хозяйства. С другой стороны, особенности положения крестьянского хозяйства сводятся к диспропорции в снабжении его трудом и капиталом, к перенаселенности деревни и нарастанию процессов дифференциации ее.

Однако мало учесть положение сельского хозяйства как такового изолированно. Нужно еще учесть его положение в системе народного хозяйства, и прежде всего по связи с индустрией. Связь между индустрией и сельским хозяйством двусторонняя. С одной стороны, эта связь выражается в том, что промышленность имеет базу в сельском хозяйстве, и притом базу двоякого характера: базу сырьевую и базу рыночную, т.е. базу для сбыта фабрикатов и, следовательно, для развития своей продукции. С другой стороны, развитие промышленности является необходимым и важнейшим фактором ослабления относительной перенаселенности в деревне, фактором отвлечения избыточного населения из сельского хозяйства и вместе с тем одним из основных факторов формирования рынка для реализации с.-хоз. товаров. Отсюда при определении содержания лозунга развития производительных сил сельского хозяйства мы должны полностью учесть указанную взаимную связь между ростом сельского хозяйства и ростом индустрии. Учитывая, далее, что развитие индустрии в нашей стране было до войны относительно слабым, учитывая, что для ликвидации аграрного перенаселения и увеличения емкости рынка с.-хоз. товаров индустриализация страны является решающим фактором, мы должны стремиться к усилению удельного веса индустрии в нашем народном хозяйстве. *Эту мысль мы формулируем как ставку на двусторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства.* Исходя из нее при построении плана развития производительных сил сельского хозяйства, мы должны, поскольку это зависит от направления роста сельского хозяйства, стремиться подвести возможно более прочный фундамент под развитие промышленности, что должно выразиться в подведении сырьевой и рыночной базы под ее развитие. Но делая эту ставку, в то же время в связи с проблемой осуществления ее мы заявили, что толчок к росту народного хозяйства, к ускорению этого роста и к индустриализации страны, а также обеспечение устойчивого развития индустрии на первых порах могут быть достигнуты только при обращении основного внимания на условия и на темп развития сельского хозяйства. Действительно, коренная проблема индустриального развития страны в настоящее время сводится к накоплению капитала, пострадавшего за время войны и необходимого для развертывания промышленности теперь; она сводится к задаче обновления и расширения орудий и средств промышленного производства.

Но если мы хотим накопления капитала, если мы хотим скорейшего переоборудования промышленности, то это может быть достигнуто легче и быстрее всего на путях развития сельского хозяйства и быстрого увеличения с.-хоз. экспорта. На этом пути мы обеспечиваем накопление средств в стране и увеличиваем емкость рынка для фабрикатов. На этом пути мы обеспечиваем импорт необходимых для промышленности орудий и средств производства.

Выдвигая эти положения, мы только идем по пути, указанному покойным В.И. Лениным, еще в 1921 г. заявившим, что в развитии хозяйства нужно начать с крестьянства. Эту же мысль повторяет Л.Б. Каменев теперь в своем докладе 3-му съезду Советов. Об этом определенно заявила сессия ЦИКа в Тифлисе. Во II пункте постановления ЦИК прямо указывается, что во всех мероприятиях как в отношении промышленности, так и транспорта необходимо исходить из положения сельского хозяйства и емкости сельскохозяйственного рынка для индустриальных товаров. Мы считаем, что после этого постановления разбираемый принцип, который мы также положили в основание при построении плана, получил полное признание и не должен вызывать сомнений. Таким образом, для нас достаточно ясно то соотношение, которое устанавливается в процессе развития между индустрией и сельским хозяйством. Я его резюмирую так: делая ставку на повышение удельного веса индустрии, что мы считаем чрезвычайно важным в интересах как народного, так и сельского хозяйства, мы находим, что кратчайший путь к этому лежит в ускоренном темпе развития сельского хозяйства, ибо развитие его есть база для расширения экспорта, для усиления импорта предметов оборудования промышленности, для накопления материальных средств в деревне, для расширения емкости рынка промышленных товаров и для ускорения общего роста народного хозяйства в ближайшее время.

Этим мы не хотим сказать, что сельское хозяйство должно развиваться, а промышленность — ожидать его развития. Что процесс развития их взаимно связан и будет идти вместе, — это достаточно подчеркнуто выше, где говорилось о взаимосвязи индустрии и сельского хозяйства. Мы хотим лишь сказать, что быстрое развитие сельского хозяйства и с.-хозяйственного экспорта есть необходимое условие быстрого и верного пути подъема всего народного хозяйства, и промышленности в том числе.

Наконец, третья категория условий, в зависимости от которых мы должны подойти к конкретному содержанию лозунга развития производительных сил сельского хозяйства, — это

особенности современного социально-политического режима и та социальная цель, которую мы ставим себе в связи с особенностями этого режима. Очевидно, что эта цель не может быть безразлична для нас, когда мы строим экономическую и сельскохозяйственную политику. Основная социально-политическая задача, поставленная революцией, состоит в том, чтобы процесс развития производительных сил склонять по мере возможности в русло коллективизации. Отсюда мы считаем, *что основная социально-политическая ставка, на которую мы должны держать курс при построении сельскохозяйственной политики, — это склонение процесса развития производительных сил сельского хозяйства в русло коллективизации.* Но мы не ставим себе этот лозунг утопически. Мы не думаем, что процесс коллективизации может быть осуществлен приказом или пожеланием. Мы считаем, что реально, сейчас, на ближайшие годы, этот лозунг прежде всего претворяется в лозунг развития кооперации в сельском хозяйстве: в области производства, в области сбыта и в области кредитных отношений. Поэтому реальным лозунгом для нас в ближайшее время при построении плана служит в этой области лозунг всестороннего кооперирования сельского хозяйства.

Учитывая все эти указанные условия и в зависимости от них, мы подходим к конкретному содержанию общего лозунга развития производительных сил сельского хозяйства. Мы говорим, что содержанием этого общего лозунга на ближайшее время для нас является: повышение натуральной продукции сельского хозяйства, рост ее ценности, повышение товарности сельского хозяйства, индустриализация его, реорганизация технической базы сельского хозяйства в интересах повышения его производительности. Далее, в целях реорганизации технической базы сельского хозяйства мы выдвинули задачу ускорения процесса накопления в деревне, ибо без этого немыслима глубокая реорганизация технической базы хозяйства, но при этом мы говорим не просто о накоплении, а о накоплении, идущем прежде всего по руслу кооперативного накопления. Вот те конкретные задачи, которые мы включаем в общую задачу развития производительных сил. Мы думаем, что, осуществляя их, мы осуществляем лозунг развития производительных сил сельского и народного хозяйства в современных условиях. Но меня могут спросить: почему же все-таки именно эти конкретные задачи являются содержанием лозунга развития производительных сил в соответствии с современными условиями? Однако, я думаю, из предыдущего ясно, что на этом пути, на пути повышения сельско-

хозяйственной продукции, на пути повышения ее ценности, в частности за счет усиления роли ценных, технических и товарных культур, на пути повышения товарности хозяйства, подведения новой технической базы под сельское хозяйство и кооперирования его мы действительно увеличиваем экспортные возможности страны, подводим сырьевой базис под развитие промышленности, увеличиваем покупательную силу сельского хозяйства и направляем его развитие по пути коллективизации. То есть мы действительно осуществляем все те основные требования, которые вытекают из учета современной обстановки и тех условий, от которых мы отправляемся. Мы действительно ведем хозяйство к развитию, росту и к его реконструкции одновременно. И нам очень приятно констатировать, что недавно на 3-м съезде Советов Л.Б. Каменев, выдвинув в своем докладе также ставку на развитие производительных сил сельского хозяйства и вскрывая ее содержание, пришел по существу к тем же результатам, что и НКЗем.

* * *

К сказанному выше о конкретном содержании лозунга развития производительных сил необходимо присоединить еще следующее. Развитие производительных сил сельского хозяйства, а следовательно, и работа в этом направлении для нас теснейшим образом связываются с идеей дифференциации районов. Мы не мыслим себе мероприятий в области сельскохозяйственной политики без строгого районирования их.

Я должен сказать, что, когда мы располагаем территорией воздействия от Балтийского моря чуть ли не до Японии и от Архангельска до Закавказья, проблема районов и районного построения всех мероприятий приобретает сугубо важное значение. При этих условиях, кажется, нельзя указать ни одного мероприятия, которое охватило бы всю эту территорию и было бы всюду одинаково пригодно. Поэтому мы поставили себе задачей подойти к построению перспективного плана строго на основе районного принципа. В связи с этим мы подвергли вопрос о районности в плане длительному и детальному изучению. Если вы посмотрите список работ Земплана, то найдете там две специальные работы, посвященные изучению районов сельского хозяйства. Затем, когда районы были изучены, НКЗемом была проделана специальная работа, которую я считаю одним из центральных мест построения всего плана, которая представляет

большую ценность. В ней по отношению к каждому району дана краткая формулировка (на основе предшествующего изучения) общих естественно-исторических и экономических условий его эволюции в прошлом; затем указано в связи с конкретными условиями каждого района и задачей повышения его производительных сил вероятное и желательное направление развития его сельского хозяйства; в связи с этим, далее, по каждому району были намечены наиболее прогрессивные организационно-производственные типы хозяйств, которые считаются для этого района наиболее целесообразными. Дальше, были формулированы те основные задания, которые стоят в каждом районе перед землеустройством, мелиорацией и агрикультурной работой в связи с задачей реализации упомянутых прогрессивных типов хозяйства. Таким образом, для каждого района как бы в миниатюре нами формулируются те же основные задачи по развитию производительных сил, которые были указаны выше для всей страны. Но в отличие от развитых выше общих положений они формулируются конкретнее, с конкретной организационно-производственной точки зрения. Я бы должен был далее пройти подробно характеристику каждого района с точки зрения намечаемой здесь реконструкции системы сельского хозяйства. Но я боюсь, что характеристика 10 районов слишком затянет мое изложение. Так как соответствующая часть плана уже напечатана, то укажу в общей форме, что, намечая желательные типы хозяйств и линии их развития в каждом районе, мы указываем определенно, какие отрасли хозяйства будут и должны являться здесь руководящими отраслями, какие системы севооборота в них являются желательными, какие новые культуры должны быть здесь введены, какие отрасли промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства должны получить здесь развитие и т.д. Иначе говоря, мы пытаемся дать в плане ответ на те основные вопросы, в которых нуждаются местные агрономические работники в их повседневной работе, мы пытаемся дать основу для построения программы местных агрономических работ и тем самым связать наш план с реальной работой, с работой по его осуществлению и по поднятию хозяйства районов.

Не останавливаясь на отдельных районах, в качестве иллюстрации возьму лишь один пример: когда мы берем, например, Северо-Западный район, то, изучая его условия, мы находим, что он распадается на подрайоны. Прежде всего у нас выдвигается пояс пригородного хозяйства с промысловым огородничеством и ягодным плодоводством около Ленинграда. Когда мы

отходим от Ленинграда несколько дальше, то наталкиваемся на пояс травопольного корнеклубнеплодного хозяйства с молочным скотоводством и с переработкой молока на масло. Этот подрайон охватывает часть Череповецкой и Псковской губерний. Далее, мы выделяем подрайон травопольно-льняного хозяйства с интенсивным луговоедством, с молочным скотоводством и сеянными травами, вводимыми в целях сохранения плодородия почвы от истощающего влияния широкого развития льняной культуры (часть Псковской и Новгородской губерний).

Наметив прогрессивные типы хозяйств в районе, мы, далее, сформулировали основные задачи политики, которые стоят здесь в области землеустройства, мелиорации, переработки с.-хоз. продуктов и агромероприятий. Таким же образом мы прошли все десять основных районов, причем особенно тщательно засушливый район Нижнего Поволжья, где мы предполагаем наиболее глубокую реорганизацию хозяйства.

Представляет, далее, интерес по вопросу о плане реорганизации хозяйства по районам указать на некоторые данные, нанесенные на висящие здесь диаграммы. На одной из них мы взяли для каждого района доходность существующего типа хозяйства в среднем по району; затем мы нарисовали доходность того идеального прогрессивного типа хозяйства, к которому мы хотим вести сельское хозяйство по районам. Наконец, мы наметили переходный тип хозяйства, к которому, мы считаем, мы подойдем в 1928 г. По всем районам вы замечаете, что предполагаемая реорганизация хозяйства приводит к значительному повышению доходности хозяйства¹. Конечно, в этом построении много условности. Но все же с точки зрения научной методологии едва ли можно оспаривать, что оно имеет свое поясняющее значение. Замечу, что при построении прогрессивных типов мы предполагали, что размеры хозяйства, подвергающегося реконструкции, не изменяются, что меняются лишь его организация, соотношение его основных элементов. Причем из приведенной здесь второй диаграммы, которая рисует существующий и предполагаемый удельный вес дохода от полеводства и животноводства в хозяйстве, вы видите везде понижение удельного веса дохода от полеводства и, наоборот, повышение удельного веса животноводства.

¹ Труды Земплана. Вып. V. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. С. 32-35.

Таким образом, в своем плане мы выдвигаем не только общие экономические задачи для всего сельского хозяйства, но мы претворяем их в определенное организационно-производственное представление для каждого района, подводя базис под местную программу агрономических работ.

В заключение вопроса о перспективах реорганизации сельского хозяйства по районам замечу. Нам представляется, говоря обще и грубо, дальнейшее развитие сельского хозяйства так: запад, северо-запад и юго-запад страны, плюс известная полоса Центрально-промышленного района и Центрально-земледельческого района будут идти в своей реорганизации в общем под лозунгом значительной интенсификации хозяйства, каковая будет носить характер преимущественно трудоинтенсификации, хотя должны быть приняты все усилия к тому, чтобы повысить и капиталоинтенсификацию хозяйств этих районов.

Что касается юга, Северного Кавказа, Среднего и Нижнего Поволжья и северо-востока, то, хотя интенсификация будет наблюдаться и в этих районах, тем не менее она останется относительно невысокой, и рациональным типом хозяйства для этих районов мы считаем до сих пор тип в общем экстенсивного хозяйства с усилением в нем развития животноводства.

Что касается Центрально-Черноземной области и части Северо-Восточного района, то это районы переходного характера, которые тяготеют в одной части к районам интенсивного, а в другой части к районам экстенсивного хозяйства. Во всяком случае, эти районы, особенно Центрально-Черноземный, оставили наше пристальное внимание на себе, и мы поставили даже специальную работу о путях развития Центрально-Черноземной области, придавая вопросу большое значение. Внимание наше несколько позднее было оправдано тем, что эта проблема была поставлена на практическое разрешение высших органов. Это было существенным пробным камнем для нашего построения, камнем, подтвердившим, что мы верно поняли особое положение Центрально-Черноземной области и в общем верно наметили путь ее развития. Косвенно это служит подтверждением наших построений и по другим районам.

* * *

Позвольте на этом закончить раздел о тех задачах, которые мы ставим себе в плане, и о том конкретном содержании, которое мы вкладываем в лозунг развития производительных сил. Я

достаточно показал, что эти задачи в нашем построении претворяются в конкретные представления, и притом в конечном счете в организационно-производственные представления.

Теперь я остановлюсь на вопросе о количественном выражении перспектив роста сельского хозяйства в том возможном и желательном направлении, о котором достаточно говорилось выше. Должен сказать, что когда мы строили количественное представление о перспективах сельского хозяйства, то мы находились перед десятком неизвестных. Мы находились в чрезвычайно трудном положении потому, что мы строили перспективы в период, когда денежная реформа еще только начиналась, когда мы не знали, во что она выльется, когда все жили под лозунгом крайней экономии. Конечно, это оказывало известное влияние и на НКЗем.

Количественное выражение перспектив касается, с одной стороны, основных элементов полеводства, с другой — животноводства. Когда мы подходили к проблемам количественного роста полеводства, мы поставили следующий вопрос: какими условиями будет определяться дальнейший его рост, что может оказаться фактором, задерживающим темп этого роста, и, следовательно, что должно привлечь особое внимание мероприятий, направленных к устранению задержки в росте сельского хозяйства. Отчет получился такой: мы не можем сказать, что у нас есть в минимуме земля, что у нас есть в минимуме даже мертвый инвентарь. Мы отметили, что в отношении мертвого инвентаря у нас есть дефицит по сравнению с довоенным уровнем снабжения инвентарем. Размер этого дефицита был определен приблизительно в 187 млн. руб. Но когда мы подошли к возможности покрытия этого дефицита, мы увидели, что он, может быть, будет покрыт, и даже с избытком. Поэтому инвентарь на ближайшее пятилетие, нам казалось, не будет фактором, преимущественно находящимся в минимуме, и насыщенность инвентарем будет повышаться. Данные за 2 года показали, что сейчас в сельское хозяйство введено инвентаря уже приблизительно на 81 млн. руб. Но вот другой факт, относящийся к разделу основных орудий и средств производства крестьянского хозяйства, а именно рабочий скот и двигательная сила, этот фактор, нам кажется, находится в минимуме. И нам казалось, что именно в этом направлении должны быть приняты настоячивые меры для ускорения роста сельского хозяйства. Нам казалось, что к 1928 г. можно рассчитывать довести количество рабочих лошадей (без ДВО, Закавказья и Туркестана) с 16,5 до

19,0 млн. Принимая во внимание это, повышая несколько норму нагрузки на лошадь, принимая во внимание, далее, более рациональное перераспределение лошадей по районам, ввоз лошадей из Монголии, принимая во внимание, наконец, запашку некоторой доли посевной площади тракторами, мы полагали, что исходя из всех этих условий мы можем уже более или менее близко подойти к перспективам роста посевных площадей. Однако учета только этих условий было все-таки недостаточно. Мы поставили поэтому себе вопрос, можем ли мы реализовать то, что будет произведено на этих площадях, т.е. проблему емкости рынка, проблему о том, является ли рыночная конъюнктура благоприятной или, наоборот, неблагоприятной для количественного роста сельского хозяйства. Конечно, мы не претендовали на то, чтобы исчислить будущую емкость рынка для зерновых, животноводческих и сырьевых продуктов совершенно точно. Здесь главный вопрос не столько в точном статистическом, количественном определении емкости рынка, сколько в экономическом анализе — можем ли мы рассчитывать на тенденцию роста емкости рынка и на возможность реализации сельскохозяйственных товаров на нем. И если можем, то *примерно* в каких пределах. Мы произвели работу по учету емкости рынка. Кроме того, лично я был специально командирован за границу для уяснения положения мирового с.-хоз. рынка. И нам кажется, что мы несколько не переоценили условий мирового рынка как в области зерновых, так и в области животноводческих продуктов и технических культур. В общем, мы верно учли положение. И основной наш вывод состоит в том, что мы имеем все основания ожидать значительного роста внутреннего рынка с.-хоз. товаров и широкого проникновения наших с.-хоз. товаров на мировой рынок. Особенно на почве того положения, которое создалось на мировом рынке в связи с быстрой трансформацией хозяйства США в направлении индустриализации и в связи с ослаблением давления их на мировой с.-хоз. рынок. Однако рост емкости рынка для различных продуктов представляется нам различным. Для некоторых товаров он будет, по-видимому, довольно медленный, например для льна. Опираясь на все соображения о возможном и желательном развитии сельского хозяйства, мы подошли к представлению о темпе роста посевных площадей. Мы иллюстрируем его на предлагаемых диаграммах¹,

¹ Диаграммы не были опубликованы. (Прим. ред.).

а также следующей таблицей, в которой мы приводим лишь некоторые данные из имеющихся в плане.

Т а б л и ц а 1*

Годы	Вся площадь посева	Зерновые					Технические и специальные культуры			
		все	рожь	пшеница	ячмень	кукуруза	все	картофель	лен	травы
1913	98,1	87,8	25,3	28,7	10,4	0,9	9,7	3,1	1,4	1,6
1923	71,4	62,8	24,1	13,1	6,2	1,6	8,4	2,2	0,9	0,6
1928	97,7	82,9	25,6	25,9	8,4	2,3	14,1	3,6	1,5	2,7
1923 в % к 1913	99,5	94,4	101,2	90,2	80,8	255,6	145,4	116,1	107,1	168,8
1928 в % к 1913	136,8	132,0	106,2	197,7	135,5	143,8	167,9	163,6	166,7	450,0

* Данные Центр. Стат. Комитета и ЦСУ с поправкой на недоучет без Закавказья, Туркестана и ДВО. Травы за 1913 г. взяты по переписи 1916 г.

Отсюда вы увидите, что среди зерновых наиболее интенсивный рост по пшенице, гораздо менее интенсивен рост по ржи. Значителен рост ячменя. Затем, весьма значителен рост кукурузы, превосходящей к 1928 г. в несколько раз довоенную площадь. Возьмем технические культуры и травы. Здесь линии роста поднимаются еще более круто, чем у зерновых. Все технические культуры и травы к 1928 г. превышают на 45% довоенную площадь, а травы — даже на 69%. Менее сильно поднимается лен, с одной стороны, по организационно-производственным соображениям, с другой — по причинам медленного расширения емкости мирового рынка.

Из приведенных данных о количественных пределах роста нашего полеводства видно, что выдвигаемое нами построение достаточно хорошо согласовано с желательным направлением реорганизации сельского хозяйства, с необходимостью повышения его интенсивности и усиления в нем веса животноводства, в связи с чем стоит усиление роста трав; оно хорошо согласовано с задачей подведения сырьевой базы под развитие нашей промышленности. Действительно, доля технических трудоемких и рыночных культур в пропорции культур повышается с 10,5% до войны до 15,1% к 1928 г. Обратно, значение зерновых падает с 89,5 до 84,9%.

Далее, мы подошли к вопросу о перспективах развития скотоводства. Уже выше было отмечено, что с точки зрения развития производительных сил сельского хозяйства усиление животноводства представляется необходимой предпосылкой. Нужно было теперь выяснить, до каких количественных пределов ставка на усиление животноводческого направления может быть доведена. Факторы, от которых зависит темп его роста и которые мы подвергали анализу, определяя этот темп, следующие: во-первых, темп естественного прироста скота, во-вторых, возможности по обеспечению его кормами и, в-третьих, рыночные условия. Норм прироста я здесь не буду касаться. Они были приняты по указаниям зоотехнической комиссии НКЗема. На ближайшее пятилетие, далее, мы не решились видеть в положении с кормообеспечением причину, останавливающую рост животноводства. Хотя теоретический и приведенный у нас в плане по управлению сельского хозяйства кормовой баланс на ближайшие пять лет и сведен с дефицитом, но этот баланс, понятый многими как возражение против предложенных перспектив роста скотоводства, едва ли может быть нами принят в качестве возражения. В нем не учтен целый ряд кормов, как, например, концентрированные, с лесных покосов, по выгонам и т.д. С другой стороны, мы учитываем такое простое соображение. Если в 1916 г. скот мог существовать на том уровне, на каком он тогда стоял, если наши перспективы не превосходят в целом границы 1916 г., то едва ли наши кормовые ресурсы теперь существенно меньше, чем они были в 1916 г., и едва ли поэтому на ближайшее пятилетие в кормообеспечении развитие скотоводства встретит непреодолимые препятствия. Это, конечно, не снимает с очереди кормовую проблему. Но улучшение положения с кормами может лишь усилить рост скотоводства.

Что касается третьего условия — рынка сбыта, то наша разработка этого вопроса привела нас в общем к тем же выводам, что и в отношении продуктов полеводства. Учитывая все это, мы нарисовали картину развития скотоводства с количественной стороны. Его рост в количественных выражениях представляется в предложенных диаграммах и в следующей суммарной таблице (см. табл. 2).

По данным таблицы видно, что наиболее значительный рост дает свиноводство и крупнорогатое скотоводство. Гораздо меньший рост имеет число овец.

Т а б л и ц а 2

Годы	Лошади		Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи
	все	рабочие			
По СССР, млн. голов					
1916	31,4	24,2	50,4	84,5	19,5
1923	20,1	16,5	38,6	56,5	9,1
1928	24,6	19,0	52,3	75,5	19,9
1928 в % к 1916	78,3	78,5	103,8	89,3	102,0
1928 в % к 1923	122,4	115,1	135,5	133,6	118,7

В связи с указанными тенденциями роста отдельных отраслей скотоводства меняется соотношение видов скота в стаде. В то время как доля лошадей в стаде понижается с довоенных 16,9 до 14,2% в 1928 г., доля крупного рогатого скота повышается с 27,1 до 30,4%, а свиней — с 10,5 до 11,6%.

Заканчивая этот раздел доклада, остановлюсь на видоизменении общего национального дохода от сельского хозяйства в силу отмеченных выше перспектив изменения по отраслям его. Строение дохода от сельского хозяйства в довоенных ценах можно представить так: в 1911–1915 гг., в 1923–1924 гг. и предположительно в 1928–1929 гг. К 1928/29 г. общая сумма дохода от сельского хозяйства превзойдет не только сумму 1923/24 г., но и довоенную сумму и выразится цифрой приблизительно в 9,145 млн.руб. Удельный вес дохода от зерновой продукции падает 36,7 до 33,0%. Наоборот, доля технических культур повышается с 11,9 до 12,8%, доля специальных отраслей — с 9,3 до 10,3%. Таким образом, строение дохода от сельского хозяйства учитывает те изменения по отраслям, на которые указано выше.

* * *

Насколько мы ошиблись в своих количественных расчетах перспектив? Прошло почти два года, как эти перспективы были намечены, и, следовательно, есть уже некоторый материал для суждения по этому вопросу. Однако лишь некоторый материал, и еще не вполне достаточный. Я считаю, что на основании одного или двух лет еще нельзя судить, ошиблись ли мы в наших перспективах или нет. Мы предсказывали на пять лет вперед,

но мы не анализировали годичный темп прироста сельского хозяйства. Поэтому, собственно, только через четыре-пять лет мы можем окончательно судить, ошиблись мы или нет. Сопоставление наших перспектив с данными за один-два года будет неизбежно совершенно условным, так как мы не определяем специально темп ежегодного развития сельского хозяйства.

С этой оговоркой возьмем имеющиеся фактические данные. Мы предсказали средний годичный рост посевных площадей в 7,3%. В прошлом году жизнь показала 7,1%. Думаю, что это достаточно близкое совпадение. В этом году жизнь показала 6,8%. Я считаю, что в области общего роста посевной площади наш прогноз пока оправдался блестяще. Если мы перейдем к отдельным культурам, то, конечно, совпадение будет гораздо менее близкое. В отношении зерновых культур мы предсказывали 6,4%. Жизнь показала в прошлом году 5,2% и в этом году — 5,4%. Совпадение почти совершенное. В интенсивных культурах, если судить по истекшим двум годам, фактический темп роста идет пока несколько быстрее, чем предусматривали мы. Мы предсказывали в среднем 13,6% за год, в то время как жизнь показала 20% в прошлом году. Но в этом году процент уже снизился и почти совершенно приблизился к нашему: он будет около 14,1. Возьмем скот. В этой области положение обстоит таким образом. Рост крупного скота мы предсказали достаточно точно. В мелком скоте расхождение с действительностью более значительное. Наиболее сильно оно по свиньям. Свиньи вместо 23,7% дали 84,1% в 1924 г. Но если они так сильно выросли в 1924 г., то это еще не значит, что так будет и в ближайшем, и в последующих годах. Прирост свиней может сильно сократить темп. Действительно, уже в 1925 г. свиньи дали не прирост, а уменьшение на 3,3%, а по другим данным — значительно больше, до 15%. Отсюда ясно, что было бы ошибкой полагать уже сейчас, будто наш общий прогноз по свиноводству неверен. Итак, в общих и основных чертах наш прогноз оказался, несомненно, удачным.

Позвольте этими замечаниями закончить изложение перспектив сельского хозяйства. Из сказанного видно, что мы направляем усилия к интенсификации сельского хозяйства, которая проявляется у нас в росте как интенсивных культур полеводства, так и интенсивных отраслей животноводства. Необходимо подчеркнуть, что, поддерживая эту тенденцию в развитии сельского хозяйства, мы тем самым даем прямой ответ на основное противоречие, которое я констатировал раньше в положении

деревни и которое признано III Съездом Советов. Это противоречие выражается в количественном несоответствии наличного с.-хоз. труда и орудий и средств производства. В интенсификации сельского хозяйства мы видим один из основных путей к решению проблемы перенаселенности деревни. Конечно, мы не закрываем глаза на то, что проблема перенаселенности деревни для ее решения потребует иных методов, и прежде всего индустриализации страны. Но именно потому в плане мы и выдвигаем одновременно ставку на индустриализацию страны. Это, однако, несколько не ослабляет значения интенсификации. Как бы то ни было, но мы считаем, что наш план в целом дает определенный ответ на этот основной вопрос о противоречии в развитии сельского хозяйства.

* * *

Теперь мне предстоит отойти от вопроса о перспективах самого сельского хозяйства и его организации и подойти к проблеме: что же необходимо сделать, чтобы эти перспективы были осуществлены, т.е. подойти к вопросу о системе мероприятий, которые должны проводиться для реализации указанных перспектив, мероприятий, которые этими перспективами предполагаются. Я не ставлю в своем докладе вопрос о конкретных мероприятиях. Это вопрос не моего общего доклада, а вопрос специальных докладов по управлениям и даже по частям управлений, вопрос, который уже освещен достаточно подробно в с.-хоз. секции и президиуме. Я говорю здесь о системе мероприятий.

Что касается системы мероприятий, или системы политики, то для нас она распадается прежде всего на два концентрира. Хотя НКЗем ведет работу в определенном, отведенном ему масштабе, хотя объектом его действия непосредственно является сельское хозяйство, но НКЗем прекрасно сознает, что сельское хозяйство находится под воздействием мероприятий не только НКЗема, но и мероприятий общегосударственных, и мероприятий других комиссариатов. Поэтому ясно, что общие вопросы экономической политики, затрагивающие сельское хозяйство, не могут быть безразличны для осуществления перспектив развития сельского хозяйства. И мы говорим, что *без реализации определенных экономических предпосылок путем соответствующего построения системы экономической политики, касающейся сельского хозяйства, перспективы сельского хозяйства не могут быть*

обеспечены, так как они построены в расчете на рациональную экономическую политику. Итак, первый концентр мероприятий — это мероприятия общей экономической политики. Вторым концентр их — это мероприятия с.-хоз. политики, т.е. прежде всего мероприятия самого НКЗема. Мы, конечно, не можем излагать в плане систему общей экономической политики во всех ее деталях. Это не наша задача. Мы имели в виду формулировать только основные идеи этой желательной экономической политики. К чему же сводятся основные положения общей экономической политики с точки зрения реализации перспектив развития сельского хозяйства?

Прежде всего для нас имеет значение политика в области регулирования рынка. Под ней мы понимаем в первую очередь вопрос политики цен. Позиция наша в этом отношении чрезвычайно проста, и она сводится к следующему: мы хотим, чтобы политика цен с.-хоз. продуктов строилась на принципе, что цена должна обеспечить расширенное воспроизводство с.-хоз. товаров. Конечно, это положение не дает ответа на вопрос, какая конкретная цена должна быть в этом или следующем году. Но она дает метод для решения данных конкретных вопросов. Выдвигая указанную формулу, мы подчеркиваем, что последний III съезд Советов в своей резолюции по докладу тов. Каменева, в п. 13, определенно провозгласил по существу эту же формулу, когда сказал, что политика цен должна вестись так, чтобы цены с.-хоз. товаров обеспечивали крестьянству расширение и укрепление его хозяйства. С этой точки зрения легко решается и вопрос соотношения цен с.-хоз. товаров и промышленных. Если бы существовали “ножницы” между ними, неблагоприятные для сельского хозяйства, то это значило бы, что цена с.-хоз. товаров не обеспечивает расширенного воспроизводства их. Поэтому для нас в приведенной формуле уже лежит ответ и на проблему “ножниц”.

Второй вопрос, который нас интересует в области политики регулирования рынка, — это вопрос о политике внешней торговли. Здесь наш лозунг в совершенном соответствии с предшествующим изложением сводится к максимальному расширению экспорта с.-хоз. товаров, а следовательно, и к созданию условий, благоприятных для этого расширения экспорта. Отсюда, в принципе, мы стоим за беспошлинный вывоз с.-хоз. товаров, допуская, конечно, известные исключения, диктуемые или тем, что цена на данный товар на нашем и мировом рынке настолько различна, что она позволяет удовлетворить известные фискаль-

ные интересы; или тем, что по соображениям развития сельского хозяйства целесообразно по возможности задержать данный продукт внутри страны. Например, эту идею мы определенно считаем необходимым проводить в отношении концентрированных кормов в виде жмыхов и отрубей.

Кроме таможенно-тарифной политики в области внешней торговли, нас интересует также вопрос о железнодорожных тарифах, система которых может или способствовать, или мешать росту экспорта. Этот вопрос о тарифах — вопрос общий как для внешней, так и для внутренней торговой политики. Мы здесь стоим на той точке зрения, что жел.-дор. тарифы в общем не должны ложиться на с.-хоз. товары тяжелей, чем на товары какой-либо другой отрасли народного хозяйства и они не должны противодействовать тенденциям развития экспорта с.-хоз. товаров. Последнее связано для нас с подходом к построению дифференциальной системы тарифов и к созданию специальных вывозных тарифов в отношении некоторых с.-хоз. продуктов.

Обращаясь теперь к импортной политике, необходимо заметить, что здесь, поддерживая общую политику протекционизма, мы стоим против огульного протекционизма. В частности, в отношении импорта орудий и средств с.-хоз. производства протекционизм должен глубоко сообразовываться с требованием развития сельского хозяйства.

Следующий вопрос из области внешнеторговой политики, на котором мы фиксируем внимание, — это вопрос торгового аппарата. НКЗем считает, что одним из самых существенных препятствий к экспорту и упорядочению внутреннего рынка является неурегулированность и громоздкость нашего экспортного и работающего на внутреннем рынке торгового аппарата. В этом направлении могут быть и должны быть приняты улучшающие меры. И это есть не только наше пожелание, но мы должны сказать, что эти лозунги нашли полную санкцию в том же постановлении III съезда Советов. Здесь на торговый аппарат, в частности на экспортный аппарат, в п. 14 постановления обращено самое серьезное внимание.

Дальнейшая сфера вопросов, относящихся к регулированию рынка, — это вопросы внутренней торговой политики. В этой области важнейшей проблемой с точки зрения перспектив сельского хозяйства является задача рациональной организации торгового аппарата, приближения его к населению и в этих целях развитие торгового кооперативного аппарата — лозунг, уже получивший широкое применение на практике. Но, кроме

того, должна быть особо подчеркнута необходимость организации торгового аппарата в отношении технических вспомогательных средств его. Проблемы элеваторного, холодильного хозяйства, организации биржевого оборота с.-хоз. товаров и т.д. должны быть поставлены во всю ширь. Это не есть компетенция НКЗема, но НКЗем не отказался бы принять участие в разработке этого вопроса совместно с ведомствами, которые этими вопросами ведают. Внимательное изучение канадского с.-хоз. рынка и рынка США показывает, что в этой области технической организации с.-хоз. рынка за последнее время имеют место очень большие достижения, что сильно влияет на экономию и эффективность работы торгового аппарата. Все это толкает нас к тому, чтобы принять решительные меры к улучшению постановки дела организации рынка. Этими вопросами заканчиваются у нас важнейшие вопросы политики регулирования рынка.

Второй раздел экономической политики, на котором необходимо остановиться, — это *вопрос индустриализации сельского хозяйства, переработки его продуктов*. Мы подходим к этому вопросу и под углом зрения первого цикла вопросов, т.е. под углом зрения регулирования рынка. Прежде всего мы считаем, что в интересах рационализации того же рынка, повышения ценности продукции крестьянского хозяйства и ускорения его развития переработка продуктов с.-хоз. во всех отраслях, где для этого есть экономические предпосылки, должна получить самое широкое развитие. Интересно указать, что в п. 20 постановления III съезда Советов эта задача также выдвигается, и притом со всей решительностью.

Для нас важен, однако, подход к этому вопросу не только с точки зрения организации рынка, но и с точки зрения влияния индустриализации на распыленное крестьянское хозяйство. Мы видим в процессе индустриализации сельского хозяйства также и процесс, организующий распыленное крестьянское хозяйство.

Мы думаем, далее, что в развитии переработки продуктов сельское хозяйство необходимо должно опираться прежде всего на кооперативную промышленность. Следовательно, это выдвигает задачу создания по преимуществу мелких и средних заводов, приближенных к населению. Рассчитывая на приток крестьянского сырья, эти заводы должны одновременно рассчитывать и на то, чтобы стать центрами в развитии электрификации сельского хозяйства.

Третий цикл вопросов общей экономической политики, которые близко затрагивают развитие сельского хозяйства, — это

вопросы политики в области кредита. Здесь наши лозунги уже не новы: они общепризнаны в настоящее время. Прежде всего нам кажется, что объем с.-хоз. кредита должен быть расширен и приведен в соответствие с ростом кредита в других отраслях народного хозяйства. Затем кредит должен быть удлиннен и удешевлен — положение, которое нашло широкое признание и получило утверждение по докладу тов. Молотова на последней партийной конференции. Далее, мы предполагаем, что кредитная политика в области сельского хозяйства должна проводиться в соответствии с принципами перспективного плана развития сельского хозяйства.

Наконец, особо важное значение мы придаем мобилизации денежных ресурсов крестьянского населения при помощи кредитной кооперации.

Последний цикл экономических вопросов, на котором я должен остановиться, — это вопросы *налоговой политики.* Здесь мы с удовлетворением должны констатировать, что общий сдвиг этой политики идет по той линии, которую НКЗем считал и считает вполне целесообразной. Прежде всего нужно указать на приведение в соответствие между собой размера налога, с одной стороны, и платежеспособных сил населения — с другой. На последней сессии ЦИКа это положение, как известно, провозглашено с полной ясностью, и оно привело к значительному сокращению налога. Второй вопрос, интересующий нас в области обложения, — это задача обеспечения соответствия системы обложения особенностям сельского хозяйства по районам. Обложение механическое, или по валовой доходности сельского хозяйства, сплошь и рядом приводит к невозможности проведения на практике интенсификации и рационализации его. Там, где обложение строится и проводится без учета интенсивности и особенностей самой системы сельского хозяйства по районам, мы сталкиваемся сплошь и рядом с тем, что тот или другой район только потому, что он интенсивен и, следовательно, имеет больший валовой доход, платит высокий налог. Между тем, имея высокий валовой доход, хозяйство такого района имеет и значительные расходы. Ясно, что построение обложения без учета действительной платежной силы крестьянских хозяйств по районам может вызвать приостановку в процессе интенсификации сельского хозяйства. Этому должен быть положен конец путем усовершенствования самой системы обложения в соответствии с особенностями системы хозяйства по районам. Нам кажется, что этот вопрос должен быть поставлен и, очевидно, будет поставлен

с полной ясностью. Мы считаем, что проведение принципа налоговых льгот по-прежнему должно иметь место в обложении, ибо этот метод оправдал себя в смысле воздействия на сельское хозяйство. Вот этими общими положениями я позволю ограничиться в изложении пожеланий НКЗема о предпосылках в области общей экономической политики, имеющей решающее значение для осуществления перспектив сельского хозяйства.

* * *

Теперь перехожу к системе мероприятий самого НКЗема. Я не имею в виду исчерпать весь цикл мероприятий НКЗема. Здесь имелось в виду указать основную линию главнейших мероприятий. Подробно же все они изложены в целой серии наших специальных работ по плану в каждой области сельского хозяйства отдельно.

Если мы хотим осуществления указанных выше перспектив, если мы хотим в каждом районе строить рациональный тип хозяйства, то мы должны и с.-хоз. политикой содействовать рациональной реорганизации хозяйства.

Что нужно для рациональной организации крестьянского хозяйства?

Для этого необходимы рациональная организация территории, организация средств производства в хозяйстве, рациональная организация самого производства, организация переработки и сбыта с.-хоз. продуктов, наконец охрана результатов сельскохозяйственного производства. Вот по этим разделам мы и можем пойти.

Прежде всего проблема организации территории. Очевидно, что это в высшей степени важная проблема. Она распадается на вопросы землеустройства, вопросы мелиорации, вопросы колонизации и переселения. Что касается землеустройства, то точка зрения НКЗема покоится на земельном кодексе. Первый вопрос, который я хотел бы затронуть здесь из области землеустройства, — это вопрос о формах землепользования. Лозунг кодекса в этом отношении — лозунг свободы форм землепользования.

НКЗем стоит, конечно, на той же точке зрения. Но стоя на этой точке зрения, он не понимает ее в том смысле, что он должен быть пассивным, индифферентным к свободно выбираемым формам землепользования. Он понимает ее так, что он не может принудительно проводить ту или иную форму землепользования. Но это не значит, что он не может иметь регулирующее

воздействие на крестьянские массы в направлении развития тех или других лучших форм землепользования. НКЗем считает, что наиболее прогрессивной в конечном счете является коллективная форма землепользования. Однако хозяйство может перейти к этой форме только путем эволюции — путем перехода от одной стадии развития к другой. Эти переходные стадии надо иметь в виду при проведении землеустройства. Жизненная практика достаточно хорошо вскрывает, в каких районах какие переходные формы землепользования на данной ступени исторического развития сельского хозяйства являются наиболее стойкими и прогрессивными.

Если проследить для примера распределение единоличного землепользования, то вы увидите, что оно наиболее сильно выражено в определенных районах — в Северо-Западном, в Западном, в западной части Центрально-промышленного района и в Юго-Западном районе. Это показывает, что в этих районах с наиболее интенсивным хозяйством с этой формой землепользования мы не можем не считаться. Поэтому, НКЗем считает, что в этих районах единоличная отрубно-хуторская форма землепользования получит развитие. И после постановления III съезда Советов едва ли кто может поставить целью препятствовать развитию этих форм землепользования здесь. Если мы возьмем районы Центральночерноземный, Северо-Восточный, Юго-Восточный, то здесь мы увидим господство главным образом общины. По отношению к этим районам выдвигается как наиболее желательная форма землепользования отрубная или улучшенно-общинная. Таким образом, вопрос о наилучших формах землепользования решается нами по районам. В тесной связи и в соответствии с этим решается и вопрос о форме землеустройства. По районам вопрос о форме землеустройства в схеме решается так. В Северо-Западном, Западном и Юго-Западном районах относительно большое значение должно приобрести единоличное землеустройство в форме выдела коллективного землеустройства. Причем в Центрально-земледельческом и частично Центрально-промышленном районах основное значение получает коммасация. На севере и северо-востоке — урегулирование общинного землепользования. На юге и юго-востоке — выделение на поселки. Таким образом, по районам решается вопрос о формах землеустройства.

Далее, возникает третий вопрос — земельной политики; это вопрос о размерах хозяйства. Мы считаем, что к этому вопросу мы не можем подойти вплотную уже теперь. Мы не можем дать

сейчас определенных ответов на него. Но самую эту проблему мы выдвигаем и считаем, что вопросы дробимости хозяйства, вопросы о наиболее целесообразных размерах хозяйства по районам должны подвергнуться разработке для последующих плановых практических мероприятий в этой области.

Теперь, в заключение о землеустройстве мы должны сказать, какой размах придается нами землеустроительным работам. Мы полагаем, что можно землеустроить около 43 млн. дес. в 5 лет. Конечно, это крайне немного, и мы берем эту цифру не потому, что хотим замедлить процесс землеустройства, а потому, что таковы фактические возможности, определяющиеся финансовыми и техническими соображениями, т.е. числом лиц специального персонала и возможностями увеличения этого числа. Надо, однако, отметить, что сейчас эти количественные предположения НКЗема будут несколько изменены в сторону увеличения, потому что по постановлению 111-го съезда Советов в важнейших районах землеустройство должно быть закончено в 10 лет. В этих целях, очевидно, должны быть приняты особые специальные меры. Что касается реального темпа землеустройства, то надо отметить, что в 1923/24 г. по плану предполагалось землеустроить 9,4 млн. дес., а землеустроено 10,6 млн., т.е. больше на 12,8%. В 1924/25 г. план превзойден всего на 8%. Иначе говоря, действительность отклоняется от плана очень мало.

* * *

Перехожу ко второй группе вопросов по организации территории — к колонизации и переселению. Вопрос колонизации и переселения очень важен, он должен сыграть огромную роль в СССР. Но нам кажется, что в ближайшие пять лет он не может быть разрешен. НКЗем считает, что ввиду отсутствия средств для освоения и заселения пустующих областей (а средства на это требуются колоссальные) необходимо в ближайшее время производить переселение и колонизацию в обжитые районы — на северо-восток, юго-восток, в Поволжье и Сибирь. Обжитые части этих районов не могут вместить большого количества переселенцев. Поэтому мы подходим к проблеме колонизации и переселения как к методу подъема хозяйства этих районов. На севере мы, проводя колонизацию, имеем в виду поднятие лесного хозяйства, на юго-востоке — сельского хозяйства. Что касается размаха колонизации, то площадь, которую имеется в виду

охватить в 5 лет, составит около 9,3 млн. дес. Мы считаем, что удастся организовать свыше 111 тыс. хозяйств, т.е. переселить свыше 600 тыс. человек. Возможно, что эта площадь будет несколько увеличена и объем мероприятий расширен. Практика, однако, показывает, что даже при незначительном размере плана колонизации, которую мы намечали в прошлом году, она выполнена только на 22% в силу недостатка средств. Надо отметить, что сейчас волна переселенцев и колонизаторов растет и развитию переселения мешает только недостаток средств.

* * *

Наконец, третий раздел в области организации территории — это мелиорация. К этому вопросу мы подходим также с точки зрения рациональной организации хозяйства каждого района. Если в Северо-Западном районе мы, как указывалось выше, хотим организовать интенсивное хозяйство с высоким удельным весом животноводства, то ясно, что здесь мелиоративная проблема сводится к обеспечению хозяйства лугами и к расширению культурной площади. Поэтому в этом районе ведутся работы по осушению болот и по регулированию рек. Иначе говоря, мелиорация применяется к нуждам этого района. Наоборот, на юго-востоке, где главная задача землеустройства — организация выселков и поселков, задачей мелиорации является обводнение этих районов, а в некоторых местах даже орошение. Что касается объема работ по мелиорации, то предполагается, что будет подвергнуто мелиорации около 1600 тыс. дес. за пять лет.

Позвольте перейти от организации территории ко второму разделу организации хозяйства — к вопросу об организации его средств производства. Что касается организации средств производства и мероприятий в этой области, то НКЗем этот вопрос сводит к вопросам снабжения хозяйств мертвым инвентарем, семенами, кормами, удобрениями. Остановимся в общих чертах на некоторых из этих вопросов. Я уже достаточно развивал выше наш общий подход к вопросу об организации хозяйства. Говоря теперь специально об организации средств производства, и в первую очередь мертвого инвентаря, мы понимаем нашу задачу не только как задачу возможно большего количественного насыщения им, но и как задачу качественного улучшения и приспособления этого инвентаря к особенностям хозяйства. Поэтому проблема ставится таким образом, чтобы был осуществлен отбор инвентаря в соответствии с требованиями хозяйства по

районам. Отсюда работа машиноиспытательных станций получает определенное и весьма практическое задание. Что касается организационной стороны в постановке снабжения инвентарем, то НКЗем опирается в этой области на работу не только госсельсклада, но и всей сети сельскохозяйственной кооперации и рассчитывает на широкое развитие кредита.

В области машиноснабжения особую задачу приобретает, далее, снабжение тракторами. НКЗем смотрит в настоящее время на снабжение тракторами как на задачу постановки массового опыта по их применению. Мы полагаем, что тракторы особенно успешно можно применять в определенных районах — в районах многоземельных и с экстенсивным хозяйством. Надо сказать, что в деле с тракторами мы далеки от утопии. Мы предполагали, что будет привезено за пять лет около 15 980 машин. Практика первых двух лет выполнения плана показала, что в первый год было получено 1375 машин, во втором году — 2557 и находятся в пути в настоящее время 755, а всего, таким образом, 4687. Таким образом, темп трактороснабжения шел несколько медленнее, чем предполагалось. Но сейчас благодаря специальному решению правительства, по-видимому; ввоз тракторов будет значительно увеличен. НКЗем может это только приветствовать. Расширяя постановку опыта массового применения тракторов, НКЗем придает очень большое значение в исходе этого опыта организации пользования тракторами и выдвигает идею организации гнездового использования тракторов в расчете, что намеченные центры или гнезда применения тракторов будут достаточно хорошо оборудованы как запасными частями, горючим материалом, так и квалифицированным персоналом. Без этого нет гарантии против гибели тракторов и неуспеха дела. Затем, разумеется, нужны агитация и показательное применение тракторов при помощи совхозов.

Следующий вопрос, который надо выдвинуть, — это вопрос об электрификации. Наш план по электрификации рассчитан к 1928 г. на 1 млн. хозяйств при наличии электрифицированных около 58 тыс. хозяйств. Я думаю, что при том темпе роста, который имеется сейчас в области электрификации, план представляется реальным. Но, однако, он не представляется и уменьшенным.

Следующая существенная область работы — это вопрос о семенах, которому НКЗем придает исключительное значение, что оправдывается и постановлениями съездов Советов, и постановлением СНК РСФСР по общему докладу НКЗема. Схема

НКЗема в этой области деятельности проработана до конца, и она очень проста. Создается сеть селекционных центров, дающих высокосортные семена. Имеется, далее, сеть госсемкультур, которая выполняет задачу второй репродукции. Сеть для третьей репродукции составляется из совхозов, семхозов, кооперативов. При этой схеме создаваемые новые улучшенные семена быстро распространяются и служат основой для обновления и повышения качества массового семенного материала. Организованная семсуда, с другой стороны, служит в руках НКЗема одним из мощных методов интродукции улучшенных семян в практический обиход.

* * *

Дальше, одним из самых существенных вопросов в области организации средств производства является вопрос об организации живого инвентаря. Причем вопрос этот стоит на грани вопросов животноводства и средств производства. Не буду подробно излагать систему мероприятий НКЗема в этой области, тем более что план коневодства уже принят и утвержден СТО. Мне представляется целесообразным сформулировать лишь принципы, которые положены в основу этой системы. Они очень просты и напоминают принципы в области организации семенного дела. Чего мы здесь хотим добиться организацией дела? Мы хотим осуществить плодотворную встречу массовой инициативы — инициативы массового крестьянского населения и инициативы государства. Общая задача работы сводится к качественному улучшению конского состава и количественному увеличению его. Что дает для этого государство? Государство прежде всего имеет сеть конезаводов с чистокровным, высокопородным материалом. При помощи сети государственных конюшен, случных пунктов, совхозов этот высокопробный материал приближается к населению. Для лучшего выращивания скота в результате работы сети конюшен, случных пунктов население организуется в коневодческие кооперативы. Таким образом, волна влияния на качественный состав скота проходит от центра до широких слоев населения. Чтобы усилить это воздействие на качество конского состава и придать ему массовый характер, НКЗем принимает меры к увеличению производителей не только за счет чистокровного материала, но и за счет одобренных, улучшенных и допущенных производителей, используя для этого массовый материал самого крестьянского

хозяйства, организуя его в коневодческие кооперативы также и на этой почве.

Одновременно НКЗемом проводится система мероприятий, направленных к содействию количественному увеличению конского состава при помощи пополнения конского стада районов с недостатком за счет районов с избытком и за счет закупки скота в Монголии. В первую очередь снабжение рабочими лошадьми идет по линии нуждающихся низших экономических слоев деревни. В общем закупка рабочих лошадей для снабжения населения рассчитана приблизительно на 225 тыс. голов в год.

* * *

Перехожу теперь к организации различных отраслей с.-хоз. производства и останавливаюсь в первую очередь на животноводстве.

В соответствии с общим пониманием и построением перспектив животноводство и работа над ним занимают в нашем плане одно из самых выдающихся мест. Среди других отраслей животноводства на первый план нами выдвигаются молочное скотоводство, далее свиноводство, наконец овцеводство.

Обращаясь к самой системе мероприятий в области животноводства, нужно сказать, что нами выдвигается по существу та же система, что и в отношении рабочего скота. Я не буду входить в детали, а изложу лишь общую схему и принципы системы мероприятий применительно к работе над крупным рогатым скотом.

Схема такова: имеются племенные рассадники (племхозы). Опираясь на племхозы, работает широкая сеть случных пунктов с быками чистокровными и одобренными. Чтобы обеспечить лучшее функционирование этой системы, обеспечить условия выращивания скота, вовлечь в работу само население и придать мероприятиям массовый характер, само население организуется в скотоводческие кооперативы. Таким образом, рядом концентрических кругов мероприятия расширяются, доходя до широких слоев крестьянского населения. Работа по улучшению скота не ограничивается использованием чистокровного материала. В интересах придания ей жизненности и массового характера она широко развертывается также на лучшем материале самого населения. Таким образом, принцип использования инициативы самого населения и превращения мероприятий в массовые проводится НКЗемом в этой области полностью.

Необходимо подчеркнуть, что ту же схему, но с соответствующими модификациями, мы осуществляем и в области свиноводства, и в области овцеводства. Поэтому я не буду на них специально останавливаться. Что касается количественного выражения работы НКЗема по животноводству, то в наших опубликованных материалах содержатся подробные данные по этому вопросу. Было бы слишком долго и нецелесообразно приводить их здесь.

Наряду с мероприятиями по качественному и количественному развитию животноводства необходимы и имеют первостепенное значение мероприятия по переработке и сбыту продуктов животноводства. Поэтому в настоящем плане придается особое значение восстановлению и ремонту заводов для переработки продуктов животноводства, улучшению техники этих заводов, содействию населению в организации таких заводов на кооперативных началах, созданию холодильного транспорта и т.д.

Придавая животноводству особенно большое значение, мы бросаем на него наибольшие средства по сравнению со всеми другими отраслями сельского хозяйства. При распределении средств по отраслям коневодство занимает из всех других отраслей сельского хозяйства 16%, крупный рогатый скот — 21, свиноводство — 9, овцеводство — 8, птицеводство — 1%.

* * *

Я не могу входить в подробности изложения мероприятий и по другим отраслям сельского хозяйства, в том числе и по техническим культурам. Что касается технических культур, то мы придаем им в плане после животноводства первое место по удельному весу. Поэтому на технические культуры равным образом мы бросаем относительно значительные средства — около 4,5% всех средств на сельское хозяйство.

Задачи работы в этой области сводятся, как и в животноводстве, к количественному расширению этих отраслей и качественному их улучшению. Основным принципом осуществления этих задач является, как и в животноводстве, принцип использования инициативы самого населения, придания мероприятиям массового характера, использования влияния направляющей инициативы государства на широкие массы населения, особенно на кооперированное население. Что касается задач качественного улучшения рассматриваемых отраслей, то работа по рационализации этих с.-хоз. культур касается как постановки семенного дела, так и техники обработки и удобрения почвы. Во всех этих

направлениях план и предусматривает работу. Причем в такой важной части работы, как семенное дело, опираясь на ту схему, которая в области семенного дела была обрисована выше, по плану предполагается, например, в отношении льна через 5 лет создать площадь репродукции в 280 тыс. дес., что приводит к возможности обновления через 5 лет почти всей массы льняных семян.

Наряду с улучшением качества и рационализацией земледелия в отношении технических культур приобретает огромное значение постановка первичной переработки их продуктов, тем более что это один из самых верных путей правильной постановки сбыта этих продуктов, рационализации самой культуры и реорганизации всего крестьянского хозяйства. Например, картофельное хозяйство без переработки картофеля не может быть более или менее рационально организовано. Поэтому нами ставится широкая задача по организации первичной переработки продуктов технических культур. Но эта задача не разрешается нами целиком в 5 лет. Для того чтобы ее разрешить, например, по льну, нужно было бы построить около 625 заводов по первичной переработке. Мы думаем, что это экономически невозможно не только потому, что мало средств, но и по условиям реализации продуктов переработки мы не могли бы этого сделать в такой короткий срок. Нам предстоит еще в этой области борьба с границей, ведущей широкую переработку льна у себя. Поэтому план нами намечен в более скромных размерах, а именно с расчетом оборудовать только 85 льняных заводов.

Третья задача и сфера работы в области технических культур — задача сбыта. Здесь все наши построения базируются на кооперировании дела сбыта, а также на установлении связи между постановкой сбыта, производства, переработки продуктов сельского хозяйства.

Не желая слишком затягивать свой доклад, я не буду касаться специальных культур и отраслей сельского хозяйства. Задачи и принципы, положенные в основу работы здесь, по существу те же самые, что и в области технических культур, с теми или иными особенностями.

* * *

Остановлюсь кратко на опытном деле. Мы придаем большое значение этому делу в отношении борьбы за перспективы сельского хозяйства. Направление в постановке этого дела найдено НКЗемом как будто верное. Поскольку мы в каждом районе

стремимся к рационализации и реорганизации крестьянского хозяйства, опытное дело должно в направлении своей работы учесть перспективы и задачи, стоящие перед хозяйством данного района. Там, где мы выдвигаем на первый план животноводство, опытное дело должно сосредоточить свое внимание прежде всего на вопросах, связанных с осуществлением этой задачи. С другой стороны, опытное дело должно быть гораздо больше актуализировано в смысле усиления влияния добытых им результатов на с.-хоз. практику. В этих целях НКЗем считает очередной задачей вынесения опытов в крестьянское хозяйство. В связи с этим институт крестьян-опытников выдвигается НКЗемом как важнейшая мера к усилению практической роли опытного дела. Третья задача в организации опытного дела — это принцип теснейшей связи между агрономической сетью и опытным делом. Агроном должен проводить мероприятия в жизнь, опираясь на инициативу крестьянства, с одной стороны, и на данные опытных учреждений, с другой стороны. Через агронома крестьянство получает указания по организации хозяйства, через агронома опытные учреждения уясняют требования реальной жизни, направленные к ним. И, наконец, четвертая задача в постановке опытного дела — это задача установления связи его с высшим сельскохозяйственным образованием, без чего невозможно рационально поставить как опытное дело и агрономическую помощь, так и само высшее с.-хоз. образование.

* * *

Позвольте мне не касаться мероприятий в области защиты растений и ветеринарного дела, потому что и самые работы в этой области носят преимущественно технический характер и не вызывают разногласий по существу.

В заключение беглого обзора основных положений плана сельского хозяйства я хотел бы поставить вопрос: насколько согласованы наши мероприятия в разных отраслях работы над сельским хозяйством и что положено в основу их согласования? Я хотел бы подчеркнуть, что одной из самых оригинальных черт плана НКЗема, если даже в нем и есть крупные недостатки и ошибки, является то, что найдена действительная почва для согласования работы отдельных частей аппарата всего НКЗема в области сельского хозяйства. Действительно, в центр внимания НКЗема поставлена планом в каждом районе задача по созданию рациональных типов хозяйств. Для этого мы должны определенным образом построить работу управления землеустрой-

ством и мелиорацией, чтобы добиться рациональной организации территории. Далее, мы должны поставить определенным образом работу управления сельским хозяйством, чтобы добиться рациональной организации средств производства, самого производства, переработки и сбыта продуктов сельского хозяйства. Мы должны, наконец, поставить работу ветеринарии и отдела защиты растений в строгом соответствии с задачами и нуждами животноводства и полеводства каждого района. Таким образом, вся деятельность НКЗема в каждом районе в целом оказывается направленной как бы на одну и ту же задачу, но с разных сторон, — на задачу рациональной организации хозяйства. Это обеспечивает принципиальное единство и достаточную связь в работе всего аппарата НКЗема.

Поэтому, если вы возьмете, скажем, район Поволжья, вы увидите, какие типы хозяйств мы считаем здесь прогрессивными, рациональными; вы увидите, что к задаче осуществления этих типов мы подгоняем работу и мелиорации, и землеустройства, и организации средств производства, переработки и т.д.

План в этом отношении является выдержанным. Я не могу сказать, что отдельные наши цифры не требуют никаких исправлений и уточнений. Но принципы, положенные в основание плана, и схема его построения совершенно ясны, отчетливы и достаточно жизненны. А это обеспечивает самое главное — верный путь с.-хоз. политики.

* * *

Остановлюсь теперь совсем уже кратко на плане развития лесного хозяйства. Общие принципы и схема построения плана лесного хозяйства были применены нами те же, которые были применены и в области сельского хозяйства. Однако ввиду специфических условий нашего лесного хозяйства и централизации его в руках государства в плане его развития есть и некоторые особенности.

Насколько могли, мы сначала учли состояние и тенденции развития лесного хозяйства. Мы определили затем те изменения, которые произошли в нем во время войны и революции. После этого мы установили те задачи, которые стоят перед нами сейчас в области развития лесного хозяйства. Мы нашли, что задачи эти сводятся к задачам повышения доходности лесного хозяйства без нарушения принципа непрерывности лесовозобновления и лесоиспользования при условии достаточного снабжения лесом населения и промышленности.

При этом, так как РСФСР является наиболее лесистой частью СССР, при осуществлении плана, разумеется, должны быть учтены интересы и других союзных республик.

Но если так ставятся задачи, то естественно, что должны быть соответственно построены и перспективы лесного хозяйства, и мероприятия для реализации этих перспектив.

Наши лесные богатства колоссальны. Однако ближайшие перспективы лесного хозяйства определяются не столько потенциальными лесными богатствами и возможностями, сколько иными реальными условиями. Основные из этих реальных условий сводятся к размерам капиталов, которые могут быть брошены на эксплуатацию лесных богатств, и к емкости рынка.

Мы попытались определить, сколько может поднять рынок лесных материалов и какие реальные возможности имеются у нас в смысле эксплуатации леса. Расчет емкости рынка показал, что она находится под влиянием двух противоречивых тенденций: с одной стороны, идет рост потребления древесины населением, с другой стороны, наблюдается падение потребления лесного топлива в промышленности благодаря росту потребления ею минерального топлива. Отпуск древесины с 10,8 млн. куб. саж. в 1923/24 г. поднимается до 14,7 млн. куб. саж. в 1927/28 г. Лесной доход повышается с 37 млн. до 75 млн. руб. за то же время.

Можно сказать, что это небольшой размах лесного хозяйства. Но что показывает практика? Возьмем справку о том, каково использование древесины государственных лесов: в 1922/23 г. — 10,9 млн. куб. саж., в 1923/24 г. — 10,3 млн. куб. саж.

Это составляет по отношению к плану около 108%. Иначе говоря, план учел реальную действительность в высшей степени близко.

Каковы же мероприятия, при помощи которых эти перспективы могут быть реализованы? Эти мероприятия сводятся прежде всего к обеспечению получения лесного дохода, к правильной таксировке леса и последовательности в проведении мер по обеспечению лесных доходов, в установлении правильной торговой и промышленной политики, направленной на развитие лесной промышленности, с одной стороны, и, так же как в сельском хозяйстве, на задачу расширения экспорта — с другой. Затем следует система мероприятий, направленных непосредственно на увеличение эксплуатации лесных богатств, куда нужно отнести и такие меры, как расширение эксплуатационной деятельности самого ЦУЛа НКЗема, и в особенности расширение работы кооперированного населения по эксплуатации леса.

Кроме мероприятий экономического порядка, планом выдвигается целая система необходимых мероприятий технического характера. Сюда относятся мероприятия по лесоустройству, которое в свою очередь связывается с задачей экономического обследования лесов; далее, мероприятия в области лесокультурных работ, лесомелиоративных работ, по охране лесов и т.д. Не буду перечислять все эти мероприятия конкретно. Они подвергались детальному изучению в с.-хоз. секции Госплана.

План лесного хозяйства, выдвигаемый НКЗемом, несомненно, осторожный и, вероятно, минимальный. Если бы в области лесного хозяйства получила широкое развитие концессионная политика, то это привело бы к значительному повышению эксплуатации лесных богатств, так как концессионный план НКЗемом разработан достаточно широко. Вообще потенциальные возможности в области эксплуатации наших лесных богатств пока не ограничены. НКЗем считает, что в 1928 г. мы столкнемся с фактом колоссального прироста древесины сверх используемой — до 70–80 млн. куб. саж. Накопление капиталов, могущих пойти в лесное хозяйство, оборудование подъездных путей и т.д. — все это может привести к экспансии по использованию лесных богатств. Вероятно, такой момент настанет. Но в данный период мы вынуждены достаточно реально подходить к тому, что мы можем сделать.

* * *

Заканчивая свой доклад, я позволю себе сделать несколько общих замечаний по вопросу о методе работы по осуществлению перспектив, который во всем этом плане предполагается, а также по вопросу об аппарате выполнения плана. Выдвигаемые методы работы, как это можно уже видеть из предыдущего изложения, в высшей степени просты. Везде проводится идея объединения инициативы государства и населения, в особенности кооперированного населения. Во всех мероприятиях проводится принцип — опираться на массы населения, придавая мероприятиям массовый характер. Роль государства в лице НКЗема сводится отчасти к производственной деятельности, поскольку оно является центром, снабжающим население чистокровным племенным и высокосортным семенным материалом. С другой стороны, роль государства сводится к роли организационно-регулирующего центра, поскольку оно регулирует использование этого чистокровного племенного или высокосортного семенного материала, поскольку оно воздействует на кооперацию, на свои органы и

через них косвенно на население. Наконец, его деятельность рисуется как деятельность агрокультурного центра, поскольку оно пропагандирует известные мероприятия через свою агрономическую сеть и поскольку оно ведет известные исследования, выясняя положение хозяйства через свою опытную сеть и научно-исследовательские институты.

В соответствии с этими методами работы и с тем объемом задач, который рисуется планом, мы подходим в плане к проблеме аппарата его выполнения. Мы считаем, что у нас уменьшится аппарат административный и сильно возрастет аппарат оперативный, работающий в области землеустройства и в области сельского хозяйства. Расчеты наши таковы. В отношении землеустроительного аппарата мы хотим обеспечить создание достаточного количества землеустроительных участков, каких к 1928 г. будет около 860, что составит около 1/2 современных агрономических участков. Вместо 5,5 тыс. работников по землеустроительному делу будет 7,2 тыс. Что касается аппарата управления сельским хозяйством, то мы хотим ввести в него следующие изменения. Мы хотим, чтобы к 1934 г. сеть участковой агрономии подошла бы вплотную к сети укрупненных волостей по той реформе, которая проводится в СССР, и совпадала бы с ней. Мы хотим, чтобы укрупненная волость была в то же время агрономическим участком. Но это предполагается только к 1934 году. К 1928/29 г. мы считаем, что осуществим эту задачу приблизительно наполовину. Мы будем иметь около 2729 агрономических участков. Но уже это будет означать насыщение деревни агрономическим персоналом примерно в 1,5 раза выше, чем было до войны. В то же самое время НКЗем полагает, что необходимо обратить внимание на увеличение штата специалистов. Опирайтесь на общую агрономию без специалистов представляется уже затруднительным. Мы полагаем, что к 1928 г. будет около 2575 специалистов в разных отраслях сельского хозяйства, распределенных в соответствии с нуждами районов. Общий аппарат работников управления сельского хозяйства с 5283 дойдет до 11 442.

Что касается лесного управления, то здесь штат специалистов нами увеличивается с 5,8 до 6,5 тыс. По плану мы не предполагаем увеличение лесной стражи. Признавая необходимым повысить культурный и материальный уровень ее за счет некоторого уменьшения количества, НКЗем стремится значительно повысить качественную сторону работы стражи. Но, конечно, если бы НКЗем имел средства, чтобы увеличить одновременно и количество стражи, он бы от этого, разумеется, не отказался.

Общая сумма работников лесного управления с лесной стражей определяется к 1928 г. в 49,8 тыс. человек вместо 61,9 тыс. сейчас. Весь аппарат НКЗема определяется без лесной стражи в 42,0 вместо 31,2 тыс., а с лесной стражей — в 81,9 вместо 83,1 тыс. На этом позвольте мне закончить замечания относительно аппарата.

* * *

Последний вопрос, которого мне необходимо коснуться, — это вопрос о финансовой стороне нашего плана. Мы смотрим на свой финансовый план как на ориентировочный. Составляя его, мы стояли целиком на государственной точке зрения. Я начал доклад с того, что указал, что мы строили план в период, когда проходила денежная реформа и когда вопрос об экономии был основным, доминирующим, в период, когда темп роста с.-хоз. кредита был совершенно не известен и сельскохозяйственный банк еще не начинал функционировать. В это время мы строили свой план. Не касаясь конкретных цифр, замечу о методе построения финансового плана. Метод, который был нами применен, единственно правильный метод. Мы, может быть, ошиблись в конкретных расчетах, но метод был правильный.

Мы определили сначала реальные потребности в средствах по различным разделам работы и увидели, что это необъятное море запросов, увидели, что нужны миллиарды. Ясно, что строить план по запросам и только — это был нереальный путь. Поэтому встал вопрос об ограничении этих потребностей. Нужно было отобрать из этих потребностей то, что наиболее важно, может быть и должно быть удовлетворено в это пятилетие. Единственным критерием для ограничения потребности могли быть данные о ресурсах для финансирования. При исчислении возможностей финансирования мы взяли примерный темп роста национального дохода за эти пять лет; взяли долю его, падающую на государственный бюджет; вычислили, какая доля может быть взята из госбюджета для нужд сельского хозяйства, предполагая, что доля эта несколько увеличится против довоенной. Тот же критерий мы применили к местным бюджетам. Затем мы подошли к средствам кооперации и сельскохозяйственного кредита и здесь столкнулись в то время с непреодолимыми трудностями. Эти средства были учтены нами в минимуме, так как определенной и ясной перспективы с.-хоз. кредита в то время установить было невозможно. Финансовый план поэтому приобрел у нас характер минимального. Но дать его мы считаем

необходимым, чтобы показать по крайней мере соотношение между потребностями отдельных отраслей и удельный вес их. Таким образом, мы шли сначала путем выявления потребностей, а потом поставили вопрос о том, чтобы ограничить потребности в соответствии со средствами. Многие считают, что мы преуменьшили финансовый план. Возможно. Но тем более интересно отметить, что, когда проходят наши конкретные, отдельные планы, например по коневодству и овцеводству, нам сокращают средства против того плана, который критикуют за то, что он преуменьшен. Нам делают упреки, что мы преуменьшили план; а когда мы говорим: дайте нам то небольшое, что мы просим, то нам сокращают и это небольшое. Я бы очень хотел, чтобы наш финансовый план был признан преуменьшенным. Лишь бы его не признали преувеличенным.

* * *

Закончу следующим. В плане НКЗема очень много недостатков. Мы считаем, что в нем есть отдельные элементы, которые изменены уже жизнью и мероприятиями правительства, например темп роста землеустройства. Но несомненно одно, что НКЗемом проделана колоссальная работа с полным желанием выяснить реальные условия существования сельского хозяйства и пути его развития, проделана работа с привлечением всех бывших в распоряжении материалов. Конечно, в такой огромной работе, в которой участвовали десятки людей, возможны единичные неувязки и ошибки. Но беря план в целом, я утверждаю, что в нем есть внутренняя согласованность частей, что план отвечает на все основные животрепещущие вопросы сельского хозяйства, что план в общем верно намечает путь его развития, что основные посылки плана нашли полное признание и высшую санкцию со времени его построения и в настоящее время не вызывают сомнения. Пусть план даже окажется частично неверен в отношении объема работы, но путь работы, указанный в нем, все же останется.

Я допускаю, что план с точки зрения количественных расчетов может утратить в той или иной мере свое значение через некоторое время. Но с точки зрения организующего влияния его на весь аппарат и работу НКЗема план свою роль сыграл и еще сыграет, получив санкцию высших органов.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПЛАНЕ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА*

В третьем номере "Планового хозяйства" за 1927 г. опубликован ряд статей, в которых излагаются основные данные пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства СССР¹. Опубликованные материалы перспективного плана еще далеко не полны и не позволяют в достаточной мере уяснить все содержание огромной работы, проведенной Госпланом, а также все приемы и основания предлагаемого построения. Вероятно, в ближайшее время Госплан опубликует более подробный материал к построению плана. И нужно думать, что тогда некоторые недоуменные вопросы, возникающие при чтении опубликованных статей, выяснятся. Тем не менее основные положения перспективного плана, выдвигаемого Госпланом, уже наметились. С другой стороны, вопросы, затронутые этим построением, настолько существенны, что представляется целесообразным остановиться на них, не дожидаясь выхода более подробных материалов.

Данная статья и посвящена разбору построений Госплана². Однако, мы не имеем в виду входить в ней в исчерпывающий разбор этих построений. Едва ли кто будет спорить, что основной проблемой развития нашего народного хозяйства на ближай-

*Статья впервые опубликована в журнале "Плановое хозяйство", 1927 г. № 4. С. 1-33 в порядке дискуссии по основным положениям проекта пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства СССР. Здесь публикуется по: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 135-169 (Прим. сост.).

¹Мы имеем в виду статьи Г.М. Кржижановского "К построению перспективной пятилетки", с. 7-16; С.Г. Струмилина "К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27-1930/31 гг.", с. 17-54; В.Р. Чернышева "К вопросу о методологии планирования", с. 55-73; Г.М. Кржижановского и А.А. Горева "Перспективный план электрификации на ближайшие пять лет", с. 74-95; И.А. Калининкова "Основные элементы и показатели развертывания промышленности на пятилетие 1926/27-1930/31 гг.", с. 96-110; М.И. Боголепова "Финансовые перспективы пятилетия 1926/27-1930/31 гг.", с. 143-150; Н.М. Вишневого "К вопросу о развитии сельского хозяйства СССР", с. 111-128; С.В. Бернштейн-Когана и И.К. Либина "Основные положения перспективного плана транспорта на 1926/27-1930/31 гг.", с. 129-142.

²При составлении ее автору весьма большую помощь оказали Я.П. Герчук, Г.И. Михайлов и П.М. Анциферов.

шее время является проблема взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства, города и деревни и соответственно рабочего класса и крестьянства. Основное и руководящее значение этой проблемы с полной определенностью было подчеркнуто как во вступительной речи председателя Госплана Г.М. Кржижановского на недавно закончившемся Съезде Президиумов Госпланов, так и в развернувшихся на съезде прениях по вопросу о перспективном плане.

Исходя из этого, кроме некоторых методологических вопросов, в данной статье мы намерены затронуть преимущественно те элементы построения Госплана, которые имеют ближайшее отношение к проблеме взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства. Так как наиболее общей статьей из всех опубликованных материалов Госплана является статья С.Г. Струмилина, то в дальнейшем мы будем иметь в виду главным образом ее, привлекая другие материалы лишь в меру необходимости¹.

I

Для того чтобы сделать дальнейшие критические замечания возможно более ясными, представляется необходимым остановиться предварительно на некоторых исходных методологических положениях.

Прежде всего, как понимается существо перспективного плана его авторами, и в частности С.Г. Струмилиным? Нельзя сказать, чтобы его мнение по этому вопросу было вполне ясно. Оно во всяком случае двойственно. Действительно, на с. 21 С.Г. Струмилин пишет: "И если всякий план представляет собою известную комбинацию из элементов *предвидения* объективно неизбежного и *проектировки* целесообразного с точки зрения наших субъективных социально-классовых устремлений, то в годовых планах первое место принадлежит предвидениям, а в многолетних — предудказаниям".

Таким образом, С.Г. Струмилин утверждает, что наши планы неизбежно содержат в себе, с одной стороны, элементы предвидения, с другой — элементы проектировки заданий или директив. Почему же те или другие элементы неизбежно присуци

¹ Эти другие статьи являются развитием статьи С.Г. Струмилина. Естественно было бы ожидать, что поэтому приводимые в них расчеты не могут расходиться с расчетами С.Г. Струмилина. К сожалению, это требование выдержано не всегда, что затрудняет критический анализ построений.

плану? Чтобы выяснить это, необходимо понять, в каком отношении друг к другу стоят указанные элементы. Тот же С.Г. Струмилин на с. 22 пишет: “Конечно, эти задания должны быть... в достаточной степени реальны, для чего их необходимо во всех частях согласовать между собою *цепной связью взаимной их зависимости* и строго сообразовать с наличными ресурсами страны и реальными возможностями ее развития”. Таким образом, ясно, что, по мнению автора, наши задания или директивы не могут быть совершенно произвольными, что они должны быть достаточно связаны между собою и строго согласованы с реальными ресурсами страны, с реальными возможностями ее развития.

Но что значит согласовать наши задания с реальными ресурсами страны, с реальными возможностями ее развития? С.Г. Струмилин не анализирует этого вопроса. Но на этот вопрос можно дать только один ответ. Наши задания относятся к будущему. Они указывают, в каком направлении должны развиваться наши сознательные усилия и мероприятия. Наши усилия и мероприятия для реализации заданий могут сделать многое. Но все же они не всемогущи. Они будут развиваться в конкретной объективной обстановке будущего, в которой огромное значение имеют чисто стихийные процессы. И действительный результат, к которому приведут наши усилия и мероприятия, определится сочетанием нашего действия и действия объективной среды, в которой они будут протекать. Но если это так, то наши задания будут реальны лишь в том случае, если они отобразят в себе именно эти *действительные* результаты, которые могут быть достигнуты нашими усилиями, протекающими в конкретной *объективной* обстановке. При каких же условиях мы можем отобразить в наших плановых заданиях именно эти действительные результаты наших действий? Очевидно, что мы можем отобразить их лишь в том случае, если, формулируя задания, мы примем во внимание не только наши цели, но с максимальной полнотой учтем: 1) объективное положение окружающих хозяйственных условий; 2) вероятные тенденции их развития; 3) вероятные ресурсы и возможности нашего воздействия на процесс хозяйственного развития; 4) наконец, вероятные результаты нашего воздействия на него. Но что значит учесть вероятные тенденции изменения условий, вероятные ресурсы и возможности нашего воздействия на процесс хозяйственного развития и, наконец, вероятный результат такого воздействия? Это значит, что в указанных направлениях мы должны распо-

лагать не только знанием настоящего, но и известным *предвидением* будущего, так как только при наличии некоторого предвидения мы можем говорить о вероятных тенденциях развития хозяйства, о вероятных возможностях нашего воздействия на него и о вероятных результатах такого воздействия. Отсюда ясно, что наши плановые задания, если они хотят быть реальными (а только о таких заданиях и стоит серьезно говорить), действительно органически связаны с элементами некоторого предвидения и его предполагают¹.

И если С.Г. Струмилин *действительно* думает, что наши задания, как он говорит, должны быть реальными, то у него, очевидно, нет оснований возражать против сделанных нами выводов.

Однако, это, по-видимому, не совсем так. Дело в том, что его представление о плане, которое было выявлено выше и по которому план неизбежно содержит в себе элементы как предвидения, так и заданий или директив, очень скоро вытесняется другим представлением, существенно отличным от первого.

Почти на тех же и частью именно на тех же страницах своей статьи С.Г. Струмилин проводит аналогию между плановым строительством и обычным строительным искусством. Многие задачи строительного искусства, пишет С.Г. Струмилин, теоретически неразрешимы, между тем практически они разрешаются с достаточным для жизни приближением. Причем всякая задача строительного искусства может получить несколько решений: "Всегда может прийти другой инженер и дать новый проект, еще более эффективно и изящно разрешающий ту же задачу" (с. 17). Это зависит от его творческих способностей. Нечто аналогичное, полагает С.Г. Струмилин, мы имеем и при построении планов, или, как он выражается, в социальной инженерии. Здесь также задача планового хозяйственного строительства может иметь не одно, а несколько решений. Здесь также многие задачи представляются строго теоретически неразрешимыми, но практически они разрешаются достаточно удовлетворительно, если мы, подобно инженерам, встанем на путь методов "инженерной проектировки новых социальных конструкций" (с. 22). В прямой связи с этим С.Г. Струмилин, далее, пишет: "Наши планы строятся не для более или менее беспочвенных гаданий и знахарских предсказаний о том, что будет через пять или десять

¹ См. об этом нашу статью: План и предвидение // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 3-36 [см. наст. изд. С. 91-134].

лет, а прежде всего для создания определенной *системы хозяйственных заданий* в области социалистического строительства” (с. 22). И эти наши задания “все же... только задания, а не предсказания” (с. 22). Таким образом, признав, что во всяком плане есть не только проектировка задания, но и предвидение, буквально на тех же страницах, увлеченный аналогиями строительства планов с инженерным искусством, С.Г. Струмилин определенно разделяет плановые задания и предвидение и прямо противопоставляет их друг другу. Совершенно ясно, что это уже совсем другое направление в понимании плана, чем то, которое им же было сформулировано выше. Что же означает это другое направление в понимании плана?

Проводя аналогию между плановым строительством и искусством инженерно-технического строительства, С.Г. Струмилин до известной степени прав. Но только до известной степени. Верно, что различные инженеры-техники ту же строительную задачу могут разрешить различно. Но как бы она ни разрешалась ими, во всех случаях различие решений задачи будет касаться лишь способов комбинации элементов строительных материалов и средств, которые потребуются для осуществления строительства. Инженеру-технику при этом не приходится решать самому задачу о том, будут ли, и если будут, то в каком количестве, элементы строительных материалов и денежные средства: эти величины он берет или как данные, или как заданные. Именно этого нет при хозяйственно-плановом строительстве. При плановом строительстве нам приходится решать задачу не только о наилучшей комбинации имеющихся хозяйственных элементов, но и вопрос о том, в каких размерах и в каком виде эти элементы будут даны или могут быть обеспечены в настоящее время и в будущем (например, накопление, емкость рынка и т.д.). Эти элементы построения мы не можем и не имеем права брать как данные или заданные. Мы должны их еще определить по совокупности условий. Определить же их без понимания реальных условий и без всякого прогноза будущего мы не в состоянии. Вот почему, если мы хотим, чтобы наши задания или наши конструкции нового будущего были действительно реальными, мы не можем оторвать их от предвидения.

И если С.Г. Струмилин, увлекаясь аналогией с инженерно-техническим искусством, такой разрыв провозглашает, если он призывает к использованию “методов инженерной проектировки” при построении планов, то это значит, что он упрощает задачу построения планов, это значит, что он готов считать

данными или заданными такие элементы, которые таковыми считать никак нельзя и которые еще предстоит определить. Это значит, что он разрубает нить между своими проекциями и действительностью. Отсюда остается уже только один и притом небольшой шаг к построению совершенно произвольных плановых конструкций.

Из предыдущего ясно, что разобранное другое понимание плана, выдвигающее в планах только момент заданий, проектировки и противопоставляющее его предвидению, может легко стать основой для падения интереса к вопросу о реальности, осуществимости этих заданий и проектов. Из предыдущего видно, что мысль С.Г. Струмилина о сущности плановых построений действительно идет как бы по двум различным линиям. Впрочем, он на этом не успокаивается и скоро делает усилие снова встать на одну линию. Действительно, непосредственно за приведенными выше словами, что наши задания есть “все же... только задания, а не предсказания”, он уже пишет: “В процессе строительства мы в любой момент сможем в случае нужды сманеврировать сообразно обстановке момента и изменить их (т.е. задания. — Н.К.) в той или иной части. Вот почему в *этом предвидении* мы отнюдь не гарантируем стопроцентного выполнения наших перспективных планов в заранее установленные календарные сроки”¹. Таким образом, ясно, что в последних словах автор говорит о заданиях уже просто как о предвидении, т.е. говорит даже больше, чем нужно. Но как бы то ни было, здесь он уничтожает разрыв заданий и предвидения и тем возвращается к своей первой позиции в понимании сущности плана. При этом, конечно, он прав, что, говоря о предвидении в планах, мы не можем гарантировать точности этого предвидения на сто процентов.

Итак, с одной стороны, как будто ясно, что план является системой заданий, но сама система этих заданий строится на основе известного предвидения хода действительности протекающего при условии наших сознательных воздействий на нее.

С другой стороны, не менее ясно, что С.Г. Струминин готов к чисто инженерной проектировке нового социально-экономического будущего, готов формулировать систему плановых заданий, отрывая их от “гаданий и предсказаний о том, что будет”, т.е. в конечном счете готов пройти мимо вопроса обоснования

¹ Курсив наш. — [Н.К.].

реальности своих построений. И если в пределах вводных замечаний статьи автора трудно решить, какое же направление его мысли является господствующим, если мы готовы сказать, что здесь побеждает в конце концов первое, т.е. верное направление ее, то приходится признать, что в дальнейшем, когда он переходит к действительному построению плана, господствующее значение приобретает именно второе “инженерное” направление в его понимании плана.

II

Спрашивается теперь, какие же общие задачи и какие общие критерии мы должны иметь в виду, когда строим перспективные планы и формулируем ту систему заданий, природу которых мы только что выясняли? На этот вопрос автор отвечает следующим образом: “В наиболее общей форме задача построения перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого *перераспределения* наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу, и материальные ресурсы страны, которое в *оптимальной* степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил *возможно быстрым темпом* в целях *максимального* удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и *скорейшего* приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма” (с. 17).

В этих словах общая задача построения перспективного плана сформулирована автором достаточно отчетливо. Формулируя ее, он тем самым с полной определенностью дает и те критерии, которым должен удовлетворять перспективный план, в том числе, очевидно, и прежде всего план, построенный им самим. Согласно приведенной формулировке этот план, *во-первых*, должен обеспечить бескризисное расширенное воспроизводство производительных сил народного хозяйства; *во-вторых*, он должен обеспечить максимальный темп их развития; *в-третьих*, он должен обеспечить максимум удовлетворения текущих потребностей масс; *в-четвертых*, он должен обеспечить скорейшее приближение к переустройству общества на началах социализма и коммунизма. Чтобы вести свою критику имманентно построениям автора, в дальнейшем мы будем оперировать при оценке выдвинутого Госпланом проекта плана именно этими критериями.

Но если общая задача построения перспективного плана такова, как она была только что очерчена, то какое же перераспределение производительных сил С.Г. Струмилин считает наиболее целесообразным и возможным на ближайшие пять лет? Он считает наиболее целесообразным такое перераспределение производительных сил, которое обеспечило бы наибольшую возможность индустриализации страны в ближайшее время (с. 24). Против ставки на индустриализацию, как таковой, конечно, не может быть никаких возражений. Индустриализация страны, — и это подтверждается исторически, — является необходимой предпосылкой повышения производительности всего народного хозяйства и повышения уровня благосостояния масс. Неоспоримо прогрессивное значение индустриализации в особенности должно быть подчеркнуто в аграрно-перенаселенных странах, к числу которых до известной степени можно отнести и СССР, так как индустриализация таких стран является важнейшим методом преодоления аграрного перенаселения. Значение индустриализации у нас вытекает также из особенностей нашего социального строя и нашего международного положения.

Однако при построении плана вопрос сводится не к тому, чтобы провозгласить ту или иную *ставку*, а к тому, чтобы, как справедливо указывает сам С.Г. Струмилин, *дать ей конкретное выражение* (с. 22).

Какое же конкретное выражение дает этой ставке автор? Ответ на этот вопрос мы получаем из следующих немногих цифр. Согласно проекту С.Г. Струмилины физический объем сельскохозяйственного производства, включая лесное хозяйство, рыболовство и охоту, возрастает за 5 лет на 24,1%. В то же время физический объем промышленного производства, включая кустарно-ремесленную промышленность, возрастает на 69,3%, а физический объем производства фабрично-заводской промышленности возрастает даже на 76,7%. Новые постройки и капитальный ремонт без сельского строительства расширяются на 184,7%. Соответственно со всем этим процент городского населения увеличивается с 17,5% в 1926 г. до 18,8% в 1931 г. Производительность индустриального труда вырастает на 49%. Общий реальный народный доход возрастает на 45,2%, доход от сельского хозяйства — на 24,3, а от промышленности — на 74,5%. Уровень благосостояния всего населения в среднем возрастает на 31%, уровень благосостояния рабочего класса — на 50, всего городского населения — на 37,5, а сельского — на 30%.

Общая сумма накопления в народном хозяйстве по государственному сектору возрастает на 93%, новые вложения и капитальный ремонт расширяются на 146, а вся сумма вложений с оборотными фондами — на 107,3%. Из общей суммы капитальных вложений за 5 лет в 17,6 млрд. руб. на долю промышленности падает 32,3%, транспорта — 28,2, электрификации — 7,6, сельского хозяйства — 6,8%. Эти немногие суммарные цифры дают общее представление о намечаемом размахе развития народного хозяйства и о проектируемом перераспределении производительных сил.

Они позволяют признать, что *проект плана достаточно резко проводит ставку на индустриализацию страны.*

III

Выше мы выяснили исходные положения в понимании сущности плана, охарактеризовали словами самого автора основные задачи плана и наметили в общих и основных чертах конкретное содержание выдвигаемых им перспектив. Обращаясь теперь к критическим замечаниям по адресу предлагаемых построений, прежде всего подчеркнем следующее. В проекте плана, выдвигаемого Госпланом, все перспективы даны в точных числовых выражениях. Здесь даются цифровые характеристики не только продукции через пять лет, но и числовые же характеристики накопления, вложений, емкости рынка, перенаселения, эмиссии и т.д. Причем многие числовые характеристики выражены не только в сумме за пять лет, но и погодно.

Против числовой характеристики перспектив принципиально возражать, конечно, не приходится. Но совершенно ясно, что такие числовые характеристики имеют значение, полезны и их следует давать лишь при том условии, если они скрывают за собой определенный экономический смысл, если они экономически действительно достаточно обоснованы, если при их обосновании был использован правильный метод. При отсутствии этих условий стройный ряд цифр остается только рядом цифр, не больше. И если при отсутствии этих условий мы придаем цифрам большее значение, то нам угрожает опасность “статистического фетишизма”, который может весьма дорого обойтись той практике планирования, которая попыталась бы так или иначе опереться на цифры перспективного плана.

Подходя с этой точки зрения к построениям Госплана, нужно определенно признать, что все опубликованные материалы, за

небольшими исключениями, почти совершенно не дают тех методов и оснований, по которым задания на будущее рисуются именно приведенными в плане, а не иными цифрами. Так, они не дают оснований, почему промышленная продукция возрастает на 69,3%, а сельскохозяйственная на 24,1%. Они не дают оснований, почему накопление возрастает на 93%, а производительность промышленного труда поднимается на 49% и т.д. Правда, некоторые производные цифры плана легко понять из других, основных цифр. Так, легко понять, почему при взятом темпе роста продукции, народного дохода и населения доход на душу будет именно тот, который рисуется планом, а не другой. Но дело заключается в том, что не ясны основания расчетов как раз основных цифр, из которых получаются эти производные расчеты. Опубликованные материалы скорей декретируют эти цифры, не обосновывая их.

На это нам могут указать, что в опубликованных материалах все же имеются некоторые указания на метод и основания построения плана. Так, мы находим там указания на отказ от метода экстраполяции на основе установленных статических и динамических коэффициентов. Мы имеем также заявление о том, что при построении плана был использован метод последовательных приближений и что первое приближение перспектив по отдельным отраслям хозяйства проектировалось путем экспертных оценок возможностей развития этих отраслей специалистами. Однако из материалов мы не знаем, какие же стадии последовательного приближения прошло построение плана. Нам дано лишь одно приближение, то, которое опубликовано, и никакого метода последовательных приближений из него не видно. Мало того, принципиально не ясно и спорно, почему последовательные приближения построения плана возводятся здесь в особый метод. Метод все же... не в том, что строится один вариант плана, потом он уточняется, потом еще раз уточняется и т.д., а в тех приемах, при помощи которых строится первый вариант, в тех приемах, на основании которых он потом уточняется, и т.д., то есть в тех приемах, о которых в материалах не говорится ни слова.

Именно поэтому метода построения плана и приемов последующего уточнения его мы и не знаем. Мы не знаем также, какими основаниями руководились эксперты при установлении перспектив развития отдельных отраслей народного хозяйства. Конечно, метод экспертных оценок дает значительный простор их авторам. Но и эксперты при своих оценках все же руковод-

ствуются теми или иными основаниями. Именно на эти основания мы не имеем никакого намека в материалах.

Поскольку речь идет об *отдельных* отраслях хозяйства, то все, что мы находим в опубликованных материалах, и все, что может быть приведено в них как попытка обоснования выдвинутых перспектив, сводится, в сущности, к *формальному* указанию на те условия, которые учитывались при построении заданий по этим отраслям. Но такие указания недостаточны.

Так, С.Г. Струмилин пишет, что построение перспективного плана было начато с установления перспектив промышленности. Причем темп роста производства средств широкого потребления определялся в зависимости от размеров капитальных вложений, а эти капитальные вложения — в зависимости от прироста емкости потребительского рынка.

Таким образом, общие формальные указания на условия, с которыми будто бы соизмерялся темп роста производства средств потребления, сделаны. Согласно этих указаний для определения темпа роста производства средств потребления нужно было бы иметь данные о размерах вложений в эти отрасли (а следовательно, и данные о размерах необходимых накоплений) и данные о емкости рынка на предметы широкого потребления. Действительно, в опубликованных материалах мы находим цифры вероятного накопления, но зато не находим никаких данных, обосновывающих возможность самого этого накопления. Что же касается емкости рынка, то она исчислена, но в свою очередь совершенно не мотивирована. Ясно, что она определяется в свою очередь ростом городов и городского населения, ростом благосостояния городского и сельского населения, ростом его потребительского спроса именно на предметы индустриального производства. Но ведь рост городов, рост благосостояния населения и т.д. определяется темпом развертывания производства, и в частности промышленного производства, и другими условиями. Таким образом, следуя чисто формальным указаниям автора в поисках обоснования темпа развертывания производства средств потребления, мы наталкиваемся либо на цифры, совершенно немотивированные (накопление), либо оказываемся в порочном кругу, так как убеждаемся, что искомый темп развертывания производства средств потребления, по крайней мере, частично определяется темпом роста производства этих же средств потребления.

Такой порочный круг выступает еще яснее, когда мы обращаемся к вопросу об основаниях принятого темпа производства

средств производства. По этому вопросу мы находим следующее указание: “Учет емкости рынка на продукцию предприятий, занятых воспроизводством оборотного и в особенности основного капитала, должен быть в интересах бескризисного развития промышленности уже заранее дан с достаточной точностью в полном соответствии с учтенными ресурсами для капитальных вложений” (с. 25). Таким образом, здесь в качестве оснований принятого темпа указывается на размеры капитальных вложений и на учет емкости рынка. Но как было указано выше, размеры накоплений, а следовательно, и вложений исчислены без всякого обоснования. Что же касается емкости рынка, то оказывается, что для продукции средств производства “рынком является прежде всего сама промышленность” (с. 25). Иначе говоря, в этой части искомый темп развития промышленного производства определяется прежде всего именно тем же искомым темпом роста промышленности:

Что касается теперь перспектив развития сельского хозяйства, то относительно построения их С.Г. Струмилин пишет: “Перспективы сельского хозяйства при наличии плана промышленности уже в известной мере им предопределены”. По его мнению, во всяком случае перспективы развития технических, трудоемких культур “уже даны планом промышленности” (с. 25). По этому поводу приходится сказать, *во-первых*, поскольку выше не были конкретно выяснены условия, определяющие темп роста самой промышленности, постольку, очевидно, теряется основание и определяемый им темп развития технических культур; *во-вторых*, [не]ужели темп развития этих культур действительно дан темпом роста индустрии? А куда же исчез экспорт продуктов хотя бы некоторых из этих культур? Он, очевидно, забыт? Во всяком случае о нем ничего не говорится при определении условий развития технических культур. Как отразилось такое отношение к проблеме экспорта на всем плане — это мы увидим ниже.

Наконец, в отношении основных зерновых культур и животноводства С.Г. Струмилин пишет: “Прогноз их развития под влиянием весьма медленного нарастания потребительского внешнего и внутреннего рынка, при чрезвычайно отсталой земледельческой технике и ограниченной естественными пределами площади пашни, не может представить слишком больших затруднений” (с. 25). Таким образом, оказывается, что построение перспектив этих отраслей сельского хозяйства просто не представляет особых трудностей. Вот и все основания для принятого

темпа роста зернового хозяйства и животноводства. Правда, указывается еще, что на их развитие будут влиять капитальные вложения. Но как именно они будут влиять — это остается неизвестным. Насколько простым вопросом представляется для автора вопрос о развитии зернового хозяйства и животноводства, видно хотя бы из того, что во всех опубликованных материалах даже нет данных о развитии продукции сельского хозяйства по этим важнейшим отраслям отдельно. Правда, на Съезде Президиумов Госпланов была роздана таблица, характеризующая развитие полеводства по отраслям и рост количества скота. Но каким образом была исчислена эта таблица, какие основания были положены при определении принятых в ней темпов, это не стало более ясным как из таблицы, так и из доклада Н. М. Вишневого по сельскому хозяйству.

Разобранными положениями, в сущности, исчерпываются те моменты работы, в которых имеются некоторые отдаленные и не вполне ясные указания, на каких основаниях были получены опубликованные перспективы. Из предыдущего ясно, *во-первых*, что эти указания имеют действительно формально декларативный характер, так как в них содержится формальный перечень условий, учитывавшихся при определении перспектив различных элементов народного хозяйства, но совершенно отсутствует анализ этих условий по существу; *во-вторых*, что попытка углубиться в эти условия приводит нас или к условиям, которые сами взяты без достаточного обоснования, или к порочному кругу.

Таким образом, в итоге, поскольку речь идет о *перспективах по отдельным отраслям* хозяйства, нужно признать правильность выставленного выше положения, что проектируемые перспективы предложены без какого-либо серьезного их обоснования. И приходится удивляться, почему центр тяжести построения плана был так прямолинейно и поспешно перенесен на цифровые подсчеты, почему вместе с тем почти совершенно исключены элементы обоснования. Казалось бы, наоборот, именно постановка и анализ основных экономических проблем нашего развития и обоснование тех или иных перспектив должно было стать вначале центром построения плана, ибо цифры должны были бы явиться лишь конечной конкретизацией выводов из этого анализа. Мы не знаем, имеются ли, и если имеются, то какие именно, обоснования предложенных построений у Госплана. Пока мы не знаем поэтому, имеем ли мы здесь дело с явным увлечением цифровыми расчетами или просто с запо-

зданием Госплана в отношении публикации материалов, обосновывающих его проект. Если верно последнее, то, скажут, дело легко поправить: стоит опубликовать подробные материалы. Но даже и в этом случае ошибка Госплана состоит в том, что он поспешил опубликовать цифровые результаты, игнорируя их обоснования. Однако дело может обстоять и не так просто.

И невольно вспоминается та “случайная” оговорка, в которой С.Г. Струмилин открыто объявил, что перспективные задания — все же задания, а не предвидения. Мы показали выше, что если задания не имеют никакой связи с предвидением, то они не могут быть и реальными, не могут быть и обоснованными. Опять-таки невольно возникает сомнение, что, может быть, мысль упомянутой “оговорки”, как мы видели, чрезвычайно быстро и даже излишне энергично ликвидированной С.Г. Струмилиным, фактически уже приобрела свои права, как только автор, перестав рассуждать, опять приступил к построению самого плана, и, может быть, он действительно формулирует в плане *задания*, оставляя в стороне вопрос о предвидении и, следовательно, об обосновании реальности этих заданий.

Мы хорошо знаем трудность обоснования перспектив развития хозяйства. Не менее хорошо известно нам и то, что абсолютно строгого обоснования их, быть может, вообще дать невозможно. Но это не значит, что невозможно и не следует заниматься таким обоснованием вообще. Именно потому, что оно трудно, именно потому, что без него невозможно построить серьезный реальный план, мы и вправе были бы настаивать, чтобы внимание авторов плана было сосредоточено прежде всего на основаниях их построения.

Выше мы упрекали составителей в порочном круге, к которому ведут их указания на путь, каким шло построение плана по отраслям. Но нам хорошо известно, что основания этого круга лежат до известной степени в самой хозяйственной деятельности, так как все элементы ее взаимно связаны между собой. Однако это не снимает с составителей плана обязанности попытаться преодолеть порочность круга в их построении. В этом состоит огромная трудность построения народнохозяйственного плана, но без этого, как и без некоторого предвидения, удовлетворительного плана построить вообще нельзя.

На это могут указать, что попытка преодолеть порочный круг составителями в действительности была сделана. Могут сказать, далее, что все предыдущие критические замечания не основательны как раз потому, что они не учитывают этой попытки.

Могут указать, что эти критические замечания относятся к вопросу об обосновании перспектив по *отдельным* отраслям хозяйства, между тем ввиду их взаимной связи такого обоснования дать вообще невозможно. Свое обоснование принятые перспективы по отраслям получают в том, что они в конечном счете увязаны между собой балансовым методом. Именно в методе балансовой увязки, скажут, и следует видеть как преодоление того порочного круга, о котором говорилось выше, так и конечное обоснование намеченных перспектив. На то, что балансовая увязка перспектив различных отраслей хозяйства производилась, С.Г. Струмилину определенно указывает в своей статье (с. 23–24).

К сожалению, мы не разделяем той *абсолютной* веры в балансовую увязку, которая не чужда у нас многим. Сам по себе балансовый метод в применении к перспективам, и то, если он применен верно, гарантирует лишь одно, а именно то, что проектируемые темпы развития отдельных отраслей между собой согласованы. Но балансовый метод совершенно не гарантирует, что спроектированная при его помощи модель будущего народного хозяйства в какой-либо мере осуществима, а не произвольна. Формально, арифметически можно построить очень много таких моделей. Но вопрос о том, какая или какие из этих моделей могут быть реальны и какая из последних в то же время является наилучшей — эти вопросы балансовым методом решить уже нельзя. Для этого необходимо опять-таки проанализировать те основания, которые определяют реализуемость именно той, а не другой модели хозяйства.

Мы не спорим против того, что в предложенном проекте плана необходимость применения балансового метода прокламирована. Но из только что сказанного видно, что это не устраняет замечаний о необходимости анализа оснований, в силу которых принята за желательную и в то же время за реальную данная, а не другая модель народного хозяйства. Именно этого обоснования в опубликованных материалах и не дано.

Кроме того, мало прокламировать балансовый метод. Его нужно применить и применить правильно. Выполнено ли и это требование в разбираемом проекте — это мы увидим ниже.

IV

Выше мы уже указывали, что по плану предполагается повышение физического объема продукции промышленности на 69,3%, а фабрично-заводской — на 76,7%. Наряду с этим предпо-

лагается расширение нового строительства и капитального ремонта на 184,7%. Одновременно предполагаются некоторые реконструкции в области транспорта и в других отраслях хозяйства.

Совершенно очевидно, что все это расширение промышленности, транспорта, строительства и т.д. предполагает определенные условия и в числе этих условий прежде всего определенные *капитальные вложения*. Действительно, общая сумма вложений в основные капиталы определяется планом за 5 лет в 15,9 млрд. черв. руб., а вместе с вложением в оборотные капиталы даже в 17,6 млрд. руб. Но чтобы осуществить эти вложения, необходимо соответствующее накопление. С.Г. Струмилин дает исчисление накопления и притом в погодно-цифровой форме. Он дает исчисление накопления, включая в него как чистое накопление, так и амортизацию. Общая сумма накоплений с амортизацией возрастает у него за 5 лет на 93,0% и в итоге, с включением накопления по кредитным операциям¹, дает 18,3 млрд. руб. Если теперь выделить амортизацию (по данным самого же С.Г. Струмилины), то чистое накопление выразится приблизительно такими суммами:

Годы	Чистое накопление в млн. руб.
1925/26	1868
1930/31	3693
Прирост, %	97,7
Всего за пятилетие	14 530

Таким образом, общая сумма чистого накопления по годам поднимается с 1,9 млн. до 3,7 млрд. руб. и в итоге за 5 лет дает 14,1 млрд. руб. Но это накопление лишь по государственному сектору хозяйства. “Накопление по всему народному хозяйству, — пишет С.Г. Струмилин, — выразилось бы в иных, более крупных цифрах” (с. 47).

¹ Поскольку кредитные операции (проектируемый 8-процентный заем) в некоторой части является лишь формой мобилизации накоплений в государственном секторе, уже учтенных по другим статьям, постольку присоединение их к общей сумме накоплений в этом секторе приводит к двойному счету их. Но так как в другой части эти операции являются формой использования накоплений в секторе частного хозяйства, то было бы правильнее их присоединить к общей сумме накопления. Но во всяком случае присоединение их совершенно не меняет общей картины, так как за 5 лет эти операции спроектированы лишь в сумме 421 млн. руб.

С.Г. Струмилин, как уже отмечалось выше, не приводит никакого обоснования своих цифр накопления. Но насколько вероятны его цифры? Полагают, что в довоенное время в России накопление составляло около 8,5% от народного дохода¹. На с. 46 С.Г. Струмилин приводит исчисление народного дохода. Если теперь взять приведенные выше его цифры накоплений, то они составят следующий процент от этого народного дохода:

Годы	Доход млн. черв. руб.	Накопление	Накопление к доходу, %
1925/26	21 541	3693	8,7
1930/31	29 328	1868	12,6

Если принять во внимание, что в таблице не учтено накопление частное, то фактически процент всего накопления должен будет еще повыситься. Во всяком случае окажется, что процент накопления в 1925/26 г. к народному доходу будет уже значительно выше довоенного. Это представляется нам мало вероятным. Трудно допустить, чтобы в стране, где реальный народный доход стоит ниже довоенного (что видно из исчисления самого С.Г. Струмилины, с. 46), где доходы весьма нивелированы где частное накопление идет явно замедленным темпом, — процент накопления был выше довоенного. Трудно допустить, чтобы при условии, когда почти все другие элементы народного хозяйства стоят еще ниже довоенного уровня, именно процент накопления превзошел этот уровень.

Нам кажется, что С.Г. Струмилин явно преувеличил исходные цифры накопления, то есть накопление в 1925/26 г. Это можно показать на примере промышленного накопления и иным путем. Промышленное накопление с амортизацией он определяет в 889 млн. руб. Между тем, другими источниками² оно определяется цифрой приблизительно в 747–814 млн. руб. Преувеличив исходные цифры, уже в силу одного этого он должен был, далее, преувеличить и накопление в следующие годы.

Но дело не только в этом. Принятые С.Г. Струмилиным темп и размеры накопления находятся *в резком несоответствии с другими его построениями*. Действительно, допустим, что ис-

¹ Ср. Вайнштейн А.Л. О контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1926/27 г. // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. VI. С. 8.

² Исчисление Объяснительной записки к бюджету 1926/27 г. и Производственно-финансового плана ВСНХ.

числение накопления С.Г. Струминым на 1925/26 г. в сумме 1868 млн. руб. абсолютно верно.

Он говорит только о накоплении в государственном секторе. Что касается сектора частного хозяйства, то относительно него С.Г. Струмин развивает принципиально ту мысль, что этот сектор может дать для накопления в государственном секторе очень немного через бюджет, кредит и банкнотную эмиссию (с. 47–50). И все, что он может дать в этой области, автором уже учтено и включено в приведенные цифры как за 1925/26 г., так и за 1930/31 г. Ввиду этого с точки зрения государственного сектора, которым здесь только и интересуется С.Г. Струмин, мы имеем полное право допустить, что указанная выше цифра в 1868 млн. руб. для 1925/26 г. исчерпывает все накопление и что вся остальная часть народного дохода как бы потребляется. Но если накапливается 1868 млн. руб., а народный доход в 1925/26 г. составляет, по С.Г. Струмину, 21 541 млн. руб., то очевидно, что из него потребляется 19673 млн. руб., или 138,6 руб. на душу. Народный доход на 1930/31 г., по С.Г. Струмину, будет равен 29 328 млн. руб. Чтобы знать, как велико при этих условиях может быть накопление в 1930/31 г., необходимо определить, сколько ценностей из этого дохода будет потреблено населением. С.Г. Струмин дает основания для исчисления развития потребления дохода в 1930/31 г. Согласно его построениям реальное благосостояние всего населения на душу возрастет к 1930/31 г. на 31%. Таким образом, если в 1925/26 г., как мы условно приняли, население потребляло 138,6 руб. на душу, то в 1930/31 г. оно будет потреблять уже на 31% более, или 181,6 руб. Население к этому времени, по С.Г. Струмину, возрастет на 11,2% и определится цифрой в 157,7 млн. человек. Тогда все это население потребит $181,6 \times 157,7 = 28638$ млн. руб. Так как народный доход в 1930/31 г. С.Г. Струминым определен в 29 328 млн. руб., то ясно, что накопление государственного сектора, возможное для 1930/31 г., по данным самого же С.Г. Струмина, определится цифрой всего в 690 млн. руб. вместо 3693 млн. руб., как на это указывает его специальная таблица о накоплении (с. 48) и как было отмечено выше нами.

Различие этих цифр настолько значительно, что здесь не может быть и речи о случайном и ничего не значащем несовпадении, не может быть и речи о частичных поправках. С.Г. Струмин может сказать, что после повышения уровня благосостояния население не все будет потреблять, а часть будет сберегать.

Возможно. Но это будет частное накопление. Между тем С.Г. Струмилин говорит только о государственном накоплении, и мы показали, что частного накопления, за исключением учтенного автором в его цифрах, с точки зрения государственного сектора, вообще нет.

К изложенным соображениям необходимо присоединить следующее. Анализ цифр народного дохода, исчисленного С.Г. Струмилиным, показывает, что исчисление это произведено без учета проектируемого снижения промышленных цен. Именно поэтому у С.Г. Струмилины различные составные части дохода растут в общем тем же темпом, как и соответствующие части валовой продукции. Именно поэтому у него отношение дохода от промышленности к валовой промышленной продукции как в 1925/26 г., так и в 1930/31 г. составляет те же 39–40%. Между тем разбираемый план проектирует снижение промышленных цен на 17,5%. При стабильности сельскохозяйственных цен это будет обозначать снижение общего уровня цен приблизительно на 11%. Если учесть такое снижение цен, то цифры народного дохода соответствующим образом понизятся. Что касается цифр накопления, то, приводя их, С.Г. Струмилин определенно заявляет, что при их исчислении проектируемое снижение цен уже учтено (с. 49). Следовательно, они остаются в тех же размерах, в каких показаны выше. Но в таком случае совершенно ясно, что в действительности отмеченное нами несоответствие между исчисленными С.Г. Струмилиным цифрами накопления и остатками дохода, идущими в накопление, по данным самого же С.Г. Струмилины, еще более вырастает. В таком случае вся внутренняя необоснованность цифр накопления и отсутствие их внутренней балансовой увязки с данными о доходе и потреблении предстанут в еще более резком виде.

В связи с изложенным мы совершенно не понимаем, каким образом С.Г. Струмилин, отметив, что народный доход на душу населения за 5 лет вырастает на 30,7% и что уровень благосостояния населения повысится на 31%, затем пишет: “Это значит, что доля народного дохода, изымаемого для *накопления*, будет за данное пятилетие возрастать в том же темпе, как и доля, необходимая для *текущего потребления* трудящихся классов”. Мы показали выше, что такой вывод из данных С.Г. Струмилины совершенно не вытекает, что, по его же данным (даже без учета снижения цен при исчислении дохода), доля накопления от дохода с 1925/26 к 1930/31 г. не только не возрастет на 31%, а неизбежно и резко упадет, что вместе с тем по абсолютным

размерам накопление за то же время не только не увеличится на 97,7%, как полагает автор (см. выше), а почти в три раза упадет. Если еще при исчислении дохода учесть снижение цен, то эти выводы еще более усилятся. В таком случае очевидно, что или С.Г. Струмилин преувеличил темп роста благосостояния населения, или преуменьшил темп роста дохода. Но как бы то ни было, в настоящем виде его построения внутренне противоречивы и необоснованны. И если он сам требовал, чтобы план был рассчитан на бескризисное и оптимальное развитие производительных сил (с. 17), чтобы все наши преуказания были внутренне связаны и сообразованы с ресурсами (с. 22), то его перспективы накопления этим требованиям не удовлетворяют. За его исчислением накопления, несмотря на всю смелость этого исчисления, мы не видим достаточных оснований.

Если же все это так, то отсюда проистекают огромные последствия для всего проекта перспективного плана. Выше мы отмечали, что проектируемые накопления являются базой для соответствующих капитальных вложений, а последние служат одной из необходимых предпосылок той огромной реконструкции, которая намечена в промышленности, в строительстве, на транспорте и т.д. Теперь оказывается, что предпосылка эта недостаточно обоснована и по совокупности других построений плана совершенно не гарантирована. Тем самым ставится в критическое положение и план реконструкций. Во всяком случае, ясно, что в этой области жизнь не может пойти по тому плану, который мы разбираем.

V

Но допустим, что перспективы накопления у С.Г. Струмилина даны правильно.

Обеспечивают ли эти накопления намеченные реконструкции промышленности, транспорта и т.д.? В известной мере — несомненно. Однако ясно, что для проведения намеченных реконструкций, и прежде всего в промышленности, просто накопления недостаточно. Предлагаемый Комиссией Госплана план предполагает, что известная часть этих накоплений должна быть превращена в иностранную валюту, которая пойдет на оплату импорта орудий и средств производства. Согласно статье И.А. Калининкова этот импорт на пятилетие предполагается в следующих размерах:

Статьи импорта	Всего за 5 лет, млн. черв. руб.	Прирост (+) или убыль (-) за 5 лет, %
Сырье	1948,0	+21
Полуфабрикаты	523,6	-30
Оборудование	1044,5	-297
Итого	3516,1	+41,5

Таким образом, импорт для нужд промышленности, возрастающая с 526,7 млн. руб. в 1925/26 г. до 745,0 млн. руб. в 1930/31 г., дает за пятилетие 3,5 млрд. руб. Импорт для нужд промышленности проектируется в таких размерах, что при современном размере нашего ввоза (импорт за 1925/26 г. составит 673,7 млн. руб.) он берет подавляющую его часть. И так как импорт для промышленности по плану сильно возрастает, так как будут, конечно, несколько возрастать и другие категории импорта, то ясно, что осуществление намеченного плана импорта, а следовательно, и реконструкций промышленности предполагает соответствующее развитие и экспорта.

Проблема экспорта встает тем острее, что... некоторые отрасли нашего сельского хозяйства не могут сколько-нибудь значительно развиваться без развития экспорта.

Каковы же перспективы экспорта по разбираемому плану? Как это ни странно, план не дает почти никакого ответа на этот вопрос. Все, что мы находим в нем, сводится к следующему. В статье И.А. Калинникова без всякого обоснования и анализа приведены цифры возможного экспорта продуктов технических культур. В статье же С.Г. Струмилина имеется лишь пессимистическое заявление, сделанное попутно при разборе вопроса о снижении цен, о том, что нашему экспорту мешает разрыв между покупательной силой червонца и его внешневалютным курсом и что проблему ликвидации этого разрыва тем или иным путем необходимо решить (с. 44). Наконец, согласно табличных приложений к докладу Н.М. Вишневого сельскохозяйственный экспорт за пятилетие увеличивается на 166%, причем основания этого расчета остаются неизвестными.

Едва ли стоит отмечать, что между пессимистическими заявлениями С.Г. Струмилина и заявлениями Н.М. Вишневого нет полного соответствия. Дело не в этом. Приходится изумляться тому пренебрежению к вопросу об экспорте, которое обнаруживается в опубликованных и оглашенных материалах плана. Мы

отмечали выше, что при определении темпа роста продукции технических культур С.Г. Струмилин тоже забыл об экспорте. Может быть, здесь продолжается та же линия игнорирования проблемы экспорта? Но если составители плана, в сущности, обошли проблему экспорта, то ее необходимо поставить и проанализировать на основании их же данных в других областях плана, связанных с возможностями экспорта. Ведь все эти данные, по заявлению С.Г. Струмилина, внутренне согласованы балансовым методом.

Обращаясь к такому анализу, мы условно предположили, что все исчисления авторов плана, в частности С.Г. Струмилина и В.Р. Чернышева, относительно 1925/26 г. правильны. Исходя отсюда и опираясь на их данные, мы взяли исчисленный ими реальный доход от сельского хозяйства и его товарную часть, т.е. то, что сельское хозяйство отчуждает за пределы деревни, в город, в промышленность, на экспорт.

Далее, мы вычислили остаток сельскохозяйственного дохода за вычетом упомянутой товарной части его. Очевидно, что этот остаток в подавляющей части идет в потребление и в какой-то небольшой части в натуральное накопление. Причем он состоит как из предметов продовольствия, так и других сельскохозяйственных продуктов, как лен, пенька и т.д. Мы делим этот остаток на количество сельского населения и получаем, таким образом, потребление и накопление различных сельскохозяйственных продуктов на душу сельскохозяйственного населения в 1925/26 г. в ценах производителя. Так как эмпирически мы знаем, что новое натуральное накопление по отношению к общей массе потребления сельскохозяйственных продуктов сельскохозяйственным населением составляет все же ничтожную часть, то полученную душевую норму можно считать весьма близкой к душевой норме потребления. В таком случае с этой оговоркой сумма потребления сельскохозяйственных продуктов на душу сельскохозяйственного населения в 1925/26 г. получается в 59,37 руб. Для 1924/25 г. С.Г. Струмилин дает цифру потребления сельскохозяйственным населением сельскохозяйственных продуктов в 47,2 руб. Но если учесть, что 1924/25 год был неурожайным, а также то, что в нашу цифру 59,37 руб. входят и непродовольственные продукты, то мы можем считать ее достаточно близкой к действительности.

От 1925/26 г. мы сделали, далее, переход к 1930/31 г. и притом двумя путями. *Во-первых*, мы произвели по данным С.Г. Струмилина и В.Р. Чернышева за 1930/31 г. те же расчеты, что и по данным за 1925/26 г. Иначе говоря, мы взяли исчисленный ими доход сельского хозяйства, вычли из него товарную часть, идущую за пределы деревни, и остаток разделили на количество возросшего сельскохозяйственного населения в 1930/31 г. В результате мы должны были получить норму потребления сельскохозяйственным населением сельскохозяйственных продуктов по ценам производителя в 1930/31 г. Оказалось, что эта норма будет равна 58,98 руб. В 1925/26 г., как мы видели, она была равна 59,37 руб. Значит, к 1930/31 г. она понизится на 0,4 руб., или на 0,7%. Этот результат совершенно противоречит текстовым построениям С.Г. Струмилина. С.Г. Струмилин утверждает, что благосостояние сельского населения за пять лет возрастет на 30%. При этих условиях очевидно, что потребление им сельскохозяйственных продуктов должно возрасти достаточно сильно. Между тем оказалось, что при принятом темпе роста сельскохозяйственной продукции, при принятом темпе роста дохода от сельского хозяйства и товарного отчуждения сельскохозяйственных продуктов за пределы деревни потребление сельского населения не только не растет, а даже падает.

Тогда мы пошли *вторым* путем. Для 1930/31 г. доход сельского хозяйства, товарная часть его и количество сельскохозяйственного населения дано в разбираемых работах. Но так как, по С.Г. Струмину, благосостояние сельского населения к 1930/31 г. повышается на 30%, то в соответствии с этим мы предположили, что и его потребление, равное в 1925/26 г. 59,37 руб., повысится на 30%. Иначе говоря, на этом втором пути мы приняли за отправной пункт тезис С.Г. Струмилина о росте благосостояния и, следовательно, потребления сельского населения. Тогда его норма потребления на душу в 1930/31 г. оказалась 77,18 руб. Помножая ее на количество сельскохозяйственного населения, мы получили общую сумму потребления сельского населения в 9879 млн. руб. Между тем остаток для потребления у него в 1930/31 г. оказывается всего 7549 млн. руб. Иначе говоря, мы получаем дефицит потребления в 2330 млн. руб. Таким образом, получается вывод: если считать правильными построения авторов о росте сельского населения, сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственного дохода и товарного отчуждения сельскохозяйственных продуктов, то

становится неверным тезис о росте благосостояния и потребления сельскохозяйственного населения; если же считать верным тезис о росте благосостояния и потребления сельскохозяйственного населения, то становятся неверными данные о продукции, доходе и товарном отчуждении, так как образуется огромный дефицит сельскохозяйственных продуктов для потребления их сельским населением. Так как нет оснований думать, что сельское население при росте его благосостояния будет отчуждать продукты на сторону при наличии дефицита в потреблении, то очевидно, что при таких условиях мы не только не сможем вывозить сельскохозяйственные товары, не только не могли бы увеличить сельскохозяйственный экспорт, а должны были бы даже ввозить сельскохозяйственные товары в страну, так как размер дефицита в потреблении сельского населения явно превосходит размеры проектируемого экспорта.

Нам могут возразить, что если благосостояние сельского населения возрастает к 1930/31 г. на 30%, то это не значит, что оно увеличит потребление сельскохозяйственных товаров в такой же пропорции. Вероятнее, что оно увеличит их потребление меньше чем на 30% и, наоборот, увеличит потребление городских товаров более чем на 30%. Мы готовы с этим согласиться. По С.Г. Струмилину, выходит действительно, что сельское население увеличивает потребление индустриальных товаров не на 30, а на 36%. В таком случае потребление сельских продуктов оно может увеличить (учитывая удельный вес потребления тех и других в бюджете сельскохозяйственного населения) примерно на 28%.

Но ради осторожности мы сделали еще другой вариант исчисления, исходя из посылки, что сельское население увеличит потребление сельскохозяйственных продуктов даже не на 28%, а всего на 15%, т.е. как раз в той же пропорции, в какой, по С.Г. Струмилину, растет физический объем сельскохозяйственного производства на душу сельского населения (с. 32). Тем не менее и в этом случае дефицит между остатком сельскохозяйственного дохода для потребления и общим потреблением сельскохозяйственных продуктов деревенским населением определяется в 1190 млн. руб. Иначе говоря, и при этих условиях, если верны построения плана, наша страна в ближайшие годы должна обратиться в страну, импортирующую сельскохозяйственные товары. Все изложенные расчеты приведены в следующей таблице:

Доход от сельского хозяйства, потребление сельского населения и перспективы экспорта

	1925/26 г.	1930/31 г.	1930/31 г. 1925/26 г., %
Доход от сельского хозяйства, исчисленный по реальному методу (без лесного хозяйства) ¹	9477 ²	11 661 ²	123,0
Товарная часть (без лесного хозяйства)	2524 ³	4112 ³	162,9
Остаток дохода за вычетом товарной части	6953 ⁴	7549 ⁴	108,6
Сельское население (млн. душ)	117,1 ⁵	128,0 ⁵	109,3
Остаток дохода на 1 душу населения	59,37 ⁶	58,98 ⁶	99,5

I вариант дальнейших расчетов

Считая полученный остаток дохода на душу за потребление сельского населения и увеличивая данные 1925/26 г. на 30%, получаем в 1930/31 г.:

на 1 душу, руб.	—	77,18	—
на все сельское население, млн. руб.	—	9879	—
Дефицит сельскохозяйственных продуктов у сельского населения, млн. руб.		2330	

II вариант дальнейших расчетов

Считая полученный остаток дохода на душу за потребление сельского населения и увеличивая данные 1925/26 г. на 15%, получаем в 1930/31 г.:

на 1 душу, руб.	—	68,28	—
на все сельское население, млн. руб.	—	8740	—
Дефицит сельскохозяйственных продуктов у сельского населения, млн. руб.	—	1 190	—

¹ Доход от лесного хозяйства не включен, так как товарная часть дана авторами плаца без лесного хозяйства.

² С. 46, исключая доход от лесного хозяйства.

³ С. 70. Товарная часть сельскохозяйственной продукции дается авторами без внутрикрестьянского оборота и, следовательно, включает только ту часть сельскохозяйственных товаров, которая уходит за пределы деревни (см. с. 68). Эти данные взяты из статьи В.Р. Чернышева. Но, как показывает анализ, его расчеты продукции сельского хозяйства совпадают с данными, приведенными у С.Г. Струмилина.

⁴ Разность между доходом и товарной частью.

⁵ С. 26.

⁶ С. 37.

Ввиду весьма важного значения только что полученного вывода об отсутствии согласованности между потреблением,

экспортом и производством сельскохозяйственных продуктов для критики плана, мы подошли к проверке вывода еще и другим методом, а именно мы попытались выяснить соотношение между производством продовольственных сельскохозяйственных продуктов и потреблением их, опираясь на данные плана и бюджетные материалы.

По С.Г. Струмилину (с. 39), душевая норма потребления сельскохозяйственных товаров (без дров) городским населением в 1925/26 г. по ценам потребителя определяется в 102,4 руб. Так как сельскохозяйственная продукция выражена автором в ценах производителя, то указанную стоимость душевого потребления необходимо выразить тоже в ценах производителя. Для этого необходимо сбросить с 102,4 руб. сумму, соответствующую разнице цены производителя и розничной цены сельскохозяйственных товаров в 1925/26 г. По имеющимся данным, эта разница составляла в 1925/26 г. в среднем около 50% к цене производителя. В таком случае, душевое городское потребление сельскохозяйственных продуктов, исчисленное по ценам производителя, будет 68,3 руб. По С.Г. Струмилину (с. 39), эта сумма к 1930/31 г. возрастет на 30% и, следовательно, при стабильности сельскохозяйственных цен выразится цифрой в 88,8 руб.

Что касается деревенского душевого потребления, то, по С.Г. Струмилину, в 1924/25 г. оно составит по бюджетам в среднем 47,2 руб. По имеющимся в нашем распоряжении бюджетным данным оно было 48,4 руб. Мы принимаем цифру С.Г. Струмилиана. Эту цифру стоимости потребления сельскохозяйственного населения следует считать выраженной в ценах производителя. Против этого могут возразить, указав на то, что различные сельскохозяйственные районы получают сельскохозяйственные продукты из других районов и, следовательно, покупают эти продукты по ценам потребителя. Однако это возражение не имеет силы. Например, крестьянское население Тверской губернии, производящее рожь в недостаточном количестве, ввозит ее из производящих районов и, таким образом, платит за нее не только цену этих производящих районов, а также и торговые накладки. Это верно. Но верно и то, что Тверская губерния в каких-то количествах производит рожь и что в ней имеются группы крестьянских хозяйств, которые рожь продают. Спрашивается, по какой цене они ее продают или какова будет цена производителя ржи в Тверской губернии? Очевидно, что цена производителя ржи в Тверской губернии будет в общем как раз равна цене тех производящих районов,

из которых Тверская губерния ввозит недостающее количество ржи, плюс торговые накладки. И если мы исчисляем продукцию ржи по ценам производителя, то для Тверской губернии ценой производителя будет именно указанная только что цена. Изложенное рассуждение можно применить по существу к любому сельскохозяйственному продукту потребления. Отсюда ясно, что приведенную выше стоимость потребления сельскохозяйственным населением продуктов питания в 1924/25 г. следует считать выраженной в ценах производителя.

От 1924/25 г., который был неурожайным, мы должны перейти к 1925/26 г. Мы должны определить стоимость душевого потребления сельскохозяйственным населением сельскохозяйственных продуктов питания в 1925/26 г. За 1925/26 г. мы еще не имеем сведений бюджетов полностью. Однако такая сводка имеется для потребления хлеба, мяса с салом и молока, т.е. для главнейших статей, составляющих в потреблении сельского населения около 75%. Если учесть изменение от 1924/25 к 1925/26 г. душевого потребления этих продуктов в натуре, а также изменение цен производителя, то оказывается, что в общем стоимость душевого потребления сельскохозяйственных продуктов сельскохозяйственным населением в 1925/26 г. увеличилась не менее чем на 8,5%. В таком росте стоимости крестьянского потребления нет ничего удивительного. Заметим, что по данным контрольных цифр Госплана на 1926/27 г. индекс заготовительных цен сельскохозяйственных товаров в 1925/26 г. вырос на 3,6% (с. 306), а доход сельскохозяйственного населения в червонном выражении даже на 20% (с. 210).

Распространяя теперь полученный коэффициент 8,5% на все потребление сельскохозяйственных продуктов сельскохозяйственным населением, мы получаем стоимость душевого потребления его в 1925/26 г. в ценах производителя в 51,2 руб.

По С.Г. Струмилину, благосостояние деревни к 1930/31 г. вырастает на 30% (с. 32). По его же данным (с. 40) потребление деревней индустриальных товаров возрастает за 5 лет, даже при неизменных ценах, на 36%. При этих условиях потребление сельскохозяйственных товаров (если учесть их вес в бюджете деревни) должно было бы возрасти процентов на 28. Однако промышленные цены, по С.Г. Струмилину, понизятся на 17,5%. В таком случае ту же и даже большую сумму индустриальных товаров деревня сможет купить в 1930/31 г. за меньшее количество средств и, следовательно, сможет обратить на потребление сельскохозяйственных товаров большую сумму их, чем при

неизменных промышленных ценах. Примем поэтому, что потребление деревней сельскохозяйственных предметов питания вырастет за пять лет как раз на 30%, т.е. в соответствии с допущенным С.Г. Струмилиным ростом ее благосостояния. В таком случае душевая норма потребления сельскохозяйственного населения в 1930/31 г. будет равна 66,6%. Определив душевые нормы потребления продуктов питания сельскохозяйственного производства и зная население, мы можем определить общие размеры потребления этих продуктов в стране как для 1925/26 г., так и для 1930/31 г.

Так как нашей задачей является проверка баланса производства, потребления и экспорта сельскохозяйственных товаров, то далее нам необходимо выяснить размеры сельскохозяйственной продукции предметов питания и притом не валовой, включающей переходящие статьи, а чистой продукции предметов питания. В этих целях мы применили следующий прием и использовали следующие данные С.Г. Струмилины и Контрольных цифр. Наряду с валовой продукцией сельского хозяйства (земледелие, животноводство, рыболовство и охота) С.Г. Струмилин по тем же отраслям дает исчисление реального дохода от сельского хозяйства в ценах соответствующих лет (с. 46). Очевидно, что потребление сельскохозяйственным населением сельскохозяйственных предметов питания идет именно за счет этого дохода. Однако в состав этого реального дохода входят не только продукты питания, а и другие продукты, например лен, пенька и т.д. В связи с этим по данным Контрольных цифр мы определили, какой процент статьи, не идущий в потребление, но входящий в реальный доход сельского населения (льняное волокно, пенька, хлопок, махорка, табак, кожи, шерсть, прирост скота нетоварная часть сена и соломы), составляет от дохода. Полученный процент мы затем исключили из реального дохода сельского хозяйства, исчисленного С.Г. Струмилиным для 1925/26 и 1930/31 гг. В итоге мы получили массу (по ценности) сельскохозяйственных продуктов питания, могущих пойти на потребление сельскохозяйственного населения.” Необходимо отметить, что эта масса определена нами с преувеличением, так как некоторые сельскохозяйственные продукты, например масличные семена, картофель, идут не только для человеческого питания. Однако они отнесены нами целиком к предметам питания. Кроме того, по плану к 1930/31 г. удельный вес технических непродовольственных культур возрастает, что нами

не учитывается при расчете. Итоги расчета приводятся в следующей таблице:

	1925/26 г.	1930/31 г.
1. Душевые нормы городского потребления сельскохозяйственных продуктов питания по ценам производителя, черв. руб.	63,3	88,8
2. Городское население, млн. человек	24,8	29,7
3. Все потребление городского населения по ценам производителя, млн. черв. руб.	1694	2637
4. Душевые нормы деревенского потребления сельскохозяйственных предметов питания по ценам производителя, руб.	51,2	66,6
5. Сельскохозяйственное население, млн. человек	117,1	128,0
6. Все потребление деревенского населения сельскохозяйственных продуктов питания по ценам производителя, млн. руб.	5996	8525
7. Общая сумма деревенского и городского потребления, млн. руб.	7690	11 162
8. Чистая продукция сельскохозяйственных предметов питания по ценам производителя, млн. руб.	8008	9854
9. Избыток (+) или дефицит (-) продукции против потребления, млн. руб.	+318	-1308

Отсюда ясно, что если в 1925/26 г. мы имеем некоторый избыток сельскохозяйственных продуктов питания, которые могут идти на экспорт или в запас, то в 1930/31 г. по предполагаемому плану мы будем иметь уже дефицит этих предметов питания.

Нам могут заметить, что потребление предметов питания сельского населения при росте его благосостояния на 30% вырастет в меньшей степени, чем 30%. Это возражение мы предусматривали выше, при анализе вопроса первым приемом. Предусмотрим его и теперь. Допустим, что потребление сельского населения к 1930/31 г. вырастет всего в меру роста физического объема сельскохозяйственной продукции, то есть на 15%. Этот прирост, очевидно, уж не преувеличен. Но и в этом случае, произведя те же расчеты, которые показаны в таблице, мы получаем в 1930/31 г. дефицит сельскохозяйственных предметов питания в стране на сумму 320 млн. руб.

Мы совершенно не настаиваем на том, чтобы все расчеты плана педантично совпадали до единицы включительно. Но если разногласие расчетов достигает крупных размеров, если оно

подтверждается двумя использованными приемами, то мы имеем все основания утверждать, что в предлагаемом плане, несмотря на указания его авторов, что отдельные его данные сбалансированы, обстоит не все благополучно. Очевидно, что или сельскохозяйственная продукция растет по плану слишком медленно, или темп прироста благосостояния населения принят слишком высокий. Но как бы то ни было, в 1930/31 г. по плану СССР ставится в необходимость не только отказаться от увеличения положительного баланса во внешней торговле сельскохозяйственными продуктами, а даже перейти к отрицательному балансу, т.е. превратиться по существу в страну, импортирующую как сельскохозяйственные товары вообще, так и сельскохозяйственные предметы питания в частности.

Очевидно также, что этот вывод, не делаемый и даже не замечаемый С.Г. Струмилиным, но вытекающий из его построений, делает нереальными приведенные выше расчеты на развитие импорта промышленного оборудования и сырья, а следовательно, и на выполнение намеченной планом программы индустриального развития страны.

VI

Таким образом, мы вскрыли, что намеченный план развития народного хозяйства оказывается нереальным и внутренне несогласованным при разборе его с двух чрезвычайно важных сторон: со стороны обеспечения необходимого накопления и необходимого развития сельскохозяйственного экспорта. В чем же лежат причины внутренних противоречий предложенного построения перспектив? Причины таких противоречий, по нашему мнению, очевидно, лежат, во-первых, *в неправильном понимании соотношения индустрии и сельского хозяйства* в их развитии, во-вторых, *в неправильной проекции роста благосостояния населения*, так как она не соответствует намеченному темпу роста продукции. Остановимся здесь на первом вопросе, на вопросе о соотношении сельского хозяйства и индустрии, для уяснения которого предыдущее изложение дает достаточный материал.

Как смотрит С.Г. Струмилин на положение нашего сельского хозяйства и как он понимает его перспективы? С.Г. Струмилин исходит из положения, что наше сельское хозяйство страдает от перенаселения. Перенаселение деревни он понимает, по-видимому, чисто статистически. Исходя из *существующих норм* затра-

ты труда в различных отраслях хозяйства, он исчисляет, что в 1925/26 г. наше сельское перенаселение определится в 6,82 млн. рабочих лет или, проще, миллионов человек (с. 34). При этих условиях С.Г. Струмилин справедливо озабочен вопросом, что же будет с перенаселением деревни через пять лет, когда сельскохозяйственное население еще вырастет? Согласно плану до 3 млн. человек сельскохозяйственного населения передвинется в города (с. 35). Около 8 млн. чел. С.Г. Струмилин размещает в сельском хозяйстве в связи с повышением в нем относительной роли трудоемких культур и отраслей сельского хозяйства (трудоемкости сельского хозяйства). При этом С.Г. Струмилин исходит из той же стабильной производительности сельскохозяйственного труда. И все же оказывается, что через пять лет, — пишет автор, — “аграрное перенаселение деревни... в лучшем случае лишь не возрастет против нынешних его размеров” (с. 35). Этот вывод явно угнетает С.Г. Струмилину и толкает его к чрезвычайно характерным построениям. Прежде всего С.Г. Струмилин боится повышения производительности сельскохозяйственного труда. “Если, — пишет он, — исходить даже из весьма скромной цифры прироста производительности (труда. — *Н.К.*) за пять лет в 5%, то этот прирост может сразу повысить избыточное население деревни на 3 млн. душ” (с. 35). И если С.Г. Струмилин считает, что “в лучшем случае” аграрное перенаселение не возрастет, то этот его “лучший случай” состоит именно в условиях стабильности производительности сельскохозяйственного труда.

Далее, боясь роста производительности сельскохозяйственного труда, С.Г. Струмилин, естественно, боится механизации сельского хозяйства, так как она, очевидно, повышает производительность сельскохозяйственного труда. Из текста не видно, что С.Г. Струмилин боится и повышения урожайности (с. 35). Но это, очевидно, не вполне последовательно, так как повышение урожайности есть другая сторона повышения все той же производительности сельскохозяйственного труда. При таких построениях естественно вообще “не увлекаться” мероприятиями, которые могли бы повысить производительность сельскохозяйственного труда и, следовательно, темп роста сельскохозяйственной продукции. И мы уже знаем, что таких “увлечений” в плане действительно нет. Из всех сумм капитальных вложений на сельское хозяйство отводится всего 6,8%.

Но если все это так, то не ясно ли, что обратной стороной именно таких построений и является то, что темп роста *сельско-*

хозяйственной продукции при намеченном темпе роста индустрии и благосостояния населения является явно недостаточным. Не ясно ли, что в связи с этим констатированный выше разрыв продукции сельского хозяйства и потребления, с одной стороны, необеспеченность экспорта и импорта — с другой, при условии принятого темпа индустриализации и роста благосостояния масс являются следствием того же относительно недостаточного темпа роста сельского хозяйства.

Всю систему указанных построений в отношении сельского хозяйства при взятом курсе на индустриализацию мы считаем не только теоретически спорной, но и практически опасной. Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов. Не обеспечивая программы накопления и вложений, не обеспечивая достаточного экспорта, а следовательно, и импорта, она не обеспечивает и принятой программы индустриализации и реконструкций. В то же время она, по собственному признанию С.Г. Струмилина, не подвигает нас и по пути решения проблемы аграрного перенаселения. Это достаточно ясно из предыдущего изложения и не требует дальнейшего развития.

Но почему эта система построения в отношении сельского хозяйства спорна и теоретически? В основе ее лежит чисто статистическое неправильное понимание сущности аграрного перенаселения. С.Г. Струмилин рассуждает, очевидно, так: существуют нормы продолжительности рабочего дня в деревне; существует норма затраты труда в разных отраслях сельского хозяйства, при этих нормах требуется такое-то количество рабочего населения в деревне и оно имеет такой-то уровень жизни; отсюда, если вторгаются условия, которые повышают производительность сельскохозяйственного труда, то ясно, что труда потребуется меньше, ясно, что даже при том же, а тем более при растущем сельскохозяйственном населении аграрное перенаселение возрастает. Но вот это-то именно и не ясно, именно это-то и не верно. Думать так — значит бояться прогресса и роста производительных сил сельского хозяйства; думать так — значит утверждать, что при повышении производительности сельскохозяйственного труда деревня, имея ту же продукцию с меньшей затратой труда, сейчас же вытолкнет часть населения из сельского хозяйства, как будто специально для того, чтобы сохранить прежний уровень своей жизни, прежнюю длительность рабочего дня и прежние нормы затрат труда в различных отраслях сельского хозяйства. В действительности же, повыше-

ние производительности сельскохозяйственного труда, давая в руки деревни большую массу ценностей, как раз и создает необходимую предпосылку для переоборудования сельского хозяйства, для интенсификации его, для расширения спроса на промышленные товары и т.д. При этих условиях единственно прогрессивного развития сельского хозяйства как раз и создаются предпосылки не для меньшей, а для большей емкости территории в отношении к населению. Иначе говоря, перенаселение есть чисто экономическое и относительное явление. Оно далеко не определяется статистическим расчетом, исходящим из количества населения, размеров территории и соответствующих норм затрат труда. Перенаселение зависит не только от количества населения на единицу территории, но также и от того, сколько производит это население на данной территории. Сельскохозяйственное население Германии, Дании, Голландии гораздо более плотно, чем наше, и тем не менее эти страны не страдают от перенаселения. Но если это так, то очевидно, что мы должны принять в экономической политике по отношению к сельскому хозяйству направление иное, чем то, которое положено в основание плана. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы повысить *производительность сельскохозяйственного труда*, так как это наряду с индустриализацией страны есть верный путь к интенсификации хозяйства, к преодолению перенаселения и к повышению темпа развития сельского хозяйства.

С такой точки зрения провозглашенная правительством политика на интенсификацию, индустриализацию и механизацию сельского хозяйства, ведущая к технической реорганизации его основ, является вполне правильной. С такой точки зрения те меры и, в частности, те вложения средств, которые план намечает в отношении сельского хозяйства, являются совершенно недостаточными. И это тем более, что, как было показано выше, намеченный план индустриализации страны срывается, между прочим, именно на недостаточном темпе развития сельскохозяйственного производства.

Однако против усиления ассигнований сельскому хозяйству при явной ограниченности наших средств С.Г. Струмилин, быть может, возразит. Он может указать, что при недостатке наших средств мы не можем делать вложений в сельское хозяйство, так как эти вложения относительно менее эффективны. В обоснование этого возражения С.Г. Струмилин мог бы выдвинуть прежде всего свои соображения о весьма низкой производительности сельскохозяйственного труда по сравнению с промышленным

трудом, которые он развивает в статье. С.Г. Струмилин приводит в ней (с. 51) данные о народном доходе в сельском хозяйстве и промышленности по расчету на работника в 1925/26 и 1930/31 гг. по ценам 1913 г. Из этих данных оказывается, что в то время как в сельском хозяйстве доход на работника выражается суммой в 229 руб., в городе он выражается суммой в 693 руб. Опираясь на эти цифры, С.Г. Струмилин сравнивает абсолютный уровень производительности сельскохозяйственного и промышленного труда и пишет: “Производительность городского труда раза в три выше сельского” (с. 51–52). В связи с этим он, далее, утверждает, что деревня, которая “живет на *пороге физиологических норм существования...* не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления” (с. 52); что, в частности, по государственному и местному бюджету деревня больше получает, чем отдает, что “основным источником и для бюджетных изъятий и для социалистического накопления может служить лишь более производительный *пеземледельческий труд*” (с. 52).

Мы не будем останавливаться на вопросе о том, какая группа населения является основным источником бюджетных изъятий и социалистического накопления. Это завело бы нас слишком далеко. Но считаем необходимым решительно отвергнуть приведенные соображения С.Г. Струмилины о сравнительной производительности сельскохозяйственного и промышленного труда. С.Г. Струмилин хочет доказать значительно более низкую производительность сельскохозяйственного труда по сравнению с трудом промышленным. Но все, что он доказал своими приведенными данными, это то, что доход сельского хозяйства по расчету на работника значительно ниже, чем доход городского населения тоже по расчету на работника. Иначе говоря, он просто подменил понятие *производительности* труда понятием его *доходности*. Между тем эти явления как будто совершенно различного порядка. Вот если бы С.Г. Струмилин доказал, что в 1913 г. цены на товары вполне совпадали с трудовыми стоимостями последних, тогда он мог бы по данным о доходе судить о сравнительной производительности труда. Но именно это-то доказать и невозможно, именно эта-то посылка, если ее принять, и неверна. В литературе существует прочное убеждение в невозможности разрешить задачу сравнения абсолютного уровня производительности труда в различных отраслях хозяйства. Это мнение поддерживалось многими авторитетными исследователями. Один из таких авторитетных исследователей вопроса, на-

пример, пишет: “Производительность труда в самом общем и в то же время точном смысле слова определяется *количеством* продукта, т.е. суммой потребительских благ в натуральном их выражении, создаваемых рабочими в единицу времени”.

Отсюда вполне последовательно тот же автор продолжает: “Измерять производительность труда ценностью создаваемого рабочим продукта невозможно”... Для измерения производительности труда нужно было бы соизмерить количество производимых продуктов в различных отраслях хозяйства на единицу времени в натуре. Но оказывается, что “соизмерять производительность рабочих, изготавливающих продукты различного *качества*, мы пока не умеем”. Отсюда в качестве результата следует: “Собственно говоря, для измерения *абсолютного уровня* производительности труда в сложных производствах у нас вообще нет и не может [быть] никакого измерителя, ибо такой уровень можно было бы измерить лишь количеством продукта или суммой полезностей, им представляемых. А сумму полезностей *разного качества* мы получить не умеем”.

Мы просим извинить за то, что привели довольно длинные цитаты. Мы решили сделать это ввиду высокой авторитетности в данной области цитируемого автора, а также ввиду того, что этим автором является не кто иной, как сам С.Г. Струмилин (см.: Струмилин С.Г. К методологии изучения заработной платы и производительности труда // Плановое хозяйство. 1925. № 8. С. 41, 43, 52 и 54).

Таким образом, С.Г. Струмилин сам решительно убежден, что измерить абсолютную производительность труда в отраслях, производящих различные продукты, ценностью продуктов нельзя. С.Г. Струмилин, далее, убежден, что методом непосредственного измерения абсолютной производительности труда мы не располагаем. Тем не менее в разбираемой работе о плане он без всяких оговорок, *во-первых* сравнивает абсолютный уровень производительности сельского хозяйства и промышленного труда, *во-вторых*, сравнивает его именно по ценности чистой продукции на работника. Иначе говоря, он делает две ошибки и притом против своих же методологических положений.

Таким образом, даже по С.Г. Струмилину, мы не знаем, в какой степени производительность сельскохозяйственного труда ниже производительности его в других отраслях хозяйства. Мы знаем лишь, что сельскохозяйственный труд значительно менее доходен, чем труд индустриальный.

Но допустим даже, что производительность сельскохозяйственного труда значительно ниже, чем производительность труда городского. Отсюда вовсе не вытекает, что увеличение вложений в сельское хозяйство с народнохозяйственной точки зрения относительно менее эффективно; отсюда вовсе не вытекает, что одной из основных задач нашего времени не является задача повышения производительности сельскохозяйственного труда, повышения темпа роста сельского хозяйства.

На анализе предложенного плана мы убедились, что одной из основных причин его неосуществимости, одной из основных причин срыва выдвинутой программы индустриализации является именно недостаточный темп роста сельского хозяйства, так как отсюда при прочих указанных планом условиях проистекает невозможность как необходимого накопления, так и экспорта-импорта. Таким образом, повышение производительности сельского хозяйства требуется прежде всего задачей быстрого роста самой индустрии. Это во-первых.

Во-вторых, как бы то ни было, в сельском хозяйстве занята подавляющая масса народного труда. Сельское хозяйство страдает от перенаселения. При этих условиях, помимо задачи отвлечения труда из деревни путем индустриализации, перед страной стоит неотложная задача огромной хозяйственно-политической важности — повысить степень использования деревенского труда, повысить его производительность и тем самым увеличить общую продукцию народного хозяйства, смягчить перенаселение, используя для этого все другие доступные пути, помимо индустриализации. План недостаточно учитывает серьезность этой проблемы. План учитывает, в сущности говоря, лишь стихийный рост степени использования деревенского труда путем интенсификации при почти пассивной позиции государства. Между тем некоторое увеличение вложений в сельское хозяйство (на землеустройство, колонизацию, мелиорацию, на сельскохозяйственную индустрию и т.д.) при наших условиях может дать значительный толчок росту сельского хозяйства и повышению его продукции, может подвести более прочный базис под индустриальное развитие страны и смягчить перенаселение. Это не только целесообразно, но, как ясно из предыдущего, это необходимо.

Однако затронутый вопрос о расширении капитальных вложений в сельское хозяйство, естественно, приводит к вопросу об источнике этих средств. Мы видели выше, что намечаемый планом темп накоплений при проектируемом росте потребления

отнодь не обоснован. Но если даже допустить, что он реален, в этом случае вопрос о расширении ассигнований сельскому хозяйству может быть решен или путем перераспределения ожидаемых накоплений в иной, более благоприятной для сельского хозяйства пропорции и, следовательно, путем некоторого снижения темпа роста промышленной продукции, или путем увеличения резервов накопления. Если встать на второй путь, то здесь опять возможны две линии.

Можно пойти по линии увеличения накопления в государственном секторе и усиления воздействия на сельское хозяйство путем государственных вложений.

Но эта линия возможна, очевидно, на первых порах, лишь при условии более медленного роста личного потребления населения. Мы уже указывали выше, что при намеченном темпе роста продукции принятые нормы роста благосостояния и потребления населения не обеспечивают и того накопления, которое проектируется. Мы указывали, далее, что они не обеспечивают и необходимых избытков для сельскохозяйственного экспорта. Действительно, согласно плану, например, рост реальной заработной платы берет, в сущности, почти все, что дает намеченный рост производительности индустриального труда. Очевидно, что ставить себе задачу максимального роста благосостояния населения, не обеспечивая других условий, в частности соответствующего роста сельскохозяйственной продукции и экспорта, — значит ставить неразрешимую задачу, как бы ни представлялось ее разрешение привлекательным.

Другая линия — принятие программы вложений в сельское хозяйство, выдвинутой комиссией Госплана, т.е. линия отказа от сколько-нибудь значительных вложений в сельское хозяйство со стороны государства. Но эта линия может быть совмещена с одновременным усилением вложений в сельское хозяйство и обеспечением его достаточного роста, очевидно, лишь в том случае, если одновременно будут налицо условия необходимого накопления у самого сельскохозяйственного населения. В таком случае нужно усовершенствовать товарный оборот, нужно поощрить накопление в деревне, нужно даже при стабильных ценах на сельскохозяйственные товары пойти на более значительное снижение промышленных цен, чем это предполагает проект. Нужно дать не 17,5% их понижения за 5 лет, а примерно около 25%.

Мы не будем входить здесь в специальный анализ всех этих путей решения вопроса. Заметим лишь, что решение его пред-

ставляется абсолютно необходимым и, по нашему мнению, решение это лежит в плоскости известного сочетания трех намеченных путей.

VII

Заканчивая анализ проекта плана по существу, подчеркнем, что даже *независимо* от проблемы накопления и вложений в сельское хозяйство нам представляется проектируемое снижение промышленных цен недостаточным. Постановка вопроса о ценах, данная проектом, стремится разрешить лишь одну задачу — задачу сближения сельскохозяйственных и промышленных цен. Но она почти совершенно *не затрагивает* проблемы общего снижения цен. Она исходит из стабильного уровня сельскохозяйственных цен. При этих условиях 17,5% снижения цен промышленных товаров обеспечивает снижение общего уровня цен приблизительно на 11%. И это *не разрешает проблемы снижения общего уровня цен в целях приближения его к мировому уровню цен*, в целях повышения внутренней покупательной силы нашей валюты и облегчения экспорта. Между тем эта проблема столь же настоятельна, как и проблема сближения сельскохозяйственных и промышленных цен. Разрешение ее мыслимо лишь при постепенном снижении и цен сельскохозяйственных товаров. Однако снижение последних при обеспечении сближения их с ценами промышленных изделий предполагает, очевидно, более значительное снижение цен промышленных товаров. Причем так как снижение промышленных цен труднее, то во избежание результатов опыта 1926 г. необходимо, чтобы инициатива снижения цен в дальнейшем лежала на стороне промышленности.

VIII

Подведем итоги. В своей статье мы сознательно ставили себе лишь критическую, а не конструктивную задачу. Но, разумеется, за нашими критическими замечаниями лежат и известные положительные взгляды на построение перспективного плана. В предыдущем изложении мы далеко не исчерпали всех вопросов, возбуждаемых предложенным проектом плана. Но и разбор затронутых, нам кажется, важнейших вопросов позволяет сделать некоторые выводы.

1. Предлагаемый план в том виде, как он дан, страдает статистическим формализмом построений. За многочисленными и чрезвычайно смелыми и рискованными цифровыми расчетами пока не видно достаточных экономических оснований.

2. Но если даже взять план, как таковой, и рассмотреть его, так сказать, “изнутри”, то обнаруживается, что, несмотря на прокламированный принцип балансовой “увязки” всех его элементов, такой “увязки” на самом деле в нем нет. Между проектируемой динамикой продукции, потребления, накопления, экспорта и т.д. нет необходимой согласованности. В силу этого рост одних из перечисленных элементов делает невозможным принятый рост других.

3. В особенности серьезный пробел во внутреннем согласовании динамики различных отраслей хозяйства обнаруживается в отношении сравнительного темпа развития сельского хозяйства и других отраслей, что связано с неправильным диагнозом положения и значения сельского хозяйства.

4. При таких условиях, если вспомнить те задачи, которые С.Г. Струмилин ставил хорошему плану, и те критерии оценки предлагаемого плана, которые из этих задач вытекают, то нужно признать, что осуществление предлагаемого плана, если бы оно было возможно, не обеспечивало бы нам оптимальный и бескризисный путь развития производительных сил народного хозяйства, не обеспечило бы реально максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и в силу этого едва ли особенно приблизило бы наше народное хозяйство к существенной реконструкции. Наоборот, осуществление плана неизбежно привело бы к росту хозяйственных затруднений.

5. Основная ошибка, допущенная при построении плана, лежит в том, что при составлении его хотели одновременно в максимальной степени разрешить ряд задач, указанных выше (т.е. и максимального и бескризисного роста производительных сил, и максимального удовлетворения текущих потребностей, и т.д.), без достаточного учета того, что эти частные задачи при своем крайнем выражении вступают друг с другом в коллизию. Необходимо было найти *наилучшее* и в то же время совершенно *реальное* сочетание этих задач. Такое реальное сочетание задач в плане заменено формальным балансированием различных расчетов, которое делает план внешне на первый взгляд стройным. Однако внутренне, экономически он является противоречивым.

НАСЛЕДИЕ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

1. На гребне взрывной волны научного творчества

Юбилеи крупных ученых — прекрасный повод для того, чтобы в текущем беге перемен на мгновение остановиться, оглянуться назад и осмыслить: каково место того или иного мыслителя в развертывании богатства человеческого духа, какое наследие оставлено от него потомкам, как его осваивать, развивать и обогащать.

В 1999 г. в России отмечали 110-летие со дня рождения Питирима Сорокина (1889–1968), возвращение кладезя его идей российской общественной мысли (1; 2). В марте 2002 г. отмечена аналогичная дата его друга, единомышленника и соратника Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938). Обратимся вновь к трагической судьбе и творческому наследию одного из величайших ученых XX в. — обогащенные горьким опытом тех критических перемен, которые произошли в России в последнем десятилетии ушедшего столетия.

Любопытную закономерность в волнообразном развитии мирового научного творчества открыл В.И. Вернадский, выступая 14 ноября 1926 г. на первом заседании Комиссии по истории знаний АН СССР. Он отметил, что “ходу научной мысли свойственна определенная скорость движения, что она закономерно меняется во времени, причем наблюдается смена периодов ее замирания и периодов ее усиления” (3. С. 245).

В эпохи усиления научного творчества наблюдается “бурный поток нового, ускорение хода научных достижений, когда в немногие десятилетия достигается то, что обычно создается в столетия или тысячелетия... Можно говорить о *взрыве научного творчества...*” (Там же. С. 216). Такие взрывы производят поколения талантов: “Взрывы научного творчества, повторяющиеся через столетия, указывают, следовательно, на то, что через столетия повторяются периоды, когда скопляются в одном или нескольких поколениях, в одной или многих странах много одаренные личности, те, умы которых создают силу, меняющую биосферу” (Там же). Причем именно в России в начале XX в. наблюдался такой взрыв научного творчества, преобразующий мирозерцание человечества: “Мне кажется, что именно такое явление суждено нам сейчас пережить, что мы живем в особую эпоху, находимся на гребне взрывной волны научного творчества” (Там же. С. 218).

Действительно, если мы взглянем сейчас, через призму прошедших десятилетий, на Россию первой четверти XX в., то бросается в глаза скопление звезд первой величины мировой науки, поколение талантов: И.П. Павлов и Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский и П.А. Кропоткин, К.Э. Циолковский и А.Л. Чижевский, П.А. Сорокин и Н.Д. Кондра-

тсьев, А.А. Богданов и Н.А. Бердяев и многие, многие другие. Они осуществили прорыв во многих отраслях знания, заложили краеугольные камни грандиозного здания новой научной парадигмы, достраивать которое предстоит в наступившем столетии.

Почему этот взрыв научного новаторства произошел именно в начале XX в. и именно в России? Для этого есть веские основания. Во-первых, потрясения начала века и особенно первая мировая война и вызванная ею волна революций обнажили коренные противоречия, бесперспективность индустриально-капиталистического общества и порожденной им научной парадигмы, многократно интенсифицировали творческий поиск контуров принципиально нового общества и адекватной ему системы научных знаний. Во-вторых, Россия оказалась в фокусе этих противоречий, в эпицентре социально-научного землетрясения, в итоге которого рушились одряхлевшие основы старого и открывался простор для создания и утверждения нового общества — и новой научной парадигмы. В-третьих, в России к периоду потрясений возникли активные научные школы во многих отраслях знаний, возникли и сформировалось поколение талантов, которое было способно отважиться на этот научный подвиг, резонируя и поддерживая друг друга.

В 30–40-е годы в СССР энергия этого взрыва научного творчества в значительной мере была погашена, его носители были либо уничтожены, либо удалены за рубеж. Но эхо взрыва пошло по всему научному миру, породило десятки плодотворных научных школ. К концу XX в. взрывная волна, обогнув земной шар, вновь вернулась к эпицентру. И вновь наблюдается взрыв научного творчества в России, рождение поколения талантов, которые, стоя на плечах титанов научной мысли начала века, продолжают созидательный процесс формирования новой парадигмы, адекватной постиндустриальному обществу XXI в. Пока этот процесс во многом латентный, подспудный, немногие его замечают и оценивают, особенно за рубежом. Но процесс взрыва научного творчества, смены научных парадигм уже активно идет, его не остановить.

Почему снова в России? Опять-таки это не случайность, а закономерность. Россия вновь оказалась в эпицентре противоречий переходной эпохи от индустриального к постиндустриальному обществу, от чувственного к интегральному социокультурному строю. А взрыв научного творчества является эхом взрыва противоречий в обществе. Кроме того, здесь были подавлены, но не уничтожены глубокие корни предшествующего взрыва в начале XX в., что детонировало прорыв конца века. Наконец, следует учитывать специфику российского менталитета, склонность к абстрактному мышлению и творческому поиску, обширную образовательную базу. Такой взрыв не мог инициироваться ни на самодовольном Западе, празднующем кажущееся ему окончательным торжество утверждения в мире своего социального порядка и адекватной ему научной парадигмы, ни на поднимающемся Востоке,

сочетающем чрезмерные высоты идеационального (сверхчувственного) строя с прагматическим устремлением к модернизации по западному образцу.

В силу всех этих причин в России (причем, как это и предвидел Томас Кун, вне рамок пока еще преобладающей традиционной, официально признанной науки) идет активный творческий процесс формирования постиндустриальной парадигмы обществоведения — составной части великой научной революции, которая завершится через несколько десятилетий утверждением новой картины радикально изменившегося мира.

Н.Д. Кондратьев, как и П.А. Сорокин, принадлежал к числу главных действующих лиц взрыва научного творчества первой трети XX в. Чем объяснить, что простой крестьянский паренек из российской глубинки смог занять эту почетную позицию в истории научной мысли?

Если внимательно посмотреть на приведенный выше список лидеров взрыва научного творчества в России начала прошлого века, то можно отметить интересную тенденцию: почти все они произошли не из российских столиц — Санкт-Петербурга или Москвы, а из провинции: И.П. Павлов — родом из Рязани, Н.И. Вавилов — из Саратова, А.А. Богданов — из Гродненской губернии, Н.А. Бердяев — из Киева, Н.Д. Кондратьев — из Костромской губернии, П.А. Сорокин — из Вологодской; расцвет творчества К.Э. Циолковского приходится на Калугу, там же начинал свой творческий путь А.Л. Чижевский (лишь В.И. Вернадский — исключение из этого правила: он родился в Петербурге). И потом, подобно Ломоносову, с котомкой знаний и жаждой творчества они пришли в столицы, чтобы стать там во главе научного переворота, обрести мировую славу.

Судьба Николая Дмитриевича Кондратьева типична для этого поколения талантов. (4. С. 7–20; 5. С. 66–125). Родился он 4 (17) марта 1892 г., в многодетной крестьянской семье в деревне Галуевская Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне Вичугский район Ивановской области). Как большинство крестьянских детей, закончил церковно-приходскую школу в соседнем селе Хренове. В Хреновской церковной учительской школе познакомился и сдружился с Питиримом Сорокиным. Пылкий юноша быстро увлекается революционными идеями, примыкает к эсерам, дважды попадает в Кинешемскую тюрьму и уезжает в Умань, где учится в училище садоводства и земледелия, подрабатывает себе на жизнь. В 1908 г. вслед за Питиримом Сорокиным устремляется в Петербург. Подучившись в образовательных курсах А.С. Черняева, сдает экзамены на аттестат зрелости (экстерном), поступает в 1909 г. в психоневрологический институт (где преподавал М.М. Ковалевский), а в 1911 г. вместе с Питиримом Сорокиным переводится на юридический факультет Петербургского университета.

Это был переломный момент в его творческом пути. В Петербургском университете того времени был центр научной мысли России — один из крупнейших в мире. Среди его наставников — М.М. Ковалев-

ский, М.И. Туган-Барановский, А.С. Лапо-Данилевский, Л.И. Петражицкий, В.В. Святловский и многие другие. За четыре года Н.Д. Кондратьев с блеском окончил университетский курс и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре политической экономики и статистики. Уже в 1915 г. он публикует первую свою монографию (на 446 стр.) “Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии: социально-экономический и финансовый очерк”, получившую благожелательные рецензии.

Но революции 1917 г. смешали все карты. Н.Д. Кондратьев активно включается в деятельность партии эсеров, назначается заместителем председателя Государственной продовольственной комиссии, избирается членом исполкома Совета крестьянских депутатов, работает заместителем председателя Главного земельного комитета и Экономического совета при Временном правительстве, в октябре 1917 г. назначается товарищем (заместителем) министра продовольствия. Н.Д. Кондратьев был избран депутатом Учредительного собрания от Костромской губернии (по списку партии эсеров). Напомним, что ему в 1917 г. было всего 25 лет.

В начале 1918 г. Н.Д. Кондратьев переехал в Москву, где преподает сперва в Московском народном университете Шанявского, а затем в Петровской сельскохозяйственной академии. Здесь в 1920 г. он создает и возглавляет знаменитый Конъюнктурный институт — один из лучших, плодотворнейших научных учреждений в мире того времени. Его конъюнктурные наблюдения и индексы, публикуемые научные труды прокладывали новые пути глубокого анализа экономической динамики, получили широкое признание как в стране, так и за рубежом.

Краткий период — с 1922 г. по 1928 г. — были годами творческого взлета ученого. Один за другим выходят в свет труды, содержащие принципиально новые идеи и концепции: в 1922 г. — монографии “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны” (258 с.) и “Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции” (350 с.); в 1923 г. — брошюры “Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта” (52 с.) и “М.И. Туган-Барановский” (125 с.); в 1924 г. брошюра “Об основах перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства” (87 с.) и доклад “К вопросу о понятиях экономической статистики, динамики и конъюнктуры” (23 с.); в 1925 г. — статья “Большие циклы конъюнктуры” (52 с.), доклад “Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства” (29 с.) и статья “Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства” (27 с.); в 1926 г. — доклад “Мировое хозяйство, 1919–1925 гг.: современное положение и основные тенденции развития” (33 с.) и программная статья “Проблема предвидения” (42 с.); в 1927 г. — статьи “Критические заметки о плане развития народного хозяйства” (33 с.) и “План и предвидение” (34 с.); в 1928 г. — “Большие циклы конъюнктуры” (доклад и заключительное слово на дискуссии) и

большая статья (на 85 с.) — “Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров (к вопросу о теории относительной динамики и конъюнктуры)”. Даже из этого краткого перечня видно, насколько разносторонним и интенсивным был научный поиск Н.Д. Кондратьева.

Причем совершался этот поиск в обстановке политических преследований и арестов, которые закончились арестом и помещением в Бутырскую тюрьму 19 июня 1930 г. (вместе с А.В. Чайновым, Л.Н. Юровским и другими крупными экономистами). Сталин требовал расстрела лидеров надуманной “Трудовой крестьянской партии”. Процесс завершился приговором в январе 1932 г. к восьми годам лишения свободы и высылкой в Суздальский политизолятор (Спас-Евфимиев монастырь, где в 2001 г. открыт музей политической тюрьмы, видное место в экспозиции которого принадлежит Н.Д. Кондратьеву).

Однако и в заключении ученый продолжал интенсивно трудиться. В Бутырской тюрьме он написал рукопись, которая была передана жене и издана только в 1991 г. под названием “Основные проблемы экономической статистики и динамики. Предварительный эскиз” (567 с.; 6). Едва освоившись в Суздальском политизоляторе, он приступает к реализации грандиозного замысла — системному изложению новой теории. В письме жене от 7.03.34 он пишет: “Читаю полученные книги, занимаюсь математикой и продолжаю писать книгу о тренде. Эта проблема имеет ближайшее отношение развития человечества в отношении экономического благосостояния в длительной перспективе. Выводы, к которым я прихожу, во многих отношениях неожиданны для меня самого и очень минорны... Результаты ее, если бы они увидели когда-либо свет, вызовут, вероятно, еще больший шторм, чем другие мои работы” (Там же. С. 510).

Намечена программа дальнейшей многолетней работы (письмо от 7.11.34): “Как только кончу эту книгу, начну книгу о больших колебаниях, план которой и содержание для меня уже вполне ясны. Затем буду писать книгу о малых циклах и кризисах. После этого вернусь к вводной общеметодологической части, которую в черновиках передал тебе. И наконец, закончу все пятой книгой по синтетической теории социально-экономической генетики или развития. Впрочем, все это планы, для которых нужны силы, душевное спокойствие и вера. Поэтому планы могут остаться только планами” (Там же. С. 520). Дурное предчувствие не обмануло ученого. Он сумел вчерне закончить только основную часть первой книги, но рукопись до сих пор не обнаружена. Вероятно, она уничтожена.

Из суздальского периода, кроме писем, известна и опубликована только небольшая рукопись о макромодели экономической динамики (4. С. 412–414). Н.Д. Кондратьев высоко оценил полученный результат. В письме от 11.07.34 он отмечал: “Я склонен думать, что составление и решение упомянутых уравнений *представляет собой в полном смысле слова открытие*, которое позволяет построить совершенно новый, в высшей степени увлекательный и важный раздел теоретичес-

кой экономики, и притом на строгих и точных основаниях. Мне удалось получить чрезвычайно простую формулу, которая позволяет, если даны какие-либо две основные величины, характеризующие состояние и изменение народного хозяйства во времени, например количество самодеятельного населения и сумма национального капитала, достаточно точно путем простого вычисления определять (и предсказывать изменения) все другие основные величины хозяйства, т.е. народный доход, заработную плату, процент, производство средств производства и средств потребления, производительность труда и т.д.” (7. С. 515). Остается удивляться, почему современные экономисты и математики до сих пор не включили эту модель в арсенал средств экономического анализа и прогноза.

Н.Д. Кондратьев гордился тем, что его труды широко известны в мире, его прогнозы сбываются; тем горче было осознание принудительного отрыва от творческой работы. Он писал 11.04.34: “Объективно говоря, я и сам, следя отсюда, из тюрьмы, за ходом мирового экономического развития (поскольку до меня доходят некоторые данные прессы), считаю, что некоторые высказанные мною идеи и основанные на них прогнозы получили жизненную проверку и, по-видимому, вошли в фонд признанных положений... Прошло уже четыре года, как я лишен возможности продолжать свою научную работу. Четыре года, как я поставлен в обстановку оупляющего однообразия, расшатывающего физическое и моральное здоровье. Строго говоря, для дальнейшей научной работы я считаю себя погибшим. Все те новые и, может быть, объективно небезынтересные мысли, которые у меня были и возникли, постепенно предаются погребению... Самая обесцененная ценность теперь — это человеческая жизнь и мысль” (Там же. С. 512–513).

Здоровье Н.Д. Кондратьева угасало, творческая работа, составлявшая смысл его жизни, прекратилась. Точка была поставлена 17 сентября 1938 г., когда Военная коллегия Верховного Суда приговорила его к расстрелу. В этот же день его не стало.

Судьбы “поколения талантов”, Ломоносовых XX в. сложились по-разному. Одних, как и Н.Д. Кондратьева, расстреляли (А.В. Чаянова, В.А. Базарова, Л.Н. Юровского и др.). Другие уехали за границу, где достойно представляли российскую научную мысль (П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др.). Третьи остались в стране, но были лишены возможности свободно публиковать свои новаторские идеи (В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и др.).

Однако за рубежом интерес к научному наследию Н.Д. Кондратьева не угасал. В 1926 г. в Германии была издана его статья по длинным волнам конъюнктуры; в 1927 г. — о проблеме предвидения; в 1928 г. — о динамике цен промышленных и сельскохозяйственных товаров. На английском языке книга по длинным волнам конъюнктуры издавалась в 1935, 1946, 1973, 1976, 1979, 1984 гг.; на испанском — в 1946 г., болгарском — в 1996 г., японском — в 1987 г. В 1998 г. в Лондоне издан четырехтомник трудов Н.Д. Кондратьева. Еще в 1929 г. У. Митчелл в

монографии “Экономические циклы” посвятил несколько одобрительных страниц работе Н.Д. Кондратьева по длинным волнам (8. С. 231–235), отметив, что эти исследования “открывают манящие перспективы для будущей работы” (Там же. С. 2234). Идеи Н.Д. Кондратьева были поддержаны и развиты в двухтомнике Йозефа Шумпетера “Экономические циклы” (1939), где длинноволновые колебания названы циклами Кондратьева (9); иногда их даже называют К-циклами. Значение Кондратьевских циклов в историческом процессе признавал крупнейший историк XX в. Фернан Бродель (10. С. 76–77).

В последней четверти XX в., под влиянием мирового кризиса начала 70-х годов (в связи с переходом к пятому Кондратьевскому циклу), вновь вспыхнул интерес к теории больших циклов конъюнктуры — сперва за рубежом, а затем и в России. В 1975 г. в ФРГ опубликована книга молодого немецкого экономиста Герхарда Менша “Технологический пат: инновации преодолевают депрессию” (11), в которой на основе статистики изобретений и инноваций подтверждается истинность теории Н.Д. Кондратьева; книга вскоре была переиздана в Германии (1977), переведена и издана в США. Последовал поток монографий, журнальных статей и научных конференций по проблеме длинных волн экономической динамики, основываясь на идеях Н.Д. Кондратьева. Международный институт прикладных системных исследований провел ряд международных конференций по этой проблеме — в Сиене (Италия), Веймаре (ГДР), Монпелье (Франция), Новосибирске.

Эта волна докатилась и до России. В 1984 г. вышла в свет монография (вскоре изданная в Берлине и Братиславе) “Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование” (12); в ней была дана оценка вклада Н.Д. Кондратьева в теорию циклического развития. Эти идеи были развиты в монографиях 1988 г. (13) и в книге по истории цивилизаций, вышедшей в свет двумя изданиями — в 1995 г. и 1997 г. (14). С 1988 г. ежегодно проходят междисциплинарные дискуссии по проблемам теории циклической динамики и прогнозирования, развивающие идеи Н.Д. Кондратьева. Состоялось уже 15 таких дискуссий.

В 1992 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Н.Д. Кондратьева. Этой дате были посвящены постановление Совета Министров СССР от 30 ноября 1990 г. и Международная научная конференция в Москве и Санкт-Петербурге, в которой приняли участие многие российские и зарубежные ученые (17–21 марта 1992 г.). На конференции создан Международный фонд Н.Д. Кондратьева, президентом которого избран академик РАН Л.И. Абалкин. Возглавляемая им комиссия РАН по научному наследию Н.Д. Кондратьева организовала издание основных трудов Н.Д. Кондратьева: “Проблемы экономической динамики” (4), “Основные проблемы экономической статики и динамики” (6), “Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции” (17), “Избранные сочинения” (7), “Особое мнение” в двух книгах (16).

С 1992 г. раз в три года проходят международные Кондратьевские конференции, на которых обсуждаются актуальные проблемы социально-экономической динамики в свете идей Н.Д. Кондратьева. На конференциях, начиная с 1995 г., по итогам международного конкурса вручаются золотые, серебряные и бронзовые медали Н.Д. Кондратьева за вклад в развитие общественных наук трем российским и трем зарубежным ученым. С 1993 г. ежегодно проводятся Кондратьевские чтения. В 1999 г. на Международном научном симпозиуме, посвященном 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина, был создан Международный институт Питирима Сорокина-Николая Кондратьева.

Все это свидетельствует о новой взрывной волне научного творчества, наблюдающейся в России с 90-х годов XX в. Это дало основание сделать вывод о формировании современной школы русского циклизма, развивающей идеи Н.Д. Кондратьева, П.А. Сорокина и других ученых “поколения талантов” первой трети XX в. Этот вывод был обоснован в монографиях “Циклы. Кризисы. Прогнозы” (1999) и “Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего” (опубликована в США в 1999).

Таким образом, краеугольные камни новой парадигмы общественного знания, заложенные Н.Д. Кондратьевым, его друзьями и соратниками в 20-е годы, теперь дают дружные всходы и формируют новое видение мира. Ломоносовы XX в. не зря пришли в науку.

2. Большие циклы конъюнктуры

Остановимся теперь вкратце на двух основных направлениях исследований, где Н.Д. Кондратьев внес наибольший вклад в отечественную и мировую науку: теория больших циклов конъюнктуры; новая парадигма предвидения и методология перспективного планирования.

Мировое лидерство Н.Д. Кондратьева в разработке теории больших циклов конъюнктуры (длинных волн экономической динамики) общепризнано в мире. Хотя голландский экономист ван Гельдерен выдвинул идею о существовании “больших циклов” продолжительностью около 60 лет, а С. де Вольф в 1924 г. статистически подтвердил эту идею, однако Н.Д. Кондратьев, не зная об этих работах, самостоятельно теоретически и статистически доказал наличие долгосрочных конъюнктурных колебаний продолжительностью 55–65 лет. Причем опубликовал он эти выводы не в 1925 г., как до сих пор считалось, а в 1922 г., в монографии “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны”, изданной небольшим тиражом в Вологде и мало кому известной. В статьях 1923 г. и 1925 г., в докладе на дискуссии в Институте экономики в 1926 г. (опубликованном в 1928 г.) и в обширной статье 1928 г. “Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров (к вопросу о теории относительной динамики и конъюнктуры)” он развил, теоретически аргументировал и статистически доказал основ-

ные положения новой теории. За прошедшие с тех пор десятилетия по этой проблеме опубликованы сотни книг и статей сторонников и противников этой теории, но ее основные положения остаются неизменными. Изложим вкратце эти положения.

1. Н.Д. Кондратьев вводит **понятие больших циклов конъюнктуры** как экономической категории, раскрывает ее содержание и взаимосвязь с “малыми” (среднесрочными) циклами. Теория среднесрочных экономических циклов и периодических кризисов разработана еще в XIX в. и широко известна; ей посвятили свои исследования десятки крупных ученых. Н.Д. Кондратьев отмечает, что морфология, последовательность и симптомы развития, методы изучения среднесрочных циклов достаточно исследованы. “В настоящее время теория циклов и кризисов вплотную подошла уже к проблеме прогноза их хода” (7. С. 25). Ученый устремляет свое внимание к “научной нише” — долгосрочным периодическим колебаниям конъюнктуры: “Есть основания думать, что существуют также большие циклы динамики капиталистического хозяйства — со средней продолжительностью около 50 лет” (Там же. С. 26). Как добросовестный исследователь, он проверяет эту гипотезу статистически на основе изучения долгосрочной динамики основных параметров экономической конъюнктуры — среднего уровня товарных цен; процента на капитал; заработной платы; оборота внешней торговли; добычи и потребления угля; производства чугуна и свинца. Н.Д. Кондратьев признает не всегда достаточно сопоставимость этих данных и ограниченность периода наблюдения (с конца XVIII в.). Тем не менее, уже в книге 1922 г. четко формулируются представления о больших циклах, обнимающих около 50 лет: с 1789 г. по 1849 г. (с пиком в 1809 г.); с 1849 г. по 1896 г. (с повышательной волной до 1893 г.); “с 1896 г. мировое хозяйство вступило в новый блестящий период повышательных конъюнктур большого цикла” (17. С. 242) — вплоть до кризиса 1920 г., вслед за чем начинается понижательная волна большого цикла. Тогда же Н.Д. Кондратьев сформулировал прогноз: “Подъемы малых циклов наступающего периода будут лишены той интенсивности, какой они обладают в период повышательной волны большого цикла. Наоборот, кризисы наступающего периода обещают быть более резкими, а депрессии малых циклов более длительными” (Там же. С. 257). Глубочайший мировой кризис 1929–1933 гг. и последовавшее за ним не очень интенсивное оживление подтвердили правильность этого прогноза.

Вновь обращается Н.Д. Кондратьев к проблеме больших циклов конъюнктуры в 1923 г., в статье “Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта” (16. Кн. 1. С. 206–243). Он опровергает позицию В. Крукса о неизбежном падении обеспеченности человечества продовольствием и показывает, что его оценки основаны на данных эпохи низкой конъюнктуры, не учитывают влияние технического и экономического прогресса на природу. С 1890 по 1912 гг., в период повышательной конъюнктуры, при росте населения мира на

6–7% посевная площадь пшеницы выросла на 20%, а сбор свыше чем на 40% (Там же. С. 209).

Динамика конъюнктур как сельскохозяйственного, так и промышленного рынков не линейна, а циклична. Наряду с промышленным циклом наблюдаются большие циклы (40–50 лет). Их причины “лежат в цикличности действия накапливающегося основного общественного капитала и его размещения, и, соответственно, в цикличности развития и перераспределения производительных сил” (Там же. С. 210). Наблюдаются повышательные и понижательные волны больших циклов: *“Большие циклы конъюнктур, на фоне которых протекают малые циклы, обуславливаются процессами радикального перераспределения накопленных и накаплиющихся капиталов, выражающимися внешне в глубоких реформах индустрии и революции техники, в привлечении новых территорий, в подготовке новых кадров квалифицированного труда”* (Там же. С. 211). Н.Д. Кондратьев оспаривает позицию Л.Д. Троцкого, отрицавшего большие циклы конъюнктуры как обусловленные внешними факторами экономического развития, и показывает, что большие циклы, как и малые, вызваны внутренней динамикой капиталистических сил.

Следует отметить два момента, которые отсутствуют в других работах Н.Д. Кондратьева по большим циклам конъюнктуры. Во-первых, эти циклы увязываются с “подготовкой новых кадров квалифицированного труда”. Действительно, широкое распространение поколений техники нового технологического уклада, лежащего в основе Кондратьевских циклов, радикальные изменения в условиях и организации производства требуют нового уровня квалификации труда и приводят к перевороту, революции в образовании. Взаимосвязь научно-технических, экономических и образовательных циклах раскрыта уже в наши дни (12. § 2.1 и 13, гл. 7).

Во-вторых, исследована динамика земельной ренты (в том числе мировой сельскохозяйственной и транспортной ренты) на разных фазах большого цикла. Период повышательной волны второго цикла сопровождался повышением товарных цен и увеличением ренты: “Высокая расценка продуктов сельского хозяйства на мировом рынке и низкая стоимость производства их в странах интенсивного земледелия при удешевлении стоимости перевозки обеспечивали этим странам высокую дифференциальную ренту и толкали их на путь стремительного роста сельскохозяйственного производства и экспорта” (16. Кн. 1. С. 212–213). На понижательной волне большого цикла (до 90-х годов XIX в.) наблюдаются обратные тенденции, после чего в начале XX в. вновь повышались цены и расширялся экспорт, особенно новых заокеанских стран. “С 1920 г. начал развиваться общий мировой экономический кризис относительного перепроизводства. Он глубочайшим образом затронул и сельское хозяйство” (Там же. С. 221), привел к падению цен в ряде стран ниже издержек, сокращению экспорта. И тем не менее уровень внутренних цен на хлебные продукты в России

оказался значительно ниже, чем в зарубежных странах, и перспективы хлебного экспорта благоприятны для России, несмотря на высокие транспортные и организационные расходы (Там же. С. 236–237).

Проблема влияния больших циклов конъюнктуры (как и среднесрочных циклов) на массу и норму ренты — как внутренней (в рамках национального рынка), так и мировой — остается до сих пор практически не исследованной. В предварительном порядке можно сказать, что на понижательной волне Кондратьевского цикла, при высоких темпах роста производства, освоении и распространении новых высокоэффективных поколений техники и технологий, масса природной ренты (сельскохозяйственной, горной, лесной, транспортной, туристической и т.д.) имеет общую тенденцию к росту как в национальной, так и в мировой экономике. На понижательной волне темпы роста производства и снижения издержек замедляются, а в периоды кризисов становятся отрицательными, на что не могут не реагировать норма и масса природной ренты. Происходит перестройка ее внутренней структуры — как по товарам, так и по странам. Вместе с падением доли сельского хозяйства и добывающей промышленности в структуре производства и экспорта возрастает масса и доля квазиренты (особенно технологической) — сверхприбыли, присваиваемой поставщиками на внутренний рынок и экспортерами высокорентабельных товаров в период распространения базисных инноваций, “снятия урожая плодов” технологического переворота. Эти вопросы будут детально исследованы в научном докладе для Римского клуба “Рента и квазирента в глобально-цивилизационном измерении”, к подготовке которого приступил Международный институт Питирима Сорокина-Николая Кондратьева.

В работе 1925 г. Н.Д. Кондратьев вновь обращается к хронологическим рамкам больших циклов и определяет их более осторожно (7. С. 45):

первый цикл — повышательная волна с конца 80-х — начала 90-х годов до 1810–1817 гг., понижательная — до 1844–1851 гг.;

второй цикл — повышательная волна до 1870–1875 гг., понижательная — до 1890–1896;

третий цикл — повышательная волна до 1914–1920 гг., вслед за чем начинается понижательная волна большого цикла.

Н.Д. Кондратьев отмечает, что большие циклы по-разному отражаются на динамике различных показателей и синхронизируются в ведущих странах: “Установленные выше большие циклы важнейших элементов экономической жизни имеют международный характер” (Там же. С. 46).

2. Анализируя **объективные основы больших циклов конъюнктуры**, Н.Д. Кондратьев ищет их причины в процессе воспроизводства, в периодическом обновлении основных фондов в результате технологических переворотов, в освоении значительных технических изобретений и открытий. Он отмечает, что направления и интенсивность

научно-технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники (Там же. С. 62). Однако для их широкого практического использования нужны экономические условия: “Научно-технические изобретения могут быть, но могут оставаться недейственными, пока не появятся необходимые экономические условия для их реализации... *Самое развитие техники включено в закономерный процесс экономической динамики*” (Там же. С. 63).

Исследовав динамику крупных инноваций за полтора столетия, Н.Д. Кондратьев пришел к выводу: “В течение примерно двух — двух с половиной десятилетий перед началом повышательной волны большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений. Широкое применение этих изобретений в сфере промышленной практики, связанное, несомненно, с реорганизацией производственных отношений, совпадает с началом повышательной волны больших циклов” (Там же. С. 54). Эти положения легли в основу теории инноваций, разработанной Йозефом Шумпетером (9) и развитой Герхардом Меншем (11).

В российских работах 90-х годов (18; 19. Гл. 4) показано, что материально-технической основой смены Кондратьевских циклов (больших циклов конъюнктуры) является смена преобладающих технологических укладов, определяющих уровень конкурентоспособности продукции и реализующих кластер базисных инноваций. Со времени промышленной революции до конца XX в. сменили друг друга пять технологических укладов; в 10–20-е годы XXI в. придет время шестого уклада.

3. Н.Д. Кондратьев исследовал **механизм взаимовлияния больших и средних циклов** конъюнктуры: “Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии. Средние циклы поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов... Средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной депрессии, краткостью и слабостью подъемов. Средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами” (4. С. 207–208). Отсюда сделан вывод, что после кризиса 1920 г. мир вступил в понижательную волну большого цикла, наблюдается длительное депрессивное состояние мирового хозяйства, подъемы конъюнктуры имеют неустойчивый характер (Там же. С. 208). Этот вывод подтвердился экономической динамикой 20–30-х годов. Подобная тенденция наблюдалась в 60–70-х гг., с переходом к понижательной волне четвертого Кондратьевского цикла. Глубокие мировые экономические кризисы на завершающей стадии понижательной волны Кондратьевских циклов регулярно повторяются каждые 40–50 лет.

Можно ожидать такого кризиса и в 20-е годы XXI в., в завершение начавшейся понижательной волны пятого Кондратьевского цикла.

Учитывая, что Н.Д. Кондратьев признавал наличие и малых циклов со средней продолжительностью около 3,5 лет (7. С. 25–26), можно говорить, что им сформулирована целостная картина циклической динамики экономики на основе сочетания циклов разной длительности. Закономерность мультициклической экономической динамики сохраняется и в наши дни, хотя ее неоднократно объявляли ушедшей в прошлое, провозглашали переход к бескризисному развитию. И каждый раз, когда “девятый вал” кризисной смены технологических укладов и Кондратьевских циклов обрушивается на мировое рыночное хозяйство, вспыхивает интерес к учению Н.Д. Кондратьева о больших циклах конъюнктуры. Так было после кризиса 1929–1933 гг., создавшего базу для перехода к четвертому Кондратьевскому циклу — и послужившего импульсом для фундаментального двухтомного труда Йозефа Шумпетера «Экономические циклы» (1939), в котором длинные волны были названы Кондратьевскими циклами и включены в общий ритм циклической экономической динамики. Так было вскоре после кризиса начала 70-х годов, когда появилась монография молодого немецкого ученого Герхарда Менша “Технологический пат: инновации преодолевают депрессию” (1975), убедительно доказавшая истинность идей Н.Д. Кондратьева и Йозефа Шумпетера и давшая толчок к большому числу монографий, статей и международных научных конференций по длинным волнам экономической динамики. Так будет, вероятно, и в 10–20-е годы XXI в., когда мировое хозяйство вновь будет потрясено судорогами рождения очередного Кондратьевского цикла.

4. Н.Д. Кондратьев фундаментально исследовал **большие волны в динамике цен** промышленных и сельскохозяйственных товаров — в последней крупной работе, опубликованной при его жизни (16. Кн. 2). Отмечая, что теория конъюнктуры сосредоточила свое внимание на проблеме общего ритма экономической динамики, общих подъемов, кризисов и упадков народного хозяйства в процессе его развития (Там же. С. 225), он вводит понятие относительной конъюнктуры — колебания в состоянии определенных отраслей и сфер хозяйства по сравнению с состоянием других отраслей и сфер его (Там же. С. 227). С этой точки зрения он исследует дифференцированное движение товарных цен промышленных и сельскохозяйственных товаров в Англии и США за длительный период (с конца XVIII в.) и приходит к следующим выводам.

• В движении абсолютного уровня цен как промышленных, так и сельскохозяйственных товаров отчетливо проявляются длинноволновые колебания как составная часть больших циклов конъюнктуры: “большие волны в движении цен представляют из себя только одну составную часть общих длительных колебаний в динамике народного хозяйства” (Там же. С. 262). Сами эти колебания связаны с неравно-

мерностью расширения основных капитальных благ: “Расширение фонда этих капитальных благ совершается неравномерно. Существование больших волн конъюнктуры и связано с механизмом расширения фондов именно этих благ. Причем период усиленного строительства их совпадает с повышательной волной, а период затишья этого строительства — с понижательной волной большого цикла” (Там же. С. 263). Здесь отчетливо выражен воспроизводственный подход к обоснованию больших циклов конъюнктуры, их инвестиционной составляющей.

- Общей тенденцией движения цен в XIX и начале XX вв. является снижение их абсолютного уровня, что обусловлено прогрессом техники (включая усовершенствование орудий труда, средств сообщения, организации предприятий) и связанным с ним ростом производительности труда, уменьшением издержек производства (Там же. С. 246, 253–254). Одновременно наблюдается тенденция относительного удорожания сельскохозяйственных товаров по сравнению с промышленными, поскольку процесс роста производительности труда и снижения издержек производства в сельском хозяйстве идет медленнее, чем в промышленности (Там же. С. 278–279). Можно говорить о закономерности абсолютного и относительного удешевления техники (12. Гл. 3; 13. Гл. 5); действие этой закономерности, особенно во второй половине XX в., затушевывается инфляционными волнами.

- Покупательная сила сельскохозяйственных товаров подчинена ритму больших и малых циклов. При этом наблюдается общая тенденция относительного удорожания этих товаров по сравнению с промышленными, обусловленная более низкими темпами роста производительности труда в сельском хозяйстве: “Хотя в XIX–XX вв. производительность труда в сельском хозяйстве в общем и повышается, а издержки его производства понижаются, но этот процесс в сельском хозяйстве идет медленнее, чем в промышленности” (16. Кн. 2. С. 279). В динамике соотношения покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров также наблюдаются длинноволновые колебания (Там же. С. 291).

Еще раньше, в статье 1925 г. “Большие циклы конъюнктуры”, Н.Д. Кондратьев отмечал как общую тенденцию (“эмпирическую правильность”), что понижательные волны больших циклов сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства, что ведет к падению цен сельскохозяйственных товаров и размеров земельной ренты (7. С. 56–59).

5. Большое значение имеет вывод Н.Д. Кондратьева, подтвержденный анализом исторических фактов: “Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн” (Там же. С. 55). Из приведенного в статье перечня таких социальных потрясений следует, что на повышательную волну первого цикла их приходилось 18, на понижательную — 5; для второго большого цикла — соответственно

18 и 4; на повышательную волну третьего цикла — 22 (Там же. С. 55–56). Следовательно, Кондратьевские циклы характеризуют не только экономическую, но и социально-политическую динамику. Это отмечал и Фернан Бродель, увязывая циклы Кондратьева с вековой тенденцией и относя время их появления на несколько столетий раньше: “Если сложить два этих движения — вековую тенденцию и цикл Кондратьева — то мы будем располагать “музыкой” долгосрочной конъюнктуры, звучащей на два голоса... Циклы Кондратьева, в противоположность тому, что не раз утверждали, появились на европейском театре не в 1791 г., а на несколько столетий раньше. Добавляя свои движения к подъему или спаду вековой тенденции, циклы Кондратьева усиливали или смягчали ее” (10. С. 76).

К сказанному следовало бы добавить, что в переходные периоды при смене цивилизационных, сверхдолгосрочных циклов общество как система (и экономика как его подсистема) становится неустойчивым, усиливается хаотичность в динамике, наблюдается волна кризисов, войн, революций, иных социальных потрясений. Так было в конце XVIII — начале XIX вв., в период 1830–1848 гг., в 70-е годы XIX в., в 1913–1920, 1929–1953 и 1939–1945 гг. Переход к пятому Кондратьевскому циклу ограничился мировым экономическим кризисом: в 1971–1975 гг. в “Хронике человечества” отмечено 78 исторических событий против 79 в 1966–1970, 94 в 1961–1965 и 85 в 1956–1960 гг. Однако уже в 1981–1985 гг., с началом повышательной волны пятого Кондратьевского цикла, число событий выросло до 104, в следующие два пятилетия — до 271 и 390 (20). Ожидавшееся успокоение на рубеже веков не наступило, — напротив, с первых лет нового столетия политическая нестабильность и число значительных исторических событий возросли. Остается надеяться, что наступившая понижательная волна пятого Кондратьевского цикла изменит эту тенденцию.

Из сказанного выше следует общий вывод, что теория больших циклов конъюнктуры, разработанная Н.Д. Кондратьевым, — это не продолжение и углубление индустриальной парадигмы обществоведения, а принципиально новый подход, поворот в динамике научного познания, открывающий новые горизонты в познании закономерности циклической динамики общества, краеугольный камень в фундаменте постиндустриальной парадигмы, время достройки и развертывания которой пришло в конце XX — начале XXI вв. как неперемного элемента современной великой научной революции, становления новой картины циклично-генетически развивающегося мира. Конечно, этот камень не охватывал весь фундамент, — вместе с Н.Д. Кондратьевым его закладывали П.А. Сорокин и другие мыслители “поколения талантов”, а здание достраивают немало научных школ конца XX — начала XXI вв. Но одно несомненно: без такой кардинальной перестройки всей системы научных знаний человечество не сможет справиться с тем девятым валом угроз и противоречий, которые обрушились на него в начале нового столетия.

3. Теория предвидения и методология перспективного планирования

Значение научного наследия Н.Д. Кондратьева не сводится к тому, что он открыл закономерности циклической динамики и подошел к формулированию основ социогенетики. Поколение талантов первой трети XX в. не ограничивалось научным творчеством, умозрительным обобщением. Оно стремилось преобразовать мир на основе использования открытых закономерностей и тенденций. Н.Д. Кондратьев, П.А. Сорокин, В.И. Вернадский находились в гуще революционных событий 1917 г. и в последующие годы, отойдя от непосредственного участия в политической борьбе, сконцентрировали свой талант на выработке методологии применения полученных научных выводов.

В этом плане представляет чрезвычайный интерес в период трансформации общества конца XX — начала XXI вв. обратиться к выработанной Н.Д. Кондратьевым теории предвидения и методологии перспективного планирования. Будем рассматривать полученные им результаты не в хронологической, а в логической последовательности.

1. *Познание закономерностей развития общества* — исходный пункт для теории предвидения будущего. Здесь возможны три взаимно исключающих подхода. Если считать, что экономические и исторические события совершаются по субъективным, непредсказуемым решениям людей, являющихся неповторимыми индивидами, — тогда предвидение развития общества лишено смысла, является гаданием на кофейной гуще. Именно такой позиции придерживался С.Н. Булгаков: «Тезис о невозможности установления исторических законов и предсказаний доказан... совершенно неопровержимо... Причиной принципиальной невозможности исторических предсказаний, помимо того, что история имеет дело с индивидуальными событиями, не повторяющимися во всей индивидуальной сложности, является еще и то, что ход истории обуславливается не только известными уже нам социологическими причинами, общими условиями исторического развития, но и деятельностью личностей. Между тем, каждая историческая личность... есть нечто абсолютно новое в истории, не поддающееся никакому предвидению» (21. С. 271–272).

Противоположная точка зрения — абсолютный детерминизм в его разновидностях: развитие общества предопределено либо божественными установлениями (теология), либо законами природы (И. Кант), либо состоянием и развитием материальных производительных сил (Г.В. Плеханов), либо расположением светил в небе (астрология).

Однако наиболее близка к истине третья позиция, к которой принадлежит Н.Д. Кондратьев: объективные законы развития общества существуют, они предопределяют его общую динамику, но это не исключает известную свободу выбора возможных альтернатив и принятия решений для людей; тенденции будущего развития на основе познания этих законов предвидеть возможно, но следует принимать во

внимание и альтернативные сценарии при том или ином соотношении факторов динамики и случайных событий.

Проблема закономерностей социально-экономической динамики исследуется Н.Д. Кондратьевым как в его ранней работе “Основные учения о законах развития общественной жизни” (7. С. 84–115), так и в более развернутом, аргументированном виде — в написанной в Бутырской тюрьме рукописи, особенно в главах 7 и 9 этой рукописи (6).

Н.Д. Кондратьев исходит из того, что “с научной точки зрения все явления конкретной действительности, как она дана нам в восприятии, строго и однозначно причинно обусловлены. Однако... эта действительность, взятая в конкретном виде, бесконечно разнообразна в каждый данный момент, бесконечно изменчива во времени и потому всегда индивидуальна” (Там же. С. 177). Задача номографической науки — изучение общего в явлениях и процессах, выявление системы и закономерностей динамики: “Наука выявляет общую схему строения действительности и тем самым вносит систему и порядков в бесконечное многообразие индивидуальных явлений”; “формулируя законы, номографическая наука достигает высшего своего познавательного торжества и законченности” (Там же. С. 185, 187). При этом выявляются законы соотношения (статики) и законы изменения (динамики). Проявление этих законов связано с большим числом случайностей и находит проявление в законе больших чисел (Там же. С. 201).

Особенности действия закономерностей в обществе не только в многообразии действующих здесь факторов и случайных колебаний, но и в том, что эти закономерности меняются с развитием общества: “Меняется закономерность социально-экономических с изменением структурных признаков социального строя и характера человека... закономерности социально-экономической жизни по существу имеют исторический характер” (Там же. С. 220, 221). Это следует учитывать при предвидении социально-экономической динамики: “вероятность закономерного хода явлений здесь значительно ниже, а вероятность отклонения событий от закономерной линии их хода гораздо выше, чем в мире физически-химических явлений” (Там же. С. 242).

Наука не может устраниваться от предвидения и проверки истинности постулатов той или иной теории. Теория “позволяет с большей или меньшей точностью и предвидеть ход действительности. Отсюда ясно, что возможность предвидения на основе теории является вместе с тем и критерием истинности теории” (Там же. С. 141).

2. *Статика, динамика и генетика — основа социально-экономического предвидения.* Н.Д. Кондратьев выделяет три основных раздела номографической экономической теории: статику, динамику и генетику. *Статика* исследует структуру и взаимодействие элементов системы в условиях равновесия. Под равновесием системы связанных и симметрично расположенных экономических элементов Н.Д. Кондратьев понимает то состояние ее, при котором и при принятых условиях она не обнаруживает внутренних тенденций к изменению элементов и их

соотношений (Там же. С. 328). На статике сконцентрировано внимание различных школ политической экономии — меркантилистов, физиократов, классической школы, австрийской школы предельной полезности, математического направления, маржиналистов. Лишь историческая школа и марксизм подошли к теории динамики: “в марксизме мы находим по существу целую систему теории статики. Эта теория статики не выделена, а дана в органической связи с теорией динамики, наиболее ценной и оригинальной чертой марксовой школы является именно то, что она и только она выдвинула теорию экономической динамики” (Там же. С. 339).

Добавим: теория статики лежит в основе традиционной методологии прогнозирования, преобладающей как в России, так и за рубежом. Суть этой методологии весьма проста: на будущее переносятся тенденции, сложившиеся в прошлом и выявленные с помощью однофакторного или многофакторного анализа. Чем больше горизонт прогноза — тем длительнее ретроспектива, из которой выводятся эти тенденции. При таком подходе предвидение — не искусство и не наука, а ремесло.

Однако “в реальной действительности всегда имеет место борьба причин, которые порождают тенденции системы экономических элементов к равновесию, и причин, которые или нарушают эти тенденции, создавая новое исходное положение для возникновения новых тенденций к равновесию, или тормозят осуществление равновесия” (Там же. С. 319). Исследуя равновесие, статика не изучает того круга явлений, экономическая сущность которых состоит в отрицании равновесия, в нарушении его, — например, кризисы. (Там же. С. 324). Это является предметом более высокого уровня развития теории — *динамики*.

Экономическая действительность изменчива и текуча. “Статическая теория *бессильна выяснить изменение уровня* экономических элементов, а также механизм и направление их изменений. Вот почему наряду с ней к экономической жизни можно и должно подходить и с динамической точки зрения, т.е. мыслить ее в условиях процесса изменений” (4. С. 54). Динамическая теория “рассматривает экономические явления *в процессе изменения экономических элементов и их соотношений* и ищет закономерности в ходе самих изменений” (Там же. С. 55).

При этом следует различать изменения иррегулярные, возникшие под влиянием случайных, непредсказуемых событий, и закономерные, предсказуемые, которые, в свою очередь, можно подразделить на две разновидности: эволюционные (необратимые), которые при отсутствии резких посторонних пертурбационных воздействий всегда протекают в определенном и в одном и том же направлении, — и волнообразные (повторимые, обратимые), которые периодически меняют свое направление, рано или поздно возвращаясь к исходному состоянию (Там же. С. 58–59).

“Народнохозяйственный процесс в целом представляется необратимым процессом перехода с одной ступени или стадии на другую” (Там же. С. 62). Однако целая группа экономических элементов, прежде

всего ценностных, обнаруживают волнообразные, обратимые процессы изменений. Темп роста и развития “описывает волнообразную кривую и является сам по себе процессом обратимым” (Там же. С. 63). Именно с обратимыми процессами связывает Н.Д. Кондратьев понятие *конъюнктуры*. Под экономической конъюнктурой он понимает направление и степень изменения совокупных элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом (Там же. С. 70).

Н.Д. Кондратьев подразделяет колебания конъюнктуры на иррегулярные и регулярные; последние, в свою очередь, делятся на сезонные и циклические, — “малые циклы (подъем, кризис, депрессия), захватывающие около 7–11 лет, и большие циклы, захватывающие от 40 до 50 лет” (Там же. С. 74; см. также С. 89). Экономисты изучают в основном малые циклы и сезонные колебания. “Необходимо подвергнуть тщательному анализу также и большие циклы” (Там же). Напомним, что эти положения, развивающие идеи больших циклов конъюнктуры (впервые сформулированные в книге 1922 г.), были выдвинуты в докладе в Институте экономики в марте 1924 г.

Весьма важен вывод, что “задача в изучении конъюнктуры сводится к постановке и решению проблемы прогноза ее изменения” (Там же. С. 75). Прогнозирование, основанное на учете закономерной динамики (прежде всего — волнообразно-циклических колебаний конъюнктуры), или *циклично-динамичное* прогнозирование — это более высокий класс предвидения будущего, позволяющий предвидеть переход от фазы к фазе цикла и от цикла к циклу, неизбежные кризисы при смене циклов, своевременно адаптироваться к этим переменам. И хотя идеи Н.Д. Кондратьева были подхвачены, подтверждены и развиты Йозефом Шумпетером (9), Герхардом Меншем (11), другими зарубежными и современными российскими учеными (12; 14; 18; 19; 22), однако в практике прогнозирования до сих пор преобладает статический, линейно-экстраполяционный подход.

Позднее Н.Д. Кондратьев приходит к выводу, что сочетание статического и динамического подходов в анализе и прогнозе конъюнктуры недостаточно; нужно дополнить их *генетическим* подходом. “Современная методология экономической науки, — пишет он в 1931 г., — выделяет и стремится констатировать лишь понятия экономической статики и динамики, не зная экономической генетики” (6. С. 275). Он намеревался завершить цикл своих работ книгой по синтетической теории социально-экономической генетики или развития (Там же. С. 554). К сожалению, он не смог реализовать этот план.

Любопытно отметить, что Питирим Сорокин еще в 1919 г., разрабатывая программу преподавания социологии, предусматривал ее трехчленное деление: социальную аналитику (социальную анатомию и морфологию), т.е. статику; социальную механику, изучающую социальные силы и процессы; социальную генетику, или теорию эволюции общественной жизни и отдельных ее сторон, исследующую законы их развития (23. С. 531). К предмету последней он относил изучение

исторических тенденций развития отдельных социальных функций и процессов, грядущего общества и грядущего человека (Там же. С. 534).

Понятия экономической динамики и генетики Н.Д. Кондратьева и П.А. Сорокина не вполне совпадают. Однако следует отметить, что основной капитальный труд Питирима Сорокина — “Социальная и культурная динамика” — по существу посвящен анализу динамики и волнообразных циклических колебаний (флуктуаций) различных сторон жизни общества, а его работа “Главные тенденции нашего времени” является блестящим примером долгосрочного прогноза (на началах социальной динамики и генетики) развития общества, смены социокультурного строя.

Теория социогенетики, ее сущности, структуры и использования в прогнозировании была развита в России в 90-е годы. Этой проблеме была посвящена IV Междисциплинарная дискуссия в марте 1993 г. (24). Эти проблемы рассмотрены в монографиях 1993 г. (25) и 1999 г. (19). Социогенетика исследована в трудах А.И. Субетто (26), за которые он удостоен медали Н.Д. Кондратьева.

Социогенетика позволяет выявить закономерности наследственности, изменчивости и отбора в динамике общества и экономики как его элемента. Она показывает механизм, внутреннюю структуру и пределы изменений при переходе от ступени к ступени, смене циклов разной длительности. Учет генетических закономерностей и механизма их реализации в предвидении означает подъем его на новую, более высокую ступень; пока она не достигнута в современной методологии и практике социально-экономического прогнозирования.

Таким образом, научной основой предвидения является, согласно Н.Д. Кондратьеву, сочетание трех подходов, трех ступеней познания: статического, циклично-динамического и генетического. Проблему этого сочетания еще предстоит решить.

3. *Теория и методология предвидения*, основанная на изложенных выше подходах, сформулирована в двух работах Н.Д. Кондратьева: “Проблема предвидения” (1926) и “План и предвидение” (1927). В этот период в СССР велась интенсивная работа по определению перспектив социально-экономического развития страны, выработке методологии планирования. Велась оживленная дискуссия и борьба двух научных школ в области предвидения и планирования — генетической, возглавляемой Н.Д. Кондратьевым, и телеологической, возглавляемой С.Г. Струмилиным. В названных выше работах сформулированы основные положения генетической школы предвидения. К чему сводятся главные постулаты теории предвидения Н.Д. Кондратьева?

Необходимость предвидения. Значение прогноза не только в том, что он выступает в качестве метода проверки научных теорий и гипотез. “С точки зрения генезиса основное значение прогноза, как и всякого знания, лежит в том, что оно отвечает настоящим запросам нашего практического действия в процессе жизненной и социальной борьбы” (7. С. 117). Хотя процесс социально-экономической жизни имеет в

основном стихийный характер, предвидение является важнейшим элементом этого процесса: “выдвигается ли проект социальной реформы, предлагается ли та или иная мера экономической политики, строится ли тот или иной план регулирования народного хозяйства, проводится ли задача организации частного предприятия и т.д., всюду ставится вопрос об активном вмешательстве в ход событий окружающей социально-экономической среды и вопрос о предвидении хода последующих событий. *Вот почему в социально-экономической жизни проблема прогноза имеет особо глубокое практическое значение*” (Там же. С. 118).

Прогнозирование является неперенным элементом всех сфер социально-экономической деятельности. Прежде чем принять то или иное хозяйственное, плановое, управленческое решение, нужно изучить и предвидеть тенденции изменений в самом объекте социально-экономической науки и окружающей среде, осмыслить возможные последствия — ближайшие и отдаленные — принимаемых решений или совершаемых действий. Без этого результат может оказаться противоположным ожидаемому, — как это оказалось в итоге хаотичных реформ 90-х годов в России и других постсоветских странах.

Научный характер прогноза. Н.Д. Кондратьев отмечает, что “для прогноза существенны три элемента: 1) переход от событий, данных в опыте, к событиям, которые еще не даны в нем; 2) переход к событиям, которые не даны не только потому, что они еще нам не известны, но и потому, что они еще не совершились; 3) переход не произвольный, а научно обоснованный, опирающийся на установленную достаточную для суждения вероятность выхода события или событий” (Там же. С. 119).

Прогнозирование — это процесс исследовательский, творческий. Он предполагает не только глубокое знание всего многообразия тенденций динамики социально-экономической жизни и факторов, определяющих эти тенденции, но и достоверное предвидение того, как эти факторы в их сложном взаимодействии поведут себя в перспективе, как и когда изменятся указанные тенденции и как можно повлиять на траекторию движения в желательном направлении; “удачный прогноз означает высшее торжество знания” (Там же. С. 120)

Н.Д. Кондратьев придерживался *генетического* подхода к предвидению, считал необходимым опираться на всестороннее исследование закономерностей и тенденций движения в прошлом и возможное направление изменений в будущем, — в отличие от широко распространенного *телелогического* подхода, который ориентируется на априорно заданные цели и прогнозирует возможные пути их достижения. Генетический подход предполагает, во-первых, разработку прогнозов социально-экономического развития учеными разных специальностей, глубоко и всесторонне изучившими объект прогнозирования и окружающую его среду; во-вторых, достаточную научную подготовку управленческих кадров (госслужащих, предпринимателей, политических деятелей и т.д.), их способность с достаточным уважением отнестись

к полученным наукой прогнозам, понять их и умело использовать в практической деятельности.

Предпосылки прогноза. Прогноз невозможен, если отсутствует закономерная связь событий, если исходить из посылки, что поведение участников социально-экономической жизни непредсказуемо: “возможность прогноза опирается на предпосылку существования всеобщей причинной связи событий” (Там же. С. 124). Однако этого мало. Полное знание всех причин и расположение элементов действительности невозможно; но возможно познание *закономерностей* развития: прогноз “возможен лишь при условии, что существует не только причинная связь явлений, но одновременно и закономерность их хода” (Там же. С. 127). Однако учет закономерностей в прогнозировании осложняется тем, что, во-первых, они являются результатом взаимодействия большого числа элементарных явлений, во-вторых, всякая закономерность (особенно в обществе) относительна и имеет исторический характер (Там же. С. 132); в-третьих, нужно учитывать два типа закономерностей — статические (единообразие в строении того или иного целого и в консенсусе его элементов) и динамические (единообразие последовательности изменения явлений и их связей во времени) (Там же. С. 134). Это требует междисциплинарного подхода к исследованию динамики того или иного объекта, понимания закономерностей его статики и циклической динамики, высокого уровня развития естественных и общественных наук: “степень возможности прогноза в каждое данное время выступает прежде всего в качестве функции от уровня развития нашего знания” (Там же. С. 137).

Стоит добавить, что каждая научная революция сопровождается сменой парадигм, изменением уровня и характера знаний об окружающем мире и закономерностях его развития, что обуславливает необходимость принципиальных перемен в методологии прогнозирования. Именно такой период взрывной смены парадигм (отражающей прежде всего кардинальные перемены в обществе с переходом к постиндустриальной мировой цивилизации) наблюдается в конце XX — начале XXI в. Методология предвидения, предложенная Н.Д. Кондратьевым, оказывается сейчас как нельзя кстати.

Надежность прогноза. Н.Д. Кондратьев отмечает, что достоверность, надежность прогноза зависит, во-первых, от тех задач, которые перед ним ставятся, во-вторых, от особенностей прогнозируемой сферы. Чем более сложные и конкретные задачи ставятся перед предвидением, тем менее сложным и достоверным оно может быть, хотя сам прогноз при этом становится более богатым. Чем отдаленнее от нас во времени предсказываемое событие, тем менее возможным и достоверным становится предвидение. Чем сложнее объективно та область, в которой мы строим прогноз, тем относительно, менее точным и достоверным он может быть (Там же. С. 143–145). Следует также учитывать, что на закономерный ход социально-экономических явлений может повлиять как вторжение гетерогенных космических и био-

логических факторов, так и вмешательство самого человека в стихийный ход событий; оба фактора могут сделать прогноз недостоверным (Там же. С. 146–147).

Отсюда вытекает, что не следует переоценивать степень надежности и достоверности прогнозов социально-экономического развития (особенно долгосрочных) и перегружать их конкретными задачами и деталями и что нужно быть готовым своевременно скорректировать прогноз, если в ход событий вмешались непредвиденные объективные или субъективные факторы. Процесс прогнозирования — не только творческий, но и непрерывный, поскольку динамика общества полна сюрпризами, которые вынуждают подправлять полученные ранее прогнозные оценки.

В предвидении следует использовать и сочетать различные методы — дедуктивный и индуктивный, историко-сравнительный и статистический (включая математическую статистику), — понимая в то же время ограниченность каждого из этих методов и невозможность получения абсолютно точного прогноза: “мы не только не в состоянии *точно* предвидеть грядущие события *во всей их полноте*, но или вовсе не в состоянии фиксировать время, место и интенсивность проявления событий и должны удовлетворяться предсказанием общих тенденций их хода, или можем фиксировать время, место и интенсивность событий лишь весьма приблизительно, часто не имея возможности определить степень вероятности ошибки прогноза” (Там же. С. 142).

Однако не следует недооценивать достоверности и значимости прогноза, если он строится на научно обоснованной методологии. Покажем это на двух примерах. В книге, опубликованной в 1922 г., Н.Д. Кондратьев, впервые сформулировав основные положения теории больших циклов конъюнктуры, пришел к выводу, что “1920 год является годом перелома и в движении конъюнктуры большого цикла, годом смены повышательной волны большого цикла понижательной” (17. С. 255). Отсюда следовал прогноз: “Подъемы малых циклов наступающего периода будут лишены той интенсивности, какой они обладают в период повышательной волны большого цикла. Наоборот, кризисы наступающего периода обещают быть относительно более длительными” (Там же. С. 257). Мировой кризис 1929–1933 гг. и последовавшие за ним разветывание цикла, прерванное второй мировой войной, подтвердили истинность этого прогноза.

Другой, более близкий пример. В марте 2000 г., в докладе на XIII Междисциплинарной дискуссии, посвященной 10-летию Ассоциации “Прогнозы и циклы”, на основе методологии предвидения Н.Д. Кондратьева и в ее развитии был сделан прогноз приближающегося кризиса: “Фаза подъема в развитых странах с конца 90-х годов вновь породила иллюзию о долгом процветании; но час кризиса приходит. Первые звонки прозвучали в виде валютно-финансового кризиса и спада производства в странах Юго-Восточной Азии. Однако североамериканская и западноевропейская цивилизации продолжали рост, концентрируя у себя массу капитала. Но уже в ближайшее время

весьма вероятен кризис в этих центрах мировой экономики. Причем затронет он в большей мере лидирующие отрасли, и прежде всего информационный сектор, где наблюдается перенакопление капитала” (22. С. 43–44). Прошел год с небольшим — и мировой экономический кризис, поразивший прежде всего США и во много обрушивший чрезмерно раздутый информационный сектор, стал общепризнанным фактором. Теперь предстоит проверить практикой другую составляющую нашего прогноза 2000 г.: “Вероятно, в 10-е годы можно ожидать новый глубокий технологический, экономический, экологический, социально-политический кризис, который положит начало шестому Кондратьевскому циклу, с которого постиндустриальное общество будет развиваться на своей собственной основе. Если не произойдет крупных событий, нарушающих или прерывающих ход циклической динамики, то к 40-м годам будет достигнута фаза зрелости этого цикла и начнется понижательная волна — вплоть до 70-х годов XXI в.” (Там же. С. 42). Таков наш прогноз циклической динамики на XXI век.

Типы прогноза. Н.Д. Кондратьев формулирует три типа прогноза. *Первый тип* — предвидение событий, которые по существу или при данном состоянии знаний представляются иррегулярными, не имеющими четко выраженной закономерностей (7. С. 148). В этом случае используется либо метод прямого прогноза возникновения или невозникновения события и его интенсивности (это наиболее трудный и наименее точный прогноз), либо метод косвенного прогноза, — с учетом факторов, при которых может наступить событие.

Второй тип — предвидение событий, которые в своем ходе обнаруживают более или менее правильную повторяемость, или циклическую. “В данном случае мы не интересуемся иррегулярными чертами явления и в качестве события для предвидения берем лишь ту или другую фазу цикла его изменений, стремясь локализовать ее во времени и пространстве” (Там же. С. 153). Предметом предвидения становятся циклы и кризисы. При этом используются методы прямого предвидения путем построения “кривой предвидения” или косвенного предвидения, которое опирается “на закон связи во времени нескольких циклических рядов и по ходу одного или нескольких доступных наблюдений рядов умозаключает о ходе других” (Там же. С. 155–156). Методология прогнозирования циклов и кризисов разработана и опубликована в ряде работ последнего времени (19; 22) и отражена в нескольких научных прогнозах (14. Гл. 4; 27. Чл. 4; 28; 29. Гл. 4). Однако она не получила широкого применения на практике, что ведет к ошибочности разрабатываемых среднесрочных и долгосрочных прогнозов.

Третий тип прогноза состоит в предвидении развития тех или иных общих тенденций, например, тенденции хозяйственного роста или упадка той или иной страны, той или другой отрасли хозяйства, общих тенденций движения цен, динамики различных категорий дохода, тенденций в изменении организационной структуры хозяйства, назревания революционных движений, международных осложнений и т.п.

“Нас интересует здесь общий закономерный уклон разворачивающегося ряда или рядов этих событий... Успех предвидения третьего типа гораздо ближе зависит от количества и характера установленных динамических закономерностей и устойчивости общих условий их проявления” (7. С. 161). Иными словами, речь идет о выявлении трендов в динамике той или иной сферы. Однако следует отметить, что сами эти тренды (тенденции) могут меняться на разных фазах циклов более высокого уровня. Питирим Сорокин, отмечая наличие долгосрочных циклических колебаний (флуктуаций) в процессах социокультурной динамики, отрицал наличие какой-либо трендовой их направленности, называл их “бесцельными флуктуациями” (23. С. 310). Однако у него не вызывало сомнения существование деловых циклов с периодом в 3–5, 7–8, 10–12 лет и более крупных циклов в 40–60 лет, обнаруженных Н.Д. Кондратьевым (Там же. С. 313, 314). С “бесцельностью” циклических флуктуаций трудно согласиться. Все-таки вырабатываются более общие тенденции (тренды) развития общества, которые периодически изменяются, выражают переход общества от этапа к этапу в своей неравномерно-циклической, но все же направленной эволюции.

4. Высокий интеллект

Мы ознакомились только с несколькими аспектами того огромного научного наследия, которое оставлено одним из крупнейших экономистов XX в., нашим соотечественником Николаем Дмитриевичем Кондратьевым. Но и сказанного достаточно, чтобы сделать несколько общих — и радостных, и печальных — выводов.

Творчество Н.Д. Кондратьева, его многогранное наследие — яркое доказательство той огромной взрывной волны научного творчества, которая наблюдалась — в силу стечения ряда обстоятельств — в России в первой трети XX в. Эта волна дала России и миру плеяду талантов первой величины, заложивших основы, краеугольные камни нового миропонимания, научной парадигмы, время преобладания которой придет в XXI в.

Вклад Н.Д. Кондратьева в мировую и российскую социально-экономическую мысль огромен, многогранен и до сих пор не оценен в полном размере. Это и учение о больших циклах конъюнктуры и циклической динамике экономики, и теория предвидения и методология перспективного планирования, и проблема обоснованных пропорций в развитии сельского хозяйства и промышленности, и филигранный анализ тенденций динамики цен, и теория конъюнктуры, и соотношение закономерностей социально-экономической статистики, динамики и генетики, и проблема равновесия — и многое, многое другое, а также социологические обобщения и литературные опыты. Он был энциклопедичен — как большинство его талантливых современников и соратников.

Научное наследие Н.Д. Кондратьева формально общепризнано, но реально мало известно и слабо используется. Большинство его работ изданы небольшими тиражами и мало доступны российскому, а тем более зарубежному читателю; его идеи неизвестны экономической и политической элите, которая сплошь и рядом поступает вопреки этим идеям. Мы оказались незадачливыми и незначительными хозяевами ценнейшего наследия, доставшегося нам.

Немного найдется ученых, которые могли бы служить столь блистательным примером для молодежи, вступающей в жизнь, образцом российского интеллигента высокого потенциала, человека глубокой культуры и безупречной нравственности. Об этом можно судить по письмам Н.Д. Кондратьева жене, которые невозможно читать без восхищения и горечи за его трагическую судьбу.

В письме от 4.02.22 г. он пишет о нелегких жизненных условиях, типичных для большинства представителей интеллигентулов его поколения: “Мне пришлось пройти суровую жизненную школу, которая была преодолена лишь благодаря исключительным силам идеализма, упорству и любви к своему делу. Но жизненная борьба оставила на мне след. В процессе ее я не имел ни времени, ни возможности слишком культивировать в себе чувства нежности, ласки, жизнь всегда заставляла меня быть в напряжении, с пытливым взглядом вперед, она слишком много заставляла меня, не тратя ни минуты, сидеть, не разгибаясь, за столом над книгами и бумагой.... Радость моя была радостью интеллектуальной, как и горе. Даже самую красоту я пытался когда-то долго и мучительно уложить в категории разума. Если хочешь, у меня была одна религия, религия интеллекта. К этому присоединялась идея общественного служения, которая лишь усиливала суровый колорит моей жизни” (7. С. 496–497).

Даже его неизменная и пылкая любовь к жене, Евгении Давыдовне, носила интеллектуальный оттенок: “Мне кажется..., что дом наш превратится в очаг углубленного счастья, что он будет источником для творческих исканий наших, что его никогда не победят будни и проза жизни... Мы испытаем наслаждение от высших произведений прекрасного в мире. Мы будем вместе с тобой переживать муки и радость интеллектуального подъема и вдохновения” (Там же. С. 498).

В суровых, бесчеловечных условиях заточения Н.Д. Кондратьев продолжал напряженную интеллектуальную жизнь. В письме из Суздаля 1.09.32 г. он пишет: “И если бы только была у меня возможность доисследовать некоторые вопросы, то я был бы в состоянии написать обширную работу, где изложил бы довольно целостную и законченную теоретическую систему” (Там же. С. 502). Он напряженно работает над воплощением своего грандиозного замысла. В письме от 14.02.34 г. он пишет о намерении написать четыре книги, конкретизирует свой план в письме от 7.11.34 г. и сообщает 29.05.35 г., что первая книга — рукопись объемом более 30 печатных листов — в основном уже написана (Там же. С. 509, 520, 525).

В Суздальском политизоляторе Н.Д. Кондратьев увлекается математикой, восхищается ее стройностью: “Есть возможность, пусть ничтожная, думать, углубляться в свои мысли, шаг за шагом проникать в мир точного знания, в частности математики. Математика очаровывает меня все больше и больше. В сущности она больше, чем какая-либо иная область знания, может доставить чистое интеллектуальное наслаждение” (Там же. С. 504). На этой базе он создает обобщенную модель макроэкономической динамики, высоко ценит полученный результат и считает его открытием (Там же. С. 515). Он гордится тем, что “некоторые из моих научных построений, сделанных ранее, получают очень хорошее подтверждение и даже прямое признание” (Там же. С. 510).

Н.Д. Кондратьев заказывает и изучает в политизоляторе большой объем книг по философии, этике, литературе, искусству. Это порождает новые замыслы, которым не суждено было осуществиться: “Тянет временами к философствованию и даже к поэзии. Хотел бы когда-нибудь написать философию общественной и личной морали, действительно основанную на опыте, и в свете опыта рассмотреть карусель всемирной истории человечества. Мне кажется, что это была бы занятая и тема, и книга... И чем дальше, тем больше становится мне ясно, как мало можно передать средствами обыденного языка и какое громадное значение имеет искусство, искусство всякого рода, особенно музыка, и в какой мере источником всякого искусства служит невыразимость многих человеческих переживаний. Одним словом, кроме упомянутой книги, хотел бы я написать также цикл философских стихотворений” (Там же. С. 521).

О многогранности таланта ученого свидетельствуют хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (Фонд Н.Д. Кондратьева) документы: стихи и романс с нотами, посвященные жене; сказка в стихах и с рисунками “Необыкновенные приключения Шамми”, написанная в качестве подарка дочери.

Как истый интеллеktуал, Н.Д. Кондратьев всегда был устремлен в будущее: “Всю свою жизнь я жил будущим. Всю свою жизнь я пробивался сквозь столь густой частокол препятствий каждого данного настоящего дня, что невольно перемещал все внимание на будущее. Настоящее мне всегда казалось не подлинным. Подлинным казалось лишь будущее, когда частокол препятствий будет наконец пройден и можно будет все свои силы отдать подлинной увлекающей научной работе и все свое душевное внимание только тебе... Но как тяжело поэтому видеть, что притягивающее будущее подобно принцессе-грезе остается лишь грезой” (7. С. 518).

Однако ученый трезво оценивал то трагическое состояние, в котором он оказался: “Самое ужасное в жизни — это потеря времени, так как жизнь человеческая необычайно коротка и при бездеятельности бессмысленна. Тюрьма... приостановила мою научную работу, причем приостановила ее в самый критический и субъективно в самый инте-

ресный момент, так как идут годы и мои научные планы рассыпаются, как песок” (Там же. С. 501).

Несколько позднее он вновь возвращается к этой мрачной мысли. “Невыразимо устал от однообразия и неподвижности жизни, Человеческая жизнь вообще не имеет определенного объективного присущего ей смысла. Здесь просто бессмысленна. Над этим, вопреки желанию, приходится все больше и больше думать. Временами начинаешь даже сомневаться даже в значимости мысли” (Там же. С. 508).

Иногда вырывалось тоскливое: “Впрочем, я устал жить, точнее существовать. Устал думать, верить в кого-либо и во что-либо” (Там же. С. 521).

В июле 1936 г., уже тяжело больной, он пишет: “Я очень скоро устаю, продвигаюсь вперед очень медленно, вынужден много лежать. Однако психологически желание работать у меня есть, и даже большое. Помимо прочего, оно поддерживается в особенности крайним интересом и, на мой взгляд, значительностью полученных мною научных результатов, в чем с каждым днем я убеждаюсь все более и более” (Там же. С. 526).

Это — последнее письмо, в котором говорится о творческой работе. Далее последовала тяжелая болезнь, а за ней — 17 сентября 1938 г. — короткая судебная расправа и расстрел.

Такова трагическая судьба русского интеллигента высочайшей пробы, свойственная многим из “поколения талантов”. Но засеив их мыслей и высоких чувств не пропал втуне. Он дал обильные всходы в конце XX в., когда Россия, многострадальный ее народ вновь оказались в жернове исторического перелома. Их идеи подхватываются, их жизнь становится эталоном, образцом для подражания. Но пока лишь для немногих. Наш долг — сделать все, что в наших силах, чтобы богатство научных идей Н.Д. Кондратьева, его творческий и нравственный подвиг стали общим достоянием — как в России, так и за рубежом, были восприняты и подхвачены поколениями XXI в. В отличие от его друга, Питирима Сорокина, который смог продолжить свое творчество до 1968 г., издал множество книг и заложил основы нового мировоззрения, суть которого он сам обозначил как интегрализм, — Н.Д. Кондратьеву было отведено всего два десятилетия творческой жизни, из которых на свободе он провел и имел возможность публиковать свои труды всего около полутора десятка лет. Но даже за этот исторически кратчайший отрезок времени он сумел заложить основы нового витка экономической мысли, время утверждения и творчества которого приходит только в наступившем столетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возвращение Питирима Сорокина. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. М.: МФК-МОНФ, 2000.

2. *Яковец Ю.В.* Великие прозрения Питирима Сорокина и глобальные тенденции трансформации общества в XXI веке. М.: МФК, 1998.
3. *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988.
4. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.
5. *Горбунов С.В., Шутов Г.Н.* Узник “святого монастыря”. Иваново: “Талка”, 1994.
6. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991.
7. *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993.
8. *Митчелль У.* Экономические циклы. Проблема и ее постановка. М.-Л.: Госиздат, 1930.
9. *Schumpeter J.* Business Cycles. Vol. 1, 2. N.Y., 1939.
10. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII века. Т. 3. Время мира. М.: Про гресс, 1992.
11. *Mensch G.* Das technologische Patt: Innovationen ubervinden die Depression. Frankfurt-am-Main, Umschau Verlag, 1975.
12. *Яковец Ю.В.* Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. М.: Экономика, 1984.
13. *Яковец Ю.В.* Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм. М.: Экономика, 1988.
14. *Яковец Ю.В.* История цивилизаций. 2-е изд. М.: Владос, 1997.
15. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.
16. *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1, 2. М.: Наука, 1993.
17. *Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда, 1922.
18. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
19. *Яковец Ю.В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999.
20. *Харенберг Б.* Хроника человечества. М.: Большая энциклопедия, 1996.
21. *Богданов С.Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
22. *Яковец Ю.В.* Прогнозирование циклов и кризисов. М.: МФК, 2000.
23. *Сорокин Питирим.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
24. *Яковец Ю.В.* Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы. М.: МФК, 1992.
25. *Яковец Ю.В.* У истоков новой цивилизации. М.: Дело, 1993.
26. *Субетто А.И.* Системогенетика и теория циклов. СПб.- М., 1994. Ч. 1, 2.
27. *Yakovets Yu.* The Past and the Future of Civilizations. Leviston-Queenston-Lampeter: Edwin Mellen Press, 2000.
28. *Яковец Ю.В.* Циклы и кризисы XXI века: цивилизационный подход. М.: МФК, 1999.
29. *Яковец Ю.В.* Экономика России: перемены и перспективы. М.: 1996.

Яковец Ю.В.,
президент Международного института
Питирима Сорокина-Николая Кондратьева,
д.э.н., проф., академик РАЕН

ПЕРВАЯ КНИГА Н.Д. КОНДРАТЬЕВА О КОНЪЮНКТУРЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Когда мы обращаемся к мало известной или по тем или иным причинам забытой работе известного ученого, важно представлять ее в логике всего его наследия, а также в исторической перспективе развития соответствующего раздела науки. В этом отношении книга Н.Д. Кондратьева “Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны” весьма показательна. Изданная в 1922 г., а подготовленная в основных своих частях еще в 1921 г., она была первой работой выдающегося русского ученого по проблемам циклов и кризисов и экономической динамики в целом и первой работой, в которой он обращается к теме больших циклов конъюнктуры, принесшей ему мировую известность.

Эта работа имела большое значение для всей последующей научной деятельности Кондратьева: она не только обозначила важнейшую сферу его интересов на будущее, но и задала аналитические рамки и методологические принципы его будущих исследований. Она была этапной для Кондратьева и еще в одном отношении: обозначила его возвращение к научной деятельности после нескольких лет активного участия в политической жизни, явилась первым заметным результатом его работы в новом качестве — руководителя Конъюнктурного института, организованного в 1920 г. при Петровской сельскохозяйственной академии.

Сегодня, когда известны работы, написанные ученым позже, и более того, известен его грандиозный замысел по созданию теории экономической динамики, эта книга, непосредственно посвященная частной проблеме — одному конкретному циклу, воспринимается как начальный этап огромной научной работы. Мы знаем, что после этой книги тематика циклов становится для него главной, знаем, о каких циклах он будет писать в дальнейшем. Мы знаем также, что Кондратьеву предстоял очень короткий, но плодотворный период — с 1924 по 1928 г. — когда были написаны все работы по проблеме больших циклов¹.

В “Мировом хозяйстве” Кондратьев явным образом формулирует свою методологическую позицию. Так, на первой же странице он пишет о хозяйстве как о системе взаимоотношений и связей элементов и одновременно говорит о различных подходах к ее анализу — динами-

¹ Последняя опубликованная при жизни Н.Д. Кондратьева работа по проблеме больших циклов — “Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров” — вышла в свет в 1928 г. в сборнике “Вопросы конъюнктуры”.

ческой и статической точках зрения. Более того, теорию конъюнктуры (определение конъюнктуры будет дано позже в статье “К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры”, 1924 г.) он по существу отождествляет с теорией циклов (имеется в виду не теория деловых циклов, а теория циклических процессов в целом и ее разделы, посвященные циклам различного рода) и рассматривает теорию конъюнктуры как часть теории динамики. Далее, он утверждает, что динамическая теория как теория, устанавливающая закономерности изменения элементов хозяйственной жизни в их взаимосвязи, *в принципе возможна*¹, что ее практическая значимость и научная достоверность определена качеством прогноза, который может быть дан на ее основе². Уже несколько первых вводных страниц дают представление о том, что Кондратьев понимал под словом “теория” вообще и “теория динамики” в частности.

Непосредственно “Мировое хозяйство” посвящено анализу одного цикла — прерванного войной и завершившегося кризисом 1920–1921 гг., — выяснению его специфических и типичических черт. Но это тот случай, когда частное позволяет увидеть общее. Рассматривая этот цикл не изолированно, а с позиции долгосрочной динамики, Кондратьев, — в отличие от многих своих современников, сосредоточившихся главным образом на анализе кризиса 1920–1921 гг., — трактовал его как специфический, но тем не менее находящейся в общем ряду циклических колебаний, и в то же время — переломный момент в долгосрочной тенденции движения конъюнктуры. И это позволило Кондратьеву дать ответ на вопрос, который волновал в тот период практически всех — о перспективах капиталистического хозяйства.

Изменения, произошедшие в результате первой мировой войны в мировом хозяйстве, в социальной и политической сферах большинства европейских стран, были настолько значительны, что многие экономисты оказались перед трудно разрешимым вопросом: сохранятся ли прежние закономерности развития хозяйства и в частности регулярное чередование периодов высокой и низкой конъюнктуры или же кризис 1920–1921 гг. обозначает вступление капиталистической экономики в новую эру — эру разрушения. Этот вопрос, ответ на который сегодня кажется таким ясным, в тот период выражал общую неуверенность людей в будущем, ощущение надвигающихся катастроф. Дж.М. Кейнс в статье, опубликованной в газете “Санди таймс” в августе 1921 г.,

¹ Само по себе подобное утверждение вовсе не является очевидным. Вопрос о принципиальной возможности теории динамики как большая методологическая и философская проблема в этот период только осознавался учеными. Интересный взгляд на эту проблему можно найти, например, в: Northrop F.S.C. The impossibility of theoretical science of economic dynamics // Quarterly journal of economics. 1941. November.

² Утверждая это, Кондратьев неявно вступает в длившуюся несколько десятилетий дискуссии о критерии оценки теории и роли прогноза в определении ценности теории.

писал: “ Никто не знает на верное, находимся ли мы в нижней точке обода колеса истории, которое в свое время вынесет нас наверх, или мы оказались в начале длительного периода стагнации”¹.

Большой и специфический интерес к проблеме перспектив мирового хозяйства проявляли в России. В сложившейся после войны кризисной ситуации марксисты стремились увидеть знак надвигающегося краха капитализма, а следовательно и подтверждение своей теории. И основания для подобных надежд были. Не случайно, вопрос, поставленный Кейнсом, был в центре многих дискуссий, начавшихся тогда, когда Кондратьев работал над этой книгой, и продолжавшихся до начала Великой депрессии². Последняя, как известно, не только внесла серьезные коррективы в исследования циклов, но поставила вопрос о роли и задачах экономической науки, заставила отказаться от некоторых важных и воспринимаемых как незыблемые постулатов.

В России конец 20-х — начало 30-х годов также стал переломным периодом, который завершился фактически полной политизацией экономических исследований. Однако было бы неверно полагать, что в первой половине и середине 20-х годов исследования циклов и кризисов были подчинены политическому заказу — показать близкий крах капитализма. В этот период еще сохраняла силу традиция исследований циклов и кризисов, идущая прежде всего от М.И. Туган-Барановского и развиваемая в работах А.А. Исаева, П.Б. Струве, М.А. Бунятына, В.А. Мукосеева и др., а накопленный как русскими, так и зарубежными учеными опыт исследования этих проблем, развитие статистических методов анализа и собранный обширный фактический материал, позволяли придать этим исследованиям дополнительный импульс. Все это проявилось в работах не только самого Кондратьева, но и его современников, например, С.А. Первушина и С.А. Фалькнера. Более того, можно сказать, что в это время экономические исследования в России в целом и по проблемам циклов в особенности развивались во взаимодействии с исследованиями циклов на Западе; эти исследо-

¹ Keynes J.M. Can Germany pay the last reparation demands? // Keynes J.M. Collected writings. Vol. 17. P. 243.

² См., например, Фалькнер С.А. Стрoение и конъюнктура мирового хозяйства. М., 1921; Первушин С.А. Конъюнктура современного мирового хозяйства // Вестник статистики. 1921. № 5–8; Двойлацкий Ш. Накопление капитализма и империализм // Красная повь. 1921. № 1. Что касается работ, продолживших дискуссию начала 20-х годов, то их очень много. Следует заметить, что тема обычных циклов и кризисов оказалась переплетенной с тематикой больших циклов и обе — с проблемой перспектив капитализма. Кроме уже упомянутых работ можно назвать: Игнатьев М.В. Некоторые основные вопросы изучения конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1926. Кн. 2. вып. 1; Троцкий Л.Д. О кривой капиталистического развития // Вестник Социалистической академии. 1923. № 4; Первушин С.А. Конъюнктура современного мирового хозяйства. М., 1922; его же Основные вопросы теории и методологии хозяйственной конъюнктуры // Плановое хозяйство. 1926. № 12; Фалькнер С.А. Перелом в развитии мирового промышленного кризиса. М., 1923.

вания в течение нескольких первых десятилетий XX в. были одними из приоритетных в мировой науке¹.

Что касается вопроса, поставленного Кейнсом, то лучше всего ответить на него словами Кондратьева, заключающими работу о “Мировом хозяйстве”: “Таким образом, если верны эти выставленные и кратко мотивированные положения, то кризис 1920 года, рассматриваемый под углом зрения широких и общих перспектив движения мировых конъюнктур во времени, представляется не только определенным звеном малого цикла, но и чрезвычайно знаменательным этапом в смене конъюнктурных волн большого цикла. Он является исходным моментом для новой и своеобразной эпохи экономического развития и социальных отношений”². И чуть раньше он определил и характер этой новой эпохи как “вступление мирового хозяйства в понижательную фазу большого цикла”, характеризующуюся “сильными перепроизводствами и падением цен индустриальных товаров”³.

Работа “Мировое хозяйство” — исследование прежде всего конкретно-эмпирического характера, а не абстрактно-теоретического. Подобное утверждение может показаться противоречащим точке зрения самого Кондратьева о том, что в “Мировом хозяйстве” руководящее значение имеет именно теоретическая точка зрения исследования циклов⁴. Проблема, очевидно, в том, что понимать под теоретической точкой зрения. По мнению Кондратьева, — в этом отношении он следовал за У. Митчеллом — теория должна возникать из анализа фактических данных и содержать логическое объяснение наблюдаемых закономерностей, т.е. используя термин Шумпетера, представляет собой “объясняющую гипотезу”. Разумеется, подобная точка зрения не была единственно возможной, и более того, как видно из истории, она не была и господствующей. Очень многие экономисты понимали и

¹ То, что Кондратьев и его современники были хорошо знакомы и активно использовали достижения западных экономистов, легко видеть из имеющихся в их работах многочисленных ссылок. Более того, во многих западных работах по исследованию циклов, написанных в начале 30-х годов, мы находим ссылки не только на ставшие к тому времени классическими работы Туган-Барановского, но и на работы современников и коллег Кондратьева. Так, например, в очень хорошем дайджесте по исследованиям цикла, изданном в США в 1934 г. и предлагающем хронологическую и тематическую систематизацию исследований цикла с начала XVIII века и до начала 30-х годов XX века, можно найти ссылки на работы С. А. Первушина и Е. Е. Слуцкого (имеется в виду работа, посвященная случайным возмущениям, напечатанная в Вестнике конъюнктуры за 1927 г., издаваемым Конъюнктурным институтом под редакцией Н. Д. Кондратьева); а в известной книге А. Хансена о теории делового цикла — фамилию Л. М. Ковальской — сотрудницы Конъюнктурного института и соратника Н. Д. Кондратьева.

² Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда, 1922. С. 258.

³ Там же. С. 257.

⁴ Там же С. 3.

понимают под теорией логически строгую схему, базирующуюся на исходных гипотезах, касающихся поведения человека и установленных интроспективно.

Далее, Кондратьев, безусловно, считал проблему соотношения теоретического и эмпирического анализа вообще и применительно к проблеме динамики и циклов в частности важнейшей и далекой от решения проблемой современной науки. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что даже занимаясь конкретными вопросами, он всегда оставался в методологическом поле. Из “Мирового хозяйства” и последующих работ ясно, что Кондратьев считал теорию циклов (теорию конъюнктуры) частью теории экономической динамики; полагал, что теория экономической динамики предполагает установление закономерностей между элементами экономической системы в их изменении в реальном времени, а также что эти элементы характеризуются количественными показателями, и закономерности между ними проявляются прежде всего через статистические зависимости (отсюда внимание к количественным методам анализа).

В данной работе, а также в последующих, непосредственно посвященных большим циклам, Кондратьев стремился прежде всего очертить предмет анализа, т.е. определить, “какие элементы системы хозяйственной жизни должна иметь в виду теория динамики и какие из них она могла бы брать как показатели состояния и моментов конъюнктуры”¹. При этом его интересовала прежде всего фактическая картина динамики выбранных показателей, а не абстрактно-теоретическое моделирование циклического процесса. Опираясь на эту работу, можно предположить, — и последующие его работы это только подтверждают — что Кондратьев являлся сторонником не только индуктивно-эмпирического метода построения теории вообще и теории циклов в частности, но и плюралистического подхода к анализу причин циклических колебаний, предполагающего, что циклический процесс является результатом взаимодействия большого числа относительно самостоятельных факторов. Отсюда, разумеется, не следует, что Кондратьев не пытался сформулировать наиболее важные причинно-следственные зависимости в рамках циклического процесса — достаточно вспомнить его концепцию больших циклов и предложенный в ней механизм разворачивания цикла. При этом следует помнить, что он, согласно его многочисленным утверждениям, предлагал лишь гипотезу, которая позволяла объяснить статистически наблюдаемые факты.

Далее, исследование цикла Кондратьев относил к области теории экономической динамики, предмет которой он видел в процессах, происходящих в реальном времени. Отсюда его интерес к временным рядам показателей, характеризующим состояние и изменение элементов хозяйственной жизни. Наконец, теория, по мнению Кондратьева, должна содержать утверждения, которые могут быть статистически

¹ Кондратьев Н.Д. Мировое хозяйство ... С. 8.

проверены, а практическая значимость теории определена теми возможностями, которые она открывает для прогнозирования, причем прогноз понимается скорее как указание возможного направления развития, а не конкретных значений тех или иных переменных. Заметим, что именно о таком понимании прогноза он впоследствии писал в статьях “Проблема предвидения” и “План и предвидение” в связи с разработкой общих принципов построения народнохозяйственных планов¹.

Работы Кондратьева по проблемам цикла были написаны тогда, когда в экономической науке в целом и в исследованиях, посвященных циклу, в частности происходили важные процессы. Прежде всего, завершился этап, названный впоследствии Шумпетером периодом Маршалла. Имеется в виду формирование в философском отношении близкой логическому позитивизму неоклассической парадигмы, связанной с именами не только А. Маршалла, но и К. Викселля, И. Фишера, А. Пигу, Дж.Б. Кларка и других. Однако параллельно с утверждением неоклассической парадигмы развивались и ее критика. В конце XIX — начале XX в. в Европе утверждение неоклассики происходило в противостоянии прежде всего с исторической школой и этико-социальными течениями, и это противостояние отражало различия в методологических установках соответствующих теорий. Отсюда ясно, почему столь важным для всей истории экономической науки был спор между К. Менгером и Г. Шмоллером об основах экономической науки и принципах ее построения, а также попытки сформулировать методологические принципы общественной науки в целом и экономической в частности, предпринятые М. Вебером, Дж.Н. Кейнсом, Дж.Э. Кэрнсом. Неоклассика в данном контексте выступала как реализация принципов абстрактной дедуктивной науки в области экономики, историческая же школа отстаивала эмпирический, индуктивный принцип построения экономической науки. Иная ситуация сложилась в Америке. Большинство американских экономистов находились в тот период под влиянием философии прагматизма Дж. Дьюи, поэтому институционализм в лице Т. Веблена, У. Митчелла, Дж.М. Кларка и др. имел там гораздо более прочные позиции, чем неоклассика.

В столкновении позиций, имевшем место на рубеже веков, определялся, как мы сегодня понимаем, круг методологических вопросов, с которыми была обречена иметь дело экономическая наука на протяжении всего XX в. — объективности экономического знания, принципов построения теории и способов ее оценки, роли дедукции и индукции, нормативных и позитивных элементов, эмпирических данных и математических методов и т.д.

¹ Кондратьев Н.Д. План и предвидение (1927) // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989; Проблема предвидения (1926) // Кондратьев Н.Д. Избранные произведения. М.

Разумеется, методологические искания не могли не сказаться на исследованиях цикла, но важную роль в определении общего направления и характера этих исследований сыграли и другие обстоятельства: прежде всего бурное развитие статистических методов анализа экономических процессов, создание современной базы эмпирических исследований (в значительной степени благодаря появлению таких новых специализированных исследовательских центров, как созданное в 1920 г. Национальное бюро экономических исследований в США, несколько лет возглавляемое У. Митчеллом); постепенное формирование в обществе и в научной среде представлений о возможности и необходимости воздействия на циклический процесс; наконец, богатая история исследования цикла в прошлом.

К 20-м годам XX в. исследования цикла прошли длительную и непростую историю, в ходе которой изменялись понимание самого феномена цикла и кризиса, представления о движущих силах циклического процесса и влиянии цикла на социальные процессы и т.д.¹ В результате в 20-е годы эта область экономической науки представляла собой достаточно пеструю картину: множество различных, часто плохо согласующихся позиций, лишь отчасти поддающихся классификации. Наиболее остро обсуждаемой в тот период была проблема причины и движущей силы циклических колебаний. Однако уже сама формулировка проблемы вызывала споры: если ставится вопрос о движущей силе цикла, тем самым неявно предполагается существование единственной причины, т.е. утверждается монистический взгляд на природу циклических колебаний, в то же время существовал и другой подход — плюралистической, согласно которому цикл есть результат наложения различных сил, развивающихся отчасти самостоятельно, хотя и взаимосвязано. К сторонникам монистического подхода можно, хотя и с известными оговорками, отнести Дж. Гобсона, А. Шпитгофа, А. Афтальона, Р. Хоутри, К. Вискелля, Ф. Хайека, Й. Шумпетера, среди сторонников плюралистического подхода — Ж. Лескюр, Г. Кассель, М. Туган-Барановский, У. Митчелл, Ф. Тауссиг, Дж.В. Кларк и другие. Подчеркнем, что в данном случае мы не касаемся содержательной стороны — представлений о том, в чем те или иные исследователи видели главную причину цикла и как они представляли его механизм.

Вопрос о причинах циклических колебаний естественным образом становился принципом классификации теорий цикла. Согласно, например, классической классификации А. Хансена², в зависимости от ответа на этот вопрос все теории делятся на три группы.

Теории первой группы причину цикла видели в природе капиталистической экономики — ее институциональных особенностях и прежде всего системе распределения, и следовательно устранение циклических

¹ О этапах развития исследований цикла см., например, Fritz W.G. Contributions to business-cycle theory. Ann Arbor: Edwards Brothers, 1934.

² Hansen A. Business-cycle theory. Boston etc.: Ginn and company, 1927.

колебаний вообще и кризисов как их фазы в частности связывали с устранением этого института (сюда относятся, например, теории недопотребления), а также теории, которые видели причину цикла в технико-экономической специфике капиталистического производства — его ориентации на будущее, большом объеме основного капитала и длительности производственного процесса, т.е. во всем том, что предопределяет возможность нарушения структурного равновесия (между производством потребительских товаров и средств производства, сбережениями и спросом на средства производства и т.д.). В последней подгруппе можно выделить теории, связывающие отклонения с нововведениями и с изменениями в потребительском спросе. Вторую группу представляли теории, в которых в качестве основной причины цикла называлась специфика рыночного взаимодействия (имеется в виду принцип разделения труда, пространственная и временная протяженность рынка, взаимозависимость агентов рынка, ограниченность их прогностических возможностей и т.д.). Третья группа объединяла так называемые денежные теории — т.е. теории, в которых первостепенное значение придавалось тому обстоятельству, что в капиталистической экономике все процессы так или иначе связаны с деньгами, а потому изменения в денежной сфере способны изменить всю картину экономики, более того, сам цикл воспринимается прежде всего через колебание денежных показателей.

О важности денег как причины циклического процесса свидетельствует другая классификация — предложенная примерно в то же время Хайеком¹. Он предлагал различать теории в зависимости от того, связывается причина цикла с денежными или неденежными факторами, и выделял в группе денежных теорий, рассматривающие цикл сквозь призму колебаний общего уровня цен, и теории, в которых в центре внимания были относительные цены (соотношение между ценами потребительских и инвестиционных товаров), а среди неденежных теорий — теории, в которых в качестве причины кризиса назывался недостаток капитала, и теории, в которых главную роль играло потребление.

Разумеется, в разные периоды времени популярными оказывались различные теории. К 20-м годам утратили былую привлекательность теории, связывающие цикл с системой распределения, большее распространение получили теории, связывающие цикл с особенностями производственного процесса — высокой степенью околности, нововведениями, существованием денег. При этом практически никто из экономистов не придерживался какой-либо точки зрения в ее чистом виде — при объяснении цикла обычно в той или иной степени упоминались несколько факторов. Кроме того, экономисты часто оказывались единомышленниками по одним вопросам и противниками по другим.

¹ Hayek F. Monetary theory and the trade cycle. L. etc: The Alden press, 1933.

Все это многообразие теорий циклов определяло интеллектуальный поток, в который вливались идеи Кондратьева. В качестве причины циклических колебаний Кондратьев, как известно, называл изменения в объеме и качестве основного капитала, вызванные нововведениями; картину циклического процесса он выводил из взаимосвязанности отраслей и продолжительности периода производства и функционирования соответствующих элементов основного капитала, а также условий на рынке ссудного капитала. Последние зависели от институциональных факторов — распределения доходов, влияющего на динамику сбережений, и принципов деятельности банков. Таким образом, если признать возможность классификации теории больших циклов в соответствии с принципами, установленными для обычных деловых циклов, и если использовать классификацию Хансена, то концепция Кондратьева может быть отнесена, хотя и с оговорками, ко второй подгруппе первой группы теорий вместе с теориями Туган-Барановского, Шпитгофа, Шумпетера, Касселя. При этом следует учитывать, что Кондратьев использовал некоторые элементы денежных теорий, представленных в работах Жюгляра, Сиджуика, Гиффена, Хоутри, Веблена и др.

Очевидно, что многие проблемы, которые поднимались в связи с указанными теориями, в определенной степени имеют отношение и к концепции Кондратьева. Например, критика идеи свободного денежного капитала у Туган-Барановского и представления о процентной ставке как определяющем факторе верхней поворотной точки у Касселя могла быть отнесена в определенной степени и к Кондратьеву. Однако подобная критика не могла быть особенно важной для него. Дело в том, что свою основную задачу в области исследования цикла, по крайней мере на начальном периоде исследования — т.е. в 20-е годы, Кондратьев видел не в создании исчерпывающей теории, или модели, воспроизводящей механизм цикла, а в изучении фактического движения конъюнктур и в связи с этим в определении круга показателей, представляющих конъюнктуру, и наполнении их статистическим содержанием. И заслуга Кондратьева не столько в объяснении (заметим, весьма схематичном) того, как импульс, идущий от появления и внедрения принципиальных нововведений распространяется в экономике и приводит к возникновению кумулятивного процесса, какие обстоятельства вызывают остановку этого процесса и как формируются условия нового подъема (здесь он во многом повторяет Туган-Барановского, Касселя, Шпитгофа), сколько в формировании эмпирической базы, из которой проистекает и на которой основывается гипотеза больших циклов. Именно так он определял свою задачу в докладе о “Больших циклах”, и здесь нам опять приходится вернуться к методологическим дискуссиям.

Речь идет о споре между сторонниками теоретического и эмпирического подходов к проблеме цикла, в котором прямо или косвенно принимали участие практически все упоминавшиеся выше экономисты.

Как и в знаменитом споре о методе, лидерами сторонников теоретического подхода были представители австрийской школы — Мизес и Хайек, к ним в данном вопросе присоединялись Шумпетер, Дживонс, Виссель, А. Лёве, отчасти Маршалл. Место исторической школы заняли ученые, принадлежащие к различным направлениям, прежде всего американские институционалисты Митчелл¹ и Дж.М. Кларк, а также французский статистик К. Жюгляр, немецкий экономист Ф. Луц и др.

Эмпирический подход к анализу цикла, который отстаивал Кондратьев, был провозглашен Жюгляром еще в середине XIX в. Как отмечает Шумпетер, Жюгляр написал “великую книгу фактов” и высказал принципиальную идею (наряду с другими, например, о внутренней связи фаз цикла, выразившейся в знаменитом и многократно впоследствии повторяемом утверждении, что единственной причиной депрессии является процветание) о том, что интерпретация, т.е. теория, может быть только порождением фактов. Впоследствии Митчелл не только подтвердил эту позицию, но предложил расширить область рассмотрения, включив институциональные и психологические факторы (которые при ином подходе попадали в разряд прочих равных). Он также сформулировал тезис о принципиально волнообразном характере экономических процессов и тем самым сделал важный шаг в сторону реалистического экономического анализа и придания экономической теории динамического характера.

В работе “Экономический цикл” (1913 г.) Митчелл выступил против теории в классическом смысле слова — как логически строгой схемы, выведенной из нескольких базисных аксиом, полученных главным образом интроспективно, и претендующей на, пусть и схематическое, исчерпывающее отражение основных черт того или иного явления. При этом был поднят и еще один вопрос. Если признать правомерность построения теории на основе универсальных гипотез, то — поскольку последние относятся к поведению человека и не могут относиться ни к чему иному, встает вопрос о правомерности использования агрегированных статистических показателей. Поскольку в тот период статистические данные были исключительно данными об агрегированных показателях, возникала коллизия: либо статистическое наполнение, либо дедуктивная теория. И Митчелл сделал выбор в пользу эмпирики. Далее, он полагал, что только эмпирические исследования могут выявить сам объект исследования. Это не означало, что Митчелл в принципе отрицал теорию. “Теория экономических процессов сама по себе, — писал о позиции Митчелла Шумпетер, — должна оставаться теорией, но ей надлежит стать теорией, построенной на базе результатов тщательного осмысления реального поведения и — так как он не исключал в принципе ни интроспекции, ни психологической интерпре-

¹Juglar C. Des crises commerciales et de leur retour périodique. Paris, 2d ed., 1889.

тации, порожденной интроспекцией, — мотиваций”¹. Статистические данные, по мнению Митчелла, должны играть важную роль и при оценке теории.

Существовали и несколько иные аргументы против теоретического (дедуктивного) подхода к анализу цикла. Например, называлась неспособность теории объяснить многие важные факты и как следствие неизбежность прибегать к различного рода дополнительным экзогенным ограничениям и/или корректировать базисные положения фундаментальной теории — теории равновесия. Более того, очевидным аргументом в пользу эмпирического подхода и следовательно использования исторических данных являлось признание того, что колебания порождаются большим числом далеко не всегда окончательно установленных факторов.

Однако и у сторонников априоризма и дедуктивного подхода были свои аргументы. Так, немецкий экономист А. Лёве, не отрицая важности эмпирических исследований для иллюстрации теоретических построений или прогнозирования, указывал, что сами по себе расчеты и описания не способны существенно обогатить представления о причинах цикла и его неизбежности, более того, он полагал, что ожидания значительного продвижения в теории в результате расширения эмпирических исследований являются следствием ошибочных представлений о связи между теорией и эмпирическими исследованиями². В этом же ключе рассуждал и А. Пигу: “Отсутствие статистической корреляции между теми или иными изменениями и промышленными колебаниями само по себе не опровергает, а ее наличие не доказывает, что эти изменения являются причиной данных колебаний”³. Более того, по мнению “теоретиков” окончательное решение вопроса о важности того или иного феномена не может быть оставлено математическому и статистическому анализу. Основу анализа должно, по их мнению, составлять знание, полученное теоретическим путем⁴.

Заметный вклад в отстаивание дедуктивного подхода внес Хайек. Он писал, что статистика не может дать большего, нежели указание на проблему, и “истинное значение статистики состоит в том, чтобы снабжать нас достоверной информацией относительно событий, которые относятся к области теории, и тем самым давать нам возможность не только *aposteriori* связать два следующих один за другим события как причину и следствие, но понять, какие условия достаточны, чтобы можно было строить прогнозы, а следовательно, какие события воз-

¹Schumpeter J. Ten great economists from Marx to Keynes. L.: Routledge, 1997. P. 246.

²Löwe A. Wir ist konjunkturtheorie überhaupt möglich? // Weltwirtschaftliches Archiv. Oct. 1926.

³Pigou A. Industrial fluctuations. 2 nd. ed. L.: Macmillan, 1929. P. 37.

⁴Altschul E. Konjunkturtheorie und Konjunkturstatistik // Archiv für Sozialwissenschaft und sozialpolitik. Vol. 55. Tübingen, 1926. P. 85.

можно. И свою практическую значимость теория получает только через возможность прогнозирования”¹. Статистические исследования, по мнению Хайека, существенно зависят от существующего до их начала теоретического представления, и как следствие этого, их “практическая ценность зависит от надежности теоретической концепции, на которую они опираются”². Закономерно, что главную задачу в области исследования цикла Хайек видел в разработке хорошей теории, чем он и занимался в 20-е и 30-е годы.

В методологических спорах о том, какой должна быть теория цикла, обе стороны, говоря об абстрактной теории — одни уповая на нее, другие отказываясь от нее — имели в виду прежде всего теорию общего равновесия. И хотя сегодня мы ни в коей мере не можем сказать, что Хайек и австрийская школа в целом следовали в русле концепции равновесия Вальраса, в 20-е годы именно об этой теории говорил Хайек, когда отстаивал теоретический подход к анализу цикла³. С точки зрения Хайека, главная методологическая проблема при исследовании цикла заключалась в том, что, с одной стороны, теория равновесия в полной мере отвечала представлениям об истинной теории и была единственным теоретическим инструментом в арсенале экономистов, а с другой, — феномен цикла предполагает изменения, а следовательно требует динамического рассмотрения, которое остается за рамками теории равновесия. Из этой коллизии возможны два выхода: отказаться от принципов априорного построения теории, т.е. от попыток объяснения цикла на уровне “элементарных феноменов”, и уйти в область эмпирических исследований, допускающих и даже предполагающих изменения во времени; либо обратиться к “элементарным феноменам” и, оставаясь в рамках дедуктивного подхода, внести изменения в исходные предпосылки, причем в этом случае возникает вопрос о характере соответствующих модификаций. Ответом самого Хайека была денежная теория цикла, позволившая, как он полагал, сохранить верность дедуктивному принципу и в то же время благодаря особым свойствам денег придать теории динамическую составляющую. (Наличие в модели денег создает возможность изменения относительных цен, вызванных не изменениями в эффективности производства или сдвигами в потребительских предпочтениях, а действиями “денежных властей”, в результате чего возникает несоответствие между структурой производства и межвременными предпочтениями людей.)

¹ Hayek F. Monetary theory and trade cycle. P. 35–36.

² Hayek F. Monetary theory and trade cycle. P. 39.

³ Интересно отметить, что Кондратьев связывал статический подход именно с австрийской школой и более того, полагал, что с точки зрения понимания динамической природы экономических процессов дальше австрийцев продвинулись Маршалл и другие представители математического направления. (Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М.: Наука, 1991. С. 334–338). Сегодня подобная точка зрения вряд ли найдет поддержку среди большинства исследователей.

Иной способ выхода из указанной выше коллизии предложил Шумпетер¹. Как известно, он попытался заменить равновесную модель как основу экономической теории моделью эволюционной, предполагающей совершенно иной взгляд как на действующего экономического агента, так и на проблему динамики. Экономический агент у Шумпетера — предприниматель, постоянно “вбрасывающий” в экономику новое и тем самым изменяющий само положение равновесия. Таким образом определялся источник динамических изменений.

Эволюционная модель Шумпетера в принципе строится на обычных предпосылках оптимального поведения, с одной лишь разницей, что в процессе оптимизации изменяются не только переменные, но и параметры модели индивидуального поведения. И здесь мы вновь обращаемся к Кондратьеву.

В его работах 20-х годов динамика была синонимом изменения набора показателей во времени, а теория динамики начиналась там, где в изменяющемся многообразии можно выделить некие регулярные события; к последним он прежде всего относил обратимые процессы. Итак, в центре его внимания — набор показателей и их изменение в реальном времени; цикл — обратимый процесс и как таковой может быть выделен как предмет теоретического рассмотрения. Т.о. теория у Кондратьева рождается из эмпирического анализа, в котором время присутствует изначально. Вспомним, что под конъюнктурой каждого данного момента он понимал “направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом”². Что касается набора элементов, или показателей, то это были именно те показатели, которые традиционно представлены статистикой.

Таким образом, в книге “Мировое хозяйство”, и в других работах, посвященных циклам, Кондратьев предстает как сторонник и последователь Митчелла, решающий задачу статистического обоснования существования феномена больших циклов, и кроме того предлагающий некоторую объясняющую гипотезу. И на этом можно было бы поставить точку, если бы не его неоконченная книга “Основные проблемы экономической статики и динамики”³.

Методологической сверхзадачей этой последней работы было создание основ “социальной экономики” (заметим, не политэкономии, и не экономической теории в духе австрийской школы или неоклассики), изучающей общество и хозяйство в целом, и в методологическом отношении осуществляющей примирение теоретического и эмпиричес-

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. Гл. 2.

² Кондратьев Н.Д. К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 70.

³ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М.: Наука, 1991.

кого подходов. Это примирение связано, на мой взгляд, с принципиально “статистическим” подходом к обществу и хозяйству — понимаемых как совокупности большого числа людей, не обладающих совершенной информацией, и действия которых “более или менее разнообразны и относительно случайны”. Именно поэтому к отдельным элементам хозяйства применимо понятие вероятности, а к нему как целому — закон больших чисел. Этот подход изначально предполагает эмпирическую компоненту и одновременно не исключает теоретизирования на основе исходных гипотез. Не случайно, Кондратьев часто прибегает к аналогиям из естественных наук. Тот факт, что статистика изначально присутствует, облегчает задачу построения динамической теории, но то, что мы видим у Кондратьева — это еще не динамическая теория. Возможно, создание такой теории могло быть связано с рассмотрением взаимодействия рынков, множество субъектов которых не располагают полной информацией и потому действуют относительно случайным образом. В этом случае можно было бы говорить о цикле как о порождении случайных процессов¹. Но это — не более, чем догадки о логике создания Кондратьевым теории экономической динамики. Еще более интригующим представляется понятие “социально-экономической генетики”, о котором ничего не известно, кроме того, что так Кондратьев обозначал теорию, которая должна была стать, но, увы, не стала, завершающим этапом его исследования экономической динамики и развития. Началом этого пути и была работа “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны”, предлагаемая в настоящем издании.

Н.А. Макашева,
д.э.н., проф.

¹ Слуцкий Е.Е. Сложение случайных величин как источник циклических процессов // Вопросы конъюнктуры. 1927. Т. 3. Вып. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

Работы Н.Д. Кондратьева, изданные до 1990 г.¹

1. Взыскующие града // Изв. Арханг. о-ва изуч. Рус. Севера. 1912. № 5.
2. Литература и народ // Жизнь для всех. 1912. № 5.
3. Генрих Кунов о происхождении и развитии религии // Новые идеи в социологии. Спб., 1914.
4. Основные учения о законах развития общественной жизни // Новые идеи в экономике. Спб., 1914. С. 1–53.
5. Разложение в устно-коллективной поэзии // Историческое обозрение. Спб., 1914. Т. 19.
6. Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии: Соц.-экон. и фин. очерк. Кинешма: Изд. Кинешем. уезд. земства, 1915.
7. Теория истории А.С. Лапко-Данилевского: К 25-летию его науч.-лит. деятельности // Историческое обозрение, 1915. Т. 20.
8. О книге А.С. Лапко-Данилевского "Методология истории". Спб., 1910.
9. М.М. Ковалевский как учитель // Вестник Европы. Пг., 1916. Кн. 5.
10. Аграрный вопрос: о земле и земельных порядках. М.: Универсальная б-ка, 1917.
11. О крупнокрестьянских хозяйствах: Доклады Н.Д. Кондратьева и Н.П. Макарова и прения по ним. Пг., 1917.
12. Рост населения как фактор социально-экономического развития в учении М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917.
13. Продовольственный кризис и задача организации хозяйства // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1917. № 1.
14. Творческие задачи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1917. № 5–6.
15. Всероссийский продовольственный съезд в Москве 18–24 ноября 1917 г.: Стеногр. отчет. М.: Всероссийский Совет продовольственных съездов, 1918.
16. По пути к голоду // Большевики у власти: Соц.-полит. итоги Октябрьского переворота. М., 1918.
17. Основные вопросы промышленной деятельности сельско-хозяйственной кооперации // Вестник с.-х. кооперации. 1919. № 3–4.
18. Производство и сбыт масличных семян в связи с интересами крестьянского хозяйства. М., 1919.
19. К вопросу об изменении полеводства в крестьянском хозяйстве за период 1916–1920 годов // Сельское и лесное хоз-во. 1921. № 1–3.
20. К вопросу об исчислении чисел показателей // Изв. Нар. Комиссариата финансов. 1921. № 20.
21. Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. Вологда: Обл. отделение Гос. изд-ва, 1922.
22. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня, 1922.

¹ Из книги: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 502–507.

23. Изменения мирового и русского сельского хозяйства за время и после войны и основные задачи нашей сельскохозяйственной политики: Докл. 3-му Всеросс. агроп. съезду // Вестник сельского хозяйства. 1922. № 6-7.
24. Изменения мирового сельского хозяйства до и после войны // Сельское и лесное хоз-во. 1922. № 3-4.
25. К вопросу о стабилизации товарных цен // Экон. бюл. Конъюнктур. ин-та. 1922. № 4-5.
26. Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта. М.: Центросоюз, 1923.
27. М.И. Туган-Барановский: Биогр. справка. Пг.: Колос, 1923.
28. М.И. Туган-Барановский (Основные черты научного мировоззрения). Пг., 1923.
29. Мировая экономическая депрессия и рынок капиталов // Экон. бюл. Конъюктур. ин-та. 1923. № 1-2.
30. Мировой хлебный рынок // Экон. обозрение. 1923. № 11.
31. Относительное падение хлебных цен и его значение // Сельское и лесное хоз-во. 1923. Март-апрель. Кн. 8; Вестник сельского хозяйства. 1923. № 2; Экономическая жизнь. 1923. 4, 24 февраля.
32. Повышение товарных цен // Экономическая жизнь. 1923. № 217.
33. Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса: (Ответ нашим критикам) // Социалистическое хоз-во. 1923. № 4-5.
34. Сырьевая проблема // Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. № 4.
35. Условия образования и движения товарных цен в 1921-22 гг. // На новых путях: Итоги новой экон. политики. 1921-1922 гг. М., 1923. Вып. 1.
36. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // В соавторстве. М.: Новая деревня, 1924.
37. Перспективы развития сельского хозяйства СССР // Совместно с Н.П. Огановским. М.: Новая деревня, 1924. (13). № 4.
38. Выступление в прениях по докладу С.А. Первушина // Социалистическое хоз-во. 1924. Кн. 1.
39. Выставка Британской империи: (Наблюдения и впечатления) // Сельское и лесное хоз-во. 1924. Кн. 17.
40. Емкость деревенского рынка фабрикатов в 1923-24 году // Социалистическое хоз-во. 1924. Кн. 3.
41. К вопросу о влиянии уровня сельскохозяйственных товаров и его изменения на общую емкость рынка товаров индустриальной промышленности // Социалистическое хоз-во. 1924. Кн. 1.
42. К вопросу о понятиях экономической статистики, динамики и конъюнктуры // Социалистическое хоз-во. 1924. Кн. 2.
43. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1. Вып. 1.
44. Организация сельскохозяйственной статистики в С.А.С.Штатах: Доклад на 2-ой Всесоюзн. статист. конф. // Вестник статистики 1925. Кн. 22. № 7-9.
45. Организация содействия сельскому хозяйству в Соединенных Штатах Северной Америки // Пути сельского хоз-ва. 1925. № 1-2.
46. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства: Доклад на пленарном заседании президиума Госплана СССР 4-го июля 1925 г. // Пути сельского хоз-ва. 1925. № 4.
47. Повышение экономической конъюнктуры Соединенных Штатов Северной Америки (Письмо из Америки) // Финансовая газета. 1925. 20 января.
48. Проблема германского аграрного протекционизма // Экономическое обозрение. 1925. № 7.

49. Современное состояние народохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хоз-во. 1925. № 6.
50. К вопросу о больших циклах конъюнктуры // Плановое хоз-во. 1926. № 8.
51. К вопросу о законопроекте "Основных начал землепользования и землеустройства КЗП" // На аграрном фронте. 1926. № 9.
52. К вопросу о тенденциях и современной фазе развития мирового сельского хозяйства и сельскохозяйственного рынка // Пути сельского хоз-ва. 1926. № 4.
53. Основные вопросы плана сельского хозяйства (на 1928–1932/33 г.). Тр. Земляна. М.: Новая деревня, 1928. Вып. 12.
54. Мировое хозяйство. 1919–1925 гг.: Современное положение и основные тенденции развития: Доклады // Промэкономсовет ВСНХ СССР. М.Л.: ЦУП ВСНХ СССР, 1926.
55. Мировой рынок и проблема экспорта льна // Пути сельского хоз-ва. 1926. № 1 (7).
56. Натуральное накопление в крестьянском хозяйстве и развитии народного хозяйства // Финансы и народное хоз-во. 1926. № 7. 19 декабря.
57. Проблема предвидения // Вопросы конъюнктуры. 1926. Т. 2. Вып. 1.
58. Северо-Американские Соединенные Штаты: Индустриализация // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. М., 1926. Т. 41. Ч. 6.
59. Основные начала землепользования и землеустройства: Сб. статей, докладов и материалов. М.: Изд-во Ком. акад., 1927.
60. К вопросу о дифференциации деревни // Пути сельского хоз-ва. 1927. № 5.
61. К вопросу о проекте "Общих начал землепользования и землеустройства КЗП" // Основные начала землепользования и землеустройства: Сб. статей, докладов и материалов. М.: Изд-во Ком. акад., 1927.
62. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хоз-во. 1927. № 4.
63. План и предвидение: К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности // Пути сельского хоз-ва. 1927. № 2.
64. Эксперт сельскохозяйственных товаров СССР // Пути сельского хоз-ва. 1927. № 10 (28).
65. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Ин-те экономики // (Совместно с Опариным Д.И.) М., 1928.
66. Внешняя торговля и сельское хозяйство (В соавторстве) // К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Л.-М.: Гос. изд-во, 1928.
67. Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров (К вопросу о теории относительной динамики и конъюнктуры) // Вопросы конъюнктуры. 1928. Т. 4. Вып. 1.
68. Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1928.
69. Допрос свидетеля Кондратьева // Процесс контрреволюционной организации меньшевиков: (1 марта — 9 марта 1931 г.): Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М.: Сов. законодательство, 1931.
70. Проблема предвидения // Экономические и математические методы. 1988. Т. 24. Вып. 2.

71. Тезисы работы, посвященной законам экономической динамики капиталистического хозяйства // Экономические и математические методы. 1988. Т. 24. Вып. 2.
72. The Coniuncture Institute at Moscow // Quartely Journal of Economics. 1925. February. Vol. 39. N 2. P. 320–324.
73. The annals of Russia // Thorp W.L., Business annals / With an introd. chapt. By W.C. Mitchell and a foreword by E.F. Gay. N.Y.: NBER, 1926. P. 234–244 (в соавторстве с А.Л. Ванштейном и М.В. Игнатьевым).
74. The Static and the Dynamic View of Economics // Quarterly Journal of Economics. 1925. February. Vol. 39. N 2. P. 575–583 (пер. с русского).
75. Die Koniunkturforchung in Sowietrussland // Magazin der Wirtschaft. 1926. Dezember. N 49. S. 1631–1635 (в соавторстве с М.В. Игнатьевым).
76. Die langen Wellen der Koniunktur // Archiv fur Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. 1926. Bd. 56. Hft. 3. S. 573–603 (пер. с русского).
77. Das Problem der Prognose, in Sonderheit der Sozialwissenschaftlichen // Annalen der Betriebswirtschaft. 1927. N 1. S. 1864; N 2. S. 221–252 (перевод с русского).
78. Les conditions economique de la production: Union des Republicues Socialisters Sovietiques // Les questions agricoles au point de vue international: Documentation reunie a l'usage de la conference economique internationale de Geneve (mai 1927). Rome: Institut internationale dagriculture, 1927. P. 564–568.
79. Current Index Numbers. Russia // The Cost of Living in Foreign Countries. N.Y.: National Industrial Conference Board, 1927. P. 317–319, 380–381, 384–402.
80. The Moscow Institute for Economic Research and its Work // International Labour Review. 1928. Vol. 17. N 2.
81. L'organisation et l'activite de l'Institut des conjuncture economiques de Moscou // Revue Internationale du Travail. 1928. Fevrier. Vol. 17. N 2. P. 245–254.
82. Die Preisdynamik der industriellen und landwirtschaftlichen Waren (zum Problem der relativen Dynamik und Konjunktur) // Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1928. Bd. 60. S. 1–85 (сокр. пер. с русского).
83. The long waves in economic life / Translated by W.F. Stolper // Review of Economics and Statistics. 1935. November. Vol. 17. N 7. P. 105–115 (сокр. пер. с немецкого).
84. The long waves in econjmic life // Foundation for the study of cycles. 1944. Reprint N 8 (переиздание).
85. Das ondas largas de economia. Madrid, 1946. XVI. 123 p. (перевод с русского).
86. Die langen Wellen der Konjunktur // Die langen Wellen der Konjunktur: Beitrage zur Marxistischen Konjunktur- und Krisentheorie von Parvus, Karl Kautsky, Leo Trotzki, N.D. Kondratieff und Ernest Mandel. Berlin, 1972. S. 133–169 (переиздание).
87. Die Preisdynamik der industriellen und landwirtschaftlichen Waren (zum Problem der relativen Dynamik und Kojunktur) // Ibid. S. 171–255 (переиздание).
88. The long waves in economic life // Cycles. 1973. Vol. 24. N 11 (переиздание).
89. The long waves in economic life // Snyder M. The economic key to your investment survival. Darien, Conn, 1976 (переиздание).
90. The long waves in economic life // Lloyds Bank Review. 1978. July. N 129. P. 41–60 (переиздание).
91. The long waves in economic life (Translated by W.F. Stolper and M.L. Goldman) // Revienn. 1979. Spring. N 2. P. 519–562 (перевод с русского).
92. The Static and the Dynamic View of Economics // Cycles. 1982. August. Vol. 33. N 6. P. 176–178 (сокращенное переиздание).
93. The long wave cycle // Translated by G. Daniels. Introduction by J.M. Snyder. N.Y.: Richardson and Snyder, 1984 (перевод с русского).

**Работы под редакцией и с предисловием
Н.Д. Кондратьева¹**

94. Экономический бюллетень Конъюнктурного института: Ежемес. журн./Под ред. Н.Д. Кондратьева. М., 1922–1928.
95. Институт по изучению народнохозяйственных конъюнктур при Петровской сельскохозяйственной академии. Index Numbers товарных цен по московским рынкам за 1920–1922 гг.//Экономист. 1922. № 3.
96. Московский рынок//Экономист. 1922. № 4–5.
97. Мировое сельское хозяйство: Сб. стат.-экон. сведений за 1913–1920 гг. М.: Новая деревня, 1922.
98. Сельское хозяйство России в XX веке: Сб. стат.-экон. сведений за 1901–1922 гг. М.: Новая деревня, 1923.
99. Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время: (Опыт стат. исслед.) М.: Экономист, 1924.
100. Вопросы конъюнктуры. М.: Фин. изд-во НКФ СССР. 1925. Т. 1. Вып. 1.
101. Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового в 1924–1925 гг.: Сб. обзоров по важнейшим отраслям конъюнктуры народного хозяйства и мирового в 1924–1925 гг. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925.
102. Хлебные цены и хлебный рынок/Под ред. А.Л. Вайнштейна. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925. (Труды Конъюнктур. ин-та/Под общ. ред. Н.Д. Кондратьева).
103. Вопросы конъюнктуры. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926. Т. 2. Вып. 1.
104. Мировое хоз-во: Стат. сборник за 1913–1925 гг./Под ред. Н.Д. Кондратьева: предисл. М. Бронского. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926.
105. Народное хозяйство РСФСР в 1924–25 гг.: Сб. обзоров по важнейшим отраслям нар. хоз-ва РСФСР в 1924–25 гг. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926.
106. Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового в 1925–1926 гг.: Сб. обзоров стат. данных по важнейшим отраслям конъюнктуры нар. хоз-ва и мирового в 1925–26 гг. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1927.
107. Вопросы конъюнктуры. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1927. Т. 3. Вып. 1.
108. Крестьянские индексы: Сб. трудов Конъюнктур. ин-та. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1927.
109. Вопросы конъюнктуры. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1928. Т. 4.
110. Народное хозяйство СССР: (Курс лекций). М.: Финиздат НКФ СССР, 1928. Ч. 1–4.
111. Материалы по статистике конъюнктур. (Отдел составляется Конъюнктурным институтом НКФ)//Вестник финансов. 1928. № 4.
112. Шпринк В.Э. Библиографический указатель по вопросам хозяйственной конъюнктуры. М.: Новый агроном, 1928.
113. Вихляев П.А.//Очерки теоретической статистики. М., 1928.

¹ Составлено на основе: Н.Д. Кондратьев, Н.П. Марков, А.В. Чайнов, А.И. Челлинец. Указатель литературы/Сост. Т.Н. Камзолова, А.М. Непомнящая; отв. ред. В.П. Данилов. М.: ИНИОН АН СССР, 1988.

Библиографический указатель литературы, изданной в 1990–2001 гг.¹

1. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы на икономическата динамика. София: Университетско изд-во "Св. Климент Охридски", 1996.
2. *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. Вступ. статьи Л.И. Абалкина, Ю.В. Яковца; Отд-ние экономики АН СССР. М.: Экономика, 1993.
3. *Кондратьев Н.Д.* Михаил Иванович Туган-Барановский//Источники. М., 1992. Вып. 2. Фрагмент книги Н.Д. Кондратьева, изданной в 1923 г. в Петрограде в издательстве "Колос" в серии "Биографическая библиотека".
4. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предвар. эскиз//Подгот. В.В. Иванов, М.С. Ковалева; АН СССР. Ин-т социологии. Комис. по науч. наследию Н.Д. Кондратьева. М.: Наука, 1991.
5. *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение: Избр. произведения. В 2 кн./Сост. В.В. Симонов; послесл. В.В. Симонова, Н.К. Фигуровской; РАН. Ин-т экономики, Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева. М.: Наука, 1993. Кн.1–2.
6. *Кондратьев Н.Д.* План и предвидение: К вопр. о методах сост. перспект. планов развития нар. хоз-ва и сел. хоз-ва в частности//Вопросы экономики. 1992. № 3; № 4–6.
7. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы снижения цен и повышения покупательной силы валюты: Докл. на заседании Комис. цен Ин-та финансово-экон. исслед. Наркомата финансов СССР//Деньги и кредит. 1992. № 5.
8. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции/АН СССР. Ин-т экономики. М.: Наука, 1991.
9. *Кондратьев Н.Д.* Curriculum vitae Н.Д. Кондратьева: Ученого экономиста от 1924 г./Ист. арх. 1992. № 1.
10. *Кондратьев Н.Д.* The works of Nikolai D. Kondratiev//Transl. by Wilson S.S.; Ed. by Makasheva N. et. al. — L., 1998.
Vol.1 Economic Statics, Dynamics and conjuncture. — 258 p.
Vol. 2. Basic problems of Economic Statics and Dynamics. — 290s.
Vol. 3. Writings on agriculture. — 376s.
Vol. 4. Further Writings on Agriculture, Speeches, Letters. — 379s.
11. Kondratiev N.D. Les grands cycles de conjuncture. *Economica*, P.: 1992.
12. *Абалкин Л.И.* Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: К 110-летию со дня рождения//Вопросы экономики. 1992. № 10.
13. *Абалкин Л.И.* Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность//Современная экономика. М., 1992.
14. *Абалкин Л.И.* Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: Докл. на Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева//Ин-т экономики РАН. М., 1992.
15. *Авермов Р.* По повод на една конференция//Икон. мисъл. С., 1992. Г. 37, кн. 11–12//Оценка работ научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева (Москва — Санкт-Петербург, 17–21 марта 1992 г.) Текст доклада на конференции по теории длинных волн Н.Д. Кондратьева и ее историческому тексту.
16. *Алексеев В.Г.* Конъюнктурные циклы Кондратьева и законы товарного производства/Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Ниж. Новгород, 1992.

¹ Составители: Герасимов В.И., Фарбер Л.Е. Институт научной информации по общественным наукам РАН.

17. *Афанасьев В.Н.* Алгоритм социально-экономического развития: Россия на волнах истории // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5, Экономика. СПб., 1994. Вып. 3.
18. *Баранов А.Н., Чугунов Е.А.* Н.Д. Кондратьев о роли земства в развитии народного образования: (На материалах Кинешемского уезда Костромской губернии) // Исторические личности России. СПб., 1998.
19. *Белых А.А.* Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность // Вестн. С.-Петербург. ун-та, Сер. 5. Экономика. 1993. Вып. 4.
20. *Белянова Е., Коллев С.* Творческое наследие Н.Д. Кондратьева и современность // Мировая экономика и международные отношения. М., 1990. № 8.
21. *Благих И.А.* К 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева // Отечественная история. 1993. № 2.
22. *Благих И.А.* Николай Кондратьев – экономист, мыслитель, гражданин // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 2.
23. *Бокарев Ю.П.* Мир идей Н.Д. Кондратьева: [Ученый-экономист 1920-х гг.] // Отечественная история. 1995. № 3.
24. *Ван Дейн Я.* В какой фазе Кондратьевского цикла мы находимся? // Вопросы экономики. 1992. № 10.
25. *Вернадский В.И. и Кондратьев Н.Д.:* Великий синтез творческих наследий (Через цикличность к моделированию будущего): Сб. тез. и докл. научн. конф., посвященной 105-летию со дня рождения Николая Дмитриевича Кондратьева / С.-Петербург. гос. лесотехн. акад. и др.; под науч. ред. А.И. Субетто, Н.И. Бондаренко. СПб., 1997.
26. *Випокур С., Зотова О., Белых А.* Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность // Вопросы экономики. М., 1992. № 10.
27. Вклад российских экономистов в формирование и развитие теорий государственного регулирования экономики: Учеб.-метод. пособие / В.С. Дунаева, О.И. Маликова, Г.Н. Сорвина, С.Е. Хорзов; Науч. ред. Г.Н. Сорвина; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ М.: Изд-во РАГС, 1997.
28. *Волконский В.А.* О природе Кондратьевских "длинных волн" // Экономика и мат. методы. М., 1992. Т. 28. Вып. 2.
29. Взгляды М.И. Туган-Барановского, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юровского и современность: Сб. обзоров / Отв. ред. и сост. сб. Н.А. Макашева; АН СССР. ИНИОН. М., 1991.
30. *Горина А.П.* Влияние научного наследия Н.Д. Кондратьева на теорию и практику планирования и государственного регулирования // Вестн. Морд. ун-та. Саранск. 1999. № 1/2.
31. *Гусаров Ю.В.* Развитие теории и методологии Н.Д. Кондратьева в современных условиях. Тенденции и перспективы социокультурной динамики. М., 1999.
32. *Дмитриев Н.А.* Кондратьевские циклы в теории эволюционной экономики // Вестн. Костром. ун-та им. Некрасова. 2000. № 3.
33. *Добрынин В.* Проблемы развития сельского хозяйства в трудах Н.Д. Кондратьева // Международный с.-х. журнал. 1992. № 6.
34. *Добрынин В.А.* Кондратьев Н.Д. и Чаянов А.В. о решении аграрного вопроса в России: Лекция / Моск. с.-х. акад. им. К.А. Тимирязева. М.: Изд-во МСХА, 1994.
35. *Добрынин В.А.* Н.Д. Кондратьев и аграрный вопрос в нашей стране // Вестник с.-х. науки. 1992. № 1.
36. *Добрынин В.А.* Н.Д. Кондратьев о решении аграрного вопроса в России // Экономика с.-х. и перерабатывающих предприятий. 1992. № 9.
37. *Дубовский С.* Прогнозирование катастроф: (На примере циклов Н. Кондратьева) // ОНС: Обществ. науки и современность. М., 1993. № 5.

38. *Дубовский С.В.* Цикл Кондратьева как инновационно-экономический маятник с социальными последствиями // Экономика и мат. методы. М., 1994. Т. 30, вып. 1.
39. *Ефимкин А.П.* Дважды реабилитированные: Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский. М.: Финансы и статистика, 1991.
40. Иден Н.Д. Кондратьева и динамика общества на рубеже третьего тысячелетия: Материалы ко II Междунар. Кондратьевской конференции (Санкт-Петербург, 15–17 марта 1995 г.) // Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева и др.; Науч. ред. Яковец Ю.В. М., 1995.
41. Идеологическая интерпретация статьи Н.Д. Кондратьева “Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса: (Ответ нашим критикам)” // Соц. хоз-во. 1923. № 4–5.
42. Из истории экономической мысли России: (Очерки о творчестве А.И. Чупрова, М.И. Туган-Барановского., Н.Д. Кондратьева, Е.А. Преображенского, В.С. Немчинова) / Под ред. Климова Н.А., Ольсевича Ю.Я.; Ин-т экономики АН СССР. М., 1990.
43. Инновации и рынок // Вопросы изобретательства. 1992. № 5–6.
44. *Коганова Р.И.* “Всю свою жизнь я жил будущим.: К 100-летию Н.Д. Кондратьева // Достижения науки и техники АПК. 1992. № 6.
45. *Ковалева М.С.* Экономист Н.Д. Кондратьев как философ // Вестник с.-х. науки. М., 1992. № 3.
46. Кондратьевские чтения : Тез. докл. междунар. науч. конф. “Соврем. состояние, пробл. и перспективы развития рос. экономики, 27–28 марта / Иван. гос. энерг. ун-т; Редкол.: Нуждин В.Н. (председатель) и др. Иваново, 1996.
47. *Корицкий Э.Б., Васюков А.И., Нищцева Г.В.* Основные течения российской мысли в 20–30-е годы XX столетия: Очерки // Санкт-Петербург. ун-т экономики и финансов. — СПб., 1993. Ч. 2.
48. *Кульков В.М.* О цикличности социально-экономического развития: (Размышления вокруг Кондратьевских идей и соврем. реалий) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. 1992. № 6.
49. *Лобанов Е.Н.* Современное значение “волн” Н.Д. Кондратьева // Экономика и мат. методы. М., 1992. Т. 28. Вып. 2.
50. *Лукашевич И.* Развитие идей Н.Д. Кондратьева в теориях длинных волн нововведений // Вопросы экономики. 1992. № 3.
51. *Любимова Т.Г.* Трудовая мотивация работников в историческом контексте // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5, Экономика. 1993. Вып. 3.
52. *Маевский В.И.* О характере длинных волн // Вопросы экономики. 1992. № 10.
53. *Маевский В.И.* Эволюционная экономика и экономическая генетика // РАН. Ин-т экономики. М., 1995.
54. *Маевский В.И.* Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопросы экономики. 1994. № 5
55. *Маевский В.И.* Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика / РАН; Ин-т экономики; Международного фонд Кондратьева. М., 1994.
56. *Макашева Н.А.* Н.Д. Кондратьев и экономическая мысль первой четверти XX в.: Проблемы методологии // Экономика и мат. методы. 1992. Т. 28. Вып. 2.
57. *Модельски Д., Томпсон У.* Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика // Вопросы экономики. 1992. № 10.
58. *Моуги Р.* Развитие процесса длинноволновых колебаний // Вопросы экономики. 1992. № 10.
59. *Муханова Е.Б., Маневич В.Е., Чиркунова М.В.* Из истории экономической мысли: (Сборник). М. Знание, 1990.

60. На пути к постиндустриальной цивилизации: Материалы международной научной конференции "Идси Н.Д. Кондратьева и динамика о-ва на рубеже III тысячелетия (Санкт-Петербург, 15–17 марта 1995 г.) / Научн. ред. Яковец Ю.В. М.: МФК, ИЭ, 1996.
61. Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: Сб. материалов конференции // Отв. ред.: Комлев С.Л., Полегаев А.В.; АН СССР. Ин-т мировой экономики и международных отношений. 1991. Ч. 1–2.
62. *Никонов А.А.* Аграрные проблемы в трудах Н.Д. Кондратьева: К 100-летию со дня рождения // Вопросы экономики. М., 1992. № 10.
63. *Николов И.* Икономическата динамика на Н.Д. Кондратиев // Икон. мисъл. С., 1992. Г. 37, кп. 11–12. С. 119–121 // Вклад Н.Д. Кондратьева в развитие экономической науки — разработка динамической экономической теории, экономическая интерпретация использованных им терминов физики. Доклад на юбилейной конференции в Москве, посвященной 100-летию со дня рождения (Март 1992 г.).
64. *Осинов Ю.М.* Переходные кризисные процессы и их отражение в социально-экономической науке : (Доклад на международной конференции "Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность") // Вестн. Моск. ун-та. Сер.6. Экономика. М., 1992. № 5.
65. *Паикус Ю.В., Лукашевич И.В.* Кондратьевские волны и информационное общество // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер.5, Экономика. СПб., 1992. Вып. 2.
66. *Пешехонов В.А.* Н.Д. Кондратьев о проблемах развития сельского хозяйства и современная аграрная политика Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер.5, Экономика. СПб., 1993. Вып. 4.
67. *Покидченко М.Г.* Роль теории циклов Н. Кондратьева в формировании концепции хозяйственного механизма // Экономическая история : Теория и практика. М., 1992.
68. *Полегаев А.В., Савельева И.М.* Концепция длинных циклов и экономическая история // Экономическая история : Теория и практика. М., 1993.
69. *Полегаев А.В., Савельева И.М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма: (Опыт междисциплинар. исслед.) // РАН. Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 1993.
70. *Расин В.Н.* Некоторые современные вопросы теории больших циклов // Вестн. С.-петерб. ун-та. Сер.5, Экономика. СПб., 1992. Вып. 2.
71. *Растяпников В., Дерюгина И.* "Кондратьевские волны" в исследовании процесса экономического роста в агросфере // Вопросы статистики, 1997. № 11.
72. *Ремизова Н.* Кондратьевские циклы // Правила игры = Fair play. 1998. № 1.
73. *Румянцева С.Ю.* Движущие силы длинных волн. Проблемы развития методологии Н.Д. Кондратьева // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер.5, Экономика. 1998. Вып. 3.
74. *Рязанов В.Т., Лицукова Д.В.* II международная конференция // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер.5, Экономика. 1995. Вып. 4.
75. *Свиндлэнд Э.* Циклы занятости, рост и стабилизационные меры при изменении производственной структуры // Проблемы теории и практики управления. М., 1992. № 3.
76. *Семенкова Т.Г.* Николай Дмитриевич Кондратьев в истории русской экономической мысли // Тенденции и перспективы социокультурной динамики. М., 1999.
77. *Симонов В.В.* К 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева // Деньги и кредит. 1992. № 8.

78. *Симонов В.В.* Развитие отечественной экономики и творческое наследие Н.Д. Кондратьева: (К 100-летию со дня рождения) // Деньги и кредит. 1992. № 5.
79. *Симонов В., Фигуровска Н.* Аграрноэкономическата концепция на Н.Д. Кондратьев // Икон. мисъл. С., 1992. Г. 37, кн. 11–12.
80. *Симонов В., Фигуровская Н.* Аграрно-экономическая концепция Н.Д. Кондратьева // Вопросы экономики. М., 1992. № 3.
81. *Симонов В., Фигуровская Н.* Отечественная экономика конца 1910–1920-х годов в наследии Н.Д. Кондратьева. К 100-летию со дня рождения // Экономика и математические методы. 1992. Т. 28. Вып. 5/6.
82. *Симонов В., Фигуровская Н.* Экономика здравого смысла : Штрихи к портрету Н.Д. Кондратьева // Вестн. АН СССР. 1991. № 4. С. 46–58.
83. *Симонов В., Фигуровская Н.* Экономический прогресс России в трудах Н.Д. Кондратьева (к 100-летию со дня рождения) // Проблемы прогнозирования. 1992. Вып. 5.
84. *Смирнова Е.Е., Недзвецкая Н.П.* Современные кризисные процессы в социально-экономическом развитии : содержание, перспективы, последствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер.6, Экономика. 1992. № 5.
85. *Соколова Г.Н.* Н.Д. Кондратьев: эмпирическое обоснование закона соответствия производительных сил и производственных отношений // Социология. 2000. № 3.
86. Социокультурная динамика в период становления постиндустриального общества: закономерности, противоречия, приоритеты : Материалы к III Междунар. Кондратьевской конф., Кострома, 19–21 мая 1998 / Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева и др.; под ред. Яковца Ю.В. М., 1998.
87. *Тагаров Ж.Э.* Ритмы кяхтинской торговли XIX — начала XX вв. и большие циклы конъюнктуры Н.Д. Кондратьева // Историко-экономический научный журнал. 1998. № 5.
88. Теория предвидения и будущее России: Материалы V Кондратьевских чтений “Теория предвидения Н.Д. Кондратьева и сценарии развития рос. экономики на среднесроч. и долгосроч. перспективу”, Москва, 22 мая 1997 г. / Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева и др.; Под ред. Яковца Ю.В. М., 1997.
89. *Тимошина Н.Е.* Проблемы развития сельского хозяйства СССР в работах ученых-аграрников 20-х гг. (По материалам журнала “Известия ЦК КПСС”) // Политическая история России в отражении современной периодической печати: (Тез. докл. межвуз. нуч. конф.). Омск, 1991.
90. *Травин Д.Я.* Кондратьевские циклы и экономическая политика государства: анализ зарубежного опыта // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.5, Экономика. 1992. Вып. 3.
91. *Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Калугин С.М.* Цикличность экономического развития и большие волны Кондратьева // Территория и общество. Пермь, 1999.
92. *Умов В.И., Лапкин В.В.* Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. 1992. № 4.
93. *Устиян И.* Экономическая динамика в свете теории “Больших циклов” Н.Д. Кондратьева // Экономист. 1998. № 9.
94. *Федоренко А.* Идеи Н.Д. Кондратьева и современность // Проблемы теории практики управления. 1992. № 3.
95. *Федотов Ю.В.* Выделение технологически однородных периодов в моделях экономического роста на основе идей Н.Д. Кондратьева // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.5, Экономика. 1992. Вып. 2.

96. *Фузик В.И.* Кондратьевские циклы и развитие американской экономики (прошлое, настоящее, перспективы) / (Микроэкономические обоснования макроэкономической теории.) М., 1990.
97. *Хмелевский Н.Н.* Современные кризисные процессы в социально-экономическом развитии: содержание, перспективы, последствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер.6, Экономика. 1992. № 5.
98. *Широкопад Л.Д.* Н.Д. Кондратьев — слушатель Санкт-Петербургских общобразовательных курсов А.С. Черняева // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5, Экономика. 1992. Вып. 2.
99. *Широкопад Л.Д.* Н.Д. Кондратьев в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.5, Экономика. 1993. Вып. 4.
100. *Шишкин М.В.* Научные школы в отечественной экономической теории // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.5, Экономика. 1997. Вып. 3.
101. *Шургалова И.* Наследие Н.Д. Кондратьева и современность // Российский экономический журнал. 1992. № 7.
102. *Яковец Ю.В.* Предвидение будущего: парадигма цикличности. М., АНХ, 1992.
103. *Яковец Ю.В.* К новой структуре экономики России / Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др. М., 1993.
104. *Яковец Ю.В.* Научно-техническое прогнозирование // Экономист. 1992. № 5.
105. *Яковец Ю.В.* Становление постиндустриальной индустриализации: Доклад на междунар. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева / Акад. нар. хоз-ва. Ассоциация "Прогнозы и циклы". М., 1992.
106. *Яковец Ю.В.* Истоки и перспективы формирования постиндустриальной парадигмы обществоведения. Доклад на IV Кондратьевских чтениях. М., МФК, 1996.
107. *Яковец Ю.В.* Теория предвидения Н.Д. Кондратьева и методология долгосрочного макроструктурного прогнозирования. Доклад на V Кондратьевских чтениях. М., МФК, 1997.
108. *Яковец Ю.В.* Школа русского циклизма: истоки, этапы развития, перспективы: Доклад на XI междисциплинар. дискус. // Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ; Отд-ние исслед. циклов и прогнозирования РАЕН, Ассоц. "Прогнозы и циклы", Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева. М., 1998.
109. *Яковец Ю.В.* Теория циклов Н.Д. Кондратьева. — В кн.: Атлас временных вариаций природных, антропогенных и социальных процессов. М.: Научный мир, 1998.
110. *Яковец Ю.В.* Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. Российская политика, социология, экономика. Т.1. Lewiston-Queenston-Lampeter.: Edwin Mellen Press, 1999.
111. *Яковец Ю.В.* Наследие Н.Д. Кондратьева: взгляд из XXI века. М., МФК, 2001.
112. *Ямчук К.Т., Нохрина В.А., Гребенкина Э.П.* Из литературного наследия Н.Д. Кондратьева // Вестн. с.-х. науки. 1992. № 2.
113. *Barker D.K.* The K wave: Profiting from the cyclical booms and busts in the global economy — Burr Ridge (Ill): Irwin professional publ., 1995. XXI, 320 p.
114. *Barnett V.* A long wave goodbye: Kondrat'ev and the Conjunction Institute 1920—1928 // Europe — Asia studies. 1995. Vol. 47, N 3. P. 413—441.
115. *Business cycle analysis by means of economic surveys* // Ed. by K.H. Oppenlander, G. Poser. — Brookfield: Avebury, 1992.
116. *Conus M.-F.* Le debat sur les cycles longs dans la Russie des annees 20 // Rev. d'economie polit.. P., 1992. A. 102, N 6. P. 891—913. Рез. англ. // Теоретические дебаты экономистов России 1920-х гг. по поводу теории длинных волн

- Н.Д. Кондратьева. Краткое изложение основных положений и методологии теории.
117. *Dator J.* Trajectories: Return to long waves//Futures. — Guildford, 1999. Vol. 31, N 3/4. P. 361–372. Bibliogr.: P. 370–372//Обзор публикаций в данном журнале по поводу прогнозирования будущего: дискуссии о длинных волнах Кондратьева и роли нововведений.
 118. *Escudier J.-L.* Kondratieff et l'histoire economique francaise//Anales: economies, societes, civilisations. — P., 1993. A. 48. N 2. P. 359–383. Bibliogr.: P. 379–383//Распространение и исследование теории длинных волн Н.Д. Кондратьева во Франции. Анализ, интерпретация и вульгаризация теоретических концепций. Перевод трудов на французский язык.
 119. Foundations of long wave theory: Models and methodology//Ed. by F. Louca, J. Reinders, 1999. Cheltenham; Northampton: E. Elgar. publ., 1999. Vol. 1–2.
 120. *Freeman Chr., Louca Fr.* As time goes by: From the industrial revolutions to the information — Oxford; New York: Oxford univ. press, 2001. XV, 407 p.
 121. *Hedtke U.* Stalin oder Kondratieff: Endspiel oder Innovation? Кондратьев Н. Strittige Fragen der Weltwirtschaft und der Krise: (Antwort an unsere Kritiker)//Kondratieff N.; Dt. Ubers. von Kondratieff N. — B.: Dietz, 1990. 204 s.
 122. *Hughes J.W., Seneca J.J.* Regional economic long waves: Employment dynamics in the tri-state region. — New Brunswick (N.Y.): Center for urban policy research, 1996. IX, 356 p.
 123. *Kelly J.E.* Rethinking industrial relations: Mobilization, collectivism, and long waves. L.; N.Y.: Routledge, 1998. XIV, 177 p.
 124. *Lepage H.* La crise est finie (Eou presque!)//Politique intern. P., 1998. N 81. P. 129–143//Прогноз окончания кризиса и перехода мировой экономики к фазе подъема в начале XXI в. на основе теории больших циклов Кондратьева.
 125. Les mouvements de longue duree dans la pensee economique//Economies et soc. Ser. F, Developpement, croissance et progres. P., 1993. N 7/8. P. 3–425//Исторический анализ развития теории длинных волн в русской и западной экономической мысли. Вклад Н.Д. Кондратьева. Концепции больших циклов в теориях Вальраса, Парето, Шпиттоффа, Ван Гельдерена, Шумпетера. Специальный выпуск журнала, посвященный столетию со дня рождения Н.Д. Кондратьева.
 126. Long wave theory/Ed. by Chr. Freeman. — Cheltenham.; Brookfield: E.Elgar publ., 1996. XXXVI, 677 p.
 127. *Mandel E.* Long waves of capitalist development; A Marxist interpretation. 2-nd rev. ed. L.: Verso eds., 1995. 174 p.
 128. [Minisymposium: The rehabilitation of Kondratiev and of Kondratiev studies]//History of polit. economy. Durham, 1999. Vol. 31, N 1. P. 133–205//О жизни, деятельности и учении Н. Кондратьева, его значении для экономической истории, макроэкономики и статистики.
 129. *Modelski G., Thompson W.R.* Leading sectors and world powers: The coevolution of global polities and economics. — Columbia : Unuv. of South Carolina press, 1996. XV, 263 p.
 130. *Neumann M.* The rise and fall of the wealth of nations: Long waves in economics and international politics. — Cheltenham: Elgar publ., 1997. 171 p.
 131. New findings in long-waves research//Ed. by A. Kleinknecht, E. Mandel, I. Wallerstein. — N.Y.: St. Martin's press, 1992. XII, 348 p.
 132. *Norel Ph.* Cycles long Kondratiff et crises: Une approche epistemologique//Economies et soc. Ser. AF, Histoire quantitative de l'economie fr. P., 1991. T. 25, N 2. P. 159–197//Теория "длинных волн" Кондратьева. Значение для прак-

- тического исследования экономических колебаний и развития экономических циклов.
133. *Om-Ra-Zeti K.K.* World economic collapse. The last decade a. the global depression. KMT publ., 1994. 278 p.
 134. *Pavlova I.* Les theories de la cooperation et de la planification dans l'economie russe du debut du siecle//Issues: Cah, de recherches de la rev. "Economic et politique". P., 1992. N 42. P. 73-86. Bibliogr.: P. 85-86//Развитие теории кооперации, самоуправления и планирования в России в 1910-1930 гг. Роль плана и рынка при социализме, формы собственности и проблемы индивидуальной свободы. Анализ концепций В.А. Базарова, Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова и М.Л. Туган-Барановского.
 135. *Schmidt Ch.* Theirie des cycles: un eternel retour//Expansion. P., 1993. N 446. P. 102-103//Оценка значения теории длинных волн Н.Д. Кондратьева для развития современных теорий экономических циклов.
 136. *Stoken D.A.* The great cycle: Predicting and profiting from crowd behavior, the Kondratieff wave, and long-term cycles. — Chicago: Probus publ. co., 1993. VII, 212 p.
 137. *Tylecotte A.* Long wave in the world economy: The present crisis in historical perspective. L.; N.Y.: Routledge, 1993. XIV, 338 p.
 138. Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, А.В. Чаянов, А.И. Челинцев: Указатель лит.//Сост.: Камзолова Т.Н., Непомнящая А.М.; Отв. ред. Данилов В.П. М.: АН СССР ИНИОН, 1988.
 139. Николай Дмитриевич Кондратьев, 1892 — 1938: Указат. лит.//Сост. Камзолова Т.Н.; Отв. ред. Виноградов В.А.; РАН ИНИОН. М., 1992.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Амонн (Amonn) Альфред, 403, 431
Антошин А.Н., 598, 599
Анциферов П.М., 669
Афталион А. (Aftalion A.), 283, 322, 323, 404, 405, 412, 414, 432, 438, 450
Базаров В.А., 574
Берг Л., 318
Бернштейн-Коган С.В., 1
Берри А., 509
Блох Е., 527
Бобров С.П., 557
Боголепов М.И., 111, 161, 175, 177, 204, 274, 669
Богуславский С., 526
Борель Э., 525, 527
Борткевич В.И., 527
Брукс-Адамс, 563
Букшан Я.М., 98, 156, 307
Булгаков С.Н., 517
Бунятян М.А. 29, 412
Бутру Эмиль (Boutroux), 524, 529
Бухарин Н.И., 517, 524, 525
Бюро С.Х., 133
Вайнштейн А.Л., 401, 685
Вакс Б., 150
Васильев А.В., 525
Витгерс 110
Вирт М., 262, 282
Вишневский Н.М., 669
Вуд Дж. (Wood G.), 355, 442
Вульф Г., 526
Вундт В. (Wundt W.), 512, 514
Гебель В.Я., 530
Гекшер Э., 47, 55
Гельферих, 99, 323
Герчук Г.И., 669
Герчук Я.П., 401
Гессен С., 532
Гильдебранд Б., 563
Горев А.А., 669
Грегори Т. (Gregory T.), 174
Громан В., 186, 226, 227
Гувер, 261
Гуссерль Э. (Husserl), 529
Дай (Day E.), 194, 236, 477
Дарвин Дж., 532
Двойлацкий Ш. 739
Де Роберти Е.В., 546
Деманжон А., 98
Демонтон, 156
Дегикин В., 94
Джевонс У. (Jevons W.), 322, 349, 419, 555
Диль К., 110, 112
Доринг С. (Doring C.), 50, 51
Дюгем Э., 529
Дюркгейм Э., 526
Завадовский М.М., 526
Заурэбек А. (Sauerbeck A.), 349
Зигварт Хр. (Sigwart), 518, 521, 531, 534, 538
Зильберлинг Н. (Silberling N.), 349, 351
Зиммель Г. (Simmel G.), 510, 522
Зомбарт В. (Sombart W.), 28, 403, 412, 426, 436, 438, 440, 450, 490
Игнатъев М.В., 401, 402, 739
Ильин В., 562
Калинников И.А., 669
Кассель Густав (Cassel G.), 169, 291, 293, 404, 406, 412, 426, 429, 432, 451
Кассель Д., 110
Кассирер Э. (Cassirer), 524
Каутский К. (Kautsky K.), 451, 510, 528
Кауфман А.А., 520
Кафенгауз Л., 208, 209, 210
Каценеленбаум Э.С., 103, 157, 161, 205, 410
Кейнс Дж.М. (Keynes), 103, 254, 261, 275, 306, 312, 406,
Кертеш, 81
Кистяковский Б., 520
Клейнпетер Г., 514
Клоссовский А.В., 540
Ковалевский Л.М., 537
Ковальская Л.М., 498, 740
Кондорсэ, 563
Кондратьев Н.Д., 341, 401, 402, 403, 431, 451, 503, 509, 522, 530, 534, 576, 615, 625, 669, 737, 738, 740, 741, 742, 748, 749
Конт О. (Conte), 563
Костицын В., 526
Кржижановский Г.М., 669
Крукс В., 563
Лазаркевич Н.А., 79, 80, 81, 140
Лаппо-Данилевский А.С., 514, 515, 531
Лассаль Ф. (Lassale F.), 27
Лескюр Жан (Lescure J.), 266, 322, 328, 334
Либин И.К., 669
Лист Фр., 562
Лифман, 110

- Лосский Н.О., 518, 523
 Майерсон Э., 518, 519
 Майо-Смит, 442
 Майр Г., 526
 Мальтус, 563
 Мануилов А.А., 110
 Маршалл А. (Marchall A.) 47, 440, 452, 530, 748
 Маркс К. (Marx K.), 403, 406, 412, 528
 Маслов С.Л., 79
 Мах Э., 514
 Милль Дж. (Mill J.), 13, 408, 469, 514, 522, 534, 536
 Митчелл У. (Mitchell. W.), 326, 328, 404
 Михайлов Г.И., 669
 Монуар М., 557
 Мукосеев В., 322, 323, 340
 Николай-Он., 562
 Ностиц Г., 480
 Опарин Д.И., 341, 431, 451
 Осинский Н., 22, 29, 402, 500
 Оствальд В. (Ostwald W.), 22
 Павлович М.Н., 49
 Павловский Ю., 557
 Парето В. (Pareto V.), 522, 528
 Первушин С.А., 217, 223, 238, 264, 314, 317, 404, 739, 740
 Планк Макс Карл Эрнст Людвиг (Planck M.), 22, 527, 529, 532
 Прокопович С.Н., 48, 78
 Протопопов Д.Д., 319
 Пряжина О.Е., 401
 Пуанкаре А. (Poincare A.), 518, 522, 529, 535
 Пуансо Л., 530
 Райнов Т.И., 401, 509
 Резерфорд Э., 524
 Репке В. (Ropke W.), 27, 28, 404, 451
 Рикардо Д. (Ricardo D.), 409, 469, 563
 Рикерт Г., 268, 514, 520, 522
 Родбертус-Ягцов К. (Rodbertus-Jagetzow), 563
 Романовский Е., 527, 528
 Роэлс Х. (Roelse H.), 349
 Рыбников А.А., 78
 Сбеберг Т.Е., 524
 Семенов Е., 318
 Серебровский А.С., 526
 Силин Н.Д., 167
 Симиан Франсуа (Simiand F.), 438
 Слуцкий Е.Е., 401, 509, 740, 750
 Смолянский Г., 121
 Струве П., 14, 45, 562
 Струмилин С.Г., 670, 669
 Султан-Заде, 115, 186
 Тимирязев А., 526
 Тодд (Tood J.), 74
 Троцкий Л.Д. 739
 Туган-Барановский М.И., 110, 175, 214, 262, 283, 328, 334, 405, 411, 471, 556, 562, 740
 Умов Н.А., 527
 Уорд Л., 530
 Фалькнер С.А., 5121, 168, 179, 197, 210, 246, 263, 271, 309, 349, 739
 Фейербах Л., 510
 Фиип-Еногаевский А., 551, 52, 53, 56, 99, 118, 216, 262
 Филиппенко Ю.А., 526
 Фишер (Ficher I.), 406, 413, 426, 428
 Фишер (Ficher T.), 428
 Френкель Л.И., 524
 Хансен А. (Hansen A.), 349, 401, 420, 422, 740, 743
 Хвольсон В.О., 525
 Хвольсон О., 22, 23
 Холодковский Г.Н., 401
 Череванин Ф.А., 414
 Чернышев В.Р., 669
 Четвериков Н.С., 401, 509
 Чупров А.А., 268, 520, 526, 536, 538
 Шмоллер Г. (Schmoller G.), 438, 537
 Шпитгоф А. (Spiethoff A.), 380, 404, 410
 Шпринк В.Э., 401
 Штамлер Р., 518
 Штейн В., 331
 Шульце-Геверниц Г., 436
 Шумпетер (Schumpeter I.), 45, 404, 747, 749
 Э. дю Буа-Реймонта, 521
 Экспер Ф., 525, 527, 529
 Энгельс Ф., 510, 511
 Юргенс (Juergens C.), 349
 Adams T., 480
 Aeroboe F., 444, 469
 Altschul E. 747
 Andre, 261
 Babson R.W., 553
 Baker O., 444
 Baldwin Mr., 307
 Ballod K., 438
 Beckerath H., 410
 Belshaw H., 500, 501
 Bering M., 445
 Berridge W., 386
 Beveridge W.H., 560
 Boyle J., 420
 Braga T., 563
 Bresciani-Turoni C., 451
 Brezigar E., 328, 556

Brinkmann T., 445
 Brookmire I.H., 553
 Bybark J., 438
 Choisenard P, 526
 Clark, 530
 Compte A., 530
 Cournot A., 519
 Czuber Em., 538
 David E., 469, 471
 De Pietri-Tonelli A., 451
 Denis H., 426, 532, 548, 562
 Dietck B., 293
 Dodge F., 243
 Durkheim E., 403, 518, 536
 Eckel E., 478
 Efftters O., 47
 Enfield R., 402
 Engberg R., 414
 Esslen J., 283, 405, 443, 469
 Eulenburg Fr., 169, 432, 523, 534, 535
 Foster W.T., 551, 552
 Fresh F., 478
 Fromont L., 481
 Fritz W.G. 743
 Gantier J., 401
 Georges-Cahen M., 556
 Gibbons C., 444
 Gotte-Ottlienfelch F., 438
 Gray L., 601
 Grimanelli P., 523, 543
 Hall M., 444
 Hayrek F. 744, 748
 Hector Denis, 337
 Helf E., 325
 Henry L., 442
 Herines A., 401
 Hessen S., 520
 Hettinger M.I., 551, 552
 Hoffmann O., 168, 481
 Hooker R., 168
 Hutchins B., 480
 Jamba A., 438, 439
 Jevons H., 332, 478, 479
 Jones M., 477
 Juglar Cl., 214, 746
 Kammerer O., 439
 Karsten K., 411
 Kemper S., 440
 Kenna Mc., 307
 Kincer I.B., 551, 552
 King W., 436, 437, 442, 477
 Kitchin J., 338
 Knowles L., 436, 482
 Krebs P., 405
 Kuczynski R., 480
 Lacombe Ed., 552, 555
 Lavergne A., 442
 Layton W., 426, 451, 454
 Lederer E., 406, 413
 Lendru-Rollin A.A., 563
 Lesaure J., 451
 Leven M., 436
 Lexis W., 263, 443
 Lippincott, 445
 Littre E., 548
 Lowe A. 747
 March C., 444
 March L., 451
 Meisner M., 478, 483
 Mildschuh W., 430, 451
 Moore G., 450, 551, 552, 555
 Mulhall, 440, 442
 Nourse E., 402, 500, 502
 Ogburn W., 382
 Oldenberg K., 443
 Page W., 352, 355, 358, 362, 433, 435
 Paisha, 261
 Pareto V., 552, 528
 Parvus A. (Парвус А.), 445, 450
 Pearson F., 402, 489, 491, 500, 502
 Persons W.M., 401, 404, 551, 552, 557
 Pigou A., 404, 747
 Pohie L., 227
 Rosster W., 481
 Rumelin G., 525
 Sarle Ch.F., 414, 551, 552
 Sering M., 402, 414, 446
 Sheets E., 444
 Spann O., 444
 Spencer D., 444
 Stine O., 401, 420, 444
 Sunner H., 480
 Taussig F., 432, 440, 469
 Taylor A., 515
 Taylor H.C., 551, 552
 Thomson R., 378
 Tooke T., 282, 419
 Tyszka C., 442
 Veblen T., 406
 Vogel E., 403, 404, 406
 Wallace H., 414, 551, 552
 Warren C., 489
 Warren G., 402, 414, 491, 500, 502
 Wichsell K., 451, 453
 Wilcox R., 444
 Wilken F., 444
 Wolf S., 450
 Wundt W., 522, 534, 538
 Xenopol A.D., 530, 543
 Young E., 438

СОДЕРЖАНИЕ

Введение — Абалкин Л.И.	5
Часть 1. Большие циклы конъюнктуры	7
К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры	9
Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны	40
Предисловие	40
Введение	44
Глава I. Состояние и конъюнктуры мирового хозяйства во время войны 1914–1918 гг.	47
Глава II. Состояние и конъюнктуры мирового хозяйства после войны до мирового кризиса	123
Глава III. Мировой экономической кризис 1920–1921 гг., его характер и причины.	189
Глава IV. Современные конъюнктуры мирового хозяйства.	283
Глава V. Кризис 1920–1921 гг. в системе общего движения конъюнктур.	322
Большие циклы экономической конъюнктуры	341
Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров.	401
I. Предварительные замечания	401
II. К вопросу о понятии относительной динамики и конъюнктуры	402
III. Динамика и колебание абсолютного уровня цен сельскохозяйственных и промышленных товаров	418
IV. Динамика относительного уровня цен и его колебания.	462
V. Современное состояние конъюнктуры сельского хозяйства и промышленности	501
Модель экономической динамики капиталистического хозяйства	503
Часть 2. Теория предвидения и методология перспективного планирования	507
Проблема предвидения	509
План и предвидение.	567
Основные положения по разработке плана восстановления и развития сельского хозяйства.	615
Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства	625
Критические заметки о плане развития народного хозяйства.	669
Наследие Н.Д. Кондратьева: взгляд из XXI века (Ю.В. Яковец)	708
Первая книга Н.Д. Кондратьева о конъюнктуре и некоторые проблемы исследования экономического цикла (Н.А. Макашева)	737
Библиография	751
Именной указатель	764

К64 **Кондратьев Н.Д.**
Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения.
Избранные труды / Н.Д. Кондратьев; Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; Ред. колл.: Абалкин Л.И. (пред.) и др.; сост. Яковец Ю.В. — М.: ЗАО “Издательство “Экономика”, 2002. — 767 с.

ISBN 5-282-02181-1

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892-1938) — великий русский экономист XX в., получивший всемирное признание. В сборник научных трудов включены основные труды Н.Д. Кондратьева, посвященные двум проблемам: большим циклам конъюнктуры и теории предвидения и методологии перспективного планирования. Читатель найдет здесь книгу “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны”, не переиздававшуюся с 1922 г., в которой впервые сформулирована теория больших циклов конъюнктуры.

В статьях Л.И. Абалкина, Ю.В. Яковца, Н.А. Макашевой раскрывается значение наследия Н.Д. Кондратьева, величие подвига его жизни и творчества.

Книга представляет большую ценность для ученых-обществоведов и преподавателей, студентов и аспирантов, хозяйственных руководителей и государственных служащих.

УДК 338.1.0
ББК 65.011

Кондратьев Николай Дмитриевич

**БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ КОНЪЮНКТУРЫ
И ТЕОРИЯ ПРЕДВИДЕНИЯ**

Избранные труды

Зав. редакцией **Е.В. Поливектова**
Редакторы **И.М. Волкова, Н.Г. Самошина**
Художник **А.В. Пушкарный**
Компьютерная верстка **Т.В. Дмитриенко**

ИД № 03627 от 25.12.2000.

Подписано в печать с оригинал-макета 22.05.2002 г.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура “Peterburg”.
Печ. л. 48. Тираж 5000 экз. Заказ № 2033. Изд. № 7817

ЗАО “Издательство “Экономика”
121864, Москва, Бережковская наб., 6.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена “Знак Почета”
Смоленской областной типографии им. В.И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 528202181-1

